ДИН

КУНЦ

ДО РАЯ ПОДАТЬ РУКОЙ

ДИН
КУНЦ
До рая
подать рукой

Дин
КУНЦ

До рая подать рукой

•

Неведомые дороги

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2004

ДИН

КУНЦ

До рая подать рукой

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2004

УДК 820 (73)
ББК 84(7 США)
К 91

Dean R. KOONTZ
ONE DOOR AWAY FROOM HEAVEN
Copyright © 2001 by Dean R. Koontz

STRANGE HIGHWAYS
Copyright © 1995 by Dean R. Koontz

Составитель серии *А. Жикаренцев*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Художник *И. Жмайлова*

Кунц Д.

К 91 До рая подать рукой: Романы, повесть, рассказы / Пер. с англ. В. Вебера. — М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Изд-во Домино, 2004. — 1056 с. — (Шедевры мистики).

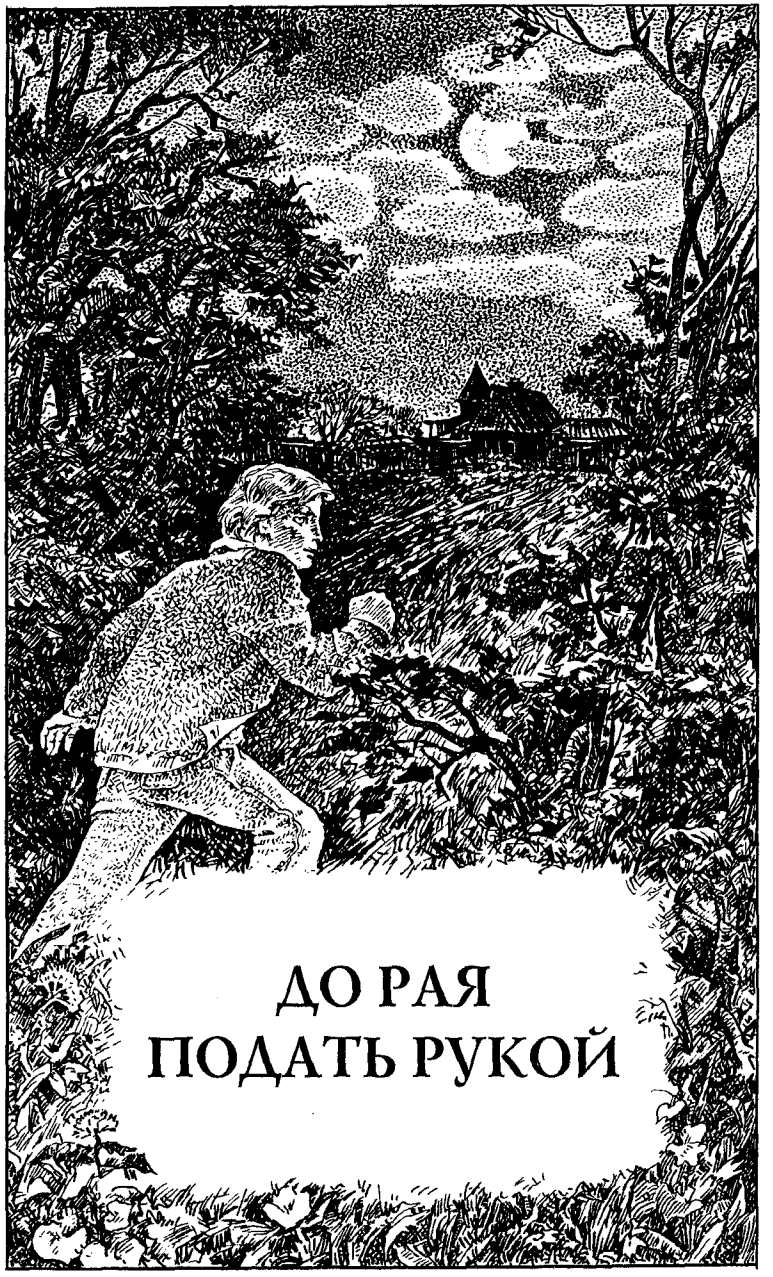
ISBN 5-699-06535-0

Спасаясь от преследующих его убийц, существо из иного мира попадает на Землю и волей обстоятельств принимает облик Кертиса Хэммонда, двенадцатилетнего сына фермера из Колорадо. Ему нужно пройти все круги ада, чтобы обрести новых друзей и убедиться в простой и великой истине: только надежда, которую мы дарим друг другу, выводит нас из тьмы к свету. Кроме основного романа, в книгу входит авторский сборник «Неведомые дороги», включающий одноименный роман и малые сочинения прославленного писателя.

УДК 820 (73)
ББК 84(7 США)

ISBN 5-699-06535-0

© **Перевод. В. Вебер, 2004**
© **Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2004**

ДО РАЯ ПОДАТЬ РУКОЙ

Эта книга посвящается Ирвину Эпплбауму, который поощрял мое стремление «поехать на поезде в те места, куда поезда не ходят», и, как издатель и как человек, вернул мне утерянную веру в издательскую индустрию, или бизнес, или причуду, или... уж не знаю, как это назвать, и Трейси Дивайн, моей редакторше, которая никогда не паниковала, если, уже опоздав к намеченному сроку, я вдруг просил еще время, чтобы в сороковой раз выправить рукопись. Ее редакторский глаз замечал малейшие недочеты, работа с ней, на любом этапе, приносила мне только радость...

Она наверняка подумает, что это посвящение слишком уж многословно и его следует сократить. Что ж, на этот раз я с ней не соглашусь.

Юмор — это эмоциональный хаос, вспоминаемый в спокойной обстановке.

Джеймс Тарбер

Смех сотрясает Вселенную, выворачивает и открывает ее душу.

Октавио Пас

Почему человек убивает? Чтобы есть. И не только чтобы есть: обычно не обходится без выпивки.

Вуди Аллен

А в итоге, все — гэг.

Чарли Чаплин

От безудержного смеха содрогаются небеса.

Гомер «Илиада»

Забавному лучше в чем-то быть грустным.

Джерри Льюис

До рая подать рукой,
Живем к нему на пути.
До рая подать рукой,
Но до него не дойти.
Открыть заветную дверь,
За нею блеснет луч.
До рая подать рукой,
Вот только утерян ключ.
До рая один только шаг,
Но плата за вход велика...

«Книга сосчитанных печалей».
Перевод Наталии Рейн

Глава 1

Мир полон порушенных судеб. Шины, гипс, чудодейственные снадобья и время не могут залечить разбитое сердце, помутившийся разум, загубленную душу.

На тот момент Микки Белсонг выбрала лекарством солнечный свет, благо в Южной Калифорнии в конце августа его хватало с лихвой.

Во вторник, во второй половине дня, надев бикини и густо смазавшись кремом от загара, Микки улеглась на шезлонг на заднем дворике тети Дженевы. Нейлоновая обивка изрядно выгорела. Когда-то зеленая, а теперь цветом напоминавшая блевотину, она провисла под тяжестью Микки. Алюминиевые соединения натужно скрипели, словно шезлонг возрастом мог дать фору двадцативосьмилетней Микки, пусть и чувствовала она себя глубокой старухой.

Ее тетя, которую судьба лишила всего, за исключением чувства юмора, называла дворик исключительно «садом». Ее правоту подтверждал розовый куст.

Участок шириной превосходил глубину, давая возможность поставить передвижной дом* длинной стороной к улице. От

* Передвижной дом (трейлер) — хорошо оборудованный дом, который перевозится на автомобильном прицепе. Закон о строительстве передвижных домов определяет их как «конструкцию, предназначенную для постоянного проживания». Выделение мест для установки таких домов контролируется местными властями, которые разрешают размещать их только на территории так называемых «трейлерных городков». Обычно их сдают внаем малоимущим.

последней его отделяла не лужайка с деревьями, а навес, затенявший входную дверь. Зато за трейлером полоса травы тянулась от одного края участка до другого, двенадцать футов зелени между задней дверью и изгородью. Трава прекрасно себя чувствовала, потому что тетя Дженева регулярно поливала ее водой из шланга.

А вот розовый куст реагировал на заботливый уход самым извращенным образом. Несмотря на солнце, воду и удобрения, несмотря на регулярную аэрацию корней и периодические опрыскивания научно обоснованными дозами инсектицидов, куст оставался чахлым и увядшим, словно рос в сатанинских садах ада, где его поливали ядом и подкармливали чистой серой.

Лицом к солнцу, закрыв глаза, пытаясь очистить голову от всех мыслей, однако не в силах изгнать бередящие душу воспоминания, Микки поджаривалась уже с полчаса, когда услышала нежный девичий голосок: «Ты самоубийца?»

Повернув голову на голос, она увидела девочку лет девяти или десяти, стоявшую у покосившегося забора из штакетника, который отделял один участок с передвижным домом от соседнего. Солнечный блеск скрывал лицо ребенка.

— Рак кожи убивает,— объяснила девочка.

— Дефицит витамина D тоже.

— Это вряд ли.

— Кости становятся мягкими.

— Рахит. Я знаю. Но витамин D содержится в тунце, яйцах и молочных продуктах. Все лучше, чем ультрафиолетовые лучи.

Вновь закрыв глаза и обратив лицо к пышущим смертью небесам, Микки ответила:

— Знаешь, я и не собираюсь жить вечно.

— Почему?

— Может, ты не заметила, но никто столько не живет.

— А я, возможно, буду.

— Это как же?

— Чуть-чуть инопланетной ДНК.

— Да, конечно. Ты чуть-чуть инопланетянка.

— Еще нет. Сначала мне надо войти с ними в контакт.

Микки вновь открыла глаза и, щурясь, уставилась на фанатку НЛО.

— Мне бы только дотянуть до моего следующего дня рождения, а потом путь открыт.— Девочка двинулась вдоль забора, к тому месту, где один его пролет полностью лег на землю. Перебралась через штакетины и направилась к Микки.— Ты веришь в жизнь после смерти?

— Я не уверена, что верю в жизнь перед смертью,— ответила Микки.

— Я сразу поняла, что ты — самоубийца.

— Я не самоубийца. Просто острю.

Даже по траве девочка шла неуклюже.

— Мы арендуем соседний трейлер. Только что въехали. Меня зовут Лайлани.

Когда девочка приблизилась, Микки увидела, что на ее левой ноге поблескивает металлом сложный ортопедический аппарат, от щиколотки до нижней трети бедра.

— У тебя гавайское имя? — спросила Микки.

— Моя мать малость ку-ку насчет всего гавайского.

Лайлани была в шортах цвета хаки. В правой ноге Микки не заметила ничего необычного, зато левая, в металле и подложках, показалась ей деформированной.

— По правде говоря,— продолжила девочка,— Синсемилла, это моя мать... вообще немного чокнутая.

— Синсемилла? Это же...

— Сорт марихуаны. Может, в юрском периоде ее звали Синди, Сью или Барбара, но с тех пор, как я ее знаю, она — Синсемилла.— Лайлани уселась на отвратительный оранжево-синий парусиновый стул, такой же древний, как блевотно-зеленый шезлонг Микки.— Этой садовой мебели давно пора на помойку.

— Кто-то отдал ее тете Дженеве за так.

— Им следовало приплатить за то, что она ее взяла. Так или иначе, Синсемиллу как-то раз отправили в психушку и прострелили ей мозги то ли пятьюдесятью, то ли сотней тысяч вольт, но это не помогло.

— Негоже тебе так говорить о собственной матери.

Лайлани пожала плечами:

— Это правда. Я бы не смогла такого придумать. Более того, ей прострелили мозги несколько раз. Наверное, если бы они сделали еще одну попытку, у Синсемиллы развилось бы привыкание к электричеству. Но даже теперь она по десять раз за день

сует пальцы в розетку. Она из тех, кто стремится к чему-то привыкнуть, но человек хороший.

И хотя небо по-прежнему напоминало раскаленную духовку, хотя тело Микки блестело от пота и пахнущего кокосом крема от загара, она вдруг напрочь забыла про солнце.

— Сколько тебе лет, девочка?

— Девять. Но я не по летам развитая. Как тебя зовут?

— Микки.

— Это имя для мальчика или мышонка. Наверное, тебя зовут Мишель. Большинство женщин твоего возраста зовут Мишель, Хитер или Кортни.

— Моего возраста?

— Я не хотела тебя обидеть.

— Я — Мичелина.

Лайлани наморщила носик.

— Это круто.

— Мичелина Белсонг*.

— Неудивительно, что у тебя возникли суицидальные мысли.

— Отсюда... Микки.

— Я — Клонк.

— Ты кто?

— Лайлани Клонк.

Микки склонила голову набок, скептически нахмурилась:

— Не уверена, что мне следует верить хоть одному твоему слову.

— Иногда в именах — судьба. Взгляни на себя. Сладкозвучные имя и фамилия, сложена, как модель... если не считать всего этого пота и припухшего с похмелья лица.

— Спасибо тебе.

— С другой стороны — я... у меня только красивое имя, за которым следует нечто бессмысленное, вроде Клонка. Я красивая наполовину.

— Ты вся очень красивая,— заверила Микки девочку.

И не погрешила против истины. Золотистые волосы. Глаза синие, как лепестки горечавки. А чистота линий лица Лайлани обещала, что ее красота не исчезнет вместе с детством, а останется навсегда.

---

* Белсонг (Bellsong) — дословно: колокольная песнь.

— Одна моя половина,— признала Лайлани,— может с годами расцвести, но этот факт уравновешен тем, что я — мутант.

— Ты не мутант.

Девочка топнула левой ногой оземь, на что ортопедический аппарат ответил слабым дребезжанием. Подняла левую руку, доказывая правоту своих слов: мизинец и четвертый палец срослись вместе, а со средним, шишковатым обрубком, их соединяла перепонка.

Ранее Микки не заметила этого дефекта развития.

— У каждого есть свои недостатки,— попыталась она успокоить девочку.

— Это тебе не большой шнобель. Я — или мутант, или калека, а калекой я быть не желаю. Люди жалеют калек, а вот мутантов они боятся.

— Ты хочешь, чтобы люди тебя боялись?

— Страх предполагает уважение.

— Знаешь, по моей шкале страха ты пока высоко не поднялась.

— Дай мне время. У тебя потрясающее тело.

— Да, пожалуй, от природы я — большой пудинг,— в смущении ответила Микки: от ребенка ей такого слышать не доводилось.— Мне приходится много работать, чтобы поддерживать форму.

— Нет, не приходится. Ты родилась идеалом, а обмен веществ у тебя настроен, как гироскоп космического корабля. Ты можешь съесть полкоровы и выпить полбочки пива, но твоя талия не изменится ни на миллиметр.

Микки не могла вспомнить, когда в последний раз реплика собеседника лишала ее дара речи, но тут она не сразу смогла продолжить разговор.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю,— заверила ее Лайлани.— Ты не бегаешь, не делаешь зарядку...

— Я хожу в тренажерный зал.

— Да? И когда ты заглядывала туда в последний раз?

— Вчера,— солгала Микки.

— Да, да,— покивала Лайлани.— А я всю ночь протанцевала,— она снова топнула левой ногой, вызвав дребезжание железа.— Если у человека отменный обмен веществ, стыдиться тут нечего. Это не лень или что-то в подобном роде.

— Спасибо за добрые слова.

— И буфера у тебя настоящие, не так ли?

— Девочка, с тобой не соскучишься.

— Приятно слышать. Наверняка настоящие. Даже лучшие имплантаты не выглядят так естественно. Если только имплантационные технологии не выйдут на качественно новый уровень, моя единственная надежда — отрастить красивые буфера. Можно быть мутанткой и все равно привлекать мужчин, если у тебя красивые буфера. Я это заметила. Мужчины, конечно, милые существа, но в некоторых аспектах они абсолютно предсказуемы.

— Тебе девять лет, так?

— Я родилась двадцать восьмого февраля. В нынешнем году это среда, с которой начинается Великий пост. Ты веришь в посты и покаяние?

— Давай сэкономим время, и ты расскажешь, во что я верю,— со вздохом и смешком предложила Микки.

— С верой у тебя не очень,— без запинки ответила Лайлани.— Как бы поразвлечься да протянуть день — вот, пожалуй, и все.

Опять Микки лишилась дара речи. Не потому, что ребенок читал ее душу, словно открытую книгу, но услышав правду, высказанную в лоб, тогда как сама она давно уже всеми силами старалась избежать этой правды.

— В развлечениях нет ничего плохого,— заверила ее Лайлани.— Если хочешь знать, я твердо верю, что мы здесь для того, чтобы наслаждаться жизнью.— Она покачала головой.— Фантастика. Мужчины, должно быть, липнут к тебе, как мухи.

— Уже нет.— Микки удивилась не столько тому, что сумела ответить, сколько своей честности.

Правый уголок рта девочки искривился в улыбке, синие глаза весело блеснули.

— Так у тебя не возникло желания видеть во мне мутанта?

— Что?

— Пока ты думаешь обо мне как об увечном ребенке, жалость требует от тебя вежливости. С другой стороны, увидев во мне таинственного и, возможно, опасного мутанта, ты посоветуешь мне не совать нос в чужие дела и прогонишь со двора.

— Ты все больше и больше становишься похожей на мутанта.

Лайлани радостно хлопнула в ладоши.

— Я знала, что у тебя возникнут такие мысли.— С заминкой она поднялась со стула и указала на другую сторону двора: — А это что такое?

— Розовый куст.

— Нет, правда:

— Правда. Это розовый куст.

— Роз нет.

— Еще могут появиться.

— Да и листочков практически тоже.

— Зато много шипов,— отметила Микки.

Лайлани вскинула подбородок.

— Готова спорить, по ночам он выдергивает корни из земли и бродит по округе, пожирая бездомных кошек.

— Запирай на ночь дверь.

— У нас нет кошки.— Лайлани моргнула.— О,— улыбнулась,— дельная мысль.— Она изогнула правую руку, изображая лапу, поскребла воздух, зашипела, как разъяренная кошка.

— Что ты подразумевала, сказав «а потом путь открыт»?

— И когда я это сказала? — полюбопытствовала Лайлани.

— Ты сказала, что тебе надо только дотянуть до следующего дня рождения, а потом путь открыт.

— А, это насчет контакта с инопланетянами.

И хотя на вопрос Микки девочка так и не ответила, она повернулась и прихрамывая двинулась через лужайку к забору.

Микки приподнялась с шезлонга.

— Лайлани?

— Я много чего говорю. Не все что-нибудь да значит.— У пролома в заборе девочка остановилась, оглянулась.— Скажи, Мичелина Белсонг, я спрашивала, веришь ли ты в жизнь после смерти?

— И я сострила.

— Да, теперь вспомнила.

— Слушай... а ты? — спросила Микки.

— Что я?

— Ты веришь в жизнь после смерти?

Такой серьезности во взгляде девочки Микки еще не видела.

— Мне лучше верить.

Она осторожно перебралась через штакетины, пересекла выжженный солнцем дворик соседнего участка, поскрипывания и потрескивания ее ортопедического аппарата растворились в стрекоте трудолюбивых насекомых, наполнявшем горячий, сухой воздух.

Уже после того, как девочка зашла в соседний трейлер, Микки села и, наклонившись вперед, долго смотрела на дверь, за которой исчезла Лайлани.

Красивая, умная и дерзкая, впрочем, последним, конечно же, маскировалась ранимость души. И хотя воспоминания об их встрече вызывали у Микки улыбку, откуда-то взялась и не уходила тревога. Что-то скрывалось за их разговором, что-то очень важное, но разгадка этой тайны никак не давалась Микки.

Густая жара августовского солнца обволакивала молодую женщину. Ей казалось, что она лежит в горячей ванне.

Запах свежескошенной травы, будоражащий атрибут лета, наполнял застывший воздух.

Издалека доносился успокаивающий гул нескончаемого потока машин, мчащихся по автостраде. Не такой уж и неприятный, где-то даже напоминающий мерный шум морского прибоя.

Ей бы задремать, расслабиться, но голова у нее работала, как часы, а тело свело от напряжения, которое не могло снять жаркое солнце.

И хотя все это вроде бы не имело отношения к Лайлани Клонк, Микки вспомнила, что сказала тетя Дженева прошлым вечером, после обеда...

«Измениться не так-то легко, Микки. Изменить жизнь — значит изменить образ мыслей. Изменить образ мыслей — значит изменить свои представления о жизни. Это трудно, сладенькая. Когда мы — творцы собственной нищеты, мы как-то привыкаем к ней, даже когда нам хочется все изменить. Нищета — это то, что нам знакомо. Мы с ней сроднились, она нам удобна».

К своему удивлению, сидя за столиком на маленькой кухне напротив Дженевы, Микки заплакала. Не зарыдала, нет. Просто по щекам покатились горячие слезы. Тарелка с домашней лазаньей расплылась перед глазами. Вилка продолжала двигаться под этот молчаливый соленый шторм, а Микки отчаянно не желала признавать того, что с ней произошло.

Она не плакала с детства. Думала, что уже выше слез, переросла и жалость к себе, и сострадание к другим. Насупив брови, злясь на себя за то, что дала слабину, она упорно продолжала есть, пусть горло так перехватило от эмоций, что каждый глоток давался с трудом.

Дженева знала стоический характер племянницы, однако слезы Микки ее не удивили. Сидела молча, понимая, что слов утешения от нее не ждут.

Когда взгляд Микки прояснился, а тарелка опустела, ей удалось выдавить из себя: «Я смогу сделать то, что должна. Смогу попасть, куда хочу, какими бы усилиями мне это ни далось».

Дженева добавила только одну мысль, прежде чем изменить тему разговора: «Это правда, что иногда... не часто, конечно, но все-таки случается... твоя жизнь может измениться к лучшему в мгновение ока, как по мановению волшебной палочки. Происходит что-то важное, кто-то особенный появляется на твоем пути, тебя словно осеняет свыше, и открывшаяся истина разворачивает тебя в нужном направлении, изменив твою жизнь раз и навсегда. Девочка, я бы отдала все, что у меня есть, лишь бы такое случилось с тобой».

Микки ответила без запинки, чтобы остановить новые слезы: «Это так мило, тетя Джен, но за всем, что у тебя есть, не захочется и нагибаться».

Дженева рассмеялась, перегнулась через стол, нежно похлопала Микки по левой руке: «Это правда, сладенькая. Но все-таки у тебя нет и половины того, что есть у меня».

И вот теперь, днем позже, под жарким солнцем, из головы Микки не выходила мысль о мгновенной перемене в ее жизни, которую пожелала ей Дженева. Она не верила ни в чудеса, ни в ангелов-хранителей, ни в глас Господний, открывающий ей истину, ни даже в теорию вероятностей, которая могла презентовать ей выигрышный лотерейный билет.

Однако чувствовала, что внутри началось какое-то странное шевеление, словно ее сердце и разум начали разворачиваться к новой отметке на компасе.

— Просто несварение желудка,— пробормотала Микки, насмехаясь над собой, зная, что она — все та же безвольная, поте-

рявшая жизненные ориентиры женщина, которая неделей раньше приехала к Дженеве в «шевроле-камаро» модели 1981 года, кашляющем, словно болеющая пневмонией лошадь, с двумя чемоданами одежды и прошлым, висевшим на ней, как цепи.

Тому, кто заблудился в жизни, никогда не удастся быстро и не прилагая усилий выйти на правильную дорогу. И сколько бы тетя Дженева ни рассуждала о волшебном мгновении трансформации, не произошло ничего такого, что могло бы развернуть Микки в нужном направлении.

Тем не менее по причинам, которые она сама не могла понять, все слагаемые этого дня: яркий солнечный свет, жара, гул далекой автострады, запахи свежескошенной травы и перемешавшегося с потом кокосового масла, три желтые бабочки, яркие, как ленты на коробке с подарком,— вдруг обрели пока еще таинственный смысл и значительность.

Глава 2

Слабые и редкие порывы ветерка шевелят густую луговую траву. В этот поздний час, в этом странном месте мальчик без труда представляет себе страшных чудовищ, бесшумно скользящих в море серебрящейся в лунном свете травы, поблескивающей за деревьями.

Лес, в котором он прячется, ночью запретная для него территория, как, возможно, и днем. Последний час он провел в компании страха, пробираясь по извилистым тропкам в густом подлеске, под сомкнутыми кронами деревьев, которые лишь изредка позволяли ему увидеть ночное небо.

Хищники, путешествующие по лесным хайвеям, проложенным над головой, возможно, выслеживают его, грациозно перепрыгивая с ветки на ветку, бесшумные и безжалостные, как холодные звезды, под которыми они охотятся. А может, без предупреждения что-то огромное, клыкастое и голодное вот-вот выскочит из земли у его ног, чтобы перекусить пополам или проглотить целиком.

Живое воображение, всегда бывшее его спасением, в эту ночь оборачивается проклятием.

Впереди, за последними деревьями, ждет луг. Слишком уж яркий под толстой луной. Обманчиво мирный.

Он подозревает, что там затаилась смерть. Он сомневается, что сумеет пересечь луг живым.

Привалившись к иссеченному ветрами и дождями валуну, мальчик мечтает о том, чтобы рядом оказалась его мать. Но никогда больше не быть ей рядом с ним.

Часом раньше он стал свидетелем ее убийства.

Яркие, острые воспоминания этого кошмара могут свести с ума. Ради выживания он должен забыть, хотя бы на какое-то время, и ужас случившегося, и невыносимую боль утраты.

Сжавшись в комок, окруженный враждебной ночью, он слышит издаваемые им самим жалобные звуки. Мать всегда говорила ему, что он — храбрый мальчик, а храбрые мальчики не пасуют перед свалившейся на них бедой.

В стремлении доказать, что мать не напрасно гордилась им, он изо всех сил старается вернуть контроль над собой. Потом, если он выживет, у него будет целая жизнь, в которой хватит места и душевной боли, и оплакиванию потери, и одиночеству.

Наконец он находит силы не в воспоминаниях о ее убийстве, не в жажде мести или восстановления справедливости, но в ее любви, стойкости, решительности, о которых ему никогда не забыть. Рыдания затихают.

Тишина.

Темнота леса.

И луг, ждущий под луной.

Над головой угрожающе шепчутся кроны. Может, это всего лишь ветерок, нашедший открытое окно на чердаке леса.

По правде говоря, диких зверей он боится куда меньше, чем убийц матери.

Он не сомневается, что они по-прежнему преследуют его.

Вроде бы им давно следовало его поймать. К счастью, эта территория им незнакома, как, впрочем, и ему.

А возможно, душа матери оберегает его.

Но, будь она с ним в эту ночь, пусть и невидимая, он бы не смог положиться на нее. Он сам себе хранитель и может надеяться только на свои ум и храбрость.

А потому скорее на луг, без задержки, навстречу неизвестным, но, безусловно, бесчисленным опасностям. Густой запах травы смешивается с более тонким запахом жирной плодородной почвы.

Луг расположен на склоне, понижающемся к западу. Земля мягкая, трава легко приминается. Оглядываясь назад, даже под бледной лампой-луной мальчик хорошо видит оставленный им след.

Но выбора у него нет — только вперед.

Если бы все это ему снилось, если бы он сумел убедить себя, что спит и этот ландшафт кажется ему странным именно потому, что существует только в его сознании, а значит, сколь долго и сколь быстро он бы ни бежал, до цели он никогда не доберется, но будет бежать и бежать то по залитому лунным светом лугу, то через укутанный темнотой лес.

Он и впрямь не знал, куда бежит. Ни в этом лесу, ни на этом лугу он никогда не бывал, цивилизация могла находиться на расстоянии вытянутой руки, но, скорее всего, удалялась от него с каждым шагом, а путь он держал в места, куда не ступала нога человека.

Периферийным зрением он то и дело замечал какое-то движение: преследователи обходили его с флангов. Но всякий раз, поворачивая голову, видел только колышущуюся под ветром траву. Однако эти призраки пугали его, у него перехватывало дыхание, в нем росло убеждение, что живым до леса по другую сторону луга ему не добраться.

Но даже мысль о выживании вызывала в нем жгучее чувство вины. Он не имел права жить, когда все остальные члены его семьи покинули этот мир.

Смерть матери терзала его сильнее других убийств, частично потому, что он видел, как ее убивали. Он слышал крики остальных, но когда нашел их, они уже умерли, а их истерзанные останки ничем не напоминали людей, которых он любил.

Лунный свет сменился темнотой. Луг остался позади. Небо вновь скрыли ветви деревьев.

Попирая теорию вероятностей, он по-прежнему жил.

Но ему только десять, у него нет ни семьи, ни друзей, он в незнакомом краю, одинокий и испуганный.

Глава 3

Ной Фаррел сидел в своем «шеви», занимаясь чужими делами, когда лобовое стекло взорвалось, разлетевшись на мириады осколков.

Он спокойно лакомился пирожным с кремом, выстилающим стенки артерий еще одним слоем жира, и вдруг недоеденное пирожное разом стало несъедобным из-за усеявшей его стеклянной крошки.

А едва Ной отбросил пирожное, второй удар монтировкой разнес переднее боковое стекло, со стороны пассажирского сиденья.

Распахнув дверцу, он пулей выскочил из автомобиля и, глянув через крышу, увидел человека-гору, с выбритым черепом и кольцом в носу. «Шеви» стоял на открытом пространстве между двумя массивными терминалиями, и, хотя не прятался в тени деревьев, от ближайшего уличного фонаря его отделяли шестьдесят или восемьдесят футов. Однако и лампочки в кабине вполне хватило, чтобы Ной смог разглядеть вандала. Тот улыбнулся и подмигнул.

Движение слева привлекло внимание Ноя. В нескольких футах от него другой эксперт по уничтожению автомобилей, взмахнув кувалдой, обрушил ее на переднюю фару.

Этот накачанный стероидами джентльмен прибыл на работу в кроссовках, розовых спортивных штанах, черной футболке и кожаной жилетке. На весах его массивная лобная кость, скорее всего, потянула бы на те же пять фунтов, что и кувалда, с которой джентльмен управлялся, как с пушинкой, а его верхняя губа длиной соперничала с конским хвостом.

Когда в фаре не осталось ни пластика, ни стекла, этот орангутанг в человеческом обличье хватил кувалдой по капоту.

Одновременно парень с полированным черепом и декорированной ноздрей врезал загнутым концом монтировки по заднему стеклу со стороны пассажира. Возможно, ему не понравилось собственное отражение.

Шум стоял адский. У Ноя и так болела голова, поэтому он многое отдал бы за тишину и пару таблеток аспирина.

— Попрошу меня извинить,— сказал он Тору подвалов, вновь вознесшему кувалду над капотом, и всунулся в кабину, чтобы достать ключ из замка зажигания.

Потому что ключ от дома находился на том же кольце. Очень ему не хотелось по возвращении обнаружить, что эти бегемоты устроили в его бунгало небольшую вечеринку.

На пассажирском сиденье лежала цифровая фотокамера, запечатлевшая, как неверный муж подходит к дому на другой

стороне улицы, в дверях которого его радостно встречает любовница. Ной не сомневался, что, потянись он к камере, его руку разнесли бы так же, как ветровое стекло.

Сунув ключи в карман, он зашагал прочь, мимо скромных домиков, отделенных от проезжей части аккуратно подстриженными лужайками, ухоженными клумбами и застывшими в недвижном теплом воздухе деревьями, посеребренными лунным светом.

За его спиной кувалда ритмично опускалась на корпус «шеви».

Ей аккомпанировала монтировка, разбирающаяся с оставшимися стеклами.

Конечно, сцены из «Заводного апельсина» разыгрывались на улицах респектабельного пригорода Анахайма, родины Диснейленда, далеко не каждый день. Однако, запуганные телевизионными выпусками новостей, жители проявляли больше осторожности, чем любопытства. Ни один не вышел из дома, чтобы посмотреть, с чего такой шум.

И в освещенных окнах домов, мимо которых проходил Ной, он насчитал лишь несколько озадаченных и встревоженных лиц. Микки, Минни, Дональда или Гуфи среди них не просматривалось.

Обернувшись, он заметил «линкольн-навигатор», отваливший от тротуара. В кабине, несомненно, сидели сообщники парочки, создающей из его автомобиля произведение современного искусства. Оглядываясь каждые десять или двенадцать шагов, он видел, что «линкольн» движется следом с той же скоростью, что и он, не приближаясь и не удаляясь.

Прошагав полтора квартала, Ной прибыл на одну из больших торговых улиц. Большинство магазинов уже закрылось: все-таки будний день, вторник, да и на часах двадцать минут десятого.

Избиение «шеви» продолжалось, но расстояние и деревья заметно приглушили громыхающую какофонию.

Когда Ной остановился на перекрестке, «навигатор», державшийся на полквартала позади, повторил его маневр. Шоферу хотелось знать, в какую сторону направит Ной свои стопы.

На пояснице, под гавайской рубашкой, Ной держал револьвер. Он не думал, что при выполнении этого задания ему понадобится оружие. Однако не собирался перековывать его на орало.

Повернул Ной направо и, миновав еще полтора квартала, прибыл к таверне.

Конечно, аспирина ему бы там не предложили, но наверняка могли снабдить бутылкой ледяного «Дос Экиса».

Когда речь шла о поправке здоровья, он обычно соглашался на лекарство, которое оказывалось под рукой.

Длинный бар тянулся по правую руку от двери. По центру стояли восемь деревянных столиков, на каждом горела свечка в подсвечнике из янтарного стекла.

Большая половина высоких стульев у стойки и стульев за столиками пустовала. Несколько мужчин и одна женщина сидели в ковбойских шляпах, создавая впечатление, будто шутники-инопланетяне похитили их и переместили во времени и пространстве*.

Бетонный пол, под цвет красного рубина, после Рождества если и мыли, то пару раз, сквозь запах забродившего пива пробивался душок дезинфицирующего средства. Ной решил, что тараканы, если они и водились в этом заведении, маленькие, а потому он сможет с ними справиться.

По левую руку от двери находились кабинки с деревянными стенками и сиденьями, обтянутыми красным кожзаменителем. В основном они пустовали. Ной устроился в самой дальней.

Заказал пиво у официантки, которая, должно быть, вшила себя в синие джинсы и красную клетчатую рубашку. А если ее груди не были настоящими, стране грозил серьезный дефицит силикона.

— Стакан нужен? — спросила она.

— Бутылка, наверное, гигиеничнее.

— Безусловно,— согласилась девица и направилась к бару.

Пока Алан Джексон** шевелил воздух меланхоличной притчей об одиночестве, Ной выудил из бумажника карточку автомобильного клуба, снял с ремня телефон и позвонил по номеру круглосуточной помощи на линии.

---

* Действительно, южнокалифорнийский Анахайм определенно не Дикий Запад.

** Джексон, Алан (р. 1960) — певец, известный исполнитель в стиле кантри.

Женщина, взявшая трубку, голосом напомнила ему тетю Лили, сестру отца, которую он не видел уже пятнадцать лет. Но сентиментальных чувств этот голос не вызвал. Лили прострелила отцу голову, убила его, ранила и самого Ноя в левое плечо и правое бедро, когда ему было шестнадцать лет, поставив крест на любви, которую он мог бы к ней питать.

— Покрышки, должно быть, порезаны,— предупредил он женщину,— так что посылайте грузовик с безбортовой платформой, а не обычный тягач.— Он назвал адрес, по которому аварийная служба могла забрать автомобиль, и название салона и фамилию дилера, куда его следовало доставить.— Забирать лучше утром. Не стоит никого посылать, пока Щенята не выдохлись.

— Кто?

— Если вы не читали комиксы про Скруджа Макдака, моя литературная аллюзия вам ничего не скажет.

В этот самый момент официантка в ковбойском наряде принесла бутылку «Дос Экиса».

— В семнадцать лет я хотела получить характерную работу в Диснейленде, но мне отказали.

— Характерную работу? — переспросил Ной, отключая телефон.

— Вы понимаете, ходить по парку в костюме, фотографироваться с людьми. Мне хотелось быть Минни Маус или, возможно, Белоснежкой, но меня нашли слишком грудастой.

— У Минни-то грудь плоская.

— Да, конечно, она же мышка.

— Логично,— кивнул Ной.

— А насчет Белоснежки... они полагали, что она должна выглядеть невинной. Уж не знаю почему.

— Если бы Белоснежка была такой же сексапильной, как вы, люди могли задаться вопросом: а чем она занималась с этими семью гномами... и, возможно, их ответы разошлись бы с версией Диснея.

Девица просияла.

— Да, в этом что-то есть,— согласилась она, потом разочарованно вздохнула: — Но вообще-то мне хотелось быть Минни.

— Мечты никак не хотят умирать.

— Это точно.

— Из вас получилась бы отличная Минни.

— Вы думаете?

Он улыбнулся:

— Счастливчик Микки.

— Вы такой милый.

— Моя тетя Лили так не думала. Она стреляла в меня.

— Не принимайте близко к сердцу,— посоветовала официантка.— Нынче у всех в семьях нелады.— И двинулась дальше.

В музыкальном автомате Алана Джексона сменил Гарт Брукс*, и поля всех стетсонов у стойки опустились в грустном соболезновании. Но как только он уступил место «Дикси чикс»**, стетсоны радостно заколыхались.

Ной уже ополовинил бутылку, когда кусок мяса, замаринованный в масле для волос и пряном одеколоне и одетый в черные джинсы и футболку с надписью «ЛЮБОВЬ — ВОТ ОТВЕТ», проскользнул в кабинку, устроился напротив и спросил: «Есть у тебя предсмертное желание?»

— А ты собираешься даровать мне его?

— Не я. Я — пацифист.— Вокруг правой руки пацифиста обвилась тщательно прорисованная гремучая змея. Она щерила зубы на тыльной стороне ладони, глаза сверкали ненавистью.— Но ты должен понимать, что слежка за таким влиятельным человеком, как конгрессмен Шармер, большая глупость.

— Мне и в голову не приходило, что конгрессмен может нанимать бандитов.

— А кого еще ему нанимать?

— Я думал, что я уже не в Канзасе.

— Знаешь, Дороти, там, где ты сейчас, маленьких собачек, как Тото, подстреливают для развлечения. А девушек вроде тебя затаптывают, если они не освобождают дорогу.

— Отцы-основатели страны могут этим только гордиться.

Глаза незнакомца, до того пустые, как сердце социопата, вдруг наполнились подозрительностью.

---

* Брукс, Гарт (1962–2000) — певец, самый популярный исполнитель в стиле кантри 90-х годов.

** «Дикси чикс» — группа, выпустившая в начале 90-х годов несколько альбомов в стиле кантри.

— Слушай... а ты не из политических психов? Я-то держал тебя за частного шпика, который за несколько долларов вынюхивает, что творится в чужих спальнях.

— Мне нужно побольше, чем несколько. Сколько стоит твой «навигатор»? — спросил Ной.

— Он тебе не по карману.

— Мне дадут кредит.

Пацифист рассмеялся. Когда официантка направилась к ним, он отогнал ее взмахом руки. Затем достал свернутый и заклеенный лентой пакет из вощеной бумаги и бросил на стол.

Ной молча пил пиво.

Сжимая и разжимая правую руку, словно разминаясь перед тем, как щипать детей и монашек, пацифист продолжил:

— Конгрессмен — человек благоразумный. Конечно, взяв клиенткой его жену, ты прописался в стане его врагов. Но он хочет, чтобы ты стал его другом.

— Истинный христианин.

— А вот обзываться не надо.— Всякий раз, когда пацифист сжимал кулак, пасть змеи широко раскрывалась.— По крайней мере, взгляни на его мирное предложение.

Ной взял пакет, снял ленту, развернул, наполовину извлек толстую пачку сотенных.

— Тут в три раза больше, чем ты выручил бы за свой ржавый «шевроле». Плюс стоимость фотокамеры, оставшейся на переднем сиденье.

— Но на «навигатор» не хватит,— заметил Ной.

— Мы не ведем переговоры, Шерлок.

— И что от меня потребуется?

— Сущий пустяк. Ты ждешь несколько дней, потом говоришь клиентке, что не отходил от конгрессмена ни на шаг, но он доставал свою штучку из штанов, только когда хотел отлить.

— А как насчет тех разов, когда он ставил раком всю страну?

— По твоему тону не скажешь, что ты хочешь с ним подружиться.

— У меня как-то не складываются отношения с людьми... но я готов попробовать.

— Рад это слышать. Откровенно говоря, я уже начал волноваться.

В фильмах частные детективы такие неподкупные, они предпочитают, чтобы им вышибли зубы, но клиента не предают.

— Я в кино не хожу.

Указывая на пакет, в который Ной уже засунул деньги, пацифист спросил:

— Разве ты не понимаешь, что это?

— Отступные.

— Я про пакет. Это пакет для блевотины. Раздают в самолетах.— Его улыбка поблекла.— Как... ты никогда такой не видел?

— Я не путешествую.

— У конгрессмена отменное чувство юмора.

— Он истерик.— Ной свернул пакет и засунул его в карман.

— Он говорит, что деньги для него не более чем блевотина.

— Философ, однако.

— Знаешь, то, что у него есть, лучше денег.

— Ты, конечно, не про остроту ума.

— Я про власть. Если у тебя достаточно власти, ты можешь поставить на колени любого богача.

— И кто сказал это первым? Томас Джефферсон? Эйб Линкольн?

Пацифист покачал головой и ткнул пальцем в грудь Ноя.

— Ты кипишь от злости, не так ли?

— Абсолютно. Она так и распирает меня.

— Тебе надо бы присоединиться к «Кругу друзей».

— Звучит как квакеры.

— Это организация, которую основал конгрессмен. Так он сделал себе имя, до того как пришел в политику... Помогал трудным подросткам, направлял их на путь истинный.

— Мне тридцать три,— внес ясность Ной.

— «Круг» теперь охватывает все возрастные группы. И действительно приносит пользу. Ты узнаешь, что в жизни есть, возможно, миллион вопросов, но ответ только один...

— Который ты носишь на груди,— догадался Ной, указав на надпись на футболке: «ЛЮБОВЬ — ВОТ ОТВЕТ».

— Люби себя, люби своих братьев и сестер, люби природу.

— Такие заповеди всегда начинаются с «люби себя».

— Иначе и не должно быть. Ты не можешь любить других, пока не полюбишь себя. Мне было шестнадцать, когда я присоединился к «Кругу», семь лет тому назад. Настоящий плохиш. Продавал наркотики, употреблял наркотики, мог за просто так избить человека, связался с бандой. Но теперь исправился.

— Теперь ты в банде с большим будущим.

Пасть змеи на внушительном кулаке широко раскрылась. Его обладатель рассмеялся.

— Ты мне нравишься, Фаррел.

— Я всем нравлюсь.

— Ты можешь не одобрять методы конгрессмена, но у него есть идеи, которые всех нас сблизят.

— Цель оправдывает средства, так?

— Видишь, в тебе опять говорит злость.

Ной допил пиво.

— Такие парни, как ты и конгрессмен, предпочитали прятаться за спиной Христа. Теперь это психология и самооценка.

— Программы, отталкивающиеся от Христа, получают слишком мало средств налогоплательщиков, чтобы даже изображать благочестие.— Громила выскользнул из-за стола, выпрямился во весь рост.— Ты же не собираешься взять деньги и не выполнить обещанного, так? Ты действительно задуришь голову его жене?

Ной пожал плечами:

— Она все равно мне не глянулась.

— Худосочная сука, не так ли?

— Сухая, как галета.

— Но для мужа она — пропуск в высшее общество. Значит, ты уйдешь отсюда и сделаешь все, что положено?

Ной вскинул брови:

— Что? Ты предлагаешь... ты хочешь, чтобы я отдал этот пакет с деньгами копам и подал на конгрессмена в суд?

На этот раз пацифист не улыбнулся.

— Наверное, мне следовало сказать: поступишь по-умному.

— Я просто хотел уточнить,— заверил его Ной.

— Как бы эти уточнения не привели тебя в гроб.— Змееносец развернулся и, покачиваясь, двинулся к выходу из таверны, демонстрируя всем желающим мастерство татуировщика.

Сидящие у стойки и за столиками ковбои повернулись, подгоняя его взглядами. Будь они истинными всадниками пурпурной зари, а не специалистами по компьютерным сетям и торговцами недвижимостью, один из них из принципа дал бы ему пинка.

Когда за пацифистом закрылась дверь, Ной попросил несостоявшуюся Минни повторить заказ.

Она принесла запотевшую бутылку «Дос Экиса» и спросила:

— Этот парень — бандит?

— Вроде того.

— А вы — коп.

— Бывший. Неужели заметно?

— Да. И на вас гавайская рубашка. Копы в штатском любят гавайские рубашки, потому что под ней легко спрятать пистолет.

— Ну, я под ней ничего не прячу,— солгал Ной,— за исключением пожелтевшей майки, которую следовало выбросить пять лет тому назад.

— Мой отец любил гавайские рубашки.

— Ваш отец — коп?

— Был, пока его не убили.

— Извините.

— Я — Френсина, меня назвали в честь песни «Зи-зи топ»*.

— Почему многим копам прошлого нравилась «Зи-зи топ»? — спросил он.

— Может, в качестве антидота к тому дерьму, которое пели «Иглз»**?

Ной улыбнулся:

— Я думаю, ты в чем-то права, Френсина.

— Моя смена заканчивается в одиннадцать.

— Ты меня искушаешь,— признал он.— Но я женат.

Глянув на его руки и не обнаружив кольца, она спросила:

— Женат на чем?

— Теперь ты задаешь трудные вопросы.

— Не такие они и трудные, если быть честным с самим собой.

Ноя так увлекли ее тело и красота, что до этого момента он не замечал доброты, которой светились глаза Френсины.

— Может, на жалости к себе,— попытался он назвать свою суженую.

---

* «Зи-зи топ» — трио из Хьюстона, штат Техас, дебютировавшее в 1970 г. и выступающее, пусть и в несколько измененном составе, до сих пор. «Френсина» — первый хит группы, принесший ей общенациональную известность (альбом «Рио-Гранде мад», 1972 г.).

** «Иглз» — один из самых популярных ансамблей кантри-рока. Возник в Лос-Анджелесе в 1971 г. Мировую славу принесла «Иглз» песня «Отель "Калифорния"». В 1980 г. группа распалась.

— Только не ты,— не согласилась девушка, словно хорошо его знала.— Скорее это злость.

— Как называется этот бар, «Огненная вода» или «Философия»?

— После того как слушаешь кантри-мюзик с утра до вечера каждый день, поневоле начнешь философствовать.

— Черт, из тебя вышла бы отличная Минни,— он говорил от души.

— Ты, должно быть, такой же, как мой отец. Та же гордость. Честь, как он говорил. Но в наши дни честь — это для неудачников, вот ты и наливаешься злостью.

Он смотрел на нее, искал ответ и не находил. В добавление к доброте он увидел в ее глазах и грусть, от которой защемило сердце.

— Тебя зовут к другому столику.

Она продолжала смотреть Ною в глаза.

— Если когда-нибудь разведешься, ты знаешь, где я работаю.

Он проводил ее взглядом. Потом, между глотками, пристально изучал бутылку, словно пытался разглядеть за стеклом смысл жизни.

А когда в ней не осталось ни капли, ушел, оставив Френсине щедрые чаевые, превосходившие счет за две бутылки пива.

Городские огни желтизной подсвечивали черное небо. Высоко над головой серебряным долларом висела полная луна. Черный небосвод сиял яркими, такими далекими звездами.

Ной зашагал на восток, обдаваемый ветерком, который поднимали проносящиеся мимо автомобили, пытаясь установить, следят ли за ним. Но «хвост» обнаружить не удалось. Очевидно, подручные конгрессмена потеряли к нему всякий интерес. Его нарочитая трусость и живость, с которой он предал своего клиента, убедили их, что они имеют дело, по современной терминологии, с добропорядочным гражданином.

Он снял с ремня телефон, позвонил Бобби Зуну, договорился о встрече, чтобы тот отвез его домой.

Прошагав еще милю, вышел к универсаму, работающему круглосуточно. «Хонда» Бобби, согласно договоренности, стояла около ящика с пожертвованиями для Армии спасения.

Когда Ной плюхнулся на пассажирское сиденье, Бобби, двадцатилетний, худой, с жидкой козлиной бороденкой и чуть отсутствующим взглядом давнишнего поклонника «экстази», увлеченно ковырял в носу.

Ной поморщился:

— Это отвратительно.

— Что? — спросил Бобби, не извлекая указательный палец из правой ноздри.

— Слава богу, хоть не застал тебя за игрой в карманный бильярд. Поехали отсюда.

— Там было круто.— Бобби повернул ключ зажигания.— Более чем.

— Круто? Идиот, мне нравился этот автомобиль.

— Твой «шеви»? Это же кусок дерьма.

— Да, но это был мой кусок дерьма.

— И все прошло даже лучше, чем я ожидал. Материала у нас теперь выше крыши.

— Да,— без энтузиазма согласился Ной.

— Этот конгрессмен — цвибак.

— Он кто?

— Это по-немецки. Дважды поджаренный гренок.

— Где ты это берешь?

— Беру чего?

— Все эти цвибаки?

— Мысленно я постоянно работаю над сценарием. В школе кинематографии нас учат, что все может стать основой сценария, а уж *это* тем более.

— Ад как место времяпрепровождения — главный герой фильма Бобби Зуна.

С серьезностью, на какую способны только двадцатилетние с козлиной бородкой, убежденные, что кино — это и есть жизнь, Бобби ответил:

— Ты не герой. Главная мужская роль — моя. У тебя — роль Сандры Баллок.

Глава 4

Через лес, все дальше и дальше, от зацелованных ночью холмов к укутанным темнотой долинам, из царства деревьев на поле спешит мальчик-сирота. Поле выводит его к изгороди.

Он поражен тем, что все еще жив. Не решается поверить, что убийцы потеряли его след. Конечно, они где-то рядом, по-прежнему ищут его, хитрые и неутомимые.

Изгородь, старая, нуждающаяся в починке, громко скрипит, когда он перелезает через нее. Спрыгнув на землю, он замирает, сидя на корточках, прислушиваясь. Встает, лишь убедившись, что поднятый им шум не привлек ничьего внимания.

Облака, редкими овечками плывшие по небу, вдруг сгрудились вокруг пастуха-луны.

В темноте ночи силуэты построек выглядят загадочными. Амбар, конюшня, коровник, навесы, сараи. Он торопливо проходит мимо.

Тихое мычание коров, всхрапывание лошадей — не реакция на его вторжение. Эти звуки естественны для ночи на ферме, так же как бьющие в нос запахи животных и навоза, перемешанного с соломой.

Утоптанную землю хозяйственного двора сменяет недавно выкошенная лужайка. Бетонная кормушка для птиц. Розы на клумбах. Лежащий на боку велосипед. Шпалера, увитая виноградной лозой, большие листья, грозди ягод.

За шпалерой опять лужайка — и наконец дом. Кирпичные ступени ведут к заднему крыльцу. Дверь открывается легко, без скрипа.

Мальчик замирает на пороге, его волнуют и риск, на который он идет, и преступление, которое готов совершить. Мать воспитывала его в строгости; но чтобы пережить эту ночь, он должен украсть.

Более того, ему очень не хочется подвергать риску этих людей, кем бы они ни были. Если убийцы придут к этому дому, когда он будет внутри, они не пощадят никого. Они не знают жалости, не оставляют живых свидетелей.

Но если он не найдет то, что ему нужно, в этом доме, придется идти в соседний или следующий за ним. Он вымотался, его гложет страх, он остался один, ему нужен план действий. Хоть на какое-то время он должен остановиться, оглядеться, подумать.

На кухне, осторожно прикрыв за собой дверь, он застывает, не дыша, прислушивается. В доме царит тишина. Очевидно, он никого не разбудил.

Буфет за буфетом, ящик за ящиком... Он находит свечи, спички, задумывается, нужны ли они ему, оставляет на месте. Наконец маленький фонарик.

Ему нужно кое-что еще, и быстрый осмотр первого этажа убеждает его, что поиски придется продолжить на втором.

У лестницы его парализует страх. А если убийцы уже здесь?

Наверху. Затаились в темноте. Ждут, когда же он их найдет. *Сюрприз.*

Нелепо. Такие игры не для них. Они полны злобы, им важен только результат.

Будь они здесь, он бы уже погиб.

Он мал, слаб, одинок, обречен. И чувствует, что ведет себя глупо, продолжая колебаться, когда логика подсказывает ему, что опасаться нужно только одного: его поймают люди, спящие наверху.

Наконец он поднимается по лестнице. Ступени возмущенно поскрипывают.

Он старается держаться ближе к стене, чтобы свести скрип к минимуму.

Лестница выводит его в короткий коридор. С четырьмя дверьми.

За первой — ванная. За второй — спальня. Прикрывая фонарик рукой, он входит.

Мужчина и женщина лежат в кровати, крепко спят. Оба похрапывают, мужчина — громче, женщина — едва слышно. На комоде декоративный поднос, на нем — монеты и бумажник мужчины. В бумажнике — одна десятка, две пятерки, четыре долларовых купюры.

Хозяева — небогатые люди, и мальчик стыдится того, что вынужден взять их деньги. Дает себе слово, что когда-нибудь, если останется жив, вернется в этот дом и отдаст долг.

Ему нужны и монеты, но он их не касается. Его трясет от страха и напряжения, он может их выронить, разбудив фермера и его жену.

Мужчина что-то бормочет, поворачивается на бок... но не просыпается.

Быстро и бесшумно ретировавшись из спальни, мальчик замечает движение в коридоре, луч фонаря выхватывает пару блестящих глаз, белый оскал зубов. Он чуть не вскрикивает от неожиданности.

Собака. Черно-белая. Заросшая шерстью.

Он умеет находить общий язык с собаками, эта не исключение. Она обнюхивает его, радостно виляя хвостом, ведет по коридору к другой, приоткрытой двери.

Должно быть, собака и вышла из этой двери. А теперь, еще раз посмотрев на своего нового друга, перескакивает через порог, словно приглашает его в какое-то волшебное путешествие.

На двери стальная табличка с выгравированной лазером надписью:

«ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ ЗВЕЗДОЛЕТОМ.
Капитан Кертис Хэммонд».

После короткого колебания незваный гость следом за собакой входит в «Центр управления».

Комната мальчика, на стенах — постеры фильмов о монстрах. На полках — фигурки героев фантастических фильмов и модели звездолетов. В углу скалит зубы пластиковый полноразмерный человеческий скелет, словно смерть,— это очень веселая забава.

Один постер, возможно, указывает на то, что пристрастия капитана Кертиса Хэммонда начинают меняться. На нем изображена Бритни Спирс, с глубоким вырезом на груди, голым животом и агрессивной улыбкой. Она так и притягивает к себе взгляд... в чем-то такая же пугающая, как клыкастые, зубастые, хищные монстры, противостоящие человеку в фантастических фильмах.

Юный пришелец отводит глаза от поп-дивы, удивляясь тому, что может проявлять какие-то иные эмоции, помимо страха и горя, учитывая, что пришлось ему пережить в эту ночь.

Под постером Бритни Спирс, укрывшись простыней, спит на животе Кертис Хэммонд, не подозревая о том, что в центр управления звездолетом проникли посторонние. Ему лет одиннадцать, может двенадцать, но для своего возраста он маловат, ничуть не выше ночного гостя, который сейчас стоит у его кровати.

Мальчик жестоко завидует Кертису Хэммонду, не потому, что тот сладко спит. Причина в том, что Кертис не сирота, он не одинок в этом страшном мире. На мгновение зависть вдруг перерастает в ненависть, такую яростную, что мальчика так и подмывает ударить спящего Кертиса и унять невыносимую боль, разделив ее на двоих.

Дрожа от внезапно поднявшей ярости, мальчик, однако, не дает ей вырваться из-под контроля, не трогает Кертиса. Ненависть исчезает так же быстро, как появилась, горе, которое она вдруг оттеснила на второй план, возвращается, словно серый зимний пляж, открывающийся взору, когда прилив сменяется отливом.

На столике у кровати лежат несколько монет и полоска использованного бактерицидного пластыря с пятном крови на марлевой подложке. Крови совсем ничего, но незваный гость видел в эту ночь столько насилия, что по его телу пробегает дрожь. Монеты он не трогает.

В сопровождении собаки мальчик-сирота отходит к дверному шкафу. Дверца приоткрыта. Он распахивает ее шире. Лучом фонаря пробегает по одежде.

Кросс по лесам и полям не прошел даром: он исцарапан, исколот шипами, измазан землей. Ему хочется принять горячую ванну, отдохнуть, но позволить себе он может лишь чистую одежду.

Собака наблюдает, склонив голову набок, в полном замешательстве, не в силах понять, что происходит.

У Кертиса Хэммонда уворовывают рубашку, джинсы, носки и кроссовки, а он сладко спит, словно его кто-то заколдовал. Будь он настоящим капитаном звездолета, его команда могла бы стать жертвой пожирающих мозги инопланетян или его звездолет по спирали затянуло бы в гравитационный водоворот черной дыры, пока он грезил о Бритни Спирс.

Не превратившись в пожирающего мозги инопланетянина, но едва передвигая ноги, словно попав в поле притяжения черной дыры, незваный гость возвращается к открытой двери комнаты, собака следует за ним по пятам.

В фермерском доме по-прежнему тихо, луч фонарика никого не находит в коридоре второго этажа. Однако инстинкт самосохранения заставляет мальчика замереть, едва он переступает порог.

Что-то не так. Слишком уж глубокая тишина. Может, проснулись родители Кертиса.

Чтобы добраться до лестницы, он должен миновать их дверь, которую, не подумав, оставил приоткрытой. Если фермер и жена пробудились, они наверняка вспомнили, что плотно закрыли дверь, прежде чем лечь спать.

Он возвращается в спальню, где Бритни Спирс и монстры наблюдают за ним со стен, все жутко голодные. Выключает фонарик, набирает полную грудь воздуха.

Начинает сомневаться в правоте инстинкта, прогнавшего его из коридора. Потом вдруг замечает, что собака более не виляет хвостом, даже поджала его. И замерла, так же как он.

В темноте выделяются серые прямоугольники: зашторенные окна. Мальчик пересекает комнату, стараясь вспомнить, где что стояло, чтобы ни на что не наткнуться.

Кертис Хэммонд чмокает губами, вертится под простыней, но не просыпается.

Легкое движение пальцев открывает защелку. Незваный гость поднимает нижнюю половину окна, выскальзывает из комнаты на крышу крыльца, оборачивается.

Собака стоит у окна, положив передние лапы на подоконник, словно готова бросить хозяина ради нового друга и ночных приключений.

— Оставайся,— шепчет мальчик-сирота.

На корточках он осторожно крадется к краю крыши. Когда оборачивается вновь, собака жалобно скулит, но не решается последовать за ним.

Мальчик крепкий, с отличной координацией. Прыжок с крыши крыльца для него сущий пустяк. Он приземляется на согнутые ноги, падает, катится по влажной от росы траве, легко вскакивает.

Проселок с изгородями по обе стороны, за которыми тянутся луга, политый чем-то масляным, чтобы избавиться от пыли, ведет к асфальтированной дороге, проложенной в паре сотен ярдов к западу. Торопясь, мальчик оставляет за спиной почти половину дистанции, когда до него доносится собачий лай.

Вспыхивают, гаснут, снова вспыхивают огни в доме Хэммондов, море света прогоняет тьму, словно компания светящихся призраков выбрала этот фермерский дом для ночного карнавала.

Со светом приходят крики, душераздирающие даже на таком расстоянии, не просто крики тревоги, но вопли боли и ужаса. Самые громкие больше похожи не на человеческие звуки, а на пронзительный визг насмерть перепуганных свиней, увидевших нож в руках мясника. Но что-то в этих криках есть и человеческое, несчастные Хэммонды, должно быть, просят оставить их в живых, не убивать.

Убийцы подобрались к нему даже ближе, чем он ожидал. Когда он вышел в коридор на втором этаже, его вспугнула не приоткрытая дверь в спальню старших Хэммондов, не опасение, что фермер и жена проснулись. Инстинкт самосохранения предупредил его о том, что охотники, которые жестоко расправились с его семьей, спустились с гор и через дверь черного хода вошли в дом Хэммондов.

Убегая в ночь, стараясь обогнать крики и чувство вины, которое они в нем вызывают, мальчик жадно хватает ртом холодный воздух, потом со свистом вырывающийся из груди. Его сердце отчаянно бьется, стремится выскочить из клетки с ребрами вместо прутьев.

Пленница-луна вырывается из облачной темницы, и масляный проселок под быстрыми ногами мальчика поблескивает отраженным светом.

Добравшись до дороги, он уже не слышит ужасных криков, только свое прерывистое дыхание. Повернувшись, видит, что свет горит во всех окнах, понимает, что убийцы обыскивают чердак, чуланы, подвал.

Скорее черная, чем белая,— идеальный камуфляж для лунной ночи — из темноты вырывается собака. Она бросается к мальчику, прижимается к его ногам, оглядываясь на дом Хэммондов.

Бока собаки раздуваются и сжимаются, ее трясет от страха, так же как мальчика. Тяжелое дыхание перемежается жалобным поскуливанием, но мальчик не поддается желанию сесть рядом с собакой и поплакать вместе с ней.

Асфальтированная дорога уходит на север и на юг, в неведомые края. И любое выбранное им направление, скорее всего, приведет все к той же страшной смерти.

Пустынную тьму Колорадо не тревожат ни приближающиеся фары, ни удаляющиеся задние фонари. Задерживая дыхание, мальчик слышит лишь тишину и поскуливание собаки, но не шум автомобильного двигателя.

Он пытается отогнать собаку, но та уходить не хочет. Она твердо решила связать свою судьбу с его судьбой.

Не желая брать на себя ответственность даже за маленькую зверюшку, но смирившись с неизбежным... и где-то даже благодарный за то, что теперь он не один, мальчик поворачивает на-

лево, на юг, потому что на севере дорога поднимается на холм. Он не уверен, что ему хватит сил долго бежать в гору.

По правую руку тянется луг, по левую стоят высокие часовые-сосны, салютуя луне верхними ветвями. Его шаги по обочине, между деревьями и асфальтом, гулко разносятся в тишине. Он боится, что рано или поздно звук этот привлечет преследователей.

Еще один раз он оглядывается, но только один. Потому что видит пульсирующие языки пламени на востоке, поднимающиеся к темному небу, знает, что это горит дом Хэммондов. Обгоревшие до костей, тела мертвых никак не помогут полиции установить убийц.

Поворот дороги, и деревья скрывают от него пожарище, а выйдя из-за поворота, он видит грузовик, стоящий на обочине. Фары потушены, горят только подфарники и задние огни, но двигатель работает на холостых оборотах, мерно рычит, словно большущий зверь, который долго бежал, а теперь дремлет стоя.

Мальчик переходит с бега на быстрый шаг, стремясь приглушить и звуки шагов, и шум вырывающегося изо рта воздуха. Словно прочитав его мысли, собака держится рядом с ним, не идет — крадется, прижимаясь к земле, больше напоминая кошку.

Кузов грузовика обтянут брезентовыми крышей и стенами. Задний торец открыт, если не считать низкого борта.

Подойдя к заднему бамперу, чувствуя, что задние огни освещают его, как прожекторы, мальчик слышит голоса. Двое мужчин болтают о пустяках.

Он осторожно смотрит вдоль борта на стороне водителя, никого не видит, перемещается к противоположному борту. Двое мужчин стоят спиной к асфальту, глядя на лес. Лунный свет серебрит дугообразные струи мочи.

Он не хочет подвергать опасности этих людей. Если он останется здесь, они, возможно, умрут, не успев опорожнить мочевые пузыри: остановка продлится дольше, чем они планировали. Однако на своих двоих ему не удастся оторваться от преследователей.

Борт крепится ко дну кузова петлями. Два запорных болта фиксируют его в вертикальном положении.

Мальчик осторожно поворачивает и выдвигает правый запорный болт. Поддерживая борт, проделывает то же самое с

левым. Опускает борт. Петли хорошо смазаны, не скрипят. Он мог бы встать на бампер и перелезть через борт, но его четвероногому другу такое не под силу.

Понимая, что задумал его новый хозяин, собака запрыгивает в кузов, мягко приземлившись среди груза, не перекрывая звуковой порог, установленный тихим урчанием двигателя.

Мальчик залезает под прикрытие брезента. Поднять борт изнутри — работа не из легких, но, стиснув зубы, он справляется. Загоняет в ушко один запорный болт, потом второй, аккурат в тот момент, когда мужчины вдруг громко смеются.

За грузовиком дорога по-прежнему пустынна. Параллельные разделительные полосы, желтые днем, под морозно-белой луной стали белыми, и мальчику они представляются двойным бикфордовым шнуром, по которому, шипя и дымясь, к нему приближается ужас.

«Поторопитесь,— молит он мужчин, словно усилием воли может заставить их сдвинуться с места.— *Поторопитесь».*

Шаря руками вокруг, он обнаруживает, что грузовик везет одеяла. Некоторые свернуты и легко раскатываются. Другие сложены в тюки и перевязаны веревкой.

Его правая рука находит гладкую кожу, крутой изгиб задней луки, плавный — подушки, переднюю луку, рог: седло.

Среди одеял лежат и другие седла, гладкие, как первое, и украшенные орнаментами, которые под любопытными пальцами мальчика рассказывают о парадах, красочных шоу, родео. Инкрустации, холодные на ощупь, сделаны, должно быть, из серебра, черепаховых панцирей, сердолика, малахита, оникса.

Водитель снимает грузовик с ручного тормоза. Выворачивает руль, возвращаясь с обочины на асфальт, камешки, подхваченные вращающимися колесами, улетают в темноту.

Грузовик катится на юго-запад, двойной бикфордов шнур все разматывается и разматывается, придорожные столбы с электрическими и телефонными проводами ассоциируются у мальчика с солдатами, марширующими к полю сражения, расположенному за горизонтом.

Среди груд одеял и седел, окутанный приятными запахами фетра, овчины, кожи и конечно же лошадей, мальчик-сирота и приблудная собака жмутся друг к другу. Они связаны утратой близких и обостренным инстинктом выживания. Они едут в незнакомые края, навстречу неведомому будущему.

Глава 5

В среду, ближе к вечеру, потеряв день на поиски работы, Микки Белсонг вернулась в трейлерный городок, украшенный жалкими клочками зелени, еще устоявшей под неистовым жаром немилосердного солнца. О торнадо, главном враге трейлерных городков в равнинных штатах, здесь, в Южной Калифорнии, знали только понаслышке, но, спасибо летней жаре, к августу их территория представляла собой жалкое зрелище. Не хватало только землетрясения, которое могло разнести такой городок не хуже торнадо.

Не первой молодости передвижной дом тети Дженевы более всего напоминал гигантскую печь, построенную с тем, чтобы одновременно жарить несколько коровьих туш. А может, какой-то злобный бог солнца жил в этих металлических стенах, потому что воздух вокруг трейлера мерцал, будто его заполняли души мятущихся демонов.

Войдя в трейлер, Микки удивилась тому, что мебель еще не самовоспламенилась. Тетя Дженева сдвинула все окна, чтобы устроить сквозняк, но в этот августовский день воздух просто не желал шевелиться, загустев до плотности воды.

В крохотной спальне Микки сбросила отдавившие пальцы туфли на высоких каблуках. Сняла дешевый костюм из хлопчатобумажной ткани и колготки.

Микки подумала о душе, но со вздохом отказалась от этой мысли: в ванной одно маленькое окошечко, недостаточное для вентиляции в такую жару, и вместо душа получилась бы парная.

Она надела белые шорты и красную китайскую блузу без рукавов. Посмотрелась в зеркало на двери. Выглядела она очень даже хорошо, пусть на душе и скребли кошки.

Когда-то она гордилась своей красотой. Теперь задавалась вопросом: а стоило ли гордиться тем, что далось без всяких усилий, без малейших жертв с ее стороны?

За последний год, ломая себя через колено, преодолевая собственное упрямство,— тут она ничем не уступала мулу, не желающему тянуть плуг,— Микки пришла к малоприятному заключению: жизнь ее на текущий момент растрачена попусту, а чтобы найти тому виновника, достаточно подойти к зеркалу. И злость, которую она выплескивала раньше на других, обратилась на нее саму.

Однако постоянно подбрасывать дровишки в костер злости — удел раздражительных и слабых людей, к каковым Микки не относилась.

Так что со временем жгучее чувство ненависти к себе подостыло, уступив место депрессии.

Прошла и депрессия, и теперь изо дня в день Микки жила ожиданием перемен. Разумеется, к лучшему.

Одарив ее красотой, судьба более ничем не проявила щедрости. Вот почему Микки и не могла понять, чем вызвано это сладкое предчувствие.

Конечно же, ее терзали сомнения. Вдруг ожидания напрасны?

Но в эту неделю, проведенную у тети Дженевы, она каждое утро просыпалась с убеждением, что перемены грядут, радостные, знаменательные перемены.

Разумеется, еще неделя безрезультатных поисков работы могла вернуть депрессию. Кроме того, не раз и не два за день в ней опять вспыхивала злость. Не такая жгучая, как в не столь уж далеком прошлом, еще не костер — искорка, но именно из искры, бывало, и разгоралось пламя. Долгий день с чередой отказов измотал ее и духовно, и физически. И собственная эмоциональная неустойчивость пугала Микки.

Босиком она прошла на кухню, где тетя Дженева готовила обед. Маленький электрический вентилятор, стоявший на полу, крутил горячий воздух, но не охлаждал его. Действительно, разве можно охладить кипящий суп, помешивая его деревянной ложкой?

Из-за преступной глупости или глупой преступности чиновников Калифорнии, ведающих вопросами электроснабжения, в начале этого лета штат столкнулся с серьезной нехваткой электроэнергии. Чтобы ликвидировать кризис, ее пришлось покупать в других штатах по очень высоким ценам. Соответственно, прыгнула вверх и плата за электричество. Так что теперь тетя Дженева не могла включить кондиционер.

Посыпая салат с макаронами тертым пармезаном, тетя Джен одарила Микки улыбкой, которая могла бы очаровать даже райского змея-искусителя, настроив его на благодушный лад. Когда-то золотые, волосы Джен заметно поблекли, в них появились седые пряди. Однако лицо оставалось гладким, потому что с возрастом она заметно располнела, а россыпь весну-

шек и зеленые глаза выдавали присутствие юной девушки, прячущейся за фасадом шестидесятилетней матроны.

— Микки, сладенькая, удачно провела день?

— Гнусный день, тетя Джен.

— Слушай, мне всегда так не нравилось это слово.

— Оно ничем не хуже других, но, если тебе не нравится, я найду другое. Ужасный день.

— Понимаю. Тогда почему бы тебе не выпить стакан лимонада? Я сделала свежий.

— Знаешь, я бы предпочла пиво.

— Есть и пиво. Твой дядя Вернон любил выпить вечерком пару банок ледяного пива.

Тетя Джен пиво не пила. Вернон уже восемнадцать лет лежал в земле.

Однако Дженева держала в холодильнике любимое пиво мужа, а если его никто не выпивал, периодически заменяла старые банки, у которых истек срок хранения, новыми.

Уступив Вернона Смерти, она твердо решила не отдавать ей ни дорогие сердцу воспоминания, ни устоявшиеся семейные традиции. Только плоть — ничего больше.

Микки открыла банку «Будвайзера».

— Они думают, что экономика катится в тартарары.

— Кто думает, дорогая?

— Все, с кем я говорила насчет работы.

Поставив миску салата на стол, Дженева начала резать поджаренные куриные грудки для сандвичей.

— Просто тебе попадались пессимисты. Для одних экономика всегда катится в тартарары, тогда как другие всем довольны. Ты обязательно найдешь работу, сладенькая.

Ледяное пиво успокаивало.

— Как тебе удается всегда пребывать в радужном настроении?

— Легко,— не отрываясь от куриных грудок, ответила Дженева.— Для этого достаточно оглядеться вокруг.

Микки огляделась.

— Извини, тетя Джен, но я вижу маленькую кухню старого трейлера, по которому давно уже плачет свалка.

— Тогда ты не знаешь, куда смотреть, сладенькая. В холодильнике тарелочка с огурцами, оливки, миска с картофельным

салатом, кое-что еще. Тебя не затруднит поставить все это на стол?

Доставая из холодильника сыр, Микки спросила:

— Ты ждешь в гости футбольную команду или как?

Дженева поставила на стол нарезанные куриные грудки.

— Разве ты не заметила... стол сервирован на троих.

— Так у нас к обеду гость?

Ей ответил стук. Дверь в кухню была открыта, чтобы улучшить циркуляцию воздуха, поэтому Лайлани постучала в дверной косяк.

— Заходи, заходи, это солнце тебя сожжет! — крикнула тетя Дженева, словно приглашала девочку не в печь-трейлер, а в прохладный оазис.

Подсвеченная сзади клонящимся к горизонту солнцем, в шортах цвета хаки и белой футболке с маленьким зеленым сердечком на груди, Лайлани вошла, позвякивая стальным ортопедическим аппаратом на левой ноге, хотя три ступеньки она преодолела бесшумно.

И Микки вдруг поняла, что ее безуспешные поиски работы — сущая ерунда в сравнении с тем, что выпало на долю этой девочки. Так что не ей называть прожитый день гнусным. Потому-то это слово так и покоробило тетю Дженеву. В общем, с появлением девочки-инвалида Микки, к своему изумлению, вновь ощутила то самое радостное ожидание перемен, которое, после приезда в трейлерный городок, не позволяло ей с головой уйти в пучину жалости к себе.

— Миссис Ди,— обратилась Лайлани к Дженеве,— ваш розовый куст, от которого мурашки бегут по коже, только что едва не прихватил меня.

Дженева улыбнулась:

— Если вы и поссорились, дорогая, я уверена, что инициатива исходила от тебя.

Большим пальцем изуродованной руки Лайлани указала на Дженеву и повернулась к Микки:

— Она — оригинал. Где ты ее нашла?

— Она — сестра моего отца, так что я получила ее в комплекте с ним.

— В качестве бонусных пунктов,— кивнула Лайлани.— У тебя, должно быть, отличный отец.

— С чего ты так решила?

— Сестра у него очень клевая.

— Он бросил мою мать и меня, когда мне исполнилось три года.

— Тяжелое дело. А мой никчемный папашка сбежал в день моего рождения.

— Не знала, что у нас соревнование, чей отец хуже.

— По крайней мере, мой отец не был убийцей, как мой нынешний псевдоотец... вернее, насколько мне известно, не был. Твой отец — убийца?

— Я опять проиграла. Он всего лишь самовлюбленная свинья.

— Миссис Ди, вы не обижаетесь, когда вашего брата называют самовлюбленной свиньей?

— К сожалению, дорогая, это правда.

— Значит, вы не просто бонусные пункты, вы — тот самый первый приз, который обнаружился в коробке с заплесневевшим крекером.

Дженева просияла.

— Как это мило, Лайлани. Налить тебе лимонада?

Девочка указала на стоящую на столе банку «Будвайзера».

— Раз Микки пьет пиво, я составлю ей компанию.

Дженева налила девочке лимонад.

— Представь себе, что это «Будвайзер».

— Она думает, что я ребенок,— пожаловалась Лайлани Микки.

— Ты и есть ребенок.

— Все зависит от того, что подразумевается под понятием *«ребенок»*.

— Любой человек от двенадцати и младше.

— Как это грустно. Ты воспользовалась случайным числом. Это указывает на ограниченную способность к независимым мыслям и анализу.

— Хорошо,— кивнула Микки,— давай зайдем с другой стороны. Ты — ребенок, потому что у тебя еще нет буферов.

Лайлани вздрогнула.

— Несправедливо. Ты знаешь, что это мое больное место.

— Да что у тебя может болеть? Там же просто ничего нет. Все плоское, как кусок швейцарского сыра на этой тарелке.

— Да, конечно, но придет день, когда у меня будет такая большая грудь, что для равновесия мне придется носить на спине мешок цемента.

— Что-то в ней есть, не так ли? — Дженева поделилась с Микки своими впечатлениями.

— Она — абсолютный, не вызывающий никаких сомнений, прекрасный юный мутант.

— Обед готов,— объявила Дженева.— Холодные салаты и заправка для сандвичей. Ничего экзотического, но как раз по погоде.

— Все лучше, чем обезжиренный сыр тофу и консервированные персики поверх стручков фасоли,— кивнула Лайлани, садясь на стул.

— Не может быть! — ахнула тетя Дженева.

— Еще как может. Синсемилла, возможно, плохая мать, но гордится тем, что она — отвратительная кухарка.

Дженева выключила верхний свет, ради экономии денег и с тем, чтобы убрать хотя бы один источник тепла.

— Позже зажжем свечи,— пообещала она.

Несмотря на то что часы показывали семь вечера, огненно-золотое солнце с такой силой светило в открытое окно, что достаточно плотные занавески, которые закрывали его, но не могли остановить приток тепла в кухню, были не темнее лаванды и янтаря.

Усевшись и наклонив голову, Дженева прочитала короткую, но трогательную молитву: «Благодарю тебя, Боже, что снабдил нас всем, в чем мы нуждаемся, и в милосердии своем даровал нам счастье удовольствоваться тем, что у нас есть».

— Такое счастье представляется мне сомнительным,— подала голос Лайлани.

Микки протянула к ней руку, и девочка отреагировала мгновенно: ладони звонко шлепнули друг о друга.

— Это мой стол,— твердо заявила Дженева.— Это моя молитва, которая не нуждается в комментариях. И когда я буду пить «пина коладу» в раю под тенью пальм, что будут подавать вам в аду?

— Наверное, этот лимонад,— ввернула Лайлани.

Накладывая салат с макаронами в тарелку, Микки спросила:

— Значит, Лайлани, ты подружилась с тетей Дженевой?

— Да, мы провели вместе практически весь день. Миссис Ди наставляла меня по части секса.

— Девочка, нельзя такого говорить! — отчеканила Дженева.— Кто-то может тебе и поверить. Мы играли в карты.

— Я бы, конечно, ей проиграла, из вежливости и уважения к почтенному возрасту, но она не дала мне шанса. Сжульничала и выиграла.

— Тетя Джен всегда жульничает,— кивнула Микки.

— Хорошо еще, что мы не играли в русскую рулетку,— добавила Лайлани.— Мои мозги разлетелись бы по всей кухне.

— Я не жульничаю.— Застенчивостью Дженева превосходила бухгалтера мафии, дающего показания комиссии конгресса.— Просто играю по сложной методике.— Бумажной салфеткой она протерла лоб.— И не тешьте себя надеждой, что я потею от чувства вины. Это жара.

— Отличный картофельный салат, миссис Ди,— сменила тему Лайлани.

— Спасибо. Ты уверена, что твоя мать не хотела бы присоединиться к нам?

— Нет. Она сейчас в отключке, на кокаине и галлюциногенных грибах. Если сумеет добраться сюда, то ползком, а если попытается что-то съесть, ее тут же вывернет.

Дженева, хмурясь, посмотрела на Микки, та пожала плечами. Она не могла сказать, правда ли рассказы о разгульной жизни Синсемиллы или плод фантазии, но подозревала, что без преувеличений тут не обошлось. Цинизм и сарказм могли прикрывать низкую самооценку. В детстве, а особенно в девичестве Микки сама прибегала к такой стратегии.

— Это правда,— продолжила Лайлани, правильно истолковав взгляды, которыми обменялись женщины.— Мы живем здесь только три дня. Дайте Синсемилле немного времени, и она себя покажет.

— Наркотики приносят ужасный вред.— Голос тети Джен вдруг стал очень серьезным.— Когда-то я влюбилась в Чикаго в одного человека...

— Тетя Джен,— попыталась остановить ее Микки.

Тень грусти легла на гладкое, светлое, веснушчатое лицо Дженевы.

— Он был такой красивый, такой чуткий...— Вздохнув, Микки поднялась, чтобы достать из холодильника вторую банку пива.— Но он сидел на игле. Героин. Все считали, что он — конченый человек, кроме меня. Я просто знала, что он сможет найти в себе силы отказаться от этой пагубной привычки.

— Все это безумно романтично, миссис Ди, но, как моя мать неоднократно доказывала со своими дружками-наркоманами, для них все заканчивается трагически.

— Только не в этом случае,— стояла на своем Дженева.— Я его спасла.

— Спасли? Как?

Открыв банку, Микки вновь села за стол.

— Тетя Джен, этот чуткий наркоман из Чикаго... ты говоришь о Френке Синатре?

— Правда? — У Лайлани округлились глаза. Рука с салатом застыла на полпути от тарелки ко рту.— Тот умерший певец?

— Тогда он еще не умер,— заверила Дженева девочку.— Даже не начал лысеть.

— А сострадательной молодой женщиной, которая спасла его от иглы,— не унималась Микки,— была ты, тетя Джен... или Ким Новак?

Дженева в недоумении сдвинула брови.

— Конечно, в молодости я не могла пожаловаться на внешность, но никогда не решилась бы сравнивать себя с Ким Новак.

— Тетя Джен, ты думаешь о фильме «Мужчина с золотой рукой». В главных ролях Френк Синатра и Ким Новак. В пятидесятые годы народ валил на него валом.

Недоумение на лице Дженевы сменилось улыбкой.

— Ты абсолютно права, дорогая. У меня не было романтических отношений с Синатрой, хотя, окажись он рядом, я не уверена, что смогла бы перед ним устоять.

Вернув вилку с салатом на тарелку, Лайлани вопросительно взглянула на Микки. Наслаждаясь замешательством девочки, Микки пожала плечами:

— Я тоже не уверена, что смогла бы устоять перед ним.

— Ради бога, перестань дразнить ребенка! — воскликнула Дженева.— Ты уж меня прости, Лайлани. У меня проблемы с памятью, с тех пор как мне прострелили голову. Несколько

проводков там перегорело,— она постучала по правому виску.— Поэтому иной раз старые фильмы становятся для меня такой же реальностью, как собственное прошлое.

— Можно мне еще лимонада? — спросила Лайлани.

— Конечно, дорогая.— И Дженева наполнила стакан девочки из стеклянного кувшина, покрытого каплями конденсата.

Микки наблюдала, как их гостья пьет лимонад.

— Не пытайся меня обмануть, девочка-мутант. Не такая уж ты крутая, чтобы тетя Джен не подцепила тебя на крючок.

Опустив стакан, Лайлани кивнула:

— Ты права. Наживку я заглотила. Когда вам прострелили голову, миссис Ди?

— Третьего июля, восемнадцать лет назад.

— Тете Джен и дяде Вернону принадлежал маленький угловой магазинчик, из тех, которые часто превращают в тир, если он расположен не на том углу.

— Перед Днем независимости хорошо шли гамбургеры и пиво,— заметила Дженева.— И расплачивались в основном наличными.

— И кому-то понадобились деньги,— догадалась Лайлани.

— Он вел себя как истинный джентльмен.— Дженева вспомнила тот день, и глаза ее затуманились.

— Если не считать того, что начал стрелять.

— Да, не считая этого,— согласилась Дженева.— Подошел к кассовому аппарату с такой милой улыбкой. Хорошо одетый, с мягким голосом. «Я буду очень признателен, если вас не затруднит отдать мне деньги из кассового аппарата. И пожалуйста, не забудьте про крупные купюры из нижнего отделения».

— А вы отказались отдать ему деньги! — воскликнула Лайлани.

— Господи, да нет же, дорогая. Мы отдали ему все и даже поблагодарили за то, что он избавил нас от необходимости платить подоходный налог.

— Но он все равно вас застрелил?

— Он дважды выстрелил в моего Вернона, а потом, очевидно, в меня.

— Очевидно?

— Я помню, как он стрелял в Вернона. Лучше бы мне этого не помнить, но деваться некуда.— Дженева не погрустнела, как

случилось, когда она «вспоминала» душещипательный роман с Синатрой, а наоборот, просияла.— Вернон был замечательный человек, сладкий, как мед в сотах.

Микки коснулась руки тети.

— Я тоже любила его, тетя Джен.

Дженева посмотрела на Лайлани:

— Мне так недостает его, даже после стольких лет, но я больше не могу оплакивать его, потому что любое воспоминание, даже о том ужасном дне, напоминает мне, какой он был хороший, как любил меня.

— Мой брат, Лукипела... был таким же.— В отличие от Дженевы Лайлани не улыбнулась, наоборот, впала в меланхолию. Серая дымка затянула синие глаза.

И тут по спине Микки пробежал холодок: на мгновение ей словно удалось заглянуть под лицо-маску, скрывающую душу их юной гостьи, и увидеть под ней картину, не столь уж отличающуюся от ее внутреннего ландшафта: тревогу, злость, отчаяние, ощущение собственной никчемности. Если б она спросила об этом Лайлани, девочка стала бы все отрицать, но Микки знала, что не ошиблась. Все это она многократно лицезрела в своей душе.

Но щелочка, в которую заглянула Микки, затянулась столь же быстро, как появилась. Глаза блестели от чувств, но дымка рассеялась. Лайлани перевела взгляд с деформированной руки на улыбающуюся Дженеву. Улыбнулась сама.

— Миссис Ди, вы сказали, что грабитель, очевидно, выстрелил в вас.

— Видишь ли, я, разумеется, знаю, что он в меня стрелял, но в памяти этого не осталось. Я помню, как он стрелял в Вернона, а мое следующее воспоминание — больничная палата, четырьмя днями позже.

— Пуля фактически не пробила ей голову,— добавила Микки.

— Она у меня слишком прочная,— с гордостью заявила Дженева.

— Просто повезло,— уточнила Микки.— Пуля не пробила череп, пусть он и треснул, а отрикошетила от него и проборождила скальп.

— Тогда как же у вас, миссис Ди, перегорели проводки? — спросила Лайлани, постучав себя по голове.

— Трещина в черепе,— ответила Дженева.— Кусочки отлетели в мозг. Плюс кровоизлияние.

— Хирурги вскрыли череп тети Джен, словно банку с фасолью,— пояснила Микки.

— Микки, дорогая, не думаю, что об этом следует говорить за обеденным столом,— мягко укорила племянницу Дженева.

— За нашим я и не такое слышала,— заверила их Лайлани.— Синсемилла полагает себя фотохудожником и, когда мы путешествуем, обожает фотографировать автоаварии. Чем больше крови, тем лучше. И за обедом любит рассказывать, кого она видела размазанным по асфальту. А мой псевдоотец...

— Тот, что убийца,— прервала ее Микки, не подмигнув и не усмехнувшись, словно и не ставила под сомнение тот ужасный семейный портрет, что рисовала им девочка.

— Да, доктор Дум*,— подтвердила Лайлани.

— Не позволяй ему удочерить тебя,— посоветовала Микки.— Даже Лайлани Клонк лучше, чем Лайлани Дум.

— Ну, я не знаю, Микки,— с детской непосредственностью не согласилась с ней тетя Джен.— Мне нравится Лайлани Дум.

Девочка непринужденно взяла банку «Будвайзера», которую Микки поставила на стол, но, вместо того чтобы налить себе пива, покатала банку по лбу, словно охлаждая его.

— Доктор Дум, разумеется, не настоящая фамилия. Так я называю моего псевдоотца за его спиной. Иногда за обедом он любит говорить о людях, которых убил... как выглядели они, когда умирали, об их последних словах, если они кричали, обделались ли они перед смертью. Его это заводит.

Девочка поставила банку на стол так, чтобы Микки не смогла дотянуться до нее рукой. Тем самым определив свой статус. Назначила себя хранительницей трезвости Микки.

— Возможно,— продолжила Лайлани,— вы думаете, что это интересные байки, пусть и несколько необычные, но позвольте вас заверить, это не так.

— А как настоящая фамилия твоего псевдоотца? — спросила Дженева.

---

* Дум — от английского doom — роковой конец, гибель.

Прежде чем Лайлани успела раскрыть рот, на вопрос Дженевы ответила Микки:

— Ганнибал Лектер.

— Для некоторых людей его имя страшнее, чем имя Лектера. Я уверена, вы его слышали. Престон Мэддок.

— Звучит впечатляюще,— заметила Дженева.— Прямо-таки член Верховного суда, сенатор или какая-то знаменитость.

— Он происходит из семьи, принадлежащей к академическому миру Лиги плюща*. Там ни у кого нет нормальных имен. Они дают детям имена почище Синсемиллы. Они все Хадсоны, Ломбарды, Треворы или Кинсли, Уиклиффы, Кристины. Можно состариться и умереть, пытаясь найти среди них Джима или Боба. Родители доктора Дума были профессорами... истории и литературы... поэтому второе имя у него Клавдий. Престон Клавдий Мэддок.

— Я никогда о нем не слышала,— покачала головой Микки.

На лице Лайлани отразилось удивление.

— Разве вы не читаете газеты?

— Я перестала их читать после того, как в них перестали сообщать информацию,— ответила Дженева.— Теперь там только мнения, от первой до последней страницы.

— Его показывали по телевизору.

Дженева покачала головой со сгоревшими проводками.

— По телевизору я смотрю только старые фильмы.

— А я не люблю новости,— объяснила Микки.— Они главным образом плохие, а если не плохие, то лживые.

— Ага.— Глаза Лайлани широко раскрылись.— Вы — двенадцать процентов.

— Кто?

— Всякий раз, когда газетчики или телевизионщики проводят социологический опрос, двенадцать процентов людей не определяются со своим мнением.

Вы можете спросить их, разрешать ли группе безумных ученых создать новый вид разумных существ, скрестив людей с крокодилами, и двенадцать процентов ответят, что по этой проблеме у них еще не сформировалось определенное мнение.

---

* Лига плюща — группа самых престижных частных университетов и колледжей на северо-востоке США. Название связано с тем, что по английской традиции стены университетов — членов Лиги — увиты плющом.

— Я была бы против.— Дженева, как мечом, взмахнула морковкой.

— Я тоже,— согласилась с ней Микки.

— Некоторые люди достаточно злобны и без крокодильей крови в их венах,— добавила Дженева.

— Как насчет аллигаторов? — спросила тетю Микки.

— Я против,— столь же решительно ответила Дженева.

— А если людей скрещивать с ядовитыми гадюками? — предложила Микки.

— Нет, если кто-то меня об этом спросит,— отрезала Дженева.

— Ладно, а что ты скажешь о скрещивании людей со щенками?

Дженева заулыбалась:

— Вот теперь ты говоришь дело.

Микки повернулась к Лайлани.

— Как я понимаю, мы не двенадцать процентов. По многим вопросам у нас есть свое мнение, и мы им гордимся.

Улыбаясь, Лайлани вгрызлась в хрустящий соленый огурчик.

— Ты мне очень нравишься, Микки Би. И вы, миссис Ди.

— И мы тебя любим, сладенькая,— заверила ее Дженева.

— Только одной из вас стреляли в голову, а проводки перегорели у вас обеих... но вы от этого стали только лучше.

— Умеешь ты говорить изящные комплименты,— улыбнулась Микки.

— И такая умная.— В голосе тети Джен слышалась гордость, словно Лайлани была ее дочерью.— Микки, ты знаешь, что ее ай-кью — сто восемьдесят шесть*?

— Я думала, что он у нее будет никак не меньше ста девяноста,— ответила Микки.

— В день тестирования я съела на завтрак шоколадное мороженое,— объяснила Лайлани.— Если б мне дали овсяную кашу, набрала бы на шесть-восемь баллов больше. Но Синсемилла не из тех мамочек, которые забивают холодильник до отказа. Поэтому во время тестирования у меня сначала шел выброс сахара в кровь, а потом наступило сахарное голодание. Только не подумайте, что я жалуюсь. Мне еще повезло, что я съела мороженое. Могла позавтракать и пирожками с марихуаной. Черт, мне повезло, что я не умерла и не похоронена в какой-нибудь безымянной могиле, а черви не занимаются своей страстной червиной любовью в моем пустом черепе... или не уведена на инопланетный звездолет, как Лукипела, и не доставлена на какую-нибудь забытую богом планету, где по телевизору не показывают ничего интересного, а в мороженое для вкуса добавляют толченых тараканов и змеиный яд.

— Значит, теперь мы должны поверить, что помимо мамаши, сдабривающей стручки фасоли сыром и персиками, и убийцы-отчима у тебя еще есть брат, похищенный инопланетянами? — спросила Микки.

— Такова наша нынешняя версия, и мы на том стоим,— кивнула Лайлани.— Странные огни в небе, светло-зеленые левитационные лучи, которые выдергивают тебя из башмаков и засасывают в летающую тарелку, маленькие серые человечки с большими головами и огромными глазами... все как положено. Миссис Ди, можно, я возьму еще одну из этих редисок, которые выглядят как розы?

— Разумеется, дорогая.— Дженева пододвинула блюдечко с редисками поближе к девочке.

— Детка,— Микки рассмеялась и покачала головой,— ты перегнула палку с этим «семейством Аддамс»*. Уж в инопланетян я точно не поверю.

— Откровенно говоря, я тоже не верю,— ответила Лайлани.— Но альтернатива еще чудовищнее, поэтому я просто отбрасываю сомнения.

— Какая альтернатива?

— Если Лукипела не на другой планете, тогда он где-то еще, и это где-то, тут двух мнений быть не может, отнюдь не теплый, чистый, уютный дом, в котором угощают хорошим карто-

---

* В США существует общество, объединяющее самых умных людей страны. Проходной балл — 170. 186 — очень высокий коэффициент интеллектуального уровня.

* Семейство Аддамс — персонажи серии комиксов художника Чарльза Аддамса, публиковавшихся в журнале «Нью-Йоркер» с 1935 г., жутковатое, но смешное семейство монстров. В 1962–1964 гг. об их приключениях сняли телесериал и многосерийный мультфильм, в 90-х гг.— несколько художественных фильмов.

фельным салатом и очень вкусными сандвичами с куриным мясом.

И на мгновение в блестящих синих глазах, за двойными зеркальными отображениями окна и бьющего в него горячего вечернего света, за смутными отражениями разнообразных кухонных теней, что-то начало лениво поворачиваться, как тело в петле палача, медленно вращающееся то по часовой стрелке, то против. Лайлани тут же отвела глаза, но Микки, спасибо выпитой банке «Будвайзера», легко представила себе, что увидела душу, зависшую над пропастью.

Глава 6

Как сказочная сильфида, летающая по воздуху, она приближалась к нему, словно не касаясь пола, высокая и стройная, в костюме из платиново-серого шелка, таком элегантном, словно соткали его из света.

Констанс Вероника Тейвнол-Шармер, жена обожаемого прессой конгрессмена, который раздавал отступные в пакетах для блевотины, вела свой род от верховьев реки человеческих генов, той ее части, что находилась в раю и не разбавлялась притоками грешного мира. Волосы цветом напоминали густую желтизну монет из чистого золота, достойным наследницы семьи, многие поколения которой укрепляли ее благополучие в банках и брокерских конторах. Черты лица, высеченные в камне, принесли бы скульптору высочайшие похвалы и, возможно, бессмертие, если измерять последнее столетиями и находить его в музеях. И глаза, какие у нее были глаза, разрезом напоминающие ивовый лист, зеленые, как весна, и холодные, как прохлада в тенистой роще!

Двумя неделями раньше, при первой встрече, Ной Фаррел сразу же невзлюбил ее, из принципа. Рожденная в богатстве и благословленная красотой, она скользила по жизни, как на коньках, всегда с улыбкой, согретая даже на самом холодном ветру, выписывая изящные фигуры сверкающими лезвиями, тогда как вокруг нее люди дрожали от холода и проваливались сквозь лед, который, крепкий под ней, становился предательски тонким под ними.

А вот когда миссис Шармер уходила по завершении их беседы, нелюбовь с первого взгляда уступила место восхищению. Вела она себя скромно, не выставляла напоказ свою красоту, отчего смотрелась еще эффектнее, держала деньги в кошельке, а не трясла ими, как поступали многие, богатством сравнимые с ней.

Ей было сорок, всего на семь лет больше, чем Ною. Другая столь же красивая женщина могла бы разбудить в нем сексуальный интерес... даже восьмидесятилетняя старуха, поддерживающая молодость вытяжкой из обезьяньих желез. К этой, третьей встрече он воспринимал ее скорее как сестру: с желанием только защитить и удостоиться похвалы.

Она заставила прикусить язык живущего в нем циника, и ему нравилась эта внутренняя тишина, которой он лишился много лет тому назад.

Подойдя к открытой двери президентского люкса, у которой стоял Ной, она протянула руку. Он бы поцеловал ее, будь помоложе и поглупее.

Но они обменялись рукопожатием. Хватка у нее была крепкая.

В голосе не чувствовалось звона денег, презрения к правильной речи или очевидной нехватки образования, зато слышались спокойная уверенность в себе и далекая музыка.

— Как сегодня настроение, мистер Фаррел?

— Вот удивляюсь, что мне может нравиться в моей работе?

— Быть шпионом или частным детективом захватывающе и драматично.

Мне всегда нравились романы Рекса Стаута.

— Неприятно, знаете ли, постоянно приносить плохие вести.— Он отступил в сторону, давая ей пройти.

Президентский люкс принадлежал миссис Шармер. Не потому, что она сняла его для своих нужд: ей принадлежал весь отель. Всеми своими деловыми предприятиями она руководила сама. Если бы конгрессмен организовал за ней слежку, ее появление в отеле ранним вечером не вызвало бы у него подозрений.

— Разве вы приносите только плохие вести? — спросила она, когда Ной закрыл за собой дверь и последовал за ней в гостиную.

— Так часто, что создается ощущение, будто всегда.

В гостиной легко разместилась бы семья в двенадцать человек из какой-нибудь страны «третьего мира» вместе с домашними животными.

— А почему бы вам не заняться чем-то еще? — полюбопытствовала она.

— В копы меня больше не возьмут, а в голове нет кнопки перенастройки.

Если я не могу быть копом, значит, буду заниматься тем же, что и коп, пусть без бляхи, а если когда-нибудь не смогу делать и этого... ну, тогда...

Поскольку он замолчал, фразу закончила она: «Тогда и хрен с ним».

Ной улыбнулся. Потому-то она ему нравилась. Класс и стиль, без всякой претенциозности.

— Именно так.

Люкс отвечал самым изысканным вкусам. Медовые тона, удобная мебель, музыкальный центр с колонками черного дерева, встроенный в стенку домашний кинотеатр.

Вместо того чтобы устроиться в креслах, они предпочли просмотреть фильм на ногах.

Горела одна лампа. Тени, как присяжные, заполнили углы.

Кассету Ной вставил в видеомагнитофон заранее. Теперь нажал кнопку «PLAY» на пульте дистанционного управления.

На экране тихая улица Анахайма. Камера установлена намного выше уровня земли, нацелена на дом любовницы конгрессмена.

— Какой странный угол,— отметила миссис Шармер.— Где вы находились?

— Снимал не я. Мой помощник в окне чердака дома напротив.

Владелец получил денежную компенсацию. Пункт семь в вашем счете.

Камера еще сильнее наклонилась вниз, захватив «шевроле» Ноя, припаркованный у тротуара, не первой молодости, но полный сил, на момент съемки еще готовый рвануть с места, не превращенный в груду искореженного металла.

— Это мой автомобиль,— пояснил он.— Я — за рулем.

Камера приподнялась, повернулась направо: в ранних сумерках на улицу свернул серебристый «ягуар». Остановился у дома

любовницы, открылась дверца со стороны пассажирского сиденья, из кабины вышел высокий мужчина, «ягуар» укатил.

Крупный план мужчины, доставленного «ягуаром»: конгрессмен Джонатан Шармер. Профиль — идеал для каменных памятников героического периода истории страны, хотя своими действиями он доказал, что ни душа, ни сердце ни в малейшей степени не соответствуют его лицу.

Он лучился самодовольством, словно праведник — святостью, стоял, гордо вскинув голову, казалось, восхищался красотой закатного неба.

— Поскольку он установил за вами слежку, ему с самого начала стало известно, что вы наняли меня. Да только он не знает, что я в курсе. Он уверен, что я не смогу уехать с фотокамерой и пленкой. Вот он и играет со мной, как кошка с мышкой. О моем помощнике на чердаке он не подозревает.

Наконец конгрессмен подошел к двери двухэтажного дома и нажал на кнопку звонка.

Максимально крупный план выхватил молодую брюнетку, которая открыла дверь. В обтягивающих шортах и топике, едва не лопающемся на груди. Если бы в таком виде ее увидел случайный прохожий, у него точно глаза полезли бы на лоб.

— Ее зовут Карла Раймс,— доложил Ной.— Сценический псевдоним, когда она танцевала, Тиффани Таш.

— Полагаю, не в балете.

— В ночном клубе «Планета Киска».

На пороге Карла и политик обнялись. Даже в надвигающихся сумерках, даже под тенью козырька над дверью их долгий поцелуй не подпадал под категорию платонических.

— Она состоит в штате сотрудников благотворительного фонда вашего мужа.

— «Круга друзей».

Парочка на экране больше напоминала не друзей, а сиамских близнецов, сросшихся языками.

— Получает тридцать шесть тысяч в год.

Картинка не сопровождалась звуком. Он появился лишь после завершения поцелуя. Джонатан Шармер и сотрудница его благотворительного фонда, а по совместительству и любовница, завели отнюдь не романтический разговор.

«Этот говнюк Фаррел действительно объявился, Джонни?»

«Прямо не смотри. Старый «шеви» на другой стороне улицы».

«Этот маленький извращенец даже не может себе позволить нормальный автомобиль».

«Мои парни и этот превратят в металлолом. Надеюсь, у него есть деньги на проезд в автобусе».

«Готова спорить, он сейчас гоняет шкурку, наблюдая за нами».

«Я обожаю твой грязный ротик».

Карла захихикала, сказала что-то неразборчивое и увлекла Шармера в дом, закрыв за ним дверь.

Констанс Тейвнол — в том, что от второй части фамилии она избавится в самое ближайшее время, сомнений быть не могло — не отрываясь смотрела на экран. За конгрессмена она вышла замуж пять лет тому назад, до первой из его трех успешных политических кампаний*. Создав «Круг друзей», он приобрел имидж специалиста по нестандартным подходам к решению социальных проблем, а женитьба на Констанс принесла ему класс и респектабельность. Для абсолютно беспринципного мужа такая вторая половина по существу являлась моральным эквивалентом сверкающей брони, которая ослепляла знатоков политического закулисья не красотой, а безупречностью репутации, отчего сам Шармер не вызывал никаких подозрений и желания приглядеться к его делишкам.

— С камерой синхронизирован высокоэффективный направленный микрофон,— объяснил Ной.— Мы добавляли звук, лишь когда разговор становился уликой против него.

— Стриптизерша. Какая проза! — Даже в печали, облаком которой накрыла ее видеозапись, она нашла нотку юмора, иронию, неизменно присутствующую в человеческих отношениях.— Джонатан культивирует образ умудренного жизненным опытом человека. Репортеры видят в нем себя. Они простили бы ему все, даже убийство, но теперь превратятся в стаю волков, потому что такая тривиальность их оскорбит.

Пленка крутилась без звука, сумерки тем временем сменились ночью.

---

* Члены палаты представителей американского конгресса переизбираются каждые два года.

— Мы используем камеру и специальную особо чувствительную пленку, которая позволяет фиксировать изображение даже при минимуме света.

Ной ожидал услышать зловещую музыку, предупреждающую о близости нападения на «шеви». Иногда Бобби Зун не мог устоять перед применением на практике знаний, полученных в школе кинематографии.

В самом первом их совместном проекте юноша представил отлично снятый и эффектно смонтированный десятиминутный фильм, главную роль в котором сыграл разработчик программного обеспечения, меняющий дискеты с наиболее важными секретами работодателя на чемодан с деньгами. Начинался он короткой заставкой: «Фильм Роберта Зуна». Бобби страшно огорчился, когда Ной приказал ему убрать заставку.

В случае с Шармером Бобби не удалось «поймать» приближения Щенят, радостно размахивающих кувалдой и монтировкой. Он сосредоточился на доме Карлы, на освещенном окне спальни, где зазор между портьерами обещал кадры, достойные первых полос таблоидов.

Внезапно камера ушла вниз, слишком поздно для того, чтобы показать зрителям разлетающееся вдребезги лобовое стекло. А вот уничтожение бокового стекла со стороны пассажирского сиденья на пленку попало, вместе с выскочившим из кабины Ноем и лыбящимися физиономиями двух одетых в яркие костюмы бегемотов, которые из утренних программ мультфильмов, служивших для них единственным источником образования в годы формирования личности, почерпнули лишь повадки отрицательных героев.

— Несомненно, это трудные подростки, которых «Круг друзей» уберег от кривой дорожки и помог восстановить доброе имя. Я ожидал, что меня заметят и предложат убраться, но почему-то думал, что все пройдет гораздо скромнее.

— Джонатан любит ходить по острию ножа. Риск его возбуждает.

Словно подтверждая слова Констанс Тейвнолл, камера переместилась с «шеви» на выходящее на улицу окно спальни. Портьеры уже раздвинули.

Карла Раймс стояла у окна обнаженная, демонстрируя прелести верхней половины тела: нижнюю скрывала стена. Джо-

натан, тоже в чем мать родила, высился у нее за спиной, положив руки ей на плечи.

Вернулся звук. Из грохота, вызванного избиением «шеви», направленный микрофон выхватил смех и большую часть комментариев, которыми Карла и конгрессмен сопровождали действо, доставляющее им огромное удовольствие.

Насилие возбуждало их. Руки Джонатана с плеч спустились на голые груди Карлы. Скоро он вошел в нее сзади.

Раньше конгрессмен восхищался «грязным ротиком» Карлы. Теперь доказывал, что с таким лексиконом, как у него, не стыдно показаться в трущобах Вашингтона, округ Колумбия. Он по-всякому обзывал ее, оскорблял, как мог, а на женщину, похоже, каждое слово действовало, словно таблетка «Виагры» на мужчину.

Ной нажал кнопку «STOP» на пульте дистанционного управления.

— Дальше все то же самое.— Он вытащил кассету из видеомагнитофона и положил в большой пакет для покупок с надписью «Ниман-Маркус»*.— Я положил вам еще две копии плюс кассеты с отснятым материалом, до монтажа.

— Хорошо.

— У меня тоже остались копии, вдруг с вашими что-то случится.

— Я его не боюсь.

— Я в этом и не сомневался. Далее... дом Карлы куплен на деньги «Круга друзей». Полмиллиона, под видом гранта на исследовательские работы. Номинально собственником является принадлежащая ей некоммерческая корпорация.

— Все они такие бескорыстные благотворители.— В голосе слышался исключительно сарказм, но не горечь.

— Они виновны не только в запрещенном использовании средств фонда в личных целях. «Круг друзей» получает миллионные государственные субсидии, а значит, они нарушают немало других федеральных законов.

— У вас есть доказательства, подкрепляющие ваши слова?

---

* «Ниман-Маркус» — сеть универмагов одноименной техасской компании, распространенная по всей стране. Основана в 1907 г. Понятное дело, что приобретенные товары покупатели уносят в фирменных пакетах.

Ной кивнул.

— Все в пакете «Ниман-Маркуса»...— Он замялся, но решил, что исключительная сила этой женщины — достойный соперник слабостям конгрессмена. Правда ее сломать не могла.— Карла Раймс не единственная его любовница. Вторая в Вашингтоне, третья в Нью-Йорке. Их дома тоже куплены на деньги «Круга друзей».

— И все это в пакете? Тогда вы уничтожили его, мистер Фаррел.

— С превеликим удовольствием.

— Он вас недооценил. И я, к сожалению, должна признать, что не возлагала на вас особых надежд.

При их первой встрече она упомянула о том, что предпочла бы большое детективное агентство или частную охранную фирму, располагающую достаточными ресурсами, чтобы действовать на территории всей страны.

Она, правда, подозревала, что все эти акулы сыска время от времени выполняли поручения как отдельных политиков, так и ведущих политических партий. Ее тревожило, что компания, на которой она решила бы остановиться, могла иметь общие дела с ее мужем или с одним из его приятелей в конгрессе и прийти к выводу, что в долговременной перспективе предательство ее интересов принесет большую выгоду, чем успешное выполнение задания.

— Вы меня не обидели,— улыбнулся Ной.— Ни один человек в здравом уме не должен возлагать особые надежды на детектива, у которого конторой является его квартира... жалкие три комнаты над офисом гадалки.

Она присела за письменный стол, раскрыла сумочку, достала чековую книжку.

— А почему так? Почему вы не хотите расширяться?

— Миссис Тейвнол, вы когда-нибудь видели хорошо выдрессированную собаку?

На ее классическом лице отразилось недоумение.

— Простите?

— Еще маленьким мальчиком я видел фантастическое представление. Золотистый ретривер творил что-то немыслимое. Какие он только не выполнял трюки. Когда я понял, каким потенциалом обладают собаки, какими они могут быть умными, я

задался вопросом: а почему они счастливы тем, что их просто водят на поводке? Конечно, это не та проблема, над которой следует задумываться маленьким мальчикам. Двадцатью годами старше я вновь увидел собаку, выполняющую самые замысловатые трюки, но к тому времени жизнь уже подсказала мне ответ. У собак есть талант... но нет амбиций.

Недоумение уступило место состраданию, и Ной знал, что она не только услышала его слова, но и поняла подтекст.

— Но вы же не собака, мистер Фаррел.

— Может, и нет, но уровень моих амбиций примерно такой же, как и у старого бассета в жаркий летний день.

— Даже если вы настаиваете на отсутствии амбиций, ваш талант заслуживает более высокой оплаты. Могу я взглянуть на общий счет, о котором вы упомянули?

Он достал из пакета «Ниман-Маркуса» счет и пакет из вощеной бумаги, по-прежнему набитый сотенными.

— Что это? — спросила она.

— Отступные от вашего мужа, десять тысяч баксов, предложенные мне одним из его «шестерок».

— Отступные за что?

— Частично — компенсация за автомобиль, остальное — за предательство ваших интересов. Вместе с видеокассетами в пакете лежат мои нотариально заверенные показания с приметами человека, который дал мне деньги, и подробным пересказом нашего разговора.

— У меня и без этого достаточно доказательств, чтобы уничтожить Джонатана. Оставьте взятку себе в качестве премиальных. Приятно знать, что его деньги наконец-то пойдут на пользу хорошему человеку.

— Это грязные деньги, отмываться от которых у меня нет ни малейшего желания. Мне вполне достаточно суммы, проставленной в счете.

Написав на чеке его фамилию, она подняла голову, посмотрела на Ноя.

На губах Констанс заиграла улыбка.

— Мистер Фаррел, вы — первый встреченный мною бассет со столь твердыми принципами.

— Знаете, я ведь мог и завысить счет, чтобы компенсировать эти десять тысяч,— заметил он, хотя ничего такого не делал и знал, что у нее даже не возникнет желания усомниться в его честности.

Он не сумел принять ее комплимент с достоинством, и его это злило.

Не мог он понять и другого: почему у него возникло желание оговаривать себя?

Покачав головой, с улыбкой на губах, она вновь склонилась над чековой книжкой.

По поведению женщины, по загадочности ее улыбки Ной мог предположить, что она понимает его лучше, чем он сам. Такое предположение не располагало к приятным раздумьям, поэтому он занялся делом: выключил телевизор, закрыл резные створки домашнего кинотеатра. Она тем временем заполнила чек, расписалась, вырвала листок из чековой книжки и протянула Фаррелу.

Стоя у двери президентского люкса, он наблюдал, как Констанс Тейвнол идет по коридору с приговором конгрессмену в пакете от «Ниман-Маркуса». Тяжесть предательств мужа ни на миллиметр не изогнула позвоночник леди. Она по-прежнему напоминала сильфиду, не шла — плыла по воздуху. А после ее ухода, после того как леди повернула за угол, воздух, казалось, завибрировал от какой-то сверхъестественной энергии, словно видимая часть женщины ушла, а незримая — осталась.

Пока красные сумерки сменялись лиловыми, которые, в свою очередь, уступили место ночи, Ной оставался в президентском с тремя спальнями люксе, слоняясь из комнаты в комнату, поглядывая из окон на миллионы огненных цветков, которые распускались на равнинах и холмах, населенных людьми, на мерцающий блеск электрического сада. И хотя некоторые любили это место, называя его воссозданным раем, все здесь было пожиже, чем в исходном Саду, за исключением одного: если считать змея неотъемлемой частью райского интерьера, здесь в листве прятался не один змей, а полчища ядовитых гадюк, прекрасно обученных силами тьмы, знающих, кого и как можно обмануть и предать.

Он кружил по люксу, пока не решил, что Констанс Тейвнол хватило прошедшего времени, чтобы покинуть отель. Ной не хотел, чтобы его засек кто-нибудь из соглядатаев конгрессмена, притаившийся в машине, чтобы последовать за женщиной.

Он мог бы задержаться и подольше, если бы не намеченная встреча. Время, отведенное для посещений в раю для одиноких и давно забытых, истекало, а там его ждал подбитый ангел.

Глава 7

Итак, ее брат на Марсе, несчастная мать — наркоманка, а приемный отец — безжалостный убийца. Эксцентричные байки Лайлани, безусловно, пришлись бы к месту за обедом в сумасшедшем доме, но, хотя и в Casa Geneva* иной раз жизнь выкидывала немыслимые фортели, а от безжалостной августовской жары плавились мозги, забывался здравый смысл и логика теряла свою притягательность, Микки решила, что они устанавливали новый стандарт иррациональности для этого трейлера, где раньше ближайшей отметкой на пути к безумию являлись благовоспитанное валяние дурака или сумасбродное самообольщение.

— Так кого убил твой отчим? — тем не менее спросила она, подыграв Лайлани только по одной причине: все веселее, чем говорить о неудачных поисках работы.

— Да, дорогая, кого он прихлопнул? — Глаза тети Джен зажглись неподдельным интересом. Иногда она путала впечатления реальной жизни с киношными фантазиями, а потому, возможно, с меньшим, чем Микки, скептицизмом восприняла хичкоковско-спилберговскую биографию девочки.

Ответила Лайлани без малейшей запинки:

— Четырех пожилых женщин, троих пожилых мужчин, тридцатилетнюю мать двоих детей, богатого владельца гей-клуба в Сан-Франциско, семнадцатилетнего звезду футбольной команды средней школы в Айове... и шестилетнего мальчика в инвалидной коляске, неподалеку, в городе Тастин.

Конкретность ответа приводила в замешательство. Слова Лайлани задели колокольчик в голове Микки, и по его звону она поняла, что девочка если и выдумывает, то не все.

Днем раньше, при их первой встрече, на предложение Микки не говорить о матери всякие гадости, Лайлани ответила: *«Это правда. Я бы не смогла такого придумать».*

---

* Casa Geneva — дом Дженевы *(исп.)*.

Но отчим, совершивший одиннадцать убийств? Который убил пожилых женщин? Маленького мальчика в инвалидной коляске?

И пусть интуиция убеждала Микки, что она слышит правду, логика настаивала на том, что все это — чистая фантазия.

— Если он убил стольких людей, почему он до сих пор на свободе? — спросила Микки.

— Это удивительно, не так ли? — ответила Лайлани.

— Более чем удивительно. Невозможно.

— Доктор Дум говорит, что мы живем в век смерти, поэтому такие, как он,— герои нашего времени.

— И что сие должно означать?

— Я не объясняю мировоззрение доктора. Я его цитирую.

— Получается, что он — отвратительный человек.— По тону выходило, будто Лайлани обвинила Мэддока лишь в том, что тот регулярно портил воздух и грубил монахиням.

— На вашем месте я бы не приглашала его к обеду. Между прочим, он не знает, что я здесь. Он бы этого не разрешил. Но сегодня его нет дома.

— Я бы скорее пригласила Сатану,— ответила Дженева.— Ты приходи в любое время, Лайлани, а вот ему лучше держаться по другую сторону забора.

— Он и будет. Он не любит людей, если только они не мертвы. Не станет по-соседски болтать с вами, облокотившись на забор. Но если вы наткнетесь на него, не называйте Престоном или Мэддоком. Нынче он выглядит по-другому и путешествует под именем Джордан... «зовите меня Джорри»... Бэнкс. Если вы назовете его настоящим именем или фамилией, он поймет, что я его выдала.

— Я вообще не буду с ним говорить,— замахала руками Дженева.— После того, что я здесь услышала, лучше ударю его, чем заговорю с ним.

И прежде чем Микки смогла кое-что уточнить, Лайлани сменила тему:

— Миссис Ди, копы поймали человека, который ограбил ваш магазин?

Помедлив с ответом, Дженева дожевала последний кусочек сандвича с курицей.

— От полиции никакого толку, дорогая. Мне пришлось выслеживать его самой.

— Потрясающе! — В сгущающихся тенях, которые затемняли, но не охлаждали кухню, в рубиновом свете заходящего солнца, Лайлани, с блестящим от пота лицом, ожидала продолжения. Несмотря на ай-кью гения, несмотря на знание изнанки жизни, несмотря на показной цинизм, девочка сохранила доверчивость ребенка.— Но как вы смогли переплюнуть копов?

Ответ тети Джен прозвучал в тот самый момент, когда Микки чиркнула спичкой, чтобы зажечь три свечи, стоявшие на середине стола: «Никакие детективы не могут составить конкуренцию оскорбленной женщине, если она решительна, храбра и обладает железной волей».

— Ты, конечно, храбра,— заметила Микки, зажигая вторую свечу,— но, подозреваю, ты думаешь об Эшли Джадд или Шарон Стоун, а возможно, и о Пэм Грайер.

Наклонившись через стол к Лайлани, Дженева драматически зашептала:

— Я нашла мерзавца в Новом Орлеане.

— Ты же никогда не бывала в Новом Орлеане,— с улыбкой напомнила ей Микки.

Дженева нахмурилась:

— Может, это был Лас-Вегас.

Микки хватило одной спички, чтобы зажечь все три свечи, и, задув ее, она повернулась к тете:

— Это не настоящие воспоминания, тетя Джен. Ты опять позаимствовала их из какого-то фильма.

— Правда? — Дженева все еще сидела, наклонившись над столом. Мерцающие огоньки свечей отбрасывали тени на ее лицо, освещали глаза, в которых отражался сумбур мыслей.— Но, дорогая моя, я так отчетливо все помню... то чувство глубокого удовлетворения, которое я испытала, застрелив его.

— У тебя же нет пистолета, тетя Джен.

— Это правильно. У меня нет пистолета.— Внезапная улыбка Дженевы сверкнула ярче свечки.— Теперь, когда я подумала... человек, которого застрелили в Новом Орлеане... это был Алек Болдуин.

— А Алек Болдуин определенно не грабил магазин тети Джен,— заверила Микки девочку.

— Хотя я не стала бы открывать при нем кассовый аппарат,— Дженева поднялась.— Алек Болдуин скорее злодей, чем герой.

Но Лайлани хотела докопаться до истины.

— Так человек, который убил мистера Ди... его поймали?

— Нет,— ответила Микки.— За восемнадцать лет копы не нашли ни одной ниточки.

— Как ужасно.

Проходя мимо девочки, Дженева остановилась и положила руки на ее хрупкие плечи. И со смешком, без малейшей примеси горечи сказала: «Это нормально, дорогая. Если человек, застреливший моего Вернона, еще не жарится в аду, он туда скоро попадет».

— Я не уверена, что ад существует,— ответила Лайлани с серьезностью человека, не один час уделившего обдумыванию этого вопроса.

— Сладенькая моя, разумеется, существует. На что был бы похож наш мир без туалетов?

Этот странный вопрос поверг Лайлани в замешательство, она взглянула на Микки в ожидании пояснений.

Та лишь пожала плечами.

— Жизнь после смерти без существования ада,— терпеливо объяснила тетя Джен,— была бы грязной и невыносимой, как нынешний мир без туалетов.— Она поцеловала девочку в макушку.— Вот и мне пора откликнуться на зов природы, посидеть, подумать.

После того как Дженева, покинув кухню, прошла коротким темным коридором и закрыла за собой дверь ванной, Лайлани и Микки, оставшиеся за столом, посмотрели друг на друга. Несколько секунд, окутанные вязкой августовской жарой, они безмолвствовали, как три язычка пламени, мерцающие между ними.

Первой нарушила тишину Микки:

— Если ты хочешь прослыть в этих местах оригиналом, тебе придется сильно постараться.

— Конкуренция высока,— признала Лайлани.

— Значит, твой отчим — убийца.

— Полагаю, могло быть и хуже,— ответила девочка с нарочитой небрежностью.— Он мог ходить в чем попало. Изворот-

ливый адвокат может найти смягчающие обстоятельства практически каждому убийству, но нет оправданий безвкусному гардеробу.

— Он хорошо одевается?

— Он соблюдает определенный стиль. По крайней мере, в его компании показаться не стыдно.

— Хотя он убивает старушек и мальчиков-инвалидов?

— Насколько мне известно, только одного мальчика.

За окном раненый день, от которого осталось лишь пятно артериальной крови, разлитой по западному горизонту, укрывался саваном из золота и пурпура.

Когда Микки начала убирать со стола посуду, Лайлани отодвинула стул и собралась встать.

— Расслабься.— Микки зажгла лампочку над раковиной.— Я управлюсь.

— Я не калека.

— Чего ты такая обидчивая? Ты — гость, а мы не берем с гостей плату и не просим их отработать съеденное и выпитое.

Не слушая ее, девочка взяла с разделочного столика пластиковые крышки и начала накрывать миски с недоеденными салатами.

Сполоснув тарелки и столовые приборы, Микки оставила их в раковине, чтобы помыть позже, и повернулась к Лайлани.

— Логично предположить, что все твои разговоры об отчиме-убийце — плод буйной фантазии, попытка добавить особый штришок к образу мисс Лайлани Клонк, яркому юному эксцентричному мутанту.

— Это неправильное предположение.

— Всего лишь пустые слова...

— Пустые слова — это не мое.

— ...но в этих пустых словах может скрываться более серьезный подтекст.

Лайлани поставила миску с картофельным салатом в холодильник.

— Так... ты думаешь, что я говорю загадками?

Действительно, дикие истории о Синсемилле и докторе Думе стали основой очень тревожной версии, возникшей в голове Микки. Если бы она высказала свои подозрения в лоб, то наверняка услышала бы в ответ новые увертки Лайлани. По причи-

нам, на анализ которых времени у нее не было, ей хотелось помочь девочке, какая бы помощь той ни требовалась.

Не желая встречаться с Лайлани взглядом, избегая малейшего намека, который девочка могла истолковать как попытку вторгнуться в ее личную жизнь, Микки вновь взялась за посуду.

— Не загадками. Иногда нам нелегко о чем-то говорить, поэтому мы всеми силами стараемся обойти эту тему.

Лайлани поставила в холодильник салат с макаронами.

— Это твой метод? Ты обходишь то, о чем не хочешь поговорить? А я? Я должна догадаться, что волнует тебя больше всего?

— Нет, нет,— Микки замялась.— Ну, да, да, я часто так делаю. Но в данный момент речь не обо мне. Может, ты хочешь обойти какую-то тему, рассказывая нам эти пугающие истории о докторе Думе, убивающем мальчиков в инвалидных креслах?

Краем глаза Микки заметила, что девочка перестала убирать со стола, и повернулась к ней.

— Помоги мне, Мичелина Белсонг. От твоих разговоров голова у меня пошла кругом. Какую тему, по-твоему, я старательно обхожу?

— Я понятия не имею, что ты обходишь,— солгала Микки.— Ты сама должна мне это сказать... когда сочтешь нужным.

— Как давно ты живешь у миссис Ди?

— Какая разница? Неделю.

— Одна неделя, а ты уже так поднаторела в одурманивающих разговорах. Хотелось бы мне услышать, как вы беседуете вдвоем, без толики здравомыслия, которую привносит в ваш диалог мое присутствие.

— Это ты привносишь здравомыслие? — Микки домыла посуду.— Скажи честно, когда ты в последний раз ела тофу и консервированные персики, наложенные в тарелку поверх фасолевых стручков?

— Я никогда этого не ела. Но Синсемилла ставила это блюдо на стол в понедельник. Давай скажи мне, о чем, по-твоему, я избегаю говорить? Ты сама завела этот разговор, значит, ты что-то подозреваешь.

Микки огорчило, что ее психологический экспромт оказался столь же успешным, как попытка создания атомного реактора из подручных средств или проведение нейрохирургической операции кухонным ножом.

Вытерев руки полотенцем, она повернулась к девочке:

— Я ничего не подозреваю. Лишь даю знать: если ты хочешь о чем-то поговорить, вместо того чтобы ходить вокруг да около, я здесь.

— О боже! — И если искорки в глазах Лайлани могли означать не веселость, а что-нибудь другое, то в голосе безошибочно слышался смех.— Ты считаешь, что я выдумываю истории об убийствах, совершенных доктором Думом, потому что боюсь или мне стыдно рассказать о том, что он действительно делает. Ты подумала, что на самом деле его потные, грязные, шкодливые ручонки никогда не сжимались на чьей-то шее, зато постоянно ползают по мне.

Возможно, девочка искренне изумилась тому, что кто-то может представить себе доктора Дума в роли растлителя малолетних. А может, она лишь изобразила изумление, чтобы скрыть стеснение: очень уж близко подобралась Микки к правде.

Дилетантское использование методов психоанализа в попытке истолковать реакцию пациента имело одно неоспоримое преимущество. Если бы Микки вот так, по-дилетантски, строила атомный реактор, то она уже обратилась бы в облако радиоактивной пыли.

А тут ей лишь пришлось задавать прямые вопросы, чего она поначалу пыталась избежать.

— А они ползают?

— Есть миллион доказательств абсурдности этой идеи.— Девочка взяла со стола вторую, не допитую Микки банку «Будвайзера».

— Назови одну.

— Престон Клавдий Мэддок по существу асексуальное создание,— заверила ее Лайлани.

— Таких не бывает.

— А как насчет амебы?

Микки уже достаточно хорошо понимала эту необычную девочку, знала, что в ее сердце много тайн, приобщиться к которым можно, лишь завоевав ее полное доверие, а путь его обретения только один: уважать Лайлани, принимать как данность ее эксцентричность, а следовательно, и участвовать в ее словесных играх. Этим и руководствовалась Микки, отвечая: «Я не уверена, что амебы асексуальны».

— Ладно, тогда парамеции,— ответила Лайлани, проталкиваясь мимо Микки к раковине.

— Я даже не знаю, кто такие парамеции.

— Печально. Разве ты не ходила в школу?

— Ходила, но плохо слушала. А кроме того, не можешь ты изучать амеб и парамеций в четвертом классе.

— Я не в четвертом классе.— Лайлани вылила теплое пиво в раковину.— Мы — цыгане двадцать первого века, в постоянном поиске лестницы к звездам, никогда не сидим на одном месте достаточно долго, чтобы пустить хоть единственный корешок. Я учусь дома и в настоящее время осваиваю программу двенадцатого класса.— Пивная пена пышно поднялась над сливным отверстием, запах солода заглушил тонкий аромат горячего воска, идущий от свечей.— Да, на бумаге мой учитель — доктор Дум, но на самом деле я учусь сама. Это называется самообразованием. Я — самоучка, хорошая самоучка, потому что даю сама себе под зад, если не проявляю достаточного прилежания, а это любопытное зрелище, с учетом вот этой железяки,— Лайлани указала на ортопедический аппарат, а потом здоровой рукой смяла пустую банку из-под пива.— Доктор Дум, возможно, был хорошим профессором, когда работал в университете, но теперь я не могу полагаться на него, когда дело касается собственного образования, потому что невозможно концентрироваться на занятиях, если учительская рука шарит у тебя под юбкой.

На этот раз Микки подыгрывать ей не стала.

— Смешного в этом ничего нет, Лайлани.

Глядя на промятую банку в своем кулачке, избегая взгляда Микки, девочка продолжила:

— Да, признаю, эта шутка не такая забавная, как разные анекдоты о глупых блондинках, которые мне очень нравятся, потому что я сама блондинка. И конечно, над лужей пластиковой блевотины смеются громче. Опять же, эта шутка не проливает света на важный вопрос, растлевали меня или нет.— Она открыла дверцу шкафчика под раковиной и бросила банку в мусорное ведро.— Но дело в том, что доктор Дум никогда не прикоснулся бы ко мне, даже если бы был извращенцем, потому что жалеет меня, как жалеют раздавленную грузовиком собаку, наполовину размазанную по асфальту, но еще живую.

И находит мои дефекты развития столь отвратительными, что, попытайся он меня поцеловать, его вывернуло бы наизнанку.

Несмотря на шутливый тон, слова Лайлани более всего напоминали рой ос, а звучащая в них правда причиняла девочке не меньшую боль, чем их ядовитые жала.

Сочувствие переполняло сердце Микки, но она предпочла промолчать, опасаясь, что сказанное будет неправильно истолковано.

А Лайлани, заполняя паузу, вызванную молчанием Микки, заговорила быстрее, словно боялась, что поток слов, прервавшись на мгновение, может пересохнуть совсем, оставив ее безмолвной и беззащитной.

— Насколько я помню, старина Престон коснулся меня дважды, и речь идет не о прикосновениях, за которые похотливых мужчин сажают в тюрьму. Просто прикоснулся, без всяких задних мыслей. И оба раза кровь так отливала от лица бедняжки, что он прямо-таки превращался в ходячий труп... Правда, я должна признать, что пахло от него лучше, чем от трупа.

— Замолчи.— Микки мысленно выругала себя за резкие нотки, которые послышались в этом слове. Добавила мягче: — Пожалуйста, замолчи.

Лайлани наконец посмотрела на нее. Прекрасное личико девочки оставалось непроницаемым, свободным от эмоционального напряжения, как бронзовая физиономия Будды.

Возможно, она ошибочно верила, что все секреты души написаны у нее на лбу, а может, на лице Микки увидела больше, чем хотела увидеть. Но она выключила лампу над раковиной, вернув их в сумрак, разгоняемый лишь пламенем свечей.

— Ты никогда не бываешь серьезной? — спросила Микки.— Обходишься исключительно остротами, пустой болтовней?

— Я *всегда* серьезна, но я всегда смеюсь в душе, это точно.

— Смеешься над чем?

— Ты еще не остановилась, не огляделась, Мичелина Белсонг? Над жизнью. Это одна нескончаемая комедия.

Они стояли в трех футах друг от друга, лицом к лицу, и, несмотря на жалость и сострадание, которые Микки испытывала к девочке, в их пикировке не обошлось без элемента противостояния.

— Я не понимаю твоего отношения к жизни.

— О Микки Би, ты все понимаешь, будь уверена. Ты такая же умница, как я. Слишком много всякого происходит у тебя в голове, так же как и в моей. Ты это прячешь, но я-то вижу.

— Ты знаешь, о чем я думаю? — спросила Микки.

— Я знаю, о чем ты думаешь и почему. Ты думаешь, будто доктор Дум растлевает маленьких девочек, потому что жизненный опыт научил тебя так думать. Мне становится очень грустно, Микки Би, когда я начинаю осознавать, через что тебе пришлось пройти.

От слова к слову голос девочки снижался до шепота, и тем не менее этот нежный голосок тараном проламывал дверь в сердце Микки, дверь, которую она давно уже заперла на все замки, засовы, задвижки. За этой дверью лежали бурные страсти и нерешенные конфликты, эмоции, столь неистовые, что одного признания их существования, после долгого отрицания, было достаточно, чтобы у Микки перехватило дыхание.

— Когда я говорю, что старина Престон — убийца, а не растлитель, ты просто не можешь с этим сжиться. Я знаю, почему не можешь, и это нормально.

Захлопни дверь! Запри на замки, засовы, задвижки. Прежде чем девочка смогла сказать что-то еще, Микки отвернулась от порога, за которым хранились эти нежеланные воспоминания, вновь обрела способность дышать и говорить:

— Я собиралась сказать совсем другое. Я думаю, ты боишься, что перестанешь смеяться...

— Потому что до смерти напугана,— согласилась Лайлани.

Неготовая к такой прямоте, Микки замямлила:

— ...потому что... потому что, если...

— Я знаю все эти «потому что». Не нужно их перечислять.

За два дня знакомства с Лайлани Микки перенесло, словно смерчем, в неведомые ей края. Она путешествовала по стране зеркал, которые поначалу все искажали, как в комнате смеха, но тем не менее то и дело она наталкивалась на собственные отражения, точные до мельчайших деталей, выставляющие напоказ все ее чувства и эмоции, и отворачивалась от них в отвращении, злости, страхе. Эта девочка, с ясными глазами, со стальным ортопедическим аппаратом на ноге, проказница и выдумщица, поначалу вроде бы делилась с ней яркими фантазиями, не уступающими грезам Дороти о стране Оз.

Однако Микки не заметила желтых кирпичей на этой дороге, и теперь, на маленькой кухне, вдыхая горьковатый запах теплого пива при свете трех свечей, сдерживающих настойчивые, зловещие тени, ее вдруг пронзило ужасающее осознание того, что ноги Лайлани, одна нормальная, вторая — деформированная, ступали не по сказочным дорогам, а по неровному проселку реальности.

— Я говорила только правду,— нарушила молчание девочка, словно читая мысли Микки.

И тут же снаружи донесся вопль.

Микки посмотрела в открытое окно, за которым догорали последние пурпурные лучи заката, со всех сторон теснимые чернотой ночи.

Вопль повторился, на этот раз более протяжный, полный муки, страха, страданий.

— Синсемилла,— назвала источник Лайлани.

Глава 8

Еще не прошло и двадцати четырех часов с того момента, как мальчик-сирота едва разминулся со смертью, в памяти ребенка ярко пылает фермерский дом и слышатся ужасные крики его обитателей. Но он жив и сидит за рулем новенького «форда-эксплорера». На пассажирском сиденье устроилась собака, теперь его неразлучный друг. Они слушают радиопрограмму классических песен Дикого Запада, на тот момент звучат «Призрачные всадники неба». Они мчатся сквозь ночь Юты, в четырех футах над асфальтом.

Иногда, если вдоль дороги не стоит стеной лес, через боковые окна они могут видеть звездное небо, у горизонта, но не над головой, где положено скакать призрачным всадникам. А в лобовом стекле — задний борт еще одного, без пассажиров, «эксплорера», плюс днища внедорожников, стоящих на верхней платформе двухъярусного прицепа для перевозки легковушек.

Ближе к вечеру они забрались в прицеп на огромной стоянке для грузовиков неподалеку от Прово*, воспользовавшись

* Прово — небольшой город в штате Юта. Сам штат расположен западнее Колорадо, на пути в Калифорнию. Между Ютой и Калифорнией находится Невада.

тем, что водитель пошел перекусить. Дверь одного из «эксплореров» открылась, и мальчик с собакой нырнули в кабину.

Собака инстинктивно чувствовала, что в «эксплорере» они непрошеные гости, поэтому, свернувшись в комок, тихонько лежала рядом с хозяином, не высовываясь в окно, пока не вернулся насытившийся водитель и они не тронулись в путь. Но и потом, при свете дня, они старались держаться ниже окон, чтобы их случайно не увидели из обгоняющих трейлер легковых автомобилей и не сообщили водителю о пассажирах-«зайцах».

На часть денег, взятых в доме Хэммондов, оголодавший мальчик купил на стоянке для грузовиков два чизбургера. Как только трейлер выехал на автостраду, он съел один, а второй мелкими кусочками скормил собаке.

А вот с маленьким пакетиком картофельных чипсов он такой щедрости не проявил. Такие они были хрустящие, такие вкусные, что он стонал от наслаждения, засовывая их в рот.

Экзотическим блюдом показались они и для собаки. Первый чипс она повертела на языке, похоже, удивленная и вкусом, и жесткостью, потом долго пережевывала соленый деликатес. Точно так же поступала и с остальными кусочками, которые отрывал от сердца молодой хозяин.

Воду мальчик пил прямо из бутылки, но с собакой этот номер не прошел: все закончилось лишь мокрыми шерстью и обивкой. Но на пластиковой консоли между сиденьями имелись углубления под чашки, и, когда мальчик наполнил одно из них водой, его друг без труда утолил жажду.

Покинув горы Колорадо, они тайком несколько раз пересаживались с одного грузовика в другой.

Вот и теперь ехали неизвестно куда, бродяги, обремененные тяжким грузом воспоминаний.

Убийцы обладают огромным опытом выслеживания жертв, их козыри — природные навыки и электронное оборудование, они столь изобретательны и хитры, что могут выйти на след мальчика, как бы быстро он ни наращивал разделявшие их мили. И хотя расстояние служит препятствием для врагов, время его надежный союзник... по крайней мере, он в это верит.

Каждый час выживания приближает его к абсолютной свободе, каждый новый рассвет на чуть-чуть, но уменьшает страх.

И теперь, в ночи, опустившейся на штат Юта, он гордо сидит за рулем «эксплорера» и поет под музыку припев, который

запоминает сразу, после первого же куплета. Призрачные всадники неба. Бывают ли такие?

Федеральная автострада* 15, по которой они мчатся на юго-запад, не пустует и в этот час, но нельзя сказать, что трасса забита. За широкой разделительной полосой машины держат путь на северо-восток, к Солт-Лейк-Сити, и кажется, что они заряжены какой-то злой энергией, словно рыцари, скачущие на турнир. Копья света пронизывают темноту пустыни. По соседним полосам легковушки обгоняют прицеп с внедорожниками, время от времени мимо проносятся и большие грузовики.

Цифровой дисплей радиоприемника подсвечивается от аккумулятора, но отсвет слишком слабый, чтобы привлечь внимание тех, кто пролетает мимо на скорости семьдесят или восемьдесят миль в час. Мальчик не боится, что его увидят. Не хочется только оставаться без приятной музыки, которая оборвется, если сядет аккумулятор.

Уютно устроившись в темном салоне внедорожника, наполненного приятными запахами новой кожи обивки и сохнущей шерсти собаки, мальчик не обращает особого внимания на проезжающие мимо автомобили. Он следит за ними разве что краем глаза, слышит рев двигателей да иногда чувствует, как воздушной волной чуть покачивает прицеп.

«Призрачных всадников неба» сменяет «Холодная вода», песня о мучимом жаждой ковбое и его лошади, бредущих по пустыне. После «Холодной воды» приходит черед рекламной паузе, петь больше нечего.

И когда мальчик поворачивается к боковому окну, он видит, как мимо проскакивает знакомый грузовик, и скорость его куда больше той, с которой он вез мальчика и собаку, устроившихся среди одеял и седел. Рама с фарами, установленная на крыше белой кабины. Черный брезент, обтягивающий кузов. Вроде бы тот самый грузовик, который стоял на узкой сельской дороге неподалеку от фермы Хэммондов меньше двадцати четырех часов тому назад.

Разумеется, этот грузовик не единственный в своем роде. На ранчо Запада наверняка используются сотни таких же.

* Федеральные автострады — система транзитных скоростных многорядных автомагистралей. Четные номера присвоены дорогам, ведущим с востока на запад, нечетные — с севера на юг.

Однако интуиция настаивает, что это не просто похожий грузовик, а тот самый.

Он и собака покинули первое убежище на колесах вскоре после рассвета, к западу от Гранд-Джанкшен*, когда водитель и его напарник остановились, чтобы залить в бак горючее и позавтракать.

Этот прицеп с внедорожниками стал их третьим катящимся домом, после того как беглецы расстались с одеялами и седлами. От Гранд-Джанкшен до Прово они добрались с промежуточной пересадкой, на двух других грузовиках, повозивших их по штату Юта. С учетом прошедшего времени и случайности выбора средства передвижения вероятность встречи с первым казалась очень уж малой, хотя и возможной.

Совпадение, однако, зачастую представляет собой проявление в остальном скрытого от глаз замысла. И сердце безапелляционно убеждает мальчика в том, с чем отказывается соглашаться рассудок: это не случайное событие, но часть плана, а план этот — поймать его и убить.

Крыша грузовика блестит, белая, как человеческий череп. Один угол черного тента полощется, словно подол платья Смерти. Грузовик проскакивает мимо так быстро, что мальчик не успевает заметить, кто сидит в кабине и есть ли у них оружие.

Вроде бы двое мужчин в ковбойских шляпах, но он не уверен, те ли это мужчины, что привезли его с гор к Гранд-Джанкшен. Он не сумел разглядеть их лиц ни тогда, ни теперь.

Даже если бы он их и опознал, возможно, сейчас они уже не те мирные ранчеры, перевозящие седла для родео или конного шоу. Они могли стать частью широкой сети, раскинутой над сухим морем пустыни, чтобы поймать единственного выжившего в той резне в Колорадо.

Теперь они умчались в ночь, не подозревая о том, что проехали в нескольких футах от него... или заметили и решили перехватить при первой же остановке.

Собака сворачивается калачиком на пассажирском сиденье и лежит, опустив голову на консоль, ее глаза поблескивают отраженным светом дисплея.

* Гранд-Джанкшен — город на западе штата Колорадо, через который проходят автострады 50 и 70.

Поглаживая собаку по голове, почесывая сначала за одним ухом, потом за другим, испуганный мальчик находит успокоение в шелковистой шерсти и тепле своего друга. Ему удается справиться с волнами дрожи, прокатывающимися по телу, но не с холодом, поселившимся внутри.

Нет второго такого беглеца, как он, никого не ищут с таким рвением, не только на Западе, по всей стране, от океана до океана. Мощные силы брошены на поиски, безжалостные охотники бороздят ночь.

Мелодичный голос доносится из радиоприемника, рассказывая историю одинокого ковбоя и его девушки в далеком Техасе, но желание подпевать у мальчика пропало.

Глава 9

Баньши, сорокопуты, рвущие на куски добычу, стая охотящихся койотов, вервольфы под полной луной не могли бы издать более холодящего кровь крика, чем вопль, на который Лайлани отозвалась словом «Синсемилла»,— а Микки шагнула к двери и открыла ее.

Спустившись по трем бетонным ступеням на траву в последнем красном отсвете сумерек, Микки осторожно двинулась к забору. Но осторожность не остановила ее: она не сомневалась, что кому-то требуется немедленная помощь, ибо кричал этот человек от невыносимой боли.

По соседнему двору, за покосившимся забором из штакетника, металась фигура в белом одеянии, словно охваченная огнем и пытающаяся сбить пламя. Да только ни единого языка этого самого пламени Микки не разглядела.

Она подумала о пчелах-убийцах, которые также могли заставить фигуру носиться по двору. Но солнце село, а ночью пчелы не летали, пусть пропеченная за день земля излучала достаточно тепла. Да и воздух не вибрировал от сердитого жужжания.

Микки оглянулась на передвижной дом. Лайлани стояла в дверном проеме, в слабом свете свечей четко очерчивался ее силуэт.

— Я еще не съела десерт.— И девочка исчезла из виду.

Призрак в темном соседнем дворе перестал вопить, но и в молчании, столь же тревожном, что и крики, продолжал поворачиваться, извиваться, подпрыгивать. Призрачное белое одеяние раздувалось и кружилось, словно жило в своем ритме.

Подойдя к забору, Микки разглядела, что перед ней человеческое существо, а не гость из других миров. Бледная, гибкая, худая, женщина кружилась, нагибалась, выпрямлялась, вновь кружилась, переступая босыми ногами по выжженной солнцем траве.

Вроде бы физической боли она не испытывала. Возможно, своим танцем пыталась сбросить излишек энергии, но, что более вероятно, то был какой-то спастический припадок.

Она была в длинной комбинации из шелка или нансука*, красиво расшитой, с широкими бретельками и лифом, отделанным кружевами. Кружева тянулись и по подолу. Чувствовалось, что комбинация не просто вышедшая из моды, она — из далекого прошлого, старинная, женщины могли носить такие не в нынешний век быстрого секса, а в поствикторианскую эпоху, и пролежала она на чердаке, в чьем-то сундуке, многие десятилетия.

Шумно выдыхая, жадно хватая воздух широко раскрытым ртом, женщина, похоже, стремилась довести себя до полного изнеможения.

— Миссис Мэддок? — позвала Микки, двигаясь вдоль забора к упавшей секции.

Жалобный визг, сорвавшийся с губ танцующей женщины, не был ни ответом, ни свидетельством физической боли. Так могла повизгивать несчастная собака, которую вдруг посадили в клетку.

Лежащие на земле штакетины затрещали под ногами Микки, когда она переходила на соседний участок.

А женщина-дервиш вдруг опустилась на землю, не человек — тряпичная кукла, без единой кости, и застыла.

Микки поспешила к ней, встала на колени.

— Миссис Мэддок? Вы в порядке?

Женщина лежала не шевелясь, чуть приподняв верхнюю половину тела на худеньких локотках и опустив голову. Лицо находилось в дюйме-двух от земли, скрытое пологом волос, белоснежных в свете луны и остатка дня, но, наверное, такого же

* Нансук — бельевая хлопчатобумажная ткань.

цвета, как у Лайлани. Воздух клокотал у нее в груди. При каждом шумном выдохе волосяной полог раздувался, потом опадал.

С заминкой Микки положила успокаивающую руку на ее плечо, но миссис Мэддок не отреагировала на прикосновение, точно так же как и на свою фамилию, и на вопрос. Волны дрожи прокатывались по ее телу.

Оставаясь рядом с женщиной, Микки подняла голову и увидела Дженеву, которая стояла на верхней ступеньке лестницы у двери на кухню, наблюдая. Лайлани оставалась в трейлере.

Определенно не понимая, что происходит, тетя Джен радостно помахала ей рукой, должно быть, принимая передвижной дом за океанский лайнер, отправляющийся в долгий круиз.

Микки не удивилась, когда ответила тетушке тем же. За неделю, проведенную у Дженевы, она уже свыклась с ее отношением к плохим новостям и ударам судьбы. Джен встречала любую неудачу не просто со стоическим смирением, а с распростертыми объятиями. Она отказывалась сосредоточивать на ней свое внимание или печалиться из-за случившегося, выказывала твердую решимость воспринимать как скрытое благословение очередную свалившуюся на нее беду, словно нисколько не сомневаясь, что со временем эта беда обязательно обернется благом. Где-то в глубине души Микки понимала, что такой подход к тяготам жизни давал наилучшие результаты, если тебе прострелили голову и ты путаешь сюжеты сентиментальных фильмов с реалиями жизни, но другая ее часть, изменяющаяся Микки, находила не только утешение, но и душевный подъем в философии тетушки Джен.

Дженева вновь помахала рукой, более энергично, но прежде чем Микки успела продолжить этот разговор жестов в духе Эбботта и Костелло*, лежащая на земле женщина вдруг жалобно захныкала. Хныканье перешло в долгий, протяжный стон, сменившийся плачем — не лениво катящимися по щекам слезами меланхолической девы, но рыданиями, сотрясающими все тело.

---

* Эбботт и Костелло — знаменитый комедийный дуэт. Начали сниматься в кино в 30-е годы, много выступали на радио и телевидении. Их программу «Эбботт и Костелло», одну из самых популярных на телевидении, многие телекомпании показывают и сегодня.

— Что не так? Чем я могу помочь? — обеспокоилась Микки, хотя уже не ожидала ни связного ответа, ни вообще какой-то реакции.

В арендованном Мэддоками передвижном доме горела лампа и плотные занавески тлели темно-оранжевым светом, еще более неприятным, чем зловещий огонек в пугающем фонаре из тыквы с прорезанными отверстиями в виде глаз, носа и рта. Занавески закрывали все окна, из трейлера за ними никто не наблюдал. Через открытую дверь Микки видела пустую кухню, которую вырывала из темноты подсветка настенных часов.

Если Престон Мэддок, он же доктор Дум, находился в доме, то демонстрировал абсолютное безразличие к страданиям жены.

Микки ободряюще сжала плечо женщины. И обратилась к ней по единственно известному ей имени, пусть и верила, что оно — плод богатого воображения Лайлани.

— Синсемилла?

Женщина вскинула голову, словно от удара кнутом, пряди светлых волос заметались по воздуху. Ее лицо, наполовину скрытое темнотой, напряглось, глаза широко раскрылись от ужаса.

Она сбросила с плеча руку Микки. Поползла от нее по траве. Последнее рыдание комком встало в горле, а когда женщина попыталась проглотить его, из груди вырвался уже не стон, а рычание.

Она больше не горевала о только ей ведомых утратах, теперь ею в равной степени двигали злость и страх.

— *Я тебе не принадлежу!*

— Успокойтесь, успокойтесь,— ворковала Микки, не поднимаясь с колен.

— Ты не сможешь контролировать меня именем!

— Я лишь пыталась...

Ярость, охватившая женщину, нарастала с каждым новым словом.

— Ведьма с метлой в заднице, ведьмина сучка, сатанинское отродье, старая колдунья, спустившаяся с луны с моим именем на языке, ты думаешь, что сможешь наложить на меня заклятие, догадавшись, как меня зовут, но этому не бывать, никому не удастся повелевать мною, и тут не помогут ни магия, ни деньги, ни сила, ни врачи, ни законы, ни ласковые уговоры, никто и НИКОГДА не будет повелевать мною!

Микки осознала, что на дикую тираду, которая для этой ослепленной яростью женщины могла стать прелюдией к насилию, есть только один ответ: молчание и отступление. Не поднимаясь с колен, она попятилась к забору.

Но и это движение, символизирующее желание разойтись миром, еще больше разъярило женщину. Синсемилла не вскочила, а буквально взлетела с земли. Подол обернулся вокруг ног, пряди волос заметались, как змеи на голове Медузы. Вместе с собой она подняла едкие клубы пыли и порошка, в который под испепеляющими лучами солнца обратилась трава.

Сквозь стиснутые зубы она прошипела: «Ведьмина сучка, колдовское семя, ты меня не испугаешь!»

Не отрывая глаз от напрягшейся, словно изготовившейся к прыжку Синсемиллы, Микки поднялась с колен и продолжала пятиться к забору, не решаясь повернуться спиной к соседке, приехавшей в трейлерный городок прямиком из ада.

Вороватое облако заграбастало монету-луну. Но в последних остатках дня, догоравших на западном горизонте, Микки успела разглядеть фамильное сходство этой безумной женщины и Лайлани, не оставляющее сомнений в том, что они — мать и дочь.

Когда под ногами затрещали хрупкие штакетины, она поняла, что нашла пролом в заборе. Хотела посмотреть вниз, опасаясь зацепиться ногой за одну из них, но не решилась оторвать глаз от непредсказуемой соседки.

А ярость в Синсемилле, похоже, потухла так же внезапно, как разгорелась. Она поправила на плечах широкие бретельки длинной, до пола, комбинации, обеими руками подняла широкий подол и потрясла его, словно сбрасывая пыль и кусочки сухой травы. Выгнув спину, закинув голову, разведя руки, женщина сладко потянулась, словно пробудилась после очень приятного сна.

Рассудив, что уже отошла на безопасное расстояние, где-то в десяти футах от забора Микки остановилась, глядя на мать Лайлани, зачарованная ее необычным поведением.

— Микки, дорогая,— позвала тетя Джен, выглянув из двери,— мы ставим десерт на стол, так что не задерживайся,— и скрылась в кухне.

Раскаявшись в совершенном преступлении, облако отпустило украденную луну, и Синсемилла вскинула тонкие руки к небу, словно лунный свет наполнял ее счастьем. Подставив лицо серебряным лучам, она медленно повернулась, потом бочком двинулась по кругу. А вскоре уже танцевала, легко и непринужденно кружилась в медленном вальсе, под музыку, которую слышала только она, с лицом, запрокинутым к луне, словно последняя была принцем, сжимающим ее в своих объятиях.

С соседнего участка донесся смех. Не безумный, как могла бы ожидать Микки, нет, девичий, нежный и мелодичный, даже застенчивый.

Через минуту смех затих, а с ним окончился и тур вальса. Женщина позволила невидимому партнеру проводить ее до лесенки к двери на кухню, села на бетонную ступеньку, зашуршав расшитым подолом, школьница из другого века, вернувшаяся к одному из стульев, расставленных вокруг танц-пола.

Не замечая Микки, Синсемилла сидела, уперевшись локтями в колени, обхватив подбородок ладонями, уставившись в звездное небо. Юная девушка, мечтающая о романтике любви и потрясенная бесконечностью Вселенной.

Потом ее пальцы прошлись по лицу. Голова упала. Потекли слезы, сопровождаемые всхлипываниями, такими тихими, что до Микки они долетали голосом настоящего призрака: едва слышным криком души, попавшей в ловушку пустоты между поверхностными мембранами этого и последующего миров.

Ухватившись за перила, Синсемилла с трудом встала со ступеньки, поднялась к двери, переступила порог, ушла к настенным часам и теням кухни.

Микки ладонями отряхнула колени, сбрасывая сухие соломинки, прилипшие к коже.

Августовская жара, словно бульон в котле каннибала, покрыла ее кожу тонкой пленкой пота, а тихая ночь и не пыталась своим дыханием охладить этот летний суп.

Правда, в мозгу у нее сработал внутренний термостат. Да так, что Микки задрожала от холода и даже подумала, что капельки пота на лбу превратились в бисеринки льда.

Лайлани не жить!

Микки отшвырнула эту ужасную мысль, едва она возникла в ее голове.

Она тоже выросла в неблагополучной семье, без отца, с жестокой матерью, не способной на любовь, подавлявшей психологически, избивавшей ее... однако выжила. Лайлани оказалась не в лучшей ситуации, но и не в худшей, чем Микки, просто в другой. Трудности закаляют тех, кто не гнется, не ломается, а Лайлани, в свои девять, определенно стала несгибаемой.

Тем не менее Микки ой как не хотелось возвращаться на кухню Дженевы, где ждала девочка. Если, рассказывая о Синсемилле, Лайлани ни на йоту не погрешила против истины, означало ли это, что ее отчим, доктор Дум, действительно убил одиннадцать человек?

Только вчера, в этом самом дворике, когда Микки жарилась на солнце, забавляясь разговором с опасным мутантом, как себя охарактеризовала Лайлани, девочка произнесла несколько, как теперь выяснялось, значимых фраз. Одна как раз всплыла в памяти. Девочка спросила, верит ли Микки в жизнь после смерти, а когда Микки обратилась к ней с тем же вопросом, ответила просто: *«Мне лучше верить»*.

На тот момент ответ показался Микки странным, но и не особенно мрачным. И однако эти три слова несли бóльшую нагрузку, чем товарные поезда, на которых Микки мечтала уехать, когда в другое время и в другом месте лежала без сна, прислушиваясь к ритмичному перестуку колес и свисткам локомотивов.

Здесь и теперь. Августовская ночь. Луна. Звезды и бесконечность. И никаких поездов для Лайлани, возможно, никаких и для Микки.

Ты веришь в жизнь после смерти?

Мне лучше верить.

Четыре пожилые женщины, четверо пожилых мужчин, тридцатилетняя мать двоих детей... шестилетний мальчик в инвалидном кресле... И где брат девочки, Лукипела, о котором она говорила так загадочно?

Может, он стал двенадцатой жертвой Престона Мэддока?

Ты веришь в жизнь после смерти?

Мне лучше верить.

— Святой Боже,— прошептала Микки.— Что же мне делать?

Глава 10

Восемнадцатиколесные трейлеры, груженные чем угодно, от уточных бобин до зимозиметров*, рефрижераторы, набитые мороженым или мясом, сыром или замороженными обедами, прицепы с плоской платформой, на которой лежали бетонные трубы, строительная арматура, железнодорожные шпалы, прицепы для перевозки легковых автомобилей, трейлеры с перфорированными бортами для перевозки скота, бензовозы, цистерны с химическими продуктами: десятки огромных грузовиков с потушенными фарами, но включенными габаритными огнями и лампами на кабинах окружают бетонные островки автозаправок точно так же, как миллионы лет назад стегозавры и бронтозавры паслись в опасной близости от бездонных трясин, которые заглатывали их тысячами, сотнями тысяч. Рыча, урча, шипя, отдуваясь, каждый большой грузовик ждет встречи со шлангом, по которому в его чрево потечет болотный дистиллят возрастом в двести миллионов лет.

Так мальчик-сирота представляет себе современную теорию появления смолистых отложений вообще и нефтяных в частности. Так написано везде, от учебников до интернетовских сайтов. И хотя он полагает, что идея превращения динозавров в дизельное топливо достаточно глупа, чтобы первым ее выдвинул Даффи Дак** или другая звезда «Песенок с приветом»***, он поглощен этим захватывающим зрелищем: огромное стадо грузовиков, ревущее, гудящее, воняющее, собравшееся посреди темной, молчаливой, практически лишенной запаха пустыни.

Из своего убежища, кабины «эксплорера», стоящего на первом ярусе прицепа, он наблюдает, как мужчины и женщины заправляют свои грузовики. Некоторые выделяются нарядом: ковбойские сапоги ручной работы, расшитые джинсовые куртки, футболки с названиями автомобильных компаний, блюд

* Зимозиметр — прибор для определения степени сбраживания.

** Даффи Дак — утенок, старейший персонаж многочисленных мультфильмов студии «Уорнер бразерс». Создан в 1937 г. художником Чаком Джонсом.

*** «Песенки с приветом» — название серии мультфильмов студии «Уорнер бразерс». Главные герои — Даффи Дак, кролик Байнс Банни, поросенок Порки Пиг.

быстрого приготовления, марок пива, баров от Омахи до Санта-Фе, от Абилейна до Хьюстона, от Рено до Денвера.

Не замечая всей этой суеты, не вдохновляясь в отличие от мальчика романтикой дальних дорог и экзотическими местами, названия которых он читает на груди этих цыган скоростных магистралей, собака дремлет, свернувшись калачиком на переднем пассажирском сиденье.

Заполнив бак, трейлер с внедорожниками отъезжает от автозаправки, но не возвращается на дорогу. Вместо этого водитель сворачивает на огромную стоянку с намерением перекусить или отдохнуть.

Такую большую стоянку мальчик видит впервые: с мотелем, зоной, отведенной для домов на колесах, рестораном, магазином сувениров и, как мальчик прочитал на щите-указателе при съезде с трассы, «полным набором услуг». Он никогда не был на карнавале, но чувствует, что попал в эпицентр шумного праздника.

А потом они проезжают мимо знакомого грузовика, который стоит под фонарем в конусе желтого света. Он меньше, чем гигантские восемнадцатиколесники, припаркованные бок о бок на черном асфальте. Белая кабина, черные брезентовые стены кузова. Грузовик с седлами из Колорадо.

Мгновением раньше мальчику не терпелось обследовать это место. Теперь он хочет одного: уехать отсюда, и побыстрее.

Их прицеп сворачивает в зазор между двумя здоровенными грузовиками.

Пневмотормоза шипят и вздыхают. Глохнет двигатель. «Эксплореры» на обоих ярусах по инерции подаются чуть вперед, словно вдруг проснувшиеся лошади, грезившие о тучных пастбищах, потом назад и замирают в глубокой тишине, сравнимой с той, что царила на лугах Колорадо.

Когда клубок черно-белой шерсти на пассажирском сиденье вновь превращается в собаку и поднимает голову, оценивая новую ситуацию, мальчик озабоченно говорит: «Нам пора двигаться».

В одном аспекте близость тех, кто его ищет, особого значения не имеет. Вероятность того, что на него могут напасть в ближайшие минуты, ничуть не уменьшилась бы, окажись он за тысячу миль от этой стоянки. Мать часто говорила ему: если ты

умен, хитер и смел, то сможешь спрятаться у всех на виду с той же легкостью, как в хорошо замаскированном схроне. Ни местоположение, ни расстояние не имеют решающего значения для выживания: важно только время. Чем дольше он будет оставаться на свободе и неузнанным, тем меньше шансов на то, что его поймают.

Но при этом осознание того, что охотники *совсем рядом*, тревожит. Их близость заставляет его нервничать, а нервничая, он становится не таким умным, не таким хитрым, не таким храбрым, а потому они смогут найти его, узнать, будь он у всех на виду или в пещере на глубине тысячи футов от поверхности земли.

Очень осторожно он открывает дверцу внедорожника и ступает на платформу прицепа.

Прислушивается. К сожалению, он не охотник, а потому не знает, к чему именно надо прислушиваться. Далекий гул доносится от автозаправки.

Едва слышно звучит музыка, само собой, кантри, песнь сирены Дикого Запада несется над укрытой ночью пустыней, обещая неземное блаженство.

Платформа чуть шире «эксплорера», и зазор, конечно же, слишком узок для того, чтобы собака могла благополучно спрыгнуть с сиденья водителя, на которое она уже перебралась. Если она спрыгнула с крыши над крыльцом дома Хэммондов, то, безусловно, ей по силам спрыгнуть на асфальт, благо расстояние между вертикальными стойками прицепа это позволяет. Не такой уж это и подвиг, даже по собачьим меркам, но вот уверенности новому другу мальчика определенно не хватает. Оставаясь на насесте-сиденье, собака смотрит налево, направо, жалобно повизгивает, словно чувствует, что в одиночку не справится, умоляюще смотрит на своего хозяина.

Мальчик снимает собаку с сиденья «эксплорера», точно так же как раньше поднимал ее в кабину. Его качает, но он удерживается на ногах и ставит собаку на металл платформы.

Затем мальчик осторожно закрывает дверцу внедорожника, а собака отправляется к заднему борту платформы. Останавливается там, поджидая хозяина.

Вскинув голову, навострив уши, принюхиваясь. Пушистый хвост, обычно гордо вскинутый, опущен.

Хотя и одомашненная, собака в какой-то степени все равно остается охотником, и, как и у мальчика, у нее есть инстинкт выживания. А потому тревогу собаки следует воспринимать со всей серьезностью. Вероятно, она уловила угрожающий, а может, просто подозрительный запах.

В этот момент ни один грузовик не заезжает на стоянку, не покидает ее. Не видно и водителей.

Хотя неподалеку, как минимум двести метров, стоянка безлюдна, словно любой кратер на поверхности Луны.

С запада, из пустыни, дует легкий ветерок, теплый, но не горячий, неся с собой слабый запах песка и аромат растущих там кактусов.

Мальчик вспоминает о доме, который, скорее всего, ему уже больше не увидеть. Ностальгия охватывает его, быстро перекидывая мостик к воспоминаниям об ужасной гибели всей семьи, его вновь качает: поток горя, вливающийся в сердце, буквально валит с ног.

Позже. Слезы позже. Прежде всего выживание. Он слышит, как мамина душа убеждает его взять себя в руки и оставить до лучших времен оплакивание близких.

Собака не хочет покидать прицеп с внедорожниками, словно опасность надвигается со всех сторон. Хвост опускается еще ниже, обвивается вокруг задней правой лапы.

Мотель и ресторан находятся на востоке, невидимые, скрытые рядами грузовиков. Определить их местонахождение можно лишь по отсвету красной неоновой вывески. Мальчик направляется к ним.

Собака стала не только единственным другом мальчика, между ними установилась телепатическая связь. Отбросив страхи, она семенит рядом с хозяином.

— Хорошая собачка,— шепчет мальчик.

Они проходят мимо восьми грузовиков и находятся позади заднего борта девятого, когда собака вдруг тихонько рычит, и мальчик мгновенно останавливается.

Даже если бы он не почувствовал тревогу собаки, то в свете ближайшего фонаря прекрасно видно, что шерсть у нее встала дыбом.

Собака вглядывается с масленую тьму под большим грузовиком. Вместо того чтобы вновь зарычать, она смотрит на мальчика и тихонько скулит.

Доверяя мудрости своего собрата по несчастью, мальчик опускается на корточки, одной рукой опирается о задний бампер, вглядывается в темноту. Видит только параллельные колеса и коридор между ними.

Внезапно глаз улавливает движение, не под грузовиком, а рядом с ним. Ковбойские сапоги, заправленные в них синие джинсы. Кто-то идет вдоль трейлера, приближаясь к заднему борту, у которого сидит мальчик.

Скорее всего, это обычный дальнобойщик, понятия не имеющий об охоте на мальчика, которая, не привлекая внимания, ведется сейчас по всему Западу. Наверное, возвращается из ресторана, плотно пообедав, с полным термосом кофе, чтобы продолжить путь.

За первой парой сапог появляется вторая. Двое мужчин, не один. Оба молчат, оба идут уверенно, знают куда.

Может, обычные водители. Может — нет.

Юный беглец ложится на асфальт и заползает под трейлер, собака не отстает. Прижавшись друг к другу, оба наблюдают за проходящими мимо сапогами, и сердце мальчика учащенно бьется, уже не от страха, а от возбуждения: схожие ситуации имеют место во всех приключенческих романах, которые он так любит читать.

Да, конечно, сейчас ощущения совсем не те, какие получаешь, перелистывая страницы книг. Юным героям этих историй, от «Острова сокровищ» до «Янтарной подзорной трубы», не вспарывали живот, их не обезглавливали, не отрывали руки и ноги, не приносили в жертву, а с ним обойдутся именно так, он это знает, вот ему и трудно смотреть в будущее с уверенностью, присущей персонажам этих книг. Так что к возбуждению подмешивается нервозность, какой не испытывал даже Гекльберри Финн, а ведь тому тоже пришлось натерпеться страха. Но он тем не менее мальчик, и программа, заложенная в него природой, способствует выбросу в кровь адреналина при событиях, призванных проверить его отвагу, выдержку, ум.

Двое мужчин подходят к заднему борту трейлера, останавливаются, должно быть, оглядывают стоянку, может, никак не могут вспомнить, где оставили свой грузовик. Они молчат, словно прислушиваются к звукам, которые только охотники могут уловить и истолковать.

Несмотря на затраченные усилия, несмотря на жаркую ночь, собака дышит совершенно бесшумно. Неподвижно лежит под боком хозяина.

Хорошая собачка.

Ветер не только несет из пустыни запахи, напоминающие мальчику о доме, он также подметает стоянку, поднимает облачка пыли, тащит с собой высохшие травинки и бумажки. Одна из таких бумажек лениво скользит по асфальту, пока не цепляется за носок одного из сапог. Огни на стоянке яркие, и с расстояния нескольких футов мальчик видит, что это ценная бумажка: пятидолларовая купюра.

Если незнакомец наклонится, чтобы поднять деньги, он может заглянуть под грузовик... нет, даже если он опустится на колено, вместо того чтобы наклониться, его голова будет значительно выше днища трейлера. Он не сможет разглядеть контуры мальчика и собаки, спрятавшихся в глубокой тени между колес.

Подрожав у носка сапога, пятидолларовая купюра освобождается... и ныряет под задний борт.

В темноте мальчик теряет ее из виду. Он не отрываясь смотрит на ковбойские сапоги.

Конечно, хотя бы один из мужчин попытается достать из-под грузовика пять баксов.

В большинстве детских книг, да и во взрослых тоже, приключения всегда сопряжены с поисками сокровищ. Этот шарик вращается на золотой оси. Именно так и сказал одноногий, с попугаем на плече пират в одном из романов.

Однако никого из ковбоев смятая пятерка не заинтересовала. По-прежнему молча они идут дальше, прочь от грузовика.

Вероятность, что ни один из них не заметил купюру, ничтожно мала.

Проявив полное безразличие к пяти долларам, они выдали себя: они лихорадочно ищут что-то гораздо более ценное и не могут позволить себе отвлекаться по пустякам.

Мужчины шагают на запад, в ту сторону, где остался прицеп с внедорожниками.

Мальчик и его спутник ползут вперед, дальше под трейлер, к кабине, потом выбираются из укрытия на открытое пространство между двумя грузовиками, где им на глаза и попались ковбойские сапоги.

Очевидно, выхватив маленькое сокровище из зубов ветра, собака держит в пасти пятидолларовую купюру.

Хорошая собачка.

Мальчик берет пятерку, складывает, прячет в карман джинсов.

Денег у них в обрез, и они не могут надеяться, что ветер принесет им новые, как только старые закончатся. Но на какое-то время они избавлены от угрызений совести, вызванных необходимостью совершить еще одну кражу.

Может, собаки не способны испытывать угрызения совести. Никогда раньше собаки у мальчика не было. Он знает о них только из фильмов, книг да по нескольким случайным встречам.

Вот этот пес, который шумно дышит, поскольку теперь шумное дыхание ничем им не грозит, точно заслуживает добрых слов. Настоящий разбойник, любитель приключений, живущий по простым законам джунглей.

Став братьями, они изменят друг друга. Собака может понять, что над ней, как и над ее хозяином, постоянно висит дамоклов меч смерти, и это будет грустно. Но мальчик знает, что на их отчаянном и, возможно, долгом пути к свободе ему нельзя многое брать от диких животных, прежде всего непродуманную и поспешную ответную реакцию на действия врагов.

Собака бесстыдно справляет малую нужду прямо на асфальте.

Мальчик обещает себе, что никогда не откажется от привычки пользоваться туалетом, как бы ни побуждал его к этому пример нового друга.

Пора двигаться.

Двое молчаливых мужчин, направившиеся к прицепу с внедорожниками, возможно, не единственные, кто ищет его в ночи.

Лавируя между грузовиками, стараясь не задерживаться на коридорах движения, с собакой, ни на секунду не теряющей бдительности, мальчик выбирает кружной маршрут, петляет, как в лабиринте, медленно, но верно приближаясь к красному неону.

Движение придает ему уверенности, а уверенность необходима, чтобы успешно спрятаться. Кроме того, это движение снимает волнение, а спокойствие — важный элемент маскировки. Мудрость матери и здесь помогает ему.

Полезно и находиться среди людей. Толпа отвлекает врага... пусть немного, но иногда и этого достаточно... играет роль ширмы, за которой, при удаче, может укрыться беглец.

К стоянке для грузовиков примыкает стоянка для легковых автомобилей.

Здесь мальчика заметить куда проще, чем среди мастодонтов дорог.

Он шагает быстрее и решительнее, к щиту, обещающему «полный набор услуг», которые предлагаются в комплексе построек, расположенных дальше от автострады по сравнению с заправочной станцией и ремонтными мастерскими.

За широкими окнами ресторана путешественники с аппетитом расправляются с содержимым своих тарелок. Мальчику хватает одного взгляда, чтобы вспомнить, как много времени минуло с той поры, когда он, сидя в «эксплорере», съел холодный чизбургер.

И собака повизгивает от голода.

Из теплой ночи они входят в приятную прохладу ресторана, наполненную аппетитными ароматами, мальчик вдруг ощущает, что голоден как волк, и широко улыбается в предвкушении трапезы.

Но не улыбка, а собака привлекает внимание женщины в униформе, стоящей за стойкой с надписью «ХОЗЯЙКА». Она миниатюрная, красивая, говорит, комично растягивая слова, но сурова, как надзиратель концлагеря, когда, выйдя из-за стойки, обращается к мальчику, загораживая ему дорогу:

— Дорогой мой, я признаю, что у нас не пятизвездочный ресторан, но мы все равно не пускаем босоногих клоунов и прочих четвероногих, какими бы они ни были милашками.

Мальчик в кроссовках и не клоун, поэтому не сразу понимает, что говорит она о собаке. Войдя в ресторан с собакой, он привлек к себе внимание, которое ему совершенно ни к чему.

— Извините, мэм,— признает он свою ошибку.

Возвращается к входной двери вместе с собакой, чувствуя на себе взгляды людей. Улыбающейся официантки. Кассирши, которая поглядывает на него поверх кассового аппарата и очков. Клиента, оплачивающего чек.

Никто из них не смотрит на него подозрительно, среди них, похоже, нет безжалостных охотников, идущих по его следу.

Выйдя из ресторана, он приказывает собаке сесть. Она послушно садится чуть в стороне от дверей. Мальчик наклоняется к ней, гладит, чешет за ушами, говорит: «Жди здесь. Я вернусь. С едой».

Над ними нависает мужчина... высокий, с окладистой черной бородой, в зеленой бейсболке с желтой надписью «ВОДИТЕЛЬ МАШИНЫ» над козырьком... не тот, человек, который расплачивался с кассиром, другой, только идущий в ресторан.

— Отличная у тебя собака,— говорит водитель машины, и собака начинает вилять хвостом.— Как зовут?

— Кертис Хэммонд,— без запинки отвечает мальчик, воспользовавшись именем и фамилией хозяина одежды, которая сейчас надета на нем, и тут же задается вопросом: а мудрое ли это решение?

Кертис Хэммонд и его родители погибли менее двадцати четырех часов тому назад. К настоящему моменту полиция Колорадо уже поняла, что фермерский дом сгорел в результате поджога, а медицинские эксперты, если успели провести вскрытие, установили, что все три жертвы умерли насильственной смертью, возможно, после пыток, до того как загорелся дом. И имена убитых наверняка попали в теле- и радиовыпуски новостей.

Но бородатому водителю, если он тот, за кого себя выдает, а не один из охотников, ни имя, ни фамилия ничего не говорят.

— Кертис Хэммонд,— повторяет он.— Довольно странная кличка для собаки.

— О! Да. Вы про мою собаку.— Мальчику стыдно, потому что он вновь допустил явную ошибку, неправильно истолковал самый обычный вопрос. А насчет клички, так он об этом еще не думал, знал, что, когда они получше познакомятся, станут ближе друг к другу, кличка появится, не абы какая, а та, что в наибольшей степени подходит собаке.

Но времени на более близкое знакомство нет, поэтому, почесывая шею собаки, он черпает вдохновение в фильме.— Это Желтый Бок*.

Водитель усмехается:

— Ты дуришь мне голову, юный друг?

---

* «Желтый Бок» — фильм 1957 г. (продюсер Уолт Дисней), первый и один из лучших фильмов о мальчике и его собаке. Назван по имени четвероногого героя, желтого охотничьего пса.

— Нет, сэр. С какой стати?

— Где же логика? Как можно назвать эту красавицу Желтый Бок, если от носа до кончика хвоста у нее нет ни одной желтой волосинки?

Стыдясь своего неумения вести самый что ни на есть простой разговор, мальчик пытается вывернуться:

— Видите ли, сэр, цвет не имеет к кличке никакого отношения.

Нам нравится эта кличка, потому что лучшей собаки нет в целом мире.

Тот же случай, что и с Желтым Боком в фильме.

— Не совсем,— не соглашается водитель.— Желтый Бок был кобелем. А эта очаровательная черно-белая леди немного сбивает с толку как кличкой, так и отсутствием присутствующего в ней цвета.

Мальчик вообще не думал о том, какого пола собака. *Глупо, глупо, глупо.*

Он вспоминает совет матери: если хочешь сойти за кого-то еще, ты должен держаться уверенно, прежде всего уверенно, потому что сомнения в себе могут выдать. Так что и последние слова водителя не должны сбить его с толку.

— Понимаете, мы не думали, мужского или женского рода кличка Желтый Бок,— объясняет он, все еще нервничая, но довольный тем, что может говорить быстро и связно, особенно если смотрит не на бородатого дальнобойщика, а на двери ресторана.— Любая собака может быть Желтым Боком.

— Вероятно, да. Пожалуй, я куплю себе кошечку и назову ее Бойскаутом.

Злобы в этом высоком, с большим животом мужчине не чувствуется, в поблескивающих синих глазах не читается подозрительности. Он похож на перекрасившегося Санта-Клауса.

Тем не менее мальчику хочется, чтобы водитель побыстрее ушел, но он не знает, как закруглить разговор.

— А где твои родители, сынок? — спрашивает мужчина.

— Я с отцом.— Мальчик встает.— Он в ресторане, покупает еду, чтобы мы поели в дороге. Собак здесь на порог не пускают, знаете ли.

Дальнобойщик, хмурясь, сравнивает активность у ремонтных мастерских с тишиной и безлюдьем стоянки для грузовиков.

— Тебе не стоит отходить отсюда, сынок. В мире живут всякие люди, и с некоторыми тебе незачем встречаться ночью на пустынной автостоянке.

— Конечно, я знаю о таких людях.

Собака поднимает голову, поглядывает из стороны в сторону, словно показывая, что и ей известно о том, что не все люди хорошие, хватает и плохих.

Улыбаясь, бородач наклоняется, чтобы погладить собаку.

— Полагаю, ты действительно Желтый Бок и отхватишь кусок мяса у любого, кто попытается причинить зло твоему хозяину.

— Она — настоящий защитник,— заверяет его мальчик.

— Главное, не уходи отсюда.— Водитель машины прикасается к козырьку бейсболки, так вежливые ковбои иногда прикасаются к полям стетсона, если выказывают уважение дамам или просто добропорядочным гражданам, и наконец проходит в ресторан.

Мальчик наблюдает через стеклянную дверь и окна, как хозяйка приветствует дальнобойщика и ведет его к столику. К счастью, садится он спиной к входу. Не снимая бейсболки, с головой погружается в изучение меню.

Мальчик поворачивается к собаке:

- Оставайся здесь, девочка. Я скоро вернусь.

Она мягко рычит, словно понимает.

На огромной автомобильной стоянке, где конусы грязно-желтого цвета перемежаются с коридорами темноты, не видно двух молчаливых мужчин, ни один из которых не нагнулся, чтобы подобрать пять долларов.

Рано или поздно они вернутся, чтобы прочесать ресторан, мотель или другие места, на которые укажет их охотничий инстинкт, даже если они все уже осмотрели. А если придут не те двое мужчин, то двое других. Или четверо. Или десять. Или легион.

Пора двигаться.

Глава 11

Большие куски домашнего яблочного пирога. Простые белые тарелки, купленные в «Сирсе». Желтые пластиковые подставки из «Уол-Марта»*. Медовый свет трех простых, без аро-

* «Сирс», «Уол-Март» — национальные сети однотипных универмагов.

матических добавок, свечей, приобретенных вместе с двадцатью двумя другими в экономичной упаковке в дисконтном магазине скобяных товаров...

Скромный столик на кухне Дженевы вернул Микки на землю, рассеял туман нереальности, оставшийся в голове после встречи с Синсемиллой. Действительно, Дженева, протирающая и так уже чистую десертную вилку кухонным полотенцем, отличалась от Синсемиллы, в одиночестве вальсирующей под луной, как освежающий ветерок — от арктического бурана.

И каким удобным для жизни стал бы этот мир, если бы образ жизни тети Джен превратился в норму.

— Кофе? — спросила Дженева.

— Да, пожалуйста.

— Горячий или ледяной?

— Горячий.

— Черный или чего-нибудь капнуть, дорогая?

— Бренди и молока,— ответила Микки, и тут же Лайлани, которая не пила кофе, уточнила: «Молока»,— подтверждая свое право на контроль количества алкоголя, потребляемого Мичелиной Белсонг.

— Бренди, молоко и молоко,— кивнула тетя Джен, наливая кофе.

— Ладно, капельку «Амаретто»,— смирилась Микки, но Лайлани стояла на своем: «Только молоко».

Обычно Микки вспыхивала от злости и становилась упрямой, как вол, если кто-то говорил ей, что не следует делать, чего ей хотелось, за исключением тех случаев, когда ее убеждали, что сделанный выбор не из лучших, что она может загубить свою жизнь, если не будет осторожнее, что у нее проблема с алкоголем, с отношением к жизни, с мотивацией, с мужчинами. В недавнем прошлом тихие слова Лайлани о том, что в кофе ей добавят только молока, послужили бы детонатором мощного взрыва, который разнес бы в клочья тишину и покой маленькой кухоньки Дженевы.

Но за последний год Микки отдала очень много часов ночному самоанализу, поскольку обстоятельства сложились так, что она более не могла не зажечь свет в некоторых комнатах своего сердца. Ранее она изо всех сил противилась этим визитам, может, потому, что боялась найти внутри себя дом, населенный

всякой нечистью, от призраков до гоблинов, чудовищами, которые прятались за каждой дверью от подвала до чердака. Нескольких монстров она нашла, это точно, но куда больше ее обеспокоило другое: в особняке ее души обнаружилось множество пустых помещений, без мебели, пыльных и холодных. С детства ее средствами борьбы с жестокой жизнью были злость и упрямство. Она видела себя одиноким защитником замка, без устали патрулирующим стены, пребывающим в состоянии войны со всем миром. Но постоянная готовность к битве отпугивала друзей с той же легкостью, что и врагов, и мешала ей ощутить полноту жизни, заполнить хорошими воспоминаниями пустые комнаты, чтобы хоть как-то уравновесить плохие, от которых ломились другие помещения.

Вот для эмоционального выживания она в последнее время и предпринимала усилия, чтобы сдерживать ярость и не вытаскивать упрямство из ножен. И теперь она согласилась с Лайлани: «Только с молоком, тетя Джен».

Но в этот вечер речь шла не о Микки Белсонг, не о ее желаниях и стремлении к самоуничтожению, не о том, сможет ли она выбраться из огня, в который сама и забралась. Главным действующим лицом этого вечера была Лайлани Клонк, хотя, когда они садились обедать, вопрос, возможно, так и не стоял, и Микки не могла вспомнить другого случая, когда чья-то судьба интересовала ее гораздо больше собственной.

Бренди она попросила автоматически, чтобы снять стресс, вызванный первым столкновением с Синсемиллой. За прошедшие годы алкоголь стал надежной составляющей ее арсенала, наряду со злостью и упрямством, помогающими держать жизнь в узде.

— Эта женщина или сумасшедшая, или заторчала покруче шамана навахо после фунтовой дозы мескаля.

Лайлани подцепила вилкой кусочек пирога.

— И то и другое. Хотя и без мескаля. Я же тебе сказала, сегодня это кокаин и галлюциногенные грибы, действие которых усилено влиянием луны. Синсемилла очень чувствительна к полнолунию.

Микки есть не хотелось. Ее кусок пирога остался нетронутым.

— Ее действительно клали в психиатрическую клинику, не так ли?

— Я же тебе вчера говорила. Ей прострелили голову шестьюстами тысячами вольт...

— Ты говорила о пятидесяти или ста тысячах.

— Слушай, я не стояла там и не настраивала оборудование. Могу дать волю фантазии.

— И в какой клинике она лежала?

— Мы тогда жили в Сан-Франциско.

— Давно?

— Более двух лет назад. Мне было семь.

— А с кем ты жила, пока она находилась в клинике?

— С доктором Думом. Они вместе уже четыре с половиной года.

Видишь, семьи бывают и у чокнутых. Короче, психиатры лечили старушку Синсемиллу электрошоком, не будем уточнять мощность разрядов, но ей это совершенно не помогло, а вот заряд безумия в ее голове вполне мог вывести из строя все трансформаторы в районе Залива. Отличный пирог, миссис Ди!

— Спасибо, дорогая. Это рецепт Марты Стюарт. Не то чтобы она дала мне его лично. Я записала рецепт во время ее телепередачи.

— Лайлани, неужели твоя мать всегда такая... какой я ее только что видела?

— Нет-нет, иногда с ней просто нет сладу.

— Это не смешно, Лайлани.

— Ты не права. Это безумно весело.

— Эта женщина опасна.

— Будем справедливы,— Лайлани отправила в рот очередной кусок пирога,— моя дорогая мамочка не всегда сходит с ума, как вот сегодня. Она приберегает это лакомство для особых вечеров: дней рождения, годовщин, нахождения Луны в седьмом доме, Юпитера и Марса в одном созвездии и так далее. Большую часть времени она обходится косяком, может, иной раз добавляет к нему «колеса». Случается, что она вообще ничего не принимает, но в такие дни пребывает в глубокой депрессии.

— Почему бы тебе не перестать набивать рот пирогом и не поговорить со мной? — В голосе Микки слышалась мольба.

— Я могу говорить и с полным ртом, пусть это невежливо. Я не рыгала весь вечер, поэтому ты не можешь сказать, что я уж совсем невоспитанная. А отказаться от пирога я просто не могу. Синсемилла не смогла бы испечь ничего подобного, даже если бы на кону стояла ее жизнь, хотя я сомневаюсь, чтобы кто-то поставил ее перед дилеммой: испечь вкусный пирог или умереть.

— А какие пироги печет твоя мать? — поинтересовалась Дженева.

— Однажды она испекла пирог с земляными червями,— ответила Лайлани.— Тогда она зациклилась на естественных продуктах, причем под эту категорию попадали и муравьи в шоколаде, и соленые пиявки, и белковый порошок из толченых насекомых. Пирог с червями увенчал все это безобразие. Я абсолютно уверена, что этого рецепта Марта Стюарт своим зрителям не предлагала.

Микки большими глотками допила кофе, словно забыла, что в нем нет ни бренди, ни «Амаретто», при этом ее организм совершенно не требовал кофеина. У нее тряслись руки. Когда она поставила чашку, та выбила дробь по блюдцу.

— Лайлани, ты не можешь продолжать с ней жить.

— С кем?

— С Синсемиллой. С кем же еще? Она психически ненормальная. Как говорят власти, когда отправляют человека в психиатрическую больницу помимо его воли... она представляет собой опасность для себя и других.

— Для себя — это точно,— согласилась Лайлани.— Для других скорее нет, чем да.

— Она представляла собой опасность для меня, когда обзывала меня колдуньей и ведьминой сучкой, кричала что-то насчет заклятий, заявляла, что не позволит собой повелевать.

Дженева поднялась со стула, чтобы принести полный кофейник. Наполнила чашку Микки.

— Может, это успокоит твои нервы.

Поскольку тарелка Лайлани опустела, она отложила вилку.

— Старушка Синсемилла испугала тебя, ничего больше. Она может казаться такой же страшной, как Бела Лугоши*,

---

* Лугоши, Бела (1886–1956) — актер театра и кино, настоящее имя Бела Бласко. Прославился ролью графа-вампира сначала на сцене (1927), а потом в знаменитом фильме «Дракула» (1931).

Борис Карлофф* и Большая птица**, слитые воедино, но она неопасна. По крайней мере пока мой псевдоотец снабжает ее наркотиками. Наверное, она может много чего натворить, когда у нее начнется ломка.

Дженева наполнила и свою чашку.

— Я не нахожу Большую птицу опасной, дорогая. Конечно, она немного нервирует, но не более того.

— О миссис Ди, тут я с вами не согласна. Люди, одетые в костюмы больших странных животных да еще скрывающие лица... с ними куда опаснее, чем спать с атомной бомбой под кроватью. Вы должны предугадать, что они задумали.

— Прекрати,— резко, но не сердито бросила Микки.— Пожалуйста, прекрати.

Лайлани изобразила удивление:

— Прекратить что?

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Прекрати уходить от ответа. Говори со мной по конкретной проблеме.

Увечной рукой Лайлани указала на нетронутый кусок пирога на тарелке Микки.

— Ты будешь есть пирог?

Микки пододвинула тарелку к себе.

— Я готова обменять пирог на серьезную дискуссию.

— Серьезную дискуссию мы уже провели.

— У меня осталось еще полпирога,— радостно напомнила Дженева.

— Я бы с удовольствием съела еще кусок,— улыбнулась ей Лайлани.

— Оставшуюся половину пирога сегодня есть не будут,— возразила Микки.— Ты можешь получить только мой кусок.

— Ерунда, Микки,— махнула рукой Дженева.— Завтра я могу испечь тебе еще один яблочный пирог.

И уже поднялась из-за стола, но Микки остановила ее:

— Сядь, тетя Джен. Речь не о пироге.

---

* Карлофф, Борис (1887–1969) — актер театра и кино, настоящее имя Пратт Уильям Генри. Прославился исполнением роли чудовища Франкенштейна в фильме «Франкенштейн» (1931). Сыграл десятки ролей в фильмах ужасов и в приключенческих фильмах.

** Большая птица — один из главных персонажей детской телепрограммы «Улица Сезам». Большая желтая птица, похожая на страуса.

— А мне представляется, именно о нем,— возразила Лайлани.

— Послушай, девочка, ты не можешь до бесконечности изображать молодого опасного мутанта, червем проползающего...

— Червем? — Лайлани скорчила гримаску.

— Червем проползающего...— Микки замолчала, удивленная тем, что хотела сказать.

— В твою селезенку? — предложила свой вариант окончания фразы Лайлани.

Никогда раньше, насколько помнила Микки, она не позволяла себе до такой степени озаботиться судьбой другого человека.

Наклонившись через стол, словно пытаясь помочь Микки найти ускользающие от нее слова, Лайлани предложила другой вариант:

— В твой желчный пузырь?

Теплые чувства к кому-либо опасны. Теплые чувства к кому-либо делают уязвимой тебя саму. Оставайся на высоких стенах, под защитой крепостных башен.

— В почки? — внесла свою лепту Дженева.

— Червем проползающего в наши сердца,— продолжила Микки, заменив первоначальное *мое* на более нейтральное *наши*, чтобы разделить риск с Дженевой и не слишком подставиться под удар,— а потом думать, что нам безразлична опасность, которой ты подвергаешься.

Но Лайлани продолжала паясничать, не выходя из роли:

— Я никогда не видела себя сердечным червем, но, полагаю, это очень респектабельный паразит. Так или иначе, я заявляю со всей ответственностью, если это необходимо, чтобы получить кусок пирога, что моя мать мне не опасна. Я живу с ней с тех пор, как маман меня родила, и у меня по-прежнему целы и руки, и ноги, и голова. Она трогательная, старушка Синсемилла, но не страшная. И потом, она — моя мать, а когда тебе девять лет, пусть ты и очень умна, ты не можешь собрать чемоданы, уйти из дома, найти хорошую квартиру, высокооплачиваемую работу в фирме, специализирующейся на программном обеспечении, и к четвергу разъезжать по городу на «корветте». Я к ней привязана, если ты понимаешь, о чем я, и знаю, как вести себя в такой ситуации.

— Служба охраны прав ребенка...

— Намерения у них добрые, но проку от них никакого,— прервала ее Лайлани с уверенностью человека, который знает, о чем говорит.— И потом, я не хочу, чтобы Синсемиллу вновь упекли в дурдом и в очередной раз прострелили ей мозги электричеством, потому что тогда я останусь одна с моим псевдоотцом.

Микки покачала головой:

— Они не оставят тебя на попечении бойфренда твоей матери.

— Говоря «псевдоотец», я подразумеваю лишь отсутствие биологической связи. Он — мой законный приемный отец. Женился на Синсемилле четыре года назад, когда мне было пять. Я еще не вышла на уровень колледжа, но понимаю, что это значит. Была даже свадьба, позволь заметить, пусть и без высеченного изо льда лебедя. Вам нравятся высеченные изо льда лебеди, миссис Ди?

— Никогда ни одного не видела, дорогая,— ответила Дженева.

— Я тоже. Но идея мне нравится. Женившись на Синсемилле, он сказал, что теперь я и Лукипела должны носить его фамилию, пусть он нас и не усыновил, но я по-прежнему предпочитаю говорить всем, что я — Лайлани Клонк, как и при рождении. Надо быть сумасшедшим, чтобы носить фамилию Мэддок, в этом у нас с Лукипелой разногласий не было.

И тут в глазах девочки что-то переменилось, словно мутная волна внезапно прокатилась по чистой воде, в них мелькнуло отчаяние, и даже слабого света свечей хватило, чтобы увидеть его.

Известие о том, что отношения Синсемиллы и доктора Дума официально зарегистрированы, не остановило Микки в ее желании взять на себя опеку сестры по несчастному детству.

— Даже если он твой законный приемный отец, соответствующие правоохранительные органы...

— Соответствующие правоохранительные органы не нашли человека, который убил мужа миссис Ди,— отпарировала Лайлани.— Ей пришлось идти по следу Алека Болдуина до самого Нового Орлеана и вершить правосудие собственными руками.

— Что я и проделала с чувством глубокого удовлетворения,— откликнулась Дженева, поднимая кофейную чашку, словно салютуя праву на благородную месть.

Но ни единая искорка веселья не оживила глаза Лайлани, уголки рта не изогнулись в улыбке, да и в голосе не слышалось шутливых ноток, когда она, встретившись с Микки взглядом, прошептала:

— Когда ты была красивой маленькой девочкой и плохие люди брали у тебя то, что ты не хотела отдавать, разве соответствующие правоохранительные органы хоть раз помогли тебе, Мичелина?

Интуитивная догадка Лайлани о том, через какой ад пришлось пройти Микки, ужаснула ее. Сочувствие в синих глазах потрясло до глубины души. Микки вдруг поняла, что девочке открылись самые отвратительные секреты, которые она так тщательно хранила. И пусть она не собиралась говорить с другим человеком о годах унижения, пусть до этого момента яростно отрицала бы утверждения о том, что была чьей-то жертвой, Микки не почувствовала ни боли, ни страха, как ожидала. Наоборот, словно развязался узел, стягивающий душу, поскольку она осознала, что в сочувствии, которое выказывала девочка, не было ни грана снисходительности.

— Хоть раз помогли? — повторила вопрос Лайлани.

Не доверяя голосу, Микки покачала головой, впервые признав, на каком страшном прошлом построена ее жизнь. И подвинула тарелку с пирогом к Лайлани.

Из сидящих за столом слезы брызнули только у Дженевы, и она шумно высморкалась в бумажную салфетку. Разумеется, она могла вспоминать какую-то душещипательную сцену, в которой ей ассистировал Кларк Гейбл, Джимми Стюарт или Уильям Холден, но Микки чувствовала, что в этот раз ее тетушка не утратила контакта с реальностью.

— Выдумать такое трудно,— разлепила губы Микки.

— Да, где-то я это уже слышала.— Лайлани взяла вилку.

— Он — убийца... не так ли? О своей матери ты сказала все как есть.

Лайлани отделила вилкой кусок пирога.

— Хороша парочка, а?

— Но одиннадцать человек? Как ему удалось остаться...

— Ты уж извини, Микки, но история о докторе Думе и его многочисленных жертвах скорее скучная, чем захватывающая, и она может еще больше испортить нам этот чудесный вечер. Он уже и так испорчен, спасибо представлению, которое устроила Синсемилла. Если ты действительно хочешь побольше узнать о Престоне Клодии Мэддоке, кузене Смерти, читай газеты. Он какое-то время не появлялся на первых полосах, но ты найдешь эту историю, если захочешь. Что же касается меня, то я предпочту есть пирог, говорить о пироге, философствовать о пироге. В нашей компании лучшей темы для общения не найти.

— Да, мне понятно, почему тебе этого хочется, но и ты должна понимать, что есть один вопрос, который я не могу не задать.

— Конечно, я понимаю.

Девочка уставилась в тарелку с пирогом, но не решилась поднести кусок ко рту.

— Ни в одном фильме я не видела такой грустной сцены.— Голос тети Джен дрожал.

— Он убил твоего брата Лукипелу?

— Да.

Глава 12

В ресторане, рассчитанном как минимум на триста посетителей, мальчик, уже без собаки, проскальзывает мимо отвлекшейся хозяйки.

Оглядываясь на ходу, он замечает лишь нескольких детей, и все с родителями. Он-то надеялся, что детей будет больше, гораздо больше. Тогда он не сразу бы попался на глаза людям, которые его ищут.

Он держится подальше от просторного зала со столиками и кабинками, обитыми красным винилом. Вместо этого идет к прилавку, за которым обслуживают тех, кто торопится. Занята лишь меньшая половина высоких стульев.

Мальчик усаживается к прилавку, наблюдает, как два повара управляются с большими решетками, установленными над огнем. Они жарят бекон, котлеты для гамбургеров, яичницу. Горы пирожков поблескивают маслом.

Наверное, между мальчиком и собакой действительно установилась телепатическая связь, поэтому его рот наполняется слюной, но ему удается ее сглотнуть до того, как слюна вытечет на подбородок.

— Чем я могу тебе помочь, большой мальчик? — спрашивает официантка, обслуживающая прилавок блюд быстрого приготовления.

Она фантастически крупная женщина, такая же круглая, как и высокая.

Груди-подушки, пухлые плечи, шея, на которой рвутся воротнички, гордые подбородки. Униформа у нее с короткими рукавами, поэтому она демонстрирует большие, как у бодибилдера, руки, только вместо мускулов — мягкая плоть, распирающая розовую кожу. А чтобы добавить себе роста, огромную массу каштановых волос официантка начесывает, и они воздушным шаром плывут над ее головой. Маленькую желто-белую шапочку, элемент униформы, легко принять за бабочку, решившую отдохнуть на воздушном шаре.

Мальчик млеет, думает, ну до чего хорошо быть такой женщиной, задается вопросом: всегда ли она выглядит такой величественной или иногда чувствует слабость и испуг, как обычные люди? Конечно же нет. Она — истинная королева. Великолепная, прекрасная. Она может жить по установленным ею же правилам, делать, что пожелает, и мир будет восторгаться ею, выказывать уважение, которого она достойна.

У него нет и мысли о том, что он может стать такой великой личностью, как эта женщина. С его слабой волей и без семи пядей во лбу он едва справляется с ролью Кертиса Хэммонда. Однако он старается.

— Меня зовут Кертис, и мой папа послал меня купить что-нибудь из еды.

У нее мелодичный голос, ослепительная улыбка, и он, похоже, ей понравился.

— Что ж, Кертис, а я — Донелла, потому что моего отца звали Дон, а мать — Элла... и я думаю, ты правильно сделал, что пришел к нам за едой.

— Она так вкусно пахнет.— На решетках шкворчат, булькают, дымятся деликатесы.— Я никогда не видел такого большого ресторана.

— Правда? Ты не производишь впечатления человека, который вырос в ящике.

Он моргает, лихорадочно ищет ответ, пытаясь понять, о чем она, и не удерживается от вопроса:

— А вы?

— Что я?

— Вы выросли в ящике?

Донелла морщит носик. Собственно, это все, что может у нее морщиться, потому что все остальное большое, круглое, гладкое и так плотно упаковано, что там нет места даже ямочке.

— Кертис, ты меня разочаровал. Я подумала, что ты хороший мальчик, милый мальчик, а ты — наглый и развязный.

О боже, он опять сделал что-то не то, образно говоря, вляпался в дерьмо, но мальчик не может понять, чем он обидел ее, и не знает, как снова завоевать ее благорасположение. Он боится привлекать к себе излишнее внимание, потому что слишком много охотников разыскивают мальчика-беглеца, и он должен купить еду себе и Желтому Боку, которая в этом полностью зависит от него, но на пути к еде, очень вкусной еде, стоит Донелла.

— Я — хороший мальчик,— заверяет он ее.— Моя мама всегда мною гордилась.

Суровое выражение лица Донеллы чуть смягчается, хотя она не дарит ему улыбку, которой встретила.

Говорить от чистого сердца вроде бы лучший способ наладить отношения.

— Вы просто невероятная, мисс Донелла, такая прекрасная, такая великолепная.

Даже его комплименту не удается вдохнуть воздух в ее опавшую улыбку.

Более того, ее мягкое розовое лицо вдруг превращается в каменную маску, а холода во взгляде достаточно для того, чтобы положить конец лету на всем Северо-Американском континенте.

— Не надо смеяться надо мной, Кертис.

Когда Кертис понимает, что еще сильнее оскорбил ее, горячие слезы туманят зрение.

— Я только хотел понравиться вам,— молит он.

Жалостливая дрожь в голосе — позор для любого уважающего себя юного искателя приключений.

Разумеется, в этот момент ему не до приключений. Он пытается наладить отношения с другим человеком, и по всему выходит, что это значительно сложнее, чем принимать участие в опасных экспедициях или совершать героические поступки.

Он быстро теряет уверенность в себе. А без этой уверенности ни одному беглецу не провести охотников. Полный самоконтроль — ключ к выживанию. Так всегда говорила мама, а она не бросала слов на ветер.

Сидящий через два стула от Кертиса дальнобойщик с сединой в волосах отрывается от тарелки с курицей и картофелем фри.

— Донелла, не набрасывайся на парнишку. В его словах ничего такого не было, о чем ты подумала. Разве ты не видишь, что он не совсем в порядке?

Паника поднимается в сердце мальчика, и он хватается за прилавок, чтобы не упасть со стула. На мгновение думает, что все видят, кто он на самом деле: рыбка, на которую заброшено так много сетей.

— Закрой рот, Берт Хупер,— говорит величественная Донелла.— Мужчина, который носит детский комбинезон и кальсоны вместо нормальных штанов и рубашки, не может судить о том, кто прав, а кто — нет.

Берт Хупер нисколько не обижается на эту выволочку, наоборот, смеется.

— Если мне приходится выбирать между покоем и ролью сексуального объекта, я всегда выберу покой.

— Я рада это слышать,— отвечает Донелла,— потому что выбора-то у тебя как раз и нет.

Сквозь пелену слез мальчик вновь видит ее улыбку, сверкающую, словно у богини.

— Кертис, извини, что я отчитала тебя.

Он старается взять эмоции под контроль, но все-таки тараторит:

— Я и не думал обижать вас, мэм. Моя мама всегда учила меня, что говорить надо от чистого сердца. Вот я и следовал ее советам.

— Теперь я это понимаю, сладенький. Поначалу я не разобрала, что ты... один из редких людей с чистой душой.

— Тогда... вы не думаете, что я «не совсем в порядке»? — спрашивает он, все еще держась за край прилавка, все еще боясь, что в нем начали узнавать беглеца.

— Нет, Кертис. Я просто думаю, что ты слишком хорош для этого мира.

Ее слова успокаивают и одновременно тревожат мальчика, вот он и предпринимает еще одну попытку сказать комплимент, изо всех сил стараясь, чтобы его слова прозвучали предельно искренне:

— Вы действительно очень красивая, мисс Донелла, такая колоссальная, вызывающая восторг, вы можете жить по своим собственным правилам, как носорог.

Сидящий через два стула Берт Хупер подавился курицей с картофелем фри. Вилка падает на тарелку, он хватает стакан с пепси.

Шипучий напиток бьет в нос, лицо краснеет и раздувается, словно сваренный лобстер, наконец ему удается очистить горло от еды, с тем чтобы тут же загоготать. И этим он, конечно же, привлекает к себе внимание, а заодно и к сидящему рядом мальчику.

Возможно, дальнобойщику вдруг вспомнилась какая-то отменная шутка. Однако его приступ гогота выглядит как бестактность, отвлекающая Кертиса и Донеллу от взаимных извинений.

Божественная Донелла смотрит на него, как рассерженный носорог, для полного соответствия не хватает только угрожающе наклоненного рога.

Все еще гогочущему Берту удается произнести несколько слов:

— О черт... я попал... аккурат... в «Форрест Гамп»!

Мальчик в недоумении.

— Я видел этот фильм.

— Не обращай на него внимания, Кертис,— говорит Донелла.— Мы не в «Форресте Гампе» и не в «Годзилле».

— Я уверен, что нет, мэм. Это большая злобная ящерица.

Берт вновь захлебывается смехом, лицо его еще сильнее багровеет, хотя еды в горле нет. Мальчик опасается, как бы к дальнобойщику не пришлось вызывать врача.

— Если здесь и есть человек, у которого вместо мозгов коробка шоколадных конфет, то он сидит над тарелкой с курицей и картофелем фри,— заявляет Донелла.

— Так это вы, мистер Хупер,— уточняет Кертис. Потом все понимает. О, слезы смеха дальнобойщика — способ борьбы это-

го бедного, больного человека с одиночеством, жизненными проблемами, болью.— Мне очень жаль, сэр.— Мальчик испытывает глубокую симпатию к этому сидящему за рулем огромного грузовика Гампу, сожалеет о том, что подумал, будто Берт Хупер просто грубиян.— Я готов вам помочь, если смогу.

И хотя на лице дальнобойщика по-прежнему играет улыбка, мальчик не сомневается, что кажущимся весельем он хочет скрыть неудовлетворенность собственными недостатками.

— Ты *поможешь* мне? Как?

— Если бы я мог, то сделал бы вас таким же нормальным человеком, как мисс Донелла и я.

Больной на голову дальнобойщик так тронут участием мальчика, что поворачивается к нему спиной и пытается совладать с эмоциями. И хотя для всех Берт Хупер борется со смехом, мальчик теперь знает, что смех этот сродни смеху несчастного клоуна: искренний для ушей, безмерно грустный для тех, кто слушает сердцем.

Выразив носорожье презрение мистеру Хуперу, Донелла отворачивается от него.

— Не обращай на него внимания, Кертис. У него были все возможности наладить свою жизнь, но он всегда предпочитал оставаться таким же жалким, как сейчас.

Мальчика ее слова ставят в тупик, потому что он полагал, что у Гампа нет выбора, кроме как быть Гампом, каким сотворила его природа.

— А теперь, прежде чем я приму у тебя заказ, сладенький, ты уверен, что у тебя есть деньги, чтобы расплатиться?

Из кармана джинсов мальчик достает смятые купюры, оставшиеся после кражи в доме Хэммондов, плюс пять долларов, которые собака выхватила у ветра на автомобильной стоянке.

— О, я вижу, ты действительно джентльмен со средствами,— кивает Донелла.— Сейчас убери их, а заплатишь кассиру, когда будешь уходить.

— Я не уверен, что денег мне хватит,— тревожится он, запихивая купюры в карман.— Мне нужны две бутылки воды, чизбургер для отца, чизбургер мне, картофельные чипсы и, наверное, два чизбургера для Желтого Бока.

— Желтый Бок, должно быть, твоя собака?

Мальчик сияет, ибо между ним и официанткой наконец-то установился контакт.

— Нет смысла тратить большие деньги на чизбургеры, когда твоя собака может получить кое-что получше,— советует Донелла.

— Что именно?

— Я попрошу повара поджарить пару мясных котлет, смешать их с вареным рисом и добавить немного подливы. Мы положим все в контейнер и отдадим тебе, потому что любим собачек. Твой красавец подумает, что он умер и попал в рай.

Мальчик едва не поправляет ее. Во-первых, Желтый Бок в данном случае не он, а она. Во-вторых, эта собака знает, что такое рай, и не спутает его с хорошим обедом.

Но он вовремя прикусывает язык. Плохие люди ищут его. Он слишком много времени провел в одном месте. Так что давно пора двигаться.

— Благодарю вас, миссис Донелла. Я с первого взгляда понял, какая вы прекрасная.

Удивив мальчика, она сжимает его правую руку.

— Может, многие люди и думают, будто они умнее тебя, Кертис, но ты запомни, что я тебе скажу.— Она наклоняется над прилавком, насколько позволяют необъятные габариты, ее лицо оказывается рядом с его, и она шепчет: — Ты гораздо лучше их всех.

Ее доброта трогает мальчика до глубины души, на глаза опять наворачиваются слезы.

— Спасибо, мэм.

Она щиплет его за щеку, и он понимает, что поцеловала бы, если б смогла наклониться так далеко.

В еще непривычной ему роли беглеца мальчику уже удалось освоить путешествия, а теперь, как он надеется, пришло умение устанавливать контакт с незнакомыми людьми, что особенно важно, если он хочет выдавать себя за обычного ребенка, зовут которого Кертис Хэммонд или как-то еще.

К нему возвращается уверенность в себе.

Страх, который не отпускал его последние двадцать четыре часа, разжимает свои тиски, превращаясь в не столь мешающую жить тревогу.

Он обрел надежду. Надежду, что ему удастся выжить. Надежду, что найдет место, где будет чувствовать себя как дома.

Он спрашивает Донеллу, где тут поблизости туалет, а она, записывая его заказ в блокнотик, объясняет, что принято говорить «комната отдыха».

Когда Кертис уточняет, что ему нужно не отдохнуть, а облегчиться, его слова вновь затрагивают какую-то струнку в душе Берта Хупера, потому что тот опять начинает смеяться. Мальчик не знает, как истолковать этот смех, но ему понятно, что это дело по плечу лишь специалисту-психологу.

Так или иначе, но дверь в туалет, или комнату отдыха, видна от прилавка, в конце длинного коридора. Даже бедный мистер Хупер или настоящий Форрест Гамп смог бы добраться туда без посторонней помощи.

Туалет большой, сверкающий чистотой. Семь кабинок, пять писсуаров, в которых лежат дезинфицирующие таблетки с запахом можжевельника, шесть раковин, каждая со встроенным дозатором жидкого мыла, два контейнера с бумажными полотенцами, две настенные сушилки, которые включаются, если подставить под них руки. Правда, этим машинам не хватает ума отключаться, после того как вода на руках высыхает.

Тут же стоит и торговый автомат, который умнее сушилок. Он предлагает расчески, щипцы для ногтей, одноразовые зажигалки и более экзотические товары, которых мальчик раньше не видел и не знает, для чего они предназначены, но автомат в курсе, опустил покупатель монетки в щель или нет. Так что когда мальчик дергает за рычаг, автомат и не думает выдать ему пачку с надписью «Троянс», что бы в ней ни лежало.

Когда до него доходит, что в туалете больше никого нет, он пробегает по кабинкам, во всех спуская воду. Шум воды, вытекающей из семи бачков, очень его веселит, потому что от такого большого слива дребезжат проложенные в стенах трубы. Круто.

Справив малую нужду, он выливает на руки достаточно мыла, чтобы пузырьки пены заполнили всю раковину, смотрит в зеркало и видит мальчика, у которого все будет в порядке, дайте только время, мальчика, который найдет свой путь и, потосковав о понесенных утратах, будет не просто жить, но процветать.

Он решает остаться Кертисом Хэммондом. Пока никто не связал его с убитой семьей в Колорадо. А если его устраивают и имя, и фамилия, так надо ли что-либо менять?

Он вытирает досуха руки бумажными полотенцами, но потом подставляет их под одну из сушилок, из озорства.

Освежившись, спешит по коридору к прилавку, где его ждет заказ, и вдруг останавливается, замечая двух мужчин, которые стоят у этого самого прилавка и разговаривают с Бертом Хупером. Оба высокие, а стетсоны еще прибавляют им роста. В синих джинсах, заправленных в ковбойские сапоги.

Донелла вроде бы спорит с мистером Хупером, возможно, предлагает ему закрыть рот, но бедный мистер Хупер не в силах понять, чего она от него хочет, поэтому продолжает болтать.

Когда дальнобойщик указывает на коридор, в котором расположены комнаты отдыха, ковбои поворачиваются и видят Кертиса, стоящего на выходе из коридора. Они смотрят на мальчика, он — на них.

Возможно, они не уверены, чей он сын, своей матери или какой-то другой женщины. Возможно, он сумеет обмануть их, сойти за обычного любящего бейсбол, ненавидящего школу десятилетнего мальчика, интересы которого ограничиваются телевизионными боями кетчистов, видеоиграми, динозаврами да спусканием воды во всех кабинках сразу.

Эти двое — враги, а не добропорядочные граждане, какими они прикидываются. В этом сомнений нет. Угроза читается в их стати, манере поведения, глазах.

Они конечно же поймут, что он не Кертис Хэммонд, пусть не сразу, но очень скоро, а если они его поймают, он умрет.

И в этот момент оба ковбоя, синхронно, поворачиваются спиной к мистеру Хуперу и направляются к мальчику.

Глава 13

— Межгалактические корабли, похищения инопланетянами, их база, расположенная на темной стороне Луны, сверхсекретные программы скрещивания с ними людей, большеглазые, серокожие инопланетяне-Ипы, которые могут проходить сквозь стены, левитировать и выводить рулады сфинктером... Престон Мэддок верит во все это и во многое другое,— доложила Лайлани.

Электричество отключили. Они разговаривали при свечах, но часы над духовкой погасли, а в дальнем конце примыкающей к кухне гостиной выключилась лампа под розовым абажуром. Старенький холодильник заквохтал, как пациент, жизнь которого поддерживалась отключившимся аппаратом «искусственные легкие», в ожидании перехода на механический респиратор компрессор дернулся и затих.

В кухне и так вроде бы царила тишина, но только сейчас Микки поняла, какой шумный у них холодильник. Без него в ушах аж зазвенело.

Микки вдруг обнаружила, что смотрит в потолок, и сразу поняла причину.

Отключение электроэнергии, точнехонько в тот момент, когда Лайлани рассказывала об НЛО, подвигла ее на безумную мысль: свет вырубился не из-за кризиса системы энергоснабжения Калифорнии, но потому, что пульсирующий, вращающийся диск из далекой Галактики завис над передвижным домом Дженевы и накрыл его «энергетическим колпаком», совсем как в фильмах. Когда же она опустила взгляд, то увидела, что тетя Джен и Лайлани тоже изучают потолок.

В этой глубокой тишине Микки даже слышала, как чуть потрескивают горящие фитили свечей, тихонько так потрескивают, словно воспоминание о стародавнем шипении змея.

Джен вздохнула:

— Веерное отключение. Неудобство, свойственное странам «третьего мира», с наилучшими пожеланиями от губернатора. Хотя по ночам их вроде бы быть не должно, только в часы пикового потребления электроэнергии. Может, это обычная авария.

— Я могу жить без электричества, пока на столе стоит вкусный пирог,— подала голос Лайлани, однако второй кусок она есть и не начинала.

— Значит, доктор Дум свихнулся на НЛО,— гнула свое Микки.

— У него широкие интересы, на чем он только не свихнулся, — ответила Лайлани.— НЛО — лишь одна из животрепещущих проблем, которым он уделяет свои время и энергию. Правда, после женитьбы на Синсемилле он все больше и больше концентрируется на летающих тарелках. Купил большой дом на колесах, и мы мотаемся по всей стране, бываем на местах

знаменитых близких контактов, от Розуэлла, штат Нью-Мексико, до Флегм-Фоллз, штат Айова. Мы продолжаем надеяться, что инопланетяне вновь покажутся там, где, по утверждениям очевидцев, они уже побывали в прошлом. А как только появляется новая информация о летающей тарелке или об очередном похищении человека, мы мчимся туда, где бы ни находилось это место, в надежде, что успеем до их отлета. И соседний трейлер мы арендовали по единственной причине: наш дом на колесах в мастерской на техническом обслуживании, а доктор Дум не останавливается в отеле или мотеле, поскольку полагает, что тамошние номера — рассадник вирусов, вызывающих болезнь легионеров, и бактерий, поедающих человеческую плоть, уж не помню, как там они называются.

— Ты хочешь сказать, что через неделю вы уедете? — спросила тетя Джен. В уголках ее глаз собрались морщинки тревоги.

— Скорее, через несколько дней,— ответила Лайлани.— Мы только что провели июль в Розуэлле, потому что именно там в июле 1947 года инопланетный пилот, то ли напившись, то ли заснув за штурвалом, разбил свою летающую тарелку в пустыне. Доктор Дум считает, что Ипы если и появятся в том же месте, то, скорее всего, в то же время, что и прежде. Поэтому, наверное, студенты колледжей каждый год на весенние каникулы съезжаются в Форт-Лодердейл. Любопытно знать, как часто эти серые человечки сажают на землю свои межгалактические вездеходы? Я склоняюсь к мысли, что не очень. Не думаю, что нам пора беспокоиться о том, захватят они нашу планету или нет. Скорее всего, мы имеем дело не с очевидцами их приземлений, а с психически больными людьми.

Микки решила дать девочке выговориться, но чем дольше Лайлани обходила главную тему, судьбу брата, тем сильнее сковывало ее напряжение.

— А о чем, собственно, речь? Какое отношение имеют НЛО к Лукипеле?

Лайлани ответила после короткой паузы:

— Доктор Дум говорит, что ему открылась истина. Высшие силы сообщили, что нас излечат инопланетяне.

— Излечат? — Микки не воспринимала дефекты развития девочки как болезнь. Более того, уверенность в себе, невероятные умственные способности Лайлани, ее несгибаемая воля просто не позволяли воспринимать девочку инвалидом, пусть даже ее деформированная левая рука лежала на столе, освещенная свечами.

— Луки родился с сильным врожденным дефектом таза, вывернутыми тазобедренными суставами, правой бедренной костью короче левой и со сросшимися костями правой стопы. Синсемилла придерживалась гипотезы, что галлюцинации во время беременности наделят ребенка экстрасенсорными способностями.

Ночная жара не могла изгнать холод, пробиравший Микки до костей. Перед ее мысленным взором возникло перекошенное яростью лицо женщины в кружевной комбинации, подсвеченный луной оскал ее зубов.

— А что вы думаете об этой гипотезе, миссис Ди?

— Ложная.

Лайлани сухо усмехнулась:

— Ложная. Мы все еще ждем того дня, когда я смогу предугадать выигрышный номер лотереи, зажечь огонь усилием воли и телепортироваться в Париж на ленч.

— Некоторые из проблем твоего брата... Как мне кажется, в чем-то хирурги смогли бы ему помочь.

— О, мама слишком умна, чтобы доверять западной медицине. Она полагается на кристаллические гормоны, заклинания, снадобья из трав и примочки, которые вонью переплюнут любого засанного, покрытого блевотиной алкоголика.

Микки увидела, что ее чашка пуста. Она не помнила, как выпила кофе.

Поднялась, чтобы наполнить чашку. Она чувствовала себя абсолютно беспомощной, а потому испытывала необходимость хоть чем-то занять руки: боялась, что ярость захлестнет ее, если она не займется каким-нибудь делом.

Ей очень хотелось от души врезать кому-то из врагов Лайлани, да только рядом никого не было. А вот если бы она пошла в соседний трейлер и вправила мозги Синсемилле, если, конечно, эта подлунная танцовщица еще не покончила жизнь самоубийством, положение Лайлани после ее вмешательства только бы ухудшилось.

Стоя у разделочного столика практически в полной темноте, наливая кофе с осторожностью слепой женщины, Микки нарушила затянувшуюся паузу:

— Значит, этот псих возил тебя и Луки по стране в поисках инопланетян с исцеляющими руками.

— Исцеляющими методами,— поправила ее Лайлани.— Инопланетяне, овладевшие секретами межзвездных перелетов и научившиеся пользоваться туалетом при сверхсветовых скоростях, конечно же, могут вынуть меня из этого тела и пересадить в другое, новенькое, идентичное моему, но лишенное врожденных дефектов. Во всяком случае, это тот план, который мы пытаемся реализовать последние четыре года.

— Лайлани, дорогая, ты туда не вернешься,— заявила Дженева.— Мы не позволим тебе вернуться. Не так ли, Микки?

Злость, которая отравляла Микки жизнь, имела, однако, одну положительную сторону: лишила ее иллюзий. Она не признавала фантазий, почерпнутых из сентиментальных фильмов или других источников. Тетя Джен могла на какой-то момент представить себя Ингрид Бергман или Дорис Дэй, способными спасти попавшего в беду ребенка одной лишь ослепительной улыбкой или правильными словами, конечно же, под трогательную музыку... но Микки ясно видела их беспомощность в сложившейся ситуации. С другой стороны, если результатом являлась одна лишь беспомощность, может, не стоило лишаться иллюзий.

Микки вновь села за стол.

— Где исчез Лукипела?

Лайлани повернулась к окну, но смотрела, похоже, в далекое далеко.

— В Монтане. Есть такой штат в горах.

— Когда?

— Девять месяцев назад. Девятнадцатого ноября. Двадцатого у Луки день рождения. Ему бы исполнилось десять лет. Согласно видению доктора Дума, Ипы должны были излечить нас до того, как нам исполнится десять лет. Каждый из нас, обещал он Синсемилле, обретет новое тело до того, как мы перейдем десятилетний рубеж.

— «Странные огни в небе,— процитировала Микки,— светло-зеленые левитационные лучи, которые выдергивают тебя из башмаков и засасывают в летающую тарелку».

— Сама я ничего этого не видела. Так мне рассказали.

— Рассказали? — переспросила тетя Джен.— Кто рассказал, дорогая?

— Мой псевдоотец. В тот день, ближе к вечеру, мы припарковались на придорожной стоянке. Не в кемпинге. Даже не на площадке отдыха с туалетами и столиком для пикника. На большой площадке у обочины дороги. Вокруг шумел лес. Доктор Дум сказал, что в кемпинг мы поедем позже. А сначала он хотел посетить одно место, в паре миль от площадки, где какого-то парня, то ли Карвера, то ли Картера, по его словам, три года назад похитили лиловые головоногие с Юпитера или откуда-то еще. Я думала, что он, как обычно, потащит туда нас всех, но он отцепил внедорожник, который мы буксировали за собой на жесткой сцепке, и сказал, что с ним поедет только Луки.

Девочка замолчала.

Микки на нее не давила. Она понимала, что должна знать подробности, но желания выслушивать их у нее не было.

Какое-то время спустя Лайлани вернулась из ноябрьской Монтаны и встретилась взглядом с Микки.

— Я тогда поняла, что должно произойти. Попыталась поехать с ними, но он... Престон мне не позволил. И Синсемилла... она держала меня...— Призрак пролетел по коридорам памяти девочки, маленькая душа с вывернутыми тазобедренными суставами, одна нога короче другой, и Микки буквально увидела его в синих, потемневших от душевной боли глазах.— Я помню, как Лукипела шел к внедорожнику, хромая, с ортопедическим ботинком на левой ноге, так странно вихляя бедрами. А потом... когда они уезжали, Луки оглянулся, посмотрел на меня. Из-за грязи на стекле лицо его я видела нечетко. Я думаю, он помахал мне рукой.

Глава 14

Сидя на высоком стуле у прилавка, бедный туповатый мистер Хупер знает, что он — водитель грузовика, знает, что ест он курицу и картофель фри, но понятия не имеет, что он — типичный Форрест Гамп, с добрым сердцем, но тем не менее Гамп. Стараясь помочь, мистер Хупер указывает на коридор, который ведет к комнатам отдыха.

Оба ковбоя тут же направляются к Кертису.

Донелла зовет их, но даже она, во всей величественной необъятности, не может удержать охотников словом.

Справа от себя Кертис видит дверь на петлях-шарнирах, открывающуюся в обе стороны, с овальной стеклянной панелью. Панель расположена слишком высоко, чтобы заглянуть в нее, поэтому Кертис просто толкает дверь, не зная, что ждет его за порогом.

И попадает на большую кухню с выложенным белыми керамическими плитками полом. Видит ряды духовок, плит, разделочных столов, холодильников, раковин, поблескивающих нержавеющей сталью. И конечно же, лабиринт проходов между ними, в которых может спрятаться и, возможно, укрыться от охотников присевший на корточки мальчик.

Блюда готовят не два повара, как рядом с прилавком быстрого обслуживания. На кухне трудится много людей, и все очень заняты. На Кертиса никто не обращает ни малейшего внимания.

От духовки к духовке, мимо десятифутовой плиты, мимо глубоких жаровен, наполненных кипящим маслом, огибая угол разделочного стола, Кертис спешит в узкий проход, в котором лежат резиновые коврики. Он пригибается, чтобы не попасться на глаза ковбоям, когда те войдут на кухню. Старается никого не толкать, протискивается мимо, обходя то справа, то слева, но теперь его уже заметили.

— Эй, парень.

— Что ты тут делаешь, мальчик?

— Tener cuidado, muchacho!*

— Осторожнее, осторожнее!

— Loco mocoso!**

Он как раз добирается до следующего прохода в глубинах огромной кухни, когда слышит прибытие двух ковбоев. Сомнений в том, что пришли именно они, а не кто-то еще, нет. С наглостью и жаждой крови, присущей гестаповцам, они шумно открывают вращающуюся дверь, их шаги гулко разносятся по всей кухне.

* Осторожнее, мальчик! *(исп.)*

** Не путайся под ногами! *(исп.)*

Работающие на кухне разом замолкают и застывают, как манекены. Никто не хочет узнать, кто эти незваные гости, никто не решается привлечь их внимание звяканьем кастрюль, возможно, потому, что все боятся, а вдруг эти двое — агенты федеральной иммиграционной службы, выискивающие иностранцев, находящихся на территории Соединенных Штатов без должного разрешения, а на кухне такие конечно же работают. Впрочем, если агенты в плохом настроении, они могут изрядно потрепать нервы и тем, у кого документы в полном порядке.

Но одним своим появлением ковбои помогли Кертису найти союзников. Мальчик на четвереньках пробирается по проходам, а повара, пекари, рубщики овощей и посудомойки уходят с его пути, своими телами стараются укрыть его от глаз ковбоев, жестами показывают, он это понимает, в какой стороне находится дверь черного хода.

Мальчик испуган, рот внезапно наполняется горечью, легкие сжимаются с такой силой, что ему едва удается протолкнуть в них воздух, сердце стучит, как паровой молот... и при этом он остро чувствует сводящие с ума запахи жарящихся курицы и картофеля, тушащейся свинины. Страху не удается полностью заглушить голод, и, пусть слюна горькая, есть хочется ничуть не меньше.

Шум, который он слышит, указывает на то, что убийцы пытаются выследить его. Работники кухни начинают возмущаться, сообразив, что ковбои — не сотрудники правоохранительных органов, возражают против их вторжения в святая святых ресторана.

У стола с чистыми тарелками Кертис останавливается и, оставаясь на корточках, решается поднять голову. Заглядывает в зазор между двумя башнями тарелок и видит одного из преследователей в пятнадцати футах от себя.

У охотника симпатичное, потенциально приветливое лицо. Если б он не злобно хмурился, а улыбался, кухонные работники сразу прониклись бы к нему доверием и сами указали бы, где искать мальчика.

Но хотя внешность людей иной раз обманывает Кертиса, тут у него сомнений нет: перед ним человек, у которого из каждой поры по всей поверхности тела изливаются токсины убийства, уже замариновавшие его мозг. И выжать капельку слад-

кого сока из отжимок персика куда легче, чем каплю жалости из сердца этого охотника, милосердием не отличающегося от каменного истукана.

Пока он пробирается по проходу, за столами которого готовят салаты, мрачный ковбой смотрит направо и налево, отшвыривает тех, кто мешает ему пройти, мужчин и женщин, словно они не люди, а мебель. Его напарник не идет следом, должно быть, заходит с другой стороны.

Протесты работников кухни стихают, возможно, потому, что охотники не реагируют на слова, а их убийственно-холодные взгляды ясно говорят о том, что не стоит вставать у них на пути. Таких людей иной раз показывают в телевизионных выпусках новостей. Они открывают стрельбу в торговых центрах или в офисных зданиях, потому что жена решила подать на развод, потому что их уволили, без всякого «потому что». Однако кивками и движениями рук работники кухни продолжают направлять Кертиса к черному ходу.

Согнувшись в три погибели, раскинув руки для равновесия, совсем как испуганная мартышка, мальчик огибает угол стола для разделки мяса и видит повара, который, застыв как столб, широко раскрыв глаза, смотрит на охотников. Одетый во все белое повар, должно быть, по совместительству ангел, учитывая, что в руке он держит пластиковый пакет с сосисками для хот-догов, который только что взял из открытого лотка-охладителя за его спиной.

Раздается сильный грохот, звенят пустые кастрюли. Кто-то ворвался на кухню через вращающуюся дверь из коридора, ведущего к комнатам отдыха. Следом за ковбоями. Вновь эхом отдаются от стен тяжелые и быстрые шаги по выложенному плитками полу. Голоса. Крики: «ФБР! ФБР! Не двигаться, не двигаться, не двигаться!»

Кертис хватает пакет с сосисками. Повар от испуга отпускает его. С добычей в руках мальчик проскакивает мимо повара, навстречу свободе и сытному обеду. Он изумлен появлением агентов ФБР, но столь неожиданное развитие событий совершенно его не радует.

Дождь зачастую переходит в ливень, как говаривала его мать.

Она не утверждала, что первой высказала эту мысль. Универсальные истины часто находят отражение в расхожих клише. *При ливне реки выходят из берегов, и внезапно нас заливает. Но если начинается наводнение, мы не паникуем, не так ли, мой мальчик?* И он всегда знал ответ на этот вопрос: «*Нет, мы никогда не паникуем*». А если бы она спросила: «*А почему мы не паникуем при наводнении?*» — он бы ответил: «*Потому что на панику у нас нет времени: мы плывем*».

За его спиной, где-то на кухне, звенят разбивающиеся об пол тарелки, грохочут сброшенные со столов кастрюли, звенят о плитки пола ножи, ложки, вилки, словно колокола, объявляющие о начале какого-то демонического праздника.

Потом гремят выстрелы.

Глава 15

Кофе так долго настаивался, что стал горьким. Но Микки и не возражает, что он крепче обычного. Более того, рассказ Лайлани поднял столько горечи из глубин души Микки, что другого кофе ей в этот момент просто не надо.

— Так ты не веришь, что Лукипела улетел с инопланетянами, — В голосе Дженевы не слышно вопросительных интонаций.

— Я делаю вид, что верю,— ответила Лайлани.— В присутствии доктора Дума я всему верю, радуюсь тому, что скоро, через год, через два, Луки вернется к нам в новеньком теле. Так безопаснее.

Микки едва не спросила, верит ли Синсемилла в то, что Ипы «засосали» Луки в летающую тарелку. Потом поняла, что женщина, с которой она столкнулась чуть раньше, не просто поверила этой сказочке. Не составило труда убедить ее и в том, что Луки и сострадательные гости с дальних миров посылают понятные только ей приветственные послания повторными показами «Сайнфелда», рекламой на коробках кукурузных хлопьев или траекториями пролетающих мимо птичьих стай.

Лайлани наконец-то положила в рот первый кусочек от второй порции пирога. Жевала очень медленно — печеные яблоки столько жевать нет нужды,— не отрывала взгляда от тарелки, словно раздумывала, а чем, собственно, вкус второй порции отличается от первой.

— Как он мог убить беспомощного ребенка? — спросила Дженева.

— Именно это он и делает. Как почтальон разносит почту. Как пекарь печет хлеб.— Лайлани пожала плечами.— Почитайте о нем в газетах. Сами увидите.

— И ты не обращалась в полицию,— констатировала Микки.

— Я же ребенок.

— Иногда они прислушиваются к детям,— заметила Дженева.

Микки по собственному опыту знала, что скорее наоборот.

— Независимо от того, поверили бы они тебе или нет, они бы, конечно, не приняли версию твоего отчима о целителях со звезд.

— Они бы и не услышали от него эту версию. Он говорит, что Ипам известность ни к чему. И дело не в скромности инопланетян. Они к этому подходят очень строго. Если мы кому-то скажем о Луки,— говорит он,— они никогда не привезут его назад. У них большие планы, цель которых — обеспечить развитие человеческой цивилизации до уровня, который позволит Земле вступить в Галактический конгресс, иногда он называет этот орган Парламентом планет, и реализация этих планов требует времени. А пока они творят много добрых дел, оставаясь за кулисами, спасают нас от атомной войны и от хронической перхоти, им не хочется, чтобы невежественные копы беспокоили их, рыская по горам Монтаны и в других местах, где они любят появляться. Поэтому мы можем говорить об Ипах только между собой. Синсемилла полностью с этим согласна.

— А что он скажет, если ему придется объяснять отсутствие Лукипелы? — спросила Дженева.

— Прежде всего, некому заметить его отсутствие и, соответственно, спросить. Мы не сидим на месте, все время колесим по стране. У нас нет постоянных соседей. Нет друзей, только люди, с которыми мы встречаемся в наших путешествиях, скажем, вечером в кемпинге, в первый и единственный раз. Синсемилла давно порвала со своей семьей. До моего рождения.

Я не знакома с ее родственниками, даже не знаю, живы ли они. Она никогда о них не говорит, разве что упомянет, какие они невыносимые и самодовольные зануды. Как вы понимаете, в более крепких выражениях. Одна из моих договоренностей с Богом состоит в том, что я никогда не буду ругаться, как моя мать. И в обмен на мою самодисциплину Он даст ей время, что-

бы она, когда умрет и предстанет перед Ним, смогла объяснить свой моральный выбор. Я не уверена, что Бог, пусть Он и всемогущий, понимает, в какую Он попал переделку, согласившись на такие условия.

Девочка подцепила вилкой другой кусочек пирога, вновь начала жевать его со столь трагичным выражением лица, словно ела брокколи, не получала удовольствие, а снабжала организм необходимыми ему питательными веществами.

— Но если полиция спросит о Луки...— начала Дженева.

— Они скажут, что его никогда не было, что Луки — воображаемый дружок, которого я себе выдумала.

— У них ничего не выйдет, дорогая.

— Еще как выйдет. И до появления доктора Дума Синсемилле не сиделось на одном месте. Она говорит, что до того, как к нам присоединился доктор Дум, мы жили в Санта-Фе, Сан-Франциско, Монтеррее, Теллуриде, Таосе, Лас-Вегасе, на озере Тахоа, в Туксоне, Кер-д'Алене. Какие-то места я помню, но была слишком маленькой, чтобы сохранить память о всех. Она тогда жила с разными мужчинами, кто-то из них принимал наркотики, кто-то торговал ими, все хотели сорвать большой куш, быстро и сразу, не прилагая усилий, никто не пускал корни, потому что, задержись они где-либо, местные копы обеспечили бы каждого помещением и бойфрендом. Короче, никто не знает, где сейчас эти парни и помнят ли они Луки... и признаются ли в том, что помнят.

— Свидетельства о рождении,— вскинулась Микки.— Это доказательство. Где ты родилась? Где родился Луки?

Очередной кусочек пирога отправился в рот Лайлани. Снова она долго пережевывала его, не чувствуя вкуса.

— Я не знаю.

— Ты не знаешь, где родилась?

— Синсемилла говорит, что парки* не смогут найти тебя, чтобы обрезать нить и лишить жизни, если они не знают, где ты родился, этого они не узнают, если ты не назовешь вслух место своего рождения, следовательно, ты будешь жить вечно. И она не верит во врачей и больницы. Она говорит, что мы ро-

* Парки — в римской мифологии богини судьбы, прядущие и обрезающие нить жизни.

дились дома, каким бы тогда ни был наш дом. В лучшем случае... может, была повивальная бабка. Я крайне изумлюсь, если выяснится, что наши рождения кто-то где-то зарегистрировал.

Горький кофе еще и остыл. Микки все равно пила его маленькими глоточками. Она боялась, что примется за бренди, если не будет пить кофе, не слушая никаких возражений Лайлани. Спиртное никогда не успокаивало ее ярость. Микки стала пить, потому что алкоголь добавлял огня в костер ее злости, а она долгие годы лелеяла свою злость. Только злость помогала Микки выживать, и лишь недавно она весьма неохотно с ней рассталась.

— У тебя фамилия отца.— В голосе Дженевы слышалась надежда.— Если удастся его найти...

— Я не уверена, что у меня и Лукипелы один отец. Синсемилла никогда этого не говорила. Возможно, она сама не знает. У Луки и у меня одна фамилия, но это ничего не значит. Совсем необязательно, что это фамилия нашего отца. Она никогда не называла нам его фамилию. Такое уж у нее отношение к именам и фамилиям. Она говорит, что в них заключена магическая сила. Зная имя человека, ты обретаешь над ним власть, а если твое имя хранится в тайне, оно придает тебе сил.

Ведьма с метлой в заднице, ведьмина сучка, сатанинское отродье, старая колдунья, спустившаяся с луны с моим именем на языке, ты думаешь, что сможешь наложить на меня заклятие, догадавшись, как меня зовут...

Округлившиеся от ярости глаза Синсемиллы, с огромными белками, возникли перед мысленным взором Микки, словно две инопланетные луны. Она содрогнулась.

— Она называет его Клонк, потому что, по ее словам, именно такой звук он издавал, если его постукивали по голове. Синсемилла ненавидит его черной ненавистью, возможно, поэтому часть этой ненависти она переносила на меня и Луки. По какой-то причине больше на Луки.

И пусть о Синсемилле Мэддок у Дженевы сложилось самое неблагоприятное мнение, она ужаснулась, услышав такое обвинение.

— Лайлани, сладенькая, пусть она и психически неуравновешенная женщина, но она все равно твоя мать и по-своему любит тебя.— У тети Джен детей не было, и не потому, что ей

так хотелось. Любовь, которую она не смогла растратить на сына или дочь, не пропала со временем, и теперь она одаривала ею всех, кого знала.— Ни одна мать не может ненавидеть свое дитя, дорогая. Ни одна.

Микки пожалела, и не в первый раз, что не была дочерью Дженевы. Жизнь ее тогда сложилась бы иначе: свободной от злости и стремления к самоуничтожению.

Встретившись взглядом с Микки, Дженева увидела любовь в ее глазах и улыбнулась, но потом прочла что-то еще, и это «что-то» помогло ей понять глубину собственной наивности в этом вопросе. Улыбка увяла, поблекла, исчезла.

— Ни одна мать,— повторила она, уже обращаясь к Микки.— Я всегда так думала. А если бы узнала, что это не так, не смогла бы... стоять в стороне.

Микки отвела взгляд, потому что не хотела говорить о своем прошлом.

Не здесь, не сейчас. Сегодня речь шла о Лайлани Клонк, а не о Мичелине Белсонг. Лайлани исполнилось только девять, и, пусть на ее долю уже выпало немало несчастий, жизнь еще не прокатилась по ней тяжелым катком. Ей хватало характера, ума, у нее были шансы на выживание, на будущее, даже если сейчас шансы эти казались минимальными. В этой девочке Микки видела надежду на хорошую, чистую, целенаправленную жизнь... чего не могла увидеть в себе.

— Есть одна причина, по которой я знала, что Луки она ненавидела больше, чем меня. Это его имя. Она говорит, что назвала меня Лайлани, что означает «небесный цветок», потому что тогда, возможно... возможно, люди не будут думать обо мне как о жалкой калеке. В этом Синсемилла проявила максимум материнской заботы. Но она говорит, что знала, каким будет Луки, еще до того, как он появился на свет. «Лукипела» по-гавайски — Люцифер.

На лице Дженевы отразился ужас. Казалось, еще чуть-чуть — и она поставит на стол бренди, от которого пока отказывалась Микки, не для нее, а чтобы успокоить свои нервы.

— Фотографии,— вырвалось у Микки.— Твои и Луки. Доказывающие, что брат не плод твоего воображения.

— Они уничтожили все его фотографии. Потому что он будет совершенно здоров, когда вернется с Ипами. И если кто-то

увидит фотографии, на которых он изображен инвалидом, все сразу поймут, что излечить его могли только Ипы. Этим мы подставим наших друзей, поскольку им придется бегать от репортеров и зевак, вместо того чтобы способствовать развитию человеческой цивилизации и поднимать ее до уровня, достойного принятия в Парламент планет, где всех нас ждут дорогие подарки и огромные скидки, полагающиеся членам клуба. Синсемилла проглотила и это. Возможно, потому, что хотела это проглотить. Я все-таки спрятала две маленькие фотографии Луки, но они их нашли. И теперь его лицо сохранилось только у меня в памяти. Но я каждый день концентрируюсь на его лице, вспоминаю снова и снова, сохраняю мельчайшие детали, особенно улыбку. Я не позволю дымке времени затянуть его лицо.— Голос девочки стал мягче, но глубже проникал в души слушательниц, как воздух проникает в те места, откуда уходит вода.— Он прожил десять лет, наполненных страданиями, и нельзя допустить, чтобы он вдруг исчез, как будто его и не было. Это неправильно. Нехорошо. Очень нехорошо. Кто-то должен его помнить, вы понимаете. Кто-то.

Осознав ужас ситуации, в которой оказалась девочка, тетя Джен лишилась дара речи, впала в ступор. Всю жизнь, до этого мгновения, Дженева Дэвис всегда могла найти слова утешения, знала, как успокоить растревоженное сердце простым поглаживанием волос, унять страх объятиями и поцелуем в лоб.

И Микки перепугалась до смерти, чего с ней не случалось лет пятнадцать, а то и больше. Вновь почувствовала, что она — рабыня судьбы, случая, опасных мужчин, совершенно беспомощная, совсем как в детстве, когда не была себе хозяйкой. Она не могла предложить Лайлани путь к спасению, как когда-то не могла спасти себя, и это бессилие предполагало, что ей недостанет ума, храбрости, решительности для решения куда более сложной задачи: переустройства своей загубленной жизни.

С серьезным видом Лайлани доела вторую порцию пирога, с таким серьезным, словно ела не для того, чтобы утолить собственные потребности или желания, а в память о том, кто не мог разделить с ней эту трапезу, в память о мальчике с сильным врожденным дефектом таза и вывернутыми тазобедренными суставами, мальчике, который ходил в ортопедическом ботинке, брате, который, наверное, любил яблочный пирог и чью память приходилось кормить из-за его вынужденного отсутствия.

Замерцал огонек, что-то зашипело, змейка дыма поднялась над восковой лужицей: одна из свечей догорела, и темнота без промедления придвинула свой стул поближе к столу.

Глава 16

Стрельба, но и сосиски. Охотники рядом, но хаос помогает уйти от них. Вокруг враждебность, но впереди надежда на спасение.

Даже в самые темные моменты жизни свет присутствует, если верить, что он есть. Страх — яд, вырабатываемый рассудком, смелость — антидот, который всегда наготове в душе. В неудаче заложено зернышко, из которого вырастет будущий триумф. Надежды нет у тех, кто не верит в разумность существующего порядка вещей, но те, кому виден глубокий смысл в каждом из приходящих дней, живут в радости. Если тебе противостоит превосходящий силой противник, ты обнаружишь, что пинок в половые органы — очень эффективное средство борьбы.

Это и многое другое — премудрости из *«Большой книги практических советов мамы для преследуемого подрастающего хамелеона»*. Книга эта, разумеется, нигде не опубликована, но он может видеть ее страницы, словно это реальная книга, ничем не отличающаяся от прочитанных им, главы и главы полезных рекомендаций, за которыми давшийся дорогой ценой жизненный опыт. Его мать прежде всего — его мать, но при этом и символ сопротивления угнетению, почитаемый во всем мире, глашатай свободы, учение которой, как философия, так и практические советы выживания, передавалось от верующего к верующему, точно так же как народные предания, которые рассказывали и пересказывали у костров и очагов, сохраняя и пронося их сквозь столетия.

Кертис надеется, что ему не придется пинать кого-либо в половые органы, но он готов и на это, если не будет другой возможности выжить. По природе он скорее мечтатель, чем человек дела, скорее поэт, чем воин, хотя надо очень постараться, чтобы увидеть что-то поэтическое или воинственное в прижи-

мании к груди пакета с сосисками, в забеге на корточках, в отступлении с поля боя, грохочущего у него за спиной.

Вокруг и под разделочными столами, мимо высоких стоек с открытыми полками, уставленными посудой, укрываясь за кухонным оборудованием неизвестного ему назначения, Кертис пусть не прямо, но целеустремленно продвигается к дальнему концу кухни, в направлении, с самого начала указанном ему работающими здесь людьми.

Но никто из работников более не хочет служить гидом. Они слишком заняты поисками убежища, расползаются по полу в разные стороны, словно солдаты, внезапно попавшие под обстрел, бормочут молитвы, каждый преисполнен решимости уберечь собственную задницу, которую когда-то его мать заботливо присыпала тальком.

Помимо грохочущих выстрелов Кертис слышит посвист свинцовых пуль.

Они со звоном отлетают от металлических поверхностей, с чавканьем вгрызаются в дерево или пластик, булькают, пробивая полные кастрюли, гудят, пробивая пустые. Взрывается разбиваемая посуда, возмущенно скрежещут потревоженные металлические стойки, шипит быстро испаряющийся из пробитых труб ядовитый охладитель, словно зритель, недовольный игрой этого сборища бесталанных музыкантов. Возможно, поэтическая сторона Кертиса все-таки дает о себе знать даже в разгаре сражения.

Агенты ФБР обычно не применяют оружие первыми, следовательно, инициаторами стрельбы выступили ковбои. И эти двое мужчин не схватились бы сразу за оружие, если б не знали, что федеральным агентам нужны именно они.

Такое развитие событий более чем удивительно. В круговерти происходящего Кертис еще не может в полной мере осознать, что сие означает. Если федеральным властям стало известно о темных силах, преследующих мальчика-сироту, значит, они знают и о самом мальчике. Если они смогли опознать охотников, значит, и приметы мальчика для них не секрет.

Кертис думал, что его преследует взвод. А теперь выходит, что ему на пятки наседает целая армия. И враги его врагов совсем необязательно его друзья, в данном случае определенно нет.

Он добирается до конца очередного прохода и натыкается на человека, сидящего на полу меж двух высоких шкафов. Видно, что он парализован ужасом.

Поджав колени к груди, мужчина пытается стать как можно меньше, чтобы избежать рикошета или случайной пули. Вместо шляпы на голове у него стальной дуршлаг, он держит его руками, закрывая и лицо, наверное, думает, что дуршлаг защитит его от выстрела в голову.

Как и все на кухне, мужчина кричит. Может, его ранило. Кертис никогда не слышал криков людей с пулевыми ранениями. Отвратительный агонизирующий вопль. Такие вопли ему доводилось слышать слишком часто. Трудно поверить, что простая пуля может причинять страдания, вызывающие столь пронзительные, свидетельствующие о жутких мучениях крики.

Сквозь маленькие отверстия дуршлага видны остекленевшие от ужаса глаза мужчины. И когда он начинает быстро говорить по-вьетнамски, его слышно, несмотря на металлический капюшон: *«Мы все умрем»*.

Отвечая на вьетнамском, мальчик делится одной из премудростей матери в надежде чуть успокоить мужчину: *«В неудаче заложено зернышко, из которого вырастет будущий триумф»*.

Но и тут наладить отношения не удается. Насмерть перепуганного вьетнамца добрые слова только выводят из себя, он вдруг начинает кричать: *«Маньяк! Сумасшедший!»*

Удивленный, слишком хорошо воспитанный для того, чтобы на оскорбление отвечать оскорблением, Кертис пробирается дальше.

Полные душевной муки вопли пугают мальчика, и хотя их иной раз заглушает грохот выстрелов, они не стихают. Ему уже совершенно не хочется есть, но он все равно крепко сжимает в руке пакет с сосисками, зная по собственному опыту, что голод может быстро вернуться, даже если не спадет страх. Сердце излечивается медленно, мозг быстрее свыкается с новыми условиями, а тело всегда нуждается в подкормке.

А кроме того, он должен думать о Желтом Боке. *Хорошая собачка. Я иду к тебе, собачка.*

От непрекращающихся выстрелов у него звенит в ушах. Однако Кертис слышит, как кричат люди, как ругаются, а какая-то женщина поминает и поминает Святую Деву. По их голо-

сам ясно, что битва продолжается и, возможно, до ее завершения еще далеко. Ни в одном голосе не слышится облегчения, только тревога, поспешность, стремление выжить.

У дальнего конца кухни он видит нескольких работников, которые проталкиваются в открытую дверь.

Уже собравшись последовать за ними, Кертис соображает, что за дверью — большой холодильник и они собираются закрыть стальную, с толстым слоем теплоизоляции дверь. Это хорошее убежище от пуль, но не более того.

Кертису убежище не нужно. Он хочет найти аварийный люк. И как можно быстрее.

Еще дверь. За ней — маленькая кладовка, восемь футов в ширину и десять в длину, с дверью в дальнем конце. Это тоже холодильник, с перфорированными металлическими стеллажами вдоль стен. На стеллажах — пластиковые контейнеры в полгаллона с апельсиновым, грейпфрутовым, яблочным соком, молоком, коробки с яйцами, головки сыра...

Он хватает с полки контейнер с апельсиновым соком, мысленно дает себе наказ возвратиться в Юту, при условии что ему удастся выбраться из этого штата живым и расплатиться и за сосиски, и за сок. Он искренен в своих намерениях, но все равно чувствует себя преступником.

Возлагая все надежды на дверь в дальней стене холодильника, Кертис выясняет, что она ведет в более просторное, с нормальной температурой воздуха помещение, где хранятся расходные материалы, не требующие охлаждения. Салфетки, туалетная бумага, жидкости для мытья посуды и чистки, воск для натирки полов.

Логично предположить, что эта кладовка сообщается с разгрузочной площадкой или автостоянкой, и действительно, следующая дверь подтверждает правильность его рассуждений. Теплый ветерок, лишенный ароматов кухни и запаха порохового дыма, бросается на него, как игривый щенок, и ерошит волосы.

Он поворачивает направо, добегает до края разгрузочной площадки. Четыре бетонные ступеньки — и он на асфальте еще одной автостоянки, освещенной в два раза хуже тех, где он уже побывал.

Большинство автомобилей, похоже, принадлежат сотрудникам ресторана, станции техобслуживания и мотеля. Пикапов больше, чем легковушек, есть и несколько внедорожников, прожаренных пустыней, посеченных ветром, поцарапанных кактусами. Сразу видно, что используются они не только для поездок в супермаркет.

С контейнером «Флоридского лучшего» в одной руке и пакетом сосисок в другой Кертис бросается между двумя внедорожниками, стремясь убежать как можно дальше от кухни, до того как его засекут агенты ФБР, охотники в обличье ковбоев и, возможно, сотрудники Службы охраны соков или детективы Агентства защиты сосисок.

Нырнув в темный зазор, мальчик слышит крики, торопливые шаги бегущих людей... совсем рядом.

Он оборачивается лицом в ту сторону, откуда пришел, готовый ударить первого преследователя контейнером сока. Сосиски в качестве оружия бесполезны. В инструкциях по самообороне, полученных от матери, сосиски не упоминались. А вот если контейнер не поможет, придется врезать ногой по половым органам преследователя.

Двое, трое, пятеро мужчин пробегают мимо передних бамперов стоящих рядом внедорожников, все крепкие, мускулистые, в черных жилетках или черных ветровках с большими белыми буквами «ФБР» на спине. Двое с помповыми ружьями, трое с пистолетами. Они полностью изготовились к бою, их внимание целиком сосредоточено на двери черного хода в ресторан, так что ни один не замечает Кертиса, мимо которого они пробежали.

Он так и стоит в темноте, с контейнером апельсинового сока и сосисками.

Набрав полную грудь вяжущего воздуха пустыни, мальчик выдыхает его куда более горячим и продолжает свой путь на запад, используя для прикрытия автомобили сотрудников. Он не знает, в какую сторону бежать, но хочет убраться подальше от ресторана.

Обогнув «додж»-пикап, он попадает в широкий коридор между рядами автомобилей, и там его ждет верный друг, весь черный, не считая нескольких белых отметин, похожих на освещенные луной листья, сорванные ветром и опустившиеся

на темную гладь пруда. Собака начеку, ушки стоят торчком, она чувствует не запах сосисок, а опасность, грозящую хозяину.

Хорошая собачка. Сматываемся отсюда.

Она подскакивает, от радости напрыгивает на него и бежит дальше, не на полной скорости, так, чтобы мальчик мог за ней угнаться. Доверяя ее более обостренному чутью, полагая, что она не выведет его на сообщников ковбоев, которые наверняка находятся где-то неподалеку, или на еще один отряд вооруженных до зубов агентов ФБР, Кертис следует за Желтым Боком.

Глава 17

Для всех, кроме Ноя Фаррела, рай для одиноких и давно забытых назывался пансионом «Сьело Виста»*. Название заведения обещало небесную панораму, но в действительности ее посетителям предлагалось заглянуть в чистилище.

Он не знал, что побудило его дать этому заведению другое, и столь сентиментальное, название. В остальном жизнь вытравила из него всю сентиментальность, хотя он не мог не признать, что какая-то тяга к романтизму в нем все-таки осталась.

В этой частной клинике для психохроников не было ничего романтичного, за исключением разве что испанской архитектуры и затененных дорожек с бордюрами из желтых и пурпурных цветов. И хотя снаружи пансион радовал взор, никто не приходил сюда в поисках любви или романтических приключений.

На всех этажах пол, серый винил с персиковыми и бирюзовыми вкраплениями, блестел чистотой. Стены персикового цвета с белыми молдингами способствовали созданию атмосферы беззаботности и уюта. Но чистоты и радостных тонов не хватало для того, чтобы настроить Ноя на праздничный лад.

И конечно, работали здесь преданные делу, дружелюбные люди. Ной ценил профессионализм персонала, но улыбки и приветствия казались ему фальшивыми, не потому, что он сомневался в их искренности: просто в этом месте он сам с трудом мог выдавить из себя улыбку, а груз вины так сильно давил на сердце, когда он приходил сюда, что ему было не до эмоций.

* Дословно с испанского (Cielo Vusta) — «Вид на небеса».

В центральном коридоре первого этажа, миновав сестринский пост, Ной столкнулся с Ричардом Велнодом. Ричард предпочитал, чтобы его называли Рикстер, дружеским прозвищем, полученным от отца.

Рикстер шел, шаркая ногами, сонно улыбаясь, словно еще не успел окончательно проснуться. Толстой шеей, широкими круглыми плечами, короткими руками и ногами он напоминал какого-то сказочного персонажа, из тех, что обычно помогали главному герою: то ли доброго тролля, то ли милосердного кобольда, идущего оберегать, а не пытать шахтеров в глубоких и опасных туннелях.

У многих людей лицо жертвы синдрома Дауна вызывало жалость, раздражение, тревогу. Ной же всякий раз, глядя на этого двадцатишестилетнего, но в каком-то смысле навеки мальчика, остро чувствовал узы несовершенства, которые связывали всех без исключения сыновей и дочерей этого мира, и благодарил Всевышнего за то, что худшие из собственных его несовершенств поддавались исправлению, если он находил в себе силу воли исправить их.

— Этой оранжевой малышке нравится темнота на улице? — спросил Рикстер.

— О какой оранжевой малышке ты говоришь? — уточнил Ной.

Рикстер прикрывал одной ладонью другую, словно в них таилось сокровище, которое он нес в подарок королю или Богу.

Когда Ной наклонился, чтобы посмотреть, ладони чуть разошлись, словно створки раковины, с неохотой соглашающиеся продемонстрировать хранящуюся в них драгоценную жемчужину. По ладони нижней руки ползла божья коровка, маленькая оранжевая черепашка размером с бусину.

— Она даже немного летает.— Рикстер быстро свел ладони.— Я ее отпущу.— Он посмотрел на сгустившиеся за окном сумерки.— Может, она испугается. Я про темноту.

— Я знаю повадки божьих коровок,— ответил Ной.— Они любят ночь.

— Ты уверен? Небо в темноте пропадает, и все становится таким огромным. Я не хочу, чтобы она испугалась.

Мягкое лицо Рикстера и его глаза светились врожденной добротой и наивностью, которой невозможно лишить, поэто-

му к его тревоге за насекомое следовало отнестись со всей серьезностью.

— Знаешь, иногда божьи коровки боятся птиц.

— Потому что птицы едят насекомых.

— Совершенно верно. Но птицы в большинстве своем ночью разлетаются по гнездам, где и остаются до утра. Поэтому в темноте твоя оранжевая малышка будет в полной безопасности.

Низкому лбу Рикстера, плоскому носу, тяжелым чертам лица в большей степени соответствовала угрюмость, однако он умел и широко улыбаться.

— Я многих выпускаю, знаешь ли.

— Знаю.

Мух, муравьев. Мотыльков, бьющихся о стекло, моль, наевшуюся шерсти.

Пауков. Крошечных жучков. Всех их и многих других спасал этот ребенок-мужчина, выносил из «Сьело Висты» и выпускал.

Однажды, когда обезумевшая от страха мышь металась из комнаты в комнату и по коридорам, преследуемая санитарами и медсестрами, Рикстер встал на колени и протянул к ней руку. Словно почувствовав в нем душу святого Франциска, испуганная беглянка бросилась к нему на ладонь, взобралась по руке и наконец уселась на покатом плече. Под аплодисменты и радостные улыбки персонала и пациентов он вышел из дома и отпустил дрожащее существо на лужайку. Мышь тут же нырнула в клумбу красных и коралловых цветов.

Мышь, конечно же, всегда жила в доме, предпочитая норку за стеной полю, в цветах спряталась только для того, чтобы прийти в себя от выпавших на ее долю испытаний и к ночи перебраться обратно в теплый особняк, куда не пускали кошек.

По мнению Ноя, в стремлении выпускать на свободу насекомых и прочую живность Рикстер исходил из того, что «Сьело Виста», несмотря на заботливый персонал и максимум удобств, не может считаться естественной средой обитания для любого живого существа.

Первые шестнадцать лет мальчик жил в большом мире, с отцом и матерью.

Их убил пьяный водитель на Тихоокеанской береговой автостраде, в десяти минутах езды от дома. Только после той поездки они попали не домой, а в рай.

Дядя Рикстера стал исполнителем завещания и опекуном мальчика. К неудовольствию родственников, его тут же определили в «Сьело Висту». Он приехал, застенчивый, испуганный, молчаливый. А неделей позже стал спасителем насекомых и мышей.

— Я уже отпускал божью коровку, раз или два, но днем.

Подумав, что Рикстер немного боится ночи, Ной спросил:

— Ты хочешь, чтобы я вынес ее из дома и отпустил?

— Нет, благодарю. Я хочу посмотреть, как эта малышка полетит.

Я посажу ее на розы. Они ей понравятся.

Прикрыв божью коровку ладонями и прижимая их к сердцу, шаркая ногами, он направился к холлу и парадной двери.

Ноги Ноя вдруг стали такими же тяжелыми, как у Рикстера, но он постарался не шаркать ими, преодолевая последние ярды до комнаты Лауры.

Освободитель божьих коровок крикнул ему вслед:

— Лаура этот день провела не здесь. Отправилась в одно из тех мест, где часто бывает.

Ной остановился.

— В какое именно?

— В то, где грустно,— не оглядываясь, ответил Рикстер.

В ее комнате, расположенной в конце коридора, не было и намека на то, что это больничная палата или даже номер санатория. Персидский ковер на полу, недорогой, но красивый, в сине-красно-зеленых узорах. Мебель не из пластика и металла, а из дерева цвета спелой вишни.

Освещала комнату лампа, стоявшая на тумбочке у кровати. Лаура жила одна, потому что не могла общаться с людьми.

Босоногая, в белых брюках из хлопчатобумажной ткани и розовой блузе, она лежала на смятом покрывале, головой на подушке, спиной к двери и лампе, лицом в тени. Не шевельнулась, когда он вошел, ничем не показала, что знает о его присутствии, когда он обошел кровать и встал рядом, глядя на нее.

Родная сестра, уже двадцатидевятилетняя, навсегда оставшаяся в его сердце ребенком. Он потерял ее, когда ей было двенадцать. До этого она была светом в окошке, единственным ярким пятном в семье, живущей в тени и кормящейся темнотой.

Прекрасная в двенадцать лет, и сейчас наполовину прекрасная, она лежала на левом боку, открыв взгляду Ноя правую половину лица, не тронутую насилием, которое разом изменило ее жизнь. Другая половина, вдавленная в подушку, являла собой жуткое зрелище: раздробленные кости, соединенные веревками шрамов.

Пусть лучший специалист по пластическим операциям не смог бы вернуть ей природную красоту, но привести лицо в более-менее пристойное состояние не составляло особого труда. Однако страховые компании отказываются оплачивать дорогие пластические операции, если повреждения мозга столь велики, что у пациента нет надежды на возвращение к нормальной жизни.

Как и предупреждал Рикстер, Лаура отправилась в одно из тех мест, куда другим хода нет. Не замечая, что происходит вокруг, она пристально смотрела в какой-то иной мир, мир воспоминаний или фантазии, словно наблюдала драму, видеть которую могла только она.

В другие дни она лежала, улыбаясь, глаза весело блестели, с губ иногда срывался радостный вскрик. Но сегодня она отправилась в грустное место, одно из худших среди неведомых земель, в которых могла бывать ее душа. Мокрое пятно на подушке, мокрая щека, слезинки, дрожащие на ресницах, новые слезы, струящиеся из карих глаз.

Ной позвал ее по имени, но Лаура, как он и ожидал, не отреагировала.

Прикоснулся ко лбу. Она не дернулась, даже не моргнула в ответ.

В отчаянии или в радости, пребывая в трансе, она полностью уходила из этого мира. И могла оставаться в таком состоянии пять-шесть часов, в редких случаях до десяти.

Выйдя из него, могла самостоятельно одеваться и есть, оставаясь при этом в полном недоумении, не понимая, что она делает и почему. В этом более нормальном состоянии Лаура иногда отзывалась на свое имя, хотя по большей части не знала, кто она... да ее это и не волновало.

Говорила она редко, никогда не узнавала Ноя. Если у нее и остались воспоминания о тех днях, когда она была нормальной девочкой, они мелкими фрагментами разлетелись по темной

пустыне ее мозга, и она не могла собрать их воедино и восстановить, как невозможно собрать на берегу и восстановить из осколков ракушки, разбитые безжалостным прибоем.

Ной сел в кресло, откуда мог видеть ее неподвижный взгляд, редкое движение век, медленный, но нескончаемый поток слез.

И как ни тягостно было смотреть на Лауру, лежащую в трансе отчаяния, Ной благодарил судьбу, что его сестра не спустилась на более глубокий горизонт, куда иной раз попадала. Когда такое случалось, ее глаза, без единой слезинки, наполнялись ужасом, а страх прорезал уродливые морщины на сохранившейся половине лица.

— Прибыль от этого расследования позволит оплатить шесть месяцев твоего пребывания здесь,— сказал Ной.— Так что за первую половину следующего года мы можем не беспокоиться.

Он работал, чтобы обеспечить пребывание Лауры в этом пансионе. По этой же причине он жил в дешевой квартире, мотался на развалюхе, никуда не ездил отдыхать, покупал одежду на распродажах. Собственно, он и жил для того, чтобы Лаура ни в чем не знала нужды.

Если бы он взял на себя ответственность много лет назад, когда ей было двенадцать, а ему шестнадцать, если бы ему хватило смелости пойти против своей жалкой семьи и сделать то, что следовало, его сестру не избили бы и не оставили умирать. И ее жизнь не превратилась бы в череду кошмаров, перемежающихся периодами озадаченного спокойствия.

— Тебе бы понравилась Констанс Тейвнол,— продолжил Ной.— Если бы у тебя был шанс повзрослеть, думаю, ты бы во многом стала похожей на нее.

Приходя к Лауре, он подолгу разговаривал с ней. В трансе или нет, она никогда не реагировала, не давала знать, что понимает хоть одну фразу из его монолога. И, однако, он говорил, пока не иссякали слова, зачастую до тех пор, пока не пересыхало в горле.

Его не покидала убежденность, что на каком-то глубоком, загадочном уровне, пусть все указывало на обратное, он устанавливал с ней связь. Его настойчивость мотивировалась чувством более отчаянным, чем надежда, верой, которая иной раз и ему казалась смешной, но он тем не менее не отступался. Он

не мог не верить, что Бог существует, что Он любит Лауру, что Он не позволяет ей страдать в абсолютной изоляции, что Его стараниями голос Ноя и смысл произносимых им слов достигают закрытой от всех души Лауры и дарят ей утешение.

Чтобы нести эту ношу каждый день, чтобы дышать под ее весом каждую ночь, Ной Фаррел крепко держался за идею, что его служение Лауре позволит ему спасти свою собственную душу. Надежда на искупление была единственной пищей, которую получала его душа, возможность спасения души орошала пустыню его сердца.

Ричард Велнод не мог освободить себя, зато освобождал мышей и мотыльков. Ной не мог освободить ни себя, ни свою сестру, ему не оставалось ничего другого, как довольствоваться надеждой, что его голос, словно тряпка, стирающая сажу с окна, может открыть путь слабому, но такому нужному свету в черные глубины, где пребывала Лаура.

Глава 18

Спеша покинуть автостоянку для сотрудников, боясь открытых пространств, огибая зону обслуживания для грузовиков, вбегая на площадку для частных автомобилей, куда трейлерам въезд запрещен, мальчик вроде бы слышит отдельные выстрелы. Но он в этом не уверен. Дыхание, со свистом вырывающееся из груди, стук подошв кроссовок при соприкосновении с асфальтом заглушают остальные звуки. Его овевает ветерок из пустыни, и почему-то в шелесте воздуха ему слышится гул давно высохшего моря.

Практически во всех окнах двухэтажного мотеля раздвинуты занавески. Любопытные, встревоженные постояльцы выглядывают из окон в поисках источника переполоха.

И хотя источник этот из окон не видать, другие признаки переполоха налицо. У входной двери ресторана пробка: посетители спешат его покинуть. Опасности, что кого-то затопчут, как случается на футбольном матче или концерте рок-звезды, пока нет, но многие наверняка покидают ресторан с отдавленными пальцами ног и ребрами, саднящими от ударов локтями. Те, кому удается проскочить через горловину-дверь, со всех ног бегут, по одному, парами, семьями, к своим автомобилям. Не-

которые в страхе оглядываются на новые выстрелы — теперь и Кертис не сомневается, что слышит их,— доносящиеся из глубин здания, в котором расположен ресторан.

Внезапно выстрелы и мечущиеся в панике люди отходят на второй план. Потому что ночной воздух разрывает пронзительный рев клаксона.

Рев этот повторяется снова и снова, настоятельно требуя освободить дорогу, по съезду с автострады катится огромный трейлер, держа курс на зону обслуживания грузовиков. Водитель не только жмет на клаксон, но и мигает фарами, показывая, что его восемнадцатиколесник вышел из подчинения.

Некоторые из огромных цистерн автозаправочной станции наполнены дизельным топливом, которое горит, но не детонирует при ударе, в других цистернах — бензин, который, наоборот, вспыхивает, как порох. Если потерявший управление трейлер начнет сшибать колонки, словно кегли, взрыв убедит всех, кто живет в радиусе десяти миль, что Господь Бог, тот самый суровый господин из Ветхого Завета, насытился по горло человеческими грехами и решил покарать свои создания.

Кертис видит, что ему негде спрятаться от этого джагернаута*, у него нет времени, чтобы найти безопасное убежище. Нет, под колеса трейлера он, конечно, попасть не может, их разделяют заправочные колонки и баррикада из автомобилей на стоянке. Так что более вероятной причиной его смерти будет или стена огня, в создание которой внесут свою лепту и вспыхивающий бензин, и медленно горящее дизельное топливо, или обломки автомобилей и заправочных колонок, которые, как шрапнелью, накроют окружающую территорию.

Люди, выскочившие из ресторана, похоже, не расходятся с Кертисом в оценке ситуации. За малым исключением все замирают, не сводя глаз с вышедшего из-под контроля трейлера, предчувствуя неминуемую гибель.

С ревущим двигателем, визжащим клаксоном, мигающими фарами, «питербилт» проносится по пустой площадке перед станцией технического обслуживания, между бетонными островами с заправочными колонками. Заправщики, дальнобой-

* Джагернаут — одно из воплощений бога Вишну, олицетворение безжалостной, неумолимой силы.

щики разбегаются в стороны. Для них близкая смерть мгновенно трансформируется в захватывающую историю, которую они будут рассказывать внукам, потому что несущийся грузовик не сшибает ни единой колонки, не врезается ни в один из других восемнадцатиколесников, которые заправляются горючим или ждут своей очереди. Выруливает из-под навеса, накрывающего всю автозаправочную станцию, и по дуге, под протестующий визг покрышек, сворачивает к комплексу зданий, в котором расположен ресторан.

Пронзительно скрипят пневмотормоза, показывая всем, что водитель отнюдь не потерял контроль над машиной, а всего лишь пьяница или псих. Из-под колес вырываются клубы сизого дыма, на асфальте появляются черные полосы, остро пахнет жженой резиной. «Питербилт» кренится, кажется, еще чуть-чуть — и завалится набок. Тормоза скрипят вновь и вновь: водитель то давит на педаль, то отпускает, терзая колеса, вместо того чтобы раз и навсегда вдавить ее в пол.

Одна покрышка с грохотом лопается.

Собака скулит.

Кертис кричит.

Лопается вторая покрышка.

Трейлер бросает в сторону, тут же третью покрышку настигает участь двух первых. Рвется шланг подачи воздуха к тормозам, колеса автоматически блокируются, трейлер скользит, как свинья на льду, с куда более громким визгом, да и ни один призовой хряк весом не сравнится с этим необъятным бегемотом. Наконец, окутанный вонью жженой резины, трейлер, по-прежнему на колесах, дымясь, шипя и гремя, замирает перед мотелем, рядом с рестораном.

Все еще поскуливая, собака приседает на задние лапы и мочится.

Кертис, успешно преодолевая желание тоже оросить и джинсы, и асфальт, почитает себя счастливчиком, поскольку только недавно воспользовался комнатой отдыха.

Трейлер необычной конструкции: две двери в боку вместо одной в заднем борту. Едва он останавливается, обе двери соскальзывают в сторону и из них выпрыгивают люди в полном боевом снаряжении, не пошатывающиеся и потерявшие ориентировку, как следовало ожидать, а отлично координированные и знающие свой маневр, словно доставили их в нужное место с деликатностью, свойственной перевозке яиц.

Как минимум тридцать человек в черном выскакивают из трейлера. Не группа СУОТ*, даже не отделение СУОТ, целый взвод СУОТ. Сверкающие черные штурмовые шлемы. Пуленепробиваемые акриловые лицевые щитки со встроенными микрофонами для постоянной координации действий. Кевларовые бронежилеты. Пояса, увешанные запасными рожками, подсумками, баллончиками с шелухой мускатного ореха, тазерами**, свето-шумовыми гранатами, наручниками. Автоматические пистолеты в кобурах на бедре, в руках более серьезное оружие.

Они прибыли, чтобы крепко ухватить кого-то за задницу.

Может, и Кертиса, среди прочих.

В этой довольно-таки пустынной части Юты столь своевременное прибытие спецподразделения — чудо из чудес. Не каждый большой город, с огромным бюджетом и мэром, озабоченным борьбой с преступностью, может организовать прибытие таких мощных сил быстрого развертывания через пять минут после поступления приказа, а Кертис сомневается, что после первых выстрелов прошло пять минут.

Суотовцы еще выскакивают из трейлера, когда распахивается дверца кабины со стороны пассажирского сиденья и на асфальт спрыгивает мужчина без шлема. В отличие от остальных он не вооружен ни двенадцатизарядным помповым ружьем с пистолетной рукояткой, ни «узи». На голове у него наушники, в двух дюймах от губ на изогнутой консоли висит микрофон размером с цент. Если у суотовцев нет никаких знаков отличий или надписей, свидетельствующих о принадлежности к какому-либо правоохранительному ведомству, то на спине черной или темно-синей ветровки мужчины белеют три буквы, и рас-

* СУОТ — группа специального назначения в полиции, обычно в крупном полицейском управлении. Ее участники проходят обучение боевым искусствам, стрельбе из различных видов оружия, пользованию специальным оборудованием. Используются для борьбы с террористами, при освобождении заложников и т. д. Название от английского SWAT — Special Weapons and Tactic unit.

** Тазер — полицейский электрошоковый пистолет, стреляющий металлическими стрелами с зарядом в 15 тысяч вольт, которые временно парализуют преступника. Сокращение от английского «Tom Swift and his Electric Rifle», по названию детской приключенческой книжки.

шифровываются они отнюдь не как «Фредди — бравый разведчик».

По крайней мере из двух десятков фильмов Кертис знает, что ФБР обладает достаточными ресурсами, чтобы провести подобную операцию как в пустыне Юты, так и на Манхэттене, но пяти минут не хватило бы и им. Следовательно, они не спускали глаз с охотников, которые выслеживали Кертиса и его семью. Следовательно, они должны знать всю историю, и, хотя она наверняка кажется им неправдоподобной, они располагают достаточными доказательствами для того, чтобы отбросить сомнения.

Если Бюро знает, что задумали ковбои, или понимает, сколько других охотников прочесывает Запад, координируя свои действия с ковбоями, тогда, должно быть, этим агентам ФБР известна дичь, на которую охотятся ковбои: некий маленький мальчик. Кертис. Который стоит у всех на виду. В каких-то десяти ярдах от них. Под ярким фонарем.

Можно сказать, легкая добыча?

Пригвожденный ужасом к асфальту, временно обездвиженный, как дуб, вросший корнями в землю, Кертис ждет, что его незамедлительно изрешетят пулями или окутают облаком мускатной шелухи, утыкают электроразрядными стрелами, забьют дубинками, закуют в наручники, а чуть позже допросят с пристрастием.

Вместо этого, хотя многие суотовцы видят Кертиса, ни один не приглядывается к нему. Выскочив из трейлера, они выстраиваются в боевой порядок и спешат к ресторану.

Значит, им известно далеко не все. Даже Бюро может ошибаться. Призрак Джона Эдгара Гувера*, должно быть, бьется в истерике где-то неподалеку, в окружающей темноте, стремясь как-то привлечь к себе внимание хотя бы одного суотовца и указать ему на Кертиса.

* Гувер, Джон Эдгар (1895–1972) — агент ФБР с 1917 г., его директор на протяжении 48 лет, с 1924 по 1972 г. Под его руководством ФБР превратилось в одну из самых влиятельных государственных служб США. Среди заслуг Гувера — создание крупнейшего в мире банка данных по отпечаткам пальцев, Национальной академии ФБР, общенациональной лаборатории по изучению вещественных доказательств (1932), специального отдела по розыску пропавших (1933), Национальной полицейской академии (1935) и т. д.

Поначалу прибытие суотовцев парализовало всех, кто успел выскочить из ресторана. Теперь, вновь обретя способность двигаться, эти люди бегут к своим автомобилям, стремясь как можно быстрее покинуть боевую зону.

Со всех сторон раздается двойное пиканье дистанционно открываемых электронных замков, словно пищат маленькие таксы, которых дергают за хвост.

Желтый Бок то ли реагирует на серенаду пиканья, то ли инстинктивно понимает, что время, отведенное на побег, катастрофически тает. Стоянка грузовиков — запретная зона. Им нужно более спокойное место. Собака на всех четырех поворачивается на триста шестьдесят градусов, достаточно грациозно, чтобы претендовать на место в «Балете города Нью-Йорка», одновременно выбирая путь к спасению. А потом обегает стоящую чуть впереди «хонду» и исчезает из виду.

Кертис тут же следует за ней, потому что инстинкт выживания собаки еще ни разу их не подвел. Пробегая по проходу между автомобилями, догоняет собаку, и они вместе оказываются рядом с «Уиндчейзером»* в тот самый момент, когда он дважды пикает. Зажигаются фары, гаснут. Снова зажигаются, словно дорожного монстра невозможно обнаружить в темноте без всей этой светотехники.

И мгновенно Желтый Бок останавливается. Кертис следует его примеру.

Они смотрят друг на друга, на дверь, снова друг на друга, совсем как собака Аста и ее хозяин, детектив Ник Чарльз, в старом фильме «Худой человек».

Владельцев «Уиндчейзера» мальчик не видит, но они, должно быть, рядом, раз открыли замки с пульта дистанционного управления. Скорее всего, они подходят с другой стороны дома на колесах.

«Уиндчейзер» — не идеальный вариант, но шансы Кертиса устроиться на мягком сиденье другого автомобиля минимальны. С тем же успехом он может рассчитывать на то, что с автостоянки удастся удрать на ковре-самолете, в компании волшебной лампы и услужливого джинна.

* Одна из моделей дома на колесах.

Опять же, выбирать времени нет. Как только суотовцы помогут агентам ФБР разобраться с ковбоями, опросят работников кухни и узнают, что ковбои гонялись за маленьким мальчиком, они вспомнят мальчика, который вместе с собакой стоял на автомобильной стоянке, с пластиковым контейнером апельсинового сока в одной руке и пакетом сосисок в другой.

И тогда жди беды.

Кертис открывает дверь, собака запрыгивает внутрь, проходит пару шагов. Он поднимается следом, плотно закрывает за собой дверь. Пригибается, чтобы его не увидели через лобовое стекло. Кабина, с двумя большими креслами, по его правую руку, по левую — остальные помещения.

Там царит тень, но света от фонарей на автостоянке, проникающего через лобовое стекло и лючки на крыше, хватает, чтобы Кертис мог без проблем ориентироваться в доме на колесах, продвигаясь к заднему борту. Тем не менее он все ощупывает выставленными перед собой руками, чтобы избежать сюрпризов.

За камбузом и крошечной столовой — комбинированная ванная-прачечная. Тяжелое дыхание собаки в замкнутом пространстве гулко отдается от стен.

Прятаться в маленьком туалете не резон. Владельцы «Уиндчейзера» только что покинули ресторан, возможно, отобедали аккурат перед тем, как началась заварушка. Одному из них наверняка захочется справить нужду, как только они выедут на автостраду.

Кертис движется мимо раковины, сушилки, фена к высокой, узкой двери.

За ней неглубокий чулан, забитый всякой всячиной. Он успевает закрыть дверь до того, как пришедшие в движение вещи посыпались на пол.

Открывается дверь в передней части автомобиля, до Кертиса доносятся возбужденные голоса мужчины и женщины.

Кто-то поднимается по ступенькам, под дополнительным весом скрипят половицы. Дверь ванной полуоткрыта, поэтому он не видит владельцев «Уиндчейзера». Они тоже не могут его видеть. Пока.

Прежде чем один из них направился к туалету, чтобы облегчиться, Кертис открывает последнюю дверь и ступает в более

густой сумрак, не подсвеченный слабой лампочкой в ванной. По его левую руку тускло поблескивают два прямоугольных окна, примерно так же фосфоресцирует в темноте экран выключенного телевизора, хотя окна чуть желтоватые.

В кабине голоса звучат громче, более взволнованно. Оживает двигатель.

Похоже, владельцы «Уиндчейзера» хотят первым делом покинуть зону боевых действий, а потом уже откликаться на зов природы.

Дыхание собаки больше не сотрясает дом на колесах, она протискивается вперед, задев боком ногу Кертиса. Ее ничего не настораживает, значит, в темной комнате нет ничего подозрительного.

Он переступает порог, тихонько закрывает за собой дверь.

Контейнер с соком и пакет с сосисками кладет на пол, шепчет: *«Хорошая собачка»*. Надеется, что Желтый Бок понимает, его слова — это приказ не есть сосиски.

Он ощупью находит выключатель. Зажигает свет, чтобы освоиться в новой обстановке, и тут же гасит.

Комната маленькая. Одна кровать и минимум пространства между ней и стенами. Встроенные тумбочки, в углу — ниша под телевизор. Две сдвижные зеркальные двери, за которыми, должно быть, шкаф, до отказа забитый вещами. Во всяком случае, мальчику и собаке туда не втиснуться.

Разумеется, это небольшой коттедж на колесах, не замок. Тут нет укромных местечек, которых хватает в последнем. Ни тебе приемных, ни кабинетов, ни потайных ходов, ни глубоких подвалов, ни высоких башен.

Переступая порог, Кертис это понимал. Не подозревал он до этого момента о другом: у дома на колесах нет двери черного хода. И выйти он сможет только через дверь, в которую входил. Или выпрыгнуть в окно.

Но вытащить собаку через окно — труд не из легких. Быстро ретироваться с ней, пока изумленные хозяева будут стоять у двери в спальню с разинутыми от изумления ртами, не удастся. Желтый Бок, конечно, не датский дог, слава богу, но и не шитцу — китайская комнатная собачка. Кертис не сможет сунуть собаку за пазуху и с ловкостью супермена выбраться с ней через не такое уж большое окно.

В темноте, когда «Уиндчейзер» трогается с места, Кертис садится на кровать и проводит рукой по ее низу. Вместо ножек нащупывает доску жесткого каркаса, на котором покоится матрац. Под такой кроватью может спрятаться только лист бумаги.

Ревет клаксон «Уиндчейзера», внося свою лепту в какофонию звуков, доносящихся со всех сторон.

Кертис подходит к окну, занавески раздвинули до него, выглядывает, видит стоянку грузовиков. Мимо нее катятся легковушки, пикапы, внедорожники, несколько домов на колесах, таких же больших, как «Уиндчейзер». Все водители жмут на клаксон, никто не обращает внимания на разметку, правила вежливости на дорогах напрочь забыты. Каждому не терпится вырваться на автостраду, вот они и мчатся не разбирая дороги, пугая тех самых людей, которые только что чудом выскочили из-под колес обезумевшего трейлера, на котором прибыли суотовцы.

В рев клаксонов, скрип покрышек, визг тормозов врывается новый звук, жесткий и ритмичный, сначала едва слышный, с каждой секундой он набирает силу. Словно чей-то меч режет воздух. Не просто режет, отрубает куски ночи. И эти отрубленные куски валятся на асфальт. Это не меч — лопасти, доходит до мальчика. Лопасти вертолета.

Кертис находит задвижку, приоткрывает окно. Высовывает голову, изгибает шею, ищет источник звука. Теплый воздух пустыни обдувает лицо, играет волосами.

Огромное небо, темное и широкое. Сияние натриевых ламп на автостоянке. Луна, круглая, как колесо.

В небе Кертис не видит огней, имеющих искусственное происхождение, но стрекот лопастей вертолета нарастает, лопасти уже не режут воздух, а рубят его сильными короткими ударами, словно топор дровосека расправляется со стволом дерева. Барабанные перепонки мальчика уже чувствуют, как меняется давление воздуха, то растет, то падает. Чувствуют это и обращенные к небу глазные яблоки.

И наконец вот он, вертолет, проходит над «Уиндчейзером», очень низко, в каких-то пятнадцати футах над Кертисом, может, и ниже. Это не вертолет дорожной полиции, контролирующей движение на автостраде, не вертолет с репортерами, спешащими в гущу событий, даже не вертолет с комфортабельным салоном на восемь мест, которые так любят топ-менеджеры крупнейших корпораций. Нет, это боевой вертолет, огромный, черный, оснащенный всеми видами вооружения. Грозно стрекочут лопасти, один вид вертолета наводит ужас, нет никакой необходимости открывать огонь из пулеметов или пускать ракеты, хотя на борту, конечно, есть и то и другое. От рева турбин вибрирует голова, зубы выбивают дрожь. В лицо бьет поток воздуха, насыщенный запахами горячего металла и машинного масла.

Вертолет летит дальше, держа курс на комплекс зданий, а «Уиндчейзер» набирает скорость. Его водителю, как и всем остальным, не терпится вырулить на автостраду.

— Скорее, скорее, скорее! — шепчет Кертис, потому что ночь вдруг меняется, превращаясь в колоссальное черное чудовище с миллионом ищущих глаз. Движение отвлекает, движение позволяет выиграть время, а время... не только расстояние...— ключ к спасению, к свободе.— Скорее, скорее. Скорее!

Глава 19

К тому времени, когда Лайлани поднялась из-за кухонного стола, она уже стыдилась за свое поведение, честно признавала этот стыд, хотя и безуспешно пыталась назвать даже самой себе его истинную причину.

Она говорила с полным ртом. Она съела второй кусок. Да, конечно, неумение вести себя за столом и обжорство — причины для смущения, но слишком незначительные для того, чтобы вызывать чувство стыда, если ты не относишься к тем людям, которые готовы драматизировать любую ситуацию, уверены, что головная боль — симптом бубонной чумы, и пишут отвратительные слезливые эпические поэмы о днях, когда ломаются ногти и выпадают волосы.

Лайлани сама сочиняла отвратительные слезливые эпические поэмы о потерявшихся щенках и котятах, которых никто не хотел брать в дом, но тогда ей было шесть лет, максимум семь, свою жизнь она характеризовала одним словом — jejune. Слово это ей очень нравилось, потому что оно определяло ее жизнь как пресную, лишенную содержания, неинтересную,

незрелую, а произносилось так, словно за ним скрывалось что-то утонченное, классное, умное. Она любила слова и вещи, у которых форма не совпадала с содержанием, потому что слишком многое в жизни оборачивалось таким же, каким и смотрелось: пресным, лишенным содержания, неинтересным, незрелым. Как ее мать, к примеру, как телевизионные шоу и фильмы и добрая половина занятых в них актеров, хотя, разумеется, не все, не Хейли Джоэль Осмент, красивый, тонко чувствующий, интеллигентный, очаровательный, лучащийся обаянием, божественный.

Микки и миссис Ди пытались оттянуть уход Лайлани. Боялись за нее. Тревожились, что мать глубокой ночью порубит ее на куски или засунет чеснок ей в задницу, яблоко — в рот и испечет к завтрашнему обеду... пусть и не озвучили свои опасения.

Девочка вновь заверила их, что ее мать не представляет опасности ни для кого, кроме себя. Конечно, когда они вновь будут колесить по стране, Синсемилла могла поджечь дом на колесах, заснув с косяком. Но она более не обладала способностью к насилию. Для насилия требовалось не только преходящее безумие или устойчивое сумасшествие, но и страсть. Если бы степень чокнутости могла определяться брусками золота, Синсемилла вымостила бы ими шестиполосную магистраль до страны Оз, но вот настоящей страсти в ней уже не осталось. Всякие и разные наркотики, которые она принимала как по отдельности, так и в одном флаконе, выжгли страсть дотла, оставив ей только зависимость.

Миссис Ди и Микки тревожились и насчет доктора Дума. Разумеется, он представлял собой более серьезную, чем Синсемилла, опасность, потому что обладал заполненными до предела резервуарами страсти и каждую каплю этого чувства использовал для орошения своей любви к смерти.

Он жил в цветущем саду смерти, обожая растущие там черные розы и воздух, напоенный ароматом гниения.

Он также устанавливал правила, по которым жил, стандарты, которые не нарушал, процедуры, которым скрупулезно следовал во всех вопросах жизни и смерти. Поскольку он поставил перед собой цель так или иначе излечить Лайлани, прежде чем той исполнится десять лет, до самого дня рождения опасность ей не грозила. А вот накануне этого знаменательного дня, если

она не поднимется в небо по зеленому левитирующему лучу, Престон «излечил» бы ее гораздо быстрее, чем инопланетяне, причем без использования их передовых, еще недоступных землянам технологий.

До дня рождения Престон не мог задушить ее подушкой или отравить: это противоречило его этическому кодексу. А к последнему он относился так же серьезно, как истово верующий священник — к своей религии.

Выходя из кухни Дженевы, Лайлани сожалела о том, что оставляет Микки и миссис Ди в глубокой тревоге за ее благополучие. Ей нравилось, когда разговор с ней вызывал у людей улыбку. Она всегда надеялась, что после ее ухода они подумают: «Ну до чего же славная девочка. Какая же она sassy». Sassy — в смысле веселая, находчивая, остроумная.

А не наглая, грубая, дерзкая. Оставаться правильной sassy — задача не из легких, но если удавалось с этим справиться, в голову ее собеседников никогда не приходила другая мысль: «Какая же она несчастная, эта девочка-калека, с увечной маленькой ножкой и деформированной маленькой ручкой». В этот вечер Лайлани чувствовала, что перешла границу между правильной и неправильной sassy, и Микки, и миссис Ди остались не столько в восхищении от ее ума, сколько в печали о ее судьбе.

Конечно, и эта неудача не являлась причиной ее стыда, но ей так не хотелось докапываться до истины, что, пересекая темный дворик, она попыталась отвлечься глупой шуткой. Прикинувшись, будто розовый куст тянется к ней своими ветками, усеянными шипами, без единого цветка, она повернулась к нему, сложила руки крестом и воскликнула: «Назад! Назад!» — словно отгоняя вампира.

Лайлани искоса глянула на трейлер Дженевы, чтобы увидеть, оценили ли по достоинству ее представление, и поняла, что оглядываться не следовало. Микки стояла на траве у ступенек, миссис Ди — в дверном проеме, и даже практически в полной темноте Лайлани увидела, что на лицах обеих по-прежнему написана тревога. Не просто тревога. Глубокая печаль.

Еще одно выдающееся и запоминающееся достижение мисс Небесный Цветок Клонк в общении с людьми. Пригласите эту чаровницу на обед, и она отплатит вам эмоциональным погромом! Предложите ей сандвичи с курицей, и она расскажет вам

жалостливую историю, которая выбила бы слезу даже у поглощаемой ею курицы, будь бедняжка еще жива! Спешите с приглашениями! Свободных дней в календаре этой мисс остается все меньше! Помните: только статистически несущественная часть тех, кто удостаивается чести пообедать с ней, кончает жизнь самоубийством!

Лайлани больше не оглядывалась. Решительно дошагала до забора, быстро, насколько позволял ортопедический аппарат, перебралась через лежащие на земле штакетины свалившегося пролета. Если она сосредоточивалась на движении, то могла ходить достаточно грациозно и даже на удивление быстро.

Чувство стыда не исчезало, не из-за глупой шутки с кустом, а потому, что она позволила себе контролировать и ограничивать потребление Микки алкоголя. Такое грубое вмешательство в чужие дела не могло не вызывать угрызений совести, пусть и двигала ею искренняя забота. В конце концов, Микки не Синсемилла. Микки могла пропустить стаканчик-другой бренди, это не привело бы к тому, что годом позже она лежала бы в луже блевотины, с носовыми хрящами, сожженными кокаином, с галлюциногенными грибами, пышно разросшимися в ее мозгу. Микки была выше этого. Да, конечно, в ней тоже чувствовалась тенденция к самоуничтожению. Симптомы этого опасного явления Лайлани улавливала более чутко, чем натренированная свинья — запах трюфелей. Не слишком лестное сравнение, но соответствующее действительности. Но Микки эта тенденция не отправляла в призрачные леса, в которых теперь обитала Синсемилла, потому что Микки обладала встроенным нравственным компасом, который Синсемилла то ли потеряла давным-давно, то ли у нее его не было вовсе. Поэтому любая девятилетняя нахалка, которая сочла возможным указывать Мичелине Белсонг, сколько ей можно пить, не могла не испытывать стыда.

Пересекая двор, где недавно ее мать танцевала с луной, Лайлани признала, что основная причина ее стыда не в грубом попирании прав Мичелины Белсонг, которую она ограничила в потреблении спиртного. Правда состояла в том, что она обещала Господу всегда быть честной сама с собой, но иногда выбирала кружной путь к правде, потому что ей недоставало духа идти прямым... Вот Лайлани и пришлось открывать себе истинную

причину своего стыда: в этот вечер она полностью раскрылась. Вывалила все, что мучило, тяготило, давило. Рассказала о Синсемилле, о Престоне и инопланетянах, о Лукипеле, убитом и, возможно, похороненном в горах Монтаны.

Микки и миссис Ди — хорошие люди, отзывчивые люди, и, поделившись с ними подробностями сложившейся ситуации, она, Лайлани, не могла сослужить им худшей службы. Она словно проломила стену гостиной задним бортом самосвала и вывалила на пол несколько тонн свежего навоза. И не потому, что рассказала страшную, леденящую кровь историю. *Просто они ничем не могли ей помочь.* Лайлани лучше других знала, что поймана в капкан, открыть который никто не сможет, и, чтобы спастись и вырваться из капкана, она должна, образно говоря, отгрызть себе ногу, причем проделать это до своего дня рождения. Рассказав обо всем, она ничего для себя не выгадала, но оставила Микки и милейшую миссис Ди под большой вонючей грудой дурных новостей, из-под которой им теперь надо выбираться, а потом отмываться от вони.

Добравшись до ступенек, на которых Синсемилла еще недавно сидела после лунного танца, Лайлани едва не обернулась, чтобы посмотреть на передвижной дом Дженевы, но все-таки переборола искушение. Она и так знала, что они наблюдают за ней, а радостный взмах рукой не поднял бы им настроение и они не отправились бы спать с улыбкой на устах.

Синсемилла оставила дверь на кухню открытой. Лайлани вошла в трейлер.

За время ее короткой прогулки дали свет. Зажглась подсветка настенных часов, пусть теперь они показывали неправильное время.

Несмотря на то что красная стрелка обегала циферблат ровно за минуту, поток времени, похоже, вливался в застывший пруд. Дом наполняла не только тишина, но и какое-то тревожное ожидание, словно оставалось совсем ничего до того момента, как какая-то дамба не выдержит напора и бушующая стихия снесет все на своем пути.

Доктор Дум в тот вечер отправился то ли в кино, то ли поужинать. А может, кого-то убить.

Когда-нибудь одна из будущих жертв, невосприимчивая к суховатому обаянию и обволакивающему сочувствию, непри-

ятно удивит доктора. Чтобы нажать на спусковой крючок, особой физической силы не требуется.

Однако удача никогда не благоволила к Лайлани, поэтому она сильно сомневалась, что именно в эту ночь чей-то выстрел остановит его сердце. Нет, рано или поздно он вернется, пахнущий чужой смертью.

Из кухни она видела и столовую, и расположенную за ней, освещенную лампой гостиную. Матери не заметила, но это не означало, что той нет в гостиной. В столь поздний час раздирающие душу демоны и наркотики могли загнать Синсемиллу за диван или уложить в позе зародыша на дно шкафа.

Естественно, внутренним убранством старый, полностью обставленный передвижной дом, сдаваемый в аренду на неделю, не мог сравниться с Виндзорским замком*. От давних протечек звукоизоляционные панели потолка пошли пятнами, которые отдаленно напоминали больших насекомых. От солнечного света занавески выгорели до оттенков, без сомнения, знакомых депрессивным больным из их снов. Пластиковая обивка стен, за долгие годы пропахшая сигаретным дымом, где отслоилась, где собралась гармошкой, где отклеилась. Обшарпанная, прижженная сигаретами, в царапинах мебель стояла на оранжевом ковре, ворсинки которого давно истерлись и вылезли, оставив основу.

В гостиной она Синсемиллу не нашла.

Шкаф у входной двери являл собой идеальное место для гоблинов, которые иногда срывались с цепи благодаря комплексному воздействию кислоты, мескаля и ангельской пыли. Если Синсемилла спряталась там, значит, гоблины съели ее так же аккуратно, как герцогиня могла бы съесть ложкой пудинг. Но в шкафу Лайлани обнаружила только пустые вешалки, которые закачались от дуновения воздуха, потревоженного открывшейся дверью.

Она ужасно не любила искать мать. Потому что никогда не знала, в каком состоянии найдет ее.

Иной раз на дорогую мамулю не хотелось и смотреть. Впрочем, Лайлани навидалась всякого. Она, конечно, не собиралась

* Одна из загородных резиденций английских королей в г. Виндзоре, графство Беркшир. Выдающийся исторический и архитектурный памятник. Строительство начато при Вильгельме Завоевателе в 1070 г.

до конца жизни подтирать мочу и блевотину, но в этот вечер справилась бы и с этим, не добавив к уже вываленному на пол два наполовину переваренных куска яблочного пирога.

Кровь осложнила бы дело. До океанов крови не доходило, но даже малая толика страшила, прежде чем удавалось адекватно оценить ситуацию.

Сознательно Синсемилла никогда бы не покончила с собой. Она не ела красного мяса, курила исключительно травку, каждый день выпивала по десять стаканов минеральной воды, чтобы очистить организм от токсинов, принимала двадцать семь таблеток и капсул витаминных добавок, проводила много времени в тревоге из-за глобального потепления. «Я прожила тридцать шесть лет,— говорила Синсемилла,— и собираюсь прожить еще пятьдесят, или до момента, когда загрязнение окружающей среды человеком и нарастающая масса человечества приведут к резкому смещению земной оси, а это, в свою очередь, приведет к гибели девяноста девяти процентов всего живого, в зависимости от того, что наступит первым».

Отвергая самоубийство, Синсемилла тем не менее приветствовала само членовредительство, пусть и в скромных пределах. К своему телу она обращалась не чаще раза в месяц. Всегда стерилизовала скальпель пламенем свечи и протирала кожу спиртом. Делала надрез лишь после длительных размышлений.

Молясь, чтобы не пришлось иметь дело с чем-либо похуже блевотины, Лайлани заглянула в ванную. Маленькое, пахнущее плесенью помещение пустовало, и грязи в нем было не больше, чем в тот день, когда они въехали сюда.

Короткий коридор, обитый пластиком, три двери. Две спальни и чулан.

В чулане ни матери, ни блевотины, ни крови, ни потайного хода, ведущего в сказочное королевство, где все красивы, богаты и счастливы. Собственно, потайной ход Лайлани и не искала, логично предположив, что его там нет. В более юном возрасте она частенько надеялась найти секретную дверь в фантастические страны, но обычно ее ждало разочарование, вот Лайлани и решила: если такая дверь существует, пусть она сама ищет ее. И потом, будь этот чулан пересадочной станцией между Калифорнией и страной добрых волшебников, на полу обязательно валялись бы обертки от невиданных ею сортов шоколадных

батончиков, брошенные путешествующими троллями, или, по крайней мере, там бы наложил кучку какой-нибудь эльф, но на полу не нашлось ничего экзотичнее дохлого таракана.

Оставались две двери, обе закрытые. Справа — в маленькую спальню, отведенную Лайлани. Прямо — в комнату, которую ее мать делила с Престоном.

Синсемилла с легкостью могла оказаться в комнате дочери. Она не уважала права людей на личные апартаменты, никогда не требовала себе такого права, возможно, потому, что наркотики выжгли в ее мозгу бескрайнюю пустыню, где она могла наслаждаться блаженным одиночеством, если оно ей требовалось.

Полоска света лежала на ковре под дверью, что вела в большую спальню. Из-под двери справа свет не пробивался.

Сие ничего не означало. Синсемилла любила сидеть одна в темноте, пытаясь наладить контакт с миром призраков или разговаривая сама с собой.

Лайлани прислушалась. Полная тишина пространства, время в котором остановилось, заполняла дом. Кровопускание, конечно, тихий процесс.

Несмотря на стремление ни в чем себя не ограничивать, Синсемилла допускала продезинфицированный скальпель только до своей левой руки. Причудливо связанные друг с другом шрамы — сложностью рисунок мог конкурировать с кружевами — украшали, или уродовали, в зависимости от вкуса человека в подобных вопросах, небольшой участок длиной в шесть и шириной в два дюйма. Гладкая, почти блестящая поверхность шрамов выделялась белизной на окружающей белой коже, контраст становился более явственным, если Синсемилла загорала.

Уйди из дома. Спи во дворе. Пусть доктор Дум займется уборкой, если возникнет такая необходимость.

Но, уйдя во двор, она бы сняла с себя ответственность. Именно так и поступила бы Синсемилла в аналогичной ситуации. А Лайлани, выбирая из многих возможных вариантов самый правильный и мудрый, всегда руководствовалась одним основополагающим принципом: делай то, чего бы никогда не сделала Синсемилла, и, скорее всего, все получится как надо, уж во всяком случае, ты будешь уверена, что сможешь вновь взглянуть на себя в зеркало и не умереть от стыда.

Лайлани открыла дверь своей комнаты и зажгла свет. Кровать аккуратно застелена, какой она ее и оставляла. Немногие личные вещи на своих местах. Синсемилла не устраивала здесь циркового представления.

Ладони стали мокрыми от пота. Она вытерла их о футболку.

Она вспомнила старый рассказ, который когда-то прочитала: «Леди и тигр». Мужчине предлагалось выбрать, какую из дверей открыть, а потом пенять на себя, если он ошибался с выбором. За этой дверью ее ждала не женщина, не тигр, но совершенный уникум.

Лайлани предпочла бы встречу с тигром.

Не из нездорового интереса, а тревожась за мать, она изучила проблему членовредительства, как только Синсемилла пристрастилась к этому занятию. Согласно мнению психологов, членовредительством в основном увлекались девушки-подростки и молодые женщины после двадцати. Синсемилла уже вышла из этого нежного возраста. Членовредителей отличали низкая самооценка, даже презрение к себе. Синсемилла, наоборот, очень себя любила большую часть времени, во всяком случае, когда находилась под действием наркотиков, то есть практически постоянно. Разумеется, приходилось предполагать, что первоначально она подсела на тяжелые наркотики не из-за их «хорошего вкуса», как сама говорила, но стремясь к самоуничтожению.

Ладони Лайлани оставались влажными. Она вновь вытерла их. Несмотря на августовскую жару, руки похолодели. Во рту появилась горечь, может, отрыгнулся лук из картофельного салата Дженевы, и язык прилип к нёбу.

В такие моменты она старалась представить себя Сигурни Уивер, играющей Рипли в «Чужих». Ладони влажные, само собой, руки холодные, понятное дело, рот пересох, но ты все равно можешь расправить плечи, набрать в рот слюны, открыть эту чертову дверь и войти, какое бы чудище за ней ни сидело, и *ты должна сделать то, что от тебя требуется.*

Лайлани вытерла руки о шорты.

Большинство членовредителей зациклены на собственной персоне. Малой их части можно уверенно ставить диагноз: нарциссизм, вот тут Синсемилла и психологи определенно сходились во мнениях. Мать, если пребывала в веселом настроении,

частенько пела полную энтузиазма мантру, которую сама и сочинила: «Я — озорной котенок, я — летний ветерок, я — птичка в полете, я — солнце, я — море, я — это я!» В зависимости от количества поступивших в ее организм запрещенных законом субстанций, балансируя на канате между гиперактивностью и наркотическим забытьем, она иногда повторяла эту мантру нараспев, сто раз, двести, пока не засыпала или не начинала рыдать, после чего опять же засыпала.

В три шага, с помощью стального ортопедического аппарата, Лайлани добралась до двери.

Приникла к ней ухом. Ни звука изнутри.

Рипли обычно держала наготове большой пистолет и огнемет.

Вот где привычка миссис Ди путать реальность и кино пришлась бы очень кстати. Вспомнив свою недавнюю победу над откладывающей яйца инопланетной королевой, Дженева без колебаний распахнула бы дверь и решительно переступила порог.

Вновь ладони прошлись по шортам. Потные руки не годятся для щекотливых ситуаций.

Как говаривала Синсемилла, она плакала, потому что видела себя цветком в мире шипов, потому что никто не мог в полной мере оценить всю красоту полного спектра ее свечения. Иногда Лайлани думала, что это действительная причина частой слезливости матери, и пугалась, поскольку выходило, что на Земле Синсемилла еще более чужая, чем Ипы, которых безуспешно разыскивал Престон. Нарциссизм не подходил для характеристики человека, который, валяясь в блевотине, воняя мочой и бормоча что-то бессвязное, видел себя более нежным и экзотическим цветком, чем орхидея.

Лайлани постучала в дверь спальни. В отличие от матери она уважала право людей на уединение.

Синсемилла на стук не отреагировала.

Может, с дорогой мамулей все в порядке, несмотря на представление, устроенное ею во дворе. Может, она мирно спит и ее следует оставить в покое, чтобы она и дальше наслаждалась видением лучших миров.

Но вдруг она в беде? Вдруг это один из тех случаев, когда знание приемов первой помощи придется очень кстати, или потребуется вызывать врача? Если ты едешь по незнакомой территории, местоположение ближайшей больницы можно узнать по спутниковой связи. Век высоких технологий — самый безопасный период в истории человечества для моральных выродков, обожающих путешествовать.

Она постучала вновь.

И не могла сказать, почувствовала облегчение или тревогу, когда мать откликнулась театральным голосом: «Я слушаю тебя, скажи, кто ты, стучащийся в дверь моей опочивальни».

Иной раз, когда Синсемилла пребывала в таком вот игривом настроении, Лайлани подыгрывала ей, говорила на псевдостароанглийском диалекте, с театральными жестами и напыщенными фразами, надеясь хоть так установить маломальскую связь мать—дочь. Но эти попытки не приводили ни к чему путному. Синсемилла не хотела расширять актерский состав. Всем, кроме нее, отводилась роль восхищенных зрителей, потрясенных бенефисом одной-единственной актрисы. Если же Лайлани настаивала на том, чтобы делить с ней блеск рампы, изящный диалог резко менял тональность, и голос, каким, по мнению Синсемиллы, изъяснялся персонаж Шекспира или кто-то из придворных короля Артура, вдруг начинал сыпать грязными ругательствами.

Поэтому вместо вычурного: «Это я, принцесса Лайлани, пришла справиться о самочувствии моей госпожи»,— она ответила:

— Это я. Ты в порядке?

— Войди, войди, дева Лайлани, твоя королева давно ждет тебя.

Приехали. Значит, все еще хуже, чем кровь и членовредительство.

Впрочем, большая спальня подходила для представлений Синсемиллы ничуть не меньше, чем двор или любая другая комната этого дома.

Синсемилла сидела на кровати, застеленной лягушачье-зеленым покрывалом из полиэстра, привалившись спиной к подушкам. В длинной расшитой комбинации, с кружевами по подолу, которую она купила на блошином рынке неподалеку от Альбукерке, штат Нью-Мексико, когда они ехали в Розуэлл разгадывать тайны инопланетян.

Как известно, красный свет более всего соответствует интерьеру публичного дома, поэтому Лайлани попала в спальню

скорее проститутки, чем королевы. Горели обе лампы на прикроватных тумбочках. На абажуре одной лежала красная шелковая блуза, на абажуре второй — красная хлопчатобумажная.

Такой свет благоволил Синсемилле. При нем снопы, килограммы, тюки, унции, пинты и галлоны запрещенных законом субстанций крали гораздо меньшую часть ее красоты, чем при дневном или искусственном освещении. В красных тонах она казалась красавицей. Даже с босыми, запачканными пылью и сухой травой ногами, в мятой и грязной комбинации, с растрепанными и спутанными после лунного танца волосами могла сойти за королеву.

— Что привело тебя, о юная дева, пред очи Клеопатры?

Лайлани, углубившаяся в комнату на два шага, не могла и представить себе, что египетская королева, правившая более двух тысяч лет назад, могла задать вопрос, достойный лишь плохой постановки «Камелота».

— Я собираюсь лечь спать и решила зайти, чтобы узнать, все ли у тебя в порядке.

Взмахом руки Синсемилла предложила ей подойти ближе.

— Иди сюда, суровая крестьянская дочь, и позволь твоей королеве познакомить тебя с произведением искусства, достойным галерей Эдема.

Лайлани не понимала, о чем вела речь ее мать. А по опыту знала, что самая мудрая политика — сознательно оставаться в неведении.

Она приблизилась еще на шаг, не из покорности или любопытства, но потому, что быстрый уход мог вызвать обвинение в грубости. Ее мать не навязывала детям правил или стандартов поведения, своим безразличием предоставляла им полную свободу, однако терпеть не могла, если за собственное безразличие ей платили той же монетой, и не выносила неблагодарности.

Какой бы несущественной ни была причина, вызвавшая неудовольствие Синсемиллы, наказание следовало незамедлительно. Да, до рукоприкладства дело не доходило, на такое Синсемиллы не хватало, но она могла нанести немалый ущерб словами. Потому что всюду следовала за тобой, врывалась в любую дверь, настаивала на внимании к ней, укрыться от нее не представлялось возможным и приходилось выдерживать ее словесную порку, иногда растягивающуюся на часы, пока она не свалилась без сил или не уходила, чтобы заторчать вновь. Во время таких экзекуций Лайлани частенько мечтала о том, чтобы ее мать отказалась от ненавистных слов и заменила их парой тумаков.

Откинувшись на подушки, Синсемилла-Клеопатра говорила с улыбчивой настойчивостью, которую, Лайлани это знала, следовало воспринимать как приказ.

— Подойди, сердитая девочка, подойди, подойди! Взгляни на эту маленькую красотку и возмечтай о том, чтобы тебя сотворили так же хорошо, как ее.

Круглая коробка, похожая на шляпную, стояла на кровати. Красная крышка лежала рядом.

Во второй половине дня Синсемилла ходила по магазинам. Для нее Престон не скупился, давал деньги и на наркотики, и на безделушки. Может, она действительно купила шляпку, потому что, пребывая в более-менее спокойном состоянии, обожала головные уборы: береты и котелки, панамы и тюрбаны, колпаки и «кибитки».

— Не медли, дитя! — командовала королева.— Подойди ко мне и услади свой взор видом этого сокровища из Эдема.

Очевидно, аудиенция не могла завершиться, пока новая шляпка, или что-то там еще, не получила полагающихся ей восторгов.

С мысленным вздохом, который она не решилась озвучить, Лайлани приближалась к кровати.

Подходя, она обратила внимание на два ряда перфораций по периметру коробки. Поначалу решила, что это декоративный элемент, и не смогла догадаться о предназначении перфораций, пока не увидела, кого в этой коробке принесла в дом Синсемилла.

Сокровище из Эдема свернулось кольцами на покрывале, между коробкой и Синсемиллой. Изумрудно-зеленое, с оттенком янтарного, с хромово-желтой филигранью. Гибкое тело, плоская головка, поблескивающие черные глазки, появляющийся и исчезающий раздвоенный кончик языка, созданного для лжи.

Змея подняла голову, чтобы взглянуть, кто еще хочет ею полюбоваться, а потом, без предупреждения, атаковала Лайлани со скоростью электрической искры, проскакивающей между двумя разнозаряженными полюсами.

Глава 20

В «Уиндчейзере», который держит курс на юго-запад, в Неваду, Кертис и Желтый Бок сидят на кровати, в темноте, едят сосиски. Установившаяся между ними связь настолько усилилась, что, несмотря на темноту, собака ни разу не приняла пальцы мальчика за очередной кусок угощения.

Эта собака не станет ему братом, как поначалу думал Кертис. Вместо этого она станет ему сестрой, что тоже его устраивало.

Он ограничивает ее в сосисках, понимая, что ее вырвет, если она переест.

Поскольку ему переедание не грозит, он сам принимается за сосиски, как только чувствует, что следующий кусок станет для Желтого Бока лишним. Сосиски холодные, но божественно вкусные. Он съел бы еще, если бы пакет не опустел. Требуется немало энергии, чтобы быть Кертисом Хэммондом.

Он только может представить себе, сколько энергии требуется, чтобы быть Донеллой, официанткой с поражающими воображение габаритами и таким же большим сердцем.

Вспомнив о Донелле, он начинает волноваться. Как там она? Сумела ли укрыться от града пуль? С другой стороны, пусть она и легкая цель, убить ее наверняка гораздо труднее, чем простых смертных.

Ему очень хочется вернуться и вывести ее в безопасное место. Совершенно нелепая романтичная и где-то иррациональная идея. Он всего лишь мальчик с относительно небольшим жизненным опытом, а она — выдающаяся личность, взрослая и мудрая женщина. Тем не менее ему хочется, чтобы она оценила его храбрость.

Лопасти вертолета вновь рубят ночь. Кертис застывает, боится, что вертолет сейчас расстреляет дом на колесах, боится услышать ботинки суотовцев, грохочущие по крыше дома на колесах, усиленный мегафоном голос, требующий остановиться и сдаться. Стрекотание достигает максимума... а потом начинает стихать и исчезает.

Судя по звуку, вертолет направился на юго-запад, вдоль автострады. Хорошего в этом мало.

Покончив с сосисками, Кертис пьет апельсиновый сок прямо из контейнера... и понимает, что Желтому Боку тоже хочется пить.

Помня о том, чем закончилась в «эксплорере» попытка напоить собаку водой из бутылки, он решает найти миску или любую другую посудину.

Дом на колесах мчится на предельно разрешенной скорости или чуть быстрее, из чего Кертис делает вывод, что владельцы «Уиндчейзера», мужчина и женщина, все еще в кабине, обсуждают случившееся в ресторане и вокруг него. Раз они сидят в другом конце автомобиля, спиной к спальне, значит, не смогут увидеть свет, если он появится в зазорах между дверью и дверным косяком.

Кертис слезает с кровати. Ощупывая стену у дверного косяка, находит выключатель.

Яркий свет поначалу режет глаза, привыкшие к темноте.

Глаза собаки приспосабливаются к изменившемуся освещению значительно быстрее. Только что она лежала на кровати, а теперь стоит, с любопытством наблюдая за Кертисом, хвост мотается из стороны в сторону, в ожидании новых приключений или положенной доли сока.

Спальня слишком мала, чтобы в ней нашлось место для декоративных вазочек или других безделушек, которые могли бы заменить собой миску.

Копаясь в нескольких ящиках компактного комода, Кертис чувствует себя извращенцем. Он не знает в точности, чем занимаются извращенцы, но чувствует, что копание в нижнем белье других людей — явный признак того, что ты извращенец, а в комоде, кроме нижнего белья, практически ничего и нет.

Покраснев от смущения, не в силах встретиться взглядом с Желтым Боком, мальчик отворачивается от комода и открывает верхний ящик ближайшей тумбочки. Среди прочего видит там пару белых пластмассовых баночек, каждая четыре дюйма в диаметре и три высотой. Пусть и маленькие, любая из них может служить миской для собаки, разве что наполнять ее придется несколько раз.

На крышке одной из баночек наклеена лента с надписью: «ЗАПАСНАЯ». Кертис делает из этого вывод, что баночка с надписью на крышке не столь нужна владельцам дома на колесах, как вторая, и, чтобы доставить им минимум неудобств, решает использовать вместо миски именно ее.

Крышка на резьбе. Отвернув ее и подняв, он, к своему ужасу, обнаруживает в банке человеческие челюсти с зубами. Зубы таращатся на него из розовых десен. Крови, правда, нет.

Ахнув, он бросает баночку туда, откуда взял, и отступает от тумбочки. Его удивляет, что он не слышит, как сердито клацают зубы, выбираясь наружу.

Он видел фильмы о серийных убийцах. Эти монстры в образе человеческом в память о совершенных ими убийствах коллекционируют сувениры. Некоторые держат отрезанные головы в холодильнике, другие хранят глаза жертв в склянках с формальдегидом. Третьи шьют одежду из кожи убитых, четвертые сооружают мобайлы* из их костей.

Ни в одном из фильмов и ни в одной книге речь не шла о маньяках, собирающих челюсти вместе с зубами и деснами. Однако Кертис, пусть он еще и мальчик, достаточно наслышан о черной стороне человеческой натуры, чтобы понять, что он увидел в баночке.

— Серийные убийцы,— шепчет он Желтому Боку.

Серийные убийцы.

Для собаки сложно осознать эту идею. Все-таки иной интеллектуальный потенциал. Но она перестает вилять хвостом, потому что почувствовала тревогу своего нового брата.

Кертису по-прежнему надо найти миску, но он более не решается выдвинуть другие ящики в тумбочках у кровати. Никогда.

Следовательно, неисследованным остается только шкаф.

Фильмы и книги предупреждают о том, что со шкафами надобно соблюдать предельную осторожность. Самое страшное, что ты можешь увидеть во сне, отвратительное, фантастическое, невероятное, если и поджидает тебя в реальной жизни, то обязательно в шкафу.

Это прекрасный мир, шедевр созидания, но и опасное место. Злодеи, как люди, так и нелюди, как обладающие сверхъестественными способностями, так и без оных, таятся в подвалах и на чердаках. На кладбищах в ночи. В заброшенных домах, в замках, владельцы которых носили славянские и германские фамилии, в похоронных бюро, в древних пирамидах, под поверхностью больших водоемов, иногда даже под мыльной пеной в наполненной до краев ванне и, разумеется, в космических кораблях, стоящих на Земле или курсирующих по далеким авеню Вселенной.

* Абстрактная скульптура с подвижными частями.

В данный момент он бы предпочел обследование кладбища, или пирамиды с шагающими мумиями, или космического корабля, но не шкафа в «Уиндчейзере», принадлежащем серийным убийцам. К сожалению, он не в египетской пустыне и не на борту звездолета, мчащегося быстрее света к туманности Лошадиная Голова в созвездии Ориона. Он в доме на колесах, нравится ему это или нет, и, если он должен черпать силы в героическом примере матери, сейчас для этого самое время.

Он смотрит на свое отражение в одной из зеркальных дверок и не может гордиться тем, что видит. Бледное лицо. Широко раскрытые глаза, блестящие от страха. Поза испуганного ребенка: напряженное тело, сгорбленные плечи, голова, втянутая в них, словно он ждет, что его кто-то ударит.

Желтый Бок поворачивается к шкафу. Негромко рычит.

Может, там прячется кто-то ужасный. Может, Кертиса ждет куда более страшная находка, чем зубы.

А может, рычание собаки не имеет ничего общего с содержимым гардероба с зеркальными дверцами. Может, она просто реагирует на состояние Кертиса.

Дверцы шкафа дребезжат. Возможно, от дорожной вибрации.

Полный желания оправдать ожидания матери, напомнив себе о недавних угрызениях совести, вызванных тем, что ему не удалось спасти Донеллу, в решимости найти миску для своей томимой жаждой собаки, он хватается за ручку одной из раздвижных дверей. Набирает полную грудь воздуха, стискивает зубы и открывает шкаф.

Его отражение уезжает от него, открывая интерьер шкафа. К своему облегчению, Кертис не видит перед собой длинной полки, уставленной склянками с глазами. Нет в шкафу и одежды, пошитой из человеческой кожи.

Уверенности у него прибавляется, он опускается на колени, чтобы на полу шкафа отыскать миску или ее заменитель. Находит только мужские и женские туфли, к счастью, без отрезанных ног.

Пара мужских ботинок выглядит совсем новой. Он достает один, ставит рядом с кроватью, наполняет апельсиновым соком из пластикового контейнера.

Желтый Бок соскакивает с кровати и с энтузиазмом принимается лакать лакомство. Собака ни секунды не колеблется, не замирает, чтобы оценить вкус... словно ей уже приходилось пить апельсиновый сок.

Кертис Хэммонд, настоящий Кертис, должно быть, угощал ее не в столь уже далеком прошлом. Нынешний Кертис Хэммонд подозревает, что связь между ним и собакой все усиливается и она знает вкус, поскольку он только что пил этот же самый сок.

Мальчик и его собака могут контактировать на самых различных уровнях. Ему это известно не только из фильмов и книг, но и по собственным опытам с животными.

Кертис «не совсем в порядке», как охарактеризовал его Берт Хупер, и Желтый Бок совсем не желтый и не кобель, но из них получится отличная команда.

Вновь наполнив ботинок, он ставит контейнер с соком на пол, садится на кровать и наблюдает, как собака пьет.

— *Я буду заботиться о тебе,*— обещает он.

Он доволен тем, что может действовать, несмотря на страх. Его радует, что ему удается удержать ситуацию под контролем.

И хотя они едут с парой Ганнибалов Лектеров и спасаются бегством от безжалостных убийц, и хотя их ищут ФБР и другие правоохранительные ведомства с более зловещими аббревиатурами и менее честными намерениями, Кертис с оптимизмом оценивает свои шансы на спасение. Собака, радостно лакающая сок, вызывает у него улыбку. Он выбирает этот момент, чтобы поблагодарить Бога за то, что Он сохраняет ему жизнь, и благодарит маму за преподанный курс выживания, без которого, наверное, и сам Господь не сумел бы уберечь его от смерти.

Издалека доносится сирена. Возможно, сигнал подает пожарный автомобиль, «скорая помощь», патрульная машина, а то и клоунская колымага. Нет, конечно, последний вариант — фантазия. Колымаги с клоунами разъезжают только по арене цирка. Он более чем уверен, что это сирена патрульной машины.

Желтый Бок отрывается от ботинка, с морды капает апельсиновый сок.

Сирена набирает силу, патрульная машина быстро настигает «Уиндчейзер».

Глава 21

С широко раскрытыми челюстями, с выставленными напоказ, загнутыми назад зубами, с подрагивающим раздвоенным на конце языком, змея, чуть извиваясь, словно угорь в воде, летела по воздуху, только быстрее любого угря — ракета, нацеленная в лицо Лайлани.

И хотя она попыталась увернуться, змея, должно быть, что-то не рассчитала, потому что одной лишь скорости реакции девочки не хватило бы, чтобы разминуться с зубами змеи. Наверное, ей только показалось, что она слышала раздраженное шипение, когда змея проскочила мимо ее левого уха, но в том, что гладкие сухие чешуйки коснулись ее левой щеки, сомнений не было. От этой ласки по спине Лайлани пробежал холодок, кожа пошла такими большими мурашками, что она почти поверила, будто эта мерзкая змея скользнула под футболку и теперь обвивает ей поясницу.

Девочка умела блокировать механический сустав ортопедического аппарата, чтобы развернуться на «стальной» ноге. Слышала она шипение или нет, она развернулась вовремя, чтобы увидеть, как «сокровище из Эдема», описав широкую дугу, приземлилось на пол, яркая часть чешуи поблескивала в красном свете, словно блестки на платье.

Змея не поражала размерами, длина ее не превышала трех футов, а толщина — указательный палец взрослого мужчины, но, шмякнувшись об пол и сердито свернувшись в кольца, выглядела она пострашнее массивного питона или гремучей змеи. На секунду застыв, змея вдруг развернулась и быстро поползла по вытертому ковру, словно ее настигала прорвавшая дамбу вода. Забралась на подоконник, снова свернулась и подняла головку, оценивая ситуацию, вновь готовая к атаке.

Полностью доверяя только своей здоровой ноге, подтаскивая левую, забыв о давшейся такими усилиями грациозности походки, Лайлани в панике отступала к коридору. Хотя при каждом шаге ее качало, ей все-таки удалось удержаться на ногах, а добравшись до двери, она ухватилась за ручку, чтобы обрести опору.

Бегом от змеи! Укрыться от нее в своей комнате! Забаррикадироваться там, чтобы мать не смогла войти!

Синсемиллу происшествие немало позабавило. Слова слетали с ее губ вперемежку со смехом.

— Она не ядовитая, трусишка! Это домашняя змея. Видела бы ты свое лицо!

Сердце Лайлани выскакивало из груди, воздух с трудом проникал в сжавшиеся легкие, с шумом вырывался из них.

На пороге, держась за ручку, она оглянулась, чтобы посмотреть, не преследует ли ее змея. Последняя, свернувшись, лежала на подоконнике.

А мать, на коленях, подпрыгивала на кровати, словно школьница, заставляя жалобно скрипеть пружины матраца, смеясь, со сверкающими глазами, очень довольная тем, что ее шутка удалась.

— Ну чего ты так перепугалась? Это же маленькая домашняя змейка, не монстр!

Отсюда вывод: если она убежит в свою комнату и забаррикадируется там, нависшая над ней опасность никуда не денется, потому что рано или поздно ей придется выйти из комнаты. Чтобы поесть. В туалет. Им жить здесь еще несколько дней, и если эта тварь останется на свободе, то сможет подкараулить ее где угодно, а когда она выйдет из комнаты в поисках еды или чтобы облегчиться, гадина может даже заползти в ее комнату, благо под дверью дюймовая щель, и будет поджидать под кроватью, в кровати! У нее не будет ни убежища, ни покоя. Весь дом будет принадлежать змее, ничего не будет принадлежать Лайлани, ни одного квадратного дюйма. Обычно у нее был уголок, пусть маленький, но свой. Да, Синсемилла, если у нее возникало такое желание, врывалась туда без предупреждения, но девочка могла хотя бы представить себе, что этот уголок — ее. Со змеей она лишалась и этого. Ей придется жить как под дамокловым мечом, каждую секунду ожидая внезапного нападения, даже когда Синсемилла будет спать, потому что змей отличает бессонница.

Прыгая на кровати, похихикивая, Синсемилла вновь обсасывала недавние события:

— Змея взлетела, как птица! Стартовала с кровати, как самолет! Лайлани испугалась! Отскочила! Заковыляла к двери, как два пьяных кенгуру в мешках!

Вместо того чтобы ретироваться в коридор, Лайлани отпустила дверную ручку и вернулась в спальню. Страх мешал вошедшей в привычку координации движений. Страх и злость. Обида сотрясала ее, словно толчки землетрясения, разрушившего Сан-Франциско в 1906 году, выдергивая пол из-под здоровой ноги, качая девочку из стороны в сторону.

— Красивенькая, маленькая, скользкая тинги не убьет тебя, Лайлани. Маленькая тинги хочет того же, что и мы все. Маленькая тинги хочет любви.— Слово «любви» Синсемилла произнесла нараспев, растянув в добрые двенадцать звуков, и радостно рассмеялась.

Ядовитая или нет, змея пыталась вцепиться в лицо Лайлани, ее лицо, лучшее из того, что у нее было, возможно, лучшее из того, что могло быть, потому что, по правде говоря, у нее, скорее всего, не появится роскошная грудь, что бы она ни говорила Микки. Когда она сидела в ресторане или где-то еще, спрятав под стол и ногу в ортопедическом аппарате, и деформированную руку, люди смотрели на ее лицо и часто улыбались, воспринимали ее как любого другого ребенка, без печали в глазах, без жалости, поскольку лицо никоим образом не указывало на то, что она — калека. Змея пыталась вцепиться ей в лицо; и если бы вцепилась — не имело никакого значения, ядовитая она или нет, потому что, вонзив зубы в щеку или нос, она круто изменила бы ее жизнь. Люди больше бы не думали, даже не видя ортопедического аппарата и сросшихся пальцев, что она очень мила, а сразу начинали бы ее жалеть: *«Какая же грустная эта маленькая девочка-калека, с маленькой вывернутой ножкой, с маленькой скрюченной ручкой, со шрамами от змеиных зубов на щеке, с откушенным змеей кончиком носа».*

Слишком многое она могла потерять.

А потому следовало действовать, и действовать быстро. Но на кровати она не видела ничего такого, что могло бы помочь ей поймать змею, бороться со змеей. В комоде лежало лишь кое-что из одежды. По существу, они жили на чемоданах, собственно, открытые чемоданы стояли на скамье у изножия кровати и на стуле с прямой спинкой. Ни чемоданы, ни мебель для охоты на змею не годились.

Змея все еще лежала на подоконнике, наблюдая за происходящим. Головка раскачивалась, словно под звуки флейты заклинателя.

— Змея прыг! Лайлани скок! — Случившееся Синсемилла упаковала в четыре слова. И, страшно довольная собой, зашлась

радостным смехом, прямо-таки девочка-школьница, которую защекотали подруги.

Забыв про механический сустав ортопедического аппарата, переставляя ногу полукругом, от бедра, Лайлани проковыляла к шкафу, сожалея о том, что кровать оказалась между ней и змеей. Она не сомневалась, что эта маленькая рептилия, едва она потеряет ее из виду, юркнет под кровать и по полу подкрадется к ней, чтобы наброситься вновь.

— Беби, беби,— ворковала Синсемилла,— посмотри сюда, посмотри, посмотри. Беби, посмотри, взгляни, посмотри,— она протянула руку, что-то показывая дочери.— Беби, все нормально, взгляни, беби, посмотри.

Лайлани не решалась отвлечься на голос матери, особенно в тот самый момент, когда змея, возможно, уже подбиралась к ней. Но Синсемилла поставила себя так, что ее пожелания никто не мог игнорировать, как нельзя игнорировать астероид размером с Техас, несущийся к Земле, с тем чтобы врезаться в нее в полдень пятницы.

Синсемилла разжала пальцы левой руки, открыв запятнанную кровью, смятую бумажную салфетку, которой раньше Лайлани не замечала. Салфетка упала на кровать, обнажив ладонь с двумя ранками на ее мясистой части.

— Бедная испуганная тинги укусила меня, когда отключили свет.

Темные от запекшейся крови ранки больше не кровоточили.

— Я держала ее крепко, очень крепко,— продолжала Синсемилла,— пусть она и яростно вырывалась. Потребовалось много времени, чтобы освободиться от ее зубов. Я не хотела сильно рвать руку, но и не хотела причинить вред тинги.

Двойная ранка, похожая на укус вампира, на самом деле говорила о том, что укусили именно вампира.

— А после того, как я долго держала бедную испуганную тинги в темноте, мы обе сидели на кровати, маленькая тинги перестала вырываться. Мы нашли общий язык, беби, я и тинги. О беби, мы слились душами, дожидаясь, пока дадут свет. Как же нам было хорошо вдвоем.

Сердце Лайлани по-прежнему рвалось из груди. Здоровая нога тоже отказывалась слушаться, подгибаясь под весом тела.

Покоробившаяся панель никак не желала сдвигаться по треснувшим пластиковым направляющим. Лайлани пришлось надавить на нее изо всей силы, чтобы сдвинуть в сторону.

— Никакого яда, беби. У тинги есть зубы, но нет яда. Нет нужды подпускать в трусики, беби, мы сэкономим на стирке.

Как и в шкафу в комнате Лайлани, цилиндрическая стальная перекладина диаметром в два дюйма тянулась на добрых семь футов. На ней висели несколько блуз и мужских рубашек.

Она посмотрела себе под ноги. Никаких змей.

Раны на лице от змеиного укуса могут привести не только к появлению шрамов. Не исключено и повреждение нервов. Некоторые мышцы навеки парализует, и улыбка и выражение лица навсегда останутся перекошенными.

Перекладина лежала на U-образных опорах. Лайлани подняла ее, наклонила один конец. Вешалки сползли с перекладины, увлекая одежду на пол.

Вид сверкающей металлической дубинки вызвал у Синсемиллы новый приступ смеха. Она захлопала в ладоши, забыв про укус, в предвкушении незабываемого зрелища.

Лайлани предпочла бы лопату. Садовую мотыгу. Но металлическая палка лучше, чем голые руки, она как минимум позволит удержать змею на расстоянии от лица.

Сжимая перекладину в правой руке, словно посох пастуха, опираясь на нее, чтобы крепче стоять на ногах, она направилась к изножию кровати.

Вскинув руки к небу, словно исполнительница богоугодных песен, восхваляющая Господа, Синсемилла воскликнула: «О Лини, беби, посмотрела бы ты сейчас на себя! Ты выглядишь как вылитый святой Патрик, давший себе слово изгнать змей».

Лайлани неуклюже продвигалась вдоль кровати, говоря себе: *«Сохраняй спокойствие. Держи себя в руках».*

Но со спокойствием не получалось. Страх и злость не позволяли ей сосредоточиться, мешали координации.

Если бы атака змеи достигла цели, она могла бы укусить ее в глаз.

Оставить наполовину слепой.

Лайлани стукнулась бедром об угол кровати, повалилась на нее, тут же выпрямилась, стыдясь, что она такая глупая, такая неловкая, чувствуя себя девочкой из замка Франкенштейна, не

хватало только болтов на шее, конечный итог более раннего эксперимента, не столь удачного, как последующий, в результате которого на свет появилось существо, сыгранное Карлоффом.

Она ведь хотела не так уж много: уберечь те части своего тела, которые выглядели нормальными и функционировали, как должно. Вывернутая нога, деформированная рука, слишком умная голова (тоже не плюс, скорее — минус) — она не могла поменять их на стандартные элементы. И надеялась лишь сохранить здоровую правую ногу, хорошую правую руку, миловидное лицо. Тщеславие не имело к этому ни малейшего отношения. Учитывая все прочие проблемы, миловидное лицо требовалось ей не для того, чтобы хорошо выглядеть. Речь шла о выживании.

Обойдя кровать, Лайлани увидела, что домашний ужас находится там, где она видела ее последний раз: свернувшись кольцами, змея лежала на подоконнике. Злобная головка приподнялась, выискивая очередную цель для атаки.

— О беби Лани, мне следовало заснять все это на видеокамеру,— давясь смехом, простонала Синсемилла.— Мы бы получили большие деньги на ти-ви... в этом шоу, «Лучшие любительские видеофильмы Америки».

Лицо. Глаза. Как много она могла потерять. *Уйти. Убежать.* Но они приведут ее назад. И где тогда будет змея? Где угодно, в любом месте, везде, дожидаясь. А что, если мать возьмет ее с собой, когда они вновь отправятся в путь? В консервной банке на колесах, где уже есть Престон и Синсемилла, ей придется волноваться и о третьей змее, а ведь на скорости шестьдесят миль в час никуда не убежишь.

Выставив металлическую палку перед собой, держа ее обеими руками, Лайлани задалась вопросом: какое расстояние может пролететь змея по воздуху, если разожмется, как пружина? Вроде бы она где-то читала, что расстояние это равно удвоенной длине тела, в данном случае пяти или шести футам. То есть до нее змея вроде бы добраться не могла.

Но если перед нею рекордсмен, если погрешность расчетов составляет десять процентов, тогда ей хана.

Лайлани не отличала склонность к насилию. Даже в своих фантазиях она не видела себя крепко сложенным, мускулистым, блестяще владеющим всеми видами оружия вундеркиндом. Путь Клонк не совпадал с путем ниндзя.

Путь Клонк — располагать к себе, забавлять, очаровывать, и, безусловно, этот подход прекрасно срабатывал с учителями, священниками и добрыми соседями, угощавшими ее вкусным пирогом, но многого ли добьешься, пытаясь очаровать змею, на конце зуба которой висит твой глаз.

— Лучше уходи, тинги, лучше уползай,— радостно советовала змее Синсемилла.— Вот идет нехорошая Лани, и настроена эта девочка очень серьезно!

Поскольку малейшая неуверенность привела бы к полному коллапсу воли, Лайлани пришлось действовать, не подавив правящих бал страх и злость.

Она удивила себя, когда, сдавленно вскрикнув от безысходности и ярости, вонзила свое копье в свернувшуюся кольцами цель.

Пригвоздила сразу забившуюся змею к раме, но только на две секунды, может на три, потому что потом гибкий противник вывернулся.

— Уходи, тинги, уходи, уходи!

Лайлани вновь нанесла удар, вдавив злодейку в раму, вложила в него все силы, стараясь вспороть кожу, разорвать пополам, но змея опять вывернулась. Тяжелой оказалась эта работа, ничуть не легче, чем затушить поднимающийся над костром дымок, узнать, кто был твоим отцом, или что случилось с твоим братом, или что ждет тебя в этой жизни, но ей не оставалось ничего другого, как новыми ударами пытаться добиться своего.

Когда змея сползла с подоконника и попыталась укрыться под комодом, Синсемилла еще выше запрыгала на кровати: «О, теперь беда, теперь беда. Тинги разозлилась, тинги спряталась, тинги в ярости, тинги шипит, тинги думает о змеиной мести».

Лайлани надеялась увидеть на подоконнике кровь или, если у змей нет крови, пятна какой-нибудь другой жидкости, свидетельствующие о том, что врагу нанесены смертельные раны. Но, к ее полному разочарованию, не увидела ни крови, ни ихора*, ни змеиного сиропа.

---

* Согласно греческой мифологии, жидкость, заменявшая кровь в жилах богов.

Обрезанный торец трубки не мог сравниться эффективностью с лезвием ножа или острием копья, но, скорее всего, мог бы пробить жесткую чешую, если бы удар наносился с большой силой. Ее потные руки скользили по полированному металлу, но Лайлани надеялась, что какой-то урон она змее нанесла.

Комод стоял у стены, на четырех массивных ножках. Высотой в пять футов. Шириной в четыре. И глубиной порядка двадцати дюймов. Дно отделяли от пола три дюйма.

Змея затаилась где-то там. Задерживая дыхание, Лайлани слышала злобное шипение. Дно нижнего ящика, вибрируя, усиливало звук.

Лайлани понимала, что со змеей надо покончить немедленно, пока та не перешла в наступление. Чуть отступив, она неуклюже опустилась на колени. Легла, повернула голову набок, прижалась правой щекой к грязному, вытертому ковру.

Если в одеянии Смерти были карманы, пахло из них так же мерзко, как от ковра. Волны праведного гнева, прокатывающиеся по Лайлани, и без того вызывали тошноту, а теперь, когда в нос бил отвратительный запах ковра, она действительно испугалась, что придется расстаться с пирогом.

— О, послушайте, как гудит змеиный мозг, посмотрите, какие планы строит маленькая тинги. Похоже, она хочет слопать вкусненькую мышку.

Пробивающийся сквозь шелк свет, красный, как любимая выходная блуза Синсемиллы, едва разгонял густую тень под комодом.

Лайлани тяжело дышала, не от усталости, не так уж она и перетрудилась,— от волнения, страха, напряжения. Она щурилась, пытаясь разглядеть, где затаилась гадина, её лицо отделяли от убежища последней шесть или семь футов, она жадно ловила ртом воздух, и отвратительный запах ковра трансформировался в не менее отвратительный вкус, провоцируя рвотный эффект.

Тени под комодом, казалось, двигались и перемещались, как всегда происходит с тенями, если пристально в них всматриваться, но постепенно в красном свете проступили очертания колец, поблескивающих, как горный хрусталь.

— Тинги строит планы, как ей добраться до мышки-Лайлани, облизывает свои змеиные губки. Тинги гадает, какова Лайлани на вкус.

Змея лежала, прижавшись к стене, примерно на одинаковом расстоянии от задних ножек комода.

Лайлани поднялась на колени. Схватила стальную перекладину обеими руками и двинула вперед, под комод, целясь в змею. Ударяла вновь, вновь и вновь, костяшки пальцев горели от трения о ковер, но она слышала, как бьется под комодом змея, колотясь гибким телом о дно нижнего ящика.

На кровати Синсемилла визжала от восторга, подбадривая одну участницу сражения, кляня другую, и хотя Лайлани более не могла разобрать слов матери, она чувствовала, что симпатии той на стороне тинги.

Она не понимала, что говорит Синсемилла, потому что змея выбивала барабанную дробь о дно нижнего ящика, потому что ее копье попадало то в кольца, то в стену, то в ножки комода, но прежде всего по другой причине: она сама рычала, как дикий зверь. Горло резало, будто ножом. Она не узнавала своего голоса: бессловесный, хриплый, низкий рев вдруг проснувшегося в ней примитивного дикаря.

И в конце концов этот звериный голос напугал ее до такой степени, что она прекратила атаку. Змея все равно умерла. Она уже убила ее. Под комодом никто не шипел, никто не колотился о дно нижнего ящика.

Уже зная, что гадина умерла, Лайлани тем не менее не могла остановиться. Не контролировала себя. И какой вывод следовал из этих трех слов? *Не контролировала себя.* Что мать, что дочь. Акселератор Лайлани был до отказа вдавлен в пол страхом, а не наркотиками, плюс злость, но это отличие выглядело сущим пустяком в сравнении с тем, что ей открылось: при определенных обстоятельствах она так же, как Синсемилла, могла потерять контроль над собой.

Со лба капало, лицо блестело, одежда прилипла к телу: от Лайлани разило потом, какой уж там небесный цветок! Стоя на коленях, поникнув плечами, склонив голову набок, с влажными прядями, прилипшими ко лбу, руками, все еще сжимающими перекладину, она словно превратилась в возродившегося Квазимодо, только девяти лет от роду и в тысячах миль от Нотр-Дам.

Она застыла, униженная, потрясенная... и испуганная ничуть не меньше, чем до этого, но уже совсем по иным причинам. Не-

которые змеи страшнее других. И самые страшные не те, которых приносят в дом в перфорированных коробках из-под шляп, не те, что ползают по полям или лесам. Нет, эти змеи обитают в глубинах разума. До прихода в спальню Синсемиллы девочка не подозревала, что такие вот змеи страха и злости свили гнездо в ее подсознании, что их внезапный укус может в мгновение ока лишить ее контроля над собой.

Как горгулья*, Синсемилла свешивалась над спинкой изножия кровати, лицо ее находилось в тени, голову окружал ореол красной подсветки, глаза блестели от возбуждения.

— Тинги, ах ты, маленькая жизнестойкая ползающая упрямица.

До Лайлани не дошел смысл этих слов, и спаслась она только потому, что проследила за направлением взгляда матери. А смотрела Синсемилла на ближайший к ней торец перекладины, неподалеку от которого сжимали трубку руки Лайлани.

Внутренний диаметр трубки не превышал двух дюймов. Убить змею Лайлани не удалось, и тинги, как только прекратились удары, в поисках убежища заползла в трубку. По этому туннелю, невидимая, она отправилась в путешествие из-под комода за незащищенную спину Лайлани. И в тот момент медленно выползала на пол, словно конечный продукт змееделательной машины.

Лайлани не знала, почему змея двигается так медленно, то ли из-за того, что ей крепко досталось, то ли потому, что хотела подкрасться незаметно, да ее это и не интересовало. Но как только тварь полностью выползла из перекладины, Лайлани схватила ее за хвост. Она знала, что ловцы змей берут их у головы, чтобы обездвижить челюсти, но страх за свою единственную здоровую руку заставил девочку выбрать иной вариант.

Склизкая на ощупь, а следовательно, все-таки покалеченная, змея яростно извивалась в попытке вернуть себе свободу.

Но прежде чем она успела изогнуться назад и укусить за руку, Лайлани быстро вскочила на ноги, начисто забыв про ортопедический аппарат, изображая девочку-ковбоя, раскручивающую лассо. Центробежная сила не позволила змее свернуться

* Рыльце водосточной трубы в виде фантастической фигуры (в готической архитектуре).

кольцом, наоборот, вытянула ее в струнку. Рептилия с шипением резала воздух. Дважды рука Лайлани совершила полный оборот, пока девочка, спотыкаясь, приблизилась на пару шагов к комоду. На первом обороте зубы змеи лишь на несколько дюймов разминулись с лицом Синсемиллы, а на третьем ее голова встретилась с комодом. С треском разлетелся череп, сражение закончилось.

Мертвая змея выскользнула из руки Лайлани и в последний раз кольцом свернулась на полу.

Неожиданная финальная сцена спектакля лишила Синсемиллу дара речи.

И пусть Лайлани отпустила убитую змею и отвернулась от ее трупа, ей не удалось с такой же легкостью стереть застывший в ее мысленном зеркале образ: она, Лайлани, неистово яростная, рычащая, хрипящая, жаждущая смерти змеи.

Удары сердца громом отдавались по всему телу, шторм унижения еще не утих.

Она не могла плакать. Тем более здесь и сейчас. Ни страх, ни злость, ни осознание новых, доселе неизвестных сторон своего внутреннего мира не могли заставить ее расплакаться в присутствии матери. Ни при каких условиях она не желала открыть Синсемилле свою уязвимость.

Обычная легкость движений по-прежнему не давалась Лайлани. Однако, как только она начала проигрывать все движения в голове, словно пациент, который учится ходить после травмы позвоночника, ей удалось с достоинством проследовать к открытой двери в спальню.

В коридоре ее начало трясти, зубы выбивали дрожь, локти колотились о ребра, но усилием воли она заставила себя не останавливаться.

У ванной услышала, как за спиной завозилась мать. Оглянулась в тот самый момент, когда спальню осветила яркая вспышка. Вспышка фотокамеры.

Змея не шла ни в какое сравнение с автоаварией, но, должно быть, Синсемилла решила, что ее труп, застывший на оранжевом ковре, представляет собой художественную ценность.

Еще вспышка.

Лайлани вошла в ванную, включила свет и вентилятор. Закрыла дверь и этим отсекла мать.

Включила и душ, но раздеваться не стала. Вместо этого опустила крышку на сиденье унитаза и села.

Под гудение вентилятора и шум воды сделала то, чего не позволяла себе ни при матери, ни при Престоне Мэддоке. Здесь. Сейчас. Заплакала.

Глава 22

Каким бы вкусным ни был апельсиновый сок, налитый в ботинок, собака теряет к нему интерес, едва вой сирены становится таким же громким, как предупреждение о воздушном налете, звучащее в непосредственной близости от дома на колесах. Тревога Кертиса становится ее тревогой, и она смотрит на него, навострив уши, подобравшись, готовая выполнить любой его приказ.

«Уиндчейзер» начинает сбавлять скорость, как только водитель видит патрульную машину в зеркале заднего обзора. Даже серийные убийцы, которые путешествуют с коллекцией зубов своих жертв, без колебания сворачивают к обочине, если того требует дорожная полиция.

Когда патрульная машина проскакивает мимо и сирена стихает, дом на колесах вновь набирает скорость, но Желтый Бок не возвращается к соку. Пока Кертису как-то не по себе, собака остается на страже.

Сначала вертолет пролетел вдоль автострады в сторону Невады, теперь за ним последовала патрульная машина: веские признаки того, что впереди им готовится торжественная встреча. Джон Эдгар Гувер далеко не дурак, пусть и умер, и если его призрак направляет действия ведомства, которое он с неохотой покинул, значит, две группы агентов ФБР, а может, и сотрудников других правоохранительных органов уже перекрывают автостраду на юго-западе и на северо-востоке от стоянки грузовиков.

Вновь усевшись на краешек кровати, Кертис достает из карманов джинсов всю наличность. Расправляет купюры, сортирует. Сортировать особо нечего. Подсчитывает свои богатства. Подсчитывать особо нечего.

Ему определенно не хватит денег, чтобы подкупить агента ФБР, тем более что большинство из них подкупить невозможно. Они, в конце концов, не политики. Если в операции задействованы сотрудники Агентства национальной безопасности — а вероятность этого велика — и, возможно, ЦРУ, эти парни не продадут родину и честь за несколько смятых пятерок. Не продадут, если можно верить фильмам, детективным романам и книгам по истории. Возможно, исторические тексты написаны с учетом политической конъюнктуры, возможно, некоторые писатели выполняли политический заказ, но уж тому, что показывают в фильмах, доверять можно.

Располагая такими жалкими средствами, Кертис не может рассчитывать, что ему удастся подкупить даже местную полицию. Он вновь засовывает купюры в карман.

Водитель не нажимает на педаль тормоза, но скорость «Уиндчейзера» плавно падает. Плохо, очень плохо. Эти двое не так давно покинули стоянку у ресторана, чтобы вновь останавливаться на отдых. Должно быть, впереди пробка.

— Хорошая собачка,— говорит мальчик Желтому Боку, чтобы подбодрить ее и подготовить к тому, что может ждать впереди. *Хорошая собачка. Держись рядом.*

Скорость «Уиндчейзера» устойчиво падает до пятидесяти миль в час, до сорока, тридцати. Когда же водитель дважды легонько жмет на педаль тормоза, Кертис идет к окошку.

Собака следует за ним по пятам.

Кертис сдвигает окно. Ветер тут же врывается в спальню, теплый и нежный зефир.

Прижимаясь к раме, мальчик высовывается в окно, щурясь от ветра, смотрит вперед.

Десятки тормозных огней горят на всех трех полосах, ведущих в западном направлении. Впереди, в полумиле от них, на вершине подъема, автомобили уже стоят.

Пока «Уиндчейзер» снижает скорость, Кертис задвигает окно и занимает позицию у двери спальни. Верная подруга держится рядом.

Хорошая собачка.

Как только дом на колесах останавливается, Кертис выключает свет. Ждет в темноте.

Скорее всего, оба социопата, владельцы «Уиндчейзера», какое-то время проведут в кабине. Будут с интересом разгляды-

вать пробку, планировать свои действия на случай обыска автомобиля.

Однако в любой момент кто-нибудь из них может ретироваться в спальню.

Если станет ясно, что обыска не избежать, эти зубные фетишисты попытаются избавиться от выдающих их с головой жутких сувениров.

Разумеется, на стороне Кертиса будет преимущество: его появление станет для владельцев «Уиндчейзера» сюрпризом, но хватит ли этого, чтобы вырваться на свободу? Парочка убийц может выложить свои козыри: преимущество в габаритах, силе, патологическое пренебрежение к личной безопасности.

Помимо внезапности, на стороне мальчика и Желтый Бок. У собаки есть зубы. Есть зубы и у Кертиса, пусть они не такие большие, как у собаки, и в отличие от своей четвероногой подруги он, пожалуй, не сумеет ими воспользоваться.

Мальчик не уверен, стала ли бы гордиться им мать, если бы путь к свободе он проложил зубами. Насколько ему известно, никто из мужчин и женщин, сражавшихся за свободу, не удостаивался похвал за то, что они загрызали своих противников. Слава богу, что у него есть собака.

Хорошая собачка.

Простояв несколько минут, «Уиндчейзер» продвигается вперед на десяток ярдов, прежде чем остановиться вновь. Кертис пользуется моментом, чтобы чуть приоткрыть дверь. Ручка мягко поскрипывает, петли тоже, дверь открывается наружу.

Он приникает глазом к дюймовой щели и изучает ванную, которая отделяет спальню от камбуза, гостиной и кабины. Дверь в противоположной стене ванной наполовину открыта, но за ней он ничего не различает. Видит разве что свет в передней части «Уиндчейзера».

Собака прижимается к ногам Кертиса, сует нос в зазор между дверью и дверным косяком. Мальчик слышит, как его подруга принюхивается. Обостренное обоняние приносит ей больше информации, чем пять человеческих чувств, вместе взятых, вот он и не отталкивает ее.

Он должен помнить, что любая история о мальчике и его собаке — одновременно история о собаке и ее мальчике. Без взаимного уважения на успех рассчитывать не приходится.

Собака виляет хвостом, задевая штанины Кертиса, то ли потому, что не унюхала ничего подозрительного, то ли соглашаясь с Кертисом в этом фундаментальном требовании к отношениям мальчика и собаки.

Внезапно из передней части дома на колесах в ванную входит мужчина.

От неожиданности Кертис чуть не захлопывает дверь спальни.

Но вовремя понимает, что дюймовый зазор не привлечет внимания мужчины, в отличие от движения двери.

Он ждет, что мужчина направится в спальню, а потому уже готов ударить убийцу дверью, чтобы сшибить с ног. После чего он и собака пойдут на прорыв к свободе.

Но мужчина подходит к раковине и включает маленькую лампочку над ней. Стоя боком к Кертису, изучает в зеркале отражение своего лица.

Желтый Бок остается у двери, прижавшись носом к щели, но больше не принюхивается. Собака переходит в режим невидимки, хотя хвост продолжает покачиваться.

Страх не уходит, но теперь к нему присоединяется любопытство. Интересно, знаете ли, тайком наблюдать за незнакомцами в их собственном доме, пусть этот дом на колесах.

Мужчина щурится. Потирает пальцем правый уголок рта, щурится вновь. Похоже, результат его устраивает. Двумя пальцами опускает нижние веки и изучает глаза... одному богу известно зачем. Потом ладонями рук приглаживает волосы у висков.

Улыбаясь своему отражению, незнакомец говорит: «Том Круз, твоя песенка спета. Идет Верн Татта».

Кертис не знает, кто такой Верн Татта, но насчет Тома Круза у него сомнений нет: актер, кинозвезда, всемирно известный идол. Мальчик удивлен. Знакомство этого человека с Томом Крузом производит на него впечатление.

Он слышал, как люди говорили, что мир тесен. Что ж, знакомство Тома Круза и мужчины, в доме которого мальчик оказался по воле случая, только подтверждает это.

А мужчина уже улыбается во весь рот. Нерадостная это улыбка. Даже в профиль Кертис видит, какая она яростная, *жестокая*. Мужчина наклоняется над раковиной, к зеркалу, очень уж внимательно изучает собственные зубы.

Кертис встревожен, но не удивлен. Он уже знает, что эти убийцы помешаны на зубах, и не только своих: таскают с собой зубы жертв.

Но еще больше беспокоит Кертиса другое: если не считать того, что зубы превратились для этого мужчины в навязчивую идею, в остальном он выглядит совершенно нормальным. Полноватый, лет шестидесяти, с густой седой шевелюрой, он мог бы сыграть дедушку в крупнобюджетном фильме, но его никогда не пригласили бы на роль маньяка.

Многие из тех, кто утверждал, что мир тесен, также говорили, что нельзя судить о книге по ее обложке, подразумевая, что последнее относится и к людям, и вновь Кертис признает их правоту.

Продолжая молча щериться в зеркало, незнакомец использует ноготь, чтобы что-то выковырнуть из зазора между двумя зубами. Осматривает добычу, переместившуюся на палец, хмурится, приглядывается внимательнее, наконец сбрасывает в раковину.

По телу Кертиса пробегает дрожь. Его воспаленное воображение предлагает несколько вариантов насчет того, что могло застрять в зубах, один другого страшнее, все увязаны с фактом, что большинство серийных убийц еще и людоеды.

Как это ни странно, Желтый Бок, прижавшись носом к щели, по-прежнему виляет хвостом. Ей не передалось отвращение Кертиса к этому монстру в человеческом обличье. О незнакомце у нее сложилось собственное мнение, и она не собирается его менять. Мальчик задается вопросом: а можно ли полагаться на собачьи инстинкты?

Предполагаемый людоед тем временем выключает свет, поворачивается и идет в маленькую кабинку, отведенную под туалет. Открывает дверь, переступает порог, включает свет, плотно закрывает за собой дверь.

Мать мальчика говорила ему, что растраченная попусту возможность не просто упущенный шанс, но и рана будущему. Много упущенных шансов — много ран, и в итоге можно остаться без будущего.

Один киллер справляет физиологическую нужду, второй — сидит за рулем, вот вам и шанс, упустить который может только непослушный, пренебрегающий советами матери мальчик.

Кертис открывает дверь спальни. *Ты первая, девочка.*

Виляя хвостом, собака выходит в ванную... и прямиком направляется к кабинке туалета.

Нет, собачка, нет, нет! К выходной двери, собачка, к выходной двери!

Может, охватившая Кертиса паника передалась собаке по невидимому телепатическому проводу, который связывает каждого мальчика и его собаку, может и нет, потому что познакомились они недавно и связь эта находится в процессе формирования. Более вероятная причина — собака разобралась с запахом этого киллера, косящего под добропорядочного дедушку. Так или иначе, благодаря телепатии или хорошему нюху она меняет направление движения и из ванной бежит на камбуз.

Выходя следом, Кертис через столовую и гостиную смотрит в кабину.

За рулем сидит женщина, ее внимание поглощено транспортом, забившим автостраду.

К своему облегчению, Кертис видит, что киллерша пристегнута ремнем безопасности. То есть никак не успевает отстегнуть ремень и блокировать им путь к двери.

Женщина сидит спиной к нему, но, подходя ближе, он видит, что она примерно в том возрасте, что и мужчина. Волосы у нее коротко стриженные, неестественно белые.

Стыдясь за неверную оценку дедушки, едва не приведшую к беде, Желтый Бок продвигается вперед осторожно, не виляя хвостом. Лапы ставит на пол беззвучно, прямо-таки крадущаяся кошка.

Когда собака добирается до двери, а Кертис тянется через нее к ручке, женщина чувствует их присутствие. Она что-то ест, поднимает голову, продолжая жевать, ожидает увидеть мужчину и испуганно вздрагивает, когда ее взору предстают мальчик и собака. В изумлении застывает, а в руке, которую женщина не донесла до рта, Кертис видит человеческое ухо.

Он кричит и продолжает кричать, даже когда до него доходит, что в руке у женщины вовсе не человеческое ухо, а большой картофельный чипс. У него нет сомнений, что она ест картофельные чипсы с человеческими ушами, точно так же как другие люди едят их с претцелями, с арахисом или со сметаной.

Дверь не открывается. Ручка не двигается. Он тянет ее на себя, тянет сильнее. Безрезультатно. Заблокирована, должно быть, дверь заблокирована. Он дергает ручку вправо-влево, вверх-вниз, ничего не выходит.

Женщина на водительском сиденье приходит в себя от изумления, что-то говорит, но мальчик не может понять, о чем она ведет речь, потому что в ушах грохочут удары сердца, а слова женщины, которые прорываются между ударами, никак не связываются между собой.

Кертис и дверь, сила воли против материи, на микроуровне сила воли вроде бы должна победить, но замок держится, дверь не желает открываться. Магический замок, задвижка, которую заклинание колдуна спаяло с пазом, не поддаются ни его мышцам, ни его мысленному напору.

Киллерша нажимает на кнопку, отщелкивая замок ремня безопасности, и отбрасывает ремень в сторону.

О господи, всего-то одна дверь, которая держится непонятно чем, а он бессилен, пойман в западню этой бойни на колесах с психами-пенсионерами, которые съедят его вместе с чипсами, а зубы положат в ящик прикроватной тумбочки.

С яростью, которую она никогда не демонстрировала, Желтый Бок бросается к женщине. Скалит зубы, рычит, плюется слюной. Словно говорит: *«Зубы? Тебе нужны зубы? Так посмотри на ЭТИ зубы, полюбуйся моими клыками и подумай, будут ли тебе нравиться зубы после того, как я тобой займусь?»*

Собака не пытается укусить женщину, но одной угрозы больше чем достаточно. Женщина больше не пробует подняться с водительского кресла. Прижимается к дверце, лицо перекашивается от ужаса. Мальчик не сомневается, что такое же выражение она видела на лицах своих жертв, которых безжалостно убивала.

Дерганье ручки-рычага вверх-вниз не дает результата, а вот стоило потянуть ее на себя, как дверь легко открылась, то есть не была заблокирована. Никто не накладывал заклятия на стопорный механизм. И Кертис не мог открыть дверь не потому, что его подвели разум или мышцы. Просто страх лишил его здравомыслия.

Это открытие приводит мальчика в ужас, но пока ему никак не удается обуздать охватившую его панику. Он распахивает дверь, сбегает по ступенькам, на асфальте спотыкается и со всего маха врезается в борт «лексуса», стоящего на соседней полосе.

Лицом к стеклу, едва не разбив нос, он всматривается в окно, словно за ним — аквариум с необычными рыбами. Рыбы, в действительности мужчина с короткой стрижкой за рулем и брюнетка на пассажирском сиденье, таращатся на него округлившимися от изумления глазами, а раскрытыми ртами напоминают настоящих рыб.

Кертис отталкивается от борта и, обернувшись, видит, как Желтый Бок, уже не лая, выпрыгивает из «Уиндчейзера». Раскрыв пасть, виляя хвостом, понимая, что именно ее героические усилия позволили отразить нападение киллерши, она поворачивает налево и гордо трусит дальше.

Собака следует белой линии, разделяющей полосы движения, точнее, два ряда остановившихся автомобилей. Мальчик спешит за ней. Он больше не кричит, но страх все еще не отпустил его, поэтому он смиряется с тем, что временно лидерство в их команде перешло к собаке.

Обернувшись на море зажженных фар, он видит седовласую женщину, которая смотрит на него сквозь ветровое стекло «Уиндчейзера». Схватившись за руль, она приподнялась над сиденьем, чтобы получше его разглядеть. С такого расстояния ее можно принять за милую, добрую старушку... возможно, библиотекаршу, особенно с учетом того, что библиотекарша знает, как легко книгу о монстрах выдать за сладенькую романтическую историю. Поменять пыльные обложки — и все дела.

В пустыню вдруг пришел город. Теплый воздух стал горьким от выхлопных газов двигателей, работающих на холостых оборотах.

Некоторые водители, оценив масштабы пробки, выключили двигатели и выбрались из кабин, чтобы размять ноги. Далеко не все стали свидетелями боевых действий на стоянке грузовиков, а потому, потирая шеи, поводя плечами, выгибая спины, разминая кисти рук, они спрашивают друг друга, что происходит и почему стоим?

Эти люди образуют лабиринт, по которому пробираются Кертис и Желтый Бок. Обходя, протискиваясь мимо, Кертис предельно вежлив со всеми, хотя понимает, что среди них мо-

гут быть священники и убийцы, и даже священники-убийцы, святые и грешники, банковские клерки и грабители банков, скромники и наглецы, щедрые и жадные, нормальные люди и вдрызг сумасшедшие. «Извините, сэр. Спасибо, мэм. Извините, сэр. Извините, мэм. Благодарю вас, сэр».

Но в конце концов Кертиса останавливает высокий мужчина с серым лицом и глубокими морщинами, свидетельствующими о хронических запорах. Он заступает Кертису дорогу между фордовским мини-вэном и красным «кадиллаком» и упирается рукой ему в грудь.

— Так что ты здесь делаешь, сынок? — любопытствует он.

— Серийные убийцы,— выдыхает Кертис, указывая на дом на колесах, отделенный от него уже двадцатью автомобилями.— Вон в том «Уиндчейзере». Они хранят части тел в спальне.

В недоумении незнакомец опускает руку, морщины на его сухощавом лице становятся глубже, он пристально смотрит на шестнадцатитонный моторизованный дом ужасов.

Кертис протискивается мимо, прибавляет шагу, хотя уже понимает, что собака ведет его на запад. До импровизированного блокпоста ФБР еще далеко, он где-то за вершиной холма, так что его и не видно, но им определенно не следует держаться этого направления.

Между пикапом «шеви» и «фольксвагеном» мужчина с веснушчатым лицом и торчащими во все стороны рыжими волосами вдруг хватает Кертиса за рубашку, едва не сбив с ног.

— Эй, эй, эй! — весело восклицает он.— От кого бежишь, мальчик?

Чувствуя, что этого парня не отвлечешь басенкой о серийных убийцах, да и, похоже, любой другой, Кертис решает воспользоваться словами Берта Хупера, дальнобойщика, заказавшего в ресторане курицу с картофелем фри, словами, которыми тот пытался защитить его от наскоков Донеллы.

Он не совсем уверен в том, что эти слова означают, но один раз они точно помогли.

— Я не совсем в порядке, сэр.

— Черт, меня это не удивляет,— заявляет рыжеволосый, но рубашка Кертиса по-прежнему крепко зажата в его кулаке.— Ты что-то украл, мальчик?

Ни одному здравомыслящему человеку не пришло бы в голову, что десятилетний мальчишка может слоняться по автостраде, дожидаясь, пока ее перекроет ФБР и предоставит ему возможность украсть что-нибудь у водителей.

Поэтому Кертис предполагает, что этот веснушчатый следователь намекает на кражу, совершенную в доме Хэммондов в Колорадо. Возможно, этот человек — экстрасенс и, отсканировав память мальчика, знает и о пятерках, и о сосисках, украденных на долгом пути Кертиса к свободе.

Или Кертис не может знать наверняка, но... этот хватающийся за рубашку незнакомец не экстрасенс, а псих. Безумец с давно съехавшей крышей. Таких ведь полным-полно. В сандалиях, шортах из хлопчатобумажной ткани и футболке с надписью на груди «ЛЮБОВЬ — ВОТ ОТВЕТ», этот мужчина с веселым веснушчатым лицом не похож на психа, но в этом мире далеко не всегда внешность соответствует внутреннему содержанию.

В конце концов, и сам Кертис не простой десятилетний мальчик.

Собака ухватывает шорты. Не рычит, не лает, ничем не предупреждает о своих намерениях, не выказывает враждебности. Словно играя, бросается к незнакомцу, ухватывает его шорты и дергает на себя. Мужчина вскрикивает и отпускает Кертиса, а вот Желтый Бок шорты не отпускает. Стягивает вниз, выставляя на всеобщее обозрение нижнее белье незнакомца. Тот пытается пнуть собаку, но ему мешают шорты. Так что до цели нога не дотягивается, зато с нее слетает сандалия.

Мгновенно собака отпускает шорты, подхватывает пастью сандалию и бежит дальше на запад, по белой линии, разделяющей раздраженных пробкой водителей.

Она по-прежнему движется в неправильном направлении, но Кертис следует за Желтым Боком, потому что они не могут повернуть к «Уиндчейзеру». Новая встреча что с веснушчатым, что со страдающим запорами принесет только неприятности. Не могут они перелезть через загородку, разделяющую транспортные потоки, и попытаться поймать попутку: на северо-востоке, где-то за стоянкой грузовиков, автострада тоже наверняка перекрыта.

Их единственная надежда — пустыня к северу от автострады, уходящая вдаль, к самому горизонту, где встречаются чер-

ные небо и земля, где торчащие из песка богатые кварцем скалы поблескивают отраженным звездным светом. Гремучие змеи, скорпионы и тарантулы будут куда более гостеприимны в сравнении с бандой безжалостных охотников, к которой принадлежали два ковбоя... и до сих пор принадлежат, если выжили в ресторанной перестрелке.

ФБР, Агентство национальной безопасности и другие правоохранительные ведомства не убьют Кертиса Хэммонда, если опознают его, как сделали бы ковбои и им подобные. Но, задержав, не отпустят и на свободу. Ни сразу, ни потом.

Хуже того, если его задержат, злобные охотники, перебившие семью мальчика и Хэммондов, рано или поздно узнают о его местонахождении. И в конце концов доберутся до него, в каком бы глубоком бункере или высокой башне его ни держали, с каким бы рвением ни обеспечивалась его безопасность.

Бегущая впереди собака бросает сандалию на асфальт и поворачивает направо, между двумя стоящими автомобилями. Кертис повторяет ее маневр. Она ждет на обочине, пока мальчик не догоняет ее. А потом, не боясь, что ее укусит змея или скорпион, в предвкушении новых приключений, с хвостом, поднятым, как флаг, Желтый Бок сбегает по пологой насыпи, по гребню которой проложена автострада.

Будь воля Кертиса, он бы без колебания променял эту пешую прогулку на спуск по реке на плоту. Но выбора нет, приходится довольствоваться сухопутным маршрутом. Он бежит за умной собакой, все дальше от ярко освещенной фарами автострады, в темное царство песка, кустарника, сланцевой глины. Иссеченные ветром каменные часовые стоят, как, должно быть, стояли индейцы, наблюдая за катящими на запад фургонами поселенцев, в те времена, когда асфальта не было и в помине, а дорожными указателями служили наземные ориентиры, колеса от развалившихся фургонов да кости людей и лошадей, очищенные от плоти стервятниками. Кертис и Желтый Бок идут там, где до них в далеком прошлом ходили отважные и безрассудные: мальчик и собака, собака и мальчик, брат и становящаяся ему сестрой спешат на север в глубокую тьму пустыни, под луной, скрывшейся за облаками на западе, с солнцем, не спешащим подняться из-за горизонта на востоке.

Глава 23

Сидя в кресле, Ной Фаррел говорил и после того, как перестал себя слушать, продолжал говорить, пока не пересохли слова.

На кровати, совершенно неподвижно, даже не сдвинув покрывало, лежала Лаура, свернувшись в позе зародыша. Безмолвная во время монолога брата, она не произнесла ни слова и когда он замолчал.

В этом заслуженном молчании Ной обретал покой. В прошлом несколько раз даже засыпал в кресле. Крепкий, без сновидений сон смежал веки Ною, лишь когда слова иссякали, когда ему оставалось только одно: разделить с сестрой молчание.

Возможно, умиротворенность приходила только с признанием сложившейся ситуации.

Но признание это граничило с покорностью судьбе. Даже в те вечера, когда Ной дремал в кресле, он просыпался с чувством вины, отдых не уменьшал его стремление восстановить справедливость, наоборот, усиливал.

Он грыз одну кость с Судьбой и не отпускал ее, даже зная, что у Судьбы и зубы крепче, и челюсти сильнее.

В тот вечер заснуть не удалось, а потому в голову вновь полезли незваные мысли. Слова грозили вновь выплеснуться из него, но на этот раз другие слова, наполненные злостью, презрением и жалостью к себе. Если бы эти слова проникли в темницу поврежденного мозга, в которой Лаура отсиживала пожизненный срок, они бы не осветили царящую там тьму.

Он подошел к кровати, наклонился над сестрой, поцеловал мокрую щеку. Если б он попросил воды, а ему принесли уксус, вкус последнего не мог быть хуже, чем у непрерывного потока слез, катящихся из глаз Лауры.

В коридоре он столкнулся с медсестрой, которая толкала перед собой стальную раздаточную тележку, миниатюрной жгучей брюнеткой с розовой кожей и синими глазами нордической блондинки. В накрахмаленной бело-персиковой униформе, она буквально вибрировала от распирающей ее энергии. Ее заразительная улыбка заставила бы улыбнуться и Ноя, но визит к Лауре на какое-то время парализовал мышцы его лица.

Звали ее Уэнди Куайл. В пансионе работала недавно. Он встречался с ней только раз, но чтобы запомнить имя и фамилию, бывшему копу больше и не требовалось.

— Плохо? — спросила она, бросив взгляд на комнату Лауры.

— Плохо,— кивнул он.

— Она целый день в мрачном настроении.

Определение «мрачное настроение» настолько не соответствовало глубинам ужаса, в которые погрузилась Лаура, что Ной мог бы выдавить из себя смешок, пусть улыбнуться ему по-прежнему не удавалось. Но даже такой безрадостный смешок наверняка бы огорчил маленькую медсестру, поэтому он сдержался и просто кивнул.

Уэнди вздохнула:

— Каждому из нас достается по-своему. Без трудностей не обойтись. Но некоторым их подают на маленьком блюдечке, тогда как другим приносят полные тарелки. А ваша бедная сестра, она получила целое блюдо.

Думая о блюдцах, тарелках и блюдах трудностей, Ной вновь с трудом подавил смешок, который встретил бы такое же неприятие медсестры, как и первый.

— Но на все трудности, которые подсовывает нам этот мир, есть один ответ.

Хотя Ной более не мог носить бляху копа, душой он оставался на службе.

— Какой ответ? — спросил он, вспомнив бандита из «Круга друзей» со змеей, вытатуированной на руке и надписью на футболке.

— Мороженое, разумеется! — И театральным жестом она сдернула крышку с прямоугольного контейнера с теплоизолированными стенками, который везла на тележке.

Внутри стояли вазочки ванильного сандея* с шоколадным кремом, кокосовым орехом, вишнями. Уэнди развозила своим подопечным вечернее угощение.

Уловив резкие нотки в голосе Ноя, она спросила:

— А какого вы ждали от меня ответа?

— Любовь. Я думал, вы скажете, любовь — вот ответ.

На ее губах заиграла ироничная улыбка.

— Судя по тем мужчинам, в которых я влюблялась, мороженое всякий раз брало верх над любовью.

Наконец он улыбнулся.

---

* Мягкий пломбир. Сверху обычно заливается шоколадом или сиропом.

— Лаура хочет сандей? — спросила она.

— Сейчас она не сможет есть сама. Разве что если я усажу ее в кресло и покормлю...

— Нет-нет, мистер Фаррел. Я раздам сандеи, а с последним зайду к ней. И покормлю ее, если смогу. Мне нравится ухаживать за ней. Ухаживать за всеми, кто здесь живет... это мое мороженое.

Дальше по коридору, ближе к выходу, находилась комната Ричарда Велнода.

Через открытую дверь Ной увидел Рикстера. Освободитель божьих коровок и мышей стоял посреди комнаты в ярко-желтой пижаме, ел сандей и смотрел в окно.

— Если съесть эту вкуснятину перед тем, как лечь в кровать,— сказал ему Ной,— обязательно приснится сладкий сон.

— Сандей — действительно вкуснятина,— согласился с ним Рикстер.— Ты уже уходишь?

— Да. Ухожу.

Коротким вопросом Рикстер как бы говорил: здорово это, иметь возможность уйти, когда захочешь, даже лучше, чем сандей перед тем, как лечь в постель.

Покинув Рай для одиноких и давно забытых с его тенистыми дорожками, Ной полной грудью вдохнул теплый ночной воздух. Шагая к автомобилю, еще одному древнему «шеви», он попытался успокоить нервы.

Подозрения, которые вызвали у него слова Уэнди Куайл, оказались безосновательными.

Лауре ничего не грозило.

В будущем, если «Круг друзей» конгрессмена Шармера не сможет отказать себе в удовольствии свести счеты, удар будет нанесен по Ною, а не по его сестре. Джонатан Шармер был бандитом, надевшим тогу сострадания и справедливости, одеяние, которому отдавали предпочтение политики, но одежда не меняла его бандитской сущности. И одно из правил, по которым жил преступный мир, не считая, конечно, уличных отморозков, состояло в том, что разборки не касались членов семей, не имевших отношения к бизнесу. Жен и детей не трогали. Как и сестер.

Двигатель старушки завелся с пол-оборота. Прежний автомобиль требовал больших усилий. Легко нажалась кнопка, от-

пускающая ручник, без проблем включилась первая передача. И дребезжание старенького корпуса не мешало бы разговору, если бы рядом с Ноем кто-нибудь сидел. Черт, да это не «шеви», а «мерседес-бенц».

Глава 24

Чистить зубы без зубной пасты — не лучший способ ухода за ними, но аромат «Пепсодента» не улучшал букет ночного коктейля.

Лишив зубы мятного угощения, Микки вернулась в свою крошечную спальню, где уже стояли пластиковый стаканчик и ведерко со льдом. А в нижнем ящике маленького комода она держала запасы дешевой лимонной водки.

Одна полная, а вторая початая бутылки лежали под желтым свитером.

Микки не прятала выпивку от Дженевы, тетушка знала, что она перед сном любит пропустить стаканчик-другой. Микки обычно это и делала, независимо от того, хотелось ей выпить или нет.

Микки держала водку под свитером, с тем чтобы та не попадалась ей на глаза, когда она лезла в ящик за чем-то еще. Вид бутылок, если они ей не требовались, ухудшал настроение, даже вызывал чувство стыда.

В этот вечер ощущение собственного бессилия напрочь заглушило стыд. Абсолютная беспомощность, так хорошо знакомая с детства, вызывала раздражение, перерастающее в слепящую злость, которая отрезала ее от других людей, жизни, надежды.

Чтобы избежать мучительных раздумий о том, что она ничем не может помочь Лайлани Клонк, Микки налила в стаканчик анестезирующее средство поверх нескольких кубиков льда. Пообещала себе вторую порцию лекарства, в надежде, что водка вгонит ее в сон, до того как беспомощность обратится в злость. Последняя приводила с собой бессонницу.

За неделю, прошедшую после переезда к Дженеве, она напилась только раз. Более того, два из семи дней не прикладывалась к алкоголю. И сегодня не собиралась напиваться, хотелось лишь перестать волноваться из-за маленьких девочек, той, что

жила по соседству, и себя, какой она была не в столь уж далеком прошлом.

Раздевшись до трусиков и топика, Микки с ногами уселась на кровати, подложив под спину подушку, и маленькими глотками пила холодную водку в теплой темноте.

За открытым окном застыла ночь.

С автострады доносился гул транспортного потока, не умолкающий круглые сутки. Менее романтичный звук, чем перестук колес поездов, который она слышала в другие ночи, в другом месте.

Тем не менее она без труда могла представить людей, использующих автостраду для того, чтобы перебраться из одного места, где их все устраивало, в другое, ничуть не худшее, путешествующих от счастья к счастью. Людей, жизнь которых имела смысл, цель, приносила удовлетворенность. Разумеется, речь шла не обо всех. Даже не о многих. Но были и такие.

В черные периоды своей жизни она не могла даже представить себе, что где-то могут быть действительно счастливые люди. Дженева полагала прогрессом появившуюся у нее пусть хрупкую, но надежду, что такие люди есть, и Микки очень хотелось, чтобы так оно и было, но она боялась, что и тут ее будет ждать разочарование. Вера, что миром все-таки правит добро, что существование человека имеет свое предназначение, требовала мужества, потому что подразумевала ответственность за собственные действия... и потому что всякая попытка позаботиться о ком-либо подставляла сердце еще под один удар.

В дверь легонько постучали.

— Входи,— откликнулась Микки.

Дженева оставила дверь открытой. Присела на край кровати, боком к племяннице.

Тусклая лампочка под потолком коридора едва разгоняла темноту комнаты. Тени наваливались на свет, вместо того чтобы разбегаться от него.

И хотя густой полумрак скрывал лица, Дженева не решалась взглянуть на Микки. Смотрела на стоящую на комоде бутылку.

Сам комод, как и остальная мебель, прятался во мраке, но бутылка каким-то образом притягивала свет, и водка блестела в ней, словно ртуть.

— И что нам теперь делать? — наконец спросила Дженева.

— Я не знаю.

— Я тоже. Но мы не можем бездействовать.

— Не можем. Мне надо подумать.

— Я пыталась,— призналась Дженева,— но голова у меня пошла кругом, и я даже испугалась, что от нее что-то отвалится. Девочка такая милая.

— Она и сильная. Она знает, что сможет выкрутиться.

— Ой, маленькая мышка, наверное, я не в своем уме, если позволила ребенку вернуться в тот дом.

Дженева не называла ее «маленькой мышкой» лет пятнадцать.

От этого ласкового прозвища у Микки перехватило горло, и глоток лимонной водки так и остался во рту, а когда водка полилась вниз, то вдруг стала густой, как сироп.

Она не знала, сможет ли говорить, но после паузы слова начали срываться с губ:

— Они бы пришли за ней, тетя Джен. И сегодня мы ничего не смогли бы сделать.

— Это правда, не так ли, все, что она здесь наговорила? Не то что моя встреча с Алеком Болдуином в Новом Орлеане?

— Правда.

Ночь отдавала тепло, накопленное за августовский день. Жара не отпускала, хотя солнце давно уже зашло.

Теперь паузу выдержала Дженева.

— Я говорю не только о Лайлани.

— Я знаю.

— О чем-то сегодня шла речь, что-то предполагалось.

— Лучше бы ты всего этого не слышала.

— Лучше бы я услышала об этом, когда могла тебе помочь.

— Это было так давно, тетя Джен.

Гул транспортного потока напоминал теперь приглушенное гудение насекомых, словно нутро земли превратилось в гигантский улей и растревоженный рой мог в любой момент вырваться на поверхность и наполнить воздух злым хлопанием бесчисленных крыльев.

— Я видела твою мать с множеством мужчин. Она никак не могла... угомониться. Я знала, что для девочки это не лучшее окружение.

— Забудь об этом, тетя Джен. Я забыла.

— Ты не забыла. На тебя это давит.

— Ладно, может, и не забыла,— сухой, горький смешок.— Но делала все, что могла, чтобы забыть.— Микки попыталась смыть водкой вкус этого признания, но безуспешно.

— Некоторые из дружков твоей матери...

Только тетя Джен, последняя из невинных, могла назвать дружками... этих хищников, париев, гордящихся тем, что отвергли все моральные ценности и обязательства, превратившихся в паразитов, для которых кровь других — сок жизни.

— Я знала, что они неверные, бездушные.

— Мама любила плохишей.

— Но я и представить себе не могла, что один из них... что ты...

Слыша свой голос, Микки безмерно удивлялась, что ведет такие разговоры. До появления Лайлани она и представить себе не могла, что поделится с кем-либо своим прошлым. Теперь же ее ничто не останавливало.

— Не один. Мамаша таких притягивала... не все, конечно, но куда больше, чем один... и они всегда чувствовали, что есть возможность поживиться.

Дженева наклонилась вперед, ее плечи поникли, словно сидела она на церковной скамье и не хватало только подставочки для колен.

— Они смотрели на меня и сразу все чувствовали. Их губы изгибались в особой улыбке, по которой я знала, что меня ждет. Я боялась, а мама ничего не желала знать. Эта улыбка... не гнусная, как ты могла бы ожидать, скорее с грустинкой, словно они понимали, что все будет легко, а им бы хотелось преодолеть хоть какие-то препятствия на пути к цели.

— Она не могла знать.— Фраза прозвучала скорее как вопрос, а не утверждение.

— Я говорила ей не один раз. Она наказывала меня за ложь. Но знала, что я говорю правду.

Дженева прикрыла лицо руками, словно тень не служила достаточным щитом, словно она нашептывала признание в личной исповедальне своих рук.

Микки поставила запотевший стаканчик с водкой на пробковую подставку, чтобы не оставлять пятен на тумбочке.

— Своих мужчин она ценила больше, чем меня. Рано или поздно она всегда от них уставала и всегда знала, что устанет, рано или поздно.

Но пока она не решала, что пора сменить кавалера, пока не выгоняла каждого из этих мерзавцев, она заботилась обо мне меньше, чем о сожителе, и меньше, чем о новом мерзавце, который сменял прежнего.

— И когда это прекратилось... если прекратилось? — вопрос Дженевы едва просочился сквозь загородку пальцев.

— Когда я перестала бояться. Когда я стала достаточно большой и злой, чтобы поставить точку.— Микки вытерла о простыню ладони, холодные и влажные от конденсата, образовавшегося на стаканчике.— Мне было почти двенадцать, когда это закончилось.

— Я не знала,— жалобно простонала Дженева.— Понятия не имела. Не подозревала.

— Я это знаю, тетя Джен. Знаю.

Голос Дженевы дрожал.

— Господи, какой же я была слепой, безмозглой дурой.

Микки перекинула ноги через край кровати, придвинулась к тетушке, обняла ее за плечи.

— Нет, дорогая. Не клевещи на себя. Ты была хорошей женщиной, слишком хорошей и слишком доброй, чтобы представить себе такую низость.

— Наивность не может служить оправданием.— Она опустила руки, переплела пальцы.— Может, я была глупой, потому что сама того хотела.

— Послушай, тетя Джен, в те годы я не сошла с ума только потому, что у меня была ты, такая, как ты есть.

— Не я, не слепая, как летучая мышь, Дженева.

— Благодаря тебе я знала, что на свете есть достойные люди, а не только отребье, с которым якшалась моя мать.— Микки всегда пыталась удержать слезы в глубинах сердца, и до встречи с Лайлани ей это удавалось, но теперь, похоже, в резервуаре образовалась щель, которая расширялась с каждой минутой. Глаза затуманились, голос задрожал.— Я могла надеяться... что когда-нибудь тоже стану достойным человеком. Как ты.

Дженева не отрывала глаз от переплетенных пальцев.

— Почему же ты не пришла ко мне, Микки?

— Страх. Стыд. Я чувствовала, что меня вываляли в грязи.

— И ты молчала все эти годы.

— Не из страха. Но... мне казалось, что я никак не отмоюсь от всей этой грязи.

— Сладенькая, ты ведь жертва, тебе нечего стыдиться.

— Но в грязи-то меня вываляли. И я думала... Боялась, если заговорю об этом, злость покинет меня. Злость помогала мне выжить, тетя Джен. Лишившись злости, с чем бы я осталась?

— С душевным покоем.— Дженева подняла голову и наконец-то встретилась с Микки взглядом.— С душевным покоем и, видит Бог, ты его заслуживаешь.

Микки на мгновение закрыла глаза. Искренняя любовь Дженевы вызвала в ней такую бурю эмоций, что она даже испугалась.

Дженева прижалась к Микки, обняла ее. Теплота голоса успокаивала даже больше, чем руки.

— Маленькая мышка, ты была такая умненькая, такая сладенькая, веселая, жизнерадостная. И все это по-прежнему в тебе. Никуда не делось. Все надежды, любовь, доброта, они в твоем сердце. Никто не может отнять то, что даровано Господом. Только ты сама можешь выбросить их, маленькая мышка. Только ты сама.

Позже, когда тетя Джен ушла в свою комнату, Микки вновь уселась, привалившись спиной к поставленным горкой у изголовья подушкам. Изменилось все... и ничего.

Августовская жара. Застывшая темнота. Далекий гул автострады. Лайлани под одной крышей с матерью, ее брат в одинокой лесной могиле в Монтане.

Если что изменилось, так это надежда: надежда на перемены, вчера казавшиеся невозможными, а сегодня перешедшие в категорию всего лишь невозможно трудных.

Никогда раньше она не решалась касаться того, о чем поговорила с Дженевой, и откровения облегчили ей душу. Шипы терновника, в которых билось ее сердце, причиняли меньше боли, они словно чуть раздвинулись, но еще оставались, эти шипы, ужасные воспоминания, не желающие кануть в Лету.

Допивая растаявший лед из пластикового стаканчика, она решила отказаться от второй порции водки, которую обещала

себе. Она не могла вот так легко отделаться от уничтожающей ее злости и стыда, но полагала, что бросить пить ей по силам и без программы «Двенадцать шагов».

В конце концов, алкоголичкой она не была. Не пила и не испытывала потребности пить каждый день. Стресс и презрение к себе — вот бармены, которые обслуживали ее, и в тот момент она чувствовала, что вполне может обойтись без них.

Надежда, однако, являлась необходимым, но недостаточным условием для того, чтобы наметившиеся перемены обрели реальные очертания. Надежда — это протянутая рука, но требовались две руки, чтобы вытащить тебя из глубокой ямы. Второй рукой была вера... вера, что надежда эта не тщетная. И пусть надежда крепла, о вере она такого сказать не могла.

Без работы. Без перспектив. Без денег на банковском счету. С «камаро» модели 81-го года, который внешне напоминал чистокровного скакуна, но на деле больше походил на выбившуюся из сил тягловую лошадь.

Лайлани в доме Синсемиллы. Лайлани, с каждой секундой приближающаяся к последнему в ее жизни дню рождения. И мальчик с вывернутыми суставами, брошенный в могилу, с застывшей на маленьком ротике последней мольбой о пощаде...

Микки не осознавала, что поднялась с кровати, чтобы налить вторую порцию водки, пока не оказалась рядом с комодом. Бросила в стаканчик кубики льда, свернула крышку с горлышка, замялась, но потом все-таки налила водку.

Чтобы помочь Лайлани, требовалось мужество, но Микки не обманывала себя мыслями о том, что это самое мужество можно найти в бутылке. Без ясного ума не представлялось возможным разработать план действий и следовать ему, а она прекрасно знала, что водка только туманит голову.

Но она сказала себе, что сейчас, как никогда раньше, ей требовалась злость, ибо именно злость закалила ее и позволила выжить. Спиртное служило горючим для злости, так что теперь она пила ради Лайлани.

Позже, наливая в стаканчик третью порцию, побольше двух первых, она вновь руководствовалась той же ложью. Это не водка для Микки. Это злость, благодаря которой Лайлани сможет обрести свободу.

По крайней мере, она знала, что оправдание — ложь. Полагала, что неспособность обмануть себя может стать для нее спасением. Или проклятием.

Жара. Темнота. Время от времени влажное дребезжание в ведерке тающих кубиков льда. И непрекращающийся гул автострады, урчание двигателей и шуршание шин по асфальту. Гул, который можно принять как за голос надежды, так и за ее предсмертный стон.

Глава 25

Иной раз Синсемилла воняла, словно прокисшая шинкованная капуста. Случалось, что благоухала, как роза. В понедельник она могла пахнуть апельсинами, во вторник — корешками сельдерея, в среду — цинком и порошковой медью, в четверг — фруктовым пирогом, этот запах Лайлани нравился больше всего.

Синсемилла с давних пор практиковала ароматерапию и верила, что лучший способ выведения токсинов из тела — горячая ванна с тщательно подобранным ароматическим комплексом. Она возила с собой такое количество самых разнообразных ароматических компонентов, предназначенных для добавления в воду, что любой горожанин средневековья сразу признал бы в ней алхимика или колдунью. Экстракты, эликсиры, настойки, масла, эссенции, квинтэссенции, композиции с цветочным запахом, соли, концентраты и дистилляты наполняли множество поблескивающих флакончиков и склянок, которые хранились в двух специальных ящиках, каждый из них размерами не уступал «самсониту»* на два костюма. Оба ящика стояли в попахивающей плесенью ванной.

Лайлани знала, что многие интеллигентные, психически здоровые, ответственные и, главное, хорошо пахнущие люди использовали ароматерапию для выведения токсинов. Однако она отказывалась от ароматических ванн по той самой причине, которая удерживала ее от участия в любых начинаниях матери, даже в тех, что казались забавными. Она опасалась, что первый шаг к удовольствиям Синсемиллы, к примеру ванна с

* Товарный знак материала, используемого для изготовления в том числе и чемоданов, и самих чемоданов, обшитых этим материалом.

растворенными в воде маслом кокоса и эссенцией масла какао, станет первым шагом по скользкому откосу, ведущему к наркотической зависимости и безумию. Кто бы ни был ее отцом, Клонк или не Клонк, насчет матери никаких сомнений не возникало, а потому ей следовало соблюдать предельную осмотрительность, чтобы гены не превратились в определяющий фактор ее судьбы.

Кроме того, Лайлани не хотела расставаться со своими токсинами. С ними ей было уютно. Ее токсины, собранные за девять лет жизни, стали ее неотъемлемой частью, возможно, более важной для личностной идентификации, чем полагала медицинская наука. Вдруг полное избавление от токсинов привело бы к тому, что однажды утром она проснулась бы не Лайлани, а Папой Римским или чистой и святой девушкой по имени Гортензия? Она ничего не имела против Папы или чистой и святой девушки по имени Гортензия, но куда больше ей хотелось оставаться Лайлани, с родинками, деформированными ногой и рукой, необычайно развитым мозгом... даже если ради этого приходилось мириться с токсинами.

Вместо ванны она приняла душ. Из мыла она остановилась на «Айвори», этого вполне хватило, чтобы смыть змеиный ихор с ее рук, с тела — пот, а с лица — остатки соленых слез, которые претили ей больше, чем змеиная слизь.

Мутанты не плачут. Особенно опасные мутанты. Не след ей выходить из образа.

Обычно она душу предпочитала ванну, правда, ароматизация не шла дальше «Айвори». Часто в ванне оказывался борец сумо и профессиональный киллер по имени Като, она мстила ему за все унижения, которым ее подвергали мать и доктор Дум. В эту ночь, несмотря на выходку Синсемиллы, у Лайлани не было желания мучить Като.

Душ представлял собой бóльшую опасность, чем ванна. Если она снимала с ноги ортопедический аппарат, скользкая поверхность и всего одна здоровая нога могли привести к падению.

Однако иной раз, как сейчас, она принимала душ, не снимая ортопедического аппарата. Потом вытирала его насухо полотенцем, а шарниры высушивала феном, но в принципе водные процедуры ее ортопедическому аппарату не вредили.

Она носила не стандартный коленный протез, сработанный из литого пластика, кожаных ремней и эластичных тяг. Лайлани нравилось думать, что ее ортопедический аппарат в чем-то сродни киллерам-киборгам. Сделанный из стали, жесткой черной резины и губчатых прокладок, он придавал ей шарм робота-охотника, сконструированного в лабораториях будущего и отправленного в прошлое, с тем чтобы выследить и уничтожить мать злейшего врага рода человеческого.

Высушив волосы и ортопедический аппарат, юная киллерша-киборг вытерла конденсат с зеркала и всмотрелась в свой торс. Никаких буферов. Она и не ожидала радикальных изменений, но надеялась увидеть хотя бы маленькие бугорки, парочку симметрично расположенных комариных укусов.

Месяц назад в каком-то журнале она прочитала статью о том, что частыми целенаправленными мыслями о большой груди действительно можно увеличить ее размеры. С тех пор засыпала, представляя себя с массивными буферами. Конечно же, автор статьи несла чушь, но Лайлани полагала, что лучше засыпать, думая о своей большой груди, чем размышлять о множестве проблем, мешающих ей жить.

Завернувшись в полотенце, она понесла грязную одежду в свою комнатку.

В царстве Клеопатры стояла тишина. Не сверкала фотовспышка.

Никто ничего не декламировал на псевдостароанглийском языке.

Лайлани надела летнюю пижаму из хлопчатобумажной ткани. Небесно-синие шорты и того же цвета футболка с короткими рукавами. С желто-красной надписью «РОЗУЭЛЛ, НЬЮ-МЕКСИКО» на спине и красной, буквами в два дюйма, «ДИТЯ ЗВЕЗД» на груди.

Она увидела эту пижаму во время недавнего тура по памятным местам штата Нью-Мексико, связанным с визитами инопланетян, и решила, что ее детский восторг поможет убедить доктора Дума, будто она по-прежнему верит в сказочку о Луки, увезенном на другую планету. *«Инопланетяне иногда похищают людей прямо из кровати, Престон. Ты рассказывал нам такие истории. Слушай, я думаю, если на мне будет такая пижама, они поймут, что я готова лететь с ними, жду не до-*

ждусь, когда же они придут за мной. Может, они увезут меня до моего дня рождения, а потом вернут на Землю вместе с Луки, со здоровыми рукой и ногой аккурат в канун праздничной вечеринки!»

По ней, эта тирада была такой же фальшивой, как деревянные зубы Джорджа Вашингтона, но доктор Дум принял все за чистую монету. Он ничего не знал о детях, не хотел знать, полагал, что ума у них не так уж много и, конечно же, им нравятся новые тряпки.

Он всегда покупал ей то, что она просила, пижама не стала исключением, возможно, потому, что эти подарки изгоняли печаль, которую он мог чувствовать, планируя ее убийство. Чтобы испытать щедрость доктора, она могла бы потребовать бриллианты, лампу от «Тиффани». А вот попроси она дробовик, он бы, наверное, встревожился.

Теперь же, смело назвав себя именем «Дитя звезд», тем самым как бы предлагая Ипам прилететь и забрать ее, Лайлани взяла из комода аптечку первой помощи и вернулась в комнату матери.

Аптечка была из дорогих, с пластиковым прозрачным верхом, как на коробке для блесен. Доктор Дум не имел медицинского образования, но достаточно долго колесил по дорогам, чтобы понимать, что первую помощь при мелких травмах и повреждениях зачастую приходится оказывать самостоятельно. А поскольку Лайлани знала, как часто с ее матерью что-то случается, она кое-что добавила к стандартному набору медикаментов. И всегда держала аптечку под рукой.

Красные блузы по-прежнему укрывали лампы. Но алый свет более не создавал ощущение борделя. С учетом последних событий, происходивших в этой комнате, она теперь напоминала покои какого-нибудь марсианского короля, загадочные, сюрреалистические.

Змея лежала на полу, словно кусок небрежно брошенного каната. За время отсутствия Лайлани она не ожила, осталась такой же мертвой.

Синсемилла привалилась спиной к поставленным на попа подушкам, неподвижная, как змея, с закрытыми глазами.

Прежде чем Лайлани смогла вернуться, ей потребовалось время, чтобы принять душ, переодеться, прийти в себя. Из

спальни матери выбегала не Лайлани Клонк, а испуганная, злая, униженная, запаниковавшая девочка. Она дала себе слово, что больше такой не будет. Нигде и никогда. И теперь в спальню входила настоящая Лайлани... отдохнувшая, уверенная в себе, готовая сделать то, что необходимо.

Синсемилла сладко похрапывала. Наркотики вогнали ее в глубокий сон, почти в кому. По прикидкам Лайлани, проспаться она могла только к следующему полудню.

Лайлани пощупала пульс матери. Устойчивый, но учащенный. Организм ускорял обмен веществ, чтобы побыстрее избавить тело от наркотиков.

Хотя змея не была ядовитой, укус выглядел скверно. Из двух миниатюрных проколов кровь уже не текла, но окружающие мягкие ткани приобрели синюшный оттенок.

Лайлани предпочла бы вызвать «скорую помощь», чтобы мать отвезли в больницу. Но Синсемилла, конечно, пришла бы в ярость, увидев, что попала в руки врачей с университетскими дипломами, которые пользуют ее методами западной медицины. И по прибытии домой устроила бы ей словесную порку, которая могла продолжаться часы, дни, недели, пока у Лайлани не возникло бы желание отрезать уши электрическим ножом, только для того, чтобы мать сменила тему.

Кроме того, если бы Синсемиллу увезли и она очнулась в больнице, скандал, который она там непременно бы закатила, мог привести к ее переводу в психиатрическую клинику.

И тогда Лайлани осталась бы наедине с доктором Думом.

Маленькие девочки его не интересовали. Насчет этого она сказала Микки правду.

Он убивал людей, и, пусть был хладнокровным убийцей, а не жаждущим крови маньяком, оставаться с ним наедине Лайлани хотелось не больше, чем с Чарльзом Мэнсоном* или визжащей дисковой пилой.

Впрочем, после того как врачи узнали бы, что Синсемилла — жена Престона Клодия Мэддока, шансы на ее перевод в психиатрическую клинику уменьшились бы до нуля. Скорее

---

* Мэнсон, Чарльз — гуру общины хиппи, убийца актрисы Шарон Тейт и шестерых ее друзей в Беверли-Хиллз в августе 1969 г. Вместе с тремя сообщниками был приговорен к смертной казни, которую потом заменили пожизненным заключением.

они отправили бы ее домой в лимузине, возможно, даже дали бы на дорожку героиновую конфетку.

В большинстве случаев подобная ситуация — накачанная наркотиками, ничего не соображающая мать, мертвая змея, психически травмированная юная девочка-мутант — побудила бы сотрудников службы социального обеспечения рассмотреть возможность временного помещения Лайлани в приют. Навеки разделенная с Луки, она бы пошла на такой риск, но, к сожалению, с ней этот номер не проходил, и в приют она не попала бы ни при каких обстоятельствах.

Потому что Престон Клавдий Мэддок не был ординарным смертным. Если бы кто-то попытался отнять у него приемную дочь, могучие силы встали бы на его защиту. Большинство окружных прокуроров и полицейских чинов от побережья до побережья, местные власти, скорее всего, отказались бы сразиться с ним. Престон Мэддок был неприкасаемым. Осудить его могли лишь при наличии видеофильма, запечатлевшего, как он вышибает кому-то мозги.

Лайлани не хотелось сердить его, вызывая «скорую помощь», чтобы промыть и перевязать змеиный укус.

Начни он думать, что от нее слишком много хлопот, дело закончилось бы уютной постелью в земле, вроде той, какую он приготовил Лукипеле. И отправил бы он ее туда сразу, не дожидаясь, когда появятся инопланетяне или приблизится день рождения. А потом, к радости Синсемиллы, сочинил бы трогательную историю о мерцающих огнях космического корабля, инопланетных дипломатах в строгих костюмах и поднимающуюся на светло-зеленом луче Лайлани с американским флажком в одной руке и бенгальским огнем, какие зажигают, празднуя Четвертое июля, в другой.

Поэтому имеющимся в аптечке спиртом она смыла запекшуюся на укусах кровь. Продезинфицировала ранки перекисью водорода, которая вспучилась кровавыми пузырями. Затем с помощью маленького шприца-аппликатора засыпала их порошком сульфацетамида.

Несколько раз Синсемилла вскрикивала, стонала, но не просыпалась и не пыталась отдернуть руку.

Если зубы задели кость, обработка раны антисептиками, конечно, не остановила бы заражения. Вот тогда Синсемилле, возможно, пришлось бы изменить мнение о врачах с университетскими дипломами.

А пока Лайлани делала все, что могла, с учетом своих навыков и имеющихся в ее распоряжении медикаментозных средств. Сульфацетамид, насыпанный в ранки, она замазала неоспорином и решила забинтовать руку, чтобы в ранки не попала грязь.

Проделывала все медленно, методично, получая удовольствие. Несмотря на марсианский свет и мертвую змею, наслаждалась столь редким в ее жизни периодом покоя.

С растрепанными волосами, в грязной, мятой комбинации, Синсемилла все равно оставалась прекрасной. Когда-то она действительно могла быть принцессой, в предыдущей инкарнации, в другой жизни, где не было места наркотикам.

Так хорошо. Так покойно. Положить на ранки марлевую салфетку. Закрепить бинтом, несколько раз обмотав его вокруг раненой руки. Две полоски пластыря, чтобы не размотался бинт. Отлично. Нежность и забота, свойственная нормальным отношениям матери и дочери. И не имело значения, что их роли поменялись, что дочь заботилась о матери, а не наоборот. Главное — нормальность отношений. Умиротворенность. Вот так бы и всегда... но Лайлани не питала иллюзий.

Глава 26

На вершине склона собака и мальчик — одна, шумно дыша, другой, жадно хватая ртом воздух,— останавливаются и поворачиваются, чтобы посмотреть на автостраду, которая находится в трети мили к югу.

Если бы Кертис только что съел тарелку грязи на обед, язык у него не был бы более шершавым, чем сейчас, да и пыль на зубах скрипела бы точно так же. Не хватало слюны, чтобы избавиться от неприятного солоноватого привкуса во рту. Какое-то время он жил на границе пустыни, более страшной, чем эта, и знает, сколь изнурительно бегать в таких условиях, при двадцатипроцентной влажности воздуха, даже после захода солнца. Они и пробежали совсем ничего, а он уже еле держится на ногах.

Внизу, на дне черной долины, змея из остановившихся автомобилей вытянулась на полмили и продолжает удлиняться, по-

блескивая ярким светом фар и рубинами задних фонарей. С высоты он видит и блокпост на юго-западе. Патрульные автомобили перегородили две крайние полосы движения, оставив свободной лишь среднюю. Через это узкое ушко и должны просочиться автомобили со всех трех полос.

К северу от автострады, около блокпоста, в открытом поле стоит большой, бронированный и, возможно, оснащенный вооружением вертолет. Лопасти не вращаются, но двигатели, должно быть, работают, потому что в кабине пилотов и салоне горит свет. Большой люк в фюзеляже открыт, и подсветки хватает, чтобы различить людей, стоящих рядом с вертолетом. Правда, с такого расстояния невозможно разобрать, полицейские это или суотовцы.

Рычанием Желтый Бок отвлекает внимание Кертиса от происходящего на западе, с тем чтобы он увидел, что творится на востоке.

Два больших внедорожника, модифицированные для полицейский нужд, съезжают с автострады. На крыше перемигиваются красные и синие «маячки», но сирены молчат. Они спускаются по пологому откосу и движутся на запад по пустыне, объезжая остановившиеся автомобили.

Кертис предполагает, что они проследуют мимо него, к блокпосту. Вместо этого они останавливаются около группы людей, которые, похоже, ждут их на откосе, примерно в том месте, где он и собака покинули автостраду.

Маленькие фигурки он заметил только сейчас. Восемь или десять водителей спустились по насыпи. У троих фонари, которыми они машут, привлекая внимание сидящих во внедорожниках.

Чуть повыше этой группы, на обочине, западнее «Уиндчейзера», принадлежащего маньякам, коллекционирующим зубы своих жертв, собралась толпа побольше, человек тридцать или сорок. Все наблюдают за происходящим внизу.

Возможно, другие водители, основываясь на словах Кертиса, брошенных человеку с посеревшим лицом, обыскали «Уиндчейзер». Обнаружили жуткие сувениры, о которых говорил Кертис, и задержали престарелых киллеров, с тем чтобы передать их в руки правосудия.

А может быть, и нет.

С блокпоста, через водителей, могло распространиться сообщение о том, что полиция ищет мальчика с собакой. А какой-нибудь водитель, скажем веснушчатый парень с копной рыжих волос и в одной сандалии или пенсионеры-убийцы из «Уиндчейзера», воспользовался сотовым телефоном или встроенным в автомобиль компьютером и поставил в известность компетентные органы, что указанная парочка несколько минут назад устроила представление на автостраде, после чего скрылась в пустыне, взяв курс на север.

На склоне все три фонаря указывают на север. На Кертиса.

Фонари не могут его осветить, расстояние слишком велико. Луны нет, и пусть он стоит на гребне, небо слишком темное, чтобы силуэт мальчика выделялся на его фоне.

Тем не менее он пригибается, когда водители нацеливают на него фонари, чтобы сравняться ростом с островками полыни, которой вокруг хватает. Он кладет руку на шею собаки. Оба ждут.

Масштаб событий и скорость, с которой они развиваются, не позволяют силе воли оказывать на происходящее хоть какое-то влияние. Однако Кертису очень уж хочется, чтобы агенты правоохранительных ведомств, приехавшие на внедорожниках, прекратили общение с водителями и проследовали на запад, вдоль насыпи, к блокпосту, до самого вертолета. Эта картина, как живая, возникает перед его мысленным взором, он этого хочет, хочет, хочет.

Будь желания рыбами, не потребовались бы ни крючки, ни леска, ни удилище, ни терпение. Но желания — всего лишь желания, плавающие только в водах разума, и вот один из внедорожников, взревев мотором, поворачивает на север, проезжает футов двадцать в глубь пустыни и останавливается, передним бампером к Кертису.

Его фары мощностью значительно превосходят ручные фонари водителей. Они освещают половину расстояния, разделяющего внедорожник и Кертиса, в том числе и часть холма, на который взобрались мальчик и Желтый Бок, но только половину.

Внезапно на крыше внедорожника вспыхивает прожектор, такой мощный, такой сфокусированный, что его луч напоминает лезвие ножа. Установленный на вращающемся основании, луч-нож движется, но выхватывает из темноты лишь островки полыни, скрюченные кусты да иссушенную солнцем траву.

От скал словно летят искры, когда яркий свет отражается от вкраплений слюды.

Второй внедорожник проезжает сотню ярдов к западу и тоже поворачивает на север. И на его крыше, меж перемигивающихся синих и красных «маячков», вспыхивает прожектор.

Параллельно друг другу оба внедорожника движутся на север, к Кертису.

Движутся медленно, заливая пустыню светом, в надежде обнаружить примятую траву или след в том месте, где каменистая почва сменяется мягким песком.

Скорее раньше, чем позже, они наверняка найдут то, что ищут, и тогда резко увеличат скорость.

Агенты на внедорожниках принадлежат к одному или другому правоохранительному ведомству и наверняка те, за кого себя выдают. Но всегда имеется возможность того, что они — из легиона безжалостных киллеров, которые вырезали семью Кертиса в Колорадо и теперь преследуют его самого.

Прежде чем и без того тяжелая ситуация изменится в худшую сторону, мальчик и собака поворачиваются и преодолевают гребень. Впереди земля понижается, сокрытая кромешной тьмой.

Уступив лидерство Желтому Боку, мальчик следует за собакой, но не так быстро, как ей хотелось бы. Он поскальзывается на гладком сланце и чуть не падает, полынь цепляет его за ноги, он натыкается на низкий кактус и непроизвольно вскрикивает от боли, когда иголки, пронзив правую штанину и джинсы, добираются до лодыжки. И все потому, что он не бежит по следу собаки, иногда отклоняется то вправо, то влево.

Доверие. Между ними установилась внутренняя связь. Он не сомневается, что она крепнет с каждым днем, даже с каждым часом. Но пока до полного слияния еще далеко, они еще не стали единым целым. И до завершения процесса Кертис не решается полностью положиться на свою спутницу.

Однако он осознает, что симбиоз может и не получиться, если он откажет Желтому Боку в безоговорочном доверии. Тогда они будут просто мальчиком и его собакой, собакой и ее мальчиком, это все здорово, прекрасно, замечательно, но ступенью ниже того, чего они могут достичь, породнившись душами.

Выжженная солнцем, превратившаяся в камень земля и поля песчаника внезапно сменяются мягким песком: у них на пути русло пересохшей речки. Более уверенно стоящая на лапах собака мгновенно адаптируется к резкой перемене. Кертис еще не полностью улавливает идущие от нее сигналы, поэтому появление песка под ногами становится для него полной неожиданностью. Перестроиться он не успевает. На первом же шаге ноги утопают по щиколотку, инерция бросает его вперед, он теряет равновесие и падает, ткнувшись лицом в песок, к счастью, успевает закрыть глаза и рот.

Оставив в песке отпечаток своей физиономии, Кертис поднимается на колени, выдувает песок из носа, протирает губы от силиконового налета, смахивает песчинки с ресниц. Если душа матери рядом, она наверняка смеется, тревожится, сердится.

Желтый Бок возвращается к нему, Кертис думает, что она предлагает обычное собачье сочувствие, может, даже чуть смеется над ним, но потом понимает, что ее внимание занято другим.

В безлунной ночи практически ничего не видно, но собака находится достаточно близко, чтобы Кертис понял, что ее интересует гребень холма, через который они совсем недавно перевалили. Вытянув шею, она ловит запахи, недоступные Кертису. Сжимает челюсти, чтобы громко не дышать, уши встают торчком, улавливают беспокоящий ее звук.

Воздух пульсирует всполохами: внедорожники медленно поднимаются по склону, и движущиеся лучи прожекторов отражаются от светлого песчаника, от участков сланца.

Хотя Кертис не может навострить уши, Кертису Хэммонду, в отличие от Желтого Бока, подобное недоступно, он следует примеру собаки, задерживает дыхание и прислушивается. Поначалу слышит только урчание двигателей внедорожников... Потом издалека доносится новый звук, слабый, но безошибочный: лопасти вертолета режут воздух пустыни.

Вертолет, возможно, еще не взлетел, но роторы набирают обороты, дожидаясь, пока люди поднимутся на борт.

Поднялся вертолет в воздух или нет, но он обязательно прилетит. И скоро. А если сам вертолет не оборудован современным электронным оборудованием для поиска, то у суотовцев или копов оно наверняка есть. Темнота им не помеха. У них

специальные приборы, с помощью которых ночью они видят так же хорошо, как днем.

Доверие. Кертису не остается ничего другого, как полностью довериться собаке. Если им суждено остаться на свободе, то на свободе они останутся вместе. Если суждено выжить или умереть, то они выживут или умрут как единое целое. Его судьба стала ее судьбой, ее — неразрывно переплелась с его. Если она ведет его подальше от опасности или к крутому обрыву, будь что будет. Даже падая в пропасть, он будет любить ее, свою будущую сестру.

Конечно, не помешала бы малая толика лунного света. Но поднявшиеся из-за далеких гор мощные облака заполонили западный сектор неба и продолжают двигаться, стремясь подчинить себе весь небосвод, накрыть землю черным колпаком. Восточный сектор еще поблескивает звездами, но пустыня все глубже погружается в темноту, более черную, чем ночь.

В голове слышится голос матери: *«Если решение надо принимать быстро, если счет идет на доли секунды, колебаться недопустимо. Выплюнь колебания, выдохни их, вырви из сердца и из разума, выброс, избавься от них. Мы рождены в этой Вселенной не для того, чтобы колебаться. Мы рождены, чтобы надеяться, любить, учиться, познать радость, обрести веру в то, что наша жизнь исполнена смысла... и найти Путь».*

Отбросив колебания, ухватившись за надежду, Кертис слатывает остатки слюны и готовится к новому броску к свободе.

«Беги, собачка»,— говорит он или только думает.

Она бежит.

Без тени сомнений, полный решимости оправдать надежды матери, быть мужественным и бесстрашным, мальчик устремляется за собакой. Будучи Кертисом Хэммондом, он не в силах развить скорость, на которую способен Желтый Бок, но собака бежит медленнее, чем может, чтобы он не отставал, и ведет его на север, в глубь пустыни.

Он мчится сквозь тьму, вслепую, не без страха, но без малейших колебаний, по песчанику, по песку, по сланцу, между островками полыни и торчащими из земли скалами, зигзагами, уверенно выкидывая вперед ноги, твердо зная, что они коснутся земли, где надо, руки его работают, как тяги, соединяющие

ведущие колеса паровоза. Часто он видит перед собой собаку, иной раз скорее чувствует, чем видит, случается, что не видит совсем, но она всегда появляется вновь, с каждой минутой, проведенной вместе, их связь становится все мощнее, душа пришивается к душе крепкой нитью безграничного доверия Кертиса.

В этом необычном забеге сквозь слепящую темноту расстояние и время перестают для него существовать, поэтому он не знает, как далеко позади осталась автострада, но внезапно в окружающей их ночи происходят разительные перемены: только что ее наполняло лишь ощущение опасности, но теперь оно сменилось предчувствием нависшей над ними смертельной угрозы. Сердце Кертиса, бешено стучащее от физической нагрузки, теперь колотится и от страха. В ночь пришла сила, более зловещая, чем полицейские внедорожники и вертолет с суотовцами. Собака и мальчик вместе осознают, что их уже не просто ищут, на них снова охотятся, хищники взяли их след, добавив в августовский воздух звуков и запахов, от которых шерсть на загривке Желтого Бока встает дыбом, а по спине Кертиса пробегает холодок. Смерть идет по пустыне, подминая песок и полынь, невидимая в кромешной тьме.

Черпая силы из резервов, о существовании которых он даже не догадывался, мальчик бежит быстрее. Собака тоже. В полной гармонии друг с другом.

Глава 27

Змея убита, мать перевязана, молитвы прочитаны, Лайлани улеглась в кровать в благословенной темноте.

С трех или четырех лет она отказалась от ночника. Совсем маленькой девочкой думала, что матовый Дональд Дак или сверкающая пластмассовая Птичка Чирикалка отгоняют голодных демонов и избавляют ее от встречи с малоприятными в общении сверхъестественными существами, но вскоре поняла, что ночники скорее приваживают демонов, чем наоборот.

Синсемилла иногда забредала в детскую в разгар ночи, потому что ей не хватало наркотиков или потому, что она перебрала наркотиков, а может, потому, что сама превратилась в демона. И хотя желание детей поспать ровным счетом ничего для нее не значило, она тем не менее реже будила их, если дет-

ская пряталась в темноте, а не освещалась каким-нибудь персонажем из мультфильма.

Скуби Ду, Базз Лайтиер, Король Лев, Микки Маус... все они притягивали Синсемиллу своим светом. Она часто будила Луки и Лайлани, чтобы рассказать им историю на ночь, и рассказывала эти истории не только своим детям, но и Скуби или Баззу, словно имела дело не с ночниками, изготовленными на Тайване, а с домашними божками, которые внимательно слушали ее и чьи сердца таяли от ее слез.

А слезами заканчивалась практически каждая из историй Синсемиллы. Когда она рассказывала сказки, классические мотивы, на которых они базировались, удавалось узнать, но Синсемилла все так запутывала, что общий смысл, конечно же, терялся. Белоснежка, уже без гномов, попадала в карету из тыквы, запряженную драконами. Бедная Золушка танцевала до упаду в красных сапогах, выпекая пирог с черными дроздами для Румпельштильцхена. Трагедии и беды становились уроками ее историй. Сказки матушки Гусыни и братьев Гримм в изложении Синсемиллы вызывали жгучую тревогу, но иногда она подменяла их случаями из собственной жизни, имевшими место быть до рождения Лукипелы и Лайлани, еще более страшными, чем кем-либо сочиненные сказки о великанах-людоедах, троллях и гоблинах.

Поэтому прощай, Скуби, прощай, Базз, прощай, Дональд в матросском костюмчике... и здравствуй, Темнота, давняя подружка. Единственным пятном света оставался янтарный нимб над пригородом, который был виден из окна, но он не нарушал темноты спальни.

Не проникало в спальню и ни малейшего дуновения ветерка: жаркий ночной воздух словно застыл. Ни единого звука не нарушало тишины трейлерного парка, за исключением устойчивого гула автострады, но Лайлани вполне хватило двух дней, чтобы так привыкнуть к этому постоянному белому шуму, что он уже превратился в компонент тишины.

Хотя время и перевалило за полночь, далекий монотонный гул легковушек и грузовиков никак не мог убаюкать Лайлани. Лежа с открытыми глазами, глядя в потолок, она услышала, как перед передвижным домом остановился «додж-дуранго».

При работе двигатель этого внедорожника издавал характерный шум, который она не спутала бы ни с каким другим. На

этом «дуранго» в прошлом ноябре Луки увезли в монтанский лес, и с тех пор она больше не видела брата..

Доктор Дум не захлопнул водительскую дверцу, но так осторожно закрыл ее, что Лайлани едва уловила этот звук, хотя окна ее спальни выходили на улицу. Где бы они ни останавливались в своих поездках, доктор Дум всегда старался ничем не беспокоить соседей.

Удостаивались его доброты и животные. Увидев бродячего пса, Престон всегда подманивал его к себе, проверял ошейник и, если на нем имелась табличка с адресом, обязательно отвозил собаку владельцу, сколько бы времени это ни заняло. Две недели назад, на автостраде в Нью-Мексико, он заметил лежащую на обочине кошку. Автомобильным колесом ей переломило обе задние ноги, но она еще жила. Для таких случаев доктор Дум возил с собой ветеринарную аптечку. Он осторожно ввел животному смертельную дозу транквилизатора. И, присев на корточки, наблюдал, как кошка сначала погружается в сон, а потом умирает, и плакал.

В ресторанах он всегда оставлял большие чаевые, всегда останавливался, чтобы помочь водителю, у которого что-то сломалось, ни на кого не повышал голос. Безусловно, помог бы старушке перейти улицу, если, конечно, не решил бы, что ее лучше убить.

Лайлани повернулась на правый бок, спиной к двери. Натянула простыню до подбородка.

Ортопедический аппарат она сняла, но, как обычно, положила в кровать, рядом с собой. Протянула руку, чтобы коснуться его под простыней. Металл, несмотря на жаркую ночь, оставался холодным.

За несколько прошедших лет не раз и не два случалось, что она, оставив ортопедический аппарат у кровати, утром обнаруживала, что ночью он исчез. Точнее, его спрятали.

Трудно представить себе менее занимательную игру, чем поиски ортопедического аппарата, но Синсемилла придерживалась прямо противоположного мнения да еще полагала, что эта забава учит Лайлани полагаться только на себя, развивает сообразительность и напоминает дочери, что «жизнь чаще швыряет в человека камнями, а не хлебом с маслом». Смысл последней фразы Синсемилла не растолковывала.

Лайлани никогда не упрекала Синсемиллу ни за эту жестокость, ни за какую-либо другую, потому что последняя терпеть не могла неблагодарных детей. Если уж Лайлани заставляли принять участие в этой ненавистной игре, она искала ортопедический аппарат с каменным лицом и молча, поскольку знала, что грубое слово или отказ от игры чреваты все той же словесной поркой, пронзительным голосом, с обвинениями во всех смертных грехах. А потом ей все равно пришлось бы искать ортопедический аппарат.

Новые звуки донеслись через открытое окно: звяканье ключей. Престон подошел к двери. Щелкнул замок. Чуть заскрипели петли открываемой и закрываемой двери.

Может, он пойдет на кухню, чтобы выпить стакан воды или перекусить.

Или, притянутый красным светом, льющимся в коридор, сразу направится в большую спальню.

И к какому придет выводу, увидев мертвую змею, вытащенную из шкафа перекладину и перевязанную руку Синсемиллы?

Скорее всего, не будет заходить в комнату Лайлани. Уважая право девочки на уединение и потребность в отдыхе.

Обычно Престон относился к ней с той же добротой, что и к соседям, официанткам и животным. Но она прекрасно знала, что перед следующим днем рождения, в феврале будущего года, он убьет ее с сожалением и грустью, которые выказывал, усыпляя покалеченную кошку. Возможно, даже всплакнет над ее могилой.

По ковру он ступал бесшумно, и она не знала, где он находится, пока не открылась дверь в ее спальню. Престона не прельстила ни вода, ни закуска. Не привлек и красный свет большой спальни. Он прямиком направился в комнату Лайлани.

Лежала она спиной к двери, поэтому глаза не закрывала. В коридоре Престон зажег свет, и на стену напротив двери лег светлый прямоугольник. С силуэтом Престона Мэддока.

— Лайлани,— прошептал он.— Ты спишь?

Она не шевелилась, словно усыпленная кошка, и молчала.

Престон переступил порог, а чтобы свет в коридоре, не дай бог, не разбудил девочку, закрыл за собой дверь.

Помимо кровати обстановка комнаты состояла из тумбочки, шкафа и плетеного кресла.

Лайлани поняла, что Престон пододвинул кресло к самой кровати, когда услышала, как он сел в него. Под его весом оно жалобно заскрипело.

Какое-то время Престон молчал. И плетеное кресло, которое поскрипывало при малейшем его движении, не издавало ни звука. Он превратился в изваяние. На минуту, две, три.

Должно быть, медитировал, поскольку Лайлани не могла рассчитывать на то, что его обратил в камень один из богов, в которых он не верил.

И пусть Лайлани ничего не видела в темноте, а Престон сидел у нее за спиной, глаз она не закрывала.

Надеялась, что он не слышит гулких ударов ее сердца, которое, казалось, бегало вверх-вниз по лестнице ребер.

— Сегодня мы отлично поработали,— наконец нарушил он тишину.

Голос Престона Мэддока, сработанный из дыма и стали, мог греметь как набат и снижаться до шепота, не теряя способности убеждать собеседника в том, что устами Престона глаголет истина. Словно у лучших актеров, его шепот слышался в дальних концах зала. Голос был густой, как горячая карамель, но далеко не такой сладкий. Лайлани сравнивала его с зеленым яблоком, залитым карамельным сиропом, какие иногда продаются на карнавалах. На лекциях этот голос зачаровывал студентов, и хотя его никогда не тянуло на молоденьких девушек, этот обволакивающий голос мог бы стать основным инструментом Престона-соблазнителя.

Продолжил он на пониженных тонах, но не шепотом:

— Ее звали Тетси, неудачная производная от Элизабет. У ее родителей были добрые намерения. Но я и представить себе не могу, о чем они думали. А может, они просто не думали. Как мне показалось, в них чувствовалась скованность. Тетси — не уменьшительное, а официальное имя. Тетси... похоже на кличку маленькой собачки или кошки. Должно быть, ее безжалостно дразнили в школе. А может, имя ей бы пошло, будь она веселой, шустрой, красивой. Но, разумеется, природа не дала бедняжке ни первого, ни второго, ни третьего.

Внутри у Лайлани все похолодело. Она молила Бога, чтобы по телу не побежала дрожь: по колыханиям простыни Престон понял бы, что она не спит.

— Тетси исполнилось двадцать четыре, и на ее долю выпало несколько хороших лет. В мире много людей, которые лишены этого.

«Голод, болезни»,— подумала Лайлани.

— Голод, болезни, отчаянная бедность...

«Войны и угнетение»,— подумала Лайлани.

— ...войны и угнетение. Этот мир — единственный ад, о котором столько говорят, единственный ад, в который мы можем попасть.

Лайлани предпочла бы сказки Синсемиллы знакомой до последнего слова лекции Престона, пусть в этих сказках если Красавица и Чудовище спешили на помощь Златовласке, то Красавицу рвали в клочья медведи, а Чудовище, возбужденное жестокостью медведей, вспарывало живот Златовласке и лакомилось ее почками, после чего медведи и обезумевшее Чудовище присоединялись к большому плохому волку, и вместе они набрасывались на домик, в котором прятались три маленьких несчастных поросенка.

Вкрадчивый голос Престона лился из темноты, окутывая ее, как шелковый шарф.

— *Лайлани? Ты спишь?*

Холод все сильнее сковывал ее внутренности, пробирая до костей.

Она закрыла глаза, изо всех сил стараясь не шевельнуться. Ей показалось, что он двинулся на плетеном кресле. Ее глаза тут же открылись.

Но нет, кресло не скрипнуло.

— *Лайлани?*

Под простыней ее рука лежала на снятом ортопедическом аппарате. Раньше сталь казалась прохладной. Теперь стала ледяной.

— *Ты спишь?*

Ее пальцы стиснули ортопедический аппарат.

Он по-прежнему говорил тихо:

— Тетси досталось больше, чем несколько хороших лет, так что желание бедняжки получить что-то еще следует расценивать как жадность.

Когда Престон поднялся с плетеного кресла, оно недовольно заскрипело, как бы говоря, что не предназначено для таких крупных мужчин.

— Тетси собирала маленькие статуэтки. Только пингвинов. Керамических, стеклянных, вырезанных из дерева, отлитых из металла, любых.

Он приблизился к кровати. Лайлани чувствовала, что он наклонился над ней.

— Я принес тебе одного из ее пингвинов.

Если бы она отбросила простыню, перекатилась с правого бока и поднялась в едином плавном движении, то смогла бы ударить ортопедическим аппаратом по тому месту в темноте, где, по ее разумению, находилось его лицо.

Но ударить она собиралась только в одном случае: если бы он к ней прикоснулся.

Престон застыл над ней. Молчал. Должно быть, пристально вглядывался в нее, но в темноте мог разглядеть разве что очертания простыни, укрывающей ее тело.

Он всегда избегал прикосновений к Лайлани, словно ее дефекты развития были заразными. Она полагала, что контакт с ней как минимум неприятен ему, вызывал отвращение, которое он пытался скрыть. И если инопланетяне не прилетят, когда подойдет срок печь пирог со свечами и покупать шляпы для вечеринки, он, конечно же, наденет перчатки, прежде чем прикоснуться к ней для того, чтобы убить.

— Я принес тебе этого маленького пингвина прежде всего потому, что он напомнил мне о Луки. Он очень милый. Я оставлю его на прикроватной тумбочке.

Едва слышный звук. Пингвин занял место на тумбочке.

Она не хотела его подарка, украденного у мертвой женщины.

В передвижном доме, казалось, перестали действовать законы земного притяжения, потому что Престон вроде бы уже не стоял у кровати, а поднялся над полом, словно летучая мышь, приспособившаяся к новым законам, широко раскрыв крылья и молчаливо наблюдая за ней.

Может, он уже в перчатках.

Она еще крепче сжала стальную дубинку.

Прошла целая вечность, прежде чем с его губ сорвалась новая фраза. Произнес он ее еще тише, подчеркивая важность информации, которую он доводил до сведения Лайлани:

— *Мы разорвали ей сердце.*

Лайлани знала, что говорит он о незнакомке по имени Тетси, которая любила и была любимой, смеялась и плакала, коллекционировала маленькие скульптурки пингвинов, доставлявшие ей радость, и не собиралась умирать в двадцать четыре года.

— Мы проделали это без лишних свидетелей, присутствовали только ближайшие родственники. Никто не узнает. Мы разорвали ей сердце, но я уверен, что боли она не чувствовала.

Как, должно быть, приятно жить с непоколебимой уверенностью в собственной правоте, не испытывать сомнений в честности своих намерений, знать, что логика твоя безупречна, а потому последствия твоих деяний, какими бы они ни были, не подлежат осуждению.

«Господи, возьми ее к себе,— думала Лайлани о мертвой женщине. Недавно она была совершеннейшей незнакомкой, но теперь их связала воедино бессердечная жалость Престона Мэддока.— *Возьми ее к себе, там она будет как дома».*

С уверенностью, не покидающей его даже в темноте, Престон вернул плетеное кресло на то самое место, откуда взял, решительным шагом направился к двери.

Если бы раньше змея заговорила с Лайлани, то ли с кровати матери, то ли из своего убежища под комодом, у нее наверняка был бы такой голос, не злобное шипение, а медовое воркование.

— Я бы никогда не причинил ей боли, Лайлани. Я — враг боли. Цель моей жизни — облегчать боль.

Когда Престон открыл дверь, прямоугольник света, так же как раньше, вновь лег на стену. Силуэт Престона задержался на пороге, должно быть, он вновь посмотрел на нее. А потом его тень словно переместилась в другую реальность, и прямоугольник света растворился в темноте спальни.

Лайлани очень хотелось, чтобы так произошло и на самом деле, чтобы Престон покинул этот мир и навсегда остался в другом, который подходил ему куда больше, возможно, в мир, где все рождались мертвыми, а потому никогда не чувствовали боли. Но, к сожалению, их разделили лишь одна или две стены, он по-прежнему дышал одним с ней воздухом, смотрел на те же звезды. Своей загадочностью они вызывали у нее восторг и изумление, он же воспринимал их как далекие огненные шары и источник катаклизма.

Глава 28

Кертис слышит, или ощущает, или чувствует, как тарантулы выскакивают из песчаных туннелей, разбегаясь из-под его ног, слышит, или ощущает, или чувствует, как гремучие змеи уползают с его пути или сворачиваются в кольца и гремят погремушками, чтобы, наоборот, он выбрал себе другой путь, как перепуганные грызуны убегают и от него, и от змей, как луговые собачки залезают в свои норы, как потревоженные птицы взлетают над своими гнездами, свитыми среди колючек кактусов, как ящерицы скользят по песку и камню, которые все еще излучают тепло, накопленное за жаркий солнечный день, как ястребы кружат в вышине, а койоты, по одному и стаями, бегут справа и слева от него. Возможно, все это — плоды его воображения, а не картинки реальной жизни, полученные по телепатическому каналу от собаки, но окружающая его ночь, несомненно, кипит жизнью.

Желтый Бок ведет его (Лесси никогда не вела так Тимми) вверх и вниз по склонам, в овраги и из них, быстрее и быстрее. Заросли кактусов топорщатся иглами. Маленькие камушки и гравий, в свое время поднятые на склоны мощными движущимися ледниками, теперь выскальзывают из-под ног, затрудняя путь к более твердым участкам, на которых он чувствует себя куда увереннее.

Они увеличивают расстояние, отделяющее их от внедорожников, которые движутся не прямо, а зигзагом, пытаясь взять их след. Теперь между ними уже не один холм. Лишь однажды они увидели луч прожектора, прочертивший широкую дугу по лежащему ниже склону, но они в это время уже преодолевали последние метры подъема на следующем холме.

Вертолет поначалу держался позади внедорожников, потом поравнялся с ними и теперь совершает челночные полеты с запада на восток, с востока на запад, при этом продвигаясь на север. На вертолете наверняка установлен мощный прожектор, в сравнении с которым прожектора внедорожников — тоненькие свечки. Однако экипаж его не включает, из чего Кертис делает вывод, что на борту есть специальное электронное оборудование для выслеживания беглецов в ночных условиях.

Это плохо.

Сейчас, правда, от инфракрасных детекторов пользы мало, потому что за день земля сильно прогрелась, и тепло, идущее от живых существ, вычленить из общего фона практически невозможно. Однако, если у них мощные современные компьютеры, хорошее программное обеспечение может убрать фон и таким образом показать койотов, собак и бегущих мальчиков.

Еще беда: если у них есть оборудование для выслеживания движущейся цели на открытой местности, условия для его применения идеальны, потому что ночь выдалась на удивление тихая, нет ни малейшего ветерка, воздух словно застыл. Далее: олени перемещаются стадами, койоты охотятся стаями и редко поодиночке, тогда как мальчик и его собака составляют пару, идентифицировать которую, появись она на дисплее, не составит никакого труда.

Не говоря уже о ресурсах, которыми располагает ФБР или армия, другие враги рыщут по пустыне, более опасные, чем представители федеральных ведомств. Убийцы из Колорадо ведут непрерывный мониторинг пустыни своими поисковыми приборами, чтобы засечь уникальный энергетический сигнал, идущий от мальчика, который выдает себя за Кертиса Хэммонда.

Их возвращение в игру совсем недавно сопровождалось изменениями в атмосфере, какие случаются перед сильной грозой, и возмущениями электромагнитного фона, вызвавшими тревогу у животных, как перед мощным землетрясением.

Пришпоренная анализом ситуации, который провел мальчик, и собственными инстинктами, Желтый Бок прибавляет скорости, требуя того же и от Кертиса. На бегу он столько раз вдыхал и выдыхал воздух, что его хватило бы для заполнения гигантского воздушного шара. Губы у него растрескались, рот такой же сухой, как земля под ногами, горло при каждом вдохе-выдохе режет ножом. Боль раскаленными иглами пронзает бедра, голени, но теперь, не без усилий, он начинает справляться с этими неудобствами. Кертис Хэммонд — не самая эффективная машина из плоти и крови, но его потенциальные возможности определяются не только физиологией. Боль — это всего лишь электрические импульсы, которые путешествуют по проводам-нервам, и на какое-то время он может блокировать их усилием воли.

Собака мчится к свободе, Кертис мчится за собакой, они поднимаются на очередной холм и видят перед собой, далеко внизу, соляное озеро. Земля полого спускается вниз, чтобы образовать широкую долину. Безлунной ночью нелегко определить ее длину и ширину, однако само озеро, поверхность которого чуть фосфоресцирует, вызывает у мальчика вздох облегчения: все лучше, чем кромешная тьма.

Сотни тысяч лет назад эта долина являлась морским заливом. Потом залив отрезало от моря, вода за многие сотни лет испарилась, соль осела на дно и спрессовалась.

И теперь они видят перед собой подсвеченную изнутри ровную и голую поверхность, потому что на практически чистой соли не растут даже привычные ко всему кустарники пустыни. Если они вздумают пересечь этот «водоем», преследователи засекут их без труда, даже без специального электронного оборудования.

Долина вытянулась с юго-запада на северо-восток, и из-за одной ее специфической особенности мальчик и собака выбирают северо-восточный гребень, чтобы избежать риска засветиться внизу. Особенность эта — город. Город или жилой комплекс, состоящий из нескольких десятков зданий.

Всего их порядка сорока, разных размеров, одно- и двухэтажных, вытянувшихся рядком по обе стороны единственной улицы, проложенной на пологом склоне в самой нижней его части. Здания построены с той стороны соляного озера, где имеется достаточно глубокий слой почвы и подземный источник воды, позволившие вырасти нескольким большим деревьям.

В жаркий день, когда воздух мерцает от поднимающихся потоков тепла, с расстояния этот город выглядит как мираж. Даже теперь, при фосфоресцирующей подсветке, кажется, что эти непривычного вида здания скорее иллюзия, чем реальность.

Темнота мостит единственную улицу, в домах не светится ни одного окна.

Стоя на гребне, глядя вниз на открывшуюся перед ними долину, собака и мальчик пытаются понять, что их ждет впереди. Оба затаивают дыхание.

Ее ноздри подрагивают. Его — нет. Она навостряет уши. Он не может. Одновременно они склоняют головы направо. Прислушиваются.

Ни стука, ни звона, ни треска, ни ударов, ни клацания, ни грохота, ни криков, ни шепота не доносится снизу. Там все тихо, как на поверхности лишенной атмосферы Луны.

А потом они слышат посторонний звук, но не снизу, не с юга, звук, который по ошибке можно принять за стук подкованных железом копыт большого отряда, перенесшегося в настоящее из далекого прошлого.

Собака и мальчик смотрят на черные облака. Собака — в недоумении. Мальчик ищет призрачных всадников.

Разумеется, как только звук прибавляет в громкости, становится ясно, что это стрекотание лопастей ненавистного вертолета. Он по-прежнему курсирует с запада на восток и обратно, а не летит прямо к ним, но определенно появится над долиной раньше, чем хотелось бы Кертису.

Бок о бок, уже не ведущий и ведомый, мальчик и собака быстро спускаются вниз, к темному поселению. Теперь важно не столько продвигаться с максимально возможной скоростью, сколько оставаться невидимыми для посторонних глаз. Поэтому они уже не бегут сломя голову.

Возможно, им следует не спускаться вниз, а продолжать путь по северо-восточному гребню. Если говорить о федеральных агентах и о военных, то они, обнаружив город, должны воспользоваться стандартной процедурой: сначала разведка, потом зачистка, лишь после этого продвижение вперед. То есть город на какое-то время определенно их задержит.

С другой стороны, если в городе живут люди, они отвлекут тех, кто его ищет, и практически нейтрализуют электронное оборудование, затруднив поиски Кертиса. Как известно, беглецу легче затеряться в толпе.

И, самое главное, ему нужно найти воду. Силой воли он может убедить себя, что жажды у него нет и в помине, и подавить желание напиться воды, но не в его власти остановить обезвоживание организма. Опять же, у Желтого Бока слишком густая шерсть для забегов на длинные дистанции в таком климате, и собака рискует получить тепловой удар.

При близком рассмотрении выясняется, что дома, для чего бы они ни предназначались, сколочены абы как. Стены из нестроганых досок, пусть и покрытых краской. Кертис убеждается, что рукой по ним вести не следует, а не то не избежать заноз.

Никаких декоративных украшений. Даже при хорошем освещении едва ли удастся найти в них образцы плотницкого мастерства.

Кроме шести или восьми высоких старых деревьев, кроны которых нависают над крышами, другой растительности не видно. Ни тебе зеленых лужаек, ни клумб, ни кустов. Только дома и голая, выжженная земля.

Уже осторожным шагом Кертис и собака идут по узкому проулку между двух зданий. Слабый запах гниющего дерева. Мускусный запах мышей, обживших фундаменты.

Слева от них глухая стена. В правой — два окна, за которыми Кертис видит только кромешную тьму.

Останавливаясь, чтобы прижаться носом к окну, он всякий раз ждет, что по другую сторону стекла внезапно материализуется бледное, восковое лицо с налитыми кровью глазами и желтыми, острыми, как хорошо заточенный нож, зубами. Его мозг впитывает информацию, как губка, и он уже прочитал и просмотрел многие сотни книг и фильмов, среди которых полным-полно «ужастиков». Эта тематика ему нравится, что книги, что фильмы, но при этом он стал очень уж впечатлительным, его пугает насильственная смерть от рук призраков, гоблинов, вампиров, маньяков, киллеров на службе мафии, убийц-трансвеститов, отождествляющих себя с матерью, похитителей детей, отрубающих им головы за собственным домом, душителей, потрошителей, людоедов.

Он и собака приближаются к концу проулка, когда над головой раздается хлопание крыльев ночных птиц или летучих мышей, перебирающихся с одного места на другое. Да, правильно. Летучие мыши или птицы. Или кто-то еще, более страшный, чем зараженные бешенством летучие мыши или хичкоковские птицы, каждой из которых не терпится отведать сочных внутренностей мальчика или нежного собачьего мозга.

Желтый Бок нервно скулит, возможно, потому, что учуяла в ночи что-то тревожное, а может, ей по телепатическому каналу передались страхи Кертиса. Собаке, неразрывно связанной с мальчиком, конечно же, придется несладко, если у мальчика вдруг начнется истерика. И матери не понравились бы его страхи.

Извини, собачка.

Они выходят на улицу, и тут Кертис, к своему полному изумлению, обнаруживает, что они попали в вестерн. Медленно поворачивается на триста шестьдесят градусов, не веря своим глазам.

По обеим сторонам улицы вдоль домов тянутся мостки (с коновязями), поднятые над землей, чтобы люди не испачкали обувь в тех редких случаях, когда после ливня улица превращалась в большую грязную лужу. У многих домов на втором этаже балконы, нависающие над мостками, обеспечивающие тень в те дни, когда демоны дождя забывали о своих прямых обязанностях.

Магазин, рекламирующий сухие продукты, бакалею и скобяные товары.

Рядом офис шерифа с примыкающей к нему тюрьмой. Маленькая, выкрашенная в белый цвет церковь со скромным шпилем. Приемная доктора и офис пробирщика. Пансион, тут же салун и игорный дом, где не раз и не два выхватывались револьверы, если уж совсем не шла карта.

Город призраков.

Первая мысль Кертиса — он попал в истинный, настоящий, неподдельный город призраков, в который уже больше столетия не ступала нога человека. Его жители давно умерли и похоронены на местном кладбище, и теперь по ночным улицам бродят только вспыльчивые души метких стрелков, которым не терпится разрядить в кого-нибудь свои револьверы.

Однако дома, пусть и сколоченные из досок, находились бы куда в более плачевном состоянии, если бы простояли заброшенными больше ста лет. Даже в густом сумраке краска выглядит свежей. И вывески над магазинами не выцвели, а следовательно, не жарились десятки лет под ярким солнцем пустыни.

Потом он замечает столбики, парами расставленные вдоль улицы через равные интервалы, аккурат перед коновязями. Ближайшая пара перед салуном. К ней прикреплена табличка из черного пластика, на которой что-то написано заглавными буквами.

В эту беззвездную и безлунную ночь он не может прочитать историю дома, хотя шрифт достаточно крупный, но само наличие табличек подтверждает его новую версию. Когда-то здесь действительно находился настоящий город призраков, покинутый жителями, заброшенный. Теперь его реставрировали и превратили в достопримечательность штата, куда часто приезжают туристы, интересующиеся освоением Запада.

А по ночам, когда туристы не бродят по улицам и комнатам восстановленных зданий, он остается городом призраков. Без водопровода, электричества, канализации, с удобствами девятнадцатого века здесь, естественно, никто не живет.

Переполненный ностальгией по Старому Западу, Кертис с удовольствием обследовал бы все эти дома даже с масляной лампой, чтобы сохранить атмосферу Фронтира*. Лампы, однако, у него нет, да и дома, скорее всего, заперты на ночь.

Рычание Желтого Бока и удар лапой по ноге напоминают ему, что они не на экскурсии. Стрекотания вертолета больше не слышно, но нет сомнений, что поисковые группы в самое ближайшее время обнаружат город.

Вода. Они потеряли гораздо больше жидкости, чем получили от апельсинового сока. Умереть от обезвоживания, чтобы быть похороненным рядом с меткими стрелками, вершившими закон шерифами и танцовщицами... о такой ностальгии речи нет.

Если верить фильмам, в любом городе Старого Запада общая конюшня и кузница располагались в конце главной улицы. Кертис смотрит на юг и быстро находит вывеску «ПЛАТНАЯ КОНЮШНЯ КУЗНЕЦА». Вновь фильмы показали себя достоверным источником информации.

Конюшня и лошади неразделимы. Лошадям необходимы подковы. Подковы изготовляют кузнецы. Лошадям вода нужна, чтобы ее пить, кузнецам — и для питья, и для работы. Кертис вспоминает эпизод, когда кузнец, разговаривая с городским шерифом, одну за другой опускает раскаленные подковы в бочку с водой, и каждый раз над бочкой поднимается облако пара.

Иногда водяным насосом кузнеца пользуются и те жители города, у которых нет своих источников водоснабжения, но если общественный насос расположен в другой части города, у кузнеца обязательно будет свой. Так и есть. Прямо перед кузницей. Господи, благослови «Уорнер бразерс», «Парамаунт»,

* В американской истории западная граница, осваиваемая компактно проживающими группами жителей.

«Юниверсал пикчерс», «РКО», «Репаблик студиоз», «Метро-Голден-Майер» и «20-й век — Фокс».

Если при реставрации во главу угла ставилась историческая достоверность, насос должен работать. Кертис забирается на деревянную платформу, поднятую на фут над уровнем земли, в центре которой расположена колонка, обеими руками берется за ручку насоса, опускает и поднимает ее, словно это домкрат. Механизм скрипит и скрежещет. Поршень поначалу ходит легко, настолько легко, что у Кертиса возникают сомнения в том, что насос настоящий, но по мере того, как вода заполняет трубу, мальчику приходится прилагать все больше усилий, чтобы опустить ручку. Вода забирается из того самого подземного резервуара, который питает деревья. Последние, несомненно, появились на берегу соляного озера раньше, чем город.

И вот наконец сильная струя вырывается из носика и бьет в деревянный настил, уходит через дренажные щели.

Собака радостно запрыгивает на платформу. Встает рядом со струей, длинным розовым языком выхватывает из нее воду.

Поскольку труба заполнена, Кертису больше не нужно так часто опускать и поднимать рукоятку. Он шагает к носику, набирает воду в сложенные лодочкой ладони, нагибается к собаке, которая с благодарностью лакает ее. Кертис подкачивает насос, вновь поит собаку, потом пьет сам.

Как только сила струи иссякает, Желтый Бок сует под нее свой хвост. Кертис набирает воду в ладони и брызгает на собаку, которая радостно повизгивает.

Прохладно. Прохладно, мокро, хорошо. Чистый запах, прохладный запах, водяной запах, легкий каменный запах, легкий привкус извести, вкус глубокого места. Шерсть мокрая, лапы холодные, пальцы холодные. Лапы такие горячие, теперь такие холодные. Стряхиваться-стряхиваться-стряхиваться. Совсем как в плавательном пруду около фермерского дома, плескаться с Кертисом всю вторую половину дня, нырять и плескаться, плыть за мячом, Кертис и мяч, и ничего, кроме забав, целый день. Шерсть опять намокла, шерсть намокла. О, посмотри теперь на Кертиса. Посмотри, посмотри. Кертис сухой. Помнишь игру? Намочи Кертиса. Заставь его намокнуть. Намочи его, намочи его! Стряхиваться-стряхиваться. Мокни, Кертис, мокни-мокни. Кертис смеется. Забава. Эй, отними у него башмак! Башмак, забава, башмак, башмак! Кертис смеется. Забава. Что может быть лучше этого, разве что погоня за кошкой или вкусная еда. Башмак, башмак. БАШМАК!

Внезапно луч фонаря освещает мальчика и собаку. Собаку и мальчика.

Вздрогнув, Кертис поднимает голову. Луч слишком яркий.

О господи, опять беда.

Глава 29

Через семнадцать лет после заживления вдруг разболелись пулевые раны в левом плече и правом бедре. Семнадцать лет ничем не давали о себе знать, а тут прорезались.

Его вырвали из кошмара, выдернули из постели, и он погнал развалюху «шеви» на юг, сначала по автострадам, потом по улицам, выжимая из нее предельную скорость. В этот час автомобилей было мало, некоторые улицы вообще пустовали. По большей части он игнорировал знаки ограничения скорости и остановки на перекрестках, словно вновь надел форму и сидел за рулем черно-белой патрульной машины.

Раны так болели, словно хирургические нитки вдруг лопнули, хотя врач удалил их в стародавние времена. Ной смотрел на плечо, на бедро в полной уверенности, что увидит кровь, проступающую сквозь одежду, что шрамы превратились в стигматы, напоминания не о любви Бога, а о его собственной вине.

Тетя Лили, сестра отца, убила сначала своего брата, потому что сильно на него осерчала, разнесла лицо выстрелом в упор, а потом дважды выстрелила в Ноя, только для того, чтобы убрать нежелательного свидетеля. «Я очень сожалею, Ноно»,— сказала Лили (так его звали в семье с самого детства), а потом открыла огонь.

Если вся твоя семья занята криминальным бизнесом, приносящим огромные прибыли, то повод для разногласий среди родственников обычно более серьезен, чем дележ коллекции фарфоровых слоников, оставшейся после бабушки, которая умерла, не написав завещания. Как тогда, так и семнадцатью годами позже закон запрещал производство метамфетамина в таблетках, капсулах, растворе и порошке с последующей продажей без рецепта. Если имелась возможность найти заинтере-

сованных покупателей, наладить сбыт и защитить свою территорию от конкурентов, мет приносил не меньшую прибыль, чем кокаин. А поскольку импортная составляющая отсутствовала и все изготовлялось на месте из легкодоступных компонентов, этот бизнес не привлекал особого внимания правоохранительных органов. Однако вышеуказанный бизнес скорее разобщает ближайших родственников, чем связывает, потому что потоки «грязных» денег, заработанных на мете, размывают даже семейные устои.

В свои шестнадцать Ной не принимал участия в самом бизнесе, но, насколько себя помнил, всегда находился рядом. Он не развозил готовый товар и не собирал деньги, не продавал мет на улице. Но он досконально знал всю технологию, стал первоклассным специалистом по производству мета. И заполнил бесчисленное количество пакетов таблетками и капсулами, закупорил множество бутылочек с раствором для инъекций, зарабатывая деньги на карманные расходы, как зарабатывали их другие дети, выкашивая лужайки или сгребая опавшую листву.

Отец Ноя строил относительно него большие планы, надеясь, что со временем сын сможет принять активное участие в бизнесе, но лишь по окончании школы: старик верил в важность образования. Ной всегда знал, что его отец занимается грязными делами, а если уж говорить об их отношениях, то любовью там и не пахло. Обязанности, общее прошлое, семейный долг и, в случае Ноя, страх связывали их воедино. Однако отец Ноя очень гордился успехами сына в освоении технологических тонкостей производства мета и его готовностью выполнять рутинную работу: раскладывать таблетки и разливать раствор. И хотя Ной прекрасно знал, что отец продает смерть, он тем не менее испытывал глубокое удовлетворение, когда тот говорил, что гордится им. В конце концов, чем бы ни занимался старик, он все равно оставался его отцом. Президент Соединенных Штатов никогда бы не сказал, что гордится Ноем, и едва ли ему удалось бы попасть под крылышко одаренного тренера, который сделал бы из него звезду бейсбола, баскетбола или футбола, вот и оставалось получать похвалы там, где их раздавали.

И когда отец упал, с кровавым месивом вместо лица, а тетя Лили сказала: «Я очень сожалею, Ноно»,— Ной бросился бежать, понимая, что, кроме него самого, никто его не спасет.

Первая пуля прошла мимо. Вторая прострелила плечо. Третья застряла в бедре.

К тому времени он успел добраться до двери и открыть ее, так что третья пуля настигла его уже на крыльце, со ступенек которого он и скатился на лужайку. Лили, однако, не вышла на крыльцо и не прострелила ему голову, все-таки жили они в спокойном, респектабельном районе, где подросткам, катающимся на скейтбордах, и молодым мамашам, прогуливающимся с колясками, хватило бы гражданского мужества дать показания в суде. Вместо этого понадеялась, что Ной умрет от потери крови, прежде чем сможет навести на нее полицию, и ушла через дверь черного хода, тем же путем, каким и попала в дом.

Ной не оправдал ее надежд, и, отсидев десять месяцев из своего тридцатилетнего срока, Лили обратилась к Богу, может, взаправду, а может, чтобы произвести впечатление на комиссию по условно-досрочному освобождению. И хотя теперь она уже отсидела больше половины срока, на весах комиссии ее набожность никак не могла перевесить заключение психолога, в котором черным по белому указывалось, что Лили по-прежнему жаждет смерти своих обидчиков и способна на убийство.

Каждый год она посылала Ною рождественскую открытку, иногда с яслями, иногда с Санта-Клаусом. Всегда писала несколько строк с раскаянием о содеянном, за исключением открытки, присланной после девяти лет отсидки, в которой выразила сожаление, что не отстрелила ему яйца. И хотя Ной пребывал в твердом убеждении, что все эти последователи Фрейда, которые называли себя учеными, являлись служителями религии куда менее рациональной, чем любая другая, существовавшая в истории человечества, он тем не менее передал эту поздравительную открытку в комиссию по условно-досрочному освобождения, чтобы там сделали соответствующие выводы.

Злобность тети Лили не вызывала сомнений. Она убила брата, ранила племянника, но ее хотя бы отличало здравомыслие, чего нельзя было сказать о ее муже, Кельвине. Впрочем, все звали его Крэнк*, по разным причинам. За два месяца до того, как Лили убила брата, не поделив с ним семьсот тысяч долларов, Кельвин чуть ли не до смерти избил сестру Ноя, Лауру. Лили

* Крэнк, от английского crank — человек с причудами.

защищала свои финансовые интересы. Но причину, по которой Крэнк набросился на Лауру, не смог назвать даже он сам.

С давних пор дядя Крэнк пристрастился к семейному продукту. Даже если бы этим продуктом был яблочный сок, все равно не стоило поглощать его в столь больших количествах. Но дядя Крэнк, похоже, не видел разницы между яблочным соком и метом. Если не знать меры с метамфетамином, в тканях мозга накапливаются продукты распада финил-2-пропанола, химического вещества, используемого при производстве наркотика, вызывающие токсические психозы, при которых человеку пусть и не намного, но хуже, чем в компании пожирающих его заживо огненных муравьев.

Когда в черепной коробке дяди Крэнка начинали рваться снаряды, он пытался успокоить внезапно задергавшуюся душу и хоть как-то прийти в себя, избивая любого, кто в тот момент попадался под руку. Именно в такой момент двенадцатилетняя Лаура и позвонила в дверь. А может, позвонила за пять минут до того, как в голове Крэнка начали рваться снаряды. Возможно, дядя Крэнк предложил племяннице отведать ее любимого лимонного мороженого, а уж потом у него развился очередной приступ психоза. Чуть раньше Лили вывела на прогулку собаку, а когда вернулась, дядя Крэнк уже колошматил Лауру несколько минут, сначала кулаками, а потом статуэткой Леди Удачи, которую купил в одном из сувенирных магазинчиков Лас-Вегаса.

Лили оттащила Крэнка от девочки и усадила в кресло. Только она могла так легко усмирить его, потому что даже токсический психоз не избавлял дядю Крэнка от страха перед женой.

Брат тети Лили, отец Ноя, жил всего в квартале и через три минуты после ее телефонного звонка уже входил в дом. Его дочь, зверски избитая, потерявшая сознание, возможно, умирающая, лежала на полу, и он хотел вызвать «скорую», но, как и Лили, понимал, что сначала они должны разобраться с Крэнком. Дядю Крэнка за члена семьи никогда и не считали. Терпели как мужа Лили. Даже в полном здравии и с ясным умом он, окажись в передряге, мог бы их продать в обмен на снятие с него обвинений. А уж в теперешнем состоянии, погубленный метамфетамином, бормочущий что-то бессвязное, параноидный,

плохо соображающий, что к чему, все еще злящийся на воображаемую «наглость» племянницы и рыдающий от угрызений совести при виде содеянного, он, скорее всего, погубил бы их в первые пять минут пребывания полиции в доме... даже не осознавая, что делает.

К счастью для семьи, семь минут спустя дядя Крэнк покончил с собой.

Под жестким контролем жены и под ее диктовку написал чистосердечное признание:

«Дорогая Лаура,

меня погубил мет. Я не соображал, что делаю. Я не такой уж плохой человек. Но вот пристрастился к этому гнусному зелью. Не вини свою милую тетю за то, что произошло. Она — хорошая, честная женщина. Я хочу, чтобы она купила тебе самого большого плюшевого медвежонка, какого только сможет найти, и подарила тебе от меня.

С любовью,

дядя Крэнк».

Лили внушила ему, что он пишет открытку Лауре с пожеланиями скорейшего выздоровления.

Записка эта отняла у Крэнка последние силы. Недавнее возбуждение уступило место апатии, такой глубокой, что он сам не смог подняться на второй этаж: Лили и ее брату пришлось тащить его по лестнице, а потом по коридору до ванной.

Он искренне верил, что после того, как побреется, примет душ и переоденется, его отвезут в реабилитационную клинику в Палм-Бич, где, спасибо программе «Двенадцать шагов», избавят от наркотической зависимости ежедневным массажем и сбалансированной, сгоняющей жир диетой и даже научат играть в гольф. Отец Ноя аккуратно усадил Крэнка на крышку сиденья унитаза, где тот и дремал, пока Лили не побеспокоила его, засовывая ствол пистолета в рот. Она надела перчатку и замотала руку шелковой наволочкой, чтобы ее не выдали частицы пороха. В изумлении, почувствовав между зубов что-то твердое, дядя Крэнк открыл глаза, видимо сообразив, что получить место в клинике Палм-Бич не так просто, как казалось с первого взгляда, и тут же Лили нажала на спусковой крючок.

Из всего имеющегося в доме арсенала она выбрала пистолет самого маленького калибра. Больший калибр мог привести к тому, что ошметки мозга разлетелись бы по всей ванной, да и пороховых частичек при выстреле было бы больше. Лили знала толк в заметании следов. А кроме того, не терпела в доме грязи.

И лишь через двадцать минут, в течение которых Крэнка готовили к встрече с адом и отправляли туда, а Лаура лежала на полу в гостиной, с изуродованной половиной лица и прогрессирующим поражением мозга, Лили вызвала «скорую».

Ной при этом не присутствовал. Узнал обо всем от отца.

Старик вспоминал эти события, как мог бы пересказывать военную историю из своей юности, словно речь шла о захватывающем приключении. Да, он упомянул о том ужасе, который испытал, увидев дочь, о сожалении, которое вызвало у него ее состояние, но главным образом восхищался тем, каким молодцом в столь сложной ситуации показала себя Лили.

«Если необходимо, она может быть твердой, как кремень, твоя тетя Лил. Я знал мужчин, которые в аналогичной ситуации совершенно потеряли бы голову, не то что Лил».

Из этого как бы следовала мораль: *«Черт, это ужасно, это грустно, но так уж устроен мир. Но Крэнку мы воздали по заслугам, так что справедливость восторжествовала. Мы все смертны, поэтому ставим на случившемся точку и движемся дальше»*.

«Живи настоящим»,— любил говорить отец Ноя. Эту глубокую мысль он позаимствовал у одного из проповедников, оккупировавших телевизионный экран.

Ужасное продолжилось двумя месяцами позже, когда тетя Лили появилась в их доме с пистолетом куда большего калибра в сравнении с тем, который отправил к праотцам дядю Крэнка. Теперь чистота ее не волновала, потому что дом принадлежал не ей. Ее брат прикарманил семьсот тысяч долларов из прибыли, полученной от продажи метамфетамина. Возврат денег ее не устраивал: она хотела вывести его из дела. Даже призыв к сестринскому милосердию не смягчил Лили. Только Ной удостоился фразы: «Я очень сожалею, Ноно»,— прежде чем она нажала на спусковой крючок.

С двумя пулями в теле, сначала в полной уверенности, что умрет на лужайке перед домом, потом в больнице, уже зная,

что выживет, Ной решил, что эти раны — наказание свыше. За то, что он не сумел уберечь свою маленькую сестричку. В действительности он был хорошим парнем. Не тем яблоком, которое падает недалеко от яблони. Его безразличие к преступному бизнесу семьи объяснялось не ошибкой природы. Как указали эксперты по психологии семейных отношений, его моральный дрейф являлся следствием неадекватного воспитания. Но, имея время подумать, Ной пришел к выводу, что нелепо винить природу или воспитание. Только он обладал нитками и иголками, чтобы сшить воедино лохмотья своей жизни и превратить их в костюм, в котором не стыдно показаться в приличной компании. Вина за страдание сестры привела его к выводу, что он должен сшить этот костюм, если хочет, чтобы его дальнейшая жизнь имела хоть какой-то смысл.

Чувство вины придало ему сил, позволило стать самому себе Пигмалионом, вырубить нового Ноя Фаррела из каменной глыбы старого. Вина служила ему и молотком, и резцом. Вина была его хлебом и вдохновением.

А если он слышал, как кто-то вещал о том, что вина — разрушительное чувство, что только полностью самореализовавшаяся личность может избавиться от чувства вины, то знал, что слушает дурака. Вина спасла его душу.

Однако за прошедшие семнадцать лет он осознал, что признание вины далеко не конец пути. Взятие на себя ответственности за свои действия... или, в конкретном случае, за свое бездействие... не приводит к искуплению.

И пока он не нашел бы двери, ведущей к искуплению, пока не открыл бы ее и не переступил порог, прежний Ной Фаррел не мог почувствовать, что возродился в новом человеке, которого сам и создал. Его не покидало ощущение, что он — самозванец, никчемность, ждущий, когда же всем откроется, что перед ними безответственный мальчишка, каким он был в прошлом.

Единственным путем к искуплению, открытым для него, оставалась сестра. После стольких лет, в течение которых он оплачивал уход за ней, после тысяч часов, когда он говорил, а она, не реагируя на его слова, блуждала в только ей ведомых мирах, мог наступить момент, когда перед ним открылась бы заветная дверь. Если бы она посмотрела на него, если бы их ду-

ши соприкоснулись, если бы хоть на мгновение выражение ее лица показало ему, что она слышит его монологи и от них ей становится хоть чуточку легче, тогда он бы понял, что порог перед ним, а комнату за дверью можно назвать *надеждой.*

Теперь же, глубокой ночью, мчась по улицам южной части округа Оранж, Ной ощущал страх, более сильный, чем в тот момент, когда он, с двумя пулями тети Лили в теле, скатывался со ступенек крыльца и думал, что вот-вот получит третью, в затылок. Возможность искупления таяла, несмотря на то что он изо всех сил жал на педаль газа, а вместе с ней уходила и надежда.

Когда же он, в визге тормозов, буквально на двух колесах, свернул на подъездную дорожку пансиона «Сьело Виста» и увидел стоящие перед парадным входом патрульные машины, его охватило отчаяние. Телефонный звонок, который вытащил его из постели, мог оказаться чьей-то злой шуткой или ошибкой, но мигающие «маячки», вызывающие танец теней на фасаде и деревьях, под которыми вились обсаженные цветами дорожки, ясно указывали на то, что об ошибке не может быть и речи.

Лаура.

Глава 30

С собаки капает вода, с мальчика капает вода, собака улыбается, мальчик не улыбается, а потому перестает улыбаться и собака, но с обоих капает вода, оба стоят, освещенные лучом фонаря. Желтый Бок пытается контролировать свою бьющую ключом собачью радость, Кертис напоминает себе, что должен реагировать, как положено обычному мальчику, не как реагирует собака, а потому пытается надеть кроссовку, которую наполовину стянула с его ноги Желтый Бок.

Насос скрипит и стонет, пока уменьшающееся давление воды выводит оставленную без внимания ручку в крайне верхнее положение. Поток из носика уменьшается до тонкой струйки, капелек, одной капли.

— Какого блуждающего синего огня ты тут делаешь, мальчик? — спрашивает мужчина, который держит в руке фонарь.

Мужчину Кертис не видит. Он скрывается за ярким лучом, бьющим прямо в глаза Кертису.

— Ты оставил уши в других штанах, мальчик?

Кертис только успел сообразить, что из первого вопроса нужно вычленить «блуждающий синий огонь», чтобы понять его смысл, как новый вопрос сбивает его с толку:

— Они забиты лошадиным навозом, мальчик?

— Кто они, сэр? — спрашивает Кертис.

— Твои уши,— нетерпеливо поясняет незнакомец.

— Святой Боже, нет, сэр.

— Это твой пес?

— Да, сэр.

— Он злобный?

— Она — нет, сэр.

— Чего говоришь?

— Говорю, она, сэр.

— Ты глупый или что?

— Полагаю, или что.

— Я не боюсь собак.

— Она тоже вас не боится, сэр.

— Не пытайся запугать меня, мальчик.

— Я бы не стал, даже если бы знал как, сэр.

— Ты у нас дерзкий, нахальный преступник?

— Если только я правильно вас понял, сэр, думаю, что нет.

Кертис владеет многими языками, считает, что может без труда общаться на большинстве региональных диалектов английского языка, но этот мужчина, похоже, излечивает его от излишней самоуверенности.

Незнакомец опускает фонарь. Направляет его на Желтого Бока.

— Я видел таких вот милых собачек, а стоило повернуться к ним спиной, так они вцеплялись в твои ко-джонес.

— Джонес? — повторяет Кертис, думая, что они говорят о каком-то Ко Джонесе.

Теперь, когда яркий луч не слепит глаза, Кертис видит, что перед ним стоит не кто иной, как Гэбби Хейс*, величайший актер второго плана в истории вестернов, и на мгновение маль-

* Хейс, Гэбби (1885–1969), актер, с 20-х годов сыграл различные роли второго плана (главным образом, обаятельного беззубого плута) более чем в 200 вестернах, с такими звездами, как Джон Уэйн, Уильям Бойд, Рой Роджер. В 50-х годах вел свое шоу на телевидении.

чик просто счастлив. Потом понимает, что это другой человек, потому что Гэбби уже многие десятки лет лежит в могиле.

Жесткие завитки седых волос, борода, будто у Санта-Клауса, болеющего чесоткой, лицо, обожженное солнцем пустыни и иссеченное ветром прерий, тело, состоящее из одних сухожилий да костей: типичный тертый жизнью старатель, хитрый, тертый жизнью, обаятельный наемный работник на ранчо, тертый жизнью, смешной, но незаменимый помощник шерифа, вспыльчивый, но действующий из самых лучших побуждений, тертый жизнью хозяин салуна, плутоватый, но с добрым сердцем и играющий на банджо, тертый жизнью повар каравана фургонов. За исключением оранжево-белых кроссовок «найк», таких больших, что выглядели они как башмаки клоуна, одежда его в точности соответствовала наряду Гэбби: мешковатые штаны цвета хаки, красные подтяжки, рубашка из хлопчатобумажной ткани, полосатая, как матрац, мятая, пыльная, с пятнами пота ковбойская шляпа, чуть маловатая для его головы и столь небрежно сидящая на заросшем жесткими кудрями черепе, что кажется, будто она угнездилась там еще при рождении.

— Если она ухватит мои ко-джонес, я ее пристрелю, да поможет мне Иисус.

Как и положено любому чудаку со Старого Запада, независимо от его профессии, мужчина вооружен. Не револьвером тогдашних времен, а пистолетом калибра девять миллиметров.

— Может, я не очень хорошо выгляжу, но я, конечно, не какой-то бездельник, как ты мог подумать. Я — ночной сторож этой воскрешенной дьявольской дыры и способен на большее, чем просто выполнять свою работу.

Он стар, этот мужчина, но недостаточно стар, чтобы быть Гэбби Хейсом, даже если Гэбби Хейс до сих пор жив. Значит, он не может быть Гэбби Хейсом, возвращенным к жизни, поедающим человеческую плоть зомби, как в другом фильме, не имеющем отношения к вестернам. Тем не менее сходство поразительное. Вероятно, это потомок Гэбби, наверное, внук, Гэбби Хейс-третий. Покраснев от волнения и восторга, Кертис смущается, словно предстал пред очами особы королевской крови.

— Я могу застрелить человека, стоящего за углом, точно рассчитав рикошет, если возникнет такая необходимость, по-

этому держи этот блошиный отель в узде и сам не пытайся сбежать.

— Нет, сэр.

— А где твои родители, мальчик?

— Они мертвы, сэр.

Кустистые седые брови подскакивают до полей шляпы.

— Мертвы? Ты говоришь, они мертвы?

— Я говорю, мертвы, да, сэр.

— Здесь? — Сторож встревоженно оглядывает улицу, словно наемные убийцы уже въезжают в город, чтобы расстрелять мирных ранчеро, разводящих овец, или фермеров, выращивающих пшеницу, или кого-то еще, короче, тех, кого в данный момент хотят расстрелять злобные латифундисты и жадные железнодорожные бароны. Пистолет трясется в его руке, словно стал для нее слишком тяжелым.— Умерли здесь, во время моей смены? Ну чем не заваруха с гоблинами? Так где твои родители?

— В Колорадо, сэр.

— В Колорадо? Я понял из твоих слов, что они умерли здесь.

— Я хотел сказать, что они умерли в Колорадо.

На лице сторожа отражается облегчение, рука с пистолетом уже не так сильно трясется.

— Тогда почему ты и этот поедатель печенья оказались тут после закрытия?

— Бежали, спасая свою жизнь,— объясняет Кертис, чувствуя себя обязанным сказать хоть часть правды потомку мистера Хейса.

На морщинистом лице сторожа вдруг добавляется морщинок, хотя казалось, что для новых просто нет места.

— Уж не говоришь ли ты мне, что вы бежите от самого Колорадо?

— Сначала бежали, сэр, большую часть пути проехали на попутках, а последний отрезок опять пробежали.

В подтверждение Желтый Бок тяжело дышит.

— И кто эти чертовы выродки, от которых вы бежите?

— Их много, сэр. Некоторые лучше других. Полагаю, самые хорошие состоят на службе государства.

— Государство! — восклицает сторож, и его морщинки вдруг топорщатся, отчего лицо выражает исключительно отвращение.— Сборщики налогов, похитители земли, пронырливые до-

брожелатели, считающие себя святее любого размахивающего Библией проповедника.

— Я видел агентов ФБР,— уточняет Кертис,— целый взвод суотовцев, подозреваю, что в этой операции задействовано Агентство национальной безопасности плюс армейские части специального назначения. Может, кто-то еще.

— Государство! — От ярости сторож до такой степени выходит из себя, что кажется, будто сие происходит буквально и перед Кертисом уже два сторожа.— Устанавливающая законы, жаждущая власти, ничего не знающая о реальной жизни свора трусливых скунсов в накрахмаленных рубашках! Мужчина и его жена всю жизнь горбатятся, платят социальный налог, а когда она умирает за два месяца до ухода на пенсию, государство оставляет себе все, что она заплатила, жадные мерзавцы, и говорит тебе, что у нее и не было никакого счета. И вот я получаю месячный чек, такой маленький, что его едва видно невооруженным глазом, этих денег не хватает даже на то, чтобы от души выпить пива, тогда как этот ленивый безмозглый никчемный бездельник Барни Колтер, который за свою никому не нужную жизнь не проработал и дня, получает в два раза больше меня, поскольку государство говорит, что наркотическая зависимость оставила его эмоционально искалеченным. И теперь этот пропитавшийся наркотиками слизняк сидит на своей толстой заднице, ковыряя в носу, тогда как я, чтобы свести концы с концами, должен пять вечеров в неделю тащиться в эту чертову историческую дыру, слушать, как трясут погремушками гремучие змеи, ждать, что превращусь в завтрак для кануков, как только остановится моя тикалка, а теперь еще сталкиваться с опасными дикими собаками, которым не терпится откусить мне ко-джонес. Ты понимаешь, к чему я клоню, мальчик?

— Не совсем, сэр,— отвечает Кертис.

От возбуждения, вызванного возней с кроссовкой Кертиса и плесканием под струей воды, а также потому, что сердитый голос Гэбби напугал ее, Желтый Бок скулит, приседает на корточки и писает прямо на деревянной платформе.

Кертис прекрасно понимает ее отношение к сторожу. Они услышали множество слов, но практически ни одного приятного. На них выплеснулась бочка злобы, в которой не нашлось

и ложки сочувствия. Плюс к этому не просматривалось и никакого банджо.

— Что не так с твоей собакой, мальчик?

— Ничего, сэр. Просто за последнее время ей пришлось многое пережить.

Причем переживания для собаки и мальчика не закончились: из пустыни доносится грозное стрекотание лопастей громадного вертолета.

Сторож склоняет голову набок, и Кертису кажется, что неестественно большие уши мужчины поворачиваются на звук, словно параболические антенны радиотелескопа.

— Господи, спаси и помилуй, эта штуковина такая же шумная, как труба архангела в Судный день. Ты хочешь сказать, что эти сосущие яйца мерзавцы преследуют вас на ней?

— На ней, и не только,— подтверждает Кертис.

— Государство, похоже, хочет добраться до тебя так же сильно, как чертова змея заполучить суслика в свои кишки.

— Мне не очень нравится такое сравнение, сэр.

Направив луч фонаря в землю между ними, Гэбби спрашивает:

— Зачем ты им понадобился, мальчик?

— Самые плохие выродки хотели добраться до моей матери, и им это удалось, а теперь я — свободный конец ниточки, который они не хотят оставлять.

— А почему они хотели добраться до твоей матери? В связи... с землей?

Кертис понятия не имеет, что подразумевает сторож, говоря о земле, но существует вероятность того, что этот человек может стать его союзником. Поэтому он рискует.

— Да, сэр, в связи с землей.

От ярости Гэбби аж брызжет слюной.

— Назови меня свиньей и разруби на отбивные, но только не убеждай, что государство — не тиран, жаждущий заграбастать всю землю!

Мысль о том, чтобы кого-то разрубить, вызывает у Кертиса отвращение.

Более того, такое предложение ставит его в тупик. И он слишком вежлив, чтобы назвать сторожа свиньей, даже если тот искренне этого хочет.

К счастью, Кертису не приходится что-либо отвечать, потому что кипящий от ярости сторож успевает набрать полную грудь воздуха и взрывается потоком слов:

— Я и моя жена, мы купили себе отличный участок земли, лучше не найдешь даже в раю, с источником воды, с рощей больших тополей, которые росли там так давно, что, должно быть, достали корнями до костей динозавров, с отличным пастбищем. У нас ушло чуть ли не пятнадцать лет, чтобы расплатиться по ссуде, взятой у кровососов-банкиров, потом еще не один год, чтобы накопить денег на строительство маленького домика, а когда мы наконец собрались рыть фундамент, государство говорит, что мы этого делать не можем. Государство говорит, что в нашей земле живет какой-то голозадый, кривоногий, смердящий жук, которого мы потревожим своим появлением. Государство называет это экологической трагедией, потому что этот вонючий, без шеи, с липкими ножками жук существует только на ста двадцати двух участках земли в пяти западных штатах.

В итоге я и моя жена — землевладельцы, которые не могут построить на своей собственности дом, и, естественно, эту землю у нас никто не хочет купить, потому что кому нужна земля, на которой нельзя ничего строить. Зато мне, будь уверен, очень приятно осознавать, что в моей земле живет жрущий дерьмо, пердящий огнем, вонючий жучок, которому там хорошо и уютно, поскольку вокруг натыканы таблички с надписью «НЕ БЕСПОКОИТЬ!».

К этому времени Желтый Бок уже прячется за Кертиса.

На востоке стрекотание лопастей вертолета становится все громче, звук этот эхом отражается от твердой, как камень, земли и вновь поднимается к небу. И нарастает, нарастает с каждой секундой.

— Если они поймают тебя, что они собираются с тобой делать?

— Самые плохие выродки меня убьют,— отвечает Кертис.— А государство... скорее всего, сначала они попытаются спрятать меня в каком-нибудь, по их разумению, безопасном месте, где они смогут меня допросить. А если самые плохие выродки не найдут меня там, где я буду прятаться под прикрытием ФБР... тогда рано или поздно государство начнет проводить на мне эксперименты.

И хотя утверждение мальчика вроде бы представляется совершенно невероятным, Кертис искренне верит, что именно так оно и будет.

Сторож то ли слышит правду в словах мальчика, то ли готов поверить любой страшной истории о государстве, которое ценит его самого меньше, чем смердящего жука.

— Эксперименты! На ребенке!

— Да, сэр.

Гэбби нет нужды знать, какие эксперименты будут проводить с Кертисом или какой цели они послужат. Вероятно, он и сам может составить бесконечный список самых отвратительных версий. Ему не надо объяснять, что государство способно на все. Ради достижения своих низких целей.

— Неужели эти грязные мерзавцы не могут найти других способов потратить мои налоги, кроме как на пытки маленьких детей? Адовы колокола, их бы освежевать, сварить с рисом и с подливой скормить тем чертовым вонючим жукам, раз уж они так радеют за счастье этих вонючих насекомых!

Над восточным гребнем долины бледное сияние освещает ночь: отраженный свет фар или прожекторов двух внедорожников или прожектора вертолета. С каждым мгновением сияние становится все ярче.

— Пора в путь,— говорит Кертис скорее себе и собаке, чем сторожу.

Гэбби смотрит на свет на востоке. Завитки бороды встают дыбом, словно наэлектризованные. Потом, сощурившись, он пристально всматривается в Кертиса, и его лицо множеством морщин и морщинок напоминает скукожившуюся египетскую мумию, проигравшую свой долгий бой с вечностью.

— Ты не сыплешь лошадиный навоз, не так ли, мальчик?

— Нет, сэр, не забиты им и мои уши.

— Тогда, клянусь всем, что свято, а кое-что и не очень, мы накормим этих скунсов нашей пылью. Теперь держись на мне, как жир на «Спэме»*, понимаешь?

---

* Товарный знак мясной гастрономии производства компании «Хормел». Мясные консервы с этим товарным знаком появились в 1937 г. и во время Второй мировой войны стали одним из основных продуктов питания солдат американской армии. Название является комбинацией слов SPices (специи) + hAM (ветчина).

— Нет, сэр, не понимаю,— признается Кертис.

— Как зелень на траве, как сырость на воде,— нетерпеливо объясняет сторож.— Пошли! — И быстро, но чуть прихрамывая, совсем как его дедушка в многочисленных фильмах, Гэбби идет мимо фасада конюшни к расположенному рядом отелю.

Кертис мнется, поставленный в тупик жиром, зеленью, сыростью. Одежда на нем все еще влажная после игры с собакой, но воздух пустыни наполовину уже высушил ее.

Несмотря на прежний страх перед сторожем, Желтый Бок бежит следом.

Вероятно, инстинкт подсказывает ей, что этому человеку можно верить.

Кертис, доверяя становящейся ему сестрой, а следовательно, и Гэбби, устремляется за ними, мимо конюшни, на мостки перед «Гранд-отелем Беттлби». «Беттлби» — трехэтажное, с фасадом, протянувшимся на сорок футов, оштукатуренное здание, которое уже не кажется столь величественным, как прежде. Изменилось время, а с ним и критерии.

Внезапно стрекотание лопастей резко усиливается: вертолет уже над долиной, и звук теперь не глушится гребнем холма.

Кертис чувствует, что, поглядев направо, через улицу и крыши домов, он обязательно увидит вертолет, зависший над долиной, зловещую черную массу с маленькими красными и белыми габаритными огнями. Вместо этого он думает только о Желтом Боке, не отрывает глаз от Гэбби и прыгающего луча фонарика.

За отелем, примыкая к нему, расположился «Магазин готовой одежды Дженсена» с «Нарядами для дам и господ». Надпись от руки на щите, выставленном в витрине, извещает, что товары, которые можно приобрести в магазине, «в настоящее время в моде в Сан-Франциско». Создается ощущение, что до Сан-Франциско так же далеко, как до Парижа.

Миновав «Магазин готовой одежды Дженсена» и не дойдя до почтового отделения, Гэбби поворачивает налево, с мостков спускается в узкий проулок между домами. По точно такому же проулку Кертис и Желтый Бок вошли в город, правда, располагался он по другую сторону улицы.

Вертолет приближается: лавина тяжелого ритмичного грохота накрывает долину.

Приближается и что-то еще. Движение этого объекта сопровождается гулом, от которого у Кертиса ноют зубы, вибрируют пазухи, расширяются и сжимаются гаверсовы каналы в костях.

Чтобы остановить поднимающийся страх, он напоминает себе, что при наводнении можно избежать паники, лишь сосредоточившись на плавании.

Деревянные стены, нависающие над ними с обеих сторон, становятся золотистыми в свете фонаря. Тени поднимаются вверх, словно страшась Гэбби, потом опускаются и окутывают Кертиса, спешащего за сторожем и собакой.

Преобладают запахи недавно положенной краски. Сквозь них чуть пробивается запах скипидара. Пахнуло сухими кроличьими какашками. Странно, что кролик решился сунуться сюда. Здесь он мог стать легкой добычей хищников. Терпкий запах огрызка яблока, свежий, яблоко съели сегодня, на огрызке остался человеческий запах. Моча койота, жутко вонючая.

Добравшись до конца проулка, сторож выключает фонарь, и безлунное небо накрывает их, словно они спустились в подвал и закрыли за собой дверь. Через пару шагов Гэбби останавливается. Вокруг простирается задний двор, который тянется вдоль западной части города.

Если бы не телепатический канал, связывающий Кертиса с собакой, он бы столкнулся со стариком. А так обходит его.

Гэбби хватает Кертиса, прижимает к себе, возвышает голос, чтобы перекрыть грохот зависшего над городом вертолета:

— Сейчас бежим на север, к сараю, который совсем и не сарай!

Кертис прикидывает, что этот сарай-который-совсем-и-не-сарай, не столь далеко на севере, чтобы чувствовать себя там в полной безопасности. Собственно, если уж речь идет о безопасности, и канадская граница не так далеко на севере, и Полярный круг тоже.

Судя по звуку, вертолет снижается у южной окраины города, неподалеку от «Конюшни кузнеца». Рядом с мокрой деревянной платформой и отпечатками обуви и лап на мокрой земле у насоса.

Агенты ФБР... и армейские спецназовцы, если они есть... будут прочесывать город с юга на север, в направлении, в котором

сейчас отступают Гэбби, Кертис и Желтый Бок. Преследователи прекрасно обучены, поиск людей — их профессия, что в городе, что на пересеченной местности, а большинство, если не все, имеют при себе приборы ночного видения.

Периферийным зрением, слева от себя, Кертис замечает слабое перламутровое свечение в непосредственной близости от земли. В тревоге смотрит на запад и видит, как тонкий слой тумана прикрывает землю. Потом понимает, что смотрит на соляное озеро, но не сверху, как прежде, а с уровня земли. И этот туман на самом деле естественное фосфоресцирование ровной, как стол, поверхности, призрак давно умершего моря.

Рев лопастей, рубящих воздух, смягчается, сопровождаемый свистом, который свидетельствует о замедлении вращения ротора. Вертолет уже стоит на земле.

Они идут. Они знают свое дело и очень быстры.

Спеша на север, Кертис волнуется, но не из-за людей, прилетевших на вертолете и, должно быть, спускающихся на внедорожниках по северному склону. В город прибыли куда более опасные враги.

Здания не позволяют полностью использовать потенциал приборов, отслеживающих источники теплового излучения и их перемещение. Они же частично, но не полностью блокируют энергетический сигнал, который излучает только Кертис.

Из-за естественной флуоресценции соляного озера ночь не такая темная, как несколькими мгновениями раньше. Кертис видит и силуэт Гэбби, и белые пятна на шерсти собаки.

Сторож не бежит в общепринятом смысле этого слова, а перемещается маленькими прыжками, совсем как его знаменитый дедушка в киномоменты серьезной опасности, приговаривавший при этом: «Черт, нам пора драпать». Этот Гэбби тоже драпает, но то и дело оборачивается, размахивая пистолетом, словно опасается, что ему на пятки уже наседает какой-нибудь злодей.

Кертису хочется кричать: *«Скорее-скорее-скорее!»* — но Гэбби, похоже, из тех людей, которые все делают, как считают нужным, и не желают прислушиваться к чьим-либо указаниям.

Хотя на юге поисковые группы одна за другой покидают вертолет, там не загорается ни одного огонька. Они предпочитают действовать под прикрытием ночи, уверенные, что с их

поисковым снаряжением, созданным на основе высоких технологий, темнота — союзник, а не враг.

Помимо зданий Кертиса прикрывает и перемещение людей, мешающее охотникам засечь его специфический энергетический сигнал, а в ближайшее время этих перемещений будет много.

И вдруг тишину разрывает крик. Крик взрослого мужчины, которого ужас мгновенно превратил в маленького ребенка.

Гэбби останавливается, прищурившись, смотрит в ту сторону, откуда они прибежали, его пистолет ходит из стороны в сторону, выискивая угрозу.

Схватив сторожа за руку, Кертис тянет его вперед.

У южной окраины города кричат уже два человека. Потом трое и даже четверо. Ужас бьет наотмашь и распространяется очень быстро.

— Святые дьяволы! Что это? — удивляется Гэбби, его голос дрожит.

Кертис тащит его, сторож подчиняется, но тут крики перекрываются автоматными очередями.

— Эти дураки расстреливают друг друга?

— Идем, идем, идем,— требует Кертис, им теперь руководит паника, заставившая забыть про дипломатичность, он уже силой тащит старика.

Люди, которых разрывают на части, которым вспарывают животы, которых поедают заживо, не могут издавать более страшные крики.

Бочком сторож вновь движется на север, Кертис уже не позади, а рядом с ним, собака впереди, словно шестое чувство подсказывает ей, где находится сарай-который-совсем-и-не-сарай.

Полгорода уже позади, они рядом с еще одним проулком между зданиями, когда странный свет вспыхивает справа от них, на улице, они видят его в туннеле между деревянными стенами. Синий и искрящийся, короткий, как фейерверк, он дважды пульсирует, прежде чем погаснуть. А из темноты, которая следом за вспышками слепит глаза, в проулок с улицы вваливается дымящаяся черная масса и несется на них.

Шустрый, но неуклюжий, словно марионетка на дергающих ее нитках, с костлявыми плечами, острыми локтями, шишковатыми коленями, Гэбби с удивительным проворством отска-

кивает с пути черной массы. Кертис повторяет его маневр, собака жалобно скулит, держась рядом с ним.

Со скоростью снаряда, вылетевшего из жерла орудия, мертвый мужчина отскакивает от одной стены к другой, его конечности выбивают дробь по доскам стен. Наконец проулок позади, и мужчина уже в открытом пространстве. Мгновение — и он проскакивает мимо Кертиса. Пугало, пробитое молнией, сорванное с привычного места ревущим торнадо, не могло бы набрать большую скорость. Наконец тряпичной куклой, без единой целой кости, он валится на землю. Запах идущего от него пара намного хуже, чем от мокрой соломы пугала, грязной, рваной одежды и изъеденной молью мешковины лица.

На растерзанной груди мужчины все-таки можно разобрать большие, когда-то белые, теперь обожженные и перекошенные буквы Ф и Р, а вот Б исчезло вместе с той частью груди, которую она прикрывала.

Хоть и страдающий артритом, сторож, похоже, понимает, в какую он попал передрягу, и находит в себе ту юношескую энергию и прыть, которую выказывал его знаменитый дедушка в своих ранних фильмах, таких как «Колокола Розариты» и «Парень из Аризоны». Он бросается к сараю наперегонки с собакой, а Кертис спешит за ними.

Вопли, крики, выстрелы доносятся из-за зданий, потом появляется какой-то странный звук, прьонг-прьонг-прьонг, словно кто-то водит железкой по зубьям грабель, принимая их за скрипичные струны.

Один Кертис Хэммонд лежит мертвый в Колорадо, другой сломя голову спешит к своей могиле.

Глава 31

У центрального входа в пансион «Сьело Виста» отражают свет дубинки, сверкают бляхи, блестят пряжки ремней затянутых в форму копов.

Мартин Васкес, генеральный менеджер пансиона, стоит чуть в стороне от копов, за одной из колонн, украшающих фронтон. Его тоже вытащили из постели, но он все-таки успел побриться и надеть черный костюм.

В сорок с небольшим лет у Васкеса гладкое лицо и глаза молодого набожного послушника. Он смотрел на приближающегося Ноя Фаррела, и по взгляду чувствовалось, что он с радостью поменял бы свою должность на обеты бедности и целомудрия.

— Мне так жаль, это просто ужасно. Если вы пройдете в мой кабинет, я постараюсь объяснить, как это произошло, исходя из того, что нам известно.

Ной прослужил в полиции три года, но только четыре раза участвовал в расследовании убийств. Лица и глаза сопровождавших его копов очень уж напоминали лица и глаза скорбящих родственников, которые он тогда видел. В них читалось не только сочувствие, но и подозрительность, сохраняющаяся и после опознания и задержания преступника. При некоторых убийствах подозрение скорее падает на родственника, чем на незнакомца, и несмотря на все улики, целесообразно разобраться, кто получит финансовую выгоду или освободится от утомительной ответственности благодаря насильственному уходу из жизни конкретного человека.

Для Ноя оплата ухода за Лаурой была не обузой, а смыслом существования. Даже если бы эти люди ему поверили, он все равно видел бы в их глазах подозрительность, скрытую сочувствием.

Один из копов выступил вперед, когда Ной, следуя за Васкесом, направился к парадной двери.

— Мистер Фаррел, я должен спросить, есть ли у вас оружие.

Он надел брюки и гавайскую рубашку. Пистолет лежал в кобуре, прикрепленной к ремню на пояснице.

— Да, но у меня есть разрешение.

— Да, сэр, я знаю. Если вы отдадите мне пистолет, я верну его вам при отъезде.

Ной замялся.

— Вы служили в полиции, мистер Фаррел. И, разумеется, понимаете, что на моем месте поступили бы точно так же.

Ной не знал, что побудило его взять пистолет. Он носил его с собой не всегда. В основном не носил. Уезжая из дома после звонка Мартина Васкеса, он плохо соображал, что делает.

Ной отдал пистолет молодому полицейскому.

Хотя в холле не было ни души, Васкес сказал: «Мы поговорим в моем кабинете»,— и указал на короткий коридор по левую руку.

Ной за ним не последовал.

Дверь перед ним вела в главный коридор. В дальнем его конце у комнаты Лауры стояли люди. Ни одного в форме. Детективы. Эксперты.

Васкес вернулся к Ною.

— Они дадут нам знать, когда вы сможете увидеть вашу сестру.

У стены, рядом с дверью, ждала тележка из морга.

— Уэнди Куайл,— догадался Ной, вспомнив медсестру с иссиня-черными волосами, которая несколько часов назад развозила сандей.

По телефону ему сообщили только суть трагедии. Лаура умерла. Очень быстро. Без страданий.

На лице Мартина Васкеса отразилось изумление.

— Кто вам сказал?

Значит, интуиция его не подвела. А он ей не поверил. Ответом все-таки было не мороженое. Ответом была любовь. В данном случае смертоносная любовь. Один из членов «Круга друзей» прибег к ней, дабы показать Ною, что случается с сестрами тех, кто полагает себя слишком благородным, чтобы брать пакеты для блевотины, набитые деньгами.

Мысленно Ной представил себе, как нажимает на спусковой крючок пистолета, а конгрессмен сгибается пополам, зажимая руками дырку в животе.

Теперь он мог это сделать. Он потерял цель в жизни. А человеку нужно чем-то занимать свое время. Ничего важного не просматривалось, может, пора обратиться к мести?

Не получив ответа на вопрос, Васкес продолжил: «Ее резюме впечатляло. Как и любовь к выбранной профессии. Она представила прекрасные рекомендательные письма. Сказала, что хочет поработать в более спокойной обстановке. Устала от постоянных стрессов больницы».

Семнадцать лет, прошедшие с того дня, как Лауру вышибли из этого мира, но не отправили в мир иной, Ной делал вид, что он не Фаррел, что он — чужак в своей преступной семейке, совсем как Лаура, что он чище, чем те, кто зачал его, что способен на искупление грехов. Но сестра ушла второй раз, теперь уже безвозвратно, так что отныне он не видел причин для того, чтобы держать за семью замками черную сторону своей души.

— Пойманная на месте преступления, она призналась во всем. Она работала в палатах для новорожденных в трех больницах. Каждый раз меняла работу, когда кто-либо мог начать задумываться, а только ли природу следует винить в смерти младенцев.

Убийство конгрессмена не подарило бы Ною новую жизнь, но удовольствие, которое доставила бы ему смерть Джонатана Шармера, определенно подсластило бы горечь, накопившуюся на дне его жизни.

— Она признается в убийстве шестнадцати младенцев. Она не думает, что совершила что-то плохое. Она называет эти убийства «маленькими благодеяниями».

Ной слушал Васкеса, но едва разбирал, что тот говорит. Наконец до него начал доходить смысл слов управляющего.

— Благодеяниями?

— Она выбирала младенцев с серьезными заболеваниями. Иногда тех, кто казался ей слабым. Или у кого были бедные и невежественные родители. Она говорит, что тем самым спасала их от страданий.

Интуиция Ноя оказалась права лишь наполовину. Он угадал в медицинской сестре преступницу, да только к «Кругу друзей» она не имела никакого отношения. Однако их корни росли из одного болота самозначимости и завышенной самооценки. Он слишком хорошо знал таких людей.

— После третьей палаты новорожденных, перед тем как прийти сюда, она работала в доме престарелых. Отправила на тот свет пятерых стариков, не вызвав ни малейшего подозрения. Этим она тоже гордится. Не испытывает ни угрызений совести, ни стыда. Она ждет от нас восхищения... ее сострадательностью, как называет она это.

Зло конгрессмена родилось из жадности, зависти, жажды власти. Ной понимал, чем это вызвано и почему. Тем же страдали и его отец, и дядя Крэнк.

Иррациональный идеализм медицинской сестры вызывал только холодное презрение и отвращение, но никак не желание отомстить. Вот так за одну ночь Ноя второй раз лишили цели в жизни.

— Другая наша сотрудница вошла в палату в тот самый момент, когда медсестра Куайл... завершала свое черное дело. Иначе мы бы ничего не узнали и ни о чем не догадались.

В дальнем конце коридора какой-то мужчина закатил тележку для тела в комнату Лауры.

В голове Ноя то ли громыхнул гром, то ли раздался далекий рев надвигающегося урагана.

Он распахнул дверь, отделявшую холл от главного коридора. Мартин Васкес попытался его остановить, напомнив, что полиция запретила посторонним заходить в коридор.

У сестринского поста полицейский заступил дорогу Ною, чтобы развернуть его к двери.

— Я родственник.

— Я знаю, сэр. Еще несколько минут.

— Да-да. Только я не могу ждать.

Когда Ной попытался протиснуться мимо него, коп положил руку ему на плечо. Ной рывком высвободился, не ударил в ответ, просто продолжил путь.

Молодой полицейский последовал за ним, вновь схватил Ноя за плечо, и они обязательно бы подрались, потому что полицейский просто исполнял свои обязанности, а Ною не терпелось кого-то ударить. А может, хотелось, чтобы ударили его, сильно и не один раз, поскольку физическая боль могла хоть немного облегчить боль душевную, от которой немело сердце.

Но прежде чем замелькали кулаки, один из детективов в конце коридора крикнул: «Пропусти его!»

Отдаленный рев пяти Ниагарских водопадов все еще наполнял голову Ноя, и хотя уровень шума этого внутреннего звука не повысился, он приглушал голоса людей, окружавших его.

— Я не могу оставить вас с ней наедине,— предупредил детектив.— Вскрытие еще не сделано, а как вам известно, мне придется доказывать, что улики находились под нашим постоянным контролем.

Уликами служил труп. Словно вылетевшая из ствола пуля или окровавленный молоток. Как личность, Лаура прекратила свое существование. Теперь она стала вещественным доказательством, предметом.

— Мы не хотим дать адвокату этой обезумевшей суки малейший шанс заявить, что кто-то манипулировал с останками до проведения токсикологической экспертизы.

«Обезумевшая сука» вместо «подозреваемой», вместо «обвиняемой». Здесь в отличие от суда политкорректность ни к чему.

Если адвокат сумеет доказать, что она обезумевшая, опустив суку, тогда медсестра получит малый срок в закрытой психиатрической лечебнице с плавательным бассейном, телевизором в каждой комнате, образовательными курсами по искусству и ремеслам, с психоаналитиком, который будет анализировать не ее стремление убивать, но стараться, чтобы она сохранила высокую самооценку.

Присяжные глупы. Может, такими они были не всегда, но в нынешнее время это факт. Дети убивают родителей, защита делает упор на то, что теперь они остались сиротами, и у значительного числа присяжных на глаза навертываются слезы.

Но Ной не мог разжечь свою ярость мыслями о том, что медсестру отправят в загородный санаторий или вообще оправдают.

Глухой шум в его голове не свидетельствовал о нарастающей ярости.

Он не знал, что это за шум, но не мог избавиться от него, и это пугало.

Лаура лежала на кровати. В желтой пижаме. То ли она вышла из транса и сумела переодеться перед сном, то ли медсестра переодела ее, расчесала волосы и вновь уложила, прежде чем убить.

— Куайл решила, что смерть пациентки с серьезными повреждениями мозга будет отнесена на естественные причины и не потребует проведения вскрытия,— говорил детектив.— Она не стала использовать субстанцию, которую сложно идентифицировать. Ввела огромную дозу «Холдола», транквилизатора.

К восьми годам Лаура уже понимала, что ее семья не такая, как все.

К ее совести, конечно же, не взывали, во всяком случае в доме Фаррелов, но природа одарила девочку высокими нравственными принципами. Она многого стыдилась, а семейные дела, о которых она с каждым годом узнавала все больше, просто ужасали. Но она держала все в себе, находя убежище в книгах и грезах. Ей хотелось только одного: вырасти, уйти и начать чистую, спокойную, никому не приносящую вреда жизнь.

Детектив попытался успокоить Ноя последним откровением: «Доза была столь велика, что смерть наступила мгновенно. Этот препарат отключает центральную нервную систему, как выключатель — свет».

К одиннадцати годам Лаура хотела стать врачом, словно уже чувствовала, что не сможет оторваться от своих корней, лишь не принося никому вреда. Она испытывала потребность что-то давать людям, возможно, посредством медицины, с тем чтобы очистить свою душу от грехов семьи.

В двенадцать лет в своих грезах она видела себя уже не врачом, а ветеринаром. Пациентами ей хотелось иметь животных. «Людей,— говорила она,— не излечить от их самых ужасных болезней, можно только подлатать тело...» Никому не следует знать так много о человеческой сущности в нежном двенадцатилетнем возрасте.

Двенадцать лет грез о будущем и еще семнадцать с бесцельными грезами оборвались здесь, на этой кровати, под подушкой которой новых грез уже не было.

Детективы и эксперты отступили, оставив Ноя одного у кровати, хотя и продолжали наблюдать за ним, охраняя вещественные улики.

Лаура лежала на спине, вытянув руки по бокам. Ладонь левой руки касалась простыни. Правая рука, ладонью кверху, на три четверти сжалась в кулак, словно в последний момент Лаура пыталась ухватиться за жизнь.

Он видел обе половинки лица, фарфорово-гладкую и изувеченную, творения Бога и Крэнка.

Теперь, видя сестру в последний раз, Ной находил обе половинки прекрасными. Они обе, пусть и по-разному, трогали сердце.

Мы приносим красоту в этот мир, как приносим невинность, а уродство уносим с собой, когда уходим из этого мира. Уродство — все то, во что мы превратили себя, не став, какими было суждено. Лаура прошла по этой жизни, не изуродовав себя. Только душа покидает этот мир, а ее душа осталась без пятен и шрамов, такой же чистой, как в момент появления на свет.

Ной прожил более долгую и полноценную жизнь, но не такую чистую и светлую. И знал, что, когда придет его срок, он, в отличие от нее, не сможет оставить все свое уродство с плотью и кровью.

Он едва не начал говорить с ней, как долгие годы нередко говорил, час за часом, в надежде, что она услышит его и обретет покой. Но только теперь его сестра окончательно ушла за зону

слышимости, да и Ной вдруг осознал, что ему нечего сказать ни ей, ни кому-то еще.

Он надеялся, что далекий гром перестанет звучать в его голове, как только он увидит Лауру и убедится, что она действительно ушла. Вместо этого гром значительно прибавил в громкости, как будто приблизился к нему.

Он отвернулся от кровати и направился к двери. На пороге воздух словно сгустился и остановил его, но только на мгновение.

Он увидел, что дверь напротив, по другую сторону коридора, закрыта.

В его последние визиты эта комната, также на одного человека, пустовала, а потому дверь всегда оставалась открытой.

И хотя за несколько часов, прошедших после его встречи с живой Лаурой, сюда могли поместить нового пациента, интуиция заставила Ноя пересечь коридор. Он успел распахнуть дверь и шагнуть в комнату, прежде чем детективы схватили его за плечи.

Медицинская сестра Куайл сидела в кресле, такая миниатюрная, что ее ножки едва доставали до пола. Поблескивающие синие глаза, розовое личико, бодрая и красивая, какой Ной ее и помнил.

В комнате с убийцей находились двое мужчин и женщина. Один человек — как минимум детектив из отдела расследования убийств, один человек — как минимум представитель окружного прокурора. Все трое крепкие профессионалы, асы психологической войны с преступниками, поднаторевшие в ведении допросов.

И тем не менее Уэнди Куайл полностью контролировала ситуацию, по большей части потому, что совершенно не понимала, в каком оказалась положении. По ее осанке и выражению лица не чувствовалось, что она — преступница, которой предстоит трудный допрос. Она выглядела как особа королевской крови, удостоившая аудиенции своих поклонников.

Она не отпрянула от Ноя, но, узнав, широко улыбнулась ему. Протянула руку, как могла бы протянуть руку королева, увидев перед собой верного подданного, который пришел, чтобы преклонить перед ней колена и подобострастно поблагодарить за милость, оказанную ранее.

Теперь Ной знал, почему у него забрали пистолет при входе в пансион: на случай, если эта непредусмотренная встреча все-таки произойдет.

Возможно, он застрелил бы ее, будь у него пистолет, но Ной в этом сильно сомневался. Возможность убить, сила воли, безжалостность — все это у него было, да только он не питал к ней столь необходимой для убийства злобы.

Потому что, как ни странно, Уэнди Куайл не удалось разбудить в нем злость. Несмотря на чувство глубокой самоудовлетворенности, которым она просто лучилась, несмотря на то что ее персиково-кремовые щечки раскраснелись от прилива тепла, вызванного уверенностью в собственном моральном превосходстве, она просто не могла вызвать у кого-либо ярость. Потому что являла собой пустоголовое существо, в которое могли залить любую философию, поскольку выдумать что-нибудь сама она не могла, за отсутствием интеллектуального потенциала. Если бы в свое время ей попался действительно хороший учитель, она, конечно же, стала бы превосходной медсестрой, надежной помощницей врачей, какой нынче только прикидывалась. Она разглагольствовала о тарелках и тарелочках неприятностей, она лечила мороженым, и пусть была достойна презрения и даже отвращения, в своей жалкости она просто не могла вызвать ярость.

Ной позволил утянуть себя в коридор, прежде чем медсестра смогла произнести какую-нибудь бессмысленную банальность. Кто-то закрыл дверь.

Двое детективов, достаточно умные, чтобы ничего не комментировать и не давать никаких советов, проводили его по коридору до холла. Ной не работал с ними, не знал их, три года он прослужил в полицейском управлении другого города. Тем не менее они, будучи одного с ним возраста или старше, знали, почему он более не носит форму. Они, несомненно, понимали, почему десять лет назад он поступил так, а не иначе, и, возможно, даже симпатизировали ему. Но они и близко не подходили к линии, которую он переступил обеими ногами, и теперь видели в нем обычного гражданина, к которому следовало относиться не только с должным уважением, но и настороженно, несмотря на то что когда-то он ходил с бляхой копа и выполнял ту же работу, что и они сейчас.

Пациентов пансионата попросили оставаться в своих комнатах за закрытыми дверями, тем, кто пожелал, дали снотворного. Но Ричард Велнод стоял у открытой двери, словно ждал Ноя.

И без того низкий лоб Рикстера, казалось, просто наполз на глаза, словно сила тяжести еще решительней притянула его к земле. Губы шевелились, но толстый язык, всегда мешавший говорить ясно и понятно, на этот раз подвел его полностью и окончательно. Обычно его глаза служили окнами мыслей, но сейчас их залило слезами, он вроде бы хотел задать какой-то вопрос, но боялся.

Детективы бы предпочли, чтобы Ной сразу покинул коридор, но он остановился, чтобы сказать: «Все нормально, сынок. Она не чувствовала боли».

Руки Рикстера пребывали в непрерывном движении, хватались друг за друга, за пуговицы пижамной куртки, за низко посаженные уши, за воздух, словно могли вытащить из него понимание происходящего.

— Мистер Ной, что... что?..— Губы его свело душевной болью.

Предположив, что Рикстер хочет знать, что случилось, Ной нашелся лишь с ответом, достойным банальностей медицинской сестры Куайл:

— Просто Лауре подошло время уйти.

Рикстер покачал головой. Вытер слезящиеся глаза, влажными руками прошелся по щекам, собрался с мыслями, прилагая для этого столько внутренних усилий, что Ною стало его жалко. Губы Рикстера затвердели, ему удалось подчинить себе прежде непослушный язык и озвучить свой вопрос, совсем не тот, что предположил Ной, гораздо более сложный для ответа:

— Что не так с людьми?

Ной покачал головой.

— Что не так с людьми? — не желал остаться без ответа Рикстер.

Он смотрел на Ноя с такой мольбой, что тот просто не мог отвернуться, не отреагировав, но при этом не мог и лгать, а на такой трудный вопрос успокаивающий ответ мог быть только лживым.

Ной знал, что ему следовало бы обнять мальчика-мужчину и отвести к кровати, где на тумбочке стояли фотографии его родителей. Ему бы уложить мальчика в постель, укрыть одеялом и поговорить о чем-нибудь или ни о чем, как в случае с Лаурой.

Этого мальчика мучило одиночество, а не желание знать, что не так с людьми, и хотя Ной не сумел бы раскрыть Рикстеру причины человеческой жестокости, он мог своим присутствием на какое-то время избавить беднягу от одиночества.

Но он чувствовал, что его словно выжгло изнутри, и сомневался, что может хоть кому-либо что-то дать. Теперь уже нет. После ухода Лауры — нет.

Ной понятия не имел, что с людьми не так, но точно знал: то, что могло сломаться в душе человечества, определенно сломалось в его собственной душе.

— Я не знаю,— ответил он мальчику-мужчине.— Я не знаю.

К тому времени, когда он получил пистолет и добрался до автомобиля, далекий шум в голове стал намного громче и отчетливее. Он более не напоминал рокотание грома, скорее сердитый рев человеческой толпы... или грохот воды, скатывающейся с высокого обрыва в глубокую пропасть.

Спеша в «Сьело Висту», он нарушил все правила дорожного движения, а вот на обратном пути ни разу не превысил разрешенную скорость, останавливался на всех знаках «Стоп». Ехал с преувеличенной осторожностью пьяного, милю за милей, и к сердитому гулу в голове, казалось, прибавились потоки тьмы, которые изливались из него в калифорнийскую ночь. Квартал за кварталом уличные фонари становились все более тусклыми, а хорошо освещенные авеню застилал мрак. К моменту, когда он припарковался около своего дома, воды реки, которая могла быть надеждой, иссякли, полностью свалились в пропасть, и Ной, укладываясь в кровать с бутылкой бренди, руководствовался другими, более мрачными эмоциями.

Глава 32

Мальчик, собака и старик-сторож, заросший жесткими кучерявыми волосами, добираются до сарая-который-совсем-и-не-сарай, да только Кертис видит перед собой самый обыкновенный сарай. Более того, он скорее похож на развалины сарая.

Стоит это сооружение само по себе, в двух сотнях ярдов на северо-запад от города, среди полыни, конского щавеля и паслена. По пути они миновали четкую демаркационную линию: по одну сторону — сорняки, кусты, кактусы, по другую — голая земля, в которой столько соли, что на ней не приживается даже неприхотливая растительность пустыни. Странное место для постройки сарая.

И в ночной тьме, когда одни тени чуть проявляются на фоне других, видно, что сарай этот держится на честном слове и не сегодня-завтра рухнет. Крыша прогнулась, стены наклонились, углы подточили ветер и солнце.

Если только этот полуразвалившийся сарай — не тайный арсенал, набитый оружием будущего, плазменными мечами, лазерными ружьями, нейтронными гранатами, Кертис не может представить себе, на что они могут надеяться. В такой шторм их не спасет никакое убежище.

В городе, что остался у них за спиной, уже бушует буря. Большая часть криков и воплей не долетает до них, но от тех, что все-таки доносятся, леденеет сердце. В ответ на выстрелы, привычные этой территории уже полторы сотни лет, слышатся боевые звуки, которых не знавал ни Старый Запад, ни Новый: зловещий звон, от которого дрожит воздух и содрогается земля, пронзительный свист, пульсирующее мычание, протяжные металлические стоны.

Пока Гэбби открывает дверь рядом с воротами, за спиной Кертиса что-то грохочет. Обернувшись, он успевает увидеть, как исчезает одно из самых больших зданий города, то ли салун, то ли игорный дом. Складывается, словно проваливается в черную дыру. Обратная волна поднимает вихри соли с сухой поверхности мертвого океана, тащит их к городу. Кертису едва удается устоять на ногах.

Второй взрыв, следующий за первым, сопровождается смерчем оранжевого огня, который поднимается над тем местом, где находился пансион. В этом слепящем пламени здание просто распадается на составные элементы: доски, толстые и тонкие, стойки и балконное ограждение, двери, рамы... плюс лестничные пролеты, похожие на хребет бронтозавра... они появляются из темноты, которая потом их же и захватывает, прямо из воздуха, как торнадо, на фоне языков пламени. На этот раз взрывная волна гонит соль назад и поднимает облака песка. Кертиса бросает в другую сторону. Ему кажется, что пансион исчез, чтобы магическим образом появиться вновь совсем в ином месте.

У Гэбби нет времени для этого захватывающего дух зрелища, да и у Кертиса тоже. Дверь открыта, следом за сторожем и собакой он входит в сарай.

Дверь не такая хлипкая, как он ожидал. Снаружи грубые доски, зато внутри сталь, толстая, тяжелая, прочная. Дверь мягко захлопывается за его спиной, повернувшись на хорошо смазанных петлях.

Внутри короткий темный коридор, свет горит за другой дверью, в дальнем конце. Не масляной лампы — флуоресцентной.

Воздух не пахнет ни песком пустыни, ни солоноватым дыханием высохшего морского залива. И температура его заметно ниже.

Сосны, сосны, близко к полу, сосны на полу, воск для натирки полов с сосновым запахом на виниловых плитках. Корица и сахар, крошки печенья, масло, и сахар, и корица, и тесто. Хорошо. Хорошо.

Флуоресцентные лампы освещают кабинет без окон, с двумя столами и бюро. И холодильником. Холодный воздух поступает из вентиляционного люка под потолком.

Едва заметные вибрации пола указывают на наличие подвала, в котором стоит дизельный генератор. Этот сарай достоин Диснейленда: новенький, с иголочки, а стилизован под развалюху. В здании работают люди, занимающиеся обслуживанием города призраков. При этом приняты все необходимые меры, чтобы у туристов создалось полное ощущение, будто о благах современной цивилизации в этом месте слыхом не слыхивали и они действительно попали в далекое прошлое.

На ближайшем столе стоят чашка с кофе и большой термос. Рядом с чашкой лежит книжка в обложке, один из романов Норы Робертс*. Если в состав ночной смены не входят один-два призрака, значит, кофе и женский роман принадлежат Гэбби.

И пусть они торопятся, пусть до зубов вооруженные преследователи могут ворваться в сарай в любую секунду, сторож тормозит, чтобы убрать книжку со стола. Бросает ее в один из ящиков.

---

* Робертс, Нора — современная американская писательница, произведения которой переводятся на все ведущие мировые языки, в том числе и на русский.

Виновато смотрит на Кертиса. Его дочерна загорелое лицо обретает бронзовый оттенок.

Сарай совсем не такой, каким кажется на первый взгляд, и Гэбби тоже совсем не такой, каким кажется на первый взгляд. И вообще создается впечатление, что существует клуб всего не такого, как кажется на первый взгляд, и число членов этого клуба — легион.

— Иуда, прыгающий в адский огонь! Мальчик, мы сейчас в опасной зоне! Поэтому не стой столбом, пока не зарастешь медвежьем ухом и клинтонией! Пошли, пошли!

Кертис остановился у стола только потому, что первым там остановился Гэбби, и он понимает, что сторож кричит, чтобы отвлечь его внимание от своих манипуляций с женским романом.

Через кабинет он следует за Гэбби к другой двери, гадая, как выглядят медвежье ухо и клинтония, растут ли они в здешних краях так быстро, что можно ими зарасти, простояв, не шевелясь, несколько секунд. Задается вопросом: а вдруг это растения-людоеды, которые не только не позволят тебе сдвинуться с места, но и сожрут заживо?

Чем скорее он покинет Юту, тем будет лучше.

Прихрамывая, бочком, Гэбби ведет Желтого Бока и Кертиса к дальней двери, на ходу сдергивает связку ключей с крючка на стене и первым входит в гараж на четыре автомобиля. Три стояночных места пустуют, зато четвертое занимает внедорожник, стоящий передним бампером к поднимающимся вверх воротам: белый «меркурий маунтинир».

Пока Кертис спешит к дверце со стороны пассажирского сиденья, Гэбби открывает водительскую дверцу и спрашивает:

— Эта собака, она ссытся?

— Больше нет, сэр.

— Что-что?

— Больше нет, сэр! — кричит Кертис, рывком распахивая свою дверцу.

Гэбби усаживается за руль.

— Черт побери, мне не нужны ссущиеся поедатели печенья в моем новом «меркурии».

— Мы ели только сосиски, сэр, а потом выпили немного апельсинового сока,— заверяет его Кертис и не без труда забирается на переднее сиденье с собакой на руках.

— Блеющая сифилитическая овца! Зачем ты тащишь ее на переднее сиденье, мальчик?

— А почему нет, сэр?

Нажимая кнопку на пульте дистанционного управления, включающую подъемник ворот, заводя двигатель, сторож отвечает:

— Если Бог сотворил маленьких рыбок, тогда пассажиры с хвостом должны загружаться через заднюю дверцу!

Захлопнув дверцу, Кертис поворачивается к нему.

— Бог, безусловно, сотворил маленьких рыбок, но я не понимаю, как первое можно соотнести со вторым.

— У тебя не больше здравого смысла, чем у ведра. Держи крепче свою дворнягу, если не хочешь, чтобы ее расплющило, как москита, только о другую сторону ветрового стекла.

Желтый Бок устраивается на коленях Кертиса, смотрит вперед, а мальчик обнимает собаку, чтобы та не могла сдвинуться с места.

— Мы сумеем опалить ветер, вытаскивая отсюда наши задницы! — громогласно объявляет Гэбби, включая первую передачу.

Почему-то эти слова Кертис воспринимает как предупреждение, что у них начнет пучить животы, но не понимает, с чего такое может случиться.

Гэбби жмет на педаль газа, и «маунтинир» вырывается из гаража, проскакивая под еще поднимающимися воротами.

Мальчика сначала припечатывает к спинке сиденья, потом бросает на дверь, когда сторож заламывает такой крутой вираж, поворачивая на юго-запад, что едва удерживает внедорожник на колесах. Тут Кертис вспоминает правила дорожного движения и кричит, перекрывая рев мощного двигателя:

— Закон требует, чтобы мы пристегнулись ремнями безопасности, сэр!

Даже в слабом отсвете панели приборного щитка мальчик видит, как темнеет лицо Гэбби, словно кто-то из представителей государства в этот самый момент читает ему нотацию, и он доказывает, что может одновременно орать и вести машину:

— У всей этой своры политиканов мозгов не больше, чем у гребаного червя! Ни один толстозадый, бородавчатый, пожирающий мух, жабьерожий политикан, ни один двенадцатипалый,

брюхатый, плосколобый бюрократ, пока я жив, не будет указывать мне, должен я пристегивать ремень безопасности или не должен я пристегивать ремень безопасности! Если мне захочется нажать на тормоз и вышибить лицом ветровое стекло, будь я проклят, если мне кто-то помешает, и никто не смеет заявлять, что я не имею на это права! Если уступить им в этом, так скоро эти жаждущие власти мерзавцы примут новый закон, согласно которому автомобиль можно будет водить только в шотландской юбке!

Пока сторож произносит свою тираду, Кертис поворачивается, насколько это возможно с собакой на руках, и смотрит назад, на восток и север, на город-призрак, в котором продолжается сражение. Теперь там больше света, чем на Таймс-сквер на Рождество. По окончании боевых действий историческому обществу, которое приглядывает за этой достопримечательностью, придется полностью восстанавливать город, потому что останутся от него разве что обгоревшие доски, согнутые гвозди да пепел.

Кертис по-прежнему удивлен, что ФБР знает о нем и о силах, его преследующих, что они вмешались в эту историю, что действительно думают, будто у них есть шанс найти его до того, как это сделают враги, и взять под свою защиту, не позволив уничтожить. Они не могли не понимать, сколь неравны силы, и тем не менее ввязались в драку. Он восхищается их бесшабашностью и храбростью, пусть они и подвергнут его экспериментам, если сумеют продержать у себя достаточно долго.

Ехать Гэбби может даже быстрее, чем говорить. Они буквально летят по соляному озеру.

Чтобы не привлекать к себе ненужного внимания, наружное освещение он не включал.

Езда без включенных фар в период от сумерек до рассвета также запрещена законом, но Кертис приходит к выводу, что упоминать об этом не следует, а не то Гэбби подумает, что он не умеет налаживать контакты с людьми. Кроме того, Кертис сам, чего уж скрывать, не один раз нарушил закон в этом забеге к свободе, пусть он и не гордится своими противоправными действиями.

Обложенное облаками небо не пропускает вниз никакого света, но естественная флуоресценция соляного озера позволя-

ет им что-то видеть, да и Гэбби хорошо знаком с местностью. Он избегает дорог, которые могут пересекать эту пустынную долину, и держится открытых пространств, чтобы, входя на огромной скорости в поворот, не столкнуться с другим автомобилем, с вытекающими из этого физическими и моральными последствиями.

Соляная равнина светится белым, «меркурий маунтинир» тоже белый, так что издалека заметить внедорожник не очень-то легко. Колеса оставляют за собой белый шлейф соли, но он скорее похож на дымку тумана, чем на густое облако, и быстро рассеивается.

Если агенты ФБР или самые плохие выродки используют специальное оборудование, засекающее движение на соляном озере, установив его на гребне холма или на воздушной платформе, тогда Гэбби может не только включать фары, но и пускать сигнальные ракеты, поскольку чувствительные приборы не обманет белое на белом и шансов уцелеть у них будет не больше, чем у человека, который проскочил мимо них, выброшенный из проулка между зданиями.

— ...связать их одним из этих ремней безопасности, о которых они так радеют, намазать свиным жиром, бросить в подвал к десяти тысячам полуголодных вонючих жуков и посмотреть, в какой безопасности будут чувствовать себя эти мерзавцы! — завершает Гэбби.

Кертис ухватывается за эту возможность сменить тему.

— Кстати, о вони, сэр, я не портил воздух и не думаю, что испорчу.

Не снижая скорости, даже чуть увеличив ее, старик-сторож переводит взгляд с соляного озера на них. Смотрит на Кертиса в полном недоумении, похоже, на какое-то мгновение лишился дара речи.

Но лишь на мгновение, потому что тут же чмокает губами и начинает работать языком:

— Иудины пилы в аду! Мальчик, что побудило тебя сказать то, что ты только что сказал?

Обескураженный тем, что и эта попытка завязать светский разговор вызвала у сторожа реакцию, близкую к ярости, Кертис отвечает:

— Сэр, я ни в коем разе не хотел вас обидеть, но вы первый сказали о том, что мы опалим ветер, вытаскивая отсюда наши задницы.

— Знаешь, есть в тебе неприятная сторона, мерзкая такая привычка плевать в лицо, которая не может нравиться.

— Сэр, не обижайтесь, пожалуйста, но я лишь отметил, что не портил воздух, как вы ожидали, и вы не портили, и моя собака тоже.

— Ты продолжаешь талдычить про обиды, мальчик, но я прямо говорю тебе, что обижусь, если твоя чертова собака начнет пердеть в моем новом «меркурии».

С разговором не выходит ничего хорошего, и по соляному озеру они мчатся с такой безумной скоростью, что смена темы становится вопросом жизни и смерти, вот Кертис и решает, что пришло время вспомнить и похвалить знаменитого предка Гэбби.

— Сэр, мне очень понравились «Хеллдорадо», «Сердце Золотого Запада» и «На восходе техасской луны».

— Да что с тобой такое, мальчик?

Собака скулит и ерзает на коленях Кертиса.

— Смотрите вперед, сэр! — восклицает мальчик.

Гэбби смотрит на уносящуюся под колеса соляную гладь.

— Обычное перекати-поле,— пренебрежительно бросает он, когда огромный, словно из крученой проволоки шар подлетает от удара передним бампером, перекатывается по капоту, через ветровое стекло, скребет по крыше, как пальцы скелета изнутри по крышке гроба.

Нервно, но решительно Кертис предпринимает еще одну попытку установить более доверительные отношения со сторожем:

— «Вдоль тракта навахо» действительно отличный фильм, так же как «Огни Санта-Фе». Но, может быть, самый лучший — «Сыны первопроходцев».

— Ты про фильмы?

— Я про фильмы, сэр.

И хотя Гэбби все сильнее пришпоривает «маунтинира», гонит его быстрее и быстрее, он не смотрит вперед, словно уверен в том, что шестое чувство всенепременно предупредит его о на-

двигающейся катастрофе, а пристально всматривается в Кертиса.

— Скажи мне, во имя обезглавленного баптиста, почему ты говоришь со мной о фильмах, когда эти посланные государством маньяки взрывают мир у нас за спиной?

— Потому что это фильмы вашего дедушки, сэр.

— Фильмы моего дедушки? Назовите блевотину вином и дайте мне две бутылки! Что ты несешь? Мой дедушка выкорчевывал кактусы, потом продавал Библии и никому не нужные энциклопедии, если кому-то хватало ума открыть ему дверь.

— Но если ваш дедушка выкорчевывал кактусы, как же тогда Рой Роджерс? — недоумевает Кертис.

Борода Гэбби, его брови, волосы в ушах топорщатся то ли от негодования, то ли от статического электричества, вызванного сочетанием высокой скорости и сухости воздуха пустыни.

— Рой Роджерс? — он вновь кричит, одной рукой держит руль, второй барабанит по нему.— Да скажи на милость, какое отношение имеет этот киношный, в модных сапогах, поющий, давно уже мертвый ковбой к тебе, ко мне или к цене на бобы?

Кертис не знает, сколько стоят бобы и почему их цена именно в этот момент приобрела особую важность для сторожа, но он видит, что едут они слишком быстро... и продолжают наращивать скорость. Чем больше волнуется Гэбби, тем сильнее его нога давит на педаль газа, и все, что говорит Кертис, только поднимает уровень его волнения. Поверхность соляного озера на удивление ровная, но при такой скорости «маунтинир» трясет даже на малейшей выбоине или бугорке. А если рытвина будет побольше или им под колеса попадет камень или коровий череп, которые так часто показывают в вестернах, их не спасут даже лучшие достижения инженерной мысли Детройта и внедорожник перевернется, как... ну, как Иуда, привязанный к бревну и сброшенный по водосливу в ад.

Кертис боится что-либо сказать, но Гэбби, похоже, вот-вот вновь начнет барабанить по рулю, если мальчик и дальше будет молчать. Поэтому, без всякого желания спорить, лишь для того, чтобы высказать альтернативное мнение и завязать приятный разговор, который уменьшит волнение сторожа и скорость «маунтинира», он обрывает затягивающуюся паузу:

— Вы уж не обижайтесь, сэр, но мне кажется, что сапоги у Роя Роджерса не такие уж и модные.

К облегчению Кертиса, Гэбби поворачивает голову, чтобы глянуть в ветровое стекло, но тут же вновь смотрит на него, а внедорожник прибавляет в скорости.

— Мальчик, ты помнишь, как возле насоса я спросил тебя, ты глупый или что?

— Да, сэр, я помню.

— И помнишь, что ты ответил?

— Да, сэр, я ответил: «Полагаю, или что».

— Даже если последний дурак вновь задаст тебе этот вопрос, я советую тебе ответить: «Я глупый».— Он барабанит рукой по рулю и выдает очередную гневную тираду: — Засуньте мне в задницу бутылку и назовите меня Янки Дудлом*! Вот я воюю сейчас со всем этим гребаным государством, с их бомбами, танками и сборщиками налогов, все потому, что ты заявляешь, будто они убили твоих родителей, а теперь я вижу, что ума у тебя не больше, чем у цыпленка, и, возможно, государство и не убивало твоих стариков.

В ужасе оттого, что его неправильно поняли, борясь со слезами, готовыми хлынуть из глаз, Кертис спешит поправить сторожа:

— Сэр, я никогда не говорил, что государство убило моих стариков.

Вне себя от ярости, Гэбби ревет:

— Отрежь мне ко-джонес и назови меня принцессой, но только не говори, что ты этого не заявлял!

— Сэр, я заявлял, что самые худшие выродки убили моих стариков — не государство.

— Да разве есть более худшие выродки, чем государство?

— О сэр, эти гораздо хуже.

Желтый Бок елозит по коленям Кертиса. Жалобно повизгивает, с черного носа на руки мальчика капает ледяной пот, он чувствует, что ей хочется облегчиться. Посредством телепатического канала мальчик—собака он убеждает ее держать под контролем мочевой пузырь, но тут же вспоминает: их отноше-

* Бравый солдат янки, герой маршевой песни того же названия времен Войны за независимость.

ния как собака—мальчик, так и мальчик—собака, то есть телепатический канал,— улица с двусторонним движением и, если не проявить осмотрительность, ее желание сделать пи-пи быстро станет его желанием. Он без труда может представить себе катастрофу, которая разразится, если он и собака одновременно описаются в новом «меркурии» Гэбби, потому что в этом случае сторожа обязательно хватит удар и он более не сможет управлять внедорожником, мчащимся на громадной скорости.

Впервые после инцидента в ресторане на стоянке грузовиков мальчик теряет уверенность в том, что может перевоплотиться в Кертиса Хэммонда. А без уверенности в своих силах ни один беглец не сможет создать убедительный образ-ширму, за которой его никто не заметит. Уверенность в себе — ключ к выживанию. Устами матери глаголет истина.

Гэбби опять что-то вещает, «меркурий маунтинир» трясется и стонет, как выходящий на орбиту космический челнок, и, несмотря на рев двигателя, что-то из только что сказанного сторожем вдруг соотнеслось в голове мальчика со словами Гэбби, услышанными раньше. Кертис в отчаянии хватается за возможность изменить направление разговора и предпринимает попытку вернуть более дружескую тональность, от которой они, к его великому сожалению, ушли.

Согласно фильмам, большинство американцев всегда стремятся не только улучшить свою жизнь, но и постоянно работают над собой, повышают свой интеллектуальный уровень. А поскольку фильмы доказали свое право считаться надежным источником информации, Кертис прерывает монолог Гэбби с намерением преподать ему урок лингвистики, за который сторож не может не поблагодарить его.

— Сэр, причина, по которой я вас не понял, состояла в том, что вы неправильно произнесли слово. Вы имели в виду яички.

Если раньше на очень подвижном лице Гэбби отражалось удивление, то теперь он, должно быть, поражен до крайности, потому что брови не просто поднимаются, но сходятся на середине лба, глаза вылезают из орбит, морщинки растягиваются, борода топорщится. Выразить большего изумления его лицо просто не способно.

Кертис понимает, что Гэбби вот-вот разразится гневной тирадой, и спешит докончить свою мысль:

— Сэр, вы сказали «ко-джонес», тогда как имели в виду «ко-хо-найс». Cojones*. Вы произнесли по-английски испанское слово, которое должно звучать иначе, потому что одинаковые буквы в этих двух языках произносятся по-разному. Если бы вы...

— Будь прокляты все дьяволы от ада до Абилина**! — ревет Гэбби и с отвращением отворачивается от Кертиса, что, с одной стороны, хорошо, а с другой — плохо. Хорошо, потому что он наконец-то смотрит на расстилающееся перед ними соляное озеро. Плохо, потому что рано или поздно, вне себя от нанесенного ему оскорбления, он вновь посмотрит на Кертиса, и вот тогда сырость точно отделится от воды.

Как сырость на воде.

Кертис вспоминает еще что-то, пусть незначительное, но важное, однако не решается поделиться своим открытием с разозленным сторожем. Он полностью потерял веру в свои способности наладить отношения с другим человеком. Теперь он убежден, что любое сказанное им слово, даже произнесенное самым дружелюбным тоном, будет неправильно истолковано и вызовет яростное ругательство Гэбби, такое громкое, что окна «маунтинира» разлетятся вдребезги.

Неудача мальчика в попытках поддержать разговор выливается в короткую паузу. Сторож, который, выкрикнув «Абилин», какое-то время мог лишь шумно дышать, атакует уже не государство, а Кертиса.

— Наглый, плюющий в глаза, неблагодарный, самодовольный маленький панк! Может, я не заканчивал гарвардского колледжа, может, у меня не было возможностей тех, кто рождается с серебряной ложечкой во рту, но с того времени, как я обхожусь без ползунков, я знаю, что критиковать старших нехорошо. Не тебе учить меня, как произносить «ко-джонес», если твоя жалкая пара ко-джонес размерами не превосходит двух горошин!

Продолжая орать, Гэбби наконец отпускает педаль газа, и «маунтинир» сбрасывает скорость. Может, он решил остановиться, чтобы высадить Кертиса и собаку и дальше ехать одному.

В данный момент, даже если бы они были в лодке посреди бушующего моря, мальчик беспрекословно прыгнул бы за борт.

---

* Cojones — яички *(исп.)*.

** Абилин — город в штате Техас.

Поэтому он не собирается спорить, если его высадят посреди соляного озера. Более того, он бы только приветствовал такой вариант. У него уже нет сил для того, чтобы одновременно подавлять отчаяние беглеца, изображать из себя человека, успокаивать маленькую собачку и при этом общаться на непонятном ему диалекте. Он чувствует, что голова у него вот-вот разорвется или произойдет что-то еще более худшее и неприятное.

Вероятно, выпустив достаточно злости, чтобы не получить инфаркт от одного взгляда на своего малолетнего, но наглого пассажира, Гэбби наконец отвлекается от лицезрения соляного озера. Может, старик удивлен, что Кертис до сих пор не выпрыгнул из «маунтинира», может, удивлен слезами мальчика, а может, тем, что этот дерзкий панк решается смотреть ему в глаза. Так или иначе, но вместо презрения, которое ожидает увидеть Кертис, на лице сторожа вновь отражается изумление, да еще такое, какого видеть на лице Гэбби ему не доводилось, изумление, которое больше уместно карикатурному персонажу, а не человеку.

И Гэбби с силой жмет на педаль тормоза.

К счастью, скорость уже упала с более чем ста миль в час до неполных пятидесяти. Скрип тормозов и визг заблокированных колес одинаковы что на асфальте, что на твердой поверхности соляного озера. Правда, запаха жженой резины и расплавленной соли на дороге не почувствовать.

Если бы Кертис не прижимался спиной к сиденью и изо всех сил не упирался ногами в щиток, он и Желтый Бок могли бы действительно размазаться по ветровому стеклу, совсем как москиты, только изнутри. Но при этом вся жизнь собаки, от щенячих воспоминаний до сосисок в доме на колесах, мелькает в его мозгу, и вся жизнь Кертиса мелькает в ее, что сильно сбивает с толку их обоих. Наконец «маунтинир», которого тащит юзом несколько десятков ярдов, останавливается, и мальчик и собака чувствуют, что они оба целы и невредимы.

Гэбби, тоже пережив эту внезапную остановку без единой царапины, доказал, что эти несчастные толстозадые, бородавчатые, пожирающие мух, жабьерожие политиканы знают далеко не все. Кертис думает, что этот триумф индивидуализма над государством и законами физики может изменить настроение сторожа к лучшему. Но, наоборот, с потоком слов о физиологи-

ческих отправлениях и сексуальных отношениях сторож ставит ручку переключения скоростей в нейтральное положение, распахивает дверцу и покидает внедорожник в таком возбуждении, что заплетает одну ногу другой и падает, пропадая из вида.

— Иудины пилы в аду! — восклицает Кертис.

Выскальзывает из-под Желтого Бока, перелезает через консоль, оставляя собаку на пассажирском сиденье, садится за руль.

За открытой дверцей, освещенный лампой, расположенной под потолком кабины внедорожника, Гэбби лежит на спине. Его мятая, с пятнами пота шляпа валяется рядом, словно он сейчас возьмет банджо и будет играть, собирая четвертаки. Седые завитки волос стоят дыбом, словно успели сильно наэлектризоваться, в них блестят кристаллики соли. Вид у него ошеломленный, возможно, причина кроется в том, что твердость поверхности соляного озера он проверил не только спиной, но и головой.

— Святые дьяволы! — восклицает Кертис.— Сэр, вы в порядке?

Этот вопрос так пугает сторожа, что можно подумать, будто ему пригрозили обезглавливанием. Он отползает назад, подальше от «маунтинира», вымазывая штаны в соли, и поднимается на ноги, лишь оказавшись, как ему представляется, на безопасном расстоянии от внедорожника.

Ранее Кертис полагал, что в странностях, отмеченных им в поведении сторожа, нет ничего особенного. Они — результат проблем в общении, которые привели к нескольким недоразумениям. Теперь он в этом не уверен.

Он исходил из того, что Гэбби с-причудами-но-лапочка, с-причудами-но-с-нежным-сердцем, с-причудами-но-с-добрыми-намерениями, а не просто с причудами.

Может, у него даже не все в порядке с психикой. Может, он жует астрагал.

Он, возможно, не серийный убийца вроде зубных фетишистов из дома на колесах, если только серийные убийцы не составляют бо́льшую долю населения, чем та, что приводится в фильмах, и эта мысль пугает.

На поверхности соляного озера, между Гэбби и «маунтинир ом», лежат два предмета: шляпа и пистолет калибра девять миллиметров. Только что Гэбби пятился назад, а теперь вот

осторожно приближается к внедорожнику. И хотя Кертис по-прежнему верит, что Гэбби — настоящий амиго, вздорный, но сострадательный, внимание сторожа сфокусировано не на шляпе.

Пистолет ближе к Кертису. Он выпрыгивает из внедорожника, чтобы схватить его.

Непредсказуемый сторож не пытается первым добраться до пистолета.

Не останавливается и не пятится, но поворачивается и бежит прочь, как обычно, подпрыгивая, с максимально возможной скоростью.

В недоумении Кертис смотрит вслед удаляющейся фигуре, пока ему не становится ясно, что мужчина не вернется. Гэбби ни разу не оборачивается, спешит к восточной стене долины, словно верит, что все дьяволы между адом и Абилином, о которых он не так давно упоминал, теперь в полном составе гонятся за ним. Он растворяется в темноте и флуоресценции, превращаясь в мираж.

Как странно. Позже общение с Гэбби и поведение последнего определенно потребуют серьезного анализа, но лишь когда Кертис оторвется от врагов и у него появится время для раздумий.

Когда он оторвется от врагов, не *если*. Теперь на какое-то время у него нет необходимости общаться, и Кертис чувствует, как к нему возвращается уверенность.

В нескольких милях к северу, где в свое время стрелки-одиночки решали свои проблемы, стоя лицом к лицу на пустынной улице, идет более шумное и яростное сражение. Конечно, это еще не Армагеддон и не война миров, но уровень боевых действий все равно впечатляет. Кертис ожидал, что развязка наступит значительно раньше. Он не предполагал, что неравные силы будут столь долго выяснять, кто сильнее.

А кроме того, скорее рано, чем поздно, у конфликтующих сторон должны возникнуть подозрения, что мальчик, из-за которого они схлестнулись, выскользнул из города под прикрытием боя и теперь убегает все дальше. Вот тогда армии разойдутся, вместо того чтобы доводить сражение до победного конца, и просто выродки и худшие выродки вновь начнут поиски мальчика и собаки, которые уже одновременно привели их в одно и то же место, в город-призрак.

Пора двигаться.

Оставив пистолет на земле, поскольку теперь нет нужды волноваться, что он попадет в руки психически неуравновешенного Гэбби, Кертис вновь забирается в «маунтинир». Он никогда не водил такой автомобиль, но принцип управления у машин один и тот же, и он уверен, что справится, пусть и не с тем мастерством, какое показывал Стив Маккуин в «Буллитте», и не с шиком Берта Рейнольдса в «Смоки» и «Бандите».

Он намерен перейти от мелких краж к тяжкому преступлению. Так, во всяком случае, расценят его действия власти.

Но, с его точки зрения, он хочет всего лишь воспользоваться автомобилем без разрешения владельца, потому что не собирается оставлять «маунтинир» у себя. А если он только попользуется внедорожником, а потом полиция, найдя автомобиль, вернет его хозяину в таком же хорошем состоянии, тогда его моральные обязательства будут состоять лишь в извинениях перед Гэбби и компенсации за использованный бензин, время и доставленные неудобства. Не собираясь более встречаться со сторожем лицом к лицу, он надеется задобрить свою совесть, извинившись в письме и расплатившись почтовым переводом.

Одна проблема, правда, возникает: рост. Десятилетний мальчик — не взрослый мужчина, поэтому Кертис Хэммонд может или все видеть перед собой, или ловко управляться с педалями газа и тормоза, но не первое и второе одновременно. Правда, вытянув до предела правую стопу, так что она образовывает с голенью чуть ли не прямую линию, и устроившись на самом краешке сиденья, он может хоть что-то видеть перед собой и при этом нажимать на педали.

Конечно, это сказывается на скорости внедорожника, которая теперь более приличествует похоронной процессии, а не забегу к свободе.

И хотя ему хочется уехать как можно дальше от своих преследователей, мальчик помнит, что его главный союзник — время, а не расстояние. Только час за часом, день за днем оставаясь Кертисом Хэммондом, он сможет укрыться от преследователей. Есть, конечно, методы, которые могут облегчить ему управление «маунтиниром», но, прибегнув к ним, он превратится в

мишень для своих врагов, как только те начнут вновь сканировать местность. А произойдет это очень скоро.

Мудрость матери. Чем дольше ты носишь чужой облик, тем полнее ты с ним сживаешься. Чтобы выдавать себя за другого, беглец не должен выходить из образа ни на одно мгновение. Новая личность — не просто приобретение надежных документов. Тебя могут выдать внешность, разговор, походка, манера поведения. Чтобы успешно реализовать свои замыслы, нужно каждой клеткой своего существа стать этой новой личностью и оставаться ею двадцать четыре часа в сутки, независимо от того, следят за тобой или нет.

Даже после смерти в этом вопросе мама остается истиной в последней инстанции, как и всеобщим символом храбрости и свободы. Ее будут чтить еще очень и очень долго. Даже если бы она не была его матерью, он бы все равно руководствовался ее советами. Но он — ее сын, и с него спрос особый. Он должен не просто выжить, но и далее во всем следовать ее учению и передавать его другим.

Горе вновь охватывает мальчика, и какое-то время он едет с ним в обнимку.

Юго-западное направление его не устраивает, он опасается, что долина в какой-то момент выведет его к автостраде, которая наверняка патрулируется.

Он прибыл с востока. Город-призрак лежит на севере. Таким образом, выбор у него небогат: ехать можно только на запад, поперек долины.

Рекорд скорости он ставить не собирается, внедорожник едет то быстрее, то медленнее, в зависимости от того, сильнее ли он жмет на педаль газа или заглядывает над рулем в ветровое стекло. Как выясняется, на соляном озере этот метод управления достаточно эффективен. А вот когда они добираются до западного склона, становится ясно, что придется искать что-нибудь новенькое.

В почве слишком мало соли, чтобы рассчитывать на естественную флуоресценцию. Видимость, и без того ограниченная ростом мальчика, стремительно ухудшается до состояния, которое можно охарактеризовать как езда вслепую. Включить фары внедорожника — не решение проблемы, если, конечно, он не

хочет привлечь к себе внимание и таким образом покончить с собой.

Склон каменистый и неровный. Кертису необходимо быстрее реагировать на изменения, манипулируя педалями и тормоза, и газа, чего не требовалось при движении по соляному озеру.

Он переводит ручку переключения скоростей в нейтральное положение, смотрит на уходящий вверх склон, не зная, что и делать.

Становящаяся ему сестрой предлагает решение. Пока они пересекали соляное озеро, Желтый Бок притихла на пассажирском сиденье, разукрашивая боковое стекло отпечатками носа. Теперь поднялась на лапы и многозначительно смотрит на Кертиса.

Может, из-за горя, которое так тяготит его, может, еще не придя в себя от общения с этим странным сторожем, Кертис не сразу соображает, что к чему. Поначалу думает, что она хочет, чтобы ее почесали за ухом.

Поскольку собаке нравится, когда ее чешут за ухом или где-то еще, Желтый Бок с минуту получает удовольствие, а потом, упираясь задними лапами в сиденье, передние кладет на приборный щиток. Эта позиция обеспечивает ей прекрасный обзор.

Телепатический канал мальчик—собака потерял бы всякий смысл, если бы Кертис и теперь не понял, к чему она клонит. Но ему, разумеется, все ясно. Он будет вести внедорожник, она — служить ему глазами.

Хорошая собачка!

Он сползает ниже, правую ногу полностью ставит на педаль газа. Теперь при необходимости ему не составит труда перенести ее на педаль тормоза. Не будет никаких проблем и с переключением скоростей. Просто он не может выглянуть в ветровое стекло.

Связь их еще не полная. Она только становится ему сестрой, еще ею не стала. Однако их особые отношения значительно упрочились в тот пугающий момент, когда каждый увидел промелькнувшую перед глазами жизнь другого.

Кертис включает первую передачу, нажимает на педаль газа, и внедорожник начинает движение по пологому западному склону, который мальчик видит глазами собаки. Во время подъ-

ема обоим прибавляется уверенности, и еще до вершины им удается достичь полной гармонии.

Преодолев гребень, он останавливает «меркурий», садится, чтобы собственными глазами взглянуть на северо-восток. Сражение в городе-призраке, похоже, завершилось. Выродки и самые плохие выродки поняли, что остались с носом: добыча ускользнула от них. Потеряв всяческий интерес друг к другу, они вновь сосредоточили внимание на поиске мальчика и собаки.

В небе светились сигнальные огни двух вертолетов. Третий приближался с востока. Подкрепление.

Вновь соскользнув вниз, Кертис ведет внедорожник на запад, по незнакомой территории, которую видит глазами верной собаки.

Едут они достаточно быстро, но Кертис постоянно помнит о том, что при резком торможении становящаяся ему сестрой может сильно удариться о ветровое стекло.

Однако он хочет по максимуму использовать время, имеющееся в их распоряжении. Понимает, что собака не сможет служить его глазами так долго, как ему хотелось бы. Кертису отдыха не требуется, за свою жизнь он не спал ни минуты, а вот Желтому Боку без сна не обойтись.

В конце концов, мальчик не должен забывать, что он и становящаяся ему сестрой не просто принадлежат к разным биологическим видам с различными физическими способностями и ограничениями, они еще и родились на разных планетах.

Глава 33

Ребенок, появившийся на свет в четверг, далеко пойдет, гласит народная мудрость, а Микки Белсонг родилась в один из майских четвергов, более чем двадцать восемь лет назад. Но в этот августовский четверг у нее слишком сильное похмелье, чтобы выполнить планы, намеченные даже на этот день.

Лимонная водка снижает математические способности. Возможно, ночью она посчитала четвертую порцию водки за вторую, а пятую — за третью.

Глядя на свое отражение в зеркале в ванной, Микки сказала: «Этот чертов лимонный привкус уничтожает память»,— но не смогла выдавить из себя улыбку.

Она проспала первое собеседование и встала слишком поздно, чтобы успеть на второе. Впрочем, в обоих местах ей могли предложить только место официантки.

Хотя у нее был определенный опыт по этой части и работа официантки ей нравилась, она надеялась найти работу, связанную с компьютерами, с модификацией программного обеспечения под индивидуального заказчика. В последние шестнадцать месяцев она втиснула трехгодичный курс обучения на программиста и открыла для себя, что много чего может в этой сфере человеческой деятельности.

Собственно, именно потому, что образ программиста столь разительно не вязался с ее прежней жизнью, в ней и затеплилась надежда на лучшее будущее. Надежда эта поддержала Микки в самый худший год ее жизни.

До сих пор в стремлении обратить мечту в реальность ее останавливала убежденность работодателей в том, что экономика скользит, падает или рушится в пропасть, находится в застое, охлаждается, переводит дыхание перед следующим рывком. Слова менялись, смысл оставался неизменным: работы для нее нет.

Она еще не начала отчаиваться. Давным-давно жизнь научила ее, что мир создан не для того, чтобы осуществлять грезы Мичелины Белсонг, даже не для того, чтобы содействовать их осуществлению. Она знала, что за мечту придется побороться.

Однако, если бы на поиски работы ушли месяцы, ее решимость построить новую жизнь могла оказаться неадекватной ее слабостям. Иллюзий насчет себя Микки не питала. Она *могла* измениться. Но, найдя предлог, сама могла стать главным тормозом грядущих изменений.

Лицо в зеркале ей решительно не нравилось ни до, ни после того, как Микки подкрасилась. Выглядела она хорошо, но собственная внешность ее не радовала. Личность характеризовалась достижениями, а не отражением в зеркале. И она опасалась, что до того, как сумеет чего-то добиться, опять станет искать спасение во внимании к ней, которое гарантировала ее красота.

То есть опять все замкнулось бы на мужчинах.

Против мужчин она ничего не имела. Те, кто лишил ее детства, были не в счет. Она не держала зла на всю мужскую половину человечества из-за нескольких извращенцев, как не судила

всех женщин на примере Синсемиллы... или своем собственном.

По жизни она любила мужчин даже больше, чем следовало, учитывая уроки, полученные от общения с ними. Она надеялась, что когда-нибудь жизнь сведет ее с хорошим человеком... возможно, дело даже закончится свадьбой.

Да только насчет хорошего не вытанцовывалось. В отношении мужчин вкусом она не сильно отличалась от матери. Выбирала совсем не тех, кого следовало, и не один раз, что, собственно, и привело к нынешней ситуации: она одна, на дне порушенной жизни.

Одевшись для собеседования, назначенного на три часа, единственного, на которое она успевала в этот день, и имеющего отношение к ее компьютерной подготовке, Микки съела завтрак, лекарство от похмелья, стоя у раковины. Запила В-витамины и аспирин кокой, допила коку, подкрепив ее двумя пончиками с шоколадной начинкой. Похмелья Микки никогда не сопровождались тошнотой, а сахар помогал прочистить затуманенные спиртным мысли.

Лайлани не ошиблась, говоря, что обмен веществ Микки настроен, как гироскоп космического челнока. С шестнадцати лет она поправилась только на один фунт.

Завтракая у раковины, она наблюдала в окно, как Дженева, со шлангом в руках, поливает лужайку, спасая траву от августовской жары. Широкие поля соломенной шляпы защищали ее лицо от солнца. Иногда все тело Дженевы покачивалось, когда тетя водила шлангом взад-вперед, словно она вспоминала какой-то танец своей молодости, а когда Микки доедала второй пончик, Дженева запела песню из «Послеполуденной любви», одного из своих самых любимых фильмов.

Может, она думала о Верноне, муже, которого потеряла в далекой молодости. А может, вспоминала свой роман с Гари Купером, когда была молодой, очаровательной француженкой... и Одри Хепберн.

Получалось, что иной раз выстрел в голову имел и светлую сторону: такая голова рождала невероятно удивительные, восхитительно приятные воспоминания.

Собственно, так говорила Дженева — не Микки, приводя аргументы в пользу оптимизма, когда Микки погружалась в пессимизм. *«Какой невероятно удивительный этот мир, Микки,*

если у выстрела в голову может быть светлая сторона. Да, иной раз я что-то путаю, но в моем преклонном возрасте очень уж здорово иметь столько романтических воспоминаний! Я никому не рекомендую травму головы, упаси бог, но если бы у меня там не закоротило, я бы не любила и меня бы не любили Гарри Грант и Джимми Стюарт и я бы не отправилась с Джоном Уэйном в то удивительное путешествие по Ирландии!»

Оставив тетю Джен с ее воспоминаниями о Джоне Уэйне, Хэмфри Богарте и, возможно, дяде Верноне, Микки ушла через парадную дверь. Не крикнула: «Доброе утро!» — потому что стеснялась встретиться взглядом с тетушкой. Хотя Дженева знала, что ее племянница пропустила два собеседования, она бы никогда не упомянула об этой новой неудаче, и безграничное терпение тети Джен только обостряло у Микки чувство вины.

Вчера вечером она оставила окна «камаро» приоткрытыми на два дюйма. Тем не менее салон напоминал духовку. Система кондиционирования не работала, поэтому ехала Микки с опущенными стеклами.

Включила радио, чтобы услышать взволнованный голос репортера, сообщающего о том, что федеральные силы блокировали треть штата Юта в связи с розысками наркобаронов и их вооруженных до зубов телохранителей. Тридцать самых влиятельных фигур в торговле наркотиками тайно собрались в Юте, чтобы разграничить сферы влияния, как это сделали семьи мафии несколькими десятилетиями раньше, объявить войну мелким сошкам, пытающимся действовать самостоятельно, и разработать стратегию по преодолению трудностей с поставками, возникшими из-за ужесточения пограничного контроля. Узнав об этой незаконной сходке, ФБР решило провести массовые аресты. Но агентов встретили не адвокаты, а шквальный огонь. В Юте развернулось самое настоящее сражение. С десяток наркобаронов пустились в бега. Они вооружены, им нечего терять, а потому они представляют собой серьезную угрозу для законопослушных граждан. Большую часть информации репортеру удалось получить не от ФБР, а из анонимных источников. Слово «кризис» он повторял едва ли не в каждом предложении, словно находил эти два слога такими же желанными, как груди любимой женщины.

Если оставить за скобками природные катастрофы и психов, расстреливавших почтовые отделения, новости представляли собой бесконечную череду кризисов, по большей части сильно раздутых или не существовавших вовсе. Если бы хоть десять процентов кризисов, растиражированных средствами массовой информации, соответствовали действительности, цивилизация давно бы погибла, планета превратилась бы в лишенную атмосферы каменную глыбу и Микки не пришлось бы ни искать работу, ни тревожиться о судьбе Лайлани Клонк.

Она нажала кнопку автоматической настройки, чтобы сменить станцию, попала на другого репортера, таким же взволнованным голосом сообщавшего о том же, вновь поменяла станцию и услышала «Бэкстрит бойз». Она не очень любила такую музыку, но в отличие от выпусков новостей «Бойз» определенно способствовали окончательной победе над похмельем.

Отсутствие новостей — хорошие новости. Пресса на дух не переносила этот принцип, а вот Микки проголосовала бы за него обеими руками.

Выезжая на автостраду, Микки, вспомнив термин Лайлани из их разговора прошлым вечером, громко воскликнула: «Горжусь тем, что я — двенадцать процентов»,— и впервые за день улыбнулась.

До собеседования у нее оставалось три с половиной часа, и она собиралась потратить их на то, чтобы убедить местное отделение Управления социальной защиты детей заняться делом Лайлани. Поздним вечером, когда она и Дженева говорили о девочке, казалось, что помочь ей невозможно. А вот утром, то ли потому, что оно, как известно, вечера мудренее, то ли от оптимизма, вселенного пончиками с шоколадной начинкой, начисто снявшими похмелье, ситуация представлялась сложной, но не безнадежной.

Глава 34

Лайлани Клонк, опасная юная мутантка, отметила про себя, что нет ничего более трогательного, чем связь, возникающая между членами любой американской семьи, собравшимися позавтракать за одним столом. Еще вечером мама, папа и дочь могли цапаться друг с другом, решая, кто оставил открытой

банку с ореховым маслом, могли ссориться по более серьезной проблеме, например смотреть «Отмеченный ангелом» или очередную серию «Чудесных зверушек», могли даже напускать друг на друга змей или убивать молодых женщин. Но в начале нового дня... пусть и в одиннадцать часов... все трения забывались, открывая путь новой гармонии, которая строилась на прежних разногласиях. За завтраком они могли вместе планировать будущее, делиться мечтами, крепить взаимную любовь.

Синсемилла завтракала двадцатью семью таблетками и капсулами витаминных добавок, бутылкой минеральной воды, маленьким корытцем тофу, посыпанным жареным кокосовым орехом и бананом. Разрезав неочищенный банан на кружочки толщиной в полдюйма, она съедала и сердцевину, и шкурку, поскольку верила, что для крепкого здоровья необходимо по возможности потреблять цельные продукты. Исходя из ее понятий цельности, Синсемиллу не стоило подпускать к красному мясу. Иначе, приготавливая гамбургер, она подавала бы его с рогами, копытами и шкурой.

Завтрак доктора Дума состоял из ромашкового чая, двух яиц всмятку и английских булочек, на которые он тонким слоем намазывал апельсиновый мармелад. Не разделяя пристрастие жены к цельным продуктам, он не включал в свой рацион чайные пакетики, скорлупу яиц и картонный контейнер, в котором лежали булочки. Ел он настолько аккуратно, что ни одной крошки не оставалось ни на столе, ни на тарелке. Откусывал от булочки маленькие кусочки и тщательно их пережевывал, исключая вероятность того, что большой кусок перекроет дыхательное горло и вызовет смерть от удушья. Так что его приемной дочери оставалось надеяться лишь на сальмонеллу, которая могла попасть в его организм вместе с не прошедшим достаточную термическую обработку яичным желтком.

Лайлани лакомилась пшеничными хлопьями с ломтиками банана (очищенного), залитыми шоколадным молоком. Доктор Дум купил этот запретный продукт без ведома любительницы тофу. И хотя Лайлани предпочла бы обычное молоко, она залила хлопья шоколадным, чтобы посмотреть, не хватит ли дорогую мамочку удар при виде собственного ребенка, отправляющего в рот одну ложку яда за другой.

Да только старалась она зря. С красными глазами, посеревшим лицом, Синсемилла еще не отошла от вчерашнего. Снадо-

бье, которое она приняла, чтобы разлепить глаза, еще не вернуло ей столь любимого настроения Мэри Поппинс. И летать под волшебным зонтиком, напевая веселые песенки, она смогла бы только далеко за полдень.

Пока же, за едой, она читала потрепанную книгу Ричарда Бротигана* «В арбузном сиропе»**. Этот тоненький томик она читала дважды в месяц с тех пор, как ей исполнилось пятнадцать. Каждый раз книга открывала ей что-то новое, хотя к моменту следующего прочтения она не помнила, что открывалось ей в этой книге раньше.

Однако Синсемилла верила, что автор представлял собой новую ступень в эволюции человека, что он — пророк со срочным посланием для тех, кто опередил в своем развитии человеческое общество. Синсемилла чувствовала, что на эволюционной лестнице она стоит выше большинства людей, но из скромности стеснялась заявить об этом, пока в полной мере не поняла послания Бротигана и, поняв, раскрыла бы свой сверхчеловеческий потенциал.

Погруженная в чтение, Синсемилла не отличалась разговорчивостью от тофу, подрагивающего на ее ложке, однако доктор Дум часто обращался к ней. Ответа он и не ждал, но, похоже, не сомневался, что его слова доходят до жены на подсознательном уровне.

Иногда он говорил о Тетси, молодой женщине, которой «разорвали» сердце массивной инъекцией дигитоксина менее чем двенадцать часов назад, о чем он уже рассказал Лайлани, вернувшись домой глубокой ночью. Делился он с Синсемиллой и Лайлани последними сплетнями и новостями с различных интернетовских сайтов, которые поддерживало многочисленное международное сообщество фанатов НЛО. Их он черпал с дисплея переносного компьютера, который стоял на столе рядом с его тарелкой.

---

* Бротиган, Ричард (1935–1984) — американский писатель и поэт. В двадцать лет попал в психиатрическую лечебницу с диагнозом параноидная шизофрения. Прошел курс электрошоковой терапии. Автор многочисленных сборников рассказов, повестей и стихов. Культовая фигура периода расцвета движения хиппи. Покончил с собой.

** Сборник «В арбузном сиропе» опубликован в 1968 г. (В русском самиздате ходил под названием «В сиропчике».)

Подробности смерти Тетси, по счастью, оказались не столь уж яркими, как детали некоторых убийств, совершенных доктором Думом в прошлом, и последние истории о летающих тарелках не слишком отличались от предыдущих. В результате чувство гадливости — а без возникновения у Лайлани этого чувства не обходилась ни одна беседа в их доме — вызвали у девочки игривые упоминания доктора Дума о страсти, которую он испытал, овладев Синсемиллой в эту ночь.

Прошлым вечером, за обедом с Микки и миссис Ди, Лайлани сказала, что доктор Дум асексуален. И погрешила против истины.

Он не бегал за женщинами, не строил им глазки, не испытывал интереса к внешним признакам женского пола, которые завораживали большинство мужчин и позволяли ими манипулировать. Если бы ослепительная блондинка с классической фигурой прошла мимо Престона в миниатюрном бикини, он бы заметил ее при одном условии: красотку не так давно похитили инопланетяне, и она носит под сердцем ребенка, зачатого в результате жарких любовных утех с одним из зелененьких человечков во время уикенда страсти на борту звездолета, вращающегося вокруг Земли на высокой орбите.

Однако случалось, что доктор Дум испытывал страсть к Синсемилле и, как он сам говорил, овладевал ею. В доме на колесах, пусть и самом большом, когда семья круглый год в пути, неизбежная близость друг к другу начинает действовать на нервы, даже если в семье одни святые, а семье Мэддока до полного идеала не хватало аккурат трех святых. Даже если Лайлани избегала видеть то, чего не хотела видеть, она не могла ничего не слышать, как бы плотно ни прижимала к ушам подушки, стремясь на время оглохнуть. И узнавала многое такое, чего не хотела знать вовсе. Знала о том, что Синсемилла возбуждала Престона Мэддока, только когда лежала в глубокой отключке, совсем как мертвая.

Лайлани наговорила Микки и миссис Ди достаточно много, чтобы их не один десяток ночей мучили кошмары, но не смогла заставить себя упомянуть об этой гадости. Да, конечно, старину Престона она охарактеризовала как чокнутого в квадрате. Но при этом он был высок ростом, красив, хорошо воспитан, финансово независим, то есть обладал всеми качествами, которые

привлекали более молодых и даже более красивых, чем Синсемилла, женщин. Одной финансовой независимости хватило бы для того, чтобы он и не посмотрел в сторону одурманенной наркотиками, пролеченной электрошоком, обожающей смерти на дорогах, танцующей при луне карикатуры на женщину, с двумя детьми-инвалидами, без прошлого, настоящего и будущего. Так что завоевать сердце Престона Синсемилла могла только одним: еженощными, вызванными наркотиками погружениями в кому и согласием пользоваться ее телом, бесчувственным и обездвиженным, как глина... Смерть зачаровывала Престона, должно быть, ему хотелось видеть ее своей партнершей в сексе.

Что-то еще также влекло Престона к Синсемилле, что-то такое, чего не могли... или не хотели... предложить другие женщины, но только Лайлани не могла дать этому «что-то» точное определение. По правде говоря, пусть она и чувствовала существование этой загадочной стороны и без того странных отношений Престона и Синсемиллы, девочка не часто над этим задумывалась, поскольку уже знала достаточно много о том, что их связывало, и боялась узнать что-то еще.

И пока Синсемилла читала «В арбузном сиропе», пока доктор Дум прочесывал Сеть в поисках последних уфологических новостей, пока все трое завтракали и пока никто не заикнулся о змее, Лайлани делала очередную запись в своем дневнике, используя стенографический шифр, который сама изобрела и только она могла прочесть. Девочка хотела сохранить на бумаге все нюансы инцидента со змеей, пока они оставались в памяти, но при этом она описывала и семейный завтрак, не упуская ни одной фразы Престона.

В последнее время она думала о том, чтобы стать писательницей, когда вырастет, при условии, что до ближайшего дня рождения сумеет избежать дара вечной жизни и до скончания веков не останется девятилетней.

Она не отказалась от намерения отрастить или купить роскошные буфера, которые помогут ей заманить в свои сети хорошего мужчину, но ни одна девушка не может полагаться только на грудь, лицо и одну красивую ногу. Писательство попрежнему считалось уважаемой профессией, несмотря на то что иной раз этим занимались более чем странные личности. Она где-то прочитала, что одна из проблем писателей — поиск

нового материала, и поняла, что мать и отчим могут стать ее золотой писательской жилой, если, конечно, ей удастся их пережить.

— Эта ситуация в Юте,— Престон вглядывался в дисплей переносного компьютера,— в высшей степени подозрительна.

За завтраком он время от времени упоминал о блокпостах на всех автострадах, ведущих в южную часть Юты, и об охоте на наркобаронов, охрана которых, судя по репортажам, мощью вооружения не уступала армиям суверенных государств.

— Не будем забывать, что в «Близких контактах третьего вида» государство удерживало людей от проникновения в зону контакта с инопланетянами ложными сообщениями об утечке нервно-паралитического газа.

Престон считал «Близкие контакты третьего вида» не научно-фантастическим, а документальным фильмом. Он верил, что Стивена Спилберга в детстве похитили Ипы и использовали с тем, чтобы подготовить человечество к скорому прибытию эмиссаров Галактического конгресса.

И пока доктор Дум продолжал бормотать о том, что за государством числится немало попыток скрыть контакты с обитателями НЛО, мол, именно в этом и кроются истинные причины войны во Вьетнаме, у Лайлани сложилось ощущение, что по завершении ремонта дома на колесах они отправятся именно в Юту. Уже уфологи и вечные пилигримы вроде Престона, жаждущие стать свидетелями контактов третьего вида, собирались в Неваде, на границе с Ютой, в предвкушении того, что инопланетяне дадут о себе знать с неоспоримой очевидностью, лишающей государство, при всей своей мощи, возможности вновь выдать случившееся за болотный газ или геодезические зонды.

Потому она и удивилась, когда несколько минут спустя Престон, раскрасневшись от волнения, оторвался от компьютера, чтобы воскликнуть: «Айдахо! Это случилось там, Лани. Излечение в Айдахо. Синсемилла, ты слышишь? В Айдахо излечили человека».

Синсемилла то ли не слышала, то ли эта новость ее не заинтересовала.

Она с головой ушла в творение Бротигана. Когда она читала, губы ее не шевелились, но ноздри нервно раздувались, словно она вдыхала запахи, доступные только тем, кто поднялся на но-

вую ступень эволюции, а челюсти чуть сжимались и разжимались. Должно быть, открывающаяся ей мудрость требовала тщательного пережевывания.

Лайлани перспектива поездки в Айдахо не радовала. Слишком уж близко от Монтаны*, откуда Лукипела «улетел на звезды».

Она ожидала, что Престон повезет их в Монтану с приближением ее дня рождения, в следующем феврале. После того как инопланетяне по зеленому лучу забрали к себе Луки, логика требовала посещения исторического места его вознесения аккурат в тот день, когда Лайлани исполнилось бы десять, если, конечно, до этого срока она каким-то чудом не избавилась бы от своих дефектов.

И конечно, доктора Дума не могла не привлекать симметрия ситуации: Лайлани и Луки вместе — как в жизни, так и в смерти. Люцифером и Небесным Цветком кормятся одни и те же черви, одна могила для двоих детей одной матери, для брата и сестры, навечно связанных смертью. В конце концов, недостатком сентиментальности Престон как раз и не страдал.

Если бы до поездки в Монтану оставалось шесть месяцев, она смогла бы подготовить побег или защиту. Но если они отправляются в Айдахо на следующей неделе, а Синсемилле вдруг захочется посетить то место, где Луки встретился с инопланетянами, у Престона могло возникнуть искушение свести брата и сестру вместе раньше намеченного. План побега она не разработала. Стратегии защиты — тоже. И она не хотела умирать.

Глава 35

Приемная не впечатляла, более того, безликость Отдела транспортных средств в сравнении с нею показалась бы очень веселенькой. Только пять человек ожидали приема у инспекторов, изучающих условия жизни неблагополучных семей и оказывающих помощь детям, но в приемной стояли лишь четыре стула. Поскольку четыре остальные женщины были старше по возрасту или беременны, Микки осталась на ногах. С учетом энергетического кризиса воздух в приемной охлаждался только до семидесяти восьми градусов*. Если бы не запах, блевотиной не пахло вовсе, Микки могла бы подумать, что находится в тюремном зале свиданий.

С ноткой неодобрения в голосе регистраторша объяснила Микки, что жалобы обычно принимаются по телефону и приезжать без предварительной договоренности нецелесообразно, поскольку в этом случае почти наверняка придется долго ждать. Микки заверила женщину, что может и подождать, и повторила эти слова дважды в течение последующих сорока минут, когда регистраторша возвращалась к этому вопросу.

В отличие от приемных перед кабинетами врачей здесь не предлагали глянцевых журналов. Почитать можно было лишь выпущенные государственными органами буклеты, по сложности языка соперничающие с описанием компьютера на латыни.

Первая освободившаяся инспекторша, наконец-то вышедшая к Микки, представилась как Эф Бронсон. Использование инициала вместо имени удивило Микки, но и табличка на столе в кабинете инспекторши не внесла ясности: «Ф. У. Бронсон».

Лет тридцати семи, симпатичная, Эф была в черных брюках и блузке, словно бросала вызов и сезону, и жаре. Длинные каштановые волосы она забрала наверх и торопливо заколола, чтобы открыть шею, но несколько непослушных прядей ускользнули от нее и теперь висели, влажные от пота.

От постеров на стенах ее кабинета-печки становилось еще жарче: со всех сторон на Микки смотрели кошки и котята, черные, белые, серые, сиамские, ангорские, неопределенной породы, играющие, бегающие, лениво потягивающиеся. Все эти пушистые картинки вызывали клаустрофобию и согревали воздух кошачьим теплом.

Видя интерес гостьи к постерам, Эф сочла необходимым объяснить их появление в ее кабинете.

— На этой работе мне так часто приходится иметь дело с невежественными, жестокими, глупыми людьми... Вот иногда и требуется напоминание о том, что в мире немало существ, которые гораздо лучше нас.

---

* Штат Айдахо на севере граничит с Невадой и Ютой, на юге — с Монтаной. Вместе с Монтаной, Ютой, Невадой и Колорадо относится к Горным штатам, расположенным между Тихоокеанскими штатами и Северо-Западным центром.

* 78° по шкале Фаренгейта соответствуют 25,5° по Цельсию.

— Я, конечно же, вас понимаю,— кивнула Микки, хотя не понимала и половины.— Только я, наверное, повесила бы постеры собак.

— Мой отец любил собак.— Эф знаком предложила Микки занять один из двух стульев перед столом.— Он был невоздержанным на язык, эгоистичным бабником. Так что я предпочитаю кошек.

Если собаки вызывали недоверие Эф только потому, что их любил ее отец, сколь мало требовалось для того, чтобы оказаться в стане ее врагов?

Микки решила держаться максимально скромно. Этому она уже научилась, не без труда, при общении с властями предержащими.

Эф села за стол.

— Если бы вы заранее договорились о встрече, вам бы не пришлось столько ждать.

Притворившись, что в словах женщины она услышала искреннюю заботу, Микки ответила:

— Ничего страшного. У меня собеседование с работодателем в три часа, до этого еще достаточно времени.

— И какую работу вы хотите получить?

— Модификация компьютерных программ для нужд конкретного заказчика.

— Компьютеры правят миром,— изрекла Эф, не пренебрежительно, но с ноткой смирения.— Люди проводят все больше времени, общаясь с машинами, все меньше — с другими людьми, и год за годом мы теряем те крохи человечности, которые еще остались у нас.

Чувствуя, что наилучший вариант — во всем соглашаться с Эф, пусть и потребуется объяснять, почему ей хочется работать с дьявольскими машинами, Микки вздохнула, изобразила сожаление, кивнула.

— Но именно там можно найти работу.

Эф неодобрительно поморщилось, но тут же ее лицо разгладилось.

И хотя неодобрение лишь промелькнуло на лице Эф, Микки поняла, что в ее голосе та услышала аргументы обвиняемых Нюрнбергского трибунала, объяснявших причины их работы в крематориях Дахау и Освенцима.

— Вы беспокоитесь из-за ребенка? — спросила Эф.

— Да. Из-за маленькой девочки, которая живет по соседству с моей тетей. Она в ужасном положении. Она...

— Почему ваша тетя сама не пришла с жалобой?

— Ну, я здесь за нас обеих. Тетя Джен...

— Я не могу проводить расследование, основываясь на сведениях, полученных из вторых рук,— не грубо, скорее с сожалением заявила Эф.— Если ваша тетя заметила что-либо, заставившее ее тревожиться за благополучие девочки, она сама должна рассказать мне об этом.

— Да, разумеется, я понимаю. Но, видите ли, я живу с тетей. И тоже знаю эту девочку.

— Вы видели, как с ней жестоко обращались... били, трясли?

— Нет. Рукоприкладства я не видела. Но...

— Вы видели доказательства? Синяки, ссадины?

— Нет-нет. Дело не в этом. Никто ее не бьет. Это...

— Сексуальные домогательства?

— Нет, слава богу, Лайлани говорит, что это не тот случай.

— Лайлани?

— Это ее имя. Девочки.

— Все они обычно говорят, что это не тот случай. Стесняются.

Правда всплывает только по ходу расследования.

— Я знаю, как часто бывает именно так. Но она девочка необычная. Очень самостоятельная, очень умная. Говорит все как есть. Она бы сказала, если бы ее растлевали. Она говорит, что нет... и я ей верю.

— Вы видитесь с ней регулярно? Говорите с ней?

— Вчера вечером она пришла к нам на обед. Она...

— Значит, ее не держат под замком? Мы не говорим о жестоком обращении, связанном с ограничением передвижения?

— Передвижения? Ну, может, и говорим в определенном смысле.

— В каком именно?

В комнате стояла удушающая жара. Как и во многих современных зданиях, построенных в расчете на эффективную вентиляцию и энергосбережение, окна не открывались. Система циркуляции воздуха работала, но шума от нее было больше, чем прока.

— Она не хочет жить в этой семье. Никто бы не захотел.

— Никто из нас не выбирает семью, миссис Белсонг. Если бы нарушение прав детей определялось по этому принципу, количество дел, которые я веду, возросло бы в десятки раз. Под ограничением передвижения я подразумеваю следующее: сажают ли ее на цепь, запирают в комнате, запирают в чулане, привязывают к кровати?

— Нет, ничего такого нет. Но...

— Преступное пренебрежение ее здоровьем? К примеру, страдает ли девочка хроническим заболеванием, которое никто не лечит? У нее дефицит веса, она голодает?

— Она не голодает, нет, но я сомневаюсь, что она получает правильное питание. Ее мать не слишком хорошая повариха.

Откинувшись на спинку стула, Эф вскинула брови.

— Не слишком хорошая повариха? Чего я не понимаю, миссис Белсонг?

Микки сидела, чуть наклонившись вперед, в позе просителя, словно пыталась убедить инспектора в чем-то далеком от действительности. Она выпрямилась, откинулась на спинку стула.

— Знаете, мисс Бронсон, вы уж извините, если я говорю бессвязно, но, поверьте, я не напрасно трачу ваше время. Это уникальный случай, и стандартными вопросами до сути не добраться.

Микки еще говорила, когда Эф повернулась к компьютеру и начала что-то печатать. Судя по скорости, с которой ее пальчики бегали по клавиатуре, она прекрасно освоила эту сатанинскую технологию.

— Хорошо, давайте откроем по этому делу файл, введем исходные данные. Потом вы расскажете всю историю своими словами, раз считаете, что так будет проще, а я отредактирую их для отчета. Ваша фамилия Белсонг, Микки?

— Белсонг, Мичелина Тереза,— фамилию и оба имени Микки произнесла по буквам.

Эф спросила адрес и телефон.

— Мы не раскрываем имеющуюся у нас информацию о человеке, обращающемся с жалобой, то есть о вас, семье, к которой вы привлекаете наше внимание, но должны иметь ее в своем архиве.

По просьбе инспектора Микки передала ей и карточку социального страхования*.

Введя идентификационный номер в компьютер, Эф еще несколько минут что-то печатала, изредка поглядывая на дисплей, и так увлеклась работой, что, казалось, забыла про посетительницу.

В этом, собственно, и проявилась бесчеловечность технологии, о которой она упоминала ранее.

Микки не видела дисплея. А потому удивилась, когда Эф, не отрывая от него глаз, сказала:

— Так вас приговорили к тюремному заключению за владение краденой собственностью, за помощь в подделке документов, за владение поддельными документами с целью их последующей продажи... включая поддельные водительские удостоверения и карточки социального страхования...

Слова Эф достигли успеха там, где потерпели неудачу лимонная водка и пончики с шоколадной начинкой: к горлу Микки подкатила тошнота.

— Я... я хочу сказать... извините, но я не думаю, что вы вправе спрашивать меня об этом.

Эф продолжала смотреть на экран.

— Я не спрашивала. Просто проверяла вашу личность.

Тут указано, что вас приговорили к восемнадцати месяцам тюрьмы.

— Это не имеет никакого отношения к Лайлани.

Эф не ответила. Ее изящные пальчики уже не бегали по клавиатуре, а гладили ее, словно она проводила тонкую настройку, добывала мельчайшие подробности.

— Я ничего этого не делала.— Микки презирала себя за то, что оправдывалась, за смирение в голосе.— Я понятия не имела, чем занимался парень, с которым я тогда была.

Эф больше интересовала информация компьютера, чем рассказ Микки о себе.

---

* Один из основных документов гражданина США. Кроме имени владельца содержит идентификационный номер. Обязательна при приеме на работу. По идентификационному номеру можно получить практически всю открытую информацию о человеке, имеющуюся в банках памяти государственных учреждений.

Чем меньше вопросов задавала Эф, тем больше хотела объяснить Микки.

— Я просто оказалась в машине, когда копы арестовали его. Я не знала, что находится в багажнике, ни про фальшивые документы, ни про украденную коллекцию монет, ничего не знала.

Эф словно не расслышала ни единого слова.

— Вас отправили в Северокалифорнийскую женскую тюрьму. К югу от Стоктона, не так ли? Однажды я ездила в Стоктон на фестиваль спаржи. На одном из лотков продавались блюда, изготовленные заключенными женской тюрьмы, участвующими в программе культурной реабилитации. Насколько я помню, ничего особо вкусного отведать не удалось. Тут сказано, что вы еще там.

— Нет, это ошибка. Я никогда не участвовала в фестивале спаржи.— Микки заметила, как напряглось лицо Эф, и сбавила тон: — Меня освободили на прошлой неделе. Я приехала к тете, чтобы пожить у нее, пока не встану на ноги.

— Тут указано, что вы все еще в СКЖТ. Вам сидеть еще два месяца.

— Меня освободили раньше срока.

— Про условно-досрочное освобождение ничего нет.

— Освобождение не условное. Мне скостили срок за примерное поведение.

— Сейчас вернусь.— Эф поднялась из-за стола и, избегая взгляда Микки, направилась к двери.

Глава 36

Через пустоши, сквозь ночь, под облаками, ползущими на восток, и светлеющим небом мальчик ведет автомобиль на запад. Собака по-прежнему служит ему глазами.

Наконец пустыня остается позади, под колесами уже трава прерий.

Занимается заря, розовая и бирюзовая, окрашивает небо, теперь чистое, как дистиллированная вода. Ястреб, парящий в вышине, более похож на отражение птицы на поверхности стоячего пруда.

Двигатель, добирая последние капли горючего, кашляет, как бы говоря, что скоро им придется продолжить путь на своих,

соответственно, двоих и четырех. Земля под колесами становится все плодороднее. К тому времени, когда в баке «маунтинира» не остается даже паров бензина, они успевают проехать и прерии. Теперь они в неглубокой долине, где в тени тополей и других деревьев неспешно течет речка, а по обеим берегам раскинулись тучные луга.

Пока они ехали вдвоем, никто в них не стрелял, ни единый обгорелый труп не вывалился из ночи. Оставляя за собой милю за милей, в небе они видели только звезды, а на заре великие созвездия одно за другим покинули сцену, уступив ее одной и единственной звезде, согревающей этот мир.

И теперь, когда Кертис вылезает из внедорожника, тишину нарушают только приглушенное потрескивание и тиканье остывающего двигателя.

Желтый Бок совсем вымоталась, как и должно быть, отважный скаут и доблестный штурман. Она бежит к речке и лакает чистую, холодную воду.

Встав на колени выше по течению, Кертис тоже утоляет жажду.

Рыб он не видит, но знает, что в реке они есть.

Будь он Гекльберри Финном, он бы знал, как раздобыть завтрак. Разумеется, будь он медведем, то поймал бы даже больше рыбы, чем Гек.

Он не может быть Геком, потому что Гек — всего лишь вымышленный персонаж, и не может быть медведем, потому что он — Кертис Хэммонд.

Даже если бы рядом оказался медведь, чтобы показать ему строение медвежьего тела и медвежьи повадки, он бы не решился раздеваться догола и в медвежьей манере ловить рыбу, потому что потом пришлось бы вновь превращаться в Кертиса и одеваться, вновь входить в новый образ, который оставался его надеждой на выживание. При этом он облегчил бы задачу худшим выродкам, если те ищут его, обшаривая местность своими приборами.

— Может, я — *глупый*,— говорит он собаке.— Может, Гэбби прав. Он-то точно умный. Знает о государстве *все* и вытащил нас из этой передряги. Может, он прав и в отношении меня.

Собака думает иначе. С истинно собачьей преданностью улыбается и виляет хвостом.

— Хорошая собачка. Но я обещал заботиться о тебе, а у нас нет еды.

Следуя полученным от матери урокам выживания, мальчик может найти дикорастущие клубни, бобы и грибы, которые годятся ему в пищу. Но собака их есть не захочет, да они и не пойдут ей на пользу.

Желтый Бок привлекает его внимание к «маунтиниру», подбежав к внедорожнику и остановившись около закрытой дверцы со стороны пассажирского сиденья.

Когда Кертис открывает дверцу, она прыгает на сиденье и скребет лапой по закрытому «бардачку».

Кертис открывает «бардачок» и обнаруживает, что Гэбби принял меры на случай, если проголодается за рулем. В «бардачке» три коробочки с крекерами-сандвичами, по упаковке нарезанной ломтиками вяленой говядины и индейки, два пакетика арахисовых орешков, шоколадный батончик.

Там же лежит технический паспорт на внедорожник, из которого Кертис узнает, что владельца зовут Клифф Муни. Очевидно, если он и родственник бессмертного Гэбби Хейса, то по материнской линии. Кертис запоминает адрес Клиффа, по которому он со временем отправит достойную компенсацию за причиненные неудобства.

С сокровищами, добытыми из «бардачка», мальчик и собака устраиваются на берегу серебристой речки, под раскидистыми ветвями Populas candican, он же тополь крупнолистный, он же тополь онтариоский. Знания Кертиса не ограничиваются только фильмами: он изучил как местную флору, так и местную фауну. Он знает местную физику, а также общую физику, химию, высшую математику, двадцать пять языков, умеет приготовить вкуснейший яблочный пирог и многое-многое другое.

Но как бы много ты ни знал, все знать невозможно. Кертис признает ограниченность своих знаний и пучину невежества, лежащую за их пределами.

Привалившись спиной к стволу, он маленькими кусочками скармливает собаке вяленую говядину.

В любом случае знание — не мудрость, и мы существуем не для того, чтобы забивать голову фактами и цифрами. Нам дали эту жизнь, чтобы мы могли заработать право на следующую. Дар этот — возможность духовного развития, а знания — лишь

одно из питательных веществ, которые обеспечивают это развитие. Мудрость мамы.

По мере того как солнце поднимается выше, оно испаряет ночную росу, и над лугами повисает легкая дымка тумана, словно земля выдыхает мечты исчезнувших поколений, похороненных в ее груди.

Собака с таким интересом наблюдает за туманом, что не проявляет и признаков нетерпения, пока Кертис возится с упрямой упаковкой вяленой индейки. Навострив уши, подняв голову, замечает в тумане не угрозу, а загадочное явление.

Ее виду дарован ограниченный, но достаточный интеллект, а также эмоции и надежда. И более всего отделяют ее от человека и других высших форм жизни не умственные способности, а невинность. Собственные интересы собака проявляет только в вопросах выживания, никогда не доходя до эгоизма, который самыми различными способами демонстрируют те, кто считает себя выше ее. Эта невинность обостряет чувства и позволяет ей восторгаться чудом Создания там, где человек не видит ничего достойного внимания, восторгаться каждую минуту каждого часа, тогда как большинство людей проводят дни, недели, а то и всю жизнь, не замечая вокруг ничего и никого, кроме себя.

Развернутая вяленая индейка, конечно, берет верх над туманом и лугом. Ест собака тоже с ощущением чуда, сияя от счастья.

Кертис открывает коробочку с крекерами-сандвичами. Дает собаке два из шести маленьких сандвичей с начинкой из орехового масла. Она уже наелась, и он не хочет, чтобы ее вырвало.

Конечно, ей бы больше подошла более сбалансированная, собачья еда, но с этим придется подождать. Сейчас, когда их в любой момент могут разорвать в клочья, обезглавить, четвертовать, разложить на молекулы, сжечь заживо, а то и найти казнь пострашнее, о диете думать не приходится. Когда на карту поставлена твоя жизнь, приходится есть то, что попадается под руку.

Желтый Бок вновь пьет из реки, возвращается к Кертису и укладывается спиной к его ноге. Правой рукой Кертис отправляет в рот крекеры-сандвичи, левой поглаживает собаку, медленно, успокаивающе. Вскоре она засыпает.

Движение помогает прятаться. Он бы в большей степени обезопасил себя, если бы они продолжали путь и наконец до-

брались до населенной территории, где бы он смог затеряться среди людей.

Собака, однако, не обладает такой выносливостью, как он. От недостатка сна она может загнать себя и умереть.

Он доедает четыре крекера-сандвича из первой коробки, съедает все шесть из второй, потом расправляется с шоколадным батончиком и заканчивает завтрак пакетиком орешков. Жизнь хороша.

Он ест, а мыслями возвращается к тому моменту, когда Гэбби остановил «меркурий маунтинир» посреди соляного озера, выскочил из кабины и умчался прочь. Поведение сторожа в лучшем случае можно определить как эксцентричное, в худшем — как умопомешательство.

За последние дни Кертис чего только не повидал, но более всего озадачивали личность Гэбби и его манеры. Многое в этой вздорной пустынной крысе ставило мальчика в тупик, но его прыжок, в фонтане ругательств, из кабины внедорожника и последующее бегство по флуоресцирующей равнине не укладывались ни в какие рамки. Мальчик просто не мог поверить, что его доброжелательная критика, коснувшаяся произношения Гэбби слова cojones, могла послужить причиной неконтролируемого приступа бешенства.

Еще одна версия случившегося прячется в глубинах сознания Кертиса, но он никак не может вытащить ее на поверхность для более тщательного рассмотрения. Он все еще думает над этим, когда собаке начинают сниться сны.

Об этом свидетельствует ее скулеж: в нем слышится не страх, а умиротворенность. Передние лапы дергаются, потом задние, и Кертис понимает, что она бежит во сне.

Он кладет руку на ее бок, поднимающийся и опадающий в такт дыханию. Он чувствует ее сердцебиение: сильные, частые удары.

В отличие от мальчика, чьим именем он назвался, этот Кертис никогда не спит. Следовательно, не видит снов. Любопытство побуждает его задействовать особый телепатический канал мальчик—собака, который синхронизирует его мозг с мозгом становящейся ему сестрой. Вот так он входит в секретный мир ее снов.

Щенок, среди щенков, она приникла к соску, вздрагивая в такт материнскому сердцу, удары которого передаются через сосок ее жадным губам, потом мать вылизывает ее, таким приятным теплым языком, черный, ласкающий ее нос, ледяной от любви... она неуклюже карабкается по заросшему густой шерстью материнскому боку, чтобы посмотреть, какая загадочная страна лежит за полукружьем ребер, какие удивительные чудеса ждут ее там... потом шерсть превращается в луг, вокруг поют цикады, их музыка будоражит кровь... она уже подросла и бегает по траве за оранжевой бабочкой, яркой, как языки пламени, каким-то чудом горящие в воздухе... с луга в лес, в тень, к запахам болиголова, опавших листьев и иголок, снова бабочка, яркая, как солнце, в колонне пробившегося сквозь листву света, улетела, исчезла... зато вокруг квакают лягушки, она идет по следу оленя, вдоль тропинки в густом подлеске, не боясь сгущающихся теней, потому что веселое Присутствие бежит рядом с ней, как всегда и везде...

Один сон плавно перетекает в другой, эпизоды отрывочные, причинно-следственной связи нет. Радость — единственная нить, на которую они нанизаны: радость — струна, воспоминания — яркие бусины.

Привалившись спиной к стволу широколистного тополя, Кертис дрожит от восторга и счастья.

Луг перед его глазами становится менее реальным, чем поля в собачьем сне, журчание речки — менее убедительным, чем кваканье лягушек в ее ясных и живых снах.

Дрожь усиливается, когда Кертис понимает, в чем причина столь всеобъемлющей радости собаки. Это не просто радость от бега, от прыжков с бревна на заросший мхом валун. Это не просто радость от свободы, от ощущения, что ты живешь. Эта пронзительная радость идет от осознания постоянного святого, веселого Присутствия.

Бегая с собакой в ее снах, Кертис ищет мимолетный отблеск их постоянного спутника, надеется внезапно увидеть внушающее благоговение лицо, проглядывающее сквозь листву кустов или смотрящее вниз сквозь кроны величественных деревьев. А потом собака делится с Кертисом своей мудростью, основанной на свойственной ей невинности, и он познает истину, которая одновременно и откровение, и тайна. Мальчик понимает,

что Присутствие — везде и во всем, не ограниченное одним кустом или тенью под деревом, им пронизано все, что он видит вокруг. Он чувствует: не будь этой телепатической связи, он бы познал то же самое через веру и здравый смысл, а вот теперь ощутил всем своим естеством то, что доступно только невинным: абсолютное совершенство Творения от берега до берега звездного моря, и осознание это изгнало из сердца все страхи и всю злость, наполнив его верой, надеждой, любовью.

Просто радость уступает место экстазу, благоговение мальчика усиливается, и в этом благоговении нет ужаса, только восторг и ощущение чуда, которые переполняют его до такой степени, что сердце, кажется, бьется о колокол-ребра. И в тот момент, когда экстаз переходит в блаженство, дрожь его тела будит собаку.

Сон обрывается, а с ним и связь с вечностью, радостная близость с веселым Присутствием. Ощущение утраты сотрясает Кертиса.

В своей невинности, бодрствуя или во сне, собака живет с осознанием постоянного присутствия Создателя. Но когда она бодрствует, ее телепатическая связь с Кертисом не столь сильна, как во сне, и теперь он не может разделить с ней это удивительное чувство, как делил в ее снах.

Яркая синева летнего неба спускается вниз, превращаясь по пути в золотые потоки, в зелень луговой травы, в сверкающее серебро журчащей речки... словно день черпает вдохновение в музыкальных автоматах сороковых годов, которые переливались всеми цветами радуги, молчаливо ожидая следующей монетки.

Природа никогда не казалась ему такой живой. Куда бы он ни посмотрел, все сияет и искрится, поражая своей красотой и совершенством.

Он то и дело вытирает лицо, и всякий раз, когда опускает руки, собака облизывает ему пальцы, чтобы утешить, сказать, что любит, и еще потому, что ей нравится вкус соленых слез.

Мальчик остался с воспоминаниями о высшем, а не с ощущением оного, что является основой существования... но он не скорбит о потере. Действительно, едва ли он смог бы жить, если бы каждое мгновение в полной мере ощущал духовную связь со своим Создателем.

Собака родилась с этой милостью Божьей. Она к ней привыкла, ей хорошо. Потому что ее невинность не оставляет места для самосознания.

Для Кертиса, как и для всего человечества, такая духовная близость возможна только в последующей жизни, и во многих жизнях, лежащих за ней, после обретения глубокой умиротворенности, после возвращения невинности.

Когда он может встать, он встает. Когда может двигаться, оставляет за собой тень дерева.

На его щеках высохшие слезы. Он вытирает лицо коротким рукавом и набирает полную грудь воздуха сквозь хлопчатобумажную ткань, вдыхая слабый запах лимона, оставленного «Ленором», которым пользовалась миссис Хэммонд при стирке, и множество других запахов, накопившихся за сотни миль путешествия из Колорадо.

Солнце уже перевалило зенит, то есть полдень пришел и ушел, пока они отдыхали под деревом.

Отдохнувшая собака бежит вдоль берега реки, нюхая розовые и желтые полевые цветы, которые кивают яркими тяжелыми головками, как бы обсуждая вопрос важности цветов в круговороте жизни.

Легкий ветерок, дующий то с одной, то с другой стороны, лениво шевелит луговую траву.

Внезапно Кертис находит, что эта идиллия смертельно опасна.

Это же не обычный день, а третий день охоты. И это не обычный луг.

Как и все поля между рождением и смертью, потенциально это поле битвы.

Если убежище и можно найти, оно находится на западе, а потому они должны немедленно форсировать речушку и двигаться дальше.

Он свистит, подзывая собаку. Более не становящуюся ему сестрой. Она ею уже стала.

Глава 37

Без объяснений покинув кабинет, Эф плотно закрыла за собой дверь.

Со всех сторон кошки пристально смотрели на Микки, словно камеры наблюдения системы внутренней безопасности.

У нее создалось ощущение, что отсутствующая Эф видит ее через немигающие глаза этих пушистых созданий.

Жара уже не была состоянием окружающей среды, она зримо присутствовала, превратившись в неуклюжего мужчину, обезумевшего от страсти. Влажные руки, горячее дыхание, от которых нет спасения.

Она могла бы поклясться, что густой воздух пропах шерстью и мускусом. Может, Эф держала кошек дома, настоящих кошек — не постеры.

Может, приносила их запах с собой на одежде, на волосах.

Микки сидела, крепко сжимая пальцами сумочку, а по прошествии минуты закрыла глаза, чтобы не видеть взглядов кошек. Закрыла, потому что ей начало казаться, что кабинет уменьшается в размерах, что это вовсе не кабинет, а тюремная камера, стерильность и пропорции которой рассчитаны так, чтобы подтолкнуть заключенного на путь исправления или к самоубийству.

Клаустрофобия, тошнота, унижение давили на Микки куда сильнее, чем жара, влажность и запах кошек. Но еще больше молодую женщину печалила злость, накапливающаяся в ее сердце, такая же горькая, как варево, приготовленное из крови козла, глаза тритона, языка летучей мыши.

Злость — надежная защита, но она не дает ни единого шанса на окончательную победу. Злость лечит, но не излечивает, временно снимает боль, но не выдергивает шип, который является ее причиной.

А ведь теперь она просто не имела права дать волю злости. Если бы она ответила на бюрократическую наглость и оскорбления Эф двойным залпом сарказма и насмешек, чем весьма успешно пользовалась в прошлом, поражая куда более крупные цели, то, возможно, испытала бы чувство глубокого удовлетворения, да только в проигравших осталась бы Лайлани.

Эф, скорее всего, вышла из кабинета, чтобы попросить регистратора позвонить в полицию и проверить утверждение Микки о ее досрочном освобождении из тюрьмы. В конце концов, она могла быть опасной преступницей, которая пришла сюда, в коралово-розовом костюме, белой блузке в складочку и белых туфельках на высоких каблуках, чтобы украсть общественный кофейный фонд или ящик нечитаемых буклетов о связи

между вдыхаемым сигаретным дымом и настораживающим увеличением рождений вервольфов.

Стараясь унять злость, Микки напомнила себе, что в тюрьме она оказалась исключительно по собственному выбору, что и привело к унижению, которое теперь добивало ее. Ф. Бронсон не знакомила ее с парнем, который зарабатывал на жизнь кражами и подделкой документов и утащил ее на дно. Эф не несла ответственности за упрямый отказ Микки дать показания на стороне обвинения в обмен на условный срок вместо тюремного заключения. Она самолично приняла решение не топить мерзавца и надеяться на то, что присяжные увидят в ней введенную в заблуждение, но невинную женщину, какой она, собственно, и была.

Дверь открылась, Эф вошла в кабинет.

Тут же Микки подняла голову и открыла глаза, не желая показывать свое смирение.

Не объяснив, чем было вызвано ее отсутствие, Эф уселась за стол, по-прежнему не желая встречаться с Микки взглядом. Посмотрела лишь на ее маленькую сумочку, словно гадая, нет ли в ней автоматического оружия, запасных обойм и всего того, что необходимо, чтобы продержаться в затяжном бою с полицией.

— Как зовут ребенка? — спросила Эф.

— Лайлани Клонк,— Микки произнесла имя и фамилию по буквам... и решила не объяснять, что имя — выдумка сошедшей с ума матери девочки. История и без подробностей была более чем сложной.

— Вы знаете ее возраст?

— Ей девять.

— Имена и фамилии родителей?

— Она живет с матерью и отчимом. Мать называет себя Синсемиллой,— Микки продиктовала имя по буквам.

— Что значит... называет себя?

— Не может это быть ее настоящим именем.

— Почему нет? — Эф смотрела на клавиатуру, над которой застыли ее пальчики.

— Это название очень сильной травки.

На лице Эф отразилось недоумение.

— Травки?

— Вы знаете... «дури» — марихуаны.

— Нет.— Эф достала из коробочки бумажную салфетку, протерла мокрую от пота шею.— Нет, я не знаю. Не могу знать. Мой самый сильный наркотик — кофе.

С таким ощущением, словно ее только что вновь судили и опять признали виновной, Микки ответила, стараясь сохранять спокойствие, во всяком случае, в голове:

— Я не употребляю наркотики. И никогда не употребляла.

Она не лгала.

— Я не полисмен, мисс Белсонг. Насчет этого вы можете не волноваться. Меня интересует только благополучие ребенка.

Эф могла провести расследование с решительностью крестоносца только в одном случае: если бы поверила Микки и, поверив, почувствовала бы установившуюся между ними связь. Пока же у них не находилось ничего общего, за исключением принадлежности к женскому полу, а этот зыбкий фундамент не гарантировал прочности отношений.

По полученному в тюрьме опыту Микки знала, что точки соприкосновения между двумя незнакомыми женщинами находятся очень легко, если разговор заходит о мужчинах. И зачастую можно добиться сочувствия, высмеивая мужчин и их самодовольство.

— Многие мужчины говорили мне, что наркотики расширяют горизонты сознания, но, судя по ним самим, от наркотиков только глупеют.

Наконец Эф оторвала глаза от компьютера.

— Лайлани должна знать настоящее имя матери.

Лицо и глаза Эф оставались непроницаемыми, словно у манекена. В них читались пустота и отказ выразить хоть какие-то эмоции, отчего казалось, что их обладательница испытывает глубокое презрение к женщине, сидящей по другую сторону стола.

— Нет. Лайлани не слышала, чтобы ее мать называла себя иначе. Только Синсемиллой. В отношении имен эта женщина очень суеверна.

Она думает, что тот, кто знает настоящее имя человека, приобретает над ним власть.

— Она сама сказала вам об этом?

— Да, мне сказала Лайлани.

— Я про мать.

— С матерью я не разговаривала.

— Поскольку вы пришли сюда, чтобы сообщить, что ее ребенку грозит какая-то опасность, могу я предположить, что вы хотя бы встречались с ней?

Срочно укрепив дамбу, которую уже прорывала злость, закипевшая от замечания Эф, Микки ответила:

— Встречалась с ней однажды, да. Она была действительно странная, накачавшаяся наркотиками. Но я думаю, что...

— Вы знаете ее фамилию? — спросила Эф, вновь обратив внимание на компьютер.— Или она просто Синсемилла?

— Ее фамилия по мужу Мэддок. Эм-э-дэ-дэ-о-ка.

Ровным голосом, без малейшей обвинительной нотки Эф спросила:

— Вас связывают какие-то отношения?

— Простите?

— Вы ей не родственница, скажем, по мужу?

Капелька пота поползла с левого виска Микки. Она вытерла ее рукой.

— Как я уже говорила, я видела ее лишь однажды.

— Не встречались с парнем, с которым встречалась она, не дрались из-за бойфренда, не встречались с ее бывшим дружком... не было у вас общих знакомых или конфликтов, о которых она обязательно упомянет, когда я буду говорить с ней? Рано или поздно все выплывет наружу, уверяю вас, мисс Белсонг.

Кошки наблюдали за Микки, Микки таращилась на Эф, Эф предпочитала смотреть на дисплей.

Теперь Микки входила в число невежественных, жестоких, глупых людей, о которых Эф упомянула чуть раньше, в число отребья, заставившего ее увешать стены постерами с кошками. Может, в эту категорию Микки перешла благодаря висящей на ней судимости. Может, сама того не заметив, чем-то оскорбила Эф. Может, просто не сложилось. Но какой бы ни была причина, она попала в черный список Эф, записи в котором, Микки это чувствовала, делались несмываемыми чернилами.

Наконец Микки собралась с духом, чтобы ответить:

— Нет. Наши пути с матерью Лайлани нигде не пересекались. Меня тревожит судьба девочки, ничего больше.

— Имя отчима?

— Престон.

Вот тут в лице Эф что-то дернулось. Она оторвалась от компьютера и посмотрела на Микки.

— Вы говорите про того самого Престона Мэддока?

— Наверное. До вчерашнего вечера я ничего о нем не слышала.

Брови Эф изогнулись.

— Вы ничего не слышали о Престоне Мэддоке?

— Я еще не успела почитать о нем. По словам Лайлани... ну, точно я не знаю, но вроде бы его обвиняли в убийстве нескольких человек, но каким-то образом ему удалось вывернуться.

Легкий налет удивления быстро исчез с лица Эф, на которое вернулась маска бюрократической нейтральности, но ей не удалось изгнать из голоса нотки осуждения.

— Его оправдали, мисс Белсонг. В двух независимых судебных процессах признали невиновным. Так что про него не скажешь, что ему удалось вывернуться.

Микки вновь оказалась на краешке стула, вновь в положении просительницы, но на этот раз не расправила плечи и не подалась назад. Облизнула губы, обнаружив, что они соленые от пота. Ее охватило отчаяние.

— Мисс Бронсон, мне не известно, в чем его признали невиновным, но я знаю, что есть маленькая девочка, которой пришлось многое пережить, и теперь она в ужасном положении. Кто-то должен ей помочь. Возможно, Мэддок не делал того, в чем его обвиняли, пусть так, но у Лайлани был старший брат, которого теперь нет. И если она говорит правду, если Престон Мэддок убил ее брата, жизнь девочки тоже в опасности. И я ей верю, мисс Бронсон. Думаю, вы ей тоже поверите.

— Убил ее брата?

— Да, мэм. Так она говорит.

— Значит, она видела убийство?

— Нет, своими глазами она не видела. Она...

— Если она этого не видела, как она может знать, что произошло?

Микки изо всех сил старалась сохранить спокойствие.

— Мэддок ушел с ним и вернулся без него. Он...

— Ушел куда?

— В лес. Они...

— В лес? Здесь с лесами не очень.

— Лайлани говорит, что это произошло в Монтане. В каком-то месте, где видели НЛО...

— НЛО? — Как птичка, строящая гнездо и вырывающая нитки из обрывка ткани, Эф безжалостно клевала историю Микки, только желание что-либо построить у нее отсутствовало. Просто ей хотелось разодрать ткань рассказа на отдельные нити. И теперь, следуя своей цели, она ухватилась за НЛО. Глаза стали такими же зоркими, как и у ястреба, замечающего мышь с высоты в тысячу футов. И если бы не самоконтроль, следующие два слова вылетели бы птичьим криком холодной радости.— Летающие тарелки?

— Мистер Мэддок — фанат НЛО. Контакты с инопланетянами, все такое...

— С каких это пор? Если бы ваши слова соответствовали действительности, пресса не упустила бы своего шанса. Или вы так не думаете? Средства массовой информации не знают жалости.

— Согласно Лайлани, он уже увлекался НЛО, когда женился на ее матери. Лайлани говорит...

— Вы спрашивали мистера Мэддока о мальчике?

— Нет. Да и какой смысл?

— Значит, вы исходите исключительно из слов ребенка, не так ли?

— Разве вы в вашей работе не исходите из того же? И потом, я его никогда не видела.

— Вы никогда не видели мистера Мэддока? Никогда не видели его и мать...

— Как я уже вам говорила, мать я видела один раз. Она так «торчала», что билась головой о луну. Скорее всего, она даже не вспомнит меня.

— Вы видели, как эта женщина принимала наркотики?

— Я не видела, когда она их принимала. Она ими пропиталась. Они буквально сочились из каждой ее поры. Вы должны забрать Лайлани из этой семьи только потому, что ее мать как минимум половину времени находится под воздействием наркотиков.

На телефоне Эф пикнул звонок внутренней линии, но регистраторша ничего не сказала. Еще пикнул. Как в таймере духовки: утка готова.

— Сейчас вернусь,— пообещала Эф и вышла из кабинета.

Микки хотелось сорвать со стен постеры с кошками.

Но вместо этого она подцепила пальцем вырез белой блузки и подула на грудь. Ей хотелось снять жакет, но почему-то она решила, что тем самым она вызовет еще большее неодобрение Ф. Бронсон. Черный костюм инспекторши, в такую-то жару, являл посетителям образец выдержки.

На этот раз Эф отсутствовала совсем ничего.

— Так расскажите мне о пропавшем брате,— попросила она, вновь усевшись за стол.

Несмотря на все усилия, Микки не смогла удержать злости под контролем.

— Значит, вы дали суотовцам отбой?

— Простите?

— Проверили, не сбежала ли я из тюрьмы.

Без тени смущения Эф встретилась с ней взглядом.

— На моем месте вы поступили бы точно так же. Мне не представляется, что я чем-то вас обидела.

— С моей точки зрения, все выглядит несколько иначе,— ответила Микки, ругая себя за то, что втянулась в перепалку.

— При всем уважении к вам, мисс Белсонг, я живу с собственной точкой зрения — не с вашей.

С тем же успехом Эф могла влепить ей пощечину. Лицо Микки вспыхнуло от унижения.

Если бы Эф смотрела на дисплей компьютера, Микки точно сказала бы что-то очень обидное. Но в глазах женщины она видела холодное презрение, достойного соперника ее жгучей злости, и непоколебимое упрямство.

Из всех инспекторов судьба свела ее именно с этой, словно ей хотелось посмотреть, как они столкнутся лбами, словно два барана.

Лайлани! Она пришла сюда ради Лайлани.

Проглотив достаточно злости и гордости, чтобы не проголодаться до ужина, Микки взмолилась:

— Позвольте мне рассказать о положении, в котором оказалась девочка. И ее брате. От начала и до конца. Без вопросов и ответов.

— Попробуйте,— бросила Эф.

И Микки пересказала историю Лайлани, опустив уж самые невероятные подробности, чтобы не дать Эф возможности принять все за выдумку.

Даже слушая эту версию, а-ля «Ридерс дайджест», Эф проявляла нетерпение. Ерзала на стуле, брала блокнот, словно хотела что-то записать, и вновь опускала на стол без единой записи.

Всякий раз, когда упоминался Престон Мэддок, брови Эф сходились у переносицы, тонкие нити морщин собирались у уголков глаз, губы плотно сжимались. Очевидно, ей не нравилось, что Микки считала Мэддока убийцей, и это неудовольствие проступало на ее лице.

Такое отношение не объяснялось исключительно неприязнью к Микки. Похоже, Эф давно уже приняла сторону Мэддока, пусть и не защищала его, и никакие аргументы не могли поколебать сложившееся у нее мнение.

— Если вы верите, что мальчика убили, почему вы обратились сюда, а не в полицию? — спросила Эф, когда Микки замолчала.

Объяснять было сложно. Во-первых, два копа существенно изменили факты, касающиеся ее задержания, с тем чтобы она выглядела как сообщница, а не просто подруга парня, подделывающего документы, а общественный защитник, назначенный ей судом, то ли слишком устал, то ли не знал, как донести до присяжных истинное положение дел. В общем, с полицией ей связываться не хотелось. Да и системе она не очень-то доверяла. И потом, понимала, что местные службы не горят желанием расследовать убийство, совершенное в далеких краях, у них хватало и своих преступлений. Она не могла утверждать, что знала Лукипелу. Ее обвинение базировалось исключительно на вере в Лайлани, и хотя она не сомневалась, что полицейские тоже поверят, ее показания юридической силы не имели, будучи показаниями с чужих слов.

Поэтому ответила Микки достаточно обтекаемо:

— Исчезновение Луки нужно расследовать, это несомненно, но в данный момент речь идет о судьбе Лайлани, ее безопасности. Нельзя сначала дожидаться, пока копы докажут, что Луки убили, а уж потом защищать Лайлани. Сейчас она жива, но находится в беде, поэтому прежде всего надо заняться ею судьбой.

Без комментариев, повернувшись к компьютеру, Эф печатала две или три минуты. Могла заносить в файл версию Микки, а могла составлять официальный отказ в проведении расследования.

За окном бушевала жара. У растущей по соседству пальмы листья обвисли, из зеленых став коричневыми. Калифорния выгорала.

Наконец Эф перестала печатать и повернулась к Микки.

— Еще один вопрос, если не возражаете. Возможно, вы найдете его очень личным, поэтому отвечать вас никто не обязывает.

В надежде, что Управление социальной защиты детей возьмется за это дело, пусть отношения с инспекторшей у нее не сложились, Микки ответила с чуть заискивающей улыбкой:

— Задавайте.

— Вы нашли в тюрьме Иисуса?

— Иисуса?

— Иисуса, Аллаха, Будду, Вишну, Л. Рона Хаббарда. Многие люди, попав за решетку, обращаются к Богу.

— Если я что и нашла там, мисс Бронсон, так это направление, в котором мне следует идти. И здравого смысла, когда я выходила из тюрьмы, у меня прибавилось по сравнению с тем днем, когда я входила туда.

— Многое из того, что делают люди в тюрьме,— тоже религия, даже если они принимают это за что-то другое,— гнула свое инспекторша.— Экстремистские политические движения, левого и правого толка, одни основанные на расовой непримиримости, другие — на обиде на весь мир.

— Я ни на кого не держу обиды.

— Я уверена, вы понимаете, чем вызвано мое любопытство.

— Откровенно говоря, нет.

По лицу Эф чувствовалось, что она в этом сильно сомневается.

— Мы обе знаем, что Престон Мэддок вызывает ненависть у самых различных объединений, как политических, так и религиозных.

— *Я как раз этого не знаю.* Я действительно не знаю, кто он такой.

Эф проигнорировала ее слова.

— Множество людей, которые обычно на ножах друг с другом, объединяются в борьбе против Мэддока. Они хотят уничтожить его, потому что не согласны с ним в важнейшем философском вопросе.

Даже с ее бездонным резервуаром злости Микки не смогла почерпнуть из него хоть толику ярости в ответ на обвинение, что ею двигали философские мотивы. Она едва не рассмеялась.

— Эй, моя философия — не гнать волну, пережить день, может быть, получить немного удовольствия в том, что не чревато серьезными неприятностями. Глубже я не копаю.

— *Вот и хорошо,*— ответила Эф.— Спасибо, что зашли.

И инспекторша отвернулась к компьютеру.

Прошло немало времени, прежде чем Микки поняла, что разговор окончен.

Но не поднялась со стула.

— Вы туда кого-нибудь пошлете?

— Дело заведено. Дальше — рутинное расследование.

— Сегодня?

Эф оторвалась от дисплея, но посмотрела не на Микки, а на один из постеров: пушистую белую кошку в шапке Санта-Клауса, сидящую на белом снегу.

— Сегодня нет. Девочку не бьют, сексуальных домогательств нет. Непосредственная опасность девочке не грозит.

— Но он собирается ее убить! — воскликнула Микки, чувствуя, что потерпела полное поражение.

Задумчиво глядя на кошку, словно прикидывая, когда же она соскочит с постера, поменяв белое Рождество на калифорнийское лето, Эф ответила:

— Даже если история девочки не плод ее фантазии, он убьет ее только на следующий день рождения, который наступит в феврале.

— *До ее дня рождения,*— поправила инспектора Микки.

— Может, в следующем феврале, может... на следующей неделе. Завтра пятница. Я знаю, вы не работаете по уикендам, но, если вы не придете туда сегодня или завтра, они могут уехать.

Эф так пристально смотрела на постер, ее глаза до того остекленели, что она, казалось, медитирует на образе кошки.

Инспекторша являла собой черную психологическую дыру. В ее окрестностях из человека высасывались все эмоции.

— Их дом на колесах ремонтируют,— настаивала Микки, чувствуя, что она опустошена, выжата, как лимон.— Механики могут починить его в любое время.

Со вздохом Эф достала из коробочки две бумажные салфетки, осторожно промокнула лоб, стараясь не попортить макияж. Когда бросала салфетки в корзинку для мусора, на ее лице отразилось удивление: неужто Микки еще здесь?

— Когда у вас собеседование?

Поняв, что больше ей здесь ничего не высидеть, Микки встала и направилась к двери.

— В три часа. Я успею.

— Компьютерному программированию вы научились в тюрьме?

Хотя лицо инспекторши оставалось бесстрастным, Микки заподозрила, что этот вопрос — прелюдия к очередному оскорблению.

— Да. У них очень хороший курс.

— И как нынче обстоит дело с вакансиями?

Впервые с того момента, как Микки вошла в кабинет, в голосе инспекторши проскользнуло что-то человеческое.

— Они говорят, что экономика падает.

— Людей увольняют и в лучшие времена,— заметила Эф.

Микки понятия не имела, как ей следует на это реагировать.

— В сфере компьютерного программирования,— в голосе Эф зазвучала чуть ли не сестринская забота,— вы должны приходить на собеседование только с плюсами, без единого минуса. На вашем месте я бы еще раз взглянула на себя в зеркало. В одежде, которая на вас, вы ничего не добьетесь.

В гардеробе Микки не было ничего лучше этого коралловорозового костюма и белой блузки.

Словно прочитав ее мысли, Эф продолжила:

— Дело не в том, из «Кей-марта»* костюм или откуда-то еще. Это как раз значения не имеет. Но юбка слишком короткая, слишком обтягивающая, а с такой грудью, как ваша, не следует носить блузку с глубоким вырезом. Сладенькая, в этой стране полным-полно жадных адвокатов, а вы выглядите так,

* Сеть универмагов корпорации «Кей-март», продающих товары по сниженным ценам. Символ недорогих товаров и услуг.

словно пытаетесь склонить какого-нибудь менеджера подкатиться к вам, чтобы потом вчинить компании многотысячный иск за сексуальное домогательство. Увидев вас, директор по персоналу, независимо от того, мужчина он или женщина, думает: это беда, а у нас и без того хватает проблем. Если у вас есть время, чтобы переодеться перед собеседованием, мой вам совет: переоденьтесь. Не надо так уж явно... выставлять себя напоказ.

И черная эмоциональная дыра Эф отправила Микки в небытие.

Может, инспекторша давала совет с самыми благими намерениями. Может, и нет. Возможно, Микки поблагодарила Эф. Возможно, и нет. Только что она стояла в кабинете, а мгновением позже оказалась в маленьком коридорчике, перед закрытой дверью, но не помнила, как переступала порог.

Вне зависимости от того, сказала она что-то, уходя, или нет, Микки не сомневалась, что ее слова не могли еще больше настроить Эф против нее и повредить шансам Лайлани на получение помощи. Она ничего не могла изменить. Во всяком случае, здесь и сейчас.

Как и прежде, в приемной стояли четыре стула. Только число ожидающих приема людей увеличилось до семи.

В коридоре было жарче, чем в кабинете.

В лифте воздух просто пузырился от жары. И давление по мере спуска нарастало, словно Микки находилась в батискафе, который погружался в океанские глубины. Она даже приложила руку к стене, ожидая, что металлическая панель начнет прогибаться под напором воды.

Ей уже хотелось, чтобы скопившаяся в сердце злость выплеснулась наружу, раскаленная добела, и компенсировала летнюю жару внутренним огнем, потому что вместо ярости ее захлестнуло отчаяние.

На первом этаже она нашла комнату отдыха. Теплая масляная тошнота ползла вверх по стенкам желудка, и Микки боялась, что ее сейчас вырвет.

Дверцы кабинок открыты. В комнате никого. Наконец-то она одна.

Яркий флуоресцентный свет отражался от белого кафеля, рикошетил от зеркал. Их холодные поверхности не охлаждали горячий воздух.

Она пустила холодную воду, подставила ладони под струю воды, закрыла глаза. Несколько раз глубоко вздохнула. Вода из крана лилась теплая, но все равно помогала.

Высушив руки, она повернулась к настенному зеркалу в рост человека. Уезжая из дома, она думала, что в этом наряде производит впечатление деловой, энергичной женщины. Думала, что в этом наряде она хорошо выглядит.

Теперь отражение смеялось над ней. Юбка слишком короткая. И слишком обтягивающая. Вырез не шокирующе низкий, но все-таки низковат для собеседования с будущим работодателем. Может, и каблуки слишком высокие.

Она *действительно* очень уж явно выставляла себя напоказ. Выглядела дешевкой. Женщиной, которой была, а не какой хотела стать. Она одевалась не для работы, а для мужчин, тех мужчин, которые никогда бы не отнеслись к ней с уважением, мужчин, которые губили ее жизнь.

Она получила горькую пилюлю, а Ф. Бронсон постаралась, чтобы Микки вкусила всю горечь до последнего грана.

Такие советы следует выслушивать от человека, который любит тебя, заботится о тебе, который постарается хоть как-то подсластить лекарство. Тут лекарство «подсластили» уксусом. Если бы Ф. Бронсон думала, что это лекарство, а не яд, наверное, она бы не разлепила губ.

Долгие годы Микки видела в зеркалах красивую внешность и сексуальный магнетизм, который позволял ей получить все, что она хотела. Но теперь, когда у нее появились более высокие устремления, когда вечеринки и внимание плохишей ее больше не привлекали, зеркало показывало ей дешевую крикливость, нескладность, наивность... и отчаянное стремление получить то, что хочется. Ей стало тошно от того, что она видела перед собой.

Микки подумала, что просто переросла потребность использовать собственную красоту в качестве средства или оружия для достижения поставленной цели, но с ней произошли более глубокие перемены. Полностью изменились ее понятия о красоте. Глядя в зеркало, она видела пугающе мало из того, что соответствовало ее новым устремлениям. Возможно, наступила зрелость, но ее это страшило. Раньше она знала, что красота никогда ее не подведет, послужит опорой в самые трудные времена. Теперь эта уверенность бесследно исчезла.

Неудержимое желание разбить зеркало охватило ее. Но прошлое не раскалывалось так же легко, как стекло. А перед собой она видела свое прошлое, упрямое и безжалостное.

Глава 38

Собака и мальчик... Второй лучше переносит августовскую жару, чем первая, первая обладает более острым нюхом, чем второй, второй вновь думает о странном истерическом поведении Гэбби в момент исхода из «маунтинира», первая — о сосисках, второй восторгается красотой лазурно-синей птички, сидящей на поломанной и покореженной изгороди, вторая вдыхает «ароматы» помета птички... Оба довольны компанией друг друга. Они идут в поисках будущего, сначала по лугу, потом по пустынной сельской дороге, огибают поворот, и внезапно она уже не пустынная.

Тридцать или сорок домов на колесах, пятнадцать—двадцать пикапов и множество внедорожников стоят по обочинам двухполосной дороги и на соседнем лугу. Тенты, натянутые рядом с некоторыми домами на колесах, создают зоны общения. Помимо этого на лугу разбиты с десяток ярких больших палаток.

Единственные постоянные сооружения виднеются вдали: дом владельца ранчо, амбар, конюшня.

Зеленый трактор «Джон Дир» с прицепленной к нему тележкой для сена служит передвижным офисом. В кабине сидит ранчер в джинсах, футболке, с соломенным сомбреро на голове. Надпись от руки на щите извещает, что стоянка на лугу стоит двадцать долларов в день. Ниже два условия пребывания в здешних местах:

«НИКАКИХ УСЛУГ НЕ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ,
ТРЕБУЕТСЯ ДОКУМЕНТ ОБ ОТКАЗЕ ОТ ПРЕТЕНЗИЙ».

Встретив на пути столь оживленное поселение, Кертис решает миновать его быстро, с предельной осторожностью. Столь большое количество домов на колесах его тревожит. Насколько ему известно, он, возможно, попал на конгресс серийных убийц.

Возможно, ему вновь придется столкнуться с зубными фетишистами. Кто знает, вдруг эта седовласая парочка находится где-то неподалеку, гордо демонстрируя свои трофеи и восхища-

ясь еще более отвратительными коллекциями других патологических убийц, собравшихся на ежегодное летнее сборище.

Желтый Бок, однако, не унюхивает ничего опасного. По природе она — существо общительное и, естественно, хочет познакомиться с ситуацией поближе.

Кертис доверяет ее инстинктам. Кроме того, в толпе легче укрыться, если плохие выродки вновь включили свою электронику в поисках особого энергетического сигнала, исходящего от мальчика.

Луг огражден изгородью из побеленных досок, многие из которых требуют замены и все — свежей побелки. Трактор охраняет открытые ворота.

Брезент, натянутый на четырех столбах, защищает тележку для сена от прямых солнечных лучей. Тележка — миниатюрный магазин. В ящиках-охладителях, наполненных льдом, банки с пивом и прохладительными напитками, которые ранчер и помогающий ему подросток продают всем желающим. Они предлагают также картофельные чипсы, домашние булочки, пирожки и баночки знаменитой в местных краях бабушкиной приправы из черных бобов и кукурузы, которая, как обещает рукописная реклама, «достаточно острая, чтобы чисто снести голову».

Кертис не может представить себе, как можно чисто снести голову. Обезглавливание — грязный процесс.

Он, разумеется, понимает, почему смертоносная бабушкина приправа знаменита в здешних краях, но ему совершенно неясно, с какой стати кому-то захочется ее покупать. Однако в рядах выставленных баночек имеются прорехи, а еще две покупают у него на глазах.

Сие показывает, что у части собравшихся на лугу определенно наличествуют суицидальные тенденции. Собака отметает его теорию конгресса серийных убийц, поскольку не может уловить феромонов полновесного психоза, но Кертиса не радует и перспектива оказаться в компании самоубийц, какие бы причины ни толкали их к самоуничтожению.

Помимо напитков, закусок и знаменитой приправы с тележки для сена предлагаются также футболки со странными надписями. Одна утверждает: «РАНЧО НИАРИ — ЗВЕЗДОПОРТ США». На другой — изображение коровы и надпись: «КЛАРА, ПЕРВАЯ КОРОВА В КОСМОСЕ». На третьей только

надпись в две строки: «МЫ НЕ ОДНИ» — и ниже: «РАНЧО НИАРИ». Четвертая предупреждает: «ДЕНЬ БЛИЗИТСЯ», есть на ней и неизменное название ранчо.

Клара Кертиса очень даже интересует. Он хорошо знает историю НАСА и космическую программу бывшего Советского Союза, но не помнит попытки вывести корову на орбиту или отправить на Луну. Ни одна другая страна не располагает возможностями послать корову в космос и живой вернуть на Землю. Более того, мальчик совершенно не понимает, какой в этом смысл.

Рядом с футболками на продажу выставлена книга «Ночь на ранчо Ниари: близкие контакты четвертого вида». По названию и иллюстрации на супере — летающая тарелка, зависшая над сельским домом,— Кертис начинает понимать, что ранчо Ниари — источник еще одной современной народной легенды, аналогичной тем, в которых фигурирует Розуэлл, штат Нью-Мексико.

Заинтригованный, но все еще в тревоге из-за личностей с высокой степенью суицидального риска, которые составляют часть собравшихся на лугу, он тем не менее вновь доверяется Желтому Боку. Запаха сносимых голов она не чует, хотя тщательно принюхивается.

Мальчик и собака проходят на луг. У открытых ворот их никто не останавливает. Очевидно, думают, что они прибыли с кем-то из тех, кто арендовал кусочек этого просторного луга.

В праздничном настроении, с банками пива и прохладительных напитков в руках, жуя булочки, легко одетые по случаю жары люди фланируют по низко скошенной траве в проходах между стоянками, заводят новых друзей, приветствуют старых. Другие собираются под навесами, играют в карты и настольные игры, слушают радио... и говорят, говорят, говорят.

Говорят все и везде, кто-то спокойно и серьезно, другие — громко, энергично жестикулируя. Из обрывков разговоров, которые улавливает Кертис, пока он и Желтый Бок идут по лугу, мальчик делает вывод, что все эти люди — фанаты НЛО. Съезжаются они сюда дважды в год, на даты знаменитых появлений летающих тарелок, но нынешнее сборище связано с новым и недавним событием, которое взволновало их до глубины души.

Стоянки организованы в виде спиц, ступица которых — круг голой земли диаметром в двенадцать футов. В нем — чер-

ная, спекшаяся земля, на которой нет ни цветка, ни травинки. Должно быть, не растет ничего живого, совсем как на соляном озере.

Высокий, крупный мужчина лет шестидесяти стоит в центре круга голой земли. В бушменских сапогах, белых носках, шортах цвета хаки, из-под которых видны колени, круглые и волосатые, будто кокосовые орехи, и в рубашке того же цвета, с короткими рукавами и эполетами, выглядит он так, словно отправляется в африканскую экспедицию, на поиски легендарного кладбища слонов.

Восемнадцать или двадцать человек собрались вокруг мужчины. Ни один не решается ступить в мертвую зону, предпочитая оставаться на траве.

Когда Кертис присоединяется к группе, один из только что подошедших объясняет другому: «Этот старик — сам Ниари. Он побывал наверху».

Мистер Ниари рассказывает о Кларе, первой корове в космосе.

— Она была хорошей коровой, старушка Клара. Давала ведро молока с низким содержанием жира и не доставляла никаких неприятностей.

Корова как источник неприятностей — для Кертиса это в диковинку, но он не решается спросить, какие неприятности могут доставить коровы, если они не столь любезны, как Клара. Мать всегда говорила ему, что он не узнает ничего нового, если не научится слушать, так что Кертис слушать умеет и любит.

— Коровы голштинской породы обычно глупы,— говорит Ниари.— Это мое мнение. Некоторые будут утверждать, что голштинки такие же умные, как джерсейки или херефорды. Откровенно говоря, тот, кто высказывает подобную точку зрения, просто не знает своих коров.

— Олдернейки и галловейки — очень умные животные,— замечает кто-то из стоящих на границе мертвой зоны.

— Мы можем стоять здесь весь день, споря о том, коровы какой породы самые умные,— говорит мистер Ниари,— и не приблизимся к Небесам. Так или иначе, мою Клару типичной голштинкой считать нельзя, в том смысле, что она была умной. Не такой умной, как вы и я, возможно, даже не такой, как эта собака,— он указывает на Желтого Бока,— но одной из тех, кто

утром ведет остальных из коровника на пастбище, а вечером — обратно.

— Линкольнширские красные — умные коровы,— говорит приземистая, курящая трубку женщина, волосы которой собраны в два конских хвоста, перевязанные желтыми ленточками.

Мистер Ниари бросает на эту достаточно грозную даму нетерпеливый взгляд.

— Тем не менее этих инопланетян линкольнширские красные не заинтересовали, не так ли? Они прилетели сюда и взяли Клару... и мое мнение — они знали, что она самая умная корова на поле. В общем, их корабль, напоминающий вращающуюся юлу из жидкого металла, завис над Кларой, а она стояла аккурат там, где сейчас стою я.

Большинство собравшихся вокруг людей вскинули глаза к небу, одни — со страхом, другие — с благоговейным трепетом.

Молодая женщина, такая же бледная, как молоко Клары с низким содержанием жира, спросила:

— Их появление сопровождалось каким-то звуком? Над лугом летела какая-то мелодия?

— Если вы спрашиваете, играл ли я или они на органе, как в кино, то нет, мэм. Ее забрали в полной тишине. Из корабля вырвался красный луч, словно вспыхнул прожектор, но это был левитационный луч. Клара поднялась с земли в колонне красного света диаметром в двенадцать футов.

— Большой, однако, левитационный луч! — воскликнул длинноволосый молодой человек в джинсах и футболке с надписью «ФРОДО ЖИВ».

— Моя старушка успела лишь раз что-то жалобно промычать,— говорит мистер Ниари,— и поднялась вверх, не протестуя, медленно поворачиваясь, покачиваясь, словно весила не больше пушинки.— Он пристально смотрит на курящую трубку женщину с конскими хвостами.— Будь она линкольнширской красной, наверняка бы начала лягаться, дергаться и задохнулась бы, подавившись собственной жвачкой.

Прежде чем ответить, женщина выпустила струю дыма.

— Жвачное животное просто не может задохнуться, подавившись жвачкой.

— Обычно не может, согласен,— кивает мистер Ниари,— но когда вы толкуете о таких псевдоумных коровах, как линкольнширские красные, меня не удивит любая их глупость.

Слушая эти разговоры, Кертис многое узнает о коровах, правда, не может понять, о чем, собственно, идет речь.

— А зачем им понадобилась корова? — спрашивает молодой человек, верящий, что Фродо жив.

— Молоко,— предполагает бледнолицая молодая женщина.— Возможно, на их планете разразилась экологическая катастрофа, вызванная исключительно природными причинами, сопровождающаяся разрывами биологической цепочки.

— Нет-нет, они находятся на достаточно высоком уровне развития, чтобы клонировать представителей своего животного мира,— возражает мужчина профессорского типа, с трубкой бóльших размеров, чем у курящей женщины.— Каким бы ни был их эквивалент коровы, они бы воссоздали свои стада именно таким способом. И не стали бы привозить к себе инопланетных животных.

— Может, они просто проголодались и захотели отведать хороший чизбургер,— вносит новую идею мужчина с красным лицом, который в одной руке держит банку с пивом, а во второй — недоеденный хот-дог.

Некоторые смеются. А вот бледнолицая женщина, достойный кандидат на роль умирающий героини, обижается, и ее яростный взгляд стирает улыбку с лица мужчины.

— Если они могут путешествовать по Галактике, значит, они — высокоразвитые существа, а следовательно, вегетарианцы.

Вспомнив свои навыки общения, в дискуссию вступает Кертис:

— Или они могут использовать корову в качестве животного-хозяина для создания биоинженерного оружия. Они могут имплантировать восемь или десять эмбрионов в тело коровы, вернуть ее на луг, и, пока эмбрионы будут расти, превращаясь в жизнеспособных существ, никто не поймет, что находится внутри Клары. А потом придет день, когда тело коровы расползется, как при поражении эбола-вирусом, и из него вылезут восемь или десять насекомоподобных солдат, каждый размером с немецкую овчарку, которые в течение двенадцати часов смогут уничтожить город с населением в тысячу человек.

Все смотрят на Кертиса.

Он тут же понимает, что ляпнул что-то не то, нарушил устав или нормы поведения, принятые фанатами НЛО, но не знает, в

чем именно заключается это нарушение. Стараясь хоть как-то выкрутиться, продолжает:

— Ладно, может, это будут рептилии, а не насекомые, в этом случае на уничтожение города с населением в тысячу человек им потребуется шестнадцать часов, поскольку рептилия — менее эффективная машина смерти в сравнении с насекомоподобной.

Но и это уточнение не прибавляет ему друзей среди собравшихся у круга мертвой земли. На лицах читается недоумение и раздражение.

А бледнолицая молодая женщина поворачивается к нему и сверлит его тем же яростным взглядом, которым стерла улыбку с лица мужчины, вооруженного банкой пива и недоеденным хот-догом.

— Развитые существа лишены наших недостатков. Они не уничтожают экологию своей планеты. Они не воюют и не едят трупы животных.— Она бросает взгляд с температурой жидкого азота на мужчину и женщину, курящих трубки.— Они давно отказались от табака.— Бледнолицая вновь поворачивается к Кертису, глаза ее такие холодные, что он боится замерзнуть, если она будет долго смотреть на него.— Они лишены предрассудков, связанных с цветом кожи, полом или чем-то еще. Они не уничтожают свои тела продуктами с высоким содержанием жира, рафинированным сахаром, кофеином. Они не лгут и не обманывают, не воюют, как я уже говорила, и уж конечно не используют коров в качестве инкубаторов для выращивания гигантских насекомых-убийц.

— Ну, Вселенная так велика,— отвечает Кертис, как ему кажется, в примиряющем тоне,— и, к счастью, самые худшие из тех, о ком я говорю, еще не добрались до этого ее края.

Лицо молодой женщины еще больше бледнеет, глаза становятся еще холоднее, словно в ее голове включились дополнительные холодильные мощности.

— Разумеется, это всего лишь предположение,— торопливо добавляет Кертис.— Фактов у меня не больше, чем у вас.

Прежде чем эта Медуза, пусть и без змей вместо волос, успевает превратить Кертиса в глыбу льда, в разговор вмешивается мистер Ниари:

— Сынок, тебе следовало бы поменьше играть в эти насаждающие насилие научно-фантастические компьютерные игры.

От них у тебя голова и забивается всем этим вздором. Здесь мы говорим о реалиях, а не о кровавых фантазиях, которыми Голливуд развращает молодые умы вроде твоего.

Собравшиеся вокруг мертвой зоны согласно кивают, а кто-то спрашивает:

— Мистер Ниари, вы испугались, когда Ипы вновь прилетели, уже за вами?

— Сэр, я, естественно, встревожился, но не испугался в полном смысле этого слова. Случилось это через шесть месяцев после того, как Клара поднялась в небо, поэтому ежегодно мы собираемся здесь дважды, в годовщины этих знаменательных событий. Между прочим, кое-кто говорит, что приезжает только для того, чтобы отведать булочек, которые печет моя жена, так что не упустите своего шанса. Разумеется, в этом году у нас три встречи, и нынешняя имеет самое прямое отношение к происходящему прямо сейчас вон там.— Выпрямившись во весь свой немалый рост, этот исследователь Африки указывает на восток, на те земли, что лежат за деревьями.— Как мы все прекрасно знаем, развернувшиеся в Юте события не имеют никакого отношения к наркобаронам, что бы там ни утверждало государство.

На заявление Ниари многие откликаются репликами, из которых становится понятно, что абсолютное большинство собравшихся вокруг мертвой зоны государству не доверяют.

Кертис ухватывается за это единодушие как за возможность реабилитироваться в глазах этих людей и отточить навыки общения. С травы он ступает на мертвую землю и, возвысив голос, заявляет: «Государство! Устанавливающая законы, жаждущая власти, ничего не знающая о реальной жизни свора трусливых скунсов в накрахмаленных рубашках!»

И тут же чувствует, что от его монолога сердца собравшихся не раскрываются ему навстречу.

Более того, все вновь замолкают.

Предположив, что молчание вызвано необходимостью переварить сказанное им, но отнюдь не несогласием со смыслом его слов, Кертис приводит еще один аргумент в пользу того, что фанаты НЛО должны принять его в свои стройные ряды: «Назовите меня свиньей и разрубите на отбивные, но только не убеждайте, что государство не тиран, жаждущий заграбастать всю землю!»

Желтый Бок ложится на землю и перекатывается на спину, открывая живот толпе, поскольку думает, что попытка Кертиса наладить общение с людьми требует демонстрации смирения во избежание насилия.

Кертис, однако, уверен, что Желтый Бок неправильно истолковала настроение этих людей. Во многом инстинктам и чувствам собаки вполне можно доверять, но вопросы человеческого общения слишком сложны, чтобы правильно анализировать их исключительно на основании инстинкта и запаха. Действительно, бледнолицая женщина превратилась в ледяную скульптуру при упоминании отбивных, но открытые рты остальных показывают, что они внимают истине.

А потому, пусть Желтый Бок и выставляет напоказ свой живот, Кертис продолжает говорить то, что хотят слышать эти люди, двигаясь по кругу, имитируя походку Гэбби, за которую его, среди прочего, так любили.

— Государство! Сборщики налогов, похитители земли, пронырливые доброжелатели, считающие себя святее любого размахивающего Библией проповедника.

Собака уже скулит.

Оглядывая стоящих вокруг уфологов, Кертис не видит ни одной улыбки, некоторые хмурятся, на лицах других читается удивление и даже жалость.

— Сынок,— говорит мистер Ниари,— я полагаю, твоих родителей нет среди тех, кто сейчас тебя слушает, а не то они надрали бы тебе задницу за это представление. А теперь иди к ним и оставайся с ними, пока вы будете здесь, иначе мне придется настоять, чтобы ты и твоя семья забрали свои деньги и покинули луг.

О господи, должно быть, он так и не сможет стать Кертисом Хэммондом. Мальчик глотает слезы, прежде всего потому, что выказал себя круглым дураком перед ставшей ему сестрой.

— Мистер Ниари, сэр,— молит он со всей доступной ему искренностью.— Я не какой-то наглый, плюющий в глаза злодей.

Эти слова, такие правдивые, сказанные от чистого сердца, приводят к тому, что лицо мистера Ниари наливается кровью, превращаясь в темную, зловещую маску.

— Достаточно, молодой человек.

В последней попытке загладить свою вину Кертис восклицает:

— Мистер Ниари, сэр, огромная, прекрасная женщина сказала, что я слишком хорош для этого мира. Если вы спросите меня, я глупый или что, я должен ответить, что глупый. Я слишком хороший, глупый Гамп, вот кто я.

Желтый Бок шустро вскакивает на все четыре лапы, рассудив, что ситуация слишком опасна, чтобы дальше лежать животом вверх, и выбегает из мертвой зоны еще до того, как мистер Ниари делает первый шаг к Кертису.

Наконец-то доверившись собачьим инстинктам, Кертис бросается к ней. Опять они беглецы.

Глава 39

Если когда-то библиотеки Южной Калифорнии были такими, как их описывают в книгах и показывают в фильмах: темное красное дерево столов, стеллажи до потолка, уютные уголки в лабиринте полок, то эти времена остались в прошлом. Нынче везде краска и пластмасса. И стеллажи не достают до потолка, потому что последний выложен звукоизоляционными панелями, под которыми закреплены флуоресцентные лампы, дающие слишком много света, не оставляя места романтике. И полки стоят ровными рядами, металлические — не деревянные, привинченные к полу на случай землетрясения.

Микки даже показалось, что она попала в больницу: так же светло, чисто и тихо, пусть это и молчание обретающих знания, а не стоически страждущих.

Значительная часть зала отведена под компьютеры. Все с доступом в Интернет.

Стулья неудобные, яркий слепящий свет. Она почувствовала себя как дома, имея в виду не трейлер, который она делила с Дженевой, а дом. Предоставленный Департаментом наказаний штата Калифорния.

За половиной компьютеров сидели другие посетители библиотеки, но Микки их проигнорировала. Помнила о кораллово-розовом костюме, в котором совсем недавно чувствовала себя энергичной, уверенной в будущем, деловой женщиной. И потом, после Ф. Бронсон, ей совершенно не хотелось общаться с

людьми. Машины представлялись ей куда более приятной компанией.

Выйдя в Сеть, ощущая себя детективом, она ввела в прямоугольник поиска Престона Мэддока, но, как выяснилось, продолжения охоты и не потребовалось.

Злодей сам просился на встречу с ней со множества сайтов. Микки и представить себе не могла, что столкнется с таким объемом информации.

По телефону-автомату она предупредила, что не сможет прийти на трехчасовое собеседование. Поэтому вторую половину дня посвятила доктору Думу, и из того, что ей удалось выяснить, следовало, что камера смерти, в которую заключена Лайлани, куда как лучше защищена от побега, чем рассказывала девочка.

Сущность истории Мэддока не требовала никаких объяснений, подробности шокировали. А социальное содержание могло нагнать страха не только на Лайлани, но и на всех, кто жил и дышал.

Престон Мэддок защитил докторскую диссертацию по философии. Десятью годами раньше он объявил себя биоэтиком, приняв должность, предложенную одним из университетов Лиги плюща, и начал преподавать этику будущим докторам.

Это поколение биоэтиков, которое назвало себя утилитариями*, искало, как им казалось, этические критерии распределения ограниченных медицинских ресурсов, с тем чтобы определить, кто достоин лечения, а кто — нет. Отбросив понятие, что любая человеческая жизнь священна, на котором базировалась вся западная медицина начиная с Гиппократа, они утверждали, что одни человеческие жизни имеют большую духовную и социальную ценность, чем другие, и право устанавливать шкалу ценностей принадлежит их элитарной группе.

Однажды маленькая, но достаточно влиятельная часть биоэтиков отвергла холодный прагматический подход утилитариев, но последние выиграли битву и теперь руководили соответствующими академическими кафедрами.

---

* Желающие могут без труда повторить путь Микки. Достаточно набрать в поисковой системе слова bioethic или utilitarian. Правда, ссылок на Престона Мэддока не будет.

Престон Мэддок, как и большинство биоэтиков, выступал за лишение медицинской помощи стариков, конкретнее, людей старше шестидесяти, в том случае, когда их болезнь оказывала серьезное влияние на качество жизни, даже если пациенты могли не только жить, но и наслаждаться жизнью. Если болезнь поддавалась излечению, но процент выздоравливающих не превышал достаточно низкой величины, скажем, из десяти больных поправлялись только трое, большинство биоэтиков сходились на том, что старикам все равно надо дать умереть без лечения, поскольку с утилитарной точки зрения их возраст гарантировал, что обществу они будут давать меньше, чем получать от него.

Невероятно, но практически все биоэтики полагали, что новорожденных с пороками развития, даже с незначительными, следует оставлять без внимания, пока они не умрут. Если младенец заболевает, лечить его не нужно. Если у младенца временные трудности с дыханием, помогать ему незачем, пусть задохнется. Если младенец не может сам есть, пусть голодает. Инвалиды, говорили биоэтики, тяжелая ноша для общества, даже если они могут сами себя обслуживать.

Микки чувствовала, как в ней закипает злость, только уже совсем по другой причине, не имеющей отношения к страданиям и унижениям детства. К этой злости ее эго не имело ни малейшего отношения. Эту злость вызывали выродки, называющие себя людьми.

Она прочитала отрывок из книги «Практическая этика», в которой Питер Сингер, из Принстонского университета, оправдывал убийство новорожденных с таким не столь уж серьезным заболеванием, как гемофилия: «*Когда смерть младенца с пороком развития приводит к рождению другого младенца с большими перспективами счастливой жизни, полный объем счастья будет больше, если убить неполноценного младенца. Потерю счастливой жизни для первого младенца перевесит обретение счастливой жизни вторым. Таким образом, если убийство младенца-гемофилика не оказывает неблагоприятного воздействия на других... логично и правильно его убить*».

Микки пришлось встать и уйти от всего этого. Ярость переполняла ее энергией. Она не могла сидеть. Ходила взад-вперед,

сгибая и разгибая руки, сбрасывая энергию, пытаясь успокоиться.

Как ребенок, перепуганный, но по-прежнему тянущийся к историям о призраках и чудовищах, она вернулась к компьютеру.

Сингер однажды предложил считать убийство младенца этичным, если родители считают, что оно послужит интересам семьи и общества. Далее он заявил, что младенец не становится личностью на первом году жизни, таким образом перебрасывая мостик к идее, что убивать младенца этично не только при рождении, но и значительно позже.

Престон Мэддок полагал, что подобное убийство этично до того момента, как дети начитают разговаривать. *Скажи «папа» или умри.*

Большинство биоэтиков поддерживали «контролируемые» медицинские эксперименты на психически неполноценных субъектах, или на людях в коматозном состоянии, или на младенцах-отказниках, вместо животных, указывая, что обладающие самосознанием животные могут испытывать душевную боль, тогда как психически неполноценные, коматозные и младенцы — нет.

Спрашивать психически неполноценных о том, что они думают по этому поводу, согласно этой философии, нужды, разумеется, не было, потому что они, как младенцы и, конечно же, другие «минимально знающие люди», являлись личностями, которые не имели морального права требовать себе место в этом мире.

Микки хотелось начать крестовый поход, чтобы объявить биоэтиков «минимально знающими», поскольку в них не чувствовалось ничего человеческого и они в большей степени подпадали под категорию нелюдей, чем малые, слабые и больные, которых они призывали убивать.

Мэддок являлся лидером... но одним из нескольких... движения, которое хотело использовать «обоюдоострые биоэтические дебаты и научные методы» для определения минимального ай-кью, необходимого, чтобы вести полноценную жизнь и быть полезным обществу. Он полагал, что порог значительно выше, чем «ай-кью больных с синдромом Дауна», но при этом добавлял, что после определения минимального ай-кью общество не

должно немедленно избавляться от ныне живущих тугодумов. Скорее, говорил он, это попытка прояснить наше понимание, а что же такое полноценная жизнь, то есть получить знания, которые окажутся неоценимо важными к моменту, когда наука сможет точно предсказывать ай-кью у младенцев.

Да. Конечно. И экспериментальные лагеря в Дахау и Освенциме строились не для того, чтобы использовать их. Просто хотелось посмотреть, можно ли их построить, будут ли они представлять собой архитектурную ценность.

Поначалу, бродя по сайтам биоэтиков, Микки думала, что эта культура смерти не представляет собой ничего серьезного. Это, должно быть, игра, участники которой состязались, кто покажет себя самым шокирующим, самым нечеловечески практичным, самым холодным и сердцем, и умом. Конечно, это могли быть только фантазии.

Узнавая, что эти люди жили и действовали, исходя из своей философии, она не сомневалась, что серьезно их могли воспринимать только в своем узком кругу, находящемся на периферии академического мира. Но очень быстро она обнаружила, что они находятся на передовых рубежах, в центре внимания. В большинстве медицинских школ биоэтика входила в состав обязательных дисциплин. Более тридцати ведущих университетов предлагали дипломы по биоэтике. Принимались бесчисленные законы, федеральные и штатов, подготовленные при непосредственном участии биоэтиков и направленные на то, чтобы именно специалисты по биоэтике становились моральными и легальными арбитрами, выносящими решение, кому жить, а кому умереть.

Инвалиды обходятся дорого, разве вы с этим не согласны? И старики. И слабые. И тупые. Не просто дорого, но зачастую мешают жить нормальным людям. И смотреть на них — никакого удовольствия, как и общаться с ними, не то что с нами. Бедняжки будут куда счастливее, если покинут этот мир. Если они родились с отклонениями от нормы или стали инвалидами в результате несчастного случая, тогда, при наличии у них гражданской совести, они должны умереть во благо общества.

Когда же мир успел превратиться в сумасшедший дом?

Микки начала понимать своего врага.

Раньше Престон Мэддок не казался ей очень уж серьезной угрозой.

Теперь она понимала, что заблуждалась. Угроза была страшная, пугающая. Она имела дело с чужим, с инопланетянином.

Нацистская Германия (помимо того, что там пытались уничтожить всех евреев), Советский Союз, маоистский Китай в прошлом решали «социальную проблему», связанную со слабыми и больными, но когда утилитарных биоэтиков спрашивали, как хватает у них духа предлагать такие же кардинальные варианты решения проблемы, они увиливали от ответа, заявляя, что нацисты и им подобные убивали слабых и больных по «неверным причинам», как заявил Престон в одном интервью.

То есть в самих убийствах, видите ли, никакой ошибки не было, но вот идеологические посылы у нацистов и коммунистов были неверными. Мы, мол, хотим убивать не из ненависти или предрассудков, а потому, что убийство ребенка с пороками развития освободит место для нормального, который доставит семье больше радости, который будет счастливее, принесет больше пользы обществу, увеличит «общий объем счастья». Это не то же самое, говорили они, как убивать ребенка, чтобы освободить место для другого, который будет лучшим представителем своего volk*, более блондинистым, которым будет гордиться нация и который порадует своего fuhrer**.

— Дайте мне микроскоп,— пробормотала Микки.— Может, лет через триста я смогу обнаружить разницу.

Эти люди воспринимались серьезно, потому что в своих действиях руководствовались состраданием, экологической ответственностью и даже правами животных.

Кто мог спорить с состраданием к убогим, со стремлением разумно использовать национальные ресурсы, с желанием уважительно относиться к братьям нашим меньшим? Если этот мир — наш фатерланд, если это единственный мир, который у нас есть, если мы верим, что мир этот очень хрупкий, легкоранимый, тогда стоимость жизни каждого слабого ребенка и стареющей бабушки нужно оценивать с учетом возможности потери

---

* Народ *(нем.)*.

** Фюрер, вождь *(нем.)*.

всего мира. Неужели можно пожертвовать им ради спасения девочки-калеки?

Мэддок и другие знаменитые американские и английские биоэтики, представители стран, в которых это безумие пустило наиболее глубокие корни, приглашались как эксперты на телевизионные каналы, получали благожелательную прессу, консультировали политиков по вопросам законодательства, связанным со здравоохранением. Никто из них, однако, не мог выступать в Германии, потому что собирающиеся толпы освистывали их и угрожали насилием. Должно быть, только холокост мог надежно уберечь страну от подобной дикости.

Вот Микки и задалась вопросом: а не понадобится ли холокост и здесь, чтобы вернуть людям ясность ума? И с каждой минутой, ушедшей на знакомство с миром биоэтики вообще и историей Престона Мэддока в частности, в ней росла тревога за свою страну и за будущее.

Но самое худшее еще ждало ее впереди.

Она сидела за компьютером, библиотеку по-прежнему заливал яркий флуоресцентный свет, но ей казалось, что на свет этот все сильнее наползает тьма.

Глава 40

Собака избегает открытых пространств скошенной травы, разделяющих выстроившиеся по лучам-спицам автомобили, ведет мальчика вдоль одного луча, потом сворачивает в зазор между домом на колесах и пикапом, пересекает травяной сектор, разделяющий лучи, пробегает между двумя другими домами на колесах, поднимая лапами фонтанчики пыли и отбрасывая сухую траву, минует зону ярких палаток, мимо взрослых и детей, мимо барбекю, мимо женщины, загорающей на шезлонге, и маленькой собачонки, которая с визгливым лаем бросается прочь. Оглянувшись, Кертис видит, что преследователи, если они и были, более за ним не гонятся, доказывая тем самым, что с бегством у него получается лучше, чем с общением.

Он потрясен и обижен до глубины души.

Но пока у него нет желания покинуть это шумное сборище, которое обеспечивает ему неплохое прикрытие. Тем более что вечером или на следующий день он, возможно, сможет уговорить кого-нибудь из фанатов НЛО подбросить его в густонаселенный район, где затеряться будет еще проще. А пока не остается ничего другого, как довольствоваться тем, что есть. Все лучше, чем пустынная дорога, вьющаяся по сельской местности. Если ему удастся избежать новой встречи с мистером Ниари, на лугу он в полной безопасности, при условии, что умная корова Клара не упадет с неба и не расшибет его в лепешку.

Желтый Бок скулит, садится рядом с огромным «Флитвудом»*, закидывает голову, словно собралась повыть на луну, хотя никакой луны на небе нет и в помине. Она и не воет, поскольку, судя по всему, ищет над собой увеличивающуюся точку-корову.

Кертис приседает на корточки рядом с ней, чешет за ушами, как может, объясняет, что бояться нечего, голштинка на нее не свалится. Собака конечно же понимает мальчика, теснее прижимает голову к его рукам.

— Кертис?

Мальчик поднимает голову, чтобы увидеть, что над ним стоит фантастически красивая женщина.

На ногтях пальцев ног лазурно-синий лак, и кажется, что это не ногти, а зеркала, в которых отражается небо. Более того, женщина эта словно вышла из сказки, и цвет ногтей такой глубокий, что можно подумать, будто это десять окошек в другой мир. Он практически не сомневается, что маленький камушек, если бросить его на ноготь, не отлетит в сторону, но исчезнет в этой синеве, провалится сквозь другое небо.

Он видит и ее изящные пальчики, потому что на ней минималистские белые сандалии. Высокие каблуки из прозрачного акрила, так что создается впечатление, будто она стоит на мысочках, словно балерина.

В обтягивающих тореадорских штанах ноги ее выглядят невероятно длинными. Кертис уверен, что это иллюзия, вызванная неожиданным появлением женщины и углом, под которым он смотрит. Однако, поднявшись, понимает, что дело не в перспективе. Если бы доктор Моро Герберта Уэллса добился успеха в генетических экспериментах, которые проводил на

* Компания, выпускающая самый большой в Соединенных Штатах модельный ряд домов на колесах.

своем острове, он бы не смог создать гибрид человека и газели с более элегантными ногами.

Штаны с низкой талией оставляют открытым загорелый живот, который служит живой оправой овальному ограненному опалу, такому же синему, как лак для ногтей. Этот драгоценный камень крепится на ее пупке то ли клеем, то ли хитрым скрытым зажимом неведомой Кертису конструкции, то ли волшебными чарами.

Груди у нее таких размеров, что в фильме камера обязательно замерла бы на них, и прикрыты белым топиком. Топик очень тонкий, а бретельки вообще как спагетти. Просто удивительно, как он держится на месте, должно быть, чудо человеческой мысли, соперничающее с мостом Золотые Ворота. Десяткам инженеров и архитекторов наверняка потребовались долгие недели, чтобы создать это удивительное поддерживающее устройство.

Медово-золотистые волосы обрамляют иконописное лицо с глазами цвета опала. Рот, словно сошедший с рекламы губной помады, напоминает последнюю алую розу, неожиданно прихваченную морозом прямо на кусте.

Если бы мальчик пробыл Кертисом Хэммондом не два дня, а, скажем, две недели или два месяца, он бы более полно адаптировался к биологическим особенностям человеческого тела и, конечно, почувствовал бы шевеление мужского интереса, который, вероятно, уже начал проявляться в настоящем Кертисе Хэммонде, о чем свидетельствовал постер Бритни Спирс, появившийся в его спальне среди киномонстров. Тем не менее, пусть процесс превращения в Кертиса еще продолжался, мальчик все-таки что-то почувствовал. Во рту у него пересохло, но не от жажды, по телу пробежала дрожь, колени подогнулись.

— Кертис? — вновь спрашивает она.

— Да, мэм,— отвечает он и вдруг понимает, что никому не называл своего имени после того, как прошлым вечером поболтал с Донеллой в ресторане на стоянке грузовиков.

Женщина осторожно оглядывается, дабы убедиться, что за ними никто не следит и их не подслушивают. Несколько мужчин, отиравшихся неподалеку, пялились на нее, пока она не сводила глаз с Кертиса, а теперь отворачиваются, избегая ее

взгляда. Возможно, она замечает это подозрительное поведение, потому что наклоняется к мальчику и шепчет: «Кертис Хэммонд?»

Помимо Донеллы, бедного, туповатого Берта Хупера да мужчины с надписью «ВОДИТЕЛЬ МАШИНЫ» на бейсболке, никто, кроме врагов Кертиса, не знает его фамилии.

Беззащитный, как любой простой смертный в присутствии ангела смерти, Кертис замирает в ожидании, что его сейчас разорвут в клочья, обезглавят, четвертуют, разложат на молекулы, сожгут заживо, а может, найдут казнь и пострашнее, хотя он и представить себе не мог, что Смерть явится в позвякивающих серебряных серьгах, двух серебряно-бирюзовых ожерельях, трех бриллиантовых кольцах, с серебряно-бирюзовыми браслетами на запястьях и декорированным пупком.

Он может отрицать, что он — Кертис Хэммонд, настоящий или нынешний, но если перед ним один из охотников, которые вырезали его семью и семью Кертиса в Колорадо, значит, он уже опознан по свойственному только ему энергетическому сигналу. В этом случае любая попытка обмана ни к чему не приведет.

— Да, мэм, это я,— отвечает он, решив до самого конца не забывать о хороших манерах, ожидая, что сейчас его отправят в мир иной, возможно, к радости мистера Ниари и остальных, кого он оскорбил, сам того не желая.

Ее шепот становится еще тише:

— Вроде бы ты должен быть мертвым.

Сопротивляться так же бессмысленно, как защищаться, потому что, если она из самых плохих выродков, силы у нее, будто у десятерых мужчин, а скорость движения, словно у «феррари тестаросса», так что Кертису остается лишь ждать продолжения.

Отвечает он дрожащим голосом:

— Мертвым. Да, мэм, полагаю, что должен.

— Бедный мальчик.— В голосе нет сарказма, какой обязательно слышался бы в голосе убийцы, собравшегося обезглавить жертву, только забота.

Изумленный ее сочувствием, он даже думает, что в ней есть толика милосердия, пусть раньше он полагал, что охотники напрочь его лишены, и хватается за эту соломинку.

— Мэм, я честно признаю, что моя собака знает слишком много, учитывая, что мы с ней тесно связаны. Но она не умеет говорить и никому не сможет рассказать о том, что знает. Если уж так необходимо вырвать мои кости из тела и раздробить на мелкие кусочки, с этим, наверное, ничего не поделаешь, но я искренне верю, что убивать ее нет никакой нужды.

На лице женщины появляется то самое выражение, какое ему уже доводилось видеть на лунообразном лице Донеллы и заросшем жестким волосом лице Гэбби. Он полагает, что это озадаченность, даже недоумение, а может, стремление заглянуть за покров тайны.

— Сладенький,— шепчет она,— почему у меня такое ощущение, будто тебя ищут очень плохие люди?

Желтый Бок не улеглась на спину, а поднялась на все четыре лапы. Она улыбается женщине, хвост мотается из стороны в сторону, ей не терпится наладить более тесные отношения с новой знакомой.

— Нам бы уйти от лишних глаз,— шепчет ангел, определенно не приписанный к батальону смерти.— Туда, где нас никто не увидит. Пойдешь со мной?

— Пойду,— отвечает Кертис, потому что Желтый Бок не увидела в женщине ничего подозрительного.

Она ведет их к двери ближайшего «Флитвуд американ херитидж». Сорок пять футов в длину, двенадцать в высоту, восемь или девять в ширину, дом на колесах такой огромный и мощный, что, несмотря на веселенькую расцветку, бело-серебристо-розовый, может служить армейским передвижным бронированным командным пунктом.

На акриловых каблуках, золотоволосая, женщина напоминает Кертису Золушку, хотя эти сандалии определенно не хрустальные башмачки. Золушка, скорее всего, не носила бы и тореадорские штаны, во всяком случае, столь сильно обтягивающие ягодицы. И если бы у Золушки была такая большая грудь, она бы не выставляла ее напоказ, потому что жила в более скромный век. Но если твоей крестной матери, которая еще и фея, хочется превратить тыкву в модный экипаж, чтобы доставить тебя на королевский бал, наверное, тебе захочется попросить ее не превращать мышек в лошадей, а волшебной палочкой трансформировать тыкву в новенький «Флитвуд американ херитидж», который куда круче, чем любая карета, запряженная заколдованными грызунами.

Как только открывается дверца, собака запрыгивает на ступеньки в дом на колесах, словно всегда здесь и жила. По предложению его хозяйки Кертис следует за Желтым Боком.

Дверь ведет в кабину. Широкий проход между креслами водителя и пассажира приводит в гостиную с удобными диванами, и Кертис слышит, как за его спиной захлопывается дверца.

Внезапно эта добрая сказка становится фильмом ужасов. По другую сторону гостиной, на камбузе, у раковины, Кертис видит человека, которого никак не ожидал там увидеть. Золушку.

В ужасе поворачивается к кабине, и... Золушка стоит и там, аккурат между водительским и пассажирским креслами, улыбающаяся и еще более красивая в ограниченном пространстве дома на колесах, чем на лугу под ярким солнцем.

Золушка у раковины абсолютно идентична первой Золушке. Те же шелковые медово-золотистые волосы, синие глаза, опал в пупке, длиннющие ноги в тореадорских штанах с низкой талией, сандалии с прозрачными акриловыми каблуками, лазурные ногти на пальцах ног.

Клоны.

О боже, *клоны*.

Клоны — это беда, и предрассудки тут ни при чем, потому что чаще всего клонов создают, чтобы творить зло, а не добро.

— Клоны,— бормочет Кертис.

Первая Золушка улыбается.

— Что ты говоришь, сладенький?

Вторая Золушка поворачивается, шагает к Кертису. Она тоже улыбается. А в руке держит большой нож.

Глава 41

Сидя в залитой флуоресцентным светом библиотеке с кирпичными стенами, но одновременно бродя по киберпространству с его бесконечными авеню электрических цепей и световых трубок, перемещаясь по этому миру на мягкой подушке электрического тока и микроволн, изучая виртуальные библиотеки, которые всегда открыты, всегда ярко освещены, роясь в горах безбумажных книг, Микки повсюду находила в этих

дворцах технологической гениальности примитивную корысть и самый невежественный материализм.

Биоэтики отвергали существование объективных истин. Престон Мэддок писал: «Нет правильного и неправильного, морального и аморального поведения. Биоэтику волнует только эффективность, установление норм, которые обеспечат максимальные блага большинству людей».

Во-первых, эта эффективность подразумевает содействие в самоубийстве всем страждущим, кто рассматривает такой вариант, содействие в самоубийстве не только смертельно больным, не только больным-хроникам, но и тем, кого можно вылечить, если они иногда впадают в депрессию.

Фактически Престон и многие другие полагали, что людям, подверженным депрессии, нужно не просто содействовать в самоубийстве, но и направлять на путь самоубийства, нацеливать их на самоуничтожение. В конце концов, в состоянии депрессии человек не может в полной мере наслаждаться жизнью. Даже если его депрессия снимается лекарственными препаратами, он все равно «ненормален», поскольку принимает лекарства, а потому не способен на полноценную жизнь.

Увеличение числа самоубийств, утверждали они, плюс для общества, потому что в хорошо налаженной системе здравоохранения органы самоубийц, которым помогли сделать этот шаг, должны использоваться для трансплантации. Микки прочитала работы многих биоэтиков, которые, захлебываясь от восторга, писали о резком сокращении дефицита органов для трансплантации, которое будет обеспечиваться программами контролируемых самоубийств. Их энтузиазм не оставлял ни малейшего сомнения в том, что они станут вести агрессивную политику увеличения числа самоубийц, если будут приняты законы, которые они так усиленно проталкивают.

Если мы просто мясо, если у нас нет души, то почему некоторые из нас не могут объединиться, чтобы уничтожать нас ради нашей же пользы?

Ведь налицо немедленная выгода и никаких отрицательных последствий.

Микки отдернула правую руку от «мыши», левую — от клавиатуры. Для экономии электричества кондиционеры в библиотеке работали на минимальном режиме, поэтому температура

воздуха в зале и на улице практически не отличалась, но из Интернета на Микки пахнуло Арктикой, словно некто, сидевший за компьютером в замке доктора Франкенштейна, каким-то образом нашел ее через киберпространство и теперь водил по спине виртуальным пальцем, более холодным, чем лед.

Она посмотрела на других посетителей библиотеки, сидевших за компьютерами, задалась вопросом: а сколько из них пришли бы в ужас, посетив те же сайты, что и она, сколько остались бы безразличными... а сколько поддержали бы Престона Мэддока и его коллег! Она часто задумывалась над хрупкостью жизни, но впервые осознала, что и цивилизация так же хрупка, как человеческая жизнь. Любой из многих адов, которые человечество создавало на своей истории в том или ином уголке света, мог быть воссоздан здесь... а мог быть построен и новый ад, более эффективный и обоснованный законами биоэтики.

Назад к «мыши», к клавиатуре, к Всемирной паутине, к Престону Мэддоку, пауку, ткущему свою паутину...

Решив вопрос с органами самоубийц и инвалидов, Мэддок и его друзья-биоэтики обратили свое внимание и на органы здоровых и счастливых.

В статье «Ликвидация морали», написанной Энн Маклин, Микки прочитала о программе, предложенной Джоном Харрисом, английским биоэтиком, согласно которой, всем присваивался лотерейный номер. А потом, «если на операционном столе оказывались двое или больше умирающих пациентов, которых могла спасти пересадка органов, а подходящих от тех, кто ушел "естественным путем", под рукой не было, врачи могли запросить через центральный компьютер подходящего донора». Компьютер методом случайного отбора называл номер донора, и его убивали, с тем чтобы спасти жизни двух или более человек.

Убивать тысячу, чтобы спасти три тысячи. Убивать миллион, чтобы спасти три миллиона. Убивать слабых, чтобы спасать сильных. Убивать инвалидов, чтобы обеспечить лучшие условия жизни тем, кто крепок телом. Убивать всех с маленьким ай-кью, чтобы больше ресурсов поступило в распоряжение более умных.

Крупнейшие университеты, такие как Гарвард и Йель, такие как Принстон, когда-то цитадели знаний, где ранее отыскивали истину, превратились в хорошо смазанные машины

убийств, где студентам медицинских школ втолковывали, что убийство следует рассматривать как метод исцеления, один из многих, что право на существование имеют только избранные люди, соответствующие определенным критериям, что нет правильного и неправильного, что смерть — это жизнь. Нынче мы все дарвинисты, не так ли? Сильные живут дольше, слабые умирают быстрее, а поскольку таков замысел природы, не стоит ли нам поспособствовать старушке в ее работе? Получите ваш дорогой диплом, подбросьте в воздух вашу академическую шапочку в честь этого знаменательного события и отправляйтесь убивать слабых во имя матери-природы.

Где-то улыбается Гитлер. Они говорят, что он убивал инвалидов и больных (опустим миллионы евреев) по неверным причинам, но фактически, если нет правильного и неправильного, морального и аморального, тогда в осадке остается только то, что он их убивал, а следовательно, по стандартам современных биоэтиков, был провидцем.

Когда на дисплее появлялись фотографии Престона Мэддока, она видела симпатичного, даже красивого мужчину с длинными каштановыми волосами, усатого, с располагающей улыбкой. И, к своему разочарованию, Микки не обнаружила на его лбу штрих-кода, начинающегося с трех шестерок.

Из короткой биографии следовало, что он родился в рубашке, да и потом судьба никогда не поворачивалась к нему спиной. Единственный наследник значительного состояния, он мог не работать, для того чтобы оплачивать свои путешествия из одного конца страны в другой в поисках полевого госпиталя инопланетян.

Однако в материалах о Мэддоке Микки не смогла найти и слова о том, что тот верил в реальность Ипов, как и в то, что они находятся среди нас. Должно быть, он тщательно скрывал свое увлечение от прессы.

Четыре с половиной года назад он ушел из университета, чтобы «отдавать больше времени философии биоэтики, а не учительству и личным интересам».

Он содействовал восьми самоубийцам.

Лайлани говорила, что он убил одиннадцать человек. Вероятно, она знала еще о троих, которые не попали в официальный список.

Несколько пожилых женщин, тридцатилетняя мать, больная раком, семнадцатилетний парень, звезда футбольной команды, с травмой позвоночника... В голове Микки, читающей об убийствах Мэддока, звучал голос Лайлани, приводящей тот же список.

Дважды Мэддока судили за убийство в двух разных штатах. Оба раза присяжные оправдали его, потому что чувствовали доброту его намерений и сострадание, достойное восхищения.

Муж тридцатилетней больной раком хотя и присутствовал при самоубийстве, подал гражданский иск, требуя у Мэддока возмещения морального ущерба, когда на вскрытии выяснилось, что его жене поставлен неправильный диагноз: рака у нее не было, а болезнь поддавалась излечению. Присяжные, однако, приняли сторону Мэддока, потому что он хотел лишь облегчить страдания больной, а вина, по их мнению, лежала на враче, который поставил неправильный диагноз.

Через год после смерти сына мать прикованного к коляске шестилетнего мальчика-инвалида тоже подала в суд, заявляя, что Мэддок в сговоре с мужем подвергали ее «безжалостному душевному и эмоциональному давлению, используя методы психологической войны и промывания мозгов», пока в состоянии полного физического и морального истощения она не согласилась лишить жизни своего ребенка, в чем теперь горько раскаивается. Но перед первым судебным заседанием она забрала иск, может быть, потому, что испугалась прессы, которая уже начала съезжаться на процесс, или потому, что Мэддок откупился от нее.

Удача, безусловно, благоволила Престону Мэддоку, но не следовало сбрасывать со счетов известную юридическую фирму, которая защищала его интересы, и пиаровское агентство, многие годы без устали полировавшее его образ в глазах, ушах и сердцах граждан, получая за труды двадцать тысяч долларов в месяц.

В последнее время он ушел в тень. Собственно, с того самого момента, как стал мужем Синсемиллы и ее личным поставщиком наркотиков, он удалился с публичной сцены, доверив своим сторонникам создавать новый, удивительный мир, в котором убийства одних будут приносить счастье другим.

Как ни странно, не нашла Микки и упоминаний о женитьбе Мэддока. Все биографии, найденные в Интернете, утверждали, что он холост.

Когда женится столь противоречивая фигура, как Мэддок, свадьба, безусловно, становится объектом для новостей. Где бы он ни получил свидетельство о браке, на бурлящем жизнью Манхэттене или в сонном захолустье Канзаса, репортеры узнали бы об этом и рассказали всему миру, даже если бы церемония завершилась и невесту поцеловали, до того как телевизионщики и журналисты слетелись со своими камерами. Однако... ни слова.

Лайлани говорила, что свадьба была, пусть и без высеченного из льда лебедя. Микки уже убедилась, что девочка никогда не врала, какими бы невероятными ни казались ее истории. Значит, свадьба состоялась, пусть ее не почтили своим присутствием ни лебедь из льда, ни представители средств массовой информации.

Понятное дело, если невеста — Синсемилла, жених едва ли захочет, чтобы его пиарщик организовал о ней статью на полосу в «Пипл»* или в честь бракосочетания устроил для молодых телеинтервью с Ларри Кингом**.

Но, скорее всего, причиной такой таинственности послужило желание жениха убить своих приемных сына и дочь, если инопланетные целители не дадут о себе знать, как он того ожидал. И ему не зададут вопросы о пропавших детях, если никто не будет знать об их существовании.

Микки вспомнила слова Лайлани о том, что Мэддок, колеся по стране, всегда представлялся под чужой фамилией и значительно изменил свою внешность. Судя по датам копирайта, самые последние фотографии Мэддока устарели как минимум на четыре года.

Глядя на беспечное лицо доктора Дума на дисплее компьютера, Микки заподозрила, что намерение убить Лукипелу и Лайлани — не единственная причина, побудившая его сохранить свою женитьбу в секрете. Эта тайна еще ждала разгадки.

---

* Популярный еженедельник-таблоид. Тираж порядка 3,5 тысячи экземпляров.

** Кинг, Ларри — один из самых популярных ведущих ток-шоу.

Микки поднялась из-за компьютера. Ресурсы Сети она, конечно же, не исчерпала, но уже узнала все, что хотела. Реальный мир всегда бил виртуальный, и по-другому быть не могло. Теперь предстояло встретиться с Престоном Мэддоком лицом к лицу и оценить противника.

Уходя из библиотеки, она больше не стеснялась своей слишком короткой, слишком обтягивающей юбки. Если бы она не отменила собеседование, то пошла бы на него с гордо поднятой головой.

За прошедшие пару часов с ней произошли фундаментальные изменения. Микки это чувствовала, но еще не могла сформулировать, что именно в ней изменилось.

Размышляя о биоэтике, она добралась до «камаро», не помня, как пересекала стоянку, словно в одно мгновение телепортировалась из библиотеки в кабину автомобиля.

Повернув ключ зажигания, не включила радио. Она всегда ездила под музыку. Тишина ее нервировала, музыка отвлекала. Но сегодня отвлекаться как раз и не хотелось.

Реальный мир всегда бил виртуальный...

Биоэтики представляли собой опасность, потому что разрабатывали свои правила не для реального мира, а для виртуальной реальности, в которой у человеческих существ не было сердца, способности любить, где никто не сомневался в бессмысленности жизни, как не сомневались в этом сами биоэтики, где все верили, что человек — всего лишь мясо.

Домой она ехала по автострадам, забитым, словно артерии стареющего борца сумо. Обычно пробки ее ужасно злили. Но не сегодня.

Мэддок и его коллеги биоэтики перестали быть просто опасными и превратились в кровавых тиранов, когда обрели достаточно сил, чтобы попытаться перестроить мир в соответствии со своей абстрактной моделью, которая находилась в противоречии с человеческой природой и отличалась от действительности, как небо от земли.

Встали, поехали. Встали. Поехали.

Она где-то прочитала, что в семидесятых и восьмидесятых годах Калифорния на восемь лет прекратила строительство новых автострад. Тогдашний губернатор не сомневался, что к

1995 году личные автомобили не будут столь широко использоваться, уступив место общественному транспорту. Альтернативные технологии. Чудеса.

За все годы, которые ей приходилось торчать в пробках, тратя по два часа там, где сама езда занимала тридцать минут, она ни разу не связывала идиотскую публичную политику с конкретной пробкой, в которую попала. И внезапно осознала, что по собственному выбору жила только текущим моментом, сегодняшним днем, в коконе, который отделял ее от прошлого и будущего, от причины и следствия.

Встали, поехали. Встали, поехали.

Как много бензина и дизельного топлива сжигалось в таких вот пробках, сколь сильно увеличивалось загрязнение окружающей среды из-за моратория на строительство автострад? И тем не менее нынешний губернатор объявил свой мораторий на строительство дорог.

Если Лайлани умрет, как сама она сможет жить дальше? Разве что приняв философию Мэддока и иже с ним, что все мы — мясо. Пусть и по-своему, но она жила с этой пустой верой много лет... и куда это ее привело?

Одна новая мысль вела к другой. Встали, поехали. Встали, поехали.

Микки чувствовала, что просыпается. Только проспала она не ночь, а двадцать восемь лет.

Глава 42

Как только Дженева открыла бутылку с экстрактом, запах ванили распространился по жаркому, влажному воздуху ее кухни со скоростью джинна, выскакивающего из тюрьмы-лампы, проникая в самые дальние уголки.

— М-м-м-м. Лучший запах в мире, ты согласна?

Раскладывая кубики льда по высоким стаканам, Лайлани набрала полную грудь воздуха.

— Потрясающий. К сожалению, он напоминает мне о ванне Синсемиллы.

— Святой Боже! Твоя мать купается в ванили?

Пока Дженева наливала ванильный экстракт на кубики льда и закрывала бутылку, девочка знакомила свою хозяйку с теорией Синсемиллы, касающейся вывода токсинов в горячей ванне путем обратного проникновения. Знакомство продолжалось и когда Лайлани переносила стаканы на обеденный стол, а Дженева доставала из холодильника две банки коки.

— Все равно что ходить с колокольчиком.— Дженева протянула девочке банку коки.

— Миссис Ди, я потеряла вашу мысль. Боюсь, я привыкла к тому, что в разговоре одна фраза должна являться логическим продолжением предыдущей.

— Как грустно, дорогая. Я хотела сказать, что ты всегда знаешь, когда приближается твоя мать. Потому что ее появление предваряют чудесные ароматы.

— Не такие уж они и чудесные, если она принимает ванну с чесноком, концентрированным капустным соком и экстрактом двурядки сенной.

Они сели за стол и пригубили ванильную коку.

— Это фантастика! — воскликнула Лайлани.

— Я не могу поверить, что ты никогда не пробовала этот коктейль.

— Видите ли, в нашем холодильнике кола — редкий гость.

Синсемилла говорит, что кофеин останавливает развитие естественных телепатических способностей.

— Тогда ты, должно быть, уже читаешь мысли.

— Легко. Вот сейчас вы пытаетесь вспомнить имена всех солистов группы «Дитя судьбы», и на ум приходят только четверо.

— Вот и не так, дорогая. Я думаю, что к ванильной коке идеально бы подошло большое кремовое пирожное.

— Мне нравится ход ваших мыслей, миссис Ди, даже если ваш мозг слишком сложен, чтобы считывать с него информацию.

— Лайлани, ты хотела бы съесть большое кремовое пирожное?

— Да, благодарю.

— Я бы тоже. Очень хотела. К сожалению, у нас их нет. Но с ванильной кокой хорошо бы пошли и хрустящие булочки с корицей. Как насчет хрустящих булочек с корицей?

— Вы меня уговорили.

— Боюсь, их тоже нет.— Дженева, глубоко задумавшись, маленькими глотками пила коку.— А как насчет того, чтобы добавить к ванильной коке шоколадно-миндальные пирожные?

— Что-то мне не хочется высказывать свое мнение, миссис Ди.

— Правда? А почему, дорогая?

— Потому что особого смысла в этом нет.

— Это плохо. Не хочу хвалиться, но мои шоколадно-миндальные пирожные очень вкусные.

— А они у вас есть?

— Шесть десятков.

— Более чем достаточно, благодарю.

Дженева поставила на стол тарелку с пирожными.

Лайлани попробовала.

— Феноменально. И они отлично сочетаются с ванильной кокой.

Только это не миндаль. Пекан.

— Да, я знаю. Я не очень люблю миндаль, поэтому, когда пеку шоколадно-миндальные пирожные, заменяю его пеканом.

— Мне ужасно хочется задать вам один вопрос, миссис Ди, но боюсь, вы подумаете, что я не проявляю к вам должного уважения.

Глаза Дженевы округлились.

— Такого просто не может произойти. Ты же абсолютный, не вызывающий ни малейших сомнений...— Дженева нахмурилась.— Как ты там себя называла?

— Абсолютный, не вызывающий ни малейших сомнений, отличный юный мутант.

— Раз ты так говоришь, дорогая.

— Я вас очень люблю, миссис Ди, но все равно не могу не спросить: вы пытаетесь держаться в образе очаровательной ку-ку или это выходит само собой?

Дженева просияла.

— Я — очаровательная ку-ку?

— По моему разумению, да.

— Моя милая девочка, мне так приятно слышать твои слова! Что же касается вопроса... дай подумать. Если говорить об очаровательной ку-ку, я не уверена, что была такой всегда, наверное, стала после того, как мне прострелили голову. Так или

иначе, я не пытаюсь держаться в этом образе. Просто не знаю как.

— Доктор Дум собирается отвезти нас в Айдахо,— набив полный рот, сообщила Лайлани.

На только что улыбающемся лице Дженевы отразилась тревога.

— В Айдахо? Когда?

— Я не знаю. Когда механики закончат ремонт дома на колесах. Полагаю, на следующей неделе.

— Почему в Айдахо? То есть, я понимаю, в Айдахо живут очень милые люди, со всей их картошкой, но туда очень уж дальний путь.

— Какой-то парень, который живет в Нанз-Лейк в Айдахо, заявляет, что инопланетяне забирали его на борт своего корабля, чтобы излечить.

— Излечить от чего?

— От желания жить в Нанз-Лейк. Это моя догадка. Парень, возможно, рассчитывает, что дикая выдумка сослужит ему хорошую службу, принесет договор на книгу, возможно, на сценарий телефильма, за которые он получит достаточно денег, чтобы жить в Малибу.

— Мы не можем отпустить тебя в Айдахо.

— Да ладно, миссис Ди, я побывала и в Северной Дакоте*.

— Мы оставим тебя здесь, спрячем в комнате Микки.

— Это похищение ребенка.

— Нет, если на то будет твое согласие.

— Да, даже с моим согласием. Таков закон.

— Тогда это глупый закон.

— В суде ссылки на глупость закона не проходят, миссис Ди. Так что закончится все тем, что вам придется вволю надышаться смертельным газом, приобретенным на деньги налогоплательщиков штата Калифорния. Могу я взять второе пирожное?

— Разумеется, дорогая. Но эта история с Айдахо очень печалит.

— А вы ешьте, ешьте,— посоветовала Лайлани.— Ваши пирожные такие вкусные, что, попробовав их, заключенные в пыточных камерах Торквемады начали бы танцевать.

---

* Штат Айдахо находится на полпути из Калифорнии в Северную Дакоту.

— Тогда я спеку новые и отошлю им.

— Торквемада жил во времена испанской инквизиции, миссис Ди, в четырнадцатом веке*.

— Тогда я пирожные не пекла. Но я всегда радуюсь, если людям нравятся приготовленные мною блюда. Когда у меня был ресторан, все особенно нахваливали мою выпечку.

— У вас был ресторан?

— Сначала я работала официанткой, потом у меня появился свой ресторан и, наконец, небольшая процветающая сеть. Да, и еще я встретила этого очаровательного мужчину, Захари Скотта. Успех, страсть... И все было бы прекрасно, если бы моя дочь не увлеклась им.

— Я впервые слышу о вашей дочери, миссис Ди.

Дженева задумчиво ела пирожное.

— В действительности она была дочерью Джоан Кроуфорд.

— Дочь Джоан Кроуфорд увлеклась вашим бойфрендом?

— Знаешь, рестораны тоже принадлежали Джоан Кроуфорд. Полагаю, все это случилось в фильме «Милдред Пирс», а не в моей жизни... но в любом случае Захари Скотт — очаровательный мужчина.

— Может, завтра я снова смогу прийти, и мы вместе испечем пирожные для узников Торквемады.

Дженева рассмеялась.

— И я готова спорить, что Джордж Вашингтон и его парни в Вэлли-Фордж** тоже от них не отказались бы. Ты просто прелесть, Лайлани. Мне так хочется посмотреть, какой ты станешь, когда вырастешь.

— Прежде всего, так или иначе, у меня будут большие буфера. Если их у меня не будет, нечего и вырастать.

— Мне особенно нравилась моя грудь, когда я была Софи Лорен.

---

* Согласно Энциклопедическому словарю, обычно более точному источнику информации, чем романы американских писателей, Торквемада жил в пятнадцатом веке (1420–1498), а возглавил испанскую инквизицию в 80-х годах.

** Местечко на северо-западе Пенсильвании, где зимой 1777/78 г. стояла лагерем изрядно потрепанная англичанами Континентальная армия. Эта зимовка стала символом героизма и стойкости борцов за независимость.

— Вы такая веселая, миссис Ди, пусть и взрослая. По собственному опыту я знаю, что среди взрослых очень мало весельчаков.

— Почему бы тебе не называть меня тетя Джен, как зовет Микки?

Столь открытое проявление любви потрясло Лайлани. Она попыталась скрыть потерю дара речи взмахом руки, в которой держала стакан с ванильной кокой.

Но Дженева поняла, что стоит за взмахом руки, и ее глаза тоже затуманились. Она схватила пирожное, но не нашла способа прикрыть им свои подозрительно заблестевшие глаза.

С точки зрения Лайлани, самым худшим был бы следующий вариант развития событий: они бы разрыдались, словно в эпизоде из передачи Опры, озаглавленном: «Маленькие девочки-калеки, приговоренные к смерти, и очаровательные ку-ку, суррогатные тетушки с простреленной головой, которые их любят».

Как путь ниндзя не был путем Клонк, так и путь слез не был путем Клонк, по крайней мере этой Клонк.

Пришло время пингвина.

Лайлани выудила его из кармана шорт и поставила на стол, между подсвечниками, которые остались там с прошлого вечера.

— Я вот подумала: не могли бы вы оказать мне услугу и помочь передать эту статуэтку хозяйке?

— Какая милая! — Дженева отложила пирожное, которое не хотела есть, старалась лишь прикрыть им глаза. Взяла со стола статуэтку.— Прелесть, не так ли?

Двухдюймовый пингвин, из глины, раскрашенный от руки, действительно радовал глаз, и Лайлани оставила бы его себе, если бы от одного взгляда на него у нее не бежали по коже мурашки.

— Он принадлежал девушке, которая умерла прошлой ночью.

Улыбка Дженевы на мгновение застыла, потом исчезла.

— Ее звали Тетси,— продолжила Лайлани.— Фамилии я не знаю. Но я думаю, что она из местных, жила в этом округе.

— Что все это значит, сладенькая?

— Если вы купите газеты завтра и в субботу, в одной из них напечатают некролог. Из него можно будет узнать фамилию.

— Ты меня пугаешь, дорогая.

— Извините. Я не хотела. Тетси собирала пингвинов, и этот — экспонат ее коллекции. Престону могли предложить его взять, он мог взять пингвина и без спроса. Но мне он уж точно не нужен.

Они смотрели друг на друга через стол, потому что глаза Дженевы более не туманились, а Лайлани вновь решительно шла по пути Клонк, не опасаясь, что поток слез может вынести из кухни всю мебель.

— Лайлани, может, мне позвонить в полицию? — спросила Дженева.

— Смысла нет. Они вогнали в нее огромную дозу дигитоксина, что вызвало обширный инфаркт. Престон уже использовал этот способ. Дигитоксин обнаруживается при вскрытии, поэтому они должны были принять меры предосторожности. Вероятнее всего, труп уже кремировали.

Дженева посмотрела на пингвина. На Лайлани. На высокий стакан с ванильной кокой.

— Это так странно.

— Неужели? Престон принес мне этого пингвина, потому что, по его словам, он напомнил ему Лукипелу.

В голосе Дженевы прозвучала злость, какую Лайлани никак не ожидала услышать.

— *Отвратительный мерзавец!*

— Он милый, и Луки тоже был милым. Он клонится на одну сторону, как Луки. Но он, разумеется, не похож на Луки, потому что он — *пингвин.*

— Сестра моего мужа живет в Хемете.

Хотя эта фраза вроде бы не имела отношения к мертвым девушкам и пингвинам, Лайлани наклонилась вперед.

— Настоящая сестра мужа или Гвинет Пэлтроу?

— Настоящая. Ее зовут Кларисса, и она хороший человек... если ты не имеешь ничего против попугаев.

— Я люблю попугаев. Ее попугаи говорят?

— Да, постоянно. Их у нее больше шестидесяти.

— Мне бы хватило одного.

— Я вот думаю: если ты исчезнешь, полиция обязательно заглянет сюда, но они ничего не знают о Клариссе в Хемете.

Лайлани сделала вид, что обдумывает предложение.

— Из шестидесяти говорящих попугаев по крайней мере один окажется доносчиком и сдаст нас.

— Ей понравится твоя компания, дорогая. И ты поможешь ей наполнять кормушки и чашечки с водой.

— Почему у меня возникли ассоциации с хичкоковским фильмом? И я говорю не только про «Птиц». Подозреваю, что в этом сюжете где-то таится мужчина, который одевается, как его мать, и не расстается с большим ножом. И потом, если Кларисса сядет в тюрьму за похищение, что будет с попугаями?

Дженева огляделась, как бы прикидывая свои возможности.

— Наверное, я смогу разместить их здесь.

— Господи, тогда галдеж будет стоять двадцать четыре часа в сутки.

— Но они никогда не отправят Клариссу в тюрьму. Ей шестьдесят семь лет, весит она двести пятьдесят фунтов при росте в пять футов и три дюйма... и, разумеется, у нее зоб.

Лайлани не стала задавать очевидного вопроса.

Дженева все равно ответила на него:

— Строго говоря, это не зоб. Опухоль. А поскольку она доброкачественная, Кларисса не ложится на операцию. Она не доверяет врачам, и я ее понимаю.

Так что опухоль растет и растет. Даже если тюремное начальство не примет во внимание ее возраст и вес, они сообразят, что этот зоб напугает других заключенных.

Лайлани допила остатки ванильной коки.

— Хорошо, я буду вам очень признательна, если вы, узнав адрес из некролога, отошлете пингвина родителям Тетси. Я бы сделала это сама, но Престон не дает мне денег, даже на несколько марок. Он покупает мне все, что я хочу, но денег не дает. Боится, что я их так удачно инвестирую, что смогу нанять киллера.

— У тебя в банке еще половина коки. Хочешь, чтобы я добавила тебе в стакан льда и ванили?

— Да, пожалуйста.

Наполнив стаканы по второму разу, Дженева вновь села за стол напротив Лайлани. Морщинки тревоги связали созвездия веснушек, зеленые глаза опять затуманились.

— Микки обязательно что-нибудь придумает.

— Со мной все будет в порядке, тетя Джен.

— Сладенькая, ты не поедешь в Айдахо.

— А насколько велик этот зоб?

— Сможешь прийти вечером на обед?

— Отлично! Доктор Дум вроде бы куда-то отбывает, так что ничего не узнает. Он бы меня не пустил, но Синсемилла слишком занята собой, чтобы заметить мое отсутствие.

— Я уверена, что у Микки к тому времени будет какой-нибудь план.

— Стратегический?

— Я вечером включу кондиционер, чтобы у нас были ясные головы. Готова спорить, губернатор свой никогда не выключает.

— Стратегический план нам, конечно, не помешает.

Глава 43

Великолепные, в сандалиях на акриловых каблуках и с опаловыми пупками, эти две Золушки не нуждаются в крестной матери-фее, поскольку сами волшебницы. Их мелодичный смех такой заразительный, что Кертис не может сдержать улыбки, пусть смеются они над его нелепым страхом, что они могут быть клонами.

На самом же деле они однояйцовые близнецы. Ту, что он встретил на улице, зовут Кастория. Ту, что в доме на колесах,— Поллуксия.

— Зови меня Кэсс.

— Зови меня Полли.

Полли откладывает большой нож, которым она резала овощи. Падает на колени на пол камбуза, сюсюкает, чешет Желтого Бока за ухом. От удовольствия хвост собаки так и летает из стороны в сторону.

Положив руку на плечо Кертиса, Кэсс ведет его через гостиную на камбуз.

— В греческой мифологии,— говорит Кертис,— Кастор и Поллукс были сыновьями Леды, которых зачал Юпитер в образе лебедя*. Они — святые покровители моряков и путешественников. И знаменитые воины.

---

* Справедливости ради уточним, что Юпитер, Кастор и Поллукс — персонажи римской мифологии. В греческой — соответственно Зевс, Кастор и Полидевк. Кастор и Поллукс (Полидевк) — сыновья Леды, но только один — Поллукс (Полидевк) сын Юпитера (Зевса).

Знания мальчика удивляют женщин. Они смотрят на Кертиса с возросшим любопытством.

Желтый Бок тоже смотрит на него, только с укором, потому что Полли перестала сюсюкать и больше не чешет ее за ухом.

— Нам говорят, что половина детей, оканчивающих среднюю школу, не умеют читать,— замечает Кэсс,— а ты, похоже, проходил мифологию в начальной школе?

— Моя мама — сторонник органического увеличения мозга и его прямой информационной загрузки,— объясняет он.

Выражение лиц обеих женщин заставляет Кертиса повторить про себя только что сказанное, и он понимает, что сболтнул лишнее, приоткрыл окутывающую его завесу тайны больше, чем следовало. Женщины, словно зачарованные, смотрят на него, как уже случалось с Донеллой и Гэбби, только в данном случае их зачарованность еще сильнее развязывает ему язык, побуждая говорить и говорить.

Но отчаянным усилием воли он пытается напустить тумана, отвлечь их от услышанного.

— Плюс у нас были Библия и бестолковая энциклопедия, которые нам продал корчевщик кактусов.

Кэсс берет газеты со стола в маленькой столовой и протягивает Полли.

Сверкающие синие глаза Полли округляются, синие лучи так и бьют в Кертиса, когда она говорит:

— Я тебя не узнала, сладенький.

Она поворачивает газету, чтобы Кертис мог разглядеть три фотоснимка под заголовком:

«ЖЕСТОКИЕ УБИЙСТВА В КОЛОРАДО СВЯЗАНЫ СО СХОДКОЙ НАРКОБАРОНОВ В ЮТЕ».

На фотоснимках члены семьи Хэммонд. Мистер и миссис Хэммонд, безусловно, те самые мужчина и женщина, которые спали в своей кровати в тихом фермерском доме, когда мальчик-беглец бесстыдно украл двадцать четыре доллара из бумажника на комоде.

На третьем фотоснимке — Кертис Хэммонд.

— Так ты не умер,— говорит Кэсс.

— Нет,— отвечает Кертис. В той части ответа, которая относится к нему, это правда.

— Ты убежал.

— Еще нет.

— С кем ты здесь?

— Только с моей собакой. Мы на попутках пересекли Юту.

— Случившееся на вашей семейной ферме в Колорадо... связано с происшествием в Юте?

Он кивает:

— Да.

Кастория и Поллуксия переглядываются, и связь между ними так же точна, как между хирургическим лазером и расчетной точкой фокусирования его луча, поэтому Кертис буквально может проследить за мыслями, перемещающимися по взгляду. И его не удивляет, что следующий вопрос они произносят в форме диалога, сменяя друг друга.

— Значит, за всем этим...

— ...стоит...

— ...не сходка наркобаронов...

— ...как утверждает государство...

— ...не так ли, Кертис?

Его внимание раздваивается, поэтому он отвечает дважды: «Нет. Нет».

Когда близняшки вновь многозначительно переглядываются, они, похоже, передают друг другу не отдельные мысли, а целые информационные блоки. В чреве матери они питались одним потоком крови, вместе засыпали под биение материнского сердца, вместе готовились к выходу в большой мир, поэтому вполне естественно, что их взгляды выполняют еще и функцию телеметрического канала.

— Значит, в Юте...

— ...государство...

— ...пытается скрыть...

— ...контакт...

— ...с инопланетянами?

— Да,— твердо отвечает Кертис, потому что это ответ, которого они ждут, и единственный, которому могут поверить. Если он солжет и скажет, что инопланетяне ни при чем, они поймут, что он что-то скрывает, или подумают, что он просто глуп, или решат, что он оболванен государственной пропагандой, так же как все остальные. Его тянет к Полли и Кэсс, они ему нравятся. Во-первых, потому, что глянулись Желтому Боку,

во-вторых, потому, что гены Кертиса Хэммонда уверяют, что близняшки ему по душе, но больше всего потому, что он чувствует в них нежность, какая нечасто соседствует с красотой, вот его и влечет к ним. Он не хочет, чтобы они приняли его за глупца или вруна.

— Да, с инопланетянами.

Кэсс — Полли, Полли — Кэсс, синие лазеры обмениваются массивами информации.

— А где твои родители? — наконец спрашивает Полли.

— Они действительно мертвы.— Его глаза туманятся слезами вины и угрызений совести. Рано или поздно ему пришлось бы зайти в какой-то дом, если не к Хэммондам, то к кому-то еще, чтобы найти одежду, деньги и подходящее обличье. Но если бы он догадывался, как близко подобрались к нему охотники, он бы миновал ферму Хэммондов.— Мертвы. В этом газеты правы.

На его слезы сестры слетаются, как птицы в свои гнезда накануне грозы. Через мгновение его обнимает и целует Полли, потом обнимает и целует Кэсс, снова Полли, опять Кэсс, он тонет в океане сочувствия и материнской любви.

На грани обморока Кертис выныривает на поверхность уже в столовой и тут, как по мановению волшебной палочки, на столе перед ним появляется божественное лакомство: высокий стакан с рутбиром*, в котором плавает шарик ванильного мороженого.

Не забыта и Желтый Бок. Ей предложена тарелка с кусочками белого куриного мяса и вода со льдом в миске. Очистив тарелку с невероятной быстротой, словно мясо засасывал вакуумный пылесос, собака радостно лакает воду и крошит зубами кубики льда.

Словно образ и отражение, каким-то образом оказавшиеся бок о бок, Кэсс и Полли сидят за столом напротив Кертиса. Болтаются четыре одинаковые сережки, сверкают четыре серебряно-бирюзовых ожерелья, блестят четыре серебряных браслета... и на него смотрят четыре роскошные груди, гладкие, словно крем, налившиеся сочувствием и заботой.

---

* Газированный напиток из корнеплодов с добавлением сахара, мускатного масла, аниса и экстракта американского лавра.

На столе лежат игральные карты, и Полли, собирая их, говорит:

— Я не намерена сыпать соль на твои раны, сладенький, но если уж мы хотим помочь, то должны знать ситуацию. Твоих родителей убили, потому что они слишком много видели, что-то в этом роде?

— Да, мэм. Что-то в этом роде.

Засовывая колоду в коробочку, Полли добавляет:

— И очевидно, ты тоже видел слишком много.

— Да, мэм. Что-то в этом роде, мэм.

— Пожалуйста, зови меня Полли, но никогда не спрашивай, хочу ли я крекер.*

— Хорошо, мэ... хорошо, Полли. Но я крекеры люблю, поэтому съем все, от которых вы откажетесь.

Пока Кертис шумно засасывает рутбир и растаявшее мороженое через трубочку, Кэсс заговорщицки наклоняется к нему и шепчет:

— *Ты видел инопланетный космический корабль, Кертис?*

Он облизывает губы и шепчет в ответ:

— *Более чем один, мэм.*

— *Зови меня Кэсс,*— шепчет она, и далее разговор продолжается сценическим шепотом.— *Кастория звучит совсем как слабительное.*

— *Мне нравится это имя, Кэсс.*

— *А мне звать тебя Кертис?*

— *Конечно. Это тот, кем я станов... кто я есть.*

— *Значит, ты видел не один инопланетный космический корабль. И ты видел... пришельцев?*

— *Множество. И не только хороших.*

Заинтригованная этим откровением, она наклоняется еще ближе.

— *Ты видел пришельцев, и государство хочет тебя убить, чтобы ты никому ничего не рассказал.*

Кертис в немалой степени изумлен увиденным в ее глазах таким детским ожиданием чуда, но не хочет разочаровывать Кэсс. Тоже наклоняется вперед, над стаканом с рутбиром, чуть ли не касается своим носом ее.

---

* В Америке попугаев часто называют Полли, для них, как известно, крекеры — лакомство.

— *Государство, вероятно, посадит меня под замок и будет изучать, а это может оказаться хуже, чем смерть.*

— *Потому что ты контактировал с пришельцами?*

— *Вроде того.*

Полли, которая не наклоняется над столом и ничего не шепчет, с тревогой смотрит в ближайшее окошко. Перегибается через сестру, закрывает окошко шторой.

— Кертис, у твоих родителей тоже были контакты с инопланетянами? — спрашивает она.

Продолжая наклоняться к Кэсс, Кертис скашивает глаза на Полли и отвечает нормальным голосом, каким обратилась к нему и она:

— Да, были.

— *Третьего вида?* — шепчет Кэсс.

— *Худшего вида,*— шепчет он.

— Почему государство не захотело изучать их, как хочет изучать тебя? — спрашивает Полли.— Почему их убили?

— Государство их не убивало,— объясняет Кертис.

— А кто убил? — шепчет Кэсс.

— *Убийцы с другой планеты,*— шипит Кертис.— *Пришельцы убили всех, кто был в доме.*

Глаза Кэсс, синее яиц зорянки, становятся такими же большими, как куриные яйца.

— *Тогда... они не пришли с миром, чтобы помогать человечеству?*

— *Некоторые пришли. Но не эти выродки.*

— И они по-прежнему гонятся за тобой, не так ли? — спрашивает Полли.

— Из Колорадо и через всю Юту,— признает Кертис.— Они и ФБР. Но чем больше проходит времени, тем сложнее меня найти.

— *Бедный мальчик,*— шепчет Кэсс.— *Один, в бегах.*

— *У меня есть собака.*

Полли поднимается из-за стола.

— Теперь у тебя есть мы. Пошли, Кэсс. Нам пора в путь.

— Мы еще не дослушали его историю,— протестует Кэсс.— Об инопланетянах и прочих ужасах.— Она вновь переходит на шепот: — *Насчет ужасов я права?*

— *Да,*— подтверждает он, в восторге от радости, которой загораются ее глаза от его ответа.

Полли стоит на своем:

— Они охотятся за ним и, должно быть, уже рядом. Скоро появятся здесь. Нам лучше уехать.

— *Она — альфа-близнец**,— очень серьезно шепчет Кэсс.— *Мы должны ее слушаться, иначе придется пенять на себя.*

— Я не альфа-близнец,— не соглашается Полли.— Просто я более практична. Кертис, пока мы будем собираться, прими душ. От тебя попахивает. А твою одежду мы сразу постираем.

Ему не хочется подвергать опасности сестер, но он принимает их гостеприимство по трем причинам. Во-первых, движение усложняет врагам его поиск. Во-вторых, если не считать большого ветрового стекла, салон дома на колесах укрыт от посторонних взглядов лучше, чем в других автомобилях: окошки маленькие, а металлический корпус в значительной степени экранирует его особый биоэнергетический сигнал от электронных детекторов, которыми располагают враги. И в-третьих, он почти двое суток пробыл Кертисом Хэммондом, и чем дольше он вживается в новый облик, тем сложнее его обнаружить, то есть, возможно, опасность, грозящая сестрам, не столь и велика.

— Моей собаке тоже не помешала бы ванна.

— Мы помоем ее позже,— обещает Полли.

За камбузом, по правую руку, дверь в туалет, изолированный от ванной, по левую — стиральная машина с сушилкой. Ванная — прямо, а за ней последние восемнадцать футов дома на колесах. В единственную спальню можно попасть только через ванную.

Желтый Бок остается рядом с Полли, а Кэсс показывает Кертису, как управляться с подачей и выключением холодной и горячей воды. Она достает ему новый кусок мыла и чистые полотенца.

— Когда разденешься, брось одежду за дверь ванной, а я ее постираю.

— Большое вам спасибо, мэм. Я хочу сказать, Кэсс.

— Сладенький, не говори глупостей. Так здорово, что ты попал к нам. Мы — девушки, обожающие приключения, а ты видел пришельцев.

* По принятой в США классификации, близнец, играющий в паре роль лидера, обычно первым появившийся на свет.

Ее глаза сверкают при слове *приключения*, еще сильнее — при слове *пришельцев*. Лицо горит от волнения. Она вся дрожит в предвкушении тех авантюр, в которые может ввергнуть ее Кертис, тело распирает одежду, совсем как тело Чудо-Женщины*, всегда до предела натягивающее одеяние супергероини.

Оставшись один, Кертис достает из карманов свои сокровища и кладет деньги на туалетный столик. Чуть сдвигает дверь, бросает одежду на пол перед стиральной машиной, задвигает вновь.

Он — Кертис Хэммонд, который краснеет только оттого, что стоит голый в ванной сестер. Поначалу сие вроде бы говорит за то, что он освоился в своем новом обличье, стал в большей степени Кертисом, чем самим собой, с каждой уходящей минутой все больше превращается в Кертиса.

Однако, глянув в зеркало, он видит, что лицо приобрело оттенок алого, который он никогда не видел на лицах других людей, и задается вопросом: а полностью ли он контролирует себя? Румянец столь сильный, что обычный человек, конечно же, не способен к подобной реакции. Он такой же красный, как варящийся в кипятке лобстер, и убежден, что, увидев его таким, никто не поверит, что он тот, за кого себя выдает. Более того, он выглядит таким застенчивым, что у любого полицейского могут возникнуть подозрения, а уж присяжные точно подумают, что он в чем-то да виновен.

С гулко и часто бьющимся сердцем, уговаривая себя сохранять спокойствие, он ступает под душ, до того как включить воду, чего Кэсс советовала ему не делать. Вода льется такая горячая, что он вскрикивает от боли, подавляет крик, по ошибке добавляет температуры, потом слишком резко поворачивает кран и стоит под ледяной струей. Он уже красный с головы до пят, зубы стучат с такой силой, что могли бы разгрызать грецкие орехи, и очень хорошо, что орехов нет, потому что скорлупа рассыпалась бы по всей ванной, а ему пришлось бы все убирать. Слушая свое бормотание про грецкие орехи, мальчик удивляет-

* Героиня комиксов (с 1941 г.) художника Уильяма Мартина, мультипликационных и игровых фильмов, амазонка с Бермудских островов, обладающая фантастическими способностями, неуязвимая для пуль и вооруженная волшебным лассо. Вместе с Бэтменом и Суперменом входит в Американскую лигу справедливости — союз непобедимых супергероев.

ся, что он до сих пор жив. Вновь говорит себе, что надо успокоиться... впрочем, прошлый наказ особой пользы не принес.

Он вспоминает, что Кэсс просила помыться быстро, потому что дом на колесах не подключен к инженерным коммуникациям и вода поступает из бака, а электроэнергию вырабатывает дизельный генератор. Поскольку точного определения понятия *быстро* мальчик не знает, он уверен, что уже перерасходовал воду, поэтому как можно скорее намыливается, смывает мыло, вспоминает про волосы, льет шампунь на голову прямо из пластиковой бутылки, сразу понимает, что вылил слишком много и стоит в пене, которая грозит заполнить всю душевую кабинку.

Чтобы пена побыстрее опала, переключает воду на холодную, и к тому времени, когда совсем выключает ее, его зубы вновь выбивают дробь, как электрические щипцы для колки орехов. Он уверен, что опустошил запасы воды дома на колесах, что теперь громадный автомобиль завалится набок из-за потери устойчивости или какой-то другой причины, связанной с осушением бака, результатом чего станут огромные финансовые убытки, а возможно, и человеческие жертвы.

Ступив из кабинки на коврик на полу, энергично растирается полотенцем. Мальчик понимает, что поведение в быту имеет самое непосредственное отношение к общению с людьми, и получается, что он в очередной раз доказал свою неадекватность в этом вопросе. Однако он не может идти по жизни без ванны, потому что грязь и вонь тоже не способствуют общению.

Помимо всех его волнений и тревог, а также смущения от того, что он стоит голый в ванной сестер, мальчик вдруг осознает, что надевать ему нечего. Остается только закутаться в большое полотенце, пока его одежду не постирают и не высушат. Он поворачивается к зеркалу, чтобы посмотреть, сошла ли с его лица неестественная краснота, и обнаруживает, что с того момента, как он лицезрел свое отображение, ситуация изменилась к худшему.

Он уже не Кертис Хэммонд.

— Святые дьяволы!

В шоке он роняет полотенце.

Точнее: он все еще Кертис Хэммонд, но не совсем, и уж точно не может сойти за человека.

— О господи!

Лицо в зеркале не отвратительное, но куда более странное, чем у любого урода, каких когда-либо показывали на ярмарках или карнавалах как в Старом Свете, так и в Новом.

В Колорадо, в фермерском доме, за дверью спальни с табличкой, на которой указывалось, что это не спальня, а «ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ ЗВЕЗДОЛЕТОМ», мальчик-сирота нашел полоску использованного бактерицидного пластыря, и пятно крови на марлевой подложке предоставило ему идеальную возможность для изменения внешности. Коснувшись крови, вобрав ее в себя, он добавил ДНК Кертиса Хэммонда к имеющемуся в нем набору. Пока настоящий Кертис продолжал сладко спать, его тезка выпрыгнул из окна спальни на крышу крыльца и вот оказался в ванной Кастории и Поллуксы, пусть и не сразу.

Стремление быть Кертисом Хэммондом, собственно, быть кем угодно, кроме как самим собой, требует постоянного биологического напряжения, результатом чего и становится уникальный энергетический сигнал, который выдает его тем, кто имеет специальное сканирующее оборудование. День за днем, по мере того как он вживается в новую личность, поддержание физической схожести облегчается, пока, через недели и месяцы, уникальный энергетический сигнал не ослабевает настолько, что становится неотличим от сигналов других представителей популяции. В данном случае эта популяция — человечество.

Шагнув к зеркалу, мальчик усилием воли превращает себя в Кертиса Хэммонда до самой последней мелочи, чему придает особое внимание.

По отражению лица он наблюдает за происходящими изменениями. Плоть сопротивляется его приказам, но он добивается своего.

Подобный недосмотр может привести к катастрофе. Если бы Кэсс и Полли увидели его в таком состоянии, они бы поняли, что никакой он не Кертис Хэммонд, что он вообще не с их планеты. И тогда можно будет позабыть и про обещанную помощь, и про рутбир с мороженым.

Какими бы добрыми ни были его мотивы, он может плохо кончить, совсем как тот бедолага, который сумел вырваться из лаборатории доктора Франкенштейна только затем, чтобы убегать от размахивающих факелами невежественных крестьян. Мальчик не может представить себе Кэсс и Полли, преследую-

щих его с факелами в руках, требующих его крови, но наверняка найдется немало других, кто с радостью примет участие в этой облаве.

Что еще хуже, даже короткий выход из нового образа вновь требует усиления биологического напряжения, отчего увеличивается мощность энергетического сигнала, достигая предельного значения, как это было в момент первоначальной трансформации в Кертиса Хэммонда, в Колорадо. Из-за своего промаха он словно бы перевел часы назад. В ближайшие два дня он снова будет максимально уязвим для своих безжалостных преследователей, которые конечно же не оставят его в покое.

С тревогой он изучает в зеркале, как миловидные черты Кертиса Хэммонда возвращаются на его лицо, но возвращаются медленно и не сразу обретают должные пропорции.

Как всегда говорила ему мать, уверенность — основа успешного поддержания нового облика. Чувство неловкости, сомнения в самом себе срывают маску.

Загадка панического исхода Гэбби из «меркурия маунтинира» разгадана. Мчась на огромной скорости по соляному озеру, нервничая из-за того, что не удается успокоить раздраженного и возмущающегося сторожа, мальчик на мгновение потерял уверенность в себе и в какой-то степени вышел из образа Кертиса Хэммонда.

Физическая опасность не лишает его хладнокровия. Что бы ни происходило вокруг, в новой коже он чувствует себя вполне комфортно. Даже когда над ним нависнет смертельная угроза, он все равно сможет остаться Кертисом Хэммондом.

А вот простое общение с людьми, жизнь среди них, сильно выбивает из колеи. Ведь сущая ерунда — принять душ. А возникло столько сложностей, что с него начало сползать обличье Кэртиса Хэммонда!

Собрав волю в кулак, он решает, что теперь он — Люсиль Болл* трансформеров: физически крепкая, восхитительно решительная, отчаянно храбрая в достижении своих целей... но в обществе теряющаяся, в результате чего она продолжала развлекать требующую того публику и влюбилась в кубинского джазиста до такой степени, что вышла за него замуж.

Ладно. Хорошо. Он снова Кертис Хэммонд.

Мальчик перестает вытираться, оглядывает тело в поисках необычностей, не находит ни одной.

Заворачивается в банное полотенце, как в саронг, но все равно стесняется.

Пока его одежда стирается и сушится, он вынужден оставаться с Кэсс и Полли, но, переодевшись, он найдет возможность вместе с Желтым Боком выскользнуть из дома на колесах. Теперь, когда его могут без труда засечь убийцы, а возможно, и ФБР, если у них есть соответствующая техника, он более не имеет права подвергать сестер опасности.

Люди не должны погибать из-за того, что судьба сводит их с ним в столь неудачный момент.

Охотники наверняка уже спешат к нему. Вооруженные до зубов. Решительно настроенные. Злые как черти.

Глава 44

Солнце определенно перерабатывало, жаркая вторая половина дня затянулась далеко за тот час, когда в более прохладные сезоны летучие мыши уже расправляли крылья. В шесть вечера небо еще полыхало синевой, совсем как горячий газ над плитой, а Южная Калифорния кипела.

Рискуя проделать непоправимую брешь в бюджете, тетя Джен поставила термостат на семьдесят шесть градусов*, которые могли расцениваться как прохлада разве что в аду. Но в сравнении с огненной печью, оставшейся за закрытыми дверями и окнами, кухня действительно являла собой оазис в пустыне.

Наливая в кувшин ледяной персиковый чай и сервируя стол к обеду, Микки рассказывала Дженеве о Престоне Мэддоке, о биоэтике, об убийстве как исцелении, об убийстве как акте сострадания, об убийстве как средстве увеличения «полного объема счастья», об убийстве во имя защиты окружающей среды.

* Болл, Люсиль Дезире (1911–1989) — актриса кино, радио и телевидения, одна из самых удачливых продюсеров, сама ставившая на ти-ви свои шоу. В 1940–1960 гг. была замужем за Дези Армасом, кубинцем по происхождению, известным американским джазменом. Сериал «Я люблю Люси», который они продюсировали вместе на Си-би-эс, в 1951–1957 гг. занимал первую строчку рейтинга. Последующие сериалы, в которых она продолжала играть и продюсировала единолично, также пользовались огромной популярностью.

* 76° по шкале Фаренгейта соответствуют 24,5° по Цельсию.

— Хорошо, что меня подстрелили восемнадцать лет назад. В наши дни, заботясь об окружающей среде, просто закопали бы в землю.

— Или вырезали бы органы для трансплантации, кожу использовали на абажуры, а то, что осталось, скормили бы диким животным, чтобы не уродовать землю еще одной могилой. Налить тебе чаю?

Когда Лайлани не появилась в четверть седьмого, Микки уже не сомневалась: что-то пошло не так, но Дженева советовала ей сохранять спокойствие.

В половине седьмого заволновалась и Дженева, а Микки положила на тарелку шоколадно-миндальные пирожные (без миндаля, но с пеканом) и отправилась к Мэддокам.

Синий керамический небосвод дышал жаром, как печь для обжига. Воздух у раскаленной за день земли мерцал, словно душам открыли ворота чистилища, да и пахло чем-то горелым.

Вороны, сидевшие на заборе за зеленой полоской травы, неподалеку от розового куста, обкаркали Микки. Может, они водили дружбу с черной колдуньей Синсемиллой, вот и предупреждали о приближении той, кто мог знать ее настоящее имя.

Микки добралась до упавшей секции забора между участками. Зеленый ковер Дженевы уступил место бурой земле с выгоревшими травинками, превращающимися под ногами в пыль, где прошлой ночью танцевала Синсемилла. Нервы Микки натянулись как струны при мысли о неизбежной встрече то ли с лунной танцовщицей, то ли с философом-убийцей.

Но она полагала, что увидеть Престона Мэддока ей не доведется.

Лайлани говорила тете Джен, что доктор Дум намеревался отсутствовать и в этот вечер.

Плотные шторы закрывали окна от яростного сияния закатного солнца.

Поднявшись по бетонным ступенькам, она постучала, подождала, подняла руку, чтобы постучать вновь, но взялась ею за тарелку с пирожными, когда ручка неожиданно повернулась и дверь открылась.

Престон Мэддок стоял на пороге, улыбающийся, едва узнаваемый.

Длинные волосы исчезли. Теперь их заменила короткая стрижка, чуть ли не ежик, которая очень ему шла. Он словно помолодел на добрый десяток лет. Сбрил он и усы.

— Чем я могу вам помочь? — доброжелательно спросил он.

— О, привет, мы — ваши соседи. Я и тетя Джен.

Дженева. Дженева Дэвис. А я — Микки Белсонг. Хотела поздороваться, принести вам домашние пирожные. Сказать: «Добро пожаловать в наши края».

— Вы очень добры.— Он взял тарелку.— Выглядят восхитительно. Моя мама, упокой, Господи, ее душу, пекла самые разные пирожные с пеканом. Ее девичья фамилия Хикори, поэтому она очень интересовалась деревом, название которого совпадало с ее фамилией. А орех-пекан, вы знаете, разновидность цикория.

Удивительный голос Мэддока оказался для Микки полной неожиданностью. В нем звучала спокойная уверенность, за которой могли стоять только большие деньги, его переполняли мужественность и теплота, вызывая мысли о кленовом сиропе, льющемся на золотистые хрустящие вафли.

Этот голос, в сочетании с приятной внешностью, превращал его в адвоката смерти, перед которым никто не мог устоять. Теперь она могла понять, как ему удавалось прикрыть жестокость пеленой идеализма, очаровать обреченных, убедить в общем-то здравомыслящих людей аплодировать палачу и улыбаться музыкальному звуку, сопровождающему соприкосновение ножа гильотины с колодой для рубки.

— Я — Джордан Бэнкс,— солгал он, как и предупреждала Лайлани.— Все зовут меня Джорри.

Мэддок протянул руку. Микки чуть не передернуло, когда она коснулась ее.

О том, чтобы заикнуться об истинной причине своего визита, не могло быть и речи. Она это понимала еще до того, как вышла из кухни. Положение девочки могло только усугубиться, если бы стало известно, что по соседству у нее появились друзья.

Но Микки надеялась увидеть Лайлани, так или иначе намекнуть, что не ляжет спать, дождется девочку, если та выскользнет из дома, после того как Мэддок и Синсемилла уснут.

— Вы уж простите, что я держу вас в дверях,— извинился Мэддок.— Я бы пригласил вас в дом, но у моей жены жуткая

мигрень, и от малейшего шума у нее просто раскалывается голова. Когда у нее такой приступ, мы разговариваем шепотом и ходим на цыпочках, словно пол — это барабан.

— Ну что вы, что вы. Не волнуйтесь. Все в порядке.

Я только хотела поздороваться и сказать, что мы рады таким соседям. Надеюсь, она скоро поправится.

— Она не может есть, когда у нее мигрень... но после приступа обычно голодна как волк. Ей понравятся эти пирожные. Вы очень добры. До скорого.

Микки спустилась по ступенькам, отступая от закрывшейся двери, задержалась на выжженной лужайке, пытаясь найти способ дать Лайлани знать о том, что приходила. Но она опасалась, что Мэддок наблюдает за ней.

Возвращаясь домой (по пути ее вновь обкаркали вороны, несущие вахту на заборе), Микки будто вновь услышала его обволакивающий голос: «Моя мама, упокой, Господи, ее душу, пекла самые разные пирожные с пеканом».

Как легко слова «упокой, Господи, ее душу» слетели с его языка, как естественно и убедительно прозвучали... хотя на самом деле он не верил ни в Бога, ни в существование души.

Дженева, обхватив руками стакан с ледяным чаем, ждала за кухонным столом.

Микки села, налила себе чаю, рассказала о Мэддоке.

— К обеду Лайлани прийти не сможет. Но я надеюсь, что она забежит ко мне, после того как Синсемилла и Мэддок лягут спать.

Я ее дождусь, как бы поздно она ни пришла.

— Я вот подумала... она может остаться с Клариссой,— предложила тетя Джен.

— И с попугаями?

— Во всяком случае, это не крокодилы.

— Если я найду в архивах регистрационную запись о женитьбе Мэддока, репортеры этим заинтересуются. Он четыре года не дает о себе знать, но пресса все равно о нем помнит. Подобная таинственность должна их заинтриговать. Зачем прятать информацию о женитьбе? Не женитьба ли заставила его уйти с публичной сцены?

— Синсемилла... она просто находка для прессы,— заметила Дженева.

— Если пресса поднимет шум, обязательно найдется человек, который знал о существовании Лукипелы. Мальчика не прятали всю его жизнь.

Даже если его чокнутая мамаша не сидела подолгу на одном месте, она из тех, кто запоминается надолго, если не навсегда. Ее вспомнят даже те, кто видел мельком. Некоторые вспомнят и Луки. Тогда Мэддоку придется объяснять, куда делся мальчик.

— И где ты собираешься найти регистрационную запись его женитьбы?

— Я над этим думаю.

— А если репортеры уважают Мэддока и решат, что ты затаила на него зло? Как решила эта Бронсон?

— Скорее всего, так и будет. Пресса относилась к нему очень благожелательно.

Но и репортеры должны быть любопытны, не так ли? Разве это не их работа?

— И ты постараешься, чтобы они заинтересовались Мэддоком.

Микки взяла со стола пингвина, появление которого в их трейлере чуть раньше объяснила ей тетя Джен.

— Я не позволю ему причинить вред Лайлани. Не позволю.

— Никогда не слышала, чтобы ты так говорила, маленькая мышка.

Микки встретилась с тетушкой взглядом.

— Как — так?

— С такой решительностью.

— Под угрозой не только жизнь Лайлани, тетя Джен. Моя тоже.

— Я знаю.

Глава 45

Крекеров Полли, возможно, и не ест, но ведет дом на колесах с пакетом попкорна на коленях и банкой холодного пива, стоящей в углублении для чашки в подлокотнике кресла.

Закон запрещает держать открытые емкости с алкогольными напитками в кабине движущегося транспортного средства, но Кертис воздерживается от того, чтобы обратить внимание

Полли на это нарушение. Не хочет повторять ошибку, допущенную с Гэбби, когда тот жутко обиделся при напоминании, что перед тем, как тронуться с места, согласно закону, необходимо пристегнуться ремнем безопасности.

Пустынное двухполосное шоссе черной стрелой прорезает прерии. Покинув ранчо Ниари, они едут на северо-северо-запад. По словам сестер, южное направление ведет в суровую пустыню и к еще более суровым нравам Лас-Вегаса.

Они еще не решили, куда ехать, не планируют добиться наказания для убийц семьи Хэммонд, не знают, какое будущее ожидает Кертиса и где и с кем он может жить. До прояснения ситуации у них будет время подумать, а пока главная забота близняшек — сохранить Кертису свободу и жизнь.

Кертис этот план одобряет. Гибкость — важный элемент стратегии любого беглеца. Беглец, действующий согласно жесткому плану, может стать легкой добычей. Мудрость матери. И потом, в самом ближайшем будущем он собирается расстаться с сестрами, поэтому сейчас что-либо планировать на перспективу просто бессмысленно.

Полли ездит быстро. «Флитвуд» несется по прериям, словно боевая машина с атомным двигателем — по поверхности Луны.

В гостиной Кэсс устроилась на диване по левому борту дома на колесах, аккурат позади водительского кресла. Собака лежит рядом с ней, положив голову на бедро девушки и блаженствуя, потому что рука Кэсс постоянно почесывает ее за ухом.

По настоянию сестер Кертис занимает кресло второго пилота, которое снабжено различными техническими приспособлениями. Одно из них позволяет креслу поворачиваться вокруг оси. Развернувшись к водителю, мальчик видит обеих близняшек.

Хотя на нем все то же полотенце-саронг, он более не стесняется. Чувствует себя настоящим полинезийцем, совсем как Бинг Кросби в «Дороге на Бали».

Только кокосовые орехи, пои* или тушеную свинину с пряностями ему заменяет пакет попкорна с сыром и банка апельсинового «краша», хотя он просил пива.

* Полинезийское кушанье из корней таро.

Компания сестер Спелкенфелтер, Кастории и Поллуксии, ему очень даже нравится. Он находит, что подробности их жизни совсем не похожи на все то, о чем он читал в книгах и что видел в фильмах.

Они родились и выросли в маленьком городке в сельской части Индианы.

По словам Кэсс, жителям тех мест предлагались на выбор следующие развлечения: наблюдать, как коровы пасутся на пастбище, наблюдать, как дерутся петухи, или наблюдать, как спят свиньи. Кертис так и не понял развлекательной ценности двух из перечисленных Кэсс трех занятий, но спрашивать постеснялся.

Их отец, Сидни Спелкенфелтер, профессор греческой и римской истории частного колледжа, мать, Имоджин, преподает там же историю искусств. Сидни и Имоджин — добрые и любящие родители, но при этом, говорит Кэсс, «они наивны, как золотая рыбка, которая думает, что мир заканчивается стеклом аквариума». Поскольку их родители тоже преподавали в колледжах, Сидни и Имоджин не знали никакого другого мира, кроме академического.

После совместного выступления от лица своего класса на выпускном вечере средней школы, Кэсс и Полли ради Лас-Вегаса отказались от дальнейшей учебы. Не прошло и месяца, как сестрички обнаженными, если не считать нескольких перышек, вышли на сцену одного из лучших отелей в вечернем шоу, в котором участвовали семьдесят четыре танцовщицы, двенадцать манекенщиц, два слона, четыре шимпанзе, шесть собак и питон.

Из-за взаимного интереса сестер к жонглированию и акробатике на трапециях по прошествии года они стали звездами десятимиллионного мюзикла, в основе сюжета которого лежал контакт с инопланетянами. Сестры играли знающих толк в акробатике инопланетных королев любви, прибывших на Землю, с тем чтобы превратить мужчин в своих рабов.

— Вот тогда мы впервые и заинтересовались НЛО,— замечает Кэсс.

— Представление начиналось с того,— вспоминает Полли,— что мы выходили из гигантской летающей тарелки и

спускались по переливающимся неоном ступенькам. Публика ревела от восторга.

— И на этот раз мы не все шоу были голыми,— говорит Кэсс.— Из тарелки, разумеется, выходили обнаженными...

— Как, впрочем, и положено инопланетным королевам любви,— добавляет Полли, и обе радостно смеются, напоминая Кертису незабвенную Голди Хоун.

Кертис тоже смеется, в восторге от их иронии и подтрунивания над собой.

— После первых девяти минут мы уже надевали клевые костюмы, более подходящие для жонглирования и акробатических номеров на трапеции.

— Трудно жонглировать белыми мускатными дынями, когда груди у тебя голые,— объясняет Полли.— Можно ухватиться не за ту дыню и все испортить.

Обе вновь смеются, но на этот раз Кертис шутки не понимает.

— Вновь раздевались мы уже в последнем номере,— говорит Полли,— оставаясь только в головном уборе из перьев, в золотых миниатюрных трусиках, которые ничего не скрывали, и в туфельках на высоченных каблуках. Продюсер настаивал, что это истинный наряд инопланетной королевы любви.

— Скажи мне, Кертис,— спрашивает Кэсс,— ты видел много инопланетных королев любви в золотых трусиках и туфельках на высоких каблуках?

— Ни одной,— после короткого раздумья отвечает мальчик.

— Наши слова. Они же выглядели глупо. В любом уголке Вселенной. Мы не возражали против головных уборов из перьев, но сколько из встреченных тобой инопланетных королев любви носили такие уборы?

— Ни одной.

— Справедливости ради скажу, ты не сможешь доказать, что наш продюсер заблуждался,— говорит Полли.— В конце концов, скольких инопланетных королев любви ты действительно видел?

— Только двух,— признается Кертис,— и ни одна ничем не жонглировала.

По непонятной ему причине сестры громко смеются, должно быть, принимая его ответ за отменную шутку.

— Но, пожалуй, можно сказать, что одна из них в какой-то степени была акробаткой,— уточняет Кертис,— потому что она прогибалась назад, пока не могла лизнуть свои пятки.

Это уточнение вызывает у сестер Спелкенфелтер новый взрыв хохота.

— Это не имеет отношения к эротичности,— спешит добавить Кертис.— Она прогибается назад по той же причине, что гремучая змея сворачивается в кольца. Из этой позиции она может прыгнуть на двадцать футов и откусить тебе голову своими челюстями.

— Было бы любопытно поставить в Вегасе такой музыкальный номер! — восклицает Кэсс, прежде чем присоединиться к уже смеющейся Полли.

— Ну, я знаю далеко не все о шоу Лас-Вегаса,— говорит Кертис,— но, наверное, лучше оставить за сценой ту часть, где она впрыскивает свои яйца в откушенную голову.

Давясь от смеха, Полли с трудом удается ответить:

— Нет, сладенький, если добавить побольше блеска.

— Ты просто прелесть, Кертис Хэммонд,— говорит Кэсс.

— Ты лапочка,— соглашается Полли.

Слушая, как близняшки смеются, и наблюдая за тем, как Полли ведет «Флитвуд» одной рукой, второй вытирая текущие по щекам слезы, Кертис приходит к выводу, что он более остроумный, чем ему казалось.

А может, он наконец-то научился общаться с людьми.

Убегающая к северо-западу бесконечная лента черного асфальта так же прекрасна и загадочна, как любое классическое американское шоссе в фильмах, нацеленное в заходящее солнце, которое заливает прерии красным золотом. Мерно урчит мощный двигатель «Флитвуда».

Рядом с божественной Касторией, божественной Поллуксией и постоянно связанной с Богом Желтым Боком, с пакетом попкорна и банкой апельсинового «краша», искупавшийся и полностью контролирующий свое тело, чувствуя себя куда более уверенно, чем в последние дни, Кертис верит, что он — самый счастливый мальчик во Вселенной.

Когда Кэсс уходит, чтобы достать одежду Кертиса из сушилки, собака идет за ней, а мальчик поворачивает кресло, чтобы

посмотреть на утягивающееся под колеса шоссе. Второй пилот он только номинально, но тем не менее чувствует, как ему передаются ловкость и мастерство Полли.

Какое-то время они говорят о «Флитвуде». Полли знает все и о конструкции дома на колесах, и о работе его агрегатов и систем. Этот бегемот весом в 44 500 фунтов и длиной в 45 футов оснащен дизельным двигателем фирмы «Каммингс», коробкой передач фирмы «Эллисон аутоматик», топливным баком на 150 галлонов, баком воды на 160 галлонов и системой спутниковой навигации. Она говорит о доме на колесах с той же любовью, с какой молодые парни в кино говорят о своих спортивных автомобилях.

Мальчик удивлен, услышав, что эта модель, модифицированная согласно пожеланиям заказчика, стоит семьсот тысяч, и высказывает предположение, что близняшки разбогатели благодаря их успеху в Вегасе, но Полли тут же поправляет его. Они стали финансово независимыми, но не богатыми благодаря тому, что вышли замуж за братьев Флэкбергов.

— Но это трагическая история, сладенький, а я в слишком хорошем настроении, чтобы сейчас ее рассказывать.

Благодаря общему интересу к конструкции и ремонту механических транспортных средств Полли и Кэсс не испытывают никаких проблем с беспрерывным путешествием, которое является доминирующим фактором этого отрезка их жизни. Что бы ни ломалось или ни изнашивалось, они могут все починить, имея необходимые запчасти, многие из которых возят с собой.

— Самые лучшие ощущения в мире,— заявляет Полли,— это выпачкаться с головы до ног, измазаться в масле, пропотеть, но в конце концов собственными руками устранить неполадки, будь то прокол колеса или выход из строя маслонасоса.

Никогда раньше Кертис не видел таких чистеньких, ухоженных, сверкающих, благоухающих женщин, и хотя его восхищает их нынешнее состояние, тем не менее ему ужасно хочется посмотреть на них же, но потных, грязных, в масляных потеках, вооруженных инструментами, воюющих с грозным, весом в 44 500 фунтов, механическим монстром, не просто воюющих, но побеждающих его мастерством и решительностью, перед которыми не может устоять ни одна поломка.

Действительно, образ Кастории и Поллуксии, радостно ремонтирующих дом на колесах, с такой настойчивостью пульсирует в голове Кертиса, что он никак не может взять в толк, а что все-таки в этом так привлекательно. Странно.

Сопровождаемая Желтым Боком, Кэсс возвращается, чтобы сообщить, что она погладила одежду Кертиса.

Ретировавшись в ванную, чтобы поменять саронг-полотенце на нормальную одежду, он грустит при мысли о том, что время его общения с близняшками Спелкенфелтер стремительно иссякает. Для их же безопасности он должен расстаться с ними при первой возможности.

Когда он возвращается, полностью одетый, чтобы вновь занять кресло второго пилота, последние красные отсветы заката низкой дугой едва подсвечивают западный горизонт, напоминая верхнюю часть глаза гиганта-убийцы, выглядывающего из-за края Земли. Пока Кертис устраивается в кресле поудобнее, краснота сменяется пурпуром, словно глаз закрылся во сне, но сквозь веко наблюдает ночь.

Если фермы или ранчо существуют в этом уголке Америки, они находятся так далеко от шоссе, что не видны даже из достаточно высокой кабины «Флитвуда». Огни в их окнах скрыты кустами, деревьями и, главным образом, расстоянием от дороги.

Редкие автомобили пролетают по встречной полосе с такой скоростью, будто едва касаются асфальта колесами. Еще реже их обгоняют попутки. Не потому, что в эту сторону никто не едет. Просто Полли выжимает из «Флитвуда» все, на что тот способен. Только самые отчаянные водители решаются на обгон, включая какого-то лихача на серебристом «корвете» модели 1970 года, вид которого вызывает восхищенный свист обожающих автомобили сестер.

Поскольку сестры обожают не только автомобили, но и горные лыжи, прыжки с парашютом, крутой детектив, родео, призраков, полтергейстов, большие оркестры, технику выживания и резьбу на слоновой кости (среди прочего), с ними есть о чем поговорить. Мало того что они прекрасные рассказчицы, так еще смотреть на них — одно удовольствие.

Кертиса, однако, более всего интересует их увлечение пришельцами и летающими тарелками, далекие от действитель-

ности рассуждения сестер о жизни на других мирах, мрачные подозрения относительно причин появления инопланетян на Земле. По его наблюдениям, люди — единственные существа во Вселенной, чьи фантазии о том, что может лежать за пределами их планеты, превосходят все то, что там в действительности есть.

Вдали появляется сияние, отличное от света фар приближающего автомобиля. Светится что-то рядом с шоссе.

Они подъезжают к перекрестку. По правую руку расположились автозаправка и магазинчик. Это не сверкающее неоном, стеклом и металлом стандартное здание национальной сети, но небольшое семейное предприятие типа «Ма и Па». Домик оштукатуренный, чуть покосившийся, окна запыленные.

В кинофильмах такие вот автозаправки обычно принадлежат каким-нибудь психам. В пустынных местах легко скрыть самые чудовищные преступления.

Поскольку движение способствует маскировке, Кертису хочется, чтобы остановились они только в достаточно большом городке. Но близняшки придерживаются мнения, что в баке не должно быть меньше пятидесяти галлонов топлива. В настоящий момент запас превышает критическую величину на семь-восемь галлонов.

Полли съезжает с шоссе на незаасфальтированную площадку перед магазином. Щебень барабанит по днищу «Флитвуда».

Три колонки, две с бензином, одна — с дизельным топливом, не прикрыты навесом от солнца и дождя, как на более современных автозаправках. Натянутые между столбами, над колонками переливаются красными и янтарными огнями рождественские гирлянды, которые почему-то так и не убрали после Нового года. Колонки выше стандартных, никак не меньше семи футов, и каждая увенчана большим хрустальным шаром.

— Фантастика,— говорит Полли.— Они, должно быть, стоят тут с тридцатых годов. Теперь это большая редкость. Когда насос качает, можно наблюдать, как горючее кружится в шаре.

— Зачем? — спрашивает Кертис.

Она пожимает плечами:

— Не знаю, так уж они работают.

Легкий ветерок лениво шевелит гирлянды, отражения красных и янтарных лампочек мерцают внутри стеклянных шаров, словно в каждом из них танцуют сказочные призраки.

Завороженный этим магическим действом, Кертис спрашивает:

— Они предсказывают судьбу, или как?

— Нет, просто на них приятно смотреть.

— Эти люди потратили столько усилий, чтобы встроить в конструкцию колонки стеклянный шар только потому, что на него приятно смотреть? — Он качает головой, восхищенный цивилизацией, которая превращает в произведение искусства устройство, имеющее чисто хозяйственное предназначение. Добавляет с любовью: — Это удивительная планета.

Близняшки выходят первыми... Кэсс с большой сумкой на плече... с намерением провести все необходимые технологические операции, выполняемые при остановке на автозаправке: осмотреть с фонариком все десять колес, проверить уровень масла как в картере, так и в коробке передач, наполнить резервуар системы обмыва ветрового стекла...

У Желтого Бока миссия проще: ей надо облегчиться. А Кертис идет с ней за компанию.

Он и собака стоят у ступенек и прислушиваются к едва слышному посвисту ветерка, который летит к ним с освещенной луной равнины на северо-западе, из-за магазинчика, теперь скрытого от них «Флитвудом». Вероятно, ночной воздух несет в себе какой-то беспокоящий запах, потому что Желтый Бок поднимает свой талантливый нос и раздувает ноздри, чтобы определиться с источником.

Антикварные колонки также по другую сторону дома на колесах. Как только сестры исчезают из вида, обходя «Флитвуд» спереди, собака, принюхиваясь, бежит к задним колесам, бежит очень целенаправленно. Кертис следует за ней, ставшей ему сестрой.

Когда они обходят «Флитвуд» сзади, перед ними возникает магазин. Находится он в сорока футах, за колонками. Дверь наполовину открыта, достаточно тяжелая, чтобы не качаться от ветра. А может, тугие петли.

Собака останавливается. Отступает на шаг. Возможно, ее пугают фантастические колонки.

При ближайшем рассмотрении Кертис уже не находит в них ничего магического, не то что с кресла второго пилота. Он смотрит на стеклянные шары, наполненные темнотой, а не бе-

шено вращающимся горючим. В шарах отражаются красные и янтарные огоньки рождественских гирлянд, которые кажутся мерцающими внутри, и внезапно его охватывает тревога. В этих шарах ему вдруг видится что-то зловещее.

У переднего бампера высокий лысый мужчина разговаривает с близняшками.

Он стоит спиной к Кертису, до него больше сорока футов, но с ним определенно что-то не так.

Шерсть собаки встает дыбом, и мальчик подозревает, что тревога, которую он чувствует, на самом деле ее недоверие, которое передалось через связывающий их телепатический канал.

Хотя Желтый Бок чуть слышно рычит и мужчина ей явно не нравится, ее внимание сосредоточено на другом. Она бежит прочь от «Флитвуда», к западной стороне здания, и Кертис спешит за ней.

Он более чем уверен, что ищет она не укромное местечко, где можно справить нужду.

Магазин развернут углом к стоянке, чтобы фасад смотрел не на одну из дорог, а непосредственно на перекресток, дабы никто не мог проехать мимо, не заметив его. И за углом, у стены, где только одна дверь и ни одного окна, темнота сгущается сильнее. Чуть разбавляет ее рассеянный лунный свет.

В этом глубоком сумраке стоит «форд-эксплорер», его контуры едва различимы. Кертис предполагает, что внедорожник принадлежит мужчине, который сейчас разговаривает с близняшками.

Серебристый «корветт», который чуть раньше обогнал их на шоссе, пристроился рядом. Пристально глядя на «корветт», Желтый Бок начинает скулить.

Луна отдает спортивному автомобилю предпочтение, превращая хром его отделки в серебро.

Когда Кертис делает шаг к «корветту», собака бросается к внедорожнику. Поднимается на задние лапы, передние ставит на задний бампер, пристально смотрит в окошко задней дверцы. Расположено оно слишком высоко, чтобы собака могла в него заглянуть.

Поворачивает голову к Кертису, ее темные глаза блестят отраженным лунным светом.

Поскольку мальчик сразу к ней не подходит, Желтый Бок нетерпеливо скребет лапой по дверце.

В темноте он не может видеть, что собаку трясет, но, спасибо телепатическому каналу, связывающему их, чувствует глубину ее тревоги.

Страх, словно крадущийся кот, находит дорогу в сердце Кертиса, а из сердца — в тело, и теперь его коготки царапают кости.

Подойдя к «эксплореру», Кертис вглядывается в заднее окошко. Не может разобрать, находится ли за ним какой-то груз или гуляют тени.

Собака все скребет лапой по дверце.

Кертис поворачивает ручку, поднимает заднюю дверцу.

Автоматически включается свет в салоне внедорожника, открывая глазам Кертиса два трупа, лежащих в багажном отделении. Брошены они небрежно, словно мешки с мусором.

Сердце мальчика на мгновение замирает, потом начинает биться вдвое быстрее.

Он бы убежал, не будь он сыном своей матери, а так скорее умрет, чем своими действиями опозорит ее память.

Жалость и отвращение заставили бы его отвернуться, но он обучен воспринимать подобные ситуации как раздел учебника по выживанию и реагировать в соответствии с приведенной в конце раздела инструкцией: быстро, но досконально разобраться в причинах случившегося, чтобы спасти свою жизнь и жизни других.

Другие в данном случае — Кэсс и Полли.

Высокий лысый мужчина, первый из трупов, внешне соответствует заправщику, который разговаривал с сестрами несколько секунд назад. Кертис не видел лица этого человека, но убежден, что оно идентично лицу трупа, хотя и не перекошено от ужаса.

Пышные блестящие каштановые волосы окружают и смягчают лицо женщины. Ее широко раскрытые зеленые глаза в изумлении смотрят на вечность, открывшуюся ей в тот самый момент, когда ее душа покинула этот мир.

Видимых ран на трупах нет, но у обоих, похоже, свернуты шеи. Головы лежат под столь неестественным углом, что без перелома основания черепа не обошлось. Для охотников, которые

наслаждаются предсмертными мучениями и ужасом жертв, нехарактерны столь быстрые и милосердные убийства.

Отсутствие ран объясняется не милосердием, а необходимостью. С каждого трупа сняты обувь и верхняя одежда. Чтобы выдать себя за своих жертв, убийцам требовалась чистая одежда, а не кровавые лохмотья.

Если автозаправку и магазин обслуживает одна семья, па и ма, значит, здесь лежат па и ма. А их бизнесом и обличьем завладели другие.

Собака переключает свое внимание на «корветт». Но при всем интересе, проявленном к спортивному автомобилю, она не решается подойти к нему ближе. Должно быть, чувствует, что от него исходит смертельная опасность. Она не только боится «корветта», но и не может понять, с чем столкнула ее судьба, склоняет голову направо, потом налево, мигает, отворачивается, вновь смотрит на него, словно ей кажется, что автомобиль сдвинулся с места.

Может, в «корветте» их подстерегает что-то пострашнее трупов, поэтому мальчик тоже держится от него подальше. Зато, уже научившись воспринимать мир через органы чувств собаки, полностью переключается на связывающий их телепатический канал и смотрит на «корветт» ее глазами.

Поначалу ставшая ему сестрой видит то же самое, что и Кертис... но не проходит и секунды, как освещенный луной автомобиль начинает мерцать, словно мираж. Автомобиль мечты — во многих, а не одном смысле этого термина, на самом деле — иллюзия автомобиля с двигателем внутреннего сгорания, с обводами «корветта» модели 1970 года, маскирующими вселяющую ужас реальность. Собака мигает, мигает, но спортивный автомобиль не растворяется в ночи, как призрак, тогда она отворачивается и краем глаза, на две-три секунды, видит то, что недоступно и краю глаза Кертиса: транспортное средство, сработанное не на этой земле, более хищное, чем акулоподобный «корветт», чудовище, рожденное для охоты на акул. В этом автомобиле чувствуется такая мощь, что говорить о нем хочется не языком инженеров и дизайнеров, а терминами военных архитекторов. Несмотря на изящные обводы, он более всего напоминает крепость на колесах: компактно сгруппированные, аэродинамически вылизанные, приспособленные для быстрой езды контрфорсы, крепостные валы, земляные насыпи, эскарпы, контрэскарпы, бастионы.

Имея перед собой такие доказательства, мальчик более не знает сомнений. Прибыли самые худшие выродки.

Нервы напрягаются, как натянутые струны скрипки, а его воображение разыгрывает на них самые мрачные вариации.

Смерть уже здесь, как и была всегда, но не столь близко и значимо, как в этот момент, в ожидании третьего блюда на ужине костей.

Охотники конечно же подозревают, что Кертис в доме на колесах. Добрая судьба и умная собака, ставшая ему сестрой, вывели его из «Флитвуда» и позволили незамеченным прошмыгнуть за угол дома, к залитому лунным светом внедорожнику-могиле. Но найдут его быстро: может, через две минуты, при самом лучшем раскладе — через три.

Его узнают в тот самый момент, когда он выйдет из укрытия.

А пока он посылает собаку к Полли.

Испуганная, она тем не менее повинуется и бежит назад, тем же путем, каким привела его к «эксплореру» и псевдо-«корветту».

Кертис не питает иллюзий насчет того, что ему удастся выйти из грядущей схватки живым. Враг слишком близко, он слишком сильный, слишком безжалостный, чтобы потерпеть поражение от маленького, беззащитного мальчика-сироты.

Однако у него есть надежда, что ему удастся каким-то образом предупредить Кэсс и Полли, чтобы они и собака сумели уехать и не погибли вместе с ним.

Желтый Бок исчезает за углом. Как всегда, с осознанием того, что ее Создатель рядом с нею... и в следующие минуты Он понадобится ей, как никогда прежде.

Глава 46

Стены тюрьмы рухнули вокруг нее, но она поставила камни на место, а когда прутья решеток вывалились из окон, приварила их к закладкам и забетонировала свежим раствором.

Из этого сна — не кошмара, в котором она строила себе тюрьму, пугающего разве что радостью, с которой она работа-

ла, Микки и пробудилась, мгновенно почувствовав: что-то не так.

Жизнь научила ее ощущать опасность на расстоянии. И даже во сне она распознала угрозу, нависшую над ней в реальном мире, отчего и покинула пусть призрачную, но тюрьму.

Лежа на диване в гостиной, закрыв глаза, с чуть приподнятой на подушке головой, она не шевельнулась, продолжала ровно дышать, словно спящая, но вслушиваясь в происходящее вокруг. Вслушиваясь.

Дом погрузился в тишину, такую же глубокую, как в похоронном бюро после его закрытия, когда все сотрудники и скорбящие уже разошлись по домам.

Микки устроилась на тахте, чтобы почитать журнал в ожидании Лайлани. Вечер тянулся и тянулся, наконец Дженева пошла к себе, строго наказав разбудить ее, как только девочка появится в дверях. После ухода тети Джен, дочитав журнал, Микки вытянулась на диване, закрыла глаза, чтобы дать им отдохнуть, не собираясь спать. Но усталость, накопившаяся после трудного дня, жара, высокая влажность и растущее отчаяние совместными усилиями отправили ее в выстроенную во сне тюрьму.

Инстинктивно она не открыла глаза, когда проснулась. И теперь держала закрытыми, исходя из истины, известной каждому ребенку, которую иной раз признавали и взрослые: никакой Страшила не причинит вреда, если не смотреть ему в глаза и вообще не подавать вида, что знаешь о его присутствии.

Кстати, и в тюрьме она узнала, что притворяться спящей, глупой, наивной, безразличной, глухой или слепой, если тебе делают грязное предложение или даже оскорбляют, более мудрая реакция, чем сразу вставать на дыбы и лезть в драку. Между тюрьмой и детством существует немало аналогий. Вот и со Страшилой не стоит встречаться взглядом ни ребенку, ни заключенному.

Кто-то двигался неподалеку. Мягкий шорох подошв по ковру и скрип половиц говорили за то, что пришелец — не плод ее разгоряченной фантазии и не призрак трейлерного парка.

Шаги приблизились. Стихли.

Она чувствовала, что рядом с диваном стоит человек. Пристально смотрит на нее, пытаясь понять, спит она или притворяется.

И это не Дженева. Даже путая реальную жизнь с фильмом, тетя никогда не повела бы себя столь странно. Джен помнила, как была Кэрол Ломбард в фильме «Мой мужчина Годфри», Ингрид Бергман в «Касабланке», Голди Хоун в «Грязной игре», но не видела себя ни в каких триллерах, разве что в «Милдред Пирс». Ее вторые жизни окружал ореол романтики, где-то с оттенком трагичности, но можно было не волноваться, что тетя Джен поведет себя как Бетти Дэвис в «Что случилось с крошкой Джейн?» или Гленн Клоуз в «Роковом влечении».

Обоняние Микки обострилось за счет медитативной неподвижности и вынужденной слепоты. Она почувствовала терпкий запах незнакомого ей мыла. Легкий аромат лосьона после бритья.

Пришелец шевельнулся, выданный протестующим скрипом половиц. Несмотря на оглушающие удары сердца, Микки могла сказать, что он удаляется от нее и дивана.

Сквозь завесу ресниц поискала его, нашла. Он проходил мимо низкого буфета, который отделял гостиную от кухни.

Одна маленькая лампочка, горевшая в гостиной, не разгоняла тени, а создавала романтичную обстановку. Кухня же вообще купалась в темноте.

Но даже сзади, по одному только силуэту, она сразу поняла, с кем ей пришлось иметь дело. Престон Мэддок нанес им визит, пусть его никто и не приглашал.

Микки не заперла дверь черного хода на случай, если придет Лайлани.

Теперь Мэддок, покинув их трейлер, оставил ее широко открытой.

Осторожно она поднялась с дивана и пошла на кухню. Нисколько не удивилась бы, обнаружив его на ступеньках, широко улыбающегося, довольного тем, что раскусил ее уловку, догадался, что она только прикидывалась спящей.

Но на ступеньках ее никто не поджидал.

Она решилась выйти из трейлера. Во дворе никто не затаился. Мэддок ушел к себе.

Вернувшись на кухню, она отсекла ночь. Задвинула засов. Щелкнула замком.

Страх растаял, оставив чувство обиды. Но прежде чем обида перешла в ярость, Микки подумала о Дженеве, и страх вернулся.

Она понятия не имела, сколько времени провел Мэддок в их доме. Он мог побывать и в других комнатах, прежде чем зайти в гостиную, чтобы посмотреть, как спит его новая соседка.

Из кухни Микки поспешила в короткий коридор. Проходя мимо своей комнатки, увидела полоску света под дверью. Хотя точно помнила, что не оставляла лампу зажженной.

Конец коридора. Последняя дверь. Приоткрытая.

В угрожающей тьме светились только цифры и стрелки часов. Когда Микки добралась до кровати, отсвета хватило, чтобы увидеть главное: голова тети Джен на подушке, умиротворенное спящее лицо, закрытые глаза.

Микки поднесла трясущуюся руку ко рту Дженевы, уловила ладонью теплое дыхание.

В горле словно развязался тугой узел, вновь появилась возможность набрать полную грудь воздуха.

Выйдя в коридор, она плотно притворила за собой дверь и направилась в свою комнату.

На кровати лежала ее сумочка, рядом — содержимое. Из бумажника вытащили все, но ничего не взяли. Деньги соседствовали с карточкой социального страхования, водительским удостоверением, помадой, пудрой, расческой, ключами от автомобиля...

Дверцы шкафа открыты, комод обыскан, вещи в ящиках оставлены в беспорядке.

На полу — бумаги, подтверждающие ее освобождение из тюрьмы.

Она держала их на прикроватном столике, под Библией, которую дала ей тетя Джен.

Какой бы ни была изначальная цель появления Мэддока в их трейлере, он воспользовался ситуацией, обнаружив, что дверь на кухню открыта, а Микки спит на тахте. Из того, что она узнала о нем в библиотеке, следовало, что Мэддок — человек очень расчетливый, ему несвойственны непродуманные поступки, поэтому и несанкционированный обыск она объяснила не импульсивностью Мэддока, а его наглостью.

Вероятно, об их отношениях с Лайлани он знал больше, чем она думала, возможно, больше, чем предполагала Лайлани. И своим появлением у двери его дома с тарелкой пирожных она не провела Мэддока, но и не усилила его подозрений.

А теперь он знал все о недавнем прошлом Микки, и ее это не радовало.

Она задалась вопросом: а как бы он повел себя, если бы она проснулась раньше и застала его в своей комнате?

Под горящей лампой лежала раскрытая Библия. Мэддок воспользовался контурным карандашом для губ, который взял из ее сумочки, чтобы обвести несколько слов. Книга Пророка Иоиля, глава 1, абзац 5: *«Пробудитесь, пьяницы, и плачьте, и рыдайте...»*

Ее встревожило, что он очень уж хорошо знал Библию, если нашел столь уместную, но мало кому знакомую строку. Такая эрудиция свидетельствовала о том, что соперник у нее более умный и изворотливый, чем она предполагала. И он определенно полагал ее пренебрежительно малой угрозой, раз верил, что может так нагло насмехаться над ней.

Покраснев от унижения, Микки подошла к комоду, убедилась, что Мэддок заглянул под желтый свитер и нашел две бутылки лимонной водки.

Она достала бутылки из ящика. Одна полная, запечатанная. А вот во второй, после прошлой ночи, водки осталось на самом донышке.

На кухне Микки включила свет над раковиной и вылила в нее содержимое обеих бутылок. Пары, не аромат лимона, а псевдовозбуждающий запах алкоголя, вызвали целый букет желаний: напиться, забыться, уйти из этого грешного мира.

Бросив обе бутылки в мусорное ведро, она не могла унять дрожь в руках. Ладони были влажными от водки.

Осушив их дыханием, Микки прижала холодные руки к горящему лицу.

Перед ее мысленным взором возникла бутылка бренди, которую тетя Джен хранила в кухонном буфете. Она живо представила себе, как достает бутылку, скручивает пробку, наливает стопку, ощутила во рту вкус бренди...

— Нет!

Она прекрасно понимала, что речь шла не о бренди, не о водке. В действительности она искала предлог, чтобы подвести Лайлани, повод уйти в себя, отступить за знакомый подвесной мост, укрыться за стенами и башнями эмоциональной крепости, где ее и без того израненному сердцу не будут грозить новые удары, где она сможет жить вечно, оплакивая себя. Бренди помогло бы ей перейти этот мост и избавило бы от боли за судьбу других людей.

Отвернувшись от буфета, где дожидалось бренди, даже не раскрыв дверцы, она шагнула к холодильнику в надежде утолить жажду кока-колой. Но выяснилось, что мучила ее не жажда, а голод, жуткий голод, поэтому она достала пирожное из керамического медведя, голова которого служила крышкой, а тело — сосудом. Покончив с пирожным, после некоторого раздумья она взяла медведя со всем его содержимым и отнесла на стол.

Сидя за столом, глядя на стоящие перед ней коку и медведя с пирожными, Микки вновь почувствовала себя восьмилетней девочкой, в смятении чувств и испуганной, которая искала утешение у демона сахара. Тут она заметила тарелку, стоящую за подсвечниками. Ту самую, на которой этим вечером она относила соседям пирожные. Мэддок вернул ее, пустую и вымытую.

Все та же наглость. Если бы Микки не успела проснуться до его ухода, она догадалась бы, кто обыскал ящики комода и вывернул на кровать содержимое ее сумочки, но не могла точно знать, верна ли ее догадка. Оставив тарелку, Мэддок давал понять, что он хочет, чтобы она знала, какой незваный гость побывал в их доме. Вновь показывал, что не ставит ее ни в грош.

Но куда больше, чем возвращение тарелки, встревожило Микки исчезновение пингвина. Статуэтка высотой в два дюйма, из коллекции мертвой женщины, раньше стояла на кухонном столе, среди цветных стаканчиков с недогоревшими свечками. Должно быть, Мэддок увидел пингвина, когда ставил на стол тарелку.

Если он и раньше подозревал, что Лайлани познакомилась с Микки и тетей Джен, то пингвин эти подозрения подтвердил.

Желудок вдруг оказался в горле, грудь защемило, голова закружилась, как случалось с ней на скоростном участке русских горок. Побледнев как полотно, Микки застыла на стуле.

Глава 47

В большинстве своем люди, с которыми встречалась Полли, ей нравились, она легко заводила друзей, мало с кем враждовала, но, когда заправщик подошел к ней, улыбаясь во весь рот, словно клоун, только что плюхнувшийся на задницу, со словами: «Привет, меня зовут Эрл Бокман, моя жена — Морин.

Это заведение принадлежит нам, мы работаем здесь двадцать лет»,— она сразу сделала вывод, что он относится к тем немногим, кому не заслужить ее расположения.

Высокий, с приятной внешностью, с запахом мяты изо рта, чистенький, выбритый, в выглаженной одежде, он вроде бы обладал всем необходимым, чтобы произвести хорошее впечатление на первого встречного, особенно если бы на его губах играла чуть меланхоличная улыбка, но никак не такая широченная, во все тридцать два зуба.

— Я родом из Вайоминга,— продолжал Эрл,— а вот Морин из здешних краев, но я прожил тут так долго, что вполне могу считаться местным. В этом округе любой мужчина, женщина или ребенок знают Эрла и Морин Бокман.— Казалось, он считал необходимым убедить их в том, что автозаправка и магазин действительно принадлежат ему и его жене, а потому клиенты могут не сомневаться в качестве горючего, которое он продает.— Только назовите имена Эрл и Морин, и любой скажет вам, что это муж и жена, которые хозяйничают на автозаправке и в магазине, расположенных на перекрестке федеральных шоссе. И еще, должно быть, вам скажут, что Морин — это персик, потому что она такая же сладенькая, как этот фрукт, и будут правы. Смею вас заверить, что я — счастливейший человек на свете, который когда-либо женился, потому что ни разу не пожалел об этом.

Во время своего монолога он не переставал демонстрировать свою ослепительную улыбку, достойную рекламного плаката зубной пасты, и Полли, пожалуй, уже поставила бы десять тысяч долларов против пакета с попкорном, что труп бедной Морин лежит сейчас если не в торговом зале, то в подсобке, а этот болтун то ли задушил ее голыми руками, то ли размозжил голову большой банкой тушеной свинины с бобами, то ли проткнул сердце окостеневшей сосиской «Тонкий Джим», провисевшей над прилавком с закусками добрые пятнадцать лет.

Назойливой улыбки и беспрерывного информационного потока о личной жизни вполне хватило бы, чтобы зачислить Эрла в список людей, за которых она никогда не стала бы голосовать, если бы они выставили свою кандидатуру на пост президента, даже без учета его часов. Циферблат этого необычного устройства был черен и пуст: ни цифр — часов, ни черточек — минут,

ни стрелок. Возможно, Эрл отдал предпочтение неудобной модели цифрового хронометра, который показывал время лишь при нажатии кнопки на корпусе, но у Полли возникли серьезные подозрения, что это вовсе не часы. С того самого момента, как Эрл появился около заправочных колонок, он поворачивался из стороны в сторону, направляя свой приборчик, надетый на правую, а не на левую руку, на Кэсс, на Полли, снова на Кэсс, и то и дело что-то высматривал в черном круге под мерцающим красно-янтарным светом рождественских гирлянд. Полли поначалу подумала, что прибор на руке Эрла — камера, а сам он из извращенцев, которые тайком фотографируют женщин, реализуя причуды своего больного воображения. Но хотя нервной манерой держаться Эрл определенно вписывался в категорию «извращенец», она не могла поверить, что кому-то удалось изобрести камеру, снимающую то, что находится под одеждой женщины.

Кэсс любила людей больше, чем Полли, и в отличие от сестры-близняшки не делала различий между монахиней и осужденным убийцей. Однако за двадцать семь лет, прожитых вместе по эту сторону плаценты, оптимизм Кэсс подвергся заметному воздействию со стороны здравомыслия Полли, которая не столь восторженно воспринимала людей и судьбу. Более того, Кэсс настолько хорошо освоила законы человеческих джунглей, что уже после первой фразы Эрла приподняла бровь и изогнула рот, давая условный сигнал: «Тревога! Какой-то чудик!» — который конечно же прочитала Полли.

Эрл, наверное, трещал бы языком, пока кто-то, он или они, не скончался бы от естественных причин, при этом целясь в них своими занятными часами, вызвавшими вдруг у Полли ассоциацию с портативным металлоискателем, которым пользовались сотрудники аэропорта, если пассажиру не удавалось пройти через стационарный, не подняв тревоги. Но пока Эрл произносил свой нескончаемый монолог, Кэсс оглядела древнюю колонку с маркировкой «Дизельное топливо», нашла, что принцип ее работы более сложный, чем у тех, с которыми ей приходилось ранее сталкиваться, и попросила Эрла помочь ей.

Когда Эрл повернулся к заправочной колонке, у Полли сложилось ощущение, что тот в полном недоумении, словно принцип работы колонки для него столь же загадочен, что и для Кэсс. Хмурясь, он подошел к колонке, положил на нее одну руку, постоял в глубоком раздумье, словно дожидался, пока шестое чувство ознакомит его с конструкцией колонки, но потом вновь, словно у клоуна, рот его разошелся от уха до уха.

— Хотите заправиться?! — радостно воскликнул он.

Получив утвердительный ответ, повернул рычаг, вытащил пистолет из гнезда и повернулся к «Флитвуду», после чего опять замер с застывшей на лице улыбкой.

Как только стало ясно, что этот двадцать лет проработавший на одном месте заправщик не знает, как подступиться к большому дому на колесах, Кэсс взглядом спросила сестру: «На кого мы нарвались?» — после чего взяла шланг у Эрла, вежливо объяснив, что ужасно не любит, когда около топливного лючка появляются царапины, поэтому ей будет спокойнее, если пистолет она вставит в горловину бака сама.

Полли открыла лючок, свернула крышку с горловины и отступила в сторону, чтобы сестра могла вставить в горловину пистолет топливного шланга, все это время не выпуская Эрла из поля зрения. Последний же, решив, что она занята, смело нацелил свои часы на два окошка в борту дома на колесах и дважды посмотрел на циферблат, словно что-то видел в его поблескивающей черной поверхности. Тем самым он доказал свою уникальность, потому что все мужчины, полагая, что ей не до них, разглядывали бы задницу Полли, даже геи, пусть их сжигала не страсть, а зависть.

Она могла бы принять его за безвредного чудика, когда-то гордого продавца топлива, свихнувшегося от бескрайности просторов Невады, от пугающе звездного неба, висящего над черной землей, от недостатка общения с людьми или от избытка общения с диким зверьем, а может, его свела с ума Морин, этот сладкий персик. Но даже чудики, эксцентрики и психически ненормальные мужчины не оставляли без внимания ее зад, и чем дальше она видела его зубастую улыбку, тем меньше Эрл напоминал ей клоуна, безумного или нет, и тем больше — динозавров из «Парка юрского периода». Мелькнула мысль, пусть, казалось бы, и странная, что Эрл вовсе и не человек, а существо, встречаться с которым ей еще не доводилось.

И тут из темноты появилась Желтый Бок, прибежала очень возбужденная, такой Полли ее еще никогда не видела, бросилась к ней, зубами вцепилась в акриловый каблук левой сандалии, словно терьер — в крысу, начала стаскивать с ноги. С губ Полли сорвалось имя знаменитой кинозвезды, с которой она познакомилась, когда была женой продюсера Джулиана Флэкберга. У нее это имя заменяло привычное «блин». В удивлении Кэсс звала собаку, Полли попыталась вытащить ногу из сандалии, не нанеся травмы ни животному, ни себе, Желтый Бок вроде бы стремилась к тому же, продолжая молча, без рычания, терзать каблук, а улыбающийся Эрл Бокман, думая, что за всей этой суетой стал невидимым, нацелил свои часы на собаку и озабоченно всматривался в циферблат, будто носил на руке анализатор, который мог определить, бешеная собака или нет.

Чтобы уберечь ногу от Желтого Бока, Полли вытащила ее из сандалии, и собака тут же убежала с добычей. Остановилась у переднего бампера дома на колесах, оглянулась, бросила сандалию, перехватила его за перепонку, подняла и покачала из стороны в сторону, как бы дразня владелицу.

— Она приглашает тебя поиграть,— предположила Кэсс.

— Да, возможно,— ответила Полли,— но, как я понимаю, пусть наша приятельница и очень мила, она хочет, чтобы я подвесила ее на этой рождественской гирлянде.

И вот тут маниакальная улыбка Эрла впервые пришлась к месту.

Пистолет уже торчал в горловине, для заполнения бака требовалось никак не меньше пяти минут, руки Кэсс были свободны, и Полли нисколько не сомневалась в способности сестры постоять за себя, даже имея дело с такими, как Эрл Бокман, даже если тот именно сегодня получил весточку из «Книги рекордов Гиннесса» с сообщением о том, что он заменил Джеффри Дамера в категории «Рекордсмен по количеству отрезанных голов, хранящихся в холодильнике». Прихрамывая, она последовала за Желтым Боком вокруг кабины к ступенькам и наконец поднялась в дом на колесах.

К тому времени, как Полли добралась до прохода между креслами, сандалия лежала на полу в гостиной, аккурат под единственной зажженной лампой, тогда как в маленькой столовой, примыкающей к камбузу, собака запрыгнула на сиденье,

наклонилась над столом и ухватила зубами колоду игральных карт. Пока Полли надевала сандалию, Желтый Бок вернулась в гостиную и разбросала карты по полу.

Полли выросла в сельской местности, где коровы, свиньи и куры манерами поведения и достоинством могли служить примером многим человеческим существам. Она участвовала в многомиллионном шоу, где два слона, четыре шимпанзе, шесть собак и даже питон были куда приятнее в общении, чем семьдесят четыре танцовщицы. В общем, Полли полагала себя другом животных и достаточно хорошо знала их повадки, чтобы понять, что Желтый Бок ведет себя не так, как положено собаке, а следовательно, происходит что-то необычное. Она не стала ругаться, не принялась подбирать карты, что всенепременно сделала бы в ординарной ситуации, но отступила назад, чтобы освободить собаке место, и присела на корточки.

Половина карт упали картинками вверх, и Желтый Бок начала торопливо, но целенаправленно разгребать их лапами, пока не отделила две бубны, две черви и одну пику. Масть карт значения не имела в отличие от их номинала, потому что, используя нос и лапы, собака расположили карты по старшинству в четкой последовательности: тройка пик, четверка бубен, пятерка червей, шестерка бубен, семерка червей — и, улыбаясь, воззрилась на Полли.

Собаки-гимнастки балансировали на катящихся мячах и ходили по параллельным брусьям, собаки-пирофилы прыгали сквозь горящие обручи, маленькие собачки сидели на спинах больших собак, когда те изображали лошадей, участвующих в скачках или соревнованиях по преодолению препятствий, дрессированные собачки в розовых платьях танцевали на задних лапах: в Лас-Вегасе Полли много чего навидалась, но не встречала собаки, демонстрирующей такие математические способности. Поэтому, когда Желтый Бок лапой поставила шестерку бубен после пятерки червей, а потом носом семерку червей вслед за шестеркой, с губ Полли вновь сорвалось имя кинозвезды, которую она терпеть не могла, причем не один раз, а дважды. Она встретилась взглядом с лохматым математиком, трепеща от ощущения чуда, и произнесла фразу, которую так не терпелось услышать Лесси за все долгие годы жизни с Тимми на ферме: «Ты пытаешься мне что-то сказать, не так ли, девочка?»

Нисколько не желая оскорбить Рома, Тарзана или ХОЛа 9000, Кэсс сочла навыки общения Эрла Бокмана на порядок хуже, чем, соответственно, у ребенка, выкормленного волчицей, выросшего среди обезьян и воспитанного роботами.

Каким-то он был деревянным. Неловким. Окостеневшим. Выражение лица редко соответствовало произносимым словам, и всякий раз, когда это несоответствие фиксировалось у него в голове, он прикрывался своей карикатурной улыбкой, которая, как ему казалось, демонстрировала его умение ладить с людьми и уверенность в себе.

Более того, Эрл не выносил тишины. Каждая пауза в разговоре, превышавшая две секунды, нервировала его. Он заполнял тишину тем, что первым приходило в голову, а потому молол всякую чушь.

Кэсс решила, что Морин, жена Эрла и общепризнанный персик, то ли святая, то ли тупа, как морковка. Ни одна женщина не могла жить с таким человеком, если только не надеялась очистить душу вечными страданиями или у нее напрочь отсутствовало серое вещество.

Привалившись к борту дома на колесах, дожидаясь, пока заполнится бак, Кэсс чувствовала себя словно заключенный, которого приговорили к смерти и привели на место казни. Эрл заменял расстрельный взвод, слова — пули, а способом казни избрали скуку.

И что это за манипуляции с часами? С отвлекающими маневрами, которые удавались Эрлу не лучше, чем разговор, он нацеливал их в разные стороны. Один раз даже опустился на колено, якобы завязывая шнурок, который вовсе и не развязывался, чтобы направить циферблат под днище «Флитвуда».

Возможно, он страдал каким-то психическим заболеванием, возможно, его одолевали навязчивые идеи? Возможно, он не мог не нацеливать часы на людей и вещи, как другие люди не могли не мыть руки по четыреста раз на дню или каждый час не пересчитывать носки в ящике комода или тарелки в кухонном буфете?

Поначалу Кэсс жалела его, потом он стал вызывать смех.

Но теперь ей определенно было не до смеха.

По спине Кэсс побежали мурашки.

Три года она была замужем за Доном Флэкбергом, кинопродюсером, младшим братом Джулиана... вращалась в высших кругах голливудского общества. И согласно проведенным ею расчетам, если взять целиком удачливых актеров, режиссеров, руководство студий и продюсеров, 6,5% из них были хорошими и нормальными людьми, 4,5% — нормальными и злыми, а 89% — злыми и ненормальными. Набирая экспериментальный материал, который и позволил ей получить вышеуказанные результаты, она составила классификацию выражений глаз, лицевых тиков, жестов, телодвижений, благодаря которой безошибочно определяла самых безумных и самых злых, что и позволяло ей вовремя уходить в сторону и не становиться их жертвой. За три минуты наблюдений она пришла к выводу, что Эрл Бокман, простой заправщик и бакалейщик, безумием и злобой не уступал любому из самых богатых и уважаемых членов киношного сообщества, которых она когда-либо знала.

В темноте, у стены магазина, стоящего на перекрестке федеральных шоссе, между поблескивающим под луной «корветтом» и «эксплорером», набитым трупами, Кертис наблюдает и за дверью в стене, и за северным и южным углами, из-за которых в любой момент могут появиться враги.

Но более всего он сосредоточен на телепатическом канале, который связывает его с собакой. Этот канал он использует, как никогда раньше. Он затаился между автомобилями, ощущая спиной дующий из прерий ветерок, но одновременно он вместе со ставшей ему сестрой, в доме на колесах, изумляет Полли собачьей арифметикой, а потом — знакомством Желтого Бока с устройством более сложным, чем карты.

Когда Кертис убеждается, что Полли понимает его послание, что она встревожена, что она будет действовать, чтобы спасти себя и сестру, он полностью ретируется и из собаки, и из дома на колесах. Теперь он живет только здесь, у стены магазина, под теплым ветерком прерий, в холодном свете луны.

Эти охотники всегда действуют парами или четверками, никогда в одиночку. Тот факт, что раздеты оба трупа, лежащие в «эксплорере», па и ма, указывает, что помимо мужчины, обслуживающего топливные колонки, еще один убийца, замаскиро-

ванный под женщину с каштановыми волосами, затаился в магазине.

«Корветт»-который-совсем-не-«корветт» гораздо просторнее спортивного автомобиля, под который он стилизован. В этом транспортном средстве без труда могут разместиться четверо пассажиров.

Кертис предпочитает исходить из того, что на перекрестке федеральных шоссе ему противостоят только двое убийц. Потому что, если их четверо, у него нет ни единого шанса остаться в живых. В этом случае он просто не будет знать, как ему сражаться с квартетом этих злобных хищников. Следовательно, столкнувшись лицом к лицу с четверкой противников, ему не останется ничего другого, как бежать в прерии с надеждой отыскать высокий обрыв или глубокую реку, чтобы найти смерть более легкую, чем та, что уготовили ему эти профессиональные киллеры.

Хотя в обычной ситуации он бы постарался избежать столкновения даже с двумя охотниками (да и с одним тоже!), сейчас он не может позволить себе такую роскошь, как побег в прерии, из-за своих обязательств перед Кэсс и Полли. Он сказал им: «Бегите!» — но, возможно, охотники им этого не позволят, решат, что сестер надобно наказать за помощь беглецу. В этом случае он может отвлечь врагов от близняшек, только показавшись им.

А потому — в гущу событий. Проскользнув мимо трупповозки-«эксплорера» и инопланетного «короля дорог», мальчик оказывается у задней двери. Медленно, осторожно поворачивает ручку.

Заперто.

Кертис сражается с дверью, сила воли против материи, на микроуровне первая должна победить... как в Колорадо, когда ему удалось открыть дверь черного хода в доме Хэммондов, как на прицепе с автомобилями в Юте, когда ему удалось открыть дверцу внедорожника, как везде.

Он не обладает шестым чувством, у него нет сверхъестественных способностей, которые превратят его в героя комиксов, где он будет изображен в развевающемся плаще и обтягивающем трико. Его главное преимущество — в понимании квантовой механики. Это не те знания, которыми обладает данный мир, но более глубокие, полученные на других планетах.

На фундаментальном структурном уровне пространства материя — это энергия. Все сущее есть энергия, выраженная в мириаде видов. Сознание — это устанавливающая сила, которая строит все и вся в этом бесконечном море энергии, прежде всего речь идет о всеобъемлющем сознании Создателя, игривого Присутствия в снах собаки. Но даже простой смертный, наделенный умом и сознанием, обладает возможностями воздействовать на форму и функции материи своей силой воли. Это не создание планет, звездных систем и галактик, что по плечу только игривому Присутствию, речь идет о незначительной силе, которой можно добиться только ограниченного результата.

Даже в этом мире, на сравнительно низком уровне развития, ученые, специализирующиеся в квантовой механике, знают, что на субатомном уровне Вселенная скорее мысль, чем материя. Им также известно, что их ожидания, их мысли могут повлиять на исход некоторых экспериментов с элементарными частицами, такими как электроны и протоны.* Они понимают, что Вселенная не столь механистична, как когда-то они верили, и они начинают подозревать, что она существует как акт воли, что эта сила воли, вызывающая благоговейный восторг, творческое сознание игривого Присутствия, и есть организующая сила в физическом пространстве, сила, которая отражается в свободе, дарованной каждому смертному определять его или ее судьбу посредством выражения свободной воли.

Для Кертиса все это давно уже прописные истины.

Тем не менее страх не уходит.

Страх — неизбежный элемент существования смертного. Сотворенный мир во всем своем несравненном великолепии, с бесконечными величественными красотами и изящными, вроде бы неприметными деталями, со всеми чудесами, которые дарованы как Создателем, так и теми, кто создан по его образу и подобию, со всей загадочностью и радостью, которую мы получаем от любимых нами, так завораживает, что нам не хватает воображения, не говоря уже о вере, представить себе еще более восхитительный следующий мир, а потому, даже веря в Создателя, мы упрямо цепляемся за это существование, до боли

* Этот момент широко обыгран в научной фантастике. В качестве примера можно привести рассказ Г. Бира «Чума Шредингера».

знакомое, и боимся последующих миров, которые, в сравнении с этим, только выигрывают.

Заперта. Дверь черного хода в магазин заперта.

А потом уже не заперта.

За дверью маленькая кладовая, освещенная не тусклой лампочкой, свисающей с потолка, но светом, который просачивается из соседнего помещения вокруг приоткрытой двери и словно засыпает кладовую флуоресцирующим мелкодисперсным порошком.

Кертис переступает порог, тихонько закрывает за собой наружную дверь, чтобы ветер с треском не захлопнул ее.

Иной раз тишина успокаивает, но эта нервирует. Это холодная стальная тишина ножа гильотины, замершего наверху, когда шея жертвы уже под ним, а корзина ждет отрубленную голову.

Даже в страхе не теряя надежды, Кертис приближается к двери, которая приоткрыта на пару дюймов.

В спальне дома на колесах Полли хватает помповое ружье двенадцатого калибра с пистолетной рукояткой, которое лежало на специальных кронштейнах на задней стенке шкафа, скрытое одеждой.

Собака наблюдает.

Полли рывком открывает ящик комода и достает коробку с патронами.

Один загоняет в казенник, три — в подствольный магазин.

Собака теряет интерес к оружию и начинает обнюхивать обувь на дне шкафа.

Белые тореадорские штаны сшиты так, чтобы максимально подчеркивать достоинства фигуры, а потому карманы в них не предусмотрены. Полли засовывает три дополнительных патрона в топик, между грудей, благодаря природу за то, что зазор между ними достаточно велик, чтобы служить складом боеприпасов.

Пока Желтый Бок что-то вынюхивала в щели между дверьми шкафа, Полли вышла в гостиную и бросила взгляд на портативный компьютер, стоящий на полу. Возвращаясь из спальни, она пребывала в убеждении, что взаимодействие собаки и

компьютера ей причудилось, но доказательство обратного перед ней, на экране.

Лэптоп стоял на полке развлекательного центра, под телевизором. После фокуса с картами собака поднялась на задние лапы и передними скребла по полке, пока Полли не выполнила ее желания: взяла компьютер, поставила на пол, включила.

В полном недоумении, но по-прежнему в ожидании чуда, как ни странно, чувство это не пропало у Полли даже после трех лет близкого общения с представителями высших эшелонов киноиндустрии, она открывала новый файл, тогда как собака унеслась в ванну. Там что-то загремело, после чего Желтый Бок вернулась с зубной щеткой Кэсс в зубах. Используя щетку вместо пальца, начала набивать текст.

RUM, отпечатала Желтый Бок, и Полли тут же решила, что любая собака, умеющая отличать одну игральную карту от другой и владеющая счетом, имеет право на алкогольный напиток, если ей вдруг захотелось выпить, при условии, что ее не вывернет наизнанку и она не станет алкоголиком. Полли уже собралась смешать Желтому Боку «пина коладу» или «мей тей», пусть и заподозрила, что сходит с ума и врачи психиатрической «скорой помощи», которые примчатся в прерии из ближайшего города, войдут во «Флитвуд» со смирительной рубашкой и шприцем, каким обычно пользуют лошадей, до упора заполненным торазином. К сожалению, рома у нее не нашлось, только пиво и несколько бутылок вина, о чем она и сообщила собаке, извинившись за то, что показала себя плохой хозяйкой.

Но выясняется, что RUM не то слово, которое хотела напечатать Желтый Бок. В него закралась ошибка, вызванная вполне объяснимыми трудностями: собаке не так-то легко печатать на клавиатуре, используя вместо пальца зажатую в пасти зубную щетку. Скуля от раздражения, но с решимостью довести дело до победного конца, Желтый Бок предпринимает вторую попытку:

RUN*!

В итоге, здесь и сейчас, через минуту после того, как собака закончила печатать, Полли несколько секунд простояла, уста-

* Беги (*англ.*). На клавиатуре английские буквы N и M расположены рядом.

вившись на дисплей лэптопа, точнее, на высвеченные на нем шесть строк, которые заставили ее броситься в спальню и зарядить помповик:

«RUM
RUN!
MAN EVIL*
ALIEN**
EVIL ALIEN***
RUM!»

Вроде бы абсурдное послание, даже бессмысленный набор слов, и если бы, скажем, оно появилось на дисплее стараниями полуграмотного ребенка, Полли не действовала бы столь быстро и решительно, не понеслась бы за помповиком, но в данном случае она чувствовала, что выбрала единственно правильный путь, потому что *послание напечатала собака зубной щеткой, зажатой в пасти!* Полли не училась в колледже и, несомненно, потеряла немалое количество мозговых клеток за три года, проведенные в Голливуде, но ей не надо было объяснять, что такое чудо, а если собака, печатающая на компьютере зубной щеткой, к таковым не относилась, то не стоило причислять к чудесам Моисея, раздвинувшего воды Красного моря, и Лазаря, поднявшегося из мертвых.

Кроме того, учитывая особенности поведения Эрла Бокмана, он гораздо больше напоминал злого пришельца, чем глуповатого владельца автозаправки и магазина, затерянных на бескрайних просторах Невады. Случается, что, услышав вроде бы невозможное, ты на интуитивном уровне понимаешь: это правда. Как, скажем, недавнее сообщение о том, что рэперы модной группы, называющейся «Шот коп хо бастерс», не умеют читать нот.

Она не собиралась выскакивать из «Флитвуда» и отстреливать Эрлу Бокману голову, потому что со всей этой суетой не забывала о проблемах, которые могли возникнуть при объяснении подобных действий в суде. Она вообще не знала, что собирается делать с помповым ружьем, но чувствовала себя более уверенно, держа его в руках.

---

* Мужчина злобный *(англ.)*.

** Пришелец *(англ.)*.

*** Злобный пришелец *(англ.)*.

За спиной что-то треснуло, и она резко обернулась, подняв помповик, но источником шума оказалась Желтый Бок. Собака засунула голову в пустой пакет из-под попкорна с сыром, оставленный Кертисом на полу около кресла второго пилота.

Полли стащила целлофановый пакет с головы собаки, открыв глупую ухмылку, длиннющий розовый язык и морду в крошках попкорна, которые совершенно не вязались с образом чудотворца, умеющего печатать на компьютере. Она вновь повернулась к компьютеру в надежде увидеть пустой экран, но нет! На синем фоне горели белые буквы слова RUM! А над ним — еще пять белых строк на синем поле, сообщающие срочную информацию.

Желтый Бок длинным языком трудолюбиво чистила морду от крошек попкорна, и Полли решила не сомневаться в чудесах, не отвергать увиденное только потому, что личность посланца вызывала определенные сомнения в том, а мог ли он доставить это послание, но действовать, и да поможет ей Бог, в зависимости от ситуации.

И внезапно до нее дошло: «А где Кертис?»

Собака навострила уши, заскулила.

С помповым ружьем в руках Полли подошла к двери, глубоко вдохнула, как делала всегда, прежде чем обнаженной выйти из летающей тарелки и спуститься по неоновым ступеням в многомиллионном лас-вегасском шоу, и вышла в ночь, вдруг ставшую такой пугающе-загадочной.

Кертис Хэммонд в режиме коммандос, полностью отдающий себе отчет в том, что он больше поэт, чем воин, концентрируется на тишине, тихонько открывая дверь между кладовой и торговым залом, концентрируется на невидимости, проскальзывая в магазин, концентрируется на подавлении криков ужаса и попытки к бегству, когда, не крича и не пытаясь броситься прочь, крадется по первому проходу в поисках псевдо-ма, напарника псевдо-па, который разговаривает с сестрами у топливных колонок.

Полки с товарами стоят параллельно фронтону магазина. Проходы длинные, за полками снаружи его не видно.

Вероятно, жители прерий не жалуют сбалансированную диету, потому что свежие овощи и фрукты здесь не продаются, только различные консервы. Вдоль задней стены выстроились холодильники-прилавки с прозрачными стеклянными дверями, за которыми пиво, прохладительные напитки, молоко и фруктовые соки.

В конце первого прохода Кертис останавливается, прислушивается, дабы по малейшему звуку определить местонахождение ма, но этот киллер, должно быть, концентрируется на тишине столь же сосредоточенно, что и сам Кертис.

Наконец он наклоняется вперед, чтобы выглянуть из-за угла стойки с батарейками и одноразовыми газовыми зажигалками. Этот проход короткий, ведет непосредственно к фронтону магазина. А вот длинных проходов в нем три, и образованы они двумя рядами высоких полок.

Кертис видит часть запыленного окна, но, чтобы определить, загрузились ли Кэсс и Полли во «Флитвуд», ему нужно встать. Стеллажи выше его ростом, сие означает, что плохая ма не увидит его, если он выпрямится в полный рост, но Кертис тем не менее остается на корточках.

Скоро он объявит о своем присутствии, чтобы отвлечь пару охотников и дать близняшкам шанс вырваться с автозаправки. Успех, однако, зависит от правильности выбора момента, когда он встанет и даст знать о своем присутствии.

Продвинувшись мимо батареек и газовых зажигалок, Кертис заглядывает в центральный проход. Пусто.

Он перемещается к следующему ряду полок, торец которого занимает стойка с бритвенными станками, ножницами, перочинными ножами, к сожалению, более серьезного оружия на ней не выставлено... и замирает, чтобы прислушаться.

Тишина в магазине такая глубокая, что, появись в нем призраки, их шаги загудели бы, словно удары колокола. От этой звенящей тишины Кертису хочется закричать, чтобы доказать себе, что он еще среди живых.

Внезапно волосы на его затылке встают дыбом, а по спине пробегает холодок. Оглядываясь, Кертис уже готов увидеть крадущегося к нему убийцу, и чуть не вскрикивает от облегчения, обнаружив, что за спиной никого нет. Пока к нему никто не подкрался.

Чуть высунувшись из-за бритвенных станков, он оглядывает последний, ближний к окнам проход и сразу замечает плохую ма. Она стоит в паре футов от открытой двери, глядя на заправочные колонки, и, насколько он может сказать, она — точный слепок с мертвой женщины, лежащей рядом с трупом мужа в «эксплорере».

Скорее да, чем нет, эти охотники — часть стаи, которая преследует его от Колорадо, но вполне возможно, что их только что подключили к операции. Поскольку они приехали не на украденном грузовике с седлами, поскольку они вообще не используют местные транспортные средства, он сомневается, что это та самая парочка, которая, прикидываясь ковбоями, выследила его на стоянке грузовиков вечером в среду.

Новички они в этой охоте или участвуют в ней с самого начала, они так же жестоки и опасны, как все остальные охотники. Киллеры, они одинаковые. И несть им числа.

Привлеченная происходящим у заправочных колонок, плохая ма делает шаг к двери, потом к самому порогу. Теперь она практически вышла из магазина, не может увидеть Кертиса даже периферийным зрением: ей мешает дверной косяк.

Между Кертисом и дверью — прилавок рядом с кассой, на котором у всех на виду лежит пистолет. Возможно, то ли мужчине, то ли женщине, трупы которых спрятали во внедорожнике за спинкой заднего сиденья, хватило времени, чтобы вытащить оружие из-под прилавка, а вот нажать на спусковой крючок не удалось. И плохой па оставил пистолет рядом с кассовым аппаратом, когда вышел к заправочным колонкам, чтобы встретить «Флитвуд».

Из-за того что плохой па безоружен, опасность, грозящая близняшкам, не уменьшается ни на йоту. Они — жестокие убийцы, быстрые, словно атакующая змея, безжалостные, как крокодилы, на два дня лишенные еды. Они предпочитают убивать голыми руками, потому что «руки» охотников не чета человеческим. Красота сестер, доброта, остроумие, веселость не удлинят им жизнь и на долю секунды, если один из охотников решит их убить.

Глядя на лежащий на прилавке пистолет, от которого его отделяют каких-то сорок футов, Кертис понимает: вот он, шанс, который он искал. Тут ему даже нет нужды вспоминать много-

кратные наказы матери о важности выбора момента. Не теряя ни секунды, он, по-прежнему на корточках, продвигается к прилавку, так же решительно, как любой отмеченный смертью участник сражения, который, видя в небе трассирующие пули, принимает их за праздничный фейерверк по случаю его грядущего триумфа. Он уже на полпути к прилавку, когда задается вопросом: а не принял ли за шанс приманку?

Плохая ма может отступить на шаг, повернуться к нему и содрать с него кожу, как шкурку с банана, прежде чем он успеет сказать: *«О господи»*.

Но Кертис не останавливается, потому что он — Рой Роджерс без песен, Индиана Джонс без мягкой шляпы, Джеймс Бонд без мартини, героизма в нем не меньше, чем в главных героях 9658 фильмов, которые он просмотрел за два дня трехнедельного интенсивного культурологического курса перед посадкой на планету. Разумеется, с использованием метода прямой информационной загрузки мозга. Иначе переварить такие огромные объемы информации просто невозможно. По правде говоря, он чуть не очумел от всех этих фильмов, в голове у него уложилось далеко не все, и иной раз он путал реальность с фантазиями, которые видел на мысленном серебристом экране. Но поскольку фильмы воодушевили его невероятным ощущением свободы, пробудили в нем любовь к этому странному миру, он с радостью смирился с последствиями временного умственного дисбаланса, если уж это необходимая плата за два дня ни с чем не сравнимого удовольствия, к тому же несущего с собой массу точных и полезных сведений.

Киношные герои своим примером вдохновляют его, он добирается до прилавка и выпрямляется, не привлекая внимания плохой ма. Она по-прежнему стоит в дверном проеме, в одежде мертвой женщины и смотрит на заправочные колонки.

Окно за кассой тоже затуманено пылью, но Кертис видит «Флитвуд». Кэсс привалилась к борту, лицом к плохому па, и, похоже, не подозревает о грозящей ей и Полли опасности.

Две минуты прошло с того момента, как Полли через собаку получила его послание. Она, безусловно, уже готова действовать. И теперь от Кертиса требуется только одно: отвлечь охотников.

Забирая с прилавка пистолет, он замечает, что рядом лежит книга в обложке, роман любимого автора Гэбби, Норы Робертс.

Вероятно, ее читают все, но Кертис предполагает, что книга принадлежит кому-то из покойников, а не одному из киллеров, потому что мисс Робертс еще не приобрела межзвездной популярности.

Пистолет не поставлен на предохранитель. Он держит оружие в правой руке, левой поддерживает правую и тихонько приближается к входной двери, чтобы кассовый аппарат не загораживал от него плохую ма.

Киллер по-прежнему его не замечает.

Девять футов до двери. Восемь футов.

Он останавливается. Цель как на ладони.

Широко расставив ноги для лучшей устойчивости, правую чуть выдвинув вперед, наклонив вперед корпус, чтобы погасить отдачу, он тянет с выстрелом, потому что цель в дверном проеме выглядит ординарной женщиной, которую с такого расстояния пули разорвут в клочья. Кертис на девяносто девять процентов уверен, что она лишь на самую малость уязвимее тяжелого танка и совсем не женщина, не говоря уж про ординарность, и все же не может заставить себя нажать на спусковой крючок.

Один процент сомнений останавливает его, хотя мать всегда говорила: в жизни ни в чем нельзя быть абсолютно уверенным, и отказ действовать из-за отсутствия стопроцентной уверенности есть моральная трусость, которой нет оправдания. Он думает о Кэсс и Полли и теряется в бескрайних просторах одного процента сомнений, он задается вопросом: а вдруг мертвая женщина во внедорожнике — однояйцевый близнец той, что сейчас стоит к нему спиной. Эти сомнения нелепы, учитывая инопланетное транспортное средство, замаскированное под «корветт», учитывая сломанные шеи покойников. Однако мальчик стоит в этом чистилище нерешительности, потому что, пусть он и сын своей матери, и бок о бок с ней прошел жаркие битвы, и видел чудовищное насилие, он никогда раньше не убивал и, владея самыми разными видами оружия, никогда не стрелял в живое существо. И вот здесь, в маленьком магазинчике на перекрестке дорог, он вдруг открывает для себя, что убить, даже ради героической цели, труднее, чем предупреждала его мать, и значительно труднее в сравнении с тем, как убивают в кино.

То ли среагировав на запах, то ли предупрежденная интуицией, женщина, стоящая в дверном проеме, быстро поворачивает голову, так резко, что у человека точно хрустнули бы позвонки, и мгновенно узнает Кертиса. Ее глаза широко раскрываются, как открылись бы у удивленной женщины, она вскидывает руку, словно хочет прикрыться ею от пуль, как испуганная женщина, но в тот же самый момент ее выдает улыбка, совершенно неуместная в такой ситуации, хищная улыбка змеи, собравшейся заглотить толстую мышь, или оскал леопарда, изготовившегося к прыжку.

В знаменательный момент, когда решается, есть в тебе задатки бойца или нет, Кертис обнаруживает, что задатки у него есть, и немалые.

Он нажимает на курок раз, другой, отдача бросает его назад, но он не падает от яростного крика убийцы, не остается на месте, а приближается еще на шаг и стреляет снова, снова и снова.

Страх, что женщина — близнец той, которая мертвой лежит сейчас во внедорожнике, пропадает в тот самый момент, когда первая пуля вонзается в ее торс. Хотя человеческое тело неплохо служит в войнах этого мира, его физиология далеко не идеальна для воинов, и еще до того, как первая пуля вылетает из ствола, плохая ма начинает трансформироваться в нечто такое, чего Кертису не хотелось бы видеть сразу же после того, как он съел целый пакет попкорна с сыром и запил его банкой апельсинового «краша».

В первый момент киллер бросается на Кертиса, но он смертен, он не суперсущество, и хотя ярость тащит его в зубы смерти, хитрость и здравый смысл берут верх над слепой яростью.

Уже прыгнув на Кертиса, он задевает угол кабинки кассира и изменяет траекторию движению, бросившись на высокие полки с консервированными продуктами.

Из четырех, после первого, выстрелов Кертиса три достигают цели, вызывая яростные вскрики убийцы, который штурмует полки, как скалолаз. Бутылки, банки, коробки валятся на него лавиной, но киллеру они не помеха, и он прорывается к вершине, пусть четвертая пуля Кертиса попадает в цель, но пятая уже пролетает мимо.

Во время подъема киллер продолжает трансформироваться, превращаясь во что-то невероятное, демонстрируя весь арсенал самых разнообразных хищников: когти, клювы, шипы, рога, клыки. Руки хватают, щупальца извиваются, клешни щелкают, как острые ножницы, появляются новые отростки, чтобы тут же исчезнуть, уступая место другим, откуда-то вылезают хвосты, участки жесткой шерсти вдруг сменяются гладкой кожей, от всего этого биологического хаоса голова Кертиса идет кругом, замешательство, которое он испытал в ванной сестер, в сравнении с этим представляется забавным пустячком. На долю секунды зацепившись за вершину полок, замерев под светом флуоресцентных ламп, в множестве обличий и ни в одном, каждое обличье — ложь, трансформирующееся чудовище, возможно, то самое Чудовище, которое поэт Милтон назвал правящим принцем в «видимой тьме» ада, исчезает в центральном проходе.

Пусть смертный, убийца не умирает так легко, как отправился бы в мир иной Кертис, если бы охотник добрался до него первым. Душа любого зла жизнестойка, а в данном случае жизнестойко и тело. Его раны не заживают мгновенно, но они не столь опасны, чтобы киллер уснул вечным сном.

Кертису страшно не хочется поворачиваться спиной к раненому, но по-прежнему грозному противнику. Однако ничего другого не остается: Кэсс и Полли около заправочных колонок со вторым киллером. Им нечего противопоставить его жестокости. С пятью патронами, оставшимися в обойме, он должен отвлечь второго убийцу, чтобы дать сестрам шанс выйти из этой передряги живыми.

Не теряя ни секунды, расшвыривая банки, пакеты, коробки, свалившиеся с полок на пол, он спешит к открытой входной двери, молясь, чтобы двум его прекрасным спасительницам, очаровательным Золушкам в сандалиях с каблуками из прозрачного акрила, хрупким цветкам Индианы, не пришлось заплатить жизнью за проявленную по отношению к нему доброту.

Дизельное топливо текло в голодное брюхо «Флитвуда», а Эрл Бокман что-то бубнил о разнообразии блюд из макарон, замороженных и нет, которые он и Морин могли предложить покупателям. Тоном и манерами он напоминал не продавца, жаждущего облегчить карманы покупателя хотя бы на несколько долларов, а жалкого светского болтуна, свято верящего, что

предметом оживленного разговора может служить что угодно, за исключением перечня фамилий, приведенных в телефонном справочнике, хотя, возможно, он добрался бы и до них, прежде чем дизельное топливо заполнит бак.

Будь Кэсс преступницей или активным участником борьбы со звуковым загрязнением окружающей среды, она могла бы пристрелить Эрла и положить конец своим и его страданиям. Вместо этого она наблюдала, как сменяются цифры в окошечке счетчика древней колонки, и благодарила Бога, что за годы детства и девичества, проведенные в сельской части Индианы и в семье, друзья которой — сплошь преподаватели колледжа, выработала в себе высокую терпимость к скуке.

Грохот выстрела в магазине мгновенно оживляет ночь: не сам по себе, а впечатлением, произведенным на Эрла Бокмана. Кэсс не удивило, что он вздрогнул от неожиданности, как и она, но словом «сюрприз» невозможно описать ее последующую реакцию, когда она следила за изменениями лица Бокмана, происходящими во время четырех последующих выстрелов. Кэсс интуитивно догадалась, что он не вервольф, как понимала она этот термин раньше, что никакой он не продавец макаронных изделий. И если бы не восемь лет увлечения летающими тарелками и пришельцами с других планет, Кэсс, наверное, просто обезумела бы от ужаса при виде того, что происходило у нее перед глазами.

Она стояла, привалившись к борту «Флитвуда», сунув руку в большую сумку, висевшую на плече, и выпрямилась уже при первом выстреле. К тому времени, когда прогремел пятый выстрел, расколов воздух и эхом отразившись от борта «Флитвуда», а Эрл, куда только подевалась идиотская улыбка, активно трансформировался в машину убийства, Кэсс уже знала, что надо делать. И взяла быка за рога.

Левая рука появилась из сумки, сжимая рукоятку пистолета калибра 9 миллиметров, который она мгновенно перекинула в правую руку. Начала стрелять в Бокмана, который с каждым мгновением становился все уродливее, а левая рука вновь нырнула в сумку, чтобы вытащить из нее второй пистолет, идентичный первому, из которого Кэсс тут же открыла огонь, надеясь, что ни одна пуля не попадет в бензиновую колонку, не перебьет шланг для подачи дизельного топлива и не превратит ее в пылающий огненный факел, который мог бы произвести на зрителей куда большее впечатление, чем самый роскошный ее костюм на сценах Лас-Вегаса.

Выходя из дома на колесах с помповиком в руках, Полли услышала стрельбу и сразу поняла, что стреляют не по другую сторону «Флитвуда», а чуть дальше, скорее всего в магазине.

Благодаря взаимному давнишнему интересу к оружию, появившемуся после знакомства с историей Кастора и Поллукса, мифологических греческих воинов, в честь которых они получили свои имена, благодаря более позднему взаимному интересу к технике самозащиты и силовым единоборствам, возникшему после знакомства с нравами представителей высших эшелонов киноиндустрии, Полли и Кэсс путешествовали по дорогам Америки в полной уверенности, что при необходимости смогут постоять за себя.

Обегая «Флитвуд» спереди, Полли услышала канонаду более близких выстрелов. Сразу поняла, что стреляет Кэсс, поскольку за много лет привыкла к «голосам» ее пистолетов, которые частенько слышала на тренировках в тире.

Прибыв на место действа, с помповым ружьем наготове, Полли обнаружила, что ее сестра столкнулась с дорожной угрозой, которую, честно говоря, они предусмотреть никак не могли. Злой пришелец из послания Желтого Бока, высветившегося на дисплее лэптопа, вылезал из разорванной в клочья одежды Эрла Бокмана, метался между двумя бензиновыми заправками, отбрасываемый назад разрывными пулями калибра девять миллиметров, извивался и визжал от боли и ярости, бился, как вытащенная на берег рыба на усыпанной гравием площадке.

— С этим я разберусь,— процедила Кэсс ровным голосом, хотя лицо ее стало мертвенно-бледным даже в красно-янтарном свете рождественских гирлянд, глаза вылезали из орбит, словно у человека, страдающего самой тяжелой формой базедовой болезни, а волосы определенно требовали вмешательства расчески.— Кертис, должно быть, в магазине,— добавила она, прежде чем шагнуть к непредсказуемому мистеру Бокману.

В тревоге за Кертиса, спеша к двери в магазин, Полли успела взглянуть на ушедшего, судя по всему, из жизни владельца за-

правочной станции и магазина и решила, что высокий, лысый и занудный Эрл нравился ей больше. А вот эта постоянно меняющая очертания, извивающаяся, перекатывающаяся, дергающаяся, шипящая, пузырящаяся масса, а теперь, после того как Кэсс вновь открыла стрельбу, еще и начавшая вопить, вызывала желание позвонить в компанию по борьбе с вредными насекомыми и грызунами и вызвать ее представителей, вооруженных автоматами и огнеметами.

Собака, похоже, знала, о чем говорила.

Расшвыривая ногами валяющиеся на полу банки с консервированными фруктами и овощами, Кертис добирается до входной двери, чтобы увидеть, как второго киллера канонадой выстрелов отбрасывает в зазор между двумя бензиновыми колонками. Кэсс — он идентифицирует ее по большой сумке на плече — следует за ним с двумя пистолетами в руках, из стволов обоих вылетают языки пламени. Даже в десятимиллионном шоу в Лас-Вегасе она не могла выглядеть столь впечатляюще, пусть обнаженная и в головном уборе из перьев. Мальчик, правда, сожалеет, что он не видел хотя бы одного из этих представлений, и тут же краснеет от этого желания, хотя оно и указывает, что, несмотря на недавние проблемы, он все в большей степени превращается в Кертиса Хэммонда, становится человеком на более глубоком эмоциональном уровне, а это не может не радовать.

И тут же появляется Полли с помповым ружьем в руках, которая выглядит не менее эффектно, чем ее сестра, несмотря на то что тоже полностью одета. Увидев в дверях Кертиса, она с очевидным облегчением произносит его имя.

Может, он слышит облегчение там, где следовало услышать что-то более сердитое, потому что Полли, подходя ближе, вдруг поднимает помповое ружье двенадцатого калибра, целится ему в голову и что-то кричит.

Она, разумеется, имеет полное право злиться на него, это по его милости она и ее сестра оказались лицом к лицу с самыми жестокими убийцами во Вселенной, и он не будет винить ее за то, что она пристрелит его здесь и сейчас, хотя он ожидал встретить с ее стороны большее понимание, хотя ему очень не хочется умирать.

А потом слышит, что она кричит: «Ложись, ложись, ложись!»,— и понимает, чего от него требуют.

Мальчик бросается на землю, и она тут же начинает стрелять поверх него. Четырежды нажимает на спусковой крючок, прежде чем плохая ма, которую он только ранил, перестает кричать у него за спиной.

Поднимаясь на ноги, Кертис так зачарован видом Полли, достающей патроны из-за пазухи, прямо-таки фокусник, вытаскивающий голубей и цветные шарфы из цилиндра, что не сразу вспоминает о том, что надо бы оглянуться. Нечто — коронеру округа придется сильно напрячь мозги, чтобы составить внятное описание покойника,— лежит на полу у двери, среди банок, бутылок, коробок, усыпанное золотисто-оранжевой пылью раскрошившихся чипсов, хрустящих палочек и попкорна, вывалившихся из разнесенных в клочья пакетов.

— Есть тут еще эти чертовы твари? — жадно хватая воздух, спрашивает Полли, уже перезарядившая помповое ружье двенадцатого калибра.

— Их больше чем достаточно,— отвечает Кертис.— Но здесь нет, во всяком случае сейчас... пока нет.

Кэсс наконец-то добила второго киллера. Она присоединяется к сестре.

Такой растрепанной Кертис ее никогда не видел.

— Топливный бак, должно быть, полон,— говорит Кэсс и как-то странно смотрит на Кертиса.

— Должно быть,— соглашается он.

— Наверное, нам следует выметаться отсюда, и побыстрее,— предполагает Полли.

— Пожалуй,— соглашается Кертис, потому что у него, пусть ему и не хочется подвергать сестер опасности, оставаясь с ними, нет никакого желания продолжать путь на своих двоих, шагая по ночным прериям.— Но даже побыстрее может оказаться недостаточно быстро.

— Как только мы тронемся в путь,— говорит Кэсс,— тебе придется нам кое-что объяснить, Кертис Хэммонд.

Надеясь, что его не сочтут наглым, плюющим в глаза, неблагодарным, самодовольным, маленьким панком, Кертис отвечает:

— Вам тоже.

Глава 48

Кофеину и сахару, в большом количестве и в тандеме, вроде бы положено губить здоровье человека вообще и нарушать его сон в частности, но кока и пирожные магическим образом улучшили настроение Микки и совершенно не мешали тяжелеть векам.

Она сидела за кухонным столом, раскладывая пасьянс за пасьянсом, дожидаясь Лайлани. Не сомневалась, что девочка найдет способ до зари появиться в их трейлере, пусть ее отчим и прознал об их отношениях.

Без задержки, сразу по прибытии Лайлани, Микки намеревалась отвезти девочку к Клариссе в Хемет, несмотря на попугаев и риск. Для стратегии времени не оставалось, только для действий. И если Хемет окажется лишь первой остановкой в долгом и многотрудном путешествии, Микки соглашалась заплатить за это путешествие ту цену, которую с нее попросят.

Когда же тревога, злость, кофеин и сахар более не могли перебороть сонливость, когда у нее начала болеть шея, если она опускала голову на сложенные на столе руки, Микки принесла из гостиной диванные подушки и положила на пол. Ей хотелось быть рядом с дверью, чтобы сразу откликнуться на стук Лайлани.

Она сомневалась, что Мэддок вернется, но и не решалась оставить дверь открытой для Лайлани, потому что доктор Дум все-таки мог заявиться, только на этот раз со шприцем, наполненным дигитоксином или его эквивалентом, дабы совершить очередной акт милосердия.

В половине третьего утра Микки вытянулась на диванных подушках, чуть ли не упираясь головой в дверь, с намерением бодрствовать, но мгновенно заснула.

Сон ее начался с больничной палаты, где она лежала прикованная к постели и парализованная, одинокая и боящаяся своего одиночества, потому что ждала появления Престона Мэддока, который, пользуясь ее беспомощностью, мог подкрасться к ней и убить. Она звала медицинских сестер, проходивших по коридору, но все они были глухие и каждая с лицом матери Микки. Она звала и проходивших мимо врачей, которые подходили к открытой двери, чтобы взглянуть на нее. Врачи друг на друга не походили, зато свои лица позаимствовали у мужчин,

которые жили с ее матерью и в детстве проделывали с ней многое такое, о чем не хотелось вспоминать. Тишину нарушали только ее крики, приглушенное постукивание и свистки проходящего поезда, которые она слышала из ночи в ночь в тюремной камере. А потом сон в мгновение ока перенес ее из больничной палаты в вагон поезда, парализованную, но сидящую в купе в тревожном одиночестве. Перестук колес стал громче, периодические свистки локомотива уже не навевали мысли о похоронах, а напоминали жалостливый крик чайки, поезд набирал скорость, чуть раскачиваясь из стороны в сторону. Путешествие сквозь черноту ночи закончилось тем, что ее выгрузили из поезда на пустынной станции, где Престон Мэддок, наконец-то появившийся в ее сне, ждал с инвалидным креслом, в которое она обреченно и уселась, понимая, что теперь целиком находится в его власти. Шею его украшало ожерелье из зубов Лайлани. В руке он держал парик из длинных волос девочки. Когда Мэддок надел этот парик на голову Микки, белокурые пряди скрыли не только уши, но и лицо и полностью отключили ее органы чувств. Она оглохла, онемела, ослепла, более не различала никаких запахов, не могла определить, где находится и куда ее везут, ощущала только непрерывное движение инвалидного кресла, его покачивание, если одно из колес попадало в выбоину или на бугорок мостовой. Мэддок катил ее на встречу с судьбой, и сама она ничего не видела и не чувствовала.

Проснулась Микки теплым утром, дрожа от холода воспоминаний этого кошмарного сна. Свет за окном, а потом и часы подсказали ей, что уже тридцать или сорок минут как рассвело.

Поскольку спала она головой к запертой двери, то услышала бы самый тихий стук. Лайлани не приходила.

Микки поднялась с трех диванных подушек, сложила их горкой, отодвинула в сторону.

Взошедшее солнце придало ей храбрости. Она решилась открыть дверь, не боясь, что за нею ее может поджидать Мэддок. Переступила порог и остановилась на верхней из трех бетонных ступенек.

Соседний трейлер окутывала тишина. Сумасшедшая женщина не вальсировала во дворе. Над крышей с негромким гудением не висела летающая тарелка, как хотелось бы Мэддоку.

Три вороны полетели на запад, пернатые трудяги, решившие начать очередной день с посещения оливковой рощи или городской свалки, но ни одна не обкаркала Микки, поднимаясь со штакетин, как в прошлый вечер, когда она шла мимо них к пролому в заборе.

С ворон взгляд Микки опустился на розовый куст, весь в шипах, с редкими жалкими листочками, который словно смеялся над Дженевой, никак не реагируя на ее заботу. С кустом произошли разительные перемены: среди голых, ощетинившихся шипами веток расцвели три огромные белые розы, на лепестках которых в лучах солнца поблескивали капельки утренней росы. Розы, покачиваясь, приветствовали наступление нового дня.

Микки спустилась с бетонных ступенек, в недоумении пересекла двор.

Многие годы куст и не думал цвести. Вчера днем сквозь лес шипов не проглядывало ни одного бутона, не говоря уже о трех.

Осмотр с близкого расстояния показал, что розы выросли в другом месте, пусть и на территории трейлерного парка. Каждый цветок крепился зеленой ленточкой к этому представителю растительности Адского сада, который каким-то образом вырос на земле.

Лайлани.

Девочке каким-то образом все-таки удалось выскользнуть из дома, но она не постучала, а это могло означать только одно: Лайлани потеряла всякую надежду на то, что кто-либо сможет ей помочь, и ей не хотелось навлекать гнев Мэддока на головы Микки и Дженевы.

Эти три розы, очень красивые, выбранные с особой тщательностью, были не просто подарком, они несли в себе послание Лайлани. Своим белым, зацелованным солнцем великолепием они говорили: «Прощайте».

В ужасном настроении, словно раздираемая всеми шипами розового куста, Микки отвернулась от послания, которое не могла принять, и направилась к соседнему трейлеру, уже заранее предчувствуя, что никого там не найдет.

Пересекла лужайку, миновала пролом в заборе, который разделял два участка, и только тогда поняла, что сдвинулась с места. А уж до двери черного хода соседей просто добежала.

Торопливо постучала, пусть и не придумала благовидного предлога для визита в обитель Мэддока и Синсемиллы. Стучала так долго и сильно, что ей пришлось потереть сведенные болью костяшки пальцев о ладонь другой руки. За дверью ничего не изменилось, из трейлера не донеслось ни звука, словно она не стучала вовсе.

Как прежде, окна были закрыты шторами. Микки посмотрела направо, налево в надежде увидеть шевеление ткани, свидетельство того, что за ней наблюдают, что в доме кто-то есть.

Когда она постучала вновь, но ей никто не ответил, она взялась за ручку. Не заперто. Дверь открылась.

На кухне Мэддоков утро еще не наступило, тяжелые шторы не желали пропускать свет. Даже с открытой дверью и солнечными лучами, устремившимися в дверной проем вместе с Микки, тени не желали отдавать завоеванное.

Часы с подсветкой, самое яркое пятно в кухне, словно не крепились к стене, а каким-то чудом висели в воздухе, часы судьбы, отсчитывающие мгновения, оставшиеся до смерти. Она ничего не слышала, кроме едва уловимого мурлыкания их механизма.

С порога Микки крикнула: «Привет! Есть тут кто-нибудь? Кто дома? Привет!»

Ответа не последовало, и Микки вошла в дом.

Подумала о том, что это ловушка. Она сомневалась, что Мэддок затаился в тишине и темноте, чтобы огреть ее молотком по голове. Но она, безусловно, вошла без спроса в чужой дом, и ее могли обвинить в воровстве, если бы полиция, вызванная Мэддоком, неожиданно подъехала и обнаружила ее в чужом трейлере. Поскольку одна судимость у нее была, за второй дело бы не стало.

Перестав притворяться, что она ищет кого-то еще, а не девочку, теперь она позвала Лайлани и, нервничая, двинулась дальше. Грязные шторы, ободранная мебель, вытертый ковер впитывали ее голос столь же эффективно, что и задрапированные стены и бархатная обивка мебели похоронного бюро. С каждым шагом пространство вокруг нее сжималось, вызывая приступ клаустрофобии.

Сдающиеся в аренду трейлеры с обстановкой находились на самом краю финансового спектра. И на неделю их зачастую

снимают жильцы, которые с большим трудом наскребают деньги, чтобы в пятницу внести требуемую сумму. Соответственно, и мебель в таких трейлерах дышала на ладан, а жильцы никогда и ничем не украшали свой временный дом: ни сувенирами, ни безделушками, ни дешевенькими, в десять долларов, настенными репродукциями.

В кухне и гостиной Микки не увидела ничего такого, что принадлежало Мэддокам и указывало бы на то, что они здесь жили. Рожденный в богатстве, привыкший к хорошим вещам, доктор Дум мог бы заплатить за президентский люкс в отеле «Риц-Карлтон», однако предпочел подобные «апартаменты». Тот факт, что он арендовал трейлер на неделю, называя себя Джорданом Бэнксом, не просто доказывал, что в эти дни он старался не высовываться, но свидетельствовал о его стремлении оставить как можно меньше, а то и вообще никаких доказательств того, что он путешествовал в компании Лайлани и ее матери, чтобы в будущем, когда их пути разойдутся, никто и ничто не могло бы связать их воедино.

Жалкое жилище, пренебрежение к условиям жизни жены, когда не составляло труда значительно их улучшить, однозначно указывали, что причины, по которым Престон Мэддок женился на Синсемилле, не имели ничего общего с любовью или с желанием иметь свою семью. Что побудило его жениться, оставалось загадкой, и возможно, в своих предположениях Лайлани и близко не подходила к истинным мотивам этого.

Поход в спальни и ванну требовал больше смелости, а может, глупости, чем для того, чтобы войти через дверь черного хода. Ночных теней, спрятавшихся от зари, затаившихся по углам, дожидаясь заката, который вновь отдаст им весь мир, в этих помещениях было больше, чем в первых двух. И хотя она везде зажигала лампы, они, казалось, боялись теней, освещая только маленький пятачок под собой.

В ванной не обнаружилось ни зубных щеток, ни бритвенных принадлежностей, ни пузырьков с лекарствами, ничего такого, что могло бы говорить о присутствии жильцов.

В меньшей из спален она нашла пустой шкаф, пустые ящики комода и тумбочки, смятые простыни на кровати.

В большой спальне дверцы шкафа оставили открытыми. На перекладине висели пустые вешалки.

А вот на полу, напротив двери, стояла бутылка лимонной водки. Полная. Закупоренная.

Как только бутылка попалась на глаза Микки, ее начало колотить, и отнюдь не от желания выпить.

Увидев оставленный Лайлани подарок, Мэддок каким-то образом догадался, что Микки обязательно придет сюда. И умышленно не запер дверь черного хода.

Должно быть, он специально съездил в работавший круглосуточно супермаркет, чтобы купить эту бутылку, в полной уверенности, что Микки обязательно заглянет во все комнаты. Этот насмешник даже не поленился прикрепить наклейку-бантик к горлышку бутылки.

Короткого разговора с ней, нескольких минут, проведенных в ее спальне, Мэддоку вполне хватило, чтобы понять, с кем он имеет дело.

Обдумывая проницательность Мэддока, Микки пришла к выводу, что перед ней Голиаф, против которого бессильна и праща. Дрожь, начавшаяся при виде бутылки, усилилась, когда она вспомнила, что сейчас Лайлани едет с этим человеком в одном доме на колесах, едет навстречу смерти, которую назовут исцелением, едет к безымянной могиле, в которой будет гнить ее тельце, даже если душа поднимется к звездам. И ей не смогут помочь ни правоохранительные органы, ни надежда.

Оставляя бутылку, Мэддок как бы говорил Микки, что он не испытывает страха перед нею, что полагает ее слабой, неудачливой, абсолютно предсказуемой.

Определив Микки в потенциальные самоубийцы и назначив себя ее советником в этом деликатном деле, он пребывал в убеждении, что ей не требуется особой помощи, чтобы пойти в направлении, указываемом бутылкой, и уничтожить себя, пусть на это уйдут и годы.

Она покинула трейлер, не прикоснувшись к бутылке.

Снаружи слишком яркое утро слепило глаза, острое, как горе, и все в этот августовский день выглядело резким, хрупким, ломким, все, от фарфорового неба до земли под ногами, которая могла разверзнуться от грядущего землетрясения. Почему нет? Дайте только время, уйдет все: и небо, и земля, и зажатые между ними люди. Она не испытывала страха перед смертью, для встречи с которой родилась, но теперь, чего раньше с ней не

случалось, боялась, что эта встреча состоится до того, как ей удастся выполнить задание, ради которого и появилась на этой земле, ради которого — она поняла это сейчас — и все остальные увидели этот свет: привнести надежду, веру и любовь в жизни других.

Все то, чему не научили ее двадцать восемь лет страданий, чему она упрямо отказывалась учиться, несмотря на тяжелейшие удары судьбы, открылось ей менее чем за три дня общения с девочкой-калекой, учение которой зиждилось на двух столпах: радости, неугасимой радости, которую вызывал у нее мир, сотворенный Господом, и вере, непоколебимой вере, что ее жизнь, пусть и хаотичная, тем не менее имела смысл и цель, даже если видеть их могли далеко не все. Урок, полученный Микки от опасного юного мутанта, ясный и простой, теперь, когда она стояла на бурой земле, где не столь уж давно Синсемилла танцевала с луной, потряс ее до глубины души: никому из нас не спасти себя, все мы — инструмент в спасении других, и единственно надеждой, которую мы даем другим, нам удастся поднять себя из темноты к свету.

Тетя Джен, в пижаме и шлепанцах, стояла во дворе. Она нашла прощальные розы.

Микки побежала к ней.

Развязывая зеленую ленту, освобождая одну из белых роз, Дженева исколола руки шипами. Капельки крови сливались друг с другом. Но она этого не замечала, и боль, отразившуюся на ее лице, вызвали не раны, а смысл послания Лайлани, который не укрылся от нее, как не укрылся он и от Микки.

Когда их взгляды встретились, им пришлось тут же отвести глаза, тетя Джен посмотрела на розовый куст, Микки — на пролом в заборе, потом на зеленую ленту, зеленое на зелени травы, наконец, на свои трясущиеся руки.

Дар речи вернулся к ней быстрее, чем она ожидала.

— Как называется это место?

— Какое место? — переспросила тетя Джен.

— В Айдахо. Где человек заявил, что его излечили инопланетяне.

— Нанз-Лейк,— без запинки ответила тетя Джен.— Лайлани говорила, что это произошло в Нанз-Лейк, штат Айдахо.

Глава 49

Хула-герлс*, хула-герлс, вращающиеся бедра, развевающиеся юбки из полиэстра. Вечно улыбающиеся, с черными сверкающими глазами, приглашающе протянутыми руками, танцуя, они могли бы стереть тазобедренные суставы в пыль, будь это человеческие суставы, из кости. Но нет, их бедренные кости и вертлужные впадины сработали из особо прочного, долговечного, стойкого к истиранию пластика.

Лайлани понравилось латинское название вертлужной впадины, acetabulum, не столько из-за магического звучания, как потому, что оно не вязалось с частью человеческого тела, которую обозначало. Скорее ацетабулумом могла называться одна из субстанций, которые Синсемилла курила, вдыхала, заглатывала, вводила в вены с помощью огромных ветеринарных шприцов, запекала в булочки, пожираемые ею десятками, или использовала для их введения другие отверстия человеческого организма, о чем лучше не упоминать. Но на самом деле слово acetabulum означало закругленную впадину в неподвижной кости, которая вместе с бедренной костью (по-латыни — femur, опять же, похоже на дикого кота, а на деле — всего лишь кость) образовывала тазобедренный сустав. Поскольку Лайлани никогда не испытывала желания стать врачом, эта информация не могла принести ей никакой пользы. Но в голове девочки хранились огромные запасы бесполезной информации, что, по ее мнению, помогало не забивать голову более полезной, но навевающей тоску и пугающей информацией, для которой в противном случае освободилось бы место.

Обеденный стол, за которым она сидела, читая книгу в обложке, роман-фэнтези, служил танцплощадкой для трех пластиковых хула-герлс, высота которых варьировалась от четырех до шести дюймов. У всех были одинаковые юбки, но верхние части фигурок отличались как цветом, так и формами.

У двух грудь была небольшой, зато у третьей — внушительные буфера, аккурат такими Лайлани намеревалась обзавестись

* Гавайский танец, исполняется женщинами под барабанный бой и пение, характерен ритмичными движениями бедер и другими эротичными па и пантомимическими движениями рук; хула-герлс — исполнительницы этого танца.

к шестнадцати годам благодаря позитивному мышлению. Все три конструировались и изготовлялись с таким расчетом, чтобы малейших вибраций, передающихся дому на колесах при движении по дороге, хватало для того, чтобы они изгибались в танце.

Еще две хула-герлс танцевали на маленьком столике между двумя креслами в гостиной, еще три — на столе у дивана, который стоял напротив кресел. На кухонном столе место ценилось как нигде больше, но на нем расположились аж десять танцовщиц. Танцевали они и в ванной, и в спальне.

Хотя большинство из них заставляла двигаться простенькая система противовесов, некоторые работали на батарейках, то есть продолжали без устали танцевать, даже когда дом на колесах останавливался на заправку или на ночь. Синсемилла верила, что непрерывно кружащиеся в танце статуэтки генерируют положительные электромагнитные волны, а уж эти волны защищали дом на колесах от столкновений, поломок, угонов, от встречи с черной дырой, аналогичной той, что расположилась в Бермудском треугольнике, утягивая в себя все, что попадало в зону притяжения. Синсемилла настаивала, чтобы в каждом помещении в любой момент танцевали как минимум две статуэтки.

Ночью, на софе в гостиной, Лайлани иногда убаюкивал ритмичный шепот извивающихся бедер и шелест юбок. Но гораздо чаще она затыкала уши подушкой, чтобы отсечь этот звук и подавить желание бросить маленьких танцовщиц в кастрюлю, поставить ее на плиту и вдохнуть запах плавящегося пластика. Все свои воображаемые действия она описала в поэме, которую хранила в памяти. Называлась поэма «Трансформация опасного юного мутанта в богиню Гавайских вулканов».

В те не столь уж редкие вечера, когда непрерывный шум танцующих статуэток раздражал Лайлани, большущее, диаметром в семь футов, лицо, нарисованное на потолке в гостиной, над ее раскладным диваном, иногда помогало уснуть. Добрый гавайский бог Солнца, чуть фосфоресцирующий в темноте, смотрел на нее сонными глазами, с застывшей на губах улыбкой.

В их доме на колесах хватало и других гавайских мотивов. Изготовили этот дом по высшему классу, индивидуальный проект, на базе автобуса «Превост», использующегося для междугородных пассажирских перевозок. Синсемилла окрестила их жилище «Макани оли-оли», что в переводе с гавайского означало «Легкий ветерок», не самое удачное название для транспортного средства, вес которого переваливал за пятьдесят две тысячи фунтов. С тем же успехом слону можно было дать кличку Пушок. «Легкий ветерок» становился самым большим домом на колесах в любом трейлерном парке, куда они сворачивали, чтобы провести ночь или день-другой. Увидев его, дети от изумления раскрывали рты. Пожилые любители путешествий, которых всегда заботили радиусы разворота и оптимальные траектории подъезда к соединительным узлам инженерных коммуникаций, бледнели, как молоко или магнезия, если ситуация складывалась так, что им предстояло парковать свои скромные «Уиннебейго» или «Эйрстримы» под боком этого монстра. Многие воспринимали его как левиафана, испытывая негодование или параноидальный ужас.

Дорогу «Легкий ветерок», конечно же, держал уверенно, мчался вперед, как банковский сейф на колесах. Приводимые в движение вибрацией, хула-герлс танцевали, но всегда томно покачиваясь, без дергания. И Лайлани могла читать роман о злых свинолюдях из другого измерения, не боясь, что ее укачает.

Она так привыкла к танцовщицам, что они не отвлекали ее от книги.

То же самое она могла сказать и о ярких гавайских тканях обивки кресел и стульев. А вот кто сильно отвлекал ее, так это Синсемилла и доктор Дум, которые занимали кресла в кабине.

Они что-то задумали. Разумеется, это было их естественное состояние, они родились только затем, чтобы что-то задумывать, как пчелы рождаются, чтобы делать мед, а бобры — строить плотины.

Как истинные заговорщики, говорили они тихо, практически шепотом. А поскольку на борту «Легкого ветерка» компанию им составляла только Лайлани, у последней сложились обоснованные подозрения, что заговор плетется против нее.

И конечно же, речь шла не о такой простенькой игре, как «Найди ортопедический аппарат» или что-то в этом роде. Такие игры заранее не планировались, они начинались спонтанно, если представлялась возможность, и в зависимости от суб-

станций, которыми заправилась дорогая маман. А кроме того, мелкие пакости, какими бы жестокими они ни были, доктор Дум не жаловал, его интересовало только кардинальное решение проблемы.

Время от времени Синсемилла тайком бросала взгляд на Лайлани или поворачивалась к ней в кресле второго пилота. Лайлани делала вид, что не замечает ее телодвижений. Если мать случайно встретилась бы с ней взглядом, она могла воспринять сие как приглашение учинить девочке небольшую пытку.

Но больше, чем взгляды, Лайлани нервировали пронзительные смешки матери. Синсемилла смеялась часто, возможно, семьдесят или восемьдесят процентов времени, которое пребывала в сознании, что обычно свидетельствовало о ее веселом настроении, девичьем желании позабавиться, но иной раз смех этот преследовал ту же цель, что перестук погремушек гремучей змеи — предупреждал о нападении. Хуже того, по ходу этого долгого разговора не раз и не два шептание прерывалось не менее пронзительным смехом доктора Дума, что на памяти Лайлани случилось впервые. И от его смеха кровь леденела ничуть не меньше, чем от глаз Чарльза Мэнсона, поблескивающих от веселья.

Они мчались на восток по автостраде 15, приближаясь к границе Невады, далеко углубившись в сверкающую под солнцем пустыню Мохаве, когда Синсемилла покинула кабину и присоединилась к Лайлани за столом.

— Что читаешь, беби?

— Фэнтези,— ответила девочка, не отрываясь от книги.

— О чем?

— О злобных свинолюдях.

— Свинки не злобные,— поправила ее Синсемилла.— Свинки — нежные, добродушные существа.

— Это не те свиньи, которых мы знаем. Они из другой реальности.

— Люди злобные, не свинки.

— Не все люди злобные,— возразила Лайлани, защищая себе подобных, и наконец оторвалась от книги.— Мать Тереза не злобная.

— Злобная,— настаивала Синсемилла.

— Хейли Джоэль Осмент не злобный. Он милый.

— Мальчик-актер? Злобный. Мы все злобные, беби. Мы — раковая опухоль этой планеты.— Когда Синсемилла произносила эти слова, на ее губах играла, должно быть, та самая улыбка, которую видели врачи, пропуская через ее мозг достаточно мегаватт, чтобы зажарить яичницу на лбу.

— И потом, они — свинолюди. Не просто свиньи.

— Беби, Лайлани, поверь мне. Если скрестить свинку и человека, естественная доброта свинки обязательно пересилит злобу человека.

Свинолюди не могут быть злобными. Они хорошие.

— Эти свинолюди — отъявленные мерзавцы,— не сдавалась Лайлани, гадая: а случались ли в истории человечества философские дискуссии, сродни тем, что начинала ее мать? Насколько она знала, Платон и Сократ не вели диалога о нравственности и мотивах свинолюдей из других реальностей.— Эти конкретные свинолюди,— девочка постучала пальцем по книжке,— выпустят тебе кишки своими клыками, как только ты попадешься им на глаза.

— Клыками? Так они скорее кабаны, чем свинки.

— Они свиньи,— заверила ее Лайлани.— Свинолюди. Злобные, отвратительные, грубые, упрямые, грязные свинолюди.

— Кабанолюди.— Говорила Синсемилла с той серьезностью, которую люди приберегают для сообщения о чьей-то безвременной кончине.— Они тоже не могут быть злобными. И свинолюди, и кабанолюди должны быть хорошими. Так же как обезьянолюди, курицелюди, собаколюди и любой вид, получившийся в результате скрещивания человека и животного.

Лайлани очень хотелось достать свой дневник и занести в него этот разговор изобретенным ею стенографическим шифром, дабы мать не смогла догадаться о том, что она пишет.

— В этом романе нет никаких курицелюдей, мама. Это *литература.*

— С твоим умом тебе бы читать что-нибудь познавательное, а не книжки про свинолюдей. Может, ты уже достаточно взрослая, чтобы почитать Бротигана.

— Я его уже прочитала.

На лице Синсемиллы отразилось удивление.

— Прочитала? Когда?

— До рождения. Ты читала его и тогда, снова и снова, и я усвоила эту книгу через плаценту.

Синсемилла восприняла ее слова на полном серьезе и обрадовалась. Более того, просияла.

— Круто. Это круто.— И тут же на ее лице проступили лисьи черты, словно, спровоцированная полной луной, она начала превращаться в хитрую рыжую бестию.— *Хочешь узнать секрет?*

Вопрос встревожил Лайлани. Грядущее откровение, несомненно, имело отношение к оживленному перешептыванию ее матери и псевдоотца на пути от Санта-Аны к Сан-Бернардино, к прожаренному солнцем Барстоу, к Бейкеру и дальше. Все, что их радовало, не могло стать хорошей новостью для Лайлани.

— *Я прямо сейчас делаю маленькую свинку,*— прошептала Синсемилла.

Должно быть, на каком-то уровне Лайлани сразу поняла, о чем ведет речь Синсемилла, но просто не могла заставить себя это осознать.

Всматриваясь в бесстрастное лицо дочери, Синсемилла отказалась от шепота и заговорила медленно, словно что-то растолковывая тупице:

— *Я делаю... маленькую свинку... прямо сейчас.*

Лайлани не смогла изгнать из голоса отвращение.

— О господи.

— На этот раз я намерена все сделать правильно,— заверила ее Синсемилла.

— Ты беременна.

— Два дня тому назад я воспользовалась домашним тестом для определения беременности. Вот почему я купила тинги, моего маленького змеиного дружка,— она указала на левую руку, на которой место укуса закрывала пластинка бактерицидного пластыря.— Купила себе в подарок за то, что забеременела.

Лайлани поняла, что она мертва. Она еще дышала, но ее уже приговорили к смерти, причем казнь со следующего февраля перенесли на гораздо более ранний срок. Она не знала, почему так произошло, почему беременность матери уменьшала число отпущенных ей дней, но не сомневалась в том, что может доверять своей интуиции.

— Когда ты повела себя с бедной тинги как ребенок,— продолжила Синсемилла,— я подумала, что это дурной знак. Убив тинги, ты, возможно, принесла мне беду, я, возможно, уже не была беременна. Но вчера я проверилась еще раз и...— она похлопала себя по животу,— свинка по-прежнему в клетке.

Тошнота вызвала внезапный прилив слюны во рту Лайлани, девочке едва удалось ее проглотить.

— Твой папочка, Престон, давно этого хотел, но раньше я не была готова.

Лайлани качнуло вперед, в сторону водительского кресла, в сторону Престона Мэддока.

— Видишь ли, беби, мне требовалось время, чтобы понять, почему у тебя и Луки не развились экстрасенсорные способности, хотя я дала вам все, что могла, чудесный поток прекрасных психоделиков постоянно поступал из моей крови в вашу, пока вы выпекались в материнской духовке.

Обратная сторона опущенного щитка, предохраняющего глаза от солнечных лучей, служила зеркалом. Даже с расстояния шестнадцати или восемнадцати футов Лайлани могла разглядеть, как взгляд Мэддока то и дело перемещается с дороги на зеркало, в которое он видел ее и Синсемиллу.

— А потом до меня дошло: я должна пользоваться только натуральными продуктами! Да, я получала пейот, ты знаешь, из кактуса, и я получала псилоцибин, из грибов. Но к ним добавляла чуточку ДМТ и в достатке ЛСД, а это уже синтетика, Лани, беби, сделанная людьми.

Боль пульсировала в деформированной руке Лайлани. Она осознавала, что обеими руками она изгибает книгу, которую читала.

— Экстрасенсорные способности идут от Геи, видишь ли, от самой Земли, она живая, и если ты настраиваешься с ней на одну волну, беби, она преподносит тебе подарок.

Не отдавая себе отчета в том, что делает, Лайлани сорвала с книги обложку, смяла несколько страниц. Отложила книгу в сторону, сжала левую, сведенную болью руку правой.

— Но, беби, как можно настроиться на одну с ней волну, если ты смешиваешь хорошие натуральные галлюциногены, такие как пейот, с дерьмом, изготовленным в химических лабораториях, вроде ЛСД? Вот в чем была моя ошибка.

Мэддок хотел зачать ребенка с Синсемиллой, прекрасно зная и полностью отдавая себе отчет в том, что во время беременности она будет в больших количествах принимать галлюциногены, таким образом практически гарантируя появление на свет младенца с врожденными дефектами.

— Да, все пошло наперекосяк из-за синтетического дерьма. Теперь я прозрела. На этот раз я намерена ограничиться только травкой, пейотом, псилоцибином... только натуральными, цельными продуктами. И у меня точно родится чудесный ребенок.

Доктор Дум не был также и мистером Сентиментальность. Он не плакал на годовщинах каких-либо печальных событий или когда смотрел мелодрамы. Лайлани не могла представить его играющим с детьми, читающим детям сказки, общающимся с детьми. Желание иметь ребенка вообще, не именно от этой насквозь пропитавшейся наркотиками женщины, совершенно не вязалось с его характером. Его мотивы были такими же загадочными, как отражения глаз, которые она видела сейчас в зеркале на обратной стороне щитка.

Синсемилла взяла со стола книгу и продолжила, расправляя смятые страницы:

— Поэтому, если Гея улыбнется нам, у нас будет не один чудесный ребенок. Два, три, может, и целый помет.— Она озорно улыбнулась и подмигнула Лайлани.— Может, я просто свернусь на одеяле в углу, как настоящая маленькая сучка, а все мои маленькие щенята будут ползать по мне, тянуться крохотными голодными ротиками к всего двум грудям.

Всю свою жизнь Лайлани прожила в холодных приливах глубокого, странного моря, которое звалось Синсемиллой, борясь с подводными течениями, грозившими утащить ее на дно, сражаясь с ежедневными штормами и ураганами, словно была матросом с потерпевшего крушение корабля, отчаянно цепляющимся за держащийся на воде спасательный плот или бревно, прекрасно понимая, какие страшные, жаждущие ее смерти существа кружат под водой. Эти девять лет, насколько она себя помнила, ей удавалось приспосабливаться ко всем сюрпризам и ужасам, которыми потчевало ее это море. И хотя она не потеряла уважения к смертоносной мощи стихийной силы, именуемой Синсемиллой, хотя всегда держалась настороже, готовясь

к тайфунам, которые могли налететь в любую секунду, ее способность приспосабливаться к обстоятельствам помогла избавиться от значительной доли страха, который она испытывала, будучи маленькой девочкой. Когда неизвестность — основа существования, она более не ужасает, а когда девять лет изо дня в день ты сталкиваешься со странностями, возникает уверенность, что удастся достаточно хладнокровно и адекватно отреагировать на любую неожиданность.

Только второй раз за последние годы и первый после того, как Престон и Лукипела уехали на «дуранго» в предвечерние леса Монтаны, Лайлани охватил страх, что на этот раз ей не вывернуться, не кратковременный ужас, который она испытала, когда ее атаковала змея, но тяжелый, прилипчивый страх, многочисленными щупальцами сдавивший горло, сердце, низ живота. Эта новая странность, этот иррациональный и дикий план вынашивания чудо-детей, подорвал уверенность в том, что она сможет когда-нибудь понять свою мать, предчувствовать, какие еще безумства можно ждать от Синсемиллы, и справиться с ними, как справлялась всегда.

— Помет? — переспросила Лайлани.— Все твои щенки? О чем ты говоришь?

Разглаживая смятые страницы книги, глядя на свои руки, Синсемилла ответила:

— Я принимала таблетки, повышающие способность к воспроизведению потомства. Не потому, что они нужны мне, чтобы родить одну маленькую толстенькую свинку.— Она улыбнулась.— Я плодовита, как крольчиха. Но иногда, с помощью этих таблеток, в корзине может сразу оказаться много яиц, ты рожаешь двойню, ты рожаешь тройню, может, и больше. Войдя в гармонию с Матерью-Землей посредством пейота, волшебных грибов и натуральных трав, возможно, я смогу убедить старушку Гею помочь мне родить сразу трех или четырех чудо-детей, одномоментно наполнить гнездышко розовыми вопящими суперкрохами.

Хотя Лайлани давно постигла истинную сущность этой женщины, она так и не могла подобрать одно слово, которое характеризовало бы ее лучше других. Она отстранялась от матери, называя ее *слабой и эгоистичной*, считая, что причина всего — наркотическая зависимость, прибегая к таким расплывчатым

терминам, как тревожная мнительность, умственное расстройство, даже безумие. Синсемилла, несомненно, подпадала под все эти определения, но при этом была гораздо хуже, гораздо в меньшей степени заслуживала сочувствия, чем любая наркоманка или женщина, у которой не все в порядке с головой. Теперь же Лайлани осознала, что прекрасную, наделенную природой ясными синими глазами, которые при встрече с твоими смотрели так же прямо, как глаза ангела, не знающие ни вины, ни стыда, и ослепительной улыбкой, способной очаровать закоренелого циника, Синсемиллу в большей степени, чем другие, характеризовало только одно слово: *зло*.

По многим причинам до этого момента Лайлани не хотела признавать, что ее мать не просто сбившаяся с пути истинного особь, но также гнусная, подлая, прогнившая до основания. Все эти годы она мечтала об исправлении Синсемиллы, о том дне, когда у них возникнут нормальные отношения матери и дочери-мутантки, но истинное зло, зло чистой воды, исправлению не поддается. А если признать, что ты произошла от зла, что ты — его плоть от плоти, что тебе остается думать о себе, о собственном черном потенциале, о своих шансах на добропорядочную, пристойную, полезную обществу жизнь? Что тебе остается думать?

Так же как в тот день, когда она потеряла Луки, Лайлани разрывали страх и душевная боль. Она дрожала от осознания того, сколь тонка нить, на которой повисла ее жизнь, но так же старалась сдержать слезы горя. Здесь, теперь, она лишилась последней надежды, что когда-нибудь ее мать станет обычной, нормальной женщиной, последней надежды, что Синсемилла, полностью исправившись, сможет облагодетельствовать ее материнской любовью. Она ощущала себя круглой дурой, за то что лелеяла такую наивную, такую невозможную крохотную мечту. В этот самый момент Лайлани трясло не только от страха, но и от жуткого одиночества. Ее словно вывезли в глухой лес, где и бросили на съедение дикому зверью.

Она презирала собственную слабость, которую выдала дрожь в голосе: «Почему? Почему дети, с чего дети? Только потому, что он их захотел?»

Ее мать оторвала глаза от книжки, пододвинулась к Лайлани и повторила мантру, которую сочинила, чтобы выразить удовлетворенность собой, когда пребывала в хорошем настроении: «Я — озорная кошечка, я — летний ветерок, я — птичка в полете, я — солнце, я — море, я — это я!»

— И что это означает? — спросила Лайлани.

— Это означает... кто еще, как не твоя мать, может принести в этот мир новую человеческую расу, человечество, связанное с Геей?

Я буду матерью будущего, Лани, новой Евой.

Синсемилла в это верила. Ее лицо сияло, глаза сверкали в предвкушении чуда, творцом которого ей предстояло стать.

Мэддок, конечно же, не мог сколько-нибудь серьезно воспринимать весь этот бред, потому что был кем угодно, но только не идиотом. Насчет злости — да, он имел полное право вышивать на полотенцах это слово вместо фамильного герба, тут он ничуть не уступал Синсемилле. Как, впрочем, и в самовлюбленности. Но вот в глупости его никто бы не упрекнул. Он не мог поверить, что зародыши, девять месяцев, от зачатия до рождения, купающиеся в галлюциногенной ванне, станут сверхлюдьми, первыми поднимутся на новую ступень эволюционной лестницы. Он хотел детей по своим, только ему ведомым причинам, преследовал загадочную цель, отнюдь не стремясь стать новым Адамом или просто отцом многочисленного семейства.

— Чудо-дети появятся в конце апреля, в начале мая,— говорила Синсемилла.— Я залетела где-то месяц назад. Я уже инкубатор, выращивающий чудо-детей, которые изменят мир. Их время придет, но сначала ты.

— Что, я?

— Излечишься, глупенькая.— Синсемилла поднялась из-за стола.— Станешь здоровой, нормальной, красивой. Это единственная причина, по которой мы четыре последних года мотаемся по всей стране, от Техаса до Мэна, не говоря уже про Арканзас.

— Да, излечусь, совсем как Луки.

Синсемилла не расслышала сарказма. Она улыбнулась и кивнула, словно ожидала, что Луки, исцеленный от всех недугов и уродств, спустится к ним на левитационном луче, когда они в следующий раз остановятся, чтобы перекусить.

— Твой папочка говорит, что произойдет это очень скоро. У него предчувствие, что в Айдахо мы встретим инопланетян, которые с радостью займутся тобой. Он говорит, что предчувствие очень сильное, он просто уверен, что до твоего излечения осталось совсем ничего.

И ходячий инкубатор направилась к холодильнику, чтобы запить пивом закуску из кактусов и грибов, потчевать себя которой не забывала все утро.

Возвращаясь к креслу второго пилота, она потрепала Лайлани по волосам.

— Скоро, беби, ты превратишься из тыквы в принцессу.

Как бывало обычно, сказки перепутались в голове у Синсемиллы. Тыква превращалась в карету Золушки. Маман вспомнила историю лягушки, которая стала принцем, а не принцессой.

Хула-танцовщицы крутили бедрами, юбки развевались.

Солнечный бог на потолке.

Синсемилла, хихикающая в кресле второго пилота.

Зеркало. Глаза Престона.

За панорамным ветровым стеклом сверкала бескрайняя пустыня Мохаве, и солнечный свет, казалось, собирался в озера расплавленного песка на ее равнине.

В Нанз-Лейк, штат Айдахо, какой-то человек заявил, что его излечили инопланетные врачи.

В лесах Монтаны Лукипела ждал свою сестру на дне могилы. Уже не ее любимый брат, а кормушка для червей, улетевший к звездам, но улетевший навсегда.

Когда она и Престон останутся одни в глубине леса, как он остался наедине с Луки, когда их никто не будет видеть, когда перестанет главенствовать власть закона, проявит ли он сострадание, убивая ее? Прижмет ли к лицу тряпку, пропитанную хлороформом, чтобы усыпить, а уж потом сделает смертельный укол, избавляя от страданий? Или под кронами вечнозеленых великанов, куда редко проникает солнечный свет, Престон станет другим человеком, кардинально изменится, превратится в чудовище, признается, что ему доставляет удовольствие не проявление милосердия, как он объявлял во всеуслышание, а само убийство?

Лайлани прочитала ответ в глазах хищника, который наблюдал за ней, глядя в зеркало на обратной стороне щитка. Благопристойное убийство, обставленное как ритуал, на манер чайной церемонии, вроде убийства коллекционировавшей пингвинов Тетси, не утоляло жажды Престона к насилию, но в уединении леса он мог ни в чем себе не отказывать. Лайлани знала: если она окажется наедине с псевдоотцом в каком-либо пустынном месте, ее смерть, так же как смерть Лукипелы, будет трудной, долгой, мучительной.

Он женился на Синсемилле частично потому, что в наркотическом ступоре она больше напоминала мертвую, чем живую, а смерть возбуждала Престона, как красота возбуждает других мужчин. Более того, у нее были двое детей, которые, согласно философии Престона, нуждались в смерти, а потому его тянуло к ней и стремление дать детям то, в чем они нуждались. И так ли загадочно его желание иметь новых детей? Престон не раз и не два говорил, что смерть никакая не трагедия, а всегда — естественное событие, потому что мы все рождаемся для того, чтобы умереть, рано или поздно. Со своей колокольни видел ли он существенную разницу между детьми, родившимися, чтобы умереть, как мы все, и детьми, зачатыми, чтобы умереть?

Глава 50

Где-то еще Калифорнийская мечта могла поблескивать глянцем, но здесь она выцвела, полиняла, облупилась. Когда-то это была тихая жилая улица, но со временем ситуация изменилась. Бунгало и двухэтажные дома, построенные в испанском стиле, в свое время красивые и ухоженные, теперь нуждались в покраске, побелке, ремонте. Тут и там Микки видела отвалившуюся штукатурку и провалившиеся половицы крыльца. Некоторые жилые дома снесли, на их месте выросли кафе быстрого обслуживания и мини-маркеты. Эти коммерческие предприятия тоже знавали лучшие дни. Бургеры продавали сети, не рекламирующие свой товар по телевидению, салоны красоты сами нуждались в подновлении, магазины торговали секонд-хэндом.

Припарковавшись у тротуара, Микки заперла дверцы. Обычно она не волновалась из-за того, что ее старенький «камаро»

могут угнать, но качество других развалюх говорило о том, что в этом районе кто-то может и не устоять перед искушением.

В окне по левую руку от входной двери узкого дома горела синяя неоновая вывеска: «Гадание по ладони», в правом — сияло оранжевым светом очертание человеческой руки, яркостью перебивающее солнечный свет. Скрипучие половицы крыльца вели к синей двери с нарисованным на ней мистическим глазом и к наружной лестнице, поднимающейся по южной стене дома, скорее всего не являвшейся частью исходного проекта. Скромная табличка указывала, что офис частного детектива располагается на втором этаже.

Дом стоял среди огромных фирмиан платанолистных*, одна из которых своей кроной накрывала ступени.

Дерево не обрезалось много лет. Переплетенные сухие ветви грозили опасностью пожара жильцам и могли служить идеальным пристанищем для живущих на деревьях крыс.

Поднимаясь к верхней площадке, Микки слышала шуршание грызунов, карабкающихся по вертикальным туннелям, словно они следовали за ней, не выпуская из вида.

Когда никто не ответил на звонок, Микки постучала. Когда не ответили на стук, вновь нажала на кнопку звонка.

Наконец, в награду за настойчивость, дверь открыл высокий, широкоплечий, интересный мужчина с грустными глазами. В кроссовках, брюках и гавайской рубашке. Чисто выбритый.

— Вы — женщина, у которой возникли какие-то проблемы,— с ходу заявил он,— но я больше этим не занимаюсь.

— Может быть, я из окружного управления по борьбе с грызунами и пришла поговорить о крысиной ферме, которую вы устроили на этом дереве.

— Тогда вы напрасно растрачиваете свой талант.

Ожидая продолжения в лучших традициях Ф. Бронсон, Микки огрызнулась:

— Да? И как мне вас понимать?

— Это не оскорбление, если вы вдруг обиделись.

— Не оскорбление? Значит, талант? Вы думаете, мне следует сменить профессию, или что?

* Разновидность пальмы.

— Это не ваш уровень. Я хотел сказать, вы можете дать пинка и тем, кто побольше крысы.

— Вы — частный детектив?

— Раньше был. Как я и сказал, контора закрыта.

Она не позвонила заранее, поскольку опасалась, что до ее приезда он наведет справки и узнает о нулевом состоянии ее финансов. Но, прибыв на место, поняла, что большинство клиентов частного детектива не из тех, кому «Американ экспресс» предлагает платиновые кредитные карточки.

— Я — Микки Белсонг. Я не работаю в управлении по борьбе с грызунами, но с крысами у вас точно проблема.

— Как и у всех,— ответил он, и каким-то образом ему удалось показать, что речь он ведет не о длиннохвостых грызунах.

Он уже начал закрывать дверь, но Микки успела поставить ногу на порог.

— Я не уйду, пока вы не выслушаете меня... или не сломаете мне шею и сбросите вниз.

Он вроде бы обдумывал второй вариант, разглядывая ее шею.

— Вам следует нести слово Иисуса, от двери к двери. К четвергу весь мир был бы спасен.

— Вы очень помогли одной женщине, которую я знала. Она попала в отчаянное положение, не могла много заплатить, но вы ее здорово выручили.

— Как я понимаю, вы тоже не можете много заплатить.

— Часть наличными, часть — распиской. Мне потребуется время, чтобы полностью расплатиться с вами, но если я этого не сделаю, то сама переломаю себе ноги, чтобы избавить вас от лишних хлопот.

— Какие это хлопоты. Мне, скорее всего, понравится. Но дело в том, что я больше не частный детектив.

— Женщину, которой вы помогли, звали Уинетта Дженкинс. Она тогда сидела в тюрьме. Там я с ней и познакомилась.

— Конечно. Я ее помню.

Уинетта позаботилась о том, чтобы ее шестилетний сын, Дэнни, жил с ее родителями, пока она будет сидеть в тюрьме. Но через неделю после того, как женщина начала отбывать срок, ее бывший муж, Вин, забрал ребенка к себе. Правоохранительные органы вмешиваться отказались, потому что Вин был законным отцом ребенка. При этом он крепко пил, поко-

лачивал жену, а иной раз и сына, поэтому Уинетта знала, что ребенок будет жить в страхе, который останется с ним на всю жизнь. О Фарреле она услышала от другой заключенной и убедила родителей обратиться к нему. В течение двух месяцев Фаррел предоставил полиции убедительные доказательства преступной деятельности Вина. Того арестовали, осудили и забрали у него Дэнни, после чего мальчик вновь отправился к родителям Уинетты. Они потом говорили, что Фаррел взялся за это дело, не сулившее никакой прибыли, потому что оно касалось попавшего в беду ребенка, а Фаррел, похоже, очень любил детей.

— Маленькую девочку убьют, если я ей не помогу,— проговорила Микки, не убирая ногу с порога.— А одна я ей помочь не сумею.

Эти слова произвели эффект, обратный тому, на который она рассчитывала. Безразличие на лице детектива сменилось яростью, правда, направленной не на Микки.

— В этом случае я вам как раз и не нужен. Обратитесь к настоящим копам.

— Они мне не поверят. Это необычный случай. А девочка... она особенная.

— Они все особенные.— Голос бесстрастный, почти холодный, но в глазах детектива Микки увидела боль, а не ярость и вдруг поняла, что Фаррел старается скрыть от нее какую-то личную трагедию.— Вам нужны именно копы. Я знаю. Сам был одним из них.

— Я только что вышла из тюрьмы. Отчим девочки, отъявленный сукин сын, богат и имеет хорошие связи. И его высоко ценят, главным образом, идиоты, но идиоты, чье мнение принимается в расчет. Даже если бы я пошла к копам и они отнеслись к моим словам серьезно, я бы не смогла убедить их действовать достаточно быстро, чтобы помочь девочке.

— Я ничего не могу для вас сделать,— упорствовал он.

— Вы слышали мои условия,— не отступала и Микки.— Или вы меня выслушаете... или сбросите с лестницы. А если попытаетесь сбросить, вам понадобится «бактрин», пластырь и сидячая ванна для ваших яиц.

Он вздохнул.

— Негоже так напирать на меня, леди.

— Ничего другого мне не остается. Но я рада слышать, что вы видите во мне леди.

— Не могу понять, какого черта я открыл дверь,— мрачно пробурчал он.

— Должно быть, надеялись, что вам принесут цветы.

Он отступил в сторону.

— Какой бы ни была ваша история, изложите ее побыстрее. В детали не углубляйтесь.

— Я постараюсь.

Гостиная служила ему и офисом. Слева стояли стол, два стула для клиентов, бюро. Справа — единственное кресло перед телевизором. У кресла — журнальный столик и торшер. Голые стены. Книги, наваленные по углам.

Мебель определенно покупалась на распродажах. Дешевый ковер заметно вытерся. Однако комната сияла чистотой, и в воздухе стоял легкий лимонный запах воска для мебели. Здесь мог жить монах, который на дух не переносил грязь и неопрятность.

За одной из дверей виднелась кухня. Вторая, закрытая, вероятно, вела в спальню и ванную.

Фаррел сел за стол, Микки расположилась на одном из жестких, с прямой спинкой стульев для клиентов, настолько неудобном, что его могли бы использовать и в камере пыток.

Когда Микки позвонила в дверь, детектив работал за столом, на компьютере. Тихонько гудел вентилятор. Дисплей она видеть не могла.

В самом начале одиннадцатого Фаррел уже пил пиво. На столе стояла открытая банка «Будвайзера». Сев за стол, он вновь приложился к ней.

— Ранний ленч или поздний завтрак? — полюбопытствовала Микки.

— Завтрак. Чтобы прибавить респектабельности в ваших глазах, скажу, что крекеры я уже съел.

— Я знакома с этой диетой.

— Если вам все равно, давайте обойдемся без светской беседы. Расскажите мне вашу грустную историю, раз уж это столь необходимо, и позвольте мне вернуться на заслуженный отдых.

Микки замялась, ей хотелось сразу захватить внимание Фаррела, поэтому она вспомнила пророческие слова тети Джен, произнесенные не так уж и давно.

— Иногда жизнь человека может измениться к лучшему в один момент, разом, словно по мановению волшебной палочки. Кто-то необычный входит в твою жизнь, совершенно неожиданно, и разворачивает тебя в новом направлении, изменяет навсегда. С вами когда-нибудь такое случалось, мистер Фаррел?

Он поморщился.

— Вы уже несете слово Иисуса.

Микки постаралась без лишних слов рассказать историю Лайлани Клонк, Синсемиллы и псевдоотца, ищущего инопланетных целителей.

Не забыла и о Лукипеле, который отправился к звездам.

О том, что псевдоотец — Престон Мэддок, не упомянула, опасаясь, что Фаррел восхищается убийцей ничуть не меньше, чем Ф. Бронсон. Она также боялась, что, услышав эту достаточно известную фамилию, он откажется наотрез.

Пока Микки говорила, Фаррел не раз и не два смотрел на дисплей, словно ее история отвлекала его от какого-то важного дела, подробности которого высвечивались на экране.

Он не задавал вопросов, не выказывал ни малейшего интереса. Иногда откидывался на спинку, закрывал глаза, расслабляясь. Создавалось ощущение, что он спит. Случалось, что лицо его каменело, и он так пристально смотрел на Микки, словно терял терпение и действительно собирался сбросить ее с лестницы, невзирая на обещание незваной клиентки сопротивляться до последнего.

В один из таких моментов он резко поднялся.

— Чем дольше я слушаю, тем больше убеждаюсь, что не гожусь для этого дела. Ничего бы у меня не получилось, даже если бы я еще работал. Я даже не понимаю, чего вы от меня хотите.

— Я как раз к этому подхожу.

— Да, я полагаю, вы будете настаивать на том, чтобы к этому подойти. Тогда, чтобы дослушать вас до конца, мне потребуется пиво. Вам принести?

— Нет, благодарю.

— Я думал, вы знакомы с этой диетой.

— Больше на ней не сижу.

— С чем я вас и поздравляю.

— Я уже потеряла все годы, которые могла позволить себе потерять.

— А я, похоже, еще нет.

Фаррел ушел на кухню, и в сердце Микки начал закрадываться страх, что ее визит к детективу не принесет результата. Она наблюдала, как Фаррел достал из холодильника банку пива, открыл, выпил пару унций, поставил банку на стол, разбавил оставшееся в банке пиво виски.

Вернувшись к столу, но не присаживаясь за него, Фаррел, похоже, вибрировал от распиравшей его ярости, к которой рассказ Микки определенно не имел ни малейшего отношения. Так он и заговорил, стоя, холодно, скорее устало, чем зло, не скрывая внутреннего напряжения:

— Вы напрасно тратите мое и свое время, миссис Белсонг. Мое, конечно, многого не стоит. Если вы соблаговолите подождать, пока я воспользуюсь туалетом, это прекрасно. Или готовы уйти прямо сейчас?

Она едва не ушла. Безразличие Ноя Фаррела к ее горю свидетельствовало о том, что помощи от него ждать не приходится.

Но она осталась на стуле, потому что боль в его глазах противоречила нарочитому безразличию. На каком-то уровне она зацепила его, пусть он и не хотел ввязываться в это дело.

— Вы меня еще не дослушали.

— К тому времени, как я вас дослушаю, мне понадобятся трансплантаты барабанных перепонок.

Выходя из гостиной, он закрыл за собой дверь в спальню-ванную. Банку сдобренного виски «Будвайзера» унес с собой.

Скорее всего, в туалет ему не хотелось, и уж конечно, он мог обойтись без второй банки утреннего пива. То были поводы прервать рассказ и смягчить отказ. Обреченность Лайлани произвела на него впечатление, в этом Микки не сомневалась. Вот Фаррел и стремился к тому, чтобы не дать этому впечатлению убедить его, что он должен прийти на помощь.

По своему горькому опыту Микки знала, как здорово помогает алкоголь, если приходится принимать решение, несовместимое с моральными принципами, и требуется немного понизить порог чувствительности совести, дабы та не мешала принимать дурно пахнущее решение. Она разгадала стратегию детектива.

Фаррел не собирался возвращаться, не выпив крепленный дозой виски «Будвайзер». А вернувшись, он, скорее всего, прошествовал бы на кухню за третьей банкой, прежде чем сесть за стол. В таком состоянии ему было бы проще отделаться от Микки, он бы смог убедить себя, что дурно пахнущее решение — единственно верное.

Если бы она не знала о душевности Фаррела, проявившейся в деле Уинетты, то давно бы ушла.

Но у нее не гасла искорка надежды, потому что Ной Фаррел не привык пить по утрам, а может, и вообще не злоупотреблял спиртным в любое время дня и ночи. Доказательством того, что с выпивкой он не водит близкого знакомства, служило его стеснительное обращение с банкой пива: сначала отодвинул ее в сторону, словно она позорила его, потом нервно схватил, провел пальцем по ободу, щелкнул ногтем по стенке, будто проверяя, сколько осталось содержимого. Не чувствовалось той небрежности, легкости движений, которая сразу отличала профессионала от любителя.

Долгая история знакомства со спиртным убеждала Микки, что попытки дальнейшего давления на Фаррела не приведут к желаемому результату и это один из тех случаев, когда отступление... и особый подход...— оптимальный вариант действий. Ей требовался его опыт, потому что она не могла позволить себе другого детектива и рассчитывала только на доброту, которую он проявил, помогая Уинетте. Тем более что и на этот раз на кону стояло благополучие ребенка.

Среди прочего на столе лежали блокнот и ручка. Как только за Фаррелом закрылась дверь, Микки схватила и то и другое, чтобы написать:

«Отчим Лайлани — Престон Мэддок. Почитайте, что сказано о нем в Интернете. Он убил одиннадцать человек. Сейчас он представляется Джорданом Бэнксом, но женился под своей фамилией. Где они поженились? Доказательства? Кто такая Синсемилла? Как доказать, что у нее был сын-инвалид? Время на исходе. Интуиция подсказывает: девочка умрет максимум через неделю. Свяжитесь со мной через мою тетю, Дженеву Дэвис».

Ниже она записала телефон тети Джен и положила блокнот на стол.

Из сумочки достала триста долларов двадцатками. Это все, что она могла ему заплатить. Если говорить честно, она не могла позволить себе столь большую сумму, но резонно рассудила, что за такие деньги он, возможно, почувствует себя обязанным хоть что-то сделать.

Ее охватили сомнения. Конечно, он мог потратить задаток и на пиво. У нее было слишком мало денег, чтобы рискнуть десятью долларами, не то что тремястами.

Одна особенность, подмеченная Микки в Фарреле, убедила ее положить деньги на блокнот и прижать их ручкой. Злоупотреблял он выпивкой или нет, его мучили внутренние демоны, и это, по разумению Микки, характеризовало Фаррела с положительной стороны. Она понятия не имела, какая утрата или неудача стала причиной появления этих демонов, но по личному опыту знала, что такие люди по натуре добры и отзывчивы и попытаются изгнать демонов, если в нужный момент протянуть им руку помощи.

Прежде чем уйти, Микки обошла стол, чтобы взглянуть на дисплей. Просмотрев текст, поняла, что перед ней часть статьи, посвященной эпидемии сострадательных убийств, совершенных медицинскими сестрами, которые полагали себя ангелами смерти.

Холодок, вызванный скорее изумлением, чем страхом, пробежал по спине Микки, когда она вдруг осознала значимость момента, в который судьба свела ее с Фаррелом. Тетя Джен часто говорила, что совпадения на самом деле точно расположенные элементы большого мозаичного полотна, увидеть которое целиком не дано никому из нас. Теперь Микки почувствовала, что это полотно действительно существует, сложное, огромное и загадочное.

Покидая квартиру, она осторожно закрыла за собой дверь, словно воровка, уносящая украденные драгоценности, пока жертва спала сладким сном.

Торопливо спустилась по укрытым тенью пальмы ступеням.

Нарастающая жара летнего дня разморила крыс. Затихшие и невидимые, они дремали в норах, устроенных средь засохших ветвей.

Глава 51

Благодаря прямой информационной загрузке мозга Кертис знает, что в штате Нью-Джерси средняя плотность населения около тысячи ста человек на квадратную милю, в Неваде — меньше пятнадцати человек на квадратную милю, причем в основном эти люди сосредоточены вокруг Лас-Вегаса и Рено, игорных столиц Америки, а следовательно, и всего мира. Десятки тысяч квадратных миль из 110 тысяч, составляющих площадь штата, безлюдны, от пустынь на юге до гор на севере. Основная продукция штата: игральные автоматы, оборудование для казино, аэрокосмическая техника, золото, серебро, картофель, лук и полуголые танцовщицы. В «Парне из Карсон-Сити»* мистер Рой Роджерс, с помощью незаменимого мистера Гэбби Хейса, успешно преследует убийцу-картежника, но фильм этот 1940 года, нравы тогда были более пуританскими, поэтому на экране нет женщин с голой грудью. Если бы мистер Роджерс и мистер Хейс и дальше совершали героические поступки, они, несомненно, попытались бы разобраться, что происходило в «Зоне 51», знаменитого района Невады, закрытого военными для посещений, где, по слухам, обнаружили пришельцев, то ли живых, то ли мертвых, вместе, само собой, с космическим кораблем, но фактически творились куда более странные и страшные дела. Так или иначе, значительная часть Невады безлюдна и загадочна, поэтому ночные поездки по ней — занятие не для слабонервных.

От автозаправки и магазина, расположенных на перекрестке федеральных дорог, где трупы настоящих ма и па припрятаны за спинкой заднего сиденья внедорожника, где два изрешеченных пулями существа непонятного происхождения лежат на гравии автозаправки и на полу магазина, чтобы до смерти перепугать тех, кто их найдет, шоссе 93 уходит на север и не пересекается ни с одной мощеной дорогой до встречи с шоссе 50, в тридцати милях от Эли.

Ведя «Флитвуд» по пустынной дороге, выжимая из него максимум скорости, а может, и того больше, Полли принимает решение не сворачивать на восток по шоссе 50, которое ведет к границе штата Юта.

---

* Административный центр штата Невада.

На западе лежит Рено, с населением более 150 тысяч человек. В такой толпе можно и затеряться. Но между перекрестком и Рено — триста тридцать миль шоссе 50, проложенных по полузасушливым горам, то есть таким местам, где один мальчик и две шоу-герлс, пусть и хорошо вооруженные шоу-герлс, могут исчезнуть навсегда.

Луна садится, темнота сгущается, а Полли везет их на север, по шоссе 93. Еще 140 миль, и пересечение с автострадой 80. В ста семидесяти семи милях к западу лежит Уиннимакка, где в 1900 году Буч Кэссиди* и Малыш Санданс ограбили Первый национальный банк. В ста восьмидесяти пяти на восток стоит Солт-Лейк-Сити, где Кертису хотелось бы послушать мормонский хор «Табернакл», выступающий в самом большом в мире зале с куполом без центральных опор**.

Кэсс, сменив Полли за рулем, продолжает гнать «Флитвуд» на север, по шоссе 93, потому что настроение у сестер не туристическое. В шестидесяти восьми милях впереди лежит Джекпот, штат Невада, за которым — граница с Айдахо.

— Там мы заправимся и поедем дальше,— говорит Кэсс.

Сидя в кресле второго пилота, Кертис признает наличие прокола в имеющейся у него информации.

— Я ничего не знаю о городе, называющемся Джекпот.

— Это в общем-то и не город,— объясняет Кэсс.— Просто место на дороге, где люди выбрасывают свои деньги.

— По религиозным мотивам? — удивляется Кертис.

— Если только можно поклоняться колесу рулетки,— доносится из гостиной голос Полли, которая отдыхает на диване в

---

* Кэссиди, Буч (1866–1937?) — американский гангстер. Настоящее имя Робер Лерой Паркер. Родился и вырос на ранчо в Юте среди мормонов. В юношестве попал в тюрьму за кражу. После выхода из тюрьмы в 1890 году сменил имя и организовал банду «Дикая кучка», весьма преуспевшую в грабежах поездов и банков. Банду удалось разгромить агентству Пинкертона. Сам Кэссиди и его ближайший друг, Малыш Санданс, бежали в Южную Америку, где их следы затерялись.

** «Табернакл» — знаменитый молельный дом мормонов — здание куполообразной формы, вмещающее несколько тысяч человек. В нем находится один из крупнейших в мире органов и выступает всемирно известный хор «Табернакл», в составе которого около четырехсот человек. Хор исполняет произведения классического репертуара и часто совершает гастрольные поездки.

компании Желтого Бока. Ответов она не получает, но продолжает шепотом задавать вопросы собаке. К Кертису обращается нормальным голосом: — Джекпот — это пятьсот гостиничных номеров и два казино, плюс два первоклассных бара-ресторана, где за шесть баксов можно есть сколько влезет, а вокруг сотни акров голой земли. После пристойного обеда и банкротства не составит труда найти укромное местечко, пообщаться с природой, а потом в приятном уединении вышибить себе мозги.

— Может, поэтому,— предполагает Кертис,— так много людей на ранчо Ниари покупали знаменитую в тех краях бабушкину приправу из черных бобов и кукурузы. Возможно, они намеревались воспользоваться ею в Джекпоте.

Полли и Кэсс молчат. Первой голос обретает Кэсс:

— Знаешь, Кертис, до меня редко не доходит, о чем, собственно, речь. Но тут ты точно поставил меня в тупик.

— И меня тоже,— добавляет Полли.— Я и представить себе не могу, о чем ты толкуешь.

— На ферме Ниари с тележки для сена продавали прохладительные напитки, футболки и еще много чего,— объясняет Кертис.— Реклама приправы гласила, что она «достаточно острая, чтобы чисто снести голову», хотя лично я сильно сомневаюсь, что любой метод обезглавливания — чистый процесс.

Близняшки вновь молчат, достаточно долго, чтобы «Флитвуд» успел проехать четверть мили.

На этот раз первой голос подает Полли:

— Ты — странный мальчик, Кертис Хэммонд.

— Мне уже говорили, что я не совсем в порядке, слишком хорош для этого мира и глупый Гамп,— признает Кертис,— но я уверен, что как-нибудь смогу приспособиться.

— Я вот подумала о «Человеке дождя»,— говорит Кэсс.

— Хороший фильм! — восклицает Кертис.— Дастин Хоффман и Том Круз. Вы знаете, что у Тома Круза в друзьях серийный убийца?

— Я этого не знала,— честно признается Полли.

— Парень, которого звать Верн Таттл, возрастом годящийся вам в дедушки, коллекционирует зубы своих жертв. Я слышал, как он говорил с Томом Крузом в зеркале, но я был так напуган, что не понял, то ли это зеркало — коммуникационное устройство, связывающее его с Томом Крузом, как зеркало, которым пользовалась злая королева в «Белоснежке и семи гномах», то ли обычное зеркало. В любом случае мистер Круз, я в этом уверен, не знает, что Верн Таттл — серийный убийца, потому что, если бы знал, обязательно поставил в известность полицию. Какой ваш любимый фильм с участием Тома Круза?

— «Джерри Магвайер»,— отвечает Кэсс.

— «Лидер»,— отвечает Полли.

— А какой ваш любимый фильм с участием Хэмфри Богарта?

— «Касабланка»,— хором отвечают близняшки.

— Мой тоже,— соглашается с ними Кертис.— А с Кэтрин Хепберн*?

— «Женщина года»,— Кэсс.

— «Филадельфийская история»,— Полли.

Но это мнение не окончательное, потому что, чуть подумав, обе приходят к общему выводу: «Воспитывая ребенка».

Вот так они и мчатся сквозь ночь, беседуя как добрые друзья, не касаясь ни стрельбы у магазина на перекрестке дорог, ни убийц-трансформеров, ни собаки, которая воспользовалась лэптопом, чтобы предупредить Полли о присутствии злых пришельцев.

Кертис не обманывает себя: его быстро совершенствующееся мастерство общения не сможет навсегда отвлечь сестер от этих злободневных тем. Кастория и Поллукса — не дуры, рано или поздно они потребуют объяснений.

Более того, учитывая, с какой уверенностью они держались в стычке на перекрестке, скорее всего, они потребуют объяснений, когда сочтут, что готовы к этому разговору. И тогда ему придется решать, какую долю правды он может им открыть. Они друзья, и ему претит лгать друзьям. Однако чем больше они будут знать, тем большей будут подвергаться опасности.

Залив полный бак в Джекпоте, не заглянув ни в один из баров-ресторанов, не став свидетелями ни одного самоубийства, они пересекли границы штата Айдахо и продолжили путь на север до города Туин-Фолс**, окруженного пятьюстами тыся-

* Хепберн, Кэтрин (р. 1909) — выдающаяся актриса театра и кино (не путать с Одри Хепберн), четырежды лауреат «Оскара».

** Город, расположенный рядом с двумя водопадами с перепадом высот 55 м на р. Снейк.

чами акров прекрасных сельскохозяйственных угодий, орошаемых водами реки Снейк. Кертис много чего знает об этих местах и истории города, о районе «Волшебная долина», о выходах лавы на поверхность к северу от реки Снейк и в очередной раз изумляет сестер глубиной своих познаний.

С населением более чем двадцать семь тысяч человек, Твин-Фолс предлагает хоть какое-то, но прикрытие. Энергетический сигнал, излучаемый мальчиком, здесь менее заметен в сравнении с любым местом, где он побывал после того, как в Колорадо стал Кертисом Хэммондом. Здесь ему спокойнее, но до полной безопасности еще ой как далеко.

До зари два часа, когда Кэсс паркует «Флитвуд» в кемпинге.

Ночь без отдыха и долгая дорога берут свое, хотя сестры выглядят такими красивыми и желанными для ночного дежурного, помогающего подсоединить дом на колесах к инженерным коммуникациям, что слюна чуть ли не течет у него по подбородку.

Кертису спать нет нужды, но он имитирует зевок, когда сестры раскладывают ему диван в гостиной и стелют постельное белье. Желтый Бок в последнее время узнала о темной стороне гораздо больше, чем следует знать любой собаке, и после стрельбы у магазина заметно нервничает. Сон определенно пойдет ей на пользу, а Кертис сможет разделить ее сны, размышляя о том, как жить дальше.

Готовя Кертису постель, сестры включают телевизор. На всех центральных каналах главная тема — погоня за наркобаронами, вооруженными самым современным оружием. Наконец государственные органы подтверждают смерть трех агентов ФБР в перестрелке на стоянке грузовиков в Юте.

Еще трое получили там ранения.

С канала на канал циркулируют слухи о еще более яростном сражении в реконструированном городе-призраке, к западу от стоянки грузовиков.

Но представители ФБР и военных отказываются от комментариев.

Более того, федеральные ведомства предоставляют столь мало информации о случившемся, что у телевизионщиков просто нет фактов. Поэтому эфирное время, отведенное этой теме, заполняется мнениями, страхами, гипотезами и догадками.

Власти не предоставили ни фотографий разыскиваемых наркобаронов, ни их фотороботов, сделанных полицейскими художниками, тем самым подведя некоторых репортеров к выводу, что государство не знает, за кем охотится.

— Идиоты,— говорит Полли.— Никаких наркобаронов нет, есть только злые пришельцы. Так, Кертис?

— Так.

— Феды* ищут только тебя...

— Да.

— ...потому что ты видел этих инопланетян и слишком много знаешь...

— Да, именно так.

— ...или они ищут и самих пришельцев?

— Ну, думаю, они ищут и меня, и их.

— Если они знают, что ты жив, почему запустили историю о том, что наркобароны убили тебя в Колорадо? — удивляется Полли.

— Я не знаю.— Мать учила его, что в любой «легенде» возможны нестыковки, и, вместо того чтобы находить объяснение каждой из них, создавая тем самым новые противоречия, куда проще лишний раз выразить собственное недоумение. Только лжецы знают ответы на все вопросы, а вот недоумение — свидетельство искренности.— Просто не знаю. Это лишено смысла, не так ли?

— Если бы они сказали, что ты выжил,— добавляет Кэсс,— то могли бы передать твою фотографию средствам массовой информации, и тогда тебя искала бы вся страна.

— Я сам ничего не могу понять.— Кертиса мучает совесть, потому что он лжет, но он и гордится тем, как удачно применил на практике материнский совет, взял под контроль ситуацию, которая могла бы вызвать подозрения.— Действительно не понимаю. Понятия не имею, почему они так поступили. Странно, не правда ли?

Сестры обмениваются одним из сине-лазерных взглядов, по которым передаются мегабайты информации.

Результатом становится диалог, который заставляет глаза Кертиса метаться от одной близняшки к другой. Начинает Полли, засовывая простыню под диванные подушки.

---

* Разговорное прозвище агентов ФБР.

— Что ж, сейчас...

— ...не время...— продолжает Кэсс.

— ...разбираться...

— ...со всеми этими инопланетянами...

— ...и тем, что произошло...

— ...на автозаправочной станции.— Кэсс надевает на подушку наволочку.— Мы слишком устали...

— ...в голове сейчас слишком много тумана...

— ...чтобы соображать, что к чему...

— ...а в тот момент, когда мы сядем, чтобы обговорить случившееся...

— ...хотелось бы иметь ясную голову...

— ...потому что у нас есть много...

— ...вопросов. Вся эта история...

— ...очень уж странная,— ставит точку Полли.

А Кэсс спешит продолжить:

— Мы не хотели...

— ...говорить об этом в дороге...

— ...потому что нам надо подумать...

— ...свыкнуться с тем, что произошло.

Вновь сестры обмениваются телепатическим взглядом, позволяющим им общаться без помощи слов, потом все четыре синих глаза смотрят на Кертиса. Он чувствует, будто его сканируют электронным лучом объемного томографа столь совершенной конструкции, что на дисплее компьютера появляются не только его артерии и внутренние органы, но все секреты и истинное состояние души.

— Мы поспим восемь часов,— говорит Полли,— а потом все обсудим за ранним обедом.

— Может, к тому времени,— говорит Кэсс,— прояснится многое из того, что сейчас ставит в тупик.

— Может, да, а может, и нет,— отвечает Кертис.— Если что-то ставит в тупик, само по себе это проясниться не может.

Так уж получается, знаете ли, что всегда есть какие-то вопросы, на которые нет ответов, вот я и думаю, что лучше оставлять все, как есть, и двигаться дальше, вместо того чтобы стоять на месте и биться лбом о закрытые ворота.

Парализованный силой двойного синего взгляда, Кертис обдумывает только что сказанное им, и его слова, прокручиваясь

в голове, уже не кажутся ему столь убедительными, как в тот момент, когда он их произносил.

Он улыбается, потому что его мать учила: улыбка может достигнуть результата там, где слова потерпели неудачу.

Даже если бы он продавал доллары за десятицентовики, сестры вроде бы не идут на сделку. Во всяком случае, ответных улыбок он не видит.

— Лучше поспи, Кертис,— говорит Полли.— Одному Богу известно, что нас ждет, но в любом случае нам надо отдохнуть, чтобы встретить грядущее во всеоружии.

— И не открывай дверь,— предупреждает Кэсс.— Система охранной сигнализации не различает, откуда ее пытаются открыть, снаружи или изнутри.

Они слишком устали, чтобы прямо сейчас обсуждать с ним недавние события, но позаботились о том, чтобы он не ускользнул, не предоставив им шанса с пристрастием допросить его.

Сестры удаляются в спальню.

В гостиной Кертис ныряет под простыню и тонкое одеяло. Собаку еще не искупали, но мальчик все равно приглашает ее на диван, где она и сворачивается калачиком поверх одеяла.

Используя силу воли против материи, на микроуровне, где победа остается за силой воли, он может отключить охранную сигнализацию. Но он должен дать сестрам хотя бы несколько честных ответов и не хочет оставлять их в полном замешательстве.

А кроме того, в этом трудном и смертельно опасном путешествии он наконец-то обрел друзей. Ему еще не удалось в совершенстве овладеть навыками общения, пусть на короткий момент и показалось, что среди людей он стал своим, но с ослепительными близняшками Спелкенфелтер он действительно сдружился, и ему ужасно не хочется вновь сталкиваться с миром один на один, имея на своей стороне только ставшую ему сестрой. Собака мальчику очень дорога, но только ее компании ему уже не хватает. Пусть и расхваливаемое поэтами, одиночество — всего лишь изоляция, а одиночество, поселившееся в сердце, все равно что червь в яблоке, поедающий надежду и оставляющий за собой пустоту.

Более того, близняшки напоминают ему об ушедшей матери. Не внешне.

При всех ее достоинствах, мама родилась не для того, чтобы стать звездой сцены Лас-Вегаса. Близняшек роднит с ней широта души, ум, решительность и нежность, которых у мамы хватало на двоих, и в их компании у него создается полное ощущение, что они — его родные сестры.

Уставшая собака спит.

Положив руку на бок собаки, чувствуя, как бьется ее верное сердце, Кертис входит в ее сон и сразу ощущает игривое Присутствие, от которого простые существа, такие как собаки, никогда не пытались отстраниться. Далеко-далеко от планеты, которую он называл своим домом, осиротевший мальчик тихонько плачет, не столько от горя утраты, сколько от радости за свою мать: она пересекла великую пропасть и теперь, в присутствии Бога, ей доступно счастье, сходное с тем, что постоянно ощущал он в ее присутствии. Он не может спать, но на какое-то время обретает покой по эту сторону рая.

Глава 52

Солнцу, которое прожгло дыру в западном небе, остается еще несколько часов до погружения в лежащее за горизонтом море, и ветерок, пролетающий над трейлерным парком, вырывается, похоже, из этой самой дыры, горячий, сухой, с запахом раскаленного металла.

В пятницу, через пять часов после встречи с Ноем Фаррелом, Микки укладывала в багажник «камаро» единственный чемодан.

За это время она успела заменить масло, поставить новые фильтры, ремни привода вентилятора, покрышки. С учетом трехсот долларов, оставленных у детектива, сумма имеющихся у нее денег уменьшилась наполовину.

Она могла рассчитывать только на то, что свяжется с Лайлани в Нанз-Лейк, штат Айдахо. Если бы Мэддок решил ехать дальше, ей просто не хватило бы денег, чтобы преследовать его, а потом вернуться с девочкой в Калифорнию.

Когда Микки вошла в дом, тетя Джен укладывала непромокаемые мешочки со льдом в сумку-холодильник, уже набитую сандвичами, булочками, яблоками и банками с диет-колой. С таким запасом провизии Микки могла не останавливаться,

чтобы перекусить, до завтрашнего полудня, и еще экономила деньги.

— Не пытайся ехать всю ночь,— предупредила тетя Джен.

— Не волнуйся.

— Они опережают тебя меньше чем на сутки, так что ты еще успеешь их догнать.

— К полуночи я доберусь до Сакраменто. Там найду мотель, посплю шесть часов и к завтрашнему вечеру постараюсь доехать до Сиэтла. Потом Нанз-Лейк, Айдахо. Буду там в воскресенье вечером.

— С одинокими женщинами в дороге может случиться всякое,— тревожилась тетя Джен.

— Это правда. Но многое может случиться с одинокими женщинами и дома.

Дженева закрыла сумку-холодильник крышкой.

— Сладенькая, если портье мотеля будет выглядеть как Энтони Перкинс, или какой-нибудь парень на станции технического обслуживания будет выглядеть как Энтони Хопкинс, или где-либо ты встретишь мужчину, который будет выглядеть как Алек Болдуин, пни его в промежность, до того как он успеет произнести пару слов, и беги.

— Я думала, что ты застрелила Алека Болдуина в Новом Орлеане.

— Знаешь, этого человека сбрасывают с крыши небоскреба, топят, закалывают ножом, пристреливают, его раздирает медведь... но каким-то образом он опять возвращается.

— Я буду его остерегаться,— пообещала Микки, снимая сумку-холодильник со стола.— Что же касается Энтони Хопкинса... он мне больше напоминает плюшевого медвежонка, пусть и сыграл Ганнибала Лектера.

— Может, мне поехать с тобой, дорогая, с ружьем в руках? — Дженева последовала за Микки к входной двери.

— Неплохая идея, будь у нас ружье.— Выйдя из дома, она прищурилась: яркий солнечный свет, отражаясь от белого «камаро», слепил глаза.— И потом, ты должна остаться, чтобы ответить на звонок Ноя Фаррела.

— А если он не позвонит?

Микки открыла дверцу со стороны пассажирского сиденья.

— Позвонит.

— А если не найдет доказательств, которые тебе нужны?

— Найдет.— Микки поставила сумку-холодильник на пассажирское сиденье.— Слушай, что это вдруг случилось с моей жизнерадостной тетушкой?

— Может, нам следовало позвонить в полицию?

Микки захлопнула дверцу.

— В какую полицию? Здесь, в Санта-Ане? Мэддок уже выехал за территорию, подпадающую под их юрисдикцию. Позвонить копам того города, через который он будет проезжать в Калифорнии, Орегоне или Неваде, в зависимости от выбранного им маршрута? Даже если бы через их город ехал Гитлер, они не шевельнули бы и пальцем, если бы только он не вышел из автомобиля. Позвонить в ФБР? Я только что вышла из тюрьмы, а у них полно дел с наркобаронами.

— Может, к тому времени, когда ты прибудешь в Айдахо, этот мистер Фаррел найдет доказательства, которые тебе нужны, и вы сможете обратиться в тамошнюю полицию.

— Возможно. Но этот мир отличается от того, который ты видишь в старых черно-белых фильмах, тетя Джен. Копы в те дни заботились о людях. Люди — о других людях. Что-то случилось. Многое, если не все, переменилось. Весь мир... распался. Все больше и больше нам приходится полагаться только на себя.

— И ты еще заявляешь, что я потеряла свою жизнерадостность,— вздохнула Дженева.

Микки улыбнулась:

— Знаешь, я совсем не рада, что все так вышло. Но пусть задача передо мной стоит трудная, я давно уже... нет, я никогда не ощущала такого эмоционального подъема.

Тень пробежала по зеленым глазам Дженевы.

— Я боюсь.

— Я тоже. Но я боялась бы еще больше, если бы осталась сидеть сложа руки.

Дженева кивнула.

— Я запаковала маленькую баночку маринованных огурчиков.

— Я люблю маринованные огурчики.

— И маленькую баночку зеленых оливок.

— Ты прелесть.

— У меня не было консервированных перчиков.

— Что ж, поездку придется отменить.

Они обнялись. На какой-то момент Микки показалось, что тетя Джен не хочет ее отпускать, потом сама не могла оторваться от Дженевы.

Слова тети Джен сорвались с ее губ как молитва: «*Привези ее назад*».

— *Привезу*,— шепотом пообещала Микки, боясь, что, скажи она это слово громче, выглядело бы это так, будто она бахвалится или искушает судьбу.

После того как Микки села за руль и завела двигатель, тетя Джен положила руку на опущенное стекло.

— Я запаковала три пакетика «M&M's».

— Вернувшись, сяду на салатную диету.

— И, дорогая моя, особое блюдо в маленькой зеленой баночке. Попробуй его, когда будешь обедать сегодня вечером.

— Я тебя люблю, тетя Джен.

Вытирая глаза бумажной салфеткой, тетя Джен убрала руку, отступила от «камаро» на шаг.

А когда Микки тронула автомобиль с места, поспешила следом, махая мокрой салфеткой.

Микки нажала на педаль тормоза, и Дженева вновь наклонилась к окошку:

— Маленькая мышка, ты помнишь загадку, которой я ставила тебя в тупик, когда ты была маленькой девочкой?

Микки покачала головой:

— Загадку?

— Что ты найдешь за дверью...

— ...которая в шаге от рая,— закончила Микки.

— Значит, помнишь. И ты помнишь, как ты давала мне ответ за ответом, так много ответов и ни одного правильного?

Микки кивнула, боясь говорить.

Зеленые глаза Дженевы вновь потемнели.

— Мне следовало понять по твоим ответам, какая у тебя ужасная жизнь.

Микки нашла в себе силы совладать с дрожью в голосе.

— Я в порядке, тетя Джен. Теперь на меня это не давит.

— Что ты найдешь за дверью, которая в шаге от рая? Ты помнишь правильный ответ?

— Да.

— И ты веришь, что это правда?

— Ты сказала мне правильный ответ, потому что я так и не смогла додуматься до него сама, значит, это правда, тетя Джен. Ты сказала мне правильный ответ... и ты никогда не лжешь.

В послеполуденном солнце тень Дженевы, длинная и узкая, чернела на черном асфальте, а ее золотисто-седые волосы, которые шевелил легкий ветерок, напоминали нимб, словно она стала святой.

— Сладенькая, помни урок этой загадки. Ты делаешь благое дело, возможно, ввязываться в эту историю — безумие, но дело благое, однако, если вдруг ничего у тебя не получится, помни, что всегда есть эта дверь и то, что за ней.

— Все получится, тетя Джен.

— Ты вернешься домой.

— А где еще я найду бесплатное жилье и такую фантастическую готовку?

— Ты вернешься домой,— настаивала Дженева с ноткой отчаяния в голосе.

— Обязательно.

Дженева просияла, залитая солнечным светом, словно стала таким же источником света, что и Солнце. Дженева протянула руку и коснулась щеки Микки. С неохотой убрала руку. Никакие киношные воспоминания не смягчали боли этого момента. Потом Дженева, машущая на прощание рукой, осталась в зеркале заднего обзора. Дженева уменьшалась, сверкая на солнце, машущая, машущая. Поворот, Дженева исчезла. Микки осталась одна, а от Нанз-Лейк ее отделяли тысяча шестьсот миль.

Глава 53

Битком набитая чудо-детьми пчеломатка ехала по Неваде рядом со скорпионом, который обслуживал ее. Их и без того непроницаемые глаза скрылись за темными стеклами солнцезащитных очков, парочка насекомных знаменитостей восседала на козлах королевской кареты.

Они продолжали плести свои заговоры, переговариваясь на пониженных тонах. Разговор этот прерывался взрывами смеха и воплями маниакальной радости пчеломатки.

С учетом того, что уже открыла ей Синсемилла, Лайлани не могла и представить себе, какими еще дополнительными секретами могла делиться эта парочка. Как будущая писательница, она не волновалась из-за недостатка воображения, ибо ни один человек по эту сторону ада не мог постичь все ужасы, которые роились в темных глубинах сознания ее матери или доктора Дума.

К западу от Лас-Вегаса они остановились на ленч в кафетерии отеля-казино, окруженного милями голого песка и скал. Заведение построили в этой пустоши не потому, что место это идеально подходило для курорта. Просто многие из тех, кто ехал в Лас-Вегас, делали здесь первую остановку, в нетерпении сорвать банк, и, случалось, проигрывались вчистую.

Этот пышный дворец предлагал дешевую выпивку, поощрял азартных игроков попробовать свои силы в играх, правила которых обеспечивали заведению максимальные преимущества, гарантировал утоление любых плотских желаний, предоставляя и горы калорийных десертов на «шведских» столах, и садисток-проституток с кнутами. Но даже здесь, в меню кафетерия отеля, значился омлет без холестерина, из одних яичных белков, с обезжиренным сыром тофу и вареной брокколи.

Усадив Лайлани между собой и Престоном в полукруглую, обитую красной кожей кабинку, Синсемилла заказала два таких лишенных вкуса омлета, один для себя, второй для дочери, с тренками без масла и свежими фруктами. Доктор Дум с аппетитом ел чизбургер с картофелем фри, улыбаясь, облизывая губы.

Обслуживала их девушка-подросток с жирными светлыми волосами, торчащими во все стороны. На белом прямоугольнике пластика, приколотом к нагрудному карману униформы, значилось: «Привет. Меня зовут Дарви». Серые глаза Дарви не выражали никаких эмоций.

Она даже не пыталась скрыть свою скуку. Часто зевала, обслуживая клиентов, говорила на одной ноте, ходила, подволакивая ноги, путала заказы.

Когда ей указывали на ошибку, тяжело вздыхала, словно душа, начавшая раскладывать пасьянс в преддверье ада, задолго до того, как трое волхвов привезли на верблюдах дары в Вифлеем, и, всеми забытая, продолжающая свое занятие и поныне.

Предположив, что человек, придавленный вечной скукой, скажем, Дарви, может с радостью ухватиться за шанс оживить день и даже услышать, что ей говорят, чтобы стать участником более-менее волнующих событий, по окончании ленча, когда Дарви прибыла с чеком, Лайлани решилась:

— Они собираются отвезти меня в Айдахо, размозжить голову молотком и похоронить в лесу.

Дарви мигнула, так же медленно, как ящерица, загорающая на камне.

— Сладенькая, будь честна с этой молодой леди.— Престон Мэддок повернулся к Лайлани: — Твоя мать и я не жалуем молотки. Как и топоры. И не собираемся забивать тебя дубинками до смерти. Наш план — порезать тебя на куски и скормить медведям.

— Это не шутка.— Лайлани смотрела на Дарви.— Он убил моего старшего брата и похоронил в Монтане.

— Скормил медведям,— заверил официантку Престон.— Так мы всегда поступаем с непослушными детьми.

Синсемилла любовно взъерошила волосы Лайлани.

— О Лани, крошка, с тобой иногда бывает ужасно трудно.

Медленно, медленно мигающая Дарви, казалось, ждала со свернутым в колечко языком, когда же мимо пролетит неосмотрительная муха.

А дорогая маман уже обращалась к блондинистому геккону:

— На самом деле ее брата увезли инопланетяне, и сейчас он проходит реабилитацию на их секретной базе на обратной стороне Луны.

— Моя мать действительно верит в инопланетян,— сообщила Лайлани Дарви,— потому что она — законченная наркоманка, мозг которой прострелили миллиардами вольт, когда она проходила курс электрошоковой терапии.

Ее мать закатила глаза и имитировала звук гудящего в проводах электричества.

— З-з-з-з,— Синсемилла рассмеялась и повторила: — З-з-з-з.

Престон играл роль любящего, но строгого отца.

— Лани, достаточно. Это уже не смешно.

Синсемилла повернулась к псевдоотцу, недовольно хмурясь:

— Да нет же, дорогой, все нормально. Она тренирует свое воображение. Это хорошо. Это правильно. Я считаю, что нельзя подавлять в детях творческое начало.

— Если вы позовете копов и подтвердите, что видели, как эти двое били меня,— говорила Лайлани официантке,— начнется расследование, а когда оно закончится, вы станете героиней дня. Вас будут наперебой приглашать во все ток-шоу, вы обязательно попадете на передачу Опры.

Дарви положила чек на стол.

— Вот одна из миллиона причин, по которым я никогда не заведу детей.

— Нет-нет, не надо так говорить! — воскликнула Синсемилла.— Дарви, не лишай себя радостей материнства. Дети — это здорово. Они как никто другой связывают тебя с Матерью-Землей.

— Да,— официантка вновь зевнула,— сама вижу все это великолепие.

После того как Дарви отошла, привычно подволакивая ноги, а Престон положил на стол деньги, добавив к указанной в счете сумме более чем щедрые чаевые, Синсемилла повернулась к дочери:

— Лани, эти черные мысли посещают тебя только потому, что ты читаешь слишком много этих глупых книжонок про злых свинолюдей.

Пора тебе перейти на хорошую литературу, чтобы прочистить мозги.

Совет прародительницы нового человечества, обладающей экстрасенсорными способностями. И ведь говорила она серьезно: книги, которые лгали, утверждая, что у свиней нет благородства, что эти милые животные злы, конечно же отравляли мозг Лайлани и вызывали у нее параноидальные идеи насчет того, что произошло с Лукипелой.

— Ты меня поражаешь, мама.

Синсемилла обняла Лайлани, привлекла к себе. Для материнской любви сжала слишком уж сильно.

— Иногда я начинаю тревожиться о тебе, маленький клонкеныш.— Мать глянула на Престона: — Ты не думаешь, что она — кандидатка в пациентки психиатрической клиники?

— Когда придет время, Ипы вылечат и ее мозг, и ее тело,— предрек он.— Для сверхъестественного инопланетного разума мозг и тело — единое целое.

Попытка обратиться к Дарви за помощью закончилась фиаско, которое прежде всего заключалось не в том, что череп

официантки оказался слишком толстым, чтобы позволить правде пробиться сквозь него. Самое страшное состояло в другом: впервые Лайлани открыла Престону, что она не верит в его сказочку о Лукипеле, поднявшемся на левитационном луче в заботливые руки эскулапов с Марса или с Андромеды, и подозревает его в убийстве. Раньше он мог только догадываться о ее подозрениях, теперь знал наверняка.

Выходя из-за стола следом за матерью, Лайлани рискнула взглянуть на Престона. Он ей подмигнул.

Она могла бы попытаться убежать. Несмотря на ортопедический аппарат, по существу протез коленного сустава, она сумела бы пробежать сто ярдов быстро и грациозно, еще сто быстро и не столь грациозно, но, если бы она, лавируя между столиками, выскочила из ресторана, если бы, минуя магазинчики, вбежала в казино с криком: «Он собирается меня убить!», сотрудники и игроки ради ее спасения не ударили бы пальцем о палец, разве что начали бы делать ставки, как далеко убежит девочка-киборг, прежде чем столкнется то ли с официанткой, разносящей коктейли, то ли с бабулей, прилипшей к игральному автомату.

Поэтому Лайлани отправилась в «Легкий ветерок», подгоняемая в спину ветром смерти. К тому времени, когда Дарви, зевая, взяла чаевые и думала о том, как повезло этой чокнутой маленькой девочке-калеке с таким щедрым папашкой, дом на колесах, с полностью заправленным баком, выезжал на автостраду 15, чтобы взять курс на северо-восток, к Вегасу.

В кресле второго пилота насытившаяся Синсемилла, до ленча практически не притрагивавшаяся к наркотикам, готовилась к приему расширяющих сознание препаратов, без которых не мог обойтись ни один уважающий себя живой инкубатор, выращивающий чудо-детей. Между коленей она держала фармацевтическую керамическую ступку и керамическим же пестиком превращала в порошок три таблетки.

Лайлани понятия не имела, что это за таблетки, но точно знала, что не аспирин.

Когда пчеломатка закончила толочь таблетки, она всунула в правую ноздрю серебряную трубочку, обжала ноздрю пальцем и вдохнула часть этой воздействующей на психику «муки». Поменяла ноздри, чтобы сбалансировать неизбежный ущерб, наносимый носовым хрящам при долговременном их использовании в качестве пылесоса для всасывания токсических субстанций.

Это же кайф, начать веселье и почувствовать, как мутируют чудо-дети!

В Лас-Вегасе они повернули на федеральное шоссе 95, которое тянулось на север вдоль западной границы штата Невада. Сто пятьдесят миль ехали параллельно национальному памятнику «Долина смерти»*, который, правда, находился в Калифорнии. Но пустынная территория Невады не изменилась к лучшему, после того как Долина смерти осталась позади, а они проехали город Голдфилд, чтобы в Тонопа повернуть на северо-запад.

Выбранный маршрут позволял им держаться на приличном расстоянии от восточной Невады, где федеральные силы блокировали тысячи квадратных миль, разыскивая наркобаронов, хотя Престон продолжал настаивать, что происшествие напрямую связано с появлением Ипов.

— Это типичная государственная дезинформация,— безапелляционно заявлял он.

Сидя в столовой, Лайлани не проявляла интереса ни к наркобаронам, ни к пришельцам с другой планеты. Не очень-то занимали ее и злобные свинолюди из другого измерения, о борьбе с которыми она совсем недавно так увлеченно читала. Это была третья книга из цикла, включающего шесть романов, и раздражающая ее неспособность сконцентрироваться на сюжете объяснялась не тем, что свиноподобные плохиши стали не столь злобными или веселые герои менее веселыми или героическими. Поскольку ее отношения с Престоном кардинально изменились, черные замыслы заплывших свиным жиром злодеев более не впечатляли ее. Потому что за рулем «Легкого ветерка», в солнцезащитных очках, сидел человек реального мира, в сравнении с которым все эти великие и ужасные свинолюди выглядели дурашливыми школьниками, начисто лишен-

* Национальный памятник «Долина смерти» расположен в Калифорнии и Неваде (меньший участок). Включает территорию Долины смерти, носит следы деятельности золотоискателей XIX века. После 1850 г. здесь были обнаружены залежи буры, меди, свинца, золота и серебра. Когда рудные запасы истощились, шахтерские поселки пришли в упадок и опустели. Национальный памятник открыт в 1933 г. Площадь около 840 тыс. га.

ными воображения и неспособными причинить вред кому-либо.

В результате она отложила книгу и открыла дневник, куда подробно занесла происшествие в кафетерии. Позже, когда переделанный «Превост» продолжал мчаться по горным ущельям и плоскогорьям, Лайлани записала свои наблюдения, связанные с переходом матери в различные состояния измененного сознания. Переходы эти стали результатом приема как минимум двух наркотиков, последовавших за таблетками, растолченными в порошок, который дорогая маман вдохнула, когда они проезжали Лас-Вегас.

С приближением к Тонопа, в двухстах милях от Вегаса, Синсемилла уселась за обеденный стол рядом с Лайлани и начала готовиться к самоувечью. Положила на стол «резальное» полотенце — синее банное полотенце, сложенное в несколько слоев, чтобы служить подложкой для левой руки и впитывать капли крови, дабы они ничего не испачкали. В жестянке из-под рождественских сладостей с танцующими снеговиками на крышке лежало все необходимое для самоувечья: медицинский спирт, вата, марлевые подкладки, «Неоспорин», бритвенные лезвия, три хирургических скальпеля разной формы, четвертый скальпель с особенно тонким рубиновым лезвием, используемый в глазной хирургии для надрезов, которые невозможно сделать стальным.

Положив левую руку на полотенце, Синсемилла улыбнулась участку шесть на два дюйма на предплечье, испещренному сложным переплетением шрамов. Долгое время медитировала, не отрывая глаз от кружев, сотканных не крючком, а скальпелем.

Лайлани страстно желала не присутствовать при этом безумии.

С радостью спряталась бы от матери, но дом на колесах такой возможности не предоставлял. Ей не разрешалось входить в спальню, которую Синсемилла делила с Престоном, а диван в гостиной располагался недостаточно далеко, оттуда она бы тоже все видела. А если бы ретировалась в ванную и закрылась там, ее мать могла бы за ней прийти.

Лайлани давно уже уяснила для себя, что, выказав отвращение или даже малейшее неодобрение, она тем самым навлекала на себя гнев матери, инициировала бурю, которая длительное время не могла улечься. С другой стороны, если Лайлани демонстрировала интерес к любому из занятий матери, Синсемилла могла обвинить ее в том, что она сует нос не в свои дела, а сие приводило к той же буре.

Полное безразличие оставалось наиболее безопасным вариантом, даже если этим безразличием приходилось маскировать отвращение. Поэтому, пока Синсемилла раскладывала средства самоувечья, Лайлани полностью сосредоточилась на дневнике, внося в него все новые строки.

Но на этот раз для защиты одного безразличия не хватило.

Лайлани старалась максимально полно задействовать левую руку в надежде сохранить подвижность деформированных суставов и расширить возможности сросшихся пальцев. Соответственно, она умела писать обеими руками. И теперь, когда она заполняла дневник левой рукой, мать наблюдала за ней со все возрастающим интересом. Поначалу Лайлани решила, что Синсемилле хочется знать, что она пишет, но вскоре выяснилось, что у Синсемиллы совсем другие мысли.

— Я могла бы сделать ее красивой,— подала голос Синсемилла.

Лайлани ответила, продолжая писать:

— Сделать красивой — что?

— Криворучку, лапу свиночеловека, которая хочет быть и рукой, и раздвоенным копытом одновременно, этот маленький обрубок, этот маленький сучок, недопеченный оладушек, которым заканчивается твоя рука... вот что. Я могла бы сделать ее красивой, более чем красивой. Я могла бы сделать ее прекрасной, превратить в произведение искусства, и тогда ты больше не будешь стыдиться своей руки.

Лайлани полагала, что отрастила достаточно толстую кожу, чтобы мать более не могла причинить ей боль. Но иногда удар наносился со столь неожиданного направления, что словесный меч находил щель в ее броне, проникал под ребра и вонзался в самое сердце.

— Я ее не стыжусь,— ответила Лайлани, недовольная напряженностью голоса, которая показывала, что удар достиг цели и ей больно. Девочка не хотела доставлять матери такое удовольствие, признавать, что не так уж она и неуязвима.

— Смелая беби Лани, делающая вид, будто все у нее как у людей, будто она принцесса, а не тыква. Я вот говорю чистую правду, тогда как ты стремишься выдать за драгоценности от Тиффани уродливые, старые шейные болты Франкенштейна. Я не боюсь произнести слово *калека*, а что тебе необходимо, девочка, так это спуститься с неба на землю. Тебе надо избавиться от идеи, что ты становишься нормальной, думая, что ты нормальная, иначе ты останешься разочарованной на всю жизнь.

Ты никогда не сможешь стать нормальной, но ты сможешь приблизиться к нормальности. Слышишь меня?

— Да.— Лайлани писала все быстрее, полная решимости зафиксировать каждое слово матери, со всеми языковыми особенностями ее речи. Воспринимая этот монолог как диктант, она могла дистанцироваться от его жестокости. Если бы удалось удержать мать на расстоянии вытянутой руки, та не сумела бы нанести ей новый эмоциональный удар. «Тебя могут обидеть только реальные люди,— говорила Лайлани себе,— реальные люди, которые тебе дороги или, по крайней мере, которых ты хотела бы числить среди дорогих тебе людей. Поэтому зови ее «Синсемилла», или «пчеломатка», или «дорогая маман», воспринимай как объект насмешек, карикатурную фигуру, и тогда тебе будет наплевать на то, что она творит с собой, или на то, что говорит тебе, потому что она превратится в существо, болтовня которого ничего не значит и годится лишь для использования в книгах, которые ты напишешь, если проживешь достаточно долго, чтобы стать писательницей».

— Если хочешь приблизиться к нормальности,— продолжала Синсемилла, пчеломатка, прошедшая курс электрошоковой терапии любительница змей, инкубатор чудо-детей,— ты должна видеть, что с тобой не так. Ты должна посмотреть на свою руку-клешню, должна осознать, что годится она только для того, чтобы пугать ею маленьких детей, а когда ты это разглядишь, вместо того чтобы притворяться, что рука у тебя такая же, как у других, когда до тебя дойдет, что ты — калека, тогда ты сможешь улучшить то, что у тебя есть. И знаешь, как ты сможешь это улучшить?

— Нет,— ответила Лайлани, лихорадочно заполняя строчку за строчкой.

— Посмотри.

Лайлани оторвалась от дневника.

Синсемилла вела кончиком пальца по участку предплечья, испещренному шрамами.

— Положи свою свиночеловеческую руку-копыто на резальное полотенце, и я сделаю ее такой же прекрасной, как я.

После того как Синсемилла съела омлет из яичных белков с сыром тофу и заправилась запрещенными законом химическими веществами, аппетит у нее, похоже, только разыгрался. Хотя, скорее всего, утолить его было просто невозможно. На лице появилось голодное выражение, взгляд и зубы сверкали, словно у волка, предвкушавшего добычу.

Встретившись взглядом с матерью, Лайлани почувствовала, что слепнет. А когда взгляд Синсемиллы переместился на деформированные пальцы, ей показалось, что на них появляются следы от укусов, стигматы, вызванные усилием воли.

С ходу отвергнув предложение «сделать руку красивой», она могла разозлить мать. И тогда желание Синсемиллы поработать скальпелем с ее кожей превратилось бы в навязчивую идею, которой она многие дни досаждала бы Лайлани с утра и до вечера.

Во время путешествия в Айдахо и, возможно, в тихий уголок Монтаны, где ждал Лукипела, Лайлани требовалось сохранять ясность ума, чтобы заметить первые признаки того, что Престон Мэддок готов действовать, чтобы воспользоваться возможностью спастись, если таковая представится.

Но о какой ясности ума могла идти речь, если мать безжалостно давила на нее. В доме Мэддока поддержание мира достигалось немалыми усилиями, но ей требовалось найти с матерью общий язык в вопросе резьбы по коже, если она хотела избежать чего-то более худшего, чем прогулки скальпеля по деформированной руке.

— Это прекрасно,— солгала Лайлани,— но ведь больно, не так ли?

Синсемилла достала еще один предмет из жестянки для рождественских сладостей: пузырек со средством для местной анестезии.

— Помажь этим кожу, и она онемеет, снимется большая часть боли. А та боль, что останется,— плата за красоту. Все великие писатели и художники знают, что *красота рождается только из боли.*

— Смелая беби Лани, делающая вид, будто все у нее как у людей, будто она принцесса, а не тыква. Я вот говорю чистую правду, тогда как ты стремишься выдать за драгоценности от Тиффани уродливые, старые шейные болты Франкенштейна. Я не боюсь произнести слово *калека*, а что тебе необходимо, девочка, так это спуститься с неба на землю. Тебе надо избавиться от идеи, что ты становишься нормальной, думая, что ты нормальная, иначе ты останешься разочарованной на всю жизнь.

Ты никогда не сможешь стать нормальной, но ты сможешь приблизиться к нормальности. Слышишь меня?

— Да.— Лайлани писала все быстрее, полная решимости зафиксировать каждое слово матери, со всеми языковыми особенностями ее речи. Воспринимая этот монолог как диктант, она могла дистанцироваться от его жестокости. Если бы удалось удержать мать на расстоянии вытянутой руки, та не сумела бы нанести ей новый эмоциональный удар. «Тебя могут обидеть только реальные люди,— говорила Лайлани себе,— реальные люди, которые тебе дороги или, по крайней мере, которых ты хотела бы числить среди дорогих тебе людей. Поэтому зови ее «Синсемилла», или «пчеломатка», или «дорогая маман», воспринимай как объект насмешек, карикатурную фигуру, и тогда тебе будет наплевать на то, что она творит с собой, или на то, что говорит тебе, потому что она превратится в существо, болтовня которого ничего не значит и годится лишь для использования в книгах, которые ты напишешь, если проживешь достаточно долго, чтобы стать писательницей».

— Если хочешь приблизиться к нормальности,— продолжала Синсемилла, пчеломатка, прошедшая курс электрошоковой терапии любительница змей, инкубатор чудо-детей,— ты должна видеть, что с тобой не так. Ты должна посмотреть на свою руку-клешню, должна осознать, что годится она только для того, чтобы пугать ею маленьких детей, а когда ты это разглядишь, вместо того чтобы притворяться, что рука у тебя такая же, как у других, когда до тебя дойдет, что ты — калека, тогда ты сможешь улучшить то, что у тебя есть. И знаешь, как ты сможешь это улучшить?

— Нет,— ответила Лайлани, лихорадочно заполняя строчку за строчкой.

— Посмотри.

Лайлани оторвалась от дневника.

Синсемилла вела кончиком пальца по участку предплечья, испещренному шрамами.

— Положи свою свиночеловеческую руку-копыто на резальное полотенце, и я сделаю ее такой же прекрасной, как я.

После того как Синсемилла съела омлет из яичных белков с сыром тофу и заправилась запрещенными законом химическими веществами, аппетит у нее, похоже, только разыгрался. Хотя, скорее всего, утолить его было просто невозможно. На лице появилось голодное выражение, взгляд и зубы сверкали, словно у волка, предвкушавшего добычу.

Встретившись взглядом с матерью, Лайлани почувствовала, что слепнет. А когда взгляд Синсемиллы переместился на деформированные пальцы, ей показалось, что на них появляются следы от укусов, стигматы, вызванные усилием воли.

С ходу отвергнув предложение «сделать руку красивой», она могла разозлить мать. И тогда желание Синсемиллы поработать скальпелем с ее кожей превратилось бы в навязчивую идею, которой она многие дни досаждала бы Лайлани с утра и до вечера.

Во время путешествия в Айдахо и, возможно, в тихий уголок Монтаны, где ждал Лукипела, Лайлани требовалось сохранять ясность ума, чтобы заметить первые признаки того, что Престон Мэддок готов действовать, чтобы воспользоваться возможностью спастись, если таковая представится.

Но о какой ясности ума могла идти речь, если мать безжалостно давила на нее. В доме Мэддока поддержание мира достигалось немалыми усилиями, но ей требовалось найти с матерью общий язык в вопросе резьбы по коже, если она хотела избежать чего-то более худшего, чем прогулки скальпеля по деформированной руке.

— Это прекрасно,— солгала Лайлани,— но ведь больно, не так ли?

Синсемилла достала еще один предмет из жестянки для рождественских сладостей: пузырек со средством для местной анестезии.

— Помажь этим кожу, и она онемеет, снимется большая часть боли. А та боль, что останется,— плата за красоту. Все великие писатели и художники знают, что *красота рождается только из боли.*

— Помажь мне палец,— Лайлани протянула матери правую руку, убрав подальше деформированную левую.

Шарик из пористого материала, крепящийся штырьком к крышке, служил кисточкой. От жидкости с запахом перца подушечка указательного пальца сразу захолодела. Кожу заколо иголками, а потом она онемела, полностью потеряла чувствительность, на ощупь стала резиновой.

Пока Синсемилла красными, прищуренными, голодными глазами наблюдала за всем этим, словно хорек, следящий за не подозревающим о его присутствии кроликом, Лайлани отложила ручку и, в отличие от кролика, постоянно помня о присутствии матери, подняла деформированную руку и прикинулась, будто внимательно ее разглядывает.

— У тебя красивый рисунок, но я хочу свой.

— Каждый ребенок должен быть бунтарем, даже беби Лани, даже маленькая мисс Пуританка, которая не съест куска ромового торта из опасения, что он превратит ее в валяющуюся в канаве алкоголичку, которая морщит носик при виде невинных удовольствий ее матери, но даже мисс Смирение должна иной раз взбрыкивать, должна иметь свой рисунок. Это хорошо, Лани, так оно и должно быть. Да какой ребенок может захотеть, чтобы его сделанная дома татуировка в точности соответствовала той, что сделала себе мать? Я бы этого тоже не хотела. Черт, если начать с этого, вскорости мы будем одеваться одинаково, носить одинаковые прически, ходить на чайные посиделки, печь пироги для какой-нибудь церковной распродажи, а потом Престону придется нас быстренько пристрелить, чтобы избавить от столь несчастной жизни. О каком рисунке ты думаешь?

Все еще изучая свою руку, Лайлани постаралась подстроиться под речь накачанной наркотиками Синсемиллы, в надежде создать у пчеломатки ощущение, что связь между ними как никогда сильна и в будущем им предстоит провести долгие часы за увлекательным занятием: самоувечьем.

— Я не знаю. Что-нибудь уникальное, как расцветка крыльев бабочки, что-нибудь крутое, что-нибудь прекрасное, но при этом шокирующее, пугающее, как прекрасны твои фотографии жертв дорожных аварий, что-нибудь говорящее: *«Катитесь ко всем чертям, я — мутантка и горжусь этим»*.

Если чуть раньше Синсемилла скалилась, как готовый к прыжку хорек, глаза метали молнии, в голосе слышались приближающиеся раскаты грома, то мелкая лесть переменила ее настроение: хорек отправился в клетку, гроза ушла за горы безумия, а сама Синсемилла превратилась в игривого котенка.

— Да! Покажи миру палец, прежде чем мир покажет палец тебе, а в этом случае разукрась этот палец! Может, что-то от меня в тебе все-таки есть, сладенькая Лайлани, может, в твоих жилах течет кровь, пусть и выглядит она как вода.

На скорости в шестьдесят миль в час, под бледно-синим кипящим небом Невады и раскаленным добела солнцем, медленно движущимся по широкой дуге, словно молот — к горам-наковальне на западе, с хула-герлс, покачивающими бедрами в ритме танца, Лайлани и ее мать склонились над столом, точно девочки-подростки, сплетничающие о мальчиках и обсуждающие косметические средства или модную одежду, но обсуждали они совсем другое: различные варианты резьбы по руке.

Ее мать предлагала многолетний проект: ругательства, со смещением наслаивающиеся друг на друга, обвивающие пальцы, спускающиеся на ладонь, расположенные лучами на opisthenar. Это слово обозначало тыльную сторону кисти. Лайлани знала его, потому что досконально изучила строение человеческой руки, чтобы лучше понять, что у нее не так.

Притворно радуясь идее превращения руки в выставку достижений знаменитой татуировщицы Синсемиллы, Лайлани предлагала альтернативы: цветочные узоры, лиственные, египетские иероглифы, цепочки цифр, почерпнутые из книг Синсемиллы по нумерологии...

Сорок минут спустя они согласились на том, что уникальное полотно, каким должна стать покалеченная рука (как ее охарактеризовала дорогая маман), нельзя творить в спешке. И как бы ни хотелось намазать хотя бы один палец средством для местной анестезии и взяться за скальпели и бритвенные лезвия прямо сейчас, обе сошлись во мнении, что великое искусство требует не только боли, но и глубоких раздумий. Если бы Ричард Бротиган возомнил себя бог знает кем и написал «В арбузном сиропе» за вторую половину летнего дня, Синсемилла сразу бы поняла, что хотел сказать писатель, и ей бы не пришлось перечитывать книгу снова и снова, всякий раз откры-

вая для себя что-то новое. Они решили, что следующие несколько дней посвятят обдумыванию проекта и встретятся вновь для дальнейших консультаций.

Лайлани дала этому виду искусства название: биогравировка*, что звучало куда благозвучнее, чем самоувечье. Художник, живущий в Синсемилле, по достоинству оценил авангардность этого термина.

Лайлани столь успешно удалось отвести грозу Синсемиллы, что дорогая маман убрала комплект для самоувечья в жестянку из-под рождественских сладостей, не прикоснувшись скальпелем ни к Лайлани, ни к своей левой руке. На какое-то время желание резать у нее пропало.

А вот желание летать заставило вытащить из холодильника некий контейнер. Из контейнера Синсемилла достала непромокаемый пакет, наполненный экзотическими сушеными грибами, которые не рекомендуется класть в салат.

К тому времени, когда они подсоединили дом на колесах к инженерным коммуникациям кемпинга, расположенного рядом с мотелем-казино в Готорне, штат Невада, пчеломатка уже любовалась психоделическим фейерверком. Фейерверком такой яркости и интенсивности, что энергии, вобранной в единый лазерный луч, вполне хватило бы для того, чтобы испарить Луну.

Она лежала на полу в гостиной, смотрела на улыбающегося бога Солнца, общалась с островным источником тепла и света, обращаясь к нему то на английском, то на гавайском. Помимо мистических и духовных вопросов она обсуждала с пухлым небожителем достоинства и недостатки модной мальчиковой рок-группы, достаточность ее ежедневной дозы селена, рецепты для тофу, прически, которые шли ей больше всего, спрашивала, не курил ли тайком опиум Пух с Пуховой опушки, не сидел ли на прозаке**.

Солнце уже скатывалось за горизонт, когда доктор Дум переступил через жену, которая не заметила бы его, даже если бы он прошелся по ней, и вышел из дома на колесах, чтобы принести обед на троих, оставив Лайлани в компании что-то бормочущей, хихикающей матери и тех хула-герлс на батарейках, которые продолжали танцевать и на стоянках.

* При переводе на русский, к сожалению, теряется определенная аналогия: bio-etching (биогравировка) созвучно bioethic (биоэтика).

** Популярный в США антидепрессант (используется более 20 лет). Разрешен к применению и в России.

Глава 54

Вечер пятницы в Туин-Фолс, штат Айдахо, не очень-то отличался от вечера в субботу, или понедельник, или среду все в том же Туин-Фолс, штат Айдахо. Жители Айдахо называют территорию, на которой живут, штат-самоцвет*, возможно, потому, что являются основными поставщиками звезды любого салата. Этот продукт, поставляемый тысячами тонн,— картофель, но ни один человек с чувством гражданской гордости и зачаточными знаниями по рекламе не захочет назвать свою родину Картофельным штатом, потому что в этом случае уроженцев Айдахо звали бы не иначе, как картофелеголовыми. В Айдахо, возможно, самые красивые в Соединенных Штатах горные виды, пусть и не в районе Туин-Фолс, но даже перспектива побывать на великолепных альпийских лугах не побуждает Кертиса Хэммонда отправиться в этот вечер в туристический поход. Он предпочитает удобства крыши и очага, сконструированных и изготовленных компанией «Флитвуд».

Кроме того, никакое зрелище, созданное человеком или природой, не может сравниться с красотой и великолепием Кастории и Поллуксии, готовящих обед.

В одинаковых ярко-красных китайских пижамах с расширяющимися книзу рукавами и штанинами клеш, в сандалиях на платформах, сверкающих горным хрусталем, с уже не лазурными, а алыми ногтями пальцев рук и ног, с золотистыми волосами, мягкими прядями обрамляющими лица, они скользят, поворачиваются, перемещаются по крошечному пространству камбуза, не задевая друг дружку, в любой момент чувствуя, кто где стоит, с грациозностью прима-балерин, готовя изысканные блюда, которые по достоинству оценили бы знатоки китайской кухни.

* Официальное прозвище штата Айдахо. Считалось, что слово Idaho в переводе с индейского означает горный самоцвет. Хотя доказана ошибочность этой этимологии, рекламное название сохраняется.

Взаимный интерес к кулинарному искусству и использованию ножей в манере некоторых японских шеф-поваров, взаимный интерес к экзотическим аттракционам, вроде метания томагавков и больших мясницких ножей в ярко раскрашенные фигуры на вращающихся мишенях, взаимный интерес к приемам самозащиты от режущего и колющего оружия превращают приготовление сестрами обеда в оригинальное, незабываемое действо, и получи они свою программу на «Фуд нетуэк», ее рейтинг тут же взлетел бы до небес. Лезвия сверкают, стальные острия подмигивают, зазубренные лезвия мерцают... Работа кипит. Сельдерей, лук, курятина, говядина, салат и многое, многое другое из холодильника перемещаются в нарезанном, накрошенном, шинкованном виде в блюда, миски, вазы.

Кертис и Желтый Бок сидят бок о бок в глубине U-образной кабинки с обеденным столом, зачарованные кулинарным мастерством сестер, широко раскрыв глаза, наблюдают за сверкающими лезвиями, которые в любую секунду грозят что-нибудь отхватить от великолепных тел близняшек. Лучшие исполнители танца с саблями не идут ни в какое сравнение с сестрами. Вскоре становится ясно, что обед будет готов в самое ближайшее время, при этом все пальцы останутся целыми и никого не обезглавят.

Ставшая ему сестрой получила место за столом по многим причинам: и потому, что помогла им спастись, и потому, что ее помыли. Чуть раньше, проспав семь часов, до того как самим принять душ, Полли и Кэсс вымыли собаку в ванной, высушили мощными фенами, расчесали и уложили шерсть с помощью разнообразных инструментов для ухода за волосами, надушили духами Элизабет Тейлор «Уайт диамантс». И теперь Желтый Бок гордо сидит рядом с Кертисом, пушистая и улыбающаяся, благоухающая, будто настоящая кинозвезда.

Словно алые бабочки, словно языки пламени, единственные и неповторимые, близняшки ставят на стол одно изысканное блюдо за другим. Блюд так много, что часть приходится оставить на кухонном столе. Помимо деликатесов они приносят за обеденный стол помповое, двенадцатого калибра ружье с пистолетной рукояткой и пистолет калибра девять миллиметров, потому что после стычки на невадском перекрестке не расстаются с оружием, даже когда идут в туалет.

Сестры открывают бутылки пива «Циньтао» для себя и бутылку безалкогольного пива для Кертиса, чтобы он мог хоть в какой-то степени оценить вкусовую утонченность сочетания хорошей китайской кухни и пива. Тарелки накладываются с верхом, и выясняется, что сестры могут съесть куда больше Кертиса, пусть ему и приходится тратить дополнительную энергию на поддержание биологической структуры, позволяющей выдавать себя за Кертиса Хэммонда, которым он еще не стал.

Желтому Боку на тарелку кладут кусочки курятины и говядины, словно она — обычный гость. Кертис использует телепатический канал связи, чтобы удержать собаку от стремления сожрать все и сразу, как заложено в нее природой. Его стараниями она берет с тарелки по одному куску, смакуя угощение. Поначалу находит такую медлительность странной, но вскоре признает, что еда доставляет большее удовольствие, если она не перекочевывает из миски в желудок ровно за сорок шесть секунд. И пусть Желтый Бок не пользуется ножом и вилкой, не держит чашку одной лапой, оттопырив мизинец, не разговаривает с хозяйкой на безупречном английском выпускницы лучших частных школ, она ведет себя на этом китайском пиру как настоящая леди.

За обедом сестры оживленно вспоминают о том, как совершали затяжные прыжки с парашютом, спускались на лыжах со склонов, расположенных под углом семьдесят градусов к поверхности земли, прыгали с парашютом с самых высоких зданий нескольких крупнейших городов США, участвовали в состязаниях по езде на оседланной дикой лошади*, защищали свою честь на голливудских вечеринках, на которые собирались, по словам Полли, «орды лапающих, похотливых, обезумевших от наркотиков, слабоумных, склизких кинозвезд и знаменитых режиссеров».

— Некоторые были очень даже ничего,— вставляет Кэсс.

---

* Эти состязания входят в основную программу родео. Ковбой в течение определенного периода времени должен удержаться верхом на дикой или полудикой лошади. При этом используется специальное легкое седло, за которое наездник держится одной рукой, пользоваться свободной рукой он не имеет права.

— При всей моей любви и уважении к тебе, Кэсси,— мурлычет Полли,— ты найдешь кого-нибудь, кто будет очень даже ничего, и на конгрессе убивающих котят каннибалов-нацистов.

Кэсс поворачивается к Кертису:

— После того как мы покинули Голливуд, я провела тщательный анализ этого периода нашей жизни и пришла к выводу, что шесть с половиной процентов людей в кинобизнесе нормальные и хорошие. Я должна признать, что все остальные — плохиши, но среди них есть четыре с половиной процента просто нормальных. Однако несправедливо валить в одну кучу всех киношников, даже если в подавляющем большинстве они — грязные свиньи.

Когда они съели, сколько могли, и даже чуть больше, со стола убираются тарелки, открываются две новые бутылки «Циньтао» и одна — безалкогольного пива, перед Желтым Боком ставится миска с водой, зажигаются свечи, электрические лампочки гасятся и после того, как, по определению Кэсс, атмосфера устанавливается «под стать дому с привидениями», близняшки возвращаются за обеденный стол, берутся за бутылки с «Циньтао» и пристально всматриваются в своих гостей, мальчика и собаку.

— Ты пришелец, не так ли, Кертис? — спрашивает Кэсс.

— Ты пришелица, не так ли, Желтый Бок? — спрашивает Полли.

А потом добавляют хором:

— Выкладывайте все, Ипы.

Глава 55

Ожидая возвращения доктора Дума с обедом, стараясь не слушать монолог матери, доносящийся из гостиной, Лайлани сидела в кресле второго пилота, перед панорамным ветровым стеклом, и смотрела на закат. Хоторн, типичный город в пустыне, расположился на широкой равнине, окруженной горными пиками. Солнце, оранжевое, как яйцо дракона, треснуло, ударившись о западные пики, и пролилось алым желтком. С такой яростной подсветкой горы на какое-то время приоделись в золотые одежды, но потом сменили их на темно-синие плащи ночи, которые и набросили на свои склоны.

Теперь Престон знал, что она считала его убийцей Лукипелы.

Если раньше он не собирался избавиться от нее в Айдахо или, сделав небольшой крюк, в Монтане, то после ленча наверняка начал строить такие планы.

Алые сумерки вымывались с запада надвигающимся приливом восточной темноты. Накопленное за день тепло поднималось с равнины, заставляя мерцать пурпурные горы, совсем как в галлюциногенных фантазиях дорогой маман.

Когда тени надвинулись на окна и пробрались в дом на колесах, который теперь освещала маленькая лампочка в гостиной, Синсемилла перестала бормотать, перестала хихикать, но начала перешептываться с богом Солнца или другими духами, отсутствующими на потолке.

Идея биогравировки руки дочери укоренилась в плодородном болоте ее мозга. Семечко не могло не прорасти, росток не мог не набрать силу.

Лайлани тревожилась, что ее мать, располагая огромным запасом самых разнообразных лекарственных препаратов, могла подсыпать что-нибудь в молоко или апельсиновый сок, превратить в «Микки Финн»* все, что наливается в чашку дочери. Она представила себе, как просыпается, не понимая, что с ней, чтобы обнаружить Синсемиллу, без устали работающую скальпелями и бритвенными лезвиями.

Когда на западе угас последний луч, по телу девочки пробежала дрожь.

И хотя жара и ночью не отпускала пустыню, волны холода одна за другой прокатывались по позвоночнику Лайлани.

Если дорогая маман будет в дурном расположении духа, возможно, вызванном плохим качеством грибов или неудачно составленным комплексом запрещенных законом химических веществ, она может решить, что биогравировка одной руки внесет дисбаланс во внешность дочери, а потому целесообразно проделать ту же операцию со здоровыми частями тела, чтобы уравновесить деформированную руку и вывернутую ногу. Тогда Лай-

* Первоначально — снотворное, которое подмешивал в виски и коктейли чикагский бармен Микки Финн, после чего его сообщники грабили заснувшего клиента. Ныне «Микки Финн» означает любой напиток, который «отключает» клиента питейного заведения.

лани будет лежать в агонии, а на ее лице одно за другим будут появляться выведенные скальпелем изощренные ругательства.

Потому-то Синсемилла обращала все в шутку, потому-то не делала различия между остротой и молитвой. Если у нее ничего не получалось с серебристым смехом, радостным и звенящим, она обходилась другим, уже не веселым, скорее мрачным, а вот когда уже не могла смеяться, ужас, безнадега расплющивали ее, и не имело значения, дышала она или нет, потому что она умирала в своем сердце.

Со смехом становилось все сложнее.

Пчеломатка что-то шептала, шептала, но уже не лежала на спине, не смотрела на улыбающегося бога Солнца, а свернулась в позе зародыша на полу гостиной и разговаривала сама с собой на два голоса, совсем тихо, создавая впечатление, что говорят два любовника, обсуждая что-то очень интимное. В одном шепоте узнавался голос Сенсимиллы, другой был более басовитый, грубый, возможно, принадлежал демону, который вселился в нее и говорил, используя ее органы речи.

Сидя в кресле второго пилота, спиной к гостиной, Лайлани из разговора Синсемиллы и ее alter ego* не слышала практически ничего. Только одно слово, время от времени повторяемое, вырывалось из невнятного бормотания, но, возможно, Лайлани только казалось, что она его слышит. *«Девочка»*,— вроде бы шептала Синсемилла, а потом демон хищно и сладострастно повторял: *«Девочка»*.

Скорее всего, слово это было плодом ее фантазии, потому что, когда Лайлани прислушивалась, склонив голову направо или налево, и даже поворачивалась, чтобы посмотреть на свернувшееся тело матери, она слышала только бессмысленные звуки, будто пчеломатка перешла на язык насекомых или, под влиянием бога грибов, говорила на языках, недоступных переводу. Однако когда Лайлани вновь смотрела на ветровое стекло, когда мыслями улетала в Айдахо и строила планы самозащиты, она то ли воображала себе, то ли действительно слышала: *«Девочка... девочка... девочка...»*

Пришла пора доставать ее нож.

---

* Второе «я» *(лат.)*.

Лукипела уехал с Престоном в сумерки Монтаны, чтобы никогда не вернуться, и в первую же ночь после исчезновения брата Лайлани пробралась на кухню дома на колесах, чтобы украсть нож с искривленным лезвием из ящика со столовыми приборами. Заостренный, с острой кромкой, с лезвием длиной в три с половиной дюйма. В качестве оружия он, конечно, уступал револьверу 38-го калибра или огнемету, но вот спрятать его было куда проще.

Через несколько дней Лайлани поняла, что в ближайшее время Престон не собирается отправлять ее к звездам, возможно, даже будет тянуть, пока ей не исполнится десять лет. Если бы она попыталась все пятнадцать месяцев хранить нож при себе, то обязательно выронила или его бы у нее нашли. Тем самым Престон бы понял, что она решила бороться за свою жизнь.

Без фактора внезапности нож для чистки фруктов и овощей по эффективности не очень превосходил голые, но решительные руки.

Она подумала, не вернуть ли нож на прежнее место. Но здраво рассудила, что с приближением критического момента наблюдение за ней усилится и ее, скорее всего, близко не подпустят к ящику для столовых приборов.

Поэтому она спрятала нож в матрасе раскладного дивана, на котором спала каждую ночь. Приподняла матрас, на дне сделала трехдюймовый разрез, засунула нож в матрас и заклеила разрез двумя кусками изоляционной ленты.

Постельное белье она меняла сама, поэтому никто, кроме нее, не мог увидеть нижнюю сторону матраса.

И этой же ночью, после того как Престон уснет (о Синсемилле можно было не беспокоиться), Лайлани решила снова приподнять матрас, снять изоляционную ленту и достать нож. После чего она не расставалась бы с ним ни на секунду, чтобы в Айдахо или, возможно, в лесах Монтаны неприятно удивить Престона.

Ее мутило при мысли о том, что она ударит кого-то ножом, даже доктора Дума, одноклассники которого, составляя список, кого, вероятнее всего, зарежут, отвели ему верхнюю строчку только потому, что списка тех, кто более всего заслуживал удара ножа, не составлялось. В закаленности перед лицом не-

счастий Лайлани не уступала никому, но эта закаленность характеризовалась умением держать удары судьбы. А вот когда речь шла о насильственных действиях, которые подразумевали наличие жестокости... тут Лайлани могла оказаться совершенно беспомощной.

Но так или иначе, она собиралась носить нож при себе.

Лайлани все-таки полагала, что в решающий миг она сможет собрать волю в кулак и побороться за свою жизнь. Ее тело не столь деформировано, как было у Луки. Силой она всегда превосходила брата. Когда она осталась бы один на один со своим псевдоотцом, когда он сбросил бы маску, с которой ходил по жизни, когда открыл бы свое истинное лицо, она могла умереть той же страшной смертью, что и Луки, но не отдала бы свою жизнь за так. Она не знала, достанет ли ей духа воспользоваться ножом, но не сомневалась, что схватку с ней Престон Мэддок запомнит на всю оставшуюся жизнь.

Стон Синсемиллы заставил Лайлани развернуть кресло от ветрового окна к гостиной.

В мягком свете единственной лампы Синсемилла перекатилась на живот, приподняла голову, посмотрела в сторону кухни. Потом, словно ее принесли в дом на колесах в ящике для транспортировки домашних животных, поползла в направлении спальни.

Сидя в кресле, Лайлани наблюдала, как ее мать добралась до кухни и, по-прежнему лежа, открыла дверь холодильника. Синсемилла не собиралась ничего оттуда доставать, но не могла подняться на ноги, чтобы дотянуться до выключателей и зажечь лампу под потолком или над раковиной. В полосе ледяного света, медленно сужающейся, поскольку дверца начала закрываться, Синсемилла поползла к дверце буфета, за которой хранилось спиртное, для ее удобства у самого пола.

Что-то удерживало Лайлани, когда она поднялась с кресла и последовала за матерью. Ее нога в ортопедическом аппарате-протезе сгибалась не так плавно, как обычно, она шла по дому на колесах прихрамывая, как случалось, когда она, ради шутки, стремилась подчеркнуть свои физические недостатки.

К тому времени, когда Лайлани добралась до кухни, дверца холодильника закрылась. Она включила свет над раковиной.

Синсемилла достала из буфета литровую бутылку текилы. Сидела на полу, привалившись спиной к дверце. Бутылку поставила между бедер, безуспешно пытаясь ее открыть, словно навинчивающаяся пробка являла собой сложную конструкцию из далекого будущего, перед которой пасовали знания человека двадцать первого века.

С одной из верхних полок Лайлани взяла пластмассовый стакан. Вся посуда для питья в «Легком ветерке» была пластмассовая, из тех соображений, чтобы, пребывая в таком вот свинском состоянии, Синсемилла не поранилась стеклом.

Лайлани положила в стакан несколько кубиков льда и ломтик лайма.

Дорогая маман с радостью пила бы теплую текилу прямо из горлышка, прекрасно обойдясь без стакана, льда и лайма, но приходилось думать о последствиях. Из бутылки она выпивала слишком много и слишком быстро. В результате все то, что попадало в желудок, с той же скоростью возвращалось обратно. А блевотину приходилось убирать Лайлани.

Пока Лайлани не нагнулась, чтобы взять бутылку у матери, Синсемилла, похоже, и не подозревала о ее присутствии. Она отдала бутылку без сопротивления, но забилась в угол между двумя буфетами и подняла руки, прикрывая лицо. Слезы потекли по щекам, губы жалостливо изогнулись.

— Это же я,— подала голос Лайлани, предположив, что мать еще не вышла из наркотического транса и думает, что она не на кухне дома на колесах, а в одном из ее нереальных миров.

С перекошенным лицом, жалобным голосом Синсемилла взмолилась:

— Нет, подожди, нет, нет... я только хотела хлеба с маслом.

Наливая текилу, Лайлани стукнула горлышком о край пластикового стакана, когда услышала слово «хлеб».

В тех случаях, когда Лайлани просыпалась, чтобы обнаружить, что ортопедический аппарат исчез, когда ей приходилось долго и мучительно искать спрятанный коленный протез, дорогая маман откровенно радовалась, глядя на ее страдания, и говорила, что эта забава добавит ей уверенности в себе и напомнит, что жизнь «чаще швыряется в человека камнями, а не хлебом с маслом».

Это замечательное наставление Лайлани всегда относила на счет извращенности сознания Синсемиллы. Ей казалось, что хлеб с маслом не несет в себе большей смысловой нагрузки, чем булочки из овсяной муки, гренки с мармеладом и розы с длинным стеблем.

Сжавшись в комок, выглядывая сквозь забор пальцев-штакетин, очевидно, ожидая нападения, Синсемилла молила:

— *Не надо. Пожалуйста, не надо.*

— Это же я.

— *Пожалуйста, пожалуйста, не надо.*

— Мама, это Лайлани. Всего лишь Лайлани.

Ей не хотелось думать, что ее мать, возможно, не пребывает в нарисованной наркотиками фантазии, а вспоминает какой-то эпизод из своего прошлого, поскольку в этом случае напрашивался вывод, что когда-то она боялась, страдала, просила пощады, которой, возможно, не получала. А отсюда следовало, что она заслуживала не только презрения, но и как минимум толику сочувствия. Лайлани часто жалела свою мать. Жалость позволяла ей держаться на безопасной эмоциональной дистанции, но сочувствие предполагало общность страданий, разделенные ощущения, а она не собиралась, не могла простить мать до той степени, которую требовала даже толика сочувствия.

Дрожащее тело Синсемиллы билось о дверцы буфета, удары эти, казалось, сотрясали дыхательный тракт, и каждый вдох словно обрывался, не наполнив легкие воздухом, уступая место выдоху. Между выдохами с трудом прорывались сочащиеся отчаянием слова: *«Пожалуйста... пожалуйста... пожалуйста... Я просто... хотела... хлеба с маслом... Хлеба с маслом... Немного хлеба с маслом».*

Держа в руке пластиковый стакан с текилой, льдом и лаймом, как предпочитала дорогая маман, Лайлани опустилась на здоровое колено.

— Вот что ты хочешь. Возьми. Вот.

Два веера трясущихся пальцев прикрывали лицо Синсемиллы. В ее глазах, ярко-синих, едва видных сквозь решетку пальцев, читались уязвимость и ужас, каких Лайлани никогда раньше не видела. То был не экстравагантный страх перед монстрами, которые иногда сопровождали маман в психоделических путешествиях, то был более глубинный, животный ужас, который

не забывается по прошествии лет, который разъедает сердце и мозг, ужас перед чудовищем, возможно, уже покинувшим этот мир, но когда-то более чем реальным.

— *Немного хлеба... Только немного хлеба...*

— Возьми, мама, это текила, для тебя,— умоляла Лайлани, и голос ее дрожал, как и у матери.

— *Не бей меня... Нет... нет... нет...*

Лайлани настойчиво совала стакан в закрывающие лицо пальцы Синсемиллы.

— Вот он, чертов хлеб, хлеб с маслом, мама, бери. *Ради бога, возьми его!*

Никогда раньше она не кричала на мать. Последние четыре слова, выкрикнутые в раздражении, потрясли и испугали Лайлани, поскольку они открыли ей, что ее внутренние муки были куда острее, чем она признавалась сама себе, но даже ее крика оказалось недостаточно, чтобы вернуть Синсемиллу из воспоминаний в реальную жизнь.

Девочка поставила стакан на пол, между бедрами матери, где раньше стояла бутылка.

— Вот. Держи. Держи. Если перевернешь, будешь сама все подтирать.

Потом что-то случилось с ее забранной в металл ногой, а может, паника вызвала в мозгу короткое замыкание, сжегшее все воспоминания о том, как пользоваться ортопедическим аппаратом, но, так или иначе, Лайлани застыла коленопреклоненной перед падшим богом материнской любви, тогда как Синсемилла продолжала рыдать за решеткой пальцев. Кухня сжималась и сжималась, превращаясь в исповедальню, эффект клаустрофобии усиливался, все шло к тому, что вот-вот послышатся признания Синсемиллы, которые откроют Лайлани такие глубины ужаса, что ее засосет в них, как в трясину или зыбучие пески, откуда пути назад уже не будет.

Отчаянно стремясь вырваться из удушающей ауры матери, девочка схватилась за ближайший столик, за ручку холодильника и с трудом, но поднялась. Развернулась на деформированной ноге, оттолкнулась от холодильника и, шатаясь из стороны в сторону, двинулась к кабине «Легкого ветерка», словно шла по палубе качающегося на волнах корабля.

В кабине наполовину села, наполовину рухнула в кресло, сцепила руки на коленях, сжала зубы, подавляя желание заплакать. Сглотнула слюну, сдерживая слезы, потому что они могли снести все защитные сооружения, в которых она сейчас нуждалась, как никогда. Потом жадно хватала ртом воздух, но постепенно дыхание успокаивалось, и она все в большей степени брала себя в руки, как это удавалось ей всегда, какой бы подлой ни была провокация, каким бы сильным ни было разочарование.

Только через несколько минут Лайлани поняла, что сидит в кресле водителя, что подсознательно выбрала его за иллюзию контроля, которую это место создавало. Она не могла завести двигатель и уехать. Ключ Престон забрал с собой. Ей было всего девять лет. Ей требовалась подушка под задок, чтобы видеть поверх руля. И хотя она была ребенком только по возрасту, хотя ей никто и никогда не предоставлял возможности побыть ребенком, она выбрала это кресло, как его выбрал бы ребенок, прикидывающийся, что главный — это он. Если иллюзия контроля над ситуацией — единственный контроль, доступный тебе, если иллюзия свободы — единственная свобода, которую ты знала, тогда тебе лучше иметь богатое воображение и черпать хоть какую-то удовлетворенность в своих фантазиях, потому что другой удовлетворенности просто не получить. Она расцепила пальцы, схватилась за руль и сжала его с такой силой, что заболели руки, но не ослабила хватку.

Лайлани могла терпеть Синсемиллу, могла убирать за ней блевотину, могла подчиняться до той степени, которая не приносила вреда ей самой или другим, жалела ее, даже молилась за нее, но не хотела ей сочувствовать. Если и были причины для сочувствия, Лайлани не желала их знать. Потому что сочувствие означало сокращение той дистанции между ними, которая позволяла выжить в ограниченном пространстве дома на колесах. Потому что сочувствие могло привести к тому, что ее втянуло бы в водоворот хаоса, ярости, нарциссизма и отчаяния, который звался Синсемиллой. Потому что, черт побери, если дорогая маман сама страдала, будучи ребенком или девушкой-подростком, даже если страдания заставили ее искать убежища в наркотиках, у нее тем не менее была такая же свободная воля, как и у всех, возможность противостоять неверным решениям и легким способам ухода от боли. И если она не считала, что

должна очиститься от налипшей к ней грязи ради себя, она не имела права забывать о долге перед детьми, которые не хотели рождаться с экстрасенсорными способностями или рождаться вообще. Никто и никогда не увидел бы Лайлани Клонк, употребляющую наркотики, напившуюся, лежащую в собственной блевотине, в собственной моче. Она могла быть мутанткой, так уж получилось, но собиралась жить достойно. Сочувствие к матери — это уже чересчур, дорогой Бог, это слишком много, слишком. Она не могла этого дать, потому что цена тому — разрушение маленького храма в ее сердце, крохотного островка покоя, куда она могла удаляться в самые тяжелые времена, где мать не могла ее достать, где Синсемиллы просто не существовало и где, соответственно, теплилась надежда.

А кроме того, если бы она согласилась сочувствовать матери, она не смогла бы дозировать сочувствие, она достаточно хорошо знала себя, чтобы понимать, что полностью откроет кран. И потом, если она будет тратить сочувствие на дорогую маман, она потеряет ту бдительность, которая ей сейчас так необходима. Она расслабится. Она может не заметить «Микки Финна». А когда очнется от глубокого сна, то обнаружит, что рука у нее уже покрыта ругательствами или лицо изуродовано под стать деформированной руке. Даже реки сочувствия не могли отмыть мать от ее наркотических пристрастий, от ее фантазий, от ее самовлюбленности, потому что и вызывающее жалость чудовище все равно оставалось чудовищем.

Лайлани сидела в кресле водителя и крепко держалась за руль. Она никуда не ехала, но, по крайней мере, не сползала в пучину, которая давно уже грозила поглотить ее.

Ей требовался нож. Ей требовалась сила, без разницы, откуда эта сила могла взяться, ей требовалось стать сильнее, чем она когда-либо была. Она нуждалась в Боге, в его любви и помощи, и теперь она просила Создателя помочь ей и держалась за руль, держалась, держалась...

Глава 56

И вот тут перед Кертисом Хэммондом встает моральная дилемма, с которой он никак не ожидал столкнуться. И главное, где — во «Флитвуде», припаркованном в кемпинге Туин-Фолс,

штат Айдахо. С учетом всех экзотических, необычных, опасных, просто невероятных мест Вселенной, где ему довелось побывать, просто удивительно, что величайший моральный кризис в его жизни пришелся на земное захолустье. Захолустье, конечно, но слово это никоим образом не относилось к близняшкам Спелкенфелтер, только к местности, где произошло это знаменательное событие.

Его мать являлась светочем надежды и свободы в борьбе, которая охватывала не просто звездные системы, но галактики. Она сталкивалась с убийцами куда более жестокими, чем ложные па и ма на автозаправочной станции с магазином на перекрестке дорог, она принесла свет свободы и такую нужную надежду бессчетному числу душ, она посвятила свою жизнь борьбе с темнотой невежества и ненависти. Кертис больше всего на свете хочет продолжать ее дело, и знает, что его шанс на успех — следовать установленным ею правилам и уважать ее мудрость, которая далась потом и кровью.

Одна из наиболее часто повторяемых матерью аксиом гласит: на какой бы ты ни находился планете, какой бы ни была степень развития тамошней цивилизации, ты ничего не добьешься, если откроешь свое инопланетное происхождение. Если местные жители узнают, что ты прилетел с другой планеты, тогда контакт с инопланетянами становится главной сенсацией, и сенсация эта затмевает твои слова, твои идеи, а потому твоя миссия никогда не будет успешной.

«Ты должен приспосабливаться. Ты должен стать частью того мира, который надеешься спасти».

И хотя в конце концов, возможно, наступит время, когда придется открыться, большая часть работы должна выполняться скрытно.

Более того, цивилизация, по спирали скатывающаяся в пропасть, может считать завораживающим это спиральное движение, может стремиться к тому, что ждет в глубинах. Люди часто видят романтику темноты, но не хотят замечать ужаса, который ждет на дне, где темнота гуще всего. Следовательно, они отталкивают руку помощи, с какими благими намерениями ни протягивалась бы эта рука, и, такое случалось, даже убивают своих будущих благодетелей.

В этой работе, по крайней мере в начале, секретность — ключ к успеху.

Поэтому, когда Кэсс, в мерцающем свете свечей, наклоняется над столом и спрашивает Кертиса, пришелец ли он, когда Полли задает тот же вопрос Желтому Боку, когда обе великолепные близняшки в унисон требуют: «Выкладывайте все, Ипы»,— Кертис встречается взглядом с буравящими его синими глазами одной сестры, потом с буравящими его синими глазами другой, прикладывается к бутылке безалкогольного пива, напоминает себе о мудрости матери, которая отложилась у него в голове не с помощью метода прямой информационной загрузки мозга, а за десять лет каждодневного общения, набирает полную грудь воздуха и отвечает: «Да, я пришелец»,— а потом рассказывает им всю правду и ничего, кроме правды.

В конце концов, мать учила его, что при возникновении экстраординарной ситуации допустимо и даже целесообразно нарушить любое правило. И она часто говорила, что время от времени ты встречаешься с кем-то настолько особенным, что встреча эта совершенно неожиданно меняет твою жизнь, меняет навсегда и непременно к лучшему.

Гэбби, ночной сторож восстановленного города-призрака в Юте, не стал той силой, которая могла привнести в его жизнь позитивные перемены.

А вот сестры Спелкенфелтер, с их широченным спектром взаимных интересов, с их ненасытной жаждой жизни, с их добрейшими сердцами и безграничной нежностью — те самые волшебные существа, о которых говорила его мать.

Радость, с которой они впитывают в себя его откровения, вызывает восторг у мальчика-сироты. Детский восторг от встречи с чудом в них так силен, что он буквально видит, как сестры выглядели и как вели себя, когда маленькими девочками жили в Индиане. А теперь, пусть и не так, как Желтый Бок, Кастория и Поллуксия тоже становятся ему сестрами.

Глава 57

Может, Престон заигрался в «блэк джек» в маленьком казино Хоторна, а может, нашел отличную смотровую площадку, чтобы изучить великолепную панораму звездного неба, раски-

нувшегося над пустыней, в надежде засечь инопланетный звездолет, совершающий контрольный облет маленьких, затерявшихся в безлюдных местах городков. А может, он так долго не возвращался с обеда, потому что решил убить какого-нибудь бедолагу с обрубками вместо рук, то есть неспособного вести полноценную жизнь.

Наконец появившись, он принес большие пакеты, из которых распространялись дразнящие ароматы. Сандвичи с мясом, сыром, луком и перчиками, купающимися в майонезе. Контейнеры с картофельным салатом, салатом с макаронами. Рисовый пудинг, ананасный торт.

Для Синсемиллы заботливый муж прихватил сандвич с помидорами и цуккини, с фасолевой пастой и горчицей, на белом хлебе, плюс огурчики, посоленные в морской соли, и тофу-пудинг с запахом краба.

Но после долгого дня, проведенного в дороге, наркотиков вынюханных, наркотиков выкуренных, наркотиков съеденных и запитых текилой, бессознательное состояние дорогой маман, к сожалению, не позволило ей принять участие в семейном обеде.

Доблестный Престон доказал, что он не только ученый, но и атлет. Подхватив обмякшее тело жены с пола, он отнес ее в их спальню в конце дома на колесах, где она никому не мозолила глаза. Когда ее уносили, Синсемилла не издала ни звука и подавала не больше признаков жизни чем, скажем, мешок с цементом.

Доктор Дум какое-то время оставался в их будуаре, но, хотя дверь оставалась открытой, Лайлани не решилась ни на шаг подойти к зловещему порогу, чтобы посмотреть, что творится за ним. Она предположила, что он расстилает кровать, зажигает палочку благовоний с ароматом клубники и киви, раздевает коматозную невесту, готовит сцену для слияния двух тел, до которой не додумалась не столь давно ушедшая от нас дама Барбара Картленд, плодовитый автор романтических историй, пусть и написала она их многие сотни.

Лайлани воспользовалась отсутствием Престона, чтобы разложить диван в гостиной, уже застеленный простынями и одеялом, и заглянуть в пакеты с едой, чтобы взять причитающуюся ей долю самого вкусного. С обедом и романом о злобных свинолюдях из другой реальности она устроилась на разложенном

диване, делая вид, что очень увлечена едой и книгой, все для того, чтобы не сидеть за одним столом с псевдоотцом.

Но опасения, что ей придется обедать с Престоном Мэддоком, или Джорданом Бэнксом, возможно, в компании черных свечей и выбеленного солнцем черепа, оказались беспочвенными. Он открыл бутылку «Гиннесса» и уселся в столовой в гордом одиночестве, не пригласив ее присоединиться к нему.

Сидел лицом к ней, примерно в двенадцати футах.

Спасибо периферийному зрению, Лайлани знала, что время от времени он смотрел на нее, возможно и подолгу, но при этом не произнес ни единого слова. Собственно, он не говорил с ней после ленча в кафетерии к западу от Вегаса. Поскольку она открыто заявила, что он убил ее брата, доктор Дум дулся.

Казалось бы, маньяки-убийцы по определению не могли быть тонкокожими. Учитывая их преступления против других человеческих существ, против человечества вообще, они не могли не ожидать, что это самое человечество воспримет их мотивы как спорные и даже оскорбительные. Но за годы, проведенные с Престоном, Лайлани на собственном опыте убедилась, что чувства у маньяков-убийц очень нежные, а сами они даже более ранимы, чем девушки в период полового созревания. Она кожей ощущала изливающуюся из него обиду за проявленную к нему несправедливость.

Он, разумеется, знал, что убил Лукипелу. Потерей памяти не страдал. И убивал, и хоронил Луки не под гипнозом. Однако он явно полагал, что Лайлани допустила бестактность, упомянув об этом печальном событии за ленчем да еще в присутствии совершенно незнакомого человека. При этом она поставила под вопрос достоверность его слов об инопланетных целителях и их левитационном луче, на котором отбыл Луки.

И у нее не было ни малейших сомнений, что Престон улыбнулся бы ей, если бы она оторвалась от книги про свинолюдей, чтобы извиниться, и сказал: *«Да ладно, все нормально, тыковка, каждый допускает ошибки»*. От таких мыслей по коже бежали мурашки, но не думать об этом она не могла.

В этот самый момент inamorata* доктора Дума ожидала его, шустрая, как студень, проворная, как головка сыра. Волну-

* Возлюбленная *(итал.)*.

ющая перспектива любовных ласк возбуждала, так что за обедом доктор Дум не засиделся. Быстро поел и вернулся в спальню, на этот раз затворив за собой дверь, оставив на обеденном столе пакеты, контейнеры, грязные пластмассовые ложки в полной уверенности, что Лайлани приберет за ним.

Как только за ним закрылась дверь, девочка выпорхнула из постели, схватила пульт дистанционного управления, включила какую-то напрочь лишенную юмора комедию положений. Звук оставила не слишком громкий, но достаточный для того, чтобы заглушать проявления страсти, которые в противном случае могли доноситься из спальни в дальнем конце дома на колесах.

Пока инкубатор чудо-детей лежала бесчувственная, как полено, пока Престон только ему ведомыми способами утолял свою страсть в любовном гнездышке, Лайлани приподняла изножие матраса, в правом углу оторвала две полоски изоляционной ленты, сунула руку в разрез, нащупала пластиковый пакет, в который много месяцев тому назад завернула нож, чтобы он под действием вибрации постепенно не ушел в глубь матраса.

И сразу поняла, что пакетик стал другим. Изменились размер, форма, вес.

Пластик был прозрачным, поэтому, вытащив его, она сразу увидела, что лежит в нем не нож, а статуэтка пингвина, не так давно принадлежавшая Тетси, безделушка, которую Престон принес с собой, потому что она напомнила ему Луки, зловещий сувенир, который Лайлани оставила Дженеве Дэвис.

Глава 58

Полночь в Сакраменто: этим трем словам никогда не быть названием романа или бродвейского мюзикла.

Так же как любой город, Сакраменто обладал своей особенной красотой и очарованием. Но для занятого собственными заботами, уставшего путника, прибывшего в столь поздний час, ищущего дешевый мотель, столица штата казалась скучным и унылым местом.

Съезд с автострады привел Микки в совершенно пустынный коммерческий район: ни прохожих на тротуарах, ни автомобилей на мостовой. Акры и акры бетона и стекла, которые придавливали ее к земле, несмотря на многоцветье неоновых вывесок. Яркий свет соседствовал с глубокими тенями, которые сбивали с толку, создавали средневековую атмосферу. В какой-то момент она даже приняла груду опавшей листвы в сливной канаве за кучу дохлых крыс. И подумала, что скоро увидит труп человека, умершего от чумы.

Несмотря на пустынность улиц, тревога ее имела внутренние, а не внешние причины. Поездка на север заняла слишком много времени, и чуть ли не все это время было занято мыслями о том, что она может подвести Лайлани.

Наконец Микки нашла мотель, цены которого могла себе позволить, и ночной портье оказался и живым, и принадлежащим к этому столетию. Его футболка настаивала, что «ЛЮБОВЬ — ВОТ ОТВЕТ!». С маленьким зеленым сердечком вместо точки в восклицательном знаке.

Она занесла чемодан и сумку-холодильник в свой номер на первом этаже. По дороге съела только яблоко, ничего больше.

На дизайнере хозяева мотеля явно сэкономили, поэтому ни о каком подборе цветовой гаммы стен и мебели не могло быть и речи. Однако к чистоте особых претензий быть не могло: если тараканы тут и водились, то не в огромных количествах.

Она села на кровать, рядом поставила сумку-холодильник. Ледяные кубики в непромокаемых мешочках растаяли только наполовину. Кока в банках осталась холодной.

Она съела сандвич с курятиной, запивая его кокой и параллельно переключая телевизор с одного позднего ток-шоу на другое. Ведущие попались веселые, но цинизм, без которого не обходилась ни одна шутка, удручал: она чувствовала, что за ним скрывается отчаяние.

Свернув с автострады, по пути в мотель Микки проехала мимо винного магазина. Закрыв глаза, тут же увидела ряды поблескивающих бутылок, выстроившиеся на полках в витринах.

Порывшись в сумке-холодильнике, достала специальное угощение, о котором говорила Дженева. В банке из зеленого стекла с завинчивающейся крышкой.

Угощением оказались свернутые десятки и двадцатки, перехваченные резинкой. Тетя Джен спрятала деньги на дне холодильника и упомянула о них в самый последний момент, правильно рассчитав, что иначе Микки бы их не взяла.

Четыреста тридцать баксов. Куда больше, чем тетя Джен могла вложить в это предприятие.

Пересчитав деньги, Микки вновь свернула купюры и убрала их в банку. Поставила сумку-холодильник на комод.

В принципе находка ее не удивила. Тетя Джен не задумываясь отдавала последнее.

В ванной, умывая лицо, Микки подумала еще об одном даре, полученном в виде загадки в шестилетнем возрасте: *«Что ты найдешь за дверью, которая в одном шаге от рая?»*

«Дверь в ад»,— ответила Микки, но тетя Джен сказала, что ответ неправильный. И хотя юная Микки полагала, что ответ логичный и правильный, ей пришлось согласиться, потому что, в конце концов, загадку загадывала тетя Джен.

«Смерть,— в стародавние времена ответила Микки.— *Смерть находится за дверью, потому что люди должны умереть, прежде чем они могут попасть в рай. Мертвые люди... они такие холодные и так странно пахнут, поэтому в раю, должно быть, воняет».*

«Тела не попадают в рай,— объяснила тетя Джен.— *Туда попадают только души, а души не разлагаются».*

После еще нескольких неправильных ответов, днем или двумя позже, Микки предложила такой вариант: *«За дверью в шаге от рая я найду кого-то, кто поджидает меня, чтобы не пропустить к следующей двери, чтобы не дать мне войти в рай».*

«Какой странный ответ, маленькая мышка. Кому захочется не пускать в рай такого ангела, как ты?»

«Многим».

«Например?»

«Они не пускают в рай, заставляя делать плохое».

«Ну, у них ничего не выйдет. Потому что ты не сможешь быть плохой, даже если постараешься».

«Я могу быть плохой,— заверила ее Микки.— *Я могу быть очень плохой».*

Эти слова растрогали тетю Джен до глубины души. Она, конечно же, думала, что за ними ничего не стоит.

«Знаешь, дорогая, в последнее время я не знакомилась со списком преступников, разыскиваемых ФБР, но подозреваю, что тебя в нем нет. Назови мне хоть один твой плохой поступок, который не позволит тебе попасть в рай».

Эта просьба мгновенно заставила Микки разрыдаться.

«Если я тебе скажу, ты больше не будешь меня любить».

«Ну что ты, маленькая мышка, ну что ты, иди сюда, тетя Джен обнимет тебя. Успокойся, маленькая мышка, я всегда буду тебя любить, всегда-всегда».

Слезы привели к объятиям, объятия — к выпечке, а когда пирожки достали из духовки, разговор перешел на другое и не касался этой темы двадцать два года, пока, двумя ночами раньше, Микки наконец не заговорила о том, что ее мать в своих романтических увлечениях отдавала предпочтение плохишам.

«Что ты найдешь за дверью, которая находится в одном шаге от рая?»

Правильный ответ тети Джен превратил вопрос из загадки в прелюдию к концепции веры.

Здесь, сейчас, почистив зубы и всматриваясь в свое отражение в зеркале, Микки вспоминала правильный ответ... и гадала, сможет ли она поверить, что он действительно правильный, как верила в это ее тетя?

Она вернулась к кровати. Погасила свет. Завтра — Сиэтл. В воскресенье — Нанз-Лейк.

А если Престон Мэддок не покажется там?

Она так устала, что заснула, несмотря на волнения... и видела сны.

Окна, забранные тюремными решетками. Печально посвистывающие поезда.

Пустынную, тускло освещенную станцию. Мэддока, ждущего с инвалидной коляской. Парализованная, беспомощная, не имея возможности сопротивляться, она наблюдала, как ее передают ему. *«Мы вырежем большую часть твоих органов, чтобы отдать людям, которые их заслуживают,*— говорил он,— *но одна часть твоего тела — моя. Я вскрою тебе грудь и съем твое сердце, пока ты еще будешь жива».*

Глава 59

Найдя пингвина на месте ножа для чистки овощей и фруктов, Лайлани поднялась быстрее, чем позволял коленный протез. Внезапно Престон стал всевидящим, всезнающим. Она бросила взгляд в сторону камбуза, ожидая, что он стоит там и улыбается, словно собираясь сказать: *«Фу!»*

Персонажи телевизионной комедии сразу превратились в мимов и не стали менее забавными, когда Лайлани, нажав на кнопку «MUTE» на пульте дистанционного управления, отключила звук.

Подозрительная тишина клубилась в спальне, словно он выжидал, стараясь уловить момент, когда сможет поймать ее с пингвином в руках... не для того, чтобы отругать или наказать,— просто позабавиться.

Лайлани двинулась из гостиной к камбузу, остановилась посередине. С тревогой всмотрелась в заднюю часть дома на колесах.

Дверь в ванную-прачечную открыта, за ней — полумрак, упирающийся в закрытую дверь спальни.

Тонкая полоска теплого желтого света пробивалась между дверью и порогом.

Странное дело. Обычно Престона Мэддока не вдохновлял романтический свет прикрытой шелком настольной лампы или свечей. По большей части он предпочитал темноту, возможно, чтобы представлять себе, что спальня — морг, кровать — гроб. Иногда...

Желтый свет погас. Темнота соединила дверь с порогом. А потом Лайлани вновь различила щель: ее высветил экран телевизора. Двигающиеся по нему фантомы отбрасывали свои призрачные тени на стены спальни.

Она услышала знакомые звуки, музыкальную заставку «Лиц смерти». Этот отвратительный документальный видеофильм включал уникальные, заснятые на пленку свидетельства смерти и того, что происходило потом, уделяя особое внимание человеческим страданиям и трупам в различной степени растерзанности и разложения.

Престон смотрел этот видеофильм так часто, что наверняка запомнил каждый омерзительный эпизод, точно так же как запоминали каждый кадр фанаты *«Стар трек III: Поиски Спока»* и могли слово в слово повторить любой диалог. Иногда Синсемилла составляла ему компанию: восхищение этим документальным фильмом стояло за страстью к фотографированию дорожных аварий.

Сама Лайлани после нескольких минут просмотра «Лиц смерти» вырвалась из удерживающих ее рук Синсемиллы и с

тех пор отказывалась смотреть на это буйство жестокости. То, что зачаровывало псевдоотца и пчеломатку, у Лайлани вызывало тошноту. Помимо рвотного рефлекса видеофильм пробудил в ней такую острую жалость к реальным умершим и умирающим людям, которых она увидела на экране за три или четыре минуты, проведенные перед телевизором, что она заперлась в туалете, сотрясаясь от рыданий.

Иногда Престон называл «Лица смерти» сильным интеллектуальным стимулятором. Случалось, он характеризовал этот документальный фильм как авангардное искусство, настаивая, что его привлекает не содержание, а творческий подход к освещению столь щекотливой темы.

«По правде говоря,— думала Лайлани,— если тебе даже девять с небольшим лет, нет нужды быть вундеркиндом, чтобы понимать, что это видео воздействует на доктора Дума точно так же, как эротические фильмы, поставленные на поток «Плейбоем», воздействуют на большинство мужчин. Ты это понимаешь, само собой, но только не хочется часто и глубоко над этим задумываться».

Музыка стала тише: Престон убрал звук. Ему нравилось, чтобы звучала она едва слышно, поскольку куда большее удовольствие доставляли ему сами умирающие или разлагающиеся люди, а не крики боли и отчаяния.

Лайлани ждала.

Призрачный свет мерцал под дверью, бледные призраки двигались по экрану.

По ее телу пробежала дрожь, когда она поняла, что Престон включил видеокассету не для отвода глаз, чтобы потом застигнуть ее врасплох. Любовь... или то, что выдавалось на борту «Легкого ветерка» за любовь... цвела пышным цветом.

Лайлани смело прошла на камбуз, включила свет над раковиной, который ранее выключил Престон, выдвинула ящик со столовыми приборами. Вытащив из матраса нож для чистки фруктов, он не вернул его к остальным ножам. Пропал и мясницкий нож, и нож для резки хлеба... собственно, все ножи. Исчезли.

Она продолжила инспекцию. Чайные ложки, столовые ложки, десертные ложки лежали в своих ячейках. Ножей для стейков нет. Как нет и столовых ножей, пусть и слишком тупых для

того, чтобы служить эффективным оружием. Участь ножей разделили и вилки.

Ящик за ящиком, одну секцию буфета за другой, Лайлани обследовала камбуз, уже не заботясь о том, что Престон может ее поймать. Ей требовалось найти оружие, чтобы защищаться.

Да, конечно, с помощью напильника или рашпиля она могла бы заточить обычную чайную ложку, превратив ее в острый нож. Может, ей бы удалось это сделать и в доме на колесах, пусть ее левая рука немного деформированная, немного неуклюжая и напоминает недожаренный оладушек. Но как это сделать, не имея напильника или рашпиля?

К тому времени, когда Лайлани открыла последний ящик, проверила последнюю полку, заглянула в посудомоечную машину, она поняла, что Престон убрал из дома на колесах все, что могло бы служить оружием.

Он так же очистил камбуз от приспособлений, которые могли бы заменить напильник или рашпиль и переделать ту же чайную ложку в смертоносное орудие.

Он готовился к завершению игры.

Может, им предстояло ехать в Монтану после встречи с излеченным инопланетянами психом из Нанз-Лейк. А может, Престон решил пожертвовать симметрией, не хоронить ее в одной могиле с Луки и убить прямо в Айдахо.

После стольких лет, проведенных на борту «Легкого ветерка», камбуз она знала как свои пять пальцев, однако чувствовала себя совершенно потерянной, словно заблудилась в чащобе первобытного леса. Она медленно поворачивалась вокруг своей оси, словно искала тропку, которая могла вывести ее в знакомые места, но поиски не давали результата.

Слишком долго она исходила из того, что до дня рождения ей ничего не грозит, что у нее будет время, чтобы найти путь к спасению. И в итоге не позаботилась о запасных вариантах. Пропажа ножа во всех смыслах оставила ее с пустыми руками.

По всему выходило, что Престон изменил дату расправы раньше, чем Лайлани обратилась за помощью к официантке кафетерия. Доказательством тому служили исчезнувшие ножи, которые он, должно быть, убрал из дома на колесах ночью, до того как ранним утром привез ее и Синсемиллу в гараж, чтобы загрузить в «Легкий ветерок».

Она оказалась совершенно неподготовленной к борьбе за свободу. Но, похоже, ей следовало подготовиться к воскресенью, когда они намеревались прибыть в Нанз-Лейк.

А до этого момента ей оставалось только одно: создавать у Престона впечатление, что она не раскрыла замену спрятанного ножа для чистки фруктов и овощей на пингвина и не заметила исчезновения из кухни всех режущих и колющих предметов. Ему нравилось дразнить ее, и она не желала, чтобы он знал, каким она охвачена страхом, не хотела, чтобы он наслаждался испытываемым ею ужасом.

А кроме того, узнав, что ей известно о пингвине, он мог еще ближе сдвинуть день казни. Мог и не дожидаться, пока они приедут в Айдахо.

Поэтому она, как обычно, убрала со стола. Остатки еды положила в холодильник. Вымыла пластиковые ложки (только ложки!), которые Престон принес вместе с едой, и бросила в мусорный контейнер.

Вернувшись к раскладному дивану, положила пингвина в тайник, заклеила разрез двумя полосками изоляционной ленты.

Воспользовавшись пультом дистанционного управления, прибавила звук телевизора, чтобы заглушить музыку и голоса «Лиц смерти».

Забралась на диван, где оставался недоеденный обед. Пусть и без аппетита, но все съела.

Потом, лежа в одиночестве, при включенном телевизоре, разгоняющем темноту, отбрасывающем мертвенные блики на бога Солнца, нарисованного на потолке, задалась вопросом: а что сталось с миссис Ди и Микки? Она оставила пингвина им, но каким-то образом он оказался у Престона. А ведь ни миссис Ди, ни Микки добровольно пингвина ему бы не отдали.

Она понимала, что им нужно позвонить.

У Престона был сотовый телефон, обеспечивающий связь с любой точкой мира, но если он не носил его на поясе, то оставлял в спальне, куда Лайлани входить запрещалось.

За долгие месяцы ей удалось спрятать в различных тайниках дома на колесах три четвертака. Монетки она добывала из кошелька Синсемиллы, когда они оставались на борту «Легкого ветерка» вдвоем, а ее мать «улетала» в другие реальности.

В самом крайнем случае, добравшись до телефона-автомата, она могла позвонить в полицию. Могла также позвонить наложенным платежом, чтобы разговор оплатил абонент на другом конце провода... хотя миссис Ди и Микки были единственными, кто согласился бы заплатить за разговор с ней.

В ближайшем мотеле-казино телефоны-автоматы конечно же были, но она не знала, как добраться до них. Впрочем, до утра об этом просто не могло быть и речи, потому что, прибыв с обедом, Престон активировал систему охранной сигнализации, воспользовавшись пультом управления у двери. Комбинацию, которая отключала сигнализацию, знали только он и Синсемилла. Ее попытка открыть дверь изнутри закончилась бы воем сирены и включением всех ламп «Легкого ветерка».

Когда Лайлани закрывала глаза, перед ее мысленным взором возникали миссис Ди и Микки, сидящие за кухонным столом, при свечах, смеющиеся, как в тот вечер, когда они пригласили ее к обеду. Она молилась за их благополучие.

«Когда твоя левая рука будто у выжившего после ядерного холокоста, когда твоя левая нога ни на что не годится без ортопедического аппарата, ты ждешь, что люди будут смотреть на тебя как на выродка, таращиться, глазеть и в ужасе отворачиваться или бежать прочь, если ты зашипишь на них или выкатишь глаза,— думала Лайлани.— Но вместо этого, даже если ты мило улыбаешься, вымыла волосы и думаешь, что выглядишь вполне пристойно, даже красиво, они отводят от тебя взгляды или смотрят *сквозь* тебя, может, потому, что ты их раздражаешь, словно они верят, что твои уродства — твоя вина, а потому ты должна их стыдиться. А может, большинство людей смотрят сквозь тебя, потому что не доверяют себе и боятся, что на тебя они будут не смотреть, а глазеть, боятся, что, заговорив с тобой, непреднамеренно скажут что-то обидное. А может, они думают, что ты застенчивая и хочешь, чтобы на тебя обращали поменьше внимания. А может, процент человеческих существ, которых не назовешь иначе, как законченными говнюками, значительно выше, чем тебе хотелось бы верить. Когда ты говоришь с ними, большинство слушает вполуха, а если, даже слушая вполуха, они понимают, что ты умна, некоторые просто перестают тебя слышать и все начинают говорить с тобой как с

недоразвитым ребенком, потому что в силу своей невежественности ассоциируют физические недостатки с умственной отсталостью. А если в дополнение к деформированной руке и походке чудовища Франкенштейна ты еще ребенок и ни дня не сидишь на одном месте, постоянно колеся по стране в поисках инопланетных целителей, ты просто становишься *невидимой*».

Однако тетя Джен и Микки увидели Лайлани. Смотрели на нее как на нормального человека. Слушали ее. Она существовала для них, и она любила их за то, что они ее видели.

Если из-за нее им причинили вред...

Лайлани лежала без сна, пока таймер не отключил телевизор, потом закрыла глаза, чтобы не видеть сонную улыбку чуть фосфоресцирующего бога Солнца на потолке, тревожась о том, не умерли ли они страшной смертью. Если Престон убил Джен и Микки, тогда она, Лайлани, найдет способ убить его, чего бы ей это ни стоило, даже ценой собственной жизни, потому что со смертью Джен и Микки жить просто не имело смысла.

Глава 60

— У вас такая увлекательная работа. Если бы я могла прожить свою жизнь заново, то обязательно стала бы частным детективом. Вы называете себя диками*, не так ли?

— Может, некоторые и называют, мэм,— ответил Ной Фаррел,— но я называю себя пи-ай**. Вернее, называл.

Даже утром, за два часа до полудня, августовская жара оккупировала кухню, словно живое существо, огромная кошка с нагретым лучами солнца мехом, развалившаяся между ножками стола и стульев. Ной чувствовал, как на лбу выступают капельки пота.

— Когда мне было чуть больше двадцати, я без ума влюбилась в пи-ая. Хотя, должна признать, не была его достойна.

— Я просто не могу в это поверить. Такая-то красотка.

— Вы такой милый. Но, скажу честно, тогда я была плохой девочкой, а он, как принято у частных детективов, следовал

---

* Разговорное прозвище частного детектива.

** По начальным буквам слов Private Investigator (частный детектив).

определенным этическим нормам, от которых не пожелал отступаться ради меня. Но вы лучше меня знаете этику пи-аев.

— Мою не следует брать в качестве примера.

— Я искренне в этом сомневаюсь. Как вам мои пирожные?

— Восхитительны. Но это не миндаль, не так ли?

— Правильно. Орех пекан. Как вам ванильная кока?

— Я думал, это вишневая кока.

— Да, я использовала вишневый сироп вместо ванильного. Два дня пила ванильную коку с ванилью. Одинаковое приедается, знаете ли.

— Я с детства не пил вишневую коку. Просто забыл, какая она вкусная.

Улыбаясь, указывая кивком головы на его стакан, Дженева спросила:

— Так что вы скажете насчет ванильной коки?

Просидев за кухонным столом Дженевы Дэвис пятнадцать минут, Ной приспособился к ее манере разговора. Он поднял стакан, словно собрался произнести тост.

— Восхитительная. Так вы говорите, ваша племянница вам звонила?

— Да, в семь утра, из Сакраменто. Я волновалась, как там она одна. Красивой девушке опасно находиться в городе, где так много политиков. Но она уже в пути, надеется к вечеру добраться до Сиэтла.

— Почему она не полетела в Айдахо?

— Возможно, ей не удастся сразу увезти Лайлани. Может быть, ей придется следовать за ними куда-то еще и даже не один день. Поэтому она предпочла поехать на своей машине. Плюс у нее слишком мало денег, чтобы летать на самолетах и арендовать автомобили.

— Так у вас есть номер ее сотового телефона?

— Мы не из тех, кто пользуется сотовыми телефонами, дорогой. Мы бедные церковные мышки.

— Я не думаю, что она поступает благоразумно, миссис Дэвис.

— О господи, разумеется, неблагоразумно, дорогой. Просто она должна так поступать.

— Престон Мэддок — грозный противник.

— Он отвратительный, психически больной сукин сын, дорогой. Поэтому мы и не можем допустить, чтобы Лайлани оставалась с ним.

— Даже если ваша племянница не попадет в какую-нибудь передрягу, даже если найдет девочку и привезет сюда, вы понимаете, чем ей это будет грозить?

Миссис Дэвис кивнула, отпила из стакана.

— Как я понимаю, губернатор заставит ее надышаться смертельным газом. И меня, без всякого сомнения, тоже. Вы думаете, он оставит нас в покое, после того как заставил платить втрое больше за электричество?

Ной протер лоб бумажной салфеткой.

— Миссис Дэвис...

— Пожалуйста, зовите меня Дженевой. Такая красивая гавайская рубашка.

— Дженева, какими бы ни были мотивы, похищение ребенка — это похищение. Федеральное преступление. Будет задействовано ФБР.

— Мы думаем о том, чтобы спрятать Лайлани с попугаями,— призналась Дженева.— Там они ее не найдут.

— С какими попугаями?

— Сестра моего мужа, Кларисса, очень милая женщина с зобом и шестьюдесятью попугаями. Она живет в Хемете. Кто бывает в Хемете?

Никто. И уж конечно не ФБР.

— Они найдут девочку и в Хемете,— на полном серьезе заверил ее Ной.

— Один из попугаев — отчаянный матерщинник, но остальные не ругаются. А этот принадлежал полицейскому. Грустно, не правда ли? *Сотруднику полиции.* Кларисса пыталась отучить его от скверной привычки, но куда там.

— Дженева, если девочка все это не выдумала, даже если ей грозит реальная опасность, вы не можете вершить закон своими руками...

— Законов в наши дни много,— прервала его Дженева,— вот только справедливости не хватает. Знаменитости убивают жен и остаются на свободе. Мать убивает своих детей, а газетчики и телевизионщики говорят, что *она — жертва*, и просят читателей и зрителей посылать деньги ее адвокатам. Когда все

ставится с ног на голову, только дурак может сидеть и ждать, что справедливость восторжествует.

Он видел перед собой совсем не ту женщину, с которой он говорил мгновением раньше. Ее глаза стали холодными, как лед. Лицо закаменело, хотя он и подумать не мог, что такое возможно.

— Если Микки не поможет девочке,— продолжала она,— этот негодяй убьет Лайлани, обставит все так, будто ее и не существовало, и *всем, кроме меня и Микки, будет наплевать на то, что потеряет мир.* А вы можете мне поверить, потеря будет большая, потому что девочка эта особенная, у нее сияющая душа. В наши дни люди делают героев из актеров, певцов, обезумевших от власти политиков. Как все извратилось, если таких людей называют героями! Я бы отдала всех этих самолюбцев за одну эту девочку. У нее больше стали в позвоночнике и доброты в сердце, чем у тысячи этих так называемых героев. Еще пирожное?

В последнее время источником сахара для Ноя служил спирт, содержащийся в алкогольных напитках, но он чувствовал, что ему не помешает дополнительный сахар, чтобы подбодрить себя, удержаться наравне с этой женщиной и донести до нее главную идею, с которой пришел. Он взял с тарелки пирожное.

— Вы нашли какие-нибудь сведения о женитьбе Мэддока на матери Лайлани?

— Нет. Даже со всеми ресурсами Интернета, это большая страна.

В некоторых штатах, если вы приводите убедительную причину и у вас есть друзья в нужных местах, можно устроить закрытое бракосочетание в апартаментах судьи. Ваш брак должным образом регистрируется, вы получаете свидетельство, но сведения об этом не публикуются. Отследить это не так-то легко. Вполне вероятно, что они поженились в другой стране, где регистрируют браки иностранцев. Может, в Мексике. Или, что вероятнее, в Гватемале. Много времени и средств удалось бы сберечь, если бы Лайлани сказала нам, где прошла регистрация.

— Мы бы обязательно спросили ее, если бы она вновь пришла к нам на обед. Но мы больше ее не видели. Я предполагаю,

что выяснить истинное имя ее матери и найти факты, подтверждающие существование брата, будет не легче, чем узнать, где их расписали.

— Трудно, но возможно. Но, опять же, было бы проще, если бы я смог поговорить с Лайлани.— В раздражении он положил на тарелку второе пирожное, не откусив ни кусочка.— Я вот сижу здесь и говорю так, будто уже взялся за это дело, хотя таких намерений у меня нет, Дженева.

— Я знаю, расходы предстоят большие, а Микки не могла дать вам много...

— Не в этом дело.

— ...но я могу занять немного денег под те вещи, что есть в этом доме, и Микки скоро найдет себе хорошую работу, я знаю, что найдет.

— Трудно найти хорошую работу и удержаться на ней, если тебя ищет ФБР. Послушайте, что я вам скажу. Если я буду помогать вам, зная, что ваша племянница намерена выкрасть девочку у законных родителей, то стану соучастником преступления.

— Это же нелепо, дорогой.

— Я стану сообщником преступника. Это закон.

— Значит, это нелепый закон.

— Чтобы защитить себя от обвинения в соучастии, я должен, вернув вам полученные от Микки триста долларов, прямиком пойти в полицию и рассказать им, чем вызвана поездка вашей племянницы в Айдахо.

Дженева склонила голову набок, на ее лице отразилось насмешливое недоверие.

— Не подшучивайте надо мной, дорогой.

— Какие уж тут шутки. Я предельно серьезен.

Она ему подмигнула.

— Нет, не может этого быть.

— Да.

— Нет.— Она вновь подмигнула ему.— Вы не пойдете в полицию. И даже если вернете деньги, будете продолжать расследование.

— Не буду.

— Я знаю, как это происходит, дорогой. Вы должны обеспечить себе... как они это называют... железное алиби. Если все

пойдет плохо, вы сможете заявить, что не занимались этим делом, потому что не брали денег.

Достав из кармана три сотенных, он положил их на стол.

— Я не собираюсь ничего обеспечивать. Просто умываю руки.

— Нет, не умываете.

— Я вообще не брался за это дело.

Она покачала головой.

— Брались.

— Не брался.

— Брались, дорогой. Иначе откуда эти триста долларов?

— Я умываю руки,— твердо повторил Ной.— У-МЫ-ВА-Ю. Отказываюсь от этого дела. Выхожу из него. Не хочу иметь с ним ничего общего. Точка, finita la commedia*.

Дженева широко улыбнулась и вновь подмигнула ему. Как заговорщица — заговорщику.

— О, как скажете, мистер Фаррел, сэр. Если мне придется давать показания в суде, можете полностью рассчитывать на меня. Я покажу под присягой, что вы У-МЫ-ЛИ РУКИ, окончательно и бесповоротно.

Улыбка этой женщины могла очаровать порхающих птичек и убедить их спуститься с небес в клетку. Одна из бабушек Ноя умерла еще до того, как он родился, а его бабушка по линии Фаррелов не имела ничего общего с Дженевой Дэвис, худющая, непрерывно курящая старая карга со злобными глазами хорька и голосом, осипшим от выпитого виски. За те годы, что дед Фаррел держал ломбард, служивший ширмой для незаконных букмекеров, она наводила ужас на самых крутых молодых отморозков одним только взглядом и несколькими словами на гаэльском, пусть молодые отморозки и не знали этого языка. А вот сейчас у него создалось ощущение, что он сидит и ест пирожные со своей бабушкой, скорее идеальной, чем реальной, и пусть на его лице отражалось раздражение, по телу вдруг начало разливаться тепло, опасное тепло, учитывая обстоятельства.

— Не надо мне больше подмигивать, Дженева. Вы стараетесь делать вид, что мы оба — участники маленького заговора, а этого нет и в помине.

* Все кончено (*итал.*).

— Дорогой, я это знаю. Вы уже У-МЫ-ЛИ РУ-КИ, отказались от этого дела, вышли из него.— Она широко улыбнулась, от подмигивания воздержалась... но вскинула два кулака с поднятыми большими пальцами.

Ной взял второе пирожное, откусил кусок. Потом второй. Пирожное было большим, но в два приема он ополовинил его. Начал жевать, сверля взглядом сидевшую напротив Дженеву Дэвис.

— Еще ванильной коки? — предложила она.

Он попытался сказать «нет», но набитый рот не позволил говорить, и, к своему удивлению, он кивнул.

Она добавила в его стакан вишневого сиропа, налила коку, положила пару кубиков льда.

Когда Дженева вновь села за стол, Ной уже освободил рот от пирожного.

— Позвольте мне попробовать еще раз.

— Попробовать что?

— Объяснить вам ситуацию.

— Святой Боже, я же не тупица, дорогой. Я прекрасно понимаю ситуацию. У вас есть железное алиби, и в суде я дам показания, что вы нам не помогали, хотя на самом деле помогали. Вернее, поможете.— Она взяла со стола триста долларов.— А если все пройдет хорошо и в суд никому идти не придется, я отдам вам эти деньги и мы полностью оплатим выставленный вами счет. На это потребуется время, возможно, мы будем платить частями, ежемесячно, но мы всегда соблюдаем данные нами обязательства, Микки и я. И потом, никому из нас в суд идти не придется. Вы уж не обвиняйте меня в неуважении к закону, дорогой, но я уверена, вы понимаете, что в данном случае правда не на его стороне.

— Я служил в полиции, до того как стал частным детективом.

— Тогда вы, как никто другой, должны разбираться в законах,— наставительно ответствовала она, с улыбкой, какой бабушки жалуют любимых внуков, отчего ощущение тепла в его теле только усилилось.

Хмурясь, наклонившись над столом, он пытался бороться с ее упрямым нежеланием смотреть фактам в лицо.

— Я разбирался в законах, но меня выгнали со службы, потому что я сильно избил подозреваемого в преступлении. Чуть ли не до смерти.

Она поцокала языком.

— Гордиться тут нечем.

— Я и не горжусь. Мне повезло, что я не попал в тюрьму.

— А вот по вашему голосу определенно чувствуется, что гордитесь.

Уставившись на нее, он доел пирожное. Потом запил ванильной кокой с вишневым сиропом.

Дженеву его взгляд не напугал. Она улыбалась, словно радуясь тому, что ему нравятся ее пирожные.

— Честно говоря, где-то и горжусь. Не следовало бы, учитывая, к чему это привело. Но горжусь. Я приехал по вызову соседей. Семейная ссора. Этот тип как следует отделал свою жену. Когда я приехал, она лежала на полу, вся в крови, а он бил дочь. Маленькую девочку лет восьми. Уже вышиб ей несколько зубов. Увидев меня, отпустил, аресту не сопротивлялся. Но я вышел из себя. Увидев девочку с окровавленным ртом, потерял контроль над собой.

Перегнувшись через стол, Дженева сжала его руку.

— И правильно.

— Нет, неправильно. Я бы не остановился, пока не убил его, но девочка меня оттащила. В рапорте я солгал, написав, что подонок сопротивлялся аресту. На слушаниях жена дала показания против меня... но девочка солгала, взяв мою сторону, и они поверили девочке. Или сделали вид, что поверили. Мне пришлось уйти со службы, а они согласились выплатить мне компенсацию при увольнении и поддержать мое ходатайство о выдаче лицензии частного детектива.

— Что случилось с ребенком? — спросила Дженева.

— Как выяснилось, избиениям она подвергалась давно. Суд лишил мать родительских прав и назначил опекунами бабушку и дедушку по материнской линии. Она скоро закончит школу. У нее все в порядке. Хорошая девочка.

Дженева вновь сжала ему руку и откинулась на спинку стула, сияя как медный таз.

— Вы совсем как мой сыщик.

— Какой сыщик?

— В которого я влюбилась, когда мне было чуть больше двадцати.

Если бы я не спрятала тело моего убитого мужа в нефтяном отстойнике, Филип, возможно, не отверг бы меня.

Ной не знал, как на это реагировать. Вновь протер вспотевший лоб.

— Вы убили вашего мужа? — наконец спросил он.

— Нет, моя сестра. Кармен застрелила его. Я спрятала тело, чтобы защитить ее и уберечь отца от скандала. Генерал Стернвуд, это наш отец, не отличался крепким здоровьем. И он...

На лице Дженевы отразилось недоумение, она замолчала.

— И он?..— повторил Ной, побуждая ее продолжить.

— Нет, конечно, это была не я, а Лорен Баколл* в «Вечном сне»**. Сыщика, Филипа Марлоу, сыграл Хэмфри Богарт.

Ной улыбнулся, хотя и не понимал, чему улыбается.

— Что ж, это очень уж трогательное воспоминание, пусть и ложное. Честно говоря, мне становится как-то не по себе, когда я вдруг вспоминаю, что вела себя плохо. Это настолько противоречит моей природе, что у меня и быть не могло таких воспоминаний, если бы мне не прострелили голову.

Количества сахара в пирожных и двух стаканов коки вполне хватало для того, чтобы вести интеллектуальную дискуссию на любую тему, но иной раз хотелось пива. А поскольку пива не было, он решил кое-что уточнить:

— Вам прострелили голову?

— Вежливый и хорошо одетый бандит ограбил наш магазин, убил моего мужа, ранил меня и скрылся. Я не буду рассказывать вам, как выследила его в Новом Орлеане и лично расправилась с ним, потому что случилось это с Алеком Болдуином, а не в моей реальной жизни. Но даже при том, что я мухи не обижу, я бы смогла пристрелить его, если бы знала, как выследить. И думаю, выстрелила бы в него не один раз. Сначала в каж-

---

* Баколл, Лорен (р. 1924) — киноактриса, настоящее имя Бетти Джоан Перске. Снималась во многих детективных фильмах, в том числе «Иметь или не иметь» (1945), «Интриганка» (1957), «Убийство в Восточном экспрессе» (1974).

** Фильм 1946 г., снятый по одноименному роману Раймонда Чандлера (1888–1959).

дую ногу, чтобы заставить его страдать, потом дважды в живот и, наконец, один раз в голову. Я ужасно жестокая, дорогой?

— Не жестокая. Но более мстительная, чем я ожидал.

— Это хороший, честный ответ. Вы произвели на меня впечатление, Ной.

И одарила его одной из своих обаятельных улыбок.

Он тоже не мог не улыбнуться.

— Мне так нравится болтать с вами! — Еще улыбка.

— Мне тоже.

Глава 61

Суббота: из Хоторна, штат Невада, в Бойсе, административный центр штата Айдахо. Четыреста сорок девять миль. Главным образом пустоши, яркое солнце, но ровная дорога.

Стая стервятников кружила над чьим-то трупом в пустыне к югу от Лавлока, штат Невада. Заинтригованный, Престон Мэддок тем не менее решил, что крюк делать не стоит.

На ленч они остановились у ресторана в Уиннимакке.

На дорожке, ведущей к входной двери, полчища муравьев пожирали жирное тело раздавленной пчелы. Вытекавшая из насекомого жидкость радужно блестела, совсем как пленка нефти на поверхности воды.

Конечно, он шел на определенный риск, появляясь с девочкой-Рукой в общественных местах. Ее представление в пятницу, в кафетерии к западу от Вегаса, нервировало. Она могла бы добиться желаемого, не окажись официантка так глупа.

Большинство людей глупы. Такую оценку Престон Мэддок дал человечеству в одиннадцать лет. За последующие тридцать четыре года у него не нашлось оснований изменить ее.

В ресторане пахло жарящимися котлетами для бургеров. Ломтики картофеля купались в горячем масле. Жарился и бекон.

Он задался вопросом: а как пахла жидкость, сочащаяся из раздавленной пчелы?

Несколько человек сидели бок о бок у прилавка быстрого обслуживания. Все толстые. Жующие. Отвратительные.

Может, одного из них хватит инсульт или инфаркт во время ленча. Вероятность велика.

Рука вела их к кабинке. Села у окна.

Черная Дыра пристроилась рядом с дочерью.

Престон сел напротив. Его прекрасные леди.

О Руке, разумеется, речи нет, но вот Черная Дыра, конечно же, красавица, без всяких скидок. Хотя, пропустив через себя такое количество наркоты, должна была превратиться в старую каргу.

Когда она начнет сдавать, красота увянет быстро. За два-три года, не больше.

Возможно, он сумеет выжать из нее два помета, до того как прикосновение к ней начнет вызывать отвращение.

На подоконнике дохлая муха. Мерзость.

Он проглядел меню. Хозяевам следует сменить название заведения. Назвать его «Дворцом жира».

Естественно, Черной Дыре пришлось по вкусу далеко не все. Но, по крайней мере, она не жаловалась. Дыра пребывала в прекрасном расположении духа. И держалась хорошо, потому что редко принимала тяжелые наркотики в первой половине дня.

Подошла официантка. Уродина, с пучеглазым, щекастым, словно у рыбы, лицом.

Розовая отглаженная униформа. Тщательно уложенные волосы с розовым бантом, под цвет униформы. Накрашенная, подведенные глаза, помада на губах. Маникюр, лак на ногтях, приятно посмотреть, если бы не похожие на обрубки пальцы, такие же мерзкие, как вся она.

Очень уж она старалась выглядеть хорошенькой. Напрасный труд.

Для таких людей, как эта официантка, и существуют мосты. Мосты и высокие обрывы. Выхлопные трубы автомобилей и газовые духовки. Если бы она позвонила по горячей линии для самоубийц и какой-нибудь консультант убедил ее не совать в рот ствол пистолета, его старания не пошли бы человечеству на пользу.

Они заказали ленч.

Престон ожидал, что Рука обратится к Рыбьей Морде за помощью. Но нет.

Она сидела тихо, как мышка.

Вчерашний ее выпад, конечно же, неприятно удивил, но его разочаровало ее нежелание повторить попытку. Ему нравились попытки Лайлани поднять бунт на корабле.

В ожидании заказа Дыра, как обычно, трещала без остановки.

Он и назвал-то ее Черной Дырой во многом потому, что ее психическая энергия и беспрерывная болтовня создавали мощное гравитационное поле, которое, не будь человек сильной личностью, грозило бы ему забытьем.

Он был сильной личностью. Никогда не отказывался от того, что следовало сделать. Никогда не отворачивался от правды.

И хотя он поддерживал разговор с Дырой, разговор этот занимал его поскольку постольку. Потому что главным образом он жил в своем внутреннем мире.

Думал он о Дохляке, брате Руки. В последнее время он много думал о Дохляке.

Учитывая риск, на который пришлось пойти, он не получил полного удовлетворения от последней прогулки с мальчиком в леса Монтаны. Все произошло слишком быстро. А хотелось бы, чтоб о таких событиях оставались богатые воспоминания. Они его поддерживали.

Поэтому для Руки Престон все продумал досконально.

Кстати, о Руке: ненавязчиво, как бы между прочим, она оглядывала зал ресторана, должно быть, что-то искала.

Он увидел, как Рука заметила табличку на стене, со стрелочкой, указывающей, где находятся комнаты отдыха.

А мгновением позже объявила, что ей нужно в уборную. Специально упомянула уборную, зная, что Престон этого термина не любит.

Его воспитывали в рафинированной семье, где обходились без таких вульгарностей.

Он бы предпочел туалет. Или комнату отдыха, как значилось на табличке.

Дыра встала и посторонилась, чтобы дочь могла выскользнуть из кабинки.

Неловко поднявшись на ноги, Рука прошептала: «Мне действительно надо пописать».

И прозвучало сие как пощечина Престону. Рука знала, что его мутит от любого упоминания о физиологических потребностях.

Он не любил смотреть, как девочка ходит. Ему хватало и лицезрения ее деформированных пальцев. Он продолжал бессмысленный разговор с Дырой, думая о Монтане, следя за Рукой периферийным зрением.

Внезапно до него дошло, что под табличкой с надписью «КОМНАТЫ ОТДЫХА» имелась другая, указывающая расположение того объекта, который она на самом деле искала:

«ТЕЛЕФОН».

Извинившись, он поднялся и последовал за девочкой.

Она исчезла в коротком коридоре в дальнем конце ресторана.

Войдя в коридор, он увидел, что мужской туалет справа, женский — слева, а телефон-автомат — в глухом торце.

Она стояла у телефона, спиной к нему. Когда потянулась за трубкой деформированной рукой, почувствовала его присутствие и обернулась.

Нависнув над ней, Престон увидел четвертак в ее здоровой руке.

— Ты его нашла в нише для возвращенных монет?

— Да,— солгала она,— я их всегда проверяю.

— Тогда этот четвертак принадлежит кому-то еще,— строго указал он.— Мы вернем его кассирше, когда будем уходить.

Он протянул руку, ладонью вверх.

Не желая отдавать четвертак, она мялась.

Он редко прикасался к ней. От непосредственного контакта у него по коже бежали мурашки.

К счастью, четвертак она держала в нормальной руке. Будь он зажат в левой, ему все равно пришлось бы его взять, но тогда он точно не смог бы есть ленч.

Прикинувшись, что пришла, чтобы воспользоваться туалетом, она скрылась за дверью с надписью

«ДЕВОЧКИ».

Под тем же предлогом Престон вошел в мужской туалет. Ему повезло, там никого не было. Он ждал, стоя у двери.

Напрашивался вопрос: а куда она хотела позвонить? В полицию?

Услышав, как дверь напротив открылась, он тоже вышел в коридор. Следуя за ней, ему пришлось наблюдать за ее походкой.

Ленч принесли, как только они вновь сели.

У Рыбьей Морды, официантки-уродины, на боковинке носа темнела родинка. Он подумал, что выглядит эта родинка как меланома.

Если это меланома и она еще с неделю не обратится к врачу, то ее нос со временем сгниет. А операция оставит кратер в центре ее лица.

Может, тогда, если опухоль не даст метастазы в мозг и не убьет ее, может, тогда она наконец воспользуется выхлопной трубой автомобиля, газовой духовкой или пистолетом.

Готовили в ресторане хорошо.

Как обычно, он не смотрел на рты своих спутниц, когда они ели. Старался, чтобы в поле его зрения попадали только глаза, или поднимал взгляд еще выше, лишь бы не видеть их двигающиеся языки, зубы, губы, челюсти.

Престон предполагал, что иной раз кто-то мог посмотреть на его рот, когда он жевал, или на горло, когда он глотал, но старался об этом не задумываться. Потому что в противном случае ему пришлось бы трапезничать в одиночестве.

Во время приема пищи он еще больше уходил в себя. В качестве защитной меры.

Для него это не создавало проблем, не требовало особых усилий. Дипломы сначала в Гарварде, а потом в Йеле, ученые степени бакалавра, магистра и доктора он получал по философии. В сравнении с обычными людьми философы, по определению, больше жили внутри себя, чем вовне.

Интеллектуалы вообще и философы в частности нуждались в мире гораздо в меньшей степени, чем мир нуждался в них.

За ленчем он поддерживал разговор с Дырой, вспоминая Монтану.

Звук ломающейся шеи мальчика...

Ужас в его глазах, потемневших в смирении, а затем в умиротворении вновь ставших светлыми и чистыми...

Запах последнего выдоха, вырвавшегося из груди Дохляка, его предсмертный хрип...

Престон оставил щедрые чаевые, тридцать процентов от суммы счета, но четвертак кассирше не отдал. Он не сомневался, что Рука не вытащила деньги из телефона-автомата. А следовательно, монета принадлежала ему.

Чтобы избежать блокпостов в восточной Неваде, где ФБР официально вело поиски наркобаронов, хотя он полагал, что там произошло какое-то событие, связанное с пришельцами, от Уиннимакки Престон повернул на север, к штату Орегон, воспользовавшись федеральным шоссе 95, двухполосной дорогой без срединной разделительной линии.

Пятьдесят шесть миль проехали по Орегону, потом шоссе 95 повернуло на восток. Они пересекли реку Оуайхи и вскоре очутились в Айдахо.

К шести часам они прибыли в кемпинг к северу от Бойсе, где их дом на колесах подключили к инженерным коммуникациям.

Престон принес обед из китайского ресторанчика, довольно посредственный.

Черная Дыра любила рис. И хотя днем вновь прикладывалась к наркотикам, на этот раз оставалась в сознании и даже смогла поесть.

Как обычно, Дыра говорила только о том, что ее интересовало в этот момент. Она всегда желала быть в центре внимания.

Когда она упоминала о новых дизайнерских идеях, касающихся преображения деформированной руки дочери, он ее только поощрял. Идею татуировки он находил глупой, но забавной... если только ему на глаза не попадались сросшиеся пальцы девочки.

Помимо прочего, он знал, что этот разговор повергает Руку в ужас, пусть ей и удавалось это скрыть. Оно и к лучшему. Ужас и страх сжигали ее надежду на то, что у нее когда-нибудь будет нормальная жизнь.

Рука пыталась сорвать планы матери, тонко подыгрывая ей в этой идиотской игре. Но, слушая разглагольствования Черной Дыры о том, как та будет резать ее скальпелями, Рука, похоже, начала осознавать, что родилась не для того, чтобы выйти победителем хоть в какой-то игре, и уж тем более в этой.

Она появилась из чрева матери деформированной, несовершенной. Была неудачницей с того самого момента, как врач шлепнул ее по попке, чтобы она начала дышать, вместо того чтобы сразу же милосердно удавить.

«Когда придет время увести девочку в лес,— думал Престон,— она, возможно, и сама поймет, что смерть для нее — на-

илучший выход. Ей следует выбрать смерть до того, как мать начнет резать ее. А мать *начнет* скорее раньше, чем позже.

Смерть — единственный ее шанс на спасение. Иначе ей придется многие годы жить изгоем. В жизни ее ждало только разочарование. А на что еще могла рассчитывать такая калека?»

Разумеется, Престон не хотел, чтобы она полностью смирилась с необходимостью умереть и даже стремилась к смерти. Он надеялся встретить с ее стороны сопротивление, которое обогатило бы его воспоминания.

После обеда, оставив Руку убирать со стола, он и Дыра по очереди приняли душ и удалились в спальню.

Наконец, читая «В арбузном сиропе», Дыра отключилась.

Престон хотел использовать ее. Но не знал, то ли ее вырубили наркотики, то ли она просто крепко заснула.

Если заснула, то могла пробудиться во время акта. И ее пробуждение напрочь испортило бы ему настроение.

Придя в себя, она могла проявить активность. Она *знала*, что, согласно заключенной между ними сделке, при их физической близости ей отводилась роль пассивного участника. Но все равно могла проявить активность.

Его чуть не затошнило от одной мысли, что она проявит активность, пожелает участвовать в процессе. Он не хотел, чтобы кто-либо стал свидетелем его самых интимных физиологических функций.

Он вообще терпеть не мог, когда за ним кто-либо наблюдал.

Даже при простуде обязательно выходил в туалет, чтобы высморкаться в одиночестве. Не хотел, чтобы кто-нибудь слышал, как он избавляется от соплей.

Соответственно, перспектива получения оргазма в присутствии заинтересованной партнерши ни в коей степени его не устраивала, сама мысль о подобном представлялась ему противоестественной.

Воспитанность в современном обществе была не в чести.

Не зная степени бессознательности Дыры, опасаясь, что она таки сможет пробудиться, Престон погасил свет и лег на свою половину кровати.

Он размышлял о детях, которых она принесет в этот мир. Маленьких деформированных волшебниках. Об этических дилеммах, которые требовали однозначных решений.

Воскресенье — из Бойсе в Нанз-Лейк. Триста пятьдесят одна миля.

С более сложным рельефом местности, чем в Неваде.

Обычно он не выезжал на шоссе раньше девяти или десяти часов утра со спящей Черной Дырой и бодрствующей Рукой. Хотя они и искали пришельцев, их миссия спешки не требовала.

В то утро, однако, «Превост» покинул кемпинг в четверть седьмого утра.

Рука уже оделась, ела батончик «Гранола дипп»*.

Он задался вопросом: знает ли она, что все ножи, а также режущие и колющие предметы с камбуза убраны?

Он по-прежнему не сомневался, что у нее недостанет духа ударить его ножом в спину, когда он сидит за рулем дома на колесах. Более того, он не верил, что Рука попытается защищаться, когда они останутся один на один в судный миг.

Тем не менее полагал, что осторожность не повредит.

Двигаясь на север, с широкой груди Айдахо в узкое горло**, они проезжали по местам потрясающей красоты. Вздымающиеся горы, бескрайние леса, парящие в вышине орлы.

Каждая встреча с великолепием природы вызывала у Престона одну и ту же мысль: *«Человечество — бубонная чума. Без человечества будет только лучше».*

Он не относил себя к радикальным защитникам окружающей среды, которые грезили о том дне, когда созданная, конечно же, человеком вирусная инфекция под корень выкосит все человечество. Он считал недопустимым уничтожение целого вида, пусть даже и человека.

С другой стороны, используя публичную политику, представлялось возможным уменьшить население планеты вдвое. Отказать в помощи голодающим — миллионов как не бывало. Прекратить экспорт лекарственных препаратов, увеличивающих продолжительность жизни, в страны «третьего мира», где

* Многослойный шоколадный батончик из гранолы (смесь плющеного овса с добавками коричневого сахара, кокосов и изюма) в натуральном молочном шоколаде.

** Наверное, об этом следовало указать ранее, но, читая этот роман, очень даже неплохо иметь перед собой карту Соединенных Штатов *(прим. переводчика)*.

бушует СПИД,— еще миллионы, которые в самом скором времени покинут этот мир.

Пусть природа проведет чистку. Сама решит, сколько человеческих существ она может выносить. Если ей не мешать, она достаточно быстро справится с проблемой избытка населения.

Маленькие войны, которые не грозят перерасти в столкновение сверхдержав, следует не предотвращать любой ценой, а рассматривать как разумное снижение численности живущих.

И не надо применять никаких санкций против больших стран, которые желают сотнями тысяч, а то и миллионами уничтожать диссидентов. Диссиденты обычно те самые люди, которые выступают против эффективного управления ресурсами.

Кроме того, санкции могут вести к обострению отношений, к военным действиям, чреватым перерастанием в мировой конфликт, даже в атомный конфликт. А это уже гибель не только человеческой цивилизации, но и всей природы.

Ни один человек не мог улучшить природный мир... без людей он был бы идеальным.

И редко кто вносил положительный вклад в человеческую цивилизацию. Согласно основам утилитарной биоэтики, только те, кто приносил пользу обществу и государству, имели законное право на существование. Большинство людей никому не приносило пользы.

Вздымающиеся горы, бескрайние леса, парящие в вышине орлы...

За ветровым стеклом, вокруг дома на колесах — великолепие, буйство природы.

Здесь, за его глазами, во внутреннем мире, где он в основном и жил, другое великолепие, отличное от природного, но равное ему, внутренний ландшафт, который он находил не менее завораживающим.

Однако Престон Клодий Мэддок гордился тем, что мог честно и принципиально признавать собственные недостатки. У него их было немало, может быть, больше, чем у других, но в этом вопросе он никогда не обманывал себя.

С какой стороны ни посмотреть, наиболее серьезным являлись частые позывы убивать. И наслаждение, которое он получал от убийства.

Но надо признать, еще в раннем возрасте он понял, что страсть к убийствам — изъян характера и с этим надо что-то делать. Поэтому даже в юности он искал возможность обратить стремление убивать во благо.

Сначала он мучил и убивал насекомых. Муравьев, жуков, пауков, мух, гусениц.

В те времена господствовало мнение, что все насекомые — это беда. Возможно, это высшая благодать — обрести счастье в полезной работе. Счастье он находил в убийствах, а полезной работой стало искоренение ползающих, бегающих и летающих многоногих тварей.

Тогда Престон понятия не имел о том, что есть окружающая среда и какие в ней действуют законы. Полученные знания привели его в ужас. Он понял, что мальчиком совершал насилие над природой. Насекомые делали столько полезного.

Даже теперь его преследовала мысль, что на каком-то глубинном, подсознательном уровне он понимал, что поступает нехорошо.

Он никогда не хвастал тем, что давил пауков. Посыпал гусениц солью.

Сжигал жуков.

И, не думая об этом, скорее подсознательно, перешел от насекомых к мелким животным: мышам, хомякам, морским свинкам, птицам, кроликам, кошкам...

В семейном поместье площадью в тридцать акров в Делавере хватало живности, которую он ловил для своих целей. Если же охота не удавалась, карманные деньги, выделяемые родителями, позволяли приобрести все нужное в зоомагазинах.

Двенадцатый и тринадцатый год жизни прошли для него как в трансе. Слишком много тайных убийств. Часто, когда он пытался вспомнить это время, все сливалось.

Оправдания бесцельному убийству животных не было и быть не могло.

Они имели точно такое же право на существование в этом мире, как люди.

Оглядываясь назад, Престон задавался вопросом: а не приближался ли он в те дни к опасной черте, за которой лежала потеря контроля над собой? Этот период жизни не вызывал у

него ностальгии. Он предпочитал вспоминать более приятные времена.

Изменения к лучшему произошли на следующий день после того, как ему исполнилось четырнадцать лет. Причиной стало появление кузена Брэндона, который вместе с родителями приехал в поместье на длинный уикенд.

Паралич нижних конечностей навеки приковал его к инвалидному креслу.

В своем внутреннем мире, где главным образом и жил Престон, он дал кузену имя Мешок Говна, потому что два года, когда тому было семь и восемь лет, фекалии из его организма выводились по катетеру в специальный мешок, пока несколькими сложными операциями не удалось восстановить нормальную работу кишечника.

Наличие в особняке лифта позволило мальчику-инвалиду пользоваться всеми тремя этажами. Спать его уложили в комнате Престона, где давно уже стояла вторая кровать, на которой спали его друзья, если оставались на ночь.

Они отлично провели день и вечер. Тринадцатилетний Мешок Говна обладал удивительным даром копировать голоса как членов семьи, так и слуг. Престон никогда так не смеялся.

Мешок Говна заснул в час ночи.

В два часа Престон его убил. Задушил подушкой.

Хотя парализованной у Мешка Говна была только нижняя половина тела, он страдал и от других болезней, отчего и руки его не отличались особой силой. Он пытался сопротивляться, но, конечно же, ничего не добился.

Мешок Говна только недавно поправился после сильнейшего бронхита, а потому легкие у него были слабые. Он умер слишком быстро, немало огорчив Престона.

Надеясь продлить эксперимент, Престон несколько раз поднимал подушку, давая Мешку Говна возможность вдохнуть, но не закричать. Тем не менее конец наступил чересчур скоро.

Простыни чуть сбились от слабых попыток мальчика сопротивляться. Престон их расправил.

Причесал кузена, чтобы растрепанные волосы не вызвали подозрений в насильственной смерти.

Поскольку умер Мешок Говна на спине, как всегда и спал, необходимости поворачивать тело не возникло. Престон только сложил его руки на груди, создавая впечатление, что мальчик во сне спокойно покинул этот мир.

Нижняя челюсть Мешка Говна отвисла, но Престон твердой рукой прижал ее к верхней, подождал, пока она так и застыла.

В широко раскрытых глазах читалось изумление, поэтому Престон опустил веки и придавил их четвертаками.

Через пару часов убрал монеты. Веки остались на месте.

Престон выключил лампу и лег на кровать, уткнувшись лицом в подушку, которой задушил кузена.

Он чувствовал, что поступил правильно.

Спать он не мог, сказывалось возбуждение, но время от времени проваливался в легкую дремоту.

Он проснулся, но притворился, что крепко спит, когда в восемь утра мать Мешка Говна, тетя Джейнис, она же Грудастая, тихонько постучала в дверь. Когда никто не ответил и на второй стук, она все равно вошла, потому что принесла сыну лекарства.

Престон рассчитывал «проснуться» от крика Грудастой, но та не порадовала его материнской истерикой, которую ему так хотелось увидеть. Лишь горестно охнула, привалилась к кровати сына и заплакала так же тихо, как постучала.

На похоронах Престон слышал, как многочисленные родственники и друзья семьи говорили, что, может, оно и к лучшему, что теперь Брэндон на небесах, где не страдает, как на земле, и, возможно, горе родителей в какой-то мере уравновешивается снятым с их плеч бременем ответственности.

Все эти комментарии только укрепили его уверенность в том, что он поступил правильно.

Эксперименты с насекомыми закончились.

Мелкие животные его больше не интересовали.

Ему нашлась полезная работа, выполняя которую он, естественно, чувствовал себя счастливчиком.

Умный мальчик, превосходный ученик, всегда лучший в классе, что в школе, что в колледже, он обратился к образованию, чтобы лучше понять свою особую роль в этой жизни. На лекциях и в книгах нашел все ответы, которые искал.

Учась, он не забывал и о практике. Престоном, богатым молодым человеком, восхищались за то, что он бесплатно работал

в домах престарелых. Как он скромно объяснял, «помогая людям, которых судьба обделила в благах, по сравнению со мной».

Когда подошло время поступать в университет, Престон точно знал, что его стезя — философия.

Войдя в лес философов и философий, он понял, что каждое дерево равно другому, каждое заслуживает уважения, ни одна точка зрения или цель жизни не должна возвышаться над другими. Сие означало, что нет абсолютных истин, нет определенности, нет универсальных понятий добра и зла, есть только разные точки зрения. Ему предлагались миллионы идей, из которых он мог выбирать, строя фундамент своего будущего.

Некоторые философы придавали человеческой жизни большую важность, чем другие. С первыми ему было не по пути.

Вскоре ему стало ясно, что философия — всего лишь район, в который он перебрался, тогда как современная этика — улица, на которой ему хотелось жить. А чуть позже относительно новая область биоэтики стала уютным домом, в котором он чувствовал себя как никогда комфортно.

В биоэтике он и прославился. Там полностью нашел себя и раскрыл свой талант.

Вздымающиеся горы, бескрайние леса, парящие в вышине орлы...

На север, на север, к Нанз-Лейк.

Черная Дыра очухалась. Села в кресло второго пилота.

Престон говорил с ней, очаровывал ее, смешил, с привычным ему мастерством вел по шоссе дом на колесах, держа курс на север, к Нанз-Лейк, но по-прежнему жил активной внутренней жизнью.

Перебирал в памяти самые прекрасные убийства. Память хранила много убийств, куда больше, чем кто-либо предполагал. Известные прессе самоубийства, которым он содействовал, составляли лишь малую часть его достижений.

Будучи одним из самых известных и уважаемых биоэтиков страны, Престон полагал, что излишняя шумиха только повредит избранной им профессии. Поэтому никогда не называл истинное число своих благодеяний, не говорил, скольким он помог умереть.

По мере продвижения на север небо все сильнее затягивали облака. Серая дымка постепенно сгущалась, темнела, предвещая дождь и грозу.

Еще до заката Престон намеревался найти и посетить Леонарда Тилроу, того самого человека, который заявлял, что его вылечили инопланетяне. Он надеялся, что погода не вмешается в его планы.

Он ожидал, что Тилроу окажется шарлатаном. Слишком многие из участников близких контактов выдавали за действительное свои фантазии.

Тем не менее Престон истово верил, что инопланетяне регулярно посещали и посещают Землю. Более того, он даже чувствовал, что знает, чем они тут занимаются.

Но, допустим, Леонард Тилроу говорил правду. Допустим, что около фермы Тилроу по-прежнему отираются инопланетяне. Престон все равно не верил, что они смогут вылечить Руку, превратить ее в здоровую девятилетнюю девочку.

Его «откровения», в котором Ипы исцелили бы Руку и Дохляка, конечно же не было. Он его выдумал, чтобы объяснить Черной Дыре, почему хочет колесить по стране в поисках близких контактов.

И теперь, болтая с Дырой, он поглядывал в зеркало на обратной стороне щитка. Рука сидела за столом в столовой. Читала.

Как называли в тюрьме приговоренного к казни? *Ходячий мертвец.*

Да-да, именно так.

Посмотрите сюда: мертвая читающая девочка.

Его стремление колесить по стране в поисках Ипов обуславливалось исключительно личными причинами. К Руке они никакого отношения не имели. Он, однако, знал, что его истинные мотивы оставят Черную Дыру равнодушной.

А вся его жизнь должна вращаться вокруг Черной Дыры. Иначе она не стала бы помогать ему в достижении поставленных целей.

Он правильно рассчитал, что она клюнет на сказочку о пришельцах-целителях. И нисколько не сомневался, что Черная Дыра, после того как он убьет ее детей и заявит, что они отправились к звездам, нисколько не усомнится в его словах, наоборот, воспримет это известие с восторгом, а потому не сможет распознать грозящую ей самой опасность.

Так, собственно, и происходило. Если природа и дала Черной Дыре ум, то она методично его уничтожала. И давно уже превратилась в недоумка.

Рука — другое дело. Наоборот, слишком умна.

Престон чувствовал, что ждать до ее дня рождения слишком рискованно.

Если посещение фермы Тилроу покажет, что деятельностью инопланетян там и не пахнет, утром они сразу поедут на восток, в Монтану. А к трем часам дня он отведет девочку в тихое, укрытое тенью деревьев местечко, где поджидал ее брат.

Он раскопает могилу и заставит Руку посмотреть на останки Дохляка.

Это будет жестоко. Он это признавал.

Как обычно, Престон понимал, что он не лишен недостатков. Но он никогда не считал себя идеалом. По-другому и быть не могло. Идеальных людей не существовало.

Вдобавок к страсти к убийствам с годами в нем все сильнее проявлялась страсть к жестокости. Милосердное убийство, быстрое, с причинением минимальной боли, уже не приносило полного удовлетворения.

Он не гордился этим недостатком, но и не стыдился его. Как и любой человек на этой планете, он был таким, каким его создала природа, не мог прыгнуть выше головы... Какой есть, такой есть, деваться некуда.

Но главное заключалось в том, что он оставался нужным и полезным, что он отдавал обществу гораздо больше, чем потреблял на поддержание собственных ресурсов. В лучших традициях утилитарной этики он использовал свои недостатки на благо человечества, доказывая тем самым, что ему небезразлично будущее цивилизации.

Поэтому жестокость он проявлял только с теми, кого все равно ждала смерть, и мучил их непосредственно перед убийством.

При этом он полностью контролировал проявления жестокости. И все люди, которых он не приговорил к смерти, видели от него только доброту, уважение, щедрость.

По правде говоря, миру требовалось гораздо больше таких, как он, мужчин... и женщин! Тех, кто действовал в рамках кодекса биоэтиков, избавляя перенаселенный мир от людей, которые только брали и не приносили никакой пользы. Оставленные в живых, своими ненасытными потребностями они погубили бы не только цивилизацию, но и саму природу.

Слишком много вокруг никчемностей. Легионы.

Он хотел проявить жестокость по отношению к Руке, хотел показать ей останки брата, потому что его раздражала благочестивая уверенность девочки в том, что Бог создал ее для какой-то цели, что придет день, когда откроется, зачем ей дана жизнь.

Что ж, пусть ищет смысл жизни в разложившейся плоти и белеющих костях своего брата. Пусть ищет Бога в этой воняющей могиле.

На север, к Нанз-Лейк, под потемневшим небом.

Вздымающиеся горы, бескрайние леса. Орлы, разлетевшиеся по гнездам.

Мертвая читающая девочка...

Глава 62

Согласно вкладышу, приложенному к карте клуба «ААА»*, Микки требовалось восемь часов и десять минут, чтобы проехать 381 милю между Сиэтлом и Нанз-Лейк. В расчете учитывались ограничения скоростного режима, остановки на отдых, состояние и пропускная способность дорог, находящихся в ведении штата и округа, по которым ей предстояло ехать, свернув с автострады 90 к юго-востоку от Кер-д'Алена.

Выехав из Сиэтла в половине шестого утра, она прибыла в пункт назначения в двенадцать двадцать, на один час и двадцать минут раньше расчетного срока. Помогли практическое отсутствие транспорта, пренебрежение знаками ограничения скорости и нежелание воспользоваться площадками отдыха.

Городок Нанз-Лейк полностью оправдал свое название**. Большое озеро лежало к югу, монастырь, построенный из местного камня в тридцатые годы прошлого столетия, красовался на высоком холме к северу. Монастырь принадлежал ордену кармелиток, в озере водилась самая разнообразная рыба, так что городок оказался аккурат между оплотом веры и популярным местом отдыха.

Со всех сторон Нанз-Лейк окружали хвойные леса. Под темнеющим небом громадные сосны стояли стройными рядами, в

* Местное отделение Американской автомобильной ассоциации, через которые она оказывает основные услуги своим членам.

** Дословный перевод (Nun's Lake) — озеро монахинь.

зеленых апостольниках, накидках и рясах. С удалением от города зелень медленно, но верно темнела, и вдалеке хвоя выглядела такой же черной, как одежда настоящих монахинь, которые жили в монастыре.

Вне сезона население городка не превышало и двух тысяч человек, но летом как минимум удваивалось за счет рыбаков, байдарочников, любителей серфинга и водных лыж и туристов.

В спортивном магазине, где продавалось все, что душе угодно, от червей до шестибаночных упаковок пива, Микки узнала, что в городе три кемпинга, оборудованных инженерными сооружениями для подключения домов на колесах. Муниципальный кемпинг отдавал предпочтение палаточникам, поэтому только двадцать процентов его площади отводилось под дома на колесах. Два частных жаловали тех, кто предпочитал жить на природе со всеми удобствами.

Не прошло и часа, как Микки побывала во всех трех, спрашивая, не регистрировалась ли семья Джордана Бэнкса, поскольку точно знала, что Мэддок не путешествует под своей настоящей фамилией. Они нигде не регистрировались и не бронировали места.

Из-за стагнации экономики многим пришлось поменять планы на отпуск, да и в лучшие времена кемпинги в этих местах никогда не забивались под завязку, поэтому и без бронирования места Мэддок без труда мог устроиться в любом из трех.

Каждого из клерков-регистраторов Микки попросила не упоминать о ней, если Бэнксы таки появятся.

— Я — сестра Джордана,— объяснила она.— Он не знает, что я здесь. Хочу его удивить. У него сегодня день рождения.

Если у Мэддока было удостоверение личности на имя Джордана Бэнкса, вполне возможно, он располагал и другими удостоверениями. И к этому моменту уже мог поставить свой дом на колесах в любом из кемпингов, зарегистрировавшись под фамилией, которой она не знала.

Лайлани говорила, что их дом на колесах — переделанный по специальному заказу автобус «Превост». «Когда люди видят, как он катится по шоссе, они начинают волноваться, потому что думают, что это Годзилла отправился в отпуск». Более того, Микки видела темно-синий «додж-дуранго», припаркованный около трейлера, в котором поселилась Лайлани, и знала, что в

путешествиях Мэддок цепляет его к «Превосту». Следовательно, даже если он зарегистрировался бы под неизвестной ей фамилией, она все равно имела шанс найти его, прогулявшись по кемпингам.

Проблема заключалась в том, что ей требовалось знать фамилию зарегистрировавшегося постояльца, чтобы попасть на территорию кемпинга. Если Мэддок воспользовался не фамилией Бэнкс, а какой-то другой, ей неизвестной, с прогулкой бы ничего не вышло.

Она могла арендовать место в каждом кемпинге и тогда получила бы полное право ходить по территории, но ни палатку, ни другое туристическое снаряжение она с собой не взяла. Опять же, в частных кемпингах на человека, прибывшего на легковушке, а не в доме на колесах или мини-вэне, смотрели подозрительно, могли просто и не пустить.

Да и с деньгами у нее было не густо. Если б она нашла Мэддока в Нанз-Лейк, но не сумела увезти Лайлани, ей бы пришлось ехать за ними дальше. Поскольку она не знала, сколь долго, приходилось экономить каждый доллар.

Появление у ворот кемпингов каждые час-два могло привлечь к ней ненужное внимание, поэтому Микки решила отыскать Мэддока иным способом, отталкиваясь от причины его приезда в Нанз-Лейк. Он проехал более полутора тысяч миль, чтобы поговорить с человеком, который заявлял, что общался с инопланетянами. Следовательно, установив наблюдение за домом этого человека, она могла засечь Мэддока, когда тот приедет на встречу с ним.

В том же самом спортивном магазине, где она справлялась о кемпингах, Микки спросила и о местной уфологической знаменитости, вызвав веселый смех продавца. Этого человека звали Леонард Тилроу, и жил он в трех милях к востоку от города.

Нужное место она нашла без труда, на узкой дороге, находящейся в ведении округа, стояли все необходимые указатели, в том числе и указатель поворота на ферму Тилроу. Только по прибытии она поняла, что если тут и выращивали сельскохозяйственную продукцию, то очень давно. Теперь Микки видела только поломанные изгороди да заросшие бурьяном поля.

Большой амбар не красили десятилетиями. Дождь, ветер и термиты «освободили» стены от доброй трети бревен, и теперь

амбар напоминал бегемота, с ребер которого стервятники обчистили плоть. Прогнувшаяся крыша тоже дышала на ладан и, казалось, рухнула бы, если б на нее сел дрозд.

Древний трактор «Джон Дир», с практически облупившейся фирменной бледно-зеленой краской, лежал набоку, оплетенный вьюнами, рядом с проселком, ведущим к дому. У Микки создалось впечатление, что в далеком прошлом земля вдруг восстала, разъяренная тем, что ей не дают покоя, и метнула зеленые лассо, которые схватили трактор, сдернули с дороги, перевернули набок и задушили водителя.

Поначалу Микки не собиралась заходить к Тилроу, только наблюдать за домом, дожидаясь прибытия Мэддока. Она проехала мимо фермы и увидела, что к востоку от нее дорога сразу поднимается и дом виден как на ладони. Оставалось только найти удобное место, поставить машину под деревьями и ждать.

Но, не успев выбрать место, она начала волноваться, а вдруг Мэддок уже успел приехать и уехать. Если она заявилась к Тилроу позже его, то могла век торчать у дома, тогда как он и Синсемилла уже увозили Лайлани из Нанз-Лейк...

Микки выбрала маршрут в объезд Невады, опасаясь, что блокада восточной части штата может распространиться на всю его территорию и она окажется в ловушке. Если Мэддок ехал через Неваду и успешно миновал блокпосты, он сократил путь на немалое число миль.

Разумеется, каждый день она ехала гораздо дольше, чем пожелал бы сидеть за рулем Мэддок, управляя огромным домом на колесах. Да и средняя скорость «камаро», конечно же, была выше... И тем не менее...

При первой возможности она развернулась, чтобы возвратиться к ферме Тилроу. Проезжая мимо ржавого перевернутого трактора, сбавила скорость, попыталась заглянуть в кабину. Даже удивилась, не увидев в ней белеющих костей водителя, потому что при ближайшем рассмотрении ферма выглядела еще более запущенной, чем ей показалось с дороги... и странной.

Если бы Норман Бейтс, псих из психов, сбежал из сумасшедшего дома и, почувствовав, что возвращение в мотельный бизнес поможет полиции вновь выйти на его след, решил бы использовать свои знания для организации простенького пансиона, предлагавшего усталым путникам только постель и завтрак, этот

старый дом пришелся бы ему по душе. Солнце, дождь, снег и ветер были единственными малярами, которые красили эти стены в последние двадцать лет. Если Тилроу и проводил какой-то ремонт, то лишь с тем, чтобы крыша внезапно не рухнула ему на голову.

Выйдя из «камаро», Микки пересекла «лужайку» — полосу голой земли с кустиками травы. Деревянные ступени крыльца жалобно скрипели. Половицы просто стонали.

Постучав, она отступила на пару шагов. Боялась, что, стоя у порога, спровоцирует притаившегося за дверью Джека Потрошителя вцепиться ей в горло.

Воздух застыл, казалось, вся ферма накрыта гигантской банкой.

Черные облака грозно нависли над головой, словно небо решило воздать земле за все, что творилось под ним.

Микки не слышала, как кто-нибудь подходил к двери, когда она внезапно распахнулась. В проеме возник толстяк, от которого разило запахом кислого молока, с круглым и красным, как надувной шар, лицом и спутанной, словно перекати-поле, бородой. Широкие парусиновые штаны с нагрудником и белая футболка свидетельствовали о том, что перед ней человек, но подтверждало сие только то, что она видела повыше носа-картошки, испещренного готовыми лопнуть капиллярами. Между этим носом и лбом, переходящим в абсолютно гладкий, как помидор, череп, два прячущихся в жировых складках глаза могли принадлежать только человеку, потому что светились подозрительностью, печалью, надеждой и жадностью.

— Мистер Тилроу? — спросила Микки.

— Да... кто еще? Больше тут никого нет,— из жирной туши, бороды и облака неприятного запаха вырвался голос, нежный, будто у солиста хора мальчиков.

— Вы — Леонард Тилроу, который встречался с инопланетянами?

— Какую студию вы представляете?

— Студию?

Он оглядел ее с головы до ног, потом с ног до головы.

— Настоящие люди такими красивыми не бывают, мисси. Вы, конечно, оделись в старье, стремясь замаскироваться, но у вас на лбу написано: Голливуд.

— Голливуд? Боюсь, я вас не понимаю.

Он скосил глаза на «камаро».

— И эта развалюха — изящный штрих.

— Это не штрих. Это мой автомобиль.

— Эти автомобили предназначены для таких, как я. А такие красавицы, как вы... вы рождаетесь с ключом от «мерседеса» в руке.

Он не грубил, не осуждал, просто выражал свое мнение.

У Микки сложилось ощущение, что он ждал кого-то другого, вот и принял ее за этого человека, поэтому она попыталась начать все сначала:

— Мистер Тилроу, я приехала, чтобы услышать ваш рассказ о встрече с инопланетянами и спросить...

— Разумеется, вы приехали, чтобы спросить, потому что это одно из самых знаменательных событий в истории человечества. То, что случилось со мной,— блокбастер*. И я готов рассказать все, что вас интересует... после того как мы заключим сделку.

— Сделку?

— Но я хочу, чтобы все было по-честному. Вам следовало приехать на «мерседесе», в обычной одежде и прямо сказать, какую вы представляете студию или телесеть. Вы даже не назвали своего имени.

Тут она поняла. Он верил, что случившееся с ним ляжет в основу новой эпопеи Спилберга, с Мелом Гибсоном в роли Леонарда Тилроу.

Ее не интересовали его близкие контакты с инопланетянами, но она увидела в этом возможность получить интересующую ее информацию.

— Вы очень проницательны, мистер Тилроу.

От ее комплимента он просиял и еще больше раздулся. И без того красное лицо засветилось ярче, так в мультфильмах светятся паровые котлы, перед тем как взорваться.

— Я знаю, что так будет честно. Это все, о чем я прошу... чтобы все, связанное с этой историей, было честно.

---

* «Крупнокалиберный фильм». Кассовый фильм, создание которого требует больших денег. Слово появилось в 1942 г., первоначально обозначая четырехтонную бомбу, способную уничтожить целый городской квартал (bust a block).

— Сегодня воскресенье, так что связаться с боссом я не смогу. Завтра я позвоню ему на студию, обсужу ситуацию и вернусь с предложением уже как профессионал.

Он дважды медленно кивнул, словно джентльмен из сельских краев, соглашающийся с любезным предложением дамы.

— Я буду вам очень признателен.

— Один вопрос, мистер Тилроу. Есть у нас конкуренты? — Поскольку он вопросительно вскинул брови, добавила: — Этим утром у вас не побывал представитель другой студии?

— До вас никого не было.— Тут он понял, что должен сделать все, чтобы у нее сложилось впечатление, будто ему уже предлагались огромные суммы.— Один парень приезжал вчера...— он помялся,— с одной из больших студий.— Бедняга Леонард не умел лгать. Осипший голос сразу выдал его.

Даже если кто-то и приезжал в субботу, интересуясь НЛО, это не мог быть Мэддок. Если «Превост» и опередил «камаро» Микки, то лишь на несколько часов.

— Я вам не скажу, с какой студии,— выдавил из себя Тилроу.

— Я понимаю.

— И не прошло тридцати минут, как мне позвонили по этому же делу. Мужчина сказал, что приехал из Калифорнии, чтобы повидаться со мной, поэтому я уверен, что он из ваших,— голос обрел прежний тембр. На этот раз Тилроу не лгал.— Мы договорились о встрече.

— Очень хорошо, мистер Тилроу. Я уверена, что вы слышали о «Парамаунт пикчерс», не так ли?

— Одна из крупнейших студий.

— Естественно. Меня зовут Джанет Хичкок. Я не родственница, но одна из менеджеров «Парамаунт пикчерс».

Если о встрече с Тилроу договаривался именно Мэддок, она надеялась, что таким образом из разговора с толстяком доктор Дум не поймет, кто побывал на ферме до него. Теперь Тилроу расскажет ему не о безымянной красавице, приехавшей на старом запыленном «камаро», а о Джанет Хичкок из «Парамаунт пикчерс».

— Приятно было познакомиться с вами, мисс Хичкок.

Он протянул руку, и Микки пожала ее, прежде чем успела подумать, где эта рука могла побывать за несколько минут до этого.

— Я позвоню вам завтра. А во второй половине дня мы встретимся вновь.

Хотя Тилроу являл собой карикатуру на человека, хотя пытался продать воздух, хотя мог представлять собой опасность, Микки жалела о том, что солгала ему. От подозрительности в его глазах не осталось и следа, но ее место заняли печаль и жадность. Жалкий и несчастный, он, конечно же, никому и ничем не угрожал.

В мире слишком много людей, которые с удовольствием добили бы раненого. Ей не хотелось числиться среди них.

Глава 63

Кертис сидит в кресле второго пилота припаркованного «Флитвуда», смотрит сквозь ветровое стекло, гадает, рискнут ли монахини показаться на водных лыжах, невзирая на надвигающуюся грозу.

В Нанз-Лейк он прибыл в субботу, ближе к вечеру, под защитой сестер Спелкенфелтер. Остановились они в кемпинге, который предлагал вид на озеро, пусть и отделенное от дома на колесах деревьями.

За последние двадцать четыре часа Кертису так и не удалось увидеть монахинь ни на озере, ни на его берегах. Его это печалит, потому что в кино он видел так много прекрасных, заботливых монахинь... Ингрид Бергман! Одри Хепберн!.. И ни одной живой с момента прибытия в этот мир.

Близняшки заверили его, что терпение и наблюдательность позволят ему увидеть десятки одетых по всей форме монахинь, катающихся на водных лыжах, закладывающих виражи на гидроциклах, летящих на парапланах. Эти заверения сопровождались таким радостным смехом, что он не сомневается: монахини на отдыхе — одно из самых удивительных зрелищ, которые может предложить эта планета.

После того как в пятницу вечером в Туин-Фолс Кертис признался, кто он такой, Кэсс и Полли вызвались вступить добровольцами в его королевскую гвардию. Он попытался объяснить, что он не голубых кровей, что он — самая обычная личность, как и они. Ну, пусть и не совсем обычная, поскольку может контролировать свою биологическую структуру и изменять

внешность, подстраиваясь под любой организм, имеющий достаточно высокий интеллектуальный уровень, но *в остальном* такой же, как сестры, разве что у него нет таланта жонглера и его бы парализовало от застенчивости, если бы ему пришлось выступать обнаженным на сцене Лас-Вегаса.

Они, однако, подходят к ситуации с мерками «Звездных войн». Настаивают на том, что видят в нем принцессу Лею, пусть и без внушительной груди и сложной прически. Коробка передач их ощущения чуда включилась, перешла на высокую скорость и понеслась во весь опор. Они говорят, что давно мечтали о таком моменте, что готовы до конца своих дней помогать ему в том благородном деле, ради которого прилетели сюда его мать и ее последователи.

Он объясняет им свою миссию, и они понимают, что он может сделать для человечества. Он еще не дал им Дар, но скоро даст, и перспектива получения этого Дара приводит их в восторг.

Поскольку он видел от них только добро и потому, что думает о них как о сестрах, Кертис поначалу не хотел оставаться с ними и тем самым подвергать смертельному риску. После осечки в четверг он во всем до последней мелочи остается Кертисом Хэммондом. Врагам все труднее засечь его, с каждым часом он все больше и больше сливается с местным населением. Однако, даже после того, как он исчезнет с дисплеев биологических сканеров, на что им уже потрачено столько времени и сил, враги, как земные, так и инопланетные, не прекратят его поиски. И если он попадет в руки худшим выродкам, тех, кто будет с ним связан, к примеру Кэсс и Полли, убьют столь же безжалостно, как его самого.

За шесть безумных дней, проведенных на Земле, он повзрослел. Понесенные им ужасные утраты и изоляция от ему подобных подвели его к пониманию, что он должен не просто выжить, не просто надеяться выполнить миссию матери, но не терять время и браться за работу. *Браться за работу*. А для этого ему нужна мощная поддержка круга друзей, надежные, преданные люди, с добрыми сердцами, острым умом, храбрые и решительные. И пусть его пугает взятая на себя ответственность за жизни других, у него нет выбора, если он хочет доказать себе, что он — достойный сын своей матери.

За изменение мира, которое мальчик должен провести, чтобы спасти его, надо платить. Иногда цена очень высока.

Если он намерен собрать команду, которая будет осуществлять это изменение, Кэсс и Полли — идеальные кандидаты. В доброте их сердец сомнений нет, так же как в быстроте ума, а храбрости и решительности у них двоих не меньше, чем у взвода морских пехотинцев. Более того, годы, проведенные в Голливуде, стали для сестер прекрасной школой выживания и побудили овладеть всеми видами оружия. Свои навыки они уже продемонстрировали в деле.

Они привезли Кертиса в Нанз-Лейк, потому что все равно собирались приехать сюда, даже если бы его не встретили. Это была их следующая остановка в экскурсии по местам появления инопланетян. На ферму Ниари они заглянули только потому, что государство блокировало чуть ли не всю Неваду под предлогом поиска наркобаронов, хотя все здравомыслящие люди понимали, что ищут, конечно же, пришельцев с других планет.

Да и после яростной схватки у магазина на перекрестке федеральных дорог они решили, что Туин-Фолс находится слишком близко от границы Невады, и сочли целесообразным уехать куда-нибудь подальше.

А сейчас, когда после дня заслуженного отдыха близняшки сидят за обеденным столом, изучают карты и намечают дальнейший маршрут, Кертис смотрит на озеро в надежде увидеть на нем монахинь. И при этом строит такие грандиозные планы кампании по изменению мира, что его десятилетний мозг, пусть и не раз органически увеличенный по настоянию его любимой мамочки, грозит взорваться.

Но даже если составляются планы по спасению мира, собаки должны справлять малую нужду. Желтый Бок дает об этом знать, скребя лапой по двери и заглядывая в глаза ставшему ей братом.

Когда Кертис идет к двери, чтобы выпустить собаку, Полли поднимается из-за стола и просит мальчика остаться в доме на колесах, где агентам империи зла сложнее засечь его своими сканерами.

Он уже говорил им, что нет империи, которая с ним воюет. Ситуация в чем-то гораздо проще, а в чем-то гораздо сложнее

стандартных политических схем. Близняшки тем не менее придерживаются мерок «Звездных войн», возможно, надеясь, что Хэн Соло и Вуки скоро подъедут на своем «Эйрстриме», чтобы они все смогли оттянуться на полную катушку.

— Я ее выведу,— предлагает Полли.

— С ней идти не надо,— объясняет Кертис.— Она вроде бы будет одна, но душой я останусь с ней.

— Телепатический канал,— кивает Полли.

— Да. Я могу осматривать кемпинг глазами моей сестры.

— Прямо-таки по Арту Беллу! — восклицает Полли, упоминая ведущего радио-шоу, которое посвящено сообщениям о появлении НЛО и историям контактов с пришельцами. Голос ее вибрирует от восторга.

Желтый Бок выпрыгивает из «Флитвуда» на землю, сестры вновь склоняются над картами, Кертис возвращается в кресло второго пилота.

Его связь со ставшей ему сестрой постоянная, действует двадцать четыре часа в сутки, независимо от того, сосредоточивается он на ней или нет. Сейчас он сосредоточивается.

Кабина «Флитвуда», деревья за ветровым стеклом, озеро без монахинь, лежащее за деревьями, уходят из фокуса, Кертис одновременно и внутри «Флитвуда», и бежит по земле вместе с Желтым Боком.

Ставшая ему сестрой опорожняет мочевой пузырь, но не сразу и не в одном месте. Бежит мимо домов на колесах, кемперов и прицепов, радостно обследует новую территорию, и если где-то ей особенно нравится, она метит это место приседанием и маленькой лужицей.

Жаркий воздух становится прохладнее, по мере того как облака накатываются с запада, переваливая через горы. Но горы на востоке им не по плечу, вот они и скапливаются над озером, чернея на глазах.

День пахнет сосновыми иглами, строевым лесом и близким дождем.

При этом воздух словно застыл в ожидании первого грома и молнии, с которых и начнется жуткая гроза.

По всему кемпингу отдыхающие готовятся к природному катаклизму. Мужчины снимают парусиновые навесы. Женщины складывают пластиковую мебель и заносят ее под крышу.

Какой-то мужчина возвращается с озера. С ним двое ребятишек. Все в плавках и несут пляжные игрушки. Люди собирают журналы, книги, одеяла, все, что не должно мокнуть под дождем.

Желтый Бок получает полагающуюся ей порцию комплиментов, всякий раз отвечая на них собачьей улыбкой и вилянием хвоста, но комплименты не отвлекают от занятия, которое очень ей нравится: изучения незнакомой территории. Мир — это бескрайнее море запахов, и каждый таит в себе то ли сладостное воспоминание, то ли загадку, то ли чудесное открытие.

Любопытство и постепенное опорожнение мочевого пузыря ведут Желтого Бока через лабиринт рекреационных автомобилей*, деревьев и столиков для пикников к огромному дому на колесах, который высится словно джагернаут, готовый смести все, что встанет у него на пути. Даже внушительный «Флитвуд американ херитидж» близняшек рядом с этим бегемотом превращается в карлика.

Ставшую ему сестрой тянет к этому монстру, похоже, построенному для Зевса, не из-за его габаритов или грозного вида, но потому, что идущие от него запахи одновременно завораживают и пугают ее. Она приближается очень осторожно, обнюхивает покрышки, писает в тени у борта, наконец подходит к закрытой двери и начинает более активно принюхиваться.

В кресле второго пилота «Флитвуда», физически разделенный с Желтым Боком, Кертис тем не менее обеспокоен чувством опасности. Его первая мысль — этот джагернаут, так же как тот «корветт», припаркованный за магазином на перекрестке дорог, на самом деле что-то иное, транспортное средство не из этого мира.

Тогда собаку иллюзия не обманула, она сумела увидеть то, что скрывалось за видимостью. Здесь, однако, Желтый Бок видит то же, что и все... и ее это, безусловно, удивляет.

У двери дома на колесах один резкий запах несет в себе горечь, тогда как другой — гниль. Не горечь кассии или хинина — горечь отчаявшейся души. Запах не разлагающейся плоти, но души, разложившейся в живом теле. Для собаки каждое человеческое тело испускает феромоны, которые многое рассказывают о состоянии души, в этом теле пребывающей. Есть еще какой-то кислый привкус, не лимона или скисшего молока, но страха, который так давно выдерживался и очищался, что ставшая ему сестрой скулит, сочувствуя сердцу, живущему в постоянной тревоге.

Но у нее нет ни грана сочувствия к злобному чудовищу, чье зловоние забивает все остальные запахи. Кто-то из живущих в этом доме на колесах — серный вулкан подавляемой ярости, дымящаяся клоака ненависти, такой густой и черной, что даже в отсутствие этого чудовища оставленные им следы обжигают чувствительный нос собаки, словно токсичные пары.

Если смерть действительно ходит по этому миру в человеческом обличье, в черном одеянии с капюшоном и косой в руке или без оных, ее феромоны не могут быть отвратительнее. Собака чихает, чтобы очистить ноздри от мерзкого запаха, негромко рычит и отходит от двери.

Желтый Бок чихает еще дважды, обегая огромный дом на колесах спереди, где, следуя команде Кертиса, смотрит на панорамное ветровое стекло и видит, а вместе с ней и он, не гоблина, не призрака, а миловидную девочку девяти или десяти лет. Девочка эта стоит позади кресла водителя, оперевшись на спинку, наклонившись вперед, смотрит на озеро и быстро темнеющее небо, должно быть, пытаясь понять, когда засверкают молнии, загрохочет гром и польется дождь.

Именно ее горькое отчаяние и кислый запах давно сдерживаемого страха стали одной из причин, побудившей ставшую ему сестрой обследовать этот зловещий дом на колесах.

Конечно же, девочка не источник зловония, по которому собака определяет сгнившую душу. Она слишком молода, чтобы позволить червям полностью сожрать свою душу.

Не может она быть и чудовищем, чье сердце полно ярости, у которого вместо крови по жилам течет ненависть.

Она замечает ставшую ему сестрой и смотрит вниз. Собака высоко задирает голову, иначе с двух футов, отделяющих ее от земли, девочки ей не увидеть. Кертис, невидимый девочке, по-прежнему находящийся во «Флитвуде», незримо присутствует у панорамного ветрового стекла.

* Общее название специализированных автомобилей или прицепов для любителей автотуризма. Дома на колесах — самые большие и комфортабельные РА.

Виляющий хвост собаки без слов поясняет оценку, которую она дает незнакомке.

Девочка светится изнутри.

В доме на колесах, судя по всему ее доме, она чувствует себя потерянной.

Более того, она больше похожа на призрак, чем на девочку из плоти и крови, словно панорамное ветровое стекло разделяет землю живых и царство мертвых.

Светящаяся девочка отворачивается и уходит в глубь дома на колесах, растворяясь в царящем там мраке.

Глава 64

Природа практически полностью вернула себе землю, когда-то вовлеченную в сельскохозяйственный оборот на ферме Тилроу. Олени бегали там, где когда-то паслись лошади. На полях правили бал сорняки.

Время, погода и нерадивость хозяев превратили когда-то, несомненно, красивый викторианский дом в готический.

Обитала в доме отвратительная жаба. Со сладким голосом юного принца, этот урод выглядел как источник бородавок, а то и чего-нибудь похуже.

Увидев Жабу впервые, Престон едва не вернулся к своему внедорожнику. Едва не уехал, не задав ни одного вопроса.

Какие тут инопланетяне! Да кто мог поверить в фантастические байки, сочиненные этим мужланом? Его и человеком-то назвать трудно, продукт инцеста многих поколений «белых отбросов»*.

Однако...

За прошедшие пять лет среди сотен людей, рассказы которых о встречах с НЛО и контактах с пришельцами Престон терпеливо выслушивал, иной раз случалось, что самые убедительные свидетельства таких встреч и контактов он находил там, где меньше всего ожидал.

Он напомнил себе, что для поиска трюфелей используются свиньи. Даже Жаба в широких штанах с нагрудником мог обладать крупицами истины, которые не мешало бы узнать.

* Презрительное прозвище белых американцев, не получивших образования, безработных или вкалывающих за нищенскую зарплату.

Престон принял приглашение войти в дом. Как выяснилось, порог разделял реальный Айдахо и сюрреалистическое королевство.

Войдя в холл, он очутился среди индейцев. Некоторые улыбались, другие принимали величественные позы, но большинство выглядели такими же бесстрастными, как каменные истуканы на острове Пасхи. Ни в одном не чувствовалось воинственности.

Десятилетиями раньше, когда страна была на порядок чище, эти полноразмерные, вырезанные из дерева вручную, с любовью раскрашенные статуи стояли у входа в табачные магазины. Многие из них держали в руках ящички с муляжами сигар, словно предлагали закурить.

Большинство изображали вождей с очень красивыми головными уборами из перьев. Головные уборы тоже вырезались из дерева и тщательно раскрашивались. У нескольких простых воинов головной убор заменяла повязка с воткнутыми под нее одним или двумя деревянными перышками.

Из тех, кто не держал коробки с сигарами, некоторые стояли с поднятой рукой, символизируя миролюбие. У одного из улыбающихся вождей большой и указательный пальцы образовывали колечко, знак, что все хорошо.

Двое, вождь и воин, крепко сжимали поднятые томагавки.

Они никому не угрожали, но выглядели суровее остальных активистов агрессивной рекламной кампании табачных изделий.

Два вождя стояли с трубками мира.

Холл тянулся футов на сорок. Индейцы из табачных магазинов выстроились вдоль обеих стен. Числом никак не меньше двух десятков.

В большинстве своем — спиной к стене, лицом к тем, кто застыл по другую сторону узкого холла. Только четыре стояли под углом, лицом к двери, словно охраняли родовое гнездо Тилроу.

Другие индейцы расположились на ступенях лестницы. Словно раздумывали, не присоединиться ли к тем, кто уже спустился в холл.

— Отец собирал индейцев.— Жаба не слишком часто подстригал усы. Они нависали над губами, чуть ли не полностью

скрывали их. Жаба едва шевелил губами, когда говорил, и благодаря усам казалось, что говорит совсем не он, а звук доносится из скрытых динамиков.— Они дорого стоят, эти индейцы, но я не могу их продать. Это все, что осталось у меня от па.

Престон предположил, что индейцы, возможно, действительно представляют собой ценность как образцы народного творчества. Но его они не интересовали.

Искусство вообще, а народное творчество в особенности, прославляло жизнь. Престон жизнь не жаловал.

— Пройдемте в гостиную,— предложил красномордый хозяин.— Там и поговорим.

И с грациозностью прихрамывающего борова двинулся к арке по его левую руку.

Арка, когда-то просторная, была сужена до узкого прохода стопками журналов, перевязанных по двенадцать и двадцать четыре штуки, а потом сложенных высокими, поддерживающими друг друга колоннами.

Габариты Жабы вроде бы не позволяли ему протиснуться в столь узкий проход.

Как ни удивительно, он с легкостью проскользнул между бумажными колоннами. За долгие годы этот кусок жира, должно быть, хорошо смазал журналы своими выделениями.

Гостиная более не напоминала комнату. Превратилась в лабиринт узких проходов.

— Ма собирала журналы,— объяснил Жаба.— Я тоже.

Семи- и восьмифутовые стойки из журналов и газет формировали стены лабиринта. Некоторые пачки связывались бечевкой. Другие лежали в картонных коробках, на которых большими буквами красовались название издания и годы публикации.

Иной раз, зажатые бумажными стойками, в стены лабиринта встраивались книжные полки, битком набитые книгами в обложках. На глаза Престона попались номера «Нэшнл джиографик»*. Пожелтевшие номера дешевых журналов датировались двадцатыми и тридцатыми годами двадцатого века.

В крохотных нишах, встречающихся между стенами лабиринта, теснилась мебель. Стул, зажатый колоннами из стопок

* Ежемесячный иллюстрированный научно-популярный журнал, посвященный географии, путешествиям, достижениям науки. Издается с 1888 г.

журналов. На сиденье с протертой обивкой навалом лежали книги в обложках. Стол с лампой. Вешалка для шляп с восемью рожками, на которых висело как минимум в два раза больше проеденных молью шляп с мягкими полями.

И снова деревянные индейцы, замурованные в стены лабиринта. Среди них две женщины. Индейские принцессы. Обе прелестные. Одна смотрела вдаль, серьезная и загадочная. На лице второй отражалось недоумение.

Дневной свет из окон не проникал в середину лабиринта. Везде царил глубокий сумрак, и от полной темноты спасала только люстра под потолком да редкие, с грязными и порванными абажурами светильники, встречающиеся в нишах.

В воздухе стоял кислый запах типографской краски и пожелтевшей бумаги. В нишах резко воняло мышиной мочой. Пахло и плесенью, и порошком для травли насекомых, и разложившейся плотью, возможно, где-то давно уже лежала дохлая мышь, превратившаяся в клок кожи и серого меха, обтягивающий тонюсенькие косточки.

Престону не понравилась грязь, а вот атмосферу он нашел приятной во всех отношениях. Жизни тут не было: он попал в дом смерти.

Вмурованные в стены индейцы превращали лабиринт в катакомбы, а сами напоминали мумифицированные трупы.

Следуя за Жабой по изгибам этой трехмерной паутины, Престон ожидал, что за одним из поворотов его ждет встреча с ма-Жабой и па-Жабой, разумеется уже мертвыми, сидящими в собственных нишах, образованных для них в журнально-газетных стенах. В одежде, свободно болтающейся на их скелетах. С зашитыми в похоронном бюро веками и губами. Ушами, свернувшимися в узлы. Кожей, облепившей черепа. Ноздрями, из которых тянутся белые паутинки, словно пар морозного дыхания.

Когда Жаба наконец-то привел его на пустой пятачок, где они могли сесть и поговорить, Престон почувствовал разочарование, не найдя заботливо сохраняемых семейных покойников.

Этот пятачок, расположенный в самом центре лабиринта, едва вмещал его и Жабу. Всю обстановку составляло кресло, по его сторонам — торшер и маленький столик, телевизор, стоявший напротив, и старый диван, застеленный клетчатым пледом.

Жаба сел в кресло.

Престон протиснулся мимо и уселся на дальний от хозяина край дивана.

Сядь он ближе, им пришлось бы говорить лицо в лицо.

Их окружали стены лабиринта, возведенные из журналов, газет, книг в бумажной обложке, пластмассовых ящиков с виниловыми пластинками, банок из-под кофе, в которых могло быть все, что угодно, от гаек и болтов до отрезанных человеческих пальцев, напольных радиоприемников тридцатых годов прошлого века, поставленных друг на друга, других предметов, перечисление которых заняло бы слишком много времени, и все это странное сооружение держалось силой тяжести и подпорками, которые укрепляли самые слабые места.

Жаба, как и его ушедшие в мир иной ма и па, конечно же, был психом.

Должно быть, сумасшествие считалось в этой семье хорошим тоном.

— Так какую вы предлагаете сделку? — спросил Жаба, устроившись в кресле.

— Как я и объяснил по телефону, я приехал с тем, чтобы услышать о вашем близком контакте.

— Вот вам доказательство, мистер Бэнкс. После стольких лет государство пришло и аннулировало чеки, которые я получал по инвалидности.

— Это печально.

— Мне заявили, что я симулировал двадцать лет, хотя ничего такого не было и в помине.

— Я уверен, что не было.

— Может, врач, который записал меня в инвалиды, грел на этом руки, так они сказали, может, я — единственный человек со страдающей душой, который когда-либо заходил в его кабинет, но всю жизнь я действительно был калекой, чтоб мне провалиться на этом месте, если не был!

— И все это связано с вашим близким контактом... так? — спросил Престон.

Маленький хитрый розовый зверек высунул головку из спутанной бороды Жабы.

Престон, как зачарованный, наклонился, но тут же понял, что розовый зверек — язык Жабы, который скользил по перекошенным, должно быть, губам, прячущимся в бороде, дабы дождь срывалась с них с большей легкостью.

— Я очень благодарен трехглазым пришельцам со звезд, которые пришли и вылечили меня. Это были необычные существа, двух мнений тут быть не может, пугающего вида, от этого тоже не уйти, но, несмотря на их устрашающую внешность, я должен признать, что мне они сделали доброе дело. Беда в том, что я уже не тот жалкий калека, каким был все прошлые годы, и нет никакой возможности вновь стать инвалидом.

— Дилемма,— покивал Престон.

— Я дал слово этим пришельцам со звезд, честное слово, что никому не расскажу об оказанной ими помощи. Меня мучает совесть из-за того, что я нарушаю данное им слово, но дело в том, что я должен что-то есть и оплачивать счета.

Престон кивнул бородатому идиоту:

— Я уверен, что пришельцы со звезд вас поймут.

— Только не подумайте, что я не благодарен им за то, что они меня вылечили, спустившись сюда на их сверкающем синим светом корабле.

Но при их всемогуществе кажется странным, что они не наделили меня какими-нибудь навыками или талантом, чтобы я мог сам зарабатывать на жизнь. К примеру, не одарили возможностью читать мысли или видеть будущее.

— Или могли научить превращению свинца в золото,— предположил Престон.

— Это был бы отличный вариант! — воскликнул Жаба, хлопнув ладонью по подлокотнику.— И я бы не злоупотреблял их даром.

Превращал бы в золото ровно столько свинца, сколько потребовалось на жизнь.

— Ваши слова говорят о том, что вы — человек ответственный,— вставил Престон.

— Благодарю вас, мистер Бэнкс. Я ценю ваш комплимент. Но все это пустая болтовня, потому что пришельцы со звезд ничем таким меня не облагодетельствовали. Поэтому... пусть мне и стыдно за нарушенное слово, я не знаю другого способа разрешить эту дилемму, как вы и сказали, кроме возможности продать свою историю о том, как инопланетяне исцелили меня, превратили из калеки в здорового человека.

И хотя определение *лживый* подходило к Жабе куда больше, чем к любому современному политику, и хотя Престон не собирался лезть за бумажником и доставать двадцатку, любопытство побудило его спросить:

— Сколько вы хотите?

Глаза Жабы, и без того прятавшиеся в розовых складках жира, тут вообще превратились в щелочки.

— Видите ли, сэр, мы оба — деловые люди, я безмерно уважаю вас, как, надеюсь, вы уважаете меня. Если вопрос ставится таким образом, я считаю себя не вправе называть окончательную цифру. Мне представляется, будет лучше, если вы назовете справедливую цену, а я, должным образом рассмотрев ваше предложение, отвечу, устраивает она меня или нет.

Но поскольку я вижу перед собой настоящего джентльмена, позволю себе поставить вас в известность о том, какую цену я полагаю справедливой. Мне представляется, что она должна как минимум превышать миллион долларов.

У Престона отпали последние сомнения в том, что он имеет дело с законченным психом.

— Я уверен, это справедливая цена, но не думаю, что в моем бумажнике так много денег.

Ему ответил серебристый, почти девичий смех, и Жаба уже обеими ладонями хлопнул по подлокотникам кресла. Должно быть, он никогда не слышал более забавной шутки.

Наклонившись вперед, Жаба подмигнул и ответил, как ему казалось, столь же остроумно:

— Когда придет время, я приму ваш чек и не попрошу водительское удостоверение, чтобы проверить, тот ли вы, за кого себя выдаете.

Престон улыбнулся и кивнул.

В поисках контакта с инопланетянами ему приходилось общаться с бессчетным количеством дураков и лжецов. Он прекрасно понимал, что это цена, которую необходимо платить в надежде хоть раз найти истину и таки встретиться с существом, своим развитием превосходящим человека.

Инопланетяне существовали. Он страстно желал, чтобы они существовали, пусть и не по тем причинам, ради которых Жабе или фанатам НЛО хотелось бы верить в их существование. Престон

нуждался в их реальности, с тем чтобы его жизнь обрела особый смысл.

Жаба вдруг стал серьезен.

— Мистер Бэнкс, вы не назвали мне вашу студию.

— Студию?

— Чтобы быть до конца честным с вами, должен сказать, что незадолго до вас сюда приезжала сама миссис Джанет Хичкок из «Парамаунт пикчерс». Завтра она сделает мне официальное предложение. Я прямо сказал ей о вашей заинтересованности, хотя и не мог знать, какую студию представляете вы, потому что сам не имею об этом ни малейшего понятия.

Если «Парамаунт пикчерс» прислали менеджера в Нанз-Лейк, чтобы купить байку Жабы о том, как его излечили инопланетяне, приобретение ими прав на сценарий являлось надежным доказательством того, что Вселенная может взорваться в любой момент, мгновенно схлопнуться, превратившись в шарик материи невообразимой плотности размером с горошину.

— Боюсь, здесь какое-то недопонимание,— только и смог ответить Престон.

Жабе не хотелось слышать о недопониманиях, его интересовали только семизначные числа на банковском счете.

— Я не вешаю вам лапшу на уши, сэр. Наше взаимное уважение слишком велико, чтобы я вешал вам лапшу на уши. Я могу доказать каждое сказанное мною слово, кое-что вам показав, и вы сразу поймете, что я говорю правду, только правду и ничего, кроме правды.— Он вывалился из кресла, как хряк из своего загона, и вновь двинулся в лабиринт, но уже по другому маршруту, отличному от того, что привел их от входной двери к месту посиделок.— Пойдемте со мной, вы сами все увидите, мистер Бэнкс!

Престон не боялся Жабы, да и практически не сомневался, что этот идиот живет один. Впрочем, даже если в лабиринте скрывались и другие, не менее сумасшедшие родственники Жабы, перспектива встречи с ними его бы не остановила. Но Престона не покидала уверенность, что, кроме них двоих, здесь никого нет.

Атмосфера запустения и тлена, царившая в доме, настраивала его на романтический лад. Для человека, столь влюблен-

ного в смерть, этот дом казался гавайским пляжем, залитым звездным светом. Ему хотелось узнать о доме как можно больше.

И потом, хотя Престон по-прежнему полагал, что Жаба — отъявленный врун, его нежный голос звучал более чем искренне, когда он заявлял, что представит доказательства истинности своей истории.

По туннелям из бумаги, индейцев и мебели Престон следовал за хозяином дома. Глянцевые журналы, дешевые журналы, пожелтевшие газеты — все шло в дело, все служило строительным материалом.

По поворачивающим под прямыми углами и пересекающимся туннелям, запахом схожими с подземными галереями древних египетских захоронений, следом за Жабой, натужное дыхание которого напоминало шелест лапок скарабеев, бегущих по стенам, они миновали еще две большие комнаты. Престон это определил по наличию дверных проемов. Сами двери сняли, должно быть, с тем, чтобы они не мешали прогулке по лабиринту. К дверным косякам вплотную прилегали стены из газет и журналов, так что туннели нигде не прерывались.

Бумажные стены блокировали все окна. Во многих местах, но не везде пачки газет и журналов укладывались до самого потолка. С дубовых половиц многолетнее хождение по коридорам стерло всю краску. Тут и там темнели пятна непонятного происхождения.

— Вы сейчас все увидите, мистер Бэнкс,— говорил Жаба, протискиваясь меж рукотворных стен, словно хоббит, спешащий куда-то по подземным туннелям.— Увидите доказательство, будьте уверены!

И в тот момент, когда Престон уже вполне серьезно задумался над тем, а не является ли этот дом порталом, пересадочной станцией, связывающей многие параллельные миры, то есть местом, по которому можно блуждать до скончания веков, Жаба вывел его из лабиринта на кухню.

Необычную кухню.

Нет, все свойственные кухне атрибуты присутствовали. Плита с потрескавшейся и местами отколупанной, когда-то белой, а теперь желтоватой эмалью, гудящий и дребезжащий холодильник из тех времен, когда люди по-прежнему называли их

ящиками со льдом, тостер, микроволновая печь. На том обычность и заканчивалась.

На всех свободных поверхностях лежали, совсем как в винных погребах, пустые бутылки из-под пива и прохладительных напитков. Бутылки заполняли и полки буфетов, открытые дверцы позволяли это увидеть.

Пирамида бутылок оккупировала и кухонный стол. Окно над раковиной позволяло взглянуть на заднее стекло. На нем тоже лежали тысячи бутылок.

Жаба, должно быть, готовил на колоде мясника, которая стояла посреди кухни. О состоянии рабочей поверхности говорить не хотелось.

Дверной проем, опять же без двери, вел на лестницу, слишком узкую, чтобы поставить на ступени индейцев. Зато к стенам и потолку, совсем как трехмерные обои, были приклеены пустые пивные бутылки, главным образом зеленые, некоторые чистые.

И хотя солодовый осадок испарился много лет назад, на лестнице все равно стоял затхлый запах пива.

— Пойдемте, мистер Бэнкс! Еще чуть-чуть. Сейчас вы увидите, почему справедливая цена должна превышать миллион долларов.

Престон следом за Жабой поднялся по облицованной бутылками лестнице.

И на втором этаже их ждали такие же коридоры. И здесь были сняты все двери. Они переходили из комнаты в комнату. Престон решил, что лабиринты второго этажа полностью копируют те, что находились ниже.

В спальню Жабы вела, наверное, единственная в доме дверь.

Комнату за ней не превратили в сложную систему туннелей, как весь остальной дом. Два столика с лампами стояли по обе стороны большой незастеленной кровати. Комода, шифоньера и стенного шкафа вполне хватало, чтобы Жаба мог повесить в них свои широкие штаны с нагрудником.

Но до нормальности и здесь было далеко, спасибо коллекции соломенных шляп, которые висели на гвоздях по всем стенам, от пола до потолка. Мужские соломенные шляпы, женские, детские. Соломенные шляпы всех известных стилей, для самых разных занятий, от шляпы сезонного рабочего на ферме

до той, что надевала дама, отправляющаяся в церковь в жаркое воскресенье. Соломенные шляпы естественных цветов и различных их оттенков, целые, порванные, прогрызенные мышами, висели по нескольку штук на каждом гвозде, едва ли не полностью закрывая собой стены, чем-то напоминая звукоизоляционную обивку стен в звукозаписывающей студии или на радиостанции.

Помимо шляп в спальне хранилась еще одна коллекция: десятки и десятки тростей, как без изысков, так и богато украшенных. Простые трости из древесины орехового дерева с резиновыми набалдашниками и изогнутыми рукоятками. Трости из древесины пекана с оплетенными рукоятками. Дубовые, красного дерева, кленовые, вишневые трости, модели из стали, некоторые с незатейливыми рукоятками, другие — из резного дерева или литой бронзы. Лакированные черные трости с серебристыми набалдашниками, идеально подходящие к фраку, соседствовали с белыми тросточками для слепых.

Трости стояли на нескольких подставках для зонтов, а также висели, зацепленные рукоятками за верхнюю поверхность комода и шифоньера. Занавески из тростей висели и на оконных карнизах.

С одного окна Жаба уже снял с десяток тростей, открыв часть стекла. Он также стер пыль рукой.

Подведя Престона к окну, он указал на северо-восток, где за заросшим сорняками полем проходила асфальтированная дорога. После долгого путешествия у Жабы перехватывало дыхание.

— Мистер Бэнкс, видите шоссе? А теперь внимательнее приглядитесь к той его части, что восточнее съезда к ферме. Ярдах в семидесяти вы увидите автомобиль, стоящий под деревьями.

Слова Жабы разочаровали и рассердили Престона. Он-то надеялся, что доказательством исцеления Жабы инопланетянами станет некий предмет, сработанный не на этой планете, или фотографии трехглазых существ, или...

— Это та самая развалюха, на которой она приезжала сюда, делая вид, что не имеет никакого отношения к кинобизнесу.

— Она? — нахмурился Престон.

— Мисс Джанет Хичкок, как я вам уже говорил, прибыла сюда по поручению «Парамаунт пикчерс» в Калифорнии, из ваших родных краев. Она следит за моим домом, чтобы посмотреть, кто ее конкурент.

На подоконнике лежал полевой бинокль. Жаба протянул его Престону.

Бинокль был покрыт слоем грязи или жира. От отвращения Престон едва не положил его на подоконник.

— Доказательство, сэр,— вещал Жаба.— Доказательство, что я ничего не выдумываю насчет «Парамаунт пикчерс», доказательство, что я честен с вами, как и положено бизнесмену, уважающему делового партнера. Под соснами, конечно, темновато, но вы все увидите.

Из любопытства Престон поднес бинокль к глазам и навел на автомобиль под деревьями. Пусть и белый, он находился в глубокой тени, и хорошенько рассмотреть его не удавалось.

— Чуть раньше она стояла, привалившись к капоту, наблюдая за съездом с шоссе, чтобы увидеть, кто ко мне пожалует.

Женщина более не стояла, привалившись к капоту.

Может, она села в кабину. Через стекло он ничего не мог разглядеть.

Не мог сказать, сидит кто за рулем или нет.

— Какую бы студию в Калифорнии вы ни представляли, я уверен, что вы хорошо знакомы с миром кино, ходите на те же приемы, что и другие звезды, поэтому без труда узнаете такую большую шишку, как мисс Джанет Хичкок с «Парамаунт пикчерс».

Поймав в бинокль женщину, Престон ее узнал, это точно. Она стояла в стороне от автомобиля, не в столь глубокой тени, прислонившись к дереву. Он узнал ее даже в угасающем свете дня. Мичелина Тереза Белсонг... бывшая заключенная, начинающая алкоголичка, искательница работы, которой ей не видать как своих ушей, племянница слабоумной тети Дженевы, жалкая шлюха, пытающаяся исправиться, неудачница, ищущая смысл своей глупой, никчемной жизни, самозваная спасительница Лайлани, будущая экзгуматорша Лукипелы, обманывающая себя воительница с драконами, наглая *сука*, сующая нос в чужие дела.

— Да, это Джанет Хичкок, все так,— сказал Престон, не опуская бинокль.— Похоже, мне не избежать аукциона, мис-

тер...— с языка едва не сорвалось «мистер Жаба»,— мистер Тилроу.

— Я к этому совершенно не стремлюсь, мистер Бэнкс. Я лишь хотел, чтобы вы знали о существовании конкурента. Я не хочу получить больше, чем стоит моя история.

— Я, разумеется, вас понимаю. Я бы хотел сделать вам предложение прямо сейчас, до моего отъезда, но в таких случаях положено называть сумму в присутствии всех членов семьи, чтобы потом не было недоразумений. У вас есть жена, сэр, дети? И как насчет родителей?

— Ма и па, они давно уже умерли, мистер Бэнкс.

— Как печально.

— И я так и не женился, хотя и были очень хорошие варианты.

Престон все смотрел на женщину за окном.

— Так вы живете один?

— Именно так,— ответил Жаба.— И хотя я убежденный холостяк, должен признать... иногда мне становится ужасно одиноко,— он вздохнул.— Я живу тут один.

— Хорошо.— Престон, отворачиваясь от окна, со всей силой ударил тяжелым биноклем в лицо Жабы.

Что-то чавкнуло, с губ Жабы сорвался сдавленный крик, он рухнул как подкошенный.

Престон бросил бинокль на кровать, где потом мог его найти.

На подоконнике висело несколько тростей. Он схватил одну из них, с бронзовой, в виде головы волка рукояткой.

Жаба лежал на спине. Разбитый нос стал еще более отвратительным, спутанная борода окрасилась кровью, с лица схлынула вся розовизна, оно стало белым, как мел.

Держа трость около набалдашника, Престон вскинул ее над головой.

Удар биноклем оглушил Жабу, но когда его затуманенные глаза очистились, он понял, что его ждет, и прошептал с безмерным облегчением: «Спасибо».

— Всегда рад услужить,— заверил его Престон и вогнал бронзового волка в лоб Жабы. Не один раз. Пять или шесть. Трость треснула, но не сломалась.

Убедившись, что Жаба мертв, Престон бросил трость на кровать, рядом с биноклем. Отпечатки пальцев он мог стереть позже.

Разумеется, он намеревался сжечь дом. Никакие улики не пережили бы пожара. Но он знал, что любые меры предосторожности не бывают лишними.

Престон быстро выбрал новую трость. На этот раз с медной рукояткой в форме змеи, с глазами из красного стекла.

Подавил желание выбрать изящную соломенную шляпу, прежде чем отправиться на свидание к даме. Убийства, помимо того что шли на пользу человечеству и Матери-Земле, служили ему и развлечением, но Престон ни на секунду не забывал, что дело это серьезное, сопряженное с риском и одобряли его далеко не все.

Из будуара дохлой Жабы он спустился по лестнице, облицованной бутылками. Далее грязная кухня, дверь черного хода, еще далее крыльцо под крышей с тысячами и тысячами бутылок, мрачно поблескивающих в ожидании надвигающейся грозы.

Он пересек двор, полосу вытоптанной земли с редкими клочками травы, держась так, чтобы дом постоянно находился между ним и этой совершенно никчемной мисс Белсонг, которая следила за ним.

Скорее всего, она бы последовала за ним и в Нанз-Лейк, на приличном расстоянии, чтобы он ее не заметил. А потом, выяснив, где стоит их дом на колесах, дожидалась бы первой возможности выкрасть Лайлани, посадить в машину и увезти обратно в Калифорнию, к зобастой Клариссе и ее шестидесяти попугаям в Хемет.

Глупая шлюха. Дуры, круглые дуры. Думали, что он ничего не знает, а он знал все.

Двор переходил в поле, заросшее высоким, по плечо, бурьяном. Пригнувшись, он растворился в нем.

Какое-то время двигался на восток, параллельно шоссе, подальше от того места, где несла вахту эта шлюха, с тем чтобы, удалившись на безопасное расстояние, повернуть на север, подняться на дорогу, перейти ее и уже лесом взять курс на запад, незамеченным подкрасться к этой никчемной Микки Белсонг и от души врезать бронзовой змеей по ее глупой голове.

Небо с каждой минутой опускалось все ниже, черные облака напоминали кулаки, которым не терпелось выплеснуть свою ярость на землю. Гром еще не гремел, но ждать оставалось недолго. Десятки молний готовились рассечь грозовое небо. Прес-

тон Мэддок не испытывал страха перед надвигающейся бурей, потому что не видел в ней кары небесной. Он точно знал, что райские чертоги пусты и никто из их обитателей не смотрит на то, что он, Престон, проделывает внизу, а если и смотрит, то им на все это глубоко наплевать.

Глава 65

Мальчик-сирота в тревоге, а он не из тех, кто тревожится по пустякам. Сидит на одном из диванов в гостиной «Флитвуда», гладит Желтого Бока, тогда как близняшки по-прежнему в столовой, за обеденным столом, склонившись над картами.

В ходе предварительной подготовки экспедиции на Землю Кертис получил и переварил огромный объем информации о тех видах живых существ, с которыми ему доведется столкнуться. Соответственно, многое он знает и о собаках, причем не только по просмотренным им 9658 фильмам, в которых собаки встречались на удивление часто, но и из специальных баз данных по флоре и фауне Земли.

Ставшая ему сестрой обладает множеством великолепных достоинств, одно из которых — нос. Черный, приятный на ощупь, блестящий, он не только компонент ее красоты, но и источник сведений об окружающем мире: острота ее обоняния в двадцать тысяч раз сильнее, чем у любого человека.

Если бы в огромном доме на колесах, в котором он видел девочку, светящуюся изнутри, находились охотники, такие же как те, что едва не перехватили их на пересечении дорог в Неваде, собака почувствовала бы их уникальный запах, узнала бы мгновенно и отреагировала бы то ли яростно, то ли испугавшись куда сильнее. Связанный телепатическим каналом со ставшей ему сестрой, Кертис знаком с ее воспоминанием о схватке на перекрестке, с образами, которые ассоциируются у нее с тем экзотическим запахом, но тут ситуация иная.

Со злобным чудовищем, чью вонь Желтый Бок унюхала в доме на колесах, она никогда раньше не встречалась. И принадлежит это чудовище к ее миру.

Такой вывод не радует. Он помнит ее реакцию на Верна Таттла, коллекционирующего зубы серийного убийцу, когда они

наблюдали за ним из спальни «Уиндчейзера», пока тот разглядывал в зеркале свою физиономию. Она виляла хвостом.

Если при виде такого злодея, как Таттл, шерсть не встала у нее дыбом, что можно сказать о чудовище в образе человеческом, который приехал в этом доме на колесах, в этом зловещем джагернауте? Ведь она зарычала, учуяв его.

Поскольку мальчик уверен, что их загадочные соседи по кемпингу не враждебные пришельцы, ему не требуется предпринимать какие-либо действия, убегать или защищаться, а потому благоразумнее всего оставаться во «Флитвуде», где он в полной безопасности. Но Кертису трудно пойти на такое решение, оно ему не нравится, потому что его не отпускает воспоминание о девочке, которая светится изнутри.

Он не может не думать о ней.

Стоит ему закрыть глаза, он видит, как девочка стоит позади водительского кресла и, наклонившись вперед, смотрит в ветровое стекло. На лице ее читаются одиночество и чувство утраты. Он ее очень хорошо понимает. Те же эмоции захлестывают его, когда он решается вспомнить происшедшее в горах Колорадо, до того как он стал Кертисом Хэммондом.

Наконец он понимает, что не быть ему сыном своей матери, если сейчас он отвернется от девочки, попавшей в беду. Благоразумное решение не всегда то, которое принимает сердце.

В конце концов, он здесь для того, чтобы изменить этот мир. И, как всегда, начало пути — спасение одной души, потом второй, третьей, терпеливая и целеустремленная работа.

Когда он переходит из гостиной в столовую и объясняет сестрам, что собирается сделать, они обе возражают против его намерений. Они хотят, чтобы он оставался во «Флитвуде» до утра, когда они смогут выехать в Сиэтл. Это большой город, и мальчик получит необходимое ему прикрытие, пока полностью не станет Кертисом Хэммондом и более не будет излучать особый энергетический сигнал.

Они так безапелляционно требуют, чтобы он оставался во «Флитвуде», что Кертис даже начинает сердиться. Но потом, прибегнув к терминологии «Звездных войн», которую они хорошо понимают, напоминает им, что они — его королевские гвардейцы, а потому, ценя их службу и уважая советы, он не

может допустить, чтобы охрана диктовала наследнику престола, что следует делать.

— На моем месте принцесса Лея поступила бы точно так же.

Возможно, от них не укрывается, что он использует их же веревку, чтобы связать им руки, поскольку раньше он отрицал, что в его жилах течет инопланетная голубая кровь, но эта стратегия приносит результат. Его инопланетное происхождение по-прежнему вызывает у них благоговейный трепет, они безмерно рады тому, что помогают ему в его миссии, и более не спорят. Им хочется иногда относиться к нему как к королевской особе, прибывшей с далекой планеты, а иной раз — как к десятилетнему земному мальчику, но так получается не всегда. Смирившись с этим, они обмениваются мегабайтами информации по фирменному спенкелфелтеровскому взгляду, мило вздыхают, как могут вздыхать только они, и готовятся к тому, чтобы организовать ему вооруженный эскорт.

И хотя им бы хотелось, чтобы он остался во «Флитвуде», они рады, что будут сопровождать его в этой вылазке. В конце концов, как сами они и говорили, авантюризм у них в крови.

В этот день сестры одеты в кожаные ковбойские сапожки, синие джинсы и клетчатые рубашки с галстуками «боло»*. Подходящая одежда для телохранителей, но не столь ослепляющая, как тореадорские штаны, топики и опалы в пупке.

Обе сестры вешают на плечо по сумке. В каждой — пистолет калибра девять миллиметров.

— Ты остаешься между нами, сладенький,— предупреждает Кертиса Полли. Странное обращение, если она видит в нем инопланетную королевскую особу, но ему определенно нравится.

Кэсс выходит из «Флитвуда» первая, держа правую руку в сумке, которая висит у нее на плече.

Ставшая мальчику сестрой следует за Кэсс. Кертис выходит после Желтого Бока, Полли — замыкающая, ее рука тоже в сумке.

Хотя на часах только начало четвертого, света меньше, чем в зимние сумерки, и, несмотря на теплый воздух, серый свет создает ощущение, что каждая иголка сосен и елей серебрится изморозью, а озеро сковано толстым слоем льда.

* Ковбойский галстук в виде шнурка с декоративным зажимом.

Как только они отходят от «Флитвуда», Желтый Бок, само собой, переходит в авангард, следует к джагернауту прежним путем, правда, не останавливаясь, чтобы справить малую нужду.

Кемпинг заметно опустел. Убрав все, что может намокнуть под дождем, большинство отдыхающих укрылись в своих кемперах и домах на колесах.

Девочка, светящаяся изнутри, не вернулась к ветровому стеклу джагернаута.

В нем Кертис видит лишь отражения веток да низких облаков, едва не касающихся вершин деревьев.

Кэсс собирается постучать, но Кертис останавливает ее коротким «нет».

Как и прежде, собака чувствует, что чудовище в образе человека обитает в этом доме на колесах, но сейчас его там нет. Вновь она отмечает присутствие двух человек, первого, испускающего горький запах отчаявшейся души, и второго, с феромонной вонью разложившейся души. Второй человек тоже долго испытывал страх, он стал хроническим, но вот отчаяния в нем нет.

Кертис делает вывод, что отчаявшаяся душа принадлежит девочке, которую он видел через ветровое стекло.

Запах разложившейся души столь неприятен, что Желтый Бок скалит зубы, выражая, насколько позволяет собачья мимика, отвращение. Если бы ставшая ему сестрой могла плюнуть, она бы это непременно сделала.

Кертис не уверен, что объект, вызывающий столь сильное отвращение, представляет собой угрозу. Однако ясно, что страхи, которые мучают девочку, того человека совершенно не беспокоят.

Пока близняшки, встав по бокам, оглядывают прилегающую территорию, Кертис ладонями упирается в дверь дома на колесах. На микроуровне, где сила воли всегда берет верх над материей, он чувствует электрический ток низкого напряжения и понимает, что дом на колесах снабжен системой охранной сигнализации, аналогичной той, что сестры включают каждый вечер.

В каждой цепи есть выключатель. Электрический ток низкого напряжения — это энергия, но выключатель механический,

а потому уязвим для силы воли. У Кертиса сильная воля. Система сигнализации включена... и уже нет.

Дверь на замке... и уже отперта. Тихонько Кертис открывает ее, оглядывает кабину, которая пуста.

Две ступеньки — и он уже внутри.

Он слышит, как одна из сестер недовольно шипит, но не оборачивается.

Единственная лампа освещает гостиную. Один из диванов разложен, используется как кровать.

Она сидит на кровати, что-то пишет в дневнике. Одна нога согнута, другая — в тисках стального ортопедического аппарата, выполняющего роль протеза коленного сустава.

Девочка, которая светится изнутри.

Увлеченная своим делом, она не слышит, как открылась входная дверь, поначалу не чувствует, что кто-то вошел и стоит между кабиной и гостиной.

Ставшая ему сестрой следует за Кертисом, всовывается между его ног, чтобы получше разглядеть стальной ортопедический аппарат.

Это движение привлекает внимание девочки, она поднимает голову.

— Ты лучишься,— говорит Кертис.

Глава 66

Загнав «камаро» под деревья, Микки какое-то время постояла, привалившись к автомобилю и наблюдая за съездом на ферму Тилроу с расстояния в семьдесят ярдов. В течение следующих минут мимо нее проехали три автомобиля, позволив ей определить, с какого расстояния она сможет разглядеть, сидит ли Мэддок за рулем «дуранго» и приехал ли он один. После этого она перебралась на пятьдесят ярдов к западу.

Не прошло и двадцати минут, как Микки, укрывшись за деревом, увидела «дуранго», приближающийся со стороны Нанз-Лейк. Потом внедорожник сбавил скорость, замигал правый поворотник. Микки разглядела, что в кабине только водитель: Престон Мэддок. «Дуранго» свернул на проселок, ведущий к дому Тилроу.

Она поспешила на восток, укрылась за другим деревом, рядом с «камаро». С этой позиции девушка не могла видеть крыльцо, поэтому не стала свидетельницей встречи Леонарда Тилроу и Мэддока. Зато «дуранго» стоял как на ладони. Поэтому после возвращения Мэддока она успевала сесть за руль, вывести «камаро» из-под деревьев и следовать за ним в Нанз-Лейк на достаточно большом расстоянии, чтобы не вызвать у него подозрений.

Непонятно почему, но Микки надеялась, что он привезет Лайлани с собой. В этом случае она собиралась пробраться к дому, вывести из строя «дуранго» и, воспользовавшись замешательством, увезти девочку, до того как Мэддок бы понял, что произошло.

Но надежда эта не реализовалась. И теперь ей предстояло решать, то ли дожидаться Мэддока и следовать за ним, то ли прямо сейчас ехать в Нанз-Лейк и выяснять, в каком из трех кемпингов остановился Джордан Бэнкс.

Она боялась, что, возвратившись в город, не сможет получить достоверной информации у регистраторов кемпингов. Да и Мэддок мог воспользоваться фамилией, которую она не знала. А может, он и не поставил дом на колесах в кемпинг, просто припарковался на городской стоянке, не собираясь оставаться здесь на ночь. И потом, возможно, визит на ферму Тилроу не затянулся бы, и, пока она объезжала бы кемпинги, он мог успеть вернуться к «Превосту» и покинуть Нанз-Лейк. Уехав в город раньше Престона Мэддока, Микки рисковала потерять его. И пусть риск этот был маленький, хотелось обойтись без него.

Помня о своем общении с Леонардом Тилроу, Микки не ожидала, что Мэддок проведет у него так много времени. Для того чтобы понять, что Тилроу — врун и мошенник, жаждущий сорвать куш, хватало нескольких минут. Его рассказ об инопланетных целителях не мог настолько увлечь доктора Дума, пусть даже тот уже четыре с половиной года колесил по стране в поисках пришельцев.

Однако и через пять, и через десять минут «дуранго» оставался на месте.

Ожидание предоставило Микки время подумать, и тут она вспомнила, что не позвонила тете Джен. Из Сиэтла она выеха-

ла слишком рано, поэтому ей не хотелось будить Дженеву. Она намеревалась позвонить из телефона-автомата в Нанз-Лейк, но по прибытии слишком уж увлеклась поисками Мэддока, поэтому все остальное просто вылетело из головы. Она не сомневалась, что Джен волнуется. Но если бы все прошло, как задумывалось, она могла бы позвонить тете Джен из придорожного ресторана где-нибудь в штате Вашингтон да еще передать трубку Лайлани, чтобы та поздоровалась и пошутила насчет Алека Болдуина.

Под деревьями становилось все темнее, облака опускались все ниже, придавливая день к земле. Стало прохладнее. Вокруг Микки деревья что-то шептали то ли друг другу, то ли ветру.

Птицы, как черные стрелы, по одной и стайками возвращались в свои гнезда, свитые в ветвях сосен, еще один признак надвигающейся грозы.

Обернувшись на чириканье воробьев, Микки увидела Престона Мэддока и опускающуюся трость.

Потом очутилась на земле, не помня, как падала, с сосновыми иголками и грязью во рту, не в силах даже выплюнуть их.

Увидела ползущего в нескольких дюймах от ее носа жучка, занятого своими делами, не обращающего на нее ни малейшего внимания. Жучок с такого расстояния казался огромным, а корень сосны, выступающий из земли,— просто горой.

Перед глазами все затуманилось. Микки попыталась моргнуть, но попытка эта привела к взрыву в голове. На мгновение она почувствовала острую боль, которая сменилась темнотой.

Глава 67

Кертис Хэммонд сначала видит девочку своими глазами и не замечает сияния, которое она испускала, когда стояла у ветрового стекла.

Потом ставшая ему сестрой заскакивает в дом на колесах и протискивается между его ногами. И вот глазами невинной собаки, глазами, которые знают, что игривое Присутствие всегда рядом, он видит, что девочка действительно светится изнутри.

Собака уже влюбилась в нее, но не смеет подойти ближе, как не посмела бы подойти к игривому Присутствию, если бы

Оно подозвало ее, чтобы погладить по шерсти или почесать за ухом.

— Ты лучишься,— заявляет Кертис.

— Тебе не завоевать расположения девушек,— строго отвечает она,— говоря им, что они — потные*.

Она говорит тихо и при этом бросает взгляд в глубь дома на колесах.

Поскольку Кертис принимал участие во многих тайных операциях да еще на разных планетах, он все понимает с полуслова и еще больше понижает голос:

— Я не имел в виду пот.

— Значит, намекал на это? — спрашивает Лайлани, похлопывая на стальному ортопедическому аппарату.

О господи, он опять, образно говоря, угодил ногой в коровью лепешку. С неохотой Кертис приходит к выводу, что напрасно думал, будто его умение общаться если и не достигло уровня Гэри Гранта в любом фильме с его участием, то все же лучше, чем у Джима Кэрри в «Тупом и еще тупее» или «Гринче, который украл Рождество». Первые минуты с Лайлани показывают, что в умении общаться у него больше провалов, чем достижений.

Пытаясь исправить ошибку, он заверяет девочку:

— На самом деле я не глупый Гамп.

— Я это сразу поняла,— отвечает она и улыбается.

Улыбка согревает его, а ставшая ему сестрой от этой улыбки просто тает. Она бы с радостью подбежала к девочке, перекатилась на спину и подняла в воздух все четыре лапы, выражая тем самым свое абсолютное доверие. Сдерживает ее только застенчивость.

Когда брови девочки удивленно поднимаются и она смотрит за спину Кертиса, он оборачивается и видит Полли, которая поднялась только на одну ступеньку, но все равно может смотреть поверх головы мальчика. Она очень красивая, но не менее грозная, пусть пистолет и спрятан в сумке. Ее глаза напоминают два кусочка синего льда, а по суровости взгляда, которым она окидывает интерьер дома на колесах и девочку, чув-

---

* Еще одно значение глагола shine — блестеть.

ствуется, что время, проведенное в Голливуде, научило ее при необходимости действовать быстро и безжалостно.

В стене гостиной, напротив кровати девочки, окно, и движение за ним привлекает внимание Кертиса. Кэсс нашла какую-то подставку, мусорный контейнер или столик для пикника, которую и подтащила к борту трейлера. И теперь ее голова видна в окне, а выражение лица точь-в-точь такое, как бывает у Клинта Иствуда, когда тот дает знать, что не стоит становиться у него на пути.

— Вау! — тихонько восклицает девочка, откладывает журнал и пристально смотрит на Кертиса.— Ты путешествуешь с амазонками.

— Только с двумя.

— Кто ты?

Поскольку девочка светится изнутри, когда он смотрит на нее глазами собаки, у которой более острые органы чувств, Кертис решает быть с ней предельно откровенным и говорить только правду, как было и с близняшками.

— Сейчас я Кертис Хэммонд.

— А я сейчас Лайлани Клонк,— отвечает она, перекидывает ногу в металлическом протезе через край кровати и садится.— Как ты отключил систему охранной сигнализации и отпер дверь, Кертис?

Он пожимает плечами:

— Сила воли против материи. На микроуровне сила воли всегда берет верх.

— Именно так и я собираюсь отрастить грудь.

— Ничего не получится,— отвечает он.

— Думаю, может, и получится. Позитивное мышление должно принести плоды. Но пока грудь у меня действительно плоская. Зачем ты пришел сюда?

— Чтобы изменить мир,— отвечает Кертис.

Полли предупреждающе кладет руку ему на плечо.

— Все нормально,— говорит он своему королевскому гвардейцу.

— Изменить мир,— повторяет Лайлани, вновь бросает взгляд в глубь дома на колесах, прежде чем встать.— Есть результаты?

— Ну, я только начал, а работа эта долгая.

Рукой, которая несколько отличается от обычной, Лайлани указывает на счастливое лицо, нарисованное на потолке, потом на хула-герлс, стоящих на соседних столиках.

— Изменение мира начинается здесь?

— Как говорила моя мама, все истины жизни и ответы на все ее загадки постоянно у нас перед глазами, мы можем увидеть их и осознать в любой момент нашей жизни, в любом месте, каким бы жалким или роскошным это место ни казалось.

Вновь указав на потолок и на статуэтки, Лайлани спрашивает:

— И каким бы склизким?

— Мудрость мамы поддерживала нас в любой ситуации, даже самой трудной. Но она ничего не говорила про склизкость за или против.

— Это твоя мать? — спрашивает Лайлани, бросив взгляд на Полли.

— Нет. Это Полли, и никогда не спрашивай, хочет ли она крекер. Я согласился есть их за нее. А в окно смотрит Кэсс. Что же касается моей мамы... ты когда-нибудь бывала в Юте?

— За последние четыре года я побывала везде, кроме Марса.

— На Марсе тебе бы не понравилось. Воздуха нет, холодно и скучно. Но вот в Юте, на стоянке грузовиков, ты не встречала официантку, которую зовут Донелла?

— Что-то не припоминаю.

— Значит, не встречала, иначе вспомнила бы. Донелла не похожа на мою мать, потому что они принадлежат к разным видам, хотя мама могла бы выглядеть как Донелла, если бы была ею.

— Разумеется,— соглашается Лайлани.

— Я, в общем, тоже мог бы выглядеть как Донелла, только у меня не хватает массы.

— Масса.— Лайлани сочувственно кивает.— Это всегда проблема, не так ли?

— Не всегда. Но я пытаюсь сказать, что Донелла напоминает мне мою маму. Прекрасные могучие плечи, шея, разрывающая стягивающий ее воротник, гордые подбородки откормленного быка. Великолепная. Восхитительная.

— Я уже люблю твою ма больше, чем свою,— говорит Лайлани.

— Я сочту за честь встретиться с твоей матерью.

— Поверь мне, не сочтешь.— Лайлани качает головой.— Потому-то мы и говорим шепотом. Она — ужас.

— Я понимал, что мы ведем тайный разговор,— отвечает Кертис,— но как грустно, что причиной тому — твоя мать. Знаешь, кажется, я еще не сказал тебе, что я — инопланетянин.

— Для меня это новость,— признает Лайлани.— Скажи мне кое-что еще...

— Все, что угодно,— обещает он, потому что она лучится.

— Ты не родственник женщины, которую зовут Дженева Дэвис?

— Нет, если она с этой планеты.

— Полагаю, скорее да, чем нет. Но, клянусь, ты мог бы прийтись ей как минимум племянником.

— Меня удостоят чести познакомиться с ней? — спрашивает Кертис.

— Да, конечно. И если такое случится, я, наверное, запорхаю, как бабочка.

Они так хорошо общаются, но последняя ее фраза вызывает недоумение Кертиса.

— Запорхаешь, как бабочка? Так ты тоже трансформер?

Глава 68

Пока Престон кружным путем продвигался от дома Тилроу к автомобилю Королевы Шлюх, ему с лихвой хватило времени, чтобы еще раз обдумать и изменить первоначальный план.

Во-первых, когда он только скрылся в бурьяне, направляясь строго на восток, он назвал ее Пьяницей. Но это прозвище его не устроило. Леди Гнилая Печень и Мисс Сраная Морда звучали лучше, но не соответствовали ей в той мере, как ему хотелось. Он не мог назвать ее Грудастая, потому что это прозвище уже досталось тете Джейнис, матери первого убитого им человека, кузена Мешок Говна. За прошедшие с той поры годы он роздал все более-менее значимые части женского тела другим женщинам. Он не отказывался повторно использовать в прозвищах названия этих самых частей, если имелась возможность добавить к ним ласкающее слух прилагательное, но вычерпал до дна и этот источник. Так что на прозвище, связанном с анатомией, пришлось ставить крест. В конце концов он остановился на Королеве Шлюх, отталкиваясь от ее слабости на передок, о чем она вскользь упоминала, и исходя из большой вероятности того, что в юном возрасте мужчины использовали ее помимо воли: королевы, в конце концов, тоже не властны над своей жизнью. Все определяется статусом.

Правильный выбор прозвища имел огромное значение. От него требовалось не только вызывать улыбку, но и как можно точнее соответствовать субъекту, его получающему, дабы тем самым превратить его или, в данном конкретном случае, ее из личности в абстракцию, пустые слова. Правильный выбор прозвища снимал многие этические вопросы. Чтобы выполнять свой долг — прореживать человеческую толпу и сохранять мир, в котором сам он живет, утилитарный биоэтик не мог позволить себе думать, что большинство человеческой толпы — такие же люди, как он сам. Во внутреннем мире Престона только полезные люди, которые могли что-то предложить человечеству, которых отличало высокое качество жизни, сохраняли то же имя, что и во внешнем мире.

Итак, убить Королеву Шлюх. Такую он ставил перед собой задачу, когда покидал дом Тилроу, такой эта задача оставалась, когда он подкрадывался к ней. Но по пути он решил изменить способ убийства.

Воспользовавшись тростью с рукояткой в виде змеи, Престон бросил ее на заднее сиденье.

Ключи Королевы Шлюх висели в замке зажигания. Он вынул их, чтобы открыть багажник.

Подтащил ее по ковру из сосновых иголок и травы к заднему бамперу.

Глядя на его деяния, небо потемнело еще сильнее. Дамба, сдерживавшая громы и молнии, грозила рухнуть в любой момент.

Ветер вдруг погнал по кронам стадо фырчащих быков, а потом припустил за ними со сворой остервенело лающих собак.

Весь этот шум и запах надвигающейся грозы возбуждали Престона. Королева Шлюх... такая красивая, обмякшая, все еще теплая... искушала его.

Сосновые иголки предлагали стать постелью. Завывающий ветер будил жестокого дикаря, живущего в его сердце.

С честностью, которой Престон гордился, он признавал существование этого дикаря. Как любой человек, рожденный от мужчины и женщины, он не мог претендовать на совершенство. Это признание являлось одним из результатов самоанализа, через который должен пройти каждый биоэтик, чтобы обрести признанное всеми право устанавливать правила, по которым будут жить другие.

Так редко ему предоставлялась возможность убивать, не ограничивая себя. Обычно, чтобы избежать тюрьмы, ему приходилось обходиться массивной дозой дигитоксина, от которого человек умирал, не чувствуя боли... или вводить в артерию жертвы воздух...

А вот с Жабой и теперь с Королевой Шлюх он дал себе волю. У него словно прибавилось сил, энергия переполняла его. Чего скрывать, у него все встало.

К сожалению, на страсть времени не было. Он оставил внедорожник около дома. Тело, забитое тростью, лежало в спальне со шляпами, в ожидании, когда его обнаружат. И хотя не верилось, что кому-то могла прийти в голову мысль наведаться к Жабе на воскресный обед, Престон хотел как можно быстрее уничтожить компрометирующие его улики.

Королева Шлюх была одной из этих улик. Он поднял ее и уложил в багажник «камаро».

Кровь запятнала ему руки. Он поднял с земли пригоршню сухих сосновых иголок. Вытер ладони, пальцы. Большая часть крови ушла с иголками, та, что осталась, подсохла.

Затем он сел за руль, выехал на шоссе, свернул на проселок, проехал мимо перевернутого трактора.

Поставил «камаро» рядом со своим внедорожником, перед домом Жабы.

Вытащить Королеву Шлюх из багажника оказалось сложнее, чем засунуть ее туда.

Кровь блестела на обивке. На мгновение вид этих пятен парализовал Престона.

Он собирался обставить все так, будто женщина сгорела в доме вместе с Жабой. Бумага и деревянные индейцы вспыхнули бы, как порох, при содействии галлона бензина огонь был бы таким сильным, что от тел не осталось бы ничего, разве что самые крупные кости, и уж конечно, никаких свидетельств насильственной смерти. В таких маленьких городках, как Нанз-Лейк, полиция конечно же не располагала ни человеческими, ни техническими ресурсами для тщательного расследования убийств.

Значит, решил он, с пятнами придется что-то сделать. Но позже. Придется также стереть отпечатки пальцев с тех поверхностей, которых он мог коснуться. Но не сейчас.

В сопровождении пылевых вихрей, поднятых ветром, он нес Королеву Шлюх на руках через «лужайку», на крыльцо, через порог, по холлу, где индейцы стояли на страже и предлагали сигары, мимо деревянных вождей, улыбнувшись тому, что сложил пальцы колечком, и далее — в лабиринт.

В этих катакомбах он выбрал место казни. И принял необходимые меры, чтобы она состоялась.

Через несколько минут он уже сидел за рулем «дуранго».

На обратном пути ветер дул «дуранго» в задний борт, словно подгонял, свистел в окне, будто одобрял уже сделанное и рекомендовал завершить задуманное.

Учитывая последние события, он более не мог ждать дня рождения Руки.

Больше того, он не мог ждать их возвращения на могилу Дохляка в Монтане, хотя дорога туда заняла бы меньше чем полдня.

Дом Жабы представлял собой идеальные декорации для последнего акта грустной и бесполезной жизни Руки. Разумеется, перед тем как он убьет ее, ей не придется увидеть, коснуться, поцеловать разложившиеся останки брата, о чем он мечтал последние несколько месяцев. Он жалел, что у него не останется столь приятных и милых сердцу воспоминаний. С другой стороны, лабиринт предлагал уединение, необходимое для того, чтобы вволю попытать Руку, не опасаясь, что им могут помешать. Да и сама архитектура логова Жабы внушила бы жертве ни с чем не сравнимый ужас. Престон до сих пор с наслаждением вспоминал минуты блаженства, которое он испытал, оставшись наедине с Дохляком в лесах Монтаны. Да, то было блаженство человека, не лишенного недостатков, но все равно блаженство. А игры с Рукой обещали удвоенное, утроенное блаженство. Когда же все будет закончено, блаженство сменилось бы чувством глубокого удовлетворения и даже гордости, пото-

му что его стараниями мир освободился бы от троих жалких и никчемных личностей, сохранились бы ресурсы, которые они растратили бы впустую, проживи еще долгие годы. Людям, приносящим пользу, более не пришлось бы испытывать жалость, глядя на этих уродов, если не физических, то моральных, а потому он содействовал бы возрастанию общемирового объема счастья.

Глава 69

Инопланетный трансформер, прибывший, чтобы спасти мир, выглядел милым мальчиком. Не такая душка, как Хейли Джоэль Осмент, но лицо симпатичное, с россыпью веснушек.

— В исследованной части Вселенной существует только два вида трансформеров,— сообщил он ей.— Я принадлежу к одному из них.

— Поздравляю,— откликнулась Лайлани.

— Благодарю вас, мэм.

— Называй меня Лайлани.

Он просиял.

— Называй меня... ты все равно не сможешь произнести мое имя, учитывая особенности человеческих голосовых связок и языка, поэтому зови меня Кертисом. Кроме того, это два самых древних вида в исследованной Вселенной.

— И какая часть Вселенной исследована? — спросила девочка.

— Некоторые говорят, сорок процентов, другие думают, что шестьдесят.

— Правда? А я думала, от четырнадцати до шестнадцати. Ладно, ты здесь, чтобы изменить этот мир к лучшему или чтобы уничтожить его?

— О господи, нет, мой народ — не убийцы. Это другой вид трансформеров. Они — зло, их цель — увеличение энтропии.

Они любят хаос, уничтожение, смерть.

Значит, два самых древних вида... в какой-то степени ангелы и дьяволы.

— В значительной степени.— Его улыбка такая же загадочная, как и у бога Солнца на потолке.— Я не говорю, что мы идеальны.

Господи, да нет же. Я сам украл деньги, апельсиновый сок, сосиски, хотя я надеюсь и собираюсь все возместить. Я открывал замки, входил в дома, которые мне не принадлежали, ехал на транспортном средстве ночью, не включив освещение, не пристегивал ремень безопасности, несколько раз лгал, хотя сейчас не лгу.

Самое смешное, она ему верила. Она не могла сказать почему, но верила, что он действительно говорит правду. Проведя всю жизнь в компании обманщиков, она научилась безошибочно вычленять фальшивые ноты из мелодии правды. А кроме того, она провела полжизни в поисках инопланетян, и пусть большинство свидетельств о контактах с ними являлись полным вымыслом, фантазиями людей, которым хотелось погреть на этом руки, подсознательно она сжилась с мыслью, что они существуют.

И вот теперь стояла лицом к лицу с настоящим космическим кадетом, который родился не на этой планете.

— Я пришел сюда из-за тебя. Моя собака сказала мне, что ты в беде и тебе грозит опасность.

— Это так.

Застенчиво выглядывая между ног Кертиса, преданно глядя на Лайлани, Желтый Бок лупит хвостом по полу.

— Но я здесь и потому, что ты светишься изнутри.

С каждой секундой Кертис все больше вытесняет из ее сердца Хейли Джоэля Осмета.

— Тебе нужна помощь? — спрашивает он.

— Господи, да.

— Что не так?

Слушая себя, Лайлани осознавала, что ее слова столь же невероятны, как и его декларация о внеземном происхождении, и ей оставалось только надеяться, что он тоже умеет отличать правду от лжи.

— Мой приемный отец — убийца, который собирается убить меня в самом скором времени, моей матери-наркоманке на все наплевать, а мне некуда идти.

— Теперь есть,— возразил ей Кертис.

— Мне? Куда? Я не стремлюсь отправиться в путешествие к звездам.

Из спальни в дальнем конце «Легкого ветерка» вдруг донесся голос Синсемиллы, которая всегда безошибочно выбирала момент, чтобы испортить настроение.

— Лани-Лани-Лани-Лани-Лани! — заверещала она.— Сюда, скорее! Лани, иди, ты мне нуж-ж-ж-на!

И таким пронзительным и нервирующим был ее голос, что Полли, амазонка, которая стояла за спиной Кертиса, достала пистолет и направила в потолок, держа наготове.

— Иду! — закричала Лайлани, в надежде предотвратить появление матери. Добавила тише, для инопланетной делегации: — Подождите здесь. Я все улажу. Пули не помогут, если только они не серебряные.

Внезапно Лайлани испугалась, и это был не тот тупой страх, с которым она жила изо дня в день, но острый, как скальпель с рубиновым лезвием, каким ее мать пользовалась для самоувечья. Она боялась, что Синсемилла выскочит из спальни, закружится среди них, точно ведьма, начнет в ярости метать молнии, высвобождая электричество, запасенное в сеансах электрошоковой терапии, и положит конец появившейся надежде... или погибнет, подстреленная блондинистой инопланетной секс-бомбой, чего Лайлани тоже не хотелось бы видеть.

Лайлани отошла на три шага, и тут ее пронзила мысль, от которой она едва не упала. Остановившись, посмотрела на Кэсс в окне, на Кертиса, на возвышающуюся за ним Полли, снова на Кертиса, наконец вновь обрела дар речи и спросила:

— Ты знаешь Лукипелу?

Брови мальчика взлетели вверх.

— Это гавайское слово, так там называют Сатану.

У Лайлани учащенно забилось сердце.

— Мой брат. Это его имя. Луки. Ты его знаешь?

Кертис покачал головой:

— Нет. А должен?

Своевременное появление инопланетян, даже без летающей тарелки и левитационного луча, уже чудо. Ей не следовало ждать, что самая большая потеря за все тяжелейшие девять лет ее жизни вовсе и не потеря. И хотя каждый день Лайлани видела божественное присутствие и милосердие в окружающем мире, чувствовала их воздействие и выживала, черпая в нем силы, она знала, что не все страждущие найдут облегчение от страданий в

этом мире, потому что здесь люди использовали свободную волю не только для того, чтобы помогать ближнему, но и чтобы убивать его.

Зло было столь же реальным, как ветер и вода, Престон Мэддок служил этому злу, и надежды девочки не могли обратить вспять, вернуть в исходное положение содеянное им.

— ЛАНИ-ЛАНИ-ЛАНИ-ЛАНИ! Лани, ты мне нуж-ж-ж-ж-на!

— Подожди,— шепнула она Кертису.— Пожалуйста, подожди.

Двинулась в заднюю часть «Легкого ветерка», насколько быстро позволяла ее нога, забранная в ортопедический аппарат, и исчезла за полуоткрытой дверью спальни.

Глава 70

Престон гнал «дуранго» по узкому шоссе мимо тучных лугов, трава на которых гнулась под ветром, но не ложилась в виде кругов или более сложных фигур, которые считались свидетельством посадки НЛО.

Небо опускалось все ниже, такое же зловещее, как в фильмах о контактах с пришельцами, но инопланетный звездолет так и не появился под черными облаками.

Надежды Престона на то, что он найдет инопланетян в Айдахо, не сбывались. Похоже, ему предстояло до конца дней колесить по стране в поисках близких контактов, чтобы получить ответ на вопрос, дать который могли только Ипы.

Терпения у него хватало. Тем более что в процессе поисков он не прекращал важной и полезной работы, направленной на благо человечества. Вот и сейчас ему предстояло заняться делом: покончить с Рукой.

Понимая, что часы отсчитывают ее последние дни, Рука начала искать выход из западни. Наладила неожиданно крепкие отношения с Королевой Шлюх и ее чокнутой теткой, вытащила нож из матраса, да только на его месте оказался пингвин Тетси, разработала методы борьбы с Престоном.

Он знал обо всем этом, потому что мог читать ее дневник.

Шифр, который она изобрела для своих записей, оказался очень сложным, учитывая ее юный возраст. Если бы она имела

дело не с Престоном Мэддоком, а с кем-то другим, содержание дневника, возможно, осталось бы тайной за семью печатями.

В академическом мире он по праву считался крупной величиной, его уважали друзья и коллеги, работавшие во многих крупнейших университетах. Среди них был математик Тревор Кингсли, который специализировался в криптографии. Более года назад этот высококлассный специалист с помощью мощной компьютерной программы сумел расшифровать дневник Руки.

Получив страницу дневника, Тревор рассчитывал, что на расшифровку у компьютера уйдет пятнадцать минут. Именно столько обычно требовалось умной машине, чтобы разобраться с шифром, придуманным человеком, не имеющим глубоких знаний по нескольким разделам высшей математики. Для сравнения существовали шифры, на взлом которых уходили дни, недели, месяцы. Но вместо пятнадцати минут компьютеру потребовалось двадцать шесть, что произвело сильное впечатление на Тревора. Он даже пожелал узнать имя изобретателя.

Престон не мог понять, почему Тревора так впечатлили одиннадцать дополнительных минут, ушедших на расшифровку. О Руке и их родственных отношениях он ничего не сказал. Заявил, что нашел дневник на скамейке в парке и его заинтересовало загадочное содержание страниц.

Тревор также отметил, что текст на представленной странице «занятный, нестандартный, полный мягкого юмора». Престон прочитал страницу несколько раз, внутренне облегченно вздохнул, увидев, что в истории с парковой скамьей ничего менять не надо, но не смог найти ничего забавного. Со временем, используя предоставленную Кингсли расшифровку как ключ к шифру, Престон тайком прочитал весь дневник, по нескольку страниц, пока Рука принимала душ или в другие подходящие моменты, но и тогда не обнаружил ни одной смешной фразы. И последующие заметки, за год их набралось немало, ни разу не побудили его к улыбке. Наоборот, она показала себя во всей красе, дерзкая, злобная, невежественная маленькая нахалка, внутренне такая же отвратительная, что и внешне. Должно быть, Тревора Кингсли отличало извращенное чувство юмора.

В последние несколько дней, читая в дневнике о планах Руки спасти свою жизнь, Престон принимал контрмеры, чтобы с

легкостью подавить сопротивление девочки и, когда придет час, доставить ее на место казни. Он не знал, где и при каких обстоятельствах у него может возникнуть необходимость покончить с ней, не сомневался, что справится с ней без труда, так что заботило его только одно: не дать ей возможности закричать и таким образом привлечь внимание людей, которые могли бы за нее заступиться.

С пятницы, дня отъезда из Калифорнии, он носил в левом заднем кармане брюк сложенный пластиковый пакет со специальной герметизирующей полоской. В пакете лежал кусок ткани, смоченный самодельным анестезирующим составом, который он изготовил из аммиака и еще трех химических веществ, имеющихся в свободной продаже. Он уже несколько раз пользовался этим составом, содействуя самоубийцам. Одного вдоха хватало, чтобы человек терял сознание. При более длительном использовании наступал паралич дыхательной системы и быстрый распад печени. Престон намеревался применить это анестезирующее средство только для того, чтобы отключить Руку, потому что не желал ей столь легкой смерти.

До Нанз-Лейк оставалась миля.

Глава 71

Синсемилла, в саронге яркой гавайской расцветки, сидела на кровати среди сбитых простыней, привалившись спиной к поставленным на попа подушкам. Она вырвала едва ли не все страницы из зачитанной чуть ли не до дыр книги Бротигана «В арбузном сиропе», и теперь они устилали кровать и пол.

Она плакала от ярости, лицо с мокрыми от слез щеками раскраснелось, тело тряслось.

— Кто-то, какой-то мерзавец, какой-то извращенец испортил мою книгу, все в ней перепутал. Так же нельзя, это *несправедливо*.

Изрыгнув проклятие, с перекошенным от злобы лицом, Синсемилла ухватила руками вырванные страницы, смяла их, отшвырнула от себя.

— Они все напечатали не так, все напечатали неправильно, задом наперед, только для того, чтобы *поиздеваться* надо мной. Эта страница оказалась там, где должна быть эта, абзацы пере-

ставлены, предложения изменены. Они взяли прекрасное произведение и превратили его в кусок дерьма, потому что не хотели, чтобы я все поняла, не хотели, чтобы до меня дошел смысл написанного.

Слезы уступили место рыданиям, руки сжались в кулаки, она замолотила ими по бедрам, снова и снова, достаточно сильно, чтобы остались синяки. И возможно, почувствовала боль, на каком-то уровне сознания поняла, что проблема не в книге, а в ее упорном стремлении найти смысл жизни в одном тоненьком томе, превратить жиденький бульон в густую похлебку, обрести озарение так же легко и непринужденно, как ей ежедневно удавалось уходить от реальности с помощью таблеток, порошков, инъекций.

В обычной ситуации, насколько ситуация могла считаться обычной на борту «Легкого ветерка», Лайлани проявила бы терпение, довольствовалась бы той ролью, какую отводила себе в подобных драмах, окружила бы мать сочувствием, вниманием и заботой, оттянула бы на себя ее душевную боль, как лист алоэ оттягивает гной из раны. Но на этот раз мать обратилась к ней в экстраординарный момент, ибо ей вернули, пусть и посредством фантастических, даже мистических средств, уже потерянную надежду и она не решалась упустить этот шанс, вновь запутавшись в эмоциональных метаниях матери или в собственном стремлении установить нормальные отношения мать—дочь, о чем, по-хорошему, не следовало даже мечтать.

Лайлани не присела на кровать, осталась стоять, не стала успокаивать Синсемиллу.

— Чего ты хочешь? — резко спросила она.— Что тебе нужно? Что я могу тебе принести? — И продолжала задавать эти простые вопросы, тогда как Синсемилла все плакала от жалости к себе, из-за того что стала жертвой не пойми чьей агрессии.— Что ты хочешь? Что я могу тебе принести? — спрашивала холодно, но настойчиво, поскольку знала, что в конце концов мать, как всегда, найдет успокоение в очередной дозе наркотиков.— Чего тебе надо? Что я могу тебе принести?

И настойчивость принесла желаемые плоды. По-прежнему плача, но сменив злость на обиду, Синсемилла обмякла на подушках, голова ее упала на грудь.

— Таблетки. Нужны мои таблетки. Я что-то приняла, но не таблетки. Мне нехорошо. Наверное, приняла какую-то дрянь. Словно пошла следом за Алисой в кроличью норку, но вместо этого попала в змеиное гнездо.

— Какие ты хочешь таблетки? Где они?

Мать указала на комод.

— Нижний ящик. Синий пузырек. Таблетки, чтобы изгнать змей из головы.

Лайлани нашла таблетки.

— Сколько ты хочешь? Одну? Две? Десять?

— Одну сейчас. Одну позже. Чуть позже. У мамочки плохой день, Лани. Ужасный день. Ты этого не поймешь, не побывав на моем месте.

На столике у кровати стояла бутылка соевого молока со вкусом ванили. Синсемилла села, запила молоком первую таблетку. Положила вторую рядом с бутылкой.

— Ты хочешь что-нибудь еще? — спросила Лайлани.

— Новую книгу.

— Он тебе ее купит.

— Не эту чертову книгу.

— Хорошо. Какую-нибудь другую.

— Некоторые книги можно понять.

— Все так.

— Не твои книги про глупых свинолюдей.

— Ладно. Вычеркнем их из списка.

— Ты поглупеешь, читая эти глупые книги.

— Я больше не буду их читать.

— Тебе нельзя быть уродливой и глупой.

— Согласна. Нельзя.

— Ты должна компенсировать уродство умом.

— Буду. Буду компенсировать.

— О черт, оставь меня. Иди, читай свою глупую книгу! Какое это имеет значение? Ничего уже не имеет значения.— Синсемилла перекатилась на бок, поджала ноги к груди, свернулась в позу зародыша.

Лайлани замялась, задавшись вопросом, а вдруг она видит мать последний раз? После всего, что ей пришлось вынести, после всех этих тяжелых лет, проведенных в суровой пустыне, которая звалась Синсемиллой, ей следовало бы испытывать

облегчение, если не радость. Но не так-то легко обрывать те немногие корни, которые еще удерживали тебя, даже если и прогнили. Перспектива свободы завораживала ее, но трансформация в перекати-поле, отданное во власть капризных ветров судьбы, тоже не сулила радужного будущего.

— *Кто позаботится о тебе?* — прошептала Лайлани, слишком тихо, чтобы мать услышала ее.

Она и представить себе не могла, что такая мысль придет ей в голову, когда наконец-то появился столь желанный шанс обрести свободу. Странно, но эти жестокие годы не превратили сердце Лайлани в камень, оно осталось нежным, в нем нашлось место состраданию даже к этому жалкому существу. У Лайлани перехватило дыхание, сердце завязалось в гордиев узел боли по причинам столь сложным, что ей потребовалось бы очень и очень много времени, чтобы развязать его.

Она вышла из спальни. В ванную. На камбуз.

Затаив дыхание. Предчувствуя, что Кертис и Полли ушли.

Они ждали ее. И собака, виляющая хвостом.

Глава 72

Микки проехала более тысячи шестисот миль не для того, чтобы умереть. Она могла умереть дома с бутылкой или на большой скорости направить «камаро» в опору моста, если бы ей захотелось побыстрее уйти из этого мира.

Придя в сознание, она поначалу подумала, что умерла. Странные стены окружали ее, не имеющие ничего общего с тем, что она видела наяву или в кошмарах: не вертикальные, не оштукатуренные, они словно склонялись над ней, свертывая пространство, казались живыми для ее замутненных глаз, словно она, как некогда Иов, попала в чрево кита и, миновав желудок левиафана, уже очутилась в кишках. Спертый воздух разил гнилью и плесенью, мышиной мочой, блевотиной, досками, половицами, которые десятки лет поливали пивом, табачным дымом и... тленом. Уже в сознании, после пяти или шести вдохов, она подумала, что находится в аду, потому что не может он быть таким, как его описывали в книгах и показывали в фильмах, потому что огонь в нем заменяла обреченность, серу — одиночество, физические муки — отчаяние.

Потом рассеялся туман перед левым глазом. Разглядев, что стены сложены из старых газет, журналов и всякого мусора, она поняла, куда попала. Не в ад. В дом Тилроу.

Она ничего этого не видела, когда стояла на крыльце, разговаривая с Леонардом Тилроу, но нескольких минут общения с ним вполне хватило, чтобы ни на мгновение не усомниться в том, что никто другой в этих стенах жить бы не смог.

Среди широкого спектра запахов она различила кровь. И ощутила ее вкус, когда облизала губы.

Ей никак не удавалось открыть правый глаз, потому что ресницы слиплись от свернувшейся крови.

Когда попыталась стереть кровь, обнаружила, что руки связаны в запястьях, впереди.

Она лежала на боку, на диване, покрытом грязным, пыльным пледом. Перед диваном стояли кресло и телевизор.

В правой половине черепа пульсировала терпимая боль, но стоило ей приподнять голову, как пульсация превратилась в удары отбойного молотка, боль — в агонию, и Микки подумала, что вот-вот снова лишится чувств. Но потом боль стихла до уровня, который она могла выдерживать.

Попытавшись сесть, обнаружила, что и лодыжки стянуты так же крепко, как запястья, а перемычка длиной в ярд, соединяющая путы на запястьях и лодыжках, не позволяет ей ни вытянуться, ни встать в полный рост. Одним движением она сбросила ноги с дивана, уселась на самом краешке, упираясь ступнями в половицы.

От этого маневра голову вновь пронзила дикая боль, создалось ощущение, что половина черепа то раздувается, то спускается, как воздушный шарик. Чувство это было ей знакомо, она даже придумала ему название: похмельная голова, только до такой боли дело, конечно, не доходило, не мучили ее и угрызения совести, зато распирала холодная злоба. И злилась она не на свое недостойное поведение прошлым вечером, а на Престона Мэддока.

Для нее он стал воплощением дьявола, возможно, не только для нее и не в фигуральном смысле этого слова, а как факт. За последние несколько дней восприятие зла со стороны Микки изменилось кардинальным образом. У нее не осталось сомнений, хотя раньше она это отрицала, что зло в мужчинах и жен-

щинах является лишь отражением абсолютного Зла, которое шагало по миру и подтачивало его изнутри.

Когда боль утихла, она наклонилась и вытерла залитый кровью глаз о правое колено. Свернувшаяся кровь осталась на джинсах, ресницы разлепились, выяснилось, что правый глаз видит не хуже левого. То есть источником крови служил не глаз, а рана на голове, из которой кровь разве что сочилась, но уже не текла.

Она прислушалась к дому. Чем дольше она ждала хоть какого-то звука, тем более глубокой становилась тишина.

Логика подсказывала, что Леонард Тилроу убит, что жил он здесь один и теперь дом превратился в игровую площадку Мэддока.

Она не стала звать на помощь. Дом стоял в гордом одиночестве, посреди заросших бурьяном полей, далеко от дороги.

Доктор Дум куда-то уехал. Чтобы вернуться. И скорее раньше, чем позже.

Она не знала, что он намерен с ней сделать, почему не убил в лесу, но не собиралась сидеть на диване, дожидаясь возможности задать ему этот вопрос.

Он связал ей руки и ноги проводами от лампы. Медными проводами в мягкой пластмассовой изоляции.

Учитывая материал, узлы не могли быть такими крепкими. Но, приглядевшись, Микки увидела, что каждый узел обработан огнем. Пластмасса плавилась, а застывая, превращала узел в бесформенный ком, пронизанный медными проводами, и о том, чтобы развязать его или ослабить путы, не могло быть и речи.

Ее внимание привлекло кресло. На столике рядом с ним стояла пепельница, полная окурков.

Должно быть, Мэддок воспользовался газовой зажигалкой Тилроу, чтобы расплавить изоляцию. Может, он оставил ее на столике или на полу. Может, ей удастся расплавить эти комки и освободиться.

О стянутых запястьях речь не шла. Она бы только обожглась. А вот с лодыжками, похоже, могло получиться.

Соскользнув с дивана, она стояла согнувшись, с согнутыми коленями: провод, связывающий лодыжки и запястья, не позволял распрямиться. Она не могла шагать, даже переставлять ноги по одной, а попытка прыгнуть привела к тому, что она потеряла равновесие, упала и чуть не стукнулась головой о столик. Однако и к полу приложилась крепко.

А если бы задела столик, то могла сломать себе шею.

Оставаясь на полу, лежа на боку, Микки извивалась, как змея, оглядываясь в поисках зажигалки. Но ее не оказалось ни рядом с креслом, ни за ним.

У самого пола воняло куда сильнее. Ко всему прочему Микки пришлось подавлять и рвотный рефлекс.

Грохот, достаточно сильный, чтобы тряхнуть дом, заставил ее вскрикнуть в испуге, потому что на мгновение она решила, что услышала, как хлопнула закрывающаяся дверь, возвещая о возвращении демона. Потом до нее дошло, что этот звук — раскат грома.

Началась гроза.

Ной Фаррел по сотовому телефону позвонил Дженеве Дэвис, как только въехал в Нанз-Лейк. Добрался он туда на автомобиле, который взял напрокат в аэропорту Кер-д'Алена. Перед отъездом из Сиэтла Микки собиралась позвонить тете, и Дженева порадовала бы ее известием, что приманка в триста долларов сработала, детектив согласился войти в игру и уже ехал в Айдахо. Он хотел, чтобы Микки подождала его, а не бросалась сгоряча в омут. Дженева, следуя инструкциям Ноя, должна была попросить племянницу по прибытии в Нанз-Лейк сразу же перезвонить ей и сообщить название местного ресторанчика или другого места, где он мог бы ее найти. Но теперь, когда он связался с Дженевой, чтобы узнать место рандеву, выяснилось, что Микки не позвонила ни из Сиэтла, ранним утром, ни днем из Нанз-Лейк.

— Ей давно уже следовало приехать туда.— Голос Дженевы дрожал.— Я уж не знаю, то ли мне просто волноваться, то ли сходить с ума от тревоги.

Девочка, которая светится изнутри, на удивление быстро проникается доверием к незнакомцам. У Кертиса возникает предположение, что любой человек, лучащийся, как Лайлани, должен обладать особенной интуицией, которая позволяет сразу определять, какие намерения, добрые или злые, у тех, кто встречается ему на пути.

Она не берет с собой ни чемодана, ни личных вещей, словно нет у нее в этом мире ничего, кроме одежды, которая сейчас на ней, словно не хочет уносить какие-то сувениры, напоминающие ей о жизни в джагернауте... но тут вспоминает про дневник. Наклоняется, поднимает его с кровати и направляется к Кертису и Желтому Боку, которая чувствует тепло сияния, излучаемого девочкой.

— Мама дает большое представление в театре одной наркоманки.

И уже вошла в роль,— тихо говорит Лайлани.— Она, возможно, и не узнает, что я ушла, пока я не опубликую двадцать романов и не получу Нобелевскую премию по литературе.

На Кертиса ее слова производят глубокое впечатление.

— Правда? Ты действительно можешь предсказать, что с тобой будет?

— Если уж собираешься что-то предсказывать, лучше предсказать что-то серьезное. Так я всегда говорю. Поэтому скажи мне, Бэтмен, ты уже спасал другие миры?

Кертис польщен, что она называет его Бэтменом, особенно если в интерпретации Майкла Китона, в исполнении которого Бэтмен действительно велик, но он должен ответить честно.

— Я — нет. Но моя мать спасла, и не один.

— Значит, наш мир достался новичку. Но я уверена, что ты справишься.

Кертис от гордости заливается краской: девочка верит ему, пусть он еще ничего не сделал.

— Я постараюсь сделать все, что в моих силах.

Желтый Бок протискивается между ног Кертиса к Лайлани, и девочка наклоняется, чтобы погладить ее пушистую голову.

Благодаря телепатическому каналу мальчик—собака Кертис едва не падает от мощной эмоциональной волны, которая поднимается в ставшей ему сестрой от прикосновения Лайлани. Она зачарована, как только может быть зачарована собака, тем самым подтверждая необычность девочки.

— Как ты узнаешь, что миру необходимо спасение?

— Это очевидно,— отвечает Кертис.— Есть много признаков.

— Мы уходим отсюда на этой неделе или на следующей? — спрашивает Полли, которая уже стоит между кабиной и гостиной.

Отступает в сторону, пропуская Желтого Бока, потом Лайлани и Кертиса. Собака выпрыгивает из дома на колесах, но девочка, которая светится, осторожно спускается по ступенькам, сначала ставит на землю здоровую ногу, потом ту, что с ортопедическим аппаратом. Ее чуть ведет в сторону, но она удерживает равновесие.

Вновь оказавшись рядом с Лайлани, чувствуя, что собака опять дрожит в облаке зла, которое окутывает дом на колесах, Кертис спрашивает:

— А где твой отчим-убийца?

— Он поехал к человеку, который общался с пришельцами,— отвечает Лайлани.

— С пришельцами?

— Это долгая история.

— Он скоро вернется?

Внезапно ее прекрасное лицо темнеет изнутри, словно идущее от нее сияние закрылось облаком. Она оглядывает придавленный черными тучами кемпинг, где ветер рвет иголки с ветвей высоких сосен.

— В любую минуту.

Спрыгнув с перевернутого мусорного бака, присоединившаяся к ним Кэсс слышит последние вопросы и ответы, и ее они тревожат.

— Сладенькая,— спрашивает она девочку,— ты можешь бежать с этой штуковиной, которая тянет тебя к земле?

— Я могу быстро идти, но, конечно, медленнее, чем вы. Как далеко?

— Другой конец кемпинга,— отвечает Кэсс, указывая на десятки домов на колесах и кемперов. Их двери закрыты, окна уютно светятся, хозяева готовятся пересидеть грозу.

— Доберусь без труда,— заверяет их Лайлани и, прихрамывая, шагает в указанном Кэсс направлении.— Но не смогу всю дорогу идти с максимальной скоростью.

— Ладно,— говорит Полли, пристраиваясь к Лайлани,— раз уж мы ввязываемся в это безумие...

Кэсс хватает Кертиса за руку, тащит за собой, словно думает, что иначе он умчится в другую сторону, как Человек дождя или Гамп, и подхватывает фразу, начатую Полли, после чего они переходят на привычный им диалог, когда одна сестра дополняет вторую.

— ...раз уж мы ввязываемся в это безумие и рискуем, что за нами...

— ...погонятся, как за похитителями ребенка...

— ...тогда давайте...

— ...поскорее выметаться отсюда.

— Кертис, мы с тобой бежим первыми,— приказывает Кэсс, теперь воспринимая его как обыкновенного мальчика, а не особу королевской крови.— Поможешь мне отсоединить коммуникации. Нам нужно уехать как можно быстрее, гроза или не гроза, и перебраться в другой штат.

С неохотой оставляя девочку, Кертис чуть задерживает Кэсс, чтобы сказать Лайлани:

— Не волнуйся, Спелкенфелтеры тебе понравятся.

— Конечно,— заверяет его Лайлани.— Нет ничего лучше хорошего Спелкенфелтера.

Этот странный ответ вызывает у Кертиса несколько новых вопросов, но Кэсс решительно обрывает новый раунд общения:

— *Кертис!*

Таким же тоном три раза обращалась к нему его мать, когда своим поведением он вызывал ее недовольство.

Молния разрывает небо. Тени сосен бегут, бегут по земле, по стенам домов на колесах, словно стараются удрать от грома, который настигает их через две секунды.

Собака мчится к «Флитвуду», Кэсс развивает такую скорость, будто и в ее жилах течет собачья кровь, Кертис старается не отставать от нее.

Один раз оглядывается и видит, что девочка, светящаяся изнутри, продвигается на своей металлической ноге быстрее, чем он ожидал. Этот мир такой же живой, как и другие, где он побывал раньше, и куда более завораживающий, но даже с его бессчетными чудесами, даже с великолепной Поллуксией рядом с ней, именно Лайлани Клонк — главная фигура этого мира, а он сам, этот мир, кажется, развевается у нее за спиной, словно плащ.

Удостоверение частного детектива обычно меняло отношение к человеку, его предъявившему, независимо от штата, в котором оно выдано. Практически всегда женщина, которая чуть раньше смотрела сквозь тебя, внезапно осознавала, что перед

ней загадочный и обладающий магнетической силой мужчина. Тысячи и тысячи детективных романов, многочисленные теле- и кинофильмы окружали магическим ореолом всех представителей этой профессии, независимо от их личных особенностей.

У мужчины-регистратора кемпинга, когда Ной Фаррел показал ему удостоверение частного детектива, сразу же зажглись глаза, отреагировал он, как и большинство людей, с острым интересом и белой завистью. Лет пятидесяти с небольшим, с бледным лицом, расширяющимся книзу, заплывший жиром от скучной сидячей жизни, он, конечно же, не отказался бы от толики острых ощущений, которой мог поделиться с ним Ной. Убедить его, что коровы могут петь на сцене оперного театра, было бы куда проще, чем заставить поверить в то, что в основном частные детективы выслеживают неверных мужей и жен или нечестных сотрудников. Он *знал*, что жизнь частного детектива — круговерть роскошных женщин, метких выстрелов, быстрых автомобилей и конвертов, битком набитых наличными.

Он задавал больше вопросов, чем Ной, не только о конкретном расследовании последнего, но и о жизни. Ной неумело лгал, что разыскивает бывших сотрудников одной крупной корпорации, которой они нанесли существенный ущерб. Теперь этой корпорацией заинтересовались федеральные органы, и срок судебного разбирательства столь близок, что ему велено найти этих людей даже в отпуске. Свой рассказ он раскрасил пикантными подробностями своих прежних расследований.

Регистратор, ставший ему союзником, сообщил, что Джордан Бэнкс после полудня арендовал стояночное место в их кемпинге. Номерной знак и описание дома на колесах, переоборудованного автобуса «Превост», соответствовали сведениям, которые Ной получил благодаря связям в полиции и в департаменте транспортных средств администрации штата Калифорния. Он у цели!

Регистратор узнал Микки, когда Ной показал фотографию, которую дала ему ее тетя.

— Да, абсолютно точно, она приходила сюда сегодня, до прибытия мистера Бэнкса, спрашивала, не подъехал ли он.

Тревога охватила Ноя, заставила выпрямиться в полный рост. Если Мэддок узнал, что она его ищет...

— Она — его сестра,— продолжал регистратор.— Хотела преподнести ему сюрприз на день рождения, поэтому я не сказал ему ни слова, когда он заполнял регистрационную карточку.— Мужчина прищурился: — Послушайте, как по-вашему, она действительно его сестра?

— Да. Да, сестра. Они приходила после приезда мистера Бэнкса?

— Нет. Надеюсь, придет до окончания моей смены. Она радует глаз, эта девушка.

— Мне нужен пропуск гостя? — спросил Ной.

— Не все так просто. Если он не предупредил, что вы приедете к нему, а он не предупредил, я должен послать одного из моих помощников на стояночное место шестьдесят два и спросить, следует ли мне вас пропустить. Проблема в том, что один из них заболел, а второй выбился из сил, работая за двоих. Я должен пойти туда сам и спросить, пропускать ли вас, а вам придется подождать здесь.

Первая молния надвигающейся грозы полыхнула за окнами, от раската грома задрожали все стекла, избавив Ноя от необходимости вытаскивать из бумажника сотенную и разыгрывать сцену, наиболее часто встречающуюся в детективных романах и фильмах.

Регистратор подмигнул Ною.

— Не хотелось бы покидать офис в грозу. Должен быть на месте. Черт, вы же практически полиция, не так ли?

— Практически да,— согласился Ной.

— Тогда вперед. Подгоняйте машину, а я открою ворота.

Первые молния и гром, однако, не открыли шлюзы дождя. Прошла чуть ли не минута, прежде чем сверкнула вторая молния, ярче первой, громыхнуло так, что заложило уши, и вот тут створки шлюзов начали расходиться.

Первые капли, большие, как виноградины, упали на полосу асфальта, протянувшуюся вдоль стояночных мест, ударились об него с такой силой, что брызги взлетели на добрый фут.

Лайлани уже не могла развивать самую большую скорость. Нога киборга, наверное, годилась для того, чтобы дать кому-то под зад, но устала гораздо раньше, чем девочка рассчитывала, возможно, потому, что последние дни она просидела в доме на

колесах. Лайлани сбилась с ритма, необходимого для плавного движения бедра, и никак не могла его восстановить.

Прелюдия к симфонии дождя длилась лишь мгновения, после чего на кемпинг обрушилась Ниагара, так что от всего оркестра остались одни барабаны.

Лило так сильно, что не спасали даже мгновенно набухшие водой кроны сосен, кое-где нависающие над асфальтом.

Лайлани пыталась прикрыть дневник своим телом, но ветер окатывал ее ведрами дождя, и она видела, как темнеет, напитываясь водой, картонная обложка. Сама она уже промокла до нитки, словно плавала в одежде, и как бы сильно ни прижимала дневник к груди, не могла спасти его от воды.

Положив руку на плечо девочки и наклонившись к ней, чтобы перекрыть шум дождя и грома, который гремел не переставая, Полли прокричала:

— Уже недалеко! Тот «Флитвуд», тридцать ярдов!

Лайлани сунула дневник в руки Полли.

— Возьмите! Бегите вперед! Я догоню!

Полли настаивала на том, чтобы они держались рядом, но Лайлани знала, что в этом случае она не сможет идти так же быстро, как Полли, потому что судороги в больной ноге становились все более болезненными и она не могла войти в нужный ритм, как ни старалась. А грязевые потоки на асфальте мешали удерживать равновесие. И сколь бы яростно Лайлани ни настаивала на том, что она — опасный юный мутант, в такой ситуации она превращалась в маленькую девочку-калеку, как бы сильно ей это ни претило. Она сунула дневник в руки Полли, в ужасе от того, что дождь намочит страницы, размоет пасту, не позволит перечесть написанные ею строки, не просто строки, а годы страданий, спрессованные между двумя картонными обложками, не просто рассказы о Синсемилле и докторе Думе, но воспоминания о Лукипеле, в столь подробных деталях, что без дневника она не смогла бы их восстановить. Эти страницы хранили наблюдения и идеи, которые помогли бы ей стать писательницей, вообще стать *кем-то*, составляли стержень ее бесформенной жизни, придавали ей цель и значимость, и Лайлани казалось, что, потеряй она эти четыреста плотно исписанных страниц, позволь им превратиться в бессмысленные разводы и пятна, ее жизнь станет столь же бессмысленной. На одном уров-

не сознания она знала, что эти страхи беспочвенны, но действиями ее руководил другой уровень, поэтому она сунула дневник Полли с криком: «Возьмите его, сберегите сухим, это моя жизнь, это моя ЖИЗНЬ!» Возможно, слова эти показались Полли безумными, такими, собственно, они и были, но, должно быть, она увидела что-то в глазах и выражении лица Лайлани, нечто такое, что испугало ее, потрясло, тронуло до глубины души, и примерно в двадцати пяти ярдах от «Флитвуда» она взяла дневник и попыталась убрать его в сумку, а когда не вышло, понеслась с ним к «Флитвуду». С неба изливался океан, ветер завывал, как баньши. Ноги Лайлани скользили и расползались, ее бросало из стороны в сторону, она с трудом удерживала равновесие, но упорно продвигалась к «Флитвуду», полагаясь не столько на ноги, как на позитивное мышление. Полли пробежала десять ярдов, сбросила ход, оглянулась, все еще в пятнадцати ярдах от «Флитвуда», уже не роскошная красавица, а серая тень амазонки, размытая пеленой дождя. Лайлани махнула ей рукой, мол, скорее, под крышу, и Полли побежала дальше. Полли оставалось до цели меньше десяти ярдов, Лайлани — меньше двадцати, женщина каждый ярд покрывала прыжком газели, девочке он давался с огромным трудом, и Лайлани задалась вопросом: а почему она не воздействовала позитивным мышлением на больную ногу, вместо того чтобы пытаться с его помощью отрастить грудь?

Лежа на полу, Микки наполовину убедила себя, что может видеть, как вонь зеленовато-желтым туманом колышется над половицами.

Поиски зажигалки ни к чему не привели. Потратив на них чуть меньше минуты, следующую она потратила на осмотр стен и поняла, что использование открытого огня чревато более опасными последствиями, чем ожог. Одно неловкое движение — а можно ли ожидать чего-то другого от человека, связанного по рукам и ногам? — могло привести к пожару, потому что находилась она в пороховом погребе.

Когда второй удар грома сотряс дом и день, а по крыше забарабанили капли дождя, она оглядывала стены в поисках чего-то такого, что могло помочь ей освободиться от пут. Только банки из-под кофе вселяли хоть какую-то надежду.

«Максвэлл хаус». Четыре ряда больших, по четыре фунта, банок, в каждом ряду по шесть банок, втиснутых между колоннами газет. Каждую закрывала пластиковая крышка.

Если кто и держал в доме запечатанные двадцать четыре банки кофе «Максвэлл хаус», то только в кладовой. А пустые банки из-под кофе люди использовали, чтобы хранить в них всякую мелочовку. Тилроу, который, похоже, за всю жизнь ничего не выкидывал и заполнил свой дом коллекцией, достойной страниц учебника по психиатрии, конечно же, не мог поставить эти банки в стену пустыми.

Микки оставила позади кресло, миновала телевизор, с немалыми усилиями поднялась на колени и схватилась за одну из банок самого верхнего ряда. Сразу не решилась вытащить ее, опасаясь, что рухнет вся стена и погребет ее под грудой мусора.

Но еще раз оглядев стену, убедилась, что стоит она крепко, и взялась за банку, понимая, что выбора нет. Поначалу казалось, что банку вытащить невозможно, что она зажата намертво, совсем как залитый цементным раствором камень в крепостной стене. Потом банка чуть сдвинулась относительно лежащей сверху пачки газет и нижнего слоя банок. Сдвинулась, заскользила и выскочила из стены.

Все еще на коленях, зажав банку бедрами, Микки боролась с упрямой крышкой. За долгие годы пластик словно сплавился с алюминием. Но Микки не сдавалась, и наконец крышка отлетела в сторону.

Более сотни светлых маленьких полумесяцев самых разных оттенков, от белого до грязно-желтого, высыпались из банки на пол, ей на колени, прежде чем Микки выровняла ее. Тысячи полумесяцев заполняли банку, и Микки несколько секунд в недоумении смотрела на ее содержимое. Она, конечно, поняла, что перед ней, но никак не могла осознать, что страсть к накопительству могла до такой степени овладеть человеком. В банке лежали ногти, состриженные с пальцев рук и ног за многие, многие годы.

Не с двух рук. Некоторые ногти были поменьше, другие покрывал яркий лак. Должно быть, эта страсть к накопительству родилась раньше Леонарда Тилроу, и он лишь поддерживал семейные традиции, заведенные людьми, которые жили здесь до него.

Микки отставила банку в сторону, вытащила другую. Слишком легкая. Вряд ли в ней могло быть что-то полезное. Но она открыла банку.

Волосы. Состриженные волосы.

Когда Микки вскрыла третью банку, в нос ударил запах кальция, запах морских раковин. Заглянув в нее, Микки вскрикнула и выронила банку.

Она покатилась по полу, оставляя за собой крохотные белые скелеты шести или восьми птичек, хрупкие, как сахарные кружева. Скелеты могли принадлежать только канарейкам или волнистым попугайчикам. Вероятно, Тилроу держали попугайчиков, а когда одна из птичек умирала, каким-то образом отделяли перышки и плоть от костей и сберегали останки... Ради чего? По сентиментальным причинам? Бумажные косточки рассыпались от удара об пол, но черепа, размером с виноградный помидор, прыгали по нему, словно игральные кости.

Может, она слишком рано отбросила идею, что умерла и попала в ад.

Это место определенно было адом для Леонарда Тилроу и, вероятно, для других Тилроу, живших здесь до него.

В банках из-под кофе ничего нужного ей быть не могло.

Часов в этой мерзкой комнате не было, но она все равно слышала, как тикают они, отсчитывая минуты, остающиеся до возвращения Престона Мэддока.

Сжимая залитый дождем дневник, Полли добралась до «Флитвуда», открыла дверь, поднялась на ступеньки, обернулась, чтобы криком подбодрить девочку... и увидела, что Лайлани исчезла.

Отсоединив инженерные коммуникации, Кертис, обойдя дом на колесах спереди, подошел к двери в тот самый момент, когда Кэсс, уже сидевшая в кресле водителя, завела двигатель.

— Беда! — закричала Полли, швырнула дневник в гостиную и вновь выскочила из «Флитвуда» под проливной дождь.

Осматривала залитый водой кемпинг, не веря своим глазам. Девочка шла следом за ней, когда она в последний раз оглянулась, их разделяло не больше пятнадцати футов, и остаток пути до «Флитвуда» она пробежала максимум за пять секунд, но, господи, девочка тем не менее *исчезла.*

«Дворники» едва справлялись с потоками воды, заливающими стекло, но Ною удалось без особого труда добраться до стоянки номер шестьдесят два, хотя у него и возникла мысль о том, что в аэропорту ему следовало взять напрокат ковчег, а не автомобиль с кузовом типа купе.

Он в изумлении вытаращился на дом на колесах Мэддока, размерами не уступавший стандартному придорожному ресторанчику. Дом вырастал из стены дождя, словно галеон, появившийся из туманов бурного моря, и «мазда» Ноя казалась рядом с ним утлым челноком, пытающимся пришвартоваться к борту огромного корабля.

Он намеревался осмотреть стояночное место 62, а потом, устроившись неподалеку, наблюдать за домом на колесах пятнадцать или двадцать минут, чтобы оценить ситуацию. Однако от первоначального плана пришлось отказаться, как только он увидел распахнутую дверь «Превоста».

Ветер прижал ее к борту. Дождь заливал кабину, но за минуту, в течение которой «мазда» Ноя простояла у дома на колесах, дверь никто не закрыл.

Что-то случилось.

Молнии резали небо, отражались от воды, полностью покрывавшей асфальт шоссе.

Нанз-Лейк лежал в двух милях позади Престона, от дома Тилроу его отделяла только миля.

Несмотря на то что дождь вымочил его до нитки, Престону казалось, что он весь в грязи. Отчаянность ситуации заставила его прикоснуться к Руке, в том числе и к деформированным частям тела, потому что не было решительно никакой возможности найти и надеть перчатки.

И если только в доме Тилроу не окажется рукавиц или перчаток, ему придется прикасаться к ней снова, не один раз, еще до исхода дня, хотя бы для того, чтобы отнести в грязное сердце лабиринта, в гостиную, где он оставил Королеву Шлюх. И там, привязав к креслу, позволил бы с первого ряда наблюдать за убийством ее подруги.

В этом кресле Руке и предстояло умереть, после того как он утолил бы аппетит живущего в нем дикого зверя, причинив ей максимум боли.

Он родился для этого, как и она. Каждый играл отведенную судьбой роль.

К счастью, пытать ее он мог на расстоянии, с помощью подручных инструментов, не прикасаясь к девочке. Следовательно, привязав ее к креслу, мог вымыть руки мылом и под обжигающе горячей водой. Тогда он очистится от ее липкой грязи, тошнота больше не будет подкатывать к горлу, он вновь сможет наслаждаться своей работой, которую необходимо делать.

Он вдруг встревожился из-за того, что у Жабы не окажется мыла, и тут же рассмеялся. Даже если этот бородатый козел никогда не мылся, в доме наверняка найдутся тысячи обмылков, аккуратно сложенных и, возможно, указанных в специальном каталоге. Так что о мыле можно не беспокоиться.

Медленно приходя в сознание, на соседнем сиденье тихонько застонала Рука. Она сидела, привязанная ремнем безопасности, привалившись головой к дверце.

Пластиковый пакет с герметизирующей полосой лежал на консоли между сиденьями, сложенный, но не загерметизированный. Удерживая руль одной рукой, второй Престон достал из пакета кусок ткани, пропитанный самодельным анестезирующим составом, и накрыл им лицо девочки.

Он не хотел держать ткань на ее лице постоянно, из страха, что убьет Руку слишком быстро и милосердно.

Стоны перешли в невнятное бормотание, отвратительная деформированная рука перестала дергаться на коленях, но она не застыла, как прежде. На воздухе самодельный анестезирующий состав начал испаряться, а дождь уменьшил его концентрацию, пусть он и вернул ткань в пакет, как только Рука отключилась.

То и дело Престон поглядывал в зеркало заднего обзора, ожидая увидеть сквозь пелену дождя свет фар преследующей его машины.

Он не сомневался, что гроза обеспечила ему надежное прикрытие и никто не видел, как он схватил Руку. Даже если кто-то из отдыхающих, случайно выглянув в окно, что-то и заметил сквозь дождь и при сумеречном свете, спасибо нависшим над самыми вершинами деревьев облакам, они истолковали происходящее на их глазах однозначно: отец взял на руки ребенка и несет его в безопасное место.

Что же касается двух женщин и мальчика из этого «Флитвуда», он понятия не имел, кто они и что делали в его доме на колесах. Он сильно сомневался, что они — сообщники Королевы Шлюх, ибо, приехав в Нанз-Лейк с такой мощной поддержкой, она бы не стояла одна в лесу, наблюдая за домом Тилроу.

Кем бы они ни были, эти трое не смогли бы войти в дом на колесах, отключив систему охранной сигнализации, если бы им не помогла Черная Дыра. Уезжая на ферму Тилроу, Престон наказал этой глупой суке держать «Легкий ветерок» под замком. В прошлом она всегда делала то, что ей велели. Таким было условие сделки. Она знала, что это за сделка, со всеми пунктами, подпунктами и особыми условиями, знала так же хорошо, как если бы контракт существовал в письменной форме и она могла выучить его наизусть. Потому что для нее это была очень хорошая сделка, контракт-мечта, обеспечивающий доступ к любым наркотикам, в любом количестве, условия жизни, каких она никогда раньше не знала, да и не узнала бы, если б не он. И при всем ее безумии, а в том, что у нее давно уже поехала крыша, Престон не сомневался, она всегда скрупулезно выполняла условия сделки.

Иной раз, конечно, Дыра принимала столько химических субстанций, что не могла помнить не только о сделке, но и о том, кто она такая. Но подобные провалы памяти редко случались днем, только глубоким вечером или ночью, в его присутствии, и он мог угомонить ее все тем же самодельным анестезирующим составом, если не помогали слова и сила.

Сняв лоскут ткани с лица девочки, Престон бросил его на пол, вместо того чтобы засунуть в пластиковый пакет. Она все стонала, и ее голова перекатывалась по спинке сиденья, но его это больше не волновало: они уже добрались до съезда к ферме Тилроу.

Устойчивый ветер сменился резкими порывами, которые налетали со всех сторон, отчего дверь то отрывалась от стенки «Превоста», то с силой ударяла о нее, но по-прежнему никто не появлялся в дверном проеме, чтобы закрыть ее.

Вымокнув до нитки за те несколько секунд, которые потребовались, чтобы добраться от «мазды» до двери дома на колесах, Ной Фаррел поднялся по ступенькам, предварительно по-

стучав в распахнутую дверь, остановился за сиденьем второго пилота. Прислушался к хлопанью двери о стенку за его спиной, к бешеной барабанной дроби дождя по крыше, пытаясь вычленить из шумового фона другие звуки, чтобы они помогли ему проанализировать ситуацию, но ничего не услышал.

Разложенный диван занимал большую часть гостиной. Лампа освещала трех хула-герлс, стоявших на столике, две обездвиженные, третья покачивала бедрами, и занимающее центр потолка нарисованное сонное улыбающееся лицо.

Если не считать сочащегося в окна дневного света, серого, как зола, единственным светлым пятном в дальней части дома на колесах была открытая дверь спальни. Оттуда лился приглушенный красный свет.

В субботу, во второй половине дня, когда он ушел от Дженевы Дэвис, чтобы собрать дополнительную информацию по Мэддоку и запаковать вещи, утром, на борту самолета, летящего к Кер-д'Ален, и в автомобиле, по пути в Нанз-Лейк, Ной рассматривал различные варианты действий, в зависимости от обстоятельств, с которыми ему предстояло столкнуться. Реальность разошлась со всеми сценариями, так что пришлось импровизировать на ходу.

Прежде всего следовало решить: молчать или громогласно объявить о своем присутствии. Остановившись на втором, изображая соседа по кемпингу, он весело закричал:

— Привет! Есть кто-нибудь дома?

Не получив ответа, двинулся дальше, мимо разложенного дивана к камбузу.

— Увидел, что у вас открыта дверь. Подумал, что-то случилось.

Хула-герлс на обеденном столе. На разделочном столике камбуза.

Он бросил взгляд на кабину «Превоста». Никто не вошел следом за ним.

Постоянно сверкали молнии, и каждое окно мерцало, словно экран телевизора, антенна которого не обеспечивала устойчивый прием изображения. Призраки, сотканные из теней, копошились у дома на колесах, заглядывали в него, словно надеялись, используя энергию грозы, перебраться из своей реальности в эту. Каждый раскат грома отдавался вибрацией в металлических стенах дома на колесах.

Ной приближался к спальне.

— Соседи, у вас все в порядке? Никому не нужна помощь?

В ванной хула-герлс стояли на раковине, одна танцевала.

У открытой двери спальни Ной остановился. Позвал, вновь не получил ответа.

Переступил через порог, из сумрака ванной шагнул в алый свет: настольные лампы были накрыты красными шелковыми блузками.

Она ждала позади кровати со смятыми простынями, вытянувшись во весь рост, высоко вскинув голову на грациозной шее, титулованная особа, соблаговолившая принять жалкого смерда. В саронге яркой раскраски. Волосы словно растрепало ветром, но из дома на колесах она не выходила, потому что была совершенно сухая.

Обнаженные руки, висящие по бокам как плети, лицо спокойно-безмятежное, будто у медитирующего буддистского монаха, да только глаза поблескивали, словно у бешеного животного. Он и раньше встречался с таким сочетанием, особенно часто в юности. И хотя, возможно, она не сидела на мете, субстанции, которые эта женщина принимала, были более действенными, чем кофеин.

— Ты гаваец? — спросила она.

— Нет, мэм.

— Тогда почему эта рубашка?

— Для удобства.

— Ты Лукипела?

— Нет, мэм.

— Они поднимали тебя на луче?

Добираясь до Нанз-Лейк, обдумывая свои дальнейшие действия, Ной не предполагал, что ему придется говорить с этой женщиной или с Престоном Мэддоком. Но Синсемилла — Дженева достаточно подробно описала ее — напомнила ему Уэнди Куайл, медицинскую сестру, которая убила Лауру. Внешне у женщин не было ничего общего, но в безмятежности лица и блеске птичьих глазок он уловил самодовольство и нарциссизм, которые окутывали и медицинскую сестру, словно нимб — голову святого. Выражение ее лица, царящая в трейлере атмосфера, стук распахнутой двери о стену, интуиция детектива подсказывали ему, что Микки и Лайлани грозит нешуточная опасность.

— Где ваша дочь? — резко спросил он.

Она шагнула к нему, покачнулась, остановилась.

— Луки, беби, твоя мамочка рада, что тебя полностью исцелили и ты вернулся в новом теле, побывав на звездах и насмотревшись чудес. Мамочка рада, но ты напугал ее столь неожиданным появлением.

— Где Лайлани? — настаивал он.

— Видишь, мамочка выращивает новых детей, красивых детей, у которых другими будут только мозги, а не тело, как у тебя, с вывернутыми суставами. Мамочка развивается, Луки, беби, мамочка развивается и не хочет, чтобы ее новые красивые детки тусовались со старыми, уродливыми.

— Мэддок куда-то ее увез?

— Может, ты побывал на Юпитере и исцелился, но внутри ты все равно уродлив. Маленький калека, каким ты был раньше, все еще живет в твоей душе, словно червь, и мои новые красивые детки смогут увидеть все твое уродство, потому что они будут чудо-детьми, настоящими эсперами*.

До того свободно висящие пальцы правой руки сжались в кулак, и Ной понял, что она держит оружие.

Когда он отступил на шаг, она бросилась к нему. Вскинула правую руку и попыталась полоснуть его по лицу, скорее всего, скальпелем.

Лезвие, блеснув в красном свете, по дуге прошло лишь в двух дюймах от глаз.

Он рывком ушел в сторону, затем, шагнув вперед, схватил ее за правое запястье.

Скальпель в левой руке, о котором он не подозревал, вонзился в его правое плечо. В этом ему повезло. Крупно повезло. Она могла не ткнуть скальпелем, как ножом, а полоснуть по горлу, вскрыв одну или обе сонные артерии.

На рану он внимания не обратил. Вместо того чтобы пытаться разоружить ее, когда внезапно она начала плеваться и визжать, как тасманский дьявол, подсек ей ноги и одновременно оттолкнул от себя.

---

* Человек, обладающий сверхъестественными способностями, по начальным буквам английских слов extra sensitive person — ESP. По-простому, экстрасенс.

Падая, она не выпустила скальпель, потащив его за собой. Плечо пронзила острая боль.

Ной выхватил короткоствольный револьвер 38-го калибра, который держал в кобуре на поясничье под гавайской рубашкой. Конечно, пускать в ход оружие не хотелось, но еще меньше его увлекала перспектива превращения в исполосованную скальпелями рождественскую индейку.

Он ожидал, что Синсемилла тут же прыгнет на него, чтобы вновь добраться до лица или тела, но она удивила его: отбросила скальпели и отвернулась. Потом направилась к комоду, он же попятился к двери, опасаясь, что она достанет из ящика пистолет или револьвер. Достала она пузырьки с таблетками, начала что-то бормотать. Некоторые выскользнули между пальцами на пол, другие она сердито отбросила, полезла в ящик за новыми пузырьками, наконец нашла нужный.

Словно забыв про Ноя, залезла на кровать, устроилась на мятых простынях, среди вырванных из книги страниц, скрестила ноги, напоминая девушку, ждущую подружек, чтобы поболтать перед сном, откинула голову, весело рассмеялась. Открывая пузырек с таблетками, напевно заговорила: «Я — озорная кошечка, я — летний ветерок, я — птичка в полете, я — солнце, я — море, я — это я!» Одну таблетку оставила на ладони, остальные сбросила на простыню. Наконец посмотрела на Ноя.

— Иди, иди, Луки, беби, тебе здесь больше нет места.— И, словно и не пускала ему кровь, замотала головой из стороны в сторону, отчего волосы упали на лицо, и запела вновь: «Я — озорная кошечка, я — летний ветерок, я — птичка в полете...»

Пятясь, Ной ретировался в ванную, не отрывая глаз от двери, выставив перед собой револьвер, который держал в правой руке, левой проверяя рану на плече. Болело сильно, но терпимо, рубашка окрасилась кровью, но последняя не хлестала струей, а следовательно, артерию скальпель Синсемиллы не задел. Значит, в худшем случае ему грозило нагноение раны, при условии что он сможет выйти из дома на колесах живым.

Ной уже добрался до камбуза, а женщина все продолжала нараспев повторять одно и то же, восхваляя свою исключительность, из чего он сделал логичный вывод, что она так и сидит на кровати.

В столовой Ной развернулся, собираясь бежать со всех ног, забыв про гордость.

Мальчик, фигуристая блондинка и собака стояли в гостиной. По лицу мальчика рассыпались веснушки, блондинка держала в руке пистолет калибра девять миллиметров, а у собаки был мохнатый хвост, которым через мгновение она завиляла с такой силой, что скопившаяся на нем вода оросила противоположные стены дома на колесах.

Навек застывшие индейцы, деревянные охранники, наблюдали, как Престон внес Руку в дом. Бросил на пол в холле, у входа в лабиринт.

Дверь распахнулась, хотя он пнул ее ногой, пытаясь закрыть. Вернулся к ней, запер на замок.

Провел руками по мокрым волосам, чтобы стереть с них хоть часть грязи.

Девочка лежала, как тряпичная кукла. Из этой груды тряпок только торчала забранная в блестящий металл нога. Маленькая говнючка еще не пришла в сознание. Что-то бормотала, вздыхала, потом вдруг рыгнула. От отвращения Престона едва не вывернуло наизнанку. С тем же успехом она могла и обдуться.

Он чувствовал, как микроскопическая грязь этой мерзкой калеки ползет по его рукам, забирается между пальцами.

Вытаскивая ее из «дуранго», он пришел к нерадостному для себя выводу: ему не удастся провести с ней все запланированное время. Женщины и мальчик из «Флитвуда» внесли в расклад сил фактор неопределенности. Он уже не мог рассчитывать на то, что в Безумное королевство Тилроу не заявятся незваные гости.

Теперь он не мог отвести душу с Королевой Шлюх. Не мог насладиться ее долгой и мучительной смертью. Оставалось только одно: быстро убить подругу на глазах девочки, словно крысе, снести ей голову лопатой.

Говнючка, возможно, не захотела бы на это смотреть. Следовательно, предстояло не только привязать ее к креслу, но и закрепить голову и липкой лентой зафиксировать веки, чтобы она не сумела закрыть глаза.

Престон мог уделить несколько минут, лишь несколько, на пытку девочки. После чего собирался оставить ее привязанной

в кресле и ретироваться, запалив лабиринт. Пусть подыхает с выключенным телевизором. Не придется ей в последние минуты наслаждаться кадрами «Прикосновения ангела».

Уходя, он собирался рассказать говнючке, как страдал ее брат. Собирался спросить, куда подевался любимый ею Бог, когда Он ей так необходим? Спросить, возможно, Бог в этот самый момент играет в гольф с ангелами или почивает? А потом оставить наедине с дымом и пламенем. Оставить там, где ее крики смогут услышать только деревянные индейцы, предлагающие купить сигары.

За долгие годы, помогая уйти из жизни людям с суицидальными тенденциями и без оных, Престон открыл для себя, что, во-первых, дикий зверь, живущий в нем, обожает насилие, а во-вторых, убивать молодых куда приятнее, чем отделываться от стариков. Так что дома престарелых не шли ни в какое сравнение с палатами новорожденных. Он не мог это объяснить, знал только, что с ним дело обстояло именно так. Для себя он полагал сие истиной. В конце концов, объективных истин не существует, истины есть только субъективные. И, с чем соглашается большинство специалистов по этике, ни одна философская система не является главенствующей для другой. Мораль не есть понятие относительное. Морали просто нет. Жизненный опыт относителен, и ты не можешь судить жизненный опыт других, если сам решил пройти по жизни другой тропой. Ты одобряешь удовольствие, которое я получаю, убивая молодых, я с пониманием отношусь к твоей страсти к боулингу.

Он не мог провести с Рукой несколько приятных во всех отношениях часов, на что очень рассчитывал, испытывал по этому поводу горькое разочарование, но знал, что переживет эту неудачу, учитывая беременность Черной Дыры и большую вероятность того, что она носит под сердцем двух, трех, а то и больше младенцев, еще более покалеченных, чем Рука или Дохляк, которые потребуют от мира гораздо больше, чем могут дать ему сами. На ближайший год ему будет чем заняться, чем поразвлечься, он еще доберет то, чего лишался сейчас.

Рука моргнула. Медленно, но верно к ней возвращалось сознание. Пока девочка еще не могла сообразить, что к чему, Престон, собрав волю в кулак, заставил себя отнести ее в середину устроенного в гостиной лабиринта. Коснулся говнючки, пусть

его и затрясло от отвращения, поднял на руки и понес по черным туннелям, воняющим гнилью, плесенью и мышиной мочой.

В комнате, где стояли телевизор и кресло, на полу словно совершили ритуал вуду. Везде валялись птичьи кости, состриженные человеческие ногти, с пальцев и рук, и ног, и волосы.

А вот Королева Шлюх исчезла.

Крепко связанная, без сознания, оставленная на двадцать минут (*всего на двадцать минут!*), которые понадобились Престону, чтобы съездить в Нанз-Лейк и вернуться с девочкой, эта спившаяся дрянь умудрилась все испортить. Но, с другой стороны, подобные ей ничтожества и обладали только одним талантом: все портить.

Далеко уйти она не могла. Ее автомобиль по-прежнему стоял около дома, ключи лежали в кармане Престона. Должно быть, она, по-прежнему связанная, уползла в лабиринт. Что ж, поиски не могли занять много времени.

Он положил Руку в кресло. Кривясь от отвращения, расстегнул ортопедический аппарат, снял с ноги. Если бы она и пришла в себя за время его отсутствия, то передвигаться смогла бы не быстрее Королевы Шлюх.

Престон взял ортопедический аппарат с собой. Хорошая дубинка.

Индеец в красно-белом головном уборе, гордо стоявший между колоннами из стопок «Сэтедей ивнинг пост», не предлагал сигары, но замахивался томагавком.

Ухватившись за индейца, Микки сумела подняться. Крепко связанная в лодыжках, она могла переставлять ноги лишь на долю дюйма. Правда, путь ей предстоял не длинный.

Напротив индейца, по другую сторону прохода, в нише в стене на круглом, в два фута столике стояла лампа под желтым стеклянным абажуром в виде колокола. Бронзовая защелка в виде головы улыбающегося херувима крепила абажур к центральной стойке лампы. Поскольку из-за провода, стягивающего путы рук и ног, Микки не могла разогнуться, поначалу она собиралась осторожно поставить лампу на пол. А потом резким движением рук просто сбросила ее со стола.

Абажур разбился вместе с лампочкой, отчего сумрак в этой части лабиринта сгустился еще больше. Осколки стекла звенели, прыгая по полу.

На мгновение Микки замерла, напряженно прислушиваясь. В доме-могиле падение лампы отозвалось грохотом разорвавшейся бомбы. Она ожидала услышать тяжелые зловещие шаги, увидеть хранителя лабиринта, прибывшего в дом Тилроу прямиком из фильма «Байки из склепа», одетого в изодранный саван, недовольного тем, что его оторвали от обеда из дохлых жуков. Но если бы хранитель и прибыл, своей мерзостью он бы превосходил все то, что могла создать фантазия авторов, написавших сценарий «Склепа», потому что это был бы Престон Мэддок, чудовище, какого еще не носила земля.

Нагнувшись к самому полу, она подобрала несколько самых крупных осколков, большим пальцем все их проверила, выбрала самый острый.

Сначала принялась за провод, который стягивал путы запястий и лодыжек.

Пластмассовая изоляция резалась легко, с медью, металлом мягким, тоже не возникло проблем.

В тюрьме она поддерживала хорошую физическую форму, регулярно посещая тренажерный зал, так что теперь, улегшись на пол, легко забросила ноги на столик и занялась проводами, опутавшими ее лодыжки. Чтобы освободить ноги, ей потребовалась лишь пара минут.

Примериваясь, как резать провода, стягивающие запястья, она услышала какой-то шум. Потом что-то с грохотом упало на пол и хлопнула дверь.

Мэддок вернулся.

Скрючившись в грязном кресле, Лайлани не знала, где находится и как сюда попала, но, еще плохо соображая, что к чему, уже поняла, что едва ли рядом появится служанка с чашкой крепкого чая и тарелкой пирожных.

Где бы она ни была, со здешней вонью не могла сравниться даже самая противная из выводящих токсины горячих ванн Синсемиллы. Более того, запах стоял такой, будто сюда свозились те самые токсины, которые дорогая маман долгие годы выводила из своего тела. Может, именно так и пахло бы от инку-

батора чудо-детей, если бы она регулярно не вымачивала свои грехи.

Лайлани соскользнула на край кресла, встала... и упала. На уровне пола вонь усилилась многократно, и только невероятным усилием воли ей удалось вновь не лишиться чувств.

У нее отняли ортопедический аппарат. Она находилась в нескольких шагах от свободы, от «Флитвуда», набитого инопланетянами. Мальчик, собака, амазонки, перспектива захватывающих дух приключений *без* злобных свинолюдей. И теперь эта вонь. Определенно, не обошлось без доктора Дума. Крошечные птичьи черепа смотрели на нее пустыми глазницами.

Никчемность Руки, ее жалкость, ее глубокие генетические нарушения копошились на всех плоских, закругленных, изогнутых поверхностях стального ортопедического аппарата, точно так же как множество бактерий копошатся на поверхностях общественного туалета.

Прекрасно образованный человек, Престон знал, что ее бесполезность и зависимость от других — абстрактные понятия, которые не оставляют выделений на вещах, к которым она прикасалась. Он знал, что ее генетические нарушения не передаются, как заразная болезнь. И тем не менее, когда его правая рука, в которой он держал ортопедический аппарат, стала липкой от пота, пока он рыскал по лабиринту в поисках Королевы Шлюх, он не сомневался, что мерзкие выделения Руки растворяются в его поте и через предательски открывшиеся поры могут проникнуть в тело. И в лучшие-то времена пот доставлял ему не меньше огорчений, чем моча, сопли и другие вторичные продукты, результат обмена веществ организма, но сейчас, когда его рука с каждым мгновением становилась все грязнее, антипатия к девочке переросла в отвращение, отвращение — в черную ярость, хотя такой мыслитель, как он, должен был ощущать себя выше этого. Но с каждым шагом, уводящим Престона в зловонное чрево лабиринта, *знания* имели все меньшее значение в сравнении с его *чувствами.*

По-прежнему со связанными руками, выставив перед собой острый осколок абажура, словно алебарду, Микки добралась до перекрестка коридоров, прижимаясь спиной к стене, прислушиваясь к малейшим звукам. Она двигалась бесшумно, как лягушка, воспользовавшись освоенной с детства технологией «стелс»*. Только так, превращаясь в призрака, молчаливого и невидимого, ей удавалось избежать внимания очередного плохиша, которых мать — одного за другим — приводила в дом.

На путы она больше не смотрела, понимая, что на освобождение от них уйдет время, как минимум несколько минут, и это занятие отвлечет ее от главного. Она, словно святой Георгий, попала в логово дракона, а пробудившийся дракон уже выслеживал ее.

У самого угла Микки остановилась. Следующий коридор, пересекающийся с ее под прямым углом, уходил направо и налево. И не хотелось, высунув голову, обнаружить там поджидающего ее Мэддока. Она помнила, как ловко, с какой смелостью совсем недавно он проник в дом Дженевы и обследовал его, пока она спала. Так что недооценивать врага она не собиралась.

И ее предположения тут же подтвердились, потому что он вдруг выругался, буквально в нескольких футах от нее, по левую руку, где, должно быть, стоял, вслушиваясь в тишину. Но потом, в приступе неконтролируемой ярости, что-то бросил, это «что-то» ударилось об пол, покатилось по нему и замерло аккурат на пересечении с коридором, в котором пряталась Микки, в нескольких дюймах от ее ног: ортопедический аппарат, коленный протез Лайлани.

Если бы Мэддок последовал за стальным ортопедическим аппаратом, они бы оказались лицом к лицу, и она смогла бы выжить, лишь полоснув его осколком по глазам, используя элемент внезапности. Если бы она промахнулась, порезав щеку или бровь, он бы просто прикончил ее, потому что со связанными руками она не смогла бы оказать сопротивление.

Микки затаила дыхание. Переместила тело, не шевельнув ногами, повернулась лицом к перекрестку, держа осколок наготове.

На левой руке она носила дешевый классический «Таймекс». Без электронных компонентов. Старомодные механические часы. Она могла поклясться, что слышит, как щелкают шестерен-

* От английского steals — прокрасться незаметно. Применительно к технике — оставаться невидимым для систем дистанционного обнаружения (радаров, гидролокаторов).

ки, зацепляя друг друга зубчиками. Раньше она никогда этого не замечала, но теперь улавливала и этот звук, настолько обострился ее слух.

После грохота брошенного на пол ортопедического аппарата установилась полная тишина. Мэддок, приближаясь или удаляясь, не издавал ни звука. А может, ждал, словно свернувшаяся кольцами, изготовившаяся к броску змея.

Гулко стучало сердце. От этих ударов тело вибрировало, как земля под несущимся табуном лошадей.

И все-таки что-то она слышала сквозь удары сердца, какие-то звуки проникали в мозг, отфильтровываясь от шума дождя по крыше, поэтому она знала, что в тишине что-то происходит, кто-то движется.

Ждать еще минуту? Две? Вечно ждать нельзя. Если стоять на месте, тебя найдут. Призраки, живые или нет, должны ускользать, находиться в постоянном движении.

Она наклонилась вперед, высунувшись на чуть-чуть, заглянув к коридор одним глазком.

Мэддок ушел. В следующем коридоре, справа и слева, никого не было.

Ортопедический аппарат означал, что Лайлани привезли сюда. И, должно быть, она жива, потому что Мэддок не стал бы снимать протез с трупа, только с живой девочки, с тем чтобы еще больше обездвижить ее.

Тяжелый выбор. Оставить коленный протез или попытаться взять его? Выводить Лайлани будет легче, если девочка сможет стоять и идти на двух ногах. Но ортопедический аппарат мог звякнуть, когда Микки попыталась бы его поднять. А кроме того, со связанными руками она не смогла бы нести протез и эффективно использовать осколок стекла в качестве оружия.

Микки наклонилась и все-таки схватила коленный протез, потому что с ним Лайлани не только чувствовала себя увереннее и крепче стояла на ногах, но и меньше боялась. Подняла медленно, осторожно. Ничего не загремело. Она прижала протез к телу, чтобы исключить малейший шум, и поднялась.

Поскольку Мэддок вымок под дождем, Микки видела, куда он отправился и откуда пришел. На голом деревянном полу — краска давно стерлась — вода не застаивалась на поверхности, а впитывалась в дерево, и за Мэддоком тянулась цепочка следов.

Микки не сомневалась, что он оставил девочку на пятачке около телевизора, где связал и бросил ее. И действительно, следы привели ее туда, но Лайлани она там не нашла.

Бутылки, везде бутылки, но ни в одной ни джина, ни записки, какую бросают в море с терпящего бедствие корабля. Только сухой осадок от испарившихся последних капель прохладительных напитков и пива. И хотя бутылки лежали многие годы, на крыльце повонивало.

Раненный, но не выведенный из строя, Ной в паре с Кэсс обогнули дом и нашли дверь на крыльцо черного хода открытой. Поднялись на него, с пистолетами наизготовку.

Трехмильной поездки от Нанз-Лейк не хватило, чтобы Ной успел познакомиться с историей близняшек. Узнал лишь, что раньше они выступали на сцене, а теперь увлеклись НЛО, поэтому они оставались для него загадкой.

Он не видел, как стреляют сестры, но с оружием они обращались профессионально, и Ной чувствовал, что Кэсс — напарник не хуже тех, с кем ему доводилось работать на службе в полиции.

Крыльцо стонало под весом бутылок, которые, проданные по пять центов за штуку, позволили бы хозяевам приобрести новенький автомобиль. Когда Ной первым вошел в узкий проход, бутылки мелодично зазвенели.

Зато дверь между крыльцом и кухней заперли на два замка. Один, с собачкой, легко открывался кредитной карточкой, но со вторым, врезным, прямоугольник пластика справиться не мог.

Им не осталось ничего другого, как предположить, что Мэддок то ли слышал, как подъехала их машина, и это несмотря на дождь и гром, то ли увидел их в окно. А потому не имело смысла бесшумно проникать в дом. С тем же успехом они могли в него и вломиться.

Бутылки, занимавшие чуть ли не все крыльцо, не позволяли развернуться, но Ною удалось как следует врезать ногой по двери. Удар отдался в плече, но он ударил второй раз, потом третий. Дверная коробка, подточенная сухой гнилью, не выдержала, дверь распахнулась.

Три удара потрясли дом, и Престон сразу понял, что надежда хоть немного потешиться с девчонкой испарилась как дым.

Королева Шлюх такой шум поднять не могла. Она находилась в доме, искала выход и определенно не стремилась привлекать к себе внимание. Существовала малая вероятность того, что она уже нашла выход из лабиринта, но в этом случае ей не потребовалась бы кувалда, чтобы выйти из дома.

Престон не слышал сирен, никто не кричал: «Полиция!» Однако он не заблуждался насчет того, что какой-нибудь воришка решил воспользоваться грозой, чтобы забраться в дом Тилроу. В дом вошли с одной целью: остановить его, Престона Мэддока.

Он прекратил поиски Королевы Шлюх, едва их начав, и повернул назад по своему следу, стремясь поскорее добраться до кресла, на котором оставил Руку. Возможно, ему хватило бы времени, чтобы задушить эту уродливую маленькую сучку, хотя от непосредственного контакта его могло вырвать, а потом скрыться, воспользовавшись знанием лабиринта. Он не мог позволить ей остаться в живых, потому что она стала бы единственным свидетелем против него, если бы убедила кого-либо прислушаться к ее словам.

Полли хочет, чтобы Кертис оставался во взятом напрокат автомобиле Ноя, но галактическая королевская особа всегда может настоять на своем.

Кертис хочет, чтобы Желтый Бок осталась в автомобиле, и он легко добивается результата там, где Полли признает свое поражение, потому что ставшая ему сестрой — хорошая, очень хорошая собака.

Двор, лишенный травы, превратился в вязкое месиво, в котором вязнет обувь. С трудом вытаскивая ноги из чавкающей грязи, они пересекают его, когда молния ударяет в сосну, растущую в ста футах от дома. Ярко вспыхивает пламя, которое тут же тушат потоки дождя. Гром рвет барабанные перепонки.

На крыльце Полли дергает за ручку, но дверь заперта. Она достает из сумки пистолет, просит Кертиса отойти.

— Это, конечно, круто, вышибить замок,— отвечает мальчик,— но мой способ проще, а мама всегда учила меня, что самая простая стратегия обычно и самая лучшая.

Он прикасается обеими ладонями к двери, сосредоточивается, и на микроуровне молекулы врезного замка вдруг решают, что им пора поменять местоположение, так, чтобы не мешать двери открыться.

— Могу я этому научиться? — спрашивает Полли.

— Нет,— отвечает он и толкает дверь.

— Надо быть космическим мальчиком, таким, как ты, да?

— У каждого вида свои таланты,— отвечает он, позволяя ей войти первой, с пистолетом наготове, потому что она оттесняет его в сторону и не оставляет выбора.

Мумии обрамляют холл. Индейские мумии, набальзамированные стоймя, в парадной одежде, в головных уборах из перьев.

В задней части дома Ной или Кэсс вышибают дверь и, секундами позже, появляются в дальнем конца холла, изумленно таращась на мумии.

Полли дает им сигнал проверять комнаты с их стороны, а Кертису говорит:

— Сюда, сладенький.

Он следует за ней в коридор, который куда интересней всего того, что ему уже довелось увидеть в этом мире, но... о господи... это аккурат то самое место, где серийные убийцы собираются десятками, чтобы обменяться воспоминаниями о совершенных ими жестокостях.

Лайлани нет на пятачке с телевизором, но Микки видит ее влажные следы, как и другие, Престона Мэддока. Вот тут девочка покачнулась, упала, поднялась снова, оставив мокрое пятно от одежды.

Микки идет по следу сначала в один короткий коридор, потом в другой, двигаясь быстрее, чем того требует осторожность, в страхе, что девочка может наткнуться на Престона.

Конечно же, мерзавец привез ее сюда, чтобы убить, точно так же как привез Микки, чтобы расправиться с ней без лишних свидетелей. Не захотел ждать, пока они приедут в Монтану. И, должно быть, именно ее появление заставило Мэддока скорректировать свои планы.

Дом потрясли три громких удара, определенно не раскаты грома, но такие мощные, словно кто-то хватил по нему кувалдой.

Шум испугал Микки, потому что она понятия не имела, какова его причина. Кого-то убили? Мэддок торжествует? Лайлани мертва?

Микки обогнула очередной угол и увидела девочку в шести футах от себя. Держась рукой за стену, хромая, она все дальше уходила от пятачка с телевизором, маленькая, но уверенная в себе, с гордо поднятой головой, готовая бороться до последнего.

Почувствовав чье-то присутствие, Лайлани обернулась, увидела свою верную подругу, и ее лицо осветилось радостью, которую Микки не забыла бы никогда, даже если бы прожила пятьсот лет и Господь лишил ее в старости всех остальных воспоминаний. Пусть Он берет все остальные воспоминания, но этого выражения лица Лайлани в тот знаменательный момент она бы не отдала Ему никогда, потому что оно поддерживало бы ее, даже когда к ней заявится сама смерть.

Когда Мэддок обнаружил, что Руки нет ни в кресле, где он ее оставил, ни на пятачке с телевизором и диваном, он решил поджечь лабиринт.

Собственно, вдоволь попытав Руку, он и собирался оставить ее живой, чтобы последние минуты жизни она провела в ужасе перед приближающимися языками пламени, в дыму, вытесняющем воздух из ее легких. Потешиться не удалось, но он еще мог получить удовольствие, стоя под дождем и слушая ее крики, доносящиеся из объятого пламенем лабиринта.

Стопки газет и журналов — лучшего топлива не найти. На поцелуй газовой зажигалки они отреагировали со всей страстью. Сложенные как кирпичи, гореть они могли долго, не один час.

Обходя пятачок, он поджег бумагу в пяти или шести местах. Он никогда не убивал огнем, разве что мальчишкой, когда сажал жуков в банку, а потом бросал в нее горящие спички. До чего же красивы яркие языки пламени, поднимающиеся по стенам!

Увидев, что кресло пустует, Мэддок заметил мокрые следы говнючки, уводящие в лабиринт. И последовал за ней, останавливаясь через каждые несколько шагов, чтобы поднести зажигалку к бумажным стенам.

Ни у одной из них не было времени для слез, но обе расплакались, пусть и много повидавшая и пережившая Микки, и опасная юная мутантка всегда старались, чтобы никто из посторонних не видел их слез.

Слезы не замедлили движений Лайлани, которая осколком желтого стекла перерезала провода, стягивающие запястья Микки. Она уложилась, наверное, в полминуты. Столько же ушло на то, чтобы застегнуть на ноге ортопедический аппарат.

Когда они вновь могли уходить от Престона, лабиринт уже горел. Пламени Лайлани не видела, но сполохи отражались на потолке, словно полчища ярко окрашенных хамелеонов забегали по побелке.

Ничего не бойся. Таков девиз любителей серфинга. Да, конечно, но разве кто-либо из них, готовясь «поймать» большую волну, тревожился из-за того, что может сгореть?

Они двинулись назад, но одновременно заметили на полу мокрые следы и без обсуждения пришли к одинаковому выводу: Престон может пойти по следу Лайлани, как пошла по нему Микки.

По правде говоря, найти дорогу к выходу было не сложнее, если бы они пошли в другом направлении. Но, к сожалению, и не проще.

Сполохи огня на потолке уже прятались в клубах поднимающегося дыма, но и Микки, и Лайлани понимали, что этот дым скоро начнет опускаться, заполняя коридоры лабиринта.

Микки одной рукой обняла девочку за плечи, поддерживая ее, и они двинулись с максимальной скоростью, какую позволяла развить нога киборга. На перекрестках поворачивали то направо, то налево, а то, если существовала такая возможность, шли прямо, руководствуясь интуицией, которая в итоге завела их в тупик.

Два из трех университетских дипломов Престон защищал по философии. Следовательно, достаточно долго изучал логику. Он хорошо помнил один из курсов, львиную долю которого занимала логика лабиринтов. Если эти трехмерные ловушки проектировались образованными математиками или логиками, которые использовали приобретенные знания, с тем чтобы запутать людей, только очень немногие испытуемые могли са-

мостоятельно найти выход из лабиринта, а остальных приходилось выручать с помощью сотрудников. С другой стороны, если лабиринт проектировался не математиком или логиком, а обыкновенными людьми, эти не столь изощренные строители действовали на основе предсказуемых схем, потому что руководствовались интуицией, а не возможностями, которые открыли бы перед ними достижения математики и логики. Должно быть, в подсознании каждого человеческого существа заложены некоторые стандартные схемы, которые обычно и использовались при создании лабиринта. Возможно, это рисунок первых систем пещер и туннелей, которые строили размножающиеся человеческие семьи. А может, план самого первого из человеческих домов, отпечатавшийся в генах.

Эта загадка интриговала как психологов, так и философов, хотя Престон никогда над ней не задумывался.

Жаба с фермы Тилроу по многим параметрам не мог считаться обыкновенным человеком, но при сравнении его мысленных процессов с математиком, получившим образование в Гарварде, он, конечно, ничем не выделялся среди ординарных людей. Проходя лабиринтом Жабы, Престон нисколько не сомневался, что построен он по классическому образцу.

Следуя плану, который сохранился у него в голове с тех давних занятий, он постоянно зажигал бумагу за спиной, отрезая себе путь назад. И когда клубы серого дыма начали сгущаться, меняя цвет на черный, когда от волн жары на теле выступил пот, он прибыл к тупику, в который загнали себя Рука и Королева Шлюх.

Он не свернул в этот коридор, прошел бы мимо, если бы не ухватил их периферийным зрением. Когда вернулся назад и загородил проход, женщина и девочка сжались от страха, кашляя, щурясь на него сквозь спускающийся дым.

А он шагнул к ним, заставляя отступать все дальше и дальше. А потом, дойдя до середины коридора, начал отступать, зажигая перед собой стены.

Словно вернулся в детство. Жуки в банке.

Когда внезапно появляется огонь и начинает распространяться с огромной скоростью, Полли хочет идти в глубь лабиринта, возможно, слишком уж войдя в роль суперженщины, пусть на ней и нет плаща.

Кертис ее останавливает.

— Девочка там,— напоминает она ему, словно он — Гамп и забыл, ради чего они сюда пришли.— И Кэсс, Ной. Они, возможно, слишком углубились в лабиринт со своего конца.

— Ты возвращайся назад тем же путем, каким мы пришли, пока дым не стал слишком густым и не скрывает наши отметины.— На каждом повороте он маркировал стены помадой Полли, с надписью «Строуберри фрост» на тюбике.— Я найду остальных.

— Ты? — недоверчиво переспрашивает Полли, потому что, пусть и зная, что он — Ип, она видит в нем мальчика и, несмотря на то что он ей говорил, думает, что это единственное его обличье и оно уязвимо для огня.— Сладенький, ты не пойдешь туда один. Слушай, ты вообще туда не пойдешь.

— Я и представить себе не могу, что представительница славной семьи Спелкенфелтер испугается меня,— отвечает ей Кертис,— но обещай, что не испугаешься.

— Что ты такое говоришь? — спрашивает она, переводя взгляд с него на огонь впереди.

Он показывает, о чем говорит. Кертис Хэммонд исчезает, уступая место не какой-либо из многих жизненных форм, в которые он может обращаться, а той единственной, в которой родился, способной передвигаться куда быстрее, чем Кертис, и обладающей более острыми органами чувств. Зрелище это фантастическое.

И он бы не удивился, если бы Полли потеряла сознание. Но она, в конце концов, Спелкенфелтер, поэтому ее качает, но ей удается удержаться на ногах. А потом, словно вспомнив историю, которую он рассказал им за китайским обедом в Туин-Фолс, она восклицает: *«Святые дьяволы!»*

Микки, прижатой к глухой стене тупика, не хотелось вступать с Престоном Мэддоком в схватку и потому, что он сильнее, и потому, что у него зажигалка. Она боялась, что он подожжет их одежду.

Язычки пламени ползли по стенам в конце коридора. Через минуту они соединились, образуя завесу смерти.

Дым сгущался с каждой секундой. Она и Лайлани кашляли. Горло уже резало, как ножом. Еще немного — и дышать они бы

могли разве что лежа на полу. Но как только им пришлось бы лечь на пол, на их шансах выжить можно было ставить крест.

Микки повернулась к глухой стене, попыталась вытащить из нее газеты и журналы, в надежде попасть в другой коридор, по которому еще не распространяется пламя. Но пачки так слежались, что ей не удалось сдвинуть с места хотя бы одну.

Ладно, хорошо. Тогда надо ее завалить! Пачки просто лежат друг на друге, не так ли? Никто их не цементировал. Не укреплял стальной арматурой.

Она ткнулась плечом в стену, но у нее создалось ощущение, что стена такая крепкая, как все постройки фараонов. Проходя мимо торцов некоторых стен, она видела, что они состоят как минимум из двух, а то и из трех слоев бумажных пачек, проложенных листами гипсокартона или фанеры. Возможно, внутри находились и другие упрочняющие элементы. Микки попыталась раскачать стену, в надежде, что пачки начнут сыпаться, но и с этим ничего не вышло.

Стараясь увидеть Мэддока сквозь пламя, она оттолкнула Лайлани в сторону и собрала волю в кулак. У нее не осталось вариантов, кроме как прорваться сквозь огонь и атаковать Мэддока. Врезаться в него, с силой ударить ногой по голове, если он упадет... потому что, если упадет она, он ударит ее.

Бумага, разгораясь, что-то шептала, то есть она потрескивала, лопалась, шипела, но и шептала, словно делилась напечатанными на ней секретами, называла имена, источники информации.

Престон понял, что он слишком задержался в этом дыму и жаре, когда горящая бумага начала перечислять имена и фамилии тех, кого он убил.

Задымленный воздух все еще оставался пригодным для дыхания. Но с дымом в легкие попадали токсические вещества, выделяемые горящей бумагой, невидимые в отличие от сажи, но не менее опасные. При производстве бумаги использовались самые различные химикалии, огонь высвобождал их и превращал в эффективные яды.

Если ему слышались имена и фамилии тех, кого он убил, значит, вдохнул достаточно токсинов, чтобы они начали действовать на его мозг. А потому следует как можно скорее уходить отсюда, пока не потерял способность ориентироваться.

Он, однако медлил, потому что вид Руки и Королевы Шлюх, пойманных в тупике, завораживал. Он надеялся, что они попытаются выбежать, прорваться сквозь огненную завесу. Возможно, пламя перекинется на их волосы, одежду, они превратятся в живые факелы, ему никак не хотелось пропустить такое зрелище. Пропитавшаяся водкой Королева Шлюх прижала к себе девочку. Вроде бы пыталась прикрыть ее своим телом, прорываясь сквозь огонь, как будто от нескольких новых шрамов Рука стала бы еще более уродливой.

И тут часть боковой стены между ними и Престоном обрушилась в проход, подняв снопы искр, похожих на светляков, и облако сажи. Теперь они могли выйти только по пылающим газетам и журналам.

Судьба перекрыла им единственный выход, они отступили к глухой стене.

Жить им оставалось три минуты, максимум пять, прежде чем черный дым окутает их, прежде чем они превратятся в живые свечи. Престон не решился ждать последнего акта, опасаясь, что не успеет выбраться из горящего дома.

Разочарование тяжелым камнем легло на его сердце. Их страдания, увиденные собственными глазами, доставили бы ему безмерное наслаждение и, таким образом, увеличили бы общий объем счастья в этом мире. Теперь они умрут зазря, так же, как жили.

Он утешил себя мыслью, что Черная Дыра выращивает в своем чреве новую порцию уродов.

Едва Престон отвернулся, оставляя этих тварей на милость огня, женщина во весь голос начала звать на помощь. Возбужденный отчаянием, переполнявшим ее голос, он на мгновение остановился.

Ответный крик, донесшийся откуда-то из лабиринта, заставил его вздрогнуть.

Он забыл про три громких удара, означавших, что кто-то взломал дверь,— еще одно свидетельство того, что отравленный воздух воздействует на его мозг, мешает мыслить логично.

Окрыленная надеждой женщина кричала снова и снова, превращая свой голос в маяк.

Ей снова ответили, перекрывая треск пламени, и слева от Престона, в десяти ярдах, из соседнего прохода появился круп-

ный мужчина в цветастой гавайской рубашке, с револьвером в руке.

Без единого слова, пренебрегая всеми моральными нормами, этот сукин сын выстрелил в Престона. Они знать не знали друг друга, этот негодяй видел его впервые и вот безжалостно, без малейшего колебания нажал на спусковой крючок.

Когда Престон увидел, что незнакомец поднимает револьвер, он понял, что должен броситься назад и направо, но по натуре предпочитал мысли — делу, и, прежде чем успел шевельнуться, попавшая в него пуля наказала Престона за нерешительность. Он покачнулся, упал, перекатился на живот и пополз от стрелявшего мужчины, от тупика, в котором поджаривались женщина и девочка, за угол, в другой коридор лабиринта, сокрушенный силой пронзившей его боли. Никогда раньше он так не страдал и не ожидал, кто когда-либо на его долю выпадут такие мучения.

— Мы здесь! — прокричал Ной Микки и девочке.— Держитесь, мы вас вытащим.

Занявшись лишь несколько минут назад, огонь удивительно быстро распространялся по передней части дома. Ной не верил в существование сверхъестественных сил, не вздрагивал и не закрывал глаза от страха, если смотрел фильм ужасов, но тут не мог отделаться от ощущения, что этот огонь *другой*, не такой, как все, живой, хитрый, коварный. Бродящий по лабиринту с определенной целью. Ищущий не только горючее, чтобы набить свою бездонную утробу. Он знал, что иной раз пожарные испытывали такие же чувства, называли такой огонь Зверем. Когда пламя шипело на него, даже из других, далеких коридоров, ему казалось, что он слышит урчание, фырканье, рычание, то есть звуки, которые вполне мог издавать затаившийся в лабиринте зверь.

Дверь на крыльцо и дверь между крыльцом и кухней остались открытыми, когда он и Кэсс вломились в дом. Внутренние двери давным-давно сняли. И теперь горячий воздух вырывался в холодный день, тащил вместе с собой по коридорам дым, сажу, горящую бумагу, продвигая фронт пламени к источнику кислорода.

Пока огонь бушевал только в передней части дома. Однако зона пожара медленно и неуклонно расширялась.

Кровью, сочащейся из раны, Ной метил маршрут, по которому они продвигались меж бумажных стен. Он уже опасался, что дым скроет от них оставленные им алые маркеры, если в самом ближайшем времени они не повернут назад.

Прищурившись, он заглянул в коридор, около которого только что стоял Мэддок. Примерно десять футов длиной. Первые четыре фута горели. На полу — пылающие пачки газет и журналов. Микки и девочка в самой глубине, видимые сквозь пламя. С этой стороны подобраться к ним не представлялось возможным.

Схватив Ноя за гавайскую рубашку, Кэсс потянула его в сторону и рукой показала, что только одна из стен тупика упиралась в расположенный на высоте девяти футов потолок. Вторая стена, отделявшая тупик от коридора, по которому они шли, была на два фута ниже.

Вернувшись в коридор, откуда он вышел, прежде чем застрелить Мэддока, Ной убрал револьвер в кобуру, Кэсс, высокая и сильная, подсадила его, и с ее помощью он оказался на стене, за которой стояли в тупике Микки и девочка.

Поднимаясь, Ной собирался спрыгнуть при первых признаках того, что пачки газет и журналов обрушатся на тех, кого он собирался спасать. Прочностью стена конечно же уступала железобетону, но Ноя выдержала, не шелохнулась под его весом. На вершине, в узком зазоре между потолком и бумажными пачками, с ногами, болтающимися в коридоре, где ждала Кэсс, улегшись грудью на стену, он оказался в куда более густом дыму, который щипал глаза, заставляя их слезиться. Подумал, что лучше не дышать, чтобы в легкие попало как можно меньше всякой дряни. Но не мог проделать всю операцию на одном вдохе.

Каждая секунда, каждое мгновение приближали его к смерти.

Боль от раны, нанесенной скальпелем, стреляла по всей руке. Боли он только радовался, в надежде, что она компенсирует отупляющее воздействие дыма, поможет сохранить боеготовность.

Ной посмотрел вниз. В ярде справа огонь бушевал на полу и поднялся по стенам до самого потолка. От жара пот на правой руке сразу же высох, оставив на коже корку.

Под ним семифутовая стена еще не занялась. Когда Ной появился над ней и протянул вниз руки, Микки вскинула голову. Чихнула. Ее лицо находилось менее чем в двух футах от его. На правой половине лица и на волосах запеклась кровь.

Без секундной задержки Микки подняла Лайлани, и по искаженному лицу женщины Ной видел, какой дикой болью отозвалось это движение в ране на голове.

Он подхватил девочку, потянул на себя. Она помогала ему, как могла. Ухватилась за левый рукав, как за перекладину лестницы, вцепилась в верхнюю пачку на стене, протиснулась мимо Ноя в коридор, где Кэсс уже тянула руки, чтобы опустить девочку на пол.

Ной тем временем ухватил Микки под мышки, и она последовала за Лайлани. Веса в ней было больше, и никто не помогал ей снизу. Единственное, что она могла, так это упираться ногами в стену, и Ной чувствовал, что стена под ними начинает шататься.

Теперь он задерживал дыхание не только потому, что боялся надышаться канцерогенами, но и из опасения, что вместе с бумажными пачками они рухнут или в горящий тупик, или на Кэсс и девочку.

Осознавая опасность, Микки осторожно проскользнула мимо него в зазор между стеной и потолком.

По правую руку огонь подбирался к нему сквозь пачки, сократив расстояние вдвое. Волосы на правом предплечье, затвердевшие от высохшего пота, торчали, как сотни крошечных факелов, готовых вот-вот вспыхнуть.

Подавшись назад, Ной ударился головой о потолок. Застыл, когда бумажная стена заходила под ним ходуном. Продолжил движение, лишь когда она успокоилась. Потом спрыгнул вниз, в безопасный, свободный от пламени коридор, где ждали остальные.

Безопасный, как «Титаник». Безопасный, как Хиросима 6 августа 1945 года. Безопасный, как ад.

Спасательная операция заняла максимум полторы минуты, но за это время ситуация значительно ухудшилась. Переднюю часть дома поглотила ночь, точнее, не ночь, а цунами черной воды. Цунами пока не надвигалось на них, казалось, зависло, сдерживаемое неведомыми силами. Вены красного огня вдруг

открывались в этой темноте, потом исчезали, чтобы тут же появиться в другом месте. Но чувствовалось, что цунами все набирает и набирает мощь и скоро уже никто и ничто не сможет его сдержать. Почерневшие страницы старых журналов, превращенные в золу, лениво плыли по воздуху у них над головой, словно скаты, ищущие добычу. Их сопровождали стайки неонов-искорок, которые где-то ударяли в стены и исчезали, а где-то зажигали новые огни. Пока их не тянуло вниз, к волосам и одежде, но со временем они наверняка обратили бы внимание и на эту добычу. Жара не просто вышибала пот, от нее пересохло во рту, трескались губы, першило в носу.

Все кашляли, сморкались и чихали, выплевывая черную слюну и серую мокроту.

— *Пошли отсюда, быстро!* — распорядилась Кэсс и двинулась первой.

Лайлани и Микки последовали за ней.

Замыкая колонну, с револьвером в руке, на случай, что Мэддок вдруг захочет еще раз проявить себя, Ной видел всполохи огня и в задней части дома, которых не было, когда они входили в лабиринт. Оставалось только надеяться, что пламя не отрежет их от кухни.

Поворот за поворотом, по коридорам лабиринта, словно исследуя извилины головного мозга, Престон выбирал путь, согласно его пониманию классической схемы лабиринта, отпечатавшейся в родовой памяти человека, которой следовали все без исключения ординарные строители лабиринтов. Может, Жаба, несмотря на широкие штаны с нагрудником и спутанную бороду, не был ординарной личностью, скорее недочеловеком, а может, воспоминания о том, что он когда-то учил, стерлись в памяти Престона, да только с продвижением к выходу не вытанцовывалось, не раз и не два у него возникали подозрения, что он вновь оказывался там, где уже побывал.

Вину, пожалуй, следовало возложить на огнестрельную рану, из которой текла и текла кровь, или на качество воздуха, но не на провалы в памяти или неспособность Жабы черпать информацию из глубин подсознания. Черная Дыра частенько волновалась из-за ухудшения состава атмосферы, которую постоянно портили костры, барбекю, пердеж коров, выхлопы

внедорожников, средства очистки воздуха и многое, очень многое другое. Воздух в горящем доме становился все более мерзким. Должно быть, в нем содержалось больше психоактивных токсинов, чем во всех наркотиках Дыры. Дыра, старушка Дыра, при всех ее недостатках, иной раз говорила дело. Престон испытывал опьянение, бумажно-химическое опьянение, усиленное жарой и дымом, создающими в этих катакомбах с деревянными индейцами атмосферу опийной курильни, хотя запашок был не из приятных и никто не поставил здесь койки для тех, кто уже выкурил, сколько мог или хотел, и желал отдохнуть. Ему тоже не помешало бы прилечь, расслабиться.

Он попытался определить, какие из этих стопок мусора могли быть навалены у стены дома, потому что за ними находились окна, а окна означали спасение от этой жары и чистый воздух, *насколько он может быть чистым в мире костров и барбекю.* К сожалению, он не мог сосредоточиться лишь на этой задаче. Только что он искал скрытые окна, а вот теперь стоит на очередном перекрестке, что-то бормочет, плюет на свои ботинки. Слюна. Как отвратительно. Так много жидкостей в человеческом организме. Вредных жидкостей. Его тошнит. Ему нехорошо... а потом он снова заглядывал за углы, искал не окна — искал чертовых загадочных пришельцев, которые ускользали от него все эти годы.

Большую часть жизни у него не возникало потребности верить в высший разум. Свой собственный он почитал высшим во всех аспектах. Полагал себя глубоким мыслителем, философом, уважаемым ученым, к чьему мнению прислушивался мир... но и сам прислушивался к мнению других уважаемых ученых, элиты, значимость которой для общества (по его оценке, да и по оценке большинства) не знала равных. Пять лет назад он узнал, что некоторые ведущие специалисты по квантовой физике и молекулярной биологии склоняются к удивительному для материалистов выводу: Вселенная предлагает разнообразные и неопровержимые свидетельства того, что она — продукт творения разума, и число таких ученых медленно, но неуклонно растет. Его мировоззрение получило жестокий удар, но он не мог позволить себе отмести эту информацию и по-прежнему убивать, радуясь жизни. Убивать он продолжал, но уже не с той радостью, что прежде. Мэддок не мог принять гипотезу существования Бога, потому что она накладывала слишком много ограничений. Прежде всего восстанавливала понятия добра и зла и нормы морали, от которых прогрессивные утилитарные биоэтики с успехом очищали общество. Престон Мэддок не хотел жить в мире, созданном высшим разумом, где каждая человеческая жизнь имела смысл и предназначение. Престон Мэддок отвергал этот мир, считая себя хозяином собственной судьбы, единственным судьей своих деяний.

К счастью, в самом разгаре интеллектуального кризиса Престон наткнулся на полезную цитату Фрэнсиса Крика*, одного из двух ученых, получивших Нобелевскую премию за открытие двойной спирали ДНК. Переживая собственный кризис, Крик убедил себя в отсутствии всеобъемлющих научных доказательств того, что в основе эволюции лежит естественный отбор, *поскольку жизнь даже на молекулярном уровне настолько* сложна и не поддается изменениям, что ее создание не могло обойтись без участия высшего разума. Из этого Крик, которому тоже очень не хотелось верить в существование Бога, сделал следующий вывод: все жизненные формы на Земле, флора и фауна, вся экосистема созданы не Богом, а инопланетной цивилизацией, обладающей намного более развитым интеллектом и невероятными возможностями, цивилизацией, которая также могла создать и эту Вселенную, и другие.

Инопланетяне.

Инопланетные создатели миров.

Таинственные инопланетные создатели миров.

Если эта версия устроила Фрэнсиса Крика, нобелевского лауреата, она в полной мере подходила и Престону Клодию Мэддоку. Инопланетных создателей миров нисколько не заботило, что их создания творят со своими жизнями, точно так же как мальчишку, ворошащего муравейник, не заботит, по каким законам живут тамошние муравьи.

Более того, Престон выдвинул гипотезу, объясняющую, почему инопланетная цивилизация с невероятно развитым интел-

* Крик, Фрэнсис Харри Комптон (р. 1916) — английский биофизик и генетик. В 1953 г. вместе с Дж. Уотсоном создал модель структуры ДНК (двойную спираль). Нобелевскую премию получил в 1962 г., совместно с Дж. Уотсоном и М. Уилкинсом.

лектом и беспредельными возможностями может создавать во Вселенной миры и заселять их различными формами жизни, в том числе и разумными. Хорошую гипотезу, умную гипотезу, блестящую гипотезу.

Престон знал, что он очень умен, настоящий гений, но, стоя в коридоре лабиринта, плюя на свои ботинки, он не мог вспомнить свою великолепную гипотезу, ни одного слова.

Плевать на ботинки? Отвратительно.

Ему не следовало стоять и плевать на ботинки, потому что он еще не нашел окно. Окна в любом доме прорубались по классической схеме, аж с каменного века, и схема эта накрепко впечаталась в родовую память человечества, так что найти их не составляло труда даже в этой странной и шумной опиумной курильне.

Окна. Спрятанные окна. Надо найти одно из этих таинственных спрятанных окон. И, скорее всего, где-то за этими стенами прячется и инопланетянин, улыбающийся во весь рот создатель миров.

Он знал, кто они такие. Он знал, чего они добиваются. Извращенная банда невероятно умных и могущественных старых пердунов.

Его гипотеза, да, теперь он ее вспомнил, его блестящая гипотеза заключалась в следующем: они строят миры и заселяют их жизнью, потому что кормятся страданием живых существ, которых и создали. Получают наслаждение, сравнимое с оргазмом. Блестящая гипотеза, не какая-то ерунда. Они создали нас, чтобы мы умирали, умирали десятками миллиардов на протяжении столетий, потому что наши смерти что-то им приносили, обеспечивали чем-то важным. Может, в момент смерти живого существа высвобождалась какая-то энергия, энергия, недоступная восприятию человека, которую они использовали для того, чтобы приводить в движение свои космические корабли или тостеры, а может, впитывали сами, чтобы обеспечить себе вечную жизнь. Или, будучи настоящими утилитариями, следуя во всех своих начинаниях законам биоэтики, создали нас, с тем чтобы мы приносили им пользу, от момента рождения до самой смерти, и чтоб ничего не пропадало.

До этого ты не додумался, Фрэнсис Крик. До этого не додумался ни один из нобелевских лауреатов. Академический мир

наградил бы его не только жалкой Нобелевской премией, но и всеми остальными, если бы он смог представить доказательства своей гипотезы.

Чтобы найти подтверждения собственной правоты, Престон и провел последние четыре с половиной года, колеся по стране, от одного места, где видели НЛО, к другому, встречаясь с теми, кого похищали инопланетяне, от захолустья Арканзаса до Сиэтла, бывая и в пустынных горах, и на густонаселенных равнинах, стремясь подняться на левитационном луче и вынести свою гипотезу на суд невероятно умных создателей миров в широких штанах с нагрудниками и в соломенных шляпах. Поэтому он и приехал в Нанз-Лейк, только для того, чтобы разочароваться вновь, только для того, чтобы искать окно, плюя себе на колени.

Плевать себе на колени? Какая мерзость. Осталось только напустить в штаны. Возможно, он уже и напустил.

Однако, несмотря на всю его брезгливость, так оно и было: он сидел в каком-то углу этого странного места и набирал в рот черную мокроту и отхаркивал ее себе на колени. Он также оглашал свою гипотезу. Униженный тем, что кричит, словно уличный пьяница, он тем не менее не мог заставить себя замолчать, потому что, в конце концов, глубокий анализ явления и его философское осмысление и составляли суть его работы. Этим он всегда занимался. Такой была его профессия. Аналитик, мыслитель, убийца.

Стесняться он мог лишь одного: разговаривал сам с собой... но внезапно понял, что он, в конце концов, не один.

Слушатель нашелся.

Серый дым внезапно рассеялся, воздух разом стал чистым, и в этой чистоте возникло необыкновенное существо. Размерами с Руку, но не Рука. Такого существа Престон не мог себе и представить. Из семейства кошачьих, но не кошка. Из семейства собачьих, но не собака. Покрытое густой белой шерстью, блестящей, будто мех горностая, но шерсть эта чем-то напоминала перья... да, что-то в этом белом покрове было и от шерсти, и от перьев. На него смотрели круглые золотистые глаза, большие, как плошки, ясные и светящиеся, которые, несмотря на их красоту, повергли Престона в ужас, хотя он и понимал, что незнакомец не собирается причинять ему зла.

Когда существо заговорило, Престон не удивился, хотя сам голос, мелодичный, словно у мальчика в Венском хоре, поразил. Должно быть, существо слушало его болтовню, потому что задало вопрос: «У вашей гипотезы есть один минус. Если невероятно умные и могущественные инопланетяне создали этот мир и все живое, что на нем есть... кто создал инопланетян?»

Ответ ускользал от Престона, он сумел разлепить губы лишь для того, чтобы в очередной раз отхаркнуть черную мокроту.

Серый дым вновь заклубился вокруг него, незнакомец растворился в нем, исчез, блеснув напоследок желтыми глазами, единожды оглянувшись.

Престона охватило невыносимое чувство утраты.

Разумеется, это существо — фантом, рожденный его воображением, причины тому — потеря крови и интоксикация организма. Фантомы говорили редко. Этот говорил, пусть Престон уже и не помнил, что именно он сказал.

Огонь тускнел в пелене дыма, который из серого становился черным. Наверное, слишком много трубок с опиумом курились одновременно.

Из дальнего угла донеслось: *ба-а-а-ах!* Звук повторился: *ба-а-а-ах!* Раздался в третий раз: *ба-а-а-ах!* Словно какой-то великан медленно хряпал об стол костяшками домино. Зловещие звуки.

Он чувствовал приближающуюся смерть. Волна воздуха. Внезапная тьма, абсолютная. И уже никакого воздуха, только сажа, забивающая легкие.

Престон Мэддок закричал в черную подушку, закричал в ужасе, осознав, что пришел его час выделить толику энергии для звездолета инопланетных создателей миров.

Ба-а-а-а-а-ах...

Идущий последним в заднюю часть дома, навстречу огню, которого раньше там не было, Ной озабоченно оглянулся, посмотрел туда, где почерневшие страницы журналов летали, как скаты, где стайки неонов-искорок тыкались в стены, увидел, как черное цунами решительно двинулось по лабиринту, и закричал, точно так же как кричал много лет назад, когда тетя Лили подстрелила его.

Ба-а-а-а-а-ах...

Стены лабиринта рушились, пачки газет, журналов, прочий мусор вываливался из стен, вызывая дальнейшие разрушения.

Ба-а-а-а-а-ах...

Пол задрожал от третьего удара, на какое-то время последнего, но цунами приближалось, волна дыма, такого густого, что он скрыл огонь, который распространялся следом.

— Вниз! — закричал Ной.

Дым они обогнать не могли. Оставалось только упасть на пол, вдавиться лицами в истертые половицы, в надежде, что под черным облаком останется хотя бы тонкий, в дюйм толщиной, слой пригодного для дыхания воздуха.

Здесь, сейчас. О боже. Темнота такая же глубокая, как в пещерах или гробницах. И действительно, только тонюсенький слой вонючего воздуха у самого пола. Становящийся все менее тонким и более вонючим. Потом воздуха не стало вовсе, а потом...

Черное облако смилостивилось, вдруг отступилось от них, и они оказались на крохотном пятачке, где воздух пах, как в утреннем лесу, без малейшей примеси гари. Черный дым продолжал клубиться вокруг них, над ними, пролетал мимо, но не мог накрыть их, они словно попали в глаз тайфуна.

И прямо на них из черноты вышло существо такой завораживающей красоты, что Ной упал бы на колени, если б уже не лежал на полу. Ослепительно белое, как снег в горах, существо словно и не замечало грязи, по которой шло, а сажа не марала его белизны. Огромные блестящие золотистые глаза, которые вроде должны были повергнуть Ноя в ужас, потому что ничего подобного видеть ему не доводилось, наоборот, успокаивали и подбадривали, вызывали чувство умиротворенности. Он сразу понял, что незнакомец увидел его таким, каким не видел никто, заглянул в самые тайные глубины сердца и не отшатнулся от найденного там. Не ужас, не страх испытывал Ной, а благоговейный трепет. Его охватила радость, какой он не знал много лет, он вдруг понял, что жизнь для него не закончена, а только начинается.

Медленно поднимаясь, он посмотрел на Кэсс... Микки... Лайлани. И увидел, что они охвачены теми же чувствами, что и он. Волшебным был этот момент, и когда Ной услышал хлопанье крыльев, то были его крылья, крылья небывалого душевного подъема.

Удивительное существо приблизилось к ним, как леопард, но встало на задние лапы, как человек, оказавшись чуть выше Лайлани, с которой и заговорило, невероятно, голосом мальчика. Пожалуй, даже не мальчика вообще, а Кертиса Хэммонда.

— Ты по-прежнему лучишься, Лайлани Клонк.

— Ты тоже,— ответила девочка.

— Тебя нельзя сломить.

— Я пришла в этот мир сломленной.

— Только не сердцем.

Слезы выступили на глазах девочки, и Ной вместе с Микки и Кэсс придвинулись к ней. Он не знал, что здесь происходит, не понимал, как это волшебное существо может говорить голосом Кертиса Хэммонда, но отчаяние, которое уже давно не отпускало его, исчезло, и отпала нужда понимать что-либо еще, потому что мир для него изменился, окончательно и бесповоротно. Он коснулся плеча Лайлани, Кэсс коснулась его руки, Микки взяла руку девочки в свою.

Золотистые глаза обежали всех, прежде чем вернуться к Лайлани.

— Только не сердцем. Страдания не могут сломить тебя. Зло не может изменить. Ты рождена для великих дел, Лайлани Клонк, великих и удивительных. И будь уверена, я не мелю чушь.

Лайлани рассмеялась сквозь слезы. Отвернулась от своего спасителя, словно смутившись от слов, только что сказанных им, оглядела черный дым, клубящийся над защитным куполом.

— Эй, звездный мальчик, ловко ты разобрался с дымом.

— Дым — всего лишь частицы материи. На микроуровне, где сила воли побеждает, я могу передвинуть некоторые частички с того места, где они находятся, туда, где мне хочется их видеть. А молекул в дыме куда меньше, чем в штыре врезного замка. Это простой фокус. Да и вообще, я владею только тремя фокусами, и все они очень простые, зато полезные.

— Ты у нас лучше Бэтмена,— похвалила его Лайлани.

Улыбка у существа оказалась такой же лучезарной, как глаза.

— Ну, спасибо. Но фокус этот отнимает энергию, на ее восстановление потребуется много сосисок, так что нам лучше уйти отсюда.

Сквозь дым и огонь, под защитным куполом, они шли, ориентируясь на кровавые отметины, оставленные Ноем.

Пересекающиеся коридоры, кухня, заднее крыльцо, заваленное пустыми бутылками...

И наконец они увидели серое небо. Дождь все лил, но не такой сильный, как в тот момент, когда они входили в дом. Никогда раньше Ной так не радовался дождю: чистому, свежему, бодрящему.

Полли ждала во дворе, держа в руках мокрые одежду и кроссовки Кертиса. Сама промокшая до нитки, заляпанная грязью, она улыбалась, словно блаженная, не замечая дождя.

Золотоглазое существо направилось к Полли, его белая шерсть, похоже, отталкивала воду, взяло у нее одежду мальчика, потом повернулось, чтобы встретиться взглядом с остальными. Пусть не сразу, они все поняли и отвернулись.

Какие-то мгновения стояли молча, потрясенные случившимся, пытаясь осознать величие события, участниками которого они стали, а потом Лайлани засмеялась. Ее веселье заразило близняшек, Микки и даже Ноя.

— Что тут забавного? — спросило существо.

— Мы уже видели тебя голым,— сквозь смех ответила Лайлани.

— Только не в облике Кертиса Хэммонда.

— Приятно осознавать, что ты не из тех похотливых пришельцев, которые, приходя спасать мир, трясут перед всеми своим мужским достоинством.

Когда они на двух автомобилях отъезжают от фермы Тилроу, только редкие струйки дыма пробиваются из-под крыши да из нескольких щелей. А потом огненный смерч начинает вышибать окна, и черные клубы вырываются из них навстречу дождю.

Выехав на шоссе, они сворачивают к Нанз-Лейк. По пути им не встречается ни одной машины.

Выйдя из человеческого обличья и вернувшись в него, мальчик-сирота усиливает мощность энергетического сигнала, который могут засечь враги. Если худшие выродки не прекратили его поиски, этот сигнал может появиться на дисплеях их мониторов.

Поэтому по возвращении в кемпинг они намереваются немедленно тронуться в путь. Движение способствует маскиров-

ке, но Кертис сожалеет, что ему придется покинуть Нанз-Лейк, не увидев, как монахини катаются на водных лыжах, летают на парапланах, закладывают виражи на гидроциклах. Возможно, когда мир будет спасен, они еще смогут вернуться сюда и посмотреть, как монахини наслаждаются отдыхом.

Он смотрит в заднее стекло «камаро», чтобы убедиться, что Полли и Кэсс следуют за ними во взятом напрокат автомобиле Ноя. Да, Полли за рулем, Кэсс сидит рядом. Сумки, несомненно, рядом с ними, все лучше, когда оружие под рукой.

Если он потеряет близняшек, своих великолепных сестер, у него разорвется сердце, а потому он не должен их потерять. Никогда. И так он потерял слишком многих.

Микки ведет «камаро», Ной сидит рядом с ней. Лайлани делит с ним заднее сиденье, а Желтый Бок лежит между ними. Устав после заполненного множеством событий дня, собака спит.

Они молчат, занятые своими мыслями, и Кертис их хорошо понимает. Иногда общаться легко, иной раз — трудно, а случается, когда общение не требует слов.

Когда они прибывают в кемпинг, дождь прекращается. Умытые сосны блестят зеленью. На кронах сверкают мириады капелек-бриллиантов. Стволы и ветви темны, как шоколад. Уже поют птицы, чирикают воробьи, приветствуя окончание грозы. Это удивительный мир, и мальчик-сирота любит его всем сердцем.

Путь к «Флитвуду» ведет мимо «Превоста», и, когда они приближаются к дому на колесах, служившему тюрьмой Лайлани, Кертис видит припаркованные рядом «скорую помощь» и патрульную машину. Мигающий маячок последней не может заслонить собой красоту возвышающихся над ней деревьев, но напоминает Кертису, что в этом мире, пусть и прекрасном, больше тревог, чем покоя.

Полицейский, стоящий рядом с патрульной машиной, машет Микки рукой, предлагая побыстрее проезжать мимо.

Задняя дверца «скорой помощи» открыта, там готовы принять больную.

Два фельдшера уже везут каталку от дома на колесах.

На ней лежит женщина. Хотя Кертис никогда не видел ее, он знает, кто она.

Ради ее же безопасности и безопасности тех, кто хочет ей помочь, мать Лайлани крепко привязана к каталке. Она бьется изо всех сил, пытаясь разорвать ремни. Голова ее мотается из стороны в сторону, она клянет фельдшеров, клянет зевак, кричит в серое небо.

Лайлани отворачивается, наклоняет голову, смотрит на руки, которые сложила на коленях.

На сиденье между ними ставшая ему сестрой по-прежнему спит. Сцена у «Превоста» ее не разбудила. Ее влажный бок поднимается и опадает в такт дыханию.

Когда «камаро» проезжает мимо «скорой помощи», Кертис наклоняется к Лайлани и поднимает деформированную руку с колен.

Она смотрит на него, глаза затуманены горем.

Он говорит: «Ш-ш-ш-ш»,— и осторожно прижимает ее ладонь к боку спящей собаки, накрывая руку девочки своей.

В каждом мире есть собаки или их эквивалент, существа — верные спутники, существа с достаточно высоким уровнем интеллекта, пусть и не самым высоким, а потому их простые желания и потребности позволяют им оставаться невинными. Сочетание невинности и разумности позволяет им служить мостиком между преходящим и вечным, между конечным и бесконечным.

Из трех трюков, доступных Кертису, первый — способность навязывать свою волю материи на микроуровне, где сила воли всегда побеждает. Второй — умение устанавливать связь мальчик—собака. И третий — возможность научить второму любого, кого он встретит, и именно этим третьим трюком он может спасти мир.

— Ш-ш-ш-ш,— повторяет он, и глаза Лайлани расширяются, когда он берет ее с собой в собачьи сны.

Для тех, кто в отчаянии думал, что жизнь их бессмысленна и бесцельна, для тех, кто пребывал в одиночестве, которое иссушало сердце, для тех, кто ненавидел, потому что человечество отвергало их, для тех, кто губил свою жизнь в жалости к себе и самоуничтожении, потеряв спасительную мудрость, с которой они родились, для них всех и многих других надежда ждет в собачьих снах, где святая основа жизни проявляется во всей своей красе, не сокрытая человеческими похотью, жадностью,

завистью и безграничным страхом. Здесь, в снящихся собаке лесах и полях, на берегах рек, где везде и во всем проявляет себя игривое Присутствие, Кертис может показать Лайлани главное, на что она лишь решалась надеяться: хотя мать никогда не любила ее, есть Тот, кто любил всегда.

Глава 73

Желтый Бок вбегает в распахнутые двойные двери кабинета, сжимая в зубах ярко раскрашенную игрушку. Его преследуют два золотистых ретривера: Розенкранц и Гильденштерн, или Рози и Джилли.

Здесь, в своем кабинете, Констанс Вероника Тейвнол, в недалеком будущем бывшая жена конгрессмена Джонатана Шармера, сидит за прекрасным, богато инкрустированным письменным столом и заполняет чек.

Дама напоминает Кертису Грейс Келли в таких фильмах, как «Поймать вора». Ей удается быть обаятельной и при этом горделивой, недоступно красивой и при этом сердечной, а уж грациозностью она не уступает Леде. Она, конечно, не столь огромна, величественна и великолепна, как Донелла, официантка из ресторана на стоянке грузовиков, но, наверное, второй Донеллы просто нет.

Ной наклоняется, чтобы поднять карты, лежащие у дивана, но мисс Тейвнол его останавливает:

— Нет-нет. Оставьте. Пусть еще полежат.

Чуть раньше, следуя указаниям Кертиса, ставшая ему сестрой выделила из перетасованной колоды карт всех червей. А потом носом и лапами разложила по ранжиру, от двойки до туза.

Рози пятится в холл через двери кабинета, тащит игрушку, которая состоит из переплетенных желтых и красных веревок с большим узлом на конце. Вместе с игрушкой она тащит и Желтого Бока, которая уцепилась за противоположный конец. Собаки рычат и стараются отнять игрушку друг у друга, но хвосты их виляют, виляют.

Мисс Тейвнол вырывает чек из чековой книжки и по столу придвигает Кертису. Почерк у нее каллиграфический.

Когда Кертис видит проставленную сумму, он присвистывает.

— О господи, миссис Тейвнол, вы уверены, что можете позволить себе такие расходы?

— Это на два дома на колесах,— отвечает она.— Они должны быть высшего класса, потому что вам предстоит проводить в них много времени.

Первый дом на колесах предназначается Микки, Лайлани и тете Джен. Второй — Ною, Кертису и... Ричарду, с которым он еще не встретился.

У Полли и Кэсс дом уже есть, спасибо голливудским разводам, на которых они настояли, после того как их мужья-продюсеры убили сценариста.

Братья Флэкберги держали своих подчиненных в страхе, орали на них, как хотели, разве что не били, пусть и никогда не повышали голоса, имея дело с кинозвездами, критиками и с близняшками. Кэсс говорит, что братья всегда были милы с ней и Полли, и даже Полли соглашается, что дома они были настоящими плюшевыми медвежатами. Джулиан и Дон раньше никогда не убивали сценаристов и в данном случае прибегли к насилию лишь после того, как сценарист выиграл в суде дело о нарушении контракта. За долгие годы, проведенные в Голливуде, Джулиан и Дон нарушили сотни контрактов, может, тысячи, и всегда это сходило им с рук, потому что, защищаясь, они ссылались на временное помутнение рассудка от шока, вызванного тем, что принятая ими бизнес-схема ставилась с ног на голову.

Кертис задается вопросом: а не с Голливуда ли ему следует начинать спасение мира?

В дверях Желтый Бок перехватывает инициативу, и теперь уже она тащит Рози за собой. Игра очень им нравится, и ни одна собака не хочет ее прекращать. Но Рози все-таки сильнее, и они скрываются в холле.

Следующие несколько недель Кертису и его новой семье предстоит провести в постоянном движении, пока он полностью не станет Кертисом, пока его уникальный энергетический сигнал не сойдет на нет и он станет невидимым как для врагов-пришельцев, так, возможно, и для ФБР.

И потом, конечно, худшие выродки продолжат поиски, пусть наиболее эффективные средства обнаружения им не помогут. Они давно обосновались в этом мире, им не понравится

вмешательство в их планы, которых Кертис не приемлет, точно так же как его мать. Так что сражение будет продолжено.

Он и его четыре новые сестры, тетя Джен, дядя Ной, брат Ричард, с которым он еще не встретился, и ставшая ему сестрой еще долго-долго будут вести кочевой образ жизни, даже после того, как он станет невидимым для сканеров, поскольку именно постоянное движение и тайная, незаметная для посторонних работа обеспечат ему максимальную безопасность. Опять же, без поездок не обойтись: невозможно спасти мир, сидя в офисе где-нибудь в Кливленде.

Время от времени, не часто, но регулярно, передавая Дар собачьих снов, он будет встречать людей, которые, получив от него этот Дар, смогут нести его другим, так же как он сам. И каждый будет формировать свою семью, делиться Даром с другими, по всему миру, в горах и на равнинах, на всех континентах.

Первая из таких людей — Лайлани. Она еще много лет не сможет выйти в мир самостоятельно, но ее время обязательно наступит. Она лучится.

Мисс Тейвнол передает Кертису еще три чека, и на этот раз присвистывает Ной.

— Я проставила даты с месячным интервалом,— говорит миссис Тейвнол.— Используйте эти деньги на текущие расходы.

Она смотрит на компьютер, стоящий на ее столе, и улыбается.

С того места, где сидит Кертис, дисплея не видно, но он знает, что на нем. Раньше, после фокуса с картами, забравшись на стул дамы, с зажатой в пасти ручкой, Желтый Бок, следуя телепатическим командам Кертиса, напечатала:

«Я — ДОБРЫЙ БОГ.
У МЕНЯ ЕСТЬ ПЛАН, НО МНЕ НУЖНЫ ДЕНЬГИ».

— К тому времени, когда вы воспользуетесь этими тремя чеками,— говорит мисс Тейвнол,— мы разработаем план долгосрочного финансирования.

Ее глаза заполнены прекрасными человеческими слезами, причина которых не душевная боль или горе, а радость. Она вытирает глаза, щеки, сморкается в бумажную салфетку.

Кертис надеется, что сморкаться она будет громко, совсем как Мег Райан в фильме «Когда Гарри встретил Салли», но нет, мисс Тейвнол практически не издает ни звука. Она такая скромная, мягкая. Он даже думает: а не попросить ли у нее бумажную салфетку, чтобы самому громко высморкаться и таким образом рассмешить ее?

Но не успевает решить, просить салфетку или не просить, как мисс Тейвнол бросает свою в корзинку для мусора, встает и говорит Ною:

— Второе дело более сложное. Это вам не выписать чек.

— Его официальными опекунами являются дядя и тетя,— отвечает Ной.— Но я уверен, что они с радостью откажутся от опекунства.

Они поместили его в этот пансионат после смерти родителей и никогда не навещали. Он им в тягость. Я думаю, проблема... чисто финансовая.

— Мерзавцы! — вырывается у нее.

Кертис шокирован: по его разумению, такая леди просто не должна знать бранных слов.

— Ладно,— продолжает мисс Тейвнол,— у меня хорошие адвокаты. Возможно, я найду способ очаровать этих людей.

— Неужели вы в этом сомневаетесь? — удивляется Кертис.— О мисс Тейвнол, назовите меня свиньей и разрубите на отбивные, но только не убеждайте, что найдутся люди, которых вы не сможете очаровать, если захотите.

Она смеется, правда, смех какой-то странный, и говорит, что он — милый мальчик, а он уже готов ответить, что никогда не был наглым, плюющим в глаза, неблагодарным, самодовольным панком, но тут Джилли вбегает в кабинет с белой тряпкой в пасти, преследуемый Рози и Желтым Боком.

Вероятно, Джилли не нравилось, что его оставили вне игры по перетягиванию каната. Вот он и нашел эту тряпку и каким-то образом убедил своих друзей, что эта игрушка лучше. И теперь они должны отнять ее у Джилли, должны, должны, должны.

— Джилли, ко мне! — командует мисс Тейвнол, и Джилли тут же повинуется, радостно виляет хвостом, приближаясь к хозяйке.— Дай это сюда, глупыш.

Лишенные игрушки, три собаки укладываются на ковер, тяжело дыша после долгой возни, улыбаясь друг другу.

— С тех пор, как конгрессмен продемонстрировал свое истинное лицо,— объясняет мисс Тейвнол Ною,— я выбросила множество вещей. Воспоминания о нем мне не нужны. Джил-

ли, должно быть, схватил это из очередной кучи, которую я приготовила на выброс.

Белая тряпка на самом деле футболка. На ней три слова, тире и восклицательный знак. Вместо точки в восклицательном знаке — маленькое зеленое сердце.

Прочитав слова на футболке, вспомнив мужчину на автостраде в Юте, у которого Желтый Бок утащил сандалию, Кертис озвучивает их: «Любовь — вот ответ!»

— Наверное, это правда,— соглашается мисс Тейвнол,— хотя и сказано людьми, которые подразумевали совсем другое.

Поднимаясь со стула, Кертис Хэммонд качает головой:

— Нет, мэм. Если мы говорим об ответе, то нет. Ответ — целая большая энциклопедия, гораздо сложнее, чем этот. Одна любовь — легкий ответ, а легкие ответы обычно ведут к разрушению миров. Любовь — часть ответа, само собой, но только часть. Надежда — другая часть, и смелость, и милосердие, и смех, и умение видеть, какими зелеными выглядят сосны после дождя, как под лучами заходящего солнца трава прерий превращается в расплавленное золото. У ответа так много частей, что их все на футболке не написать. Не хватит места.

Время течет с привычной для него скоростью, и поздней весной, во второй половине дня, караван заезжает в кемпинг, расположенный на берегу реки, лениво несущей свои воды, под раскидистыми деревьями, отбрасывающими густую тень.

Приближается время обеда, они выносят одеяла, сумки с едой, многочисленные собачьи игрушки на заросший травой берег, где квакают лягушки, а бабочки танцуют в солнечном свете.

Полли ведет свою Диану, прекрасного черного лабрадора. У Кэсс — Аполлон, красивый золотистый лабрадор.

Здесь и Ной с большим старым псом, которого зовут Норман, и кокер-спаниель Божья Коровка, ставшая сестрой Ричарду Велдону, или Рикстеру.

Тетю Джен, Микки и Лайлани сопровождают Ларри, Керли и Мо. Все три золотистых ретривера — девочки, но имена выбирала тетя Джен.

Ларри, Керли и Мо они приобрели через организации, помогающие бродячим собакам. В прошлом всех троих били, морили голодом, бросали, но теперь это счастливые собаки, с блестящей шерстью, пышными хвостами и добрыми глазами.

Других собак тоже брали из питомников, в прошлом они познали страдания, хотя этого не скажешь, глядя, как бегают они за мячами, прыгают за «фрисби», валяются на спине, подняв в воздух все четыре лапы, радуясь игривому Присутствию.

Кертис, конечно, со ставшей ему сестрой. И хотя все собаки, умей они говорить, могли бы рассказать захватывающие дух истории, история Желтого Бока, конечно же, интереснее всех.

Играют и без собак, хотя Лайлани настаивает, чтобы никто не бегал наперегонки. Рикстер и Кертис играют в «Кто Гамп?», игру, которую они сами и придумали. Победителем становится тот, кто, по мнению третьей стороны, сделает что-то самое глупое. Иногда Лайлани и Кертис играют в «Кто Гамп?», а Рикстер выступает в роли арбитра. Бывает, что играют Микки и Кертис, а арбитром становится тетя Джен. Все любят эту игру, но редко играют друг с другом. Каждому хочется сразиться с Кертисом. И Рикстер, который не только участник, но и один из изобретателей игры, никак не может понять, почему победителем обычно становится Кертис, хотя он — инопланетянин, не один раз пользовался методом прямой информационной загрузки мозга, а следовательно, умнее их всех.

Под деревьями у реки, после обеда, когда день уже сменился ночью, когда бабочки удалились на покой, уступив вахту светлякам, члены семьи собираются у костра, чтобы поделиться подробностями своих жизней, как случается практически каждый вечер, поскольку каждый из них видел, делал и чувствовал многое из того, с чем не сталкивались другие. Они стремятся как можно лучше узнать друг друга. Мать Кертиса всегда говорила: чем больше ты узнаешь о других, тем лучше ты познаешь себя. Делясь опытом и знаниями, мы обогащаемся мудростью мира. Более того, слушая рассказ другого, мы осознаем, что каждая жизнь уникальна и драгоценна, каждый незаменим, и с этим открытием мы обретаем понимание, что жить мы должны достойно, с благодарностью за каждый вдох.

Ему очень недостает матери, ее утрата оставила в сердце незаживающую рану, хотя она постоянно с ним в его воспоминаниях. Когда же его дни подойдут к концу и он соединится с ней вновь... о господи, им будет что рассказать друг другу.

Среди других в тот вечер говорит и тетя Джен, при свете костра она выглядит юной, как девочка. В другие вечера она рассказывала о жизни с ее любимым мужем, умершим девятнадцать лет назад, но на этот раз она рассказывает о своем детстве, которое прошло у такой же реки, как эта, которая сейчас несет мимо них посеребренные луной воды. История очень драматическая, о ее злобном отчиме, проповеднике, который убил ее мать и попытался убить Дженеву и ее брата, чтобы завладеть наследством. Большинство из сидящих у костра вскоре понимают, что с Дженевой ничего такого не происходило, она пересказывает сюжет фильма «Ночь охотника», главную роль в котором сыграл Роберт Митчем. Никто об этом не упоминает, потому что тетя Джен рассказывает очень уж хорошо. Со временем, когда она понимает, что это не реальная история, а ставшая ее воспоминаниями из-за выстрела в голову, она смущается и, чтобы исправиться, начинает рассказывать новую, базирующуюся на сюжете «Продавца дождя» с Бертом Ланкастером с элементами «Детсадовского полицейского», которого сыграл Арнольд Шварценеггер. Все очень довольны.

Смех и присутствие такого количества отличных собак неизбежно притягивают людей, и вскоре к костру подтягиваются обитатели других домов на колесах и палаток. Наигравшись, многие собаки уже спят. Хотя семья сейчас не работает, они никогда не упускают возможность передать Дар. И перед тем как все отправляются спать, далеко за полночь, число людей, сидящих у костра, выросло на семь, и уже были слезы, слезы радости, и семь жизней изменились навсегда, исключительно к лучшему.

Для вновь прибывших, после того как с помощью семьи они увидели сны собак, Микки загадывает загадку, которую впервые услышала от тети Джен: *«Что ты найдешь за дверью, которая в одном шаге от рая?»*

До этого дня Кертис — единственный, кто правильно ответил на этот вопрос с первой попытки, и в этот вечер новички только приблизились к правильному ответу, но никто не заслужил сигару.

Лайлани озвучивает ответ, который все члены семьи знают наизусть: «Если твое сердце закрыто, ты не найдешь ничего такого, что может осветить твой путь. Но если твое сердце открыто, ты встретишь за этой дверью людей, которые, как ты, ищут путь, и вместе вы обязательно найдете *нужную* дверь. Никто из нас не может спастись сам.

Мы все — средство спасения других, и только надежда, которую мы даем другим, может вывести нас из тьмы к свету».

Время течет с привычной ему скоростью. Костер превращается в кучу тлеющих углей. Люди и собаки тянутся к домам.

Последними, не считая Кертиса, уходят Микки и Лайлани. Ларри, Керли и Мо ушли раньше с тетей Джен. Дома на колесах стоят в двухстах ярдах, и Микки освещает дорогу ручным фонариком, который держит высоко над головой. Женщина и девочка идут, взявшись за руки, в темноту, которая больше их не пугает. Их голоса и смех доносятся до Кертиса, звучат в его ушах как музыка. Если бы это был фильм, а Кертис — режиссером, он бы сделал этот кадр финальным: женщина и девочка, спасительницы друг друга, шагают от камеры в будущее, где их обеих ждет спасение.

Собственно, фильм бы так и назывался — «Спасение душ».

Просмотрев 9658 фильмов, он знает, что в этом финальном эпизоде, уходя вдаль, они растворятся в темноте. В реальности Микки и Лайлани не растворятся в темноте, а будут вечно идти по жизни.

Кертис остается один, чтобы залить угли речной водой, хотя делает он это не сразу. Он сидит рядом со ставшей ему сестрой, и они оба зачарованы загадочностью звезд и перламутровой луны, вместе наслаждаются красотой окружающего их мира.

Он более не становится Кертисом Хэммондом, он давно уже стал Кертисом Хэммондом. Этот мир — его судьба, и он не может представить себе более прекрасного дома. О господи, он — Гамп, все так, но он все равно находит свой путь.

Неожиданный порыв ветра поднимает опавшие листья, заставляет их медленно танцевать, бросает на Кертиса. Листья цепляются за его волосы, лезут в уши, один он сплевывает с губ.

Собаки умеют смеяться. Во всяком случае, большинство из них, и *эта* из их числа. Игривое Присутствие, должно быть, любит ее больше, чем остальных, ей подобных, и Он видит в Кертисе не только того, кто спасет мир, но и идеальный объект для Его шуток.

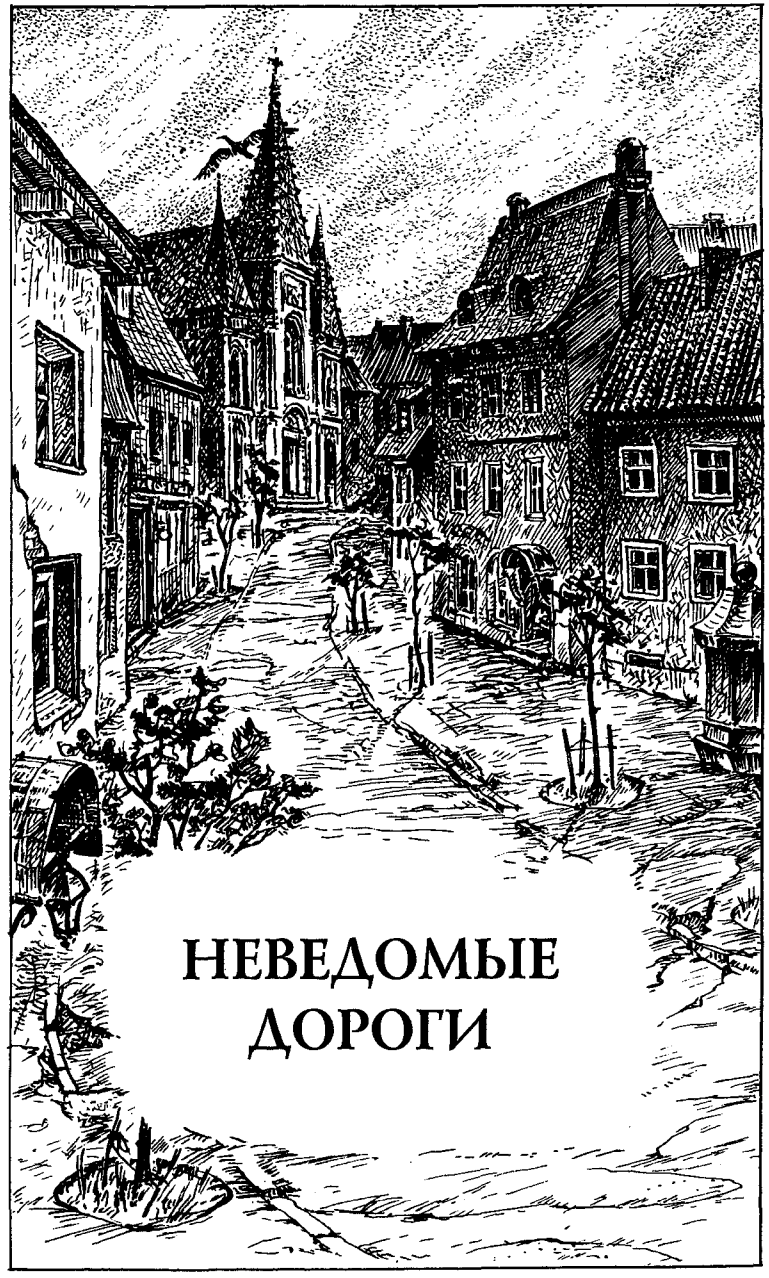
Авторское послесловие

Утилитарные биоэтики, выведенные в романе «До рая подать рукой», к сожалению, не плод моей фантазии, но реальная угроза вам и всем, кого вы любите. Их философия вбирает в себя античеловеческую суть фашизма, выражает презрение к индивидуальной свободе, к слабым и больным, свойственное тоталитарным режимам. Придет день, когда нашим ведущим университетам придется искупать свою вину и просить прощения за то, что они присуждали ученые звания и всячески продвигали тех, кто оправдывает убийство инвалидов, больных и стариков.

По счастливому стечению обстоятельств, когда я заканчивал этот роман, издательство «Энкаунтер букс» выпустило документальную книгу с блестящим обзором деятельности утилитарных биоэтиков, рассчитанную на самую широкую читательскую аудиторию. Если, ради защиты себя и тех, кто вам дорог, вы захотите побольше узнать об этих «ученых», я очень рекомендую вам книгу *«Культура смерти: атака на медицинскую этику»*, написанную Уэсли Дж. Смитом. Вы обнаружите, что от нее волосы будут вставать дыбом куда чаще, чем при чтении моих романов.

Второй раз (первый, когда я работал над романом «Краем глаза») я писал книгу, слушая удивительную музыку недавно ушедшего от нас Израиля Камакавивооле. Когда я упомянул «Брадда Иза» в моем предыдущем романе, две тысячи моих читателей написали мне, что и им нравится его жизнеутверждающая музыка. Из его шести си-ди, мои любимые — «Facing Future», «N Dis Life», «E Ala E». Диски Израиля можно купить у «Маунтин эппл компани». Их адрес: The Mounting Apple Company, P. O. Box 22373, Honolulu, Hawaii 96823. Или посетить их в Интернете на сайте www.mountainapplecompany.com.

Дин Кунц

НЕВЕДОМЫЕ ДОРОГИ

НЕВЕДОМЫЕ ДОРОГИ

Глава 1

Джой Шеннон въезжал в Ашервиль, когда внезапно его охватило ощущение безысходности и невозможности противостоять тому, что ждало впереди.

Он едва не развернулся посреди улицы. С трудом подавил желание вжать в пол до упора педаль газа и умчаться, ни разу не оглянувшись.

Городок ничем не отличался от любого другого в угледобывающей части Пенсильвании, где шахты давно закрылись, а приличной работы нет уже многие десятилетия. Тем не менее бедность и нищета не бросались в глаза, не поражали в самое сердце, не повергали в отчаяние. Поэтому Шеннона удивила собственная столь неординарная реакция на возвращение в родные пенаты.

Деловой центр Ашервиля занимал два квартала. Тут высились двух- и трехэтажные каменные здания, возведенные в пятидесятых годах девятнадцатого века и почерневшие от времени и грязи. Со времен юности Джоя они ничуть не изменились.

Очевидно, ассоциация торговцев или городской совет реализовали какой-то проект по благоустройству. Все двери, рамы, ставни и карнизы заново покрасили, в тротуарах прорезали круглые дыры, в которые посадили молодые клены. Деревья

вытянулись лишь на восемь футов и еще крепились к поддерживающим их стойкам.

Красная и янтарная осенняя листва оживляла город, но с приближением сумерек Ашервиль становился все более мрачным, неприветливым, отталкивающим. Балансирующее на гребнях гор солнце словно сжалось, и его лучам недоставало яркости. В грязно-желтом свете удлиняющиеся тени молодых деревьев тянулись ко все новым и новым трещинам на асфальте тротуара.

Джой включил печку. Волна горячего воздуха согрела его не сразу.

Над шпилем церкви Пресвятой Богородицы кружила огромная черная птица.

Она напоминала темного ангела, ищущего прибежища в святом храме.

По тротуару шли редкие прохожие, мимо проезжали автомобили, но он не узнавал ни пешеходов, ни водителей. Слишком долго он отсутствовал.

За эти годы кто-то приехал, кто-то уехал. Кто-то умер.

Когда Шеннон свернул на усыпанную гравием подъездную дорожку к старому дому на восточной окраине города, его страх усилился. Оштукатуренные стены дома требовали побелки, крыше из кровельной плитки не помешал бы ремонт, но ничего зловещего в этом доме, в отличие от зданий в центре, не было. Скромный домик. Печальный. Запущенный. Ничего более. Несмотря на лишения, Джой провел здесь счастливое детство. Ребенком он не понимал, что его семья бедна; осознание этого пришло позже, когда он уехал в колледж и смог взглянуть на жизнь в Ашервиле со стороны. Однако он несколько минут просидел в автомобиле, скованный страхом, не испытывая ни малейшего желания вылезать из кабины и входить в дом.

Наконец Джой выключил двигатель и подфарники. И хотя температура в салоне не могла мгновенно понизиться, разом замерз без теплого воздуха, струящегося от печки.

Дом ждал.

Может, Джой боялся встретиться лицом к лицу с собственной виной и примириться со своим горем? Он не был хорошим сыном. И теперь лишился возможности искупить боль, которую причинил близким. Возможно, его пугало осознание того,

что до конца своих дней придется жить под бременем содеянного, терзаться угрызениями совести и не надеяться на прощение.

Нет. Эта ноша, конечно, тяжела, но она его не страшила. Ни вина, ни горе не могли вызвать такую сухость во рту и заставить сердце биться, как паровой молот, при взгляде на родовое гнездо. Здесь что-то другое.

Сумерки начали сгущаться, притягивая ветерок с северо-востока. Двадцатифутовые сосны, выстроившиеся вдоль подъездной дорожки, покачивали кронами, готовясь к ночи.

Поначалу Джой решил, что должно случиться что-то экстраординарное.

У него возникло ощущение, что он на пороге встречи со сверхъестественным. Такое с ним иногда случалось в далеком прошлом: он, алтарный служка, стоял рядом со священником и пытался уловить момент, когда обычное вино в потире становилось священной кровью Христа. Но почти сразу Джой решил, что ведет себя глупо. И его тревога столь же иррациональна, что и страх ребенка, который боится воображаемого тролля, прячущегося в темноте под его кроватью.

Джой вылез из кабины, направился к багажнику, чтобы достать чемодан. Повернул ключ и вдруг испугался еще сильнее: что-то чудовищное ждало его под крышкой. И пока багажник медленно открывался, сердце Шеннона едва не выскочило из груди, колотя по ребрам. Он даже отступил на шаг.

Но в багажнике, естественно, лежал только его потрепанный, видавший виды чемодан. Глубоко вдохнув, чтобы успокоить нервы, Джой достал его и захлопнул крышку.

Однако для успокоения нервов одного глубокого вдоха явно было мало. Захотелось выпить. Джою всегда хотелось выпить. Виски давно уже стало для него единственным лекарством от многих проблем. Иногда это средство даже помогало.

Ступени крыльца истерлись за долгие года. Их давно не красили, они протестующе потрескивали под тяжестью человеческого тела. Джой не удивился бы, если бы какая-нибудь из них провалилась.

За два десятилетия его отсутствия дом заметно обветшал. Джоя это удивило. Последние двенадцать лет, первого числа

каждого месяца, его брат посылал отцу чек на приличную сумму, так что старик мог или переехать в новый дом, или подновить старый. На что же отец тратил деньги?

Ключ, как Джою и сказали, лежал под резиновым ковриком. Для Ашервиля ключ под ковриком или просто незапертая входная дверь были обычным делом.

Дверь открывалась в гостиную. Джой поставил чемодан у лестницы на второй этаж.

Включил свет.

Диван и кресло двадцатилетней давности заменили на новые, но столь похожие, что они не выделялись среди остальной мебели. Больше ничего не изменилось, если не считать появления телевизора с таким огромным экраном, будто он принадлежал Богу.

На первом этаже дома располагались кухня и соединенная с ней столовая. За этим зеленым, с хромированной окантовкой столом Джой обедал в детстве с родителями и братом. И стулья остались теми же самыми, правда, обивку сиденьев на них сменили.

У Джоя возникло чувство, что дом давно уже пустует, закрытый для окружающего мира, и за долгие столетия он стал первым, кто ступил под эти молчаливые своды. Мать Шеннона умерла шестнадцать лет назад, отец — только полтора дня, но казалось, что они ушли в небытие давным-давно.

На двери в подвал в углу кухни висел календарь — подарок Первого национального банка. Октябрьский лист украшали сложенные горкой оранжевые тыквы. Из одной уже вырезали фонарь.

Джой подошел к двери, но открывать ее не стал.

Он хорошо помнил подвал. Две комнаты, в первой — водонагреватель и котел отопления. Вторая комната — брата.

Шеннон постоял, держась за латунную рукоятку рубильника. Она холодила ладонь и не желала согреваться теплом человеческого тела.

Рукоятка скрипнула, когда он наконец ее повернул.

Две тусклые, припорошенные пылью лампочки зажглись, когда Джой щелкнул выключателем. Первая — в коридорчике у лестницы, вторая — в комнате с котлом.

Ему не хотелось спускаться в подвал вечером, сразу же по прибытии.

До утра оставалось совсем ничего. Более того, он вообще не видел необходимости спускаться в подвал.

Освещенный круг на бетонном полу у ступеней, как он и помнил, покрывали трещины. Ближе к стенам и углам они уползали в тень.

— Привет,— поздоровался Джой. Зачем он это сделал, сам не понял. Но продолжил: — Есть тут кто-нибудь?

Никого.

Шеннон погасил свет в подвале и закрыл дверь. Потом отнес чемодан на второй этаж. Короткий узкий коридор устилал вытертый серый в желтый горошек линолеум. За единственной дверью по правую руку находилась комната родителей. Последние шестнадцать лет, после смерти матери, отец спал там один. А теперь опустела и эта комната.

Чувствуя, как волосы на затылке встают дыбом, Джой посмотрел вниз, в гостиную, ожидая увидеть того, кто поднимается следом за ним. Но кто это мог быть? Все ушли. Умерли или уехали.

Дом был скромным, маленьким, обычным. Но на какие-то мгновения Джой почувствовал, что дом огромен, необъятен, в нем полно тайных комнат, где живут неведомые ему люди и разворачиваются невидимые глазу драмы. И тишина уже не казалась обычной, она рвала барабанные перепонки, как женский крик.

Шеннон открыл дверь и вошел в свою спальню.

Снова дома.

Джой боялся. Он не мог сказать чего и почему. Даже если и знал, то знание это надежно пряталось где-то между интуицией и воспоминаниями.

Глава 2

Гроза надвинулась с северо-востока, и надежда увидеть звезды развеялась, как сигаретный дым. Темнота слилась с облаками, укутавшими горы, и небеса, в которых не осталось даже искорки, придавили долину, словно тяжелая могильная плита.

Подростком Джой Шеннон любил сидеть у окна своей спальни на втором этаже, глядя на кусок неба, оставленный ему для обозрения окружающими горами, и думать о том, что кроме Ашервиля на земле много больших городов, куда он однажды поедет и где даже мальчик из бедной шахтерской семьи сможет подманить удачу и стать, кем ему хочется. Особенно если планы у мальчика грандиозные и он не собирается жалеть себя, чтобы достичь цели.

Теперь сорокалетний Джой, прихватив с собой бутылку «Джека Дэниелса», сидел у того же самого окна, не зажигая света, и смотрел в черные небеса.

Двадцать лет назад, когда мир был куда как лучше, октябрьским вечером Джой приехал домой из колледжа в Шиппенсбурге, что случалось довольно редко. Хорошо закончив школу, он получил субсидию на продолжение учебы, но для полной оплаты стоимости обучения ее не хватало, поэтому он вечерами и по уикендам подрабатывал в супермаркете.

Его старший брат, Пи-Джи (Пол Джон), тоже приехал на тот уикенд. Мать приготовила обед: мясной рулет с томатным соусом, картофельное пюре, печеную кукурузу, а потом они с отцом поиграли в карты. Они много смеялись, в доме царила атмосфера любви и теплоты. Время, проведенное с Пи-Джи, всегда запоминалось надолго. Он достигал успехов во всем, за что брался. На выпускных вечерах в школе и колледже выступал, соответственно, от имени класса и курса, блистал на футбольном поле, практически не проигрывал в покер, пользовался вниманием самых красивых девушек, а самое главное, отлично ладил с людьми. Пи-Джи окружал ореол дружелюбия, даже незнакомцы сразу проникались к нему доверием, он обладал редким даром: с первого взгляда определял, что человеку интересно и каким образом можно расположить его к себе. Очень естественно, не прилагая к этому никаких усилий, Пи-Джи везде и всегда сразу становился душой компании. Умный, но предпочитающий держаться в тени, красивый, но начисто лишенный тщеславия, остроумный, но не ехидный, Пи-Джи был для Джоя потрясающим, лучшим в мире старшим братом. Более того, был и по прошествии стольких лет оставался эталоном, по которому Джой Шеннон мерил себя. Он мечтал быть таким, как Пи-Джи, если бы такое было возможно.

Но за прошедшие десятилетия эта мечта обратилась в пыль, в ничто.

Если Пи-Джи шел от успеха к успеху, на долю Джоя выпадали одни неудачи.

Он взял из миски, которая стояла на полу у стула с прямой спинкой, несколько кубиков льда, бросил в стакан, налил два дюйма «Джека Дэниелса».

С чем у Джоя было все хорошо, так это с выпивкой. И хотя за всю взрослую жизнь на его банковском счету редко лежало больше двух тысяч долларов, он практически всегда мог позволить себе приличное виски. Никто не мог сказать, что Джой Шеннон пьет дешевое пойло.

В последний вечер, который он провел под крышей родного дома, в субботу, 25 октября 1975 года, он сидел у этого окна с бутылкой «колы». Тогда он еще не пристрастился к спиртному. В небе, как бриллианты, сверкали звезды, за горами ждали тысячи дорог, и выбор зависел только от него.

Теперь при нем была бутылка виски. Что его очень радовало.

На дворе стоял 1995 год, 21 октября, тоже суббота. Субботний вечер Джой считал худшим из всей недели, хотя и не мог сказать почему.

Может, не любил субботу, потому что большинство людей в этот день наряжались и ходили кто в гости, кто на танцы, на концерт или в театр, чтобы таким образом отпраздновать окончание еще одной рабочей недели, тогда как Джой не находил повода для празднования: он всего лишь выдержал еще семь дней тюрьмы, каковой стала его жизнь.

Гроза началась около одиннадцати. Яркие серебряные зигзаги молний зазмеились по черноте неба, отражаясь в оконном стекле. Раскаты грома вытряхнули из облаков первые крупные капли. И те ударились в окно и расплылись по нему, отделив от Джоя внешний мир мутной водяной пленкой.

В половине первого он поднялся со стула и пошел к кровати. В комнате стояла кромешная тьма, словно в угольной шахте, но Джой прожил в этой комнате двадцать лет и мог найти дорогу без света. Мысленным взором он видел вытертый, потрескавшийся линолеум, овальный тряпочный коврик, связанный матерью, узкую кровать с металлическим изголовьем, тумбочку

с перекошенными ящиками. В одном углу стоял тяжелый обшарпанный стол, за которым он двенадцать лет делал уроки, а когда ему исполнилось то ли восемь, то ли девять, написал первые рассказы о волшебных царствах, монстрах и путешествиях на Луну.

Мальчишкой Джой любил книги и хотел стать писателем. Как раз в этом за последние двадцать лет он неудачи не потерпел, пусть и потому, что даже не предпринял такой попытки. После того октябрьского уикенда в 1975-м он перестал писать и отказался от своей мечты.

На кровати не было не только покрывала, но и простыней. А Джой слишком устал, чтобы искать их. Да и голова кружилась от выпитого.

Он вытянулся на голом матрасе, в рубашке и джинсах, даже не сняв туфли.

В темноте заскрипели пружины. Знакомый звук.

Но, несмотря на усталость, спать Джою не хотелось. Полбутылки виски не хватило, чтобы успокоить нервы и заглушить дурное предчувствие. Джой ощущал, что ему грозит опасность. А заснув, стал бы совершенно беззащитным.

И все-таки он понимал, что надо отдохнуть. До похорон отца оставалось меньше двенадцати часов, и требовалось набраться сил. День предстоял нелегкий.

Он перенес стул к двери. Спинку подставил под ручку. Соорудил простую, но эффективную баррикаду.

Комната находилась на втором этаже. Никакой незваный гость не мог подобраться к окну снаружи. А если бы и подобрался, то открыть не смог: не позволил бы шпингалет.

Улегшись вновь, какое-то время Джой вслушивался в барабанную дробь, которую дождь выбивал по крыше. Если бы кто-то в этот самый момент бродил по дому, дробь эта заглушила бы шум шагов, они бы просто растворились в этом ровном звуковом фоне.

— Шеннон,— пробормотал он,— ты еще не такой старый, а у тебя уже едет крыша.

Как оркестр похоронного кортежа, дождь проводил Джоя в тяжелый сон.

Во сне он делил кровать с мертвой женщиной, одетой в странную прозрачную одежду, заляпанную кровью. Умершая,

она вдруг зашевелилась, оживленная демонической энергией, и провела холодной рукой по его щеке. *«Хочешь заняться со мной любовью?* — спросила она.— *Никто не узнает. Даже я не смогу свидетельствовать против тебя, потому что я не только мертва, но и слепа.*— Она повернула голову, и Джой увидел, что у нее нет глаз. Пустые глазницы смотрели на него самой черной чернотой, которую ему доводилось видеть.— *Я твоя, Джой. Я вся твоя».*

Он проснулся не с криком, а со всхлипом отчаяния. Сел, свесив ноги с кровати, закрыл лицо руками, из глаз катились слезы. И пусть даже от выпитого голова шла кругом, а к горлу подкатывала тошнота, Джой понимал, что реакция на кошмарный сон какая-то странная. Сердце колотилось от страха, но горе было куда сильнее ужаса.

Часы показывали половину четвертого утра. Он проспал меньше трех часов.

Темнота по-прежнему давила на окно, дождь все лил и лил. Джой поднялся, подошел к столу, на котором оставил недопитую бутылку. Один глоток повредить не мог. Наоборот, помог бы дотянуть до рассвета.

Сворачивая пробку, Джой почувствовал, что его неудержимо потянуло к окну. Словно железную стружку — магнитом, но он устоял. Потому что его вновь охватил страх: а вдруг по другую сторону залитого дождем стекла он увидит ту самую женщину, блондинку со спутанными, мокрыми волосами, с пустыми глазницами чернее тьмы, в прозрачном платье, с протянутыми к нему руками, беззвучно призывающую его выпрыгнуть из окна и улететь с ней в грозу.

Джой убедил себя, что она точно маячит за окном, как призрак. Даже не решался взглянуть в ту сторону, боясь заметить женщину хоть краем глаза. Случись это, и она, как вампир, забарабанила бы по стеклу, умоляя впустить под крышу, тогда как без приглашения не смела переступить порог.

Возвращаясь к кровати с бутылкой в руке, Джой намеренно отворачивался от прямоугольника ночи.

И гадал: перепил или сходит с ума?

А потом, к собственному изумлению, закрутил крышку, так и не приложившись к бутылке.

Глава 3

Утром дождь прекратился, но тяжелые облака по-прежнему прижимались к земле.

Похмелья Джой избежал. Он знал, сколько надо выпить, чтобы свести к минимуму нежелательные эффекты. И каждый день в большом количестве принимал витамины группы В, чтобы компенсировать уничтоженное алкоголем. Именно дефицит витаминов группы В и является причиной похмелья. Джой знал все нюансы. Пил методично и основательно, подходил к этому процессу в высшей степени профессионально.

Позавтракал тем, что нашлось в холодильнике: кусок зачерствевшего кофейного торта, полстакана апельсинового сока.

Приняв душ, Джой надел свой единственный костюм, белую рубашку, темно-красный галстук. Костюм он не доставал из шкафа уже лет пять, и пиджак висел на нем, как на вешалке. Воротник рубашки тоже был на размер велик.

Джой показался себе похожим на пятнадцатилетнего подростка в одежде отца.

Поскольку спиртное ускоряло обмен веществ, организм Джоя сжигал все, что он съедал и выпивал, поэтому к каждому декабрю Шеннон становился на фунт легче в сравнении с предыдущим январем. То есть до полной бестелесности оставались какие-то сто шестьдесят лет.

В десять утра он пошел в «Похоронное бюро Девоковски» на Главной улице. Бюро не работало, но Джоя впустили, потому что мистер Девоковски его ждал.

Лу Девоковски уже тридцать пять лет хоронил жителей Ашервиля. Не худой, сутулый, с запавшими глазами, как рисуют в комиксах и показывают в фильмах представителей его профессии, а крепкий и краснолицый, с черными, не тронутыми сединой волосами — наглядное свидетельство тому, что работа с покойниками — гарантия долгой и активной жизни.

— Джой.

— Мистер Девоковски.

— Мне очень жаль.

— Мне тоже.

— Вчера попрощаться с ним пришло полгорода.

Джой промолчал.

— Все любили твоего отца.

Джой молчал, не доверяя своему голосу.

— Я отведу тебя к нему.

Темно-красный ковер ритуального зала, бежевые стены, приглушенный свет. Розы, выглядывающие из теней, их сладковатый аромат, наполняющий воздух. Полированный гроб, бронзовые ручки и инкрустации. Следуя телефонным указаниям Джоя, мистер Девоковски предоставил все самое лучшее. Таким было бы желание Пи-Джи... да и похороны оплачивались его деньгами.

Джой осторожно приблизился к постаменту, словно человек во сне, которому не хочется заглядывать в гроб из опасения увидеть в нем себя.

Но в гробу покоился Дэн Шеннон в темно-синем костюме на постели из кремового атласа. Последние двадцать лет дали о себе знать. Время обошлось с ним неласково, он ссохся и, похоже, радовался тому, что ушел.

Мистер Девоковски тактично удалился, оставив Джоя наедине с отцом.

— Извини,— прошептал Джой.— Извини, что ни разу не вернулся, не увидел больше ни тебя, ни маму.

После короткого колебания коснулся щеки старика. Холодная и сухая.

Он убрал руку, в шепот проникла дрожь:

— Я просто выбрал не тот путь. Неведомую дорогу... и как-то... так уж вышло, не вернулся назад. Не могу сказать почему, папа. Сам этого не понимаю.

Какое-то время Джой не мог говорить.

Аромат роз усилился.

Дэна Шеннона можно было бы принять за шахтера, хотя он не проработал в шахте ни дня, даже подростком. Широкое, тяжелое лицо. Большие плечи. Сильные, крупные кисти, испещренные шрамами. Он был автомехаником, отличным автомехаником, хотя время и место не обеспечивало его фронтом работы.

— Ты заслужил любящего сына,— наконец вымолвил Джой.— Хорошо, что у тебя их было два, не так ли? — Он закрыл глаза.— Мне очень жаль. Господи, как же мне жаль!

Его сердце разрывалось от угрызений совести, огромная тяжесть, прямо-таки чугунная наковальня, навалилась на плечи,

и разговор с мертвым отцом не принес облегчения. Даже Господь Бог в тот момент не мог бы помочь Джою.

Мистер Девоковски встретил вышедшего из ритуального зала Джоя в холле похоронного бюро.

— Пи-Джи знает?

Джой покачал головой.

— Я ещё не смог его найти.

— Как это, не смог найти? Он же твой брат.— На мгновение скорбь на лице главного похоронных дел мастера Ашервиля сменилась недоумением, даже презрением.

— Он постоянно путешествует, мистер Девоковски. Вы это знаете.

Все время в пути, собирает материалы для новых книг. В том, что я не смог его найти... моей вины нет.

С неохотой Девоковски кивнул.

— Несколько месяцев назад я видел статью о нем в «Пипл»*. Пи-Джи Шеннон, бытописатель дорожной жизни, самый знаменитый литературный цыган после Джека Керуака**.

— Ему следовало иногда приезжать домой,— вздохнул мистер Девоковски.— Может, написать книгу об Ашервиле. Когда он услышит о смерти отца, бедный Пи-Джи, он очень огорчится. Пи-Джи сильно любил отца.

«Я тоже»,— подумал Джой, но ничего не сказал. Учитывая свое поведение в последние двадцать лет, он сам бы в это не поверил.

Но он *любил* Дэна Шеннона. Господи, любил. И любил свою мать, Кэтлин... Пусть не приехал на похороны и не увидел ее в смерти.

— Пи-Джи приезжал в августе. Провел здесь неделю. Твой отец всюду водил его, показывал. Очень гордился Пи-Джи.

Помощник Девоковски, худенький молодой человек в черном костюме, вошел в холл. Заговорил шепотом:

— Сэр, пора отправлять усопшего в церковь.

---

* Популярный еженедельный журнал-таблоид, содержащий короткие заметки и множество фотографий знаменитостей. Тираж под 4 млн. экземпляров.

** Керуак Джек (1922—1959) — писатель, поэт, ведущий новеллист «поколения битников». Широкая известность пришла к писателю с публикацией романа «На дороге» (1957).

Девоковски глянул на часы.

— Ты пойдешь на церемонию? — спросил Джоя.

— Да, конечно.

Владелец похоронного бюро кивнул и отвернулся.

Снаружи небо напоминало пепелище с чернотой сажи и густой серостью пепла. Чувствовалось, что тучи вот-вот прольются дождем. Джой, правда, надеялся, что природа смилостивится и дождь пойдет после завершения мессы и погребальной службы.

На улице, когда Джой подходил к своему автомобилю сзади, направляясь к водительской дверце, он увидел, как сам по себе открылся багажник, крышка поднялась на несколько дюймов. Вдруг из темноты протянулась изящная рука. Женская. Со сломанным большим пальцем, вывернутым под неестественным углом, с кровью, капающей из-под вырванных ногтей.

На Ашервиль внезапно навалилась темнота. Ветер стих. Тучи, до того плывшие с востока, внезапно замерли, как потолок в аду. Джой остановился как вкопанный от леденящего кровь страха. Только рука двигалась, только рука жила, только ее отчаянный зов сохранил значимость и важность в этом закаменевшем мире.

Джою стало тошно от вывернутого большого пальца, вырванных ногтей, медленно капающей крови... но он не мог отвести глаз. Он знал, что рука принадлежит женщине в прозрачном одеянии, пришедшей в мир бодрствующих из сна, который Джой видел прошлой ночью. Хотя такого просто не могло быть.

Выдвинувшись из тени, отбрасываемой крышкой багажника, рука повернулась ладонью вверх. В центре виднелась кровавая ранка, возможно, нанесенная ногтем.

Джой закрыл глаза, чтобы не видеть всего этого ужаса, но тут же перед его мысленным взором возник алтарь церкви Богородицы так ясно, словно он стоял в шаге от него. Серебряный звон колоколов нарушал тишину, но он слышал не настоящие колокола, звонившие в этот октябрьский день. Звук шел из памяти, им сопровождались утренние мессы далекого прошлого. *«Это говорит моя вина, моя вина, моя самая ужасная вина».* Джой видел потир, поблескивающий в свете свечей. Облатку, символизирующую тело Господне, в высоко поднятой руке священника. Джой напрягался, чтобы уловить момент пресуще-

ствления, когда реализовывалась надежда, вознаграждалась вера. Момент совершения чуда: превращения облатки в плоть, вина — в кровь. *«Есть ли надежда для мира, для заблудших вроде меня?»*

Образы, проносящиеся перед мысленным взором, стали такими же невыносимыми, как вид окровавленной руки, и Джой открыл глаза. Ничего нет. Багажник закрыт. Ветер и не думал стихать. Черные тучи накатывались с северо-востока, вдалеке лаяла собака.

Крышка багажника не поднималась, женщина не тянулась к нему. Галлюцинация.

Джой поднял руки, посмотрел на них, словно они принадлежали другому человеку. Их била дрожь.

*Delirium tremens**. Дрожь в руках. Чертики, ползающие по стенам. В данном случае рука, высовывающаяся из багажника. Все пьяницы проходят через это... особенно когда пытаются завязать.

Сев за руль, Джой вытащил фляжку из внутреннего кармана пиджака. Долго смотрел на нее, открутил пробку, вдохнул запах виски, поднес фляжку к губам.

То ли он слишком долго простоял, загипнотизированный высовывающейся из-под крышки багажника рукой, то ли слишком долго просидел, борясь с желанием открыть фляжку, но в этот самый момент катафалк выехал из ворот похоронного бюро и повернул направо, к церкви Богородицы. То есть прошедшего времени хватило на то, чтобы гроб отца перенесли в катафалк из ритуального зала.

Джою хотелось прийти на погребальную церемонию трезвым. Очень хотелось, больше, чем чего-либо в жизни.

Не сделав ни единого глотка, он закрутил пробку, убрал фляжку в карман.

Завел двигатель, пристроился за катафалком и последовал за ним к церкви.

Несколько раз Джой слышал доносящиеся из багажника звуки, вроде бы там что-то перекатывалось. Ударялось. Стучало. Жалобно стонало.

---

* Белая горячка *(лат.)*.

Глава 4

Церковь Богородицы ничуть не изменилась. То же темное, с любовью отполированное дерево, те же витражи из цветного стекла, ждущие появления солнца, чтобы нарисовать на рядах скамей яркие образы сострадания и спасения души, те же своды приделов с темными тенями, тот же воздух, сотканный из множества ароматов: полироля с запахом лимона, благовоний, свечного воска.

Джой сидел в последнем ряду в надежде, что никто его не узнает. Друзей в Ашервиле у него не осталось. А без хорошего глотка виски он бы не выдержал презрительных взглядов, которыми его обязательно бы удостоили, и по заслугам.

Больше двухсот человек собрались на службу, и Джою показалось, что атмосфера в церкви даже более мрачная, чем приличествовала похоронам. Дэна Шеннона знали и любили, а потому искренне скорбели о его кончине.

Большинство женщин промокали глаза платочками, у мужчин они оставались сухими. В Ашервиле мужчины никогда не плакали на людях, и редко — в уединении собственного дома. Хотя уже больше двадцати лет на шахтах никто не работал, все они происходили из семей шахтеров, которые жили в постоянном ожидании трагедии, и многие их друзья и родственники погибли в завалах и взрывах, а также безвременно ушли из жизни от силикоза, болезни черных легких. В этих местах не просто ценили сдержанность, но не могли существовать без нее.

Держи свои чувства при себе. Не грузи друзей и родственников собственными страхами и душевной болью. Терпи. Этому принципу следовали жители Ашервиля и, пожалуй, ставили его выше двухтысячелетних заповедей, которым учил священник.

Погребальная месса стала первой, на которой Джой присутствовал за последние двадцать лет. Вероятно, по просьбе прихожан, священник вел службу на латыни, с благородством и красноречием, утерянными церковью в шестидесятых годах, когда в моду вошел английский.

Красота мессы не произвела на Джоя впечатления, не согрела кровь.

Своими действиями и желаниями в последние двадцать лет он поставил себя вне веры и теперь слушал мессу, как человек,

который смотрит на вывешенную в галерее картину через витрину, отчего его восприятие искажается бликами на стекле.

От церкви Джой поехал на кладбище. Оно располагалось на холме. Трава еще зеленела, опавшие листья расцвечивали ее желтыми и красными пятнами.

Отцу выкопали могилу рядом с могилой матери. Его имя еще не выбили на пустой половине большого, на две могилы, надгробного камня.

Впервые попав на могилу матери, Джой не почувствовал боли утраты, потому что он горевал о ее смерти все шестнадцать лет.

По существу, он потерял мать двадцать лет назад, когда видел ее в последний раз.

Катафалк остановился на дороге неподалеку от могилы. Носильщики под руководством Лу Девоковски и его помощника вытащили гроб из катафалка.

Открытую могилу, ожидавшую Дэна Шеннона, с трех сторон прикрыли черным клеенчатым пологом не для того, чтобы оградить. Полог закрывал сырую землю от глаз наиболее чувствительных участников похоронной процессии, дабы смягчить суровые реалии церемонии, в которой они принимали участие. Девоковски прикрыл черной клеенкой и кучу вырытой земли и задрапировал ее цветами и папоротником.

Чтобы посильнее наказать себя, Джой подошел к зияющей дыре. Перегнулся через полог, чтобы посмотреть, где именно будет лежать его отец.

На дне могилы, наполовину забросанное землей, лежало тело, завернутое в прозрачную, забрызганную кровью пленку. Обнаженная женщина. Лица не видно. Пряди мокрых светлых волос.

Джой отступил, столкнувшись с другими людьми, направляющимися к могиле.

Он не мог дышать. Легкие, казалось, забило землей из могилы отца.

Суровые, как черно-серое небо, носильщики принесли гроб и осторожно установили его на специальные петли, подвешенные над могилой.

Джой хотел закричать, потребовать, чтобы они убрали гроб, посмотрели вниз, посмотрели на мертвую женщину, посмотрели в могилу.

Но лишился дара речи.

Прибыл священник в черной сутане и белом стихаре, который трепал ветер. До начала погребальной службы оставались мгновения.

Джой понимал: после того как гроб опустят на семифутовую глубину, после того как могилу засыплют, никто не узнает, что там была женщина со светлыми волосами. Для тех, кто ее любил и будет искать, она исчезнет навеки.

Вновь Джой попытался заговорить, но ни звука не сорвалось с его губ.

Он лишь дрожал всем телом.

С одной стороны, он знал, что никакого тела на дне могилы нет. Это фантом. Галлюцинация. *Delirium tremens*. Как жуки, которых Рэй Милланд видел выползающими из стен в «Пропавшем уикенде».

Тем не менее крик рвался у него из груди. И Джой бы закричал, если б смог разорвать железное кольцо молчания, сомкнувшееся вокруг него, закричал бы, потребовал, чтобы убрали гроб и заглянули в могилу, хотя знал, что никто ничего там не увидит и все подумают, что он тронулся умом.

Джой отвернулся от могилы, протолкался сквозь толпу приехавших из церкви на кладбище, направился вниз по холму, среди рядов надгробий. Укрылся во взятом напрокат автомобиле.

Внезапно к нему вернулись и возможность дышать, и дар речи.

— О господи! — вырвалось у него.— Господи, господи!

Должно быть, он сходил с ума. Двадцать лет непрерывного пьянства сделали свое черное дело, загубили мозг. Слишком много клеточек серого вещества утонули в ванне из алкоголя.

Так что дальнейшее соскальзывание в пропасть безумия мог остановить только добрый глоток виски. Джой достал из кармана фляжку.

Он прекрасно понимал, что в городе еще месяц будут обсуждать, как он, пошатываясь, уходил от могилы, не дождавшись, пока в нее опустят гроб. Хотя, честно говоря, Джоя более не волновали чьи-либо мысли. Его вообще ничего не волновало. Кроме желания выпить.

Но отца еще не похоронили, а Джой обещал себе, что останется трезвым, пока могилу не засыплют землей. За эти годы он бессчетное число раз нарушал обещания, которые давал себе, но по причинам, сформулировать которые не мог, это обещание представлялось ему важнее других.

Фляжку он так и не открыл.

Наверху, под ветвями деревьев, основательно раздетых осенью, под черным небом, гроб медленно опустили в землю.

Скоро люди потянулись вниз, проходили, с неподдельным интересом поглядывая на Джоя.

После ухода священника ветер закружил вихрями опавшую листву, словно души умерших выражали свое недовольство тем, что их потревожили.

Гром сотряс небеса. Первый за многие часы. И еще остававшиеся у могилы заторопились к своим автомобилям.

Владелец похоронного бюро и его помощник убрали лебедку, сняли ограждение могилы.

В тот самый момент, когда полил дождь, кладбищенский рабочий в желтом плаще убирал клеенку с холмика вырытой земли.

Другой рабочий уже сидел за рулем маленького трактора, который назывался «Бобкэт». Такого же желтого, как и дождевик напарника.

Прежде чем могилу залило водой, «Бобкэт» засыпал ее землей, а потом уплотнил гусеницами.

— Прощай,— выдохнул Джой.

Вроде бы ему следовало ощущать в этот момент некую завершенность, окончание важного жизненного этапа. Но он чувствовал лишь пустоту в душе. Ничего не завершилось, а он на это очень надеялся.

Глава 5

Вернувшись в отцовский дом, Джой спустился по узкой лестнице в подвал. Прошел мимо топливного котла. Мимо водонагревателя.

Дверь в комнату Пи-Джи рассохлась. Никак не хотела открываться, протестующе скрипела, цепляясь за дверную коробку, но Джой все-таки распахнул ее.

Дождь бил в узкие горизонтальные окна в верхней части подвальной стены, вспышки молний не разгоняли глубокую тень, заполонившую комнату. Джой щелкнул выключателем у двери, под потолком вспыхнула лампочка.

Комната была пуста. Кровать брата и остальную мебель, должно быть, давно уже продали, чтобы выручить несколько долларов. Последние двадцать лет, приезжая домой, Пи-Джи спал в комнате Джоя на втором этаже в полной уверенности, что Джой не приедет и комната ему не понадобится.

Пыль. Паутина. На стенах разводы плесени.

Единственным напоминанием о том, что здесь когда-то жил Пи-Джи, осталась пара киношных постеров на стене, аляповатых, когда-то ярких, а теперь выцветших, запылившихся, пожелтевших от времени, потрескавшихся, с завернувшимися краями.

В школе Пи-Джи мечтал о том, чтобы вырваться из Ашервиля, из бедности и снимать фильмы. «Эти дурацкие картинки нужны мне,— как-то признался он Джою, указав на постеры,— чтобы напоминать о главном: успех любой ценой того не стоит. В Голливуде можно стать богатым и знаменитым, даже снимая всякую ерунду. Если я не смогу делать что-то действительно достойное, мне хватит смелости отказаться от своей мечты».

То ли судьба так и не дала Пи-Джи шанса попробовать себя в Голливуде, то ли с годами он потерял интерес к кино. Ирония судьбы в том, что прославился он как писатель, реализовав мечту Джоя после того, как сам Джой от нее отказался.

Джой завидовал брату... но в зависти не было злобы. Пи-Джи заработал каждое слово расточаемых ему похвал и каждый доллар, который ему заплатили, и Джой им гордился.

В юности у них сложились особые, очень теплые, доверительные отношения, и со временем они не изменились, пусть теперь братья жили не в одном доме, а в тысячах миль друг от друга и общались, главным образом, по телефону, когда Пи-Джи звонил из Монтаны, Мэна, Ки-Уэста или из какого-нибудь маленького городка, затерянного на просторах Техаса. Виделись они раз в три или четыре года, и всегда Пи-Джи появлялся неожиданно, проездом, и надолго не задерживался. Проводил с Джоем день-два и снова исчезал.

Дождь барабанил по лужайке, которая начиналась от окон подвала. В вышине, такой далекой, словно находящейся в другом мире, вновь прогремел гром.

В подвал Джой спустился за банкой. Но в комнате нашел лишь два постера.

На бетонном полу, рядом с его ботинком, вдруг материализовался черный паучок. Торопливо пробежал мимо.

Джой не раздавил его, лишь понаблюдал, как паучок добрался до трещины в полу у плинтуса и исчез в ней.

Выключив свет, Джой вернулся в комнату с котлом и водонагревателем, оставив перекосившуюся дверь открытой. Поднимаясь по лестнице, почти на кухне спросил себя: «За чем же я, черт побери, ходил? За банкой? Какой банкой?»

В недоумении остановился, посмотрел вниз.

Банкой *с чем*? Банкой *для чего*?

Он не мог вспомнить, *зачем* ему понадобилась банка и какую именно банку он искал.

Еще один признак нарастающего слабоумия.

Слишком давно Джой не пил.

По прибытии в Ашервиль с ним определенно что-то произошло. Он не находил себе места, терял связь с окружающим миром. Джой вышел на кухню. Выключил за собой свет.

Собранный чемодан стоял в гостиной. Джой вынес его на крыльцо, запер дверь, положил ключ под коврик, откуда и достал его менее чем двадцать четыре часа назад.

Кто-то зарычал у него за спиной. Обернувшись, он увидел черную, мокрую от дождя дворняжку, сидевшую на нижней ступеньке. Глаза собаки горели яростным желтым огнем, как уголь с большим содержанием серы, дворняга злобно скалила зубы.

— Уходи,— мягко, без угрозы сказал Джой.

Собака зарычала вновь, наклонила голову, напряглась, словно готовясь прыгнуть.

— Тебе здесь не место. Как, впрочем, и мне.— Джой не выказывал страха.

Дворняжка стушевалась, задрожала, вывалила розовый язык и наконец ретировалась.

С чемоданом в руке Джой подошел к лестнице, проводил собаку взглядом. Она растворилась в дожде, как мираж. Обогнув угол дома, исчезла, и теперь Джою не составило бы труда убедить себя, что это очередная галлюцинация.

Глава 6

Адвокатская контора располагалась на втором этаже кирпичного здания на Главной улице, над таверной «Старый город». По случаю воскресенья таверна не работала, но рекламные надписи в витринах горели достаточно ярко, чтобы окрашивать струи дождя, текущие по стеклу, в зеленый и синий цвет.

Генри Кадинска занимал две комнаты, двери которых выходили в тускло освещенный коридор. Здесь же находились кабинет дантиста и фирма по торговле недвижимостью. Джоя ждали.

Он переступил порог маленькой приемной и поздоровался.

Из-за приоткрытой двери в кабинет донеслось: «Пожалуйста, заходи, Джой».

Вторая комната размерами чуть превосходила первую. Полки с книгами по юриспруденции занимали две стены. Еще на одной висели дипломы хозяина кабинета. Окна закрывали деревянные жалюзи, каких не производили уже лет пятьдесят. Сквозь горизонтальные щели в кабинет заглядывал дождливый день.

Два одинаковых стола из красного дерева стояли в противоположных углах. Когда-то Генри Кадинска делил кабинет со своим отцом Львом, который был единственным городским адвокатом, пока к нему не присоединился Генри. Лев умер, когда Джой учился в средней школе. Не использующийся по назначению, но сверкающий полировкой стол Льва Кадинска оставался в кабинете как памятник.

Положив трубку на большую хрустальную пепельницу, Генри поднялся из-за стола, пересек кабинет, пожал руку Джоя.

— Я видел тебя в церкви, но не хотел мешать.

— Я не заметил... никого.

— Как ты?

— Нормально. Я в порядке.

Они постояли в неловком молчании, не зная, что сказать. Потом Джой сел в одно из двух кресел перед столом.

Кадинска вернулся за стол, взял трубку. Лет пятидесяти пяти, невысокий, тощий, с торчащим кадыком. Голова его казалась великоватой для такого хрупкого тела, и ощущение это еще усиливали огромные залысины.

— Ты нашел ключ от дома, где я тебе и сказал?

Джой кивнул.

— Город сильно не изменился, не так ли? — спросил Генри Кадинска.

— Меньше, чем я ожидал. Вообще не изменился.

— Большую часть жизни у твоего отца не было денег, а когда наконец появились, он не знал, как их потратить.— Генри поднес спичку к трубке, глубоко затянулся.— Пи-Джи страшно злился из-за того, что Дэн практически не расходовал деньги, которые тот присылал.

Джой заерзал.

— Мистер Кадинска... я не понимаю, почему я здесь? Зачем я вам потребовался?

— Пи-Джи до сих пор не знает о смерти отца?

— Я оставил сообщение на автоответчике в его нью-йоркской квартире.

Но он там практически не живет. Каждый год проводит от силы месяц.

Генри выдохнул дым. По кабинету поплыл густой запах табака, ароматизированного вишней.

Несмотря на дипломы и полки с книгами, комната была не похожа на кабинет адвоката. Здесь царил какой-то особый уют. Профессия стала для Генри Кадинска таким же неотъемлемым атрибутом жизни, как халат и шлепанцы.

— Иногда он не набирает свой номер несколько дней, бывает, даже две недели.

— Странный образ жизни... все время в дороге. Но, полагаю, ему это нравится.

— Не то слово.

— А в результате появляются прекрасные книги.

— Да.

— Я в восторге от книг Пи-Джи.

— Не только вы.

— В них ощущается удивительное чувство свободы... полета души.

— Мистер Кадинска, при такой плохой погоде мне бы хотелось как можно быстрее выехать в Скрентон. Боюсь опоздать на рейс.

— Да-да, разумеется.— В голосе Кадинска слышалось разочарование.

Джой видел перед собой одинокого человека, который рассчитывал на обстоятельную, неторопливую дружескую беседу.

Пока адвокат открывал папку и рылся в лежащих в ней бумагах, Джой заметил, что один из дипломов выдан гарвардской юридической школой. Удивился. Выпускники такой альма-матер обычно не практикуют в маленьких, забытых богом городках.

И полки заполняли не только книги по юриспруденции. Хватало и философских томов. Платон. Сократ. Аристотель. Кант. Августин. Кайзерлинг. Бентам. Сантаяна. Шопенгауэр. Эмпедокл. Хайдеггер. Хоббс. Френсис Бэкон.

Возможно, Генри Кадинска не столь уж уютно чувствовал себя в кресле провинциального адвоката, но просто смирился с этим сначала, чтобы не огорчать отца, потом в силу привычки.

Иногда, особенно после выпитого виски, Джой забывал, что в этом мире не только его мечты обращались в прах, столкнувшись с жизненными реалиями.

— Завещание и последняя воля твоего отца.— Кадинска смотрел на лежащий перед ним документ.

— Оглашение завещания? — переспросил Джой.— Я думал, присутствовать при этом должен Пи-Джи — не я.

— Наоборот, в завещании нет ни слова о Пи-Джи. Твой отец все завещал тебе.

Острый укол вины пронзил сердце Джоя.

— Почему он так поступил?

— Ты — его сын. Почему нет?

Джой попытался встретиться взглядом с адвокатом. В этот день, как никогда раньше, ему хотелось говорить честно, держаться с достоинством. Отец бы одобрил.

— Мы оба знаем ответ на этот вопрос, мистер Кадинска. Я разбил ему сердце. И матери тоже. Больше двух лет она умирала от рака, но я не приехал. Не взял ее за руку, не утешил отца. Не видел его двадцать последних лет. Звонил, может, шесть или восемь раз, но не больше. Половину этих лет он не знал, где найти меня, потому что я не оставлял ни телефона, ни адреса. А когда он находил мой телефон, у меня работал автоответчик и я сам трубку никогда не брал. Я был плохим сыном, мистер Кадинска. Я пьяница, эгоист, неудачник и не заслуживаю никакого наследства, каким бы маленьким оно ни было.

Генри Кадинска, казалось, кривился от боли, которую вызывала у него такая исповедь.

— Но сейчас ты не пьян, Джой. И я вижу, что у человека, который сидит передо мной, доброе сердце.

— Этим вечером я напьюсь, уверяю вас, сэр,— тихим голосом ответил Джой.— И если вы сомневаетесь в моих словах, значит, плохо разбираетесь в людях. Вы совсем меня не знаете... и в этом вам повезло.

Кадинска вновь положил трубку на пепельницу.

— Ладно, будем считать, что твой отец умел прощать. Он хотел, чтобы все отошло тебе.

Джой поднялся.

— Нет, я не могу ничего взять. И не хочу.— Он направился к двери.

— Пожалуйста, подожди.

Джой остановился, оглянулся.

— Погода отвратительная, а мне предстоит долгий путь по горным дорогам до самого Скрентона.

— Где ты живешь, Джой? — спросил Кадинска, наклонился вперед, опять взял трубку.

— Вы знаете. В Лас-Вегасе. Вы же нашли меня там.

— Я хотел сказать, где ты живешь в Лас-Вегасе?

— А что?

— Я — адвокат. Всю жизнь задаю вопросы и мне трудно перемениться. Уж извини.

— Я живу в трейлерном парке.

— С бассейном и теннисными кортами?

— Только старые трейлеры. Очень старые.

— Бассейна нет? Теннисных кортов?

— Черт, да там нет даже травы.

— А чем ты зарабатываешь на жизнь?

— Я — крупье за столом «блэк-джека». Иногда кручу рулетку.

— Работаешь регулярно?

— Когда в этом есть необходимость.

— А спиртное не помеха?

— Я не пью, когда работаю.— Джой вспомнил о своем обещании говорить правду.— Оплата хорошая плюс чаевые от игроков. У меня есть возможность копить деньги... на те периоды, когда я не работаю. Так что я ни в чем не нуждаюсь.

— Но с твоим послужным списком, учитывая, что ты то работаешь, то нет, тебе не часто удается получить работу в больших новых казино.

— Не часто,— согласился Джой.

— То есть с каждым разом ты оказываешься во все более захудалом месте.

— Для человека, в голосе которого только что звучало неподдельное сострадание, вы очень жестоки.

Кадинска покраснел.

— Извини, Джой, я просто хотел показать, что ты не в том положении, чтобы отказываться от наследства.

Но Джой твердо стоял на своем.

— Я не заслужил его, не хочу брать и не возьму. Решение принято. И потом, никто никогда не купит этот старый дом, а я точно сюда не вернусь.

Кадинска забарабанил пальцами по документам.

— Дом ничего не стоит. Тут ты прав. Но дом и обстановка — лишь малая часть наследства, Джой. Отец оставил тебе чуть больше четверти миллиона долларов в депозитах и ценных бумагах.

У Джоя пересохло во рту. Сердце учащенно забилось. Он вдруг увидел жуткую тьму, затаившуюся в углах кабинета адвоката, и тьма эта начала наползать на него.

— Это безумие. Отец был бедняком.

— Но твой брат давно уже добился успеха. Четырнадцать последних лет он каждый месяц посылал твоему отцу чек. На тысячу долларов. Я же сказал тебе, что Пи-Джи выходил из себя, потому что твой отец практически не тратил эти деньги. Дэн просто складировал их в банке, часть, по совету банкиров, держал в ценных бумагах, на них нарастали проценты.

— Это не мои деньги.— Голос Джоя дрожал.— Они принадлежат Пи-Джи. Он их присылал, пускай теперь и забирает.

— Но твой отец оставил их тебе. Только тебе. И его завещание — юридический документ.

— Отдайте их Пи-Джи, когда он появится,— ответил Джой и направился к двери.

— Я подозреваю, что Пи-Джи захочет выполнить волю отца. Скажет, что деньги должен взять ты.

— Я не возьму, не возьму.— Джой возвысил голос.

Кадинска догнал его в приемной, схватил за руку, остановил.

— Джой, это не так просто.

— Конечно просто.

— Если ты действительно не хочешь их брать, тогда ты должен отказаться от наследства.

— Я отказываюсь. Уже отказался. Ничего не хочу.

— Надо составить документ, подписать его, заверить у нотариуса.

И хотя в этот промозглый день в кабинете царил холод, Джоя прошиб пот.

— Сколько потребуется времени, чтобы подготовить эту бумагу?

— Если ты зайдешь завтра во второй половине дня...

— Нет.— Сердце Джоя билось о ребра, словно желая выскочить.— Нет, сэр. Я не останусь здесь еще на одну ночь. Я еду в Скрентон.

Утром улечу в Питтсбург. Оттуда — в Вегас. Сразу в Вегас. Документы пришлите по почте.

— Наверное, так будет лучше,— согласился Кадинска.— У тебя будет время все хорошенько обдумать, взвесить.

Поначалу адвокат казался мягким человеком, предпочитающим мир книг реальной жизни. Теперь нет.

Джой более не видел в его глазах доброты. Перед ним предстал хитрый оценщик душ с чешуей, замаскированной под кожу, с глазами, которые горели желтоватым сернистым огнем, совсем как у дворняги, которая едва не укусила его на крыльце отцовского дома.

Он вырвался из руки адвоката, оттолкнул его, метнулся к двери, охваченный паникой.

— Джой, что с тобой? — крикнул вслед Кадинска.

Коридор. Дверь фирмы, торгующей недвижимостью. Кабинет дантиста. Лестница. Джою не терпелось выскочить на свежий воздух, под очищающий дождь.

— Что с тобой?

— Не приближайтесь ко мне! — прокричал он.

У ступенек остановился так резко, что едва не скатился с них. Схватился за перила, чтобы сохранить равновесие.

Внизу, под крутой лестницей, лежала мертвая блондинка, завернутая в прозрачную пленку, перепачканную кровью. Пленка туго обтягивала ее груди, расплющивала их. Джой видел соски, но не лицо.

Его мутило от вида ее покалеченной руки, крови, ранки от ногтя на ладони. А больше всего он боялся, что она заговорит с ним из-под вуали из пленки, скажет то, что ему не следует знать, что он не должен знать.

Заскулив, как загнанное в угол животное, он повернулся и зашагал обратно.

— Джой?

Генри Кадинска стоял в тускло освещенном коридоре. Тени укрывали адвоката, блестели только очки с толстыми линзами, которые отражали желтый свет лампочки, висевшей под потолком. Он загораживал Джою путь. Приближался. Чтобы воспользоваться еще одним шансом уговорить его пойти на сделку.

Как же Джою хотелось вдохнуть свежего воздуха, подставить лицо под очищающий дождь. Повернувшись спиной к Кадинска, Джой снова двинулся к лестнице.

Блондинка по-прежнему лежала внизу, протягивая руку ладонью вверх, молчаливо о чем-то просила, возможно, о милосердии.

— Джой?

Кадинска уже рядом.

Джой двинулся вниз, сначала осторожно, потом быстрее, решив, что переступит через блондинку, если она действительно лежит у лестницы, пнет, если она попытается его схватить. Вскоре он уже перепрыгивал через две ступеньки, практически не держась за перила, треть лестницы осталась позади, половина — а девушка все лежала, осталось восемь ступенек, шесть, четыре — блондинка протягивала к нему руку, красный стигмат блестел в центре ладони. Шеннон закричал, достигнув последней ступени, и с его криком женщина исчезла. Нога опустилась на то место, где она только что лежала, Джой с силой распахнул дверь, вывалился на тротуар перед таверной «Старый город».

Повернулся к витринам, за которыми переливались зеленым и синим рекламные надписи, падающий с неба дождь стал ледяным, готовясь обратиться в мокрый снег. Через несколько секунд Джой промок... но не очистился.

Забравшись в кабину, он достал фляжку, которую ранее засунул под водительское сиденье.

Дождь не очистил Джоя изнутри. Он надышался грязным воздухом, который теперь отравлял организм. Но купажированный виски обладал отменными асептическими свойствами.

Джой отвернул крышку, поднес фляжку ко рту, глотнул. Повторил.

Алкоголь обжег горло, перехватило дыхание. Джой завернул крышку, боясь, что выронит фляжку из рук и прольет драгоценные остатки.

Кадинска не последовал за ним под дождь, чему Джой только порадовался.

Ему хотелось без задержки уехать из Ашервиля. Он завел машину, отвалил от тротуара, расплескал лужу на перекрестке и поехал по Главной улице к окраине города.

Но Джой не верил, что ему удастся так просто покинуть Ашервиль. Чувствовал: что-то его остановит. То ли заглохнет двигатель и откажется заводиться вновь. То ли кто-то врежется в него на одном из перекрестков, хотя машин практически не было. Молния могла ударить в телеграфный столб и завалить его поперек дороги. Что-то хотело помешать ему выбраться из города. Шеннон не мог объяснить, откуда возникло ощущение, но ничего не мог с собой поделать.

Однако опасение оказалось ложным. Джой добрался до границы Ашервиля и пересек ее. Главная улица перешла в обычное шоссе. Жалкие домишки сменились лесами и полями.

Все еще дрожа как от страха, так и от холода — одежда промокла насквозь,— Джой проехал с милю, прежде чем начал осознавать, что он более чем странно отреагировал на завещание отца, который отписал ему четверть миллиона долларов. Он не понимал, почему известие это повергло его в такой ужас, почему этот подарок судьбы мгновенно убедил в том, что его душа в опасности.

В конце концов, учитывая, как Джой прожил все эти годы, его душа, если она существовала, могла попасть только в ад.

В трех милях от Ашервиля Джой выехал на развилку. Шоссе уходило вперед, поблескивающая под дождем черная лента скатывалась по пологому склону. Налево ответвлялась Коул-Вэлью-роуд, ведущая к городу Коул-Вэлью.

В то воскресенье, двадцать лет назад, возвращаясь в колледж, он собирался проехать девять миль по Коул-Вэлью-роуд до пересечения с трехполосным шоссе, которое местные жители называли Блэк-Холлоу-хайвей, и, повернув на запад, через девять миль добраться до Пенсильванской платной автострады. Он всегда ездил этим путем, самым коротким.

Но по причинам, вспомнить которые ему так и не удалось, Джой проскочил мимо Коул-Вэлью-роуд. Проехал еще девятнадцать миль, потом свернул на федеральную автостраду, чтобы по ней кружным путем добраться до Блэк-Холлоу-роуд. На федеральной автостраде попал в аварию, а потом все у него вообще пошло наперекосяк.

Тогда Джой ехал на десятилетнем «форде-мустанге» модели 1965 года, который нашел на автосвалке и полностью восстановил, разумеется, с помощью отца. Господи, как же он любил тот автомобиль! Единственная красивая вещь, которая когда-либо принадлежала ему, и, что самое главное, он собственными руками сделал из дерьма конфетку.

Вспоминая «мустанг», Шеннон осторожно коснулся левой стороны лба, у самой линии волос. Шрам длиной в дюйм, практически невидимый глазу, легко прощупывался. Джой помнил, как автомобиль занесло, завертело на мокром от дождя асфальте, помнил удар о столб, звон разбивающегося стекла.

Помнил и кровь.

А теперь, в другом автомобиле, он подъезжал к развилке и смотрел на уходящую влево Коул-Вэлью-роуд, думая о том, что ему дается последний шанс изменить события в правильном направлении, выбери он сегодня дорогу, которой следовало ехать в ту знаменательную ночь. Последний шанс вернуть свою жизнь на путь, начертанный судьбой.

Безумная идея, нелепое суеверие вроде предчувствия, что ему не удастся покинуть Ашервиль... да только на этот раз Джой не ошибался. Насчет шанса. Не мог ошибаться. Ибо точно знал, что в этот клонящийся к вечеру октябрьский день в реальный мир пришла сверхъестественная сила, знал, что не только его будущее, но и прошлое зависит от решения, которое он сейчас примет... Потому что Коул-Вэлью-роуд, которую разрушили девятнадцать лет назад, сейчас уходила влево, как и в ту достопамятную ночь, чудом восстановившись на прежнем месте.

Глава 7

Джой проехал знак «Стоп» и свернул на обочину, аккурат перед съездом на Коул-Вэлью-роуд. Подфарники «шеви» выключил, двигатель — нет, поставив ручку переключения скоростей в нейтральное положение.

Под кронами растущих вдоль обочин деревьев две полосы мокрого асфальта уходили в сгущающиеся октябрьские сумерки и растворялись в тенях, черных, как надвигающаяся ночь. Прилипшие к асфальту опавшие разноцветные листья словно светились изнутри.

Сердце Джоя гулко билось.

Он закрыл глаза, прислушался к дождю.

Открыл, с тем чтобы увидеть, что никакой Коул-Вэлью-роуд нет и в помине, что это очередная галлюцинация. Но дорога не исчезла. Две полосы асфальта блестели под серебряным дождем. Алые и янтарные листья напоминали разбросанные на черном бархате драгоценности, завлекающие его в туннель деревьев и темноту, ждущую в глубине.

Дороги не могло быть.

Но она была.

Двадцать один год назад в Коул-Вэлью шестилетний мальчик, которого звали Руди Демарко, играя во дворе своего дома, провалился во внезапно образовавшуюся в земле трещину. Миссис Демарко, выбежавшая на его крики, нашла сына на дне восьмифутовой ямы, вокруг него клубился желтоватый серный дым. Он полезла за ним. В яме стояла такая жара, что женщине показалось, что перед ней ворота в ад. Дно ямы напоминало колосниковую решетку. Маленькие ноги Руди провалились между толстых каменных брусьев и болтались в густом серном дыму. Задыхаясь, плохо соображая, теряя ориентацию, миссис Демарко тем не менее вызволила сына из ловушки.

Дно ямы уже начало рушиться и уходить у нее из-под ног, когда, крепко прижимая к себе сына одной рукой, а другой хватаясь за горячую землю, она поползла наверх. Трещина быстро расширялась, края ее осыпались, но миссис Демарко все-таки вытащила сына на лужайку. Его одежда горела. Она накрыла мальчика своим телом, пытаясь погасить огонь, но загорелась и ее одежда. Прижимая Руди к себе, она каталась по траве, звала

на помощь, и ее крики казались особенно громкими потому, что мальчик неожиданно замолчал. Горела не только его одежда. Сгорели волосы, половина лица превратилась в сплошной волдырь, тело почернело, а где-то обуглилось. Тремя днями позже Руди Демарко умер в питтсбургской больнице, куда его доставили на машине «скорой помощи».

Ожоги оказались смертельными.

Шестнадцать лет, предшествующих смерти мальчика, жители Коул-Вэлью жили над подземным огнем, бушующим в заброшенных шахтах. Огонь этот питался оставшимся антрацитом, расширяя туннели и вертикальные стволы. Пока власти штата и округа дискутировали о том, когда выгорит весь уголь и пожар потухнет сам по себе, пока спорили о различных способах его тушения, пока тратили огромные средства на консультантов и бесконечные слушания, пока старались переложить друг на друга расходы, связанные с эвакуацией горожан, жители Коул-Вэлью жили с датчиками окиси углерода, дабы не отравиться угарным газом в собственных домах. Тут и там в городе торчали трубы вентиляционных скважин, по которым отводились газы из горящих туннелей, предотвращая угрозу взрыва. Одну из вентиляционных скважин пробурили на игровой площадке начальной школы.

После трагической смерти Руди Демарко политикам и бюрократам пришлось перейти от слов к делу. Федеральное правительство приступило к выкупу домов, которым грозила угроза разрушения. Сначала тех, что располагались непосредственно над горящими туннелями, потом соседних. За следующий год, по мере того как уезжало все больше жителей, Коул-Вэлью превращался в город-призрак.

К октябрю семьдесят пятого, когда Джой, возвращаясь в колледж, поехал не той дорогой, в Коул-Вэлью оставались только три семьи, но и их власти намеревались перевезти до Дня благодарения*.

После их отъезда намечалось в течение года разрушить все здания и дороги, а весь строительный мусор вывезти, чтобы от улиц, под которыми бушевал подземный огонь, не осталось и следа. Потом поля и холмы засеяли бы травой, вернув землю к

* Национальный праздник США, отмечается в четвертый четверг ноября.

естественному состоянию, и оставили, пока уголь в выработках окончательно не выгорит. По некоторым расчетам, на это могло уйти до двухсот лет.

Геологи, горные инженеры и чиновники департамента природных ресурсов Пенсильвании полагали, что площадь пожара занимает четыре тысячи акров — значительно больше территории городка. Следовательно, Коул-Вэлью-роуд тоже представляла собой немалую опасность для автомобилистов: на значительном участке почва могла в любой момент и где угодно провалиться под тяжестью автомобиля. В итоге, девятнадцать лет назад, после разрушения города-призрака, та же участь постигла и Коул-Вэлью-роуд.

Ее не было, когда днем раньше Джой ехал в Ашервиль. А теперь дорога появилась и ждала его, чтобы увести из дождливых сумерек в ночь неведомого. Путь, от которого он отказался в прошлый раз.

Джой очнулся от воспоминаний и обнаружил, что вновь держит в руке фляжку. Открытую, хотя и не помнит, как сворачивал крышку.

Чувствовал, если допьет остатки «Джека Дэниелса», дорога, уходящая в черный туннель деревьев, задрожит перед его глазами, поблекнет и исчезнет. Возможно, и к лучшему. Не стоит возлагать надежд на дарованные чудом вторые шансы и сверхъестественное вмешательство. В конце концов, тронув «шеви» с места и следуя этой неведомой дорогой, Джой мог изменить свою жизнь не к лучшему, а к худшему.

Он поднес фляжку к губам.

Холодные небеса сотряс гром. Дождь забарабанил по крыше с такой силой, что заглушил мерное урчание работающего на холостых оборотах двигателя.

Мозг окутали пары виски, такие же сладкие, как спасение души.

Дождь, дождь, проливной дождь. Лишивший и без того тусклый день остатков света.

И пусть дождь не мог добраться до него, от тяжелого полога спускающейся тьмы деться было некуда. Ночь забралась в кабину — знакомая спутница, в компании которой Шеннон провел многие и многие часы, размышляя о своей потерянной жизни.

Он и ночь вместе распили бессчетное количество бутылок виски, недосыпание он уже давно воспринимал как должное. Всего-то делов — прижать фляжку к губам, поднять донышко, выпить содержимое, и опасное искушение вновь ухватиться за надежду канет в Лету. Неведомая дорога исчезнет, а жизнь, пусть уже и без надежды, продолжится, он пройдет свой путь до конца в блаженном алкогольном забытьи.

Джой сидел долго. Желание выпить не проходило. Он не пил.

Приближающийся со стороны города автомобиль Джой заметил, лишь когда его фары вдруг ударили в стекло «шеви». Свет ослепил, сзади будто надвинулся гигантский локомотив с включенным ярким прожектором. Джой глянул в зеркало заднего обзора и скривился от боли, резанувшей глаза.

Автомобиль, поравнявшись с ним, свернул налево, на Коул-Вэлью-роуд. Полетевшие из-под колес брызги грязной воды помешали Джою разглядеть и модель автомобиля, и водителя.

Когда грязные брызги сползли по боковому стеклу «шеви», Джой увидел, что второй автомобиль сбросил скорость. Его задние огни продолжали удаляться, но в сотне ярдов от развилки, под деревьями, замерли.

— Нет,— вырвалось у Джоя.

На Коул-Вэлью-роуд красные тормозные огни горели, как глаза дьявола в кошмарном сне, пугали, но призывали к себе, вызывали тревогу, но завораживали.

— Нет.

Шеннон повернул голову, сквозь лобовое стекло посмотрел на уходящее вниз по склону шоссе, то самое, по которому он поехал двадцать лет назад. В конце концов, он не возвращался в колледж, как в тот вечер. Ему уже сорок, и он ехал в Скрентон, откуда утром намеревался улететь в Питтсбург.

На Коул-Вэлью-роуд по-прежнему горели огни. Странный автомобиль ждал.

Скрентон. Питтсбург. Вегас. Трейлерный парк. Безликая, но безопасная жизнь. Никакой надежды... но и никаких сюрпризов.

Красные тормозные огни. Маяки. Поблескивающие сквозь пелену дождя.

Джой закрутил крышку, так и не выпив ни капли.

Включил фары, первую передачу.

Повернул налево, на Коул-Вэлью-роуд.

Впереди второй автомобиль тоже тронулся с места. Быстро набрал скорость.

Джой Шеннон последовал за водителем-призраком через тонкую перемычку, отделявшую реальность от какого-то другого мира, к городу, более не существующему, навстречу судьбе, недоступной пониманию.

Глава 8

С деревьев, кроны которых нависли над дорогой, ветер и дождь срывали листья и бросали их на асфальт. Падали они и на лобовое стекло, на мгновение прилипали, похожие на летучих мышей с распростертыми крыльями, потом «дворники» сбрасывали их.

Джой держался в сотне ярдов позади таинственного автомобиля — слишком далеко, чтобы разобрать его марку и модель. Он говорил себе, что у него еще есть время развернуться, поехать обратно к развилке и продолжить путь по шоссе, как он поначалу и планировал. Но он чувствовал, что лишится такой возможности, если поймет, что за автомобиль едет впереди. Интуиция подсказывала: чем больше он узнавал о том, что с ним происходило, тем призрачнее становились шансы на возвращение в прежнюю жизнь. Но он миля за милей удалялся от реального мира, в неведомую землю второго шанса, и, скорее всего, развилки, где Коул-Вэлью-роуд уходила от шоссе, более не существовало.

Проехав три мили, Джой увидел белый двухдверный «плимут валиант», которым восторгался в детстве, но давно уже не встречал на дорогах.

Он стоял на обочине, очевидно, из-за поломки. Его габаритные огни окаймляли обочину. Они горели так ярко, что окрашивали капли дождя в алый цвет — и казалось, что небо истекает кровью.

Автомобиль, за которым Джой следовал, притормозил, почти остановился около «валианта», потом вновь набрал скорость.

Рядом с «плимутом» стоял человек в черном дождевике с капюшоном, держа в руке включенный фонарик. Замахал им, умоляя Джоя остановиться.

Джой глянул на удаляющиеся огни. Еще чуть-чуть — и загадочный автомобиль обогнет поворот, нырнет за гребень холма и исчезнет.

Проезжая мимо «плимута», Джой разобрал, что человек в дождевике — женщина. Вернее, девушка. Очень красивая. Не старше шестнадцати или семнадцати лет.

В отблеске фонарика лицо под капюшоном напомнило ему лик Девы Марии. Ее статую для церкви в Ашервиле сделал неизвестный скульптор. И свечи, стоявшие перед статуей в красных стаканчиках, вот так же отбрасывали блики на ее лицо, делая его живым и прекрасным.

Когда Джой проезжал мимо девушки, она умоляюще посмотрела на него, и в ее взгляде он увидел нечто такое, что встревожило его до глубины души: перед его мысленным взором возникло это же лицо, но без глаз, разбитое, окровавленное. Каким-то образом он *знал*: если сейчас не остановиться, девушка не увидит зарю следующего дня, умрет насильственной смертью до того, как прекратится дождь.

Джой свернул на обочину перед «валиантом», вылез из автомобиля.

Он еще не успел высохнуть от очищающего душа, который принял, выйдя из адвокатской конторы Генри Кадинска двадцать минут назад, поэтому на дождь не обращал ни малейшего внимания, а температура холодного ночного воздуха как минимум в два раза превышала температуру страха, который не покидал его с того самого момента, как он узнал о завещании отца.

Джой поспешил к стоящему на обочине «плимуту», девушка устремилась к нему навстречу.

— Слава богу, ты остановился! — воскликнула она. Дождь стекал с капюшона, образуя водную завесу перед ее лицом.

— Что случилось?

— Машина сломалась.

— На ходу?

— Да. Аккумулятор ни при чем.

— Откуда вы знаете?

— Он не разряжен.

На него смотрели огромные темные глаза. В красном отсвете фонарей капли дождя на ее щеках блестели, как слезы.

— Может, генератор?

— Ты разбираешься в двигателях?

— Да.

— Я — нет. И чувствую себя такой беспомощной.

— Мы все такие.

Она как-то странно посмотрела на него.

Молодая девушка, в силу своего возраста она еще не растеряла наивности и мало что знала о жестокости окружающего мира. Однако Джой Шеннон увидел в ее глазах что-то такое, чего не мог понять.

— Я в полной растерянности.— И это, похоже, относилось к ее неумению чинить автомобили.

Он поднял капот.

— Дайте мне ваш фонарик.

Она протянула ему фонарь.

— Я думаю, бесполезно.

Не обращая внимания на дождь, барабанящий по спине, он проверил крышку распределителя зажигания, чтобы убедиться, что она надежно закреплена, провода, ведущие к свечам от аккумулятора.

— Если сможешь, подвези меня до дома,— попросила она.— А завтра я вернусь сюда с отцом.

— Сначала давайте попробуем завести ваш автомобиль.— Он захлопнул капот.

— У тебя даже нет плаща,— обеспокоилась она.

— Не важно.

— Ты простудишься и умрешь.

— Это всего лишь вода... ею крестят детей.

Над головой ветви затрясло порывом ветра, опавшие листья закружились в воздухе, но их тут же прибило к земле, как прибивает ко дну последние надежды, пытающиеся всплыть из глубин сердца.

Он открыл дверцу со стороны водительского сиденья, сел за руль, фонарик положил рядом с собой. Ключи девушка оставила в замке зажигания. На поворот ключа стартер не отреагировал. Джой включил фары, и они тут же вспыхнули.

Яркий свет залил девушку, стоявшую перед автомобилем. От красного не осталось и следа. Черный дождевик напоминал сутану, белые лицо и руки, казалось, светились изнутри.

Несколько мгновений он смотрел на нее, гадая, почему их пути пересеклись и где они окажутся к тому времени, когда эта странная ночь перейдет в день. Потом выключил фары.

Вновь девушку освещал только красный отсвет габаритов.

Перегнувшись через сиденье, Джой вдавил кнопку-блокиратор на второй дверце, вылез из «валианта», взяв с собой фонарик и ключи.

— Что у вас сломалось, не знаю, но починить ваш автомобиль здесь не удастся.— Он захлопнул водительскую дверцу, запер на ключ.— Вы правы... лучше всего отвезти вас домой. Где вы живете?

— В Коул-Вэлью. Я как раз ехала домой.

— Там же практически никто не живет.

— Да. Наша семья — одна из трех оставшихся. Теперь это город-призрак.

Вымокшему, продрогшему до костей Джою не терпелось вернуться во взятый напрокат автомобиль и включить печку на полную мощность. Но вновь встретившись со взглядом темных глаз, он еще сильнее почувствовал, что именно ради нее ему предоставили второй шанс свернуть на дорогу к Коул-Вэлью, чего он не сделал двадцать лет назад. Но вместо того, чтобы бежать с ней к «шеви», он замялся, боясь, что любой его поступок, даже такой пустяковый, как посадить девушку в машину и отвезти домой, может оказаться ошибкой, а потому он лишится последнего, чудесным образом дарованного шанса на спасение души.

— Что-то не так? — спросила она.

Джой, будто загипнотизированный, смотрел на нее, размышляя над возможными последствиями своих действий. Его пустой взгляд, должно быть, напугал девушку.

Слова, которые сорвались с его губ, удивили его самого. Их словно произнес кто-то другой:

— Покажите мне ваши руки.

— Руки?

— Покажите мне ваши руки.

Ветер свистел в ветвях над головой, ночь стала часовней, в которой они стояли вдвоем.

В полном недоумении она протянула к нему руки.

— Ладонями вверх.

Она подчинилась и теперь больше, чем когда-либо, напомнила ему Матерь Божью, умоляющую всех прийти к ней, успокоить душу и сердце.

Девушка сложила руки лодочкой — в ней плескалась тьма, и он не мог разглядеть ладони.

Трясущейся рукой поднял фонарь.

Поначалу увидел неповрежденную кожу. Потом в центре каждой залитой водой ладони появился синяк.

Джой закрыл глаза, задержал дыхание. Когда открыл вновь, синяки потемнели.

— Ты меня пугаешь,— сказала она.

— Нам самое время испугаться.

— Ты никогда не казался странным.

— Посмотрите на ваши руки.

Она опустила глаза.

— Что вы видите?

— Вижу? Только свои руки.

Ветер стонал в деревьях голосом миллионов жертв, ночь наполняли жалобные мольбы о пощаде.

— Вы не видите синяки?

— Какие синяки?

Ее глаза оторвались от рук, взгляды вновь встретились.

— Так вы не видите?

— Нет.

— И не чувствуете?

На самом деле синяки уже превратились в раны, из которых начала сочиться кровь.

— Я вижу не то, что есть.— Джоя трясло от ужаса.— Я вижу то, что будет.

— Ты меня пугаешь,— повторила она.

Он видел перед собой не блондинку в саване из прозрачной пленки. Лицо под капюшоном обрамляли иссиня-черные волосы.

— Но вас может ждать та же участь, что и ее,— проговорил он скорее себе, чем ей.

— Кого «ее»?

— Я не знаю имени. Но она не была галлюцинацией. Теперь я понимаю. Белая горячка тут ни при чем. Здесь что-то другое. Что именно... не знаю.

Стигматы на ладонях девушки с каждым мгновением становились все ужаснее, хотя она их не видела и не чувствовала боли.

Внезапно Джой осознал, что усиление интенсивности этого паранормального явления может означать только одно: опасность, нависшая над девушкой, возрастала. Судьба, уготовившая ей смерть, которую он отсрочил, повернув на Коул-Вэлью-роуд и остановившись, могла и передумать.

— Может, он возвращается.

Она сжала пальцы в кулаки, возможно, смущенная его неотрывным взглядом.

— Кто?

— Не знаю.— Он посмотрел на Коул-Вэлью-роуд, в темноту, которая проглатывала блестящий под дождем асфальт.

— Ты про второй автомобиль? — спросила она.

— Да. Вы разглядели водителя?

— Нет. Мужчина. Но я его не разглядела. Лишь смутный силуэт.

А следовало?

— Не знаю.— Он взял ее за руку.— Пошли. Уедем отсюда.

Когда они шли к «шеви», девушка сказала: «Ты совсем не такой, каким, я думала, станешь».

Фраза эта удивила Джоя. Но прежде чем он успел спросить, а что сие означает, они добрались до «шеви»... и тут он остановился как вкопанный, потрясенный увиденным, забыв про ее слова.

— Джой? — позвала она.

«Шеви» исчез. На его месте стоял «форд». «Мустанг» модели 1965 года. *Его* «мустанг» модели 1965 года. Развалюха, которую он, подросток, восстановил с помощью отца. Синий «мустанг» с выкрашенными белым дисками колес.

— Что не так? — спросила она.

На этом «мустанге» Джой ехал двадцать лет назад. Этот «мустанг» он разбил, слетев с асфальта автострады и врезавшись в столб рекламного щита.

Но перед ним стоял целехонький «мустанг». По боковому стеклу, которое он при аварии вышиб головой, стекали струйки дождя. «Мустанг» словно только что сошел с заводского конвейера.

Поднялся ветер, завыл, ночь обезумела. Плети дождя обрушились на Джоя, девушку, автомобиль, асфальт.

— Где «шеви»? — дрожащим голосом спросил он.

— Кто?

— «Шеви»,— он возвысил голос, чтобы перекричать ветер.

— Какой «шеви»?

— Взятый напрокат автомобиль. На котором я приехал.

— Но... ты приехал на «мустанге».

Как и прежде, он видел в ее взгляде что-то загадочное, но полностью осознавал, что она не пытается его обмануть.

Отпустил ее руку, двинулся вдоль «мустанга», ведя рукой по заднему крылу, дверцам, переднему крылу. Холодный, гладкий, мокрый от дождя металл, твердый, как дорога, на которой стоял автомобиль, реальный, как сердце, колотящееся в груди.

Двадцать лет назад, после удара о столб, «мустанг» сильно помяло, но он остался на ходу. Джой вернулся на нем в колледж. Помнил, как гремел и дребезжал автомобиль по пути в Шиппенсбург: это его жизнь разваливалась на части.

И помнил кровь.

Рваная рана на лбу тогда сильно кровоточила. Джой, конечно, заехал в больницу, где его перевязали, но к тому времени он сильно перемазал кровью оба передних сиденья. Теперь, когда Джой осторожно открыл водительскую дверцу, в кабине вспыхнул свет. Достаточно яркий, чтобы увидеть: пятен крови на обивке нет.

Девушка обошла «мустанг» с другой стороны. Скользнула на пассажирское сиденье, захлопнула дверцу.

Без нее ночь разом опустела, превратилась в могилу фараона, еще не найденную археологами в песках Египта. Будто весь мир вымер, и только Джой Шеннон остался, чтобы услышать вой ветра и познать ярость бури.

Ему не хотелось садиться за руль. Происходило явно что-то очень странное. Казалось, Джой перенесся в несуществующий мир, плод горячечного бреда... хотя был совершенно трезв.

Вспомнил о ранах на хрупких ладонях, которые увидел до того, как они там появились, об опасности, которая возрастала с каждым мгновением, проведенным на темной дороге. Сел за руль, захлопнул дверцу, отдал девушке фонарик.

— Включи печку,— попросила она.— Я закоченела.

Он забыл о том, что и сам замерз и продрог. Все его мысли занимала загадочная трансформация, которую претерпел «шеви».

Ключ торчал в замке зажигания.

Джой завел машину. Звук стартера он знал, как собственный голос. И настроение его сразу улучшилось. Несмотря на все странности, что творились вокруг него, несмотря на страх, который не отпускал со времени приезда в Ашервиль, Джоя вдруг охватил дикий восторг.

Груз прожитых лет свалился с плеч. По крайней мере на мгновение будущее стало таким же радужным, каким представлялось ему в семнадцать.

Девушка передвинула рычажки, и по воздуховодам в салон хлынул горячий воздух.

Джой снял «мустанг» с ручника, включил первую передачу, но прежде чем тронуться с места, повернулся к девушке.

— Покажите мне руки.

Она показала, пусть и не очень понимала, зачем ему это нужно.

Раны на ладонях оставались, видимые только ему, но он решил, что они частично закрылись. И крови текло меньше.

— Мы поступаем правильно, уезжая отсюда,— объяснил он ей, хотя и знал, что едва ли она понимает, о чем речь.

Включил «дворники» и выехал на шоссе, продолжив путь в Коул-Вэлью. Автомобиль повиновался каждому его движению, как великолепно настроенный рояль, отчего на душе стало еще легче и веселее.

Минуту или две Джой полностью сосредоточился на вождении, просто вождении... такого с ним не случалось уже добрых двадцать лет.

Он буквально растворился в «мустанге». Мальчик и его автомобиль.

Что могло быть лучше романтики дороги?

Потом он вспомнил слова незнакомки, произнесенные аккурат в тот момент, когда он впервые увиде«мустангнга» и остановился как вкопанный. *«Джой? Что не так?»* Она назвала его по имени. *«Джой? Что не так?»* Но он точно помнил, что не представлялся ей.

— Как насчет музыки? — спросила она с нервной дрожью в голосе, словно его затянувшееся молчание тревожило ее куда больше, чем все сказанное или сделанное им.

Джой искоса глянул на нее, когда она потянулась к радио.

Капюшон дождевика она откинула, открыв копну густых, шелковистых волос, цветом чернее ночи.

Она сказала что-то еще, фразу, которая удивила его. Память его не подвела: *«Ты совсем не такой, каким, я думала, станешь»*. А до того: *«Ты никогда не казался странным»*.

Девушка поворачивала верньер, пока не нашла станцию, на волне которой Брюс Спрингстин пел «Дорогу грома».

— Как тебя зовут? — спросил он, решив перейти на «ты»*.

— Селеста. Селеста Бейкер.

— Откуда ты знаешь мое имя?

Вопрос ее смутил, она лишь на мгновение решилась встретиться с ним взглядом. Даже в слабом свете приборного щитка Джой заметил, что девушка покраснела.

— Ты никогда меня не замечал, я знаю.

Он нахмурился.

— Не замечал?

— В средней школе ты учился двумя классами старше меня.

Несмотря на опасную, мокрую дорогу, Джой посмотрел на девушку, изумленный ее словами.

— Что ты такое говоришь?

Она ответила, не отрывая глаз от подсвеченной шкалы радиоприемника.

— Я училась во втором классе, а ты в выпускном**. Я по уши влюбилась в тебя. И была в отчаянии, когда ты закончил школу и уехал в колледж.

Джой с огромным трудом оторвал от нее взгляд.

Вписавшись в поворот, они проехали мимо заброшенной шахты со сломанным опрокидывателем, который на фоне черного неба смотрелся как скелет доисторического чудовища. Поколения шахтеров трудились в его тени, добывая уголь, но все

* Этот переход нужен только в русском языке. В английском местоимения «ты» и «вы» обозначаются одним словом — you.

** В США школьный цикл обучения занимает двенадцать лет. Средняя школа — с девятого по двенадцатый классы.

они или умерли, или разъехались по другим округам и штатам. Следуя изгибу дороги, Джой плавно сбросил скорость с пятидесяти до сорока миль в час, столь потрясенный словами девушки, что уже не доверял себе, боялся не справиться с управлением на более высокой скорости.

— Мы никогда не разговаривали,— продолжала она.— Мне не хватало духа подойти к тебе. Я просто... ты понимаешь... восхищалась тобой издалека. Господи. Это так глупо звучит.— Она искоса глянула на него, чтобы убедиться, что он не смеется над ней.

— Ты несешь чушь,— ответил он.

— *Я?*

— Сколько тебе лет? Шестнадцать?

— Семнадцать, почти восемнадцать. Мой отец — Карл Бейкер, а быть дочерью директора школы ой как нелегко. Я всегда чувствовала себя парией, так что мне с трудом удавалось завести разговор даже с парнем, который... ну, в общем, далеко не с таким красавчиком, как ты.

Ему казалось, что он попал в комнату кривых зеркал, где искажено все, не только отражения.

— Я не понимаю твоей шутки.

— Шутки?

Он сбавил скорость до тридцати миль в час, потом еще придавил педаль тормоза, наконец, «мустанг» уже не обгонял воду, которая бежала по дренажной канаве, заполнив ее практически доверху, за правой обочиной. Свет фар дробился на неровной поверхности воды.

— Селеста, мне, черт побери, сорок лет. Как я мог учиться в школе двумя классами старше тебя?

На ее лице отразилось изумление, смешанное с тревогой, но потом и первое, и второе сменила злость.

— Почему ты так себя ведешь? Почему пытаешься напугать меня?

— Нет-нет. Я просто...

— Ты давно уже учишься в колледже, а все равно дурачишься. Может, мне надо радоваться тому, что раньше у меня не хватило духа заговорить с тобой?

Ее глаза заблестели от слез.

В замешательстве он перевел взгляд на дорогу... и тут же закончилась песня Спрингстина.

— Это была «Дорога грома» из нового альбома Брюса Спрингстина «Рожденный бежать»,— раздался из радиоприемника голос диджея.

— Нового альбома? — переспросил Джой.

— Крутая песня, не так ли? Можете мне поверить, этот парень далеко пойдет.

— Это не новый альбом,— пробормотал Джой.

Селеста вытирала глаза бумажной салфеткой.

— Давайте послушаем еще одну песню Брюса,— продолжал диджей,— «Только она». Из того же альбома.

Зазвучала мелодия рок-н-ролла. «Только она» оставалась такой же радостной, веселой и задорной, как и двадцать лет назад, когда Джой услышал ее впервые.

— О чем он говорит? Это не новый альбом. «Рожденный бежать» вышел двадцать лет назад.

— Замолчи,— в голосе слышались злость и обида.— Просто замолчи, а?

— Тогда эти песни постоянно крутили на радио. Он поставил на уши весь мир. Придал рок-н-роллу второе дыхание. Теперь это классика... «Рожденный бежать».

— Прекрати,— яростно прошипела она.— Больше тебе меня не испугать, пусть я и «синий чулок». Ты не доведешь меня до слез.

А она действительно боролась со слезами. Челюсть закаменела, губы плотно сжались.

— «Рожденному бежать» уже двадцать лет,— настаивал он.

— Ерунда.

— Альбом вышел двадцать лет назад.

Она вжалась в дверцу со стороны пассажирского сиденья, чтобы как можно дальше отодвинуться от него.

Спрингстин пел.

Голова у Джоя шла кругом.

Ответы приходили к нему, но он не решался обдумывать их, опасаясь, что они неправильные и внезапно проснувшиеся в нем надежды лишены основания.

Дорога втиснулась в узкий проход между горами. С обеих сторон отвесные стены поднимались на добрых сорок футов и

таяли в ночи. Фары освещали лишь небольшой кусок асфальта перед машиной.

Струи ледяного дождя яростно хлестали по «мустангу».

«Дворники» вибрировали, будто у автомобиля было огромное сердце, которое вместо крови качало время и судьбу.

Наконец Джой решился посмотреть в зеркало заднего обзора.

В сумраке кабины увидел нечто, чего хватило, чтобы сердце зашлось от изумления, трепета, безумной радости, конечно же, смешанными со страхом. Действительно, несуществующая дорога вела его неведомо куда. Из зеркала на него глянули ясные, чистые глаза, не потухшие и налитые кровью, какими они стали после двадцати лет пьянства.

А над глазами он увидел гладкий высокий лоб, не прорезанный глубокими морщинами тревог, горечи и презрения к самому себе.

Он с силой вдавил в пол педаль тормоза. Завизжали шины, «мустанг» потянуло вбок.

Закричала Селеста, уперлась руками в приборный щиток. Если бы они ехали быстро, она бы точно ударилась головой о ветровое стекло.

Автомобиль через желтую разделительную линию вынесло на встречную полосу, развернуло на сто восемьдесят градусов, при этом он вновь пересек разделительную полосу и остановился, нацелившись передним бампером в сторону развилки.

Джой повернул к себе зеркало заднего обзора, приподнял, чтобы посмотреть на линию волос, она определенно сдвинулась к бровям, опустил, чтобы увидеть нос, рот, подбородок.

— Что ты делаешь? — спросила она.

Пусть у него и тряслась рука, он нащупал выключатель и включил лампочку под потолком.

— Джой, мы же можем столкнуться лоб в лоб! — испуганно воскликнула она, хотя в Коул-Вэлью больше никто не ехал.

Он лишь придвинулся к маленькому зеркалу, поворачивал его из стороны в сторону, изгибал шею, чтобы досконально рассмотреть свое лицо.

— Джой, мы же не можем стоять на дороге!

— Господи, о господи!

— *Ты сошел с ума?*

— Я сошел с ума? — спросил он свое молодое отражение.

— *Немедленно развернись и съедь с дороги!*

— Какой сейчас год?

— Перестань наконец идиотничать.

— Какой сейчас год?

— Это не смешно.

— Какой сейчас *год?*

Она взялась за ручку двери.

— Нет,— остановил ее Джой,— подожди, подожди, ты права, надо съехать с дороги, только подожди.

Он развернул «мустанг» в направлении к Коул-Вэлью, куда они ехали до того, как он ударил по тормозам, съехал на обочину.

Повернулся к девушке, в голосе зазвучала мольба:

— Селеста, не сердись на меня, не бойся, прояви терпение, просто скажи, какой сейчас год. Пожалуйста. Пожалуйста. Я должен услышать это из твоих уст, и тогда я поверю, что это не сон. Скажи мне, какой сейчас год, а потом я тебе все объясню... насколько смогу объяснить.

Любовные чувства, которые в школе питала к нему Селеста, взяли верх над страхом и злостью. Лицо смягчилось.

— Какой год? — повторил он.

— Тысяча девятьсот семьдесят пятый,— ответила она.

Спрингстин допел песню.

Ее сменила рекламная пауза. Слушателям рекомендовали посмотреть последний хит сезона, фильм «Собачий полдень» с Аль Пачино в главной роли.

Годом раньше таким же хитом были «Челюсти». Стивен Спилберг только становился звездой. Этой весной американцы ушли из Вьетнама.

В прошлом году Никсон покинул Белый Дом.

Его сейчас занимал Джеральд Форд — президент-хранитель взбудораженной страны. В сентябре на его жизнь покушались дважды. Линнетт Фромм стреляла в него в Сакраменто. Сара Джейн Мур — в Сан-Франциско.

Элизабет Сетон стала первой американкой, канонизированной католической церковью.

«Цинциннатские краснокожие» в семи играх выиграли чемпионат страны по бейсболу среди обладателей кубков Американской и Национальной лиг.

Джимми Хоффа исчез.

Мухаммед Али стал чемпионом мира среди боксеров-тяжеловесов.

Диско. Донна Саммер. «Би Джиз».

Одежда оставалась мокрой, но костюм, в котором он был на похоронах и бежал из кабинета адвоката Генри Кадинска, исчез. Его заменили сапоги, синие джинсы, клетчатая байковая рубашка и джинсовая куртка, подбитая овчиной.

— Мне двадцать лет,— прошептал Джой с благоговейным трепетом, словно говорил с богом в тишине церкви.

Селеста протянула руку, коснулась его лица. Ладонь была теплой в сравнении со щекой, и рука дрожала не от страха, а от удовольствия, которое доставило Селесте это прикосновение. Разницу эту Джой смог почувствовать только потому, что вновь стал молодым и без труда распознавал флюиды, идущие от девушки.

— Определенно не сорок,— подтвердила она.

На радио Линда Ронсштадт запела песню, давшую название ее новому альбому: «Сердце, как рулевое колесо».

— Двадцать лет,— повторил Джой, и на глаза навернулись слезы благодарности той силе, которая чудесным образом перенесла его в это время и в это место.

Ему не просто дали второй шанс. Предоставили возможность начать все сначала.

— И теперь от меня требуется одно: все сделать правильно,— прошептал он.— Но как узнать, что именно я должен сделать?

Дождь лупил, лупил, лупил по «мустангу» с яростью барабанщиков Судного дня.

Рука Селесты отбросила мокрую прядь волос с его лба.

— Твоя очередь.

— Что?

— Я сказала тебе, какой сейчас год. Теперь ты должен все объяснить.

— С чего мне начать? Как мне... убедить тебя?

— Я поверю,— просто и коротко ответила она.

— В одном я уверен: я не знаю, что должен сделать, что изменить, ради чего меня перенесли сюда, но все замыкается на тебе. Ты — сердцевина, ты — причина того, что я получил надежду на новую жизнь, и любое мое будущее связано с тобой.

Пока он говорил, ее рука отдернулась от него. Теперь Селеста прижимала ее к сердцу.

У девушки, похоже, перехватило дыхание, так что заговорила она не сразу.

— Ты на мгновение стал другим, незнакомым... но мне это начинает нравиться.

— Позволь взглянуть на твою руку.

Она оторвала правую руку от сердца, протянула к нему ладонью верх.

Лампочка под потолком горела, но в тусклом свете он не смог как следует разглядеть ладонь.

— Дай фонарик.

Селеста выполнила просьбу.

Он включил его, всмотрелся в обе ладони. Когда он видел их в последний раз, стигматы затягивались. Теперь вновь открылись, и из них текла кровь.

— Что ты видишь, Джой? — спросила Селеста, увидев на его лице вернувшийся страх.

— Дыры от гвоздей.

— Там ничего нет.

— Сочащиеся кровью.

— На моих руках ничего нет.

— Тебе не дано их видеть, но ты должна верить.

Осторожно он коснулся ее ладони. Когда поднял палец, подушечка блестела от ее крови.

— Я вижу. Чувствую. Для меня все это — пугающая реальность.

Посмотрев на Селесту, Джой увидел, что ее широко раскрытые глаза не отрываются от пятна крови на подушечке пальца. Губы разошлись, образовав овал изумления.

— Ты... ты, должно быть, порезался.

— Так ты видишь?

— На твоем пальце,— подтвердила она с дрожью в голосе.

— А на своей руке?

Она покачала головой.

— На моих руках ничего нет.

Он прикоснулся к ее ладони вторым пальцем. И на нем появилось кровавое пятнышко.

— Я вижу,— ее голос дрожал.— На двух пальцах.

Произошло пресуществление. Воображаемая кровь на ее руке трансформировалась, благодаря его прикосновению и, разумеется, какому-то чуду, в реальную.

Селеста провела пальцами левой руки по ладони правой, но крови не появилось.

По радио Джим Кроус, еще не погибший в авиакатастрофе, пел «Время в бутылке».

— Наверное, ты не можешь видеть собственную судьбу, глядя на себя,— предположил Джой.— Кто из нас может? Но как-то... через меня... через мое прикосновение, тебе... ну, не знаю... дают знак.

Он мягко приложил к ладони Селесты третий палец, и его подушечка тоже окрасилась кровью.

— Знак,— повторила она, до конца не осознавая, что происходит.

— Так что ты мне поверишь. Этот знак нужен, чтобы ты мне поверила. Потому что, если ты мне не поверишь, я, возможно, не смогу тебе помочь. А если я не смогу помочь тебе, то не помогу и себе.

— Твое прикосновение,— прошептала она, беря его левую руку в свои.— Твое прикосновение,— она встретилась с ним взглядом.— Джой... что со мной случится... что случилось бы со мной, если бы ты не приехал?

— Тебя бы изнасиловали,— с абсолютной убежденностью ответил он, пусть и не понимал, откуда ему это известно.— Насиловали. Били. Мучили. В конце концов убили.

— Мужчина в другом автомобиле.— Она всматривалась в черную дорогу. Дрожал уже не только голос, но и все тело.

— Думаю, да,— ответил Джой.— Думаю... он это проделывал и раньше. Блондинка, завернутая в прозрачную пленку.

— Я боюсь.

— У нас есть шанс.

— Ты еще не объяснил. Не рассказал. Насчет «шеви», на котором ты вроде бы приехал... насчет того, что тебе сорок лет...

Селеста отпустила его руку, измазанную ее кровью. Джой вытер кровь о джинсы. Направил луч фонаря на ладони.

— Раны становятся больше. Судьба, грозящая тебе участь... как ни назови, вероятность того, что тебе не удастся ее избежать, растет.

— Он возвращается?

— Не знаю. Возможно. Почему-то... когда мы едем, то находимся в большей безопасности. Раны закрываются, затягиваются. Пока мы едем, что-то может перемениться, остается надежда.

Джой выключил фонарь, отдал девушке. Отпустил ручник, выехал на Коул-Вэлью-роуд.

— Может, нам не стоит ехать следом за ним? — спросила Селеста.— Может, нам лучше вернуться на шоссе, поехать в Ашервиль или куда-то еще, куда угодно, лишь бы от него подальше.

— Я думаю, для нас это будет конец. Если мы убежим... если свернем не на ту дорогу, как уже сворачивал я... мы не увидим милосердия небес.

— Может, нам надо обратиться за помощью?

— Кто нам поверит?

— Если они увидят... мои руки. Кровь на твоих пальцах после того, как ты прикоснешься ко мне.

— Я так не думаю. Нас только двое. Ты и я. Только мы против всего.

— Всего,— повторила она.

— Против этого мужчины, против участи, которая ждала бы тебя, не поверни я на Коул-Велью-роуд, участи, которой тебе не удалось избежать в другую ночь, когда я дальше поехал по шоссе. Ты и я против времени, будущего, всего, что с этим связано. И это все сейчас накатывает на нас, как лавина.

— Но что мы можем сделать?

— Я не знаю. Найти его? Противостоять ему? Мы должны действовать по обстоятельствам... делать то, что нам кажется правильным в каждый конкретный момент, минуту за минутой, час за часом.

— И как долго мы должны... все делать правильно, что бы это ни было, чтобы эти изменения стали постоянными?

— Не знаю. Может, до рассвета. Все, что случилось в ту ночь, произошло под покровом темноты. Может, от меня требуется только одно: не дать тебе умереть, и если мы сохраним тебе жизнь, если доживем до рассвета, тогда все изменится навеки.

Колеса катились по лужам, летевшие в обе стороны брызги напоминали крылья ангелов.

— О какой «другой ночи» ты постоянно говоришь? — спросила Селеста.

Двумя руками она изо всех сил сжимала лежащий на коленях фонарь, будто боялась, что какое-то жуткое существо влетит из темноты в «мустанг», существо, отогнать которое сможет только яркий луч фонаря.

И пока они ехали сквозь ночь к практически опустевшему городу Коул-Вэлью, Джой Шеннон рассказывал: «Этим утром я поднялся с кровати сорокалетним пьяницей с циррозом печени и без будущего. Днем я стоял у могилы отца, зная, что разбил ему сердце, разбил сердце матери...»

Селеста слушала и верила, потому что ей дали знак свыше, из того мира, который она не могла ни увидеть, ни почувствовать.

Глава 9

По радио «Иглз» спели «Одну из тех ночей», «Эрвидж уайт бэнд» — «Собери все вместе», Ронстадт — «Когда меня полюбят», Спрингстин — «Розалиту», «Братья Дуби» — «Черную воду», и все это были новые песни, хиты, только что пробившиеся на верхние строчки чартов, хотя Джой слушал их на других волнах и в разных местах уже двадцать лет.

К тому времени, когда он пересказал Селесте все события минувшего дня аккурат до того момента, как перед ним возник ее сломавшийся белый «валиант», они поднялись на гребень холма над Коул-Вэлью.

Джой свернул на засыпанную гравием площадку у дороги, под сенью деревьев, хотя и понимал, что времени у них в обрез и любая задержка может привести к тому, что им не удастся изменить будущее, в котором ее убивали, а его обрекали на ад на земле.

Коул-Вэлью скорее был деревней, а не городом. Даже до того, как в старых выработках разгорелся пожар, население Коул-Вэлью не превышало пятисот человек. Жили они в простых деревянных каркасных домах под крышей из дегтебетона. Летом в садиках цвели пионы и росла черника, зимой все покрывал толстый слой снега. По весне кизиловые деревья цвели белыми, розовыми и пурпурными цветами. В городе имелось маленькое

отделение Первого национального банка. Добровольная пожарная дружина, на вооружении которой состоял один автомобиль. Таверна «У Полански», где коктейли заказывали редко, отдавая предпочтение пиву или пиву и отдельно виски, а на стойке всегда стояли огромные миски с вареными яйцами и горячими колбасками. Универмаг, заправка, начальная школа.

Уличных фонарей в городке не было, но до того, как государство начало скупать дома и выплачивать компенсации переселенцам, по ночам Коул-Вэлью светлым пятном выделялся на фоне окружающих его темных гор. Теперь же все торговые и прочие заведения закрылись. Погас и очаг веры в местной церкви. Окна горели лишь в трех домах. Да и их хозяева намеревались уехать в ближайшие недели.

В дальнем конце города оранжевое сияние поднималось над шахтой, где огонь по вертикальному стволу подобрался к самой поверхности. Только там подземный пожар давал о себе знать, оставаясь невидимым под пустынными улицами и брошенными домами.

— Он в городе? — спросила Селеста, словно Джой, как радар, мог определить местонахождение их врага.

К сожалению, видения Джоя не подчинялись его контролю и не позволяли выйти на логово убийцы. Кроме того, он подозревал, что ему позволено вновь пережить эту ночь с равными шансами на победу и поражение. Он мог поступить правильно или ошибиться, опираясь лишь на собственные мудрость, здравый смысл и мужество. И проверку эту ему предстояло пройти в Коул-Вэлью. Он не мог рассчитывать, что ангел-хранитель будет нашептывать на ухо инструкции или встанет между ним и острым ножом, брошенным из глубокой тени.

— Он мог проехать через город, не остановившись,— ответил Джой.— Мог свернуть на Блэк-Холлоу-хайвей, а потом выехать на Пенсильванскую платную автостраду. По этому маршруту я обычно возвращался в колледж. Но... Я думаю, он в городе. Где-то внизу. Ждет.

— Нас?

— Он ждал меня после того, как свернул с шоссе на Коул-Вэлью-роуд. Просто остановился и смотрел, поеду ли я следом.

— Почему он так себя повел?

Джой чувствовал, что знает ответ. Какие-то воспоминания рвались из глубин подсознания, но никак не могли подняться на поверхность.

Он не сомневался, что они-таки вынырнут, но в самый неподходящий момент.

— Рано или поздно мы об этом узнаем.

Джой сердцем чувствовал, что столкновение неизбежно. Их засосало мощным притяжением черной дыры и тянуло навстречу правде.

На дальней стороне Коул-Вэлью сияние над открытой шахтой усилилось. Белый дым и красные искры взметнулись над землей, словно рой огненных мух, выброшенный с такой силой, что поднялся на добрую сотню футов, прежде чем искры затушил проливной дождь.

Боясь, что сосание под ложечкой перерастет в парализующий страх, Джой выключил лампочку под потолком, вновь вывел «мустанг» на асфальт Коул-Вэлью-роуд и покатил вниз, к покинутому городку.

— Мы сразу поедем к моему дому,— сказала Селеста.

— Не знаю, стоит ли.

— Почему нет? С моими родителями мы будем в полной безопасности.

— Безопасность — не главное.

— А что главное?

— Сохранить тебе жизнь.

— Это одно и то же.

— И остановить его.

— Остановить его? Убийцу?

— Конечно. Я хочу сказать, как мне рассчитывать на искупление грехов, если я повернусь спиной ко злу и уйду от него? Спасти тебя — это половина порученного мне дела. Остановить убийцу — вторая половина.

— Ты опять ударяешься в мистику. Когда мы позовем экзорциста, начнем разбрызгивать святую воду?

— Я говорю, что чувствую. От меня это не зависит.

— Послушай, Джой, у моего отца есть оружие. Охотничьи карабины, ружье. Нам это может понадобиться.

— А если наш приход в твой дом привлечет его туда?

— Дерьмо, это же чистое безумие. И учти, слово «дерьмо» редко срывается с моих губ.

— Дочь директора школы.

— Именно так.

— Между прочим, ты недавно кое-что о себе сказала... Это неправда.

— Да? И что я сказала?

— Ты не «синий чулок».

— Да?

— Ты — красавица.

— Я самая обыкновенная.

— И у тебя доброе сердце... слишком доброе, чтобы захотеть изменить собственную судьбу и обезопасить будущее ценой жизни родителей.

Какое-то мгновение Селеста молчала. Лишь дождь барабанил по крыше.

— Нет. Господи, нет, я этого не хочу. Но нам нужно так мало времени, чтобы войти в дом, открыть шкаф в кабинете, вооружиться.

— Все, что мы сделаем этой ночью, каждое принятое нами решение будет иметь серьезные последствия. Эти слова справедливы и по отношению к самой обычной ночи, без всех этих таинств. Об этом я как-то забыл и заплатил высокую цену за свою забывчивость. А к этой ночи счет особый.

Когда они миновали длинный спуск и приблизились к границе города, Селеста нарушила молчание:

— Так что же нам делать? Кружить по городу, не останавливаться, ждать, пока лавина нас накроет?

— Действовать по обстоятельствам.

— Но что это за обстоятельства? — раздраженно спросила она.

— Увидим. Покажи мне свои руки.

Она включила фонарь, направила луч сначала на одну ладонь, потом на другую.

— У тебя только темные синяки,— сообщил он ей.— Кровь не течет. Мы все делаем правильно.

Они угодили в провал, неглубокий, без языков пламени на дне, шириной в пару ярдов, но их достаточно сильно тряхнуло, заскрипели рессоры, глушитель ударило о землю, пружина откинула крышку бардачка, должно быть, неплотно закрытую.

Движение крышки напугало Селесту, она направила луч фонарика на бардачок. Внутри блеснуло стекло. Банка. Высотой в четыре или пять дюймов, диаметром — в три или четыре. В каких продают маленькие маринованные огурчики или ореховое масло. Наклейку сняли. Банку заполняла жидкость, ставшая непрозрачной из-за отражающегося от стекла света. В жидкости что-то плавало. Селеста не могла понять, что именно, но почему-то испугалась еще сильнее.

— Что это? — она сунула руку в бардачок без колебания, но с тревогой. Джой наклонился к ней, чтобы получше разглядеть находку.

Селеста достала банку с навинченной крышкой. Подняла повыше. В розоватой жидкости плавали два синих глаза.

Глава 10

Щебенка забарабанила по днищу, «мустанг», взревев мотором, выбрался из канавы, Джой, оторвав взгляд от банки, увидел, как почтовый ящик валится набок после тесного общения с передним бампером. Автомобиль выехал на лужайку первого встретившегося им дома Коул-Вэлью и остановился в нескольких дюймах от крыльца.

И мгновенно Джой мысленно перенесся в ту ночь, когда проскочил мимо поворота на Коул-Вэлью: *«...он мчится по автостраде слишком быстро для столь дождливой погоды, убегает, словно за ним гонится демон, его что-то мучает, он клянет бога и одновременно молится ему. Желудок скрутило, жжет, как огнем. В бардачке лежит упаковка "Тамс"*. Держа руль одной рукой, Джой наклоняется направо, нажимает кнопку, крышка бардачка откидывается. Он сует руку в маленький ящичек, ищет таблетки... и нащупывает банку. Не может понять, что это. Он никакую банку туда не ставил. Вынимает. В свете фар большого грузовика, приближающегося по встречной полосе, видит содержимое банки. То ли непроизвольно выворачивает руль, то ли шины скользят по мокрой дороге, но внезапно "мустанг" выходит из-под контроля, его тянет вбок. Столб рекламного щита. Ужасный удар. Джой вы-*

* Нейтрализатор кислотности в таблетках.

шибает головой боковое стекло. К счастью, оно разлетается в крошку, но все-таки без порезов дело не обходится. Отброшенный от столба, "мустанг" ударяется о рельс заграждения. Останавливается. Джой с трудом открывает перекошенную дверь, вылезает из кабины под дождь. Он должен избавиться от банки, Господи Иисусе, должен избавиться от нее до того, как кто-то остановится, чтобы помочь ему. В эту мерзкую погоду автомобилей на трассе немного, но среди водителей обязательно найдется добрый самаритянин, аккурат в тот самый момент, когда посторонние не нужны. Джой никак не может найти банку. Нет. Неужели он потерял ее? Лихорадочно ощупывает пол перед сиденьем водителя. Рука натыкается на холодное стекло. Банка цела. Крышка навинчена. Слава богу, слава богу. С банкой в руке Джой обегает автомобиль спереди, спешит к ограждению. За ним — поле, заросшее высокими сорняками. Со всей силой он зашвыривает банку в темноту и в изнеможении сползает на асфальт. Потом провал в памяти, он стоит у края автострады, не понимая, что он тут делает, как сюда попал. Ледяной дождь сечет голые руки и лицо. Голова раскалывается. Джой подносит руку ко лбу, находит рваную рану. Ему нужна медицинская помощь. Возможно, на рану придется наложить швы. Забравшись в "мустанг", он с облегчением обнаруживает, что машина на ходу и покореженным крылом не заклинило переднее колесо. Значит, все будет хорошо. Все будет хорошо».

Сидя в «мустанге» перед неизвестно чьим домом в Коул-Вэлью, только что разнеся передним бампером почтовый ящик, Джой вдруг осознал, что, уехав с места аварии на автостраде двадцать лет назад, он забыл про банку и глаза. То ли травма головы привела к частичной потери памяти... то ли он *приказал* себе забыть. И с болью в сердце подумал, что второе объяснение ближе к истине, что его подвела не физиология, а мужество.

В этой альтернативной реальности банка, которую он забросил на заросшее сорняками поле, оказалась у Селесты. Девушка выронила фонарь и теперь держала банку обеими руками, возможно, боялась, что крышка соскочит и содержимое банки выплеснется ей на колени. А потом сунула банку обратно в бардачок и захлопнула крышку.

Тяжело дыша, чуть ли не рыдая, Селеста обхватила себя руками, наклонилась вперед. «О дерьмо, дерьмо, дерьмо...» — повторяла она слово, которое нечасто слетало с ее губ.

Шеннон сжимал руль с такой силой, что не удивился бы, если бы тот развалился. Ураган, бушующий в душе Джоя, дал бы сто очков форы дождю и ветру, терзающим «мустанг». Еще чуть-чуть — и Джой понял бы, откуда взялась банка, чьи в ней оказались глаза, что сие означало, почему двадцать лет его мозг блокировал это воспоминание. Но Джой не мог заставить себя переступить черту, нырнуть в холодные глубины правды, возможно, потому, что знал: ему не хватит духа сжиться с тем, что он найдет на дне.

— Я не могу,— жалобно пролепетал он.

Селеста медленно подняла голову.

В прекрасных глазах читались необычайная сила характера, мудрость, не свойственная ее юному возрасту, и что-то еще, осознание чего-то нового, о чем она раньше не подозревала. Быть может, ей открылось, на какое зло способен человек. Внешне она ничем не отличалась от той девушки, которую Джой посадил в машину в восьми или десяти милях от города, но внутренне кардинальным образом переменилась и более не могла вернуться в то состояние наивности, в каком пребывала до этой ночи. Школьницы, которая краснела, признаваясь, что по уши влюбилась в него, больше не было, а от этого на душе у Джоя стало невыносимо грустно.

— Это не я,— сказал Джой.

— Я знаю,— ответила Селеста без тени сомнения. Посмотрела на бардачок, потом на него.— Ты не мог. Не ты. Не ты, Джой, никогда. Ты на такое не способен.

Вновь он подступил к черте, за которой открывалась истина, но волна душевной боли отнесла его назад.

— Должно быть, это ее глаза.

— Блондинки, завернутой в пленку?

— Да. И я думаю, как-то... каким-то образом я знаю, кто она, знаю, как умерла, как ей вырезали глаза. Но не могу вспомнить.

— Раньше ты говорил, что она — нечто большее, чем иллюзия, больше, чем пьяная галлюцинация.

— Да. Точно. Она — воспоминание. Я ее видел наяву где-то, когда-то.— Он приложил руку ко лбу, пальцами сжал череп с такой силой, что по руке пробежала дрожь, будто вытаскивал из себя забытое.

— Кто мог забраться в твой автомобиль и оставить в бардачке банку? — спросила она.

— Не знаю.

— Где ты провел вечер, до того как поехал в колледж?

— В Ашервиле. В доме родителей. До того как остановился у твоего «валианта», никуда не заезжал.

— «Мустанг» стоял в гараже?

— У нас нет гаража. Дом... не такой большой.

— Ты запирал кабину?

— Нет.

— Тогда в машину мог залезть кто угодно.

— Да. Возможно.

Никто не вышел из дома, перед которым они остановились, потому что его жильцы давно уже уехали из Коул-Вэлью. На белых алюминиевых пластинах обшивки кто-то нарисовал спреем большую цифру «4» и забрал ее в круг. Красная, как кровь, цифра, высвеченная фарами «мустанга», предназначалась для работников компании, получившей подряд на разрушение города и рекультивацию земли, и означала, что этот дом, после отъезда последних горожан Коул-Вэлью, будет сноситься четвертым по счету.

Федеральные чиновники и соответствующие департаменты правительства штата проявили завидную неэффективность и медлительность в борьбе с подземным пожаром, позволив ему распространиться под всей долиной, и теперь он мог погаснуть лишь сам по себе, после того как выгорел бы весь уголь. Зато срыть город с лица земли власти намеревались максимально быстро, расписав все чуть ли не по минутам.

— Здесь мы — легкая добыча,— сказал Джой.

Не взглянув на ладони Селесты, заранее зная, что неподвижность приводит к углублению стигматов, включил заднюю передачу и выехал с лужайки на улицу. Боялся, что «мустанг» забуксует на мокром дерне, но нет, до асфальта они добрались без проблем.

— Куда теперь? — спросила она.

— Осмотрим город.

— Что будем искать?

— Что-то неординарное.

— Тут все неординарное.

— Мы поймем, когда увидим.

Они медленно покатили по Коул-Вэлью-роуд, которая на территории городка стала Главной улицей.

На первом перекрестке Селеста указала на узкую улицу, уходящую влево.

— Наш дом там.

В квартале от Главной улицы, сквозь пелену дождя, они видели несколько уютно светящихся окон. Остальные дома, похоже, пустовали.

— Все соседи уже выехали,— подтвердила его догадку Селеста.— На этой улице мы остались одни. И в доме, кроме папы и мамы, никого нет.

— Возможно, они в безопасности, пока одни,— напомнил ей Джой и миновал перекресток, внимательно поглядывая по сторонам.

Хотя Коул-Вэлью-роуд в городке не заканчивалась, а уходила дальше, к достаточно оживленному шоссе, встречных машин им не попадалось, и Джой предположил, что рассчитывать на их появление не приходится. Многочисленные эксперты и чиновники убеждали общественность, что Коул-Вэлью-роуд совершенно безопасна и автомобили ни при каких обстоятельствах не провалятся в горящие выработки. Однако дорогу ждала та же участь, что и город, а потому жители окрестных городков, которые давно уже поняли, что оценки экспертов следует воспринимать с большой долей скептицизма, предпочитали объездные маршруты.

Впереди, по левую руку, высилась католическая церковь Святого Фомы, где службу каждые субботу и воскресенье проводили приходской священник и викарий, приезжающие из Ашервиля. К приходу относились и еще две церкви в городках этой части округа. Церковь была маленькая, деревянная, с окнами из простого, а не цветного стекла.

Внимание Джоя привлек мерцающий свет в окнах церкви. Ручной фонарь.

Внутри, при каждом движении фонаря, тени метались и прыгали, как извивающиеся в муках души.

Джой пересек улицу и остановил «мустанг» около церкви. Выключил фары и двигатель.

Бетонные ступени вели к распахнутым дверям.

— Нас приглашают,— Джой мотнул головой в сторону входа.

— Ты думаешь, он там?

— Скорее да, чем нет.

Свет в церкви погас.

— Оставайся здесь,— Джой открыл дверцы.

— Как бы не так.

— Я бы хотел, чтобы ты осталась.

— Нет,— отрезала Селеста.

— Там может случиться что угодно.

— *Здесь* тоже может случиться что угодно.

С этим Джой мог только согласиться. Он вылез из кабины и прошел к багажнику. Селеста последовала за ним, накидывая на голову капюшон.

К дождю уже примешивался мокрый снег, как и в ту ночь, когда Джой врезался в столб на автостраде. Снежинки падали на «мустанг», превращались в воду и медленно сползали на асфальт.

Откидывая крышку багажника, Джой готовился к тому, что увидит под ней труп блондинки.

Не увидел.

Достал монтировку из того угла, где лежал домкрат. С ней почувствовал себя спокойнее и увереннее.

В слабом свете лампочки Селеста разглядела ящик с инструментами и открыла его, пока Джой тянулся за монтировкой. Взяла большую отвертку.

— Это, конечно, не нож, но уже что-то.

Джой предпочел бы, чтобы девушка осталась в кабине, за закрытыми дверцами. Если бы кто-то подошел к машине, она нажала бы на клаксон, и Джой оказался бы рядом через несколько секунд.

Не прошло и часа после встречи с Селестой, но Шеннон уже знал девушку достаточно хорошо, чтобы понять бесплодность попыток отговорить ее идти с ним. Несмотря на хрупкость,

она обладала железной волей. А нерешительность, свойственная юности, исчезла без следа, когда Селеста осознала, что ей грозили изнасилование и смерть... и после того, как она нашла в бардачке банку с глазами. Знакомый ей мир даже в сравнении с утром этого дня стал куда более мрачным и тревожным, но она впитала в себя эти изменения и на удивление быстро, проявив завидное мужество, приспособилась к ним.

Джой с силой захлопнул багажник. Распахнутые двери церкви ясно давали понять, что человек, который привел Шеннона в Коул-Вэлью, ждал, что тот последует за ним и в храм.

— Держись ближе,— шепнул он Селесте.

Она кивнула.

— Не волнуйся.

Во дворе церкви Святого Фомы из земли на шесть футов торчала надстройка над вентиляционным колодцем диаметром в фут. Цепь, подвешенная на столбиках, служила ограждением. Дым, поднимающийся с большой глубины, клубился над краем колодца. За последние двадцать лет, по мере того как одна за другой проваливались попытки потушить или хотя бы локализовать подземный пожар, в городе пробурили почти две тысячи таких вентиляционных колодцев.

Несмотря на сильный дождь, в воздухе у входа в церковь Святого Фомы стоял сильный запах серы, словно какое-то чудовище, направляющееся в Вифлеем, сделало крюк и заглянуло в Коул-Вэлью.

На фронтоне церкви красным спреем, как и на доме, в который они едва не врезались, кто-то нарисовал число «13» и обвел его красным кругом.

Увидев это число, Джой подумал об Иуде. Тринадцатом апостоле. Выдавшем Христа.

Число на стене всего лишь означало, что церковь будет тринадцатым по счету снесенным в Коул-Вэлью зданием, но Джой не мог отделаться от мысли, что случайное совпадение несет в себе более глубокий смысл. Сердцем понимал, что он должен остерегаться предательства. Но кто собирался его предать?

Он не ходил к мессе уже двадцать лет, не считая похорон в это утро. Много лет называл себя агностиком, иногда атеистом, но внезапно все, что он видел перед собой, все случившееся с ним начало ассоциироваться с религией. Объяснение тому, ра-

зумеется, лежало на поверхности: он более не был сорокалетним циником, превратившись в молодого человека двадцати лет, который двумя годами раньше еще прислуживал у алтаря. Возможно, этот странный прыжок в прошлое вернул ему веру.

Тринадцать.

Иуда.

Предательство.

Вместо того чтобы отбросить выстроившуюся цепочку как суеверие, Джой отнесся к этим мыслям очень серьезно и решил удвоить бдительность.

Мокрый снег еще не одел дорожку в лед, но уже поскрипывал под ногами.

Селеста включила ручной фонарь, который захватила с собой из машины, и царящая в церкви тьма отступила.

Бок о бок они перешагнули через порог. Селеста направила луч налево, направо, убедившись, что никто не поджидает их в нартексе.

Купель из белого мрамора для святой воды стояла у входа в неф. Джой обнаружил, что она пуста, проведя пальцами по сухому дну, и перекрестился.

Прошел в церковь, подняв монтировку над головой, готовый отразить или нанести удар. Он не мог полностью полагаться на милость бога.

Селеста мастерски управлялась с фонарем, быстро перемещая луч в разные стороны, словно розыски маньяков-убийц давно уже стали для нее обычным делом.

Хотя службы в церкви Святого Фомы не проводились уже пять или шесть месяцев, Джой подозревал, что электропроводку не отключали. Хотя бы из соображений безопасности, потому что неприятности, связанные с заброшенным зданием, устранять в темноте было значительно труднее. Теперь, когда безразличие и некомпетентность чиновников привели к потере целого города, власти, конечно же, придавали особое значение мерам безопасности.

Слабый аромат благовоний, которые курились во время служб, едва прорывался сквозь запахи мокрого дерева и плесени. Воняло и серой, и вонь эта в глубине здания становилась все сильнее, окончательно забивая аромат благовоний.

Пусть дождь и снег барабанили по крыше и окнам, в нефе царила тишина, присущая всем церквям. Тишина и ожидание. Обычно ожидание встречи с божественным присутствием, но на этот раз — с дьявольским вторжением на когда-то священную территорию.

Сжимая монтировку в одной руке, другой Джой пошарил по левой стене арки нартекса. Выключатель найти не смог.

Отправив Селесту к правой стене, он двинулся дальше, не отрывая руки от стены, и наконец нащупал блок из четырех выключателей. Одним движением руки поднял все четыре рычажка.

Под потолком вспыхнули лампы, желтый свет вырвал из темноты ряды скамей.

Загорелись лампы и вдоль стен, осветив пыльный пол.

Дальняя часть церкви, за алтарной преградой, осталась в тени. Тем не менее Джой разглядел, что все священные предметы из церкви вынесены, включая алтарь и большое распятие, украшавшее стену за ним.

Иногда, в отрочестве, он ездил со священником из Ашервиля в Коул-Вэлью, чтобы помогать служить мессу, если местные алтарные служки заболевали или по каким-то причинам не могли присутствовать, поэтому знал, как выглядела церковь Святого Фомы до ее секуляризации. За алтарем висело двенадцатифутовое распятие, вырезанное из дерева местным жителем во второй половине девятнадцатого века. Наверное, резчику не хватало профессионализма, поэтому распятие получилось грубое. Но оно обладало какой-то удивительной мощью. Это чувствовали все. Второго такого Джою видеть не довелось.

Когда его взгляд сместился с голой стены, на которой раньше висело распятие, он увидел на алтарном возвышении какой-то белый бесформенный сверток. От свертка исходило сияние, но Джой понимал, что сияние это — отраженный свет.

Медленно, осторожно они с Селестой пошли по центральному проходу, проверяя скамьи справа и слева, где мог спрятаться враг, выжидая удобный момент, чтобы напасть на них. Церковь не поражала размерами, в ней могло разместиться не больше двухсот прихожан, но в эту ночь ни человек, ни дикий зверь не почтили ее своим вниманием.

Когда Джой открыл калитку в алтарной преграде, петли заскрипели.

Селеста замялась, потом последовала за ним к алтарю. Сверток на возвышении притягивал к себе, но она не направляла на него фонарь, вероятно, стремясь, как и Джой, оттянуть неизбежное.

Когда петли заскрипели вновь — калитка вернулась на место, Джой оглянулся. Но никто не шел следом за ними по центральному проходу.

Впереди находилась ниша для хора. Стулья, подставки для нот, орган — все уже вывезли.

По галерее Джой и Селеста двинулись влево вкруг хоров. Старались ступать легко, но каждый шаг по дубовому полу гулко отдавался в пустой церкви.

На стене рядом с дверью в ризницу нашлись новые выключатели. Джой щелкнул ими, и над возвышением для алтаря вспыхнул свет, такой же тусклый, как и в нефе.

Знаком Джой предложил Селесте пройти мимо закрытой двери, потом вышиб ее ногой, как проделывали полицейские в фильмах, перепрыгнул через порог, изо всей силы маханул монтировкой вправо, потом влево, в предположении, что за дверью его кто-то поджидал. Он надеялся застигнуть врасплох и покалечить мерзавца, но монтировка лишь со свистом прорезала воздух.

Вливающегося в дверной проем света хватало для того, чтобы понять: ризница пуста. Дверь на улицу была открыта, когда Джой вошел, и порыв холодного ветра захлопнул ее.

— Он уже ушел,— сообщил Джой Селесте, которая стояла на пороге, скованная страхом.

Они галереей вернулись обратно, остановились у трех алтарных ступеней.

Высокий алтарь с покровом ручной работы тоже вывезли. Осталась только алтарная платформа.

Сердце Джоя стучало, как паровой молот.

За его спиной ахнула Селеста: «О нет!»

Под зажженными лампами сверток уже не казался ни бледным, ни бесформенным. И уж конечно от него не шло никакого сияния. Сквозь прозрачную пленку просвечивало тело. Лица видно не было, зато из-под пленки торчала прядь светлых волос.

На этот раз перед Джоем лежал труп.

Не иллюзия.

Не галлюцинация.

Не воспоминание.

Тем не менее за последние двадцать четыре часа четкая грань между реальным и нереальным для Джоя стерлась. Он уже не доверял своим чувствам и обратился за подтверждением к Селесте.

— Ты тоже его видишь, не так ли?

— Да.

— Тело?

— Да.

Он прикоснулся к пленке, которая заскрипела под пальцами.

Одна тонкая алебастровая рука умершей девушки торчала наружу.

В середине сложенной лодочкой ладони краснела рана от гвоздя. Джой видел вырванные окровавленные ногти.

И хотя он знал, что блондинка мертва, в сердце оставалась надежда, что глаза принадлежали не ей, что ниточка жизни еще связывала ее с этим миром, что девушку еще можно было спасти. Джой упал на колени на верхнюю алтарную ступеньку, ухватился за запястье, надеясь прощупать пульс.

Пульса не нашел, но от прикосновения к холодной плоти, Джоя тряхнуло, как электрическим током, и тут же хлынул поток воспоминаний, которые он столько лет подавлял: *«...из одного лишь желания помочь он тащит тяжелые чемоданы к багажнику автомобиля, ставит на гравий подъездной дорожки. Поднимает крышку, и в багажнике загорается тусклая лампочка. Свет красный, потому что лампочка измазана в крови. Ядреный запах свежей крови ударяет в нос, вызывая тошноту. Она там. Она там. Лежит в багажнике, и это так неожиданно, что он готов принять ее за галлюцинацию, но она реальна, как гравий под ногами. Обнаженная, но завернутая в прозрачную пленку. Лицо скрыто длинными светлыми волосами и кровью на внутренней поверхности пленки. Одна голая рука торчит из савана, повернулась ладонью кверху, открывая рану от гвоздя. Рука словно тянется к Джою, взывая о помощи, о милосердии, в котором ее обладательнице в эту ночь отказали. Его сердце так раздувается при каждом ударе, что сжима-*

ет легкие, не давая дышать. Когда раскат грома прокатывается по горам, Джой надеется, что молния ударит его и он умрет, как и блондинка, потому что жить с этим страшным открытием слишком тяжело, слишком болезненно, безрадостно и бессмысленно. И тут он слышит за спиной голос, тихий голос, едва перекрывающий шум ветра и дождя: "Джой". Если уж ему не разрешено умереть прямо здесь, в эту грозу, тогда он просит Бога, чтобы тот лишил его слуха и зрения, освободил от необходимости свидетельствовать. "Джой, Джой". И такая печаль слышна в голосе. Джой отворачивается от трупа. В красном отсвете лампочки видит трагедию, еще четыре порушенные жизни: его собственную, матери, отца и брата. "Я только хотел помочь,— говорит он Пи-Джи.— Я только хотел помочь"».

Джой шумно выдыхает, потом набирает полную грудь воздуха:

— Это мой брат. Ее убил он.

Глава 11

В церкви жили крысы. Две толстые твари неспешно прошествовали вдоль стены, отбрасывая длинные тени, что-то пропищали и исчезли в норе.

— Твой брат? — недоверчиво переспросила Селеста.— Пи-Джи?

Она знала, кто такой Пи-Джи, хотя перешла в среднюю школу через год после того, как он ее окончил. Все в Ашервиле и окрестных городках знали, кто такой Пи-Джи Шеннон, еще до того, как тот стал знаменитым писателем. Он был самым молодым кватербеком* в истории школьной футбольной команды, звездой, усилиями которой команда трижды побеждала в своей группе. Учился он на «отлично», на выпускном вечере выступал от имени класса, сразу же располагал к себе людей — красивый, обаятельный, остроумный.

И еще одно обстоятельство не позволяло связать труп в багажнике с Пи-Джи: его доброта. Он участвовал во всех благотворительных акциях церкви Богородицы. Когда заболевал кто-то из друзей, Пи-Джи приходил к нему первым с маленьким подарком и пожеланием скорейшего выздоровления. Если друг попадал в беду, Пи-Джи тут же оказывался рядом, стараясь помочь. В отличие от других школьных спортивных знаменитостей Пи-Джи никогда не зазнавался, не мнил себя чем-то особенным. С большим удовольствием общался с сутулым, близоруким президентом шахматного клуба, чем со здоровяками-баскетболистами, не позволял себе пренебрежительного отношения к более слабым, чем грешили многие спортсмены.

Пи-Джи был лучшим братом в мире.

Но при этом и жестоким убийцей.

В голове Джоя эти факты никак не могли ужиться. Они сводили его с ума.

По-прежнему стоя на коленях на верхней алтарной ступени, Джой отпустил холодное запястье мертвой женщины. Прикосновение к ее плоти мистическим образом трансформировалось в откровение: ему открылась истина. И оставила потрясенным. Он словно лицезрел таинство святого причастия: превращение хлеба в святую плоть Иисуса Христа.

— На тот уикенд Пи-Джи приехал домой из Нью-Йорка,— сообщил Джой Селесте.— После колледжа он устроился помощником редактора в большом издательстве. Рассматривал эту работу как плацдарм для прыжка в кинобизнес. Мы отлично провели субботу всей семьей. Но в воскресенье, после мессы, Пи-Джи уехал. Намеревался пообщаться со школьными друзьями, вспомнить золотые денечки, поездить по окрестностям, любуясь красками осенней листвы. «Приму долгую ностальгическую ванну»,— как он говорил. Во всяком случае, ничего другого о его планах на день мы не знали.

Селеста повернулась спиной к алтарю. То ли больше не могла смотреть на мертвую женщину, то ли боялась, что Пи-Джи прокрадется в церковь и набросится на них, застав врасплох.

— По воскресеньям мы обычно обедали в пять часов, но на этот раз мама решила дождаться его, а он появился только в шесть, уже после наступления темноты,— продолжал Джой.— Извинился, сославшись на то, что заболтался с давними друзьями. За обедом сиял, сыпал шутками — чувствовалось, что возвращение в родные пенаты прибавило ему энергии, влило в него новые силы.

---

* Ведущий игрок, разыгрывающий.

Джой накрыл голую руку свободным концом пленочного савана. В руке, пробитой гвоздем и выставленной на всеобщее обозрение на алтаре, ему виделось что-то непристойное, пусть церковь Святого Фомы и секуляризировали.

Селеста молча ждала, ей хотелось услышать все до конца.

— Оглядываясь назад, становится понятно, что в его поведении в тот вечер проглядывало что-то маниакальное... его распирала какая-то темная энергия. Сразу после обеда он помчался в свою комнату в подвале, чтобы собрать вещи. Поднялся уже с чемоданами, поставил их у двери черного хода. Ему не терпелось уехать, потому что погода испортилась и путь предстоял длинный, до Нью-Йорка он в лучшем случае добрался бы в два часа ночи. Но отец не хотел отпускать его. Господи, он так любил Пи-Джи! Отец принес альбомы с фотографиями, на которых запечатлел футбольные триумфы Пи-Джи как в школе, так и в колледже. Ему хотелось вспомнить прошлое. И Пи-Джи подмигнул мне, как бы говоря: *«Черт, полчаса ничего не решают, а старику будет приятно»*. Он и отец ушли в гостиную, сели на диван, начали листать альбомы, а я решил, что смогу сэкономить Пи-Джи несколько минут, поставив чемоданы в багажник его автомобиля. Ключи лежали на кухонном столе.

— Мне так тебя жаль, Джой. Так жаль,— вымолвила Селеста.

При виде убитой женщины, завернутой в заляпанный кровью пластик, чувства Джоя не притупились. От мыслей о ее страданиях у него засосало под ложечкой, защемило сердце, осип голос, пусть он даже не знал, кто она. И он, конечно, не мог подняться и повернуться к ней спиной. Знал, что должен стоять рядом с ней на коленях, поскольку она заслуживала его внимания и слез. Засвидетельствовать ее смерть, чего не сделал двадцать лет назад.

Так странно... двадцать лет он подавлял все воспоминания о ней и вот теперь вернулся в худшую ночь его жизни, когда с момента смерти светловолосой женщины прошло лишь несколько часов.

Но в любом случае Джой не мог ее спасти, опоздал как на двадцать лет, так и на несколько часов.

— Дождь поутих,— вновь заговорил он,— поэтому я даже не надел ветровку с капюшоном. Взял со стола ключи, подхва-

тил с пола чемоданы и отнес к автомобилю Пи-Джи. Он стоял за моим, в конце подъездной дорожки, у глухой стены. Должно быть, мама что-то сказала Пи-Джи, не знаю, только каким-то образом он понял, что происходит, что я собираюсь сделать, оставил отца с альбомами и поспешил за мной, чтобы остановить. Не успел.

«...сыпет мелкий, но ужасно холодный дождь, горит измазанная в крови лампочка, Пи-Джи стоит рядом, словно ничего особенного и не произошло, а Джой вновь повторяет: "Я хотел только помочь".

Глаза Пи-Джи широко раскрыты, и Джою ужасно хочется верить, что его брат видит женщину в багажнике впервые в жизни, что он в шоке и понятия не имеет, как она туда попала. Но Пи-Джи говорит: "Джой, послушай, все совсем не так, как ты думаешь. Я понимаю, это выглядит жутко, но все не так, как ты думаешь".

— О господи, Пи-Джи. Господи!

Пи-Джи бросает взгляд на дом, до которого только пятьдесят или шестьдесят футов, чтобы убедиться, что родители не вышли на заднее крыльцо.

— Я могу все объяснить, Джой. Дай мне шанс, не обвиняй меня в том, чего не было, дай мне шанс.

— Она мертва. Она мертва.

— Я знаю.

— Вся порезана.

— Успокойся, успокойся. Все в порядке.

— Что ты наделал? Матерь Божья, что ты наделал?

Пи-Джи надвигается на него, прижимает к багажнику.

— Я ничего не сделал. Ничего такого, за что меня могут сгноить в тюрьме.

— Почему, Пи-Джи? Нет. Даже не пытайся. Ты не сможешь... нет причины, которая может тебя оправдать. Она мертва. Мертва и лежит в багажнике твоего автомобиля.

— Потише, малыш. Держи себя в руках.— Пи-Джи хватает Джоя за плечи, и, что удивительно, его прикосновение не вызывает у того отвращения.— Я этого не делал. Я ее не трогал.

— *Она здесь, Пи-Джи. Ты не можешь сказать, что ее здесь нет.*

Джой плачет. Капли холодного дождя падают на щеки и скрывают слезы, но он тем не менее плачет.

Пи-Джи легонько трясет его за плечи.

— *За кого ты меня принимаешь, Джой? Ради бога, за кого ты меня принимаешь? Я — твой старший брат, не так ли? По-прежнему твой старший брат. Или ты думаешь, что за годы жизни в Нью-Йорке я переменился, превратился в монстра?*

— *Она здесь,— только и может ответить Джой.*

— *Да, все так, она здесь, и я положил ее туда, но я этого не делал, не причинял ей вреда.*

Джой пытается вырваться.

Хватка Пи-Джи усиливается, он прижимает брата к заднему бамперу, чуть ли не заталкивает в багажник, где лежит убитая женщина.

— *Только не теряй головы, малыш. Не губи все, всю нашу жизнь. Я твой старший брат, помнишь? Или ты больше меня знать не хочешь? Разве не я всегда вступался за тебя? Разве не я? А теперь мне нужна твоя помощь, очень нужна, здесь и сейчас.*

— *Только не в этом, Пи-Джи,— сквозь всхлипывания отвечает Джой.— В этом я тебе помогать не стану. Ты сошел с ума?*

Пи-Джи усиливает напор.

— *Я всегда заботился о тебе, всегда любил тебя, мой маленький брат, мы вдвоем, плечом к плечу, противостоим этому миру. Ты слышишь меня? Я люблю тебя, Джой. Или ты не знаешь, что я тебя люблю?* — *Он отпускает плечи Джоя и хватает того за голову. Руки Пи-Джи, как тиски, сжимают голову Джоя. В его глазах больше боли, чем страха. Пи-Джи целует брата в лоб. Его слова наполнены яростной силой, они гипнотизируют Джоя. Он не может шевельнуться, мозг застилает туман.— Джой, слушай, Джой, Джой, ты — мой брат... мой брат! Для меня это все, ты — моя кровь, ты — часть меня! Разве ты не знаешь, что я люблю тебя? Разве не знаешь? Разве не знаешь, что я люблю тебя? Разве ты не любишь меня?*

— *Люблю. Люблю.*

— *Мы любим друг друга, мы — братья.*

Джой уже рыдает.

— *Оттого мне так больно.*

Пи-Джи по-прежнему держит его за голову, смотрит в глаза под ледяным дождем, их носы практически соприкасаются.

— *Если ты любишь меня, малыш, если ты любишь своего старшего брата, тогда слушай. Просто слушай и постарайся понять, как все вышло. Хорошо? Хорошо? А вышло так. Я поехал в Пайн-Ридж, там есть старая дорога, по которой мы любили ездить к школе. Дорога, ведущая в никуда. Ты знаешь эту старую дорогу, знаешь, как она все время петляет, как один поворот тут же сменяется другим. Я как раз выезжал из-за поворота, когда эта девушка выбежала из леса, чуть ли не скатилась по заросшему кустами склону на дорогу. Я ударил по тормозам, но не успел. Даже в сухую погоду мне бы не удалось избежать столкновения. Она выскакивает на дорогу прямо перед капотом, и я ударяю ее, она падает и исчезает под передним бампером. Я переехал ее до того, как остановился.*

— *Она голая, Пи-Джи. Я видел ее, часть ее, в багажнике, и она голая.*

— *Именно об этом я тебе и расскажу, если ты будешь слушать. Она голая, потому что такой выскочила из леса, голая, как при рождении, и за ней гнался парень.*

— *Какой парень?*

— *Я не знаю, кто он. Никогда не видел его раньше. Но именно из-за него она не заметила мой автомобиль, Джой. Потому что бежала и оглядывалась, чтобы понять, далеко ли он, боялась, что он ее догоняет. Мой автомобиль она не видела, пока не выбежала на дорогу. Закричала буквально в тот момент, когда я ударил ее. Господи, это было ужасно! Ничего более ужасного в моей жизни не случалось. Удар был сильным, и я понял, что убил ее.*

— *И где этот парень, который ее преследовал?*

— *Он остановился, когда увидел, что произошло с девушкой, застыл на склоне. А когда я вылез из кабины, повернулся и побежал в лес. Я должен был поймать мерзавца, побежал за ним, но он знает те места, а я — нет. Когда я поднялся на склон, его и след простыл. Я углубился в лес на девять ярдов, может, на двадцать, по оленьей тропе, но потом тропа разделилась на три, и он мог убежать по любой, а я не мог узнать,*

по какой именно. Шел дождь, облака ползли над самой землей, в лесу уже сгустились сумерки. За шумом дождя и ветра я не слышал его шагов, не мог преследовать по звуку. Поэтому вернулся на дорогу, а она лежит там мертвая, как я и думал,— при этом воспоминании по телу Пи-Джи пробегает дрожь, он закрывает глаза. Прижимается лбом ко лбу Джоя.— О господи, это было ужасно, Джой, ужасно... и то, что сделала с ней машина, и то, что сделал с ней он до моего появления. Мне стало дурно, меня вырвало прямо там, на дороге.

— А что она делает в багажнике?

— У меня была пленка. Я не мог оставить девушку там.

— Тебе следовало поехать к шерифу.

— Я не мог оставить ее одну, на дороге. Я испугался, Джой, не знал, что мне делать, испугался. Даже твой большой брат может испугаться.— Пи-Джи отрывает голову от лба Джоя, отпускает брата, отступает на шаг. Озабоченно смотрит на дом. Добавляет: — Отец у кухонного окна, смотрит на нас. Если мы будем здесь стоять, он придет, чтобы узнать, что нас задержало.

— Допустим, ты не мог оставить ее на дороге, но почему ты не поехал в управление шерифа после того, как положил ее в багажник и вернулся в город?

— Я тебе все объясню, расскажу обо всем,— объясняет Пи-Джи.— Давай только сядем в кабину. А то отцу покажется странным, чего мы стоим под дождем. Сядем в кабину, включим двигатель, радио, тогда он подумает, что мы решили поболтать, все-таки братьям есть что сказать друг другу наедине.

Он кладет в багажник с мертвой женщиной один чемодан. Потом другой. Захлопывает крышку.

Джоя трясет. Ему хочется бежать. Не в дом. В ночь. Он хочет умчаться в ночь из Ашервиля, из округа, в места, где никогда не был, в города, где его никто не знает, бежать и бежать в ночи. Но он любит Пи-Джи, и Пи-Джи всегда и во всем помогал ему, поэтому он понимает, что должен выслушать брата. Может, всему есть разумное объяснение. Может, все не так и страшно. Может, у него действительно хороший брат, который сможет все объяснить. Он же просит только об одном: выслушать его.

Пи-Джи закрывает багажник на замок, кладет ключи в карман. Обнимает Джоя за плечо, тянет к себе. С одной стороны, в этом проявляется братская любовь, с другой — намек на то, что нечего стоять столбом.

— Пойдем, малыш. Позволь мне все тебе рассказать, все-все, а потом мы попытаемся понять, что же нам делать. Пойдем в машину. Посидим вдвоем. Поговорим. Ты мне нужен, Джой.

Они залезают в кабину.

Джой — на сиденье пассажира.

В кабине холодно, воздух сырой, промозглый.

Пи-Джи включает двигатель. Регулирует печку.

Дождь усиливается, переходит в ливень, окружающий мир отсекает стена воды. Салон автомобиля превращается в кокон. Они в этом железном коконе вдвоем, в ожидании трансформации, которая превратит их в новых людей, с новым, непредсказуемым будущим.

Пи-Джи включает радио, находит радиостанцию, транслирующую музыку.

Брюс Спрингстин. Поет о том, как трудно искупать грехи.

Пи-Джи приглушает звук, но музыка и слова настойчиво лезут в уши Джою.

— Я полагаю, что этот сукин сын похитил ее,— говорит Пи-Джи.— Держал в лесу в какой-нибудь лачуге или землянке, насиловал, мучил. Ты наверняка читал о таких случаях. С каждым годом их становится все больше. Но кто бы мог подумать, что такое может случиться в Ашервиле? Должно быть, она сбежала от него, каким-то образом притупив его бдительность.

— Как он выглядел?

— Бугай.

— То есть?

— С таким лучше не встречаться. На лице написаны злоба и, пожалуй, безумие. Рост за шесть футов, вес никак не меньше двухсот сорока фунтов. Может, и хорошо, что я его не догнал. Он бы сделал из меня лепешку, Джой, такой он был огромный. Лицо заросло бородой, длинные сальные волосы,

грязные джинсы, синяя байковая рубашка, тоже грязная. Но я не мог не попытаться, не мог не погнаться за ним.

— Ты должен отвезти тело к шерифу, Пи-Джи. Прямо сейчас.

— Я не могу, Джой. Неужели ты не понимаешь? Слишком поздно. Она в багажнике моего автомобиля. И выглядит все так, будто я прятал ее, пока ты случайно не наткнулся на тело. Истолковать это можно будет как угодно... только ни одного хорошего варианта нет. И у меня нет доказательств, что я видел парня, который ее преследовал.

— Они найдут доказательства. Во-первых, следы. Они обыщут лес, найдут место, где он ее держал.

Пи-Джи качает головой.

— В такую погоду не сохранится ни один след. Возможно, они не найдут и места, где он ее держал. Гарантий нет. Я просто не могу идти на такой риск. Если они не найдут следов этого парня, подозрение падет на меня.

— Если ты ее не убивал, они ничего не смогут с тобой сделать.

— Давай смотреть фактам в лицо, малыш. Я буду не первым, кто угодит в тюрьму за то, чего не делал.

— Это же нелепо! Пи-Джи, тебя все знают, любят. Им известно, какой ты человек. Любые сомнения будут трактоваться в твою пользу.

— Люди могут изменить отношение к тебе без всякой на то причины, даже люди, которые всю жизнь видели от тебя только хорошее. Проучись еще пару лет в колледже, Джой, и ты все испытаешь на собственной шкуре. Проживи год-другой в Нью-Йорке, и ты узнаешь, какими отвратительными могут быть люди, как они могут ни с того ни с сего ополчиться на тебя.

— Здешние жители будут трактовать сомнения в твою пользу,— настаивал Джой.

— Не будут.

От этих двух слов у Джоя перехватывает дыхание, как от ударов в солнечное сплетение. Он в растерянности.

— Господи, Пи-Джи, лучше бы ты оставил ее на дороге.

Сидящий за рулем Пи-Джи сутулится, закрывает лицо руками. Плачет. Никогда раньше Джой не видел брата плачущим. Какое-то время Пи-Джи не может говорить. Джой — тоже. Наконец к Пи-Джи возвращается дар речи:

— Я не мог оставить ее. Это был кошмар. Ты не видел, поэтому не можешь представить себе, какой это был кошмар. Она не просто тело, Джой. Она — чья-то дочь, чья-то сестра. Я подумал... если бы какой-то парень убил ее, как бы он поступил, окажись на моем месте? Прежде всего прикрыл наготу. И не оставил бы в лесу, как кусок мяса. Теперь я понимаю... возможно, я допустил ошибку. Но тогда я ничего не соображал. Мне следовало все сделать по-другому. Но теперь уже поздно, Джой.

— Если мы не отвезем ее в управление шерифа и не расскажем им, что случилось, тогда этот парень с бородой, длинными волосами... он останется безнаказанным. И другую девушку может ждать та же участь, что и эту.

Пи-Джи опускает руки. Его глаза полны слез.

— Они все равно его не поймают, Джой. Неужели ты этого не понимаешь? Он уже далеко. Знает, что я его видел, могу описать. Он не останется в этих местах и десяти минут. Он уже покинул территорию округа, спешит к границе штата, потом постарается забиться в какую-нибудь нору. Можешь мне поверить. Возможно, он уже сбрил бороду, подрезал волосы, выглядит совсем по-другому. Мои показания не помогут копам его найти, и я уверен, что на их основании вынести обвинительный приговор невозможно.

— И все равно будет правильно, если мы обратимся к шерифу.

— Правильно? Ты не думаешь об отце и матери. А вот если подумаешь, то поймешь, что вряд ли.

— В каком смысле?

— Говорю тебе, малыш, если копы не найдут другого подозреваемого, они попытаются повесить это убийство на меня. Приложат к этому все силы. Представь себе газетные статьи. Обнаженная женщина, замученная до смерти, обнаружена в багажнике автомобиля бывшей звезды футбольной команды, местного молодого человека, который получил стипендию на обучение в первоклассном университете. Ради бога, подумай об этом! Суд превратится в цирк. Величайший цирк в истории округа, может, и штата.

У Джоя такое ощущение, будто его затягивает в гигантскую вращающуюся мельницу. Его перемалывает логикой брата, харизмой его личности, слезами. И попытки докопаться до правды только усиливают замешательство и душевную боль.

Пи-Джи выключает радио, поворачивается к брату лицом, наклоняется к нему, сверлит взглядом. Во всем мире только они двое и шум дождя, ничто не отвлекает Джоя от зачаровывающего голоса Пи-Джи:

— Пожалуйста, пожалуйста, послушай меня, малыш. Пожалуйста, ради мамы, ради отца хорошенько подумай и не губи их жизни только потому, что ты никак не можешь повзрослеть и отказаться от понятий правильного и неправильного, которые внушили тебе в церкви. Я не причинял вреда девушке, которая лежит сейчас в багажнике, тогда почему я должен рисковать всем своим будущим, доказывая это? Допустим, для меня все обойдется, допустим, присяжные во всем разберутся и признают меня невиновным. Но все равно останутся люди, которые будут верить, что это моя работа. Да, я молод и образован, я могу уехать отсюда, начать новую жизнь там, где никто не знает, что однажды меня судили за убийство. Но мать и отец уже в возрасте и бедны, как церковные мыши. Другого дома им не купить. У них нет средств на переезд. У них нет таких возможностей, как у тебя или меня, и никогда не будет. Эта четырехкомнатная лачуга — не бог весть что, но все-таки крыша над головой. У них нет даже ночного горшка, но зато много друзей, соседей, которым они всегда помогут и которые всегда готовы помочь им. Но все переменится, даже если меня оправдают в зале суда.— Поток аргументов захлестывал, накрывал Джоя с головой.— Отношения между ними и друзьями изменятся. В них проникнет подозрительность. Они будут знать о шушуканье... сплетнях. А переехать не смогут, потому что эту лачугу им не продать, а если и продадут, вырученных денег не хватит на покупку дома в другом месте. Поэтому они останутся здесь, отгороженные стеной недоверия от друзей и соседей, в изоляции. Разве мы можем допустить, чтобы такое случилось, Джой? Разве можем загубить их жизни, когда я невиновен? Господи, малыш, да, я допустил ошибку. Не оставил девушку там

и не отвез копам, положив в багажник. Хорошо, возьми ружье и пристрели меня, если хочешь, но не убивай отца и мать. Потому что именно это ты собираешься сделать, Джой. Ты их убьешь. И смерть у них будет медленная и мучительная.

Джой не может вымолвить ни слова.

— Так легко погубить их, меня, но еще легче поступить правильно, Джой, еще легче просто поверить мне.

Слова наваливаются на него. Сдавливают со всех сторон. Джой уже не в кабине, а на дне океанской впадины, в четырех милях от поверхности воды. Где давление составляет тысячи и тысячи фунтов на квадратный дюйм. Проверяет на прочность корпус автомобиля. Сдавливает его в лепешку.

Наконец он находит в себе силы ответить. И голос у него — как у испуганного ребенка:

— Я не знаю, Пи-Джи. Не знаю.

— Моя жизнь в твоих руках, Джой.

— У меня в голове такая мешанина.

— Отец и мать. Их жизни в твоих руках.

— Но она мертва, Пи-Джи. Девушка мертва.

— Совершенно верно. Мертва. А мы живы.

— Но... что ты сделаешь с телом?

Услышав свой вопрос, Джой понимает, что Пи-Джи победил. Слабость охватывает его, он снова маленький ребенок, и ему стыдно за свою слабость. Угрызения совести уже грызут его, болезненные, как кислотный ожог, и он может справиться с этой болью, лишь блокировав часть своего сознания, отключив эмоции. Туман, серый, как пепел, оставшийся после большого костра, застилает его душу.

— С этим проблем не будет,— отвечает Пи-Джи.— Спрячу там, где его никто не найдет.

— Ты не можешь так поступить с ее семьей. Они до конца жизни будут тревожиться, гадать, что с ней случилось. Они не найдут себе покоя, думая, что она... где-то страдает.

— Ты прав. Конечно. Что я такое несу. Очевидно, мне следует оставить тело там, где его найдут без труда.

Серый туман, он все расползается, расползается, действует, как анестезирующее средство. С каждой минутой Джой все меньше чувствует, все меньше задумывается о будущем.

Такая отстраненность где-то пугает, но с другой стороны, это счастье, он ей рад. А свой голос узнает с трудом.

— Но тогда копы смогут найти на пленке отпечатки твоих пальцев. Или найдут что-то еще, скажем, твой волос. У них есть тысячи способов связать тебя с ней.

— Насчет отпечатков пальцев не беспокойся. Их не найдут. Я был осторожен. И других улик, которые могут вывести их на меня, у них нет, за исключением того...

Джой смиренно ждет, когда же его брат, единственный и горячо любимый, закончит фразу, потому что знает: сейчас он услышит самое ужасное, самое для него неприемлемое, если не считать обнаруженного в багажнике тела.

— ...что я с ней знаком,— говорит Пи-Джи.

— Ты ее знаешь?

— Я с ней встречался.

— Когда? — тупо спрашивает Джой, но ему уже без разницы. Проникающая все глубже серость притупляет не только совесть, но и любопытство.

— В выпускном классе средней школы.

— Как ее зовут?

— Она из Коул-Вэлью. Ты ее не знаешь.

Дождь льет и льет, и Джой уже не сомневается, что он и ночь никогда не закончатся.

— Дважды приглашал на свидание. Дальше не заладилось. Но ты понимаешь, Джой, что для копов все выглядело бы иначе. Я отвожу тело к шерифу, они выясняют, что я ее знаю... и используют эту информацию против меня. И тогда будет гораздо труднее доказать, что я невиновен, все будет гораздо хуже для отца, матери, всех нас. Я между молотом и наковальней, Джой.

— Да.

— Ты это понимаешь, не так ли?

— Да.

— Вникаешь в ситуацию.

— Да.

— Я люблю тебя, маленький брат.

— Знаю.

— И не сомневался, что в час беды смогу положиться на тебя.

— Естественно.

Отупляющая серость.

Успокаивающая серость.

— Ты и я, малыш, в мире нет никого и ничего сильнее нас, если мы будем держаться вместе. Мы — братья, и эти узы крепче стали. Ты знаешь? Крепче любых других. Ничего важнее на свете для меня нет... мы с тобой — одно целое, братья.

Какое-то время они сидят в молчании.

За запотевшими стеклами темнота становится еще темнее, будто окружающие город горы надвигаются, нависают над ним, закрывая узкую полоску неба с прячущимися за облаками звездами, и он, Пи-Джи, отец и мать находятся теперь в каменном склепе, выход из которого замурован.

— Тебе пора собираться,— нарушает паузу Пи-Джи.— До колледжа путь неблизкий.

— Да.

— А мне ехать еще дальше.

Джой кивает.

— Ты должен навестить меня в Нью-Йорке.

Джой кивает.

— Мы развлечемся.

— Да.

— Слушай, возьми, пожалуйста,— Пи-Джи берет Джоя за руку, что-то сует в ладонь.

— Что это?

— Деньги. На мелкие расходы.

— Мне они не нужны,— Джой пытается вырвать руку.

Пи-Джи держит крепко, засовывает свернутые купюры между ладонью и упирающимися пальцами.

— Нет, я хочу, чтобы ты их взял. Я знаю, каково учиться в колледже. Лишние деньги никогда не помешают.

Джой наконец вырывает руку. Пи-Джи так и не удается всучить ему деньги.

Но Пи-Джи не сдается. Пытается всунуть деньги в карман пиджака Джоя.

— Не упирайся, малыш, это же тридцать баксов, не состояние, пустяк. Сделай мне одолжение, позволь сыграть роль большого брата, мне будет приятно.

Сопротивление дается с таким трудом и совершенно бессмысленно, тридцать долларов — не деньги, вот Джой и дозволяет брату засунуть купюры ему в карман. Он вымотан донельзя. На возражения сил у него нет.

Пи-Джи с любовью похлопывает его по плечу.

— Пойдем-ка в дом, соберем твои вещи и отправим тебя в колледж.

Они возвращаются в дом.

На лицах родителей читается удивление.

— Неужели я вырастил сыновей, которые так глупы, что раздетыми выходят из дома под дождь? — спрашивает отец.

Пи-Джи обнимает Джоя за плечо.

— Нам надо было поговорить, папа. Старшему брату с младшим. О смысле жизни и о прочем.

Мать улыбается.

— У вас, значит, есть секреты?

Любовь Джоя к ней так сильна, что едва не бросает его на колени.

В отчаянии, он еще глубже погружается в серость, затянувшую рассудок, притупляющую все чувства.

Он быстро собирает вещи и уезжает за несколько минут до Пи-Джи. На прощание все обнимают его, но брат — крепче остальных, как медведь, едва не ломая ему кости.

В паре миль от Ашервиля Джой замечает, что его быстро настигает другой автомобиль. Когда подъезжает к знаку "стоп" на развилке, этот автомобиль без остановки проскакивает мимо, на высокой скорости сворачивает на Коул-Вэлью-роуд, обдав "мустанг" волной грязной воды. Когда грязная вода стекает с ветрового стекла, Джой видит, что автомобиль останавливается в сотне ярдов от развилки.

Он знает, что водитель — Пи-Джи.

Ждет.

Еще не поздно.

Еще есть время.

Его так и подмывает повернуть налево.

Собственно, он и собирался ехать через Коул-Вэлью.

Красные тормозные огни — маяки в пелене дождя.

Джой трогается с места, едет прямо, мимо поворота на Коул-Вэлью-роуд, решив добираться до автострады по шоссе.

А на автостраде, пусть и призывая демона отстраненности поселиться в своем сердце, он вспоминает некоторые слова, фразы Пи-Джи, и они приобретают более глубокий смысл. "Так легко погубить меня, Джой... но... еще легче просто поверить мне". Словно правда — это не объективные факты, словно ею может стать все, во что человек хочет верить. "Насчет отпечатков пальцев не беспокойся. Их не найдут. Я был осторожен". Осторожность предполагает намерение. Испуганному, растерянному, невинному человеку не до осторожности; он не предпринимает мер для того, чтобы уничтожить улики, связывающие его с преступлением.

А был ли бородатый мужчина с длинными сальными волосами? Или Пи-Джи просто привлек на помощь образ Чарльза Мэнсона? Если он сбил женщину на лесной дороге в Пайн-Ридж, если удар, как он говорит, был сильным, почему автомобиль остался неповрежденным?

Смятение Джоя нарастает, он мчится на юг в ночной тьме, все прибавляя и прибавляя скорость, хотя и понимает, что ему не обогнать факты и следующие из них выводы. Потом находит банку, теряет контроль над "мустангом", попадает в аварию...

...и уже стоит у рельса ограждения, смотрит на заросшее сорняками поле и не понимает, как сюда попал. Ветер воет над автострадой, словно легионы призрачных грузовиков, везущих загадочный груз.

Снег с дождем сечет его лицо, руки.

Кровь, рваная рана над левым глазом.

Травма головы. Он касается раны, перед глазами вспыхивают яркие спирали, переходящие в звезды боли.

Травма головы чревата самыми различными последствиями, в том числе и амнезией. Воспоминания могут стать проклятьем, непреодолимой помехой на пути к счастью. С другой стороны, забывчивость может быть благом, может даже ошибочно приниматься за величайшую из добродетелей — умение прощать.

Джой возвращается к автомобилю. Едет в ближайшую больницу, чтобы ему наложили швы на кровоточащую рану на лбу.

У него все будет хорошо.

У него все будет хорошо.

В колледже он ходит на занятия два дня, потом понимает, что смысла в получении образования в учебном заведении нет. Ему на роду написано заниматься самообразованием, и более требовательного учителя, чем он сам, не найти. Кроме того, Джой ведь хочет стать писателем, романистом, а потому ему нужны личные впечатления, которые потом и лягут в основу его книг. Удушающая атмосфера аудиторий и давно устаревшая мудрость учебников только задержат развитие его таланта и ограничат полет творческой мысли. Ему нужен простор, он должен оставить колледж и окунуться в бурный поток реальной жизни.

Он собирает вещи и навсегда уходит из колледжа. Двумя днями позже, где-то в Огайо, продает разбитый "мустанг" торговцу подержанными автомобилями и едет на запад уже на попутках.

Через десять дней после ухода из колледжа, со стоянки грузовиков в Юте, отправляет почтовую открытку родителям, объясняя свое решение необходимостью собирать материал, который ляжет в основу его книг. Пишет, что они не должны о нем беспокоиться, он знает, что делает, и будет поддерживать с ними связь.

У него все будет хорошо. У него все будет хорошо...»

— Естественно,— вырвалось у Джоя, по-прежнему стоящего на коленях у тела мертвой женщины, которая лежала на алтарном возвышении в секуляризированной церкви,— все хорошее осталось в прошлом.

Дождь выбивал по крыше похоронный марш по блондинке, которая дважды умерла такой молодой.

— Я переезжал с места на место, менял одну работу на другую. Оборвал все связи... даже расстался с мечтой стать писателем. Какие там грезы. Все время уходило на амнезию. Я не решался повидаться с отцом и матерью... боялся, что все вспомню, расскажу им о случившемся.

Отвернувшись от пустынного нефа, который она оглядывала, Селеста шагнула к нему.

— Может, ты напрасно коришь себя. Может, амнезию нельзя списывать только на самообман. При травмах головы это обычное дело.

— Если бы только я мог в это поверить,— вздохнул Джой.— Но правда объективна. Мы не можем подправлять ее по собственной прихоти.

— Два момента остаются для меня загадкой.

— Если только два, тогда ты разобралась во всем куда лучше меня.

— Когда тем вечером ты сидел с Пи-Джи в кабине его автомобиля...

— Этим вечером. С тех пор прошло двадцать лет... и одновременно это произошло этим вечером.

— ...он убедил тебя поверить ему, по крайней мере, ничего не говорить отцу с матерью. И после того как он всего от тебя добился, он говорит тебе, что знал убитую девушку. Почему признался в этом после того, как ты согласился молчать? Зачем рисковал? Он уже усыпил твою подозрительность, а тут она могла проснуться вновь.

— Чтобы понять, надо хорошо знать Пи-Джи. Его всегда отличала страсть к риску. Не безрассудность, которая обычно пугала. Совсем наоборот. Какая-то удивительная, романтическая бесшабашность, которая так нравилась людям. Он любил рисковать. Это отчетливо проявлялось на футбольном поле. Он действовал смело и неординарно... и такая тактика срабатывала.

— Все говорили, что он любил играть на грани дозволенного.

— Да. И он обожал быструю езду, действительно быструю, но водил автомобиль мастерски, как гонщики «Инди 500»,— ни одной аварии, ни одного штрафа за нарушение правил дорожного движения. В покере мог поставить на кон все, даже при плохой карте, если шестое чувство подсказывало ему, что так надо, и обычно выигрывал. Можно жить, пренебрегая опасностью, балансируя у опасной черты, и пока удача улыбается тебе, пока риск оправдывается, люди только восторгаются тобой.

Стоя над Джоем, Селеста положила руку ему на плечо.

— Полагаю, твои слова объясняют и второй момент, который я не поняла.

— Банку в бардачке,— догадался он.

— Да. Полагаю, он поставил ее туда, когда ты находился в своей комнате, собирал вещи перед отъездом в колледж.

— Должно быть, глаза он ей вырезал раньше, хотел оставить как сувенир, прости господи. А потом подумал, что лучше спрятать банку с ними в моем автомобиле, чтобы я нашел ее позже. Проверить прочность связывающих нас уз.

— После того как он убедил тебя в своей невиновности, убедил позволить ему избавиться от тела, надо быть безумцем, чтобы показать тебе эти глаза, не говоря уже о том, чтобы отдать их тебе.

— Он не смог устоять перед искушением. Опасность. Балансирование на острие ножа. И ты видишь... у него все получилось. Он вышел сухим из воды. Я позволил ему победить.

— Он действует так, будто думает, что за ним стоят высшие силы.

— Может, и стоят.

— И какой же бог ему помогает?

— Если и помогает, то не бог.

Селеста поднялась на алтарную платформу, обошла завернутое в пленку тело, убрала в карманы отвертку и фонарь. Взглянула на Джоя.

— Мы должны посмотреть на ее лицо.

Джоя передернуло.

— Зачем?

— Пи-Джи не назвал тебе ее имени, но сказал, что она из Коул-Вэлью. Я, наверное, знаю ее.

— Тебе только будет тяжелее.

— У нас нет выбора, Джой,— настаивала Селеста.— Если мы узнаем, кто она, мы, возможно, поймем, что он задумал, куда пошел.

Им пришлось перекатить тело, чтобы высвободить конец пленки. Прежде чем открыть лицо, они положили женщину на спину.

К счастью, пропитанные кровью волосы прикрывали изуродованные черты.

Одной рукой, очень осторожно, Селеста сдвинула волосы. Другой перекрестилась.

— Во имя Отца, Сына и Святого духа.

Джой откинул голову назад, уставился в потолок. Не потому, что надеялся увидеть в вышине Святую Троицу, упомянутую Селестой, просто не мог заставить себя смотреть в пустые глазницы.

— У нее во рту кляп,— сообщила ему Селеста.— Кусок замши, какой моют машины. Я думаю... да, щиколотки связаны проволокой. Не убегала она от этого бородача.

Джой содрогнулся всем телом.

— Это Беверли Коршак,— продолжала Селеста.— Она была старше меня на несколько лет. Милая девушка. Очень дружелюбная. Жила с родителями. В прошлом месяце они продали дом государству и переехали в Ашервиль. Беверли работала там секретаршей в энергетической компании. Ее родители дружат с моими. Знакомы с давних пор. Фил и Сильвия Коршак. Для них это будет удар, страшный удар.

Джой все смотрел в потолок.

— Пи-Джи, должно быть, днем встретил ее в Ашервиле. Остановился, чтобы поболтать. Она без колебаний села в его автомобиль. Он же не был чужаком. Во всяком случае... внешне.

— Давай прикроем ее,— сказала Селеста.

— Прикрой сама.

Его не пугало безглазое лицо. Он боялся другого: увидеть синие глаза, внезапно материализовавшиеся в глазницах, в последние, самые мучительные моменты ее жизни, когда девушка звала на помощь сквозь кляп и знала, что ни один спаситель не ответит на ее мольбы.

Зашуршала пленка.

— Ты меня поражаешь.

— Чем? — спросила Селеста.

— Своей силой.

— Я здесь, чтобы помочь тебе, вот и все.

— Я думал, что помощь нужна тебе.

— Может, первое не противоречит второму.

Шуршание прекратилось.

— Готово,— добавила Селеста.

Джой опустил голову и увидел, как ему поначалу показалось, кровавые разводы на алтарной платформе. Они открыли их, передвинув тело.

Приглядевшись, Джой увидел, что это не кровь, а краска из баллончика с распылителем. Кто-то нарисовал единицу и забрал в круг.

— Видишь? — спросил он Селесту, когда она поднялась на ноги с другой стороны мертвой женщины.

— Да. Что-то связанное со сносом церкви.

— Я так не думаю.

— По-другому и быть не может. А может, это проделки мальчишек.

Они порезвились и там,— она указала в сторону нефа.

— Где?

— На первом ряду.

Издалека краска сливалась с темным деревом спинки.

Подхватив монтировку, Джой перебросил ноги через оградку пресвитерия, спрыгнул в нишу, где располагался хор, прошел к алтарной преграде.

Услышал, что Селеста следует за ним, но по галерее.

На спинке скамьи первого ряда, слева от прохода, кто-то нарисовал последовательность цифр, каждую обвел красным кругом. Цифры располагались на небольшом расстоянии друг от друга, будто каждая маркировала место одного человека. Крайней слева нарисовали двойку, у прохода — шестерку.

Джою показалось, что по шее побежали пауки.

На правой скамье последовательность цифр и чисел продолжилась: 7, 8, 9, 10, 11, 12.

— Двенадцать,— пробормотал он.

— Что не так? — тихонько спросила Селеста, подойдя к нему.

— Женщина на алтаре...

— Беверли.

Он не отрывал глаз от красных цифр на первом ряду, которые теперь сверкали, как знаки апокалипсиса.

— Что? Что ты можешь о ней сказать? Что?

Джой еще не нашел ответа на эту загадку, еще не осознал замысла Пи-Джи.

— Он нарисовал на платформе единицу, а потом положил на нее Беверли.

— Пи-Джи?

— Да.

— Зачем?

Сильный порыв ветра сотряс церковь, с улицы в неф ворвалась волна холодного воздуха. Едва заметный аромат благовоний и куда более ощутимый запах плесени унесло. Явственно запахло серой.

— У тебя есть братья или сестры? — спросил Джой.

— Нет,— удивленная вопросом, Селеста покачала головой.

— Кто-нибудь живет с тобой и родителями — бабушка, дедушка?

— Нет. Только мы трое.

— Беверли — одна из двенадцати.

— Двенадцати?

Джой указал пальцем в грудь Селесты, рука тряслась.

— Потом твоя семья, два, три, четыре. Кто еще живет в Коул-Вэлью?

— Доланы.

— Сколько их?

— Пятеро.

— Кто еще?

— Джон и Бет Биммер. С ними живет мать Джона, Ханна.

— Трое. Трое Биммеров, пять Доланов, ты и твои родители. Одиннадцать. Плюс она, на алтаре,— взмахом руки он обвел две скамьи первого ряда.— Двенадцать.

— Господи.

— Не нужно быть телепатом, чтобы понять, что он задумал.

Причина, по которой он остановился на числе двенадцать, ясна. Двенадцать апостолов, все мертвые и сидящие рядком в секуляризированной церкви. Молчаливо воздающие должное не богу, а *тринадцатому* апостолу.

Вот кем, я думаю, Пи-Джи мнит себя — тринадцатым апостолом, Иудой. *Предателем.*

Не выпуская из руки монтировку, Джой открыл калитку в алтарной преграде, вернулся в неф. Прикоснулся к одной из цифр на левой скамье. Кое-где краска еще не засохла, оставалась липкой.

— Иудой. Предателем семьи,— продолжал Джой,— предателем веры, в которой его воспитали, никого не уважающим, ни во что и ни в кого не верящим. Никого не боящимся, даже Бога. Идущим по острию ножа, рискующим, как никто... рискующим своей душой... ради танца над пропастью ада.

Селеста двинулась следом, прижалась к нему, ища поддержки, борясь со страхом.

— Он выстраивает... символическую живую картину.

— Из трупов. Этой ночью собирается убить всех жителей Коул-Вэлью и перенести их тела сюда.

Она побледнела.

— Так и произошло?

Джой не понял.

— Что произошло?

— В будущем, в котором ты жил... все жители Коул-Вэлью погибли?

И тут до Джоя дошло, что он не знает ответа на вопрос Селесты.

— После той ночи я перестал читать газеты. Избегал телевизионных информационных выпусков. Переключался на другую радиостанцию, как только в эфир выходили новости. Говорил себе, что новостями я сыт по горло, не хочу знать о новых авиакатастрофах, наводнениях, пожарах и землетрясениях. Но на самом деле... я не хотел читать или слышать об изувеченных, убитых женщинах. Не мог позволить себе узнать, скажем, о вырезанных глазах или о чем-то подобном... боялся, что эта информация проникнет в подсознание и, возможно, пробьет стену «амнезии».

— Значит, можно предположить, что это случилось. Можно предположить, что в церкви нашли двенадцать трупов, одиннадцать — на скамьях первого ряда, двенадцатый — на алтарной платформе.

— Если это произошло, если полиция и нашла двенадцать трупов, никто не возложил вину на Пи-Джи. Потому что в моем будущем он по-прежнему на свободе.

— Господи. Мама и папа,— Селеста отпрянула от Джоя и побежала по центральному проходу к выходу из церкви.

Джой устремился за ней через нартекс, через распахнутые двери, в ночь, под дождь и мокрый снег.

Она поскользнулась на обледенелой дорожке, упала на одно колено, поднялась, поспешила к автомобилю, обежала его, открыла дверцу со стороны пассажирского сиденья.

Когда Джой добрался до «мустанга», он услышал зловещий гул. Подумал, что это гром, потом понял, что гул идет из-под земли.

Селеста тревожно глянула на него, когда он садился за руль.

— Земля проседает.

Гул набирал силу, улицу трясло, словно товарный поезд мчался под ней по подземному туннелю, но через несколько мгновений и гул, и тряска сошли на нет.

Рухнула часть горящих выработок, и все успокоилось.

Оглядевшись в поисках провалов на асфальте, Джой увидел, что Селеста тоже осматривает улицу.

— Где-нибудь просело?

— Здесь нет. Должно быть, где-то неподалеку. Поехали, поехали, нет времени.

Заводя двигатель, боясь, что земля под ними разверзнется и «мустанг» рухнет в печь огненную, Джой спросил:

— И часто у вас так?

— Так сильно здесь еще не трясло. Возможно, просело прямо под нами, но на большой глубине, поэтому до поверхности не дошло.

— Пока не дошло,— уточнил Джой.

Глава 12

Несмотря на зимнюю резину, «мустанг» по пути к дому Селесты пару раз заносило, но Джою удалось ни во что не врезаться.

Он остановил автомобиль на улице, не сворачивая на подъездную дорожку к белому, с зеленым цоколем и двумя слуховыми окнами дому Бейкеров.

Он и Селеста побежали к крыльцу через лужайку. Свет из окон падал на траву, блестел на льду, который начал образовываться на стеклах и рамах. Горела лампа и на крыльце.

Им следовало проявлять осторожность, потому что Пи-Джи мог добраться до дома Бейкеров раньше них. Они же не знали, какой из трех семей Коул-Вэлью он нанесет визит первой.

Но Селеста, охваченная паникой, открыла дверь и влетела в маленькую прихожую с криком: «Мама! Папа! Где вы? Мама!»

Никто не ответил.

Понимая, что любая попытка удержать девушку обречена на провал, замахиваясь монтировкой на каждую тень, Джой старался держаться как можно ближе к Селесте, которая, распахивая двери, перебегала из комнаты в комнату, зовя мать и

отца, и с каждым мгновением в ее голосе прибавлялось ужаса. Четыре комнаты внизу, четыре наверху, две ванные. Не особняк, конечно, но куда лучше и больше дома, в котором жил Джой. И книги, везде книги.

Последней Селеста проверила свою спальню, но и там родителей не было.

— Он их захватил! — в отчаянии воскликнула она.

— Нет, я так не думаю. Оглянись, никаких признаков насилия, никаких следов борьбы. И я сомневаюсь, чтобы они ушли с ним добровольно, особенно в такую погоду.

— Тогда где же они?

— Если бы им пришлось неожиданно уехать, они оставили бы тебе записку?

Не отвечая, Селеста развернулась, выскочила в коридор, перепрыгивая через две ступеньки, спустилась на первый этаж.

Джой догнал ее в кухне, где она читала записку, пришпиленную к пробковой доске рядом с холодильником.

«Селеста!

Этим утром Бев не вернулась домой с мессы. Никто не знает, где она. Ее ищет шериф. Мы поехали в Ашервиль, чтобы успокоить Фила и Сильвию. Они сходят с ума от тревоги. Я уверена, что все будет хорошо. В любом случае мы вернемся домой до полуночи. Надеюсь, ты хорошо провела время у Линды. Запри все двери. Не волнуйся. Бев наверняка объявится. Бог не допустит, чтобы с ней что-то случилось.

С любовью, мама».

Отвернувшись от записки, Селеста взглянула на настенные часы: две минуты десятого.

— Слава богу, он до них не добрался.

— Руки,— внезапно вспомнил Джой.— Покажи мне свои руки.

Она протянула к нему руки ладонями вверх.

Кровоточащие стигматы превратились в едва заметные синяки.

— Должно быть, мы принимали правильные решения,— в голосе Джоя слышалось облегчение.— Мы меняем судьбу... по меньшей мере, твою судьбу. Давай продолжать в том же духе.

Переведя взгляд с рук на лицо девушки, Джой увидел, как широко раскрылись глаза Селесты. Решил, что за спиной кто-то есть, с гулко бьющимся сердцем развернулся, вскидывая монтировку.

— Нет, я увидела телефон,— она шагнула к настенному телефонному аппарату.— Мы можем вызвать помощь. Позвоним в управление шерифа. Дадим им знать, где они смогут найти Бев, направим на розыск Пи-Джи.

Таких старинных телефонов, с наборным диском, Джой не встречал уже давным-давно. Пусть это покажется странным, но именно телефонный аппарат окончательно убедил его в том, что он перенесся на двадцать лет в прошлое.

Селеста набрала номер оператора, несколько раз надавила на рычаг.

— Гудка нет.

— Ветер, мокрый снег, провода могли оборваться.

— Нет. Это он. Обрезал провода.

Джой понимал, что она права.

Селеста бросила трубку и направилась к двери.

— Пойдем. Здесь можно найти кое-что посущественнее монтировки.

В кабинете она подошла к письменному дубовому столу, выдвинула средний ящик, достала ключ от оружейного шкафа.

Две стены кабинета занимали стеллажи с книгами. Джой провел рукой по глянцевым корешкам.

— Этим вечером я наконец понял... когда Пи-Джи добился моего молчания... убедил не выдавать его... он украл мое будущее.

— Ты про что? — спросила Селеста, открыв стеклянную дверцу оружейного шкафа.

— Я хотел стать писателем. Это все, о чем я мечтал. Но писатель всегда старается... если он — хороший писатель... всегда старается сказать правду. Как я мог говорить правду, как я мог стать писателем, если отгораживался даже от правды о собственном брате? Он не оставил мне выхода из тупика, в который загнал, не оставил мне будущего. А писателем стал сам.

Селеста взяла со стойки ружье, положила на стол.

— «Ремингтон». Двадцатого калибра. Помповик. Отличное оружие. Но скажи мне, как он может быть писателем, если, как

ты говоришь, для писателя главное — это правда? Он же лжец и обманщик. И при этом хороший писатель?

— Все говорят, что да.

Она достала из шкафа второе ружье, положила рядом с первым.

— Тоже «ремингтон». Нравится отцу эта марка. Двенадцатый калибр. Приклад из орехового дерева. Я не спрашиваю тебя, что все говорят. Что думаешь ты? Он — хороший писатель... в твоем будущем?

— Он добился успеха.

— И что? Последнее не свидетельствует о том, что он — хороший писатель.

— Он — лауреат множества премий, и я всегда притворялся, что считаю его хорошим писателем. Но... на самом деле я так никогда не считал.

Присев на корточки, она выдвинула ящик в нижней части оружейного шкафа, начала в нем шарить.

— Значит, сегодня ты заберешь свое будущее назад... и станешь хорошим писателем.

В углу стоял серый металлический ящик размером с брифкейс. В нем что-то тикало.

— Что это за штука в углу? — спросил Джой.

— Датчик окиси углерода и других токсичных газов, просачивающихся из горящих выработок. Еще один стоит в подвале. Эта комната расположена не над подвалом, поэтому оборудована собственным датчиком.

— Со встроенной сигнализацией?

— Да, если содержание токсичных газов превысит норму, она поднимет тревогу.— Селеста достала две коробки с патронами. Поставила на стол.— В Коул-Вэлью такими датчиками давно уже оборудован каждый дом.

— Вы живете как на пороховой бочке.

— Да, но подведенный к ней бикфордов шнур тлеет очень медленно.

— Почему вы до сих пор не переехали?

— Бюрократы. Бумаги. Задержки. Если бы мы выехали до того, как государство подготовило все документы, они бы заявили, что дом брошен, и заплатили бы за него гораздо меньше. Так что приходится жить здесь, рисковать, подстраиваться под них, если хочешь, чтобы тебе выплатили более-менее приличную компенсацию.

Открыв одну коробку с патронами, Селеста взялась за вторую.

— Ты знаешь, как управляться с этими ружьями? — спросил Джой.

— Я стреляю по тарелочкам и охочусь с отцом с тринадцати лет.

— На охотницу ты не похожа.— Он начал заряжать «ремингтон» двадцатого калибра.

— Никогда никого не убивала. Всегда целюсь мимо.

— Твой отец этого не замечал?

— Дело в том, что, когда бы мы ни охотились, с карабинами или ружьями, на мелкую дичь или на оленя, он тоже всегда нарочно промахивается. Только не знает, что я в курсе.

— Какой же смысл в такой охоте?

Заряжая второй «ремингтон», она тепло улыбнулась, подумав об отце.

— Ему нравится гулять по лесу, особенно по утрам, вдыхая аромат сосен... и проводить время со мной. Он этого не говорил, но я всегда чувствовала, что ему хотелось сына. Когда мама рожала меня, у нее возникли осложнения, она больше не могла иметь детей. Вот я и старалась, как могла, заменить отцу сына. Он думает, что я — настоящий сорванец.

— Ты удивительная.

Селеста торопливо рассовала запасные патроны по карманам черного дождевика.

Джой встретился с ней взглядом, окунулся в таинственные глубины и едва выплыл. Столь необычная девушка встретилась ему впервые, и он надеялся, что она найдет в его глазах что-нибудь притягательное.

— Ты думаешь, Беверли первая? — спросила Селеста после того, как Джой рассовал запасные патроны по карманам джинсовой куртки.

— Первая?

— Кого убил Пи-Джи.

— Я на это надеюсь... но не знаю.

— Я думаю, были и другие,— очень серьезно сказала она.

— После этой ночи, после Беверли, когда я позволил ему выйти сухим из воды, я знаю, что были и другие. Вот почему он ведет цыганский образ жизни. «Поэт автострад», чтоб я сдох. Ему нравится переезжать с места на место, потому что таким образом он перемещается по территориям, которые контролируют разные полицейские управления. Я не осознавал этого раньше, не *хотел* осознавать, но это классический социопатический профиль: одинокий странник, чужак, незнакомец везде и всюду, практически невидимка. Маньяка-убийцу поймать куда проще, если он совершает свои чудовищные преступления в одном и том же регионе. Тут надо отдать должное блестящей задумке Пи-Джи. Он выбрал себе профессию перекати-поля, преуспел в ней, стал богатым и знаменитым и при этом получил идеальное прикрытие, возможность убивать кого угодно и где угодно, практически оставаясь вне подозрений: ему же необходимо переезжать с места на место, чтобы собирать материал для своих прекрасных книг, наполненных любовью, мужеством и состраданием.

— Но все это, насколько я понимаю, в будущем,— заметила Селеста.— Может, в моем будущем, может, в нашем. А может, есть только одно возможное будущее. Я не знаю, как оно устроено... не хочу даже думать об этом.

Джой почувствовал горечь во рту, словно слово правды могло быть таким же горьким, как лекарство.

— Я не знаю, какое это было будущее, одно из возможных или единственное, на мне все равно лежит часть вины за убийства, совершенные им после того, как он сделал это с Беверли, потому что в тот вечер я мог положить этому конец.

— Вот почему ты сейчас здесь со мной. Чтобы исправить допущенную тобой ошибку. Чтобы спасти не только меня, но и всех, кого он убил бы потом... и чтобы спасти себя.— Она подняла со стола ружье, дослала патрон в казенник.— Но я говорила про другое. По-моему, Пи-Джи убивал и до Беверли. Слишком уж хладнокровно он говорил с тобой, Джой, слишком гладкой получилась сказочка о том, что она выбежала на дорогу перед его машиной в Пайн-Ридж. Если бы она была его первой жертвой, он мог бы и запаниковать. Особенно в тот момент, когда ты открыл багажник и обнаружил тело. Если учесть, с какой легкостью он обвел тебя вокруг пальца, получается, что он привык возить в багажнике трупы женщин в поисках укромного места, где можно их бросить. Он досконально продумал свое поведение на случай, что кто-то обнаружит тело до того, как он успеет от него избавиться.

Джой склонялся к мысли, что Селеста в этом права, как и в том, что телефонные провода оборвал отнюдь не ветер.

Неудивительно, что он запаниковал в кабинете Генри Кадинска, когда адвокат познакомил его с завещанием отца. Пи-Джи посылал отцу кровавые деньги, такие же грязные, как тридцать сребреников Иуды. Наличные, полученные от самого дьявола, и то были чище.

Джой передернул затвор, загоняя патрон в казенник своего ружья.

— Пошли.

Глава 13

На улице мокрый снег прекратился, но дождь лил по-прежнему. Хрупкий ледок, образовавшийся на тротуарах и мостовой, быстро таял.

В этот вечер Джой промок и продрог, но последние двадцать лет холод вообще ни на секунду не покидал его души, так что к этому он привык.

Сойдя с крыльца, Джой увидел, что капот «мустанга» поднят. Селеста, посветив фонариком на двигатель, поняла, что крышка трамблера исчезла.

— Пи-Джи,— констатировал Джой.— Забавляется.

— Забавляется?

— Для него все это — забава.

— Я думаю, сейчас он наблюдает за нами.

Джой оглядел соседние покинутые дома, деревья между ними. Кварталом южнее улица переходила в заросший лесом холм, на севере — упиралась в пересекавшую город Коул-Вэлью-роуд.

— Он где-то здесь,— голос Селесты дрогнул.

— Скорее всего. Но при таком дожде мы его не найдем. Ладно.

Сделаем, как планировали. Предупредим остальных. Кто живет ближе?

Теперь придется топать пешком.

— Ближе Джон и Бет Биммеры и с ними Ханна, мать Джона. Милая старушка.

— Будем надеяться, что мы не опоздали.

— Пи-Джи пришел сюда из церкви раньше нас, перерезал телефонный провод и дожидался, пока мы приедем, чтобы вывести из строя автомобиль.

У него просто не было времени расправиться с Биммерами.

Тем не менее стоило поспешить. Но бежать по скользкому тротуару Джой с Селестой не решались, боясь подвернуть ногу.

Когда полквартала осталось позади, под землей вновь загудело, на этот раз сильнее. Асфальт под ногами затрясся, словно ладья Харона больше не пересекала реку Стикс, уступив перевозку душ грохочущим подземным поездам. Как и прежде, гул и тряска длились не более минуты.

Биммеры жили на Северной авеню. Маленькая улочка конечно же не заслуживала столь пышного названия. Асфальт потрескался, колдобины плавно перетекали в ухабы, будто внутреннее давление постоянно испытывало тротуар и мостовую на прочность. Даже в темноте когда-то белые дома выглядели очень грязными. Они не просто нуждались в покраске, их, похоже, вымазали сажей. Половина сосен засохла, остальные, с деформированными стволами, росли не вверх, а вкось.

Шестифутовые вентиляционные колонны, огороженные цепью, подвешенной на столбах, выстроились вдоль одной стороны улицы. Над ними клубились серые дымы, напоминая процессию призраков. Ветер рвал дымы в клочья, дождь прибивал к земле, оставался только запах горячего гудрона.

Двухэтажный дом Биммеров, на удивление узкий, словно с боков его поджимали другие дома, казался выше, чем был на самом деле.

В окнах первого этажа горел свет.

Поднявшись на крыльцо, Джой и Селеста услышали доносящиеся изнутри музыку и смех. Работал телевизор.

Джой открыл алюминиевую дверь с сеткой и постучал в находившуюся за ней деревянную. На стук никто не откликнулся.

Джой постучал еще раз, сильнее.

— Имейте терпение! — крикнули изнутри.

Селеста шумно выдохнула.

— Они в порядке.

Дверь открыл мужчина, как догадался Джой, Джон Биммер. Лет пятидесяти пяти, в синей байковой рубашке, белой футболке и коричневых брюках, с блестящей лысиной на макушке и венчиком волос, как у брата Така. Пивной живот нависал над брюками, которые, если бы не подтяжки, давно бы сползли с него. Мясистым лицом, мешками под грустными глазами и отвисшей челюстью Биммер напоминал старого, доброго пса.

Джой держал ружье у ноги, и Биммер сразу его не заметил.

— Какой вы нетерпеливый, молодой человек,— в голосе Джона слышалось дружелюбие. Тут он увидел Селесту и широко улыбнулся.— Эй, мисси, лимонный пирог, который вы принесли вчера,— до чего же он был вкусный!

— Мистер Биммер, мы...— начала Селеста.

— Просто высший класс,— прервал он девушку и похлопал себя по толстому животу, чтобы подчеркнуть качество пирога.— Я даже позволил Бет и ма понюхать его, прежде чем съел до последней крошки.

В ночи раздался резкий треск, будто ветер сломал толстую ветку, но к этому звуку ни ветер, ни ветка отношения не имели, потому что по белой футболке Биммера вдруг расползлось багровое пятно, а Джон, все еще продолжая улыбаться, сделал шаг назад и рухнул навзничь.

Джой втолкнул Селесту в дверной проем, прыгнул следом, упал рядом, перекатился на спину и ногой захлопнул дверь с такой силой, что две фотографии в рамках — Джона Кеннеди и папы Иоанна XXIII — и бронзовое распятие покачнулись и едва не сорвались со стены.

Жена Биммера в синем халате, с розовыми бигуди на голове поднялась с кресла перед телевизором. Увидев залитого кровью мужа и два ружья в руках гостей, она пришла к логичному, но неправильному выводу. Крича, Бет повернулась, чтобы броситься к лестнице, ведущей на второй этаж.

— Ложитесь! — заорал Джой.

— Бет, на пол! — крикнула Селеста.

Но охваченная паникой миссис Биммер их не слышала. Она устремилась к лестнице, но когда поравнялась с окном, стекло разлетелось на тысячи осколков. Пуля попала Бет в висок. Голову женщины рвануло в сторону с такой силой, что наверняка

сломалась шея, и под смех зрительской аудитории в телевизоре Бет упала на ковер под ноги миниатюрной старушке в желтом спортивном костюме, которая сидела на диване.

Ханна, мать Биммера, не успела даже понять, что произошло, потому что через секунду два выстрела, произведенные через то же окно, но уже без веселого звона разбивающегося стекла, прикончили ее на месте.

На дворе стоял октябрь 1975 года, вьетнамская война закончилась в апреле, но Джою показалось, что он перенесся в Азию, в зону боевых действий. Последние годы репортажи из тех мест не сходили с экранов телевизоров. Внезапная, бессмысленная смерть ни в чем не повинных людей могла бы потрясти его, парализовать волю к сопротивлению... если бы он не был сорокалетним мужчиной, попавшим в тело двадцатилетнего юноши, и последние двадцать лет его жизни не пришлись на время, когда случаи бессмысленного насилия из уникальных стали повсеместными. Жизненный опыт последних десятилетий двадцатого века позволял ему не терять голову, когда вокруг стреляли и убивали.

Освещенная гостиная превращала его и Селесту в отличную мишень, поэтому Джой перекатился на бок и выстрелил из «ремингтона» 20-го калибра в латунный торшер под клетчатым абажуром. От грохота выстрела в маленькой комнатке у них едва не лопнули барабанные перепонки, но Джой дослал в казенник новый патрон, выстрелил в настольную лампу, что стояла на комоде рядом с диваном, а потом еще раз в бра на противоположной стене.

Поняв намерения Джоя, Селеста выстрелила в экран телевизора, заглушив радостный смех. Гостиную заполнил запах сгоревшего пороха и раскуроченной электроники.

— Держись ниже окон,— приказал Джой. Уши словно забили ватой или замотали толстым шарфом, но тем не менее дрожь в собственном голосе Джой расслышал более чем отчетливо. Пусть жестокость человеческих существ и закалила его, он чувствовал себя маленьким мальчиком, который вот-вот намочит штаны.— Вдоль стены ползи к двери, любой двери, лишь бы выбраться из этой комнаты.

В темноте, передвигаясь на четвереньках, таща за собой ружье, Джой гадал, какая роль отведена ему в кошмарной «живой» картине из трупов, которую намеревался сложить его брат. Если родители Селесты вернулись бы в город и попали в прицел карабина Пи-Джи, тогда в его распоряжении оказались бы все двенадцать «апостолов». Но в планах Пи-Джи наверняка нашлось место и Джою. В конце концов, он гнался за «мустангом» по шоссе, свернул на Коул-Вэлью-роуд и остановился, предлагая последовать за собой. И хотя совершаемые им жестокие преступления любой нормальный человек назвал бы безумием, в остальном иррациональность в поведении Пи-Джи не просматривалась. В рамках своих убийственных фантазий он действовал четко и целенаправленно, шаг за шагом приближаясь к цели.

Зеленая подсветка настенных часов над плитой пусть чуть-чуть, но освещала кухню Биммеров, так что Джой не решался встать.

Два окна. Одно над раковиной, второе — за кухонным столом. На обоих занавески и, что лучше, жалюзи, закрывающие верхнюю половину окон.

Осторожно приподнявшись, прижимаясь спиной к стене, Джой протянул руку и опустил жалюзи. Страх окатил его волной холода. Он почему-то не сомневался, что Пи-Джи обошел дом и сейчас стоит у него за спиной, так что их разделяет только стена. И возможно, Пи-Джи способен определить местонахождение брата и застрелить его сквозь стену. Прошла секунда, выстрела не последовало, волна ужаса, захлестнувшая Джоя, отхлынула.

Селеста рискнула подняться и опустила жалюзи на окне над раковиной.

— Ты в порядке? — спросил Джой, когда они вновь опустились на пол посреди кухни, предпочитая стоять на коленях даже при закрытых окнах.

— Они все мертвы, не так ли? — прошептала Селеста.

— Да.

— Все трое.

— Да.

— Нет ни единого...

— Ни единого. Все мертвы.

— Я знала их с рождения.

— Мне очень жаль.

— Бет нянчила меня, когда я была маленькая.

Необычный зеленый свет словно перенес кухню Биммеров в морские глубины или в другую реальность, вне привычного людям потока времени и пространства. Но одного только света не хватало для того, чтобы Джой забыл о происходящем вокруг. Живот у него скрутило, горло сжало так сильно, что он едва мог проталкивать воздух в легкие.

— Это моя вина,— выдохнул Джой, доставая из кармана запасные патроны. Но пальцы так сильно тряслись, что патроны упали на пол.

— Нет, не твоя. Пи-Джи знал, где они, где их найти. Он знает про всех, кто остался в городе, и где живут эти люди. Не мы привели его сюда. Он бы все равно их убил.

Джой попытался собрать упавшие патроны. Но онемевшие пальцы не желали слушаться, и он решил перезарядить ружье чуть позже, когда немного успокоится.

Джоя удивило, что его сердце по-прежнему может биться. Грудь словно стянули железным обручем.

Они вслушивались в ночь, ждали звука тихонько приоткрываемой двери, хруста осколков стекла под ногами.

Наконец Джой нарушил затянувшееся молчание:

— Дома, чуть раньше, найдя тело в багажнике его автомобиля, я мог позвонить шерифу. И тогда эти люди остались бы живы.

— Ты не можешь винить себя за это.

— А кого же еще мне винить? — Он тут же устыдился столь резкой реакции. Когда заговорил вновь, в голосе звучали горечь и угрызения совести, но злился он уже не на Селесту, а на себя.— Я знал, что надо сделать, но не сделал этого.

— Послушай,— в зеленом сумраке она нашла его руку, сжала,— когда я говорила, что твоей вины нет, я имела в виду другое. Не позвонив шерифу, ты допустил ошибку двадцать лет назад, но не сегодня, потому что отсчет твоего второго шанса остановить Пи-Джи идет не от разговора дома, не от находки тела. Точка отсчета — твое появление на развилке. Так?

— Ну...

— Тебе не предоставили шанса сдать его шерифу.

— Но двадцать лет назад мне следовало...

— Это прошлое. Ужасное прошлое, и тебе придется с этим жить. Но теперь речь идет о том, что происходит здесь и сейчас. Что было до того — значения не имеет. Новый отсчет пошел, как только ты выбрал правильную дорогу, и будущее целиком зависит от решений, которые ты принимал и продолжаешь принимать сегодня.

— Пока мои решения ни к чему хорошему не привели, не так ли? Три человека уже умерли.

— Три человека, которые все равно бы умерли,— гнула свое Селеста,— которые, скорее всего, и в первой твоей жизни нашли свою смерть в эту ночь. Это ужасно, это тягостно, но так, похоже, должно быть, и ничего изменить нельзя.

— Так какой смысл давать мне второй шанс, если я не смог спасти этих людей? — голос Джоя вибрировал от душевной боли.

— Ты, возможно, сможешь спасти остальных, до того как закончится эта ночь.

— Но почему не всех? Я опять проиграл.

— Прекрати терзать себя. Не тебе решать, скольких людей ты можешь спасти, до какой степени тебе удастся изменить будущее. Может, тебе дали второй шанс совсем не для того, чтобы ты спас кого-нибудь в Коул-Сити.

— За исключением тебя.

— Может, и без исключения. Может, спасти меня тоже не удастся.

От слов Селесты Джой лишился дара речи. Она совершенно хладнокровно рассматривала вероятность собственной гибели, тогда как для него казалась невыносимой даже мысль о том, что он может Селесту потерять.

— Вполне возможно,— продолжила она,— что этой ночью тебе удастся только одно: остановить Пи-Джи, не дать ему уйти отсюда. Не позволить еще двадцать лет убивать. Может, именно этого от тебя ждут, Джой. Не моего спасения. Ни чьего-либо спасения. Может, это все, чего хочет от тебя Бог.

— Здесь нет Бога. На эту ночь Бог забыл про Коул-Вэлью.

Селеста еще сильнее сжала его руку, вонзила ногти в ладонь.

— Как ты можешь так говорить?

— Посмотри на людей в гостиной.

— Это глупо.

— Как может милосердный Бог позволить людям так умирать?

— Многие мыслители, куда умнее нас, пытались ответить на этот вопрос.

— И не смогли.

— Но сие не означает, что ответа нет.— В голосе Селесты отчетливо слышались злость и нетерпение.— Джой, если не Бог дал тебе шанс заново прожить эту ночь, то кто?

— Не знаю,— печально ответил он.

— Ты, возможно, думаешь, что это Род Серлинг и ты оказался в «Сумеречной зоне»? — пренебрежительно бросила она.

— Нет, разумеется нет.

— Тогда кто?

— Может, это просто... физическая аномалия. Временная петля. Энергетическая флуктуация. Необъяснимая и бессмысленная. Откуда мне знать?

— Ага. Понимаю. Какая-то механическая поломка в великом космическом агрегате.— Голос Селесты сочился сарказмом, она выпустила руку Джоя.

— В этой версии больше логики, чем в Боге.

— Значит, мы не в «Сумеречной зоне», так? Теперь мы на борту звездолета «Энтерпрайз» с капитаном Керком. Нас лупцуют энергетические волны, мы ныряем во временные петли.

Он не ответил.

— Ты помнишь «Стар трек»? Кто-нибудь в 1995 году помнит этот сериал?

— Помнит? Черт, да я думаю, он приносит больше прибыли, чем «Дженерал моторс».

— Тогда давай подойдем к этой проблеме с холодной вулканской логикой*, хорошо? Если удивительная трансформация, произошедшая с тобой, бессмысленная и случайная, тогда почему, перемещаясь по временной петле, ты не попал в какой-нибудь день, ничем не отличающийся от других, скажем, когда тебе было восемь лет и ты болел гриппом?

* Один из главных героев телесериала «Стар трек», доктор Спок, родом с планеты Вулкан.

Или почему тебя не перенесло на месяц назад, когда ты сидел в своем доме на колесах в Лас-Вегасе, уже уговорив полбутылки виски, и смотрел мультфильмы? Какова, по-твоему, вероятность, что случайная физическая аномалия вернет тебя в самую важную ночь твоей жизни, в тот самый момент, когда ты, приняв неправильное решение, уже ничего не мог исправить?

Джой успокаивался, слушая ее. Хотя и не мог сказать, что ее слова его подбодрили. Зато он сумел подобрать патроны и перезарядить ружье.

— Возможно,— не унималась Селеста,— ты вновь переживаешь эту ночь не для того, чтобы что-то сделать, не для того, чтобы спасти чьи-то жизни, остановить Пи-Джи и стать героем. Возможно, ты вернулся в эту ночь, чтобы получить последний шанс сохранить веру.

— Во что?

— В мир, наполненный высшим смыслом, в жизнь, которая не заканчивается со смертью.

Иногда она вдруг начинала читать его мысли, как открытую книгу. Более всего Джой хотел вновь во что-то поверить... как верил много лет назад, будучи алтарным служкой. Но он завис между надеждой и отчаянием. Помнил, как совсем недавно его охватило ощущение чуда, когда он осознал, что ему снова двадцать, как благодарен он был кому-то (или чему-то) за предоставленный второй шанс. Но сейчас он скорее бы поверил в «Сумеречную зону» или парадокс квантовой механики, чем в Бога.

— Верить,— повторил он.— Именно этого добивался от меня Пи-Джи. Просто верить в него, верить в его невиновность без единого доказательства. И добился. Я поверил в него. Результат ты видишь.

— Может, совсем не вера в Пи-Джи погубила твою жизнь.

— Она уж точно не пошла мне на пользу,— с горечью ответил Джой.

— Может, главная проблема в том, что ты не верил во что-то еще.

— Когда-то я был алтарным служкой. Но потом вырос. Получил образование.

— Поскольку ты учился в колледже, то наверняка слышал термин «претендующий на умудренность». Он действительно тебе очень подходит.

— А вот ты у нас мудрая, не так ли? Все знаешь.

— Нет. Я отнюдь не мудрая. Только не я. Но мой отец говорит: признание, что ты знаешь не все,— первый шаг на пути к мудрости.

— Твой отец, директор захудалой средней школы, вдруг оказывается великим философом?

— Теперь ты просто хочешь обидеть меня.

— Извини,— после паузы ответил Джой.

— Не забывай знак, который мне дали. Моя кровь на твоих пальцах. Как я могу не верить? Более того, как после этого ты можешь не верить? Ты же сам сказал, что это *знак.*

— Я не подумал. Это все... эмоции. Когда появляется время подумать, когда используешь упомянутую тобой вулканскую логику...

— Если думаешь о *чем-либо* слишком долго, ты уже не можешь в это верить. Ты видишь птицу, летящую по небу, но как только она скрывается из виду, ты уже не можешь доказать ее существование. Откуда ты знаешь, что Париж существует? Ты там бывал?

— Другие люди видели Париж. Я им верю.

— Другие люди видели Бога.

— Не так, как видят Париж.

— Есть много способов увидеть. И возможно, глаза и «кодак» — не лучшие.

— Как можно поверить, что Бог столь жесток и позволяет людям вот так умирать, трем невинным людям?

— Если смерть — не конец,— без запинки ответила Селеста,— если смерть — всего лишь переход из этого мира в последующий, тогда ни о какой жестокости нет речи.

— Тебе это так легко,— в голосе Джоя слышалась зависть.— Так легко просто верить.

— Для тебя это тоже может быть легко.

— Нет.

— Просто поверь.

— Просто не получается.

— Тогда зачем верить, что ты проживаешь эту ночь заново? Почему не вычеркнуть ее как глупую мечту, перевернуться на другой бок и заснуть, ожидая утреннего пробуждения?

Джой не ответил. Не смог.

И хотя понимал, что попытка бесполезна, подкрался к настенному телефону, поднял руку, снял трубку. Конечно же, услышал тишину.

— Он не может работать,— в голосе Селесты звучали нотки сарказма.

— Что?

— Не может работать, потому что у тебя было время подумать и теперь ты понимаешь: нет возможности доказать, что в мире есть кто-то еще, кому можно позвонить. И нет возможности доказать так, чтобы не осталось ни малейшего сомнения, прямо здесь, прямо сейчас, что существуют другие люди... а значит, *их не существует.* В колледже ты наверняка выучил слово, которым обозначается такое вот мировоззрение. Солипсизм. Теория, согласно которой несомненной реальностью является только мыслящий субъект, а все остальное существует лишь в его сознании.

Отпустив трубку, которая закачалась на шнуре, Джой прислонился к буфету, прислушиваясь к ветру, дождю, особенной тишине, окружающей мертвых.

— Я не думаю, что Пи-Джи войдет в дом, чтобы добраться до нас,— нарушила молчание Селеста.

Джой пришел к тому же выводу. Пи-Джи не собирался их убивать. Во всяком случае, сейчас. Потом — да. Если бы Пи-Джи хотел расправиться с ними, то проделал бы это в тот момент, когда они стояли на крыльце спиной к нему. Вместо этого он послал пулю аккурат между их головами, точно в сердце Джона Бриммера.

По каким-то только ему ведомым причинам Пи-Джи хотел, чтобы они засвидетельствовали убийства всех остальных жителей Коул-Вэлью, а уж потом намеревался приняться за них. Вероятно, он хотел, чтобы Селеста стала двенадцатым и последним апостолом в той картинке из трупов, которую он создавал в церкви.

«А я? — задался вопросом Джой.— *Какую роль ты уготовил мне, большой брат?»*

Глава 14

Джой просто сидел и ждал, когда же события или наитие заставят его приступить к активным действиям. Ведь наверняка существовал способ остановить Пи-Джи.

Идти к дому Доланов смысла не имело. Предотвратить их смерть, скорее всего, они бы не сумели. Только поприсутствовали при гибели еще пяти человек.

Может, им удалось бы проникнуть в дом Доланов незамеченными. Может, они убедили бы хозяев о грозящей им опасности и превратили бы дом в крепость. Но тогда Пи-Джи мог поджечь дом, выманить всех наружу и перестрелять, как в тире.

Если к дому примыкал гараж и Доланы попытались бы уехать на автомобиле, Пи-Джи прострелил бы колеса. И автомобиль превратился бы для Доланов в общую могилу.

Джой никогда не встречался с Доланами. И с большим трудом мог убедить себя в том, что они существуют. Проще простого сидеть на кухне, ничего не делать, позволить Доланам, если они таки существовали, самим позаботиться о себе, верить только в бутылочно-зеленые тени, бродящие вокруг, легкий аромат корицы, сильный запах кофе, идущий от остывающего кофейника, жесткость дверцы буфета под спиной, пола под задом, гудение холодильника.

Двадцать лет назад, закрыв глаза на убийство, совершенное братом, он отказался верить и в то, что за этой жертвой последуют новые. Он не видел их окровавленных лиц, изуродованных тел, а потому они были для него такими же нереальными, как парижане для человека, исповедующего солипсизм. Скольких людей убил Пи-Джи за двадцать лет, последовавших за первым прогоном этой ночи? По два в год, всего сорок? Нет. Маловато будет. Столь редкие убийства не для него. Слишком мало риска, слишком мало адреналина. По одному в месяц все двадцать лет? Двести пятьдесят жертв, замученных, изуродованных, брошенных в кюветы или похороненных тайком? С такой нагрузкой Пи-Джи бы справился. Сил и энергии у него хватало. Отказавшись поверить в то, что его брат — убийца, Джой инициировал все будущие преступления.

И тут, пожалуй, впервые он осознал истинный груз ответственности, которая легла на него и оказалась куда как больше, чем ему хотелось верить. В ту давнюю ночь он пошел на поводу у Пи-Джи, и результатом стал триумф зла столь огромных масштабов, что даже мысль об этом повергала Джоя в ужас.

Теперь последствия бездействия могли оказаться куда страшнее, чем последствия поступка.

— Он хочет, чтобы мы пошли к Доланам, чтобы я увидел, как их убивают,— Джой внезапно осип.— Если мы не пойдем туда сразу, возможно, они проживут чуть дольше.

— Но мы же не можем сидеть здесь.

— Нет. Потому что раньше или позже он должен их убить.

— Скорее раньше,— предрекла Селеста.

— Пока он наблюдает за нами, ждет, когда мы выйдем из дома. Мы должны как-то удивить его, заинтриговать, удержать рядом, не пускать к Доланам. Наши действия должны стать для него полным сюрпризом, породить в нем неуверенность в себе.

— Например?

Мотор холодильника. Дождь. Кофе, корица. Часы на стене: тик-так.

— Джой? — позвала Селеста.

— Удивить его нелегко. Он так решителен, так смел. Все у него рассчитано.

— Причина ясна. Ему есть во что верить.

— Пи-Джи? — удивился Джой.— Да во что он может верить?

— В себя. Этот человек верит в себя, в свои ум, обаяние, хитрость. В свою судьбу. Это, конечно, не настоящая религия, но вера — истинная и дает ему гораздо больше, чем одну уверенность. Дает ему силу, власть.

Слова Селесты вдохновили Джоя, хотя он и не мог сказать почему.

— Ты права. Он действительно во что-то верит. Но не только в себя. Во что-то еще. Доказательства тому перед глазами, их несложно увидеть, но я не хотел этого признавать. Он верит, он — истинно верующий, и, если мы сыграем на этой вере, тогда мы сможем выбить его из колеи и получить определенные преимущества.

— Что-то я тебя не понимаю,— в голосе Селесты слышалась озабоченность.

— Объясню позже. У нас слишком мало времени. Ты должна обыскать кухню, нам нужны свечи, спички. Найди пустую бутылку или банку и наполни ее водой.

— Зачем?

Он привстал.

— Сначала найди то, что сможешь. Фонарик мне придется взять с собой, поэтому приоткрой дверь холодильника. Верхний свет не включай. Лампы слишком яркие. Он увидит твою тень сквозь жалюзи и начнет стрелять.

Джой, пригнувшись, направился к открытой двери, оставляя Селесту в зеленоватом сумраке.

— Куда ты идешь? — спросила она.

— В гостиную. Потом наверх. Мне кое-что нужно.

— Что?

— Увидишь.

В гостиной он пользовался фонариком осторожно, дважды включал, тут же выключал, чтобы сориентироваться и не наткнуться на тела. Второй раз выхватил из темноты широко раскрытые глаза Бет Биммер, устремленные в далекое далеко, находящееся над потолком, над крышей, над облаками, может, и над Полярной звездой.

Чтобы снять со стены распятие, Джою пришлось залезть на диван, встать рядом с телом старушки. Длинный гвоздь вогнали не только в штукатурку, но и в дерево под ней. Шляпка гвоздя никак не хотела вылезать из гнезда на обратной стороне распятия, так что Джою пришлось попотеть. Он все время боялся, что тело Ханны упадет ему на ноги. Но в конце концов ему удалось и снять распятие, и избежать непосредственного контакта с покойницей.

Третье включение фонаря, четвертое, и Джой уже на лестнице.

На втором этаже дома Биммеров располагались три крошечные комнатки и ванная.

Если Пи-Джи наблюдал за происходящим снаружи, возможно, его заинтриговали действия Джоя.

Несмотря на преклонный возраст и палку, Ханна спала на втором этаже, и именно в ее комнате Джой нашел то, что искал. Миниатюрная керамическая статуэтка Девы Марии высотой в десять дюймов, подсвеченная трехваттовой лампочкой, вмонтированной в основание, стояла на треугольном столике в углу. Перед статуэткой — три маленькие рубиново-красные стаканчики-свечи, какие обычно ставили в церкви перед иконами и статуями святых, все потушенные.

Посветив фонариком, Джой убедился, что простыни на кровати белые, снял их, осторожно завернул в простыни статуэтку и стаканчики-свечи.

Вновь спустился в гостиную.

Ветер врывался в разбитое окно, подбрасывал занавески. Джой постоял у подножия лестницы, прислушиваясь, приглядываясь, пока не убедился, что около окна шевелятся только полотна материи.

Мертвые оставались мертвыми, и, несмотря на приток свежего воздуха, в гостиной стоял тот же запах, что и в багажнике автомобиля Пи-Джи, где лежала завернутая в прозрачную пленку блондинка.

На кухне Селеста приоткрыла дверь холодильника на несколько дюймов и в свете его лампочки все еще рылась в ящиках и на полках.

— Нашла пластиковую полугаллоновую канистру с водой,— доложила она.— Спички тоже. Свечи — нет.

— Продолжай.— Джой положил на пол добычу из комнаты Ханны.

Помимо дверей в гостиную и на заднее крыльцо в кухне была еще третья дверь. Джой приоткрыл ее. Поток холодного воздуха принес с собой запахи бензина и моторного масла, подсказав, что дверь ведет в пристроенный к дому гараж.

— Сейчас вернусь.

Вспышка фонаря показала, что в гараже только одно окно, в задней стене, и оно закрыто клеенкой. Джой включил лампу под потолком.

Старый, но ухоженный «понтиак» поблескивал хромированной решеткой радиатора.

На верстаке стоял большой ящик, как выяснилось, с инструментами. Выбрав самый тяжелый из трех молотков, Джой покопался в коробках с гвоздями, пока не нашел нужный ему размер.

Когда вернулся на кухню, Селеста уже обнаружила шесть свечей. Бет Биммер, должно быть, купила их, чтобы украсить дом или праздничный стол на Рождество. Три красные, три зеленые длиной в шесть дюймов и диаметром от трех до четырех, все они пахли воском.

Джой рассчитывал на простые, белые свечи.

— Ладно, придется обойтись этими.

Он развязал простыню, сложил свечи, спички, молоток и гвозди к тому, что принес из комнаты Ханны.

— Зачем тебе все это? — спросила Селеста.

— Мы внесем некоторые коррективы в фантазию Пи-Джи.

— Какую фантазию?

— Некогда объяснять. Пошли. Ты все увидишь.

Селеста несла в одной руке ружье, в другой — канистру с водой. Джой — узел с вещами и ружье. Если бы Пи-Джи в этот момент напал на них, прицельно стрелять в ответ они бы не смогли. Скорее всего, вообще бы не успели выстрелить.

Джой рассчитывал на желание брата еще немного поиграть с ними, как кошка с мышкой. Пи-Джи наслаждался их страхом, подпитывался от него.

Вышли они через парадную дверь смело, не таясь. Они не стремились ускользнуть от бдительного ока Пи-Джи, наоборот, привлекали к себе его внимание, а следовательно, разжигали желание узнать, что же все это значит. У Джоя засосало под ложечкой: выстрел мог раздаться в любую секунду.

По ступеням крыльца они спустились в дождь, зашагали по дорожке к тротуару, повернули налево. Направились к Коул-Вэлью-роуд.

Вентиляционные колодцы, прорытые вдоль Северной авеню с промежутками в шестьдесят футов, вдруг дружно зашипели, словно кто-то одновременно включил несколько газовых горелок. Из них повалил зловонный желтоватый дым, сквозь который прорывались языки синего пламени.

Селеста вскрикнула от удивления.

Джой уронил мешок, обеими руками схватил ружье, повернулся налево. Он так нервничал, что подумал, будто выброс огня из вентиляционных труб тоже работа Пи-Джи.

Но если его брат и был где-то неподалеку, он ничем себя не выдал.

Языки пламени не просто поднимались над колодцами и разрывались ветром.

Они превратились в факелы высотой четыре или пять футов, которые пылали над железными ободами. Горючий газ определенно вырывался из колодцев под немалым давлением, как вода из брандспойта.

Земля не гудела, как раньше, но яростное шипение газов в вентиляционных колодцах отдавалось неприятной вибрацией в костях Джоя. В этом шипении слышалась ярость, словно силы природы не имели к нему никакого отношения, а издавал его некий колосс, заточенный в аду. Причем шипел не от боли, а от гнева.

— Что происходит? — спросил Джой, возвысив голос, хотя Селеста находилась рядом.

— Не знаю.

— Никогда такого не видела?

— Нет! — ответила она, в изумлении оглядываясь.

Вентиляционные колодцы превратились в трубы гигантской карнавальной волынки, которые выли, шипели, стонали, свистели и пронзительно вскрикивали, выводя безумную полуночную мелодию. Звуки эти эхом отдавались от измазанных сажей стен пустующих домов, от окон, черных, как пустые глазницы.

В мерцающем отсвете факелов, под проливным дождем метались чудовищные тени, накрывали Северную авеню, перемещались по ней, словно армия гигантов шагала по улице на восток.

Джой подхватил мешок. Чувствуя, что время уходит, взглянул на Селесту.

— Пошли. Быстрее.

Они двинулись по узкой улице к Коул-Вэлью-роуд, и выброс подземных горючих газов прекратился так же резко, как и начался. Факелы дернулись раз, другой и погасли. Мечущиеся тени растворились в окутавшей Северную авеню тьме.

Дождь превращался в пар при контакте с раскаленными вентиляционными колодцами, и теперь уже его шипение заглушало шум бури, создавая ощущение, будто тысячи змей заполонили Коул-Вэлью.

Глава 15

Церковь встретила Джоя и Селесту ярким светом и распахнутыми дверьми.

Дождь заливал порог, и небольшие лужи уже скопились на полу в нартексе.

Войдя, Джой закрыл за собой двери. Большие петли надсадно заскрипели. Сейчас это было хорошо. Если Пи-Джи следовал за ними, войти бесшумно он бы не смог.

В арке между нартексом и нефом Джой указал на мраморную купель, белую, как древний череп, и такую же сухую.

— Вылей туда воду.

— Зачем?

— Сделай, о чем тебя просят,— резко ответил он.

Селеста приставила ружье к стене, свернула с канистры крышку. Вода с бульканьем потекла в купель.

— Канистру возьми с собой. Не оставляй там, где Пи-Джи может ее увидеть.

И повел Селесту по центральному проходу, через калитку к алтарной преграде, по галерее, которая огибала нишу для хора.

Тело Беверли Коршак, завернутое в пленку, по-прежнему лежало на алтарном возвышении. Белой грудой.

— Что теперь? — спросила Селеста, следуя за Джоем через пресвитерий к алтарной платформе.

Он поставил белый куль рядом с телом мертвой женщины.

— Помоги перенести ее.

Поморщившись — работа предстояла не из приятных,— Селеста спросила:

— Перенести куда?

— С алтаря в ризницу. Не должна она здесь лежать. Это осквернение церкви.

— Но здесь уже не церковь,— напомнила Селеста.

— Скоро мы вернем ей прежний статус.

— О чем ты говоришь?

— Ты все увидишь сама.

— Мы не можем вновь превратить это здание в церковь. Для этого нужен епископ или как минимум священник, не так ли?

— Официально у нас такого права нет, но, возможно, этого и не нужно, чтобы вписаться в извращенную фантазию Пи-Джи. Может, для этого хватит простой имитации. Селеста, пожалуйста, *помоги мне.*

С неохотой она подчинилась, и вдвоем они сняли тело с алтарной платформы, унесли вниз и положили в углу ризницы — маленькой комнаты, где священники когда-то готовились к мессе.

В свой первый приход в церковь Святого Фомы Джой обнаружил, что наружная дверь ризницы открыта. Тогда же он закрыл и запер ее. Теперь, проверив, убедился, что она по-прежнему надежно заперта.

Еще одна дверь открывалась на уходящую вниз лестницу. Джой несколько мгновений вглядывался в темноту, потом повернулся к Селесте.

— Ты ходила в эту церковь большую часть жизни, не так ли? Есть из подвала дверь на улицу?

— Нет. Там нет даже окон. Он целиком под землей.

Значит, Пи-Джи не сможет проникнуть в церковь через подвал. Ему останется только один путь: через парадную дверь.

Вернувшись с Селестой к возвышению, Джой пожалел, что не принес с собой карточный или какой-нибудь другой столик, который послужил бы алтарем. С другой стороны, эту роль могла выполнить платформа, на которой стоял настоящий алтарь.

Джой развязал простыню, выложил молоток, коробку гвоздей, красные и зеленые свечи, красные свечи-стаканчики, спички, распятие, статуэтку Девы Марии. Селеста помогла ему накрыть платформу двумя белыми простынями.

— Может, Пи-Джи пригвоздил ее к полу, пока... делал с ней, что хотел,— говорил Джой, не отрываясь от работы.— Но он не просто мучил ее. Для него это означало нечто большее. Он совершал акт святотатства, богохульничал. Скорее всего, изнасилование и убийство являлись частью церемонии.

— Церемонии? — содрогнувшись, переспросила Селеста.

— Ты говорила, что он силен и с ним трудно бороться, потому что он во что-то верит. В себя, сказала ты. Но я думаю, он верит в нечто большее. В темную силу.

— Сатанизм? — с сомнением переспросила она.— Пи-Джи — футбольная звезда, мистер Славный Парень?

— Мы оба знаем, что такого человека больше нет... если и был. Тело Беверли Коршак тому доказательство.

— Но он получил стипендию в Нотр-Дам*, Джой, и я не думаю, что в Саут-Бенде приветствуют черные мессы.

— Может, все началось здесь, до того как он уехал в университет, а потом перебрался в Нью-Йорк.

— Как-то не верится.

— Не верится сейчас, в 1975 году. Но в 1995-м увлечение сатанизмом психически неуравновешенного ученика средней школы не такая уж редкость. Поверь мне. И такое случалось и в шестидесятых, и в семидесятых, только не столь часто.

— Не думаю, что мне понравился бы твой 1995 год.

— В этом ты не одинока.

— В школе Пи-Джи считался психически неуравновешенным?

— Нет. Но иногда людям с очень сильными психическими расстройствами удается мастерски их скрывать.

Джой и Селеста, как сумели, разгладили простыни. От большинства складок удалось избавиться. Белая хлопчатобумажная ткань вроде бы даже побелела с тех пор, как они накрыли простынями алтарную платформу. Даже начала светиться.

— Раньше,— напомнил он ей,— ты сама сказала, что его смелость и решительность объясняются одним: он думает, что за ним стоят высшие силы. Возможно, именно так он и думает. Возможно, он думает, что заключил сделку, которая защитит его, благодаря которой он в любой ситуации сможет выйти сухим из воды.

— Ты говоришь, что он продал свою душу?

— Нет. Я не говорю, есть ли душа и можно ли ее продать, если она существует. Я лишь говорю, что он может думать, будто заручился покровительством темных сил, и поэтому во всех его действиях чувствуется экстраординарная самоуверенность.

— У нас есть души,— голос Селесты звучал твердо и спокойно.

Джой взял молоток, коробку с гвоздями.

— Принеси распятие.

---

* Престижный частный университет, расположенный в г. Саут-Бенд, штат Индиана. Известен своими спортивными командами. Основан в 1842 г., женщины принимаются с 1972 г.

Он подошел к стене, на которой когда-то висел двенадцатифутовый деревянный крест с распятым на нем Христом. Свет лампы под потолком не падал на стену, она освещалась двумя лампами, установленными на полу. Ведомый этим светом, взгляд прихожан устремлялся вверх, навевая мысли о вечном. Джой вбил в стену гвоздь чуть повыше уровня глаз.

Селеста поднесла крест, аккуратно повесила его на гвоздь, и в церкви Святого Фомы над алтарной платформой вновь воздвиглось распятие.

Глядя в залитые дождем окна и беспросветную ночную тьму за ними, Джой задался вопросом, а наблюдает ли за ними Пи-Джи? Если наблюдает, то как может истолковать их действия? Воспримет со смехом... или встревожится?

— «Живая» картина из трупов, которую он намеревался здесь создать, насмешка над двенадцатью апостолами ценой в двенадцать жизней — это не просто поступок безумца. Это почти... жертвоприношение.

— Совсем недавно ты говорил, что он полагает себя Иудой.

— Предателем. Предающим людей, семью, веру, даже Бога. Сеющим предательство, где только возможно. Засунувшим мне в карман тридцать долларов в своем автомобиле в ту ночь, перед тем как выпроводить меня в колледж.

— Тридцать долларов — тридцать сребреников.

Вернувшись к алтарной платформе и отложив молоток, Джой поставил шесть свечей с одного края белой простыни.

— Тридцать долларов. Маленький символический нюанс, дабы позабавиться. Плата за мое содействие. Без него он бы не ушел от ответственности за убийство Беверли. Вот он и выставил меня маленьким Иудой.

Хмурясь, Селеста взяла спички и начала зажигать свечи.

— Так он видит Иуду Искариота своим покровителем... святым темной стороны?

— Думаю, что-то в этом роде.

— Иуда отправился в ад за то, что предал Христа?

— Если ты веришь в ад, тогда, полагаю, его определили в самые глубины.

— А ты, разумеется, в ад не веришь.

— Слушай, во что я верю, значения не имеет. Главное, знать, во что верит Пи-Джи.

— Вот тут ты не прав.

Джой предпочел пропустить слова Селесты мимо ушей.

— Я не собираюсь утверждать, что я досконально разобрался в хитросплетениях его веры... если и уловил, только главное. А понять, что творится в голове моего большого брата, боюсь, не под силу и первоклассному психиатру.

Селеста зажгла все шесть свечей, повернулась к Джою.

— Итак, Пи-Джи приезжает из Нью-Йорка, потом решает прогуляться по окрестностям. Заглядывает в Коул-Вэлью, видит, что город изменился до неузнаваемости. Практически все дома брошены. Везде тлен и запустение. Вентиляционных колодцев все больше. На окраине города огонь вырывается на поверхность. Церковь секуляризирована, обречена на снос. Целый город словно сползает в ад. Сползает быстро, можно сказать, у него на глазах. И его это возбуждает. По-твоему, все так и было?

— Да. Множество психов очень чувствительны к символизму. Они живут в реальности, отличной от нашей. В их мире все и вся имеет тайное значение. Совпадений там не бывает.

— Тебя послушать, получается, что в этом вопросе ты дока.

— За эти годы я прочитал множество книг по психическим заболеваниям и отклонениям от нормы. Поначалу говорил себе, что читаю их, с тем чтобы набрать материал для будущих книг. Потом, признав, что писателем никогда не стану, все равно продолжал читать... в качестве хобби.

— Но подсознательно ты старался понять Пи-Джи.

— Маньяк-убийца с религиозным бредом, каким вроде бы является Пи-Джи, может видеть демонов и ангелов, прикидывающихся обычными людьми. Он верит, что космические силы принимают участие в самых заурядных событиях. Его мир пронизан драматизмом, в нем постоянно зреют и реализуются чудовищные заговоры.

Селеста кивнула. Дочь директора школы, она выросла в доме, битком набитом книгами.

— Он — гражданин Паранойяленда. Да, конечно, он наверняка убивал не один год, после того как уехал в колледж, а может, и раньше, одну девушку здесь, другую — там, время от времени приносил маленькие жертвы своему покровителю. Но ситуация в Коул-Вэлью вдохновила его, в его голове родился грандиозный замысел особого, огромного жертвоприношения.

Джой поставил статуэтку Девы Марии на белую простыню, довольно далеко от шести свечей, воткнул штепсель в розетку на боковой поверхности алтарной платформы.

— А мы разрушим его планы, открыв дверь Богу, пригласив его вернуться в церковь. Решительно ворвемся в фантазию Пи-Джи и противопоставим символизму символизм, суеверию — суеверие.

— И как это его остановит? — Селеста перешла к тому углу алтарной платформы, где был Джой, чтобы зажечь три рубиновых стаканчика-свечи, которые он аккуратно расставил перед статуэткой Девы Марии.

— Думаю, его это озадачит. Это первое, что мы должны сделать,— озадачить его, ошеломить, посеять неуверенность, заставить выйти из темноты. И вот тогда у нас появится шанс взять над ним верх.

— Он — что волк, бродящий вокруг костра,— согласилась Селеста.

— Он обещал принести эту жертву, двенадцать невинных людей, и теперь он чувствует, что должен выполнить обещанное. Но он должен выложить «живую» картину из трупов в церкви, из которой изгнали Бога.

— Ты говоришь так уверенно... словно читаешь его мысли.

— Он — мой брат.

— Меня это пугает.

— Меня тоже. Но я чувствую, что ему нужна церковь Святого Фомы. У него нет возможности найти другое такое же место, во всяком случае, этой ночью. Теперь, когда процесс пошел, он чувствует себя обязанным довести его до конца. Этой ночью. Если сейчас он наблюдает за нами, то поймет наши намерения, его это разъярит, он придет сюда, чтобы заставить нас уничтожить алтарь.

— А почему он не может перестрелять нас через окна, а потом разобраться с алтарем?

— Он мог бы это сделать... если бы сразу понял наш замысел. Но упустил свой шанс, как только мы повесили распятие. Если я хотя бы частично прав насчет его религиозной мании, он не сможет прикоснуться к распятию, висящему над алтарем. Точно так же как не смог бы прикоснуться к нему вампир.

Селеста зажгла последнюю из трех свечей.

Алтарь выглядел абсурдно. Его будто соорудили дети, играющие в церковь. Но даже эта бутафория создавала на удивление убедительную иллюзию святого места. То ли из-за более яркого освещения, то ли благодаря контрасту с пустой, пыльной церковью, простыни, покрывающие алтарную платформу, светились, будто их пропитали фосфоресцирующей краской. Распятие, подсвеченное снизу, отбрасывало длиннющую тень, и казалось, что в церковь вернулся тот массивный, вырезанный из дерева Христос, украшавший ее до секуляризации. Фитили шести рождественских свечей горели сильно и ровно, несмотря на гуляющие по церкви сквозняки. Ни один огонек не дрожал, ни один не грозил потухнуть. Мало того, свечи источали не запах воска, а аромат настоящих благовоний. Так уж вышло, должно быть, совершенно случайно, но одна из рубиновых стаканчиков-свечей отбрасывала розовое пятнышко света на грудь маленького бронзового Христа.

— Мы готовы,— подвел итог Джой.

Положил оба ружья на пол пресвитерия, где их никто не видел, но они оставались под рукой.

— Он видел, что мы вооружены,— заметила Селеста.— Он знает, что ружья при нас. Он не решится подойти близко.

— Может, и нет. Все зависит от того, как сильно он погружен в свою фантазию, насколько неуязвимым себя считает.

Повернувшись спиной к ступеням, ведущим к алтарной платформе, Джой опустился на одно колено за балюстрадой пресвитерия у ниши для хора. Тяжелый поручень и мощные стойки в определенной степени защищали от пуль, но Джой, конечно же, не считал балюстраду надежным укрытием. Зазоры между стойками составляли почти три дюйма, а щепки, которые полетели бы от старого, хорошо просушенного дерева при попадании пули большого калибра, ничем не отличались от шрапнели. Посыпались бы и сами стойки.

Селеста словно прочитала его мысли.

— Ружьями тут ничего не решить.

— Не решить?

— Сила тут ни при чем. Главное — вера.

И вновь, как уже не раз случалось в этот вечер, загадочность в темных глазах Селесты поразила и зачаровала Джоя. Лицо девушки оставалось бесстрастным... и на удивление спокойным, учитывая ситуацию.

— Тебе известно что-то такое, чего не знаю я?

Она долго смотрела ему прямо в глаза, потом перевела взгляд на неф.

— Многое.

— Иногда ты становишься...

— Какой я становлюсь?

— Иной.

— В каком смысле?

— Не такой, как все.

Тень улыбки пробежала по лицу Селесты, чуть изогнула губы.

— Я не только дочь директора школы.

— Да? А кто еще?

— Я женщина.

— В тебе есть что-то еще,— настаивал он.

— Что именно?

— Иногда мне кажется... что ты гораздо старше меня.

— Дело в моих знаниях.

— Поделись со мной.

— Мне нельзя об этом говорить.

— Но разве мы не в одной лодке? — резко спросил Джой.

Селеста вновь посмотрела на него, ее глаза широко раскрылись.

— Да, в одной.

— Если твои знания могут помочь...

— Все гораздо сложнее, чем ты думаешь,— прошептала она.

— Что?

— Ты и представить себе не можешь, как крепко мы связаны.

И устремила взгляд в неф.

Они помолчали. Словно попавшие в силок и отчаянно пытающиеся освободиться птицы, ветер и дождь бились в окна церкви.

— Я чувствую тепло,— наконец прервал молчание Джой.

— Действительно, здесь становится теплее,— подтвердила Селеста.

— Но как такое может быть? Мы же не включали обогреватели.

— Тепло идет через пол. Разве ты не чувствуешь? Через каждую щель.

Джой приложил руку к полу. Доски стали теплыми на ощупь.

— Тепло идет из земли,— пояснила Селеста,— от подземного пожара.

— Может, не только тепло? — Джой вспомнил тикающий металлический ящик, стоявший в углу кабинета отца Селесты.— А как насчет токсичных газов?

— О них можно не беспокоиться.

— Почему?

— Потому что этой ночью есть враг пострашнее.

За одну-две минуты лоб Джоя покрылся потом.

Роясь в карманах в поисках носового платка, Шеннон обнаружил в одном из них купюры. Две десятки. Две пятерки. Тридцать долларов.

Он постоянно забывал, что случившееся двадцать лет назад, в далеком прошлом, произошло уже по второму разу, за несколько часов до ночных бдений в церкви Святого Фомы.

В ужасе глядя на деньги, Джой вспомнил, с какой настойчивостью Пи-Джи убеждал взять их, когда они вдвоем сидели в кабине его автомобиля. В багажнике которого лежало тело Беверли Коршак. От того вечера в памяти остался запах дождя. И еще более сильный запах крови.

По его телу пробежала волна дрожи, деньги он смял, тут же выронил.

На лету бумажный комок превратился в монеты, которые зазвякали, ударяясь о деревянный пол, как маленькие колокольчики. Поблескивая, вращаясь, ударяясь друг о друга, образовали горку у его ног.

— Что это? — спросила Селеста.

Он глянул на нее. Она не видела. Он находился между ней и монетами.

— Серебро,— ответил Джой.

Но когда посмотрел вновь, монеты исчезли. На полу лежал комок бумажных денег.

В церкви становилось все жарче. Оконные стекла запотели, создалось ощущение, что начали таять.

Внезапно у Джоя гулко забилось сердце. Огромный кулак начал изнутри колотить по ребрам.

— Он идет.

— Где?

Чуть приподнявшись, Джой через балюстраду указал на центральный проход, на тускло освещенный нартекс за аркой, на парадные двери церкви, едва проглядывающие в сумраке.

— Он идет.

Глава 16

Пронзительно заскрипев несмазанными петлями, двери церкви открылись в темноту, в холодную ночь, в порывистый ветер, секущий землю дождем, и в нартекс вошел человек. Не пригнувшись, не повернувшись боком, не крадучись — просто вошел, направился к арке нефа, окутанный вонючими парами, поднявшимися по вентиляционному колодцу, что был прорыт во дворе церкви.

Пи-Джи. В тех же черных сапогах, коричневых брюках и красном вязаном свитере, в которых сидел в родительском доме за обедом и в кабине автомобиля, где он столь убедительно вещал о пользе забывчивости и крепости братских уз. Добавилась только черная кожаная куртка.

Но в церковь вошел не тот Пи-Джи Шеннон, романы которого раз за разом попадали в списки бестселлеров, не Керуак конца двадцатого века, неустанно мотающийся по стране на автомобилях, в мини-вэнах, домах на колесах. Этот Пи-Джи еще не разменял двадцать четыре года, совсем недавно закончил Нотр-Дам и работал в издательском доме в Нью-Йорке, откуда и приехал домой на уикенд.

Он не принес с собой карабин, из которого перестрелял Биммеров, похоже, не думал, что ему понадобится оружие. Остановился в арке, широко расставил ноги, улыбнулся. Руки свободно висели по бокам.

До этой встречи Джой уже успел забыть, какую невероятную уверенность в себе излучал Пи-Джи, как разом привлекал к себе все взгляды. Слово «харизма» в 1975 году еще не стало расхожим. Это в 1995-м его использовали журналисты и кри-

тики для характеристики каждого политика, который еще не успел провороваться, каждого нового музыканта-рэппера, которому давались лишь самые простые рифмы, каждого актера, талант которого заключался лишь в красивых глазах. Но независимо от года, 1975-го или 1995-го, слово это изобрели для Пи-Джи Шеннона. Он обладал харизмой ветхозаветного пророка, только без бороды и белых одежд, при его появлении все остальные будто уменьшались в размерах, он сразу же становился осью, вокруг которой начинала вращаться жизнь.

— Джой, ты меня удивляешь,— воскликнул Пи-Джи, встретившись взглядом с братом. Из-под арки он так и не вышел.

Рукавом Джой вытер со лба пот. Промолчал.

— Я думал, мы заключили сделку,— продолжил Пи-Джи.

Одну руку Джой положил на ружье, которое лежало на полу пресвитерия.

Но поднимать не стал. Пи-Джи успел бы отскочить из арки в нартекс, до того как Джой уперся бы прикладом в плечо и прицелился. Да и потом, стреляя дробью с такого расстояния, ему не удалось бы серьезно ранить Пи-Джи, даже если бы тот не проявил достаточной прыти.

— От тебя требовалось, как и положено хорошему мальчику, вернуться в колледж, продолжить работу в супермаркете, с головой уйти в повседневную борьбу за существование, рутинную жизнь, для которой ты и рожден. Но ты сунулся в это дело.

— Ты же *хотел*, чтобы я последовал за тобой,— ответил Джой.

— Да, тут ты прав, младший брат. Но я не знал, последуешь ли ты. Ты всего лишь алтарный служка, лижущий руки священникам, целующий четки. Откуда я мог знать, что тебе хватит на это духа? Я думал, что ты скорее вернешься в колледж, приняв за правду сказочку о бородаче из Пайн-Риджа.

— Я и вернулся.

— Что?

— Однажды. Но не в этот раз.

Пи-Джи определенно не понимал, о чем речь. Ему, судя по всему, давался один и единственный шанс прожить эту ночь. Повторить прожитое предлагалось только Джою, чтобы во второй попытке он исправил допущенные в прошлом ошибки.

С пола он поднял тридцать долларов и, не вставая, бросил Пи-Джи. Бумажный комок долетел только до края ниши для хора и упал на пол перед алтарной преградой.

— Возвращаю тебе твое серебро.

На мгновение Пи-Джи словно остолбенел, потом ответил:

— Что ты такое говоришь, младший брат?

— Когда ты заключил свою сделку? — спросил Джой, надеясь, что он поставил Пи-Джи правильный диагноз и теперь мог лишить его значительной доли самоуверенности, нанес удар в нереальном мире, существующем только в голове старшего брата.

— Сделку? — переспросил Пи-Джи.

— Когда ты продал душу?

Взгляд Пи-Джи сместился на Селесту.

— Должно быть, ты помогла ему найти ответ на эту загадку. Ему самому увидеть истину не дано. И уж конечно он не справился бы с этим за ту пару часов, что прошла с момента, когда он нашел тело, заглянув в багажник моего автомобиля. Занятная ты штучка. Кто ты?

Селеста не ответила.

— Девушка на дороге,— продолжил Пи-Джи.— Это мне известно. Я бы уже разобрался с тобой, если бы не вмешался Джой. Но кто ты *кроме этого*?

Секретные личности. Двойные личности. Заговоры. Пи-Джи жил в сложном и запутанном мире паранойяльного шизофреника и, конечно, видел в Селесте не просто девушку, а некую таинственную силу.

Селеста продолжала молчать. Сидела на корточках за балюстрадой, положив одну руку на ружье, лежащее на полу пресвитерия.

Джой надеялся, что она не пустит в ход оружие. Сначала следовало подманить Пи-Джи поближе, на расстояние верного выстрела... или убедить его, что они вообще не нуждаются в оружии, поскольку находятся под защитой святой земли, на которой стоят.

— Знаешь, откуда взялись тридцать баксов, Джой? — спросил Пи-Джи.— Из сумочки Беверли Коршак. Теперь я должен подобрать их, чтобы позже сунуть в твой карман. Сохранить как улику.

Наконец-то Джой понял, какую роль отводил ему Пи-Джи. Брат хотел свалить на него все случившееся этой ночью. Без сомнения, его смерть выглядела бы как самоубийство: лижущий руки священникам, целующий четки алтарный служка сходит с ума, убивает двенадцать человек в сатанинской церемонии, после чего сводит счеты с жизнью.

Он избежал этой участи двадцать лет назад, когда не последовал за Пи-Джи по Коул-Вэлью-роуд, но выбранная им дорога ни к чему хорошему не привела: он плыл по течению, не ставя перед собой никаких целей, ни к чему не стремясь. А теперь ему предстояло побороться за свою жизнь.

— Ты спросил, когда я продал душу? — Пи-Джи по-прежнему стоял в арке, разделяющей нартекс и неф.— Мне было тринадцать, тебе — десять. Мне в руки попали книги о сатанизме, о черных мессах. К тому времени я для них созрел, Джой. Проводил маленькие церемонии в лесу. Приносил в жертву всякую мелкую живность. Я бы перерезал тебе горло и вырвал сердце, малыш, если бы ничего другое не сработало. Но до этого не дошло. Все оказалось гораздо проще. Я даже не уверен, а так ли необходимы эти обряды, знаешь ли. Я думаю, необходимо только одно: *хотеть этого*. Хотеть всеми фибрами души, хотеть всем сердцем, до боли... и этого достаточно, чтобы открыть дверь и впустить его.

— Его? — спросил Джой.

— Сатану, черта, дьявола, старого страшного Вельзевула,— весело ответил Пи-Джи.— Он, кстати, совсем не такой, Джой. На самом деле он теплый и пушистый, по крайней мере, для тех, кто принимает его с распростертыми объятиями.

И хотя Селеста осталась за балюстрадой, Джой поднялся в полный рост.

— Все правильно, малыш,— поощряя его, улыбнулся Пи-Джи.— Не бойся. Зеленый огонь не полыхнет из носа твоего старшего брата. Его руки не превратятся в перепончатые крылья.

От деревянного пола шел жар.

Стекла все сильнее покрывались конденсатом.

— Почему ты это сделал, Пи-Джи? — спросил Джой, притворяясь, что верит в души и сделки с дьяволом.

— Малыш, я до тошноты наелся бедностью, боялся, что вырасту таким же бесполезным куском дерьма, как наш отец.

Хотел, чтобы в кармане всегда были деньги, хотел ездить на хороших автомобилях, хотел выбирать девушек по своему вкусу. И никак не мог на это надеяться, оставаясь одним из братьев Шеннонов, живя в комнате рядом с топливным котлом. Но после того как я заключил сделку... сам знаешь, что из этого вышло. Футбольная звезда. Лучший ученик в классе. Первый красавец в школе. Девушкам не терпелось раздвинуть ноги. Даже те, кого я бросал, продолжали любить меня, страдали из-за меня, не говорили обо мне дурного слова. А после школы — стипендия в католическом университете. Ирония судьбы, не правда ли?

Джой покачал головой.

— Ты всегда был хорошим. И очень умным. Все тебя любили. Ты и так бы это получил, Пи-Джи.

— Черта с два! — впервые он повысил голос.— Бог ничего не дал мне, когда я пришел в этот мир, ничего, ничего, кроме крестов, которые следовало тащить на себе. Он известный сторонник страданий, этот Бог. Настоящий садист. У меня *ничего* не было, пока я не заключил эту сделку.

Болезнь укоренилась в мозгу Пи-Джи в детстве, так что здравый смысл и логика им уже не воспринимались. Слишком давно он переступил черту, за которой начиналось безумие. Джой еще раз убедился, что борьбу предстояло вести в иррациональном мире, используя действенные там методы и средства.

— А почему бы тебе, Джой, не пойти по моим стопам? Тебе не придется учить заклинания, проводить церемонии в лесу. В этом нет никакой необходимости. Просто захоти этого, открой свое сердце, и у тебя появится собственный компаньон.

— Компаньон?

— Как у меня Иуда. Наездник души. Я пригласил его в себя. Я дозволяю ему на какое-то время покидать ад, а он взамен заботится обо мне. В отношении меня у него большие планы, Джой. Богатство, слава. Он хочет, чтобы удовлетворялось каждое мое желание, потому что он испытывает все мои ощущения: ласкает женщин, пьет шампанское, разделяет вкус власти, абсолютной власти, которую чувствуешь, когда приходит время убивать. Он хочет для меня самого лучшего, Джой, и следит за тем, чтобы я его получал. У тебя может быть собственный

компаньон, малыш. Я гарантирую, что он у тебя будет, можешь мне поверить, гарантирую.

На какое-то время Джой от изумления потерял дар речи: очень уж круто были замешаны фантазии Пи-Джи. Если бы за эти двадцать лет Джой не читал о самых экзотических случаях психических расстройств, он бы, пожалуй, не сумел понять природу человеческого монстра, с которым имел дело. Конечно же, первый раз он ничего не мог противопоставить Пи-Джи, потому что не обладал специальными знаниями, которые позволяли хотя бы в общих чертах представить себе образ мышления противника.

— Ты должен только захотеть, Джой,— напирал Пи-Джи.— Потом мы убьем эту сучку. Одному из сыновей Долана шестнадцать. Большой парень. Мы все обставим так, будто он убил всех, а потом покончил с собой. Ты и я, мы уйдем вместе и больше не будем разлучаться, станем ближе, чем братья, ближе, чем кто бы то ни было.

— Для чего я действительно тебе нужен, Пи-Джи?

— Да не нужен ты мне, Джой. Не собираюсь я тебя для чего-то использовать. Просто люблю. Или ты думаешь, что не люблю? Люблю, будь уверен. Ты мой младший брат. Мой единственный младший брат. И я хочу, чтобы ты был на моей стороне, делил со мной все блага, выпавшие на мою долю.

Во рту у Джоя пересохло, и совсем не от внезапной жары. Впервые с того момента, как он свернул на Коул-Вэлью-роуд, ему захотелось глотнуть «Джека Дэниелса».

— А вот мне представляется, что я нужен тебе для того, чтобы снять со стены распятие. Может, чтобы повесить его головой вниз.

Пи-Джи промолчал.

— Я думаю, тебе не терпится завершить ту самую «живую» картину, которую ты начал здесь выкладывать, но теперь ты боишься войти в церковь, потому что мы ее восстановили.

— Ничего вы не восстановили,— пренебрежительно бросил Пи-Джи.

— Готов спорить, как только я сниму распятие, задую свечи, разрушу алтарь, то есть это место вновь станет безопасным для тебя, ты тут же нас убьешь, как, собственно, и собирался с самого начала.

— Эй, малыш, ты забыл, кто перед тобой? Я же твой старший брат, который всегда защищал тебя, заботился о тебе. И я собираюсь причинить тебе вред? Тебе? По-моему, ты несешь чушь.

Селеста поднялась с колен, чтобы встать рядом с Джоем, словно почувствовала: подобная смелость с ее стороны поможет убедить Пи-Джи, что она и Джой чувствуют себя в полной безопасности под охраной символов, которыми окружили себя. Чем увереннее они держались, тем тревожнее становилось на душе у Пи-Джи.

— Если ты не боишься церкви, почему ты не решаешься подойти к нам? — спросил Джой.

— Почему здесь так тепло? — Пи-Джи пытался придать голосу былую самонадеянность, но в нем определенно проскальзывали нотки сомнения.— Чего мне здесь бояться? Нечего.

— Тогда подходи.

— Нечего здесь бояться.

— Докажи это. Опусти пальцы в святую воду.

Пи-Джи повернулся к мраморной купели по правую сторону от себя.

— Она была сухой. Вы сами налили туда воду.

— Неужели?

— Она не освящена. Ты — не паршивый священник. Это обычная вода.

— Тогда опусти в нее пальцы.

Джой читал о психически больных людях, которые, будучи уверенными в том, в них вселился дьявол, могли вызывать у себя ожоги на руках, если опускали их в святую воду или прикасались к распятию. Ожоги эти были самыми настоящими, только вызывались они не внешними факторами, а собственной психической энергией, убежденностью в том, что фантазии и есть реальный мир.

— Давай, прикоснись к ней, давай,— продолжил Джой, видя, что Пи-Джи не может оторвать взгляда от озерца воды в купели.— Или ты боишься, что вода обожжет тебе руку, как кислота?

Пи-Джи осторожно потянулся к мраморной купели. Растопырил пальцы над водой. Потом отдернул руку.

— Господи,— чуть слышно выдохнула Селеста.

Они нашли способ обратить безумие Пи-Джи себе на пользу, защититься им от него.

Впервые с того момента, как начался второй отсчет, Джой показал себя не юношей, только-только разменявшим двадцатник, но зрелым мужем, нашедшим, что противопоставить не старшему брату, а психически больному человеку с чрезвычайно могучим и изворотливым умом. Двадцать лет, прошедшие между двумя попытками, были прожиты не зря.

— Ты точно так же не сможешь прикоснуться к нам,— решительно заявил Джой.— Во всяком случае, в этом святом месте. Ты не сможешь сделать здесь то, что собирался, Пи-Джи. Теперь у тебя ничего не выйдет, потому что мы вернули Бога в эти стены. И тебе остается только одно: бежать отсюда. Утро неминуемо наступит, и мы будем сидеть здесь, дожидаясь, пока кто-то не придет сюда, разыскивая нас, или не найдет Биммеров.

Пи-Джи вновь попытался опустить руку в воду, но не смог заставить себя коснуться ее. Вскрикнув от страха и злобы, пнул купель.

Широкая мраморная чаша свалилась с пьедестала, и Пи-Джи, вдохновившись этой победой, рванулся в неф еще до того, как она упала на пол.

Джой наклонился, взялся за «ремингтон».

Вода выплеснулась из чаши, и, едва Пи-Джи наступил в образовавшуюся лужу, облако сернистого газа заклубилось у его ног, словно вода действительно была освящена и отреагировала как кислота на соприкосновение с сапогом человека, одержимого дьяволом.

Джой сообразил, что пол в нефе, должно быть, гораздо горячее, чем у алтаря, просто раскален.

Еще раньше отметив невероятную жару, царящую в церкви, Пи-Джи мог бы прийти к аналогичному выводу. Но он жил в ином, ирреальном мире, а потому в своих действиях не в состоянии был руководствоваться здравым смыслом. Его охватила паника. Пары «святой» воды до смерти напугали его, он закричал, будто она жгла его. И он действительно страдал, потому что воображаемая боль, вызванная галлюцинациями, ни в чем не уступала настоящей боли. Вопль отчаяния вырвался из груди

Пи-Джи, он поскользнулся и упал в воду, подняв новые клубы пара. Скуля, вереща, поднялся на четвереньки. Замахал обожженными руками — его пальцы дымились,— прижал к лицу, тут же оторвал, словно капельки на его руках действительно превратились в слезы Христа, которые жгли Пи-Джи губы, щеки, глаза. Затем встал, пошатываясь, двинулся из нефа в нартекс, к парадным дверям, в ночь, крича от ярости и боли, не человек, не одержимый дьяволом — дикий зверь, корчащийся в невыносимых мучениях.

Джой лишь приподнял «ремингтон». Пи-Джи так и не подошел достаточно близко.

— Боже мой,— вырвалось у Селесты.

— Нам фантастически повезло,— согласился Джой.

Но они говорили о разном.

— Повезло в чем? — спросила Селеста.

— Горячий пол.

— Не такой уж он и горячий,— возразила она.

Джой нахмурился.

— Должно быть, в том конце здания он значительно горячее. Как бы здесь не занялся пожар.

— Пол тут ни при чем.

— Ты же видела...

— Это был *он*.

— Он?

Лицо Селесты смертельно побледнело, цветом напоминая конденсат на церковных окнах. Она смотрела на лужу, еще дымящуюся в дальнем конце центрального прохода.

— Он не мог коснуться воды. Потому что недостоин.

— Да нет. Ерунда. Соприкосновение холодной воды с горячим полом привело к парообразованию и...

Девушка энергично замотала головой.

— Нечестивец не может прикасаться к святому.

— Селеста...

— Нечестивый, скверный, испорченный.

— Ты забыла? — озабоченно спросил Джой, опасаясь, что она сейчас забьется в истерике.

Селеста встретилась с ним взглядом, и по ее глазам Джой понял, что она полностью контролирует себя, то есть ни о ка-

кой истерике не может быть и речи. Ее пронзительный взгляд ясно говорил о том, что она ничего не забыла. Ничего. Более того, он чувствовал, что полнотой восприятия случившегося ему с ней тягаться рано.

— Воду в купель налили мы,— тем не менее напомнил он.

— И что?

— Не священник.

— И что?

— Ее налили мы, это обычная вода.

— Я видела, что она с ним сделала.

— Всего лишь пар...

— Нет, Джой. Нет, нет,— она говорила быстро, слова наползали друг на друга, так ей хотелось его убедить.— Я видела его руки, лицо. На коже вздулись пузыри ожогов, она стала красной, повисла лохмотьями, на деревянном полу пар не мог стать таким горячим.

— Психосоматическая рана.

— Нет.

— Самогипноз.

— Времени у нас в обрез.— Селеста оглянулась на распятие, свечи, чтобы убедиться, что их маленький алтарь все еще в целости и сохранности.

— Не думаю, что Пи-Джи вернется.

— Обязательно вернется.

— Но, сыграв на его поле, войдя в его фантазию, мы испугали его...

— Нет. Его нельзя испугать. Ничто и никто не может его испугать.

Несмотря на то что Селеста спешила донести до Джоя свои мысли, в ней чувствовалась какая-то отстраненность, словно она пребывала в состоянии легкого шока. Но Джой интуитивно понял, что никакого шока нет в помине, просто в тот момент она воспринимала информацию на другом, недоступном ему уровне сознания.

Селеста перекрестилась.

— ...in nomine Patris, Et Filii, et Spiritus Sancti...*

Чем напугала Джоя почище Пи-Джи.

---

* ...во имя Отца, Сына и Святого Духа... *(лат.)*.

— Психически больной маньяк-убийца,— нервно начал Джой,— пусть и ослепленный яростью, тем не менее подвержен страху, как и любой нормальный человек. Многие из них...

— Нет. Он — отец страха...

— ...многие из них живут в постоянном ужасе...

— ...отец лжи, такая нечеловеческая ярость...

— ...даже когда они пребывают в своих фантазиях, как он, они живут в страхе...

— ...не отпускает его целую вечность.— Глаза у девушки остекленели.— Он никогда не сдается, никогда не сдастся, ему нечего терять, ярость и ненависть переполняют его с момента Падения.

Джой посмотрел на разлитую воду, на которой поскользнулся Пи-Джи. В церкви становилось все жарче, но пар над лужей больше не поднимался. И потом, не об этом падении она говорила.

— О ком ты говоришь, Селеста? — спросил он после короткой паузы.

Она вроде бы прислушивалась к голосам, которые, кроме нее, никто не слышал.

— Он идет,— голос ее дрожал.

— Ты говоришь не о Пи-Джи, не так ли?

— Он идет.

— Кто? Что?

— Компаньон.

— Иуда? Иуды нет. Это фантазия, бред.

— Тот, кто стоит за Иудой.

— Селеста, будь серьезной, никакой дьявол в Пи-Джи не вселялся.

Напуганная его стремлением руководствоваться исключительно здравым смыслом, точно так же как чуть раньше его пугал ее внезапный уход в мистику, Селеста схватила Джоя за лацканы куртки.

— Джой, время на исходе. Его осталось совсем ничего на то, чтобы обрести веру...

— Я верю...

— Не в то, что важно.

Она отпустила его куртку, перепрыгнула через балюстраду в нишу для хора.

— Селеста!

— Давай потрогаем пол, Джой,— крикнула она, бросившись к калитке алтарной преграды.— Потрогаем там, где разлилась вода, посмотрим, достаточно ли он горячий, чтобы превратить воду в пар. Поторопись!

В страхе за нее Джой тоже перемахнул через балюстраду.

— Подожди!

Селеста уже открывала калитку ограждения.

В барабанную дробь дождя по крыше ворвался новый звук. Не из-под земли. Снаружи.

Девушка бежала по центральному проходу.

Джой посмотрел на окна слева. На окна справа. С обеих сторон церковь окружала тьма.

— Селеста! — закричал Джой распахивая калитку.— Покажи мне свои руки!

Их разделяла половина центрального прохода. Девушка повернулась. Ее лицо покрывал пот. Как фарфоровая глазурь. Поблескивающая в свете свечей. Лицо святой. Мученицы.

Рев усиливался. Двигатель. Двигатель автомобиля, набирающего скорость.

— Твои руки! — в отчаянии выкрикнул Джой.

Она подняла руки. На хрупких ладонях зияли отвратительные раны. Черные дыры, пульсирующие кровью.

С запада, разбивая окна, руша штукатурку, стойки каркаса, крестовины, деревянные панели, в церковь вломился «мустанг». Надсадно загудел клаксон, полопались передние колеса, наехав на острые, как гвозди, щепки, но автомобиль продолжал двигаться вперед, врубаясь в ряды скамей. Казалось, ничто не может его остановить. Скамьи отрывало от пола, они поднимались на дыбы, валились, сиденья, спинки, скамеечки для колен трескались, ломались, падали друг на друга, превращались в баррикаду, и все-таки «мустанг», ревя двигателем, уже не на колесах — на дисках продолжал движение, круша все перед собой.

Джой повалился на пол центрального прохода, закрыл голову руками, уверенный, что умрет под этим деревянным цунами. Не сомневался он в том, что умрет и Селеста, то ли сейчас, раздавленная если не «мустангом», то обломками, то ли позже, распятая Пи-Джи. Джой подвел ее, подвел себя. Он знал, что за ураганом разбитого стекла, за смерчем штукатурки, за лавиной

дерева последует кровавый дождь. Потому что, несмотря на рев двигателя «мустанга», несмотря на надсадный вой клаксона, несмотря на опасный треск проседающих потолочных балок, Джой услышал звук, отличный от остальных, и сразу понял, что он означает: бронзовое распятие свалилось с гвоздя и упало на пол.

Глава 17

Холодный ветер гулял по церкви, обнюхивая руины, будто свора собак.

Джой лежал лицом вниз, под грудой разбитых скамей и стенных стоек и, хотя не испытывал боли, боялся, что у него переломаны ноги. Но когда решился двинуться, с облегчением обнаружил, что травм и повреждений нет и он не пригвожден к полу.

Джою пришлось выползать из горы мусора, словно хорьку, выискивающему крысу в глубинах лесного завала.

Кровельные плитки, обрешетка, штукатурка, щепки все еще падали на груды мусора со стены и поврежденного потолка. Завывал ветер. Но двигатель автомобиля умолк.

Протиснувшись между двумя полированными спинками скамей, Джой увидел перед собой переднее колесо «мустанга». Шина лопнула. Покореженное крыло напоминало смятый листок бумаги.

Под днищем, словно кровь дракона, капал зеленоватый антифриз. Радиатор разорвало.

Джой протиснулся дальше вдоль борта автомобиля. У водительской дверцы между бортом и грудой мусора нашлось достаточно места, чтобы он смог встать.

Джой рассчитывал увидеть труп брата, то ли насаженный на руль, то ли выбивший головой лобовое стекло. Но нашел, что дверца водителя приоткрыта, а Пи-Джи в кабине нет.

— Селеста! — позвал Джой.

Ответа не услышал.

Пи-Джи наверняка уже разыскивал ее.

— *Селеста!*

Джой учуял запах бензина. При ударе потек не только радиатор, но и топливный бак.

Перевернутые скамьи, куски панелей, стойки, бруски громоздились выше автомобиля, загораживая обзор. Джой забрался на крышу «мустанга», выпрямился во весь рост, повернулся спиной к разрушенной стене и нескончаемому дождю.

Церковь Святого Фомы наполнял странный свет и мятущиеся тени. Некоторые лампочки на потолке горели, другие погасли. Ближе к нартексу поврежденная проводка выстреливала с потолка фонтаны бело-желто-голубых искр.

На алтарной платформе свечи повалились набок, когда церковь содрогнулась под ударом автомобиля. Расстеленные на ней простыни горели.

Тени беспорядочно метались, накладываясь друг на друга, но одна двигалась прямолинейно, чем и привлекла внимание Джоя. Пи-Джи уже миновал галерею и входил в пресвитерий. Он нес Селесту. Девушка была без сознания, голова откинулась назад, черные волосы волочились по полу.

Господи, нет!

На мгновение у Джоя перехватило дыхание.

Потом он спрыгнул с крыши на капот «мустанга», с него перебрался на груду бревен, стоек, скамей, панелей. Обломки проседали под ним, торчащие гвозди цеплялись за одежду, но Джой продвигался вперед, широко раскинув руки, балансируя, как канатоходец, изо всех сил пытаясь устоять на ногах.

Пи-Джи уже поднимался по трем алтарным ступеням. На задней стене, где уже не было распятия, плясали отсветы языков пламени.

С груды порушенного дерева Джой спрыгнул на ровный и чистый пол перед алтарной преградой.

Пи-Джи бросил Селесту на горящие простыни, словно держал на руках не человека, а мешок с картошкой.

— Нет! — закричал Джой, перепрыгивая через ограждение, бросаясь к галерее, которая, огибая нишу для хора, выводила к алтарной платформе.

Плащ Селесты загорелся. Он видел, с какой жадностью языки пламени набросились на новую добычу.

Ее волосы. *Ее волосы!*

От боли, вызванной ожогом, девушка пришла в себя и закричала.

Миновав галерею, вбегая в пресвитерий, Джой увидел, как Пи-Джи стоит над Селестой на горящих простынях, не замечая, что огонь лижет ему ноги, занеся над головой молоток.

С гулко бьющимся сердцем Джой метнулся через пресвитерий к ступеням, которые вели на алтарную платформу.

Молоток пошел вниз.

Крик. Разрывающий сердце. Оборванный ударом стального молотка, раздробившего череп.

Волна горя захлестнула Джоя, когда он достиг первой ступени.

Пи-Джи резко повернулся к нему.

— Младший брат,— он улыбался. В глазах плясали языки пламени. Лицо вздулось от ожогов. Пи-Джи победно вскинул над головой мокрый от крови молоток.— А теперь давай ее распнем.

— *Н-е-е-е-е-т!*

Что-то мелькнуло у Джоя перед глазами. Нет, не перед глазами. Церковь не уходила в сторону, не переворачивалась. Мелькнуло за глазами. Как тень крыльев на залитой солнцем воде. Как полет ангелов, выхваченный периферийным зрением. Одна картинка разом уступила место другой.

Потому что все переменилось.

Пожар исчез.

Как и Пи-Джи.

Распятие вновь висело на стене. Свечи стояли на прежних местах, простыни не горели.

Селеста положила руку ему на плечо, развернула к себе, ухватила за лацканы джинсовой куртки.

Он в удивлении вытаращился на нее.

— Джой, время на исходе. Его осталось совсем ничего на то, чтобы обрести веру...

— Я верю...— услышал он свой голос.

— Не в то, что важно,— прервала его Селеста.

Отпустила куртку, перепрыгнула через балюстраду в нишу для хора.

В западной стене еще не зияла брешь. «Мустанг» еще не вломился в церковь.

Переигровка.

Джоя вновь отбросило в прошлое. Не на двадцать лет. На минуту. Максимум на две.

Шанс спасти девушку.

«Он идет».

— Селеста!

— Давай потрогаем пол, Джой,— крикнула она, бросившись к калитке алтарной преграды.— Потрогаем там, где разлилась вода, посмотрим, достаточно ли он горячий, чтобы превратить ее в пар. Поторопись!

Джой кладет руку на балюстраду, готовый прыгнуть следом и бежать за девушкой.

«Нет. На этот раз найти правильное решение. Последний шанс. Найти правильное решение».

В барабанную дробь дождя по крыше ворвался новый звук. Не из-под земли. Снаружи. Нарастающий звук. «Мустанг».

«Он идет».

Физически ощущая, что тратит попусту драгоценные секунды и повторный прогон идет быстрее, чем оригинальное событие, Джой схватил с пола «ремингтон» двадцатого калибра.

Селеста бежала по центральному проходу.

Он отчаянно закричал: «Убегай! Автомобиль!» — и перепрыгнул через балюстраду с ружьем в руках.

Она пробежала половину прохода, как и в первый раз. Повернулась к нему, как и прежде. Ее лицо покрывал пот. Как фарфоровая глазурь. Поблескивающая в свете свечей. Лицо святой. Мученицы.

Рев «мустанга» все усиливался.

В недоумении Селеста повернулась к окнам, подняла руки.

На хрупких ладонях зияли отвратительные раны. Черные дыры, пульсирующие кровью.

— Беги! — крикнул Джой, но девушка застыла, как изваяние.

На этот раз он даже не добрался до калитки в алтарной преграде, когда «мустанг» проломил западную стену церкви. Приливная волна стекла, дерева, штукатурки и сломанных скамей поднялась перед украшенным фигуркой лошади капотом и упала, обрушившись на автомобиль, едва ли не скрыв его под горой обломков.

Кусок доски, вращаясь, со свистом разрезал воздух, ударил Селесту, сшиб ее с ног. С той точки, где Джой в первый раз пережил атаку «мустанга», он этого не видел.

Дважды бабахнули взорвавшиеся шины, автомобиль застыл среди груды хлама, но даже сквозь грохот ломающихся скамей Джой услышал звон бронзового распятия, упавшего на пол со стены за алтарной платформой.

На этот раз он не лежал в нефе под завалом, а стоял у алтаря, целый и невредимый, разве что припорошенный облаком пыли, которую ветер бросил в его сторону. Более того, держал в руках «ремингтон» двадцатого калибра.

Загнав патрон в казенник, он пинком распахнул калитку ограждения алтаря.

Пыль оседала, продолжала рушиться лишь часть крыши, из-под которой «мустанг» выбил стену-опору. Грохот эхом отдавался от уцелевших стен.

Как показалось Джою, разрушения ничем не отличались от тех, что были первый раз. «Мустанг» окружали груды обломков. Подойти к нему напрямую не представлялось возможным. Из-за досок, бревен, панелей обшивки виднелись только отдельные части автомобиля.

Джой понимал, что на этот раз должен все сделать правильно. Не допускать никаких ошибок. Прикончить Пи-Джи.

С ружьем в руках Джой поднялся на перевернутые, сваленные друг на друга скамьи. Они потрескивали и стонали, шатаясь у него под ногами. Помня о торчащих гвоздях и острых, как нож, осколках стекла, он пробирался между оторванных спинок, разбитых оконных рам, сломанных брусков, панелей обшивки. Путь до автомобиля занял у него гораздо меньше времени в сравнении с первым разом, когда он вылезал из-под завала.

Прыгая с перевернутой скамьи на покореженный капот «мустанга», он выстрелил в черное чрево кабины. Отдачей его едва не сбросило вниз, но он устоял на ногах, перезарядил «ремингтон», выстрелил снова, третий раз, переполненный радостью, в полной уверенности, что Пи-Джи не выжить в этом урагане дроби.

Все три выстрела прогремели один за другим, но когда утихло эхо последнего, боковым зрением Джой уловил движение у

себя за спиной, целенаправленное движение. Пи-Джи не мог вылезти из машины раньше, чем Джой добрался до нее на этот раз, не мог вылезти и обойти Джоя сзади. Шеннон начал поворачиваться... и невозможное стало явью. Пи-Джи был уже совсем рядом, стремительно сближался с ним, замахнувшись деревянным бруском.

Первый удар «дубинки» угодил Джою в правый висок. Шеннон упал на капот, выпустив из руки ружье, инстинктивно откатившись от нападавшего, подтянув ноги к груди, спрятав голову, свернувшись в позу зародыша. Второй удар пришелся по левому боку, вышибая из легких воздух. Судорожно пытаясь вдохнуть, Джой откатился вновь. Третий удар пришелся по спине, резкой болью отозвался в позвоночнике. Джой закатился в дыру, зияющую на месте выбитого лобового стекла, с приборного щитка соскользнул на переднее сиденье, в темноту кабины «мустанга», потом упал еще ниже, где темнота сгущалась сильнее.

Когда пришел в себя, вылез из узкого пространства под приборным щитком в полной уверенности, что пролежал без сознания несколько секунд, наверняка меньше минуты. Каждый вдох давался с трудом. Боль пульсировала в ребрах. Во рту стоял привкус крови.

Селеста.

Джой придвинулся к водительской дверце, приоткрыл ее, насколько позволяла груда обломков. Зазора хватило, чтобы он смог выбраться под октябрьский ветер и мерцающий свет.

Ближе к нартексу и перевернутой купели с потолка летели искры.

У дальнего края церкви желтовато-красные сполохи пламени плясали на стене за алтарной платформой, но самого огня Джой не видел, мешали горы мусора.

После удара бруском по правому виску правый глаз практически ослеп. Все подернулось густым туманом, в котором перемещались бесформенные тени.

Джой учуял запах бензина.

Невероятным усилием воли заставил себя заползти на крышу «мустанга». Встать на ноги не удалось. Церковь он, пошатываясь, обозревал с колен.

Левым глазом увидел Пи-Джи, поднимающегося по алтарным ступеням с потерявшей сознание Селестой на руках.

Свечи упали. Простыни горели.

Джой услышал, как кто-то выругался, потом понял, что слышит собственный голос. Он проклинал себя.

Молоток. Высоко поднятый.

Придя в себя от боли, вызванной огнем, Селеста закричала.

С алтарной платформы Пи-Джи смотрел в сторону «мустанга», в сторону Джоя, и глаза его горели черным огнем.

Молоток опустился.

Мельтешение. За глазами. Как тень крыльев на залитой солнцем воде. Как полет ангелов, выхваченный периферийным зрением.

Одна картинка разом уступила место другой.

Ребра больше не болели.

Правый глаз видел, как прежде.

Джоя еще не избил брат.

Перемотка. Переигровка.

«О господи».

Снова переигровка.

Еще один шанс.

Конечно же последний.

Джоя отбросило в прошлое не столь далеко, как раньше. Окно возможностей сузилось, времени на раздумья осталось меньше, шансы на то, что он сумеет изменить судьбу, понизились, он лишился права даже на малейшую из ошибок. «Мустанг» уже проломил стену церкви, простыни, застилавшие алтарную платформу, горели, Джой бежал по горам мусора, перепрыгивал с нее на капот автомобиля, готовясь нажать на спусковой крючок «ремингтона».

Вовремя сдержался, избежав предыдущей ошибки, развернулся и выстрелил поверх разломанных скамей, в направлении, откуда Пи-Джи атаковал его. Дробь пробила воздух: Пи-Джи за его спиной не было.

В замешательстве Джой вновь повернулся к кабине, выстрелил в лобовое стекло, но крика боли из темноты кабины не раздалось. Поэтому он развернулся, чтобы не дать Пи-Джи напасть на него сзади. Но Пи-Джи и не атаковал его с поднятой над головой дубинкой.

«Господи! Я опять все испортил, все испортил, опять допустил ошибку. Думай! Думай!»

Селеста. Она — главное.

«Забудь про Пи-Джи, доберись до Селесты раньше его».

С ружьем в руке, пусть оно и ограничивало подвижность, Джой вновь прыгнул на гору обломков, направляясь к той части центрального прохода, где лежала Селеста, потерявшая создание после удара доской по голове. Но там Джой ее не нашел.

— Селеста!

За ограждением алтаря, в дальнем конце церкви, фигура двигалась по галерее, подсвеченная горящими на алтарной платформе простынями. Пи-Джи нес на руках Селесту.

Центральный проход блокировали обломки. Джой пробежал между рядами скамей к боковому, идущему вдоль восточной стены церкви, по нему помчался к алтарной преграде.

На этот раз Пи-Джи не стал бросать Селесту на алтарную платформу, а скрылся с ней за дверью ризницы.

Джой перепрыгнул через ограждение, словно ему не терпелось принять святое причастие, быстро, но и осторожно двинулся вдоль стены ризницы. Остановился чуть сбоку от двери, опасаясь удара дубинкой, а то и выстрела, но потом сделал то, что должен,— поступил правильно, шагнул к порогу.

Дверь в ризницу закрыли и заперли.

Он отступил на шаг, поднял ружье, одним выстрелом разнес замок. Дверь распахнулась.

В ризнице лежало лишь тело Беверли Коршак, завернутое в пластиковый саван.

Джой подскочил к двери на улицу. Закрыта на засов изнутри, как и прежде.

Оставалась дверь в подвал. Джой ее открыл.

В желтоватом свете, идущем снизу, змееподобная тень свернулась в кольцо и исчезла из виду.

Ступени, видать, ни разу не красили и не меняли после постройки церкви. И пусть Джой старался спускаться очень осторожно, каждое прикосновение подошвы к дереву отдавалось гулким стуком.

Поднимающаяся снизу жара волнами накатывала на него, и, спустившись к двери подвала, Джой решил, что за ней его встретит огромный костер. Воздух так раскалился, что потолочные балки могли загореться каждую минуту, жар шел и от каменных стен, и от бетонного пола. Ощутимо чувствовался запах серы: просачивались газы из горящих подземных выработок.

Сходя с последней деревянной ступени, Джой бы не удивился, если б резиновые каблуки сапог начали плавиться при контакте с полом подвала. Пот струился по телу ручьем, волосы слипшимися патлами падали на лицо.

Подвал представлял собой несколько помещений, разделенных стенами с аркой посередине, так что из одного каземата Джой не мог видеть, что делается в следующем.

Первое освещалось одной-единственной тусклой, запыленной лампочкой, упрятанной в цилиндрическом колодце между двух потолочных балок, что не способствовало распространению света.

Черный паук, обезумевший от жары и паров серы, крутился на своей паутине под лампочкой. Его увеличенная тень, крутившаяся по полу, вызвала у Джоя тошноту и головокружение, когда он пробегал мимо к арке, ведущей в соседнее помещение.

На земле стояла скромная деревянная церковь, какие обычно и строились в бедных угледобывающих округах, но ее каменный подвал производил сильное впечатление. Казалось, его построили до того, как образовалось Содружество Пенсильвании*, и раньше здесь высился некий готический замок. Джой подумал, что он спустился не в подвал церкви Святого Фомы, а в населенные призраками катакомбы Рима, расположенные на другом континенте и отделенные от Коул-Вэлью океаном и тысячей лет.

Остановился на несколько секунд, чтобы зарядить «ремингтон» патронами, которые достал из кармана.

Когда Джой вошел во второй каземат, змееподобная тень метнулась от него прочь, словно струйка черной ртути. Мелькнула под желтоватым светом и исчезла в арке, которая вела в следующий.

Поскольку бегущая тень принадлежала Пи-Джи и несла с собой тень Селесты, Джой подавил страх и последовал в тре-

* Официальное название штата, подчеркивающее объединение административных единиц, пользующихся большей степенью самоуправления, чем в других штатах.

тью секцию подвала, а потом в четвертую. И хотя ни одно из этих подземных с низким потолком помещений не поражало воображение, казалось, что подвал по площади неизмеримо больше воздвигнутой над ним церкви. Но времени думать о том, откуда в Коул-Вэлью взялся такой внушительный подвал, у Джоя не было, он добежал до последней, самой дальней секции подвала, где ему предстояло сойтись лицом к лицу со старшим братом и наконец сделать то, что от него требовалось.

Окон в подвале не было.

Двери, ведущей наружу, тоже.

Столкновение было неизбежным.

Осторожно, с ружьем на изготовку Джой прошел через каменную арку. Увидел перед собой безликую прямоугольную комнату. От дальней стены его отделяли каких-то восемнадцать футов. Расстояние между правой и левой стенами не превышало сорока. Джой предположил, что эта часть подвала находилась под нартексом. Здесь пол, как и стены, выложили камнем то ли черным, то со временем почерневшим от угольной пыли.

Селеста лежала по центру, в желтом свете единственной лампочки. Пыль и паутина, налипшие как на саму лампочку, так и на края балок, создавали ощущение, что бледное лицо девушки прикрыто кружевной накидкой. Дождевик напоминал бархатный плащ, шелковистые черные волосы рассыпались по земле. Она еще не пришла в сознание, но в остальном вроде бы осталась невредимой.

Пи-Джи исчез.

Лампочка, упрятанная между двумя массивными балками, не могла осветить все помещение, но даже в самых дальних углах сумрак не был достаточно густым, чтобы скрыть человека. Джой видел, что стены ровные и гладкие, безо всяких ниш или других архитектурных изысков, за исключением арки при входе.

Температура воздуха так повысилась, что Джой уже боялся, а не воспламенится ли его одежда. От жары просто плавились мозги и могли начаться галлюцинации. Но ведь никто, даже продавший душу дьяволу не мог пройти сквозь эти стены.

Оставалось только гадать, а так ли они прочны, нет здесь некой тайной панели, при нажатии на которую часть стены отходила в сторону, открывая путь то ли еще в один склеп, то ли на

лестницу, ведущую наружу. Но даже сходя с ума от жары, даже теряя ориентировку, Джой не мог заставить себя поверить, что под церковью Святого Фомы существовали потайные ходы. Кто мог их построить? Легионы свихнувшихся монахов какого-то черного ордена?

Ерунда.

Однако Пи-Джи исчез.

С гулко бьющимся сердцем, удары которого отдавались в ушах, Джой направился к Селесте. Она будто мирно спала.

Внезапно обернулся, присев, нацелив ружье, держа палец на спусковом крючке, в уверенности, что Пи-Джи, материализовавшись из воздуха, атакует его сзади.

За спиной никого.

Джой понимал, что главное сейчас — привести Селесту в чувство, а если не получится — поднять и вынести из подвала. Но ружьем в руках он нести ее не мог, а расставаться с ним ой как не хотелось.

Глядя на девушку, на тени, отбрасываемые паутиной, Джой вспомнил обезумевшего паука, бесцельно вертящегося на паутине в первой четвертинке подвала.

Голову пронзила ужасная мысль, и Джой шумно, со свистом втянул в себя горячий воздух.

Шагнул чуть в сторону от лампочки, прищурившись вгляделся в зазор в три фута шириной, в фут глубиной между двумя соседними балками. Зазор, где царила тьма.

Пи-Джи спрятался там, тень среди теней, уперевшись руками и ногами в балки, затаившись, как страшный паук, попирая закон всемирного тяготения, попирая здравый смысл. Его глаза блестели, как раскаленные угольях, губы разошлись в злобном оскале. Вот тут у Джоя пропали последние сомнения в том, что он имеет дело не с обычным человеком.

Джой начал поднимать ружье, которое теперь весило никак не меньше тонны. Слишком медленно, слишком поздно, он уже чувствовал свое поражение, знал, что и на этот раз проиграл.

Как летучая мышь, Пи-Джи спрыгнул из своего убежища между балками вниз и сшиб Джоя с ног. Ружье отлетело в сторону.

Мальчишками, они иногда начинали возиться, но на полном серьезе никогда не дрались. Но тут двадцать лет подавляемой ярости разом взорвались, лишив Джоя остатков любви и сострадания к Пи-Джи. Он более не желал становиться жертвой. Он хотел восстановить справедливость. Он бил кулаками, царапался, пинался, борясь за свою жизнь и жизнь Селесты, охваченный библейским праведным гневом, превратившим его в мстителя.

Но даже в ярости и отчаянии Джой не мог противостоять тому, кем был и стал его брат. Чугунные кулаки Пи-Джи обрушили на него лавину ударов, которые он не мог блокировать. Ярость Пи-Джи была нечеловеческой, сила — сверхчеловеческой. Сломив сопротивление Джоя, брат схватил его, приподнял и бросил на пол, приподнял и снова бросил, разбивая голову Джоя о каменный пол.

Встал над ним, навис, как скала, глядя сверху вниз с нескрываемым призрением.

— *Гребаный алтарный служка!* — И голос Пи-Джи изменился, стал более басистым, свирепым и раскатистым, яростный голос, вырывающийся из глубокой каменной пещеры, отражающийся от железных стен тюрем, из которых невозможно бежать, вибрирующий от ледяной ненависти, каждое слово отдавалось глухим эхом, словно от падения камня, долетевшего до дна пропасти вечности.— *Гребаный алтарный служка!* — Повторение этих слов сопровождалось первым пинком, ударом невероятной силы по правому боку. Треснули ребра, словно Пи-Джи носил сапоги со стальными мысками.— *Маленький, целующий четки говнюк!* — Новый пинок, еще один, Джой старался свернуться в комок, оберегая внутренние органы, но каждый удар находил уязвимую точку: ребра, почки, основание позвоночника, и наносился не человеком — бесчувственным роботом, адской машиной пыток.

Наконец избиение прекратилось.

Пальцами одной руки стиснув Джою горло, второй ухватившись за ремень джинсов, Пи-Джи поднял его, как чемпион в тяжелом весе в рывке оторвал бы от пола штангу для легковесов. Вскинул над головой и отшвырнул от себя.

Джой ударился о стену рядом с аркой и кулем рухнул на пол. Рот заполняла кровь вперемешку с осколками зубов. Грудь

сдавило. Легкие сжались, возможно, пробитые сломанными ребрами. Когда Джой попытался вдохнуть, внутри что-то хлюпало. Сердце то и дело сбивалось с ритма. С невероятным трудом Шеннону удавалось балансировать на струне сознания и не свалиться в пучину забытья. Сквозь жгучие слезы он видел, как Пи-Джи поворачивается к Селесте.

Он также видел и ружье. В пределах досягаемости.

Но он уже не мог контролировать свое тело. Пытался дотянуться до «ремингтона», но мышцы отказывались подчиниться. Плечо просто дергалось, кисть правой руки бессильно лежала на полу.

Снизу донесся угрожающий гул. Горячие камни затряслись.

Пи-Джи склонился над Селестой, повернувшись спиной к Джою, вычеркнув его из списков живых.

«Ремингтон».

Так близко. Так искушающе близко.

Джой сосредоточил все внимание на ружье, вложил все оставшиеся силы в попытку дотянуться до него, истово веря в мощь оружия, заставляя себя игнорировать боль, превратившую его в калеку, преодолеть шок, вызванный жестокими побоями. *«Давай, давай, давай, гребаный алтарный служка, давай, сделай это, сделай, сделай хоть что-то в своей никчемной проклятой жизни».*

Рука дала ответную реакцию. Пальцы сжались в кулак, разжались, потянулись вперед. Коснулись приклада «ремингтона».

Склонившись над Селестой, Пи-Джи сунул руку в карман куртки, достал нож. Нажал на кнопку, из рукоятки выскочило острое, как бритва, шестидюймовое лезвие, желтый свет любовно погладил его.

Гладкое дерево приклада. Горячая, гладкая сталь. Джой скрючил пальцы.

Какие же они податливые, слабые. Так не годится. Он должен схватить ружье. Крепко. Еще крепче. Попытаться поднять. Осторожно, осторожно.

Пи-Джи говорил, не с ним, не с Селестой — с собой или с кем-то, кто, по его представлению, находился рядом. Голос стал низким, гнусавым, совершенно не похожим на голос Пи-Джи, и говорил он на незнакомом языке. Или просто что-то бормотал. В голосе то и дело проскакивало рычание зверя.

Подземный гул усиливался.

Хорошо. Гул — это счастье... он, конечно, пугает, но сейчас он так нужен. На пару подземный гул и бормотание Пи-Джи скрывали звуки, идущие от стены, где лежал Джой.

У него был один шанс, один-единственный шанс, чтобы реализовать свой план, нереальный, жалкий план, до того как Пи-Джи сообразит, что к чему.

Джой колебался. Не хотел действовать поспешно, до того как почувствует, что сил ему хватит. Жди. Жди. До полной уверенности. Ждать вечно? Последствия бездействия могут оказаться страшнее, чем последствия поступка. Теперь или никогда. Сделай или умри. *Сделай или умри,* но, по крайней мере, ради бога, сделай хоть что-нибудь!

Одним плавным движением, сжимая сломанные зубы, чтобы сдержать взрыв боли, без которого, он знал, не обойтись, Джой перекатился с бока в сидячее положение, подтянул к себе ружье, привалился спиной к стене.

Несмотря на бормотание и нарастающий гул, идущий из земли, Пи-Джи услышал его, вскочил, повернулся к нему лицом.

Джой обеими руками держал «ремингтон». Приклад упирался в плечо.

Злобно блестело не только лезвие ножа, но и глаза Пи-Джи.

Джой нажал на спусковой крючок. Стрелял в упор.

От грохота задрожали каменные стены, эхо заметалось от одного конца комнаты к другому, от пола к потолку, и грохот этот, казалось, нарастал, а не затихал.

Отдача «ремингтона» молниями боли пронзила тело Джоя, ружье вывалилось из рук, запрыгало по полу.

Мощный заряд дроби угодил Пи-Джи в живот и грудь, оторвал от пола, отбросил назад. Он упал на колени, лицом к Джою, обхватил руками живот, наклонился, словно пытался удержать вываливающиеся внутренности.

Гул под церковью все нарастал.

Струйки желтоватого пара уже вырывались сквозь залитые цементом щели между камнями.

Пи-Джи медленно поднял голову, открыв отвратительно перекошенное агонией лицо, глаза его широко раскрылись от

изумления, рот раззявился в молчаливом крике, в горле захрипело. Хрипы повторялись один за другим, на губах появилась не алая кровь, а серебристая блевотина, которая побежала на пол потоком маленьких блестящих монеток, будто Пи-Джи превратился в живой игральный автомат.

В отвращении, изумлении, ужасе Джой смотрел на серебряный поток, пока Пи-Джи не выплюнул последнюю монетку, и его губы растянулись в злобной улыбке, которая пошла бы к лицу костлявой смерти. Он вскинул руки, совсем как фокусник, собравшийся воскликнуть: «Гопля!» Хотя дробь превратила его одежду на животе и груди в лохмотья, на теле ран не было.

Джой понимал, что сходит с ума от боли. Он попытался докричаться до Селесты в надежде, что его крики приведут девушку в чувство, но с губ сорвался шепот, который он сам не расслышал.

Трясущийся, дымящийся пол треснул во всю ширину подвальной секции. Вдоль зигзагообразной трещины из глубин вырвались пики оранжевого огня. Цемент крошился, падая вниз, увлекая за собой камни. Потолочные балки затрещали, задрожали стены. Щель в полу быстро расширялась. Дюйм превращался в два, шесть, в фут, в два фута, заполняя подвал ослепляющим отсветом бушующего внизу огня, отделяя Джоя от Пи-Джи и Селесты.

Перекрывая скрип и стоны деревянной церкви, сооруженной над подвалом, перекрывая рев подземного пожара и грохот проседания земли, раздался голос Пи-Джи: «Лучше попрощайся со своей сучкой, алтарный служка».

И он столкнул Селесту в огонь, пылающий под Коул-Вэлью, навстречу вулканической жаре, расплавленному антрациту, мгновенной смерти.

«О нет! Нет! Пожалуйста, господи, нет, нет, пожалуйста, только не ее, только не ее. Меня — не ее. Я — никчемный, ни на что не годный, слабый, не видящий истину, не способный понять, что такое второй шанс, я заслуживаю смерти, а не она, такая красивая, такая добрая, не она!»

Мельтешение. За глазами Джоя. Как тень крыльев на залитой солнцем воде. Как полет ангелов, выхваченный периферийным зрением.

Все переменилось.

Он целый и невредимый. У него ничего не болит. Он стоит на своих ногах.

Он в церкви.

Переигровка.

«Мустанг» проломил стену. Селеста у Пи-Джи.

Время провернулось назад, но на очень короткий промежуток, так что раздумывать некогда. Только пара минут осталась до того момента, как пол в подвале начнет проседать, нельзя терять ни секунды.

Джой точно знает, тут уж никаких сомнений быть не может, что это его последний шанс, что следующая спираль событий просто не успеет вернуть его назад, ошибись он в очередной раз. Если он и теперь погубит свою душу, спасения не будет. Ошибки недопустимы, его вера не должна знать колебаний.

Между двумя рядами скамей он бежит к боковому проходу вдоль восточной стены церкви.

В передней части церкви, за алтарной преградой, согнутая фигура спешит по галерее сквозь пляшущие тени, отбрасываемые языками пламени: на алтарной платформе горят простыни. Это Пи-Джи. Он несет на руках Селесту.

Джой добирается до бокового прохода и бежит вдоль уцелевшей стены.

Ружье он отбросил. Ему веры больше нет.

Пи-Джи с Селестой скрылся за дверью ризницы, захлопнул ее за собой.

Джой перепрыгнул через ограждение, по галерее добрался до двери в ризницу, но не остановился, проследовал дальше, к алтарным ступеням, мимо платформы со свалившимися свечами и горящими простынями, к стене за алтарем.

Распятие слетело с гвоздя, когда «мустанг» проломил стену церкви. Теперь оно лежало на полу.

Джой поднял бронзовую фигурку и бегом вернулся к двери ризницы. Заперта.

В прошлый раз он вышиб замок, выстрелив в него из «ремингтона». Времени возвращаться в неф за ружьем нет.

Он отступил на шаг, с разгона, изо всей силы ударил в дверь ногой. Второй, третий. Гнездо под защелку не выдержало, дверь

чуть сдвинулась. Удар, еще удар — затрещало дерево. После следующего гнездо вылетело из косяка, дверь распахнулась и он вошел в ризницу.

Дверь в подвал.

Деревянные ступени.

Поскольку Джою пришлось вышибать дверь, он чуть отстал от первоначального графика. Прибыл к лестнице позже. Змееподобная тень брата уже скрылась из виду. Пи-Джи нырнул в подвал. Вместе с Селестой.

Джой бросился вниз, перескакивая через две ступеньки, потом понял, что осторожность все-таки не помешает. Отбросив ружье и взяв распятие, он изменил будущее, начавшее новый отсчет. В прошлый раз он добрался до последнего подвального каземата, прежде чем схлестнулся с Пи-Джи, но на этот раз брат мог поджидать его и в других местах. Схватившись за перила одной рукой, он продолжил спуск, но уже не столь стремительно.

Такая жара. Печь.

От цемента шел запах горячего известняка. Камни чуть ли не плавились в стенах.

В первой секции по полу бессмысленно кружила тень паука.

Продвигаясь к арке, Джой поглядывал на прячущиеся во тьме ниши между потолочными балками.

Когда он вошел во второй каземат, из-под церкви Святого Фомы донесся гул.

В третий — затрясся пол. Гул усилился.

Правой рукой Джой крепко сжимал распятие, левую выставил перед собой.

Над головой тени. Только тени.

Наконец, арка в последнюю четвертушку.

Селеста лежала без сознания под единственной лампой.

Земля начала проседать, церковь тряхнуло, Джоя бросило в арку в тот самый момент, когда треснул каменный пол. Вдоль зигзагообразной трещины из глубин вырвались пики оранжевого огня. Цемент крошился, падая вниз, увлекая за собой камни. Потолочные балки затрещали, задрожали стены подвала. Щель в полу быстро расширялась, превращаясь в пропасть между ним и Селестой.

Пи-Джи исчез.

Ступив под лампу — трещина в полу проходила совсем рядом, по правую руку,— Джой поднял голову, всмотрелся в темноту между потолочными балками. Пи-Джи затаился в том же месте — огромный паук, упершийся руками и ногами в дерево, попирающий закон всемирного тяготения, еще более страшный в подземном свете. Издав дикий крик, он прыгнул на свою добычу.

Джой более не находил объяснений происходящего в сюжетах «Сумеречной зоны», в парадоксах квантовой физики, во временных ловушках и энергетических волнах «Стар трека». Понимал, что имеет дело не с монстрами из «Секретных материалов», которых можно остановить силой оружия. Знал, что не поможет ему и психоанализ Фрейда. Потому что имел дело с реальным существом, древним и страшным, чистейшим злом, величайшим страхом многих столетий, тысячелетий. Именно оно атаковало его, визжа от ярости, воняя серой,— черный похититель душ, пожиратель надежды. Джой видел чудовище, в существование которого даже при столкновении с ним верилось с трудом. Отбросив все сомнения, Джой переборол скептицизм, отмел все учения нашего просвещенного века, обеими руками поднял распятие и выставил перед собой.

Верхний торец креста, тупой, незаостренный, тем не менее пробил грудь Пи-Джи, когда тот напоролся на него. Но Пи-Джи это не остановило.

Он упал на Джоя, отбросил назад. Они устояли на ногах, но на самом краю огненной пропасти.

Одной рукой Пи-Джи схватил Джоя за шею. Его пальцы были такими же крепкими, как захваты робота, сверкающими и твердыми, как клешня краба. Желтые глаза напомнили Джою дворнягу, которая утром этого самого дня едва не покусала его на крыльце отцовского дома.

Когда Пи-Джи заговорил, на его губах появились пузыри черной крови: *«Алтарный служка»*.

В печи огненной под ними взорвался токсичный газ. Шар белого огня поднялся над полом, окутал их. Одежда и волосы Пи-Джи вспыхнули, кожа тут же вздулась пузырями. Он отпустил Джоя, потерял равновесие и с распятием, торчащим в груди, объятый пламенем, упал в подземный туннель.

Джой остался невредимым, хотя огонь окутал и его. Не загорелась и одежда.

Он знал, что ему нет нужды обращаться к Роду Серлингу, капитану Керку или даже еще более здравомыслящему доктору Споку с просьбой объяснить, чем обусловлено его чудесное спасение.

Безжалостная яркость подземного света не позволяла заглянуть в разверзшуюся пропасть, но он и так знал, что его брату предстоит падать не просто до дна туннеля, не просто до дна шахтного ствола, а гораздо, гораздо дальше, падать и падать в глубины, недоступные человеческому воображению.

Джой перепрыгнул через трещину в полу, которая продолжала расширяться, опустился на колени рядом с Селестой.

Поднял правую руку, повернул ладонью верх, потом левую. Никаких ран. Даже синяков.

Когда Джой попытался привести Селесту в чувство, она что-то пробормотала, но сознание к ней так и не вернулось.

Пласт угля, окончательно выеденный многолетним подземным пожаром, оставил под Коул-Вэлью множество пещер. Груз наземного мира со всеми его сооружениями и печалями в конце концов оказался слишком велик, чтобы его могла выдержать не такая уж прочная земляная перемычка. Вот часть города и просела, обнажив пульсирующие огнем вены подземных туннелей. Потолок подвала затрясло, пол заходил ходуном, ширина трещины разом увеличилась с трех до пяти футов. Верхняя часть церкви Святого Фомы из прямоугольника превратилась в параллелограмм. Деревянные стены начали отрываться от каменного основания, которое столько лет служило им якорем.

Под провисающим потолком, под дождем штукатурки, под надсадный скрип потолочных балок Джой поднял Селесту с пола. Жадно ловя ртом раскаленный воздух, щурясь от струй стекающего со лба пота, повернулся к трещине. Ее ширина составляла уже шесть футов. Перепрыгнуть через нее с девушкой на руках он не мог.

Сердце колотилось в ребра. Колени подкашивались не под весом девушки, а от осознания собственной смертности.

Они не могли вот так умереть.

Они прошли слишком долгий путь, борясь за свою жизнь.

Но Джой наконец-то все сделал правильно, а все остальное значения не имело. Джой все сделал правильно, и теперь, что бы ни случилось, он не боялся, не испытывал ни малейшего страха даже здесь, под тенью смерти.

«Я не убоюсь зла».

И тут же потолок прекратил провисать и даже поднялся, увеличив зазор над головой, а потом вместе со всей деревянной церковью чуть наклонился, оторвавшись от каменного фундамента в этой части подвала.

Холодный ветер подул в спину.

Джой повернулся к дальней от арки стене и в изумлении увидел, как разрываются анкерные болты, крепящие дерево к камню, и потолок, описывая широкую дугу, медленно удаляется от него. Между подвалом и деревянной стеной образовалась щель, в которую тут же ворвались ветер и дождь. Щель с наклоном здания становилась все шире.

Путь к спасению.

Но высота стены по-прежнему составляла восемь футов. И Джой понятия не имел, как преодолеть их. Особенно с Селестой на руках.

А трещина с грохотом расширялась у него за спиной, огонь подбирался к каблукам. Упавшие на пол капли дождя тут же превращались в пар.

С гулко бьющимся сердцем, но без страха, только с благоговейным трепетом Джой ждал, пока высшие силы определят его судьбу.

По стенам подвала зазмеились трещины. Камень выскочил из стены, упал на пол, подпрыгнул, больно стукнул Джоя по голени. За первым последовал второй, третий, чуть выше четвертый, пятый. Стена оставалась прочной, но теперь позволяла подняться по ней, предлагая упоры для рук и ног.

Джой перебросил Селесту через плечо, будто заправский пожарный. Поднялся из удушающей жары в холодную, дождливую ночь, а церковь продолжала крениться, крениться, крениться, как огромный клипер на сильном ветру.

Джой нес Селесту по мокрой траве и чавкающей грязи мимо вентиляционного колодца, из которого вырывалось алое, как артериальная кровь, пламя.

На тротуар. На мостовую.

Опустившись на асфальт с Селестой на руках, крепко держа ее, когда девушка начала приходить в сознание, Джой наблюдал, как рушится церковь Святого Фомы, как загораются руины, как проваливаются в разверзшуюся пропасть, в бушующее в ней море огня.

Земля просела, не выдержав тяжести деревянных стен и каменного фундамента.

Глава 18

Далеко за полночь, после того как Джой и Селеста дали показания помощникам шерифа и представителям полицейского управления Пенсильвании, их отвезли в Ашервиль.

Полиция объявила Коул-Вэлью запретной зоной. Семью Доланов, которые так и не узнали о том, какая им грозила опасность, эвакуировали.

Тела Джона, Бет и Ханны Биммеров увезли в похоронное бюро Девоковски.

Родителям Селесты, дожидающимся в Ашервиле известий о Беверли Коршак, сообщили как о смерти девушки, так и о том, что в Коул-Вэлью в эту ночь они вернуться не смогут, а их дочь привезут в Ашервиль. Помимо церкви под землю ушла половина жилого квартала в другой части города. Почва могла в любой момент просесть где угодно, из-за чего, собственно, полиция и решила выселить из города оставшиеся две семьи.

Джой и Селеста ехали на заднем сиденье патрульного автомобиля, держась за руки. После нескольких неудачных попыток затеять разговор молодой полицейский оставил их в покое.

К тому времени, когда машина свернула с Коул-Вэлью-роуд на шоссе, дождь прекратился.

Селеста попросила копа высадить их в центре Ашервиля, чтобы они с Джоем могли немного пройтись.

Джой не знал, почему она не хочет, чтобы коп довез их до дома Коршаков, но чувствовал, что у Селесты есть на то причина, и причина важная.

Впрочем, домой он не спешил. Знал, что отца и мать уже разбудила полиция, чтобы обыскать подвальную комнату ПиДжи. Им наверняка уже рассказали о том, что сделал их старший сын с Беверли Коршак и с Биммерами и, наверное, со мно-

гими другими. Если будущее Джоя благодаря второму шансу изменилось к лучшему, их мир качнуло в противоположную сторону. Ему ужасно не хотелось увидеть боль в глазах матери, муку и горе в глазах отца.

Он задавался вопросом, а не удалось ли ему, изменив свою судьбу, избавить мать от рака, который иначе свел бы ее в могилу через четыре года.

И очень на это надеялся. Многое переменилось. И в глубине души Джой знал, что его действия чуть-чуть, но способствовали улучшению мира, пусть и не превратили землю в рай.

Когда патрульная машина отъехала, Селеста взяла его за руку.

— Я хочу тебе кое-что сказать.

— Скажи.

— Точнее, показать.

— Тогда покажи.

Она повела его по мокрой от дождя улице, по ковру из опавшей листвы, к административному зданию, в котором располагались все административные службы округа, за исключением управления шерифа.

Один из флигелей здания, на задворках, занимала библиотека. Через арку в кирпичной стене Джой и Селеста вошли в темный двор, направились к двери.

После бури тишина в городе стояла, как на кладбище.

— Не удивляйся,— предупредила она.

— Насчет чего?

Нижняя часть двери была из дерева, верхнюю составляли четыре стеклянные панели. Селеста локтем выбила ближнюю к замку.

Джой в испуге оглядел двор, посмотрел на арку, ведущую на улицу. Звон разбитого стекла оборвался быстро. Он сомневался, чтобы в столь поздний час его кто-то услышал. Опять же, городок маленький, год 1975-й, так что система охранной сигнализации, конечно же, отсутствовала.

Сунув руку в образовавшуюся дыру, Селеста отперла замок, распахнула дверь.

— Ты должен обещать поверить.

Она достала из кармана плаща маленький фонарик, повела Джоя мимо столика библиотекаря к полкам с книгами.

Округ был бедным, библиотека — маленькой. Поиски нужной книги не заняли много времени. Собственно, и искать Селесте не пришлось, она знала, что ей нужно.

Остановилась в разделе художественной литературы, в проходе между двумя полками высотой в восемь футов. Направила луч света в пол. Нижние ряды книг заблестели цветными корешками.

— Обещай поверить.— Темные глаза девушки стали огромными и очень серьезными.

— Поверить во что?

— Обещай.

— Хорошо.

— Обещай поверить.

— Я поверю.

Она замялась, потом глубоко вздохнула.

— Весной 1973 года, когда ты закончил среднюю школу, мне оставалось учиться еще два года. Подойти к тебе я так и не решилась. Я знала, что ты не замечал меня, а теперь точно заметить не мог. Ты уезжал в колледж, где обязательно нашел бы девушку, и я понимала, что больше тебя не увижу.

По спине Джоя побежал холодок, хотя он не мог понять почему.

— Я впала в депрессию, настроение было ужасное, поэтому я пыталась отвлечься книгами, обычно они мне помогали. Я стояла вот здесь, в этом самом проходе, искала новый роман... когда нашла твою книгу.

— Мою книгу?

— Увидела твои имя и фамилию на корешке. Джозеф Шеннон.

— Какую книгу? — он растерянно оглядел полки.

— Я подумала, это кто-то другой, твой однофамилец. Но когда сняла книгу с полки, на супере была твоя фотография.

Джой встретился с Селестой взглядом. Погрузился в мистические глубины ее глаз.

— Ты выглядел не таким, как сейчас, на пятнадцать лет старше. Однако... я тебя узнала.

— Я не понимаю,— пробормотал он, хотя смысл ее слов уже начал доходить до него.

— Я открыла страницу с копирайтом и увидела, что книга опубликована в 1991 году.

Джой моргнул.

— Через шестнадцать лет?

— Это была весна семьдесят третьего,— напомнила она ему.— То есть я держала в руках книгу, до публикации которой оставалось восемнадцать лет. На суперобложке я прочитала, что ранее ты написал восемь романов и шесть из них стали бестселлерами.

Джой почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом.

— Я отнесла книгу к столу библиотекаря. Когда передала ее вместе с моей учетной карточкой и библиотекарь взяла книгу из моих рук... она перестала быть твоей книгой. Превратилась в другую, в чей-то роман, опубликованный в 1969 году, который я, кстати, читала.

В предвкушении чуда Джой следил взглядом за лучом фонаря, бегущим по рядам книг.

Селеста радостно вскрикнула, и луч замер на красном корешке.

Джой увидел свои имя и фамилию, тисненные серебряной фольгой. И название книги, тоже серебряное: «Неведомые дороги».

Трясущимися руками Селеста достала книгу. Показала Джою переднюю сторону суперобложки с его именем и фамилией, набранными большими буквами над названием. Потом заднюю.

Джой посмотрел на свое фото в смокинге. Он помнил себя в этом возрасте, в другой жизни прожил лишь на пять лет больше. На фотографии он выглядел лучше: взгляд живой, никаких признаков преждевременного старения, вызванного пристрастием к алкоголю. С фотографии на него смотрел не просто процветающий — счастливый мужчина.

Однако наибольшее впечатление произвела на Джоя не его внешность.

Это был групповой портрет. Рядом стояла Селеста, постаревшая на пятнадцать лет, и двое детей — очаровательная девочка лет шести и симпатичный восьмилетний мальчик.

С внезапно выступившими на глазах слезами, с сердцем, запрыгавшим от радости, Джой взял книгу.

Селеста указала на подпись под фотографией, и Джою пришлось несколько раз яростно моргнуть, чтобы смахнуть слезы и прочитать:

«Джозеф Шеннон — автор восьми романов о радостях любви и счастье в семейной жизни, шесть из которых стали национальными бестселлерами. Его жена, Селеста,— поэтесса, стихи которой удостоены многих премий. Со своими детьми, Джошем и Лаурой, они живут в Южной Калифорнии».

Читая, он вел по строчкам дрожащим пальцем точно так же, как в детстве, на мессе, следовал тексту псалма.

— Так что с весны 1973 года я знала, что ты придешь,— прошептала Селеста.

Взгляд Селесты стал не таким загадочным. Но Джой знал, сколько бы они ни прожили вместе, все ее тайны раскрыть ему не удастся.

— Я хочу ее взять,— он указал на книгу.

Селеста покачала головой.

— Ты же знаешь, что не получится. А потом, тебе не нужна книга, чтобы написать ее. Тебе надо только верить, что ты ее напишешь.

Джой позволил Селесте забрать у него книгу.

И в тот момент, когда она ставила книгу на полку, Джой подумал, что второй шанс ему дали не только для того, чтобы остановить Пи-Джи, но и для встречи с Селестой. Борьба со злом — важное дело, но без любви человечеству не на что рассчитывать.

— Обещай мне, что поверишь,— рукой Селеста нежно провела по его щеке.

— Обещаю.

— Тогда тебя ничто не остановит.

Вокруг них библиотеку наполняли прожитые жизни, реализованные надежды и честолюбивые замыслы. Мечты, которые стали явью.

ЧЕРНАЯ ТЫКВА

Глава 1

При одном взгляде на лежащие отдельной кучкой праздничные фонари у Томми по коже побежали мурашки, но человек, который превращал в эту жуть вполне безобидные тыквы, был куда страшнее своих творений. Казалось, он многие века жарился на ярком калифорнийском солнце до тех пор, пока оно не выпарило из его тела все соки. Остались только кости и сухожилия, обтянутые морщинистой коричневой кожей. Голова резчика напоминала тыкву, но не красивую круглую, а приплюснутую снизу и сужающуюся кверху. А его янтарные глаза горели чуть затуманенным, но опасным светом.

Томми Сацману стало еще хуже, когда он неосторожно перевел взгляд со страшных тыквенных лиц на лик старого резчика. Мальчик сказал себе, что это глупо и вновь он волнуется понапрасну. У него вообще в последнее время вошло в привычку пугаться при первых проявлениях агрессии в ком-либо, впадать в панику даже при намеке на угрозу. В некоторых семьях двенадцатилетних детей учили честности, правилам приличия, вере в Бога. А вот родители Томми и его старший брат Френк своими действиями развивали в мальчике осторожность и подозрительность. Даже в хорошем настроении отец и мать относились к нему как к постороннему, а уж в плохом наказывали по любому поводу, вымещая на нем злость и раздражение на весь мир. Для Френка же Томми всегда был козлом отпущения. И в результате Томми Сацман практически постоянно пребывал в тревоге.

Каждый декабрь этот пустырь заполнялся елками, летом заезжие торговцы использовали его для продажи чучел животных или картин на бархате. А в преддверье Хэллоуина* пол-акра, расположенные между супермаркетом и банком, становились царством оранжевых тыкв. Всех размеров и форм, они лежали рядами, из них складывали пирамиды. Две, а то три тысячи тыкв ждали, пока из них приготовят начинку для пирогов или превратят в фонари.

Резчик сидел на металлическом стуле в дальнем углу пустыря. Виниловая обивка спинки и сиденья местами изменила цвет, потрескалась, чем-то напоминая лицо старика. Он держал тыкву на коленях, резал ее острым ножом и другими инструментами, разложенными под рукой на пыльной земле.

Томми Сацман не помнил, как он пересек это море тыкв. Вроде бы вылез из кабины, едва отец припарковался у тротуара,— это в голове отложилось,— а уже в следующее мгновение стоял в дальнем углу пустыря, в нескольких футах от этого необычного скульптора.

Десяток законченных фонарей лежали горкой на целых тыквах.

Старик не просто вырезал грубые отверстия в виде глаз и рта. Он осторожно, слоями, подрезал шкуру, отчего на тыкве проступали черты лица. Пускал в ход краску, и каждое его творение обретало демоническую индивидуальность. Четыре банки с краской — красной, белой, зеленой и черной — стояли рядом со стулом. Каждая со своей кисточкой.

Фонари ухмылялись и хмурились, одни злобно, другие плотоядно смотрели на Томми. Их раскрытые рты — это тебе не просто дыры, как на обычных тыквенных фонарях,— резчик снабдил длинными клыками.

---

* Канун Дня всех святых отмечается 31 октября. Символы праздника — ведьма на метле и выдолбленная тыква с прорезанными глазами и ртом. Непременное блюдо на столе в этот день — тыквенный пирог.

И все тыквы таращились на Томми. У мальчика даже возникло ощущение, что они его видят.

А когда Томми оторвался от тыкв, то заметил, что и старик пристально смотрит на него. Янтарные глаза засверкали, как только поймали взгляд мальчика.

— Тебе бы хотелось взять одну из моих тыкв? — спросил старик. Голос холодный, сухой, каждое слово резкое, отрывистое.

Томми потерял дар речи. Хотел сказать: *«Нет, сэр, благодарю вас, сэр, нет»*,— но слова застряли в горле, словно он пытался проглотить большой кусок мякоти тыквы.

— Выбери ту, что тебе понравилась больше остальных,— резчик обвел рукой свои творения, но его глаза не отрывались от лица Томми.

— Нет, э... нет, благодарю,— наконец-то у Томми прорезался голос, дрожащий, с паническими нотками.

«Что со мной? — спросил он себя.— *С чего такой страх? Это всего лишь старик, который режет тыквы, превращая их в фонари»*.

— Тебя волнует цена? — спросил резчик.

— Нет.

— Потому что платить придется только за тыкву человеку, который сидит у ворот, цена одна для всех, а мою работу ты оценишь сам. Дашь, сколько, по-твоему, она стоит.

Когда старик улыбнулся, лицо его изменилось. И не в лучшую сторону.

День выдался погожим. Солнце пробивалось в зазоры между облаками, ярко освещая одни пирамиды из тыкв, тогда как другие оставались в глубокой тени. Но, несмотря на теплую погоду, холод схватил Томми в свои объятия и не отпускал.

Наклонившись вперед над недоделанным фонарем, который лежал у него на коленях, старик продолжил:

— Дашь мне, сколько захочешь... хотя должен предупредить: ты получаешь, что даешь.

Еще улыбка. Похуже первой.

— Э...— только и смог вымолвить Томми.

— Ты получаешь, что даешь,— повторил резчик.

— Правда? — спросил Френк, в отличие от Томми крепкий, мускулистый, абсолютно уверенный в себе, шагнув к готовым фонарям-тыквам. Судя по всему, он слышал весь разговор.

Конечно же, Френк указал на самое страшное из творений старика.— Сколько стоит этот фонарь?

Резчику не хотелось переключаться с Томми на Френка, а Томми просто не мог первым отвести глаз. Во взгляде старика ему чудилось что-то странное, непонятное и страшное: детикалеки, бесформенные существа, как из кошмарных снов, ходячие мертвецы.

— Сколько стоит этот фонарь, старик? — повторил Френк.

Наконец резчик посмотрел на Френка... и улыбнулся. Взял лежащую на коленях тыкву, положил на землю, но не встал.

— Как я уже сказал, ты платишь, сколько считаешь нужным, и получаешь то, что даешь.

Френк взял в руки выбранный им фонарь. Тыква, из которой его вырезали, была большой, но не круглой, а бесформенной, расширяющейся книзу, с отвратительными наростами. Стараниями старика тыква стала еще более страшной: во рту сверху и снизу торчали по три зуба, дыра вместо носа заставила Томми вспомнить прокаженных, о которых частенько заходил разговор у костра в летнем лагере. Раскосые глаза размерами не уступали лимону. Насквозь старик прорезал только зрачок — по злобному эллипсу в центре каждого глаза. Эту тыкву старик полностью выкрасил в черный цвет, оставив лишь несколько полосок оранжевого на месте морщин у уголков глаз и рта. Морщины эти только усиливали ужас, которым веяло от тыквы.

Естественно, Френк просто не мог выбрать другую тыкву. Его любимыми фильмами были «Техасская резня» и сериал «Пятница, тринадцатое» о безумном убийце Джейсоне. Когда Томми и Френк смотрели эти фильмы по видику, Томми всегда жалел жертв, тогда как Френк восхищался убийцей. После просмотра «Полтергейста» Френк сокрушался из-за того, что вся семья выжила: он-то надеялся, что маленького мальчика сожрет какая-нибудь тварь, а потом выплюнет косточки, как арбузные семечки. «Черт,— прокомментировал Френк фильм,— хорошо хоть у собаки кишки вырвали».

И теперь Френк держал в руках черную тыкву-фонарь, с улыбкой изучая ее зловещие черты. Он вглядывался в зрачки, словно глаза фонаря были настоящими, а в их глубинах таились какие-то мысли... Казалось, «взгляд» тыквы загипнотизировал его.

«Положи ее,— мысленно молил Томми.— *Ради бога, Френк, положи ее и давай уйдем отсюда».*

Резчик теперь пристально наблюдал за Френком. Старик застыл, будто хищник, изготовившийся к прыжку.

Облака сдвинулись, закрыв солнце.

По телу Томми пробежала дрожь.

Оторвав наконец взгляд от тыквы, Френк спросил резчика: «Я дам вам, сколько захочу?»

— И получишь то, что дашь.

— Сколько бы я ни дал, фонарь будет мой?

— Да, но ты получишь то, что дашь,— отрубил старик.

Френк положил черную тыкву на землю, вытащил из кармана пригоршню мелочи. Улыбаясь, шагнул к старику, протягивая пятицентовик.

Резчик потянулся за монетой.

— Нет! — протестующе воскликнул Томми.

И Френк, и старик в изумлении уставились на него.

— Нет, Френк, это плохая тыква,— продолжил Томми.— Не покупай ее. Не приноси домой.

Мгновение Френк продолжал таращиться на Томми, словно не мог поверить своим ушам, потом расхохотался.

— Ты всегда был сосунком, но я и представить себе не мог, что ты можешь испугаться тыквы.

— Это плохая тыква,— стоял на своем Томми.

— Ты боишься темноты, боишься высоты, боишься тех, кто может жить в чулане, боишься половины мальчишек, которых встречаешь, а теперь вот испугался еще и тыквы.— Френк рассмеялся вновь, и в смехе его помимо веселья слышались презрение и отвращение.

Рассмеялся и старик, только веселья в его смехе не чувствовалось.

Томми пронзила ледяная стрела страха, и он подумал, что, может, он действительно сосунок, боящийся даже собственной тени? Может, у него проблемы с головой? Школьный психолог говорила, что он слишком чувствительный. Его мать говорила, что у него слишком богатое воображение, а его отец говорил, что ему недостает практичности, что он — мечтатель. Может, все это правда и со временем он попадет в психиатрическую

клинику, будет сидеть в комнате со стенами, обитыми поролоном, разговаривать с призраками и есть мух. Но, черт побери, при этом он знал, что черная тыква — зло.

— Эй, старик,— Френк отвернулся от Томми.— Вот пятицентовик. Я действительно могу купить на него этот фонарь?

— Я беру пятицентовик за свою работу, но тебе придется заплатить за саму тыкву человеку у ворот.

— Договорились,— кивнул Френк.

Резчик выхватил пятицентовик из руки Френка.

Томми снова пробрал озноб.

Френк наклонился, поднял тыкву. В этот самый момент солнце прорвалось сквозь облака. Колонна света упала на ту часть пустыря, где они стояли.

Только Томми увидел, что произошло в этот момент. Засверкали оранжевые бока тыкв, зеленый отсвет лег на пыль, блеснул металл стула, но солнечный свет не коснулся старика-резчика. Обошел его, оставив в тени. Такого просто не могло быть, но... старика словно окружала некая субстанция, которая отталкивала свет.

Томми ахнул.

Старик бросил на Томми грозный взгляд, будто был не человеком, а духом бури и мог в мгновение ока сбить мальчика с ног порывом ветра, залить дождем, испепелить молниями, оглушить громовыми раскатами. Мрачный огонь его янтарных глаз обещал боль и страдания.

Облака вновь скрыли солнце.

Старик подмигнул.

«Мы — покойники»,— с тоской подумал Томми.

Стоящий с тыквой в руках Френк исподлобья глянул на старика, ожидая услышать, что обещание продать фонарь за пятицентовик — шутка.

— Я действительно могу взять эту тыкву?

— Сколько я могу повторять одно и то же?

— А сколько у вас ушло на нее времени? — спросил Френк.

— Около часа.

— И вы готовы работать за пятицентовик в час?

— Я работаю за удовольствие. Нравится мне вырезать из тыкв фонари.— И старик вновь подмигнул Томми.

— Вы что, слабоумный? — спросил Френк, обаятельно улыбаясь.

— Возможно. Возможно.

Френк пристально посмотрел на старика, казалось, ощутив малую толику того, что чувствовал Томми, пожал плечами и, держа перед собой черный фонарь, направился к тому месту, где его отец выбирал тыквы для большой вечеринки, намеченной на завтра.

Томми хотелось броситься вслед за Френком, убедить его вернуть черную тыкву, получив взамен пятицентовик.

— Послушай,— остановил его голос резчика, который вновь принялся за тыкву, что лежала у него на коленях.

Старик был такой костлявый, что Томми буквально слышал, как при каждом движении кости трутся друг о друга.

— Послушай меня, мальчик...

«Нет,— думал Томми.— Я не буду слушать. Я убегу. Убегу».

Однако неведомая сила, исходившая от старика, пригвоздила Томми к земле. Он просто не мог пошевелиться.

— Ночью,— янтарные глаза старика потемнели,— фонарь, который купил твой брат, превратится во что-то иное. Его челюсти смогут двигаться. Зубы станут острыми, как бритвы. Когда все уснут, он пройдется по твоему дому... и воздаст каждому по заслугам. К тебе он придет последнему. Как, по-твоему, чего ты заслуживаешь, Томми? Видишь, я знаю твое имя, хотя твой брат ни разу его не произнес. Что должна сделать с тобой черная тыква, Томми? А? Чего ты заслуживаешь?

— Кто вы? — еле выдавил из себя мальчик.

Но резчик только молча усмехнулся.

Внезапно ноги Томми отклеились от земли и он побежал.

Догнав Френка, попытался убедить его вернуть черную тыкву, но слова о том, что она таит в себе опасность, вызвали у брата лишь смех. Томми попытался выбить фонарь из рук Френка, но тот держал его крепко да еще так двинул Томми, что тот повалился на пирамиду тыкв. Френк вновь рассмеялся, больно наступил брату на ногу, когда тот попытался встать, и ушел.

Сквозь слезы, брызнувшие из глаз, Томми посмотрел на дальний угол пустыря и увидел, что резчик наблюдает за ним.

Старик помахал ему рукой.

С гулко бьющимся сердцем Томми захромал к выходу с пустыря, пытаясь найти способ убедить Френка в исходящей от тыквы опасности.

Но Френк уже укладывал свою покупку на заднее сиденье «кадиллака».

Их отец заплатил и за фонарь, и за остальные выбранные тыквы. Томми опоздал.

Глава 2

Дома Френк отнес черную тыкву в свою спальню и поставил на стол в углу под постером Майкла Берримана в роли безумного убийцы в фильме «У холмов есть глаза».

Томми наблюдал, стоя у открытой двери.

В кладовке Френк нашел толстую ароматическую декоративную свечку и вставил ее в тыкву. Судя по размеру, свеча могла гореть как минимум двое суток. Страшась света, вспыхнувшего в глазах фонаря, Томми, однако, понаблюдал, как Френк ставит на место вырезанную «крышку» фонаря-тыквы. Мерцание света на зубах тыквы создавало иллюзию, что толстый язык непрерывно облизывает губы. А дыру-нос, прямо-таки как у прокаженного, словно заполнял желтоватый гной.

— Невероятно! — воскликнул Френк, отойдя на полшага и любуясь своим приобретением.— Старый пердун в своем деле гений!

Ароматическая свеча насыщала воздух ароматом роз.

И хотя Томми не помнил, где читал об этом, внезапно в голову пришла мысль о том, что аромат роз свидетельствует о присутствии душ умерших. Так что причина появления этого аромата не стала для него загадкой.

— Какого черта? — Френк поморщился. Поднял крышку фонаря, заглянул внутрь. Мерцающий оранжевый свет забегал по его лицу, искажая черты.— Свеча должна пахнуть лимоном. Никаких роз, ничего девчачьего.

В большой просторной кухне Лу и Кайл Сацман, мать и отец Томми, сидели за столом с мистером Хаузером, менеджером фирмы, которая специализировалась на обслуживании празд-

ничных мероприятий. Они составляли меню для завтрашней хэллоуинской вечеринки, постоянно напоминая мистеру Хаузеру, что еду должно готовить из продуктов высшего качества.

Томми прошел за их спинами, надеясь остаться невидимым. Взял из холодильника банку «коки».

Теперь его отец и мать убеждали менеджера, что все должно выглядеть впечатляюще: закуски, цветы, бар, униформа официантов, приготовленные блюда — все, все, все, дабы каждый гость понял, что находится в аристократическом доме.

Присутствия детей на вечеринке не предполагалось. Более того, Томми и Френку наказали не выходить из своих комнат и сидеть тихо: ни телевизора, ни стерео, никаких занятий, которыми они могли бы привлечь к себе внимание гостей.

И приглашенные состояли исключительно из спонсоров и партийных боссов, от благоволения которых зависела политическая карьера Кайла Сацмана. Он уже заседал в сенате штата Калифорния, но на выборах, до которых оставалась неделя, баллотировался в палату представителей Конгресса США. Так что этой вечеринкой он выражал свою признательность денежным мешкам и партийным чиновникам, которые обеспечили его номинацию прошлой весной. Дети, конечно, только мешались бы под ногами.

Собственно, родители Томми вспоминали о нем только в дни больших избирательных митингов, на пресс-конференциях и в первые минуты приемов по случаю победы на выборах. Томми это устраивало. Нравилось ему оставаться невидимкой. В тех же редких случаях, когда он попадался на глаза отцу или матери, они неизбежно критиковали все, что он говорил или делал, любое выражение его лица.

«Мистер Хаузер,— говорила Лу,— надеюсь, вы понимаете, что гости не должны принять большие креветки за маленьких лобстеров».

Пока явно нервничающий менеджер убеждал Лу, что качество их фирма гарантирует, Томми тихонько отошел от холодильника и взял два «милано» из коробки с пирожными.

— Наши гости — важные люди,— должно быть, в десятый раз сообщил менеджеру Кайл.— Влиятельные и утонченные, которые привыкли к самому лучшему.

В школе Томми учили, что политика — это сфера деятельности, которую выбирали многие просвещенные люди, чтобы служить обществу.

Он знал, что все это чушь собачья. Его родители вечерами подолгу планировали политическую карьеру отца, но, подслушивая их разговоры, Томми не уловил ни единого слова насчет служения людям или улучшения общества. Да, конечно, на публике, с трибун, они говорили только об этом: права трудящихся, голодные, бездомные... но наедине — никогда. Вдали от чужих ушей речь шла исключительно о спонсорской поддержке, сокрушении оппозиции или о том, чтобы засунуть новый закон кому-то в задницу. А Сацманам и всем тем, в ком они видели «своих», политика нужна была для того, чтобы завоевать уважение, заработать деньги и, что самое главное, обрести власть.

Томми понимал, что людям нравилось, когда их уважают, поскольку его не уважал никто. И с деньгами ему все было ясно. А вот власть ставила его в тупик. Он никак не мог взять в толк, почему его отец и многие из тех, чьи имена звучали в их доме, тратят столько времени и усилий, чтобы добиться ее. Какое удовольствие можно получить от того, что ты приказываешь людям, говоришь им, что надо делать? А если ты отдашь неправильный приказ и тогда, выполняя его, кто-то получит травму, что-то сломает, а то и погибнет? И как можно рассчитывать на любовь людей, если они в твоей власти? Вот, к примеру, Томми находился во власти Френка, абсолютной власти, под его полным контролем... и *ненавидел* брата.

Иногда Томми казалось, что он единственный здравомыслящий человек в семье. А иногда, наоборот, что они все нормальные, а он — сумасшедший. В любом случае, здоровый или больной, Томми точно знал, что у него нет ничего общего с собственной семьей.

Когда он выскальзывал из кухни с банкой «коки» и двумя «милано», завернутыми в бумажную салфетку, его родители донимали мистера Хаузера вопросами о шампанском.

В коридоре второго этажа, у раскрытой двери в комнату Френка, Томми остановился, чтобы взглянуть на тыкву. Все ее отверстия светились изнутри.

— И что это мы несем? — спросил Френк, внезапно появившись на пороге. Схватил Томми за рубашку, втащил в ком-

нату, захлопнул дверь, конфисковал пирожные и «коку».— Спасибо, сопляк. Я как раз подумал, что неплохо бы перекусить.— Он прошел к столу и положил добычу на стол рядом с фонарем-тыквой.

Глубоко вдохнув, понимая, к чему приведут возражения, Томми сказал:

— Это мое.

Френк изобразил изумление.

— Неужели мой маленький брат — жадный обжора, который не знает, что нужно делиться с ближними?

— Отдай мне мои «коку» и пирожные.

Улыбка Френка превратилась в акулий оскал.

— Видит бог, дорогой братец, ты должен получить хороший урок. Жадных маленьких обжор надо выводить на путь исправления.

Томми мог бы уйти, оставить добычу Френку, спуститься на кухню за еще одной банкой «коки» и пирожными. Но он знал, что его жизнь, и без того нелегкая, станет куда хуже, если он безропотно подчинится, не предприняв попытки противостоять — пусть надежды на победу не было никакой — этому незнакомцу, который вроде бы приходился ему братом. Полная капитуляция могла только подтолкнуть Френка к новым издевательствам, которых и без того хватало.

— Мне нужны мои пирожные и «кока»,— настаивал Томми, гадая, а стоит ли умирать за пирожные, даже если это «милано».

Френк бросился на него.

Они упали на пол, молотя друг друга кулаками, пинаясь, но стараясь производить как можно меньше шума — не хотели привлекать внимания родителей. Томми — потому что знал, что вину возложат на него. Френк был любимчиком Кайла и Лу и, соответственно, не мог сделать ничего плохого. Френк же хотел сохранить завязавшееся сражение в тайне, потому что отец тут же положил бы ему конец, не дав оттянуться по полной.

Во время драки Томми изредка бросал взгляд на фонарь, который словно наблюдал за ними со стола, и у него не осталось ни малейшего сомнения в том, что ухмылка тыквы делалась все шире и шире.

Наконец Томми, избитого и обессиленного, загнали в угол. Оседлав брата, Френк влепил ему пару оплеух, от которых загудело в ушах, а потом начал срывать с Томми одежду.

— Нет! — прошептал Томми, который понял, что его не только побили, но и хотят унизить.— Нет, нет.

Из последних сил он попытался сопротивляться, но с него содрали рубашку, а потом сдернули до щиколоток джинсы и трусы. Потом поставили на ноги и то ли повели, то ли потащили к двери.

Френк распахнул дверь, вытолкнул Томми в коридор и крикнул: «Мария! Мария, пожалуйста, подойди сюда!»

Молодая мексиканка приходила к ним в дом дважды в неделю, готовила, убиралась и гладила. В этот день она работала.

— Мария!

В ужасе от мысли, что служанка увидит его голым, Томми поднялся на ноги, схватился за джинсы, попытался одновременно бежать и надеть их, споткнулся, упал, вскочил вновь.

— Мария, где же ты? — Френк давился смехом.

Тяжело дыша, всхлипывая, Томми каким-то чудом успел нырнуть в свою комнату за секунду до того, как в коридоре появилась Мария. Привалился к закрытой двери, обеими руками держась за пояс джинсов и дрожа всем телом.

Глава 3

Родители отправились на очередное предвыборное мероприятие, так что Томми и Френк ужинали вдвоем, подогрев запеканку из картофеля с овощами, оставленную Марией в холодильнике. Обычно обед с Френком не обходился без происшествий, но на этот раз прошел на удивление мирно. Поев, Френк погрузился в журнал с рецензиями на последние фильмы ужасов, с многочисленными фотографиями окровавленных и изувеченных тел. О Томми он, казалось, совершенно забыл.

Потом, когда Френк ушел в ванную, чтобы перед сном принять душ, Томми проскользнул в спальню брата, постоял у стола, пристально глядя на тыквенный фонарь. Злобный рот скалился. Узкие зрачки горели огнем.

Аромат роз наполнял комнату, но сквозь него пробивался другой запах, более слабый и далеко не столь приятный, который Томми не мог соотнести с чем-то определенным.

Мальчик почувствовал присутствие чего-то злого, даже на фоне того зла, которое всегда наполняло комнату Френка. И кровь застыла у него в жилах.

Внезапно он понял, что убийственный потенциал черной тыквы усиливается горящей свечой. Каким-то образом свет внутри тыквы оживлял ее, побуждал к действиям. Томми понятия не имел, как и откуда он может это знать, но у него не было ни малейших сомнений, что эту ночь он переживет, только если загасит свечу.

Он схватился за обрубок стебля, снял с фонаря крышку.

Свет не просто горел внутри тыквы, но полностью ее заполнял — жаркий, слепящий глаза.

Томми задул свечу.

Фонарь погас.

Томми сразу же стало легче.

Он поставил крышку на место.

И едва отпустил стебель, как свечка тут же загорелась.

В испуге он отпрыгнул назад.

Вырезанные зрачки, нос, рот светились.

— Нет,— прошептал Томми.

Снял крышку, вновь задул свечу.

На мгновение в тыкве воцарилась темнота. А потом, прямо у него на глазах, затеплился огонек.

С неохотой, жалобно пискнув, Томми сунул руку в тыкву, чтобы большим и указательным пальцами сжать фитиль. Он боялся, что тыква сожмется вокруг его запястья, отхватит ему руку, оставит с окровавленной культей. А может, будет держать, обгладывая с пальцев кожу и мясо, чтобы освободить, когда кисть станет такой же, как у скелета. Доведенный этими страхами чуть ли не до истерики, Томми тем не менее добрался до фитиля, сжал его, загасил огонек и выдернул руку, облегченно всхлипнув, благодарный тыкве за то, что она не сделала его калекой.

Опустил крышку и, услышав, как в примыкающей к комнате ванной выключили воду, поспешил в коридор. Френк мог взгреть его, если бы застал в своей спальне. На пороге обернулся. Свеча горела снова.

Томми спустился на кухню, выбрал самый большой нож, отнес в свою комнату и спрятал под подушкой. Он точно знал, что этой ночью нож ему понадобится.

Глава 4

Родители вернулись домой перед самой полуночью. Томми сидел на кровати, его спальню освещал слабенький ночничок. Нож лежал под простыней, правая рука сжимала рукоятку.

Минут двадцать Томми слышал голоса родителей, звуки льющейся воды, скрип дверей. Их спальня и ванная находились в другом конце коридора, так что эти приглушенные звуки успокаивали. Обычные звуки повседневной жизни, и пока они наполняли дом, никакой фонарь, обратившийся в хищника, никому не мог причинить вреда.

Но скоро в дом возвратилась тишина.

Замерев, Томми ждал первого крика.

Он дал себе слово, что не заснет, но ему было только двенадцать, и длинный день вкупе со страхом, который не отпускал после встречи со стариком-резчиком, сделали свое дело. Привалившись спиной к подушкам, Томми заснул задолго до часа ночи...

...и что-то грохнуло, разбудив его.

Он мгновенно проснулся. Сев на кровати, нащупал нож и дрожащей рукой вцепился в рукоятку.

В первое мгновение ему показалось, что источник звука в его комнате, потом вновь услышал глухой удар и понял, что шум донесся из спальни Френка.

Отбросив простыню, Томми спустил ноги с кровати и замер в тревожном ожидании, вслушиваясь в тишину.

В какой-то момент вроде услышал, как Френк зовет его: «Томм-м-м-ми!»,— отчаянно и испуганно, с дальнего края огромного каньона. Но возможно, ему лишь показалось, что услышал.

Тишина.

Ладони Томми стали мокрыми от пота. Он отложил большой нож, вытер руки о пижаму.

Тишина.

Он вновь взял нож, наклонился, достал из-под кровати фонарик, который держал там, но не включил. На цыпочках подошел к двери, прислушался к шагам в коридоре.

Ничего.

Внутренний голос убеждал его вернуться к кровати, лечь, укрыться с головой и забыть про то, что ему, возможно, послышалось. А еще лучше залезть под кровать и надеяться, что там его не найдут. Но он знал, что это голос сосунка, и не решался искать спасения в трусости. Если черная тыква превратилась во что-то еще, если это что-то сейчас бродит по дому, на трусость оно отреагирует с не меньшей свирепостью, чем Френк.

«*Господи,*— взмолился Томми,— *здесь, внизу, мальчик, который в Тебя верит, и он будет очень разочарован, если Ты, в этот самый момент, когда очень, очень, очень ему нужен, смотришь в другую сторону*».

Томми осторожно повернул ручку и приоткрыл дверь. Увидел пустой коридор, освещенный лишь лунным светом, падающим в окно.

И распахнутую дверь в спальню Френка напротив, по другую сторону коридора.

Не включая фонарик, отчаянно надеясь, что его присутствие останется незамеченным, если он окутается темнотой, Томми подошел к комнате Френка и прислушался. Френк обычно храпел, но сегодня храпа Томми не слышал. Если тыквенный фонарь по-прежнему стоял на столе, свечка, должно быть, догорела, потому что отверстия в нем не светились.

Томми переступил порог.

Лунный свет вливался в окно, тени от листвы соседнего дерева, которое качал ветер, плясали на стекле. В спальне Томми не увидел ни одного четкого силуэта. Предметы непрерывно меняли форму и цвет, переходя от черного к темно-серому и обратно.

Томми отдалился от порога на шаг. Второй. Третий.

Его сердце билось так сильно, что подточило его решительность пребывать в темноте. Он включил фонарик и вздрогнул от испуга: так ярко блеснуло лезвие ножа.

Томми обвел спальню лучом и, к своему облегчению, не нашел изготовившегося к прыжку чудовища. Простыни кучей лежали на матрасе, и Томми пришлось подойти к кровати еще на шаг, прежде чем он понял, что под этой кучей Френка нет.

Отрубленная человеческая рука со сжатыми в кулак пальцами лежала на полу у прикроватного столика. Сначала Томми увидел ее в полумраке, рядом с лучом, потом направил на нее фонарь. Его глаза в ужасе раскрылись. Рука Френка. Никаких сомнений, потому что на одном из пальцев блестел серебряный перстень с черепом и скрещенными костями, которым Френк очень дорожил.

Возможно, причиной послужил посмертный нервный спазм, возможно, в доме действовала какая-то темная сила, но кулак внезапно разжался, пальцы раскрылись, как лепестки цветка. На ладони лежал блестящий пятицентовик.

Томми подавил крик, но не волны дрожи, которые пробегали по телу.

Пока он пытался найти путь к спасению, из дальнего конца коридора донесся пронзительный крик матери. Резко оборвался. Что-то разбилось.

Томми повернулся к двери. Знал, что должен бежать, пока еще есть возможность спастись, но его словно пригвоздило к месту, совсем как на пустыре, перед тем как старик рассказал ему, что глубокой ночью фонарь из тыквы превратится в нечто иное.

Он услышал крик отца.

Выстрел.

Вновь крик отца.

И этот крик резко оборвался.

Вновь наступила тишина.

Томми попытался поднять одну ногу, только одну, хотя бы на дюйм оторвать от пола, но напрасно. Он чувствовал, что на месте его держит не только страх, но и какое-то заклинание, не позволяющее ускользнуть от черной тыквы.

В дальнем конце коридора хлопнула дверь.

Послышались приближающиеся шаги. Тяжелые, пугающие.

Слезы брызнули из глаз Томми, потекли по щекам.

Половицы скрипели и стонали под огромным весом идущего по коридору.

С ужасом глядя на открытую дверь, словно она вела в ад, Томми увидел отблески оранжевого света. Свет становился ярче по

мере того, как его источник, несомненно свеча, приближался к комнатам братьев, соответственно, удаляясь от спальни родителей.

Тени и световые пятна гонялись друг за другом на ковре.

Тяжелые шаги замедлились. Остановились.

Чудище стояло в футе или двух от двери.

Томми шумно сглотнул, набрал в грудь достаточно воздуха, чтобы спросить: *«Кто здесь?»* — но, к своему изумлению, произнес совсем другие слова: *«Ладно, черт бы тебя побрал, давай с этим покончим».*

Возможно, годы, проведенные в доме Сацманов, основательно закалили его и снабдили здоровой дозой фатализма.

Чудище сдвинулось с места, заслонило собой дверной проем.

Тыква-фонарь стала его головой. Если в ней что-то изменилось, то в худшую сторону. Черно-оранжевая раскраска осталась, верхняя часть сузилась, нижняя, наоборот, расплющилась еще больше. Размерами голова не превосходила баскетбольный мяч. Глаза запали, прорезанные зрачки светились злобой, в носу пульсировал гной. Огромный рот растянулся от уха до уха, острые клыки темнели на фоне оранжевого света.

Тело под головой лишь отдаленно напоминало человеческое.

Казалось, его сплели из перекрученных толстых корней и лиан. В чудище чувствовалась невероятная мощь, в дверном проеме возвышался колосс, джагернаут*. Несмотря на ужас, охвативший Томми, он не мог не почувствовать благоговейного трепета. И задался вопросом: то ли это тело выросло из головы-тыквы, то ли из плоти Френка, Лу и Кайла Сацманов.

Больше всего пугал Томми оранжевый свет внутри черепа. Там по-прежнему горела свеча. Ее мерцание ясно показывало, что голова пуста. Как чудище могло двигаться и думать без мозга? Тем более что в глазах читался злобный и демонический ум.

Чудище подняло толстую, узловатую, напоминающую лиану руку и нацелило палец-корень на Томми.

— Ты,— голос напоминал шум грязной воды, выплеснутой из ведра в унитаз.

* Одно из воплощений бога Вишну, образно — безжалостная, неумолимая сила.

Томми теперь больше изумляла не собственная неподвижность, а способность оставаться в вертикальном положении. Ноги стали ватными. Он не сомневался, что рухнет как подкошенный, если чудище шагнет к нему, но пока стоял с фонариком в одной руке и ножом в другой.

Нож. Какой от него прок? Даже самый острейший нож в мире не причинил бы вреда этому исчадию ада, и Томми разжал потные пальцы. Нож ударился об пол, пару раз подпрыгнул, застыл.

— Ты,— повторила черная тыква, и от голоса задрожали стены.— Твой злой брат получил то, что дал. Твоя мать получила то, что дала. Твой отец получил то, что дал. А чего заслуживаешь ты?

Говорить Томми не мог. Дрожал, молча плакал, каждый вдох давался ему с огромным трудом.

Черная тыква шагнула в комнату, нависла над ним, сверкая глазами.

Рост чудища превосходил семь футов, ему пришлось наклониться вперед, чтобы смотреть на мальчика. Черный дым вырывался из рта и провалившегося, как у прокаженного, носа.

Чудище продолжало тем же шепотом, от которого дрожали стекла:

— К сожалению, ты — слишком хорош, и у меня нет на тебя прав. Поэтому... Ты получаешь с этого момента то, что заслужил: свободу.

Томми смотрел в хэллоуинскую образину, пытаясь осознать услышанное.

— Свободу,— повторило адово чудище.— Свободу от Френка, от Лу, от Кайла. Свободу расти и взрослеть, не чувствуя, как они топчут тебя. Свободу полностью реализовать все лучшее, что заложено в тебе... а сие означает, что мне никогда не удастся заполучить тебя.

Долгое время они стояли лицом к лицу, мальчик и чудовище, и наконец до Томми дошел смысл его слов. Утром он проснется в доме один. Ни родителей, ни брата не найдут. Куда они подевались, останется тайной. Никому не удастся ее разгадать. А он, Томми, будет жить с бабушкой и дедушкой. «Ты получаешь, что даешь».

— Но возможно,— продолжила черная тыква, положив холодную руку на плечо Томми,— возможно, червоточина есть и

в тебе, возможно, когда-нибудь ты ей поддашься, и тогда у меня появится шанс добраться до тебя. Кто же отказывается от десерта? — Широкая улыбка стала шире.— А теперь возвращайся в кровать и спи. Спи!

В ужасе и одновременно испытывая необъяснимую радость, Томми направился к двери. Оглянулся и увидел, что черная тыква по-прежнему с любопытством наблюдает за ним.

— Вы недоглядели,— Томми указал на пол рядом с прикроватным столиком.

Чудище нашло глазами отрезанную руку Френка.

— Ага! — выдохнуло оно, подхватило руку и сунуло в рот.

Ярко вспыхнул оранжевый свет в прорезях черной тыквы, словно прощаясь, очень ярко, а потом погас.

МИСС АТТИЛА

Глава 1

В мороз и жару, под солнцем и дождем, многие сотни лет, зарывшись в плодородную лесную почву, оно ждало шанса начать новую жизнь. Собственно, оно и не умирало. Пребывало в спячке, при этом чутко контролируя окружающую территорию, засекая всех теплокровных животных, бродячих по окрестным лесам. Но для мониторинга, необходимого для поиска подходящего Хозяина среди теплокровных, требовалась лишь малая толика разума, тогда как остальная его часть вспоминала предыдущие жизни, которые оно вело на других мирах.

Лоси, медведи, барсуки, воробьи, бурундуки, зайцы, опоссумы, лисы, хорьки, кугуары, куропатки, забредающие с полей, собаки, жабы, хамелеоны, змеи, черви, пчелы, пауки, сороконожки пробегали, проходили, проползали достаточно близко, чтобы оно могло их захватить, если бы они подходили для намеченной цели. Некоторые, впрочем, и не были теплокровными, то есть не соответствовали одному из главных требований, предъявляемых к Хозяину. А те, в ком текла теплая кровь, млекопитающие и птицы, не проходили по другому важному условию: уровню развития мозга.

Оно не испытывало нетерпения. Миллионы миллионов лет оно находило Хозяев. И не сомневалось, что и на этой планете рано или поздно такая возможность обязательно представится, после чего начнется Покорение.

Глава 2

Джейми Уэтли влюбился в миссис Кэсуэлл. Природа одарила его талантом художника, и он заполнял страницы альбома рисунками женщины его мечты: миссис Кэсуэлл верхом на мустанге; миссис Кэсуэлл, укрощающая льва; миссис Кэсуэлл, стреляющая в атакующего носорога, огромного, как восемнадцатиколесный грузовик; миссис Кэсуэлл — Статуя свободы, высоко поднявшая руку с факелом. Джейми никогда не видел ее верхом на мустанге, укрощающей льва, стреляющей в носорога; не слышал, что она совершала все эти подвиги. И уж конечно, она ничем не напоминала Статую свободы (была гораздо красивее), но Джейми казалось, что во всех этих воображаемых сценах проявлялся истинный характер миссис Кэсуэлл.

Ему хотелось попросить миссис Кэсуэлл стать его женой, хотя уверенности, что у него есть шанс, не было. Во-первых, у нее прекрасное образование, а у него — нет. Она сияла красотой, он ничем не выделялся.

Она весело смеялась и не лезла за словом в карман, он стеснялся и краснел по любому поводу. Отличала ее и уверенность в себе, нигде и никогда миссис Кэсуэлл не теряла головы, сразу брала ситуацию под контроль (вспомнить хотя бы пожар в прошлом сентябре, когда она практически в одиночку спасла школьное здание, не допустила его превращения в груду углей), тогда как Джейми тушевался при малейших трудностях.

И потом, она уже была замужем, и Джейми частенько чувствовал себя виноватым, потому что желал ее мужу смерти. Но если бы у него и появилась возможность жениться на миссис Кэсуэлл, самой большой проблемой стала бы разница в возрасте: она родилась на семнадцать лет раньше одиннадцатилетнего Джейми.

В тот воскресный вечер в конце октября Джейми сидел за столиком в своей маленькой спальне и вновь рисовал карандашом миссис Кэсуэлл — учительницу его шестого класса. На

этот раз он изобразил ее в классной комнате, стоящей у стола в белых, как у ангела, одеждах.

Она лучилась удивительным светом, и все дети, одноклассники Джейми, улыбались ей. Себя Джейми нарисовал во втором от двери ряду, за первой партой и... после короткого раздумья добавил маленькие сердечки, череда которых поднималась над ним, как белый пар поднимается над куском сухого льда.

Джейми Уэтли (его мать коротала время с бутылкой, а отец, автослесарь, часто оставался без работы из-за того же пристрастия к спиртному) раньше не жаловал школу, но в этом году влюбился в миссис Лауру Кэсуэлл. И теперь воскресные вечера всегда тянулись очень уж долго, потому что он никак не мог дождаться начала учебной недели.

Внизу его злобный, крепко набравшийся отец ругался с такой же пьяной матерью. На этот раз ссора вышла из-за денег, но причиной могли стать и приготовленный ею несъедобный обед, и его бесконечные подружки, и ее неряшливость в одежде, и его проигрыши в покер, и ее постоянные жалобы, и отсутствие в доме чипсов, и выбор телепрограммы для просмотра. Тонкие стены ветхого дома практически не глушили их голоса, но Джейми уже научился отключаться от них.

Он перешел к новому рисунку. На этот раз миссис Кэсуэлл стояла среди скал в сверкающих доспехах и лазерным мечом сражалась с инопланетным монстром.

Глава 3

Еще до зари Тил Пливер заехал глубоко в лес на своем грязном, с помятыми крыльями восьмилетнем джипе-универсале и припарковал его на заброшенной дороге, которая когда-то давно служила для вывозки бревен. А как только рассвело, продолжил путь на своих двоих с охотничьим карабином («винчестер» модель 70, калибр 270, приклад из орехового дерева, оптический прицел с четырехкратным увеличением) на плече.

Тил любил лес на заре: бархатистая мягкость теней, проникающий сквозь ветви, усиливающийся с каждой минутой свет, запах ночной влаги. Нравились ему и тяжесть карабина на плече, и предвкушение охоты на оленя, но наибольшее удовлетворение приносило осознание того, что он — браконьер.

В округе Тил Пливер считался одним из самых удачливых торговцев недвижимостью, то есть никак не мог пожаловаться на бедность, но он терпеть не мог отдавать доллар за вещь, которую в другом месте мог приобрести за девяносто восемь центов, и отказывался платить даже пенс за то, что мог взять бесплатно. Ему принадлежала ферма на северо-восточной окраине Пайн-Риджа, административного центра округа, где власти штата решили проложить автомагистраль, и Пливер получил больше шестисот тысяч долларов, продав часть земли под мотель и ресторан быстрого обслуживания. Это была его крупнейшая сделка, но далеко не единственная. И без нее он по праву считался состоятельным человеком. Однако новый джип покупал раз в десять лет, ходил в одном костюме и мог провести три часа в супермаркете «Акме» в Пайн-Ридже, сравнивая цену аналогичных продуктов, чтобы в итоге сэкономить восемьдесят центов.

Мясо он не покупал никогда. Зачем платить за мясо, если в лесу его полным-полно, бегает на копытах, просит, чтобы его взяли? Тилу шел пятьдесят четвертый год. С семнадцати лет он охотился на оленей круглый год и еще ни разу не попался. Оленина никогда ему не нравилась, но за три с половиной десятка лет он съел ее тысячи фунтов, а потому иной раз его совершенно не тянуло обедать. Однако настроение Пливера всякий раз улучшалось, стоило ему подумать о том, сколько денег осталось у него в кармане и не попало в загребущие руки владельцев животноводческих ферм, мясных брокеров и членов профсоюза мясников.

Отшагав сорок минут по полого поднимающемуся склону и не обнаружив ни одного свежего следа, Тил решил передохнуть на большом плоском камне под двумя высокими соснами. Присев на край и поставив рядом карабин, он заметил какой-то предмет, торчащий из земли между его сапог.

Предмет этот наполовину зарылся в мягкий ковер из палых листьев и хвои. Его присыпало опавшими сосновыми иголками. Тил протянул руку, стряхнул иголки. Предмет формой напоминал футбольный мяч, но вдвое превосходил его размерами. Отполированная поверхность блестела, материал напоминал керамику, и Тил понял, что перед ним творение рук человеческих, потому что ни ветер, ни дождь не могли обеспечить такую чистоту обработки. Предмет был сине-черно-зеленый, и своей необычностью он притягивал взгляд.

Пливер уже собирался встать с камня, опуститься на корточки и вырыть загадочный предмет из земли, когда на гладкой поверхности в нескольких местах открылись отверстия. В то же самое мгновение из них «выстрелили» черные щупальца. Обвились вокруг головы, шеи, рук и ног Тила. В три секунды его полностью обездвижили.

«Растение, — в ужасе подумал Тил Пливер.— *Какое-то страшное растение, которого никто никогда не видел».*

Боролся он яростно, но черные щупальца держали крепко. Он не смог ни подняться с камня, ни переместиться хотя бы на дюйм в одну или другую сторону.

Попытался закричать, но одно из щупальцев заткнуло ему рот.

Тил скосил глаза на этот странный шар и увидел, как в нем открылось новое отверстие, куда большего диаметра. Из него выдвинулось толстенное щупальце, целая труба, и начало подниматься к его лицу, покачиваясь, как змея под дудочку заклинателя. Черное, с темно-синими точечками, щупальце заканчивалось девятью тонкими извивающимися отростками.

Эти отростки, как паучьи лапки, прошлись по лицу, и Пливера передернуло от отвращения. Потом толстое щупальце отодвинулось от лица, наклонилось к груди, пронзило одежду, грудную клетку, вошло в сердце. Тил почувствовал, как девять отростков расползаются внутри его тела, и потерял сознание за мгновение до того, как обезуметь.

Глава 4

В этом мире его назвали Растением. Во всяком случае, это слово мелькнуло в мозгу его первого Хозяина. Оно не было растением, но приняло имя, которым нарек его Тил Пливер.

Растение полностью вышло из земли, в которой провело сотни лет, и переместилось в тело Хозяина. Потом зарастило бескровные раны, через которые вошло в Пливера.

Ему понадобилось десять минут, чтобы узнать о физиологии человеческого организма больше, чем знали люди. Во-первых, они, похоже, не понимали, что обладают способностью к самолечению, как, впрочем, и способностью во много раз замедлять процесс старения клеток своего организма. Жили они недолго,

не подозревая о заложенном в них потенциале, обеспечивающем почти бессмертие. Какое-то событие, имевшее место быть в процессе эволюции этого вида, создало психологический барьер, не позволяющий им полностью контролировать состояние тела.

Странно.

Сидя на камне меж двух сосен, в теле Тила Пливера, Растение потратило еще восемнадцать минут, чтобы оценить возможности и принципы действия человеческого мозга. Это был едва ли не самый интересный мозг из встреченных Растением во Вселенной: сложный, мощный, хотя несколько... неуравновешенный.

Эта инкарнация обещала много необычных впечатлений.

Растение поднялось с камня, подхватило карабин, принадлежащий Хозяину, и направилось по заросшему лесом склону к тому месту, где Тил Пливер оставил джип-универсал. Охотиться на оленей Растение не собиралось.

Глава 5

В понедельник утром Джек Кэсуэлл сидел за кухонным столом и наблюдал, как его жена собирается в школу, отдавая себе отчет, что он — самый счастливый человек в мире. Красивое лицо, стройная фигура, длинные ноги, высокая грудь. Джеку иногда казалось, что происходящее с ним — не настоящая жизнь, а сладкий сон, потому что в реальном мире он не мог жениться на таком сокровище, как Лаура.

Она сняла с крючка коричневый шарфик, повязала на шею, перекрестила концы с бахромой на груди. Повернулась к чуть запотевшей стеклянной панели двери, посмотрела на большой термометр, висевший на крыльце.

— Тридцать восемь градусов*, а еще конец октября.

Классическим лицом в обрамлении густых, мягких, сверкающих каштановых волос она напоминала Веронику Лейк**, кинозвезду давно ушедших дней. Огромные, выразительные темно-карие глаза Лауры иногда казались черными. Джеку не приходилось видеть более чистых, более прямых глаз. Он сомневался, что кто-либо мог смотреть в эти глаза и лгать... или не влюбиться в женщину, на лице которой они сияли.

Сняв с другого крючка старое коричневое пальто, застегивая пуговицы, Лаура продолжила:

— В этом году снег точно выпадет до Дня Благодарения*, и я готова спорить, что у нас будет снежное Рождество, к январю просто засыплет снегом.

— Я бы с удовольствием просидел с тобой в снежном плену шесть, а то и восемь месяцев,— ответил Джек.— Мы вдвоем, снега по конек крыши, так что нам не остается ничего другого, как оставаться в постели, под одеялами, делясь теплом тел, чтобы выжить.

Улыбаясь, она подошла к нему, наклонилась, поцеловала в щеку.

— Джексон,— такое она дала ему прозвище,— ты меня так возбуждаешь, что тепла, которое произведут наши тела, вполне хватит на обогрев, даже если снега навалит на милю выше крыши.

Какой бы холод ни царил вне этих стен, в доме температура не упадет ниже ста градусов**, так что на полу разрастутся джунгли, по стенам поползут лианы, а в углах угнездится тропическая плесень.

Она прошла в гостиную, чтобы взять брифкейс, лежавший на письменном столе, за которым она готовилась к урокам.

Джек поднялся. Ноги этим утром слушались его хуже, чем обычно, но он все равно мог передвигаться без трости. Начал собирать грязные тарелки, продолжая думать о том, какой же он счастливчик.

Лаура могла бы покорить любого мужчину, однако выбрала мужа с ничем не примечательной внешностью и ногами, которые не держали его без стальных протезов. С ее внешностью и

---

* 38 градусов по шкале Фаренгейта соответствует примерно 4 градусам по Цельсию.

** Лейк Вероника (1919—1973) — настоящее имя Констанс Френсис Мария Окельман, звезда Голливуда 40-х годов. Среди ее поклонников были миллиардеры Онассис и Хьюз.

* Национальный праздник США, традиционно отмечаемый в четвертый четверг ноября. Посвящен первому урожаю, собранному колонистами в 1621 г.

** 100 градусов по шкале Фаренгейта соответствуют 37,8 градусам по Цельсию.

умом она могла бы выйти замуж за богача или, поехав в большой город, сделать там блестящую карьеру. Вместо этого она предпочла простую жизнь учительницы и жены писателя, который боролся за место под солнцем, отказалась от особняков в пользу небольшого домика у самого леса, вместо лимузина ездила на трехлетней «тойоте».

Когда Лаура вернулась на кухню с брифкейсом в руке, Джек ставил тарелки в раковину.

— Тебе недостает лимузинов?

Она недоумевающе моргнула.

— О чем ты?

Он вздохнул, оперся о разделочный столик.

— Иногда я тревожусь. Может...

Она подошла к нему.

— Может, что?

— Ты так мало получаешь от этой жизни, гораздо меньше того, что заслуживаешь. Лаура, ты рождена для лимузинов, особняков, лыжных курортов в Швейцарии. Ты имеешь на них полное право.

Она улыбнулась.

— Ты очень милый, но очень глупый. Я бы скучала в лимузине.

Мне нравится сидеть за рулем. Это такое удовольствие — вести машину. А если бы я жила в особняке, то чувствовала бы себя горошиной в бочке. Мне нравятся уютные дома. Поскольку на горных лыжах я не катаюсь, в Швейцарии мне делать совершенно нечего. И хотя я люблю их часы и шоколад, я бы сошла с ума от швейцарского йодля*, который не умолкает двадцать четыре часа в сутки.

Джек положил руки жене на плечи.

— Ты действительно счастлива?

— Послушай, Джексон, ты любишь меня всем сердцем, и я это знаю. Чувствую постоянно, и это любовь, которую не удается познать большинству женщин. С тобой я счастливее, чем с кем бы то ни было. И я получаю удовольствие от своей работы. Учить — это ни с чем не сравнимое наслаждение, если действительно стараешься наполнить знанием головы этих маленьких демонов. И потом, со временем ты прославишься, станешь самым знаменитым автором детективов после Раймонда Чандлера.

Я это точно знаю. Так что прекращай болтать глупости, а не то я опоздаю на работу.

Она вновь поцеловала его, направилась к двери, послала ему воздушный поцелуй, вышла на крыльцо, легко сбежала по ступенькам к «тойоте», припаркованной на гравии подъездной дорожки.

Джек схватил трость, прислоненную к одному из стульев. С ее помощью он мог передвигаться быстрее, чем на протезах. Стер конденсат со стекла, наблюдая, как жена прогревает двигатель. Облака пара вырывались из выхлопной трубы. Она выехала на шоссе и повернула к школе, расположенной в трех милях от их дома. Джек стоял у окна, пока «тойота» не исчезла из виду.

Джек тревожился за Лауру, хотя не встречал человека со столь решительным характером и уверенностью в себе. Но в мире хватало опасностей, даже в таком тихом уголке, как Сосновый округ. И люди, в том числе и самые сильные, внезапно попадали под колесо судьбы, которое перемалывало всех без исключения.

— Береги себя,— прошептал он.— Береги себя и возвращайся ко мне.

Глава 6

По лесной дороге Растение доехало в разбитом джипе Тила Пливера до асфальтированного шоссе и повернуло направо. Через милю холмы уступили место равнине, а лес — полям.

У первого же дома Растение остановилось и вылезло из кабины.

Информация, имевшаяся в памяти Хозяина, подсказала, что «здесь живут Холлиуэллы». Подойдя к двери, оно сильно постучало.

Дверь открыла миссис Холлиуэлл — миловидная дама тридцати с небольшим лет. Она вытирала руки о фартук в сине-белую клетку.

— О, мистер Пливер, не так ли?

* Манера пения у альпийских горцев.

Растение выбросило щупальца из пальцев Хозяина. Гибкие черные лианы оплели женщину, пригвоздили к полу. Когда миссис Холлиуэлл закричала, толстое щупальце-труба выдвинулось из открытого рта Пливера, пронзило грудь женщины, слилось с ее плотью.

Крик замер.

За несколько секунд Растение взяло женщину под контроль.

Лианы и труба, связывающие двух Хозяев, разделились посередине и втянулись в Тила Пливера и Джейн Холлиуэлл.

Растение росло.

Изучив мозг Джейн Холлиуэлл, Растение узнало, что ее двое детей отправились в школу, а муж уехал в Пайн-ридж за покупками. В доме она была одна.

В стремлении увеличить число Хозяев и расширить свою империю, Растение усадило Джейн и Тила в джип и поехало дальше, к перекрестку с другим шоссе, которое вело в Пайн-Ридж.

Глава 7

Миссис Кэсуэлл начала этот день с урока истории. До шестого класса Джейми Уэтли думал, что он не любит историю. Кому могло понравиться такое занудство? У миссис Кэсуэлл история превратилась в интереснейший предмет.

Иногда учительница заставляла своих учеников играть роли исторических личностей, и каждый надевал забавную шляпу, соответствующую изображаемому персонажу. У миссис Кэсуэлл была целая коллекция забавных шляп. Однажды на уроке, посвященном викингам, она вошла в класс в шлеме с рогами, и все чуть не надорвали животики от смеха. Поначалу Джейми даже разозлился; ему не нравилось, что миссис Кэсуэлл так дурачится. Но потом она показала им картины древних судов викингов с искусно вырезанными фигурами драконов на носу, начала рассказывать о том, каково было викингам выходить в затянутое туманом море в те далекие времена, когда никаких карт не существовало, плыть неведомо куда, в далекие дали, где действительно можно было столкнуться с настоящим драконом или свалиться с края земли. Голос ее становился все тише, тише, все наклонились вперед, не желая упустить хоть слово, и скоро они словно перенеслись из уютного, теплого класса на

палубу маленького суденышка, которое громадные волны кидали из стороны в сторону. Впереди возвышался загадочный темный берег, ревел ветер, хлестал дождь... Викингом Джейми изобразил миссис Кэсуэлл на десяти рисунках, и они заняли достойное место в его секретной галерее.

На прошлой неделе мистер Энрайт, инспектор из окружного департамента образования, целый день просидел на уроках миссис Кэсуэлл. Невысокого росточка, в черном костюме, белой рубашке и красном галстуке, мистер Энрайт уже несколько раз приезжал в школу, а потому дети его знали. После урока истории, на котором они изучали средневековье, инспектор захотел задать несколько вопросов, чтобы понять, как дети усваивают материал. Джейми и другие ученики так тянули руки, что произвели впечатление на мистера Энрайта. «Но, миссис Кэсуэлл,— сказал он,— вы же учите их не по программе шестого класса, не так ли? Мне представляется, что это материал для восьмого класса».

В обычной ситуации класс бы радостно отреагировал на слова Энрайта, расценив их как комплимент. Они бы выпрямились за партами, раздулись от гордости, самодовольно улыбаясь. Но на этот раз они получили четкое указание: на случай что если возникнет такая ситуация, выдать совсем другую реакцию, а потому поникли плечами, всеми силами изображая крайнюю усталость.

— Класс,— отчеканила миссис Кэсуэлл,— мистер Энрайт хочет сказать, что, по его разумению, я требую от вас слишком многого, подвергаю слишком высоким нагрузкам, мы слишком быстро идем вперед. Вы думаете, что я требую от вас слишком многого?

— Да! — в едином порыве прокричали ученики.

У Мелиссы Феддер, которой все страшно завидовали из-за того, что она могла заплакать в любой момент, по щекам покатились слезы, словно она больше не могла выдерживать напряженного темпа, задаваемого миссис Кэсуэлл.

Джейми поднялся и дрожащим от эмоций голосом произнес заранее отрепетированную речь:

— Мистер Энр-райт, мы б-больше не м-можем так учиться. Она н-не дает нам ни с-секунды покоя. М-мы называем ее мисс Аттила.

И другие дети обрушили на мистера Энрайта свои жалобы.

— ...не отпускает нас на перемену...

— ...огромные домашние задания...

— ...слишком много требует...

— ...мы еще шестиклассники, а...

На лице мистера Энрайта отразился ужас.

Миссис Кэсуэлл мрачным взглядом обвела класс, резко подняла руку.

Поток жалоб как отрезало, будто дети боялись учительницу. Мелисса Феддер по-прежнему плакала, Джейми заставлял дрожать нижнюю губу.

— Миссис Кэсуэлл,— мистер Энрайт определенно чувствовал себя не в своей тарелке,— может, вам действительно стоит держаться ближе к программе шестого класса? Стресс, вызываемый перегрузками...

— О! — воскликнула миссис Кэсуэлл, изображая ужас.— Боюсь, уже поздно, мистер Энрайт! Боюсь, я загнала их до смерти.

При этих словах дети повалились на парты, словно потеряли сознание или умерли.

В повисшей в классе тишине мистер Энрайт несколько секунд переводил взгляд с одного ученика на другого, потом рассмеялся. Дети последовали его примеру, а мистер Энрайт воскликнул:

— Вы меня разыграли, миссис Кэсуэлл! Все подстроено.

— Признаюсь,— ответила она, и смех усилился.

— Но откуда вы знали, что я задам вам вопрос о сложности программы, по которой вы обучаете детей?

— Дело в том, что все *всегда* недооценивают возможности школьников. Утвержденные программы не требуют от них особых усилий. Все слишком волнуются из-за психологического стресса, боятся давать детям большие нагрузки, в результате чего детей поощряют заниматься меньше. Но я хорошо знаю детей, мистер Энрайт, и могу сказать вам, что они куда крепче и умнее, чем думает большинство взрослых. Я права?

Класс ее в этом громко заверил.

Мистер Энрайт оглядел учеников, задерживаясь на лице каждого, и, пожалуй, впервые за день действительно их увидел. Наконец улыбнулся.

— Миссис Кэсуэлл, то, что вы тут делаете, просто чудо.

— Спасибо вам,— скромно потупилась миссис Кэсуэлл.

Мистер Энрайт покачал головой, улыбнулся еще шире, подмигнул.

— Действительно, мисс Аттила.

В этот момент Джейми так гордился миссис Кэсуэлл, что с трудом подавил выступившие на глазах слезы.

А утром последнего октябрьского понедельника Джейми слушал, как мисс Аттила рассказывает о состоянии науки в средние века (она только начинала развиваться) и о том, что такое алхимия (превращение свинца в золото и все такое). Запахи мела и детского мыла сменились ужасающей вонью залитых нечистотами улиц средневековой Европы.

Глава 8

В маленьком кабинете площадью в десять квадратных футов Джек Кэсуэлл сидел за обшарпанным письменным столом, пил кофе и перечитывал главу, написанную днем раньше. Сделав множество поправок, он включил компьютер, чтобы внести изменения в текст.

Три года, прошедшие после аварии, лишенный возможности вернуться к прежней профессии — он работал егерем в Службе охраны лесов,— Джек пытался наполнить жизнь новым содержанием: реализовать давнюю мечту и стать писателем. Два из четырех написанных им детективных романов купили нью-йоркские издательства, и восемь рассказов Джек опубликовал в журналах.

Пока в его жизни не появилась Лаура, он делил любовь между дикой природой и книгами. До аварии частенько отправлялся в горы, где редко встретишь человека, с рюкзаком, набитым продуктами и книгами. Пополняя запасы еды ягодами, орехами и съедобными корешками, многие дни жил на природе, изучая ее и читая. Джек в одинаковой степени принадлежал природе и цивилизации. И хотя перенести природу в город не было никакой возможности, не составляло труда доставить цивилизацию в виде книг на лоно природы. Тем самым он удовлетворял две главные потребности души.

Теперь с ногами, которые больше не могли нести его с холма на холм, Джеку приходилось довольствоваться лишь благами цивилизации, и он дал себе слово, что в скором времени писательство обеспечит ему куда лучшие условия жизни, чем раньше. Гонорары за восемь рассказов и два романа, доброжелательно встреченных критикой, поделенные на три года, обеспечили Джеку ежемесячный заработок в размере трети от скромного учительского жалования Лауры. До списка бестселлеров предстоял еще очень долгий путь, а пребывание на нижних этажах писательской пирамиды не сулило высоких доходов. Если бы не пенсия, выплачиваемая Службой охраны лесов, ему и Лауре пришлось бы ломать голову, где взять деньги на содержание дома, одежду и еду.

Вспомнив старое коричневое пальто, в котором Лаура пошла в этот день на работу, Джек погрустнел. Но мысль о пальто только добавила ему решимости создать шедевр, заработать кучу денег и окружить жену роскошью, которой та заслуживала.

Ирония судьбы: если бы не авария, Джек Кэсуэлл не встретился бы с Лаурой, не женился бы на ней. Она как-то пришла в больницу навестить ученика и, направляясь к выходу, увидела в коридоре Джека. Тот катил мимо в инвалидном кресле. Лаура просто не могла пройти мимо человека, пребывающего в глубокой депрессии, не подбодрив его. Переполненный жалостью к себе и злостью, он нагрубил Лауре. Подобная реакция лишь заставила Лауру удвоить усилия. Джек и представить себе не мог, что хватка у нее бульдожья. Вернувшись два дня спустя, чтобы вновь проведать своего ученика, она заглянула и к Джеку, а потом стала приходить к нему каждый день. Когда он смирился с тем, что ему придется передвигаться в кресле-каталке, Лаура убедила его активнее заниматься лечебной гимнастикой, чтобы научиться ходить на протезах и с тростью. Какое-то время спустя, когда инструктор по лечебной гимнастике не смог добиться ощутимых успехов, Лаура, несмотря на протесты Джека, каждый день привозила его в тренажерный зал, чтобы он повторял весь цикл упражнений. Вскоре ее неиссякаемый оптимизм заразил Джека. Он решил, что вновь научится ходить, и научился, и пошел по дороге, ведущей к любви и свадьбе.

Так что самое ужасное, что случилось с ним в жизни: авария, превратившая в инвалида, свела с Лаурой, что стало для него счастливейшим моментом.

Да, поневоле приходилось признавать, что в жизни горе и счастье тесно переплетены.

В новом романе, над которым Джек сейчас работал, он пытался написать об этом переплетении. О том, как плохое иной раз ведет к хорошему, а хорошее становится причиной трагедии. Если бы он мог выдержать этот баланс в детективной истории и глубоко вникнуть в нюансы этого аспекта человеческих взаимоотношений, из-под его пера вышла бы книга, которая принесла ему много денег. Больше того, он бы мог гордиться такой книгой.

Он налил себе еще чашку кофе и уже собрался начать новую главу, когда глянул в окно по левую от себя руку и увидел грязный, с помятыми бортами джип-универсал, сворачивающий с шоссе на подъездную дорожку к их дому.

Гадая, кто это мог приехать, Джек поднялся со стула и схватил трость.

Она требовалась ему, чтобы вовремя добраться до двери. Он терпеть не мог заставлять людей ждать.

Джек увидел, как джип остановился перед домом. Одновременно распахнулись две дверцы, из кабины вылезли мужчина и женщина.

Джек узнал мужчину: Тил Пливер. Видел его не один раз, вроде бы их даже знакомили. С другой стороны, практически все жители Соснового округа знали Пливера, но, как и Джек, лишь мельком.

Лицо женщины тоже показалось знакомым. Симпатичная, тридцати с небольшим лет. Джек предположил, что ее ребенок учится в классе Лауры и они виделись на каком-то школьном мероприятии. Домашний халат и фартук женщины определенно не соответствовали холодной октябрьской погоде.

К тому времени, когда Джек пересек половину кабинета, незваные гости уже начали барабанить в дверь.

Глава 9

Растение свернуло с шоссе, как только увидело следующий дом. После столетий спячки ему не терпелось расширить число Хозяев. От Пливера оно узнало, что население Пайн-Риджа, куда Растение планировало прибыть к полудню, составляло пять

тысяч человек. В течение двух, максимум трех дней, оно собиралось установить полный контроль над горожанами, а потом расшириться до границ Соснового округа, захватив тела и пленив разум всех двадцати тысяч его жителей.

Даже имея столько Хозяев, Растение осталось бы одной особью с единым разумом. Оно могло жить одновременно в десятках миллионов и даже в миллиардах Хозяев, черпая и перерабатывая информацию, полученную от их глаз, ушей, носов, ртов, рук, не боясь перегрузки. Путешествуя по галактикам миллионы лет, побывав на более чем сотне планет с разумной жизнью, Растение ни разу не встретило другого существа, обладающего столь уникальным талантом.

И теперь оно вывело двух первых пленников из джипа и направило через лужайку к крыльцу маленького белого дома.

Из Соснового округа Хозяева разошлись бы по всему Американскому континенту, потом по другим, пока Растение не установило бы контроль над всем населением Земли. В этот период оно не собиралось уничтожать ни разум любого из Хозяев, ни его индивидуальные особенности, но блокировать их, используя тело и знания для покорения мира. Тил Пливер и Джейн Холлиуэлл полностью осознавали, а остальным предстояло осознать, что они попали в рабство: они видели окружающий их мир, отдавали себе отчет в чудовищности своих поступков, знали, что Растение угнездилось в них, но ничего не могли с этим поделать.

Когда не осталось бы ни одного свободного мужчины, женщины и ребенка, Растение намеревалось перейти к следующему этапу — Дню освобождения, разом позволив Хозяевам в полной мере использовать свои тела, оставаясь в них, глядя на мир через их глаза, фиксируя все их мысли. К Дню освобождения, само собой, как минимум половина Хозяев сойдут с ума. Другие, которые удержатся у черты безумия, получат новый, сильнейший удар, осознав, что, несмотря на освобождение, им не удастся избежать соседства с паразитом, и в результате тоже лишатся рассудка. Такое случалось всегда. Маленькая группка неизбежно попытается найти спасение в религии, сформирует направленный на уничтожение цивилизации культ, объектом поклонения которого станет Растение. А еще более малочисленная группа самых отчаянных, которые останутся в здравом

уме и не смирятся с присутствием Растения, попытается найти способы избавиться от него, начнет крестовый поход без единого шанса на успех.

Растение вновь постучало в дверь. Может, никого нет дома.

— Иду, иду,— донесся изнутри мужской голос.

Вот и славненько.

После Дня освобождения ситуация в этом несчастном мире станет меняться от плохой к худшей: массовые самоубийства, эпидемия убийств, совершенных психопатами, полный и кровавый коллапс общественных структур, неизбежное соскальзывание в анархию, варварство.

Хаос.

Создание хаоса, распространение хаоса, поддерживание хаоса, наблюдение за хаосом, восхищение им — в этом видело Растение смысл своего существования. Оно родилось из Великого взрыва в начале времен. А прежде являлось частью великого хаоса или сверхсжатой материи, существовавшей до того, как пошел отсчет времени. Когда огромный шар этой материи взорвался, образовалась Вселенная, установился неведомый ранее порядок, но Растение не стало частью этого порядка. Оно так и осталось осколком предшествующего порядку хаоса. Защищенное неуязвимой оболочкой, оно дрейфовало среди разбегающихся галактик, по-прежнему служа энтропии.

Мужчина открыл дверь. Он опирался на трость.

— Мистер Пливер, не так ли? — спросил он.

Из Джейн Холлиуэлл вырвались черные щупальца.

Мужчина вскрикнул, когда они оплели его.

Черная, в синих точках труба выдвинулась изо рта Джейн Холлиуэлл, пронзила грудь калеки, и через несколько секунд у Растения появился третий Хозяин: Джек Кэсуэлл.

Ноги мужчины получили такие сильные повреждения во время аварии, что ему приходилось носить металлические протезы. Поскольку Растение не устраивал покалеченный Хозяин, не способный передвигаться с нужной скоростью, оно излечило тело Кэсуэлла. Протезы со звоном упали на пол.

Благодаря Кэсуэллу Растение узнало, что в доме больше никого нет. Оно также выяснило, что жена Кэсуэлла преподавала в школе, и от этой школы, в которой находилось никак не меньше ста шестидесяти учеников и учителей, его отделяли какие-

то три мили. Вместо того чтобы останавливаться у каждого дома на пути в Пайн-Ридж, Растение могло сразу отправиться в школу, резко увеличить число Хозяев, а уж потом разослать их во все стороны.

Джек Кэсуэлл, пусть и плененный Растением, мог читать мысли инопланетного господина: Растение использовало то же мозговое вещество и проводящие пути. Поняв, что следующий объект атаки — школа, рассудок Кэсуэлла начал отчаянно бороться, стараясь порвать путы.

Растение удивило энергия и настойчивость, с которыми этот мужчина добивался свободы. Имея дело с Пливером и Холлиуэлл, оно выяснило, что у человеческих существ, так они себя называли, сила воли покрепче, чем у других представителей разумной жизни, с которыми ему приходилось сталкиваться раньше. Но Кэсуэлл доказывал, что силой воли он значительно превосходит и Пливера, и Холлиуэлл. Растение столкнулось с существами, которые не щадя себя боролись за создание порядка из хаоса, пытались подчинить своей воле, изменить природный мир. Оно уже предвкушало, что получит особое наслаждение, ввергая человечество в хаос, деградацию, варварство.

Растение загнало рассудок Джека в самый дальний, самый темный угол, приковало его там тяжеленными цепями. А потом, в телах трех Хозяев, отправилось в школу.

Глава 10

Джейми Уэтли стеснялся попросить у миссис Кэсуэлл разрешения выйти в туалет. Он хотел, чтобы она видела в нем особенного ученика, хотел, чтобы она выделяла его среди других, любила, как любил ее он, но как она могла поверить, что он — особенный, если у него, как и у любого другого мальчика или девочки, возникало желание справить малую нужду? Он понимал, что это глупые мысли. В желании выйти в туалет не было ничего зазорного. Все писали. Даже миссис Кэсуэлл... Нет! Об этом думать не следовало. Такого просто не могло быть.

Но весь урок истории он неотрывно думал о том, что ему хочется облегчиться, а когда от истории они перешли к математике, он больше не мог сдерживаться и поднял руку.

— Да, Джейми?

— Могу я взять пропуск для выхода в туалет, миссис Кэсуэлл?

— Конечно.

Пропуска лежали на краю стола, и ему пришлось пройти мимо нее, чтобы добраться до них. Джейми наклонил голову и старался не смотреть на миссис Кэсуэлл, чтобы она не заметила, как он краснеет. Схватив пропуск, он поспешил за дверь.

В отличие от других мальчишек в туалете Джейми старался не задерживаться. Спешил вернуться в класс, чтобы слушать мелодичный голос миссис Кэсуэлл, наблюдать, как грациозно она ходит по классу.

Когда он вышел из туалета, в конце коридора появились трое взрослых.

Они вошли через дверь, которая вела на автомобильную стоянку. Мужчина в охотничьем костюме, женщина в домашнем халате, мужчина в брюках цвета хаки и бордовом свитере. Странное трио.

Джейми подождал, пропуская их: похоже, они так торопились, что могли сбить его с ног. А потом он предполагал, что они спросят, где найти директора, или медсестру, или кого-то из учителей, и Джейми с радостью бы им помог. Поравнявшись с ним, все трое повернулись к мальчику.

И он попал в кабалу.

Глава 11

Растение жило в четырех Хозяевах.

И рассчитывало, что к вечеру счет пойдет на тысячи.

Четырьмя своими частями оно двинулось к классу, в который возвращался Джейми Уэтли.

По прошествии года или двух, после того как все население Земли стало бы частью Растения, после кровавой резни и хаоса, начало которым положил бы День освобождения, всепланетная общность сохранялась бы лишь несколько недель, чтобы засвидетельствовать развал человеческой цивилизации.

Потом Растение намеревалось создать новую оболочку, упрятать в нее часть себя и покинуть Землю. Вернувшись в межзвездный вакуум, оно дрейфовало бы десятки тысяч, даже миллионы лет, пока не нашло еще одну подходящую планету, что-

бы опуститься на нее и ждать контакта с представителем доминирующего разумного вида.

Во время долгого космического путешествия Растение поддерживало бы связь с миллиардами частей себя, оставшимися на Земле до тех пор, пока будут живы Хозяева, в которых они обитали. То есть окончательно оно покинуло бы планету лишь в момент смерти последнего человеческого существа, хотя момент этот, возможно, будет отстоять на сотню лет от Дня освобождения.

Растение добралось до двери класса Лауры Кэсуэлл.

Разумы Кэсуэлла и Джейми Уэтли, пылающие злостью и страхом, попытались расплавить стягивающие их оковы, и Растению пришлось на мгновение притормозить, чтобы охладить их и восстановить полный контроль. Их тела дергались, с губ срывались бессвязные звуки, словно они пытались предупредить находящихся в классе о грядущей опасности. Растение просто поражал их мятежный дух; с нулевыми шансами на успех, они тем не менее продолжали отчаянное сопротивление. С такими существами сталкиваться ему еще не доводилось.

Изучая мысленные процессы Джека и Джейми, Растение выяснило, что их яростное сопротивление обусловлено страхом не за себя, а за Лауру Кэсуэлл, учительницу одного и жену другого. Оба любили ее, и чистота этой любви давала им силы сопротивляться.

Любопытно.

Концепция любви существовала у десятка видов разумных существ, которые Растение уничтожило на других планетах, но только у людей любовь проявлялась с такой невероятной силой. Пожалуй, впервые Растение пришло к выводу, что сила воли разумного существа — не единственный важный инструмент установления вселенского порядка; эту функцию выполняла и любовь.

И разумные существа, обладавшие сильной волей и развитой способностью любить, являлись самыми опасными противниками хаоса.

Опасными, но не очень. Растению они противостоять не могли, так что до полного покорения Пайн-Риджа оставалось двадцать четыре часа.

Растение открыло дверь. Четверо вошли в класс.

Глава 12

Лаура Кэсуэлл удивилась, увидев своего мужа, входящего в дверь в компании матери Ричи Холлиуэлла, старого мерзавца Тила Пливера и Джейми. Потом осознала, что Джек идет, действительно идет, не волочит ноги, с трудом переставляя их, а идет, как здоровый человек.

Прежде чем она полностью осознала случившуюся с ним метаморфозу, прежде чем успела спросить, что случилось, в классе начало твориться что-то невероятное. Джейми Уэтли протянул руки к Томми Элбертсону, и отвратительные, черные, похожие на червяков щупальца вырвались из его пальцев. Обхватили Томми, а когда мальчик в испуге закричал, еще более мерзкий, прямо-таки толстая змея, отросток выдвинулся из груди Джейми и погрузился в грудь Томми, связав их воедино.

Дети вскакивали, кричали, пытались убежать, но на них набрасывались и заставляли замолчать. Черные черви и змеи полезли из миссис Холлиуэлл, Пливера и Джека. Еще трое учеников Лауры попали в плен. А несколько секунд спустя Томми Элбертсон и трое пленников уже присоединились к атакующим: вылезающие из них черви и змеи потянулись к тем, кто еще оставался на свободе.

Мисс Гарнер, которая вела урок в соседнем классе, заглянула в дверь, чтобы понять, с чего такой шум. Ее пленили до того, как она успела вскрикнуть.

Не прошло и минуты, как Растение установило контроль над всем классом, за исключением четверых насмерть перепуганных детей — в том числе и сына Джейн Холлиуэлл, Ричи,— которые прижались к Лауре. Двое онемели от ужаса, двое плакали. Она затолкала детей в угол и встала между ними и чудовищем, которое пришло по их души.

Пятнадцать плененных детей, Пливер, миссис Холлиуэлл, мисс Гарнер и Джек хищно смотрели на нее. Какое-то мгновение все молчали. В их глазах Лаура видела не только отражение мучений, которые испытывали их захваченные души, но и нечеловеческую жажду власти существа, взявшего их под контроль.

У Лауры защемило сердце при мысли о поблескивающей черной твари, поселившейся в груди Джека, но она не испы-

тывала замешательства, не говорила себе, что такого просто не может быть, поскольку видела не один фильм, готовящий мир к такому вот кошмару. *«Захватчики с Марса». «Похитители тел». «Война миров».* Она сразу поняла, что тварь со звезд добралась-таки до Земли.

Вопрос состоял в том, удастся ли ее остановить... и как?

До Лауры вдруг дошло, что она держит в руке указку, как меч, а девятнадцать пленников инопланетной твари словно боятся его, не смея перейти в решительное наступление. Глупость. Тем не менее опускать указку она не стала, наоборот, описала ею полукруг, словно выбирая, куда нанести удар.

Лаура поморщилась, заметив, как дрожит ее рука. Ей только оставалось надеяться, что четверо детей за ее спиной не подозревают о том, что она в ужасе.

— Не подходите,— предупредила она.

Девятнадцать человек шагнули к ней.

На лбу Лауры выступили бисеринки пота.

Миссис Холлиуэлл, Джек и Джейми сделали еще по шагу.

Но тут выяснилось, что контролируются они не столь хорошо, как остальные, потому что их начали сотрясать мышечные судороги. «Н-е-е-т»,— нечеловеческим голосом промычал Джек. А Джейн Холлиуэлл шептала: «Пожалуйста, пожалуйста»,— и мотала головой, будто отказываясь подчиняться полученным приказам. Джейми же дрожал всем телом и шарил руками по голове, словно пытался поймать и вытащить тварь, сидевшую внутри.

Почему этих троих выбрали для завершения столь успешно начатой операции захвата тех, кто находился в классе? Почему не других?

Мозг Лауры лихорадочно работал, чувствуя, что каким-то образом она еще может обратить ситуацию в свою пользу, но, к сожалению, не зная, что для этого нужно сделать. Возможно, тварь, сидящая в Джейн Холлиуэлл, хотела, чтобы именно мать захватила своего сына, который сейчас прятался за юбку Лауры, дабы проверить степень контроля, установленного над женщиной. И по той же причине стремилась, чтобы именно Джек поставил на колени свою жену. Что же касалось бедного Джейми... Лаура, конечно, знала, что мальчик безнадежно в нее

влюблен, следовательно, проверяли и его, чтобы понять, сможет ли он напасть на человека, которого любит.

Но если это проверка, значит, их нынешний господин не уверен, что они в полной его власти. А пока он сомневался, у жертв оставалась надежда.

Глава 13

Растение впечатлило сопротивление, которое оказывали ему трое из Хозяев, когда пришел черед их близких.

Мать пришла в ярость при мысли о том, что собственными руками вселит в сына частицу своего нового повелителя. Она рвала узы, сковывающие рассудок, яростно боролась за контроль над телом. У Растения определенно возникли проблемы, но оно сдавило рассудок миссис Холлиуэлл, загнало в темные глубины сознания и оставило там, придавив тяжелыми камнями.

Джейми Уэтли доставил не меньше хлопот, его поведение мотивировалось чистой щенячьей любовью. Но Растение полностью восстановило контроль над телом мальчика, судороги прекратились, он двинулся к женщине и детям, забившимся в угол.

Муж, Джек Кэсуэлл, оказался самым крепким орешком, ибо его воля была сильнее, чем у всех. Он отчаянно боролся со своим заточением, погнул прутья решетки камеры, в которую Растение загнало его разум, и с радостью покончил бы с собой, лишь бы не помогать Растению завладеть Лаурой Кэсуэлл. Более минуты он сопротивлялся приказам, в какой-то момент уже казалось, что вырвался из-под контроля, но наконец Растение спеленало его волю по рукам и ногам.

С остальными четырнадцатью детьми никаких трудностей не возникало, хотя и они пытались сопротивляться. Когда учительница отступила в угол, а трое избранных Хозяев двинулись к ней, горячая волна ярости выплеснулась из каждого ребенка, ибо все они любили миссис Кэсуэлл и не хотели, чтобы она разделила их участь. Растение тут же крепко ударило по их сознанию, и попытки освободиться угасли, как искры на ледяном ветру.

Следуя указаниям Растения, Джек Кэсуэлл направился к своей жене. Отобрал у нее указку, отбросил в сторону.

Растение вырвалось из пальцев Джека, схватило Лауру и держало, хотя она изо всех сил старалась высвободиться. Открыв рот своего Хозяина, Растение выпустило толстую трубу, которая вонзилась в грудь женщины.

Глава 14

Нет!

Лаура чувствовала, как тварь ползет по нервам, забирается в мозг, и отчаянно боролась с ней. С решительностью, какую она проявляла, заставляя Джека ходить, с безграничным терпением, какое выказывала, обучая детей, с непоколебимой уверенностью в себе и в правоте своего дела, она противостояла твари на всех фронтах. Когда тварь пыталась стянуть ее разум веревками психической энергии, Лаура рвала их и отбрасывала прочь. Когда хотела загнать ее рассудок в темные глубины и похоронить под грудой психических камней, вырывалась на поверхность. Она ощутила изумление твари и воспользовалась этим обстоятельством, переместившись в ее рассудок, набирая информацию. В мгновение ока поняла, что тварь пребывает в мозгу всех своих Хозяев одновременно, поэтому нырнула в мозг Джека и нашла его...

— *Я люблю тебя, Джек, я люблю тебя больше, чем жизнь...*

И она порвала его ментальные оковы, набросившись на них так же энергично, как помогала Джеку заниматься лечебной гимнастикой. Продвигаясь по психической сети, которой Растение соединило своих Хозяев, нашла Джейми Уэтли...

— *Ты очень милый мальчик, Джейми, самый милый, и я всегда хотела сказать тебе, что не важно, кто у тебя родители, не важно, что они злобные, эгоистичные алкоголики. Главное в том, что у тебя есть возможность стать лучше, чем они, ты обладаешь способностью любить, учиться, познавать радости полноценной жизни...*

Теперь Растение отчаянно сопротивлялось атаке, пытаясь загнать Лауру в ее тело, выдавить из рассудков остальных. Однако, несмотря на опыт, накопленный за миллиарды лет, несмотря на обширные познания, приобретенные благодаря уничтожению сотен цивилизаций, эта задача оказалась непосильной. Лаура оценила потенциал Растения и пришла к выводу, что никакой это не суперразум, потому что оно не нуждалось в любви, не могло дарить любовь. Решила, что его воля всегда будет слабее воли человека, ибо люди могли любить, и любовь служила той силой, что побуждала их бороться, строить порядок из хаоса, улучшать жизнь для любимых. Любовь укрепляла волю и придавала ей невероятную силу. Какие-то разумные существа, возможно, и приняли бы такого повелителя, как Растение, с распростертыми объятиями, поскольку он предлагал им одну цель, один закон. Но для человечества господство Растения было равносильно смерти...

— *Томми, ты сможешь освободиться, если подумаешь о своей сестре Эдне, потому что я знаю, что ты любишь Эдну больше всех на свете; и ты, Мелисса, ты должна подумать о своих отце и матери, потому что они очень тебя любят, потому что чуть не потеряли тебя совсем маленькой (ты это знала?), а потеряв тебя, они умрут; и ты, Элен, милая девочка, я люблю тебя, как собственную дочь, ты всегда заботишься о других, и я знаю, что ты сможешь вышвырнуть из себя эту тварь, потому что в тебе так много любви; и ты, Джейн Холлиуэлл, я знаю, что ты любишь своего сына и своего мужа, потому что твоя любовь к Ричи видна в той уверенности, с которой он идет по жизни, тех учтивости и вежливости, которым ты его обучила; и ты, Джимми Корман, да, с твоих губ частенько слетают грубые слова, и ты то и дело пускаешь в ход кулаки, но я знаю, как ты любишь своего брата Гарри и как печалишься из-за того, что Гарри родился с деформированной рукой, ты бы защищал его до последней капли крови, вот и обрати любовь к Гарри против этой твари, Растения, и уничтожь его, не позволяй ему подчинить себя, потому что после тебя оно доберется и до Гарри...*

Лаура шла по классу среди захваченных детей и взрослых, прикасалась, обнимала, пожимала руку, смотрела в глаза, использовала силу любви, чтобы вывести их из темноты на свет.

Глава 15

Разрывая сдерживающие его разум оковы, выдавливая из себя Растение, Джейми Уэтли почувствовал, как голова у него идет кругом, и на мгновение даже потерял сознание, но успел

прийти в себя и не повалился на пол. Темнота на мгновение окутала рассудок, он покачнулся, колени подогнулись, но сознание вернулось к нему и, схватившись за стол миссис Кэсуэлл, мальчик удержался на ногах.

А оглядев класс, увидел, что с взрослыми и детьми происходило то же, что и с ним. Многие с отвращением смотрели себе под ноги, и Джейми понял, что они разглядывают поблескивающие, влажные, черные отростки Растения, исторгшиеся из них и теперь извивающиеся на полу.

Большая часть инопланетной плоти умирала, некоторые куски просто разлагались, распространяя невыносимый смрад. Но внезапно один из черных отростков превратился в шар размером с футбольный мяч. У него сформировалась блестящая сине-зелено-черная оболочка, а мгновением позже он ракетой взлетел вверх, пробив потолок и обсыпав всех побелкой. Крыша одноэтажного школьного здания тоже не стала для него преградой, и зелено-черный шар через секунду исчез в синем октябрьском небе.

Глава 16

Учителя и школьники прибежали из других классов, чтобы посмотреть, что произошло, позднее подъехала полиция. На следующий день в дом Кэсуэллов среди прочих заглянули офицеры ВВС в форме и государственные чиновники в штатском. Все это время Джек не отходил от Лауры. Обнимал, в крайнем случае, держал за руку, а если их разлучали на несколько минут, постоянно думал о ней, словно эти мысли служили гарантией ее благополучного возвращения к нему.

Наконец шум поутих, репортеры уехали, жизнь вернулась в обычную колею... или близкую к обычной. К Рождеству Джека уже не так часто мучили кошмары, хотя он знал, что понадобятся годы, чтобы окончательно избавиться от страха, который он почувствовал после проникновения Растения в его мозг. В канун Рождества, сидя на полу перед наряженной елкой, попивая вино и грызя орешки, он и Лаура обменялись подарками, поскольку на Рождество они всегда ездили в гости к родственникам и не могли побыть вдвоем. Раскрыв коробочки, они пододвинули кресла к камину.

Какое-то время посидели в молчании, а потом Лаура, допив вино и глядя на языки пламени сказала:

— У меня есть еще один подарок, который я хотела бы в скором времени преподнести.

— Еще один? Но у меня больше нет для тебя подарка.

— Это подарок всему человечеству.

Ее загадочная улыбка заинтриговала Джека. Он наклонился к жене, взял за руку.

— С чего такая таинственность?

— Растение излечило тебя.

Его ноги лежали на подушке такие же здоровые, как и до аварии.

— С паршивой овцы хоть шерсти клок.

— Оно принесло гораздо больше пользы,— ответила Лаура.— В те ужасные мгновения, когда я пыталась изгнать его из своего разума и тела, когда убеждала детей изгнать эту дрянь из их тел, я столкнулась с разумом этого существа, более того, побывала в его разуме. А поскольку заметила, что ты излечился, и предположила, что именно Растение вернуло тебе здоровье, то покопалась в его мыслях, чтобы понять, каким образом оно совершило это чудо.

— Ты хочешь сказать...

— Подожди,— Лаура накрыла руку Джека своей. Соскользнула с кресла, упала на колени, наклонилась к камину, сунула правую руку в пламя.

Джек вскрикнул, схватил ее, потащил назад.

Улыбаясь, Лаура подняла обожженную, в лохмотьях кожи руку, и Джек, еще ахая от ужаса, увидел, что заживление идет полным ходом.

Через несколько мгновений краснота поблекла, пузыри исчезли, поврежденная кожа сменилась новой, рука стала абсолютно здоровой.

— Эта сила живет в нас,— продолжила Лаура.— Мы только должны научиться использовать ее. Прошедшие два месяца я этому училась и теперь готова учить других. Ты будешь первым, потом мои ученики, за ними — весь мир.

Джек в изумлении смотрел на нее.

Она радостно рассмеялась и бросилась в объятия мужу.

— Учиться нелегко, Джексон. Ой как нелегко! Трудно. Очень трудно. Ты и представить себе не можешь, сколько ночей я просидела, пока ты спал, пытаясь применить на практике то, что узнала от Растения. Иногда мне казалось, что моя голова вот-вот разорвется от прилагаемых усилий. Попытки овладеть талантом целителя изматывали донельзя. Случалось, что меня охватывало отчаяние. Но я научилась.

И другие смогут научиться. Какой бы ценой мне это ни далось, я знаю, что смогу научить их. Знаю, что смогу, Джек.

Взгляд Джека переполняли любовь и восхищение.

— Да, я тоже знаю, что сможешь. Я знаю, что ты любого можешь научить чему угодно. Ты — величайший учитель всех времен и народов.

— Мисс Аттила,— кивнула она и поцеловала мужа.

ВНИЗ, В ТЕМНОТУ

Глава 1

Темное живет даже в лучших из нас. В худших темное не просто живет, но правит.

И хотя я иногда впускал в себя тьму, королевства в моей душе ей создать не удалось. В это мне хочется верить. Мне представляется, что в принципе я — хороший человек: тружусь не покладая рук, любящий и верный муж, строгий, но заботливый отец.

Однако, если я еще раз спущусь в подвал, мне более не удастся контролировать живущее во мне зло. Если я еще раз пройду по этим ступеням, то навсегда останусь в мире холодного мрака и никогда более не выйду на свет.

Но искушение велико.

Впервые я обнаружил дверь в подвал через два часа после того, как мы подписали все бумаги, перечислили деньги и получили ключи.

Дверь была на кухне, в углу за холодильником: сдвигаемая панель, темная, как и все прочие двери в доме, с ручкой-рычагом, а не обычной поворачиваемой рукояткой. Какое-то время я в недоумении таращился на нее, поскольку точно знал, что раньше этой двери не было.

Поначалу я подумал, что нашел кладовую. Когда открыл, удивился, увидев ступени, уходящие вниз, в чернильную тьму. В подвал без окон.

В Южной Калифорнии практически все дома, начиная от дешевых, с картонными стенами, до стоящих многие миллионы долларов, строятся на бетонной плите. Подвалов в них нет. Многие десятилетия этот проект считался оптимальным. Почвы здесь в основном песчаные, скального основания у поверхности днем с огнем не найти. В местности, подверженной землетрясениям и оползням, подвал с бетонными стенами — центр напряженности в силовом каркасе, отчего даже при слабом землетрясении здание может сложиться, как карточный домик.

Наш новый дом был не из дешевых, но и не особняк, однако построили его с подвалом. Агент по торговле недвижимостью, показывавший нам дом, об этом не упомянул. Да и мы при первом осмотре ничего не заметили.

Поначалу, глядя на лестницу, я почувствовал любопытство, потом мне стало как-то не по себе. Прямо за дверью к стене крепился выключатель. Я щелкнул им раз, другой, третий. Свет внизу так и не зажегся.

Оставив дверь открытой, я отправился на поиски Кармен. Нашел ее в большой ванной, где она, широко улыбаясь, восхищенно смотрела на изумрудную плитку и раковины от «Шерл Вагнер» с золочеными кранами.

— О Джесс, как здесь красиво! Просто великолепно! Маленькой девочкой я даже не мечтала, что когда-нибудь буду жить в таком доме. Надеялась разве что на бунгало вроде тех, что строили в сороковые годы. А это дворец. И мне придется учиться королевским манерам.

— Это не дворец,— ответил я.— Нужно быть Рокфеллером, чтобы позволить себе дворец в округе Ориндж*. А если бы он и был дворцом, тебе бы ничему не пришлось учиться. Ты всегда держалась как королева.

Она обняла меня.

---

* Расположен в Южной Калифорнии между побережьем Тихого океана и Кливлендским лесным заповедником. Один из крупнейших в США, с населением более 2 миллионов человек.

— Мы прошли долгий путь, не так ли?

— И мы пойдем дальше, крошка.

— Я даже боюсь, знаешь ли.

— Не говори глупостей.

— Джесс, дорогой, я всего лишь повариха, посудомойка, мои родители жили в трущобах на окраине Мехико. Да, ради этого дома мы столько лет вкалывали не разгибая спины, но теперь мы здесь, и мне кажется, что все изменилось в один миг.

— Поверь мне, крошка, скоро тебя будут принимать в Ньюпорт-Бич как свою. Ты от природы светская львица.

«Господи, как я ее люблю,— подумал я.— *Семнадцать лет совместной жизни, а для меня она все еще девушка, ослепительно красивая, привлекательная, удивительная».*

— Слушай, чуть не забыл. Ты знаешь, что у нас есть подвал?

Кармен недоуменно вскинула на меня глаза.

— Это правда.

Улыбаясь, ожидая подвоха, она спросила:

— Да? Прямо под нами? С королевской сокровищницей, забитой алмазами и изумрудами? Может, там нашлось место и темнице?

— Пойдем посмотрим.

Она последовала за мной на кухню.

Дверь исчезла.

Какие-то мгновения я тупо смотрел на гладкую стену.

— Это шутка? — полюбопытствовала она.

Язык у меня ворочался с трудом, но мне удалось пробормотать:

— Какая шутка? Здесь была... дверь.

Она указала на прямоугольник окна, «нарисованный» на глухой стене солнечным светом.

— Ты, наверное, принял за дверь прямоугольник солнечного света, падающий на стену через окно. Отдаленно он действительно напоминает дверь.

— Нет. Нет... здесь была...— Качая головой, я провел рукой по согретой солнцем штукатурке, но и на ощупь не нашел контуров уже не видимой глазу двери.

Кармен нахмурилась.

— Джесс, что с тобой?

Я взглянул на нее и понял, о чем она думает. Этот дом очень хорош, и даже трудно поверить, что он действительно наш, а Кармен достаточно суеверна, чтобы задаться вопросом, не ждет ли семью большая трагедия, чтобы уравновесить свалившееся на нее счастье? Слишком много работы, постоянные стрессы — вот вам и нарушение психики со зрительными галлюцинациями и разговорами о несуществующих подвалах... Судьба часто подбрасывает такую свинью, чтобы жизнь не казалась раем.

— Ты права.— Я выдавил из себя смешок.— Я увидел прямоугольник света на стене и принял его за дверь. Приглядываться не стал. Сразу побежал к тебе. С этим новым домом поневоле будет мерещиться черт знает что.

Она посмотрела на меня, улыбнулась.

— Мерещиться... пожалуй.

К счастью, я не успел сказать Кармен, что открыл дверь. И увидел ведущие вниз ступени.

В нашем новом доме в Лагуна-Бич пять больших спален, четыре ванные, гостиная с массивным каменным камином. Кухня впечатляет и размерами, и оборудованием: плиты с двойными духовками, две микроволновки, ростер для подогрева оладий или рогаликов, два вместительных холодильника «Саб зеро». Теплое калифорнийское солнце вливается в огромные окна, из которых открывался прекрасный вид: желтые и коралловые цветы на клумбах, красные азалии, пальмы, и вдали — зеленые склоны холмов, между которыми поблескивает на солнце безбрежная гладь Тихого океана.

Да, мы купили не особняк, но дом, заслуживающий слов: *«Дела у Гонзалесов идут неплохо, они отлично устроились»*. Мои родители гордились бы нашим приобретением.

Мария и Рамон, мои отец и мать, в поисках новой жизни перебрались из Мексики в «El Norte»*, землю обетованную. Они дали мне, моим братьям и сестре все, чего могли добиться тяжелым трудом и самопожертвованием. Мы получили высшее образование и теперь один мой брат — адвокат, второй — врач, а сестра — профессор английского языка в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе.

* Север *(исп.)*, то есть в США.

Я выбрал карьеру бизнесмена. Нам с Кармен принадлежал ресторан. Я решал деловые вопросы, Кармен потчевала гостей уникальными блюдами мексиканской кухни. Мы работали по двенадцать часов в день, семь дней в неделю. Наши трое детей, подрастая, становились официантами. С каждым годом наше семейное предприятие все больше процветало, но давалось это нелегко. Америка не обещает легкого богатства. Только возможности. Мы ими воспользовались, но, чтобы реализовать их, пришлось пролить океан пота. Однако результата мы добились неплохого: покупая дом в Лагуна-Бич, смогли заплатить за него наличными. В шутку мы так его и прозвали: «Casa Sudor» — Дом пота.

Это был огромный дом. И прекрасный.

Со всем необходимым. Даже подвалом с исчезающей дверью.

Ранее дом принадлежал некому мистеру Нгуену Куанг Фу. Наш риэлтор, Нэнси Кифер, полная говорливая женщина средних лет, сообщила нам, что Фу — вьетнамский беженец, один из тех смельчаков, кто покидал Вьетнам на лодках после падения Сайгона. Счастливо избежав встречи с вьетконговскими пограничными катерами и пиратами, пережив не один шторм, он сумел добраться до Америки.

«В Соединенные Штаты он прибыл с тремя тысячами долларов в золотых монетах и страстным желанием начать новую жизнь,— рассказывала Нэнси Кифер во время первой экскурсии по дому.— Он — очаровательный человек, добившийся фантастических успехов. Действительно фантастических. Вы просто не поверите, в какую сумму он превратил эти три тысячи долларов всего за четырнадцать лет. Вы и представить себе не можете, какие широкие у него деловые интересы. Он владеет акциями множества компаний. Он построил себе новый дом с полезной площадью в четырнадцать тысяч квадратных футов на участке в два акра в Норт-Тастин. Удивительный дом, просто удивительный, вам нужно обязательно на него взглянуть».

Кармен и я решили купить прежний дом Фу площадью в два раза меньшей нового, но казавшийся нам чудом из чудес. Торг оказался недолгим, мы нашли взаимоприемлемое решение и завершили сделку через десять дней, поскольку платили наличными.

Для того чтобы оформить передачу права собственности, мне и Нгуену Куанг Фу не пришлось встречаться лицом к лицу. В этом не было ничего необычного. В отличие от некоторых штатов в Калифорнии при подписании всех бумаг не нужно собирать в одной комнате покупателя, продавца и их адвокатов.

Однако Нэнси Кифер считала необходимым устраивать встречу покупателя и продавца после того, как новые владельцы вселялись в дом, а на счет продавца поступали деньги. Наш дом находился в прекрасном состоянии, но даже у самых лучших домов были слабые места. Вот Нэнси и стремилась к тому, чтобы продавец показал покупателю, в каком стенном шкафу поскрипывают дверцы и какое окно протекает при сильном ливне и боковом ветре. Она договорилась с Фу, что он встретится со мной в нашем доме в среду, 14 мая.

12 мая, в понедельник, мы внесли деньги. А во второй половине дня уже по-хозяйски осматривали дом. Тогда я впервые увидел дверь в подвал.

Во вторник утром я вернулся в дом один, не сказав Кармен, куда еду.

Она думала, что я встречаюсь с Горасом Долкоу, с тем чтобы уговорить его поумерить свои притязания.

Ему принадлежал торговый центр, в котором располагался наш ресторан, а Долкоу относился к тем людям, которые стремятся получать много денег, не ударяя пальцем о палец. Согласно договору об аренде — мы с Кармен, когда подписывали его, были куда как беднее и наивнее,— Долкоу имел право одобрять или не одобрять все изменения, которые мы хотели внести в интерьер. Через шесть лет после открытия мы решили перестроить зал. Проект в двести тысяч долларов только увеличивал стоимость принадлежащего Долкоу торгового центра, но за свою подпись Горас потребовал десять тысяч черным налом. Когда я захотел взять в аренду магазин канцелярских принадлежностей, чтобы расширить ресторан, Долкоу вновь настоял на взятке. Не брезговал он и мелочевкой. Когда мне захотелось заменить парадную дверь, Горас оценил свое разрешение в двести долларов.

Теперь мы хотели поменять вывеску, поставить более красивую, больших размеров, вот я и вел переговоры с Долкоу о

причитающейся ему сумме, не облагаемой никакими налогами. Он не знал о том, что мне стала известна одна любопытная подробность: земля, на которой стоял торговый центр, не принадлежала Долкоу; двадцать лет назад он взял ее в аренду на девяносто девять лет, а потому чувствовал себя на ней хозяином. Торгуясь с ним о размере взятки, я одновременно вел секретные переговоры о покупке участка земли, на котором располагался торговый центр. После их успешного завершения уже не он держал бы меня за горло договором об аренде, а я — его. Он все еще видел во мне невежественного мексиканца, пусть родившегося в Америке, но все равно мексиканца; думал, что мне повезло в ресторанном бизнесе, но только повезло. Ум и трудолюбие, по его мнению, среди моих достоинств не числились. Конечно, это был не тот случай, когда маленькая рыбка проглатывала большую, но я надеялся установить статус-кво, при котором Долкоу будет кусать локти от ярости, но ничего не сможет со мной сделать.

Эти сложные переговоры, которые уже продолжались некоторое время, и послужили убедительным предлогом, позволившим мне покинуть ресторан во вторник утром. Кармен я сказал, что у меня встреча с Долкоу. А на самом деле я прямиком поехал в наш новый дом, снедаемый чувством вины за то, что солгал любимой жене.

Когда я вошел на кухню, дверь была на прежнем месте. Не прямоугольник света. Не галлюцинация. Настоящая дверь.

Я повернул ручку-рычаг.

За дверью ступени вели в темноту.

— Какого черта? — вырвалось у меня. Мой голос эхом вернулся ко мне, словно отразившись от дна, расположенного в тысяче миль.

Выключатель не работал, как и в прошлый раз.

Но я принес с собой ручной фонарь. Зажег его.

Переступил порог.

Деревянная площадка громко заскрипела. Доски были старые, некрашеные, в выбоинах, каких-то желтых пятнах. Штукатурка на стенах потрескалась. Казалось, и площадку, и лестницу, и стены построили гораздо раньше самого дома и подвал не являлся его частью.

Я поставил ногу на первую ступеньку, и тут страшная мысль пришла мне в голову: вдруг дверь закроет сквозняком? А потом она исчезнет, как вчера, оставив меня в подвале?

Я вернулся, чтобы найти что-то тяжелое и закрепить дверь. Мебели в доме не было, но в гараже я нашел лом, который пришелся очень кстати.

Вновь встав на верхней ступеньке, я направил фонарь вниз, но луч если и осветил, то всего двенадцать ступеней. Темнота ниже казалась неестественно черной. И плотной. Словно подвал наполнял не воздух, а, скажем, нефть. Темнота эта впитывала в себя свет. Пробить ее он не мог.

Я спустился на две ступени и увидел две новые. Спустился на четыре, и моим глазам открылись еще четыре.

Шесть ступеней позади, одна подо мной, двенадцать впереди — всего девятнадцать.

Сколько обычно ступенек на лестнице в подвал? Десять? Двенадцать?

Уж точно не так много.

Быстро, без остановки, я спустился еще на шесть ступеней. Когда остановился, увидел перед собой те же двенадцать. Доски из сухого, старого дерева. Тут и там блестели головки гвоздей. На стенах — та же потрескавшаяся штукатурка.

Не на шутку встревожившись, я посмотрел на дверь, от которой меня отделяли тринадцать ступенек и площадка. Теплый солнечный свет, который заливал кухню, так и манил к себе... и казался ужасно далеким.

Начали потеть руки. Я вытер о брюки левую ладонь, переложил в нее фонарь, вытер правую.

В воздухе стоял легкий аромат лайма, сквозь который пробивались запахи плесени и гнили.

Я спустился еще на шесть ступеней, на восемь, еще на восемь, на шесть.

Теперь за моей спиной осталась сорок одна ступенька, а впереди луч фонаря выхватывал из темноты все те же двенадцать.

Каждая была высотой в десять дюймов, то есть я спустился примерно на три этажа. В обычный подвал такая длинная лестница вести не могла.

Я сказал себе, что тут, возможно, бомбоубежище, но уже знал, что обманываю себя.

Однако подниматься не собирался. Мы, черт побери, купили этот дом, выложили за него немалые деньги, заработанные тяжелым трудом, и имели право знать, что находится у нас под ногами. Кроме того, в возрасте двадцати двух, а потом и двадцати трех лет, вдали от родных и среди врагов, я провел два года в постоянном ужасе и теперь не боялся многого из того, что пугало большинство людей.

Спустившись еще на сто ступенек, я снова остановился, потому что, по моим прикидкам, находился десятью этажами ниже уровня земли, а такая веха, конечно же, требовала осмысления. Повернувшись и посмотрев вверх, я увидел светлый прямоугольник двери на кухню размерами с четверть почтовой марки.

Посмотрев вниз, какое-то время изучал восемь деревянных ступенек — восемь вместо привычных двенадцати. По мере того как я спускался ниже, свет фонаря тускнел. Батарейки не садились, причина была не столь прозаичной. Лампочка светила так же ярко, но вот темнота, уж не знаю как, становилась все гуще и поглощала свет на более коротком расстоянии.

Аромат лайма по-прежнему присутствовал, но гнилью пахло все сильнее.

Тишину подземного мира нарушали только звуки моих шагов да становящееся все более тяжелым дыхание. Но, пока я стоял на десятиэтажной глубине, мне показалось, что я услышал еще какие-то звуки, доносящиеся снизу.

Я затаил дыхание и прислушался. Вроде бы до меня донеслись какие-то стоны и всплески, но полной уверенности не было. Звуки эти, очень слабые, быстро пропали. Вполне возможно, они мне просто послышались.

Спустившись еще на десять ступенек, я наконец добрался до площадки, где обнаружил две арки в противоположных стенах. Дверей не было, за каждой аркой тянулся короткий каменный коридор. Я выбрал арку по левую руку, прошел коридором пятнадцать футов и нашел новую лестницу, которая уходила вниз под прямым углом к ступеням, по которым я спустился.

Здесь запах гнили и разложения чувствовался куда как сильнее. Казалось, где-то ниже свалили и оставили кучу овощей.

Вонь эта вызвала давно забытые воспоминания. Я уже сталкивался с этим запахом в лагере для военнопленных, тогда мне было двадцать два года. Нас кормили похлебкой из гнилых овощей, главным образом турнепса, сладкого картофеля. То, что мы не съедали, сбрасывалось в «потный ящик» — яму в земле под жестяной крышей, служившей карцером для провинившихся заключенных. В этой жуткой яме мне пришлось сидеть в гниющей грязи. В этой вони, при страшной жаре, я уже практически убедил себя в том, что умер, а в нос бьет запах собственной разлагающейся плоти.

— Что происходит? — спросил я, не ожидая получить ответ.

Вернувшись к центральной лестнице, я прошел в правую арку. И там коридор заканчивался новой, уходящей вниз лестницей. Из глубин поднимался другой, не менее знакомый мне запах: протухших рыбьих голов.

Нет, не рыбы, а именно рыбьих голов, вроде тех, что иной раз добавляли нам в похлебку. Улыбаясь, охранники стояли и смотрели, с какой жадностью мы ее пожирали. К горлу, конечно же, подкатывала тошнота, но голод не позволял выливать эту дрянь на землю. Иногда мы даже жевали эти чертовы рыбьи головы. Именно это и хотелось увидеть нашим охранникам. Их забавляло наше отвращение к пище, которую нам приходилось есть, а еще больше — отвращение к самим себе.

Я торопливо вернулся к центральной лестнице. Постоял на площадке, непроизвольно дрожа всем телом, стараясь отогнать эти тягостные воспоминания.

К этому времени я уже практически убедил себя, что все это мне почудилось или у меня действительно опухоль в мозгу или какие-то нарушения мозговой деятельности, вызвавшие эти галлюцинации.

Я продолжил спуск и заметил, что радиус действия фонаря еще уменьшился.

Я видел уже только семь ступенек... шесть... пять... четыре...

А вскоре от непроглядной тьмы меня отделяли только два фута.

Черная масса будто вибрировала в ожидании нашей встречи. Мне казалось, что она живая.

Однако до следующей площадки я не добрался, потому что вновь услышал шепот и всплески, от которых по моей коже побежали мурашки.

Я протянул вперед трясущуюся руку. Она исчезла в ледяной тьме.

Сердце билось, как паровой молот, во рту пересохло. Я испуганно вскрикнул и помчался наверх к свету.

Глава 2

В тот вечер, как обычно, я встречал и рассаживал гостей. Даже став успешным бизнесменом, большинство вечеров я провожу в зале своего ресторана, разговариваю с клиентами, играю роль хозяина. Обычно мне это нравится. Многие посетители приходят к нам уже лет десять, они — почетные члены семьи, давние друзья. Но в этот вечер работа меня не радовала, и несколько человек даже спросили, не заболел ли я.

Том Гэтлин, мой бухгалтер, зашел пообедать с женой.

— Господи, Джесс, ты посмотри, какое у тебя лицо. Серое. Тебе давно пора в отпуск. Какой смысл зарабатывать много денег, если их не тратить?

К счастью, обслуживающий персонал в ресторане первоклассный. Помимо Кармен и наших детей, Стейси, Хитер и молодого Джо, у нас работают двадцать два человека, и все они отлично знают свое дело. И хотя я в этот вечер был не в лучшей форме, остальные выкладывались на все сто.

Стейси, Хитер и Джо. Очень американские имена. Забавно. Мои мать и отец, будучи иммигрантами, не желали полностью рвать с привычным им миром и назвали своих детей традиционными мексиканскими именами. Точно так же поступили и родители Кармен: ее братья — Хосе и Хуан, сестра — Эвалина. Меня зовут Хесус Гонсалес. Хесус в Мексике распространенное имя, но несколько лет назад я сменил его на Джесс, хотя и знал, что этим причиняю родителям боль (на испанском это имя произносится как «Хей-сус», тогда как североамериканцы говорят: «Иисус», словно призывают Создателя. И человека с таким именем не принимают за серьезного бизнесмена). Инте-

ресно, что иммигранты во втором поколении, такие как Кармен и я, обычно дают своим детям популярные на тот момент американские имена, словно пытаясь скрыть, сколь недавно их предки сошли с корабля или, как в нашем случае, пересекли Рио-Гранде. Стейси, Хитер и Джо.

Как новообращенные являются самыми ревностными христианами, так нет более ревностных американцев, чем граждане США в первом или втором поколении. Мы отчаянно хотим стать частью этой великой, огромной, безумной страны. В отличие от тех, чьи корни уходят в глубь веков, мы понимаем, какая это благодать — жить под звездами и полосами. Мы также знаем, что за эту благодать надо платить, и иной раз цена высока.

Мне известно об этом, возможно, лучше, чем другим. Я воевал во Вьетнаме.

В меня стреляли. Я убивал врагов.

И попал в плен.

Там я ел суп с протухшими рыбьими головами.

Это часть цены, которую мне пришлось заплатить.

Теперь, думая об этом странном подвале под нашим домом, вспоминая вонь концентрационного лагеря, которой обдало меня внизу, я задался вопросом: а может, я продолжаю расплачиваться? В Америку я вернулся шестнадцать лет назад, истощенный болезнями, с гнилыми зубами. Меня морили голодом, пытали, но не сломили. Кошмары мучили меня многие годы, но в психотерапии я не нуждался. Я прошел через все муки ада, как и многие другие парни, попавшие в концлагеря Северного Вьетнама. Моему телу, конечно, досталось, но с душой мои мучители ничего поделать так и не смогли. Правда, где-то там я потерял веру в Бога, хотя в то время казалось, что невелика потеря. Но, вернувшись, год за годом я все больше забывал случившееся со мной. И уже не сомневался, что все позади. Пока мне не открылась дверь в подвал. Такой подвал не мог быть настоящим, следовательно, оставалось признать, что у меня галлюцинации. Вполне возможно, что по прошествии стольких лет сказалась-таки эмоциональная травма, вызванная пленом и пытками. Я слишком долго подавлял, игнорировал эти мучительные воспоминания, и теперь они сводили меня с ума.

Если это так, то приходилось искать ответ на другой вопрос: а что инициировало этот сбой, почему у меня вдруг поехала

крыша? Покупка дома у вьетнамского беженца? Едва ли. Я не мог понять, каким образом национальность продавца дома могла вызвать короткое замыкание в моем подсознании, сопровождающееся целым букетом галлюцинаций. С другой стороны, с учетом двух лет в концлагере моя психика устойчивостью соперничала с карточным домиком, и малейший толчок мог привести к срыву.

Но, черт побери, я не чувствовал себя безумцем. Я чувствовал себя психически нормальным... испуганным, но полностью контролирующим ситуацию. Галлюцинация была наиболее рациональным объяснением подвалу.

Но я почему-то не сомневался в реальности подземных ступеней, то есть их несовпадение с действительностью имело внешнюю, а не внутреннюю причину.

В восемь вечера прибыл Горас Долкоу с семью гостями, и я на время забыл про подвал. Будучи арендодателем, он полагал, что имеет полное право не платить ни цента за обед в нашем ресторане. Если мы взбрыкивали, он всегда находил способ прижать нас, поэтому приходилось мириться с неизбежным. Долкоу никогда не говорил: «Спасибо», зато всегда находил повод высказать недовольство.

В тот вторник ему не понравились «маргарита»* — мол, мало текилы, чипсы — недостаточно хрустящие, суп с фрикадельками — мало фрикаделек.

Мне хотелось задушить мерзавца. Вместо этого я принес новый коктейль, достаточно крепкий, чтобы обжечь ему горло, и новые чипсы, и блюдо с фрикадельками, чтобы насыпал в тарелку сколько душе угодно.

Той ночью, лежа в постели, я подумывал над тем, чтобы пригласить Долкоу в наш новый дом, затолкать на лестницу, ведущую в подвал, закрыть дверь и оставить его там. Почему-то у меня не было сомнений в том, что в подвале кто-то живет... эта животина находилась лишь в нескольких футах от меня, прячась за тьмой, которую не мог пробить луч фонаря. Так почему бы ей не подняться по ступеням и не познакомиться с Долкоу? После этой встречи мы бы хлопот с ним не знали.

Спал я плохо.

---

* Популярный в юго-западных штатах мексиканский коктейль из текилы и сока лимона или лайма с добавлением ликера.

Глава 3

В среду утром, 14 мая, я вернулся в наш новый дом, чтобы пройтись по нему с прежним владельцем, Нгуеном Куанг Фу. Я прибыл за час до назначенного срока на случай, что вновь увижу дверь.

Увидел.

Внезапно почувствовал, что должен повернуться спиной к ней, уйти, проигнорировать. Каким-то образом осознал: она исчезнет, если я откажусь ее открывать. Знал и другое: я рискую не только телом, но и душой, если не смогу устоять перед искушением и дальше изучать глубины подвала.

Открытую дверь я вновь подпер ломом.

Спустился в темноту с фонарем в руке.

Десятью этажами ниже остановился на площадке, от которой отходили два коридора. Из левого шел запах гниющих овощей, из правого — тухлых рыбьих голов.

Я обратил внимание, что темнота густеет не столь сильно, как днем раньше, поэтому у меня появилась возможность спуститься ниже. Темнота словно лучше узнала меня и соглашалась открыть ранее не ведомую мне часть своих владений.

Пятьдесят или шестьдесят ступеней привели меня к следующей площадке.

Тоже с двумя арками.

Сначала я исследовал левую. Короткий коридор привел к лестнице, которая уходила в пульсирующую, густую, зловещую тьму, непроницаемую для света, как нефть. Луч моего фонаря не мог ее пробить, лишь рисовал белый круг на ее поверхности, словно свет падал на глухую стену. Темнота в этом круге чуть поблескивала. Однако я знал, что это не нефть или другая жидкость. Я видел перед собой конденсат тьмы, выпаренный из миллиона ночей, миллиарда теней. Темнота — это состояние, не субстанция, а потому выпарить ее невозможно. Однако пространство ниже меня заполнял конденсат, чистый и древний, концентрат ночи, концентрат межзвездного пространства, загущенный до состояния сиропа. И он излучал зло.

Я попятился, вернулся к главной лестнице. Не стал исследовать ступени в правом коридоре, потому что и так знал, что наткнусь на такой же конденсат.

Продолжил спуск по главной лестнице и практически сразу наткнулся на сконденсированную темноту. Она преграждала мне путь, как стена, как приливная волна. Я стоял в двух ступенях от нее, дрожа от страха.

Наклонился вперед.

Протянул руку к пульсирующей массе темноты.

Холодной на ощупь.

Я наклонился ниже. Кисть исчезла. Граница тьмы была такой четкой, что руку мне словно обрубило по запястье, отсекло, как циркулярной пилой.

В панике я отпрянул. Нет, кисть не отсекло. Она по-прежнему прочно соединялась с рукой. Я пошевелил пальцами.

Глядя в желеобразную тьму, я вдруг понял, что она *знает* о моем присутствии. Я и раньше чувствовал, что эта тьма — зло, но как-то не думал, что она обладает сознанием. Всматриваясь в черную стену, я осознавал, что эта тьма рада видеть меня здесь и готова пригласить в свои глубины, за ту границу, где уже побывала моя кисть, куда уводила лестница. На мгновение мне захотелось принять приглашение, уйти из света в тьму, спускаться все ниже и ниже.

Но потом я подумал о Кармен. О моих дочерях Хитер и Стейси. О моем сыне Джо. О всех людях, которых я любил, которые любили меня. Чары рухнули. Гипноз тьмы более не действовал на меня. Я повернулся и побежал вверх, к яркому прямоугольнику двери на кухню, мои шаги гулко отдавались на узкой лестнице.

Солнечный свет вливался в большие окна. Я убрал лом, закрыл дверь. Мысленно приказал ей: исчезни, но она осталась.

— Я псих! — воскликнул я.— Безумец!

Но знал, что с головой у меня все в порядке.

С ума сошел окружающий меня мир — не я.

Спустя двадцать минут, в назначенный час, прибыл Нгуен Куанг Фу, чтобы рассказать мне об особенностях дома, который мы у него купили. Я встретил его у двери и, едва увидев, сразу понял, откуда взялся этот подвал и каково его предназначение.

— Мистер Гонсалес? — спросил он.

— Да.

— Я — Нгуен Куанг Фу.

Он был не просто Нгуеном Куанг Фу. Он был пыточных дел мастером.

Во Вьетнаме он приказал привязать меня к скамье и больше часа бил по ступням деревянной дубинкой, и каждый удар передавался через кости голеней и бедер, позвоночник и грудную клетку в череп, где взрывался в самой макушке. Связанного по рукам и ногам, он приказал бросить меня в чан, доверху заполненный мочой тех заключенных, которые прошли через эту пытку до меня. Когда я думал, что больше не смогу задерживать дыхание, когда в ушах шумело, когда сердце разрывалось, когда всеми фибрами души я жаждал смерти, меня вытащили на воздух, позволили несколько раз вдохнуть, а потом вновь сунули в это зловоние. Он приказал прикрепить провода к моим яйцам, а потом бессчетное число раз пропускал через них электрический ток. Не в силах что-либо предпринять, я наблюдал, как он до смерти избил моего друга, а другому ножом вырезал глаз за то, что тот обругал солдата, давшего ему миску с рисовой кашей, в которой копошились черви.

Я абсолютно не сомневался в том, что передо мной стоит тот самый палач. Его лицо навсегда осталось в моей памяти, словно отпечаток клейма, раскаленного на огне ненависти. Возраст совершенно на нем не отразился. Выглядел он всего на два или три года старше, хотя с нашей последней встречи прошло больше пятнадцати лет.

— Рад познакомиться с вами,— выдавил я из себя.

— Я тоже,— ответил он, и я пригласил его в дом.

Голос Фу запомнился мне так же хорошо, как и лицо: мягкий, низкий и холодный — голос змеи, если бы она могла говорить.

Мы пожали друг другу руки.

Для вьетнамца он был высокого роста — пять футов и десять дюймов. Длинное лицо, выступающие скулы, острый нос, тонкие губы, глубоко посаженные глаза.

В концентрационном лагере его имени я не знал. Возможно, его и тогда звали Нгуен Куанг Фу. А может, он взял это имя, приехав в Соединенные Штаты.

— Вы купили прекрасный дом,— сказал он.

— Он нам очень нравится,— ответил я.

— Здесь я был счастлив,— он улыбался, кивая, оглядывая пустую гостиную.— Очень счастлив.

Почему он покинул Вьетнам? Он же воевал на стороне победителей. Может, возникли разногласия с кем-то из товарищей? Или государство определило его на тяжелую работу, которая могла подорвать здоровье и свести в могилу раньше времени? А может, вышел в море в утлой лодке, потому что его не назначили на высокую должность?

Причина, заставившая его эмигрировать, для меня ровным счетом ничего не значила. Главное, что он был здесь.

Едва я его увидел и узнал, как понял, что живым он из этого дома не выйдет. Потому что я его не выпущу.

— Особо показывать здесь нечего. В одном шкафу-купе в большой спальне дверца иногда соскакивает с направляющих. И раздвижная лестница на чердак, случается, заедает. Пойдемте, я вам покажу.

— Буду вам очень признателен.

Он меня не узнал.

Наверное, пытал слишком многих, чтобы помнить каждого. Все заключенные, которые страдали и умирали в его изуверских руках, видать, были для него на одно лицо. Палачу без разницы, кого он мучает. Вот и для Нгуена Куанг Фу человек на дыбе ничем не отличался от того, кто висел на ней прежде. Во всяком случае, лиц он точно не запоминал.

Пока мы шли по дому, он называл имена надежных сантехников, электриков, специалистов по системам кондиционирования, живущих неподалеку, а также художника, который сделал витражи в двух комнатах. «Если они разобьются, ремонтировать лучше пригласить того, кто их сделал».

До сих пор не могу понять, как мне удалось сдержаться и не наброситься на него. Более того, ни лицо, ни голос не выдали внутреннего напряжения. Фу и не подозревал, какая над ним нависла опасность, когда он переступил порог нашего дома.

На кухне, после того как он показал мне, где находится рубильник для повторного включения мусоросборника, я спросил, не скапливается ли вода в подвале после ливней.

Он удивленно вскинул на меня глаза. Чуть повысил голос:

— В подвале? Но никакого подвала в доме нет.

Теперь пришел мой черед выражать удивление.

— Конечно же есть. Вот за этой дверью.

Он уставился на дверь.

Увидел ее, как и я.

Я истолковал сие как знак судьбы, убедился, что не делаю ничего дурного, лишь помогаю ей вершить правосудие.

Взяв с разделочного столика фонарь, я открыл дверь.

Со словами, что этой двери не существовало, когда он жил в этом доме, Куанг Фу переступил порог, прошел на площадку. Им двигали изумление и любопытство.

— Выключатель не работает.— Я встал позади него, направил луч вниз.— Впрочем, и так хорошо видно, не правда ли?

— Да... но... как... откуда...

— Неужто вы не знали о существовании подвала? — я хохотнул.— Да перестаньте. Вы шутите или как?

По-прежнему пребывая в изумлении, он спустился на одну ступеньку, вторую.

Я следовал за ним.

Скоро он понял: что-то не так. Ступеньки уходили все ниже, и конца им не было. Фу остановился, повернул голову.

— Странно. Что тут происходит? Как вам удалось...

— Иди,— бросил я.— Вниз. Спускайся дальше, мерзавец.

Он попытался протолкнуться мимо меня к открытой двери на кухню.

Я грубо толкнул его, и Куанг Фу просчитал задом и спиной все ступеньки до первой площадки с арками в боковых стенах. Когда я добрался до него, он еще не пришел в себя. Ему крепко досталось. Из разбитой нижней губы по подбородку текла кровь. Он содрал кожу с правой ладони. И, как мне показалось, сломал руку.

Плача, прижимая руку к груди, Фу посмотрел на меня: в глазах читались боль, страх, недоумение.

Я ненавидел себя за то, что делаю.

Но еще больше ненавидел его.

— В лагере мы звали тебя Змеей. Я тебя узнал. Да, я тебя узнал. Ты нас пытал.

— О господи,— выдохнул он.

Он не попытался возражать, не стал убеждать меня, что я ошибся. Понимал, что такое не забывается, а потому ошибки быть не может. Он знал, кем был, чем занимался и кем стал.

— Эти глаза,— меня колотило от ярости.— Этот голос. Змея. Отвратительная, ползающая на животе тварь. Мерзкая, но очень, очень опасная.

Какое-то время мы молчали. Я просто лишился дара речи, осознав, с какой ювелирной точностью должен работать механизм судьбы, чтобы свести нас здесь и сейчас, в этом месте и в это время.

А вот темнота не молчала. До нас доносились шепот, всплески, от которых волосы у меня встали дыбом. А потом она пришла в движение.

Палач, вдруг оказавшийся в роли жертвы, затравленно оглядывался, переводил взгляд с одной арки на другую, потом посмотрел на ступени, уходящие вниз от площадки, на которой сидел. Страх заставил забыть о боли: он больше не плакал и не стонал.

— Где... где мы?

— Там, где тебе самое место.

Я повернулся к нему спиной, начал подниматься. Не остановился, не оглянулся. Фонарь я оставил ему, потому что хотел, чтобы он видел, кто пришел за ним.

(Темное живет в каждом из нас.)

— Подожди! — крикнул он вслед.

Я не сбавил шага.

— Что это за звуки? — спросил он.

Я продолжал подъем.

— Что будет со мной?

— Не знаю,— ответил я.— Но что бы ни случилось... ты это заслужил.

В нем наконец-то проснулась злость.

— Ты мне не судья!

— Как раз наоборот.

Одолев лестницу, я вышел на кухню, закрыл за собой дверь.

Замка не было. Я просто привалился к ней, дрожа всем телом.

Вероятно, Фу увидел, как что-то поднимается к нему, потому что в ужасе заверещал и стал карабкаться по ступеням.

Я только сильнее придавил дверь плечом.

Он забарабанил по ней с другой стороны.

— Пожалуйста! Пожалуйста, нет. Пожалуйста, ради бога, нет, ради бога, пожалуйста!

Я слышал, как мои друзья, другие военнопленные, также молили этого человека, когда он загонял им под ногти ржавые иголки. Лица погибших стояли перед моим мысленным взором, и только они не позволили мне уступить мольбам Фу.

А кроме его голоса я слышал приближающиеся звуки темноты.

Она поднималась следом за Фу — густая, холодная лава, что-то нашептывая, плещась.

Куанг Фу перестал барабанить в дверь, истошно закричал: темнота добралась до него.

Что-то тяжелое придавило дверь, едва не вышибив ее, потом подалось назад.

Теперь Куанг Фу кричал без перерыва, от этих криков леденела кровь, охватывал ужас. Отдаляющиеся крики, удары ног, цепляющихся за стены и ступени, подсказали, что вьетнамца волокут вниз.

Меня прошиб пот.

Перехватило горло.

Рывком я распахнул дверь, перескочил через порог на площадку. Наверное, я действительно собирался вытащить его на кухню, все-таки спасти. Точно сказать не могу. Но увиденное до такой степени шокировало меня, что я ничего не сделал.

Палача схватила не темнота, а два худющих мужчины, которые вынырнули из нее. Я их узнал. Американские солдаты, умершие от руки Фу в концлагере, когда я там сидел. Они не были моими друзьями, более того, были плохими людьми, любили войну, до того, как попали в плен, любили убивать, а в свободное от службы время спекулировали на черном рынке. Их ледяные, мертвые глаза уставились на меня. Когда рты открылись, вместо слов с губ сорвалось какое-то шипение, и я понял, что говорят не тела, а души, души, закованные в цепи в глубинах этого подвала. Они не могли вырваться из темноты, она отпустила их на чуть-чуть, чтобы они схватили Нгуена Куанг Фу и отволокли вниз.

И пока я наблюдал, они утащили вопящего палача во тьму, которая была их вечным домом. Темнота отступала, ступени открывались, как открывается морское дно при отливе.

Шатаясь, я вышел на кухню, доплелся до раковины. Меня вывернуло наизнанку. Я открыл воду, смыл блевотину. Плеснул водой в лицо. Прополоскал рот. Постоял, тяжело дыша.

Когда повернулся, увидел, что дверь в подвал исчезла. Темнота хотела заполучить Фу. Вот почему появилась дверь. Вот почему открылся путь... в то место, что внизу. Темнота так хотела его заполучить, что не могла дождаться, пока он попадет туда естественным путем, после смерти. Прорубила дверь в этот мир и добралась до него. Теперь он принадлежал ей, и мои контакты со сверхъестественным на том обрывались.

Так я подумал в тот момент.

Я просто не понимал.

Видит бог, я просто не понимал.

Глава 4

Автомобиль Нгуена Куанг Фу, новый белый «мерседес», стоял на подъездной дорожке, невидимый с шоссе. Я сел за руль и отогнал его на стоянку у общественного пляжа. Домой вернулся пешком, а когда полиция начала поиски Фу, заявил, что он к нашему дому не приезжал. Мне поверили. Меня ни в чем не могли заподозрить. Добропорядочный гражданин, многого добившийся упорным трудом, с безупречной репутацией.

В течение трех недель дверь в подвал не появлялась. Страхов у меня заметно поубавилось, я уже без опаски заходил на кухню.

Да, конечно, мне пришлось столкнуться со сверхъестественным, но я надеялся, что больше такого не случится. Множество людей вдруг видят призрака, становятся участниками паранормального события, которое потрясает их до глубины души и заставляет усомниться в законах, по которым вроде бы живет реальный мир, но обычно такое бывает только один раз. Вот я и верил, что больше не увижу дверь в подвал.

А потом Горас Долкоу, наш арендодатель, которому вечно не хватало фрикаделек в супе, прознал о моих секретных переговорах о покупке земли, на которой стоял его торговый центр,

и нанес ответный удар. Сильный удар. У него были связи в политических кругах. Полагаю, он ими и воспользовался, потому что санитарный врач наложил на нас штраф за несуществующие нарушения. Нас ни в чем нельзя было упрекнуть. Наши стандарты качества приготовления пищи и чистоты превосходили установленные департаментом здравоохранения. Вот мы с Кармен и решили обратиться в суд, а не платить штраф. Только мы подали иск, как на нас наложили еще один штраф, на этот раз за нарушение правил противопожарной безопасности. Когда мы заявили, что обратимся в суд с новым иском, кто-то ворвался в ресторан в три часа ночи и устроил погром. Ущерб составил пятьдесят тысяч долларов.

Я понял, что могу выиграть одну битву, но обречен на поражение в войне. Если бы я взял на вооружение беспринципную тактику Гораса Долкоу, если бы начал подкупать чиновников и нанимать бандитов, то есть бороться с ним понятными ему методами, наверное, он на определенных условиях пошел бы на мировую. Однако пусть я не без греха, но не смог заставить себя опуститься до уровня Долкоу.

Возможно, мое нежелание участвовать в грязной игре обусловлено скорее гордостью, чем честью, хотя я бы предпочел верить во второе.

Вчера утром (я пишу это в дневнике, который начал вести с недавних пор) я пошел на поклон к Долкоу. Можно сказать, вполз на пузе в его роскошный кабинет и смиренно пообещал более не предпринимать попыток купить землю, на которой стоял его торговый центр. Я также согласился заплатить ему три тысячи долларов наличными за разрешение сменить вывеску ресторана.

Какой же он был самодовольный, как пренебрежительно говорил со мной. Продержал меня в кабинете больше часа, хотя со всеми делами мы могли управиться за десять минут. Лишь для того, чтобы насладиться моим унижением.

Прошлой ночью я не смог заснуть. Кровать удобная, в доме полная тишина, воздух прохладный, все располагало ко сну, а я лежал и думал о Горасе Долкоу. Мысль о том, что мне до скончания веков придется сидеть у него под каблуком, выводила из себя. Очень мне хотелось найти способ взять его за жабры, но ничего путного в голову не приходило.

Наконец, очень тихо, не разбудив Кармен, я выскользнул из кровати и пошел вниз, чтобы выпить стакан молока, в надежде, что содержащийся в нем кальций меня успокоит. И когда вошел в кухню, думая о Долкоу, увидел дверь.

Я даже испугался, потому что понял, что означает ее столь своевременное появление. Мне требовалось как-то разобраться с Горасом Долкоу, и дверь предлагала кардинальное решение проблемы. Пригласить Долкоу в дом под тем или иным предлогом. Столкнуть в подвал. И позволить темноте разобраться с ним.

Я открыл дверь.

Посмотрел на укутывающую ступени тьму.

Давно уже умершие заключенные, жертвы пыток, ждали там Нгуена Куанг Фу. А кто дожидался Долкоу?

По моему телу пробежала дрожь.

Боялся я не за Долкоу.

За себя.

Внезапно я осознал, что добраться до меня темнота внизу жаждала куда больше, чем до Фу или Долкоу. Ни один из них не был лакомым кусочком. Их все равно ждал ад. Если бы я не отправил Фу в подвал, темнота заполучила бы его после визита смерти. Так и Долкоу после смерти мог попасть только в геенну огненную. Но, подталкивая их навстречу судьбе, я подвергал опасности собственную душу.

Глядя вниз, я слышал, как темнота шепчет мое имя, призывает к себе, обещает вечное блаженство. Такой соблазнительный голос. Такие сладкие посулы. Чаши весов моей души еще колебались, но темноте так хотелось заграбастать ее.

Я чувствовал, что еще недостаточно грешен, чтобы принадлежать тьме. Проделанное с Фу могло рассматриваться как восстановление справедливости, поскольку этот человек не заслуживал награды ни в этом, ни в последующем мирах. И отправив Долкоу в ад, я, пожалуй, не приговорил бы свою душу к вечным мукам.

Но кого еще я мог бы отправить в подвал после Гораса Долкоу?

Скольких и как часто? С каждым разом такое решение будет даваться все легче. Рано или поздно я начну использовать подвал, чтобы избавляться от людей, которые досаждали мне

по мелочам. Вдруг среди них окажутся те, кто заслуживал ада, но еще мог встать на путь исправления? Ускорив их встречу с темнотой, я лишал их возможности изменить свою жизнь и судьбу. Тогда ответственность за муки, которым будут подвергаться их души, легла бы и на меня. Тогда за мной будет числиться слишком много грехов... и темнота поднимется по ступеням, вползет в дом и утащит меня с собой.

Снизу до меня доносился шепот конденсата миллиарда безлунных ночей.

Я попятился, закрыл дверь.

Она не исчезла.

«Долкоу,— в отчаянии думал я,— *почему ты такой мерзавец? Почему заставляешь ненавидеть себя?»*

Темное живет даже в лучших из нас. В худших темное не просто живет, но правит.

Я — хороший человек: тружусь не покладая рук, любящий и верный муж, строгий, но заботливый отец.

Однако я не лишен недостатков и ничто человеческое мне не чуждо, в том числе и желание отомстить. Часть цены, которую мне пришлось заплатить,— смерть моей наивности во Вьетнаме. Там я узнал, что в мире живет большое зло, не абстрактное, а из плоти и крови, и когда злые люди пытали меня, контакт с ними оказался заразным. С тех пор я всегда стремился отомстить за причиненное мне зло.

Я говорю себе, что не посмею постоянно прибегать к легким решениям, которые предлагает подвал. Но где, когда и на ком я остановлюсь? Может, отправив в подвал два десятка мужчин и женщин, я уже ничем не буду отличаться от того же Фу? К примеру, допустим, мы с Кармен поссорились. Неужто в какой-то момент я предложу ей отправиться в экскурсию по подземелью? А если дети разозлят меня, что случается довольно часто? Когда я перейду черту? И не будет ли эта черта постоянно сдвигаться, понижая предел терпимости?

Я — хороший человек.

И хотя иной раз я впускал в себя тьму, королевства в моей душе ей создать еще не удалось.

Я — хороший человек.

Но искушение велико.

Я начал составлять список людей, которые так или иначе осложнили мне жизнь. Разумеется, я не собираюсь им мстить. Список — игра, не более того. Я его составлю, потом порву листок на мелкие кусочки и спущу в унитаз.

Я — хороший человек.

Этот список ничего не значит.

Дверь в подвал навеки останется закрытой.

Никогда больше я не открою ее.

Клянусь в этом всем святым.

Я — хороший человек.

Список длиннее, чем я ожидал.

РУКИ ОЛЛИ

Та июльская ночь выдалась жаркой. Воздух, касающийся ладоней Олли, сообщал ему о дискомфорте городских жителей: миллионы людей мечтали о приходе зимы.

Даже в самую суровую погоду, даже январской ночью на ледяном ветру руки Олли оставались мягкими, теплыми, влажными... и чувствительными. Когда Олли за что-то брался, его удивительные пальцы словно сливались с поверхностью предмета. Когда отпускал — будто вздыхали, сожалея о расставании.

Каждую ночь, независимо от сезона, Олли приходил в темный проулок за рестораном «У Стазника», где рылся в трех мусорных баках в поисках случайно выброшенных столовых приборов. Поскольку Стазник придавал большое значение уровню обслуживания, а цены в ресторане кусались, столовые приборы стоили дорого и усилия Олли не пропадали даром. Каждые две недели ему удавалось набрать полный комплект, который он и относил в один из близлежащих комиссионных магазинов. Вырученных денег хватало на вино.

Выуженные из мусорных баков столовые приборы были главным, но не единственным источником его существования. По-своему Олли был талантливым человеком.

В ту жаркую июльскую ночь его талант прошел серьезную проверку. Придя в проулок, чтобы нащупать в баках ножи, вилки или ложки, он нашел потерявшую сознание девушку.

Она лежала за последним баком на боку, головой к кирпичной стене, закрыв глаза, сложив руки на маленькой груди, словно спящий ребенок. Но дешевенькое, обтягивающее, короткое платье показывало, что она уже не дитя. Бледная плоть чуть высвечивалась в темноте. Большего Олли разглядеть не удалось.

— Мисс? — позвал он, наклонившись.

Она не отреагировала. Не шевельнулась.

Олли опустился рядом с девушкой на колени, тряхнул, но разбудить не смог. Когда перекатил на спину, чтобы разглядеть лицо, что-то задребезжало. Чиркнув спичкой, он увидел стандартный набор наркомана: шприц, закопченную ложку, металлическую кружку, огарок свечи, несколько пакетиков белого порошка, завернутые сначала в пластик, а потом в фольгу.

Олли мог бы оставить девушку и продолжить поиски ложек (не понимал наркоманов, будучи стойким поклонником Бахуса), но пламя спички осветило ее лицо, и содержимое мусорных баков отошло на второй план. Он увидел высокий лоб, широко посаженные глаза, чуть вздернутый, усыпанный веснушками нос, пухлые губы, обещавшие эротические наслаждения и говорившие о детской наивности. Когда спичка погасла и сгустилась темнота, Олли уже знал, что не сможет оставить девушку здесь, потому что никогда в жизни не видел такой красавицы.

— Мисс? — он вновь потряс ее за плечо.

Она не отреагировала.

Олли посмотрел в одну сторону, в другую, не обнаружил кого-либо, кто мог неправильно истолковать его намерения. Убедившись, что они одни, наклонился ниже, положил руку на грудь, почувствовал, что сердце пусть слабо, но бьется, поднес влажную ладонь к носу, уловил легкое дыхание. Девушка жила.

Он поднялся, вытер ладони о мятые, грязные брюки, с сожалением глянул на мусорные баки, в которых наверняка ждала богатая добыча, поднял девушку. Весила она совсем ничего, и Олли понес ее на руках, как жених несет невесту, переступая порог дома, хотя даже не думал о плотской стороне этого ритуала. Сердце гулко билось от непривычной нагрузки, но он донес

свою неожиданную ношу до конца проулка, торопливо пересек пустынную улицу и нырнул в другую.

Десятью минутами позже, открыв дверь, внес девушку в свою квартирку в подвале. Положил на кровать, закрыл дверь, включил подобранную на помойке лампу с газетой вместо абажура, стоящую на столике. Девушка еле заметно, но дышала.

Олли смотрел на нее, гадая, что делать дальше. Ранее он действовал целенаправленно, теперь растерялся.

Раздраженный неспособностью ясно мыслить, вновь вышел на улицу, запер за собой дверь, вернулся в проулок за рестораном. Нашел сумочку, бросил в нее шприц, закопченную ложку, все остальное. Снедаемый тревогой, причину которой понять не мог, зашагал к себе.

О столовых приборах Стазника в мусорных баках Олли забыл начисто.

Присев рядом с кроватью на стул, Олли порылся в сумочке. Достал шприц и свечку, сломал, бросил в мусорное ведро. В ванной разорвал пакетики с героином, высыпал порошок в унитаз, спустил воду. В металлическую чашку девушка ставила свечку, на которой готовила очередную дозу.

Он положил чашку на пол и расплющил несколькими ударами каблука. Вымыл руки, вытер рваным полотенцем с логотипом какого-то отеля, почувствовал себя лучше.

Дыхание девушки стало более частым, прерывистым. Лицо посерело, на лбу выступили капельки пота. Стоя над ней, Олли понял, что она умирает, и испугался.

Сложил руки на груди, запрятав кисти с длинными пальцами под мышки. Мясистые подушечки просто истекали влагой. В принципе он понимал, что его руки способны не только на поиск столовых приборов в грудах мусора, но не хотел признавать за ними таких способностей: опасно.

Он вытащил галлоновую бутыль вина из гардероба, глотнул прямо из горла. Вкусом вино не отличалось от воды.

Олли знал, что вино не поможет снять напряжение. Не поможет, пока на его кровати лежит эта девушка. Пока так трясутся руки.

Отставил бутыль.

Олли терпеть не мог использовать руки на что-либо, кроме как на поиск неких предметов, которые, после конвертации в

деньги, позволяли приобрести вино, но сейчас выбора не было. Включились основные инстинкты. На кровати лежала красавица. Классические черты лица завораживали. Бледная кожа и капельки пота на лбу не умаляли ее красоты. Не в силах оторвать от девушки глаз, он последовал за руками к кровати, словно слепой, ощупывающий препятствия в незнакомой комнате.

Для того чтобы его руки могли эффективно действовать, следовало девушку раздеть. Белья девушка не носила. Груди маленькие, твердые, высокие, талия слишком тонкая, кости на бедрах торчали, хотя на округлости ног недоедание отразилось не слишком. Олли оценивал ее лишь как object d'art*, а не предмет вожделения. К женщинам он был безразличен. До сих пор он жил в асексуальном мире, по которому его вели руки. Любая женщина сразу бы поняла, что руки эти неординарные.

Он коснулся висков девушки, разгладил волосы, подушечками пальцев прошелся по лбу, щекам, нижней челюсти, подбородку. Нащупал пульс на шее, осторожно понажимал на грудь, живот, ноги, отыскивая источник болезни. Вскоре все понял: передозировка. Узнал он и еще одну подробность, в которую не хотелось верить: передозировка сознательная.

Руки болели.

Олли вновь коснулся девушки, ладони описывали плавные круги по телу, он уже не знал, где заканчиваются его руки и начинается ее бархатистая кожа, они сливались воедино. Стали двумя облаками дыма, одно из которых перетекало в другое.

Полчаса спустя девушка уже не пребывала в коме, просто спала.

Осторожно Олли повернул ее на живот, обработал руками спину, плечи, ягодицы, бедра, завершая начатое. Прошелся по позвоночнику, помассировал затылок, заблокировав восприятие ее красоты, сосредоточившись на перекачке энергии от него к ней.

Пятнадцать минут спустя он не просто снял наркотическую зависимость, но полностью и навсегда излечил девушку от пристрастия к наркотикам. Теперь ей становилось бы плохо от одной мысли о том, чтобы уколоться. Он об этом позаботился. Руки позволяли.

---

* Произведение искусства (*фр.*).

Олли откинулся на спинку стула и заснул.

Часом позже вскочил, преследуемый кошмаром, который стерся из памяти. Быстро подошел к двери, обнаружил, что она заперта, выглянул из-за штор в окно. Ожидал, что напорется на чей-то взгляд, но нашел только ночь. Никто не видел, как он использовал свои руки.

Девушка спала.

Укрывая ее простыней, Олли вдруг понял, что даже не знает имени своей гостьи. В сумочке нашел удостоверение личности: Энни Грайс, двадцать шесть лет, незамужняя. Ничего больше: ни адреса, ни имен родственников.

Взялся за стеклянные бусы, но эти маленькие гладкие шарики ничем его не порадовали. Олли решил, что бусы приобретены недавно, поэтому еще не вобрали в себя ауру хозяйки, отложил их.

А вот потрепанный бумажник принес ему массу образов, дал полную картину последних лет жизни Энни: первое приобретение кокаина, первое использование, последующая зависимость, переход к героину, воровство (наркотики стоили денег), работа во все более грязных барах, проституция, которую она называла иначе, чтобы успокоить совесть, наконец, полный отрыв от общества, одиночество и сознательное желание уйти из жизни.

Олли бросил бумажник в сумочку.

Пот бежал по спине ручьем.

Хотелось вина, но в такой ситуации оно не могло принести забвения.

А кроме того, он еще не утолил любопытства. Как вышло, что такая красотка прошла путь, засвидетельствованный бумажником, что находился при Энни Грайс семь последних лет?

Олли нашел в сумочке старинное кольцо (семейное наследство?), подержал в руке, позволил образам войти в него. Поначалу они не имели отношения к Энни. Он видел раннюю историю кольца, его прежних владельцев, поэтому дал команду мозгу перенестись вперед, поближе к нынешним временам. Энни семь лет. Директор сиротского приюта только что передала девочке то немногое, что осталось после пожара, уничтожившего ее дом шестью месяцами раньше. В огне погибли и родители. А потом ее жизнь стала цепочкой печальных событий. Застенчивость сделала ее мишенью более агрессивных сверстников. Робость и скромность в переходном возрасте помешали приобрести друзей. Первый любовный опыт прошел неудачно, и контакта с людьми она стала бояться пуще прежнего. Не имея денег на обучение в колледже, работала продавщицей, переходя из одного магазина в другой, несчастная, замкнутая, одинокая. Одно время пыталась побороть собственную застенчивость отчаянной агрессивностью, но закончилось это знакомством с подонком по имени Бенни. С ним она прожила год и впервые нюхнула кокаина. Собственно, одиночество и жизнь без любви и привели ее к наркотикам.

Кольцо вернулось в сумочку, Олли взял бутыль с вином. Пил, пока не избавился от депрессии: не своей — Энни. Потом заснул.

Разбудила его девушка. Она сидела на кровати, смотрела на него, привалившегося к стене, и кричала.

Олли поднялся, его качнуло, он заморгал, сонно, туго соображая, что к чему.

— Где я? — в ее голосе слышался испуг.— Что ты со мной сделал?

Олли не ответил. Молчание было его спасением. Он давно уже выяснил, что не может говорить с людьми, хотя не был немым. Руки дрожали, потные, розовые. Он покачал головой и нервно улыбнулся, надеясь, что она поймет главное: он только хотел ей помочь.

Вероятно, Энни осознала невинность его намерений, потому что лицо стало не таким испуганным. Хмурясь, она натянула простыню до шеи, чтобы прикрыть наготу.

— Я жива, хотя вколола себе передозу.

Олли улыбнулся, кивнул, вытер ладони о рубашку.

Глаза девушки раскрылись от неподдельного ужаса, когда она смотрела на исколотые иглой вены на руках. То был ужас перед жизнью, ужас перед существованием. Окончательно убедившись, что попытка самоубийства провалилась, она зарыдала, завыла, мотая головой, золотые волосы то и дело закрывали бледное лицо.

Олли быстро подскочил к ней, прикоснулся, усыпил. Протрезвев, направился к окну, выглянул в свет раннего утра, легкой дымкой лежащий на бетонных ступенях, ведущих к двери,

вновь задернул штору, облегченно вздохнув: крики Энни никого не встревожили, не привели к его порогу.

В ванной он плеснул в лицо холодной водой, думая, что делать дальше. Мелькнула мысль, а не отнести ли девушку в проулок, где он ее и нашел, и расстаться с ней навсегда. Но так поступить Олли не мог. Почему — не знал да и не пытался найти логическое объяснение своему поведению: боялся ответа, который мог получить.

Вытирая лицо грязным полотенцем, Олли вдруг осознал, какое жалкое представляет собой зрелище. Принял ванну, побрился, переоделся в чистое. Он по-прежнему выглядел как бродяга, но уже бродяга по выбору, а не по случаю. К примеру, разочаровавшийся в жизни художник. Или, как в некоторых старых фильмах, богач, удравший от наскучивших обязанностей, которые налагали богатство и положение в обществе.

Его удивил столь забавный ход собственных мыслей. Он считал себя человеком заведенного порядка и не жаловал выдумок.

Встревоженный, он отвернулся от своего отражения в зеркале и вернулся в большую комнату, чтобы проверить, как там девушка. Во сне она выглядела такой чистой, такой невинной.

Тремя часами позже, прибравшись в обеих комнатах, Олли сменил на кровати простыни. Даже зная, что это невозможно, подумал о том, чтобы и дальше не будить ее, а ухаживать из года в год, словно она в коматозном состоянии, а он — медицинская сестра. Это было бы счастье, какого он еще не знал в жизни.

Но он уже проголодался и знал, что ей тоже скоро захочется есть. Покинул квартиру, заперев за собой дверь. В двух кварталах, в маленьком продуктовом магазине, покидал в тележку все необходимое. Так много еды за один раз он не покупал никогда.

— Тридцать восемь долларов двенадцать центов,— назвал сумму кассир. Он не скрывал своего пренебрежения. Чувствовал, что Олли не сможет заплатить.

Олли поднял руку, коснулся лба и пристально посмотрел на кассира.

Тот моргнул, смущенно улыбнулся, сжал пальцами воздух.

— Ваши сорок долларов,— он положил несуществующие купюры в соответствующее отделение кассового аппарата, дал Олли сдачу, переложил купленные продукты в пакеты.

Шагая домой, Олли явно чувствовал себя не в своей тарелке, потому что никогда раньше он не использовал свои способности, чтобы кого-то обмануть. Если бы не девушка, прошлой ночью он бы обследовал мусорные баки, возможно, сумел бы полностью собрать еще один комплект столовых приборов, а потом перешел бы к другим способам добывания денег. На станциях подземки он без труда находил оброненные пассажирами монетки, иной раз его нанимали, чтобы что-то разгрузить или перенести. Так что ответственность за обман лежала не только на нем. Тем не менее совершенная кража тяготила его.

Дома он приготовил обед: жаркое, салат, свежие фрукты, и разбудил Энни. Она как-то странно посмотрела на него, когда он указал на накрытый стол. Он чувствовал, как в ней разгорается пожар ужаса. Обвел рукой прибранную комнату, ободряюще улыбнулся.

Девушка села, вновь вспомнила ночь, вспомнила, что уйти из жизни не удалось, и в отчаянии закричала.

Олли умоляюще поднял руки, попытался что-то сказать, не сумел.

Кровь бросилась Энни в лицо, она собралась с силами и попыталась соскочить с кровати.

Ему пришлось прикоснуться к девушке и опять погрузить в сон.

Укрывая ее простыней, он отругал себя за наивность. С чего он взял, что она забудет про все свои страхи, будет вести себя по-другому, увидев, что он принял ванну, переоделся, прибрался в квартире и приготовил обед? Она могла измениться только с его помощью, а вот это требовало времени, немалых усилий... и жертв.

Еду он выбросил. Есть уже не хотелось.

Долгую ночь просидел у кровати, опираясь локтями на колени, положив голову на руки. Подушечки пальцев, казалось, слились с висками, ладони — со щеками. Олли погрузился в разум девушки, чувствовал ее отчаяние, надежды, мечты, честолюбивые замыслы, знания и опыт, доставшиеся дорогой ценой, ошибки, заблуждения, недостатки. Он достиг глубин ее души.

Утром воспользовался туалетом, выпил два стакана воды, дал попить Энни, не выводя из полусна. Вновь нырнул в хаотичный мир ее разума, оставался там, с короткими перерывами, день и

ночь, исследовал, изучал, набирал информацию, бережно и осторожно настраивал ее психику.

Он не задавался вопросом, почему он тратил на девушку столько времени, энергии, эмоций. Возможно, не хотел признаться себе, что основной мотив — замучившее его одиночество. Он сливался с ней, касался ее, изменял, не желая задуматься о последствиях. К следующему рассвету закончил работу.

Вновь наполовину разбудил и дал попить, чтобы уберечь организм Энни от обезвоживания. Потом погрузил в глубокий сон и прилег рядом. Взял ее руку в свою. Вымотанный донельзя, заснул, и ему казалось, что он плывет в огромном океане, песчинка среди волн, и его вот-вот проглотит что-то ужасное, поднимающееся из глубин. Как это ни странно, сон не напугал Олли. И в жизни, так уж сложилось, он постоянно ждал, что его кто-то или что-то проглотит.

Двенадцатью часами позже Олли проснулся, принял душ, побрился, оделся и вновь приготовил обед. Когда разбудил девушку, она снова села, в недоумении огляделась. Но не закричала.

— Где я? — спросила она.

Сухие губы Олли беззвучно задвигались, он мгновенно потерял уверенность в себе, смог лишь обвести рукой комнату, которая теперь вроде бы уже была ей знакома.

На ее лице отразилось любопытство, она еще не знала, как себя держать в незнакомой обстановке, но страх перед жизнью определенно покинул Энни. От этой болезни Олли ее излечил.

— Да, уютное у тебя местечко. Но... как я сюда попала?

Олли облизал губы, поискал слова, не нашел, указал на себя, улыбнулся.

— Ты не можешь говорить? — спросила она.— Ты немой?

Он обдумал ее вопрос, решил, что предложенный ею выход скорее хорош, чем плох, кивнул.

— Бедненький.— Она долго смотрела на синяк на руке, на сотни отметин от иглы, без сомнения, вспомнила передозу, которую тщательно приготовила и ввела в кровь.

Олли откашлялся, указал на стол.

Она велела ему отвернуться. Слезла с кровати, сняла верхнюю простыню, завернулась в нее, как в тогу. Сев за стол, улыбнулась ему.

— Я умираю от голода.

Фея. Она просто очаровала Олли.

Он улыбнулся в ответ. Все шло как по маслу. Поставил еду на стол, знаками дав понять, что повар он так себе.

— Выглядит все очень аппетитно,— заверила его Энни. И начала накладывать еду в свою тарелку. Не произнесла ни слова, пока все не съела.

Попыталась помочь ему убрать со стола, но скоро устала, и ей пришлось вернуться в постель. Когда он закончил и сел на стул рядом с кроватью, она спросила: «Чем ты занимаешься?»

Он пожал плечами.

— Как зарабатываешь на жизнь?

Он подумал о своих руках. Что рассказал бы о них, если бы мог говорить? Пожал плечами, как бы отвечая: *«Ничего особенного»*.

Она оглядела опрятную, но убогую комнатку.

— Нищенствуешь? — Он не ответил, и она решила, что попала в точку.— Как долго я смогу здесь оставаться?

Жестами, выражением лица, движением губ Олли заверил ее, что оставаться она может, пока сама не захочет уйти.

Уяснив это, Энни долго всматривалась в его лицо, потом спросила:

— Нельзя ли уменьшить свет?

Он встал, выключил два из трех рожков люстры. Когда повернулся к кровати, она лежала голая, чуть раздвинув ноги, готовая принять его.

— Послушай, я понимаю, что ты принес меня сюда и ухаживал за мной не за так. Понимаешь? Ты рассчитываешь на... вознаграждение. И ты имеешь полное право его получить.

В замешательстве, раздражении, он взял чистые простыни из стопки в углу и, игнорируя ее предложение, начал перестилать постель, не прикасаясь к девушке. Энни в изумлении таращилась на него, а когда он закончил, сказала, что не хочет спать. Олли не стал настаивать, прикоснулся к ней, и она заснула.

Утром она позавтракала с тем же аппетитом, что выказала прошлым вечером за обедом. Очистив тарелку, спросила, можно ли ей принять ванну. Он мыл посуду под аккомпанемент ее мелодичного голоска, доносившегося из-за двери ванной. Песню, которую она пела, он никогда раньше не слышал.

Она вышла из ванной с чистыми волосами цвета гречишного меда, обнаженная встала у изножия кровати, знаком подозвала его. Выглядела она куда лучше, чем в ту ночь, когда он ее нашел, но определенно могла прибавить несколько фунтов.

Олли отвернулся от нее, уставился на несколько тарелок, которые еще не успел вытереть.

— В чем дело? — спросила Энни.

Он не ответил.

— Ты меня не хочешь?

Он покачал головой: *нет.*

Девушка шумно втянула в себя воздух.

Что-то тяжелое ударило в бедро, вызвав резкую боль. Повернувшись, он увидел, что Энни держит в руке тяжелую стеклянную пепельницу. Ощерив зубы, она шипела на него, как разъяренная кошка. Колотила по плечам пепельницей, кулачком, пинала, визжала. Наконец пепельница выскользнула из рук. Обессиленная, девушка привалилась к его груди, заплакала.

Он обнял ее, чтобы успокоить, но ей хватило сил, чтобы яростно отбросить его руку. Она повернулась, попыталась дойти до кровати, споткнулась, упала, лишилась чувств.

Олли поднял ее и положил на кровать.

Укрыл, сел на стул, дожидаясь, когда Энни придет в себя.

Полчаса спустя она открыла глаза, дрожа всем телом. Комната плыла перед ее глазами. Олли успокоил девушку, откинул волосы с лица, вытер слезы, сделал холодный компресс.

— Ты импотент или как? — спросила она, когда смогла говорить.

Он покачал головой.

— Тогда почему? Я хочу расплатиться с тобой. Так я расплачиваюсь с мужчинами. Больше мне дать нечего.

Он прикоснулся к ней, обнял ее. Мимикой и жестами постарался убедить, что дать она может гораздо больше. Уже дает, просто находясь здесь. Находясь с ним рядом.

Во второй половине дня Олли отправился по магазинам. Купил Энни пижаму, одежду для улицы, газету. Ее позабавил его пуританский выбор: пижаму он принес с длинными рукавами, с длинными штанинами. Она ее надела, потом почитала ему газету: комиксы и жизненные истории. Почему-то она решила, что он не умеет читать, а он не стал ее разубеждать, поскольку

безграмотность соответствовала создаваемому им образу: алкоголики книг не читают.

И потом, ему нравилось слушать, как она читает. Очень уж сладкий у нее был голосок.

Наутро Энни надела новенькие синие джинсы и свитер, чтобы вместе с Олли пойти в продовольственный магазин на углу, хотя он и пытался ее отговорить. На кассе, когда он протянул несуществующую двадцатку и получил сдачу, Энни вроде бы смотрела в другую сторону.

А вот когда шли домой, спросила:

— Как ты это делаешь?

Он изобразил недоумение. *Делаю что?*

— Только не пытайся дурить Энни голову,— ответила она.— Я чуть не вскрикнула, когда кассир схватил воздух и дал тебе сдачу.

Олли промолчал.

— Гипноз? — не унималась Энни.

Он облегченно кивнул. *Да.*

— Ты должен меня научить.

Он не ответил.

Но ее это не остановило.

— Ты должен меня научить этому маленькому фокусу. Если я им овладею, мне больше не придется торговать своим телом, понимаешь? Господи, да он еще и улыбнулся, схватившись за воздух! Как? Как? Научи меня! Ты должен!

Наконец, дома, более не в силах выдерживать ее напор, боясь, что ему достанет глупости рассказать про свои руки, Олли оттолкнул девушку от себя. Она попятилась, уперлась ногами в край кровати, села, удивленная его внезапной злостью.

Больше вопросов не задавала, их отношения вновь наладились. Но все изменилось.

Поскольку Энни больше не могла просить обучить ее гипнозу, у нее появилось время подумать. И поздним вечером она озвучила свои мысли:

— Последний раз я укололась шесть дней назад, но никакой тяги к наркотикам у меня больше нет. А ведь в последние пять лет без этой дряни я не могла прожить и нескольких часов.

Олли развел виноватыми в том руками, показывая, что и он не понимает, как такое могло случиться.

— Ты выбросил мои игрушки?

Он кивнул.

Она помолчала.

— Причина, по которой я больше не нуждаюсь в наркотиках... это ты, что-то, сделанное тобой? Ты меня загипнотизировал и сделал так, что я могу без них обойтись? — Кивок.— Точно так же, как ты заставил кассира увидеть двадцатку?

Он согласился, пальцами и глазами изобразив гипнотизера на сцене, вводящего зрителей в транс.

— Это не гипноз? — Она пристально смотрела на него, и ее взгляд пробивал фасад, которым он давно уже отгородился от людей.— Ты эспер?

«Кто это?» — жестами спросил он.

— Ты знаешь,— покачала головой Энни.— Знаешь.

Наблюдательности, ума у нее оказалось побольше, чем Олли думал.

Она вновь начала наседать на него, только трюк с несуществующей двадцаткой ее больше не интересовал.

— Давай рассказывай! Как давно у тебя эти способности, этот дар? Стыдиться нечего! Это же чудо. Ты должен гордиться! Весь мир у тебя в кулаке!

И пошло-поехало.

Глубокой ночью — Олли так и не смог вспомнить, что именно, какие ее слова, какой аргумент заставил его расколоться,— он согласился показать ей, на что способен. Он нервничал, вытирал свои волшебные руки о рубашку. Очень волновался, совсем как мальчишка, пытающийся произвести впечатление на девочку, которую впервые пригласил на свидание, но также боялся последствий.

Сначала он протянул ей несуществующую двадцатку, заставил увидеть ее, потом растворил в воздухе. Потом, с театральным взмахом руки, оторвал от стола кофейную чашку, сначала пустую, потом полную, от пола — стул, от стола — лампу, от пола кровать, сначала одну, потом с Энни на ней, наконец, себя и летал по комнате, как индийский факир. Девушка хлопала в ладоши и визжала от восторга. Убедила его устроить ей полет на швабре, пусть и в пределах комнаты. Она обнимала его, целовала, требовала новых фокусов. Он пускал воду в раковину, не поворачивая крана, разделял струю на две. Энни выплескивала

на него чашку воды, но вода разделялась на сотни струек, которые летели в разные стороны, не задевая Олли.

— Эй,— девушка раскраснелась, ее глаза сверкали,— теперь никто не сможет помыкать нами, никогда! Никто! — Она приподнялась на цыпочки, обняла его. Он так улыбался, что сводило челюсти.— Ты великолепен!

Он знал, жаждал и одновременно страшился того, что скоро они разделят постель. Скоро. И с того самого момента жизнь его изменится. Энни еще не полностью осознавала его талант, не представляла себе, какой непреодолимой стеной между ними станут его руки.

— Я все-таки не понимаю, почему ты скрываешь свой... дар?

Стремясь, чтобы она поняла, он обратился к воспоминаниям детства, которые так долго подавлял, загоняя в глубины подсознания. Попытался сказать ей сначала словами, которые не срывались с губ, потом жестами, почему ему приходилось скрывать свои способности.

Что-то она уловила.

— Они обижали тебя.

Он кивнул. *Да. Еще как.*

Дар этот проявился у Олли неожиданно, без всякого предупреждения, когда ему исполнилось двенадцать, словно вторичный половой признак в период созревания, поначалу заявил о себе очень скромно, потом — во весь голос. Мальчик, конечно, понимал, что про такое не следует рассказывать взрослым. Долгие месяцы он скрывал свои новые способности и от остальных детей, от самых близких друзей, пугаясь собственных рук, в которых, казалось, сосредоточилась новая сила. Но постепенно начал показывать друзьям, на что способен, его талант стал их общим секретом от мира взрослых. Однако вскоре дети отвергли его, сначала обходились словами, потом начали издеваться, били, пинали, вываливали в грязи, заставляли пить воду из луж — все потому, что своим талантом он отличался от остальных. Олли мог бы использовать свою силу, чтобы противостоять одному, может, двоим, но не всей своре.

На какое-то время он сумел скрыть свои способности, подавить их. Но по прошествии лет понял, что не может держать под спудом свой талант без ущерба для здоровья и психики. Потребность использовать заложенную в нем силу была куда как

сильнее потребности есть, пить, заниматься сексом, даже дышать. Отказ от дара равнялся отказу от жизни. Олли худел, не находил себе места, болел. И пришлось вновь использовать свою силу, но уже в тайне от кого бы то ни было. Олли осознал, что жить ему суждено в одиночестве, пока эта сила будет при нем. Не по выбору — по необходимости. Как атлетические способности или красноречие, талант этот не удалось бы скрыть, находясь среди людей. Он проявлялся всегда неожиданно. А если Олли выдавал себя, друзья уходили, да и последствия могли быть слишком опасные. Вот и оставалась ему жизнь отшельника. И в городе Олли, само собой, стал нищим, одним из тысяч невидимок каменных джунглей: никто его не замечал, никто с ним не дружил, он чувствовал себя в безопасности.

— Я могу понять, что люди завидовали, боялись тебя,— сказала Энни.— Некоторые из них... но не все. Я думаю, ты — великий человек.

Жестами он как мог пытался объясниться. Дважды буркнул, стараясь что-то сказать, но безуспешно.

— Ты читал их мысли,— прервала его Энни.— И что? Полагаю, у каждого есть секреты. Но обижать тебя за то...— она печально покачала головой.— Что ж, больше тебе не придется бежать от своего таланта. Вместе мы сможем обратить его тебе на пользу. Мы вдвоем против всего мира.

Он кивнул. Но уже печалился из-за того, что вселяет в нее ложные надежды, потому что в этот момент произошла *смычка*. Мгновением раньше ее не было, а тут появилась. И он понимал, что и на этот раз все пойдет обычным путем. Узнав про смычку, она сразу запаникует.

В прошлом такое случалось лишь после интимной близости. Но Энни была особенной, ведь смычка произошла еще до того, как они занялись любовью.

На следующий день Энни не один час строила планы на будущее. Олли слушал. Наслаждался возможностью мечтать о том, чего никогда не будет, знал, сколь недолго продлится эта радость. Смычка ставила на радости крест.

После обеда, когда они лежали на кровати, держась за руки, пришла беда, как он и ожидал. Энни долго молчала, о чем-то думая, потом спросила:

— Сегодня ты читал мои мысли?

Лгать смысла не было. Олли кивнул.

— Много?

Да.

— Ты знаешь все до того, как я говорю?

Он молчал, похолодевший, испуганный.

— Ты читал мои мысли весь день?

Он кивнул.

Энни нахмурилась, заговорила тверже:

— Я хочу, чтобы ты это прекратил. Ты прекратил?

Да.

Она села, отпустила его руку, пристально всмотрелась в него.

— Но ты не прекратил. Я чувствую, что ты внутри меня, наблюдаешь за мной.

Олли не решился отреагировать.

Она взяла его за руку.

— Неужели ты не понимаешь? Я чувствую себя такой глупой, что-то лопочу, а ты уже все знаешь, прочитал в моей голове. Я чувствую себя идиоткой, что-то втолковывающей гению.

Он попытался успокоить девушку, сменить тему. Что-то проквакал, словно заколдованная лягушка, жаждущая вернуться в обличье принца*, но вновь обратился к жестам.

— Если бы у нас обоих был этот дар...— продолжила она.— Но он только у тебя, и я чувствую себя... ущербной. А то и хуже. Мне это не нравится.— Она помолчала.— Ты перестал?

Да.

— Ты лжешь, не так ли? Я чувствую... да... я уверена, что могу тебя чувствовать...— Тут до нее дошло, и она отодвинулась от него.— Ты не можешь прекратить читать мои мысли?

Олли не мог объяснить, как появляется смычка: однако стоило ему проникнуться к женщине глубокими чувствами, их разумы каким-то образом соединялись. Он не понимал механизма этого явления, но такое с ним уже случалось. Он не мог объяснить, что теперь она стала продолжением его самого, его частью. Он мог лишь кивать, признавая ужасную правду: *«Я не могу перестать читать твои мысли, Энни. Я читаю их точно так же, как и дышу. Это физиологическое»*.

— Никаких секретов, никаких сюрпризов, ты знаешь все.

---

* Если русская народная сказка «Царевна-лягушка», то европейская — «Принц-лягушка».

Медленно текли минуты молчания.

— Ты начнешь жить за меня, принимать решения, заставлять меня сделать то или иное, без моего ведома? Или уже начал?

До такой степени он контролировать ее не мог, но знал, что она ему не поверит. С учащенно забившимся сердцем она сдалась первобытному страху, который ему уже доводилось видеть в других.

— Я хочу уйти прямо сейчас... если ты меня отпустишь.

С грустью, трясущейся рукой он коснулся ее лба и погрузил в глубокий сон.

В ту ночь, пока она спала, Олли прощупал ее рассудок и стер кое-какие воспоминания. Бутылку с вином он держал между ног и пил, пока работал. Задолго до рассвета он сделал все, что хотел.

По темным, пустынным улицам отнес спящую Энни в проулок, где и нашел, опустил на землю, подсунул под нее сумочку. При ней остались нетерпимость к наркотикам, вновь обретенные уверенность в себе и ощущение личностной значимости, которые могли помочь ей начать новую жизнь.

Его подарки.

Олли вернулся домой, не взглянув в последний раз на ее прекрасное лицо.

Открыл вторую бутылку с вином. Несколько часов спустя, уже набравшись, вдруг вспомнил слова «друга» детства, произнесенные после того, как он впервые продемонстрировал свой талант: «Олли, ты сможешь править миром! Ты — супермен!»

Олли громко рассмеялся, расплескав вино. Править миром! Он не мог править собой. Супермен! В мире обычных людей супермен не король, даже не романтический бродяга. Он — изгой. А будучи изгоем, ничего не может добиться.

Он думал об Энни. О неразделенных мечтах и любви, о будущем, которое так и не реализовалось. И продолжал пить.

Ближе к полуночи наведался в проулок за рестораном «У Стазника», чтобы порыться в мусорных баках. Во всяком случае, собирался порыться. Вместо этого провел ночь, бродя по улицам, выставив перед собой руки,— слепец, пытающийся нащупать путь. Энни понятия не имела о его существовании.

Ни малейшего понятия.

ГРАБИТЕЛЬ

К собственности у Билли Никса отношение было двойственное. Он верил в пролетарский идеал разделенного богатства, если, конечно, богатство это принадлежало кому-то другому. А вот за принадлежащее ему лично Билли бился бы до последней капли крови. Простая, приземленная, удобная философия вора, каковым, собственно, Билли и был.

Занятие Билли отражалось на его внешности. Про таких говорят: скользкий тип. Густые черные волосы зачесывал назад, выливая на них никак не меньше бочки ароматического масла. Грубая кожа постоянно поблескивала потом, словно у больного малярией. Двигался он плавно и быстро, как кошка, ловкостью рук не уступал фокуснику. Глаза напоминали озера техасской нефти — влажные, черные и глубокие, в которых не было места человеческой теплоте или чувствам. Если бы дорога в ад требовала смазки, дьявол определенно мог использовать в этом качестве Билли.

Ему не составляло труда столкнуться с ничего не подозревающей женщиной, экспроприировать ее сумочку и отскочить на добрых десять футов, прежде чем женщина успевала сообразить, что ее ограбили. Сумочки с одной ручкой, с двумя, без

ручек, сумочки, которые носили на плече и в руке, все они означали для Билли Никса легкие деньги. Оберегала жертва свою сумочку или забывала о ее существовании, никакого значения не имело. Если Билли нацеливался на сумочку, она становилась его добычей.

В ту апрельскую среду, изображая пьяного, он ткнулся плечом в хорошо одетую женщину средних лет на Броуд-стрит, рядом с универмагом «Бартрамс». Когда она в отвращении отпрянула, Билли ловко сдернул с ее плеча сумочку и сунул в пластиковый мешок, который держал в другой руке. Покачиваясь, отошел на шесть или восемь шагов, прежде чем до женщины дошло, что столкновение произошло не случайно. Когда жертва завопила: «Полиция!» — Билли бросился бежать. Когда добавила: «Помогите, полиция, помогите!» — слова эти донеслись до Билли из далекого далека, с границы зоны слышимости.

Он мчался по проулкам, лавируя между баками для мусора, в одном месте перескочил через ноги спящего алкоголика. Пересек автомобильную стоянку и исчез в следующем проулке.

Когда от «Бартрамса» его отделяло уже несколько кварталов, перешел на шаг. Если дыхание участилось, то на чуть-чуть. Билли довольно улыбался.

Выйдя из проулка на 46-ю улицу, он заметил молодую маму, которая несла ребенка, пакет с продуктами и сумочку. Выглядела она такой беззащитной, что Билли не смог устоять перед искушением. Раскрыв выкидной нож, одним движением перерезал тонкие лямки сумочки, модной, из синей кожи, и вновь побежал через улицу, заставляя водителей жать на тормоза и клаксоны, ныряя в знакомые ему проулки.

На бегу смеялся, очень довольный собой.

Поскальзываясь на банановых или апельсиновых шкурках, размокшем куске заплесневелого хлеба или гниющих листах салата, он никогда не падал, даже не сбавлял скорости. Наоборот, увеличивал, словно скольжение разгоняло его.

Добравшись до бульвара, он перешел на шаг. Нож вернулся в карман.

Обе украденные сумочки лежали в пластиковом мешке. Шагая по тротуару, он, пожалуй, ничем, если не считать склизкости, не отличался от других прохожих.

Подошел к «понтиаку», припаркованному у тротуара. Автомобиль не мыли уже добрых два года, он всюду оставлял капли масла, как кот, метящий свою территорию мочой. Билли положил украденные сумочки в багажник и, радостно насвистывая, поехал в другой район города, где еще не охотился.

Среди нескольких слагаемых успеха, которого достиг Билли на ниве уличных грабежей, мобильность являлась одним из основных. Часто сумочки срывали мальчишки, стремившиеся урвать несколько баксов, молодняк, еще не обзаведшийся собственным транспортом. Билли Никсу было двадцать пять, уже не мальчик, и он передвигался по городу на колесах. Украв две или три сумочки в одном районе, быстренько перебирался в другой, где его никто не искал, зато поджидала богатая добыча.

Он крал сумочки не импульсивно или от отчаяния. Билли относился к грабежам как к бизнесу и, будучи бизнесменом, подходил к делу основательно, все продумывал, взвешивал плюсы и минусы каждого ограбления, действовал, исходя из тщательного анализа ситуации.

Другие уличные грабители, непрофессионалы и молокососы, все до одного останавливались на улице или в проулке, чтобы торопливо изучить содержимое сумочки, рискуя оказаться за решеткой, потому что в такой ситуации нельзя терять ни секунды. Билли же, наоборот, прятал добычу в багажник автомобиля, чтобы познакомиться с ней поближе в уединении своего дома, где ему никто не мог помешать.

Он гордился своей методичностью и осторожностью.

В эту облачную, душную среду конца апреля он посетил три района большого города, отстоящих далеко друг от друга, и добавил еще шесть сумочек к тем, что украл у женщины средних лет неподалеку от универмага «Бартрамс» и молодой матери на 46-й улице. Последняя из восьми принадлежала старухе. Поначалу он подумал, что сумочка достанется ему легко, потом — что крови не избежать, но в итоге осталось ощущение, что он столкнулся с чем-то непонятным.

Когда Билли заметил старуху, она выходила из лавки мясника на Уэстэнд-авеню, прижимая к груди кусок мяса. Весенний ветерок шевелил ее ломкие седые волосы, и Билли мог поклясться, что слышит, как они трутся друг о друга. Сморщенное лицо, сутулые плечи, бледные иссохшие руки, шаркающая по-

ходка свидетельствовали не только о почтенном возрасте, но и о хрупкости и уязвимости, и в силу этого старуха притягивала Билли, как магнит — железо. Сумочка-то была большая, прямо-таки ранец, весила немало, а ведь бабка тащила еще кусок мяса. Задвинув лямки подальше на плечо, она даже поморщилась от боли. Должно быть, давал о себе знать артрит.

Несмотря на весну, старуха была вся в темном: черные туфли, чулки, юбка, темно-серая блуза, толстый черный кардиган, столь неуместный в такой теплый день.

Билли оглядел улицу, никого поблизости не увидел и бросился на жертву. Изобразил пьяного, врезался в старушенцию. Когда стаскивал лямки с плеча, старуха уронила кусок мяса, схватилась за сумку двумя руками, и на мгновение между ними завязалась яростная борьба. Несмотря на возраст, на недостаток силы бабка пожаловаться не могла. Билли дергал сумку, вырывал из ее рук, пытался оттолкнуть, но старуха стояла как скала, как дерево, пустившее глубокие корни, которому не страшен никакой ураган.

— Отдай сумку, старая карга, а не то я изрежу тебе лицо,— прошипел Билли.

Вот тут и начались странности.

Старуха *изменилась* прямо у Билли на глазах. Хрупкость уступила место стальным мышцам, слабость — невероятной силе. Костлявые ручонки с распухшими от артрита суставами превратились в мощные птичьи лапы с острыми когтями. В старческом лице — морщины остались, их даже прибавилось — вдруг не осталось ничего человеческого.

И ее глаза. Господи, ее глаза! На месте подслеповатых старушечьих глазок Билли увидел огромные глаза, горевшие мрачным огнем, от их взгляда в жилах стыла кровь. То были глаза не беспомощной старушки, а хищника, который при желании мог без труда разорвать его на куски и сожрать.

Грабитель вскрикнул от страха, уже собрался отпустить сумку и бежать. Но в мгновение ока страшное чудище вновь превратилось в беззащитную старуху. И она сразу же капитулировала. Руки упали по бокам, пальцы с распухшими костяшками больше не могли держать сумку. Она жалобно вскрикнула, понимая, что от судьбы не уйдешь.

С угрожающим рычанием, не столько для того, чтобы напугать старуху, как прогнать свой иррациональный ужас, Билли толкнул ее на стоящую у стены урну и помчался вперед, зажав сумку-ранец под мышкой. Через несколько шагов оглянулся, страшась, что старуха таки превратилась в хищную птицу и летит за ним, сверкая глазами, раскрыв клюв, протягивая к нему когтистые лапы, чтобы растерзать прямо на тротуаре. Но она осталась на месте, опираясь руками о стену, чтобы не упасть, старая и беспомощная, как в тот момент, когда Билли впервые увидел ее.

Но что странно, она улыбалась ему вслед. Ошибиться Билли не мог. Широко улыбалась. Во весь рот. Словно сошла с ума.

«Слабоумная старуха,— подумал Билли.— *Наверняка слабоумная, если находит что-то забавное в краже ее же сумки».*

Он уже не понимал, почему вдруг испугался ее.

Он бежал из проулка в проулок, по боковым улочкам, через залитую солнцем автостоянку, по узкому проходу между двумя многоэтажными домами, наконец выскочил на большую улицу, расположенную далеко от места кражи. Прогулочным шагом вернулся к своему автомобилю, положил черную сумку старухи в багажник, к остальным сумкам, добытым в других районах. Завершив трудовой день, сел за руль и покатил домой, предвкушая, как проинспектирует добычу, выпьет несколько банок ледяного пива, посмотрит телевизор.

Однажды, остановившись на красный свет, Билли услышал, как в багажнике что-то шевельнулось. Оттуда донеслись какие-то глухие удары. Вроде бы кто-то царапался. Однако, когда прислушался, в багажнике воцарилась тишина, и он решил, что при торможении у светофора горка украденных сумок переместилась под собственным весом.

Билли Никс жил в четырехкомнатном бунгало, расположенном между пустырем и мастерской по ремонту автомобилей, в двух кварталах от реки. Дом принадлежал его матери, которая поддерживала его в идеальном состоянии. Два года назад Билли убедил мать переписать дом на него, чтобы «экономить на налогах», после чего отправил ее в приют для престарелых, чтобы о ней заботилось правительство штата. Он полагал, что мать так

там и живет. Полной уверенности у него не было, потому что он ни разу ее не навестил.

В тот апрельский вечер Билли поставил сумки на кухонный стол в два ряда и какое-то время просто любовался ими. Открыл банку «будвайзера», пакетик «доритос»*. Пододвинул стул, сел, удовлетворенно вздохнул.

Наконец открыл сумку, которую отнял у женщины средних лет около универмага «Бартрамс», и начал подсчитывать добычу.

По одежде чувствовалось, что женщина не из бедных, и содержимое ее бумажника не разочаровало Билли: четыреста девять долларов купюрами плюс три доллара и десять центов мелочью. Кредитные карточки, которые Билли мог сбыть Джейку Барцелли, хозяину ломбарда. Обычно тот давал ему доллар-другой за другие вещи, найденные в сумочках. Вот в этой отыскалась золоченая ручка от Тиффани, в комплекте с пудреницей и тюбиком для помады, а также красивое, но недорогое кольцо с опалом.

В сумке молодой мамаши он нашел только одиннадцать долларов и сорок два цента. Остальное ровным счетом ничего не стоило. Билли другого не ожидал и совершенно не огорчился. Нравилось ему рыться в чужих сумочках. Грабежи женщин он полагал бизнесом, себя считал хорошим бизнесменом, но при этом получал огромное удовольствие, разглядывая вещи, которые принадлежали другим людям, прикасаясь к ним. Роясь в сумочке, он словно рылся в жизни ее владелицы. И когда его ловкие руки шуровали в сумке молодой матери, ему казалось, что он обследует ее тело. Иногда Билли брал вещи, которые не принимал скупщик краденого — дешевые пудреницы, тюбики помады, солнцезащитные очки,— клал на пол и давил каблуками с таким ожесточением, будто на их месте находились женщины, которым эти вещи принадлежали. Легкие деньги служили неплохой мотивацией, но куда больше побуждало к действию ощущение превосходства над женщиной, которое он испытывал, глумясь над содержимым сумочек.

Вот уж когда он получал глубокое удовлетворение.

К четверти восьмого он закончил исследование семи из восьми сумок. К этому времени Билли впал в эйфорию. Учащенно

* Закусочные хрустящие палочки.

дышал, иной раз по телу пробегала дрожь экстаза. Волосы стали даже более масляными, чем всегда, лицо раскраснелось, блестело от пота. В какой-то момент он скинул пакетик «доритос» со стола и даже этого не заметил. Открыл вторую банку пива, но не притронулся к ней. Так оно и стояло, согревшееся до комнатной температуры и забытое. Мир Билли сузился до размеров женской сумочки.

Сумку сумасшедшей старухи Билли оставил напоследок: у него возникло предчувствие, что в ней его ждет сокровище, лучшая находка за день.

Сумка-то большая, из добротной черной кожи, с длинными ямками, одним отделением, закрытым на «молнию». Билли пододвинул ее к себе, какое-то время разглядывал, пытаясь представить, что он там найдет.

Вспомнил, как старая карга боролась за сумку, едва не заставив его достать нож. Билли уже приходилось резать женщин, такое случалось крайне редко, но тем не менее он знал, что ему это нравится.

И вот тут возникала серьезная проблема. Билли хватало ума, чтобы понять: он не должен разрешать себе пускать в ход нож, какое бы удовольствие от этого ни получал. К столь действенному средству он мог прибегать лишь в случае крайней необходимости. Если браться за нож слишком часто, он просто не сможет остановиться, и тогда для него все будет кончено. Копы предпочитали не тратить энергию на поиски обычных уличных грабителей, но вот за грабителем, пускающим кровь жертвам, они будут гоняться, пока не поймают.

Однако Билли никого не резал уже несколько месяцев, а такой самоконтроль, конечно же, заслуживал поощрения. И он бы с превеликим удовольствием отделил мясо этой старой карги от ее костей. Теперь Билли даже удивлялся, что не достал нож в тот самый момент, когда она попыталась отвоевать сумку.

Он уже забыл, как она напугала его, как из человека превратилась в какую-то неведомую птицу, как ее руки трансформировались в когтистые лапы, как глаза вспыхнули мрачным огнем. Билли полагал себя настоящим мужчиной, и воспоминания о жизненных эпизодах, связанных с испугом или унижением, его память не сохраняла.

Все больше и больше утверждаясь в мысли, что в сумке его ждет сокровище, Билли положил на нее руки, легонько нажал. Убедился, что она туго набита, под завязку, швы чуть ли не лопались. Билли даже сказал себе, что прощупал сквозь кожу пачки купюр, должно быть сотенных.

От волнения сердце чуть не выскакивало из груди.

Он расстегнул «молнию», заглянул в сумку, нахмурился.

Внутри была... чернота.

Билли присмотрелся.

Чернильная чернота.

Невероятная чернота.

Даже прищурившись, он ничего не мог разглядеть: ни бумажника, ни пудреницы, ни расчески, ни пачки салфеток, видел только черноту, словно смотрел в глубокую скважину. Глубокую... да, с этим словом он попал в десятку. Он вглядывался в бездонные глубины, будто дно сумки находилось не в нескольких дюймах от него, а на расстоянии в тысячу футов, да что там футы — в тысячу миль. Внезапно до него дошло, что падающий в сумку свет флюоресцентных ламп ничего не освещает: сумка проглатывала и переваривала каждый попадающий в нее лучик.

Теплый пот предвкушения богатой добычи, покрывавший лицо и тело Никса, вдруг стал ледяным, по коже побежали мурашки. Билли понял, что должен застегнуть «молнию», осторожно поднять сумку со стола, отнести на пару-тройку кварталов от дома и бросить в чей-нибудь мусорный ящик. Но он увидел, как его правая рука движется к разинутой пасти сумки. Попытался удержать ее, но не получилось: рука уже принадлежала кому-то еще, и Никс не мог контролировать ее движения. Пальцы исчезли в темноте, за ними последовала кисть. Билли качал головой: нет, нет, но ничего не мог с собой поделать. Что-то заставляло его сунуть руку в сумку. В темноте скрылось и запястье, а он ничего не мог там нащупать, разве что понял, что в сумке царит ужасный холод, от которого зубы начали выбивать дрожь. Рука тем временем погрузилась в сумку по локоть. Ему давно уже следовало нащупать дно, но нет, вокруг пальцев царила пустота. Он склонился над сумкой, рука ушла в нее почти по плечо, шевелил пальцами, пытаясь найти хоть что-то в этой пустынной черноте.

И вот тут что-то нашло его.

В глубине сумки что-то коснулось его руки.

Билли изумленно дернулся.

Что-то укусило его.

Билли закричал и наконец-то обрел способность сопротивляться сирене, которая влекла его в глубины сумки. Вырвал руку, вскочил, отбросив стул. В удивлении посмотрел на укушенную ладонь. Следы зубов на ней. Пять маленьких дырочек. Аккуратные, круглые, наливающиеся кровью.

Поначалу остолбенев от шока, он издал громкий вопль и схватился за «молнию», чтобы застегнуть ее. Но едва окровавленные пальцы Билли коснулись застежки, из сумочки, из черноты, вылезло странное существо, и Билли отдернул руку.

Существо ростом не превышало фута, так что вылезти из сумки ему не составило труда. Отдаленно оно напоминало человека: две руки, две ноги, но на том сходство заканчивалось. Казалось, его слепили из человеческих экскрементов, добавив к ним человеческие волосы, гниющие кишки, вздувшиеся вены, да и пахло от него соответственно. Стопы непропорционально большие, заканчивались острыми, как бритва, черными когтями, которые нагнали на Билли Никса столько же страха, сколько нагонял на жертв его выкидной нож. Из пяток торчали загнутые, заостренные шпоры. Руки длинные, как у обезьяны, с шестью или семью пальцами, Билли не мог подсчитать точно, потому что существо непрерывно шевелило ими, когда вылезало из сумки и устраивалось на столе, но каждый палец переходил в черный коготь.

Поднявшись на ноги, существо яростно зашипело. Билли пятился, пока не уперся спиной в холодильник. Глянул на окно над раковиной, закрытое на шпингалет и затянутое грязной занавеской, на дверь в столовую, по другую сторону кухонного стола. Путь к другой двери, черного хода, тоже лежал мимо стола. Он угодил в западню.

Асимметричную, шишковатую, в щербинах голову существа тоже вроде бы лепили по человеческому образу и подобию, из тех же экскрементов и гниющих тканей, что и тело. Пара глаз располагалась на месте человеческого лба, вторая поблескивала ниже. Еще два находились на месте ушей, и все шесть были белыми, без радужек и зрачков, словно чудище ослепили катаракты.

Но зрения оно не лишилось, более того, смотрело прямо на Билли.

Дрожа всем телом, повизгивая от страха, Билли поднял укушенную руку, выдвинул ящик в буфете, который стоял у холодильника. Не отрывая глаз от существа, которое вылезло из сумки, пошебуршился в ящике в поисках ножей, он знал, что они там лежали, нашел, вытащил самый большой, мясницкий.

На столе шестиглазый демон открыл пасть, обнажив несколько рядов острых желтых зубов. Вновь зашипел.

— О б-б-боже,— трясясь от страха, выдохнул Билли.

Перекосив пасть, должно быть, в ухмылке, демон сшиб со стола банку с пивом и издал какой-то отвратительный звук — что-то среднее между рычанием и смешком.

Стремительно рванувшись вперед, Билли замахнулся мясницким ножом, ухватившись за рукоятку обеими руками, словно нож превратился в самурайский меч, и нанес молодецкий удар, рассчитывая располовинить чудище. Нож соприкоснулся с сочащейся гноем плотью, погрузился в нее на доли дюйма, но не более того. Билли почувствовал, как лезвие наткнулось словно на стальной стержень, возникло ощущение, что он хватил ломом по загнанной в землю металлической свае. Так, что удар болью отдался в руке и плече.

На том беды Билли не закончились. Одна из рук существа, двигаясь с быстротой молнии, полоснула Билли когтями по руке, содрав кожу с двух костяшек.

С криком изумления и боли Билли выпустил нож. Вновь отступил к холодильнику, прижимая к груди пораненную руку.

Существо осталось на столе с ножом, торчащим в боку. Из раны не потекла кровь, демон не выказывал признаков боли. Маленькие черные ручонки ухватились за рукоятку, вытащили нож. Уставившись шестью глазами-бельмами на Билли, демон поднял нож, такой же длинный, как он сам, и переломил пополам. Лезвие бросил в одну сторону, рукоятку — в другую.

Билли побежал.

Путь его лежал вкруг стола, мимо демона, но Билли это не остановило. Потому что альтернатива — стоять у холодильника и ждать, пока тебя разорвут на куски,— его категорически не устраивала. Вырвавшись из кухни в гостиную, Никс услышал глухой удар за спиной: демон спрыгнул со стола. Хуже того,

услышал, как заскребли когти по линолеуму, то есть демон уже спешил следом.

Быстрота ног уличного грабителя — залог его свободы.

Билли Никс не уступал в скорости оленю. И теперь именно скорость оставалась его единственным союзником.

Но возможно ли убежать от дьявола?

Никс вихрем пронесся через столовую, в гостиной перепрыгнул через скамеечку для ног, устремился к входной двери. Бунгало, как указывалось выше, находилось между пустырем и автомастерской, которая закрывалась в семь вечера. На другой стороне улицы, однако, стояло несколько домов, на углу работал магазин «С семи до одиннадцати». Билли решил, что среди людей, пусть и незнакомых, будет в относительной безопасности. Он чувствовал, что демон не хочет, чтобы его увидел кто-нибудь еще.

Со страхом ожидая, что чудище прыгнет на него и вонзится зубами в шею, Билли распахнул входную дверь, выскочил за порог... и остановился как вкопанный. Потому что все то, что он видел раньше, выходя из дома, исчезло. Дорожка. Лужайка. Деревья. Улица. Дома на другой стороне, магазин «С семи до одиннадцати» на углу. Все, все исчезло.

Нигде не светилось ни огонька. Дом окружала неестественно темная ночь, он словно перенесся на дно глубокой шахты... или в сумку старухи, из которой вылезло чудище. И куда подевался теплый апрельский вечер? В этой черной ночи царил арктический, пробирающий до костей холод.

Билли стоял за порогом, потрясенный до глубины души. Голова у него шла кругом, к горлу подкатывала тошнота.

Никс всегда знал то, что следовало знать. Во всяком случае, так думал. Теперь понимал, что заблуждался.

Он не мог выйти из дома в эту непроглядную темень. Он не знал, что его там ждет. Но интуитивно чувствовал: один шаг — и он уже не сможет вернуться назад. Один шаг — и он упадет в бездонную пропасть, которую ощутил в сумке старой карги: будет падать падать, падать и никогда не достигнет дна.

Шипение.

Чудище за спиной.

Жалко повизгивая, Никс отвернулся от ужасной пустоты, которая окружала дом, посмотрел в гостиную, где ждал его де-

мон, и вскрикнул от ужаса, потому что демон стал больше, гораздо больше. Вырос с одного до трех футов. Плечи расширились, руки нарастили мышцы. Ноги стали толще. Удлинились не только руки, но и когти. Отвратительное существо не подошло вплотную, как Никс думал, стояло посреди гостиной, с интересом наблюдая за ним, хищно ухмыляясь, насмехаясь над жертвой.

Разница плотности теплого воздуха дома и ледяного — ночи привела к тому, что ветерок подхватил дверь и с грохотом захлопнул ее за спиной Билли.

Шипя, демон приблизился на шаг. Когда он двигался, Билли слышал, как чавкает трущаяся о кости, сочащаяся гноем плоть.

Он попятился от создания ада, чуть забирая в сторону, к короткому коридору, который вел в спальню.

Мерзкая тварь следовала за ним, отбрасывая странную, мало похожую на перекошенное тело тень, словно тень эта являлась отражением отвратительной души демона. Возможно, зная о такой особенности собственной тени, возможно, не желая, чтобы ее видели, незваный гость перевернул напольную лампу, отчего темнота в гостиной резко сгустилась.

Добравшись до коридора, Билли резко повернулся и уже не бочком — пулей метнулся в спальню, с треском захлопнул за собой дверь. Толкнул задвижку, хотя и понимал, что от демона это его не спасет. Потому что вышибить не только задвижку, но и саму дверь труда тому не составит. Билли надеялся на другое: без помех добраться до прикроватного столика, в ящике которого лежал «смит-и-вессон» калибра 357 «магнум». Добрался, достал револьвер.

Сперва решил, что он как-то уменьшился в размерах. Сказал себе, что револьвер только кажется маленьким, поскольку враг больно уж страшный. А вот когда он нажмет на спусковой крючок, сразу станет ясно, что револьвер крупного калибра. Но он все равно оставался маленьким. Как игрушка.

Держа заряженный «магнум» обеими руками и нацелив его на дверь, Билли гадал, стрелять ему прямо сейчас или подождать, пока чудище ворвется в спальню.

Демон избавил его от этой дилеммы, проломив дверь. Во все стороны полетели щепки, петли вырвало из пазов.

Демон еще прибавил в габаритах, ростом уже превосходил шестифутового Билли, раздался в плечах, но остался таким же отвратительным и вонючим, слепленным из дерьма, волос, кишок, кусков трупов. Благоухая тухлыми яйцами, сверкая шестью глазами-бельмами, демон устремился к Билли. Не остановили его, даже не заставили сбавить шаг и шесть пуль, выпущенные из «магнума».

Кем же или чем же была эта старая карга, черт побери? Не обычной старушенцией, живущей на скромную пенсию, которая решила заглянуть в мясную лавку и с нетерпением дожидалась субботы, чтобы сыграть в бинго. Нет. Ни в коем разе. Что за женщина могла носить с собой такую странную сумку? Держать в ней такую вот тварь? Что за сука? Что за отъявленная сука? Ведьма?

Разумеется, ведьма.

Наконец, загнанный в угол надвигающимся на него демоном, с разряженным револьвером в левой руке и окровавленной правой, Билли впервые в жизни понял, каково быть беззащитной жертвой. Когда огромное, страшное чудовище положило одну когтистую руку ему на плечо, а второй схватило за грудь, Билли намочил штаны и в мгновение ока превратился в слабого, беспомощного, испуганного ребенка.

Он знал, что демон сейчас растерзает его, сломает позвоночник, оторвет руки-ноги, высосет мозг из костей, но вместо этого тот наклонил бесформенное лицо к шее Билли и приложился резиновыми губами к сонной артерии. На мгновение Билли подумал, что его целуют, но тут же холодный язык прошелся по его шее, ключице, и Никс почувствовал, как его тело пронзила сотня игл. Билли парализовало.

Тварь подняла голову, внимательно всмотрелась в его лицо.

Дыхание воняло разлагающейся плотью. Не в силах закрыть глаза — веки тоже парализовало,— Билли смотрел в пасть демону, видел его белый в язвах язык.

Монстр отступил на шаг. Лишившись поддержки, Билли сполз на пол. Но как ни старался, не мог пошевелить и пальцем.

Ухватившись за смазанные маслом волосы Билли, демон потащил его из спальни. Несчастный не сопротивлялся. Даже не протестовал: язык не мог шевельнуться, как и все остальное.

Он видел только то, что проплывало перед глазами, не мог повернуть голову или закатить глаза. Иной раз в поле зрения попадала мебель, мимо которой его волокли, но в основном — тени, пляшущие на потолке. Когда Билли перевернули на живот, он не почувствовал боли от того, что ему перекрутили волосы, а видел теперь только пол перед собой да черные стопы демона, идущего на кухню, где состоялась их первая встреча.

Взгляд Билли туманился, прояснялся, снова туманился. Он думал, что причина все в том же параличе, а потом вдруг понял, что из его глаз льются слезы. Он не помнил, чтобы когда-нибудь плакал. В его жизни, полной жестокости и ненависти, места слезам не находилось.

Билли слишком хорошо понимал, что его ждет.

Его гулко бьющееся, скованное страхом сердце знало, что должно произойти.

Источающее жуткую вонь, сочащееся гноем чудовище протащило его через столовую, не раз и не два ударив о стол и стулья. В кухне проволокло по луже разлитого пива, по ковру из «доритос». Сняло со стола сумку старухи и поставило на пол, перед глазами Билли. «Пасть» сумки широко раскрылась.

Демон заметно уменьшился в размерах, по крайней мере, уменьшились ноги, торс, голова, а вот рука, которая держала Билли, оставалась огромной и сильной. В ужасе, но без особого удивления Билли наблюдал, как демон заползает в сумку, продолжая уменьшаться прямо на глазах. А потом потянул Билли за собой.

Никс не чувствовал, что становится меньше, но, должно быть, так и было, потому что иначе он бы не пролез в сумку. По-прежнему парализованный, по-прежнему схваченный за волосы, Билли бросил взгляд под руку и увидел кухонный свет за пределами сумки, увидел, как в нее втягиваются бедра, потом колени, сумка заглатывала его, а он, господи, ничего не мог с этим поделать. Теперь только стопы торчали наружу, он попытался зацепиться пальцами, попытался сопротивляться, но не мог.

Билли Никс никогда не верил в существование души, но теперь знал, что она у него есть... и вот-вот ее у него потребуют.

Его стопы втянулись в сумку.

Он весь был в сумке.

Из-под руки, пока за волосы его утаскивали все глубже и глубже, Билли в отчаянии смотрел на световой овал над ним и сзади. Овал этот уменьшался с каждым мгновением, не потому, что застегивали «молнию». Просто увеличивалось расстояние между ним и источником света. Он словно ехал по длинному тоннелю и видел в зеркале заднего обзора въезд в него.

Что же касается выезда...

Билли не мог заставить себя подумать о том, что ждало его на другом конце туннеля, на дне этой треклятой сумки.

Более всего ему хотелось сойти с ума. Безумие стало бы желанным уходом от того ужаса, что переполнял его. Но судьба распорядилась иначе: он оставался в здравом уме и полностью осознавал, что с ним происходит.

Свет наверху превратился в далекую крошечную луну, плывущую высоко в небе.

Он словно рождается, осознал Билли, только, наоборот, уходит из света во тьму.

Крошечная луна уменьшилась до размеров маленькой и далекой звезды. Потухла и она.

В абсолютной тьме странные шипящие голоса приветствовали Билли Никса.

В ту апрельскую ночь из бунгало неслись крики ужаса. Они раздавались в каждой комнате, но не долетали до домов на противоположной стороне улицы и не тревожили покой их жителей. Крики продолжались несколько часов, наконец затихли и сменились чавкающими звуками и хрустом костей: кто-то сел за ночную трапезу.

Потом наступила тишина.

Тишина эта царствовала в доме много часов, пока во второй половине дня ее не разорвал скрип открывающейся двери и шаги.

— Ага! — радостно воскликнула старуха, войдя на кухню через дверь черного хода и увидев на полу свою раскрытую сумку. Тяжело — сказывался артрит — наклонилась, подняла сумку, несколько мгновений смотрела в нее.

Улыбаясь, застегнула «молнию».

В ЗАПАДНЕ

Глава 1

В ночь, когда это произошло, буран накрыл весь северо-восток. Снег пошел с наступлением сумерек. Мег Ласситер как раз везла сына от врача. Поначалу снежинки планировали со стального неба в холодном, застывшем воздухе. Но потом с юго-запада подул порывистый ветер, бросая целые охапки снега под фары джипа-универсала.

Томми сидел боком на заднем сиденье, положив на него загипсованную ногу, и тяжело вздыхал.

— На эту зиму я остался без санок, лыж и коньков. Да, мама?

— Сезон только начался,— успокоила его Мег.— Ты выздоровеешь задолго до весны. Еще успеешь накататься.

— Хорошо бы...— Ногу Томми сломал двумя неделями раньше, и в предыдущий визит к доктору Джонсону они узнали, что в гипсе ему ходить еще шесть недель. «Кость раздроблена, в принципе ничего страшного, но срастается она в таких случаях дольше, чем при простом переломе».— Но, мам, в жизни определенное число зим. И мне очень жаль, что одной придется лишиться.

Мег улыбнулась и посмотрела в зеркало заднего обзора, в котором могла видеть лицо сына.

— Тебе только десять лет, дорогой. Для тебя зим впереди без счета... или около того.

— Да нет же, мам. Скоро я поступлю в колледж, а значит, придется много заниматься, так что на развлечения времени не останется совсем...

— До колледжа еще восемь лет!

— Ты всегда говорила, что с возрастом время бежит быстрее. А после колледжа я пойду работать, потом надо будет содержать семью.

— Поверь мне, малыш, время начинает ускоряться лишь после тридцати.

Хотя Томми любил веселиться, как любой десятилетний ребенок, иногда он становился на удивление серьезным. Такое случалось с ним и раньше, но особенно проявилось в последние два года, после смерти его отца.

Мег затормозила у последнего светофора на северной окраине города, в семи милях от их фермы. Включила «дворники», которые смахнули сухие снежинки с ветрового стекла.

— Сколько тебе лет, ма?

— Тридцать пять.

— Вау, неужели?

— У тебя такой голос, словно я — древняя старуха.

— Когда тебе было десять, люди уже ездили на автомобилях?

Смех у Томми был очень мелодичный. Мег нравилось слушать, как сын смеется, возможно, потому, что в последние два года смеялся он нечасто.

Справа от дороги две легковушки и пикап заправлялись на бензоколонке «Шелл». Шестифутовая елочка лежала поперек кузова пикапа.

До Рождества оставалось лишь восемь дней.

На противоположной стороне шоссе «Таверна Хадденбека». В сгущающихся сумерках снежные хлопья белой ватой ложились на зеленые лапы стофутовых елей, а те снежинки, что попадали в полосы льющегося из окон янтарного света, рассыпались в золотую пыль.

— Раз уж об этом зашел разговор,— снова подал голос с заднего сиденья Томми,— я просто не понимаю, как люди могли ездить на автомобилях, когда тебе было десять. Насколько мне

известно, колесо изобрели, лишь когда тебе исполнилось одиннадцать.

— За это ты получишь на обед пирог с червями и пчелиный суп.

— Ты самая злая мать в этом мире.

Мег посмотрела в зеркало заднего обзора и увидела, что мальчик, несмотря на шутливый тон, больше не улыбается, а мрачно смотрит на таверну.

Чуть больше двух лет назад пьяница, которого звали Дек Слейтер, вышел из «Таверны Хадденбека» примерно в то самое время, когда Джим Ласситер ехал в город, чтобы председательствовать на заседании комитета по сбору пожертвований для церкви Святого Павла. Мчащийся на огромной скорости «бьюик» Слейтера врезался в автомобиль Джима на Блек-Оук-роуд. Джим умер мгновенно, Слейтера парализовало.

Часто, когда мать и сын Ласситеры проезжали «Таверну Хадденбека» и поворот, возле которого погиб Джим, Томми пытался скрыть сердечную боль шутливой болтовней. Не сегодня. На сегодня запас шуток закончился.

— Зеленый свет, мам.

Мег миновала перекресток и границу города. Главная улица перешла в двухполосное шоссе — Блек-Оук-роуд.

Сейчас Томми уже свыкся с потерей отца. А почти год после гибели Джима Мег частенько видела, как мальчик тихонько сидел у окна, погруженный в свои мысли, и щеки его были мокры от слез. В его сердце образовалась пустота, заполнить которую не мог никто. Джим был хорошим мужем и прекрасным отцом, так любил сына, что они составляли единое целое. Поэтому гибель Джима поразила Томми в самое сердце, а такие раны заживают не скоро.

И Мег знала, что только время может полностью излечить ее сына.

Снегопад усилился, сумерки перешли в ночь, видимость ухудшилась, поэтому Мег сбавила скорость. Даже наклонившись вперед, она могла видеть лишь двадцать ярдов дороги.

— Погода портится,— прокомментировал Томми с заднего сиденья.

— Бывало и хуже.

— Где? На Юконе?

— Да. Совершенно верно. В разгар Золотой лихорадки, зимой 1849-го. Ты забываешь, сколько мне лет. На Юконе я таскала нарты, до того как изобрели собак.

Томми рассмеялся, но лишь из вежливости.

Мег уже не видела ни широких лугов по обе стороны дороги, ни замерзшую серебристую ленту Сигерс-Крик справа от себя, хотя и различала сквозь снег узловатые стволы и голые ветви дубов, которые росли вдоль этого участка шоссе. Они указывали на то, что до «слепого» поворота, где погиб Джим, четверть мили.

Томми погрузился в молчание.

Потом, за несколько секунд до поворота, заговорил:

— Нельзя сказать, что я не могу обойтись без санок или лыж. Просто... я чувствую себя таким беспомощным с этим гипсом... словно... словно в западне.

Он использовал выражение «в западне», догадалась Мег, потому что ограничение подвижности тесно увязывалось в его сознании с воспоминаниями о смерти отца. «Шеви» Джима при ударе так покорежило, что полиции и спасателям потребовалось больше трех часов, чтобы вытащить его тело из перевернувшегося автомобиля: пришлось резать металл ацетиленовыми резаками. Тогда она попыталась оградить сына от самых страшных подробностей инцидента, но в школе его одноклассники, со свойственной некоторым детям наивной жестокостью, ввели Томми в курс дела.

— Гипс — это не западня,— возразила Мег, вводя джип в длинный, заметенный снегом поворот.— Он, конечно, ограничивает подвижность, но не держит на одном месте. К тому же ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь.

В первый после похорон день школьных занятий Томми вернулся домой с ревом:

— Машина стала для папы западней, он не мог шевельнуться, покореженный металл сжал папу со всех сторон!

Мег успокаивала его, как могла, объясняла, что Джим погиб при ударе, мгновенно, без страданий и боли.

— Дорогой мой, только тело, пустая оболочка, попало в западню. А его разум и душа, твой настоящий папа, к тому времени уже были в раю.

Заверения Мег подействовали. Томми понял, что его отец, умирая, не страдал. Но его по-прежнему преследовал образ тела отца, зажатого искореженным металлом.

Внезапно яркий свет фар ударил в глаза Мег. Навстречу несся автомобиль, слишком быстро при такой погоде. Водитель держал его под контролем, но, похоже, на самом пределе. На повороте машину потащило через двойную разделительную линию на встречную полосу. Мег чуть повернула руль вправо, свернула на обочину, нажала на тормоз, боясь, что джип сползет двумя колесами в кювет и перевернется. Однако колеса в кювет не сползли, хотя летевший из-под них гравий немилосердно барабанил по днищу. Мчащийся навстречу автомобиль разминулся с левым бортом джипа на какой-то дюйм и исчез в ночи и снеге.

— Идиот! — вырвалось у Мег.

Когда поворот остался позади, она свернула на обочину и остановила джип.

— Ты в порядке?

Томми забился в угол, его голова едва высовывалась из воротника зимнего пальто. Бледный, дрожащий, он кивнул.

— Д-да. В порядке.

— Хотелось бы мне добраться до этого безответственного идиота,— Мег стукнула кулачком по приборному щитку.

— Это была машина «Биомеха»,— Томми говорил о большой научно-исследовательской фирме, которая находилась в миле к югу от фермы Ласситеров, занимая добрую сотню акров.— Я видел надпись на борту: «Биомех».

Мег несколько раз глубоко вдохнула.

— Ты в порядке?

— Да. В порядке. Просто... хочу домой.

Буран усиливался. У колес уже намело небольшие сугробы.

Вновь выехав на асфальт, Мег повела машину со скоростью двадцать пять миль в час. Погода не позволяла разгоняться быстрее.

В двух милях дальше по дороге, около «Биомех лэб», ночь сменилась днем. За девятифутовым забором из проволочной сетки на высоких столбах ярко светили прожектора, без труда пробивая снежную пелену.

Столбы стояли на расстоянии в сто футов по периметру обширной территории, на которой располагались административные корпуса и исследовательские лаборатории, но прожектора на них зажигали крайне редко. За последние четыре года Мег могла припомнить только один такой случай.

Все здания «Биомеха» отступали далеко от дороги, отгороженные от нее деревьями и кустарником, прятались от чужих глаз. Даже сейчас окруженные сотнями озер света, они оставались невидимыми, храня какие-то свои тайны.

Мужчины в полушубках парами ходили вдоль забора, подсвечивая его ручными фонарями, словно искали дыру. Более всего их интересовала та часть сетки, что примыкала к земле.

— Кто-то пытался проникнуть на территорию,— предположил Томми.

У главных ворот сгрудились легковые автомобили и минивэны с надписью «Биомех» на борту. Они перегородили Блек-Оук-роуд, оставив для проезда узкое «горло». У импровизированной заставы дежурили трое мужчин с ручными фонарями. Чуть позади держались еще трое, уже с помповыми ружьями.

— Вау! — воскликнул Томми.— Помповики! Похоже, случилось что-то серьезное!

Мег нажала на педаль тормоза, остановила джип, опустила стекло. Холодный ветер ворвался в кабину.

Она ожидала, что к ней подойдет кто-нибудь из мужчин с блокпоста.

Но подошел, со стороны пассажирского сиденья, охранник, в сапогах, серых армейских штанах и черной куртке с нашивкой «Биомех» на груди. В руке он держал длинный шест с двумя зеркалами и лампочкой на конце. Его сопровождал очень высокий мужчина в такой же одежде, с помповым ружьем в руках. Низкорослый включил лампочку, сунул шест под днище джипа, присмотрелся к тому, что отражалось в зеркалах.

— Они ищут бомбу! — донесся с заднего сиденья голос Томми.

— Бомбу? — Эта версия не показалась Мег заслуживающей доверия.— Едва ли.

Мужчина с шестом переместился к другому борту джипа, вооруженный охранник махнул рукой мужчинам, стоявшим на дороге, и только после этого один из них подошел к окошку

водителя. В джинсах и кожаной летной куртке, без логотипа «Биомех». Темно-синюю шапку с козырьком, припорошенную снегом, он натянул по самые уши.

Наклонился к окну.

— Я искренне сожалею о доставленных неудобствах, мэм.

Лицо симпатичное, но улыбка отдавала фальшью. Зато серо-зеленые глаза смотрели прямо.

— Что происходит? — спросила она.

— Сработала сигнализация, так что мы предпринимаем стандартные меры безопасности. Вас не затруднит показать мне ваше водительское удостоверение?

Он определенно работал в «Биомехе», а не в полиции, но Мег не видела оснований отказать ему в этой просьбе.

Пока мужчина просматривал ее документы, снова подал голос Томми:

— Шпионы пытаются проникнуть на вашу территорию?

По лицу мужчины пробежала все та же неискренняя улыбка.

— Скорее всего, в системе сигнализации что-то замкнуло, сынок. Здесь нет ничего такого, что могло бы заинтересовать шпионов.

Компания «Биомех» занималась исследованиями модифицированной ДНК, а потом продавала свои разработки коммерческим фирмам. Мег знала, что в последние годы специалистам генной инженерии удалось совершить подлинный прорыв в лечении диабета, создать множество чудо-лекарств от других болезней и облагодетельствовать человечество разными прочими открытиями. Она также знала, что та же самая наука может использоваться для совершенствования биологического оружия, создавать новые вирусы, столь же опасные, как и атомные бомбы, но старалась не думать о том, что «Биомех», расположенный в какой-то миле от их дома, участвует в чем-то подобном. Кстати, несколько лет назад ходили слухи, что «Биомех» получил важный оборонный контракт, но руководство компании заверило власти и население округа, что эти работы не имеют ни малейшего отношения к бактериологическому оружию. Однако зачем тогда такой забор и охранные системы частной компании, занимающейся исключительно мирными проектами?

Моргнув, чтобы сбросить снежинки с ресниц, мужчина в летной куртке спросил:

— Вы живете неподалеку, миссис Лasситер?

— На Каскейд-фарм. Примерно в миле по этой дороге.

Мужчина вернул удостоверение.

— Мистер, вы думаете, террористы с бомбами могут проникнуть сюда и все взорвать? — сияя глазами от возбуждения, спросил Томми.

— С бомбами? Откуда такие идеи, сынок?

— Зеркала на шестах,— ответил Томми.

— Ага! Понимаешь, осмотр днища автомобиля — один из элементов нашей стандартной процедуры. Как я и говорил, тревога, скорее всего, ложная. Короткое замыкание где-то в цепи, ничего больше.— Он вновь обратился к Мег. — Извините за беспокойство, миссис Лasситер.

Мужчина отступил на шаг, Мег глянула мимо него на охранников с ружьями, которые стояли на дороге, на других охранников, едва различимых сквозь снег, прочесывающих территорию. Эти люди определенно не верили, что тревога ложная. Озабоченность и тревога читались на их лицах, ощущались в их движениях.

Мег подняла стекло, включила первую передачу.

Когда джип тронулся с места, Томми спросил:

— Ты думаешь, он лжет?

— Это не наше дело, дорогой.

— Террористы или шпионы,— уверенно заявил Томми. По молодости любой кризис он воспринимал с восторгом, полагая, что доблестные стражи порядка обязательно смогут его разрешить. Во всяком случае, в фильмах и книгах иначе и не бывало.

Когда северная граница участка, занимаемого «Биомехом», осталась позади, желтый свет прожекторов померк, и джип вновь окружили ночь и снег.

Новые дубы протягивали голые ветви к дороге, меж их стволов плясали тени, разбуженные фарами джипа.

Двумя минутами позже Мег свернула с шоссе на подъездную дорожку к их дому, до которого оставалось три четверти мили.

Каскейд-фарм назвали в честь трех поколений Каскейдов, которые когда-то жили здесь и обрабатывали десять акров земли. Теперь на этой ферме, расположенной в центре Коннектикута, больше не выращивали овощи и зерно. Лasситеры купили

ее четыре года назад, после того как Джим продал свою долю в рекламном агентстве, которое он открыл вместе с двумя партнерами. На ферме он собирался начать новую жизнь, стать наконец настоящим писателем, а не сочинителем рекламных слоганов. Да и Мег получила новую, куда более просторную студию и источник вдохновения, какого не могла найти в городе.

До своей смерти Джим успел написать на Каскейд-фарм два неплохих детектива. Яркие, сверкающие многоцветьем красок картины Мег тоже неплохо раскупались. После гибели Джима пейзажи Мег заметно поблекли и потускнели, так что владелец галереи в Нью-Йорке, где выставлялись ее работы, прямо сказал, что надобно вернуться к прежней манере, если она хочет что-то продать.

Двухэтажный дом из плитняка стоял в сотне ярдов от прячущегося за ним амбара. Восемь комнат, просторная кухня, две ванные, два камина, парадное и заднее крыльцо, открытая терраса, где так хорошо сиделось в кресле-качалке летними вечерами.

Даже погруженный в темноту, засыпанный снегом, с поблескивающими льдом карнизами в свете фар, дом казался очень уютным и радушным.

— Наконец-то дома,— облегченно вздохнула Мег.— На ужин — спагетти?

— Свари побольше, чтобы осталось на завтрак.

— Хорошо.

— Холодные спагетти — это лучший завтрак.

— У тебя определенно плохо с головой,— беззлобно поддела Томми Мег. Она подъехала к заднему крыльцу, помогла ему вылезти из кабины.— Костыли оставь, обопрись на меня,— крикнула она, перекрывая ветер. На засыпанной снегом земле проку от костылей не было никакого.— Я их принесу после того, как поставлю джип в гараж.

Если бы не тяжелый гипс на его правой ноге, от пальчиков до колена, Мег смогла бы нести Томми на руках. А так он опирался на ее плечо и прыгал на левой ноге.

Мег оставила на кухне свет включенным. Ради Дуфуса, их четырехлетнего черного лабрадора. И теперь он освещал и заднее крыльцо, пробиваясь сквозь морозные узоры на стеклах.

У двери Томми привалился к стене, дожидаясь, пока Мег откроет замок.

Когда она переступила порог, большой пес вопреки ее ожиданиям не бросился к ней, виляя хвостом. Вместо этого медленно подошел, пряча хвост между ног, опустив голову, конечно же, радуясь возвращению хозяйки, но при этом поглядывая по сторонам, словно ожидая, что из какого-то угла на него бросится разъяренная кошка.

Мег закрыла дверь, помогла Томми сесть на стул у стола. Потом сняла сапоги и поставила на коврик у двери.

Дуфус дрожал всем телом, словно замерз. Однако отопление работало и в доме было тепло.

— Что случилось, Дуфус? — спросила Мег.— Что ты натворил? Разбил лампу? А? Сжевал диванную подушку?

— Он хороший парень,— Томми погладил Дуфуса по голове.— Если он разбил лампу, то обязательно за нее заплатит. Не так ли, Дуфус?

Пес разве что шевельнул хвостом и жалобно заскулил. Он нервно глянул на Мег, потом в сторону столовой, словно там кто-то затаился, кто-то очень страшный.

Мег охватило предчувствие беды.

Глава 2

Бен Парнелл покинул пост у главных ворот и на своем «шеви-блейзере» поехал к лаборатории номер три, зданию, расположенному в самом центре участка, занимаемого «Биомехом». Снег таял на его шапке и капал за воротник летной куртки.

По всей территории шел лихорадочный поиск. Из-за снега и сильного ветра охранники сутулились, втягивали головы в плечи, отчего в их облике появлялось что-то демоническое.

Пусть это покажется странным, но Бена возникший кризис только радовал. Если бы не это, сидел бы Бен дома, прикидывался, что читает, прикидывался, что смотрит телевизор, но на самом деле думал бы о Мелиссе, любимой, обожаемой дочери, которая не так давно умерла от рака. А если бы не думал о Мелиссе, то в голову полезли мысли о Ли, его жене, которую он тоже потерял... Потерял?

Их семейная жизнь разрушилась со смертью Мелиссы. Горе не сплотило их. Наоборот. Ли замкнулась в себе. Ее сердце заледенело и не желало согреваться даже любовью к нему. А может, семена развода попали в почву достаточно давно и проросли лишь после смерти Мелиссы? Но он любил Ли раньше, любил и теперь, пусть уже и не так страстно, а меланхолично, как любят мечту о счастье, которая не осуществилась.

Бен поставил «Блейзер» перед лабораторией, низким зданием без единого окна, напоминающим бункер. Подошел к стальной двери, вставил в щель пластиковую карточку-пропуск, вытащил карточку, когда красная лампочка над входом погасла и зажглась зеленая. Переступил порог, как только дверь с шипением уползла в сторону. Попал в крошечную кабинку, напоминающую воздушный шлюз космического корабля. Наружная дверь с тем же шипением закрылась. Бен встал перед внутренней, снял перчатки под пристальным оком камеры наблюдения. Настенная панель площадью в квадратный фут уползла в сторону, открыв освещенный экран с контуром ладони правой руки. Бен приложил ладонь, компьютер сканировал его отпечатки. Несколько секунд спустя, после установления личности, открылась внутренняя дверь, и Бен Парнелл прошел в главный коридор, ведущий в другие коридоры, к лабораторным и административным помещениям.

Доктор Джон Акафф, руководитель проекта «Черника», вызванный службой безопасности, вернулся в «Биомех» лишь несколько минут назад. Теперь Бен нашел Акаффа в коридоре восточного крыла, где он о чем-то совещался с тремя учеными-исследователями, двумя мужчинами и женщиной, также задействованными в проекте «Черника».

Руководитель проекта, крупный, лысеющий, бородатый мужчина, ничем не напоминал сухаря, с головой ушедшего в науку. Он обладал отменным чувством юмора, любил пошутить, в глазах Акаффа всегда поблескивали веселые искорки. Сегодня они исчезли напрочь. Лицо Джона было перекошено от страха.

— Бен! Вы нашли этих чертовых крыс?

— Не нашли даже следов. Я как раз хотел с вами об этом поговорить. Может, у вас есть идея, куда они могли забраться?

Акафф приложил руку ко лбу, словно проверял, нет ли у него температуры.

— Бен, их надо найти. И быстро. Если мы не найдем их сегодня... Господи, возможные последствия... все будет кончено.

Глава 3

Собака попыталась зарычать на тех, кто прятался в темноте за аркой, но рычание обернулось жалобным повизгиванием.

Мег с неохотой, но решительно вошла в гостиную, нащупала на стене выключатель. Щелкнула.

Восемь стульев с гнутыми ножками, как всегда, чинно стояли вокруг большого обеденного стола из орехового дерева. В горке поблескивала посуда. Все на месте, ничего лишнего. Она-то ожидала увидеть незваного гостя.

Дуфус остался на кухне, дрожа, как лист на ветру. Вообще-то пес был не из пугливых, однако кто-то или что-то напугало его. И очень сильно.

— Мам?

— Оставайся на кухне,— отозвалась Мег.

— Что случилось?

Зажигая по пути все лампы, Мег прошла в гостиную, потом в заставленную стеллажами с книгами библиотеку. Заглянула во все шкафы, углы, чуланы. Оружие она держала наверху, но не хотела оставлять Томми одного, не убедившись, что на первом этаже никто не прячется.

После смерти Джима забота о здоровье и безопасности Томми превратились для Мег в навязчивую идею. Она это понимала, признавала, но ничего не могла с собой поделать. Всякий раз, когда сын простужался, думала, что это воспаление легких. Каждый порез, содранная кожа или царапина вызывали опасения, что он истечет кровью. А уж когда Томми, играя, упал с дерева и сломал ногу, Мег чуть не лишилась чувств. Если бы она потеряла Томми, которого любила всем сердцем, то потеряла бы не только сына, но и последнюю живую частицу Джима. А смерти своих близких Мег Лasситер боялась больше собственной.

Ее страшила смерть Томми от болезни или в результате несчастного случая... а вот в то, что мальчик мог стать жертвой

преступления, она как-то не верила, хотя и приобрела для защиты ружье. *Жертва преступления.* Так мелодраматично и нелепо. В конце концов, это сельская местность, не зараженная насилием, а не Чикаго или Нью-Йорк.

Но ведь что-то смертельно напугало обычно шумливого лабрадора, а эту породу ценили за храбрость и решительность. Если не вор... то что?

Мег вышла в холл, посмотрела на темную лестницу. Щелкнула выключателем, зажигая свет в коридоре второго этажа.

Запасы ее храбрости тоже подходили к концу. Мег вихрем промчалась по комнатам первого этажа, движимая страхом за Томми, не думая о собственной безопасности. Теперь задалась вопросом: а что она сможет сделать, если столкнется лицом к лицу с грабителем?

Ни единого звука не доносилось со второго этажа. Она слышала лишь завывания холодного ветра. Однако Мег не оставляло ощущение, что не следует ей подниматься наверх.

Возможно, наилучший вариант — усадить Томми в джип и поехать к соседям, которые жили в четверти мили от них, к северу по Блек-Оук-роуд. Оттуда позвонить в управление шерифа и попросить осмотреть дом от подвала до чердака.

С другой стороны, буран все набирал силу, и в такую погоду поездка даже на полноприводном джипе могла привести к печальным последствиям.

И потом, если бы грабитель затаился на втором этаже, Дуфус обязательно бы залаял. Уж чего-чего, а трусости за ним не замечалось.

Может, его поведение обусловлено не страхом? Может, она неправильно истолковала его реакцию? Поджатый хвост, опущенная голова, дрожащие бока... возможно, это симптомы болезни?

— Держи себя в руках,— строго приказала себе Мег и торопливо поднялась по лестнице.

Ее встретил пустой коридор.

Она прошла в свою спальню и достала из-под кровати ружье «моссберг» двенадцатого калибра, с укороченным стволом и пистолетной рукояткой. Идеальное оружие для самообороны, компактное, но при этом достаточно мощное, чтобы остановить любого громилу. А чтобы попасть в цель, особой меткости не требовалось: дробь обеспечивала такую широкую зону поражения, что требовалось лишь направить ружье в сторону нападавшего. Более того, используя дробь мелкого калибра, Мег могла остановить агрессора, не убивая его.

Вообще-то оружие она ненавидела и никогда не купила бы «моссберг», если б не тревога за Томми.

Мег проверила комнату сына. Никого.

Две спальни, расположенные дальше по коридору, соединялись широкой аркой, образуя просторную студию. Чертежная доска, мольберты, шкафчики для кистей и красок стояли там, где она их и оставила.

Никто не прятался и в ванных.

Последним Мег осмотрела кабинет Джима. И там никого. Очевидно, она неправильно истолковала поведение лабрадора и теперь злилась на себя за столь неадекватную реакцию.

Опустив ружье, она постояла в кабинете Джима, собираясь с мыслями. После смерти мужа она здесь ничего не меняла, чтобы иметь возможность воспользоваться компьютером, если возникала необходимость написать письмо или заполнить налоговую декларацию. Впрочем, комната оставалась прежней и из сентиментальных соображений. Она помогала Мег вспоминать, каким счастливым был Джим, когда работал над очередным романом. Радовался, как мальчишка, если дело спорилось, а сюжет делал один неожиданный поворот за другим. После похорон Мег иногда приходила в кабинет, чтобы просто посидеть и вспомнить мужа.

Часто она чувствовала, что смерть Джима загнала ее в западню, дверца которой захлопнулась с его уходом из ее жизни, и теперь Мег сидит в маленькой комнате без окон и с единственной дверью, ключа от которой у нее нет.

Как она могла построить новую жизнь, найти счастье, потеряв мужчину, которого так сильно любила? В Джиме она обрела, а потом потеряла идеал. Разве можно надеяться на то, что будущее сведет ее с таким же удивительным человеком?

Мег вздохнула, выключила свет, выходя из кабинета, закрыла за собой дверь. Зашла в свою комнату, положила ружье на место.

А вот в коридоре, подходя к лестнице, почувствовала на себе чей-то взгляд. Чувство это было таким сильным, что Мег даже обернулась.

Увидела пустой коридор.

Снова обыскала все комнаты. Нет, в доме, кроме нее и Томми, никого нет.

«Ты нервничаешь из-за этого маньяка на Блек-Оук-роуд, который ехал так, будто ему гарантировали вечную жизнь».

Когда Мег вернулась на кухню, Томми сидел на том же стуле у стола.

— Что-то не так? — с тревогой спросил он.

— Все в порядке, дорогой. Дуфус ведет себя очень странно, вот я и решила, что в доме грабитель, но никого не нашла.

— Старина Дуфус что-нибудь разбил?

— Нет,— Мег покачала головой.— Во всяком случае, я ничего не заметила.

Лабрадор больше не опускал голову. И не дрожал. Когда Мег вошла на кухню, он сидел рядом со стулом Томми, поднялся, увидев ее, улыбнулся, завилял хвостом, ткнулся мордой в протянутую руку. Потом подошел к двери и поскребся лапой, как делал всегда, когда хотел показать, что ему пора облегчиться.

— Я поставлю джип. Сними пальто и перчатки. И не вставай со стула, пока я не принесу костыли.

Мег вновь надела сапоги и вышла во двор, взяв с собой собаку. Буран еще усилился. Снежинки стали меньше и жестче, теперь они напоминали песчинки и шуршали, падая на крышу и крыльцо.

Не выказывая ни малейшего страха перед бураном, Дуфус выскочил во двор.

Мег поставила джип в амбар, который служил им гаражом. Вылезая из кабины, вскинула глаза вверх, посмотрела на едва различимые в темноте стропила. Они жалобно поскрипывали под порывами ветра. В амбаре пахло машинным маслом, бензином, но сквозь них пусть и с трудом, но пробились оставшиеся с давних времен запахи сена и домашней скотины.

Доставая из кабины костыли Томми, она вновь почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Оглядела темный амбар, освещенный лишь тусклой лампой, которая зажигалась автоматически при открытии ворот. Кто-то мог прятаться за перегородками, разделяющими пространство у южной стены на стойла. Кто-то мог притаиться на сеновале. Но Мег не нашла ни единого доказательства того, что в амбаре — чужой.

— Милая, в последнее время ты читаешь слишком много триллеров,— сказала она себе, стараясь почерпнуть уверенность в звуке собственного голоса.

С костылями Томми Мег вышла во двор, нажала кнопку закрытия ворот, подождала, пока металлические панели со стуком встанут на бетонный пол.

Дойдя до середины двора, остановилась, восхищенная красотой зимней ночи. Таинственно мерцал снег, ветер наметал сугробы на земле, залеплял стволы пяти кленов, росших в северной части двора. Их черные ветви пронзали ночь.

К утру она и Томми могли оказаться в снежном плену. Каждую зиму Блек-Оук-роуд на день-два заваливало снегом. Нельзя сказать, что отрыв от цивилизации на короткое время доставлял много хлопот. Пожалуй, наоборот, появлялась редкая возможность проверить собственные силы, оставаясь один на один с природой.

Красота ночи, конечно, радовала, а вот снег, ветер, мороз — не очень. От ударов жестких снежинок начало гореть лицо.

Когда Мег позвала Дуфуса, он появился из-за угла дома, едва видимый в темноте, скорее фантом, чем собака. Он словно скользил над землей, не живое существо, а темное привидение. Шумно дышал, вилял хвостом, снег и ветер не доставляли ему никаких неудобств, наоборот, бодрили.

Мег открыла дверь на кухню. Томми сидел у стола. За ее спиной Дуфус замер на верхней ступеньке крыльца.

— Заходи, приятель, на дворе холодно.

Лабрадор завыл, будто боялся возвращаться в дом.

— Заходи, заходи. Пора ужинать.

Дуфус поднялся на крыльцо, с опаской пересек его. Сунул голову в дверь, подозрительно оглядел кухню. Понюхал теплый воздух... и по его телу прокатилась волна дрожи.

Мег игриво поддала псу под зад.

Он с упреком посмотрел на нее, но не сдвинулся с места.

— Заходи, мальчик. Или ты собираешься оставить нас без своей защиты? — спросил со своего стула Томми.

Словно поняв, что на кон поставлена его репутация, пес с неохотой переступил порог.

Мег вошла следом, закрыла и заперла дверь.

Сняв с крюка собачье полотенце, строго наказала: «Не смей отряхиваться, пока я тебя не вытерла».

Дуфус отряхнулся, едва Мег наклонилась к нему с полотенцем в руках.

Растаявший снег полетел ей в лицо и на соседние шкафы.

Томми рассмеялся, пес вопросительно посмотрел на него, отчего мальчик засмеялся еще сильнее. Мег не оставалось ничего другого, как тоже рассмеяться, и общее веселье подействовало на Дуфуса. Он расправил грудь, решился вильнуть хвостом, направился к Томми.

Вернувшись домой, Мег и Томми еще не пришли в себя после того, как на Блек-Оук-роуд в них едва не врезалась встречная машина. Возможно, только что пережитый страх каким-то образом передался Дуфусу, точно так же как их смех поднял ему настроение. Собаки ведь очень чувствительны, и Мег не хотелось искать другое объяснение поведению лабрадора.

Глава 4

Мороз разрисовал стекла, за окнами завывал ветер, вся планета унеслась прочь, уменьшилась сначала до размеров луны, потом астероида, наконец, пылинки. И тем уютнее казался дом, в котором они находились.

Мег и Томми ели спагетти за кухонным столом.

Дуфус вел себя уже не столь странно, но все равно чувствовалось, что он не в своей тарелке. Он жался к ним, даже есть не хотел в одиночестве. Мег с удивлением наблюдала, как лабрадор носом толкал по полу миску с «Альпо», пока не добрался до стула Томми.

— Скоро он захочет сидеть на стуле и есть со стола,— заметил Томми.

— Сначала ему придется научиться правильно держать вилку,— ответила Мег.— Я терпеть не могу, когда ее держат зубьями к себе.

— Мы пошлем его в школу хороших манер.— Томми наматывал спагетти на вилку.— Возможно, он научится стоять на задних лапах и ходить, как человек.

— Если он научится стоять, то захочет учиться танцам.

— Он будет прекрасно смотреться в бальном зале.

Они улыбались друг другу через стол, и Мег наслаждалась связывающей их близостью, которая особенно проявлялась, когда они дурачились. Но за последние два года Томми очень редко бывал в веселом настроении.

Лежа на полу у своей миски, Дуфус ел «Альпо», но, что удивительно, без особого аппетита, не набрасывался на еду. Можно сказать, клевал, то и дело поднимая голову и прислушиваясь к воющему за окнами ветру.

Позже, когда Мег мыла посуду, а Томми, по-прежнему сидя за столом, читал приключенческий роман, Дуфус тревожно гавкнул и вскочил. Застыл, глядя на шкаф между холодильником и дверью в подвал.

Мег уже собралась сказать собаке что-то успокаивающее, но сама услышала шум, который встревожил лабрадора: в шкафу кто-то скребся.

— Мышь? — с надеждой спросил Томми. Крыс он боялся.

— Судя по звуку, побольше мыши.

С крысами им уже приходилось иметь дело. Все-таки они жили на ферме, которая раньше привлекала грызунов запасами зерна, хранившимися в амбаре. И хотя теперь там стоял только джип, а крысы искали добычу в других местах, зимой они возвращались, словно каждое новое поколение на генетическом уровне знало, что Каскейд-фарм — крысиный рай.

За закрытыми дверцами шкафа когти заскребли по дереву, что-то упало, сдвигаемые телом крысы банки стукались друг о друга.

— Точно крыса,— глаза Томми широко раскрылись.— Большая крыса.

Вместо того чтобы залаять, Дуфус заскулил и попятился в другой конец кухни, подальше от шкафа, в котором хозяйничала крыса. Обычно он храбро бросался на них, но поймать хоть одну до сих пор ему не удалось.

Вытирая руки кухонным полотенцем, Мег задалась вопросом: а чем вызван страх собаки? Подошла к шкафу, состоящему из трех секций, каждая со своими дверцами. Прижалась ухом к средней. Прислушалась. Тишина.

— Она ушла,— изрекла Мег после долгой паузы.

— Ты же не собираешься открывать дверцы? — спросил Томми, увидев, что мать взялась за ручки.

— Конечно открою. Я же должна понять, как крыса попала в шкаф. Может, прогрызла дыру в задней стенке.

— А если она все еще там? — спросил мальчик.

— Ее там нет, дорогой. И потом, она, естественно, грязная и отвратительная, но не опасная. Нет более трусливого животного, чем крыса.

Мег постучала по дверце кулаком, чтобы спугнуть эту тварь, если она еще не сподобилась удрать из шкафа. Открыла средние дверцы, увидела, что все в порядке, опустилась на четвереньки, открыла нижние. Несколько банок лежали на боку. Коробку крекеров «Солтайнс» прогрызли, большую часть содержимого вывалили на полку.

Дуфус взвыл.

Мег раздвинула банки с консервами, достала несколько коробок макарон, поставила на пол, внимательно оглядела заднюю стенку. Конечно же, нашла дыру, которую прогрызла крыса. Из дыры тянуло холодным воздухом.

Мег встала, отряхнула ладони.

— К нам определенно заглянул не Микки Маус. А некий зверь на большую букву К. Пойду за крысоловками.

— Ты же не оставишь меня одного? — подал голос Томми, когда Мег шагнула к двери подвала.

— Я только принесу крысоловки, дорогой.

— Но а если крыса появится, пока тебя не будет?

— Не появится. Они предпочитают держаться в темноте.

Мальчик покраснел, боясь и в то же время стесняясь своего испуга.

— Просто... с этой ногой... я не смогу убежать, если она бросится на меня.

Сочувствуя сыну, но понимая, что, потворствуя ему, можно закрепить иррациональный страх перед крысами, Мег жестко ответила:

— Она не бросится на тебя, шкипер. Крысы боятся нас куда больше, чем мы — их.

Она включила в подвале свет, спустилась по лестнице, оставив сына с Дуфусом. Подвал освещали две тусклые лампочки,

припорошенные пылью. Мег взяла с полки шесть крысоловок, крепких, прочных, со стальными ударниками, и коробку с шариками ворфарина, крысиного яда. Поднялась наверх, не увидев и не услышав непрошеных гостей.

Увидев мать, Томми облегченно вздохнул.

— Эти крысы какие-то особенные.

— Возможно, крыса одна.— Мег поставила крысоловки на раковину.— Что значит особенные?

— Им удалось напугать Дуфуса. Ты же видела, в каком он был состоянии, когда мы пришли домой. А ведь он не из пугливых. Значит, есть в этих крысах что-то такое, если у собаки душа ушла в пятки?

— Может, это все-таки не крысы, а крыса,— поправила его Мег.— И я не знаю, что напугало Дуфуса. Для этого надо залезть в его шкуру. Мало ли что могло ему померещиться. Вспомни, как он раньше боялся пылесоса.

— Тогда он был щенком.

— Нет, он боялся пылесоса до трех лет.— Мег достала из холодильника упаковку сублимированного мяса, которое решила использовать в качестве приманки.

Сидя на полу у стула молодого хозяина, Дуфус закатывал глаза и тихонько подвывал.

По правде говоря, поведение собаки тревожило Мег не меньше Томми, но, признавшись в этом, она только усилила бы страхи мальчика.

Наполнив две мисочки отравой, Мег поставила одну в шкафчик под раковиной, а вторую на полку с «Солтайнс». Крекеры трогать не стала, надеясь, что крыса вернется за ними, а заодно отведает и ворфарина.

Четыре крысоловки она «заправила» мясом. Одну поставила под раковину, вторую — в шкаф с крекерами и мисочкой с ворфарином, но на другую полку. Третью — в кладовую, четвертую — в подвал. Вернулась на кухню.

— Давайте домоем посуду и переберемся в гостиную. Возможно, мы отловим их этим вечером, а уж к завтрашнему утру — наверняка.

Десять минут спустя, выходя из кухни последней, Мег выключила свет, надеясь, что темнота выманит крысу из укрытия и приведет к крысоловке до того, как они поднимутся на вто-

рой этаж. Она не сомневалась, что Томми будет спать лучше, зная, что серая тварь мертва.

Пока Мег разжигала огонь в камине, Дуфус уже устроился на ковре. Томми сел в кресло, положил сломанную ногу на подставку, вновь раскрыл приключенческий роман. Затем Мег вставила в проигрыватель диск с легкой музыкой и села в свое кресло с новым романом Мэри Хиггинс Кларк.

За окнами сердито завывал холодный ветер, но в гостиной царили тепло и уют. Полчаса спустя, когда Мег с головой ушла в перипетии сюжета, музыку на мгновение заглушил резкий удар, донесшийся с кухни.

Дуфус поднял голову.

Томми встретился взглядом с Мег.

Удар повторился: сработала вторая крысоловка.

— Две,— воскликнул мальчик.— Мы одновременно поймали двух.

Мег отложила книгу, вооружилась железной кочергой на случай, если крыс придется добить. Этот завершающий этап охоты она ненавидела.

Пошла на кухню, включила свет, первым делом заглянула в шкафчик под раковиной. Мисочка с отравой опустела. Исчезло и мясо из крысоловки. Пружина сработала, стальной стержень-ударник опустился, но крысу убить не удалось.

Тем не менее крысоловка сработала не зря. Под ударником лежала деревянная шестидюймовая палочка. Похоже, пружину привели в действие с ее помощью, а потом преспокойно добрались до приманки.

Нет. Такого просто не могло быть.

Мег достала крысоловку, пригляделась к ней. Палочка с одной стороны темная, с другой — естественного цвета, полоска фанеры. Той самой фанеры, которая шла на заднюю стенку кухонных шкафов.

Дрожь пробежала по телу Мег, но ей не хотелось обдумывать варианты, от которых кровь стыла в жилах.

В шкафу у холодильника вторая мисочка с отравой тоже опустела. А во второй крысоловке лежала полоска фанеры. Приманку конечно же съели.

Если у крысы хватило ума?..

Мег поднялась с колен, открыла дверцы средней секции шкафа. Консервы, пакеты с «Джелло»*, с изюмом, коробки с овсяными хлопьями вроде бы нетронутые.

Потом Мег заметила коричневый, размером с горошину, шарик крысиной отравы рядом с начатой коробкой «Олл-брэн»**. Шарик с варфарином. Но она не ставила отраву на полку с сухими завтраками. Мисочки с ней стояли под раковиной и в нижней секции. Значит, крыса перенесла отраву на другую полку.

Если бы Мег не обратила внимания на шарик, то не заметила бы царапины и дырочки на коробке с «Олл-брэн». Мег долго смотрела на коробку, потом достала из шкафа, отнесла к раковине.

Положила кочергу на разделочный столик и дрожащими руками открыла коробку. Высыпала часть содержимого в раковину. В сухом завтраке темнели отравленные горошины. Мег высыпала в раковину всю коробку. Отрава из мисочек полностью перекочевала в сухой завтрак.

Сердце Мег забилось так сильно, что его удары отдавались в висках.

«Что, черт побери, здесь происходит?»

За спиной что-то заскреблось. Странный, злобный звук.

Мег обернулась и увидела крысу. Отвратительную белую крысу, стоявшую на задних лапках на той самой полке, с которой Мег только что взяла коробку «Олл-брэн». Высота полки составляла пятнадцать дюймов, и крыса, с ее восемнадцатью, на шесть дюймов длиннее обычной, хвост не в счет, не могла полностью выпрямиться. Но напугали Мег не столько размеры крысы, сколько ее голова, непропорционально большая, никак не меньше бейсбольного мяча, необычной формы, с выпуклой верхней частью, глазами, носом и пастью, как бы съехавшими вниз.

Крыса смотрела на Мег и шевелила поднятыми передними лапами. А потом оскалила зубы и зашипела, совсем как кошка,

---

* Полуфабрикаты желе и муссов, выпускаемые в порошке.

** Сухой завтрак фирмы «Келлогг», изготовленный из отрубей, обогащенных витаминами и минералами.

а не крыса, потом завизжала с такой злобой, что Мег инстинктивно схватилась за кочергу.

И в красных глазах-бусинах, в принципе таких же, как и у любой другой крысы, Мег увидела что-то особенное, хотя поначалу и не смогла понять, что именно. Посмотрела на увеличенный череп (больше череп — больше мозг), и внезапно до нее дошло, что в красных глазах светился разум.

Крыса завизжала вновь.

Дикие крысы не бывают белыми.

Белые — *лабораторные* крысы.

Теперь Мег знала, за кем охотились на посту у «Биомеха». Она не представляла себе, *для чего* ученым потребовалось создавать такое чудовище, понятия не имела, хотя получила хорошее образование и прочитала не одну статью о генной инженерии, *как* им удалось его создать, но ни на йоту не сомневалась, что они создали эту тварь, потому что в ее дом крыса могла попасть только оттуда.

Конечно же, крыса приехала не с ними, устроившись в укромном месте под днищем. Когда охранники «Биомеха» искали ее на территории лаборатории и останавливали проезжающие автомобили, эта крыса уже сидела здесь, в тепле и уюте ее дома.

На трех нижних полках шкафа другие крысы уже продирались сквозь банки, бутылки и коробки. Такие же большие и белые, как мутант, все еще вызывавший Мег на бой.

За ее спиной по полу заскребли коготки.

И там крысы.

Мег даже не оглянулась, не стала тешить себя надеждой, что сможет защититься от них одной кочергой. Отбросила бесполезную железяку и метнулась к лестнице на второй этаж за ружьем.

Глава 5

Бен Парнелл и доктор Акафф сидели на корточках перед клеткой, которая стояла в комнате без единого окна. Шестифутовый куб, стальной пол, на нем — толстый желто-коричневый искусственный травяной газон. Раздатчики еды и воды находились снаружи, но так, чтобы обитатели клетки могли при желании ими воспользоваться. Треть клетки занимали деревянные лесенки и перекладины для игр и физических упражнений.

Дверца клетки была распахнута.

— Видите? — говорил Акафф.— Замок защелкивается автоматически при закрытии дверцы. Его нельзя оставить незапертым по ошибке. А как только замок защелкнулся, его невозможно открыть без ключа. Нам казалось, что это надежная система. То есть мы не думали, что крысам хватит ума открыть замок.

— Но они его и не открывали. Как они могли... без рук?

— А вы не приглядывались к их лапам? Крысиные лапы, конечно, еще не человеческие руки, но уже шаг вперед по сравнению со звериными лапами. Имеющихся суставов достаточно, чтобы хватать вещи. Это свойственно всем грызунам. Возьмите, к примеру, белок. Вы наверняка видели, как они сидят, держа в передних лапках печенье или грецкий орех.

— Да, но без отстоящего большого пальца...

— Конечно, такой хватки, как у людей, у них нет, но наши — не обычные крысы. Помните, это существа с модифицированными генами. Если не считать формы и размеров черепа, физически они не отличаются от других крыс, но они *умнее*. Гораздо умнее.

Акафф руководил исследованиями, призванными установить, можно ли увеличить умственные способности существ, стоявших на низших уровнях развития, скажем, крыс, с тем чтобы использовать результаты экспериментов для повышения интеллектуального уровня людей. Назывался этот проект «Черника» в честь храброго, умного кролика, одного из главных действующих лиц книги Ричарда Адамса* «Обитатели холмов».

По совету Джона Акаффа Бен прочитал эту книгу и получил огромное удовольствие, но еще не решил, одобряет он проект «Черника» или осуждает его.

— Так или иначе, это еще вопрос, сумели ли они открыть замок. Скорее всего, нет. Потому что надобно учесть вот это,—

* Адамс, Ричард (р. 1920) — английский писатель. Его первый роман-фэнтези «Обитатели холмов» (1972, с названием на языке оригинала Watership Down) некоторыми критиками ставится в один ряд с «Властелином колец».

и он указал на паз в дверной коробке, в который полагалось входить засову. Бен увидел, что паз забит какой-то коричневой субстанцией.— Пищевые гранулы. Крысы разжевывали их, а потом затолкали в паз, чтобы засов не мог в него войти.

— Но такое возможно только при открытой двери.

— Должно быть, это происходило во время гонок по лабиринту.

— Когда?

— Видите ли, у нас есть лабиринт, конфигурацию которого мы постоянно меняем. Он занимает половину этой комнаты. Сделан из прозрачного пластика. Вход мы приставляем к дверце, чтобы крысы попадали в лабиринт прямо из клетки. Вчера мы как раз проводили такой эксперимент, так что клетка надолго оставалась открытой. Если, вбегая в лабиринт, они задерживались на пару секунд, обнюхивая паз, мы могли не обратить на это внимания. Нас куда больше интересовало их поведение, после того как они попадали в лабиринт.

Бен поднялся.

— Я уже видел, как крысы выбрались отсюда. А вы?

— Да.

Парнелл и Акафф прошли в дальний конец комнаты. Рядом с углом практически на уровне пола темнело квадратное отверстие входа в вентиляционную систему здания. Закрывающую его решетку разгрызли и сорвали.

— Вы заглядывали в фильтрационную камеру?

В силу специфики исследований, проводившихся в лаборатории, отработанный воздух, прежде чем попасть в атмосферу, проходил химическую очистку. Под давлением его пропускали через различные вещества в специальной камере размером с грузовичок.

— Они не могли проскочить камеру живыми,— продолжил Акафф.— Скорее всего, в этих химикалиях вы и найдете восемь дохлых крыс.

Бен покачал головой.

— Их там нет. Мы проверяли. И мы не нашли поврежденных решеток в других комнатах, через которые они могли вы выбраться из вентиляционной системы.

— Но вы же не думаете, что крысы до сих пор в венти...

— Нет. Они из нее выбрались в зазор между стенами.

— Но как? Трубы из особо прочного пластика, все стыки надежно герметизированы.

Бен кивнул.

— Они прогрызли изоляцию в одном из соединений, раздвинули две трубы и пролезли в зазор. Мы нашли крысиный помет на чердаке... и место, где крысы прогрызли изоляцию и пластиковое покрытие крыши. Оказавшись на крыше, они смогли спуститься по водосточным трубам.

Лицо Джона Акаффа побелело еще больше.

— Послушайте, мы должны вернуть их этим вечером, любой ценой. *Этим вечером.*

— Мы стараемся.

— Одного старания недостаточно. Мы должны их вернуть. Бен, в этой стае три самца и пять самок. Все они могут воспроизводить потомство. Если мы их не вернем, они будут плодиться... пока не вытеснят обычных крыс, а потом мы столкнемся с угрозой, страшнее всех прежних. Только подумайте: *умные* крысы, которые находят и избегают ловушек, распознают яд, отделаться от них практически невозможно. Уже сейчас крысы уничтожают от десяти до пятнадцати процентов урожая в таких странах, как наша, до пятидесяти — в странах третьего мира. Бен, мы отдаем столько глупым крысам. А сколько сожрут эти? Возможно, голод начнется в Соединенных Штатах, не говоря уже о других, менее развитых странах.

Бен нахмурился.

— Вы переоцениваете опасность.

— Да нет же! Крысы — паразиты! А эти будут бороться за свое существование куда более яростно и агрессивно, чем крысы, с которыми мы имели дело раньше.

В лаборатории вдруг стало так же холодно, как и за ее стенами.

— Только потому, что эти крысы чуть умнее обычных...

— Не чуть. В десятки раз умнее.

— Но они же не такие умные, как мы, черт побери!

— Их интеллектуальный уровень лишь в два раза ниже среднестатистического человеческого,— ответил Акафф.

Бен в изумлении вытаращился на него.

— Может, и повыше.— В глазах Акаффа читался страх.— В сочетании с врожденной хитростью, преимуществом в размерах...

— Преимуществом в размерах? Мы же гораздо больше...

Акафф покачал головой.

— Больше — не всегда лучше. Они меньше, а потому быстрее нас. Они могут исчезнуть через щель в стене, нырнуть в канализационную трубу. Они крупнее обычных крыс, длина их тела приблизительно восемнадцать дюймов против двенадцати, но они все равно маленькие, а потому заметить их не так-то легко. Размеры — не единственное их преимущество. *Ночью они видят так же хорошо, как и днем.*

— Док, вы меня пугаете.

— И это хорошо. Потому что крысы, которых мы создали, новый вид с модицифированными генами, враждебны нам.

Наконец-то Бен сформировал свое отношение к проекту «Черника». Отнюдь не благожелательное. И задал вопрос, еще не зная, а хочется ли ему знать ответ:

— Поясните, что именно вы хотите этим сказать?

Отвернувшись от дырки в стене, Акафф вышел на середину комнаты, обеими руками уперся в мраморный лабораторный стол, заговорил, поникнув головой, закрыв глаза:

— Мы не знаем, почему эти крысы настроены к нам враждебно. Это данность. Может, какой-то дефект в их генетическом коде. Может, мы сделали их очень уж умными и они понимают, что мы — их хозяева... и бунтуют. Какой бы ни была причина, они агрессивные, жестокие. Они сильно покусали нескольких наших сотрудников. Если б мы не приняли особые меры безопасности, они бы обязательно кого-нибудь загрызли. Мы работаем в толстых перчатках, которые крысы не могут прокусить, в масках из высокопрочного пластика и костюмах из кевлара со стойкой, закрывающей шею. Из кевлара! Того самого, из которого изготавливают пуленепробиваемые жилеты. И нам такие костюмы необходимы, потому что эти маленькие твари только и ждут момента, чтобы добраться до нас.

— Тогда почему вы их не уничтожили? — в изумлении спросил Бен.

— Мы не могли уничтожить успех.

— Успех? — Бен уже ничего не понимал.

— С научной точки зрения, их враждебность не имела значения, потому что они еще и *умные*. Перед нами стояла задача создать умных крыс, и мы ее решили, добились успеха. Мы рассчитывали, что со временем нам удастся установить причину этой агрессивности и избавиться от нее. Вот почему мы поместили их всех в одну клетку. Думали, что агрессия идет именно от их изоляции друг от друга, что они достаточно умны, чтобы осознавать потребность в общении, что жизнь под одной крышей может... смягчить их нрав.

— А вместо этого вы способствовали их побегу.

Акафф кивнул.

— И теперь они непонятно где.

Глава 6

Пересекая холл, Мег через широкую арку бросила взгляд в гостиную. Увидела, что Томми тянется к костылям, чтобы подняться с кресла. Дуфус нервно повизгивал. Томми позвал ее, но Мег не остановилась, понимая, что дорога каждая секунда.

Взлетая по ступеням, она оглянулась, но крысы за ней не гнались. Свет в холле не горел, так что они могли затаиться в темных углах.

На втором этаже, тяжело дыша, она в несколько прыжков добралась до своей комнаты, вытащила из-под кровати ружье, загнала в казенник первый из патронов в магазине.

Перед мысленным взором Мег возникали выскакивающие из шкафа крысы, и она поняла, что ей потребуются дополнительные патроны. Коробка с пятьюдесятью патронами стояла в стенном шкафу, где висела одежда. Мег сдвинула дверь и вскрикнула от удивления, увидев двух больших белых крыс, которые тут же метнулись к задней стенке и проскочили в дыру, до того как она успела не только выстрелить, но и вспомнить про ружье, которое держала в руке.

Коробка с патронами лежала на полу. Крысы прогрызли картон и вытаскивали патроны по одному, потом унося в дыру. Мег взяла коробку. К ее ужасу, там осталось только четыре патрона. Мег быстро рассовала их по карманам джинсов.

Если крысы смогли утащить патроны из коробки, не удалось ли им найти способ вытащить их из магазина ружья, оставив ее беззащитной? Неужели они такие умные?

Томми звал ее снизу, Дуфус отчаянно лаял.

Мег выбежала из спальни. Рискуя подвернуть ногу, прыгая через две ступеньки, спустилась по лестнице. Лабрадор стоял в холле первого этажа, широко расставив лапы, наклонив голову и прижав уши к черепу. Он смотрел на кухню, но уже не лаял, а угрожающе рычал, пусть и дрожа всем телом от страха.

Томми Мег нашла в гостиной. Мальчик стоял, опираясь на костыли, и она облегченно выдохнула, увидев, что крысы не набросились на него.

— Мам, зачем тебе ружье? Что случилось?

— Крысы... я думаю... я знаю, что они из «Биомеха». Отсюда и пост. Именно их искали люди с фонарями, поэтому осматривали днище джипа.— Она огляделась, ожидая увидеть что-то, движущееся у стен, за мебелью.

— Откуда ты знаешь? — спросил мальчик.

— Я их видела. Ты бы тоже все понял, если бы увидел этих крыс.

Дуфус оставался в холле, но Мег не успокаивало его глухое рычание, предназначавшееся тем, кто затаился на кухне. Она понимала, что собака *таким* крысам не соперник. Они расправятся с ней без труда, как только подготовятся к атаке.

А они готовились. С измененными генами, с увеличенными черепами и мозгом, они и *вели себя* иначе в сравнении с обычными крысами. По природе крысы — пожиратели падали, не охотники, и они выжили только потому, что предпочитали держаться в тени, обитали в подвалах и канавах. Они не решались нападать на человека, за исключением тех случаев, когда он не мог оказать никакого сопротивления: отключившийся алкоголик, младенец в колыбели. Крыс из «Биомеха» отличала смелость и враждебность, из пожирателей падали они превратились в агрессоров. И попытка украсть все патроны ясно указывала на то, насколько они умны.

— Но если они не обычные крысы, то какие же? — Голос Томми дрожал.

Она вспомнила отвратительный огромный череп, красные глаза, светящиеся злобой, бледное, пухлое, мерзкое тело.

— Расскажу позже. Пойдем, дорогой, нам надо выбираться отсюда.

Они могли выйти через парадную дверь, обойти дом, через двор добраться до амбара, но для мальчика на костылях, да еще в буран, это был долгий путь. Мег решила, что проще пройти через кухню. И потом, их пальто сушились на вешалке у двери черного хода, а ключи от джипа лежали в кармане пальто.

Дуфус храбро повел их из холла на кухню, хотя определенно не испытывал радости от грядущей стычки с крысами.

Мег не отходила от Томми ни на шаг, держа ружье обеими руками. Пять патронов в магазине, четыре в карманах. Хватит ли этого? Сколько крыс убежало из «Биомеха»? Шесть? Десять? Двадцать? Расстреливать их по одной — дорогое удовольствие, надо беречь патроны, стараться одним выстрелом поражать двух или трех. А если они не будут атаковать стаей? Если бросятся на них по одной с разных направлений, заставляя стрелять налево, направо, снова налево, тратя на каждую по драгоценному патрону? Каким-то образом Мег должна остановить их до того, как они доберутся до Томми, даже если они будут атаковать по одной, потому что, если они прыгнут на нее или Томми, ружье уже не поможет, придется защищаться голыми руками против острых зубов и когтей. Едва ли женщине и ребенку удастся справиться даже с полудюжиной больших, бесстрашных... и умных крыс, жаждущих вцепиться им в горло.

Однако на кухне, если не считать посвиста ветра и шуршания бьющих в стекло снежинок, их встретила тишина. Дверцы шкафа так и остались открытыми, но крысы ушли.

Это какое-то безумие! Два года, на протяжении которых Мег воспитывала Томми без помощи Джима, ее волновало только одно: правильно ли она все делает? Мег старалась изо всех сил, чтобы мальчик четко определился с понятиями добра и зла... Она тревожилась из-за его травм и болезней. Ей не давали покоя мысли о том, справится ли она с кризисами, которые ждут впереди. Но Мег и представить себе не могла, что судьба подложит ей такую свинью: их буколическая Каскейд-фарм, затерянная на Блек-Оук-роуд, окажется не менее опасной, чем трущобный район мегаполиса.

— Надень пальто,— приказала Мег сыну.

Дуфус вскочил. Принюхиваясь, начал крутить головой, оглядывая основания шкафов, холодильник, открытый шкафчик под раковиной.

Держа «моссберг» в правой руке, Мег левой сдернула пальто с вешалки, сунула руку в рукав, перекинула в нее ружье, сунула в другой правую руку. Одной рукой натянула сапоги, боясь положить ружье на пол.

Томми смотрел на крысоловку, которую она оставила на разделочном столике, ту самую, из-под раковины. Палочка, которую крысы использовали, чтобы привести в действие пружину, по-прежнему лежала между наковальней и стержнем-ударником. Томми пытался понять, что бы это значило.

Но прежде чем он начал задавать вопросы или сам нашел ответ, Мег сказала:

— Сапог на здоровую ногу можно не надевать. И костыли оставь здесь. С таким снегом толку от них не будет. Ты сможешь опереться на меня.

Дуфус дернулся и замер.

Мег подняла ружье, оглядела кухню.

Лабрадор зарычал, но крысы не показывались.

Мег открыла дверь, впустив в кухню ледяной ветер.

— Пошли, быстро, пора.

Томми на одной ноге запрыгал на крыльцо, сначала держась за дверной косяк, потом опираясь на стену дома. Пес выскользнул следом. Мег — за ним.

С «моссбергом» в правой руке, левой поддерживая Томми, она спустилась с крыльца по засыпанным снегом ступеням во двор. Заметно подморозило. От ветра слезились глаза, щипало лицо. Перчатки Мег не взяла, так что стали мерзнуть руки. Тем не менее на улице она чувствовала себя в большей безопасности, чем в доме. Она сомневалась, что крысы будут преследовать их: для маленьких существ буран создавал куда больше трудностей.

Говорить было невозможно, потому что вой ветра глушил все звуки. Мег и Томми медленно продвигались к амбару, Дуфус держался рядом.

И хотя они несколько раз поскальзывались, а однажды чуть не упали, до амбара добрались быстрее, чем Мег ожидала. Она

нажала кнопку, включающую механизм поднятия ворот, и поднырнула под воротину до того, как та успела полностью подняться. В тусклом свете единственной лампочки, оглядев амбар, Мег повела сына к джипу.

Выудив из кармана пальто ключи, она открыла дверцу со стороны пассажирского сиденья, отодвинула его назад до упора, помогла Томми усесться: хотела, чтобы он был рядом, а не на заднем сиденье, пусть и более для него удобном. Когда оглядела в поисках собаки, увидела, что лабрадор стоит у входа в амбар, не желая переступать порог.

— Дуфус, сюда, быстро,— крикнула она.

Лабрадор переступил лапами. Оглядел тени в амбаре и глухо зарычал.

Помня, что у нее, когда она ставила джип в амбар, тоже возникло ощущение, будто за ней следят, Мег еще раз оглядела темные углы, сеновал, но не увидела ни бледных тел, ни красных горящих глаз.

Должно быть, лабрадор демонстрировал излишнюю осторожность. Она понимала его состояние, но задерживаться дольше было нельзя. И Мег повторила, гораздо тверже:

— Дуфус, сюда. Быстро!

Он с неохотой вошел в амбар, нюхая пол и воздух, потом подбежал к машине и запрыгнул на заднее сиденье.

Мег закрыла дверцу, обошла джип, села за руль.

— Мы поедем в «Биомех». Надо сообщить им о наших находках. А то они ищут не там, где следует.

— Что это с Дуфусом? — спросил Томми.

Собака не находила себе места. Металась от одного бокового окна к другому, всматривалась в темноту амбара, поскуливала.

— Ничего особенного,— ответила Мег.— Дуфус — это Дуфус.

Усевшийся поперек сиденья, иначе не помещалась загипсованная нога, десятилетний Томми выглядел моложе своих лет — такой испуганный, беззащитный.

— Все нормально,— попыталась успокоить сына Мег.— Уезжаем.

Вставила ключ в замок зажигания, повернула. Никакой реакции. Повернула снова. Джип не заводился.

Глава 7

У высокого забора, протянувшегося вдоль северо-восточной границы территории «Биомеха», Бен Парнелл сидел на корточках, изучая дыру в начавшей смерзаться земле диаметром аккурат с тело крысы. Несколько его подчиненных сгрудились вокруг. Один освещал землю лучом мощного ручного фонаря.

К счастью, в этом месте ветер раздувал снег, а не громоздил сугробы, но все равно охранники обнаружили лаз лишь во время второго обхода периметра.

— Думаете, они там? — Стиву Хардингу приходилось кричать, чтобы перекрыть рев ветра.— Сидят в норе?

— Нет.— Дыхание паром вырывалось изо рта Бена. Если бы он думал, что лаз глухой, с единственным выходом, то не сидел бы рядом на корточках: крыса могла атаковать его, вцепиться в лицо.

«Они враждебны человеку,— говорил Джон Акафф.— Крайне враждебны».

— Крысы не стали бы рыть постоянную нору. Этот лаз выходит на поверхность по другую сторону забора, и они давно уже убежали.

К охранникам присоединился высокий, худощавый мужчина в куртке с нашивкой «Управление шерифа».

— Кто из вас Парнелл?

— Это я,— ответил Бен.

— Джо Хокнер,— и мужчине приходилось кричать.— Управление шерифа. Привез ищейку, о которой вы просили.

— Отлично.

— Что здесь происходит?

— Одну минуту.— Бен вновь всмотрелся в лаз, по которому крысы ушли с территории «Биомеха».

— С чего вы решили, что туннель прорыли они? — спросил Джордж Янси, другой охранник.— Может, какое-то другое животное.

— Фонарь ближе,— приказал Бен.

Стив Хардинг наклонился, направил луч на пятидюймовую дыру в земле.

Прищурившись, наклонившись ниже, Бен увидел что-то белое, прилипшее к земле у самого края лаза, точно не снег. Снял правую перчатку, протянул руку, ухватился за комочек земли, к которому прилипло белое, достал. Волоски. Последние сомнения отпали.

Глава 8

Томми и собака остались в кабине, тогда как Мег вылезла из джипа с ружьем и фонариком, который достала из бардачка, чтобы открыть капот. В свете фонаря увидела изгрызенные и оборванные электрические провода, идущие от свечей к крышке трамблера. Шланги зияли дырами. Масло, антифриз и бензин капали на пол.

Мег не просто испугалась. Она была в ужасе. Но не выказывала страха, чтобы не напугать Томми.

Захлопнула капот, подошла к дверце со стороны пассажирского сиденья, открыла ее.

— Не знаю, что там случалось, но двигатель не заводится.

— Но он же работал, когда мы приехали.

— Да, но теперь не заводится. Пошли.

Мег помогла сыну вылезти из кабины, и, встав на землю, он спросил:

— Это сделали крысы, не так ли?

— Крысы? Крысы в доме. Они отвратительные, все так, я же говорила, но...

Мальчик ее прервал.

— Ты стараешься этого не показывать, но ты их боишься, а значит, это те еще крысы. Совсем непохожие на обычных, потому что испугать тебя нелегко. Ты испугалась, когда погиб папа, я знаю, что испугалась, но лишь на короткое время, а потом быстро взяла себя в руки, чтобы я чувствовал себя рядом с тобой в полной безопасности. А если смерть папы не смогла тебя сломить, думаю, что ничто не сможет. Но эти крысы из «Биомеха», какими бы они ни были, испугали тебя еще больше.

Мег прижала Томми к себе, обняв судорожно, до боли, но ружья из руки не выпустила.

— Мам,— продолжил мальчик,— я видел крысоловку с палочкой, видел сухой завтрак в раковине, перемешанный с крысиной отравой, и вот что подумал... Эти крысы ужасно умные, возможно, благодаря тому, что с ними сделали в лаборатории, умнее, чем должны быть крысы, и теперь они каким-то образом вывели из строя джип.

— Они не такие уж умные. Не умнее нас, шкипер.

— И что же нам теперь делать? — прошептал он.

Мег тоже перешла на шепот, хотя не видела крыс в амбаре и не знала, остались ли они здесь после того, как искорежили

джип. А если крысы наблюдали за ними из темноты?.. Мег не сомневалась, что английского они не понимают. Есть же пределы тому, что ученые из «Биомеха» могли дать этим тварям. Но она тем не менее перешла на шепот:

— Мы вернемся в дом...

— Но, может, именно этого они от нас и хотят.

— Возможно. Но я попытаюсь воспользоваться телефоном.

— О телефоне они наверняка подумали.

— Может, и нет. Кто знает, насколько они умны?

— Достаточно для того, чтобы подумать о джипе.

Глава 9

За забором на добрую сотню ярдов тянулся луг, дальше начинался лес.

Шансы, что крысы до сих пор на лугу, равнялись нулю. Охранники по двое и по трое все равно прочесывали его в надежде, что удастся обнаружить хоть какие-то следы беглецов. Даже в солнечный и ясный день найти на открытой местности таких маленьких зверьков, как крысы, практически не представлялось возможным. Бен Парнелл сразу повел четверых мужчин и ищейку вдоль опушки. Пса звали Макс. Приземистый, широкогрудый, мощный, с большими лохматыми ушами и забавной мордой, к делу он подходил очень серьезно. Джо Хокнер дал Максу понюхать клок искусственного травяного газона и помет крыс, принесенные из клетки, и ищейке определенно не понравился идущий от них запах. Но, с другой стороны, необычность и интенсивность запаха облегчали задачу, а Максу, натасканному на поиск дичи, ветер и снег нисколько не мешали.

Не прошло и двух минут, как ищейка взяла след у наполовину засыпанного снегом куста. И, натягивая поводок, потащила Хокнера в лес. Бен и его люди последовали за ними.

Глава 10

Мег выпустила Дуфуса из кабины, и втроем они направились к открытым воротам амбара, за которыми ветер поднимал снежные вихри, очень уж напоминавшие призраков. Буран все

набирал силу, стропила стонали, скрипели петли незакрепленной дверцы сеновала.

— Томми, ты останешься на крыльце. Я пройду на кухню, попробую позвонить по телефону. Если он не работает... мы пойдем к шоссе и остановим машину.

— В такой буран никто не ездит.

— Кто-нибудь да проедет. Снегоочиститель или грейдер.

Мальчик остановился на выходе из амбара.

— Мам, до Блек-Оук-роуд три четверти мили. Я не смогу пройти так много с загипсованной ногой, даже если ты поможешь. Я уже устал, и здоровая нога подгибается. Даже если смогу, на это уйдет много, очень много времени.

— Мы дойдем до шоссе,— заверила Мег сына,— а сколько на это уйдет времени, значения не имеет. Я уверена, что на улице крысы нас преследовать не будут. Здесь мы в безопасности... во всяком случае, они для нас угрозы не представляют.— Тут она вспомнила про санки.— Я смогу довезти тебя до шоссе.

— Довезти? Как?

Она рискнула оставить Томми и Дуфуса у ворот, бегом вернулась в амбар, бросилась к стене, на которой висели санки мальчика, рядом с лопатой, мотыгой и граблями. Не выпуская из рук «моссберг», сняла санки с крюка и потащила к воротам, где ее дожидался Томми.

— Но, мам, я слишком тяжелый, ты не сможешь меня везти.

— Разве не я катала тебя по ферме в снежные дни?

— Да, но давно, когда я был маленьким.

— Ты и сейчас не великан, милый. Усаживайся.

Мег похвалила себя за то, что вспомнила про санки. Она обладала одним, но важным преимуществом в сравнении с этими чудовищами, порожденными высокими технологиями: была матерью, которая защищала своего ребенка, а такой силе не могли противостоять даже твари, созданные в «Биомехе».

Она поставила санки на снег, помогла Томми усесться. Обеими руками мальчик ухватился за боковины, чтобы не свалиться. Толстый шерстяной носок, натянутый на его стопу и поверх гипса, уже промок и заледенел. Мег ужаснулась тому, что вдобавок ко всем несчастьям Томми может еще и отморозить пальцы.

Дуфус озабоченно кружил вокруг, пока Томми усаживался в санки. Несколько раз гавкнул на амбар, Мег оглядывалась, но крыс не видела.

Берясь за крепкую нейлоновую веревку, Мег молила Бога, чтобы телефон в доме работал и она смогла вызвать подмогу. Она потащила Томми через двор. Кое-где полозья проваливались сквозь тонкий слой снега и скребли по замерзшей земле. Но в основном скользили достаточно легко, и у Мег крепла надежда, что они смогут добраться до шоссе до того, как ветер заставит ее рухнуть от усталости.

Глава 11

Подлесок был не таким плотным, да и крысы предпочитали пользоваться оленьими тропами, поэтому ищейка и люди достаточно быстро продвигались по следу беглецов. К счастью, густые кроны елей перекрывали друг друга, так что большая часть снега оставалась на ветвях, облегчая работу коротконогой собаке. Бен ожидал, что Макс будет беспрерывно лаять.

Во всех фильмам о побегах из тюрьмы собаки лаяли и рычали, преследуя Кэнни или Богарта, но Макс в основном обнюхивал землю, один раз гавкнул, а так обходился и без лая, и без рычания.

Она прошли с четверть мили, спотыкаясь на неровной земле, пугаясь странных теней, которые вызывали к жизни ручные фонари, прежде чем Бен понял, что крысы и не собирались рыть нору. Будь у них такое намерение, они бы зарылись в землю вскоре после того, как добрались до леса.

Вместо этого они бежали вперед в поисках чего-то более уютного, чем простая нора. И понятно почему: они же не были дикими крысами, отнюдь. Многие десятки, если не сотни поколений их предков жили в клетках, где их кормили и поили. И при всем их уме они не смогли бы выжить в лесу, а потому бежали и бежали, чтобы найти приют в человеческом жилище, стремились удрать как можно дальше от лаборатории, пока их не остановили усталость и мороз.

Каскейд-фарм.

Бен вспомнил миловидную женщину, сидевшую за рулем джипа-универсала: каштановые волосы, миндалевидные карие

глаза, россыпь веснушек на переносице, мальчика на заднем сиденье лет девяти или десяти, который напомнил ему о дочери, Мелиссе. Девочке было девять, когда она потерпела поражение в отчаянной борьбе с раком. Мальчик выглядел таким же уязвимым, как и Мелисса, отчего Бен не находил себе места, когда смотрел, как она угасает. Глядя через окно на мать и сына, Бен завидовал их нормальной, по его разумению, жизни, по себе зная, что только любовь и семья позволяют человеку выдержать удары судьбы.

И теперь, продираясь по лесу за помощником шерифа Хокнером и его собакой, Бен вдруг осознал, что крысы, которые удрали из «Биомеха» задолго до начала бурана, сумели добраться до Каскейд-фарм, ближайшего к лаборатории человеческого жилища, и над семьей, которой он так недавно завидовал, нависла смертельная опасность. Лasситер. Он вспомнил и фамилию. У Бена не оставалось ни малейших сомнений в том, что крысы обосновались в доме Лasситеров.

«Враждебны,— говорил Акафф.— Крайне враждебны. Бессмысленно, безжалостно, демонически враждебны».

— Всем стоять! Подождите! Всем стоять! — крикнул он.

Хокнер придержал Макса, охранники остановились на прогалине между высокими соснами. Клубы пара вырывались из ноздрей и ртов, все вопросительно смотрели на Бена.

— Стив, возвращайся к главным воротам,— приказал он.— Усади людей на грузовик и поезжай на Каскейд-фарм. Ты знаешь, где это?

— Да, чуть дальше по Блек-Оук-роуд.

— Господи, помоги тем, кто там живет, потому что я уверен, что крысы прячутся там. Это единственное теплое место в непосредственной близости от лаборатории. Если они не добрались до Каскейд-фарм и не укрылись там, они погибнут в этом буране, но я сомневаюсь, что нам так повезет и погода исправит наши ошибки.

— Понял.— Стив двинулся в обратный путь.

Бен повернулся к Хокнеру.

— Мы идем дальше. И будем надеяться, что я ошибся.

Хокнер ослабил поводок. Макс вновь гавкнул один раз, когда поймал запах крыс.

Глава 12

К тому времени, когда Мег протащила санки через длинный двор, сердце выскакивало из груди, а при каждом вздохе горло резало, как ножом. Уверенности в том, что она сможет дотащить санки с Томми до шоссе, сильно поубавилось. Возможно, она бы с этим и справилась по окончании бурана. Но пока ей приходилось бороться не только с весом мальчика, но и с яростным ветром. Более того, полозья не ошкурили, не смазали, не натерли воском, короче, не подготовили к сезону, и покрывающая их ржавчина увеличивала силу трения.

Дуфус держался рядом с санками, но буран начал сказываться и на нем. Он дрожал всем телом. В шерсть набился снег. В слабом свете кухонных окон Мег видела, что на шее лабрадора поблескивают маленькие сосульки.

Томми выглядел получше, чем собака. Он надел на голову капюшон и наклонился вперед, чтобы ветер не бил в лицо. Но ни он, ни Мег не надели теплого белья, а джинсы почти не защищали от ветра и мороза. Так что на длинном пути от дома до Блек-Оук-роуд ветер мог выдуть последние остатки тепла.

Только бы работал телефон, молила она.

Глядя на Томми, она различала лишь бледное пятно в глубине капюшона.

Крича, чтобы перекрыть вой ветра, Мег велела ему подождать здесь (как будто он мог ждать где-то еще), добавила, что вернется через минуту (хотя оба знали, что в доме с ней могло случиться все, что угодно).

С «моссбергом» двенадцатого калибра в руках она поднялась на крыльцо, осторожно открыла дверь черного хода. На кухне крысы устроили настоящий погром. Коробки с продуктами вытащили из шкафа, разорвали, содержимое разбросали по полу. Несколько видов сухих завтраков, сахар, муку, крекеры, пирожные, макароны, спагетти смешали с осколками стекла разбитых банок и бутылок и находящимися в них кетчупом, соусами, яблочным уксусом, вишневым компотом, оливками, маринованными огурцами.

Этот погром производил особо жуткое впечатление тем, что в нем проявлялась бессмысленная ярость. Крысы все порвали и разбили не потому, что искали еду. Эти существа, похоже, до

такой степени ненавидели человека, что уничтожали его собственность, получая несказанное наслаждение от самого процесса, блаженствуя при виде содеянного ими, как блаженствовали гремлины*, когда им удавалось нагадить людям.

Этих крыс, конечно же, создали люди. И во что, скажите на милость, превратится этот мир, если человек будет населять его сотворенными им же чудовищами? Или так было всегда?

Мег не увидела крыс, учинивших весь этот беспредел, не услышала их возни в шкафах. Осторожно двинулась в дом.

Ледяной ветер ворвался вместе с ней, словно в дверь под высоким давлением хлынула вода. Белые облака муки поднялись с пола, миниатюрные вихри из кристаллов сахара закружились по кухне, кусочки крекеров и обломки спагетти тоже подняло в воздух.

Сухие завтраки и осколки стекла хрустели под ногами, когда она шла к телефонному аппарату, который висел на стене у холодильника.

Трижды уголком глаза замечала движение, думала, что это крыса, наводила ружье, но всякий раз ветер поднимал с пола коробку из-под изюма или обертку, сорванную с упаковки пирожных.

Мег добралась до телефона, сняла трубку. Услышала тишину. Провод то ли оборвал ветер, то ли перегрызли крысы.

А когда Мег с печальным вздохом положила трубку на рычаг, ветер внезапно стих. И в застывшем воздухе она ощутила запах природного газа. Нет, не газа. Чего-то еще. Скорее... бензина.

Котельного топлива.

И тут же в голове задребезжали тревожные звоночки.

Теперь, когда ветер не продувал дом, Мег поняла, что кухня наполнена парами котельного топлива, которые поднимались из подвала. Должно быть, крысы прогрызли трубы, соединяющие большой бак и обогреватель. Она сама вошла в западню. Эти крысоподобные гремлины исходили такой дикой злобой, что шли на уничтожение дома, в котором нашли приют, лишь бы убить хотя бы одно человеческое существо.

---

* Мифические существа, которых принято считать виновниками всех механических неполадок в военной технике во время Второй мировой войны.

Мег рванулась к двери.

По вентиляции из подвала до нее донесся легкий треск: вспыхнула электрическая дуга, которая зажигала горелки обогревателя.

В следующее мгновение, до того как Мег успела сделать еще шаг, дом взорвался.

Глава 13

Следуя за ищейкой и помощником шерифа Хокнером, Бен Парнелл и трое его людей вышли на северную опушку леса и сквозь снегопад увидели дом, в окнах которого горел свет. От Каскейд-фарм их отделяли двести ярдов чуть уходящего вниз открытого поля.

— Я так и знал,— воскликнул Бен.— Вот куда они направились.

Он подумал о женщине и мальчике в джипе-универсале, почувствовал огромную ответственность за их судьбу, далеко выходящую за рамки его должностных обязанностей в «Биомехе». Два года Бен не мог отделаться от чувства вины за то, что не сумел спасти дочь от рака. Конечно же, он не был врачом и не обладал необходимыми знаниями для того, чтобы справиться со страшной болезнью, но ничего не мог с собой поделать, корил себя за ее смерть. Бена вообще отличало необычайно сильное чувство ответственности за судьбы других людей — добродетель, которая иной раз становилась проклятием. Вот и теперь, глядя на Каскейд-фарм, он чувствовал, что обязан обеспечить безопасное существование этой женщине, ее сыну, другим членам семьи, которые жили в этом доме.

— Пошли,— он махнул рукой своим людям.

Помощник шерифа Хокнер снял рюкзак и достал оттуда легкое синтепоновое одеяло.

— Вы идите.— Он опустился на колени и начал укутывать Макса.— Собака должна согреться. Она не может долго находиться на таком холоде. Как только она немного отойдет, мы вас догоним.

Бен кивнул, повернулся, двинулся вниз по склону — и в этот момент дом взорвался. Сверкнула желто-оранжевая вспышка, за ней последовали ударная и звуковые волны. Языки пламени вырвались из разбитых окон и заплясали по стенам.

Глава 14

Пол вздыбился, сбивая Мег с ног, потом встал на место, и она упала на него лицом в разорванные коробки, разбросанные продукты, стекло. У нее перехватило дыхание, от взрыва она временно оглохла. Но не потеряла способности ориентироваться в пространстве, увидела огонь, лижущий стены, с огромной скоростью распространяющийся по полу. Еще несколько секунд — и он отрежет путь на улицу.

Шатаясь, Мег поднялась на колени. Левая рука сильно кровоточила. Должно быть, порезала осколком стекла. Боли Мег не чувствовала, возможно, потому, что еще находилась в шоке.

Опираясь на ружье, она встала. Ноги не держали, но надо было спешить.

Горели уже все четыре стены, пламя перекинулось на потолок.

Мег переступила порог в тот самый момент, когда пол начал разваливаться у нее под ногами. Взрыв сильно повредил и крыльцо, крыша посередине просела. Едва Мег сошла с последней ступеньки на землю, как одна из стоек подломилась. Крыша рухнула, похоронив под собой крыльцо, и этот грохот положил конец временной глухоте Мег.

Ударной волной Томми выбросило из санок, а потом он то ли откатился, то ли отполз на двадцать футов от горящего дома. Верный лабрадор держался рядом. Мег побежала к сыну в полной уверенности, что он ранен, хотя вроде на Томми ничего не свалилось и он находился далеко от огня.

Как выяснилось, все обошлось. Мальчик испугался, плакал, но ничем не ударился и больше ничего не сломал.

— Все будет хорошо, дорогой,— попыталась Мег успокоить сына, но сомневалась, что он разобрал хоть слово в посвисте ветра и реве огня.

Прижимая его к себе, чувствуя, что он живой, Мег испытывала безмерное облегчение... и злость. Злилась она на крыс и людей, которые их создали.

В далеком прошлом Мег думала, что для нее нет ничего важнее карьеры художника. Потом, в первые годы совместной жизни с Джимом, когда рекламное агентство только вставало на ноги, первостепенной задачей стал финансовый успех. Но со временем Мег поняла, что в жизни нет ничего важнее семьи,

крепких уз, связывающих мужей и жен, родителей и детей. В этом мире, расположившемся пониже рая и повыше ада, самые разные силы стремились уничтожить семью; болезни и смерть забирали любимых; война, фанатизм и бедность подтачивали семейные устои, разъедали насилием, ненавистью, жадностью; иной раз семьи разрушала зависть, ревность, похоть. Мег потеряла Джима, половину семьи, но сохранила Томми и дом, в которых осталась его частичка. Теперь дом отняли у нее эти крысоподобные чудовища. Но она не собиралась отдавать им еще и Томми.

Мег помогла сыну отойти на открытое место, где ветер и холод могли защитить его от нападения крыс. А потом в одиночку направилась к амбару.

Крысы были там. Она не сомневалась, что самосожжение не входило в их планы. Они покинули дом после того, как подготовили западню. Она знала, что в открытом поле они торчать не будут, следовательно, могли быть только в амбаре. Мег уже понимала, что крысы прорыли ход между двумя строениями. Должно быть, на ферме они появились еще днем, то есть им хватило времени, чтобы обследовать территорию и соединить дом и амбар подземным ходом. Крысы были большие, сильные, так что с этой задачей справились без труда. И пока она и Томми добирались от дома до амбара и от амбара — до дома, борясь со снегом и ветром, сновали взад-вперед у них под ногами.

Мег шла в амбар, чтобы расстрелять крыс не только из мести. Амбар был единственным местом, где она и Томми могли пережить эту ночь.

С глубоким порезом на левой ладони она могла тянуть санки только одной рукой. Мег испытала сильное потрясение, когда едва не сгорела заживо, отнявшее у нее немало нервной энергии и сил. Она и раньше понимала: для того чтобы дотащить санки до Блек-Оук-роуд при сильном встречном ветре и минусовой температуре, а потом ждать несколько часов, пока появится дорожная бригада, от нее потребуется максимальное напряжение сил. В теперешнем состоянии она не смогла бы добраться до шоссе, как и Томми. Дом сгорел, амбар — единственное укрытие от ветра, поэтому, чтобы сохранить жизнь себе и сыну, ей не оставалось ничего другого, как отнять его у крыс, перебить их всех и вернуть свою собственность.

Мег не надеялась, что кто-нибудь увидит пожар и приедет на помощь. Поблизости от Каскейд-фарм никаких домов не было, а буран такой силы уменьшал видимость до нуля.

У открытых ворот Мег остановилась. В амбаре по-прежнему горела тусклая лампочка, но тени заметно сгустились. А потом, подсвеченная оранжевым заревом, Мег вошла в логово гремлинов.

Глава 15

Бен Парнелл обнаружил, что склон, по которому они спускались, весь в кочках и канавах, что очень затрудняло продвижение. Снег слепил глаза, полностью засыпал многие ямы, так что зачастую люди узнавали об их существовании, вдруг проваливаясь по колено в снег. В таких условиях спешка могла привести к вывиху или перелому, поэтому он и трое его людей не могли прибавить шагу, хотя горящий дом так и звал к себе.

Бен точно знал, что дом подожгли крысы. Понятия не имел, как и почему, но неожиданный пожар не мог быть случайным совпадением. Перед его мысленным взором то и дело возникали наполовину обугленные тела загрызенных крысами женщины и ее сына, лежащие на полу в одной из комнат.

Глава 16

Мег боялась. Но этот страх не вызывал слабости, наоборот, придавал сил и решительности. Загнанная в угол крыса могла в панике замереть, но загнанная в угол женщина далеко не всегда становилась легкой добычей. Все зависело от женщины.

Мег вышла на середину амбара, встала перед джипом. Посмотрела на прячущиеся в тени стойла у южной стены, на сеновал-чердак, на большую пустующую кормушку в северо-восточном углу.

Она чувствовала, что крысы здесь и наблюдают за ней. Знала, что они не обнаружат себя, пока у нее в руках заряженное ружье, а потому каким-то образом должна выманить их на открытое место, где могла расстрелять.

Но они слишком умны, чтобы клюнуть на приманку, следовательно, Мег должна заставить их покинуть укрытие, пусть и потратив на это несколько патронов.

Мег медленно направилась к дальнему от ворот концу амбара. Проходя мимо стойл, поискала красные глаза. Наверняка одна или две крысы прятались в этих темных закутках.

И хотя ничего не увидела, начала стрелять в стойла. *Бах, бах, бах!* Три выстрела в три стойла. Каждый раз со ствола срывался язык пламени длиной в фут, грохот сотрясал стены амбара. После третьего выстрела две визжащие крысы выскочили из четвертого стойла на середину амбара, помчались к джипу, чтобы укрыться под ним. Мег выстрелила дважды и уложила обеих. Дробью их, как тряпки, отнесло к дальней стене.

Однако в магазине «моссберга» не осталось ни одного патрона. Морщась от боли, пораненной рукой Мег достала из карманов джинсов четыре патрона, быстро перезарядила ружье. Когда загнала последний патрон в магазин, услышала за спиной пронзительный визг. Обернулась. Увидела шесть бегущих к ней крыс с огромными, бесформенными черепами.

Четыре твари поняли, что не успеют добраться до своей жертвы. И метнулись под джип. Не обращая внимания на быстроту, с которой сокращалось расстояние между ней и двумя оставшимися крысами, Мег двумя выстрелами хладнокровно уложила обеих.

Обежала джип и успела увидеть, как четыре крысы спешат к старой кормушке. Выстрелила дважды до того, как они исчезли в тенях под ней.

Патроны закончились. Но Мег все равно передернула затвор «моссберга», словно надеялась на магическое появление еще одного патрона. Однако сухой щелчок подсказал ей, что магазин пуст.

То ли крысы поняли, что это за звук, то ли знали не хуже Мег, что патронов у нее было всего девять — пять в магазине ружья и четыре в коробке,— но они вылезли из-под кормушки. Четыре белые твари двинулись на нее.

Мег перехватила ружье за ствол, превратив его в дубинку.

Стараясь не замечать боли в левой ладони, подняла над головой.

Поначалу крысы приближались медленно, потом ускорили шаг.

Она оглянулась, опасаясь увидеть за спиной еще с дюжину этих тварей, но нет, ей противостояли только эти четыре. Впрочем, значения это не имело. Мег прекрасно понимала, что сможет расправиться только с одной, а остальные доберутся до ее ног и поползут вверх.

И даже тех голыми руками ей не остановить.

Бросила взгляд на открытые ворота амбара, и ей стало предельно ясно, что она не успеет выбежать в ночь, если бросит ружье: крысы догонят ее и загрызут.

Словно чувствуя ее слабость, четыре маленькие твари победно взвыли. Подняли огромные головы, застучали хвостами по полу, в унисон взвизгнули.

И двинулись к ней.

И хотя Мег знала, что до ворот ей не добраться, она решила рискнуть. Если крысы убьют ее, Томми останется один на снегу, со сломанной ногой. До утра умрет от переохлаждения... если крысы не рискнут выйти из амбара, чтобы покончить с ним.

Она повернулась к крысам спиной, бросилась к воротам... и остановилась, увидев силуэт мужчины, четко очерченный заревом пожара. С револьвером в руке. Мужчина крикнул: «Отойдите!».

Мег метнулась в сторону, и незнакомец четыре раза нажал на спусковой крючок. Попал только в одну крысу: цели маленькие, пуля — не россыпь дроби. Оставшиеся три вновь нырнули под кормушку.

Мужчина поспешил к Мег, и она увидела, что это вовсе не незнакомец.

Этот мужчина разговаривал с ней на блокпосту. И на нем были те же летная куртка и белая от снега шапка с козырьком.

— Вы в порядке, миссис Ласситер?

— Сколько их здесь? Я убила четырех, вы — одну, сколько осталось?

— Сбежали восемь.

— Значит, только эти три?

— Да. Эй, у вас кровоточит рука. Вы уверены...

— Я думаю, они прорыли нору между амбаром и домом.— О ее ране они могли поговорить позже.— И мне кажется, что вход в него — под кормушкой,— она говорила, сцепив зубы, удивляясь раздирающей ее ярости.— Это грязные, мерзкие твари, и я хочу, чтобы вы уничтожили всех, чтобы они заплати-

ли за то, что сделали с моим домом, за то, что напугали Томми. Но как нам добраться до них под землей?

Мужчина указал на большой грузовик, который как раз въезжал во двор.

— Мы предполагали, что крысы могут спрятаться в норе, поэтому, среди прочего, у нас есть оборудование для закачки газа в их туннели.

— Я хочу, чтобы они сдохли,— зло отчеканила Мег.

Люди выпрыгивали из кузова грузовика, бежали к амбару. Ночь прорезали лучи их фонарей.

— Нам нужен газ,— крикнул стоявший рядом с Мег мужчина.

— Уже несем,— ответил ему кто-то из вновь прибывших.

Дрожа от ярости и страха, который ранее подавляла изо всех сил, Мег вышла из амбара и направилась на розыски сына.

Глава 17

Она, Томми и Дуфус наслаждались теплом и безопасностью в кабине грузовика, пока охранники «Биомеха» пытались добраться до оставшихся в живых крыс. Мальчик прижался к матери и продолжал дрожать, хотя уже давно согрелся.

Дуфус, принадлежа к более игривому и менее разумному виду, не обладал столь богатым воображением, а потому, утомленный свалившимися на него переживаниями, крепко спал.

Хотя никто не верил, что крысы по туннелю вернутся в горящий дом, охранники «Биомеха» взяли его в плотное кольцо, чтобы убить любую тварь, которая выскочит из огня. Таким же кольцом окружили и амбар, чтобы крысы не могли удрать и оттуда.

Несколько раз Бен Парнелл подходил к грузовику. Мег опускала стекло, и он, встав на подножку, докладывал об успехах.

Охранники закачали в крысиную нору смертоносный газ. Вход в нее действительно обнаружился под кормушкой.

— Газа мы не пожалели,— доложил Парнелл, подойдя к грузовику в третий или четвертый раз.— Хватит на десять нор, которые они могли вырыть за это время. Теперь мы вскрываем туннель, чтобы найти тела. Сложностей никаких. В землю они не заглублялись. Не хотели попусту тратить силы. Мы будем вскрывать туннель сверху, от стены амбара, пока не найдем их.

— А если не найдете? — спросила Мег.

— Найдем. Будьте уверены.

Мег хотелось ненавидеть этих людей, особенно Бена Парнелла, который руководил поисками, а потому был единственным начальником, на которого она могла обрушить свою злость. Но ей никак не удавалось нагрубить ему, потому что она видела в его глазах и слышала в голосе искреннюю тревогу за нее и Томми и поняла, что ни Парнелл, ни его подчиненные не имеют ни малейшего отношения ни к созданию этих крыс, ни к их побегу. Что они — охранники, обыкновенные люди, ничем не отличающиеся от нее, которым, как бывало всегда, приходится исправлять то, что натворили другие, мнящие себя суперменами. Именно эти обычные люди спасают мир от грядущей катастрофы, именно они налогами, трудом и жертвами мостят дорогу для достижений цивилизации, которые потом политики ставят себе в заслугу.

Более того, Мег глубоко тронули сочувствие и понимание, высказанные Парнеллом, когда тот узнал о трагической гибели ее мужа, после чего она и Томми остались вдвоем. Он говорил о потере и одиночестве, как человек, знакомый с этим не понаслышке.

— Я слышал об одной женщине,— сказал он, наклонившись к окну,— у которой дочь умерла от рака. Так от горя она решила полностью изменить свою жизнь, начать с чистого листа. Она больше не могла видеть своего мужа, хотя он и любил ее, потому что они вместе страдали, глядя, как уходит их дочь, и всякий раз, когда она смотрела на него... она вновь видела свою маленькую дочь и вспоминала о ее мучениях. Разделенные страдания стали тем рифом, о который разбился корабль их совместной жизни. Поэтому... развод, новый город, новый штат... для нее это был единственный, пусть и драматичный, выход. Но вы справились с горем лучше, миссис Ласситер. Я понимаю, как тяжело дались вам два последних года, но, возможно, вам станет легче, узнав, что некоторых людей, у кого нет такой силы воли, как у вас, жизнь бьет сильнее.

В тот момент для Мег так и осталось загадкой, почему он все это рассказал.

В десять минут двенадцатого, вскрыв три четверти туннеля, ведущего от амбара к сгоревшему дому, охранники «Биомеха»

нашли трех дохлых крыс. Отнесли в амбар и положили рядом с пятью застреленными.

Бен Парнелл снова подошел к грузовику.

— Я подумал, может, вы захотите взглянуть на них... я хочу сказать, на все восемь.

— Взгляну,— кивнула она.— Да. Так мне будет спокойнее.

Мег вылезла из кабины.

— Я тоже хочу посмотреть на них,— сказал мальчик.— Они думали, что поймали нас в западню, а получилось наоборот.— Он посмотрел на мать.— Пока мы вместе, мы сможем выбраться из любой переделки, да?

— Будь уверен,— кивнула она.

Парнелл взял уставшего мальчика на руки, чтобы отнести к амбару.

Под холодным ветром Мег сунула руки в карманы пальто. Ей вдруг стало легко. На какие-то мгновения ответственность сняли с ее плеч.

Томми смотрел на мать через плечо Бена.

— Ты и я, мам.

— Будь уверен,— повторила она. И улыбнулась. Почувствовала, что дверь клетки, о существовании которой она лишь догадывалась, открылась, выпустив ее навстречу свободе.

БРУНО

Глава 1

Да, я отсыпался после полбутылки хорошего виски и блондинки по имени Сильвия, которая тоже показала себя с наилучшей стороны.

Но никто не может пройти мимо меня незамеченным, в каком бы я ни был состоянии. В нашем деле, если хочешь жить долго, нужно просыпаться от малейшего шороха. Я услышал какой-то шум у изножия кровати, и в следующее мгновение мои пальцы уже сжимали рукоятку «кольта» 38-го калибра, лежащего под подушкой.

Если бы прошлым вечером я не праздновал успешное завершение очередного расследования, то не сдвинул бы жалюзи и не задернул шторы. Но я праздновал, сдвинул, задернул, а потому ничего не мог разглядеть.

Вроде бы услышал шаги в коридоре, ведущем к гостиной, но полной уверенности у меня не было. Я выполз из кровати, оглядываясь.

Мрак и никаких незваных гостей. Босиком прошлепал в коридор. И там никого.

Из прихожей вроде бы донесся знакомый звук: штырь сейфового замка выходил из паза в дверной коробке. Дверь откры-

лась, закрылась, кто-то пересек холл, вышел на лестницу... Шаги смолкли.

Я вбежал в гостиную и чуть не выскочил в холл, но вовремя вспомнил, что на мне только трусы. Наш дом не из тех, где замечают, кто во что одет, но мне хочется думать, что я воспитан лучше, чем эти странные люди, которых мне приходится называть соседями.

Включив свет, я увидел, что замок открыт. Поворотом ручки вернул штырь в паз.

Тщательно обыскал квартиру от туалета до стенного шкафа, в котором лежало постельное белье. Не нашел ни бомбу, ни «жучков». Спальню проверил дважды, потому что именно здесь услышал пришельца, но не обнаружил ничего нового.

Сварил кофе. Первый глоток пошел так плохо, что я вылил в раковину полкружки, гадая, не засорятся ли старые трубы, добавил хорошего бренди. Другое дело. От такого завтрака в голове просветлело да и сил прибавилось.

Вот тут и мелькнула нехорошая мысль. Когда незваный гость уходил, он открыл сейфовый замок. Сие означало, что в квартиру он попал через окно или, войдя через дверь, снова запер ее. Последняя идея показалась мне глупой. Какой дурак будет осложнять себе обратный путь? А вдруг его прихватят за известное место?

Я не поленился проверить все окна. Заперты, как и всегда. Даже зашел в ванную. Шпингалета там нет, только решетка, да и расположено окно на гладкой стене восемью этажами выше улицы.

Несколько раз ударил себя по лбу, словно надеялся, что ума от этого прибавится и я сумею сообразить, что к чему. Умнее не стал, поэтому решил принять душ и идти по жизни дальше.

Должно быть, мне все привиделось и прислышалось. Галлюцинации. Я не страдал тем, что психоаналитики, берущие по две сотни долларов в час, называют посткоитусной депрессией. Хотя, может, именно так она и проявлялась? В конце концов, никто не мог войти в мою квартиру, бесшумно открыв сейфовый замок, потом проникнуть в спальню, взглянуть на меня и уйти. И никто из моих врагов не послал бы киллера, который мог струсить в самый последний момент.

В четыре тридцать я вышел из душа, к пяти сделал зарядку. Потом вновь принял душ, на этот раз холодный, растерся докрасна, причесался и оделся.

В пять тридцать уже сидел в кабинке в «Классном месте», и Дороти, официантка, поставила передо мной стакан виски с водой еще до того, как я успел оглядеться.

— Что будем сегодня есть, Джек? — спросила она. Голос у нее звенел, как стекло, брошенное в фаянсовую раковину.

Я заказал стейк, яичницу и двойную порцию жареной картошки, закончил вопросом:

— Никто сегодня мной не интересовался, Дори?

Она записала полвопроса, прежде чем до нее дошло, что я уже ничего не заказываю. Дори, судя по разговорам, в свое время выглядела очень даже ничего, но вот умом не отличалась никогда.

— У меня нет. Я спрошу Бенни.

Бенни, бармен, был поумнее Дори. Иногда ему удавалось победить в дебатах морковку.

Не понимаю, почему я предпочитаю болтаться среди тупиц и недоумков. Может, в их компании чувствую себя суперменом. Человеку, который в конце двадцатого века, в эру компьютеров, подслушивающего оборудования, созданного на основе космических технологий, и наркодельцов, готовых убить за пятицентовик родную бабушку, пытается работать частным детективом... черт, ему действительно нужны люди, компания которых греет его самомнение.

Вернувшись, Дори принесла отрицательный ответ от Бенни плюс еду. Я набросился на стейк, думая о незнакомце, который прошел сквозь стену в мою спальню.

Выпив еще два стаканчика виски, я вернулся домой, чтобы еще раз хорошенько все осмотреть.

Уже подошел к двери и доставал ключ, когда этот тип открыл дверь изнутри и вознамерился выйти в холл.

— Стоять,— я нацелил «кольт» в его толстый живот. Втолкнул в гостиную, закрыл дверь, включил свет.

— Что вам нужно? — спросил он.

— Что мне нужно? Послушай, парень, это, между прочим, моя квартира, понятно? Я здесь живу. А вот ты, насколько мне известно, нет.

Если судить по одежде, он шагнул в мою квартиру прямо из богартского фильма, и я, пожалуй, мог бы рассмеяться, если б не был так зол. Огромная шляпа закрывала пол-лица, пальто сшили на сиамских близнецов. Оно доходило до колен, а ниже начинались широченные штанины, из-под которых торчали большие, очень большие, теннисные туфли. Они, конечно же, не соответствовали духу Богарта, так что в наряде незнакомца присутствовал элемент загадочности.

А что касается габаритов, так этот парень напомнил мне актера из тех самых фильмов, Синди Гринстрита.

— Я не хочу причинять вам вреда,— голос был на тысячу регистров пониже, чем у Дори, но в нем все равно слышалось что-то звенящее.

— Это тебя я здесь видел пару часов назад? — спросил я.

Он наклонил голову.

— Я здесь впервые.

— Давай посмотрим, что ты за тип.

Я потянулся за его шляпой. Он попытался ускользнуть от моей руки, а когда выяснилось, что я проворнее, ударил меня в грудь. Шляпу я с его головы сдернул и успел подставить под удар плечо, хотя метил он в сердце.

Заулыбавшись, довольный своей шустростью, я взглянул ему в лицо, и улыбку как смыло.

— Боже мой! — выдохнул я.

— Сам виноват! — Лицо незнакомца перекосилось, большие квадратные зубы нависли над черной нижней губой.

Я попятился к двери. И хотя впервые за много лет пришел в ужас, не собирался выпускать незваного гостя из квартиры, надеясь, что пули тридцать восьмого калибра удержат его на почтительном расстоянии.

— Кто... что ты? — спросил я.

— Первый раз вы спросили правильно. Кто.

— Тогда отвечай.

— Можем мы присесть? Я ужасно устал.

Я разрешил ему сесть, а сам остался стоять, чтобы сохранить свободу маневра. Он отошел к дивану и плюхнулся на него. Словно у него подогнулись ноги. Вот тут я разглядел его как следует. Медведь. Большой и сильный, отнюдь не плюшевый, ростом в шесть футов и четыре дюйма. Широкие плечи, а одежда,

должно быть, скрывала мощную грудь и крепкие ноги. Лицо напоминало кусок гранита, над которым некий скульптор попытался поработать ножом для резки масла, скрепкой и тупой отверткой. Глаза, упрятанные под мощные надбровные дуги, челюсть, почище чем у Шварценеггера. И все в шерсти.

Если бы, когда дела шли не очень, я не смотрел по телевизору дневные ток-шоу, на которых выступали мужья, изменяющие женам с тещами, или трансвеститы-дантисты, которых похищали инопланетяне, тогда говорящий медведь потряс бы меня до глубины души. Но нынче даже на улицах встречаешь таких странных типов, что я, в общем-то, особенно и не удивился.

— Выкладывай.

— Меня зовут Бруно.

— И?

— Вы только спросили, кто я.

— Не умничай.

— Тогда вы задали неточный вопрос.

— Чего?

— Спросив, кто я, вы на самом деле хотели получить всю общую информацию, более широкий спектр данных.

— За это я могу прострелить тебе голову.

На его лице отразилось удивление, он заерзал, пружины дивана возмущенно заскрипели.

— За что?

— Говоришь, как гребаный профессор.

Он на мгновение задумался.

— Ладно. Почему нет? Что мне терять? Мне нужен Грэхем Стоун, тот, кто был здесь несколько часов назад. Его разыскивают за совершенные преступления.

— Какие преступления?

— Вы не поймете.

— Неужели я выгляжу так, словно воспитывался в монастыре и не знаю, что такое грех? Едва ли меня можно чем удивить. И как этот Стоун попал сюда? И ты?

Я поднял револьвер, когда он замялся.

— Полагаю, этого не скроешь. Он и я пришли из другой реальности.

— Да? — Это слово далось мне с трудом, потому что челюсть у меня отвисла, как у обкуренного фаната на концерте «Грейтфул Дед».

— Из другой реальности. Другой временной линии. Грэхем Стоун прибыл с экви-Земли, одного из миров, множество которых существует параллельно друг другу. Я пришел не из того мира, что Стоун. Вы стали фокусом кроссвременных энергий. Если такое случилось с вами впервые, значит, этот дар в вас только-только проснулся. Кроме того, вы не нанесены на карту... в справочнике о вас нет ни слова. Будь этот дар у вас давно...

Я издал достаточно бессвязных звуков, прежде чем чужак понял, что надо бы замолчать. Потом знаками я попросил его налить мне полстакана шотландского. Выпив, сумел просипеть:

— Объясни мне... какие у меня появились способности. Что-то я не врубился. И давай на «ты».

— Существует возможность путешествий между реальностями. С одной Земли в другую. Через порталы, возникающие вокруг живых существ, которые каким-то образом могут поглощать и выделять кроссвременную энергию плавно, без взрыва.

— Без взрыва?

— Да. Взрыв — это чревато.

— Чревато чем?

— Сильными разрушениями. Так или иначе, ты — один из тех, кто не взрывается.

— Я рад за себя.

— Портал, который ты генерируешь, что-то типа ауры радиусом в двадцать футов, во всех направлениях.

— И что из этого?

— Не во всех реальностях есть существа с такими способностями, а потому многие миры практически закрыты для нас.

Я допил шотландское, и теперь мне хотелось лизать стакан.

— И значит, есть экви-Земля, где власть захватили разумные медведи? — Я более не валил вину за происходящее со мной на ночь с Сильвией. Ни один психоаналитик не смог бы убедить меня, что это посткоитусная депрессия.

— Не совсем так,— ответил Бруно.— Но в моей реальности вскоре после Второй мировой войны разразилась атомная война. Наука выжила, а вот людей осталось очень мало. Для того

чтобы сохранить цивилизацию, людям пришлось стимулировать развитие умственных способностей низших существ, развивать генную инженерию, с тем чтобы она создавала животных с человеческим интеллектуальным уровнем и хваткой.

Он протянул руки, и я увидел, что заканчиваются они короткими, но пальцами. Согнул их, разогнул, улыбнулся во все свои квадратные зубы.

— Если я каким-то образом смогу устроить встречу со Стивеном Спилбергом, мы станем фантастически богатыми.

Он нахмурился.

— Стивеном Спилбергом? Отцом космических путешествий?

— Кем? Нет, кинорежиссером.

— Не в моем мире.

— В твоем мире Спилберг — отец космических путешествий?

— Он также изобрел замороженный йогурт.

— Правда?

— И антигравитационные сапоги, и микроволновый попкорн. Он — богатейший человек в истории нашей реальности.

— Понятно.

— И архитектор мирового правопорядка,— благоговейно добавил Бруно.

Я сел, когда до меня начал доходить смысл его слов.

— Ты хочешь сказать, что какие-то странные люди из тысяч разных миров будут то и дело появляться рядом со мной?

— Это вряд ли,— ответил он.— Во-первых, редко у кого возникает повод посетить твою реальность... да и любую другую тоже. Реальностей так много, что посещения каждой очень редки. Есть, правда, экви-Земли, которые специализируются на туристах из других реальностей. Но твоя Земля очень уж невзрачная и обыденная, если судить по твоей квартире.

Я его шпильку пропустил мимо ушей.

— Но, допустим, я иду по улице, а ты возникаешь рядом. Может подняться переполох, знаешь ли.

— Нет. В первый момент нас никто не видит, даже ты. Мы появляемся в вашем поле зрения постепенно, словно кто-то, видимый краем глаза, поэтому паника исключена.

Я попросил его вновь налить мне шотландского. После третьей порции даже повеселел.

— Ты сказал, что ты — коп.

— Сказал?

— Скорее да, чем нет. Ты сказал, что Стоун разыскивается за какие-то преступления. Если ты не гражданин с повышенным чувством ответственности, то коп.

Он достал из кармана серебристый кружок, каких я никогда не видел, протянул мне. Я прочитал: «Интерреальностная полиция». Он провел большим пальцем по поверхности круга, и слова исчезли, уступив место его фотографии.

— Теперь мне точно пора идти. Грэхем Стоун слишком опасен, чтобы оставлять его на свободе в этой реальности.

Рядом со мной лежал дистанционный пульт управления музыкальным центром. Я его включил, добавил громкости, пока Бруно вставал и надевал шляпу.

А как только «Баттлфилд блу бэнд» вдарила на всю катушку, послал пулю в диван, случайно прострелив и его пальто.

Он сел.

Я убрал звук.

— Что ты хочешь? — спросил он. Я не мог не отметить его завидное хладнокровие. Он даже не осмотрел пальто, чтобы понять, как близко от тела прошла пуля.

Я уже принял решение.

— Тебе понадобится помощь. Я знаю этот район. Ты — нет.

— У меня есть приборы.

— Приборы? Ты не Шерлок Холмс в викторианской Англии, парень. Это Америка девяностых, большой город... таких медведей, как ты, здесь едят на завтрак.

Бруно вроде бы забеспокоился.

— Я не очень хорошо знаком с этой реальностью...

— Поэтому-то я тебе и нужен.— «Кольт» по-прежнему смотрел в его сторону.

— Продолжай,— пробурчал медведь. Если бы он добрался до меня, то, несомненно, показал бы, как быстро могут двигаться его здоровенные кулаки.

— Так уж получилось, что я — частный детектив. Мне никогда не нравилась служба в полиции, но я не возражаю против сотрудничества с копами, если мне это выгодно.

Он собрался с ходу отвергнуть мое предложение, потом обдумал его.

— Сколько?

— Скажем, две тысячи на все про все.

— Две тысячи долларов?

— Или две пары спилберговских антигравитационных сапог, если они у тебя есть.

Он покачал головой.

— Переносить высокотехнологичные изделия через границы реальностей запрещено. Возможны серьезные неприятности.

— Например?

— Маленькие девочки в Нью-Джерси вдруг начинают вспыхивать, как факелы.

— Только не надо делать из меня дурака.

— Я серьезно,— а Бруно и вправду выглядел серьезным.— Эффекты непредсказуемы и зачастую очень странные. Вселенная — загадочное место, знаешь ли.

— Я не заметил. Так мы договорились насчет двух тысяч баксов?

— Ты отлично владеешь оружием. Хорошо. Договорились.

Он очень уж легко согласился.

— Пусть будет три тысячи.

Он улыбнулся.

— Как скажешь.

Я сообразил, что деньги для него ничего не значат, во всяком случае, деньги этой реальности. Я мог бы запросить любую сумму. Но вновь повышать ставку уже не стал. Из принципиальных соображений.

— Авансом.

— У тебя есть деньги? — спросил он.— Я должен посмотреть, какие здесь купюры.

— Я вытащил из бумажника две сотни баксов, бросил на кофейный столик, который стоял перед ним.

Он разложил полтинники и двадцатки по столу, достал из кармана некий предмет, напоминающий плоский фотоаппарат. «Сфотографировал» купюры, а мгновением позже из боковой щели вылезли дубликаты. Он протянул их мне, дожидаясь моей реакции.

Купюры ничем не отличались от настоящих.

— Но это подделки,— пожаловался я.

— Конечно. Но с ними тебя никто не поймает. Фальшивомонетчиков ловят, потому что они делают пару тысяч копий с одинаковыми серийными номерами. У тебя будет только по две купюры с каждым номером. Если у тебя еще есть наличные, я их скопирую.

Я выудил загашник, который лежал в тайнике под кухонным шкафом. И через несколько минут получил три тысячи баксов. Убрав все деньги в тайник, за исключением двух сотен, которые вернулись в бумажник, я сказал:

— А теперь пошли за Стоуном.

Глава 2

Сумерки и начавшийся снегопад застали нас в узком проулке в двух милях от моей квартиры. Мы все ближе подбирались к Стоуну.

Бруно то и дело сверялся с серебристым кружком, который служил не только удостоверением личности. Интерреальностный коп одобрительно буркнул, увидев, что кружок стал светло-оранжевым. Объяснил, что прибор реагирует на индивидуальный биоэнергетический сигнал, излучаемый Стоуном, и меняет цвета по мере приближения к беглецу.

— Классная штучка,— заметил я.

— Ее изобрел Спилберг.

Оранжевый цвет все набирал яркость.

— Нагоняем,— удовлетворенно констатировал Бруно. Оглядеся.— Давай обследуем этот проулок.

— Не лучшая часть города.

— Опасная?

— Возможно, но не для семифутового медведя с таким напарником, как я.

— Хорошо.— Чуть пригнувшись и наклонив голову, Бруно двинулся в указанном направлении. Я последовал за ним, отворачиваясь от резкого ветра и колючего снега.

Проулок вывел нас на улицу, по обеим сторонам которой тянулись автостоянки, производственные корпуса, склады. Один из складов определенно предназначили к сносу. От него

остались стены из шлакоблоков да наполовину провалившаяся крыша. В окнах, темнеющих высоко над тротуаром, стекла давно повыбивали.

Бруно сверился с кружком, посмотрел на склад.

— Здесь.— Кружок светился красным.

Мы пересекли мостовую, оставляя черные следы на белом снежном покрывале. С улицы в склад вели два входа: дверь для людей и ворота для грузовиков. Конечно же закрытые.

— Я могу его вышибить,— я указал на дверной замок.

— Стоун наверху.— Бруно вновь сверился с кружком.— Давай попробуем дверь второго этажа.

Мы поднялись по пожарной лестнице, крепко держась за чертовски холодные железные поручни, потому что ступени обледенели. Дверь на втором этаже выломали, и она висела на одной петле.

Мы вошли, остановились в темноте, прислушались.

Я включил фонарик, когда понял, что Бруно в отличие от меня видит в темноте так же хорошо, как и днем. Мы стояли на широкой галерее, которая тянулась по периметру склада над первым этажом.

Слева, в сотне футов от нас, что-то задребезжало, словно там тряхнули мешок с костями. Подойдя, мы увидели деревянную лестницу, которая еще вибрировала после того, как по ней кто-то спустился.

Я перегнулся через ограждение галереи, но Стоуна уже и след простыл. Мы не слышали, как открывалась дверь на первом этаже, поэтому, достав оружие, продолжили поиски на улице. Десять минут спустя мы уже проверили все пустые коробки, все служебные помещения у дальней стены. Стоуна не нашли. Никто не открывал дверь и ворота изнутри.

Такую штуку, которой был вооружен Бруно, я видел впервые, а потому скептически улыбнулся, разглядывая ее. Но напарник заверил меня, что по убойной силе ей нет равных.

— Это «дисней дет хоуз» калибра 780.

— «Дисней»?

— Уолт Дисней. Лучший оружейник в мире.

— Правда?

— У вас таких нет?

— У меня «смит-и-вессон».

— Продавцы гамбургеров?

Я нахмурился.

— Кто?

— Ты знаешь, «Смит-и-Вессон» — кафе быстрого обслуживания.

Я перестал задавать вопросы. Больно все запутано с этими альтернативными реальностями.

Потом я услышал звуки музыки, которые словно возникали в воздухе вокруг нас, пригляделся и заметил дверь. Мы ее сразу не увидели, потому что выкрашена она была под цвет стен. Я осторожно открыл дверь, заглянул в темные глубины. Звенели гитары, выл синтезатор, грохотали барабаны. Я двинулся вниз по ступеням, Бруно — за мной.

— Откуда музыка? — спросил медведь.

Мне не нравилось горячее дыхание, обжигающее шею, но я не жаловался.

Пока он находился сзади, за свою спину я мог не беспокоиться.

— Похоже, в этом здании есть подвал или оно соединено с другим зданием, где они играют.

— Кто?

— Рок-группа.

— Какая группа?

— Откуда мне знать, какая именно?

— Мне нравятся рок-группы.

— Рад за тебя.

— Я люблю танцевать,— признался медведь.

— В цирке? — спросил я.

— Где?

Тут я понял, что едва не оскорбил его. В конце концов, он разумный мутант, интерреальностный коп, а не один из наших медведей. И не его дело танцевать в цирке или ездить по арене на велосипеде.

— Мы приближаемся к источнику музыки,— сообщил мне Бруно, когда мы спустились вниз,— но Стоуна здесь нет.

Серебристый кружок уже не светился алым.

— Идем дальше,— буркнул я, когда мы прибыли в сырой, заваленный рухлядью подвал заброшенного склада. Пахло мочой и тухлым мясом, возможно, в такой питательной среде и мог развиться вирус — могильщик человечества.

Я переходил из одной каменной комнаты в другую, идя на звук гитар, пугая крыс, пауков и еще бог знает кого. Я бы не удивился, встретившись здесь с Джимми Хоффой. Или самим Элвисом... но другим Элвисом, ходячим мертвяком с множеством острых зубов, красными глазами и нездоровым интересом к человеческой крови.

В самой сырой, самой вонючей комнате я наткнулся на деревянную дверь. Естественно, запертую.

— Отойди,— попросил я Бруно.

— Что ты собираешься делать?

— Мелкий ремонт.— И выстрелил в замок.

От грохота едва не рухнула крыша подвала.

— Для таких дел у меня есть более удобные инструменты,— заметил Бруно.

— Обойдемся без них,— ответил я.

Я открыл дверь и обнаружил за ней другую. Из стали. Относительно новую. Без ручки или замка с нашей стороны. Две двери предназначались для того, чтобы перекрыть проход из этого здания в соседнее. Особенно во время концерта.

Бруно протиснулся вперед.

— Позволь мне.

Из кармана пальто он выудил четырехдюймовый стержень из зеленого кристалла, потряс, как термометр.

Я услышал, как инструмент начал звенеть, поднимаясь все выше по регистру, пока не вышел за пределы слышимости, в ультразвуковой диапазон, доступный только собакам. Но у меня почему-то завибрировал язык. О чем я сказал Бруно.

— Естественно,— отозвался он и прикоснулся кристаллом к двери. Замки, не один — несколько, разом отщелкнулись.

Мой язык перестал вибрировать. Бруно сунул «термометр» в карман, а я открыл дверь.

Мы попали в туалет, который в этот момент пустовал. Две кабинки с приоткрытыми дверьми, два писсуара, в которые, возможно, кто-то из обкуренных зрителей иной раз и попадал, грязь, жуткая вонь и заляпанное не пойми чем зеркало, где отражались наши перекошенные гримасами отвращения физиономии.

— Что это за музыка? — прокричал Бруно. Кричать приходилось, потому что мы заметно приблизились к выступающей рок-группе.

— «Металлика».

— Под нее особо не потанцуешь.

— Все зависит от того, сколько тебе лет.

— Я не такой старый.

— Да, но ты — медведь.

Мне нравится «металл». От него у меня прочищается нос, и я чувствую себя бессмертным. Если бы я часто слушал такую музыку, то начал бы есть живых кошек и отстреливать людей, имена которых мне не нравились. Поэтому предпочтение я отдавал джазу и блюзам. Но толика «металл» действовала на меня благотворно, а группа, что играла в этом клубе, была одной из лучших.

— Что теперь? — прокричал Бруно.

— Похоже, это бар или клуб,— ответил я.— Выйдем из сортира и поищем Стоуна.

— Я не могу. Улицы, особенно ночью, где люди находятся на расстоянии и не видят меня, если я сам этого не захочу, это одно. Здесь они меня увидят. Стоун тоже не будет тереться среди них. Он, конечно, больше похож на человека, но все равно у кого-то могут возникнуть подозрения. Он бы никогда не решился ударить в неисследованную реальность. Им двигало отчаяние, потому что я почти настиг его.

— Так что ты предлагаешь?

— Я останусь здесь, в одной из кабинок. Ты проверишь клуб. Если Стоуна здесь нет, мы вернемся на склад, выйдем на улицу тем же путем и попытаемся взять новый след.

— Заставляешь меня отрабатывать деньги, да? — спросил я.

Пока я поправлял галстук перед зеркалом, Бруно ретировался в кабинку и закрыл за собой дверь.

— Святой Боже,— донеслось оттуда.

— Что не так?

— Есть у людей этого мира элементарные понятия о чистоте?

— У некоторых определенно.

— Это отвратительно.

— Попробуй другую кабинку,— посоветовал я.

— Чем они тут занимались? — пробурчал он.

— Я быстро,— пообещал я и покинул вонючий туалет, отправившись на поиски Грэхема Стоуна.

Глава 3

Мне пришлось проталкиваться сквозь толпу, потому что люди стояли плечом к плечу, от стены к стене. Я видел фотографию Грехэма Стоуна на волшебном диске Бруно, поэтому знал, кого искать: рост шесть футов, бледное лицо, черные волосы, кристально-синие глаза, пустые, как у налогового инспектора, тонкие губы — признак жестокости. Я оглядел стоящих поблизости, не нашел подходящего кандидата, двинулся дальше, пробираясь среди пьющих пиво, курящих травку, лапающих своих девушек, лапающих своих юношей, подпрыгивающих под музыку, смотрящих на меня так, словно я собираюсь раздавать им экземпляры журнала «Уочтауэр»* и убеждать, что Христос — наш спаситель.

Не так-то легко найти нужное лицо в такой толпе. Слишком многое отвлекало. Каждые несколько минут огни начинали мерцать, и когда такое происходило, мне приходилось останавливаться и ждать, пока мерцание прекратится. Когда отключались стробоскопы, на стенах и потолке высвечивались отрывки из фильмов ужасов. Однако уже через десять минут, лавируя между танцорами, я заметил Стоуна, пробирающегося к освещенному прямоугольнику двери в дальнем правом углу.

Над дверью горела табличка с надписью «Администрация». Вторая, на двери, предупреждала: «Вход только для персонала». Я переступил порог, словно имел на это полное право, держа руку в кармане куртки, в котором лежал револьвер.

Попал в короткий коридор, увидел несколько закрытых дверей. Постучал в первую, услышал женский голос: «Да?» — открыл, оглядел комнату.

Рыжеволосая балерина в трико занималась перед зеркалом во всю стену.

---

* Основной печатный орган секты «Свидетели Иеговы». Основан в 1879 г. Издается тиражом в несколько миллионов экземпляров и распространяется бесплатно.

У противоположной стены на стульях сидели с десяток манекенов. Некоторые держали в пластмассовых руках бананы.

Я решил, что делать мне в этой комнате нечего.

— Извините. Ошибся дверью.

Закрыл ее и двинулся к двери напротив.

За ней и обнаружил Грэхема Стоуна. Он стоял у стола, сверлил меня холодным взглядом. Я вошел, прикрыл за собой дверь, вытащил из кармана «смит-и-вессон», чтобы он в должной степени оценил ситуацию.

— Не шевелись,— предупредил я его.

Шевелиться-то он не стал, но и мне не ответил. А вот когда я шагнул к нему, сделал шаг в сторону. Я взвел курок, но на Стоуна мои телодвижения впечатления не произвели. Он наблюдал за мной без всякого интереса.

Я приблизился еще на шаг, он на тот же шаг отступил от стола. Бруно прямым текстом сказал мне, что брать его живым не обязательно. Более того, медведь предупредил, что проявление мной милосердия будет расценено как приглашение к насилию. Он, конечно, выразился несколько иначе, но смысл от этого не изменился. Вот я и выстрелил Грэхему Стоуну в грудь, потому что не знал, чего мне от него ожидать.

Пуля прошла насквозь, он согнулся пополам, рухнул на пол и сдулся.

Не прошло и шести секунд, как Стоун превратился в кучку пепла, формой напоминающую человеческое тело. Я коснулся останков. Ни крови, ни костей. Только пепел.

Посмотрел на «смит-и-вессон». Вроде бы мой револьвер. Не «дисней дет хоуз» калибра 780. Отсюда следовал логичный вывод: я стрелял не в настоящего Грэхема Грина, а во что-то еще, в дубля, полностью имитирующего его внешность да еще движущегося. Не тратя время на раздумья, я вернулся в коридор. Выстрела никто не слышал — музыканты об этом позаботились.

И что теперь?

Я заглянул в две другие комнаты, и в обеих нашел Грэхема Стоуна. В первой комнате он лопнул под моими пальцами, как надувной шарик, как имидж политика, в грязном белье которого покопались репортеры. Со вторым я разделался ударом в пах.

На танцплощадку вернулся в ярости. Как-то привык к тому, что человек, получив пулю в грудь, валится на землю и остается лежать, как мешок с картошкой. Таковы правила игры. Очень мне не понравился трюк, показанный Грэхемом Стоуном.

В туалете я постучал в кабинку Бруно. Он вышел, надвинув шляпу на глаза, подняв воротник. Лицо его по-прежнему кривила гримаса отвращения.

— Если ваши люди не спускают за собой воду, зачем вообще снабжать бачок рычагом для ее спуска?

— Есть проблемы.— И я рассказал ему о трех лишних Грэхемах Стоунах и потребовал объяснений.

— Я не хотел тебе об этом говорить.— Он определенно смутился.— Боялся, что этим напугаю тебя.

— Что? Что ты не хотел мне говорить?

Он пожал широченными плечами.

— Видишь ли, Грэхем Стоун — не человек.

Я чуть не рассмеялся.

— Ты тоже.

На его лице отразилась обида, а я почувствовал себя говнюком.

— Во мне есть хоть что-то человеческое. Генетический материал...

Но речь сейчас не об этом. Видишь ли, Грэхем Стоун прибыл не из другой реальности. Он — инопланетянин. Из другой звездной системы.

Я отошел к раковине, плеснул в лицо холодной водой. Не помогло.

— Рассказывай.

— Все не могу. Займет слишком много времени. Стоун — инопланетянин. Гуманоид, правда, но если приглядеться, увидишь, что пор на его коже нет. А если внимательно посмотришь на руки, заметишь, что шестой палец он ампутировал, чтобы быть больше похожим на человека.

— Шрам от шестого ампутированного пальца — верный признак инопланетного происхождения,— мой голос сочился сарказмом.

— Да, именно так. Примерно семь месяцев назад целый корабль этих существ залетел в одну из реальностей. Все они

были крайне враждебны и вели себя очень странно. Такое ощущение, что мы столкнулись с представителями цивилизации мегаломаньяков. Естественно, всех пришельцев уничтожили, за исключением Грэхема Стоуна. До сих пор ему удавалось от нас уходить.

— Если он инопланетянин, почему у него английские имя и фамилия?

— Он ими воспользовался, когда впервые попытался сойти за землянина.

Потом не раз менял. Вероятно, даже инопланетянам хочется, чтобы в них видели британцев, это показатель класса. Так считают в восьмидесяти процентах реальностей. Хотя есть две или три, где высший класс — принадлежность к племенам с островов Тонга.

— И за что инопланетянина приговорили к смерти? — спросил я.— Может, следовало попытаться понять его?

— Такая попытка предпринималась. Однажды утром, когда врачи прибыли в лабораторию для продолжения исследований, они нашли ночную смену мертвой. Паутиноподобные грибы росли из ртов, ноздрей, глаз людей... Идею ты уловил? С тех пор Стоун такого себе не позволял. Но мы не думаем, что он утерял эту способность.

Я вернулся к раковине, взглянул на свое отражение в зеркале.

Кто-то вошел, чтобы воспользоваться писсуаром, и Бруно тут же скрылся в кабинке и захлопнул дверь.

— О черт! — простонал он, но незнакомец, похоже, не заметил ничего необычного в медвежьем голосе.

Я три минуты изучал свою физиономию, пока мы вновь не остались одни. Бруно вышел из кабинки. Похоже, на этот раз она произвела на него даже более сильное впечатление.

— Послушай,— я повернулся к нему,— допустим, Стоун находился менее чем в двадцати ярдах от меня, когда я развлекался с его дублями или как там они называются. Он мог перебраться в другую реальность?

— Нет,— мотнул головой Бруно.— Ты — приемник, не трансмиттер. Чтобы соскочить с этой временной линии, ему надо найти человека с талантом, обратным твоему.

— А они есть?

— Я обнаружил в этом городе двоих.

— Мы могли бы следить за ними и ждать его появления.

— Смысла нет,— возразил Бруно.— Стоун с тем же успехом может осесть в этой реальности и подчинить ее себе. Сделать базой для вылазок в другие.

— В чем его сила?

— Я же сказал, он опасен.

— Тогда пошли.— И я повернулся к стальной двери, ведущей в подвал соседнего склада.

— Ты прелесть.

Я посмотрел на него, стараясь уловить издевку на его медвежьем лице, но оно ничего мне не сказало.

— Прелесть? Я — прелесть? Послушай, если один парень говорит другому, что он — прелесть, особенно если они в сортире...

— То что?

— Не важно.— Я начал краснеть.

— И потом, я не парень. Медведь.

— Ты парень-медведь, не так ли?

— Да.

— Вот и заканчивай с «прелестью».

— Я лишь хотел сказать, что за несколько часов ты узнал о существовании параллельных миров, разумного медведя и инопланетянина, и тебя это совершенно не потрясло.

Я разъяснил ему, что к чему.

— Вчера я был в отличном настроении и крепком подпитии.

Провел шесть часов в постели с роскошной блондинкой по имени Сильвия. Съел два стейка, полдюжины яиц и гору жареной картошки. Выдавил из себя последнюю каплю стресса, вызванного последним расследованием. Начал жизнь с чистого листа. В таком состоянии я могу воспринять что угодно. И вообще удивить меня трудно, вот и не изумляйся, что тебе это не удалось. Кроме того, на кону стоят три тысячи баксов, не говоря уже о таком пустячке, как профессиональная гордость. Так что пошли отсюда.

Мы миновали стальную дверь, деревянную и вновь очутились в подвале заброшенного склада.

Глава 4

Вернувшись на улицу, обнаружили, что за время нашего отсутствия выпал добрый дюйм снега и буран набрал силу. Снег лип к одежде, хлестал лица. Я ругался, но Бруно молчал, стоически воспринимая превратности погоды.

Миллион лет спустя, в двух миллионах миль от клуба металлистов, ориентируясь по меняющему цвет диску, мы вновь вышли на след инопланетянина. Пятеро подростков лежали в темном проулке, из их ртов, ноздрей, глаз торчали паутинообразные грибы. Полагаю, из задниц тоже.

— Этого я и боялся.— В голосе Бруно слышалось искреннее горе.

— Не переживай.— Я наклонился в покойникам.— Это грабители. Уличная банда. Им без разницы, пристрелить твою сестру или съесть пончик. Об этой банде я слышал. Видишь, у каждого на левой руке вытатуирована кобра. Должно быть, они пытались ограбить Стоуна и, как говорится, угодили в яму, которую рыли другому. Так что на этот раз Стоун только сослужил нашему миру добрую службу. Эти подонки больше не будут отнимать деньги у старушек и бить стариков, чтобы завладеть их карманными часами.

— В любом случае мы должны избавиться от тел,— заметил Бруно.— Нельзя допустить, чтобы их нашли. Возникнет много вопросов о причине гибели, а эта реальность еще не готова к восприятию идеи параллельности миров.

Бруно достал свое странное оружие. Передвинул рычажок регулятора на рукоятке и за секунду превратил в пепел пятерых бандитов. Насчет «дисней дет хоуз» он сказал правду: оружие что надо.

Пока мы поддавали ногами серый порошок, помогая ветру разнести его и смешать со снегом, настроение у меня заметно упало. Я напоминал себе, что цена вопроса — три тысячи баксов. И Сильвия. И хороший виски. И что я потеряю все это, если струшу. Потому что, если частный детектив дает задний ход, его карьера закончена. Или карьера, или жизнь.

После проезда снегоочистительных машин мы могли идти по улице, не борясь с толстым слоем снега под ногами. Диск поначалу чуть светился янтарным цветом, но постепенно приобрел оранжевый оттенок. Увеличилась и яркость. А уж когда на периферии появился красный ободок, мы воспряли духом.

Улицу нам пришлось покинуть, потому что диск повел нас в прибрежный парк, где снег быстро вымочил мне и носки, и низ брючин.

На набережной диск в руке Бруно стал ярко-красным, впервые за вечер, а вскоре мы увидели Грэхема Стоуна. В дальнем конце пирса яхт-клуба. Он как раз перебирался на палубу моторной яхты. Потом бросился к рубке, скрылся внутри. Вспыхнули фонари вдоль бортов яхты, кашлянул и взревел двигатель.

Я помчался к пирсу с револьвером в одной руке, выставив перед собой другую на случай падения: ботинки скользили по снегу.

Позади что-то прокричал Бруно. Я его не расслышал. Крик повторился, потом коп-медведь бросился следом. Чтобы это понять, мне даже не пришлось оглядываться: от его тяжелых шагов тряслась земля.

Когда я добрался до конца пирса, Стоун уже отводил от него яхту. На бегу я прикинул расстояние между пирсом и палубой: примерно двенадцать футов. Прыгнул, приземлился, в кувырке ударился плечом о палубу. На несколько мгновений от боли перед глазами засверкали звезды.

За спиной послышался разъяренный рев, потом что-то тяжелое плюхнулось в воду.

Бруно повторить мой маневр не сумел.

Лежа на палубе, я видел иллюминаторы рубки. Грэхем Стоун с ехидной улыбкой смотрел на меня. Может, он сам, может, один из его надувных дублей. Я поднялся, мотнул головой, отгоняя звезды, посмотрел на правую руку.

Револьвера не было.

Оглянулся на пирс. Бруно не было.

Должно быть, револьвер лежал сейчас на речном дне, зарывшись в ил, и ничем не мог мне помочь.

Стало как-то не по себе. Я пожалел о том, что утром ушел из «Классного места» и встретил Бруно. Вновь покачал головой, отгоняя неприятные мысли, и огляделся в поисках оружия.

Если появляются мысли о том, что хорошо бы вернуть все назад, следующим шагом становится депрессия, потом апатия и, наконец, переход в растительное состояние. Каким бы ужас-

ным ни казался мир, надо двигаться. Не сидеть на месте, не замирать, двигаться.

Я нашел обрезок трубы в ящике для инструментов, привинченном к палубе. При хорошем замахе раскроить им череп не составляло труда. Обрезок трубы придал мне уверенности, и я направился к рубке. Ворвался в нее, низко пригнувшись, выставив перед собой обрезок, но Стоун даже не оглянулся.

Я начал осторожно сближаться с ним, ожидая подвоха. Напоминал себе о пяти юных бандитах, которые не знали, на кого нарвались, а потому дело кончилось тем, что в их ртах, ноздрях и ушах выросли грибы.

Когда расстояние сократилось до пары футов, я взмахнул трубой и резко опустил ее Стоуну на затылок. Труба раскроила голову, шею, грудь, живот и бедра.

Еще один надувной двойник. Дубль сложился, упал, превратился в горсть праха. Черт бы его подрал!

Повернувшись к лобовому стеклу, я увидел, что мы уже наполовину пересекли реку и держим путь к району Уэстшор. Вел яхту автопилот. Мне не удалось перевести управление в ручной режим, хотя я и попытался что-то сделать. Без особой надежды на успех я отправился на поиски Стоуна.

Обнаружил его рядом с ящиком для инструментов, из которого я достал обрезок трубы. Обеими руками Стоун держался за поручень и с вожделением смотрел на приближающийся берег, в который мы не могли не врезаться.

Я подкрался сзади и врезал от души.

По еще одному надувному дублю.

Хотелось бы мне знать, как этому мерзавцу такое удается. Удобно, знаете ли, подставлять под удар двойника, самому оставаясь целым и невредимым.

Две трети пути остались позади, берег приближался. Я знал, что должен найти Стоуна до того, как мы преодолеем последнюю треть. В противном случае он снова сбежит. Да и к тому же, как объяснил мне Бруно, несколько дней пребывания в любой реальности приводили к рассеиванию особого биологического сигнала, свидетельствующего о том, что его обладатель прибыл с другой временной линии, а значит, волшебный диск из арсенала интерреальностного копа скоро должен будет превратиться в бесполезный кругляш.

Я решил, что Стоун прячется под палубой. Потому что и сама палуба, и рубка пустовали. Я нашел люк и лестницу, которые вели к каютам. Двинулся вниз, как и положено хорошему частному детективу: осторожно.

На камбузе нашел еще одного дубля, которого изничтожил молодецким ударом обрезка трубы. Чувствовал себя круглым идиотом, но не собирался пропускать хоть одного... чтобы потом обнаружить, что он и был настоящим и смертельно опасным.

Очередной дубль лежал на нижней койке первой каюты, и я быстренько с ним разделался. Вторая каюта пустовала, не было в ней ни дубля, ни настоящего Грэхема Стоуна.

Оставалась ванная. Дверь в нее закрыли, но не заперли. Я повернул рукоятку, распахнул дверь и нашел-таки его.

Поначалу растерялся. Передо мной стояли настоящий Грэхем Стоун и его дубль, который как раз отделялся от него. Казалось, у меня двоится в глазах, поскольку оба Стоуна частично накладывались друг на друга. Потом настоящий рявкнул и оттолкнул от себя дубля. На его руках выросли коричневые пузыри, оторвались и понеслись на меня — биологические снаряды.

Я отступил назад, взмахнул обрезком трубы, попал по одному. Он лопнул, выплюнув... семена, споры, бог знает что. Мгновенно конец трубы облепили белые нити. И начали распространяться по ней в направлении моих пальцев, так что трубу пришлось бросить. Второй пузырь угодил в дверной косяк. Я увидел, как белые нити укоренялись в дереве и алюминии, чтобы тут же начать распространяться во все стороны, завоевывая все новые и новые территории.

— Стой, где стоишь! — грозно приказал я.

Руки Стоуна вновь поднялись. Я увидел, как формируются пузыри. Кожа словно сползала с его пальцев, коричневела.

Следующий пузырь ударился в стену, и нити потянулись и к потолку, и к полу. В фиберглассовых панелях появились трещины: это дерьмо проедало их, забираясь под обшивку.

Последний пузырь задел рукав моей куртки, выбросив те же самые нити.

Никогда раньше, да и после тоже, мне не удавалось так быстро снимать куртку или пиджак, даже если меня ждала сладострастная блондинка.

Я едва не выпрыгнул из одежды, но успел до того, как нити добрались до меня. Если и опередил их, то на доли секунды.

Стоун вышел из ванной в коридор, вновь нацелил на меня поднятые руки.

Я повернулся и бросился бежать, словно за мной гнался дьявол.

Чуть раньше я говорил, что частному детективу надо менять профессию, если он проявляет трусость. Если он дает задний ход, значит, в этом бизнесе делать ему нечего. Что ж, я по-прежнему готов подписаться под этими словами. И я не струсил. Просто пораскинул мозгами. Те, кто борется и убегает, получают шанс побороться на следующий день. Вот я и убежал. Не след переть на танк со стартовым пистолетом, поскольку ты так и будешь стоять с этим самым пистолетом и смотреть на двенадцатидюймовую дыру, которую проделали в твоем животе.

А кроме того, этот мерзопакостный Стоун играл совсем в другую игру.

Он не знал правил. Потому что любой панк дал бы тебе минимальный шанс. Попытался бы добраться до тебя с помощью дубинки, ножа, даже банки с серной кислотой. Но не полез бы с такой дрянью. Стоун не уважал традиций.

Выскочив на палубу, я бросился на нос яхты взглянуть на приближающийся берег. До него оставалось не больше двухсот ярдов. Никогда раньше я так не радовался земле. Рядом со мной очередной пузырь ударился о поручень, белесые нити охватили металл, впились в него, начали с жадностью пожирать. Почему-то мне подумалось, что эти нити более смертоносны, чем те, которые убили малолетних бандитов в темном проулке.

Я кинулся направо, за рубку. А когда выглянул из-за нее, увидел перед собой Стоуна. Глаза его нехорошо светились, руки тянулись ко мне.

Яхта летела к берегу.

Но недостаточно быстро.

Два пузыря пролетели над моей головой, шлепнулись на палубу, белые нити впились в доски. Я чувствовал: еще немного — и эта паутина, тонкая, но крепкая, оплетет всю яхту.

Снизу послышался скрежет рвущегося металла. Яхту дернуло, потом она двинулась дальше. Я понял, что днищем нас протащило по отмели. Но двигатели все-таки сняли яхту с нее.

За первой отмелью оказалась другая, которая окончательно сорвала у яхты дно, и корабль медленно погрузился в воду. Глубина реки в этом месте не превышала четырех футов. Так что палуба осталась выше поверхности.

Я бросился на палубу, перекатился к ограждению, ухватился за поручень, выпрыгнул за борт, ударился челюстью о какое-то затопленное бревно.

Рот у меня открылся, я наглотался воды. «Вот, значит, каково тонуть»,— подумал я. Закрыл рот, вскочил, зашлепал к берегу, отплевываясь, кашляя, пытаясь не потерять сознание.

Возможно, я не обладаю многими достоинствами, которые ценятся в современном обществе. Скажем, утонченным вкусом и хорошими манерами. Но кое-что за душой у меня есть. К примеру, мужество.

От суши меня отделяли пять шагов, когда пузырь с белыми нитями взорвался передо мной. Два. Потом еще два. Паутина белых змей поднялась, отрезая мне путь к спасению. Я остановился, оглянулся. Грэхем Стоун, инопланетный англофил, тоже покинул полузатопленную яхту. И приближался ко мне.

Я повернулся направо. Два пузыря плюхнулись передо мной.

Налево — еще два.

Никакого уважения к традициям.

Вода доходила мне только до колен, так что я не мог нырнуть и уплыть от этих мерзких нитевидных тварей. И потом, если уж наша встреча не могла не произойти, мне бы хотелось видеть, что они будут со мной вытворять.

Грэхем Стоун приближался. Он больше не стрелял, зная, что я и так в его власти.

Мы были вдвоем на темном берегу. Я мог позвать на помощь, но никто бы не откликнулся.

И вдруг слева послышался яростный рев мотора. Маленький катер мчался к нам, перекрывая все рекорды скорости для суденышек этого класса. Тут же ожила сирена, и из снежной мглы появился Бруно. Он стоял за рулем, а двухместный двенадцатифутовый катер несся быстрее пятидесяти миль в час. Просто летел над водой, оставляя за собой белый бурун. Из-за малой осадки катер без помех миновал обе мели и приближался с каждой секундой.

— Бруно! — закричал я.

Он являл собой классический пример человека, или медведя, идущего в последний бой. Глаза дико вращались, он готовился к самому худшему.

Маленький катер вынесло на берег, днище заскрежетало по песку. Катер протащило футов десять, потом он наткнулся на валун, остановился, а медведя инерцией швырнуло сквозь лобовое стекло, пронесло над носовой частью. Он приземлился на широченную спину.

И вскочил. Его шатало, всего засыпало песком, но он выжил.

Я выпрыгивал из воды и орал:

— Прикончи его, Бруно! Прикончи немедленно!

Белые нити все ближе подбирались ко мне, хотя Грэхем Стоун оставался на месте.

Медведь поднял голову, посмотрел на меня, хотел поправить широкополую шляпу, не нашел, пожал плечами.

— Прикончи его! Прикончи! — вопил я.

Он вытащил свое странное оружие и, пока Стоун пытался разделаться с ним с помощью коричневого пузыря, сжег инопланетянина одним-единственным выстрелом из «дисней дет хоуз» калибра 780. От него осталось несколько частичек золы, которые тут же унес ветер.

— Ты его убил! — радостно орал я, пока Бруно сжигал паутину вокруг меня.

А потом, должно быть, у меня в крови резко снизился уровень сахара, потому что я отключился. В том, что не упал в обморок, я уверен.

Глава 5

Нам пришлось избавиться от яхты. За пятнадцать секунд Бруно обратил ее в пыль, которая осела на дно. Без единого языка пламени. *«Пух»* — и кормы как не бывало. Та же участь ждала и рубку, и носовую часть.

Катер он тоже уничтожил, чтобы не оставлять следов случившегося.

По темному берегу мы прошли с милю, пока не наткнулись на клуб, откуда смогли вызвать такси, и поехали ко мне. Водитель полюбопытствовал, получил ли Бруно первый приз на костюмированном балу за свою маску, но мы ему не ответили.

Дома помылись, съели все стейки из морозилки, все яйца, сыр, в общем, все. Параллельно выпили три бутылки виски, правда, должен признать, львиную долю выпил медведь.

Говорили мы главном образом не о Грэхеме Стоуне. О том, каково быть копом что на службе, что в частном сыске. Говорили о преступниках, с которыми ему приходилось сталкиваться, и выяснилось, что от реальности к реальности они не очень-то и отличаются. Бруно прямо сказал мне, что моя Земля еще недостаточно цивилизованная для приглашения в сообщество реальностей. И почему-то намекнул, что такое, скорее всего, произойдет лишь после того, как мой вид исчезнет с лица земли. Однако я ему понравился. В этом у меня сомнений нет. Странно.

Перед рассветом он сделал себе какой-то укол и мгновенно протрезвел. Мы пожали друг другу руки (во всяком случае, он наклонился и пожал мою) и расстались. Он отправился на поиски трансмиттера, чтобы вернуться в свою реальность. Я заснул.

Больше я Бруно не видел.

Зато появлялись другие странные личности. Более странные, чем преступники этого города. Скажем, Бенни «Страус» Дикелбейкер, Сэм «Плунжер» Салливан или Горбун Хагерти, наемный убийца-калека. Куда более странные, чем Грэхем Стоун или Бруно. Когда-нибудь я вам о них расскажу. А сейчас у меня свидание с рыжеволосой балериной, фигурка у которой — пальчики оближешь. Ее зовут Лоретта, она сказочно танцует. И не только перед пластмассовыми манекенами.

МЫ ТРОЕ

Глава 1

Джонатан, Джессика и я проволокли тело нашего отца сначала через столовую, потом через обставленную по последней моде, в духе Старой Англии, кухню. С трудом протащили через дверь черного хода, потому что папаша не желал гнуться. И дело не в характере или темпераменте, хотя старый пердун, когда хотел, становился очень жестким. Не гнулся он из-за трупного окоченения. Мышцы напряглись, плоть затвердела. Мы пинали его, пока он не продавился посередине и не вывалился в дверной проем. Потом стащили с крыльца и шести ступенек на лужайку.

— Он весит тонну! — пожаловался Джонатан, тяжело дыша и вытирая со лба пот.

— Не тонну,— возразила Джессика.— Меньше двухсот фунтов.

Хотя мы — тройняшки и во многом удивительно похожи, в мелочах мы отличаемся друг от друга. Например, Джессика самая прагматичная, тогда как Джонатан любит преувеличивать, фантазировать, мечтать. Я — где-то посередине между этими крайностями. Прагматичный мечтатель?

— Что теперь? — спросил Джонатан, поморщившись от отвращения и кивнув на лежащий на траве труп.

— Сожжем его,— ответила Джессика, и ее милые губки превратились в узкую карандашную черту. Утренний ветерок подхватил золотистые волосы Джессики, и они заблестели на солнце. День выдался превосходным, а она была самой прекрасной его частью.— Сожжем их всех.

— Не следует ли нам притащить мать и сжечь их вместе? — спросил Джонатан.— Сэкономим силы.

— Если сделать большой погребальный костер, языки пламени могут подняться слишком высоко,— ответила Джессика.— А мы же не хотим, чтобы случайная искра подожгла дом.

— Мы можем выбрать любой дом в этом мире,— Джонатан широко раскинул руки, охватывая курортный городок, штат Массачусетс, Северо-Американский континент, всю планету.

Джессика молча смотрела на него.

— Разве я не прав, Джерри? — обратился Джонатан ко мне.— Разве мы не можем жить, где захотим? Разве не глупо волноваться из-за одного-единственного дома?

— Ты прав,— кивнул я.

— Мне *нравится* этот дом,— отчеканила Джессика.

Поскольку Джессике нравился этот дом, мы встали в пятнадцати футах от трупа, посмотрели на него, подумали о языках пламени и мгновенно подожгли его. Яркий огонь укутал отца оранжево-красным одеялом. Горел труп хорошо, быстро почернел, раздуваясь, шипя, и наконец превратился в пепел.

— Мне кажется, я должен грустить,— вздохнул Джонатан.

Джессика скорчила гримаску.

— Все-таки он был нашим отцом,— не унимался Джонатан.

— Мы выше дешевой сентиментальности,— Джессика сурово посмотрела на каждого из нас, чтобы убедиться, что мы это понимаем.— Мы — новая раса с новыми эмоциями, новыми подходами.

— Полагаю, что да,— в голосе Джонатана убежденности не слышалось.

— А теперь давайте займемся матерью,— сменила тему Джессика.

Десятилетняя Джессика, на тридцать шесть минут моложе Джонатана, на три — меня, решительностью превосходила нас обоих. И обычно добивалась своего.

Мы вернулись в дом и выволокли мать.

Глава 2

Правительство приставило к нашему дому двенадцать морских пехотинцев и восемь агентов ФБР в штатском. Вроде бы эти люди обеспечивали нашу безопасность, чтобы нам не причинили вреда. На самом деле охраняли нас, превратив дом в тюрьму. Покончив с матерью, мы вытащили на лужайку остальные тела и кремировали их разом.

Джонатан выдохся. Он сидел между двух дымящихся скелетов и вытирал с лица пот и сажу.

— Может, мы совершили большую ошибку?

— Ошибку? — Джессика хищно подобралась.

— Может, нам не следовало убивать их всех?

Джессика топнула ножкой. Золотые кудряшки подпрыгнули.

— Ты — глупец, Джонатан! Ты же *знаешь*, что они собирались с нами сделать. Когда они поняли, каковы наши возможности и как быстро мы учимся новому, до них дошло, какую мы представляем опасность. Они собирались убить нас.

— Мы могли убить нескольких,— не унимался Джонатан,— чтобы заявить о своей позиции. Неужели не было другого выхода, кроме как убить всех?

Джессика вздохнула.

— Послушай, в сравнении с нами они были неандертальцами. Мы — новая раса с новыми способностями, новыми эмоциями, новыми подходами. Мы — самые драгоценные дети всех времен и народов... но грубая сила, вспомни, была на их стороне. У нас был только один шанс на спасение — действовать без предупреждения. И мы им воспользовались.

Джонатан оглядел черные участки травы.

— Нам предстоит столько работы! Мы потратили все утро, чтобы избавиться только от этих. А ведь предстоит очистить целый мир!

— Скоро мы научимся левитировать,— ответила Джессика.— Я чувствую, как у меня появляется такая способность. Может, мы даже сможем телепортировать тела из одного места в другое. Тогда все будет проще. И потом, нам нет нужды очищать весь мир... только те его части, которые мы собираемся использовать в ближайшие годы. А в других погода и крысы все за нас сделают.

— Полагаю, ты права,— признал Джонатан.

Но я знал, что сомнения у него остались, и, пожалуй, разделял их. Естественно, мы втроем стояли на более высокой ступени эволюции, чем остальное человечество. Мы могли читать мысли, предсказывать будущее, воздействовать психической энергией на физические объекты. К примеру, зажигать огонь. Джонатан мог контролировать небольшие потоки воды.

И вовсю этим пользовался, если мне, к примеру, хотелось справить малую нужду. Пусть он и принадлежал к новой расе, ему почему-то очень нравились обычные детские выходки. Джессика точно предсказывала погоду. Я на удивление хорошо ладил с животными. Собаки, кошки сбегались ко мне, птички садились на плечо. И разумеется, мы могли оборвать жизнь любого растения или животного, лишь подумав о *смерти*. Как подумали о смерти всего человечества. Возможно, с учетом теории Дарвина, мы и родились с тем, чтобы уничтожить этих неандертальцев по достижении нами определенного уровня развития. Достигли и уничтожили. Но я не мог избавиться от сомнений. Чувствовал, что нам придется ответить за уничтожение существовавшей до нас цивилизации.

— Негоже так думать,— твердо заявила Джессика. Разумеется, она читала мои мысли. Телепатическими способностями она превосходила и меня, и Джонатана.— Их смерть ничего не значит. Мы не можем позволить себе угрызения совести. Мы — новая раса с новыми эмоциями, новыми надеждами, мечтами и нормами жизни.

— Конечно,— кивнул я.— Ты права.

Глава 3

В среду мы пошли на пляж и сожгли тела отдыхающих. Мы все любили море и никак не могли обойтись без полоски чистого песка. А купаться и загорать в окружении разлагающихся тел — удовольствие маленькое.

Когда мы с этим покончили, Джонатан и я совсем вымотались. Но Джессика хотела перепихнуться.

— Дети нашего возраста вроде бы на такое не способны,— пробурчал Джонатан.

— Но мы способны,— настаивала Джессика.— И должны реализовывать наши способности. Я этого хочу. Сейчас.

Так что мы перепихнулись. Джонатан и она. Потом я и она. Она хотела еще, но мы уже не могли.

Джессика вытянулась на песке. Детское стройное тельце, белое на белом песке.

— Мы подождем,— сказала она.

— Чего? — спросил Джонатан.

— Пока вы оба снова сможете.

Глава 4

Через четыре недели после конца света Джонатан и я вдвоем лежали на пляже, нежась в лучах солнца. Какое-то время он молчал, словно боялся заговорить.

Наконец решился:

— Как ты думаешь, это нормально для девочки ее возраста всегда... этого хотеть? Даже если она принадлежит к новой расе?

— Нет.

— Она словно... помешалась на этом.

— Да.

— Чего-то она добивается, только мы не знаем, чего именно.

Он, конечно же, говорил дело. Я тоже это чувствовал.

— Беда,— выдохнул он.

— Возможно.

— Грядет беда.

— Возможно. Но какая может быть беда после конца света?

Глава 5

Через два месяца после конца света и сожжения наших родителей, когда нам с Джонатаном дом основательно наскучил и мы уже подумывали над тем, чтобы познакомиться с более экзотическими частями этого мира, Джессика сообщала нам сенсационную новость:

— Нам придется задержаться еще на несколько месяцев. Я беременна.

Глава 6

Мы почувствовали присутствие четвертого разумного существа на ее пятом месяце беременности. Все проснулись глубокой ночью в поту, с тошнотой, зная, что мы не одни.

— Это младенец,— озвучил наши мысли Джонатан.— Мальчик.

— Да,— я поморщился от психического воздействия нового существа.— И хотя он внутри тебя, Джессика, он все знает. Еще не родился, а уже все знает.

Джессика согнулась пополам от боли. Захныкала.

Глава 7

— У младенца будут такие же способности, как и у нас,— настаивала Джессика.— Не надо ждать от него ничего сверхъестественного. Я больше не желаю слушать эти глупости, Джонатан.

Сама ребенок, она раздулась от ребенка, сидящего у нее в животе. И с каждым днем ее раздувало все сильнее.

— Откуда ты знаешь, что у него нет сверхъестественных способностей? — спросил Джонатан.— Никто из нас не может читать его мысли. Никто из нас не может...

— Новые виды не появляются столь быстро.

— А как же мы?

— Кроме того, он нам не угроза... он произошел от нас.— Вероятно, она думала, что эта истина — доказательство ложности гипотезы Джонатана.

— Мы произошли от наших родителей,— напомнил ей Джонатан.— И где они? Допустим, мы не новая раса? Допустим, мы — короткий, промежуточный этап... куколка между гусеницей и бабочкой. Может, младенец...

— Нам нечего бояться младенца,— твердила Джессика, поглаживая живот обеими руками.— Даже если все, что ты говоришь, правда, мы ему нужны. Для репродукции.

— Ему нужна ты,— возразил Джонатан.— Мы ему не нужны.

Я сидел и слушал этот спор, не зная, что и думать. По правде говоря, я находил все это забавным, пусть и пугающим. Я постарался показать им иронию ситуации.

— Может, мы все ошибаемся. Может, этот младенец — мессия, о котором писал Йетс в своей поэме, чудовище, которое крадется к Вифлеему, чтобы родиться.

Оба не нашли мое предположение забавным.

— Я всегда терпеть не мог Йетса,— ответил Джонатан.

— Да,— кивнула Джессика,— очень уж он мрачный. И потом, мы выше суеверий. Мы — новая раса с новыми эмоциями, новыми мечтами, надеждами и нормами.

— Он — серьезная угроза, Джерри,— Джонатан повернулся ко мне.— Тут не до шуток.

И они с Джессикой начали орать друг на друга, совсем как папа и мама, когда в семейном бюджете появлялись прорехи. Словно ничего не поменялось.

Глава 8

Младенец будил нас каждую ночь, должно быть, ему нравилось нарушать наш покой. Однажды, на седьмом месяце беременности Джессики, уже перед рассветом мы проснулись от молний психической энергии, вылетевших из ее раздутого чрева.

— Думаю, я ошибся,— сказал Джонатан.

— В чем? — спросил я, едва различая его силуэт в темноте спальни.

— Это девочка, не мальчик.

Я попытался увидеть младенца в животе Джессики. Он этому успешно сопротивлялся, как обычно противостоял аналогичным попыткам Джонатана и Джессики.

Но вроде бы я видел мальчика, а не девочку. О чем и сказал.

Джессика сидела на кровати спиной к изголовью, держась руками за перекатывающийся под ними живот.

— Вы оба ошибаетесь. Я думаю, это мальчик и девочка. А может, не первый и не вторая.

Джонатан включил настольную лампу и посмотрел на сестру.

— Что ты хочешь этим сказать?

Она скривилась, потому что младенец сильно ударил ее изнутри.

— Я нахожусь с ним в более тесном контакте. Я его *чувствую*. Он не такой, как мы.

— Тогда я был прав,— сказал Джонатан.

Джессика промолчала.

— Если он двуполый или бесполый, ему не нужен никто из нас,— продолжил Джонатан.

Он выключил свет. Ничего другого не оставалось.

— Может, мы сможем его убить,— предположил я.

— Не сможем,— ответила Джессика.— Он слишком могущественный.

— Господи! — воскликнул Джонатан.— Мы даже не можем читать его мысли! Если он нам этого не позволяет, то, конечно же, сможет защитить себя. Господи!

— Не произноси этого слова, Джонатан,— осадила брата Джессика.— Оно нас недостойно. Мы выше старых суеверий. Мы трое — новая раса. У нас новые эмоции, новая вера, новые нормы.

— Еще на месяц или около того,— добавил я.

КРЕПКИЙ ОРЕШЕК

Глава 1

Артерии света пульсировали в черном небе. В этих стробоскопных вспышках миллионы холодных капелек замирали на мгновение, прежде чем продолжить падение. В поблескивающей влагой улице отражался небесный огонь, и от этого казалось, что она вымощена осколками зеркал. Потом небо гасло и возобновлялся дождь. А под ногами чернел тротуар. И вновь ночь обступала со всех сторон.

Сцепив зубы, стараясь игнорировать боль в правом боку, вглядываясь во мрак, детектив Френк Шоу обеими руками сжимал рукоятку револьвера «смит-и-вессон чифс спейшл» 38-го калибра. Уловив впереди движение, Шоу глубоко вдохнул и дважды выстрелил.

Карл Скэгг лишь в самое последнее мгновение успел завернуть за угол ближайшего склада и остаться в живых. Первая пуля пробила воздух в том месте, где он только что был, вторая чиркнула по углу здания.

Неустанная барабанная дробь, которую выбивал дождь по металлическим крышам складов и мостовой, вкупе с громовыми раскатами, заглушили выстрелы. Даже если бы сотрудники частных охранных бюро сейчас и несли вахту, они бы ничего не

услышали, так что на их помощь Френку рассчитывать не приходилось.

А помощь ему не помешала бы. Скэгг, убийца, совершивший по меньшей мере двадцать два преступления, был невероятно силен и опасен, и, уж конечно, копу не следовало и пытаться справиться с ним в одиночку.

Френк подумал о том, чтобы вернуться к патрульной машине и вызвать подмогу, но он знал, что Скэгг успеет покинуть этот район до того, как полиция выставит оцепление. Ни один коп не стал бы отказываться от преследования преступника только из соображений собственной безопасности... и уж конечно, не Френк Шоу.

Угол, за который нырнул Скэгг, Френк обогнул по широкой дуге на случай, что тот поджидал его там. Но преступник уже покинул залитый водой проезд между двумя огромными складскими зданиями.

В отличие от фасада склада, где бетонные пандусы вели к широченным сдвижным воротам, боковая была ровной и глухой. Лишь в двухстах футах, под лампой, забранной в решетчатый колпак, виднелась металлическая дверь.

Морщась от боли в боку, Шоу поспешил к ней. Удивился, увидев, что ручка оторвана, а замок выбит, словно Скэгг шуровал ломом или кувалдой. Он нашел этот инструмент около складской стены и воспользовался им, чтобы войти. Из поля зрения Шоу преступник выпал лишь на несколько секунд, максимум на полминуты, этого времени определенно не хватило бы на то, чтобы взломать стальную дверь.

И почему не сработала охранная сигнализация? Склад наверняка ею оборудован. Скэгг же определенно ее не отключал, просто вломился в дверь.

Вымокнув до нитки, Френк дрожал всем телом, прижавшись спиной к холодной стене у двери. Сжав зубы, усилием воли унял дрожь, прислушался. Но уловил только шум дождя. Барабанную дробь капель по крышам и стенам, шипение воды на мостовой, ее журчание в сливных канавах.

Завывания ветра.

Френк откинул барабан револьвера, вставил патроны в два пустых гнезда, вернул барабан на место, подготовившись к предстоящей схватке.

Правый бок болел. Несколькими минутами раньше Скэгг застал Френка врасплох, выступив из темноты с обрезком трубы, который подобрал на соседней стройплощадке. Замахнулся, как заправский бэттер, и врезал Френку по правому боку. И теперь при каждом вздохе там вроде бы терлись друг о друга кусочки костей. Скорее всего, ребро или два окажутся сломаны. А может, и нет. Детектив Шоу промок, замерз, устал.

Но такая жизнь ему нравилась.

Глава 2

Сотрудники отдела расследования убийств прозвали Френка Крепким Орешком. Точно так же звали его сослуживцы в тренировочном лагере морских пехотинцев более двадцати пяти лет назад, потому что он выдерживал любые нагрузки, держался стойко и не «трескался», то есть не давал слабину. Прозвище последовало за ним, когда он демобилизовался из армии и поступил на службу в управление полиции Лос-Анджелеса. Он не прилагал особых усилий для того, чтобы его так называли, но прозвище это очень уж точно характеризовало Френка.

Он был высок ростом, широк в плечах, с узкими талией и бедрами. Одного вида огромных кулаков зачастую хватало, чтобы утихомирить самых буйных. Широкое лицо Френка, казалось, высекли из гранита, и на это пришлось положить немало усилий, потому что резцы ломались и тупились, а бить по ним приходилось со всего размаха.

Коллеги по отделу расследования убийств УПЛА иногда говорили, что лицо Френка может быть только суровым и очень суровым.

Его светло-синие глаза, чистые, как дождевая вода, смотрели на мир с ледяной подозрительностью. Глубоко задумавшись, он мог долго сидеть или стоять, не шевелясь, но острота и внимательность его взгляда, резко контрастирующие с неподвижностью тела, создавали впечатление, будто он выглядывает из скорлупы.

И скорлупа эта, как утверждали его друзья, была чрезвычайно крепкая.

Но о скорлупе речь шла лишь в первой половине характеристики, которую они давали Френку.

Перезарядив револьвер, Шоу встал перед дверью. Пинком распахнул ее. Пригнувшись, наклонив голову, держа револьвер перед собой, быстро вошел, посмотрел налево, направо, ожидая, что Скэгг бросится на него с ломом, кувалдой или с другим тяжелым предметом, который помог негодяю проникнуть в здание.

Слева от Френка высился двадцатифутовый металлический стеллаж, на полках которого стояли тысячи маленьких коробок. Справа большие деревянные ящики громоздились рядами, образуя стены высотой в тридцать футов, которые уходили в глубь склада, образуя между собой проходы, достаточно широкие для проезда погрузчиков.

Флюоресцентные лампы, закрепленные на пятидесятифутовом потолке, на ночь отключили. Горели лишь несколько тусклых ламп аварийного освещения, каждая под коническим жестяным абажуром, отчего большая часть склада пряталась в густой тени.

Френк двинулся вперед, бесшумно и осторожно. Намокшие ботинки чуть хлюпали, но этот звук растворялся в барабанной дроби, которую выбивал дождь по металлической крыше. Оставляя за собой мокрый след — вода капала с одежды, лба, подбородка, ствола револьвера,— детектив перемещался от одного ряда ящиков к другому, заглядывая в каждый проход.

Скэгга он увидел в конце третьего по счету, в ста пятидесяти футах от себя, наполовину в тени, наполовину освещенного тусклой лампой. Бандит явно хотел удостовериться, что Френк последовал за ним. Убедившись же, что его заметили, сорвался с места и исчез за углом.

Пять минут они играли в прятки, скользя меж коробок и ящиков. Три раза Скэгг позволял Френку увидеть его, но расстояние между ними не сокращалось.

«Ему это тоже нравится»,— подумал Френк.

Мысль эта его разозлила.

Высоко, под самым потолком, стены склада прорезали узкие окна, которые днем помогали освещать помещение. Теперь же они давали знать о своем существовании только при вспышках молний. Отблески этих вспышек не добавляли освещенности, но иногда заставляли плясать тени, и дважды Френк едва не выстрелил в безвредных призраков.

Крадясь вдоль проходов, вглядываясь в темноту, Френк вдруг услышал резкий скрежет. Сразу понял, что сие означает: ящик двигали по ящику.

Он поднял голову. В сумраке под потолком ящик размером с софу — он видел только его черный силуэт — балансировал на самом краю. Потом сорвался и полетел вниз.

Френк прыгнул вперед, ударился плечом о бетонный пол, откатился в сторону в тот самый момент, когда ящик взорвался, ударившись о бетон в том самом месте, где только что стоял детектив. Шоу укрыл лицо от щепок, летящих как шрапнель. В ящике лежали хромированные краны и душевые головки. Они запрыгали по полу, пара штук больно ударили Френка по бедру и спине.

Горячие слезы боли брызнули из глаз, правый бок обожгло как огнем.

Ребра, которым и так досталось, протестовали против столь резких телодвижений. Сверху раздался крик Скэгга, в котором слышались ярость, торжество и, безусловно, безумие.

Шестым чувством Френк заметил второй летящий на него ящик. Откатился к самой стене, на которой стоял Скэгг. Ящик с грохотом разбился об пол, аккурат там, где только что лежал детектив.

— Ты жив? — крикнул с верхотуры Скэгг.

Френк не ответил.

— Да ты, должно быть, затаился внизу, потому что я не слышал твоего предсмертного вопля. Ты у нас шустрик, не так ли?

И вновь сверху донесся смех. Какой-то холодный, металлический. Одним словом, нечеловеческий. По телу Френка Шоу пробежала дрожь.

Неожиданность Френк всегда полагал лучшей стратегией. Ведя преследование, он старался провести маневр, который преступник не мог предугадать. Вот и теперь, воспользовавшись шумом дождя, барабанящего по крыше, он поднялся, сунул револьвер в кобуру, смахнул с глаз слезы боли и начал карабкаться по стене из ящиков.

— Не прячься в тенях, как крыса,— кричал Скэгг.— Выходи и попытайся застрелить меня. У тебя есть револьвер. У меня — нет. Твои пули против того, что я смогу бросить в тебя. У тебя все шансы на победу, трусливый коп!

Преодолев двадцать футов из тридцати по стене из деревянных ящиков, хватаясь пальцами за малейшие ниши, ставя ноги на крошечные выступы, Френк прервал подъем. Боль в правом боку сжималась, как лассо, и угрожала сдернуть его вниз, с высоты почти что двух этажей. Он застыл, крепко зажмурился, приказывая боли уйти.

— Эй, говнюк! — кричал Скэгг.

«Да?»

— Ты знаешь, кто я?

«Психопат, патологический убийца, кто же еще?»

— Я тот, кого одна из газет назвала Ночным потрошителем.

«Да знаю я, знаю, слюнявый дегенерат».

— Весь этот чертов город теперь не спит по ночам, тревожась из-за меня, гадая, где я! — кричал Скэгг.

«Не весь. Лично у меня сон из-за тебя не пропадал».

Наконец жгущая, резкая боль в боку отпустила. Не исчезла полностью, но заметно ослабла.

Среди друзей в морской пехоте и полиции у Френка была репутация человека, который мог держаться и побеждать, несмотря на раны, которые любого другого вывели бы из строя. Во Вьетнаме дважды раненный пулеметными пулями в левое плечо и левый бок, чуть повыше печени, он тем не менее продолжил атаку и уничтожил пулеметчика гранатой. А потом, несмотря на хлещущую из ран кровь, здоровой рукой три сотни ярдов тащил еще более тяжело раненного друга до укрытия, где их не могли достать вьетконговские снайперы. Там их нашел и подобрал спасательный вертолет. Когда санитары поднимали Френка на борт, он сказал: «Война — это ад, все так, но на ней также чертовски интересно!»

Друзья говорили, что он сделан из железа, крепок, как скала.

Но это только часть того, что говорили о нем.

Наверху Карл Скэгг шел по стене из ящиков. Френк находился уже достаточно близко, чтобы, несмотря на шум дождя, слышать его тяжелые шаги.

А если бы и не слышал, узнал о его приближении по вибрации ящиков,— два ряда которых и составляли стену,— к счастью, недостаточно сильной для того, чтобы сбросить Френка вниз.

Шоу продолжил подъем, осторожно шаря руками в темноте в поисках выступов и впадин. В пальцы впились еще несколько заноз, но на такие мелочи он внимания не обращал.

Продвинувшись по стене, Скэгг вновь крикнул в темноту, где, по его разумению, прятался Френк: «Эй, трусохвост!»

«Ты мне?»

— У меня есть кое-что для тебя, трусохвост!

«Я не знал, что мы хотели обменяться сувенирами».

— Я припас для тебя кое-что остренькое.

«Я бы предпочел телевизор».

— То самое, чем я радовал других.

«Забудем о телевизоре. Согласен на флакон хорошего одеколона».

— Иди сюда и я выпущу тебе кишки, трусохвост!

«Я иду, иду».

Френк добрался до верха, поднял голову, посмотрел налево, направо, увидел Скэгга в тридцати футах от себя. Убийца стоял к нему спиной и всматривался вниз, в темноту прохода.

— Эй, коп, посмотри на меня, я стою под лампой. Ты без труда сможешь в меня попасть. Тебе лишь надо выйти из-под стены и поднять револьвер. В чем дело? Или у тебя даже на это не хватает смелости, жалкий трусишка?

Френк ждал громового раската. И когда дождался, выполз на ящик, потом поднялся. Здесь, под самой крышей, дождь барабанил куда громче, так что на таком звуковом фоне Скэгг не мог услышать шума, вызванного движениями Шоу.

— Эй, внизу! Ты знаешь, кто я, коп?

«Ты повторяешься, парень. Скучно с тобой, знаешь ли, скучно».

— Я — главный приз, трофей, о котором коп может только мечтать!

«Да, твоя голова прекрасно смотрелась бы на стене моего кабинета».

— Ты сразу станешь знаменитым, если убьешь меня, получишь повышение по службе и медаль, трусохвост.

Лампы висели в десяти футах над головой. Скэгг и впрямь остановился прямо под одной из них, играя спектакль для одного зрителя, который, как он полагал, находится внизу.

Вынимая револьвер, Френк шагнул из полумрака в круг света.

— Если ты не хочешь прийти ко мне, трусохвост, я приду к тебе.

— И кого ты зовешь трусохвостом? — осведомился Френк.

В изумлении Скэгг резко развернулся к нему лицом и чуть не свалился вниз. Но удержал равновесие, взмахнув руками.

— Руки в стороны, становись на колени, потом ложись на живот,— приказал Френк. Револьвер он держал обеими руками.

Карл Скэгг ничем не напоминал маньяка-убийцу, каким представляют его себе большинство людей: ни тяжелых бровей, ни челюсти кирпичом, ни тупого взгляда. Наоборот, был красавчиком. Каких снимают в кино. С мужественным, но при этом чувственным лицом. И глаза отнюдь не змеи или скорпиона. Карие, чистые, располагающие.

— На живот,— повторил Френк.

Скэгг не двинулся. Но улыбнулся. Улыбка не пошла его лицу на пользу: не было в ней обаяния кинозвезды. Такая улыбка более всего подходила крокодилу.

Габаритами Скэгг, пожалуй, превосходил Френка. Рост никак не меньше шести футов и пяти дюймов, фигура тяжелоатлета. Несмотря на холодную ноябрьскую ночь, на нем были лишь кроссовки, джинсы и рубашка. Тонкая мокрая ткань облегала рельефные мышцы.

— И как же ты собираешься спустить меня вниз, коп?

Или ты думаешь, что я позволю тебе надеть на меня наручники и буду спокойно лежать, дожидаясь, пока ты сбегаешь за подмогой? Не выйдет, свиное рыло.

— Слушай внимательно и можешь мне поверить: не подчинишься приказу — убью без малейшего колебания.

— Да? Ты и моргнуть не успеешь, как я отниму у тебя револьвер. А потом оторву голову и засуну в твою же задницу.

— Неужто ты не можешь обойтись без таких вульгарностей? — с нескрываемым отвращением спросил Френк.

Улыбнувшись еще шире, Скэгг шагнул к нему.

Френк выстрелил маньяку в грудь.

Грохот выстрела эхом отразился от металлической крыши и стен, Скэгга отбросило назад и в сторону. Крича, он свалился с ящиков и полетел вниз, в проход. Глухой удар оборвал крик.

От резкого движения Скэгга стена из ящиков опасно закачалась. Френк опустился на четвереньки.

Ожидая, пока ящики успокоятся, думал о том, сколько теперь придется заполнять бумаг, сколько писать объяснительных записок, чтобы задобрить тех, кто уверен, что каждая жертва полиции невинна, как мать Тереза. К тому же было жаль, что убийца оказался не таким уж умным, не сумел продлить игру в кошки-мышки. Слишком уж быстро наступила развязка. Удовольствие, которое Френк получил от охоты, не компенсировало и половины тех усилий, которые предстояло затратить на бумагомарание.

Ящики замерли, Френк вновь поднялся. Подошел к краю стены, к тому месту, откуда маньяк свалился вниз. Посмотрел в проход. Свет лампы словно посеребрил бетонный пол.

Но Скэгга там не было.

В окнах под потолком засверкали молнии. Тень Френка заметалась, как безумная, словно жила собственной жизнью.

Громыхнул гром, дождь с новой силой обрушился на крышу.

Френк покачал головой, прищурился, всматриваясь в проход.

Скэгга там не было.

Глава 3

Осторожно спустившись вниз, Френк Шоу посмотрел налево, направо.

В проходе он был один. Присел на корточки. Скэгг оставил на полу никак не меньше литра крови, такой свежей, что часть еще не успела впитаться в пористый бетон и растеклась по нему маленькими лужицами.

Ни один человек, грудь которого пробила пуля 38-го калибра, не мог запросто подняться и уйти. Ни один человек не мог подняться и уйти, упав с высоты трех этажей на бетонный пол.

Однако именно это и проделал Скэгг.

Кровяной след указывал, куда ушел убийца. С револьвером в руке Френк добрался до перекрестка, свернул в другой проход, прошел сто пятьдесят футов где в тени, где под светом ламп. И там след резко оборвался. Словно кровь перестала течь из раны.

Френк поднял голову, посмотрел на деревянные ящики. Но Скэгг не забирался ни на одну из стен. Не обнаружил Френк ни ниш, ни зазоров между ящиками, где убийца мог бы укрыться.

Тяжело раненный, спеша ускользнуть от преследователя, Скэгг, однако, сумел перевязать раны, более того, перевязал их на бегу. Но чем? Разорвал рубашку?

Черт побери, Скэгг получил смертельное ранение в грудь. Френк видел, как пуля рвала его плоть, видел, как Скэгга отбросило назад, видел кровь. Ему раздробило грудную клетку, осколки кости проткнули жизненно важные органы. Перерезали артерии и вены. Пуля пробила сердце. Повязки не могли остановить *такие* кровотечения, не могли заставить ритмично сокращаться разодранную в клочья сердечную мышцу.

Шоу вслушался в ночь.

Дождь, ветер, гром. В остальном — тишина.

«Мертвецы не истекают кровью»,— подумал Френк.

Может, поэтому кровавый след и оборвался? Скэгг таки умер.

Но если и умер, смерть его не остановила. Он продолжил путь.

«И кого я тогда преследую? Мертвеца, который не хочет остановиться?»

Большинство полицейских рассмеялись бы при этой мысли. Или рассердились. Но не Френк. Он был Крепким Орешком, но сие не подразумевало отсутствие гибкости ума. Он искренне верил в бесконечную сложность Вселенной, в которой могло встретиться всякое.

Ходячий мертвец? Маловероятно. Но если такое случилось, значит, ситуация неординарная. Завораживающая. Требующая серьезного осмысления.

Глава 4

Склад был большой, но, разумеется, не бесконечный. Однако в сумраке аварийных ламп он, казалось, увеличивался в размерах, каждая его часть необъяснимым образом растягивалась в новом измерении, не видимом с улицы.

Френк искал Скэгга в проходах между стен, образованных деревянными ящиками, в проходах между металлических стеллажей, на полках которых стояли картонные коробки. То и дело останавливался, подозревая, что Скэгг нашел пустой ящик или коробку и спрятался внутри, но не смог обнаружить гроба, в который улегся ходячий мертвяк.

Дважды Френк устраивал себе передышки, чтобы успокоить пульсирующую боль в боку. В остальное время, заинтригованный загадкой исчезновения Скэгга, он почти забывал о том, что ему крепко досталось обрезком трубы. Крепким Орешком Шоу прозвали в том числе и за уникальную способность блокировать боль. Близкий друг из отдела расследования убийств както сказал, что болевой порог у Крепкого Орешка Шоу где-то между болевыми порогами носорога и деревянного столба. Но иногда Френк только приветствовал боль. Потому что она обостряла чувства и держала в тонусе, напоминая о том, сколь дорога жизнь. Френк не был мазохистом, но знал, что боль — важная часть человеческого бытия.

Прошло уже пятнадцать минут после того, как Шоу застрелил Скэгга, а найти его самого или его труп все не удавалось. Тем не менее Френк не сомневался, что убийца по-прежнему на складе. Живой или мертвый, он не растворился в дождливой ночи. Убежденность базировалась не на логике, а на никогда не подводившей Френка интуиции, наличие которой отличало великих копов от хороших.

Мгновениями позже интуиция в очередной раз доказала свою «профпригодность». Френк осматривал угол склада, где стояли погрузчики и с десяток электрокаров. Благодаря многочисленным шлангам гидравлической системы погрузчики чем-то напоминали огромных насекомых, силуэты которых выхватывались из темноты тусклыми лампами аварийного освещения.

Френк как раз шел между двумя погрузчиками, когда за спиной раздался голос Карла Скэгга:

— Уж не меня ли ты ищешь?

Френк обернулся, поднял револьвер.

Скэгг стоял в двенадцати ярдах.

От раны на груди не осталось и следа.

— Видишь меня?

И падение с высоты трехэтажного дома не привело ни к переломам костей, ни к разрывам мышц. На синей рубашке темнели пятна крови, но ран, из которых могла вытечь эта кровь, не было.

— Видишь меня?

— Я тебя вижу,— спокойно ответил Френк.

Скэгг ухмыльнулся.

— И знаешь, *что* ты видишь?

— Кусок дерьма.

— Может твой жалкий мозг осознать, кто я такой?

— Конечно. Хрен моржовый.

— Тебе не удастся меня оскорбить.

— Я могу попытаться.

— Твои жалкие потуги меня не интересуют.

— Уж извини, если наскучил тебе.

— Ты слишком назойлив.

— А ты — псих.

Вновь улыбка Скэгга напомнила Френку о крокодилах.

— Я слишком превосхожу тебя и тебе подобных по уровню развития, поэтому тебе не дано судить меня.

— Тогда уж извини за смелость, великий господин.

Улыбка Скэгга перешла в злобную гримасу, глаза округлились. Из карих, человеческих, они превратились в глаза голодной, безжалостной рептилии, и Френк почувствовал себя полевой мышкой, зачарованной гипнотическим взглядом черной змеи.

Скэгг шагнул вперед.

Френк отступил на шаг.

— Таких, как ты, можно использовать только для одного: вы мне интересны как дичь.

— Рад слышать, что хоть чем-то мы тебе интересны.

Скэгг сделал еще один шаг, тень от толстого шланга рассекла его лицо.

Френк отступил на тот же шаг.

— Ты и тебе подобные рождаетесь, чтобы умирать.

Ход мыслей преступников-безумцев интересовал Френка ничуть не меньше, чем хирурга интересует характер раковых опухолей, которые он вырезает из тел пациентов.

— Мне подобные? Это ты о ком?

— О людях.

— Ага.

— О людях,— повторил Скэгг с такой интонацией, словно не мог найти более грязного ругательства.

— А ты не человек. Так?

— Так,— согласился Скэгг.

— Тогда кто же ты?

От безумного смеха Скэгга, холодного, как арктический ветер, Френка передернуло.

— Однако ты тугодум.

— Теперь уже ты мне наскучил. Ложись на пол, расставь руки и ноги, сукин сын.

Скэгг протянул к нему правую руку, и на мгновение Френку показалось, что убийца решил сменить тактику и сейчас взмолится о пощаде.

А потом рука начала изменяться. Ладонь удлинилась, расширилась. Пальцы вытянулись на два дюйма. Костяшки утолщились. Рука меняла цвет, пока не стала коричневато-черной. Кожа обросла жесткой шерстью.

Ногти превратились в остро заточенные когти.

— Ты, значит, у нас крутой. Вылитый Клинт Иствуд. Но сейчас ты боишься, не так ли, маленький человечек? Наконец-то перепугался, не так ли?

Изменилась только рука. Лицо, тело, даже вторая рука Скэгга остались прежними. Очевидно, он полностью контролировал происходящую с ним трансформацию.

— Вервольф! — в изумлении вырвалось у Френка.

Взрыв безумного смеха эхом отразился от стен. Скэгг продолжал изменять руку. Пальцы все удлинялись вместе с когтями.

— Нет, не вервольф,— яростно прошипел он.— Что-то куда более мобильное. Куда более странное и интересное. Теперь ты боишься? Уже надул в штаны, трусохвост?

Новые изменения произошли с рукой Скэгга. Шерсть втянулась в кожу, из которой выросла. Сама кожа еще больше потемнела, приобрела зеленоватый отлив и покрылась чешуей. Подушечки пальцев стали больше и шире, на них появились присоски. Между пальцами выросли перепонки. Когти чуть изменили форму, но остались такими же длинными и острыми.

Скэгг смотрел на Френка поверх этих отвратительных пальцев и полупрозрачных перепонок. Чуть опустил руку, ощерился. Рот тоже стал другим. С тонкими, черными, морщинистыми губами. Острыми зубами, двумя торчащими, загнутыми клыками. Между ними мелькал тонкий, блестящий, раздвоенный язык. Пробегал по зубам, облизывал губы.

Скэгг хохотал, видя изумление Френка. Рот его вновь принял человеческие очертания.

Но рука претерпевала все новые изменения. Чешуя превратилась в черную, гладкую, твердую хитиноподобную субстанцию, а пальцы, словно воск, поднесенный к пламени, слились вместе, и кисть Скэгга стала зазубренной, острой, как бритва, клешней.

— Видишь? Ночному Потрошителю нож не нужен,— прошептал Скэгг.— В моих руках бесконечный набор лезвий.

Френк держал своего противника на мушке револьвера 38-го калибра, но теперь он знал, что даже «магнум» калибра 357, заряженный патронами повышенной мощности, не обеспечит ему надежной защиты.

Небо опять прорезали молнии. От их отблесков, ворвавшихся в окна под потолком, тени Скэгга и Френка пустились в бешеную пляску.

Раскат грома обрушился на склад.

— Так кто же ты, черт побери? — спросил Френк.

Скэгг ответил не сразу. Долго смотрел на Френка, на его лице вдруг отразилось недоумение. А когда заговорил, в голосе слышались нотки любопытства и злости:

— Представители твоего вида очень уж нежные. У них нет ни силы воли, ни характера. Столкнувшись с неопознанным, они реагируют, как овцы, почуявшие запах волка. Я презираю таких слабаков. Самые крепкие мужчины ломаются после того, как я являюсь им в моем истинном виде. Они кричат, как дети, в панике убегают или застывают, парализованные, от страха лишившиеся дара речи. Но не ты. Почему ты другой? Что придает тебе храбрости? Или ты просто тупица? Не понимаешь, что ты уже покойник? Настолько глуп, что рассчитываешь выйти отсюда живым? Посмотри на себя... рука с револьвером даже не дрожит.

— Я пережил кое-что и пострашнее,— ответил Френк.— Две налоговые проверки.

Скэгг не рассмеялся. Ему-то хотелось лицезреть ужас намеченной жертвы. Иначе убийство не приносило удовлетворения. Поначалу следовало лишить жертву всего человеческого, не оставить ей ничего, кроме животного страха.

«Что ж, мерзавец, на этот раз тебе не получить, чего хочется»,— подумал Френк.

— Кто ты, черт бы тебя побрал? — повторил он.

Щелкая клешней, Скэгг шагнул к нему.

— Может, я — порождение ада. Как тебе такое объяснение? Сойдет?

— Не подходи,— предупредил Френк.

Скэгг приблизился еще на шаг.

— Допустим, я демон, поднявшийся со дна серной шахты. Ты чувствуешь, как похолодела твоя душа? Ощущаешь близость чего-то сатанинского?

Френк наткнулся ногой на вилку погрузчика, переступил через нее, продолжил отступление.

Скэгг двигался следом.

— Или я — существо из другого мира, инопланетянин, зачатый под другой луной, родившийся под другим солнцем?

Пока он говорил, его правый глаз ушел в глубины черепа и исчез. Глазница затянулась, на ее месте появилась гладкая кожа. Так исчезают круги на воде от брошенного камня.

— Инопланетянин! Можешь ты такое осознать? — продолжал Скэгг.— Достаточно ли у тебя ума, чтобы понять, что я пересек бескрайнее море космоса, чтобы прийти в этот мир, что я несся на гребне галактического прилива?

Френк более не гадал, каким образом Скэггу удалось взломать дверь склада: свои руки тот мог превратить и в кувалду, и в лом. А из пальцев выпустить тонкие нити, которые, проникнув в щели, отключили охранную сигнализацию.

На левой щеке Скэгга появилась ямочка, из нее образовалась дыра. Из дыры появился правый глаз, аккурат под левым. В мгновение оба глаза деформировались. Из человеческих стали глазами насекомого — выпученными, фасетчатыми.

С изменениями шеи голос становился ниже.

— Демон, инопланетянин... а может, я — результат генетического эксперимента, вышедшего из-под контроля? А? Как ты думаешь?

Вновь смех. Френк *ненавидел* этот смех.

— Как ты думаешь? — настаивал Скэгг, приближаясь.

Френк ответил, отступая:

— Возможно, не первое, не второе, не третье. Как ты и говорил... что-то более странное и интересное.

Обе кисти Скэгга превратились в клешни. Начали трансформироваться в мускулистые руки. Лопались швы рубашки, за руками и верхняя часть туловища все больше теряла человеческий облик. На плечах, груди вырастал панцирь. Пуговицы отлетали одна за другой.

Френк понимал, что напрасно тратит патроны, но тем не менее выстрелил трижды. Первая пуля попала Скэггу в живот, вторая — в грудь, третья — в шею. Рвалась плоть, ломались кости, хлестала кровь. Трансформера отбросило назад, но он не повалился на землю.

Френк видел, куда вошли пули, и знал, что человек от таких ран умирает мгновенно. Скэгга разве что качнуло. А раны тут же начали затягиваться. Через полминуты исчезли вовсе.

С чудовищным скрежетом череп Скэгга раздулся, вдвое увеличившись в размерах, хотя этот процесс не имел отношения к пулям, пронзившим трансформера. Его лицо начало расползаться, человеческие черты уступали место маске насекомого.

Еще сегодня утром, мрачным, залитым дождем, с ползущим по улицам транспортом, обвисшими кронами пальм, посеревшими от падающей с неба воды домами, Френк думал, что и день будет таким же тусклым, как погода, обыкновенным и скучным. Но его ждал сюрприз. День оказался крайне насыщенным и интересным. Вообще-то детектив Шоу никогда не стремился угадать, что уготовила ему судьба, жизнь ему нравилась своей непредсказуемостью, и он с нетерпением ждал каждого нового дня.

К тому же, как утверждали друзья Френка, он был из тех, кто умеет наслаждаться каждым прожитым мгновением, каким бы оно ни было.

Шоу не стал ждать, пока закончится трансформация. Дважды выстрелил в это пластилиновое лицо, повернулся, перескочил через вилку погрузчика, обогнул электрокар и помчался по проходу между металлическими стеллажами, изо всех сил стараясь не чувствовать боли в правом боку.

Скэгг издал яростный, нечеловеческий вопль и бросился за Френком.

Глава 5

Несмотря на боль в боку, Френк карабкался по ящикам с кошачьей ловкостью. Взобравшись на еще одну трехэтажную стену, сложенную из контейнеров, в которых лежали инструменты, шестерни, подшипники, поднялся на ноги.

Шесть ящиков, не ставших частью стены, стояли на деревянных поддонах. Один Френк сдвинул к самому краю. Судя по надписям, в нем лежали двадцать четыре плеера для лазерных дисков, каким отдавал предпочтение молодняк, обожающий наводить ужас на невинных прохожих, вдруг включая на полную громкость свою неудобоваримую музыку. Френк понятия не имел, как ящик с плеерами попал в компанию к инструментам, шестерням и подшипникам, но весил он порядка двухсот фунтов, поэтому Френк и смог его сдвинуть.

Выглянул из-за ящика, посмотрел вниз, в проход, увидел Карла Скэгга, обратившегося в некое подобие огромного, весом в двести пятьдесят фунтов таракана.

Внезапно укрытая хитиновым панцирем голова повернулась. Антенны задрожали. Фасетчатые глаза уставились на детектива.

Френк сдвинул ящик и перевалил его через край. Потеряв равновесие, сам едва не упал вместе с ним. Но удержался на стене, плюхнулся на задницу.

Ящик с плеерами с грохотом ударился о бетонный пол. Двадцать четыре наглых панка с отвратительным музыкальным вкусом, но страстью к достижениям научно-технического прогресса остались без подарка к Рождеству.

Перегнувшись через край, Френк увидел, как таракан-Скэгг выкарабкивается из-под ящика, на короткие мгновения пригвоздившего его к полу. Поднявшись, Френк начал раскачиваться из стороны в сторону, заодно и раскачивая сложенную из ящиков стену. И в самый последний момент, когда ящик под ногами начал вываливаться из стены, успел перепрыгнуть на другой, тоже шатающийся, но более устойчивый. Приземлился на четыре точки, в ладони вонзились несколько заноз. Но при этом услышал грохот полудюжины ящиков, разбивающихся об пол, поэтому в его крике было больше торжества, чем боли.

Скэгг-таракан исчез под горой хлама. Но не умер. Крики нечеловеческой ярости свидетельствовали о том, что он живехонек. Куча шевелилась: Скэгг выбирался на поверхность.

Довольный тем, что выиграл еще немного времени, Френк побежал по ящикам до противоположного конца штабеля, там и спустился. Поспешил в другую часть склада.

Так уж вышло, что путь его лежал мимо двери, высаженной Скэггом. Тот закрыл ее и забаррикадировал несколькими тяжелыми ящиками, чтобы лишить копа возможности тихонько выскользнуть на улицу. Не вызывало сомнений, что трансформер заблокировал все ворота и другие двери.

«Напрасный труд»,— подумал Френк.

Он и не собирался бежать. Как сотрудник полиции, он должен был обезвредить Карла Скэгга, ибо Скэгг представлял собой серьезнейшую угрозу спокойствию и безопасности общества. «Долг» и «ответственность» были для Френка не просто словами. Он же когда-то служил в морской пехоте. И... пусть он в этом не признавался, ему нравилось прозвище Крепкий Орешек.

А кроме того, хоть эта игра и начинала ему надоедать, Френк Шоу получал от нее удовольствие.

Глава 6

Железные ступени вдоль южной стены привели Френка на высокий балкон с металлическим полом, где располагались кабинеты менеджеров, канцелярия и бухгалтерия склада. В них с балкона вели сдвижные стеклянные двери, через которые Френк видел столы, стулья, компьютеры. Лампы в кабинетах не горели, но сквозь наружные окна проникало достаточно света от уличных фонарей и вспышек молний.

Барабанная дробь дождя била в уши, потому что крышу от балкона отделял лишь десяток футов. Металлический пол вибрировал от каждого раската грома.

Дойдя до середины балкона, Френк шагнул к поручню и оглядел огромный склад. Часть проходов он видел, но, разумеется, не все и даже не большинство. Видел он и погрузчики, и электрокары, среди которых встретился лицом к лицу со Скэггом и впервые узнал о его безграничных рекуперативных способностях и умении изменять форму тела. Он также видел полуразрушенную стену, рядом с которой похоронил Скэгга под ящиками с инструментом, шестернями и плеерами.

Никакого движения не заметил.

Достал револьвер, перезарядил. Даже если бы он всадил в грудь Скэгга все шесть пуль, этим ему удалось бы максимум на минуту оттянуть атаку трансформера. Минута. Ее достаточно, чтобы перезарядить револьвер. Патронов у него было много, но в конце концов они бы закончились. Убить Скэгга из револьвера Френк не мог, но собирался на как можно дольше затянуть игру, и в реализации этого замысла револьверу отводилась не последняя роль.

Он больше не мог позволить себе чувствовать боль в боку. Развязка приближалась, и каждая мелочь могла оказаться решающей. Он должен жить и действовать в полном соответствии со своей репутацией, оставаться Крепким Орешком, отключиться от всего, что могло помешать взять верх над Скэггом.

Френк вновь оглядел склад.

Ничего не двигалось, но тени в огромном помещении словно сгустились от накопившейся злой энергии и, казалось, готовились броситься на копа, как только он повернется к ним спиной.

Вспышка молнии осветила кабинеты, отблесками выплеснулась на балкон через сдвижные стеклянные двери. Френк понимал, что Скэгг увидит его в этой вспышке, но остался у поручня, не отступил в тень. Он больше не пытался спрятаться от Карла Скэгга. В конце концов, этот склад стал их Самаррой*, и миг последней встречи неумолимо приближался.

«Однако,— с уверенностью думал Френк,— Скэгг определенно удивится, когда поймет, что роль смерти в этой Самарре отведена не ему, а мне».

Вновь полыхнула молния, ее вспышка ворвалась в пространство склада не только через кабинеты за спиной Френка, но и через узкие окна под потолком. Осветила и сам потолок, остававшийся в глубокой тени, поскольку жестяные колпаки аварийных ламп не пропускали их свет вверх, и Скэгга, который полз по нему, превратившись в огромного паука, дабы ему не мешал закон всемирного тяготения. И хотя Френк увидел его лишь на долю секунды, он заметил, что паук этот уже начал трансформироваться в ящерицу.

* Место, где, по преданиям, живет Смерть. Фактически древний город на берегу р. Тигр в Ираке.

Держа револьвер обеими руками, Френк ждал следующей вспышки. За промежуток между ними вычислил скорость Скэгга, стараясь держать пока невидимого врага на мушке. Вновь узкие окна вспыхнули, как лампы, осветив потолок.

Френк увидел в прицеле трансформера, трижды нажал на спусковой крючок и мог поклясться, что две пули поразили цель.

Они как следует тряхнули Скэгга, он закричал, оторвался от потолка, полетел вниз. Но на этот раз не ударился об пол. В полете из паука-ящерицы превратился в человека с крыльями летучей мыши, которые удержали его в воздухе и понесли к балкону. Перелетев через ограждение, он приземлился на металлический пол в двадцати ярдах от Френка. Его одежда, даже кроссовки, расползлись по швам по время трансформаций и свалились с него, так что теперь он стоял перед копом голый.

Крылья превратились в руки, одну Скэгг нацелил на Френка.

— Тебе от меня не убежать.

— Я знаю, знаю,— кивнул Френк.— Ты — как зануда на коктейль-пати... должно быть, произошел от пиявки.

Пальцы правой руки Скэгга вдруг удлинились на десять дюймов, стали костяными. Кончики заострились, из подушечек вылезли абордажные крючья, чтобы цеплять и рвать.

Френк выстрелил трижды.

Все пули попали в цель. Скэгга отбросило назад, спиной он повалился на металлический пол.

Но поднялся еще до того, как Френк, перезарядив револьвер, защелкнул барабан.

Разразившись маниакальным хохотом, Карл Скэгг двинулся на копа. Обе его руки превратились в костистые лапы со смертоносными когтями. Чтобы запугать противника, Скэгг непрерывно демонстрировал свой контроль над плотью. Пять глаз открылись на груди, все они не мигая смотрели на Френка. Рот, полный острых зубов, раззявился на животе, с верхних клыков закапала отвратительная желтая жидкость.

Четыре выстрела вновь сшибли Скэгга с ног, две пули Френк всадил в уже лежащего врага.

Но пока заряжал последние патроны, Скэгг вновь успел подняться.

— Ты готов? Ты готов умереть, коп-трусохвост?

— Да нет же. Мне еще надо внести последний взнос за автомобиль, и очень хочется знать, каково это — быть настоящим хозяином зверя на колесах.

— Ты будешь истекать кровью, как остальные.

— Неужели?

— Ты будешь кричать, как остальные.

— Раз все так одинаково, почему тебе это не надоело? Разве ты не хочешь, чтобы я истекал кровью и кричал иначе, для разнообразия.

Скэгг рванулся вперед.

Френк расстрелял последнюю обойму.

Скэгг упал, вскочил, торжествующе расхохотался.

Шоу отбросил уже бесполезный револьвер.

Глаза и рот исчезли с груди и живота трансформера. На их месте появились четыре крабьи лапки с пальцами, которые заканчивались клешнями.

— Знаешь, в чем твоя беда, Скэгг? — спросил Френк, отступая по железному балкону.— Слишком уж ты рисуешься. Ты бы нагонял больше страха, если б не устраивал такого представления. Все эти изменения, переходы из одной формы в другую... они завораживают. Мозг с трудом может все это осознать, а в результате вместо страха — удивление. Понимаешь, о чем я?

Если Скэгг и понял, то не согласился, а может, плевать хотел на мнение Френка. Потому что из его груди выросли слоновьи бивни.

— Я насажу тебя на них, а потом выпью глаза прямо из твоего черепа.— И видимо, чтобы доказать, что это не пустые слова, Скэгг мигом отрастил хобот, конец которого усеивали острые зубы.

Хобот этот издал чавкающий звук, словно что-то засасывал.

— Именно это я имел в виду, когда говорил, что ты слишком рисуешься.— Френк уперся спиной в ограждение в дальнем конце балкона.

От Скэгга его отделяли лишь десять футов.

Сожалея, что игра окончена, Френк вышел из человеческого облика. Его кости разжижались. Ногти, волосы, внутренние органы, жир, мышцы, все прочие ткани перешли в аморфное состояние. Темная, желеобразная, однородная пульсирующая

масса вытекла из рукавов и штанин. Одежда сложилась в кучку на железном полу балкона.

Освободившись от одежды, Френк вновь вернул себе человеческий облик, встал лицом к противнику.

— Вот так надо трансформироваться, не уничтожая при этом одежду. Учитывая твою импульсивность, я не удивлюсь, узнав, что твой платяной шкаф пуст.

Потрясенный Скэгг разом превратился в человека.

— Ты такой же, как я.

— Нет,— покачал головой Френк.— Я принадлежу к твоему виду, но в отличие от тебя с головой у меня все в порядке. Я живу в согласии с обычными людьми, как большинство из нас жили тысячи лет. Ты же убиваешь их, отвратительный дегенерат, обезумевший от собственный силы, движимый жаждой повелевать.

— Жить в согласии с ними? — В голосе Скэгга слышалось презрение.— Но они рождаются, чтобы умереть, а мы бессмертны.

Они слабы, мы — сильны. Они нужны лишь для того, чтобы доставить нам то или иное удовольствие, чтобы порадовать нас своей предсмертной агонией.

— Наоборот, они очень ценны тем, что своей жизнью постоянно напоминают нам о главном: ничем не ограниченная свобода ведет к хаосу. Я провел практически всю свою жизнь в человеческом облике, заставлял себя страдать от человеческой боли, выдерживать тяготы человеческого существования.

— Безумец — это ты.

Френк покачал головой.

— Работая в полиции, я служу человечеству, а потому мое существование обретает глубокий смысл. Видишь ли, мы очень нужны им в их продвижении вперед.

— Нужны им?

В грохоте громового раската, в усилившемся шуме дождя Френк искал слова, которыми мог достучаться до сознания Скэгга.

— Человеческое бытие невыносимо грустно. Подумай об этом: тела хрупкие, жизнь короткая,— свечка, которую может задуть любой порыв ветра. Отношения с друзьями и родственниками — вспышки любви и доброты, короткие мгновения в

великой реке времени. Однако люди редко впадают в отчаяние, редко теряют веру в себя. Их надежды практически никогда не реализуются, но они упрямо продолжают свой путь, борясь с тьмой. Их решимость выжить, несмотря на свою смертность,— веское доказательство их мужества, их благородства.

Скэгг долго молча смотрел, а потом взорвался безумным смехом.

— Они — дичь, идиот. Игрушки, в которые мы играем. Ничего больше. И что это за бред насчет ограничений, которых требует наша жизнь? Не надо бояться хаоса, не надо его отвергать. Мы должны опираться на хаос. Хаос, прекрасный хаос, основа нашей Вселенной, где звезды и галактики сталкиваются волей случая, бесцельно и бессмысленно.

— Хаос несовместим с любовью,— заметил Френк.— Любовь — залог стабильности и порядка.

— Тогда кому нужна любовь? — спросил Скэгг, и последнее слово произнес особенно пренебрежительным тоном.

Френк вздохнул.

— Я не смыслю жизни без любви. И меня радуют мои отношения с людьми.

— Радуют? Сказал бы — портят.

Френк кивнул.

— Разумеется, с твоей колокольни все именно так и выглядит. Но самое печальное то, что ради любви, во имя защиты любви мне придется тебя убить.

Скэгг изумился.

— Убить меня? Это что, шутка? Ты не можешь убить меня, как я не могу убить тебя. Мы оба бессмертны, ты и я.

— Ты молод,— ответил Френк.— Молод даже по человеческим меркам, а по нашим — просто младенец. Я как минимум на триста лет старше тебя.

— И что?

— Есть способности, которые мы приобретаем только с возрастом.

— Какие способности?

— Сегодня я наблюдал, как ты демонстрировал свою генетическую пластичность. Видел, как ты принимал самые фантастические формы. Но мне представляется, что ты еще не обрел контроля над своим телом на клеточном уровне.

— Это ты о чем?

— Ты не можешь превратиться в аморфную массу, которая, несмотря на предельную бесформенность, остается единым целым. Этот прием я продемонстрировал тебе, когда, не раздеваясь, остался голым. Тут требуется железный контроль, потому что ты балансируешь на грани хаоса, перейдя которую можно потерять себя как личность. Ты еще не достиг такого уровня, потому что, умей ты превращаться в аморфную массу, ты бы попытался запугать меня именно этим. Твои же трансформации больше похожи на фокусы. Тобой движет прихоть, ты обретаешь ту форму, которую в этот момент рисует твое воображение, и такое поведение говорит о ребячестве.

— И что? — Скэгг не выказывал страха, оставался самоуверенным и наглым.— Твое умение превращаться в аморфную массу не отрицает моего бессмертия, моей неуничтожимости. Все раны, какими бы они ни были тяжелыми, заживают. Все яды исторгаются моим организмом. Ни адская жара, ни арктический холод, ни взрыв, за исключением разве что ядерного, который разложит меня на молекулы, ни кислота не могут сократить мою жизнь ни на секунду.

— Но ты — живое существо с системой обмена веществ,— указал Френк.— Так или иначе, с помощью легких, если ты в облике человека, или других органов при трансформациях ты должен дышать. Для поддержания жизни тебе нужен кислород.

Скэгг смотрел на него, не понимая, о чем идет речь, недооценивая угрозу.

Мгновенно Френк покинул человеческий облик, перешел в аморфную форму, превратился в огромную мантию, которая, устремившись вперед, окутала Скэгга, прилипла к нему, как вторая кожа, забираясь в каждую складочку, закупоривая каждую пору. Мантия накрыла нос, рот, уши, глаза, обволокла каждый волосок, отсекая доступ кислорода.

Внутри желеобразного кокона Скэгг вырастил когти, рога, шпоры, пытаясь разорвать душащую его аморфную мантию. Но плоть Френка не рвалась и не дырявилась. Даже если клетки расходились под ударом острия, они тут же слипались вместе, мгновенно соединяясь на самой острой кромке.

Скэгг образовал десяток ртов в различных частях своего тела с клыками, со змеиными зубами, и все они принялись рвать плоть противника. Но аморфное вещество лишь затекало в отверстия, вместо того чтобы отрываться от них (*«Вот мое тело, попробуй его»*), выстилало их, препятствуя кусанию и глотанию, тонким слоем покрывало зубы, отчего они теряли остроту.

Скэгг превратился в гигантского таракана. Кокон-Френк повторил его маневр.

Скэгг выпростал крылья и попытался улететь.

Кокон-Френк своим весом придавил его к полу, не позволив подняться в воздух.

Снаружи по-прежнему бушевал хаос грозы. На складе, где все ящики и коробки лежали на предназначенных для них местах, где специальные системы автоматически контролировали влажность и температуру воздуха, везде, за исключением тела Скэгга, царил порядок. Но хаос Скэгга находился внутри непробиваемого кокона Френка Шоу.

Френк обнимал Скэгга не как палач, а как брат и священник.

Медленно и нежно уводил его из этой жизни, с тем же сожалением, какое испытывал, видя страдания обыкновенных людей, умирающих от болезни или в результате несчастного случая. Во Вселенной, жаждущей порядка, смерть, дочь хаоса, не могла быть желанной гостьей.

Еще час, слабея, Скэгг продолжал отчаянно сопротивляться.

Человек не протянул бы так долго без доступа кислорода, но Скэгг не был человеком, он принадлежал к другому виду разумных существ.

Френк никуда не спешил. Сотни лет, в течение которых он благодаря железному самоконтролю адаптировался к условиям человеческого бытия, научили его безграничному терпению. Он обнимал Скэгга и через полчаса после того, как тот перестал подавать признаки жизни, напоминая муху, застывшую в куске янтаря.

А потом Френк вернул себе человеческий облик.

Карл Скэгг за несколько секунд до смерти тоже превратился в человека. И выглядел сейчас таким же трагичным и хрупким, как любой покойник.

Одевшись, Френк завернул тело Скэгга в брезент, который нашел в углу склада. Этот труп он не собирался отдавать в морг, потому что вскрытие показало бы людям, что среди них живут разумные существа иного вида. Он вынес мертвого трансформера из склада и под проливным дождем зашагал к «шеви».

Уложил Скэгга в багажник, захлопнул крышку.

Еще до зари у подножия одного из заросших кустарником холмов, расположенных по периметру Лос-Анджелесского национального лесного заповедника, к северо-востоку от светящегося в ночи огромного города, он вырыл глубокую могилу и опустил тело Скэгга в землю. Засыпая могилу, плакал.

С импровизированного кладбища сразу поехал домой, в уютное пятикомнатное бунгало. Мерфи, ирландский сеттер, ждал его у двери, яростно виляя хвостом, всячески демонстрируя радость от долгожданной встречи. Сеусс, как и полагалась коту, особенно сиамскому, первое время держался особняком, но потом тоже подбежал, громко мурлыча, напоминая, что его надо погладить.

После столь утомительного вечера Френк не улегся в постель, поскольку сна ему не требовалось. Снял мокрую одежду, надел пижаму и халат, приготовил себе большую миску попкорна, открыл пиво и уселся на диван вместе с Сеуссом и Мерфи, чтобы посмотреть старый фильм, который видел уже раз двадцать, но всякий раз смотрел с удовольствием: «Эта прекрасная жизнь» с Джимми Стюартом и Донной Рид в главных ролях.

Все друзья Френка Шоу говорили, что он — Крепкий Орешек, но эти слова были лишь частью сказанного о нем. Они также говорили, что под твердой скорлупой скрывается нежное и доброе сердце.

КОТЯТА

Холодная зеленая вода скользила вдоль берега, пузырилась на гладких коричневых камнях, отражала склонившиеся над ней ивы. Марни сидела на травке, бросала в воду камешки, наблюдала, как круги расходятся по воде и меленькими волнами лижут илистый берег. Она думала о котятах. Этого года — не прошлого. Год назад родители сказали ей, что котята отправились на небеса. Весь приплод Пинки исчез на третий день после появления на свет.

Отец Марни так и сказал: «Бог забрал котят на небеса, чтобы они жили с ним».

Не то чтобы она засомневалась в словах отца. В конце концов, он сам был набожным человеком. Каждую неделю преподавал в воскресной школе и помогал священнику собирать пожертвования, а потом вносил все суммы в маленькую тетрадку с красным переплетом. И всегда читал проповедь в воскресенье мирянина*. А дома — каждый день Библию. Вчера она припозднилась, не успела к началу читки, и ее выпороли. «Пожалеешь розгу — испортишь ребенка»,— частенько говаривал ее отец.

* День, когда в баптистских церквях проповедь произносит кто-то из наиболее уважаемых прихожан.

Нет, она не сомневалась в словах отца, если уж кто-нибудь что-то знал о Боге и котятах, так это он.

Но она продолжала удивляться. Почему Бог взял именно ее четырех котят, если во всем мире котят этих тысячи тысяч? Почему Бог показал себя таким эгоистом?

Собственно, о тех котятах она давно уже не вспоминала. За последние двенадцать месяцев произошло слишком много событий. Она как раз собиралась в школу, и подготовка к первому учебному дню — покупка тетрадей, карандашей, ручек, учебников — затмила все остальное. Первые несколько недель ей было очень интересно, она познакомилась с мистером Алфавитом и мистером Цифры. А когда школа начала надоедать, пришло Рождество с подарками, зелеными, синими, красными и желтыми лампочками, с Санта-Клаусом на углу, которого пошатывало при ходьбе, и рождественской елкой в церкви. Тогда Марни еще очень захотелось пи-пи, но отец не пустил ее в туалет, пока не закончилась служба.

К марту скука опять начала брать свое, но тут ее мать родила двойню.

Марни удивлялась, какие же они маленькие и как медленно росли в последующие недели.

И вот вновь наступил июнь. Близнецам исполнилось по три месяца, они заметно прибавили в весе. Занятия в школе закончились, от Рождества Марни отделяла целая вечность. А потому, когда она подслушала, как отец говорил матери, что у Пинки скоро появятся котята, девочка страшно обрадовалась и сразу начала подготовку к этому событию. Набрала тряпок и ваты, которые могли понадобиться при рождении, нашла коробку, в которой намеревалась поселить котят.

При родах она не присутствовала, потому что родила Пинки ночью, в темном углу амбара. Так что стерилизованные тряпки и вата не потребовались, а вот коробка пришлась очень кстати. На этот раз котят было шесть, все серые с черными точками, будто кто-то накапал на них чернил.

Марни нравились котята, и она тревожилась из-за них. Что, если Бог поступит с ними, как в прошлый раз?

— Что ты тут делаешь, Марни?

Она могла бы не оглядываться, и так знала, кто стоит у нее за спиной. Но оглянулась из уважения и увидела отца, который

смотрел на нее сверху вниз, под мышками его поношенного синего комбинезона темнели полукружья пота, грязь заляпала бороду.

— Бросаю камни,— тихонько ответила девочка.

— В рыбу?

— Нет, сэр. Просто так.

— Ты помнишь, кого забросали камнями? — Он покровительственно улыбнулся.

— Святого Стефана.

— Очень хорошо.— Улыбка увяла.— Ужин готов.

Марни чинно сидела на стуле с вытертой обивкой, внимательно слушала, как отец читает им по старой семейной Библии в черном переплете, с помятыми и несколькими даже порванными страницами.

— Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие.— Отец захлопнул Библию, воздух в комнате чуть шевельнулся и застыл, вслушиваясь в тяжелую тишину.

Паузу, которая длилась несколько минут, прервал отец:

— Какую часть какой книги мы читали, Марни?

— От Марка святое благовествование, глава десятая,— без запинки ответила девочка.

— Отлично,— похвалил ее отец, повернулся к жене.— Мэри, как насчет кофе для нас и стакана молока для Марни?

— Конечно.— Мать поднялась и пошла на кухню.

Отец сидел, разглядывая титульный лист святой книги, проводя пальцами по желтой бумаге, задерживаясь на тех местах, где кто-то из дядьев в стародавние времена пролил на титульный лист вино.

— Папа,— подала голос Марни.

Он оторвался от книги, не улыбаясь, не хмурясь.

— Как насчет котят?

— Что насчет котят? — ответил он вопросом на вопрос.

— Бог заберет их в этом году?

Улыбку, которая балансировала на уголках губ отца, как отрезало.

— Возможно.

— Он не может,— Марни чуть не плакала.

— Ты собираешься указывать Богу, что он может, а чего нет?

— Нет, сэр.

— Бог может сделать все, что угодно.

— Да, сэр.— Она заерзала на стуле, отодвигаясь к спинке.— Но почему он опять хочет взять моих котят? Почему всегда моих?

— Я больше не желаю этого слышать, Марни. Замолчи.

— Но почему моих? — не унималась девочка.

Он вдруг поднялся, подошел, влепил дочери оплеуху. Тонкая струйка крови потекла из уголка рта. Марни вытерла ее ладонью.

— Ты не должна сомневаться в мотивах господа! — назидательно указал отец.— Ты слишком молода, чтобы сомневаться.— Слюна блестела у него на губах. Он схватил дочь за руку, поставил на ноги.— А теперь поднимайся по этим ступеням и в постель!

Она не спорила. По пути к лестнице вновь вытерла бегущую по подбородку кровь. Поднималась медленно, держась рукой за гладкие, отполированные деревянные перила.

— Вот и молоко,— послышался снизу голос матери.

— Обойдется,— жестко ответил отец.

У себя в комнате, лежа в полумраке — в окно светила полная оранжево-желтая луна,— Марни слышала, как в своей спальне ее мать воркует над младенцами, меняя им подгузники. «Маленькие божьи ангелочки»,— называла она их. Отец щекотал «ангелочков», а они довольно гукали.

Ни отец, ни мать не зашли к ней, чтобы пожелать доброй ночи.

Ее наказали.

Марни сидела в амбаре, играя с серым котенком. Она тянула с поручением, которое получила от матери десятью минутами раньше.

Воздух наполнял аромат сухого сена. Солома лежала на полу и поскрипывала под ногами. В дальнем конце жевали жвачку коровы, только две, которые порезали ноги колючей проволокой. Их держали в стойлах до выздоровления. Котенок мяукал и лапкой рассекал воздух чуть ниже подбородка девочки.

— Где Марни? — донесся голос отца со двора между домом и амбаром.

Она собиралась откликнуться, но услышала голос матери:

— Я послала ее к Браунам, чтобы она взяла у Элен рецепт пирога. Она вернется через двадцать минут.

— Времени хватит,— ответил отец и тяжелым шагом двинулся к амбару.

Марни знала: что-то не так, вот-вот должно случиться что-то плохое, чего она не должна видеть. Она быстро положила котенка в коробку и спряталась за сеном.

Отец вошел, набрал из крана ведро воды, поставил перед коробкой с котятами. Пинки зашипела и выгнула спину. Отец поднял ее и закрыл в пустом ларе для овса, откуда понеслись пронзительные визги, более уместные в африканском вельде, чем на американской ферме. Марни чуть не рассмеялась, но вспомнила про отца, и смех застрял в горле.

Он же вновь повернулся к коробке с котятами. Осторожно поднял одного за шею, дважды погладил, а потом сунул с головой под воду. Котенок отчаянно засучил лапками, полетели брызги. Отец поморщился и стер капли с лица. Марни почувствовала боль в пальцах — с такой силой вжимала их в пол.

Почему? Почему-почему-почему?

Отец вытащил из ведра обмякшее тельце. Что-то розовое и кровавое висело изо рта котенка. Девочка не могла сказать — то ли это язык, то ли сердечко, которое выскочило из груди, пытаясь спастись от удушения.

Скоро умерли все шесть котят. Шесть маленьких пушистых комочков отец побросал в мешок. Завязал узлом. Достал Пинки из ларя. Дрожащая всем телом кошка вышла из амбара следом за ним, жалобно мяукая и шипя, когда он оглядывался на нее.

Марни долго лежала неподвижно, думая только о казни, в отчаянии стараясь понять. Бог послал ее отца? Бог велел ему убить котят... забрать их у нее? Если так, она не знала, как сможет стоять перед белым с золотом алтарем и принимать причастие. Марни встала и пошла к дому, кровь капала с ее пальцев.

— Ты принесла рецепт? — спросила мать, когда Марни открыла дверь кухни.

— Миссис Браун не смогла его найти. Сказала, что передаст завтра,— девочка даже удивлялась тому, как легко солгала.— Бог забрал моих котят? — неожиданно выпалила она.

Мать смутилась.

— Да,— и не нашлась, что добавить.

— Я посчитаюсь с Богом! Он не имел права этого делать! Не имел! — и она выбежала из кухни к лестнице на второй этаж.

Мать проводила ее взглядом, не пытаясь остановить.

Марни Кауфилд медленно поднялась по ступеням, ведя рукой по гладким, полированным деревянным перилам.

Когда днем Уолтер Кауфилд вернулся с поля, он услышал звон бьющегося стекла. Вбежал в гостиную и увидел жену, лежащую у лестницы, перевернутый столик, осколки статуэток, которые на нем стояли.

— Мэри, Мэри, ты не ушиблась? — он наклонился к жене.

Она смотрела на него, но ее глаза застилал туман.

— Уолт! Господи, Уолт... наши драгоценные ангелочки. Ванна... наши драгоценные ангелочки!

НОЧЬ БУРИ

Ему было уже больше ста лет. Когда-то его собрали другие роботы на автоматизированной фабрике, для которой роботы уже много столетий являлись основной и единственной продукцией.

Звали его Куранов, и, как было принято у роботов, он колесил по Земле в поисках интересных занятий. Куранов поднимался на высочайшие горы мира с помощью специальных, встроенных в тело приспособлений (шипы на металлических ногах, маленькие, но крепкие крючки на двенадцать пальцев, спасательная веревка с гарпуном, уложенная в специальную полость на груди и приготовленная к выбросу на случай, если он сорвется). А вот маленькие антигравитационные моторы с него снимали, чтобы сделать подъем максимально опасным, а потому интересным. После прохождения достаточно сложного и продолжительного по времени цикла герметизаций Куранов провел восемнадцать месяцев под водой, изучив значительную часть Тихого океана, пока ему не наскучили даже совокупления китов и непрерывно меняющаяся красота морского дна. Куранов пересекал пустыни, исследовал Полярный круг, спускался в бесчисленные пещеры. Попадал в буран, потоп, ураган, эпицентр землетрясения, которое по шкале Рихтера, если б она

еще существовала, оценили в девять баллов. Однажды в изолирующим коконе опустился на глубину, равную половине расстояния до центра Земли, чтобы без всякой опасности для себя понаблюдать за расплавленной магмой, сквозь которую били гейзеры раскаленных газов. В конце концов его утомило и это захватывающее зрелище, и он вновь поднялся на поверхность.

Прожив только половину из положенных ему двухсот лет, Куранов задался вопросом: а как он сможет выдержать еще столетие такой скуки?

Личный консультант Куранова, робот по имени Бикермайн, заверил его, что скука — явление временное и избавиться от нее — пара пустяков. Если робот умный, говорил Бикермайн, он найдет бесконечное удовольствие и даже не будет замечать бега времени, собирая и анализируя информацию как об окружающей среде, так и о взаимоотношениях природы и техники. Бикермайн в свои последние пятьдесят лет создал такую огромную и сложную информационную базу, что его определили в консультанты, которые всегда находились на одном месте, в стационарном положении, подсоединенные к материнскому компьютеру. И теперь, находя истинное наслаждение даже в информации, полученной из вторых рук, Бикермайн не скорбел об утрате подвижности; он, в конце концов, был духовным наставником многих роботов, и его авторитет был непререкаемым. А потому, когда Бикермайн советовал, Куранов слушал, оставляя скепсис при себе.

Согласно Бикермайну, проблема Куранова заключалась в том, что с самого начала своей жизни, с того момента как он вышел за ворота фабрики, Куранов противопоставил себе величайшие из сил: океанские глубины, арктический холод, максимальные температуры и давления, а теперь, покорив все это, он не мог найти себе нового достойного противника.

И тем не менее, продолжал консультант, Куранов испытал далеко не все. Уровень испытания напрямую соотносился с возможностями испытуемого выдержать его. Чем меньше таких возможностей, тем острее чувство победы, тем ценнее информация, накапливающаяся в банках данных.

«У тебя возникают какие-нибудь идеи?» — осведомился Бикермайн молча, поскольку общение шло по телепатическому каналу.

«Никаких».

Бикермайн объяснил.

Рукопашный бой с взрослым самцом-обезьяной с первого взгляда может показаться весьма неинтересным занятием, поскольку робот умственно и физически значительно превосходит обезьяну. Однако в конструкцию всегда можно внести модификации, призванные подравнять шансы. Если робот не сможет летать, не сможет ночью видеть так же хорошо, как и днем, лишится всех коммуникационных центров, кроме речевого, не сможет бегать со скоростью антилопы, не услышит шепот за тысячу ярдов... короче, останется без или сведет к минимуму стандартные характеристики, за исключением способности мыслить, не станет ли рукопашный бой такого робота с обезьяной крайне волнующим, не принесет ли он бесценные впечатления, которые станут жемчужиной базы данных?

«Я тебя понял,— признал Куранов.— *Чтобы понять величие простого, надобно смирить себя».*

«Именно».

На следующий день, следуя поставленной цели, Куранов сел в экспресс, идущий на север Монтаны, где ему предстояло поохотиться в компании четырех других роботов, потенциал которых также свели к минимуму.

В обычной ситуации они общались бы по телепатическому каналу. Но теперь им приходилось говорить друг с другом на забавном, клацающем языке, который изобрели специально для машин. Однако последние шестьсот лет роботы прекрасно без него обходились.

В обычной ситуации мысли о поездке на север и охоте на оленей и волков нагнали бы на роботов глубокую скуку. Теперь, однако, каждый с нетерпением ждал этой охоты, поскольку чувствовал, что испытание действительно будет едва ли не самым трудным в его жизни.

Энергичный, деловитый робот по имени Янус встретил охотников на маленькой станции Уокерс Уоч, неподалеку от северной границы Монтаны. Куранов понимал, что Янус на станции уже несколько месяцев не по призванию, а по необходимости, и, скорее всего, уже близится конец его двухлетней обязательной службы в Центральном агентстве. Слишком он был энергичным и деловитым. Говорил он быстро и вел себя так, словно старался максимально занять свое время и мысли, дабы не задумываться о скучных и тянущихся как резина днях, которые ему пришлось провести в Уокерс Уоч. Янус принадлежал к тем роботам, которые жаждали острых ощущений. Куранов чувствовал, что в один из дней он поставит перед собой недостижимую задачу и его жизнь оборвется задолго до отпущенного ему срока.

Куранов посмотрел на Таттла, другого робота, который по пути на север завел интересный, но, пожалуй, глупый разговор о развитии личности робота. Сказал, что совсем недавно, в масштабе столетий, роботы не обладали личностными особенностями. Каждый, заявлял Таттл, не отличался от другого, все были рациональными и лишенными своеобразия, личных грез не существовало и в помине. Удивительно нелепая версия. Таттл даже не сумел объяснить, как такое могло быть, но твердо стоял на своей позиции.

Теперь, глядя на Януса, который говорил, говорил и говорил, Куранов просто не мог представить себе эпоху, когда Центральное агентство выпускало за ворота фабрик роботов, лишенных разума. Все-таки основной и единственной целью жизни являлись исследования, тщательный сбор и накопление личной информации, пусть даже где-то что-то и повторялось. Но недумающие роботы функционировать в таком режиме просто не могли!

Как и сказал Стеффан, еще один робот из их группы, такие гипотезы сродни вере во Второе сознание (некоторые роботы верили, без единого на то доказательства, что Центральное агентство иногда допускало ошибки, у робота, после того как завершался отведенный ему срок, накопленные знания стирались только частично, а с оставшимися он выходил за ворота фабрики. Эти роботы, утверждали сторонники вышеуказанного заблуждения, имели немалые преимущества в сравнении с остальными, достаточно быстро взрослели, становились консультантами, и их даже принимали на службу в центральный аппарат Агентства).

Таттл разозлился, услышав, что его гипотезу о личности робота приравняли к байкам о Втором сознании. Чтобы поддеть

его еще сильнее, Стеффан предположил, что Таттл верит и в существование гоблинов — «человеческих существ». Обидевшись, Таттл надолго замолчал, чем доставил остальным массу удовольствия.

— А теперь,— голос Януса оторвал Куранова от его размышлений,— я выдам вам все необходимое для охоты и укажу дорогу.

Куранов, Таттл, Стеффан, Лики и Сковски сгрудились вокруг, всем не терпелось отправиться в путь.

Каждый получил: бинокль доисторической конструкции, пару снегоступов, которые крепились к ногам, комплект инструментов и смазок для текущего ремонта на случай непредвиденных обстоятельств, электрический ручной фонарик, карты и винтовку, стреляющую усыпляющими стрелами, с дополнительной обоймой на тысячу стрел.

— И это все? — спросил Лики. Ему многое довелось испытать, может, даже больше, чем Куранову, но в его голосе слышался испуг.

— А что еще вам нужно? — нетерпеливо спросил Янус.

— Но ты же знаешь, в нашу конструкцию внесены серьезные изменения.

Во-первых, глаза у нас теперь не такие зоркие, как раньше, и...

— Для темного времени суток у вас есть фонари,— ответил Янус.

— А потом, наши уши...

— Прислушивайтесь внимательнее, шагайте тише,— предложил Янус.

— Наши ноги ослаблены,— не унимался Лики.— Если нам придется бежать...

— Скрытность — залог успеха. Старайтесь подкрасться к дичи до того, как она вас заметит, и тогда вам не придется ее преследовать.

— Но,— Лики по-прежнему гнул свое,— наши функциональные способности очень уж уменьшены, и, если нам придется от кого-то бежать, мы...

— Вы собираетесь охотиться на оленей и волков,— напомнил ему Янус.— Олени не преследуют охотников, а волки металл не едят.

Сковски, до того на удивление тихий и спокойный — он даже не участвовал в добродушном подшучивании над Таттлом,— вдруг выступил вперед.

— Я читал, что в этой части Монтаны происходит необычно много... необъяснимых событий.

— Каких событий? — спросил Янус.

Сковски обвел остальных желтыми видеоприемниками, потом повернулся к Янусу.

— Ну... я говорю о следах, похожих на наши, но оставленных не роботами. О роботоподобных существах, которых видели в лесах.

— А,— сверкающей рукой Янус отмахнулся от слов Сковски, как от назойливой мухи.— Каждый месяц мы получаем с десяток сообщений о «человеческих существах», которые вроде бы обитают в диких лесах к северо-востоку от Уокерс Уоч.

— Мы туда и идем? — спросил Куранов.

— Да,— ответил Янус.— Но я бы не волновался. В любом случае те, кто сообщал об этом, такие же роботы, как вы. Их функциональные способности были существенно ограничены, а потому охота потребовала от них гораздо больше усилий. Увиденное ими, несомненно, имеет рациональное объяснение. Если бы роботы могли задействовать весь свой потенциал, они, конечно же, не приносили бы с охоты эти фантастические сказки.

— А кроме роботов с искусственно ограниченными функциональными способностями там кто-нибудь бывал? — спросил Сковски.

— Нет,— ответил Янус.

Сковски покачал головой.

— Это совсем не то, на что я рассчитывал. Я чувствую себя таким слабаком, что...— Выданную ему амуницию он бросил к ногам.— Пожалуй, больше я в этом не участвую.

Остальные изумились.

— Испугался гоблинов? — спросил Стеффан. В группе ему досталась роль насмешника.

— Нет,— ответил Сковски.— Но мне не нравится быть калекой, какие бы новые впечатления не принесла эта экспедиция.

— Очень хорошо,— подвел итог Янус.— Значит, на охоту вы идете вчетвером.

— У нас не будет другого оружия, кроме винтовки с усыпляющими пулями? — спросил Лики.

— Вам больше ничего не потребуется.

Куранов подумал, что Лики задал странный вопрос. Первая директива, заложенная в сознание каждого робота еще на фабрике, запрещала отнимать жизнь, которую нельзя было восстановить. Да, Куранов понимал Лики, разделял его тревогу. Он предположил, что ограничение функциональных способностей каким-то образом сказалось на остроте его собственного мышления, потому что не мог найти других объяснений этому иррациональному страху.

— А теперь вам осталось узнать только одно,— продолжил Янус.— На завтрашний вечер и начало ночи для северной части Монтаны метеопрогноз обещает снежную бурю. К тому времени вы уже должны быть в охотничьей избушке, которая станет для вас базовым лагерем. Снегопад вам нисколько не помешает. Есть еще вопросы?

Если они и были, то задать их никто не решился.

— Тогда удачи вам. И пусть пройдет много недель, прежде чем вы потеряете интерес к этому занятию.— Эта традиционная фраза прощания произносилась всегда, но голос Януса звучал очень искренне. Куранов догадался, что Янус предпочел бы охотиться на оленей и волков, а не дежурить на станции Уокерс Уоч.

Они поблагодарили его, сверились с картами, вышли из здания станции и наконец-то двинулись в путь.

Сковски провожал уходящих взглядом, а когда путешественники оглянулись, помахал сверкающей металлической рукой.

Они шли весь день, вечер, а потом и ночь, потому что отдыха им не требовалось. Пусть энергия, поступающая к ногам, уменьшилась и специальный блокиратор ограничивал скорость роботов, они не уставали. Просто не знали, что это такое. Даже когда попадали на участки с глубоким снегом и надевали снегоступы, им все равно удавалось достаточно быстро продвигаться к намеченной цели.

И на широких равнинах, где снег наметал причудливые сугробы, и под крышей из густых крон сосен в девственных лесах

Куранова не покидало предчувствие встречи с неопознанным, чего уже много лет с ним не бывало. Поскольку теперь датчики не давали ему полной картины окружающего мира, в каждой тени ему мерещилась опасность, за каждым поворотом он ожидал столкнуться с непреодолимой преградой. Эта экспедиция с самого начала рождала в нем массу новых ощущений.

Перед рассветом пошел снег, прилипая к их холодной стальной «коже». Двумя часами позже, когда просветлело, охотники поднялись на небольшой хребет и в дальнем конце долины, заросшей соснами, увидели избушку полуцилиндрической формы, из синеватого металла, без окон — чисто функциональное сооружение, лишенное архитектурных излишеств.

— Мы еще успеем поохотиться сегодня,— заметил Стеффан.

— Пошли,— добавил Таттл.

Идя друг за другом, они спустились в долину, пересекли ее и вышли практически к двери избушки.

Куранов нажал на спусковой крючок.

Великолепный олень с роскошными рогами поднялся на задние ноги, замолотил передними по воздуху, выпуская из ноздрей клубы пара.

— Попадание! — воскликнул Лики.

Куранов выстрелил снова.

Олень опустился на все четыре ноги.

Другие олени, стоявшие за ним, повернулись и побежали по хорошо утоптанной тропе.

Олень, мотнув огромной головой, попытался последовать за стадом, но остановился, ноги его подогнулись. Он попытался подняться с колен, но повалился в снег.

— Поздравляю! — выразил Стеффан общие чувства.

Роботы встали из-за сугроба, за которым спрятались, когда на тропе показались олени, и через маленькое поле направились к спящему самцу.

Куранов наклонился, послушал, как у оленя бьется сердце, посмотрел, как раздуваются черные ноздри.

Таттл, Стеффан и Лики сгрудились вокруг оленя, ощупывали его, восхищались великолепной мускулатурой, могучими плечами, крепкими бедрами. Все сошлись на том, что уложить

такого зверя, учитывая ограниченность их возможностей, задача не из легких. Потом один за другим они поднялись и отошли, чтобы предоставить Куранову возможность вдосталь насладиться триумфом и полностью зафиксировать все эмоциональные реакции в банке данных.

Куранов практически завершил оценку ситуации и зафиксировал все необходимое, а олень начал просыпаться, когда тишину разорвал громкий крик Таттла:

— Сюда! Смотрите сюда!

Таттл стоял в двухстах ярдах около темных деревьев. Стеффан и Лики уже спешили к нему.

У ног Куранова олень фыркнул и попытался встать. Ничего не вышло, он лишь несколько раз моргнул затуманенным глазом. Поскольку в банк данных поступила вся необходимая информация, Куранов оставил зверя и поспешил к своим компаньонам.

— В чем дело? — спросил он по прибытии.

Их видеоприемники, направленные на него, ярко светились в сером сумраке завершающегося дня.

— Вот,— Таттл указал на снег.

— Следы ног,— определил Куранов.

— Только это не наши следы,— добавил Лики.

— И что из этого?

— И не следы робота,— уточнил Таттл.

— Разумеется, робота.

— Приглядись,— посоветовал Таттл.

Куранов наклонился и понял, что его глаза, зоркость которых снизилась наполовину, при слабом предвечернем освещении подвели его. Со следами робота эти совпадали разве что по форме. Резиновая, в перекрестный рубчик подошва робота оставляла соответствующий след. Этот был совершенно гладким. В подошве робота имелись два отверстия вентиляционных каналов антигравитационной системы, которая задействовалась во время полета. На этих следах отверстий не было.

— Я не знаю, водятся ли на севере обезьяны,— сказал Куранов.

— Не водятся,— ответил Таттл.

— Тогда...

— Это следы...— Таттл выдержал паузу,— ...человека.

— Нелепо! — воскликнул Стеффан.

— А как еще можно их объяснить? — спросил Таттл. Собственная версия его совершенно не радовала, но он намеревался держаться ее, пока кто-нибудь не предложил бы приемлемой альтернативы.

— Это розыгрыш,— гнул свое Стеффан.

— И кто же его устроил?

— Один из нас.

Они переглянулись, словно вина могла отразиться на их совершенно одинаковых лицах.

— Не складывается,— первым заговорил Лики.— Мы все время были вместе. Эти следы появились недавно, иначе их занесло бы снегом. Ни у одного из нас не было шанса ускользнуть от остальных и оставить следы на снегу.

— Я все равно настаиваю на том, что это розыгрыш,— не унимался Стеффан.— Возможно, Центральное агентство послало кого-то, чтобы оставить для нас эти следы.

— А для чего Центральному агентству заниматься такой ерундой? — полюбопытствовал Таттл.

— Может, это часть нашей терапии,— предположил Стеффан.— Может, это сделано с тем, чтобы вызвать у нас новые ощущения, добавить остроты нашей охоте.— Он махнул рукой в сторону следов, словно надеялся, что они исчезнут.— Может, Центральное агентство проделывает это со всяким, кто мается скукой, чтобы возродить способность удивляться и...

— Это в высшей степени невероятно,— оборвал его Таттл.— Все знают, что каждый индивидуум сам планирует свои путешествия и создает собственную информационную базу. Центральное агентство в это не вмешивается. Оно просто судит о результатах. Оценивает и переводит на следующую ступень тех, чьи запасы и качество информации достигают нового рубежа зрелости.

— Куда ведут эти следы? — спросил Куранов, обрывая спор.

Лики блестящим пальцем вывел в воздухе скобу.

— Похоже, существо вышло из леса, какое-то время постояло, возможно, наблюдая за нашей охотой на оленя. Потом ретировалось тем же путем, что и пришло.

По следам четверка роботов дошла до первых сосен, но углубляться в лес не решилась.

— Близится ночь,— сказал Лики.— Скоро начнется буря, как и предупреждал Янус. Учитывая ограниченную восприимчивость наших органов чувств, нам лучше вернуться в охотничью избушку, пока мы хоть что-то видим.

Куранов задался вопросом: а очевидна ли их удивительная трусость не только ему, но и остальным? Вроде бы все твердо заявили, что не верят в мифы, однако никто не пожелал пойти дальше по загадочным следам. Куранову пришлось признать, что при всем его желании увидеть загадочное существо, оставившее эти следы, «человека», куда больше ему хотелось укрыться на островке безопасности — в охотничьей избушке.

Избушка состояла из одной комнаты, больше им и не требовалось. Поскольку внешне они ничем не отличались друг от друга, никто не испытывал желания отгораживаться стенами. А к услугам тех, кому хотелось уединиться, имелись инактивационные ниши, где робот отключал все внешние источники информации и уходил в собственный мир, сортировал полученные данные и искал упущенные ранее взаимосвязи. Поэтому ни один не чувствовал никаких неудобств в просторном, с серыми стенами, практически лишенном мебели помещении, где им всем предстояло провести несколько недель, пока не угаснет интерес к охоте.

Винтовки, заряженные усыпляющими стрелами, они положили на металлическую полку, которая тянулась вдоль одной стены, сняли остальную амуницию, которая крепилась к различным частям корпуса. И расположились у самого большого окна, наблюдая за разыгравшейся метелью. Первым нарушил тишину Таттл:

— Что бы стало с современной философией, если бы мифы обернулись правдой?

— Какие мифы? — спросил Куранов.

— О человеческих существах.

Стеффан, как обычно, мгновенно отреагировал на реплику Таттла:

— Я не видел ничего такого, что могло бы заставить меня поверить в мифы.

Таттлу хватило ума не поднимать вопрос о следах на снегу. Но вот заканчивать на том спор ему определенно не хотелось.

— Мы всегда думали, что разум — свойство механического мозга. Если бы выяснилось, что существа из плоти и крови тоже могут...

— Но они не могут,— отрезал Стеффан.

Куранов решил, что Стеффан, должно быть, еще очень молод, покинул фабрику тридцать, максимум сорок лет назад. Иначе он не отметал бы с порога любую информацию, которая хоть в минимальной степени не укладывалась в рамки, установленные и строго выдерживаемые Центральным агентством. Проживший гораздо больше, Куранов на собственном опыте знал, что когда-то немыслимое со временем становится обыденным.

— Согласно некоторым мифам о человеческих существах,— продолжал Таттл,— роботы произошли от них.

— От плоти? — изумленно спросил Стеффан.

— Я знаю, это звучит странно, но за свою жизнь мне не раз приходилось видеть, как самое странное оказывалось правдой.

— Ты облазил всю землю, побывал во многих местах, куда я добраться еще не успел. В своих путешествиях ты встречался с тысячами существ из плоти, животными самых разных видов.— Стеффан выдержал театральную паузу.— Приходилось тебе хоть раз видеть существо из плоти, обладающее даже рудиментарными зачатками разума, свойственного роботу?

— Нет,— признал Таттл.

— Плоть, точнее органическая материя, несовместима с высокоразвитым сознанием,— отчеканил Стеффан.

Они помолчали.

Валил снег, серое небо приблизилось к земле.

— Многое меня удивляет.— Куранов обернулся, услышав голос Таттла. Он-то думал, что спор окончен.— К примеру... откуда взялось Центральное агентство? Кто его учредил?

Стеффан отмахнулся.

— Центральное агентство было *всегда*.

— Но это не ответ,— упорствовал Таттл.

— Почему нет? — спросил Стеффан.— Мы же принимаем за аксиому, что *всегда* существовали Вселенная, звезды, планеты и все, что находится между ними.

— Допустим, чисто гипотетически, что Центральное агентство существовало не всегда. Агентство постоянно совершенствует свою структуру, находится в непрерывном изменении. Огромные базы данных каждые пятьдесят или сто лет переводятся в новые хранилища. Разве нельзя предположить, что Агентство иногда теряет толики информации, случайно уничтожает часть хранящихся данных?

— Это невозможно,— уверенно заявил Стеффан.— За этим следят специальные охранные устройства.

Куранова, который знал о многих накладках, допущенных Центральным агентством за последнюю сотню лет, заинтересовала версия, которую выстраивал Таттл.

— Если Центральное агентство каким-то образом потеряло большую часть первичных данных, знания о человеческих существах могли исчезнуть среди прочей небезынтересной информации.

Стеффан не на шутку разозлился.

— Совсем недавно ты отрицал идею Второго сознания, а теперь выходит, что ты можешь в нее поверить. Ты удивляешь меня, Таттл. Твои банки данных, похоже, заполнены глупой информацией, противоречивыми верованиями, бесполезным теоретизированием. Если ты веришь в человеческих существ, значит, ты должен верить в сопутствующие мифы. Так? Что их можно убить только деревянным предметом. Что ночью они спят в темных комнатах. Спят, как звери. И неужели ты думаешь, что их, хотя они и из плоти, нельзя убить, потому что они сразу возрождаются в другом месте в новом теле?

Таттл ничего не мог противопоставить этим непререкаемым истинам, и ему не осталось ничего другого, как сдать все позиции. Он повернул свои янтарные видеоприемники к снегу за окном.

— Я всего лишь высказывал предположения. Фантазировал, чтобы время бежало быстрее.

Стеффан торжествовал.

— Однако фантазии не способствуют расширению наших банков данных.

— И я полагаю, что тебе не терпится узнать побольше, чтобы Агентство перевело тебя на следующий уровень,— заметил Таттл.

— Разумеется,— согласился Стеффан.— Нам отпущено только двести лет. И потом, разве не в этом смысл жизни?

Возможно, с тем чтобы и дальше обдумывать свои странные гипотезы, Таттл скоро улегся в одну из инактивационных ниш, которые располагались под металлической полкой с оружием. Скользнул в нее ногами вперед, закрыл за собой люк, оставив остальных общаться друг с другом.

— Пожалуй, я последую примеру Таттла,— пятнадцать минут спустя сказал Лики.— Мне нужно время, чтобы проанализировать свою реакцию на дневную охоту.

Куранов знал, что Лики лишь искал повод откланяться. Робот он был не слишком общительный и чувствовал себя комфортно, когда его не втягивали в разговор и вообще не трогали.

Оставшись наедине со Стеффаном, Куранов понял, что оказался в щекотливом положении. С одной стороны, он чувствовал, что ему нужно время для обдумывания, которое могла предоставить только инактивационная ниша. Однако ему не хотелось обижать Стеффана, у которого могло сложиться впечатление, что никому не хочется иметь с ним дело. В принципе Куранову молодой робот нравился. Задорный, энергичный, умный. В укор ему он мог поставить разве что юношескую наивность и необузданное желание настаивать на своем и познавать новое. Разумеется, со временем Стеффан станет не столь резким в оценке тех или иных поступков и событий, будет более чутко прислушиваться к мнению других, так что обижать его не хотелось. Но Куранов никак не мог найти благовидного предлога для того, чтобы расстаться со Стеффаном.

Молодой робот сам решил эту проблему, сказав, что ему нужно побыть наедине с собой. Когда Стеффан закрыл люк инактивационной ниши, Куранов направился к четвертой из пяти стенных ниш, залез в нее, задвинул люк, почувствовал, как один за другим отключаются внешние датчики, и скоро стал только разумом, дрейфующим в темноте, обдумывающим богатство идей, накопленное в банках данных.

Плавая в пустоте, Куранов обратился к теме, которая вдруг заняла центральное место в этом путешествии.

Человеческие существа, люди:

1. *Из плоти, человек думает и знает.*
2. *Спит по ночам, как животное.*
3. *Ест плоть других, как хищник.*
4. *Испражняется.*
5. *Умирает и гниет, подвержен болезни и разрушению.*
6. *Зачинает и рожает детенышей абсолютно немеханическим способом, однако молодые особи тоже разумные.*
7. *Убивает.*
8. *Может перебороть робота.*
9. *Разбирает роботов, хотя никто, кроме других людей, не знает, что он делает с этими частями.*
10. *Противоположность роботу. Если робот являет собой достойный образ жизни, то человек — недостойный.*
11. *Сенсорные датчики робота регистрируют человека, как любое другое безопасное животное, и в результате человек застает робота врасплох.*
12. *Человека можно убить только деревянным предметом. Дерево — органический продукт, однако по многим параметрам не уступает металлу. Находясь посередине между плотью и металлом, оно может уничтожить человеческую плоть.*
13. *Убитый любыми другими средствами, кроме дерева, человек только кажется мертвым. В действительности в тот самый момент, когда он падает перед противником, он оживает в другом месте, целый и невредимый, в новом теле.*

И хотя список можно было продолжить, Куранов сошел с этой мысленной дороги, потому что размышления эти очень его тревожили. Фантазии Таттла, конечно же,— догадки, предположения, вымысел. Если бы человек действительно существовал, кто бы мог верить в главный постулат Центрального агентства: Вселенная во всех ее аспектах абсолютно логична и рациональна.

— Винтовки исчезли,— такими словами Таттл встретил Куранова, когда тот вылез из инактивационной ниши и встал.— Исчезли. Все. Вот почему я вызвал тебя.

— Все? — переспросил Куранов, посмотрев на металлическую полку.— Исчезли куда?

— Их взял Лики.— Стеффан стоял у окна, на его длинных, отливающих в синеву металлических руках блестели капельки конденсата.

— Лики тоже нет? — спросил Куранов.

— Да.

Он задумался, прежде чем задать следующий вопрос.

— Но куда он мог пойти в снежную бурю? И зачем ему понадобились все винтовки?

— Я уверен, что волноваться не о чем,— ответил Стеффан.— Должно быть, у него была веская причина, и он все нам объяснит, когда вернется.

— Если вернется,— вставил Таттл.

Куранов повернулся к нему.

— Таттл, ты думаешь, что ему грозит опасность?

— В свете случившегося... я про найденные нами следы... я бы не исключал такую возможность.

Стеффан пренебрежительно хмыкнул.

— Как бы то ни было,— продолжил Таттл,— ты должен признать, что все это по меньшей мере странно.— Он посмотрел на Куранова.— Не следовало нам идти на ограничение наших функциональных способностей перед этой поездкой. Я бы отдал все, что угодно, лишь бы вернуть их.— Он помялся.— Думаю, нам надо найти Лики.

— Он вернется,— настаивал Стеффан.— Он вернется, когда захочет вернуться.

— Я тем не менее считаю, что нам надо начинать поиски.

Куранов подошел к окну, встал рядом со Стеффаном, всмотрелся в падающий снег. На земле его слой увеличился как минимум на двенадцать дюймов. Кроны деревьев гнулись под дополнительным весом. Никогда раньше Куранов не видел, чтобы снег падал так быстро.

— Так что? — спросил Таттл.

— Я согласен. Мы должны его искать, но все вместе. Учитывая нашу неполноценность, мы можем легко заблудиться и по-

теряться. А если кто-то при падении получит повреждение, у него может полностью сесть батарея, до того как его найдут. Так что лучше держаться друг друга.

— Ты прав.— Таттл повернулся к Стеффану.— А ты?

— Да, конечно,— ответил Стеффан.— Я с вами.

Их ручные фонари яркими пятнами светили в темноте, но не могли прорезать белоснежную пелену. Выйдя из охотничьей избушки, роботы начали круговой поиск. Замкнув круг, расширяли радиус. Решили прежде всего осмотреть открытую местность, а уж потом, если Лики не найдется, входить в лес. Все согласились с этим условием, хотя ни один, даже Стеффан, не признался, что в лес им не хотелось заходить из-за абсолютно иррационального страха перед теми, кто мог жить среди деревьев.

В итоге входить в лес не потребовалось, потому что Лики они нашли в двадцати ярдах от охотничьей избушки. Он лежал на боку в глубоком снегу.

— Его разукомплектовали,— сказал Стеффан.

Остальные и так это поняли.

Лики не хватало обеих ног.

— Кто мог это сделать? — спросил Стеффан.

Ни Таттл, ни Куранов ему не ответили.

Голова Лики висела на шее, потому что кто-то вывел из зацепления несколько звеньев кольцевого кабеля. Видеоприемники разбили, механизм преобразования видеосигнала, расположенный за ними, вытащили через глазницы. Наклонившись ниже, Куранов увидел, что кто-то загнал какой-то острый предмет в банки данных, тем самым уничтожив всю хранившуюся там информацию. Куранов надеялся, что произошло это после того, как Лики умер.

— Ужасно.— Стеффан отвернулся от этого жуткого зрелища, направился к охотничьей избушке, но резко остановился, осознав, что не следует ему покидать компанию других роботов. И мысленно содрогнулся.

— И что нам с ним делать? — спросил Таттл.

— Оставим его,— ответил Куранов.

— Здесь, гнить?

— Он все равно ничего не чувствует.

— Однако...

— Надо возвращаться.— Куранов очертил фонарем круг.— Не следует нам подставляться.

Держась ближе друг к другу, они вернулись в охотничью избушку.

По пути Куранов вспомнил один из особо тревожных пунктов составленного им списка: «*9. Человек разбирает роботов, хотя никто, кроме других людей, не знает, что он делает с этими частями...*»

— Насколько я понимаю,— поделился с остальными своими соображениями Куранов,— Лики винтовки не брал. Кто-то, или что-то, вошло в охотничью избушку, чтобы украсть их. Лики, должно быть, вылез из инактивационной ниши в тот самый момент, когда воры уходили. Вместо того чтобы разбудить нас, он бросился следом.

— Или его заставили уйти с ними,— вставил Таттл.

— Я сомневаюсь, что его увели насильно,— не согласился Куранов.— В охотничьей избушке достаточно света и хватает места, чтобы Лики, пусть и с ограниченными способностями, позволил причинить себе вред или допустил, чтобы его увели. А вот снаружи, во время бури, он оказался в их власти.

Завыл ветер, окна затряслись в металлических рамах.

Трое роботов стояли неподвижно, ожидая, пока ветер стихнет, словно боялись, что воет не ветер, а какой-то огромный зверь, задумавший снести охотничью избушку с фундамента и разорвать ее обитателей на куски.

— Осматривая Лики,— продолжил Куранов,— я заметил, что ему нанесли резкий удар острым предметом по кольцевому кабелю, ударили сзади, неожиданно и без предупреждения. В освещенном помещении, как это, без ведома Лики никто не смог бы подойти к нему сзади.

Стеффан отвернулся от окна.

— Ты думаешь, Лики уже отключился, когда...— Он не смог договорить, но через несколько мгновений взял себя в руки.— Он уже отключился, когда они лишили его ног?

— Мы только можем на это надеяться.

— Кто мог такое сделать? — спросил Стеффан.

— Человек,— ответил Таттл.

— Или люди,— уточнил Куранов.

— Нет.— Но в отрицании Стеффана уже не слышалось той уверенности, что раньше.— А что они могут сделать с его ногами?

— Никто не знает, что они делают со своей добычей,— ответил Куранов.

— Можно подумать, что Таттл тебя убедил и ты поверил в существование этих существ.

— Пока у меня нет лучшего ответа на вопрос, кто отключил, разукомплектовал и изуродовал Лики, не остается ничего другого, как верить, что это сделали люди,— ответил Куранов.

Какое-то время все молчали.

Первым заговорил Куранов:

— Я думаю, как только рассветет, нам надо возвращаться в Уокерс Уоч.

— В Агентстве решат, что нам рано переходить на следующий уровень, если мы вернемся с рассказами о людях, которые ночью бродят вокруг охотничьей избушки. Вы видели, с каким презрением отзывался Янус о тех, кто говорил о чем-то подобном.

— У нас есть доказательство: бедный мертвый Лики,— напомнил Таттл.

— Или мы можем сказать, что причиной отключения Лики стал несчастный случай, а мы вернулись, потому что охота нам наскучила,— предложил Куранов.

— То есть мы не будем упоминать про человеческих существ? — спросил Стеффан.

— Возможно.

— Это был бы наилучший вариант,— оживился Стеффан.— Тогда Агентство не получит сообщений о нашей временной иррациональности. Мы сможем воспользоваться инактивационными нишами и обязательно найдем логичную причину случившегося с Лики, которая сейчас ускользает от нас. Если мы проведем в них достаточно времени, то обязательно найдем объяснение. И при следующем аудите банков данных Агентством

оно не обнаружит никаких следов нашей алогичной реакции, от которой мы сейчас страдаем.

— Однако мы, возможно, уже знаем настоящую историю смерти Лики,— возразил Таттл.— В конце концов, мы видели следы на снегу, видели разукомплектованное, изуродованное тело... Могли за этим стоять люди... человеческие существа?

— Нет,— ответил Стеффан.— Это суеверная чушь.

Из области иррационального.

— На рассвете,— сказал Куранов,— мы пойдем в Уокерс Уоч, независимо от того, утихнет ли буря.

Едва он закончил говорить, как мерное гудение генератора охотничьей избушки — этот шумовой фон вселял уверенность и успокаивал — резко оборвалось. Комната погрузилась в кромешную темноту.

Снег ледяной корочкой нарастал на охлаждающейся стали, когда они стояли около ниши, направив лучи фонарей на установленный в ней портативный генератор. Кто-то снял с него кожух, открыв снегу и ветру внутренние узлы.

— Кто-то вытащил силовой сердечник,— заметил Куранов.

— Но кто? — спросил Стеффан.

Куранов направил фонарь на землю. Остальные последовали его примеру.

Среди своих следов они увидели другие, оставленные не роботами. Точно такие же видели на исходе дня около деревьев. Тех же следов в избытке хватало и около тела Лики.

— Нет! — воскликнул Стеффан.— Нет, нет и нет!

— Я думаю, мы должны пойти в Уокерс Уоч прямо сейчас,— сказал Куранов.— Нет смысла ждать до утра.— Он посмотрел на Таттла, покрытого снегом со льдом.— Что скажешь?

— Согласен,— ответил Таттл.— Но не думаю, что путешествие будет легким. Я очень сожалею, что нам ограничили функциональные способности.

— Мы все равно можем идти быстро. И нам не нужен отдых, как существам из плоти. Если нас и будут преследовать, наша неутомимость сыграет нам на руку.

— Теоретически.

— Остается лишь надеяться, что практика не разойдется с теорией.

Произнося эти слова, Куранов держал в памяти еще два пункта своего списка: *«7. Человек убивает. 8. Может перебороть робота»*.

В охотничьей избушке при свете фонарей они привязали к ногам снегоступы, закрепили на корпусах инструмент и смазки для срочного ремонта, забрали карты. Направив лучи фонарей перед собой, вышли наружу, стараясь держаться как можно ближе.

Ветер бил в широкие спины роботов, снег пытался одеть их в белый наряд.

Они пересекли открытое пространство, сожалея о том, что зрение стало вполовину хуже, а радар отключен. Вошли в лес, по которому предстояло дойти до хребта. Остановились, глядя в темноту под соснами. Идти дальше никому не хотелось.

— Слишком много теней,— пробормотал Таттл.

— Тени не причинят нам вреда,— ответил Куранов.

Все время, которое роботы провели вместе, с того самого момента, как встретились в поезде, идущем на север, Куранов знал, что в этой группе лидером является он. Он этого не подчеркивал, старался ничем не выделяться, но теперь понимал, что должен взять инициативу на себя. И двинулся первым, навстречу теням, по заснеженному склону.

С неохотой Стеффан последовал за ним.

Таттл замкнул колонну.

По другую сторону хребта лес стал гуще. Стволы деревьев сдвинулись, ветви наклонились ниже. И именно там, на ограниченном пространстве, среди сгустившихся теней на них напали.

Что-то или кто-то торжествующе завопил, и этот почти звериный вопль перекрыл посвист ветра.

Куранов завертел головой, не понимая, откуда доносится звук, освещая деревья лучом фонаря.

Позади вскрикнул Таттл.

Куранов повернулся к нему, как и Стеффан, их фонари осветили робота.

— Этого не может быть! — воскликнул Стеффан.

Таттл повалился на спину, атакованный двуногим существом, которое двигалось практически как робот, хотя они видели, что перед ними зверь. Тело существа покрывали шкуры, на ногах были сапоги, в руках оно держало металлический топор.

Существо попыталось разрубить кольцевой кабель на шее Таттла.

Таттл поднял руку и блокировал удар. Кабель он сохранил ценой поврежденного локтя.

Куранов двинулся на помощь, но его остановило второе существо из плоти, атаковавшее сзади. Удар пришелся в середину спины и заставил упасть на колени.

Робот повалился на бок, откатился в сторону, поднялся на ноги. Одним движением — ловко и быстро. Повернулся лицом к нападающему.

Существо смотрело на него с расстояния в дюжину футов, из его носа и рта вырывался пар. Упрятанное в меховой капюшон, его лицо казалось пародией на лицо робота. В сравнении с видеоприемниками, глаза были слишком маленькие и не блестели. Идеальная симметрия, свойственная чертам робота, отсутствовала напрочь. От мороза лицо шло пятнами.

Оно также не отражало свет фонаря, и однако...

...однако в нем безусловно читался разум. Не могло быть ни малейших сомнений в том, что перед Курановым стояло разумное существо, пусть и злобное.

К полному изумлению Куранова, этот монстр заговорил с ним. Голос густой, звуки мягкие, не клацающие, как у роботов.

Что-то крича, монстр прыгнул вперед, замахнулся куском металлической трубы, целя в шею Куранову.

Робот отпрыгнул. Демон продолжил наступление.

Обернувшись, Куранов увидел, что первый демон практически загнал Таттла в лес. Третий атаковал Стеффана, который отбивался из последних сил.

Крича, человек, напавший на Куранова, ударил его концом трубы в грудь.

Робот упал. Человек встал над ним, занеся трубу, как дубинку.

«Из плоти, человек думает и знает... Спит по ночам, как животные, ест плоть других, как хищник, испражняется, умирает и гниет, подвержен болезни и разрушению... зачинает и

рожает детенышей абсолютно немеханическим способом, однако молодые особи тоже разумные... убивает... убивает... может перебороть робота, разбирает роботов, хотя никто, кроме других людей, не знает, что он делает с этими частями... его можно убить, навсегда, только деревянным предметом... убитый любыми другими средствами, кроме дерева, человек только кажется мертвым. В действительности в тот самый момент, когда он падает перед противником, он оживает в другом месте, целый и невредимый, в новом теле...»

Пока монстр замахивался, Куранов вновь откатился в сторону, поднялся и выбросил вперед руку с длинными пальцами.

Из рассеченной щеки человека хлынула кровь.

Демон отступил, не понимая, что происходит.

Ужас Куранова уступил место ярости. Он шагнул следом и ударил вновь.

И вновь. И пусть силы у него, вследствие наложенных ограничений, было куда меньше, чем у обычного робота, он разорвал тело демона, временно убил его, залив снег кровью.

Повернувшись спиной в останкам врага, двинулся на монстра, который атаковал Стеффана. Сломал шею одним ударом стальной руки.

К тому времени, когда Куранов добрался до Таттла, одна рука робота висела плетью, от второй кисти остались воспоминания. Повреждения получил и кольцевой кабель, но, к счастью, до отключения дело не дошло. При удаче все три робота могли выжить.

— Я думал, мне конец,— признался Таттл.

— Ты убил всех троих! — Стеффан в изумлении смотрел на Куранова.

— Они бы отключили нас,— ответил Куранов. Внутри, остальные этого видеть не могли, все кипело.

— Но первая директива Центрального агентства запрещает отнимать жизнь...

— Не совсем,— не согласился Куранов.— Она запрещает отнимать жизнь, которую нельзя восстановить. *Которую нельзя восстановить.*

— Их жизни можно восстановить? — спросил Стеффан, глядя на отвратительные трупы, не в силах понять.

— Мы своими глазами увидели человеческих существ. Теперь ты веришь мифам или по-прежнему все отрицаешь?

— Как я могу отрицать?

— Тогда, если ты веришь, что такие демоны существуют, ты должен верить и в сказанное о них.— И Куранов процитировал информацию, хранящуюся в его банках данных: — *«Убитый любыми другими средствами, кроме дерева, человек только кажется мертвым. В действительности в тот самый момент, когда он падает перед противником, он оживает в другом месте, целый и невредимый, в новом теле».*

Стеффан кивнул, спорить было не о чем.

— Что теперь? — спросил Таттл.

— Возвращаемся в Уокерс Уоч,— ответил Куранов.

— И расскажем им о том, что нашли?

— Нет.

— Но... мы можем привести их сюда, показать эти тела.

— Оглянись. Другие демоны наблюдают за нами из-за деревьев.

В слабом отсвете упавших в снег фонарей среди деревьев они различали с дюжину перекошенных ненавистью лиц.

— Не думаю, что они нападут на нас,— продолжил Куранов.— Они увидели, что мы можем сделать, поняли, что в отношении их первая директива неприменима. Но они заберут и похоронят тела, как только мы уйдем.

— Мы можем взять их с собой,— предложил Таттл.

— Нет. У тебя обе руки выведены из строя. Стеффан не может контролировать правую руку. Я сам не смогу донести даже одно тело до Уокерс Уоч, в силу наложенных ограничений у меня просто не хватит сил.

— Тогда мы никому не сможем рассказать об увиденном здесь.

— Мы и не должны этого делать, если хотим подняться на следующий уровень зрелости,— ответил Куранов.— Наша единственная надежда — провести достаточно времени в инактивационной нише, медитируя, пока не удастся найти мало-мальски логичное объяснение случившемуся с нами.

Они подняли фонари и, держась ближе друг к другу, двинулись в путь.

— Идите не торопясь и не выказывайте страха,— дал команду Куранов.

Шагали они медленно, но ни один не сомневался, что их страх не составлял тайны для прятавшихся среди сосен жутких существ.

Они шли всю ночь и большую часть следующего дня, пока не добрались до станции Уокерс Уоч. К тому времени снежная буря давно закончилась. Вокруг себя роботы видели умиротворяющую белизну. Укутанные снегом леса, горы, долины служили наглядным подтверждением совершенства мира. Но в голове Куранова, как гвоздь, засела мысль: если он должен верить в привидения и разумных существ из плоти, вроде людей, как он сможет по-прежнему соглашаться с Центральным агентством в том, что Вселенная, во всех ее аспектах, абсолютно логична и рациональна?

СУМЕРКИ ЗАРИ

Иногда ты ведешь себя как полный говнюк,— в сердцах воскликнула моя жена в тот вечер, когда я лишил нашего сына Санта-Клауса.

Мы лежали в кровати, но она определенно не собиралась ни спать, ни заниматься любовью.

— Разве так можно поступать с маленьким мальчиком? — Голос резкий, сочащийся презрением.

— Ему семь лет...

— Он — маленький мальчик,— зло отрезала Элен, хотя мы редко ссорились друг с другом. Поэтому наша семейная жизнь текла мирно и счастливо.

Мы полежали в молчании. Портьеры с вечера не сдвинули, и через открытые двери на балкон второго этажа вливался пепельно-бледный лунный свет. Даже при таком освещении, несмотря на то что Элен укрылась до подбородка, по ее напряженной позе я видел, что она чертовски сердита.

Наконец Элен не выдержала:

— Пит, ты использовал кувалду, чтобы разнести вдребезги фантазию маленького мальчика, безвредную фантазию, и все потому, что у тебя навязчивая идея...

— Она не безвредная,— ответил я.— И у меня нет навязчивой идеи.

— Есть, есть,— настаивала жена.
— Я просто верю в рациональное...
— Заткнись.
— Ты даже не хочешь поговорить со мной об этом?
— Не хочу. Бессмысленно.
Я вздохнул.
— Я люблю тебя, Элен.
Она долго молчала.
Лишь ветер шебаршился где-то под крышей.
В кроне одной из вишен, растущих во дворе, ухнула сова.
— Я тоже тебя люблю,— после долгой, долгой паузы ответила Элен,— но иногда мне хочется дать тебе пинка.

Я злился на нее, полагая, что она несправедлива, что позволяет эмоциям брать верх над разумом. Теперь, по прошествии многих лет, я бы отдал все, что угодно, лишь бы услышать вновь, что она хочет дать мне пинка, и с улыбкой согнулся бы.

С колыбели моему сыну Бенни внушали, что Бога нет ни под каким именем, ни в какой форме и религия — убежище для слабовольных людей, которым не хватает мужества принимать Вселенную такой, какая она есть. Я не разрешал крестить Бенни, потому что с моей точки зрения этот обряд являлся первой ступенью культа невежества и иррациональности.

Элен, моя жена, мать Бенни, выросла в семье методистов и так и не смогла отмыться (как я это себе представлял) от пятен веры. Она называла себя агностиком и не могла пойти дальше и присоединиться ко мне в лагере атеистов. Я любил ее так сильно, что в этом вопросе не требовал от нее однозначно определить свою позицию. Зато презирал всех тех, кто не мог признать, что Бога во Вселенной нет, а возникновение жизни вообще и человеческой цивилизации в частности — не более чем биологическая случайность.

Я осуждал всех, кто смиренно преклонял колена перед воображаемым Создателем: методистов, католиков, лютеран, баптистов, мормонов, всех прочих.

Они называли себя по-разному, но заблуждались одинаково.

Но больше всего не терпел здравомыслящих мужчин и женщин, таких же, как я, которые сошли с тропы логики и рухнули в пропасть суеверия. Они отдали все свои сокровища — независимую душу, уверенность в себе, интеллектуальную целостность — в обмен на невнятные обещания загробной жизни в тогах и с арфами. Тех, кто решился на такое, я презирал куда больше, чем какого-нибудь давнего друга, который вдруг признался, что внезапно проникся всепоглощающей страстью к собакам и развелся с женой, чтобы жить с немецкой овчаркой.

Хол Шин, мой партнер, с которым я основал «Фаллон и Шин дизайн», тоже гордился своим атеизмом. В колледже мы были лучшими друзьями и на пару могли выиграть любые дебаты по вопросам религии. Каждый, кто пытался заикнуться о существовании Всевышнего, позволял себе не соглашаться с утверждением, что во Вселенной правят стихийные силы, потом сожалел о встрече с нами, ибо мы наглядно показывали, что таким идиотам, как он, не место в мире взрослых. Случалось, что мы не могли дождаться, когда же разговор зайдет о религии, и сами умело наталкивали студентов, как мы полагали, верующих, на эту тему.

Потом, получив диплом архитектора, мы не захотели работать с кем-то еще и создали свою фирму. Мечтали о том, чтобы проектировать внушительные, но элегантные, функциональные, но красивые здания, которые будут радовать и удивлять, вызывать восхищение не только коллег, но и всего мира. Благодаря уму, таланту и решительности нам еще совсем молодыми удалось добиться некоторых из поставленных целей. «Фаллон и Шин компани», вундерфирма, стала средоточением революционного дизайна, о котором с придыханием говорили как студенты архитектурных факультетов, так и матерые профессионалы.

В основе наших невероятных успехов лежал наш атеизм, поскольку мы решили создавать новую архитектуру, не имеющую ничего общего с религиозными откровениями. Большинство мирян понятия не имеет о том, что практически все окружающие их здания, даже созданные современными архитектурными школами, несут в себе конструктивные элементы, призванные усилить роль Бога и религии в повседневной жизни. К примеру, сводчатые потолки поначалу использовались в церквях и кафедральных соборах, с тем чтобы взгляд устремлялся к небесам и, таким образом, навевал мысли о рае и тамошних благах. Монастырские своды, бочарные своды, крестовые своды, веерные

своды, прямоугольные, шестиугольные и треугольные своды — не просто арочные конструкции; им отводилась роль агентов религии, рекламных щитов как самого Бога, так и его власти. С самого начала Хол и я решили, что в зданиях, сконструированных «Фаллон и Шин компани», не будет сводчатых потолков, шпилей, арочных окон и дверей, никаких конструктивных элементов, порожденных религией. Мы стремились к тому, чтобы направлять взгляд входивших в наши здания к земле, дабы люди помнили, что они плоть от земной плоти, не дети какого-либо бога, а более интеллектуально развитые кузены обезьян.

И возвращение Хола к католицизму, религии его детства, стало для меня страшным ударом. В тридцать семь лет, в расцвете творческих сил, на вершине успеха, доказавшего превосходство не связанного догмами, здравомыслящего человека над воображаемыми божествами, он вернулся в исповедальню, вновь начал причащаться, смочил лоб и грудь так называемой святой водой и таким образом отверг интеллектуальный фундамент, на котором до этого момента базировалась вся его взрослая жизнь.

От ужаса случившегося у меня заледенели и сердце, и костный мозг.

За то, что религия забрала у меня Хола, я еще больше возненавидел ее. Удвоил усилия в том, чтобы изгнать из жизни моего сына даже малую толику религии и суеверий, прилагал все силы, чтобы курящие благовония, бьющие в колокола, поющие псалмы, обманывающие себя дураки не отняли его у меня. Когда еще совсем маленьким он показал себя прирожденным лидером, я самым тщательным образом подбирал для него книги, ограждал от всего, что указывало на религию как приемлемую составляющую образа жизни, решительно пресекал нездоровые фантазии. Когда я заметил, что он увлекся вампирами, призраками, всеми эти чудищами, готовыми поразить воображение ребенка, я в зародыше подавил этот интерес, высмеял его, показал Бенни, сколь приятно и радостно подняться над этим ребячеством. Нет, я не отказывал ему в удовольствии чего-то испугаться, потому что ничего религиозного в этом нет. Бенни имел право смаковать страхи, внушаемые книгами о роботах-убийцах, фильмами о чудовище Франкенштейна и других страшилах, созданных руками человека. А вот книги и фильмы, героями которых были монстры сатанинского или божественного происхождения, я ему не давал, потому что вера в Сатану — та же религия, только черная, а не белая.

Я оставил ему Санта-Клауса, пока ему не исполнилось семь лет, хотя и предчувствовал, что добром это не закончится. Легенда о Санта-Клаусе, естественно, включает элементы христианства. Святой Николай и все такое. Но Элен настояла, что Бенни нельзя лишать рождественской сказки. С неохотой я согласился, что вреда в ней практически нет, при условии, если это событие мы будем рассматривать исключительно как светский праздник, не имеющий ничего общего с рождением Иисуса. Для нас рождественские каникулы являлись периодом, который мы посвящали исключительно семье, не вспоминая о Боге.

Во дворе нашего дома в округе Бакс, штат Пенсильвания, росли две большие старые вишни, под сенью которых в более теплую погоду я частенько сиживал с Бенни, играя в шашки или карты. Под этими вишнями одним необычно теплым октябрьским днем, на седьмом году жизни, когда мы играли в «Дядю Уиггли», Бенни и спросил меня, много ли подарков привезет в этом году Санта. Я ответил, что о Санте думать еще рановато, а он заявил, что все дети уже думают о Санте и даже начали составлять списки того, что хотели бы получить. Потом он спросил:

— Папа, а как Санта узнает, хорошие мы или плохие? Он же не может наблюдать за всеми детьми одновременно, не так ли?

Наши ангелы-хранители рассказывают ему о нас или как?

— Ангелы-хранители? — его слова неприятно удивили меня.— Откуда ты знаешь про ангелов-хранителей?

— Ну, они же должны приглядывать за нами, помогать, если мы попадаем в беду, правильно? Вот я и подумал, может, они также говорят с Санта-Клаусом.

Через несколько месяцев после рождения Бенни я присоединился к группе родителей, живущих в нашем районе, которые решили учредить частную школу, основанную на принципах светского гуманизма, где пресекалась бы любая религиозная мысль. Нам хотелось, чтобы наши дети, подрастая, изучали историю, литературу, социологию и этику, которые им преподава-

ли бы с антиклерикальных позиций. Бенни посещал подготовительный класс, а на момент нашего разговора учился во втором классе начальной школы, и родители всех его одноклассников придерживались того же рационалистического взгляда на жизнь, что и я. Вот меня и удивило, что даже такая среда не уберегла Бенни от религиозной пропаганды.

— Кто рассказал тебе об ангелах-хранителях?

— Дети.

— Они верят в этих ангелов?

— Конечно. Полагаю, что да.

— Они верят в фей?

— Конечно же нет.

— Тогда почему они верят в ангелов-хранителей?

— Они видели их по телевизору.

— По телевизору, значит?

— В том шоу, которое ты запрещаешь мне смотреть.

— И только потому, что они видели их по телевизору, они решили, что ангелы-хранители существуют?

Бенни пожал плечами и передвинул свою игровую фишку по доске «Дяди Уиггли» на пять позиций.

Я всегда верил, что поп-культура, особенно телевидение,— сущее наказание для всех здравомыслящих мужчин и женщин, которые хотят добра себе и своим близким, еще и потому, что оно пропагандировало широкий спектр религиозных суеверий и проникало во все сферы нашей жизни. Избежать его становилось все труднее, а влияние телевидения только нарастало. Книги и фильмы вроде «Экзорциста» плюс телевизионные программы насчет ангелов-хранителей могли свести на нет попытки родителей воспитать ребенка в стерильной атмосфере здравомыслия.

Не по сезону теплый октябрьский ветерок мягко ерошил каштановые волосы Бенни. Со спутанными волосами, сидя на подушке, положенной на стул, чтобы доставать до стола, он казался таким маленьким и ранимым.

Я его любил, желал ему только добра, но с каждой секундой во мне разгоралась злость. Направленная, естественно, не на Бенни, а на тех людей, которые, отравленные извращенной философией, пытались дурно влиять на невинного ребенка.

— Бенни, послушай, никаких ангелов-хранителей нет,— сказал ему я.— Это ложь, выдуманная людьми, которые хотят заставить тебя поверить, что твои успехи в жизни отнюдь не плод твоих собственных усилий. Они хотят заставить тебя поверить, что все плохое, случающееся с тобой,— последствия твоих грехов и твоя вина, тогда как все хорошее — милость Божья. Это способ контроля. В этом суть религии: контролировать и подавлять тебя.

— А как она будет меня подавлять? Навалится и прижмет к полу?

Будет раскатывать, как тесто? Папа, ты говоришь что-то не то.

В конце концов, ему было только семь лет, а я на полном серьезе пытался обсуждать с ним вопросы религиозного гнета, будто мы — два интеллектуала, сидящие в кафетерии за чашечкой «эспрессо». Покраснев от осознания, что веду себя глупо, я отодвинул доску «Дяди Уиггли» и попытался объяснить ему, что вера в такую ерунду, как ангелы-хранители, отнюдь не невинная забава, а шаг к интеллектуальному и эмоциональному закабалению. Когда увидел, что на его лице отражаются скука, замешательство, полное недоумение, но никак не понимание и признание моей правоты, я начал раздражаться и в конце концов (теперь мне стыдно это признавать) в качестве последнего аргумента отнял у него Санта-Клауса.

Внезапно мне стало ясно, что, позволив ему верить в Санта-Клауса, я сам подтолкнул его к иррациональности, от которой хотел уберечь.

Как я вообще мог так заблуждаться, думая, что Рождество может праздноваться исключительно как светский праздник, если его сердцевиной являлось религиозное событие? Теперь я видел, что установка рождественской елки в нашем доме и обмен подарками вкупе с прочими рождественскими атрибутами вроде установки яслей на лужайках перед церквями и украшения универмагов пластмассовыми ангелами с трубами, подвели Бенни к мысли, что духовный аспект праздника не менее важен, чем материалистический, создав тем самым плодородную почву, в которой укоренились ангелы-хранители и прочий бред о грехе и спасении души.

Под оголившимися ветвями вишен, под октябрьским ветерком, который медленно влек нас к Рождеству, я рассказал Бен-

ни правду о Санта-Клаусе, объяснил, что подарки он получает от меня и мамы. Он не согласился со мной, привел доказательства существования Санты: пирожные и молоко, которые он оставлял для веселого толстячка, всегда исчезали. Я убедил его, что пирожные съедал сам, а молоко, которое не любил, выливал в раковину. Методично, безжалостно, но, как мне казалось, из доброты и любви я топтал так называемую магию Рождества, и в конце концов у него не осталось ни малейших сомнений в том, что все связанное с Санта-Клаусом — обман. Пусть из лучших побуждений, но тем не менее.

Он слушал, более не пытаясь возражать, а когда я закончил, заявил, что устал и хочет прилечь. Тер глаза, зевал. Игра «Дядя Уигтли» его больше не интересовала, он поднялся и ушел в свою комнату.

Напоследок я успел сказать ему, что сильные, уравновешенные люди не нуждаются в воображаемых друзьях, таких как Санта-Клаус или ангелы-хранители.

— Мы можем рассчитывать только на себя, наших друзей, наших родственников, Бенни. Если мы чего-то хотим, нам этого не получить, обращаясь с просьбами к Санта-Клаусу или в молитве к Богу. Мы должны заработать то, что нам нужно, или получить в подарок от друзей и родственников.

Так что нет смысла что-то просить или вымаливать.

Тремя годами позже, когда Бенни умирал в больнице от рака, я впервые понял, почему другим людям нужна вера в Бога и почему они ищут утешения в молитве. Иной раз жизнь обрушивает на нас столь ужасные трагедии, что очень трудно устоять перед искушением поискать в мистике объяснения жестокости окружающего нас мира.

Даже если мы можем признать, что смерть у нас окончательная и душа не может пережить гибели плоти, мы часто не в силах вынести мысль о том, что наши дети, умирающие в юности, также обречены уйти из этого мира и не попасть ни в какой другой. Дети — особая статья, поэтому невозможно подумать, что уйдут навсегда, словно и не существовали. Я видел атеистов, которые презирали религию и не могли молиться за себя, но тем не менее обращались к Богу с просьбой спасти их тяжело больных детей... только для того, чтобы осознать, иногда с раздражением, чаще — с глубоким сожалением, что их философия не позволяет им всерьез рассчитывать на божественное вмешательство.

Когда у Бенни диагностировали рак кости, я не отказался от своих убеждений. Ни разу не поступился принципами, не обратился к Богу. Я стоически держал удар, сам нес эту ношу, хотя иной раз она гнула голову, а плечи едва не ломались под горой горя.

В тот октябрьский день, на седьмом году жизни Бенни, когда я сидел под вишнями и наблюдал, как он возвращается в дом, чтобы прилечь, я еще не знал, какому серьезному испытанию в самом скором времени подвергнутся мои принципы. Я гордился тем, что освободил своего сына от фантазий, связанных с Санта-Клаусом, и не сомневался, что Бенни, когда вырастет, поблагодарит меня за строго рационалистичное воспитание, которое получил моими стараниями.

Когда Хол Шин сказал мне о возвращении в лоно католической церкви, я подумал, что он меня разыгрывает. После работы мы заглянули на коктейль в бар соседнего отеля; у меня сложилось впечатление — затем, чтобы отпраздновать новый большой контракт, который нашей фирме удалось заполучить стараниями Шина.

— У меня есть для тебя новости,— сказал он мне утром.— Давай встретимся в шесть вечера в баре «Редженси».

Но вместо того чтобы сообщить, что нам поручено проектирование здания, которое станет новой главой в легенде о Фаллоне и Шине, он рассказал, что после года всесторонних раздумий оставил атеизм и повернулся лицом к вере. Я рассмеялся, полагая, что соль шутки еще впереди, а он лишь улыбнулся, и по этой улыбке, в которой читалось что-то уж больно непривычное, возможно, жалость ко мне, я понял, что он говорит серьезно.

Я с ним спорил сначала спокойно, потом не очень. Высмеивал его утверждения, что он вновь открыл для себя Бога, стыдил за отказ от самодостаточности, от интеллектуальной цельности.

— Я решил, что человек может одновременно быть интеллектуалом и верующим христианином, иудеем или буддистом,— ответил Хол с раздражающей уверенностью в себе.

— Невозможно! — Я хватил кулаком по столу, чтобы подчеркнуть, что я такого не приемлю. Наши стаканы подпрыгну-

ли, а пустая пепельница едва не свалилась на пол. Конечно же, другие посетители бара повернулись к нам.

— Посмотри на Малколма Маггериджа,— стоял на своем Хол.— Или Си-Эс Льюиса. Исаака Сингера. Христиане и евреи, и при этом интеллектуалы до мозга костей.

— Послушай меня! — От его слов я пришел в ужас.— Сколько раз, когда другие люди называли эти имена, и не только эти, по ходу наших споров о превосходстве атеизма, ты вместе со мной доказывал, какими дураками были маггериджи, льюисы и сингеры этого мира.

Он пожал плечами.

— Я ошибался.

— Ни с того ни с сего вдруг решил, что ошибался?

— Нет, не так. Отдай мне должное, Пит. Я целый год читал, думал.

Активно сопротивлялся возвращению в лоно церкви, однако потерпел поражение.

— И кто взял над тобой верх? Какой священник-пропагандист...

— Никто не брал надо мной верх, Пит. Дебаты были исключительно внутренними. Никто не знал, что у меня возникли сомнения.

— И когда они у тебя возникли?

— Видишь ли, пару лет назад я осознал, что жизнь моя пуста...

— Пуста? Ты молод и здоров. Женат на умной и красивой женщине. Законодатель мод в выбранной тобой профессии. Все восхищаются твоими архитектурными находками, ждут от тебя все новых достижений, и ты богат! Вот это ты называешь пустой жизнью?

Он кивнул.

— Пустой. Но я никак не мог понять почему. Как и ты, сложил все, что у меня есть, и по всему выходило, что я добился всего, о чем можно только мечтать. Но внутри я ощущал пустоту, и каждый новый проект, который мы начинали, интересовал меня все в меньшей степени. Наконец я осознал: все, что построил, и все, что еще мог построить, не приносило удовлетворенности, потому что эти достижения не вечны.

Да, конечно, некоторые из наших зданий могли простоять и сто, и двести лет, но в масштабах времени это миг. Сооружения из камня, стали и бетона — не монументы, которые ставят на века. Они не являются, как мы когда-то думали, свидетельствами гениальности человечества. Скорее, наоборот, напоминают нам, что самые величественные сооружения хрупки, что наши величайшие достижения могут уничтожить землетрясения, войны, приливные волны, или за тысячу лет они превратятся в груды обломков под воздействием солнца, ветра и дождя. Так в чем смысл?

— Смысл в том,— сердито напомнил я ему,— что возводя эти сооружения, проектируя и строя еще более прекрасные здания, мы улучшаем жизнь наших сограждан и помогаем другим ставить и достигать высоких целей. А все вместе мы создаем лучшее будущее для всего человечества.

— Да, но ради чего? — спросил он.— Если нет потусторонней жизни, если существование каждого индивидуума заканчивается в могиле, тогда коллективная судьба нашего вида точно такая же, как и у любого индивидуума: смерть, пустота, чернота, ничто. Из ничего может получиться только ничто. Нельзя ставить высокие цели для всего вида, если для каждой души в отдельности никакой цели нет и в помине,— он поднял руку, словно чтобы перекрыть поток моих возражений.— Я знаю, знаю. У тебя достаточно аргументов, чтобы оспорить это заявление. Я поддерживал тебя в этом в ходе бесчисленных дебатов, которые мы вели в колледже. Но больше я не могу поддерживать тебя, Пит. Я думаю, в жизни есть и другая цель помимо того, чтобы просто жить. Если бы я так не думал, то ушел бы из бизнеса и остаток дней посвятил развлечениям, смакуя каждый из них. Однако теперь я верю в нечто, называемое душой, верю, что она переживет тело, а потому могу и дальше работать в «Фаллон и Шин». Это мое призвание, а значит, мои достижения наполнены смыслом. Я надеюсь, ты сможешь это понять. Я не собираюсь обращать тебя или кого-либо в свою веру. Это первый и последний раз, когда ты слышишь, что я говорю о религии. Я буду уважать твое право не верить в Бога. Я уверен, что и дальше будем прекрасно ладить.

Не получилось.

Я полагал, что религия — отвратительная душевная болезнь, а потому в присутствии Хола чувствовал себя не в своей тарелке. Я притворялся, что мы по-прежнему близки, что ничего не произошло, но чувствовал, что он уже не тот человек, каким был.

А кроме того, вера Хола неизбежно сказывалась на его архитектурных воззрениях. В его проектах начали появляться сводчатые потолки и арочные окна, его новые здания поощряли глаз и разум смотреть вверх и размышлять о небесах. Эти изменения с восторгом воспринимались некоторыми клиентами и вызывали похвалу критиков в престижных журналах, но я не мог этого одобрить, поскольку видел, что он уходит от архитектуры, обращенной к человеку, которая и являлась нашим фирменным знаком. Через четырнадцать месяцев после его возвращения к религии я продал ему свою долю в нашей компании и основал свою, свободную от его влияния.

— Хол,— сказал я ему при нашей последней встрече,— даже заявляя, что ты — атеист, ты, вероятно, не понимал до конца, что за жизнью ничего нет, и не надо этого бояться, не надо злиться, что так уж устроен мир. Сие надо принимать как данность — или с сожалением... или с радостью.

Лично я принимал с радостью, потому что меня не волновала моя судьба в загробной жизни. Будучи неверующим, я мог полностью сосредоточиться на благах этого мира, одного и единственного.

Поздним вечером того дня, когда я развенчал Санта-Клауса в глазах Бенни, когда мы с Элен лежали по разным сторонам нашей большой кровати и она сказала, что хотела бы дать мне пинка, я услышал от нее и другие слова:

— Пит, ты рассказывал мне о своем детстве, и, разумеется, я встречалась с твоими родителями, поэтому могу представить себе, каково приходилось ребенку, который воспитывался в такой атмосфере. Могу понять, почему твоей реакцией на их религиозный фанатизм стал уход в атеизм. Но иногда... тебя заносит. Тебе уже недостаточно просто быть атеистом; ты изо всех сил стараешься приобщить к своей философии всех, любой ценой, то есть ведешь себя точно так же, как твои родители... с той лишь разницей, что они насаждали веру в Бога, а ты насаждаешь безбожие.

Я приподнялся, посмотрел на нее. Лица не увидел, жена отвернулась от меня.

— Ты несправедлива, Элен.

— Это правда.

— Я не такой, как мои родители. Совершенно не такой. Я не вбиваю атеизм в Бенни, как они вбивали в меня Бога.

— То, что ты сегодня с ним сделал, ничуть не лучше порки.

— Элен, в конце концов все дети узнают правду о Санта-Клаусе, некоторые еще раньше, чем Бенни.

Тут она повернулась ко мне, и я смог достаточно хорошо разглядеть ее лицо. Обида и злость заслонили любовь, которая всегда светилась в глазах Элен.

— Конечно, они все узнают правду о Санта-Клаусе, но редко у кого отцы с мясом выдирают эту невинную веру в чудо.

— Я ничего не выдирал, я лишь все ему объяснил.

— Он не студент колледжа, участвующий в дебатах. Нельзя руководствоваться логикой в разговоре с семилетним ребенком. В этом возрасте ими движут эмоции, сердце. Пит, он пришел в дом после разговора с тобой, поднялся в свою комнату, а когда я заглянула к нему часом позже, он все еще плакал.

— Ладно, ладно.

— Плакал.

— Ладно, я чувствую себя полным дерьмом.

— Хорошо. Так и должно быть.

— И я признаю, не следовало мне быть таким прямолинейным, я бы мог объяснить все тактичнее.

Она молча отвернулась от меня.

— Но в принципе я все сделал правильно. Я хочу сказать, напрасно мы думали, что сможем праздновать Рождество исключительно как светский праздник. Невинные фантазии, которые могут привести к мыслям о Боге, далеко не так невинны.

— Замолчи,— раздалось с ее половины.— Замолчи и давай спать, а не то я перестану тебя любить.

Водитель, который убил Элен, пытался заработать побольше денег, чтобы купить лодку. Он был заядлым рыбаком и обожал ловить на блесну. Чтобы скопить деньги на лодку, ему приходилось больше работать. Чтобы не заснуть, он принимал амфетамины. Водил он «питербилт», самую большую модель этой ком-

пании. Элен ехала на своем синем «БМВ». Они столкнулись лоб в лоб, хотя она и пыталась уйти в сторону, но куда там.

Бенни был в отчаянии, я забросил работу и весь июль провел с ним дома. Ему требовалась ласка, внимание, помощь. Я и сам ужасно горевал, потому что Элен была мне не только женой и любовницей, но и самым строгим критиком, лучшим другом, единственным человеком, которому я полностью доверял. По ночам, лежа один на нашей кровати, я утыкался лицом в ее подушку, вдыхая слабый запах Элен, и плакал; долгие недели я не мог заставить себя постирать ее наволочку. Но в присутствии Бенни мне удавалось более-менее держать себя в руках и демонстрировать ему пример выдержки, в котором он, несомненно, нуждался.

Похорон не было. Элен кремировали, а ее пепел развеяли над морем.

Месяцем позже, в первое воскресенье августа, когда мы постепенно начали сживаться с неизбежным, сорок или пятьдесят друзей и родственников приехали в наш дом, и мы помянули Элен чисто по-светски, без малейшего намека на религиозность. Собрались во внутреннем дворике у бассейна, и люди по очереди поднимались и рассказывали интересные истории об Элен, о том, какой след оставила она в жизни каждого из них.

Все это время Бенни находился рядом со мной, потому что я хотел, чтобы он знал, как другие люди любили его мать и каким благотворным было ее влияние не только на нас с ним, но и на наших друзей и близких.

Ему было только восемь лет, но, как мне показалось, после этой поминальной службы на сердце у него стало легче. Слушая добрые слова о своей матери, он не мог сдержать слез, но теперь на его лице и в глазах отражалось не только горе, но и гордость за нее. Он улыбался, узнавая о розыгрышах, которые она устраивала своим друзьям, с интересом слушал о сторонах ее жизни, которые до сих пор оставались ему неизвестными. Эти новые впечатления определенно притупляли его горе и помогали ему свыкнуться с утратой.

Наутро я встал поздно. Пошел искать Бенни и нашел его во дворе, под одной из вишен. Он сидел, подтянув колени к груди и обхватив их руками, смотрел на дальний склон долины, в

которой мы жили, но, казалось, заглядывал куда-то далеко-далеко.

Я присел рядом.

— Как дела?

— Нормально.

Какое-то время мы оба молчали. Над нами мягко шелестели листья.

Вишня давно отцвела, но ягоды еще не созрели. День выдался жарким, но вишня дарила нам тень, а следовательно, и прохладу.

— Папа? — наконец вырвалось у него.

— Да?

— Если ты не возражаешь...

— Ты о чем?

— Я знаю, что ты скажешь...

— Скажу насчет чего?

— Насчет того, что нет ни рая, ни ангелов и всего такого.

— Дело не в том, что я скажу, Бенни. Это правда.

— Ну... все равно, если ты не против, я буду представлять себе, что мама на небесах.

Даже через месяц после ее смерти его эмоциональное состояние оставляло желать лучшего, и я знал, что пройдут месяцы, а то и годы, прежде чем он полностью придет в себя, поэтому на этот раз я не стал убеждать его в том, что религия — это глупость.

— Позволь мне подумать пару минут. Хорошо?

Мы сидели бок о бок, смотрели на другой склон долины, но я знал, что у каждого из нас перед глазами стоит другое. Я видел Элен, какой она была Четвертого июля прошлым летом: в белых шортах и желтой блузке бросала «фрисби» со мной и Бенни, смеялась, смеялась, смеялась. Не знаю, что видел Бенни, но подозреваю, что рай, ангелов в белых одеждах и с нимбами, золотые ступени, ведущие к золотому трону.

— Она не может вот так уйти,— вырвалось у Бенни.— Они была слишком хорошей, чтобы совсем уйти. Она должна быть... где-то.

— Все правильно, Бенни. Она есть. Твоя мама находится в тебе. Во-первых, у тебя ее гены. Ты еще не знаешь, что такое гены, но они у тебя есть: ее волосы, ее глаза... Она была хорошим

человеком, учила тебя истинным ценностям, а потому ты тоже вырастешь хорошим человеком. Когда-нибудь у тебя будут свои дети, и своими генами твоя мама перейдет в них и в их детей. Твоя мама живет в нашей памяти и в памяти наших друзей. Очень много людей видели от нее только добро, и это добро пусть в малой степени, но облагораживало их. Люди эти и в дальнейшем будут вспоминать ее, благодаря ей будут добрее к другим людям, и ее доброта будет жить и жить.

Бенни слушал внимательно, но я подозревал, что идея достижения бессмертия через линию крови и мораль еще недоступна его восприятию. Попытался найти слова, чтобы получше растолковать ее.

Но он заговорил первым.

— Нет. Доброты недостаточно. Хорошо, конечно, что многие люди будут ее помнить, но этого недостаточно. Она должна где-то быть. Не только память о ней. Она не должна исчезнуть бесследно. Поэтому, если ты не против, я буду считать, что она в раю.

— Нет, я, конечно, против, Бенни,— я обнял его.— Лучше всего, сынок, смотреть правде в глаза...

Он покачал головой.

— Она там, папа. Не может она просто исчезнуть. Она где-то есть. Я знаю. Я знаю, что есть. И она счастлива.

— Бенни...

Он встал, поднял голову.

— Скоро будем есть вишни?

— Бенни, не переводи разговор на другое. Мы...

— Можем мы поехать на ленч в ресторан миссис Фостер? Бургеры, жареный картофель, «кока», потом вишневое мороженое?

— Бенни...

— Так можем или нет?

— Конечно. Но...

— Чур, я за рулем! — закричал он и побежал к гаражу, смеясь над своей шуткой.

Весь следующий год упорный отказ Бенни признать, что матери больше нет, сначала нервировал меня, потом раздражал, наконец начал выводить из себя. Каждый вечер, лежа в постели

и ожидая, когда придет сон, он говорил с ней и, похоже, твердо знал, что она его слышит. Часто после того, как я укрывал его и, пожелав спокойной ночи, уходил из комнаты, он выскальзывал из-под одеяла, вставал на колени у кровати и молился о том, чтобы его мама была счастлива там, где она сейчас.

Дважды я случайно слышал его. В других случаях я останавливался за дверью в коридоре и слышал, как он, выждав какое-то время, чтобы дать мне спуститься вниз, обращался к Богу, хотя мог знать о Боге лишь то, что тайком подсмотрел в телешоу или услышал от друзей в школе.

Я решил не вмешиваться, полагая, что эта детская вера в Бога сама собой сойдет на нет, когда он поймет, что Бог никогда ему не ответит. Не получая божественного знака о том, что душа его матери пережила смерть, Бенни начал бы понимать, что о религии ему говорили чистую правду, и вернулся бы в мир здравомыслия, который я для него создал и где терпеливо ждал. Я не хотел говорить ему, что знаю о его молитвах, не хотел высмеивать или отговаривать, потому что понимал: родительский нажим может привести к обратному результату и он еще крепче ухватится за иррациональную мечту о вечной жизни.

Но прошло четыре месяца, его вечерние беседы с умершей матерью и Богом не прекращались, и я больше не мог терпеть молитв, возносимых в моем доме. Пусть слышал я их редко, но знал, что они произносятся, и меня это бесило. Я перешел к решительным действиям. Убеждал, спорил, умолял. Прибегнул к классическому методу кнута и пряника: наказывал за каждое проявление религиозных чувств, вознаграждал за любое антирелигиозное изречение, даже если оно срывалось с его губ неосознанно или я истолковывал его как антирелигиозное. Пряники ему доставались редко, в основном я его наказывал.

Нет, не порол и не применял мер физического воздействия. Это говорит в мою пользу. Не пытался выбить из него Бога, как мои родители вколачивали *его в меня.*

После того как все мои старания пошли прахом, я отвел Бенни к доктору Гертону, психоаналитику.

— Он никак не может примириться со смертью матери,— сказал я Гертону.— Не может это... осознать. Я за него тревожусь.

После трех сеансов с Бенни на протяжении двух недель доктор Гертон позвонил мне, чтобы сказать, что Бенни больше не надо приезжать к нему.

— С ним все в порядке, мистер Фаллон. Тревожиться вам не о чем.

— Но это не так,— возражал я.— Ему нужен психоаналитик. Он по-прежнему не может... осознать, что его мать умерла.

— Мистер Фаллон, вы упоминали об этом раньше, но я так и не получил ясного объяснения: а в чем, собственно, вы видите свидетельства того, что он не может осознать смерть матери? Что именно вас тревожит?

— Он молится,— ответил я.— Молит Бога о ее безопасности и счастье. И говорит с матерью в полной уверенности, что она его слышит.

Говорит с ней каждый вечер.

— О мистер Фаллон, если это все, что вас тревожит, ответственно заявляю, что беспокоиться не о чем. Говорить с матерью, молиться за нее, это совершенно нормально и...

— Каждый вечер! — повторил я.

— Да хоть десять раз на дню. Действительно, в этом нет никакой аномалии. Говорить с Богом о матери и говорить с матерью на небесах... это всего лишь психологический механизм, с помощью которого он постепенно сживается с фактом, что ее больше нет рядом с ним. Это совершенно нормально.

Боюсь, я закричал:

— В нашем доме это совершенно ненормально, доктор Гертон. Мы — атеисты!

Он помолчал, потом вздохнул.

— Мистер Фаллон, вы должны помнить, что ваш сын — больше чем ваш сын. Он еще и личность. Маленькая, конечно, но личность. Вы не можете видеть в нем собственность, которую можно лепить по...

— Я очень уважаю индивидуальность, доктор Гертон. Гораздо больше, чем все эти певцы псалмов, которые ни в грош не ставят людей, превознося своего воображаемого господина на небе.

На этот раз пауза длилась дольше.

— Хорошо. Тогда вы, конечно же, понимаете, нет гарантий того, что сын будет исповедовать те же взгляды, что и отец.

У него могут быть свои идеи и свои желания. В том числе и по отношению к религии. И в этом ваши позиции со временем могут только отдаляться. Возможно, речь идет не только о психологическом механизме адаптации к смерти матери. Возможно, с этого начинается глубокая вера в Бога. Во всяком случае, вы должны быть к этому готовы.

— Я этого не потерплю,— твердо заявил я.

Третья пауза стала самой длинной.

— Мистер Фаллон, мне нет необходимости видеться с Бенни. Я ничем не могу ему помочь, да он и не нуждается в моей помощи. Но возможно, вам следует подумать о визите к психоаналитику.

Я бросил трубку.

Следующие шесть месяцев Бенни безмерно раздражал, даже изводил меня своими фантазиями о рае. Возможно, он уже не разговаривал с матерью каждый вечер и иногда даже забывал помолиться, но по-прежнему упрямо верил в существование Бога и загробной жизни. Когда я говорил об атеизме, проходился по идее Бога, старался урезонить его, он лишь отвечал: «Нет, папа, ты не прав» или «Нет, папа, это не так»,— а потом уходил от меня или старался сменить тему. Случалось, он просто доводил меня до белого каления. Сначала говорил: «Нет, папа, ты ошибаешься», а потом обнимал, крепко прижимал к себе, говорил, что любит, а в глазах стояли такие грусть и жалость, словно он боялся за меня и чувствовал, что мне надобно указывать путь истинный. Как же я злился! Он был девятилетним мальчишкой — не убеленным сединами гуру!

В наказание за невыполнение моих желаний я лишал его права смотреть телевизор, когда на дни, когда — на недели. Оставлял без десерта за обедом, один раз целый месяц не разрешил гулять с друзьями. Ничего не помогало.

Религия, та самая болезнь, которая превратила моих родителей в суровых незнакомцев, а мое детство — в сплошной кошмар, которая лишила меня лучшего друга, Хола Шина, теперь вновь прокралась в мой дом. И заразила моего сына — самое дорогое, что у меня оставалось. Нет, о какой-либо конкретной религии речь не шла. Бенни не получил формального

теологического образования, поэтому его идеи Бога и рая не определялись какими-то догмами. На христианство намеки были, но не более того. Его религия базировалась исключительно на детском восприятии, пожалуй, не стоило называть его веру религией, и мне не следовало об этом тревожиться. Но я полностью признавал правоту доктора Гертона: эта самая детская вера с годами могла перерасти в глубокую религиозность. Вирус религии блуждал по моему дому, и я не находил себе места от того, что не мог найти способа избавиться от него.

Его присутствие ужасало меня. И ужас этот, не мгновенный, какой ассоциируется со взрывом бомбы или крушением самолета, а постоянный, не отпускал меня изо дня в день, из недели в неделю.

Я знал, что на меня свалилась худшая из всех возможных бед, и этот период стал самым черным в моей жизни.

А потом у Бенни обнаружили рак.

Примерно через два года после смерти Элен, в солнечный февральский день мы пошли в парк к реке пускать змея. Бенни побежал за змеем, отпуская бечеву, и вдруг упал. Поднялся и снова упал. И так несколько раз. Когда я спросил, что случилось, он пожаловался на боль в правой ноге. «Должно быть, потянул вчера, когда лазил с ребятами по деревьям».

Несколько дней он жаловался на боль в ноге, а когда я предложил поехать к врачу, сказал, что ему стало лучше.

Но через неделю мы поехали в больницу, сдали анализы и два дня спустя узнали диагноз: рак кости. Слишком запущенный, чтобы ставить вопрос об операции. А вот радиационную и химиотерапию начали незамедлительно.

Бенни полысел, похудел. Стал таким бледным, что по утрам я боялся смотреть на него. Думал, что с бледностью будет добавляться прозрачность и, превратившись в стекло, он разобьется на мельчайшие осколки у меня на глазах.

Пять недель спустя ему внезапно полегчало. О ремиссии речь не шла, но самочувствие настолько улучшилось, что Бенни разрешили вернуться домой. Лечение продолжилось, но амбулаторно. Я думаю, улучшение это обусловили не радиация или химические препараты, а желание мальчика в последний раз

увидеть вишни в цвету. Конечно же, это улучшение являло собой триумф воли, победу разума над телом.

За исключением того дня, когда лил дождь, он сидел под цветущими кронами, наблюдая за возней воробьев, прилетавших из леса на нашу лужайку. Сидел он не на складном деревянном стуле, а в большом удобном кресле, положив ноги на специальную скамеечку, худенький и бледный.

Мы играли в карты и шашки, но обычно он быстро уставал, поэтому большую часть времени просто сидели. Говорили о прошлом, вспоминали приятное, благо было чего вспомнить, но часто просто молчали. И в молчании этом не было неловкости. Меланхолия — да, присутствовала, но не неловкость.

Ни разу Бенни не завел разговор о Боге, ангелах-хранителях, рае. Я знал, он по-прежнему верил в то, что душа Элен пережила смерть тела и отправилась в другой, лучший мир. Но он ничего об этом не говорил и не высказывал надежды, что и ему найдется место в загробной жизни. Я уверен, что он избегал этой темы из уважения ко мне. Не хотел, чтобы в эти последние дни в наших отношениях возникла напряженность.

Я навсегда останусь благодарен ему за то, что он не стал подвергать меня такому испытанию. Боюсь, я бы предпринял попытку заставить Бенни вернуться к рационализму даже в его последние дни, в чем потом наверняка бы корил себя.

Дома он провел девять дней, а потом, из-за резкого ухудшения состояния, вернулся в больницу. Я поместил его в двухместную палату. Одна кровать предназначалась для него, вторая — для меня.

Раковые клетки мигрировали в печень: там обнаружили опухоль. После операции ему стало лучше, появилась надежда, но быстро потухла.

Рак проник в лимфатическую систему, в селезенку, всюду.

Состояние Бенни улучшалось, ухудшалось, улучшалось и снова ухудшалось. Степень улучшения уменьшалась, периоды ухудшения растягивались.

Я был богат, умен, талантлив. Знаменитый архитектор. Но я ничем не мог помочь своему сыну. Никогда раньше я не чувствовал себя таким маленьким, таким беспомощным.

Но, по крайнем мере, я мог оставаться сильным для Бенни. В его присутствии всегда держал себя в руках. Не позволял ви-

деть мои слезы, хотя плакал по ночам, сжавшись в комок, превратившись в испуганного ребенка, когда сын забывался беспокойным, наркотическим сном. Днем же, когда его увозили на процедуры, анализы или операции, я сидел у окна, смотрел в него, но ничего не видел.

Словно произошла какая-то химическая реакция и мир стал серым, совершенно серым. Я вообще не различал цветов, будто перенесся в черно-белый фильм. Тени стали более четкими, резко очерченными, воздух посерел, пронизанный невидимым туманом. Голоса — и те сливались в какой-то серый фон. Несколько раз я включал телевизор или радио, но музыка лишалась мелодии, превращалась в какофонию звуков. Мой внутренний мир серостью не отличался от внешнего, тот самый туман, пронизавший воздух, затянул и мой мозг.

Но даже пребывая в глубинах отчаяния, я не мог сойти с тропы здравомыслия, не мог обратиться к Богу за помощью, не мог проклинать Бога за мучения, которые он доставлял невинному ребенку. У меня не возникло даже мысли о том, чтобы обратиться за советом к священнику или к духовным врачевателям.

Я держался.

Если бы я дал слабину и начал искать утешения в суевериях, никто бы меня не осудил. Менее чем за два года я разошелся с лучшим другом, потерял жену в автомобильной аварии, а теперь мой сын умирал от рака. Иногда случается слышать о людях, которые попадают в такую же полосу неудач, или читать о них в газетах, и, что самое странное, они всегда говорят о том, как они пришли к Богу со своими бедами и нашли успокоение в вере. Такие рассказы или статьи всегда повергают в грусть и вызывают сострадание, и ты поневоле прощаешь им их бессмысленную религиозную сентиментальность. Разумеется, о них сразу же забываешь, потому что знаешь, что аналогичная беда может свалиться и на тебя, а думать о таком, конечно же, не хочется. Теперь же мне приходилось не думать, а переживать такую трагедию, но в жизни я не поступился своими принципами.

Я заглянул в пропасть и принял ее как неизбежное.

После долгой, отчаянной и мучительной борьбы с раком Бенни умер в одну из августовских ночей. Двумя днями раньше его

поместили в палату интенсивной терапии, где мне разрешали сидеть рядом с ним по пятнадцать минут каждые два часа. В последнюю ночь, однако, мне позволили оставаться у кровати Бенни несколько часов, потому что знали, что долго он не протянет.

Игла капельницы торчала из вены левой руки. Нос закрывал респиратор. Бенни подсоединили к электрокардиографу, и зеленая точка выписывала на дисплее монитора кривую линию. Каждый удар сердца сопровождался пиканьем. Иногда на три-четыре минуты ровное пиканье сменялось хаотичным.

Я держал сына за руку. Я убирал мокрые от пота волосы с его лба. Я укрывал его до подбородка, когда он дрожал от холода, и откидывал одеяло, когда холод сменялся жаром.

Бенни то приходил в сознание, то впадал в кому. Когда приходил, не всегда говорил связно.

— Папа?

— Да, Бенни?

— Это ты?

— Это я.

— Где я?

— В кровати. Все хорошо. Я здесь, Бенни.

— Ужин готов?

— Еще нет.

— Я бы хотел бургер и жареный картофель.

— Как скажешь.

— Где мои туфли?

— Сегодня туфли тебе не понадобятся, Бенни.

— Я думал, мы пойдем погулять.

— Не сегодня.

— Понятно.

Тут он вздыхал и проваливался в небытие.

За окном шел дождь. Капли расплющивались на стекле и стекали вниз. Дождь только прибавил серости окружающему миру.

Ближе к полуночи Бенни вновь очнулся и на этот раз точно знал, где он, кто я такой и что происходит. Повернул ко мне голову и улыбнулся. Попытался поднять руку, но от слабости у него ничего не вышло. Не смог поднять и голову.

Я встал со стула, шагнул к кровати, взял его за руку.

— Все эти провода...— сказал я.— Я думаю, они хотят превратить тебя в робота.

— Со мной все будет хорошо,— говорил он едва слышно, но в голосе звучала непоколебимая уверенность.

— Хочешь пососать кубик льда?

— Нет. Я хочу...

— Что? Все, что скажешь, Бенни.

— Я боюсь, папа.

У меня перехватило горло, и я испугался, что сломаюсь прямо здесь, у него на глазах, хотя все последние недели держался, как мог. Но мне удалось шумно сглотнуть.

— Не бойся, Бенни. Я с тобой. Не...

— Нет,— он прервал меня.— Я боюсь... не за себя. Я боюсь... за тебя.

Я думал, что он опять в забытьи, и не знал, что на это сказать.

Но его следующие слова показали, что он в сознании:

— Я хочу, чтобы мы все... снова были вместе... как перед тем... до смерти мамы... когда-нибудь вновь оказались вместе. Но я боюсь, что ты... не сможешь... нас найти.

Так больно вспоминать остальное. Я слишком уж крепко держался за атеизм и не смог сказать сыну невинную ложь, чтобы облегчить ему последние минуты. Если я пообещал ему поверить в существование загробной жизни, если б сказал, что буду искать его в последующем мире, он бы ушел из этого более счастливым. Элен не ошиблась, говоря, что атеизм стал для меня навязчивой идеей. Я просто держал Бенни за руку, сглатывал слезы и улыбался ему.

— Если ты не веришь, что сможешь нас найти... тогда, возможно, ты нас и не найдешь.

— Все будет хорошо, Бенни,— успокаивающе ответил я. Поцеловал в лоб, в левую щеку, прижался лицом к его лицу, чтобы любовью компенсировать обещание, которое не мог ему дать.

— Папа... если только... ты будешь нас искать?

— Все будет хорошо, Бенни.

— ...пожалуйста, *поищи* нас...

— Я люблю тебя, Бенни. Люблю всем сердцем.

— ...если ты будешь нас искать... ты нас найдешь...

— Я люблю тебя, люблю тебя, Бенни.

— ...не будешь искать... не найдешь...

— Бенни, Бенни...

Серый свет палаты интенсивной терапии упал на серые простыни и серое лицо моего сына.

Серый дождь струился по серому окну.

Он умер, когда я держал его за руку.

И мир тут же обрел цвета. Яркие цвета, слишком яркие, слепящие. Вот и карие, уже невидящие глаза Бенни стали самыми карими, самыми прекрасными глазами, которые мне доводилось видеть. И светло-синие стены палаты, казалось, не из штукатурки, а из воды, будто я попал в бурное море. Зеленая точка на дисплее, вычерчивающая прямую линию, ярко сияла, ловя мой взгляд. Синие водные стены надвинулись на меня. Я услышал торопливые шаги: медсестры и дежурный врач бежали к палате, отреагировав на показания телеметрии. Но до того как они переступили порог, меня захлестнуло синей приливной волной, унесло в синие глубины.

Я ликвидировал свою фирму. Прекратил переговоры о новых проектах.

Те, над которыми уже работал, быстренько передал другим архитектурным компаниям, разумеется, тем, что могли полностью справиться с заданием ничуть не хуже меня. Все мои подчиненные получили более чем щедрое выходное пособие, большинству я помог устроиться на новую работу.

Все свое состояние я перевел в казначейские сертификаты и консервативные ценные бумаги, то есть инвестиции, которые не требовали постоянного контроля. Перед искушением продать дом я устоял, просто закрыл его и нанял сторожа, чтобы приглядывал за ним во время моего отсутствия.

Значительно позже Хола Шина я пришел к выводу, что и одно здание, спроектированное человеком, не стоит усилий, затрачиваемых на его возведение. Даже величайшие сооружения из камня и стали лишь щекотали честолюбие, но по большому счету не могли оставить следа в истории. И если смотреть на ситуацию в контексте бескрайней холодной Вселенной с триллионами звезд, светящих на десятки триллионов планет, даже пирамиды казались такими же хрупкими, как оригами. В тем-

ном свете смерти и энтропии даже героические усилия и гениальные решения казались сущими пустяками.

И взаимоотношения с родственниками и друзьями обладали не большей прочностью, чем хрупкие человеческие монументы из камня. Я как-то сказал Бенни, что мы живем в памяти, в генах, в доброте, которую наша доброта пробуждает в других. Но теперь все это представлялось мне таким же иллюзорным, как струйки дыма на резком ветру.

Но в отличие от Хола Шина я не стал искать утешения в религии.

Никакие удары не могли пробить брешь в моей навязчивой идее.

Я думал, что религиозная мания — самый страшный ужас, какой может выпасть на долю человека, но теперь понял, что есть ужас и пострашнее: ужас атеиста, не способного поверить в Бога, который уже не верит в важность человеческой жизни, а потому ничего не находит ни в красоте, ни в удовольствии, ни в добрых делах.

Ту осень я провел на Бермудах. Купил шестидесятишестифутовую яхту с мощным двигателем, научился ею управлять. В одиночку отправился в плавание по Карибскому морю, посещал остров за островом. Иногда на малой скорости сутками плыл куда глаза глядят. Потом, охваченный внезапным желанием не терять времени, поспеть куда-то, мчался через бескрайние просторы, как будто боялся опоздать.

Устав от Карибского моря, я отправился в Бразилию, но Рио наскучил мне через несколько дней. Я стал богатым туристом, кочующим по пятизвездочным отелям, перелетающим из одного конца света в другой. Побывал в Гонконге, Сингапуре, Стамбуле, Париже, Афинах, Каире, Нью-Йорке, Лас-Вегасе, Акапулько, Токио, Сан-Франциско. Искал что-то такое, ради чего стоило жить, хотя подсознательно понимал, что искомого мне не найти.

Несколько дней думал, что смогу посвятить жизнь азартным играм. В случайном разбросе карт, во вращении рулетки я увидел странную, необузданную волю судьбы. Я подумал, что, плывя по реке случайности, окажусь в гармонии с бессмысленностью и хаосом Вселенной и таким образом обрету покой. В течение недели я выигрывал и терял состояния, но наконец отошел от игорных столов, лишившись ста тысяч долларов.

То была малая толика миллионов, которые я мог потратить, но за эти несколько дней я понял: никакой хаос случайности выбора не может заставить забыть о конечности жизни и творений рук человеческих.

Весной я вернулся домой, чтобы умереть. Не знаю, хотел ли я покончить с собой. Или, потеряв желание жить, возможно, верил, что смогу лечь в знакомом месте и сдаться смерти без необходимости накладывать на себя руки. Я еще не мог сказать, как я умру, но знал, что смерть — моя цель.

Дом в округе Бакс переполняли болезненные воспоминания об Элен и Бенни, а когда я прошел на кухню, выглянул в окно и увидел вишни, сердце мне сжало, как клещами. Деревья цвели, зеленые листочки едва проглядывали сквозь бело-розовое облако лепестков.

Бенни и я больше всего любили вишни в цвету, и я чуть не застонал от горя. Привалился к стене, не в силах даже дышать, из глаз покатились слезы.

Какое-то время спустя вышел из дома, постоял под деревьями, глядя на усыпанные цветами ветви. Бенни умер девятью месяцами раньше, но деревья, которые он любил, цвели, как и прежде, а потому, уж не знаю, что подвело меня к этому выводу, их цветение означало, что какая-то часть Бенни продолжала жить. Я изо всех сил старался понять эту безумную идею... и внезапно все лепестки опали. Не несколько. Не сотня. В течение минуты все до единого лепестки попадали на землю. Я не верил своим глазам. Лепестки валили так же густо, как снег в буран. Раньше я ничего такого не видел. Лепестки цветков вишни не опадают тысячами, одновременно, в безветренный день.

Когда феноменальное явление закончилось, я собрал лепестки с плеч и волос. Пристально разглядел их. Они не скукожились, не завяли, ничем не заболели.

Я поднял голову.

На обоих деревьях не осталось ни одного цветка.

Сердце у меня гулко забилось.

Вокруг моих ног поднявшийся легкий западный ветерок начал шевелить опавшие лепестки.

— Нет,— вырвалось у меня, и в голосе слышался такой испуг, словно я не смел признаться даже себе, кому я говорил *нет.*

Я отвернулся от деревьев и побежал в дом. На ходу последние лепестки свалились с моих волос и одежды.

В библиотеке, доставая из бара бутылку «Джека Дэниелса», я понял, что все еще сжимаю лепестки в кулаке. Бросил их на ковер, вытер ладонь о брюки, словно прикасался к чему-то грязному.

Поднялся в спальню с бутылкой и пил до потери сознания, отказываясь признать причину, заставившую меня напиться. Говорил себе, что она не имеет ничего общего с вишнями, что я пью, стараясь забыть несчастья последних лет.

Атеизм действительно стал для меня навязчивой идеей, отбросить которую не было никакой возможности.

Я проспал одиннадцать часов и проснулся с больной головой. Выпил две таблетки аспирина, постоял под обжигающе горячей водой пятнадцать минут, потом минуту под холодной, энергично растерся, выпил еще две таблетки аспирина и спустился на кухню, чтобы сварить кофе.

Через окно над раковиной увидел вишневые деревья. Зеленые листочки едва проглядывали сквозь бело-розовое облако лепестков.

«Галлюцинация»,— с облегчением подумал я. Вчерашняя пурга из лепестков была галлюцинацией.

Выбежал во двор, внимательно осмотрел зеленую траву под деревьями. Обнаружил лишь несколько лепестков, сорванных ветром.

С облегчением, но где-то разочарованный вернулся на кухню. Сварил кофе. Налил чашку. И тут вспомнил про лепестки, которые бросил на пол в библиотеке.

Выпил две чашки кофе, прежде чем набрался мужества и заставил себя пойти в библиотеку. Лепестки лежали там, где я их и бросил,— пожелтевшие, скукожившиеся. Я их поднял, сжал руку в кулак.

«Нет,— сказал я себе,— ты не должен верить в Христа, в Бога-Отца или какого-то бестелесного Святого духа.

Религия — это болезнь.

Нет, нет, ты не должен верить в эти глупые ритуалы, в догмы и доктрины. Фактически ты не должен верить в Бога, чтобы признавать существование загробной жизни.

Иррационально, нелогично.

Нет, подожди, подумай об этом. Так ли невозможно, что жизнь после жизни совершенно естественна, что в этом нет ничего божественного, это явление природы? Гусеница проживает одну жизнь, потом трансформируется и живет снова уже как бабочка. Тогда, черт побери, почему не предположить, что наши тела — это гусеницы, а души улетают в другую реальность, после того как более не могут использовать тела? По сути та же трансформация, что и у гусеницы, только более высокого порядка».

Медленно, со страхом, но и с надеждой я прошел через дом, вышел из двери черного хода, направился к вишням. Встал под ними, разжал кулак, открыв лепестки, оставшиеся от вчерашней пурги.

— Бенни? — с благоговейным трепетом позвал я.

И лепестки снова начали падать. С обеих деревьев — бело-розовые, лениво кружась, на траву, на мои волосы, одежду.

Я застыл, как изваяние.

— Бенни? Бенни?

В минуту землю укутало белое покрывало, ни одного лепестка не осталось на ветвях.

Я рассмеялся. Нервным смехом, который мог перейти в маниакальный хохот. Я не контролировал себя.

Заговорил вслух, уже не знаю почему: «Я боюсь. О дерьмо, как я боюсь».

Лепестки начали подниматься с травы. Не несколько — все. Вернулись на ветки, с которых только что упали. Тот же снегопад, только в обратном направлении. Нежные лепестки гладили мне лицо.

Я вновь рассмеялся, смеялся и смеялся, но страх быстро сходил на нет, смех становился веселым, радостным.

Через минуту бело-розовое облако окутало вишни.

Я чувствовал, что Бенни не внутри одного из деревьев. Феномен, с которым я столкнулся, служил подтверждением языческих верований не больше, чем христианства. Но он *где-то* был. Он не ушел навсегда.

Он где-то был, и когда пришло бы мое время уйти туда, где сейчас находились он и Элен, от меня требовалось лишь верить, что их можно найти, и тогда я бы точно их нашел.

Скорлупа моей навязчивой идеи треснула с таким грохотом, что его, должно быть, услышали в Китае.

В голову вдруг пришла цитата из Герберта Уэллса. Я всегда восхищался его книгами, но самыми жизненными, пожалуй, были написанные им слова, которые я вспомнил, стоя под вишнями: «Прошлое — это начало начал, и все, что есть и было,— сумерки зари».

Он, разумеется, писал об истории и о долгом будущем, которое ожидает человечество, но эта мысль соотносилась со смертью и загадочным воскресением, которое следовало за ней. Человек мог прожить сотню лет, но его длинная жизнь являлась лишь сумерками зари.

— Бенни,— прошептал я.— О Бенни.

Но лепестки больше не падали, и в последующие годы я больше не получал никаких знаков свыше. Да я в них больше и не нуждался.

С того самого дня я знал, что смерть — это не конец, и я, умерев и воскреснув, соединюсь с Элен и Бенни.

А как же Бог? Он существует? Не знаю. Хотя я уже десять лет верю в загробную жизнь, в церковь так и не хожу. Но если после смерти попаду в какую-то другую реальность и найду, что он ждет меня, не удивлюсь и приду в его объятия радостный и счастливый, потому что там меня ждет встреча с Элен и Бенни.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ЧИТАТЕЛЮ

1

В восемь лет я писал рассказы на листках из блокнота, потом закреплял скрепками и в обложке из цветной бумаги пытался продать эти «книги» родственникам и соседям. Каждая такая «книга» уходила за пятицентовик, то есть за вполне приемлемую, конкурентоспособную цену, если бы в моей округе существовал рынок произведений учеников начальной школы. Другие дети, однако, отдавали предпочтение более традиционным для этого возраста занятиям: баскетболу, бейсболу, футболу, отрыванию крылышек у мух, поколачиванию младших, производству взрывчатых веществ из таких подручных продуктов, как стиральный порошок, спирт для растирки, «Спэм»*. Я продавал мои «книги» с таким энтузиазмом, что, должно быть, всех крепко достал, точно так же как достают прохожих нынешние кришнаиты.

Я не собирался вкладывать заработанные деньги в сверхприбыльное предприятие, не мечтал о богатстве. В конце концов мне удалось заработать чуть больше двух долларов, прежде чем

* Мясные консервы.

смекалистые родственники и соседи провели секретную и, разумеется, никем не санкционированную конференцию, на которой приняли решение более не покупать рукописных книг у восьмилетних. Тем самым они, конечно же, ограничили свободную торговлю, не говоря уже о том, что грубо нарушили мои права, закрепленные Первой поправкой*. Если министерство юстиции США заинтересуется этим фактом, я думаю, что многие из этих конспираторов по-прежнему живы и их вполне можно препроводить в тюрьму.

Хотя я не собирался ссужать эти пятицентовики под большие проценты или тратить на сладости, я интуитивно понимал, что должен что-то получать за мои рассказы, чтобы люди воспринимали их серьезно. (Если бы Генри Форд, запуская конвейер, раздавал автомобили бесплатно, люди заваливали бы их землей и использовали вместо цветочных горшков. И сегодня не было бы ни системы федеральных автострад, ни кафе быстрого обслуживания, где можно поесть, не вылезая из автомобиля, ни голливудских погонь, ни плюшевых собак, которых многие из нас возят под задним стеклом.) Тем не менее, когда местный картель читателей попытался заглушить мой восьмилетний голос, я продолжил писать рассказы и раздавал их уже бесплатно.

Позднее, став взрослым (точнее, достаточно взрослым), я начал писать рассказы, которые публиковались настоящими издателями в Нью-Йорке. Они не пользовались скрепками и выпускали их не в одном экземпляре. За каждый мне платили больше пятицентовика... хотя поначалу не намного больше. Честно скажу, в течение многих лет я сомневался, что писатель может сводить концы с концами, не имея второго источника доходов. Понимая, что вторая профессия писателя должна быть очень колоритной, чтобы потом хорошо смотреться в автобиографии, я подумывал о том, чтобы стать террористом или угонщиком самолетов. К счастью, высокое жалованье моей жены, а также присущие мне скромность и здравый смысл не позволили мне сделаться завсегдатаем федеральной тюрьмы или грудой дымящихся ошметков.

* Первая поправка к Конституции США, принятая 15 декабря 1791 г., гарантировала гражданские свободы, в том числе запрещала любые ограничения на свободу распространения печатных изданий.

Постепенно, по мере того как мои книги становились бестселлерами, пятицентовики множились, и однажды мне предложили контракт на четыре книги, который обещал принести не меньше денег, чем угон пассажирского лайнера. Разумеется, написать четыре книги — работа не из легких, но, по крайней мере, при этом не нужно таскать на себе бронежилет из кевлара, автомат, запасные патроны и гранаты или работать в тесном контакте с людьми, прозвище которых Бешеный Пес, а то и похлеще.

Когда известие о моей удаче стало достоянием общественности, некоторые люди, в том числе и писатели, говорили мне: «Вау, когда ты выполнишь контракт, тебе больше не придется писать снова!» Я намеревался закончить четыре книги до моего сорок второго дня рождения. И чем же я потом мог заняться? Посещать бары, где устраивались соревнования по бросанию карликов?

Скажем так, я писал большую часть своей жизни независимо от того, сколько мне за это платили, писал, даже когда не платили ничего, так что маловероятно, что я перестану писать теперь, когда наконец у меня появились читатели, которым нравятся результаты моей работы. Мой мотив не деньги, а любовь к самому процессу, писательству, созданию образов, которые живут и дышат, радость борьбы со словами, встраивание их в единую конструкцию, которая и называется произведением.

Писательство может быть очень утомительным, когда переписываешь страницу в двадцать шестой раз (некоторые приходится переписывать реже, другие — чаще, все зависит от конкретной степени безумия в этот момент). После жаркого сражения с синтаксисом и выбором слов, после десяти часов, проведенных за компьютером, иной раз возникает желание пойти работать грузчиком на склад супермаркета или посудомойщиком в какой-нибудь ресторан. Мне эти профессии знакомы не понаслышке, пусть на этих должностях я подолгу и не задерживался. В самые худшие моменты хотелось завербоваться рыбаком на провонявший тухлой рыбой аляскинский траулер или, прости господи, помогать пришельцам в их проктоло-

гических исследованиях, которыми они, похоже, докучают всем контактерам.

Но поймите, писательство приносит интеллектуальную и эмоциональную удовлетворенность, да и вообще очень веселое занятие. Если писатель, работая, не получает удовольствия, его рассказы, повести, романы радости не доставят. Никто не будет их покупать, и его карьера скоро закончится.

Для меня в этом секрет успешной плодотворной писательской карьеры: получай удовольствие, наслаждайся своей работой, смейся и плачь над своими историями, дрожи в предчувствии неведомого вместе со своими персонажами. Если тебе это под силу, скорее всего, у тебя появится много читателей, а если не появится, у тебя все равно будет счастливая жизнь. Я измеряю успех не количеством проданных экземпляров, а радостью, которую получаю от процесса и завершения работы над книгой.

Да, конечно, время от времени находятся люди, которые меряют мой успех заработанными деньгами и очень из-за этого кипятятся. Тот факт, что кто-то получает удовольствие от работы, выводит их из себя, вот они периодически и разряжаются длинными тирадами или статьями, что мир катится в пропасть благодаря написанному мною и тому, что у меня все в порядке (Я не говорю о профессиональных критиках. Критики — это другая история. Девяноста процентам нравится, как я пишу, а остальные десять, которым не нравится, не намекают, что пахнет от меня, как от трупа, да и вообще я серийный убийца, которого полиция никак не выведет на чистую воду.) Хотя о блестящих достижениях медиков обычно пишут на двадцать третьей странице, если вообще пишут, хотя ежедневным миллионам проявлений мужества и доброты просто не находится места в газете, кто-нибудь из таких крестоносцев регулярно заполняет достаточно много места на газетной полосе воплями о том, что я — литературный антихрист.

Разумеется, я не единственный объект для подобных нападок. Каждый добившийся успеха писатель в какой-то момент сталкивается с такими странными личностями. Дома мы по доброте своей называем их «злобствующие недоброжелатели» или «занудные поганцы» (в более просвещенных столетиях, чем наше, их полагали одержимыми демонами и поступали с ними соответственно).

Я убежден, что писать из любви к писательству — это еще и защита от неспровоцированных атак порождений сатаны. Эти бумагомараки не понимают, что даже если их желания исполнятся и ни один издатель не возьмется за публикацию моих произведений, я буду делать маленькие книжечки, скреплять, если потребуется, листочки скрепками, мастерить из цветной бумаги обложку и раздавать их прохожим. Никуда вам от меня не деться. Страшитесь меня. Очень страшитесь.

2

Многие литературные агенты советуют молодым писателям не писать рассказы.

Тратить время на рассказы считается глупым, контрпродуктивным, самоуничижительным, верным признаком отсутствия профессионализма.

Этот предрассудок основывается на том факте, что рынок для рассказов очень сузился. Большинство журналов их не публикует, а число выходящих за год антологий, в которых собраны только новые произведения, можно сосчитать по пальцам. Живи сейчас Эдгар По, его литературный агент постоянно лупил бы его по голове рукописями великолепных рассказов и повестей и кричал: «Романы, романы — вот что сейчас нужно, идиот! Слышишь меня? Что с тобой такое, ширяешься героином или как? Пиши для рынка! С форматом «Падения дома Ашеров» там делать нечего!»

Более того, те, кто печатает рассказы, платят не густо. В среднем короткий рассказ приносит писателю несколько сот долларов. Если писателю удается опубликовать рассказ в «Плейбое», он может получить за него несколько тысяч баксов да еще будет счастливо заблуждаться, что хотя бы один из миллионов любителей голого женского тела его прочитает. Тем не менее на написание рассказа может уйти две или три недели, а то и два месяца, поэтому, даже при редких продажах «Плейбою», любому писателю, который пишет исключительно короткие рассказы, придется есть много риса и бобов да еще время от времени переходить на более дешевую еду, скажем, на сено. А литературный агент По, безжалостно отколотив беднягу свер-

нутой в трубку рукописью короткого рассказа «Сердце-обличитель», без сомнения, еще и наорал бы на него: «Романы! Романы, романы, идиот! Пиши романы, вот за что платят деньги, Эдди! Слушай, возьми свою «Маску Красной смерти», укороти название, скажем, до «Красной смерти», увеличь объем до трехсот тысяч слов, и тогда нам будет о чем говорить! Может, даже продадим права на экранизацию! И почему бы сразу не написать роль для Джима Кэрри? Почему бы этой Красной маске не стать менее серьезным, Эдди? Сделай его чуть дурашливым, а?»

Несмотря на риск, что и агенты могут поколотить и собратья по перу, достаточно умные, чтобы не тратить время на рассказы, примут за дурака и мечтателя, некоторым из нас все-таки удается время от времени написать рассказ. Потому что идеи, которые приходят к нам, не всегда могут реализоваться в сто пятьдесят тысяч слов, но ведь они никуда не деваются, донимают, требуют, чтобы мы перенесли их из головы на бумагу. Вот мы и достаем наши листки и скрепки...

В этой книге собраны двенадцать рассказов и повестей и один короткий роман. Многие из вас, возможно, предпочли бы один большой роман, и вскоре вы его получите, уверяю вас, но пока, надеюсь, с удовольствием прочитаете этот сборник. Надо сказать, многие из вас просили меня о таком. Так или иначе, рассказы мне нравится писать ничуть не меньше романов, а потому я надеюсь, что и читать рассказы вам понравится. Благодаря вам я сделал карьеру, так что, покупая мою новую книгу, вы имеете право рассчитывать на качественный товар. Кроме того, я не хочу, чтобы у кого-то из вас возникло желание отдубасить меня по голове этим томом; он будет весить пару фунтов, а если меня часто будут бить по голове, я будут писать еще более страшные книги, чем сейчас.

3

Как я уже и говорил, в этом сборнике лишь одно произведение можно назвать коротким романом, поскольку для того, чтобы попасть в категорию романа, в произведении должно быть не меньше пятидесяти тысяч слов. «Неведомые дороги» — роман, давший название всему сборнику,— публикуется впервые*. «Неведомые дороги» — одна из моих немногих книг о сверхъестественном. Если говорить о романах, то этот список ограничивается «Сошествием тьмы», «Домом забав», «Маской», «Логовом» и «Слугами сумерек». Хотя мне как читателю нравятся такие истории, я предпочитаю не писать о вампирах, вервольфах, домах с призраками или домашних животных, которые умирают, а потом возвращаются из потустороннего мира с маниакальным стремлением отомстить за то, что долгие годы их заставляли есть из миски на полу, вместо того чтобы сажать за стол, как остальных членов семьи. Идея «Неведомых дорог» никак не давала мне покоя, и я должен признать, что писать истории о сверхъестественном невероятно интересно.

Я не буду рассказывать о каждом из рассказов, включенных в сборник.

Если вам не скучен литературный анализ, вы всегда можете прослушать соответствующий учебный курс в колледже. Но о некоторых нужно сказать несколько слов.

«Котята» — первый проданный мною рассказ. Я написал его, когда учился в колледже, победил с ним на ежегодном конкурсе студентов, который спонсировал «Атлантик мантли», а потом заработал пятьдесят долларов, когда рассказ купил журнал «Читатели и писатели». Насколько мне помнится, вскорости этот журнал разорился. Ниже я привожу список издательств, которые в последующие годы тоже разорились, после того как купили мои рукописи: «Атенеум», «Диал пресс», «Боббс-Мерилл», «Джи. Пи. Липпинкотт», «Лансер», «Пейпебэк лайбрери». Я всегда сообщаю моему новому издателю сей малоприятный факт, но они, вот храбрецы, все равно покупают мои новые рукописи.

«Бруно» — научно-фантастическая пародия на детективную историю, героем которой является частный детектив. Я переработал для этого сборника исходный текст и, признаюсь, получил от этого немалое удовольствие. Как вы знаете, практически во всех моих романах, начиная с «Ангелов-хранителей», присутствуют элементы юмора. Поскольку в большинстве расска-

* В переводе на русский язык роман публикуется впервые.

зов юмора вы не найдете, мне хотелось, чтобы сборник включал хотя бы одну смешную историю. «Бруно» эту задачу решает.

«Сумерки зари» — самый любимый из написанных мною рассказов. Он, кстати, вызвал наибольший поток читательских писем, хотя появился в заштатной антологии. Я думаю, он нравится читателям, потому что это рассказ о вере и надежде, без малейшей примеси сентиментальности. Рассказчик — крайне хладнокровный человек, а потому, когда через личные страдания и трагедию он с неохотой приходит к выводу, что жизнь все-таки имеет какой-то глубинный смысл, это действует. По крайней мере, действовало на меня, когда я писал этот рассказ.

И наконец, о повести «В западне», которая впервые появилась в антологии «Сталкеры» с предисловием, которое пришлось по душе многим читателям. Так вот что я хочу рассказать об этой повести.

Один ведущий национальный журнал, пусть он останется безымянным, обратился к моему агенту со следующим вопросом: не смогу ли я написать повесть из двух частей о генной инженерии, пугающую, но не кровавую, с некоторыми элементами «Ангелов-хранителей (роман посвящен той же проблеме). Они предложили прекрасный гонорар. Опять же публикация с продолжением в двух номерах привлекла бы к моему творчеству внимание миллионов читателей. Идея повести созрела у меня давно. Собственно, появилась еще до того, как я сел за «Ангелов-хранителей». А уж после написания и публикации романа я решил, что повесть на ту же тему я уже и не напишу. Никому она не потребуется именно из-за сходства с романом.

И тут такая удача. Судьба благословляла написание повести. Самое милое занятие между двумя большими романами. И трудов совсем ничего.

Каждый писатель в сердце оптимист. Даже если пишет о цинизме и отчаянии, даже если устал от жизни и сердце у него изо льда, писатель всегда уверен, что на конце радуги он найдет дату публикации его следующего романа. «Жизнь — дерьмо»,— скажет он, и вроде бы не ради красного словца, а искренне, но в следующий момент уже будет мечтать о том, что критики вознесут его в пантеон американских писателей и в верхнюю половину списка бестселлеров «Нью-Йорк таймс».

Вышеуказанный журнал выставил к повести несколько требований. Объем 22 000 или 23 000 слов. Четкое разделение на две части, первая чуть больше. Возражений у меня не было. Я принялся за работу и в указанный срок без особого напряжения справился с заданием.

Редакторам повесть понравилась. Им просто не терпелось ее опубликовать. От удовольствия они буквально щипали меня за щеки, как моя бабушка, когда я приносил из школы хорошие оценки, не слушал сатанинский рок-н-ролл и не смотрел фильм о человеческих жертвоприношениях, как другие восьмилетние.

Прошло несколько недель, и они вернулись уже с другими словами: «Послушай, нам так все нравится, что мы не хотим смазывать эффект, деля повесть на две части. Она должна появиться в одном номере. Но у нас нет для нее столько места, поэтому надо бы повесть сократить». Сократить? На сколько? «Вдвое».

Поскольку мне заказывали повесть из двух частей определенного объема, я мог разозлиться и отказаться даже обсуждать новое предложение. Вместо этого я полчаса бился головой о свой письменный стол. Может, даже сорок минут. Максимум — сорок пять, не дольше. Потом с легким головокружением и дубовыми занозами во лбу позвонил агенту и предложил альтернативу. За неделю, приложив максимум усилий, я смогу уменьшить объем до 18 000 или 19 000 слов, но это все, на что я способен, если они хотят, чтобы повесть «В западне» не потеряла в качестве.

Редакторы обсудили мое предложение и решили, что места им хватит, если они наберут текст меньшим кеглем, чем остальные материалы. Я вновь уселся за компьютер. Через неделю закончил работу, но во лбу появились новые занозы, а поверхность стола выглядела отвратительно.

Получив новую версию, редакторы решили, что восемнадцать с хвостиком тысяч слов — слишком много, что применение меньшего кегля проблематично, так что надо убирать еще четыре или пять тысяч слов. «Не волнуйся,— заверили они меня.— Мы все сделаем сами».

Пятнадцать минут спустя мой стол рухнул, не выдержав новых ударов, а лоб мне теперь приходится раз в неделю поли-

ровать, потому что дерева в коже так много, что по федеральным законам верхняя часть моего лица классифицируется как мебель.

Судя по всему, ведущие журналы частенько курочат прозу, и авторов это не слишком волнует. Но меня волновало, я не мог допустить, чтобы мой текст резал кто-то еще. Поэтому попросил их вернуть рукопись, сказал, что свои деньги они могут оставить себе, и положил повесть «В западне» на полку, говоря себе, что я не зря потратил время, наоборот, получил ценный урок: никогда не пиши для центральных журналов, если не можешь удержать в заложниках любимого ребенка главного редактора до выхода номера с твоим материалом.

А вскоре мне позвонил прекрасный писатель, работающий в жанре саспенс, Эд Горман, чтобы сказать, что он собирает антологию под названием «Сталкеры» и ему нужны рассказы и повести о людях, которые охотятся и за которыми охотятся. На ум тут же пришла повесть «В западне».

Вот такие дела.

Может, и правда есть смысл быть вечным оптимистом.

СОДЕРЖАНИЕ

ДО РАЯ ПОДАТЬ РУКОЙ. *Роман* 5

НЕВЕДОМЫЕ ДОРОГИ. 611

Неведомые дороги. *Роман* 613

Черная тыква 770

Мисс Аттила 789

Вниз, в темноту 817

Руки Олли 842

Грабитель 859

В западне 874

Бруно 923

Мы трое 950

Крепкий орешек 958

Котята 984

Ночь бури 990

Сумерки зари 1015

Несколько слов читателю 1045

Литературно-художественное издание

Дин Кунц

ДО РАЯ ПОДАТЬ РУКОЙ

Ответственный редактор *А. Етоев*
Редактор *В. Татаринов*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *А. Скурихина*
Корректор *Л. Ершова*

В оформлении обложки использована иллюстрация художника *Л. Ройо*

Оригинал-макет подготовлен издательством «Домино»
197198, Санкт-Петербург,
ул. Блохина, 20/7. Тел./факс (812) 325-13-28

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
www.eksmo.ru E-mail: info@ eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах обращаться в рекламный отдел издательства «Эксмо». Тел. 411-68-74.

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (095) 780-58-34

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве:
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.
Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

ООО Дистрибьюторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: **sale@eksmo.com.ua**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:
РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед». Крупнейшие магазины сети
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:
РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 02.06.2004.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 55,44.
Тираж 7000 экз. Заказ 6438

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ДИН

КУНЦ

Dean R. Koontz

ISBN 5-699-06535-0

ШЕДЕВРЫ МИСТИКИ ШЕДЕВРЫ МИСТИ